49
1-499

Іеромонахъ Іосифъ.

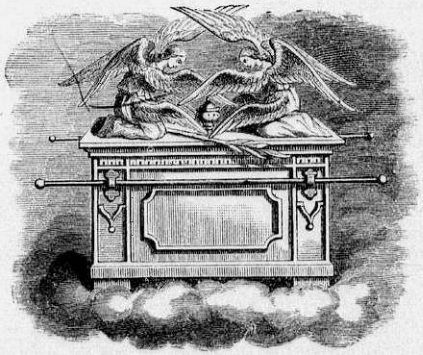
ИСТОРІЯ
ІУДЕЙСКАГО НАРОДА
ПО
АРХЕОЛОГІИ ІОСИФА ФЛАВІЯ.

(ОПЫТЪ КРИТИЧЕСКАГО РАЗБОРА И ОБРАБОТКИ).

Заменено
9/VIII 31г.

„Ни одинъ народъ не погибалъ такимъ великимъ и достойнымъ образомъ, какъ народъ Іудейскій“. (Де-Солси).

„Исторія Еврейскаго народа — одна изъ прекраснѣйшихъ, и я не жалѣю, что посвятилъ ей всю свою жизнь.“ (Э. Ренанъ).

801-14
989
Л III-7700

Свято-Троицкая Сергіева Лавра.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

Печатать разрѣшается. Января 4 дня, 1903 года. Цензоръ, Ректоръ Московской Духовной Академіи,

Епископъ *Арсеній*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . 1—4

ВВЕДЕНІЕ.

I. §§ 1—2. Личность Іосифа Флавія и общій обзоръ его литературной дѣятельности . . . . . 5—13

II. §§ 3—4. Характеристика личности Іосифа, въ связи съ общей характеристикой его Археологіи . . . . . 13—39

III. § 5. *Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία* Іосифа со стороны ея источниковъ . . . . . 39—64

I. АРХЕОЛОГІЯ и БИБЛІЯ (I—XI кн.).

ГЛАВА I.

Археологія и Пятокнижіе.

§ 6. Вступленіе . . . . . 67—71

§ 7. Первые люди. . . . . 71—79

§ 8. Хронологическая система Іосифа . . . . . 79—86

§ 9. Троица Патріарховъ (Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ) . . . . 87—98

§ 10. „Ходатай“ Завѣта Ветхаго (Моисей) . . . . . 98—136

ГЛАВА II.

Археологія и Историческія книги.

§ 11. Іисусъ Навинъ и Судьи . . . . . 136—143

§ 12. „Цари“ народа „Божія“. . . . . 144—167

ГЛАВА III.

Археологія—объ эпохѣ плѣненія.

§ 13. Навуходоносоръ и его преемники.—Даніилъ. . . . . 168—173
§ 14. Киръ. Возрожденіе Іудейства. Ездра и Неемія . . . . 173—192
§ 15. Есѳирь . . . . . 192—194

II. АРХЕОЛОГІЯ—продолженіе БИБЛІИ (XI—XVII кн.).

ГЛАВА IV.

Археологія—о Библейскомъ пробѣлѣ отъ Нѳѳміи до Маккавѳѳвъ.

§ 16. Отъ Нееміи до Александра Великаго. . . . . 197—201
§ 17. Александръ Македонскій въ Іудеѣ . . . . . 201—207
§ 18. Переводъ LXX. . . . . 208—215

ГЛАВА V.

Археологія—объ эпохѣ Маккавѳѳвъ.

§ 19. Состояніе Іудеи въ предъ — Маккавейское время (по 175 г. до Хр.). . . . . 216—228
§ 20. Бѣдствія вѣры и свободы Іудеевъ (175 — 165 г. до Хр.). . . . . 228—241
§ 21. Борьба за вѣру и свободу.—Маттаѳія . . . . . 241—244
§ 22. Іуда Маккавей (165—161 г. до Хр.) . . . . . 244—251
§ 23. Іонаѳанъ (161—143 г. до Хр.) . . . . . 251—258
§ 24. Симонъ (143—135 г. до Хр.). . . . . 258—263

ГЛАВА VI.

Отъ Библіи до Евангелія.

§ 25. Источники Іудейской исторіи съ конца Библіи . . . . 264—277
§ 26. Іоаннъ Уркань I (135—104 г. до Хр.) . . . . . 277—293
§ 27. Аристовулъ I (104—103 г. до Хр.). . . . . 293—295
§ 28. Александръ—Іанней (103—76 г. до Хр.). . . . . 295—299
§ 29. Александра (76—67 г. до Хр.) . . . . . 299—301
§ 30. Аристовулъ II (67—63 г. до Хр.) . . . . . 301—308
§ 31. Уркань II (63—40 г. до Хр.)=*Антипатръ, Фасаилъ и Иродъ*. . . . . 308—317

§ 32. Антигонъ (40—37 г. до Хр.). . . . . 317—323
§ 33. Иродъ Старшій (37—4 г. до Хр.) . . . . . 323—355

III. АРХЕОЛОГІЯ и НОВЫЙ ЗАВѢТЪ (XVII—XX кн.).

ГЛАВА VII.

Археологія и Евангеліе.

§ 34. Іосифъ и Евангелисты—о состояніи Іудеи при явленіи І. Христа (4 г. до Хр. э.). . . . . 359—364
§§ 35—36. Судьба тетрархій Филиппа (4 до—34 г. по Хр.) и Антипы (4 до—39 г. по Хр.) . . . . . 364—373
§ 37. Судьба Іудеи послѣ Ирода.—Архелай (4 до—6 по Хр. . 373—374
§ 38. Іудея—Римская провинція (6—41 г. и 44—66 г.). . . 374—378

I. ПЕРВАЯ СЕДМЕРИЦА ПРОКУРАТОРОВЪ.

§ 39. Прокураторы, современные Христу. *Свидѣтельства Іосифа о переписи, о Христѣ, о Крестителѣ и о св. Ап. Іаковѣ.* 378—407

ГЛАВА VIII.

Археологія—продолженіе Евангелія.

§ 40. Послѣ Пилата . . . . . 408—412
§ 41. Иродъ Агриппа I, царь Іудеи, Самаріи и Галилеи (41—44 г.). . . . . 412—418

II. ВТОРАЯ СЕДМЕРИЦА ПРОКУРАТОРОВЪ.

§ 42. До войны . . . . . 419—434

ГЛАВА IX.

Конецъ исторіи народа Божія.

§ 43. Начало конца . . . . . 435—442

§ 44. ВЕЛИКАЯ ІУДЕЙСКАЯ ВОЙНА.

I. Усиленіе и организація возстанія . . . . . 442—450
II. Война въ Галилеѣ. . . . . 451—459
III. Іерусалимская революція. . . . . 459—465

§ 45. Осада и паденіе Іерусалима . . . . . 466-*до конца.*

Полный и обстоятельный указатель литературы, касающейся Іосифа Флавія, къ нашему счастію, уже имѣется, см. *Schürer*, Geschichte des Judischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Leipzig. 1901 г. (въ 3 томахъ) I, 94—106 стр. Тамъ же (4—31 и далѣе) названія трудовъ, авторы коихъ цитуются и служили пособіями для настоящаго труда.

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

БИБЛІОТЕКА
УЧИЛ. МОСК. ДУХ.
СЕМИНАРІИ.

Предисловіе.

Какими мотивами вызывался къ жизни настоящій трудъ, что онъ ставитъ своей особенной задачей, какое выполненіе ея находитъ наиболѣе цѣлесообразнымъ? — вотъ вопросы, разъясненіемъ которыхъ прежде всего—мы должны обезпечить этому труду право на существованіе и, поставивъ сразу же въ опредѣленныя отношенія къ нему читателя, облегчить послѣднему ознакомленіе, надлежащее пониманіе, а—если бы потребовалось—и возможность такого или иного примѣненія къ дѣлу.

Въ ряду источниковъ Библейской науки, Археологія Іосифа Флавія занимаетъ, по справедливости, самое почтенное мѣсто, послѣ Библіи. Это—не просто источникъ, но—источникъ важнѣйшій, безъ котораго названная наука столь же, или *почти* столь же безсильна и немыслима, какъ безъ Библіи. При той крайней скудости Іудейско-историческаго матеріала вообще, какимъ разжалобилось для насъ всесокрушающее время, имѣть только Библію и не имѣть Іосифа—для Іудейскаго историка едва не одинаково худо, какъ имѣть только Іосифа и не имѣть Библіи.

Но это значеніе Археологическаго матеріала Іосифа для исторіи, помимо того, что оно много обусловливается лишь утратою другихъ даннаго рода матеріаловъ, куплено крайне дорогою цѣною. Понадобились до унизительности рабскія преклоненія предъ авторитетомъ Іосифа далеко недюжинныхъ талантовъ (вродѣ нѣкоторыхъ Отцовъ и учителей Церкви), прежде чѣмъ ему воздана болѣе должная заслуга. Нужны были, съ другой стороны, до ослѣпленія ярые отрицатели всякихъ заслугъ Іосифа, прежде чѣмъ установилось равновѣсіе до крайности противорѣчивыхъ сужденій о его значеніи. Настоящее время если и можно назвать весьма богатымъ многовѣковыми опытами въ данныхъ отношеніяхъ и, потому, болѣе гарантированнымъ отъ пристрастныхъ въ ту и другую сторону сужденій объ Іосифѣ,—за то не всегда это время настолько внимательно и осторожно въ примѣненіи Іосифа,

чтобы не повторять безсознательно ошибокъ увлеченія тамъ, гдѣ вниманіе и осторожность привели уже и еще приводятъ къ обнаруженію массы матеріала малоднаго, а то и совсѣмъ негоднаго, и, однако, съ чрезмѣрными претензіями на годность (что въ особенности должно поощрять осторожность историка). Западная литература—какъ обычно—неизмѣримо богаче нашей отечественной критическими изслѣдованіями и работами въ области матеріала Іосифа; тамъ громадное поле этого матеріала, въ которомъ Іосифъ претендуетъ на полное господство, изрыто, такъ сказать, плугомъ критицизма вдоль и поперегъ, и нѣтъ мѣры, поистинѣ, обилію и цѣнности принесенныхъ этимъ „подвигомъ науки" плодовъ... И вотъ—первое и вполнѣ достаточное *оправданіе* настоящаго изслѣдованія объ Іосифѣ, идущаго на встрѣчу насущной нуждѣ отечественной литературы въ столь важной области.

Всѣми давно сознается необходимость осторожнаго и критически оправданнаго отношенія къ Іосифу, но это сознаніе почти не шло дальше отдѣльныхъ, часто попутныхъ въ какомъ либо трудѣ, иногда голословныхъ замѣчаній по адресу Іосифа. Представить полное его обслѣдованіе, въ цѣломъ объемѣ его обширнаго матеріала, опредѣлить пригодность этого матеріала, забраковать негодное, установить важное—вотъ основная *задача* задуманнаго изслѣдованія, которое избавляло бы пользующагося Іосифомъ отъ необходимости всякій разъ справляться съ его компетентностію, всякій разъ ставить вопросъ о его добросовѣстности и достовѣрности тамъ, гдѣ иногда достаточно одного простого указанія на спеціальное изслѣдованіе. Задача—само собою понятно—важная и отвѣтственная, и мечтать объ успѣшномъ и сразу законченномъ осуществленіи ея—было бы большимъ самообольщеніемъ уже въ виду того, что многіе вопросы Іосифа допускаютъ для своего обстоятельнѣйшаго рѣшенія появленіе цѣлыхъ особыхъ трудовъ, неменьшихъ настоящаго. Но на *посильное* удовлетвореніе ей—надежда есть, точно такъ же, какъ есть надежда на то, что предполагаемый трудъ не останется одинокимъ въ своей области и вызоветъ когда-либо болѣе энергичныя силы къ разработкѣ поставленнаго вопроса.

Мы сказали, что задачей настоящаго изслѣдованія поставлялось критическое и, по возможности, полное обслѣдованіе Іудейско-историческаго матеріала Археологіи Іосифа, съ цѣлью сдѣлать этотъ матеріалъ пригоднымъ для примѣненія въ Библейско-исторической наукѣ. Осуществленіе этой задачи повлекло насъ неизбѣжно къ маленькому компромиссу, изъ котораго мы не пытались выйти, но который долгомъ считаемъ указать. Дѣло въ томъ, что при данной формулировкѣ наша тема получаетъ центръ всей тяжести во второй половинѣ капитальнѣйшаго труда Іосифа, и, сообразно съ этимъ, должна была отвлекать на нее же и все наше вниманіе. Какъ извѣстно всякому сколько-нибудь имѣвшему дѣло съ Іосифомъ, значеніе его, какъ

источника, въ первой половинѣ его труда, сводится почти къ нулю, и только тамъ, гдѣ кончается Библія, начинается его авторитетъ, возрастая до максимума къ концу Іудейской Исторіи, гдѣ онъ является почти единственнымъ вѣстникомъ несчастныхъ судебъ этой Исторіи. Намъ казалось, однако, и—полагаемъ, вполнѣ справедливо—не столь удобнымъ—начинать свой трудъ прямо тамъ, гдѣ его значеніе несомнѣнно и безспорно. Съ одной стороны—трудно и установить такой пунктъ, съ котораго Іосифъ начинаетъ заслуживать особеннаго вниманія со стороны историка; съ другой—вѣдь для того, чтобы (или прежде чѣмъ) разсуждать о томъ, что заслуживаетъ вниманія въ Іосифѣ, весьма важно показать и то, почему не все заслуживаетъ этого вниманія въ первой половинѣ его труда, и насколько, въ какомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи оно заслуживаетъ. Помимо глубокаго текстокритическаго интереса къ Іосифу, возбуждаемаго сопоставленіемъ его съ свящ. источникомъ—Библіею, помимо цѣльности и полноты изслѣдованія, экскурсія—и самая обстоятельная—въ первую половину Іосифовой Археологіи безусловно важна и необходима для сужденія о немъ, какъ историкѣ, о его характерѣ и отношеніи къ источникамъ вообще, и т. п. Безъ достаточнаго ознакомленія съ первою частью Археологіи, изслѣдователь его второй части лишается самой надежной почвы и менѣе можетъ ручаться за правильность своей точки зрѣнія по отношенію къ Іосифу. Вотъ почему, первая часть нашего труда, имѣющая, повидимому, мало прямого отношенія къ его сущности, имѣетъ не менѣе важное для нея значеніе, какъ и вторая.

Возможны три пути къ осуществленію нашей задачи: указаніе однихъ *недостатковъ* работы Іосифа, по констатированіи которыхъ можно бы весь остальной матеріалъ рекомендовать всякому изслѣдователю (путь отрицательный); указаніе однихъ *достоинствъ*, игнорируя недостатки, и предлагая лишь прямо compendium надежнаго матеріала (положительный); наконецъ—*слѣдованіе по пятамъ за Іосифомъ и провѣрка каждой его оригинальности, въ связи съ прагматическою разработкою его матеріала*. Въ первомъ случаѣ, работа оставляетъ въ сыромъ видѣ матеріалъ Іосифа и мало приноситъ положительной пользы изслѣдователю; во второмъ—получаетъ слишкомъ мало авторитетности, при неизвѣстности той подпольно-критической процедуры, которая выработываетъ эту авторитетность; третій путь—наиболѣе естественный, плодотворный, убѣдительный, но и за то... наиболѣе сложный, трудный. При томъ громадномъ почти исключительномъ значеніи, какое представляетъ Іосифъ въ особенности для послѣплѣннаго періода, обзоръ его, какъ источника, и опытъ прагматической его обработки, очевидно, равнозначителенъ написанію надлежащаго послѣплѣннаго отдѣла Библейской Исторіи, гдѣ отъ писателя дѣйствительно справедливо требовать выступленія „во всеоружіи ученой критики". Не находя, однако, совсѣмъ безполезнымъ дѣломъ выступленіе и бо-

лѣе слабыхъ силъ на столь благодарномъ поприщѣ, находя такое выступленіе нѣкимъ conditio sine qua non выступленія послѣдующихъ болѣе совершенныхъ научныхъ работъ этого рода, мы пріемлемъ смѣлость идти по третьему изъ указанныхъ нами путей, и, сообразно съ этимъ, располагаемъ свою работу такимъ образомъ:

Сначала мы даемъ общія свѣдѣнія объ Іосифѣ и его литературной дѣятельности (введеніе); затѣмъ—мы спеціально разслѣдуемъ его Археологію, прагматически ведя ея изложеніе сначала въ сопоставленіи съ Библіею (часть I), потомъ въ качествѣ *продолженія* Библіи, отъ прекращенія строгопослѣдовательнаго связнаго разсказа ея до возобновленія его Ново-Завѣтными Писаніями (часть II),—наконецъ, въ эпоху современную этимъ Писаніямъ, кончая послѣдними событіями, подготовившими, сопровождавшими и заключившими политическую гибель народа Израильскаго (часть III).

Подробнѣе—содержаніе I части опредѣляется главами: Археологія и Пятокнижіе (I), Археологія и Историческія книги (II), Археологія объ эпохѣ плѣненія (III).

II часть: Археологія о Библейскомъ пробѣлѣ отъ Нееміи до Александра В. (IV), Археологія объ эпохѣ Маккавеевъ (V гл.), отъ Библіи до Евангелія (VI).

III часть: Археологія и Евангеліе (VII), Археологія о послѣ-Евангельскихъ событіяхъ (VIII) и—Конецъ Исторіи Народа Божія (IX).

ВВЕДЕНІЕ.

I. Личность Іосифа Флавія и общій обзоръ его литературной дѣятельности.

§ 1.

Едва ли, кажется, можно указать гдѣ еще другого писателя, и положительное и отрицательное значеніе котораго въ извѣстной научной отрасли въ одно и тоже время были бы столь соприсущи и въ такой степени одинаково громадны, какъ это находимъ въ авторѣ „*Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία*“. Съ одной стороны—нѣтъ и не можетъ быть такого цѣльнаго представленія исторіи Іудейскаго народа, которое бы обходилось вполнѣ безъ услугъ Іосифа Флавія; но съ другой стороны—нельзя встрѣтить ученаго библіолога, который бы, имѣя дѣло съ Іосифомъ, совершенно игнорировалъ и не ставилъ ему на видъ его странное и непростительно небрежное отношеніе къ столь достойному предмету, каковъ тотъ, по которому онъ, священникъ Іудейскій, предпринялъ написать свой объемистый и богатѣйшій по замыслу трудъ. Къ сожалѣнію, для того, чтобы судить объ Іосифѣ въ этомъ отношеніи вполнѣ увѣренно и безпристрастно, мы не имѣемъ достаточно объективныхъ всестороннихъ свѣдѣній о его личности и характерѣ, при немалой загадочности той и другого. Все, что̀ мы знаемъ о немъ,—почти только то, что̀ онъ самъ разсказываетъ о себѣ въ своей автобіографіи и въ исторіи войны Іудейской. Какъ ни односторонни и ни подозрительны эти свѣдѣнія, мы не можемъ не воспользоваться ими хотя въ общихъ чертахъ, такъ какъ безъ нихъ немыслимо надлежащее изученіе, пониманіе и правильная оцѣнка его капитальныхъ произведеній, въ цѣляхъ нашего труда.

Іосифъ родился въ первый годъ царствованія Римскаго Императора Калигулы [1]) ($^{37}/_{38}$ по Р. Х.) въ Іерусалимѣ [2]). Происхожденія онъ былъ

[1]) Первый годъ Калигулы шелъ отъ 16-го Марта 37 г. — Такъ какъ Іосифъ въ заключеніи Археологіи связываетъ свой 56-й годъ жизни съ 13 годомъ Домиціана, который шелъ отъ 13-го Сентября 93 года, то онъ не могъ родиться до 13-го Сентября 37 г. Его рожденіе, такимъ образомъ, падаетъ на періодъ между 13 Сент. и 16 Марта $^{37}/_{38}$ г. См. Wieseler. Chronologie des apostolischen Zeitalters, 98 стр.

[2]) *Φλ. Ἰώσ. βίος.* Изд. Weidmannus. 1691 г. стр. 998 и д. Пособіями для біографіи Іосифа и свѣдѣній о его трудахъ служили: *Em. Schürer.* Geschichte d. Jud. Volkes... I,

поистинѣ „не безznатнаго“. Его отецъ, Матѳій, принадлежалъ къ первой священнической чредѣ изъ 24-хъ, при чемъ родъ его былъ „знатнѣйшимъ“ изъ всѣхъ, носившихъ имя этой чреды, колѣнъ. По матери былъ онъ кромѣ того и царской крови, такъ какъ одинъ изъ его предковъ (Матѳій) имѣлъ женою дочь первосвященника Іонаѳана, котораго отецъ, — Маттаѳія,—былъ родоначальникомъ владѣтельнаго дома „Асмонеевъ“, долгое время соединявшаго (со временъ Симона, брата Іонаѳанова) и царское и первосвященническое достоинство (до Ирода). Въ юности Іосифъ получилъ блестящее раввинское воспитаніе, успѣхамъ котораго весьма много должна была способствовать несомнѣнная даровитость юноши, хотя не безъ основанія называютъ „безстыднымъ хвастовствомъ“ его замѣчаніе, что „еще въ отроческомъ возрастѣ, почти на 14-мъ году, своимъ прилежаніемъ къ наукамъ и успѣхами въ нихъ пріобрѣлъ онъ себѣ похвалу отъ всѣхъ въ такой степени, что сами архіереи и первѣйшіе граждане обращались къ нему, когда что нибудь о законѣ хотѣли узнать точнѣе“ *(περὶ τῶν νομίμων ἀκριβέστερόν τι γνῶναι)*. Не ограничиваясь этимъ, любознательный 16-лѣтній юноша проходитъ школу фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ, составлявшихъ тогда вліятельнѣйшія партіи палестинскаго іудейства, и 3 года проводитъ въ уединеніи у нѣкоего пустынника „Вануса“, довершивъ подъ его руководствомъ дѣло своего развитія нравственнымъ усовершенствованіемъ своей личности, въ строгой уединенной жизни аскета. На 19-мъ году жизни мы видимъ его опять въ партіи фарисеевъ, къ которой окончательно примкнулъ онъ, по влеченію своей живой честолюбивой, жаждавшей дѣятельности, натуры и въ виду громаднаго вліянія въ народѣ именно этой партіи. Къ этому же времени, вѣроятнѣе всего, можетъ быть отнесено и весьма широкое ознакомленіе его съ современною греческою образованностію, благодаря которой, онъ особенно долженъ былъ придти къ мысли внести свою долю труда въ ту область, гдѣ онъ обѣщалъ быть столь компетентнымъ и плодотворнымъ. Около 63-го года, то-есть—почти одновременно съ Апост. Павломъ, на 26-мъ году жизни [1]), Іосифъ путешествовалъ въ Римъ съ ходатайствомъ за освобожденіе нѣкоторыхъ близкихъ ему священниковъ, арестованныхъ Феликсомъ, и заручившись, — при посредствѣ нѣкоего іудеянина-актера,—сильной протекціей въ лицѣ императрицы Поппеи, достигаетъ предъ императоромъ своей цѣли и возвращается опять въ отечество. Вскорѣ послѣ этого, загорѣлось возстаніе въ Іудеѣ, давно уже глухо бродившее въ Палестинѣ и имѣвшее своею цѣлію—сверженіе ненавистнаго ига Рима (66 г. по Р. Х.). Захваченный этимъ политическимъ движеніемъ, Іосифъ по своей дѣятельной натурѣ не былъ въ силахъ оставаться безучастнымъ зрителемъ

57—72 стр. и д *Ersch und Gruber*. Allg. Encyclopädie. Jos. Fl.; *Gerzog*. Real-Encycl. Jos. Fl.; *R. Cellier*. Histoire gener. Aut. Sacr. Fl. Jos., и др.

[1]) Schürer, I, 57.

завязывавшейся въ его отечествѣ трагедіи, хотя укоренившіяся симпатіи къ Риму и чувство признательности за недавнюю милость нѣкоторое время сдерживали порывы возбужденнаго патріотическаго чувства. Вскорѣ, однако, обстоятельства въ союзѣ съ его природными наклонностями, тщеславіемъ и честолюбіемъ—вынудили и его принять участіе въ движеніи, столько для того, чтобы управлять имъ, какъ и для того, чтобы не оставаться безъ всякаго значенія. Къ нѣкоторому оправданію его, нельзя сказать о немъ, чтобы лавры его въ данномъ случаѣ покупались слишкомъ дешево. Положеніе его было столько же трудно, какъ важно полученное имъ назначеніе. Онъ долженъ былъ въ качествѣ предводителя организовать возстаніе въ Галилеѣ, которая и болѣе всего находилась въ опасности предъ первыми натисками Римской арміи, и менѣе всего была надежна по состоянію умовъ и по слабости или неприспособленности и беззащитности укрѣпленій [1]). При всемъ этомъ, въ Галилеѣ удалось надолго задержать успѣхи пресловутаго Римскаго оружія, и, не смотря на то, что Галилейскіе города одинъ за другимъ переходили въ руки Веспасіана, — горсть храбрецовъ, засѣвшихъ въ крѣпости Іотапатѣ, противопоставила воинскому искусству и мужеству непобѣдимыхъ Римскихъ легіоновъ самое отчаянное сопротивленіе. Наконецъ, когда пала и эта крѣпость, Іосифъ открыто отдался Римлянамъ и, въ качествѣ плѣнника, отведенъ былъ въ лагерь Римскій. Изъ первой встрѣчи его съ Веспасіаномъ довольно характерна записанная имъ маленькая подробность, весьма важная для всей дальнѣйшей его судьбы, а вмѣстѣ — и для характеристики нашего писателя. Среди криковъ толпы солдатъ, разъяренно требовавшихъ смерти ведомаго плѣнника, преодолѣвая смущеніе и робость, и съ удивительною неподдѣльностію разыгрывая предъ побѣдителемъ роль пророка, онъ вдохновенно-привѣтственно предсказываетъ Веспасіану въ скоромъ времени наслѣдіе императорской власти [2]). Было ли слишкомъ властно-убѣдительно само по себѣ это пророчественное привѣтствіе, или слишкомъ польщено было имъ такъ податливое на похвалы самолюбіе будущаго Кесаря,—только ласкательство это, во всякомъ случаѣ, удачно разсчитанное именно на самолюбіе, возъимѣло свое дѣйствіе, и, въ связи—какъ кажется—съ другими побужденіями побѣдителей, не только спасло Іосифу жизнь, но и подготовило ему рѣдкія почести. Въ качествѣ почетнаго плѣнника, онъ во все остальное теченіе Іудейской войны всюду сопровождаетъ Веспасіана, оказывая ему, а потомъ сыну его-Титу, важныя услуги въ роли парламентера при осадѣ Іерусалима. Когда Веспасіанъ сдѣлался дѣйствительно императоромъ, Іосифъ получилъ полную свободу въ качествѣ императорскаго вольноотпущенника, при чемъ усвоено было ему и фамильное прозваніе Веспасіана

[1]) Ersch und Gruber. Allg. Enc. Joseph. Fl.

[2]) *Περὶ ἁλ.* III, 8. 9; Sueton. Vesp. c. 5. Dio Cass. LXVI, 1

„Флавій“. При взятіи Іерусалима, Титъ позволилъ ему „взять, что онъ хотѣлъ“, при чемъ онъ взялъ „нѣкоторыя священныя книги“ и исходатайствовалъ освобожденіе многихъ знакомыхъ ему плѣнниковъ. Еще щедрѣе одаренъ былъ онъ по возвращеніи вмѣстѣ съ Титомъ въ Римъ. Веспасіанъ далъ ему помѣщеніе въ собственномъ своемъ прежнемъ дворцѣ, право римскаго гражданства и назначилъ ему годовое содержаніе, подаривъ также участокъ земли въ Іудеѣ. Наконецъ, въ самомъ Римѣ въ честь Іосифа (и въ признательность за литературныя заслуги) была воздвигнута даже колонна съ его статуей [1]).

Дорогою цѣною должны были быть куплены и окупаться для Іосифа всѣ эти милости „признательнаго“ Рима. Его презирали всѣ соотечественники, какъ жалкаго перебѣжчика и продажнаго льстеца. Еще во время осады Іерусалима, его отецъ и братья, находившіеся въ Іерусалимѣ, были казнены, быть можетъ, ради одного только отмщенія Іосифу, а можетъ быть и по чувству небезъосновательныхъ подозрѣній насчетъ ихъ благонадежности. Еще ранѣе, при сдачѣ Іотапаты, онъ пожертвовалъ для спасенія своей жизни—послѣдними 38 своими товарищами, склонивъ ихъ умереть добровольною смертію отъ руки другъ друга по жребію и убѣдивъ указаннаго послѣднимъ жребіемъ своего убійцу перейти на сторону Римлянъ [2]). Все это, не исключая и почетнаго прозванія „Флавій“, клеймило его въ глазахъ соотечественниковъ, какъ низкаго презрѣннаго труса, измѣнника и предателя отечества, и его послѣдующая жизнь при дворѣ постоянно отравлялась происками и навѣтами ненавидѣвшихъ его Іудеевъ, мѣшавшихъ ему со спокойною совѣстью наслаждаться могущественнымъ покровительствомъ и почестями трехъ императоровъ — Веспасіана (до 79 г.), Тита (79—81) и Домиціана (81—96). Объ отношеніяхъ къ Іосифу послѣдующихъ императоровъ ничего неизвѣстно. Остается невыясненнымъ также время его смерти; только то несомнѣнно, что въ первое десятилѣтіе II-го вѣка онъ былъ еще живъ, такъ какъ его автобіографія написана по смерти Агриппы II (*Βίος*, 65), а этотъ умеръ въ третій годъ Траяна (100 по Р. Х.) [3]).

§ 2.

Обзоръ въ высшей степени важныхъ и замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ трудовъ Іосифа [4]) мы открываемъ капитальнѣйшимъ изъ нихъ не только въ количественномъ, но и качественномъ отношеніи вообще, и для

[1]) Eusebius, Hist. Ecclesiae, III, 9.
[2]) Такой исходъ этой опасной жеребьевки, какъ и весь разсказъ, не безъ основаній заподозривается нѣкоторыми. Возможно, что Іосифъ воспользовался другими, болѣе вѣрными средствами для прикрытія своего малодушія. См. объ этомъ въ подлеж. мѣстѣ.
[3]) Photius, Biblioth. cod. 33.
[4]) Schürer, I, 60—72; Herzog. Real—Encycl. VII, 110—111.

библіолога въ особенности. Этотъ его трудъ, по собственному надписанію автора, носитъ названіе *„Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία“* и обнимаетъ въ XX книгахъ исторію Іудейскаго народа отъ начала міра до разгара роковой войны противъ Римлянъ въ 66 году. Раздѣленіе на XX книгъ принадлежитъ самому Іосифу [1]). Первыя X книгъ идутъ параллельно Библейской Исторіи, доводя ее до конца Вавилонскаго плѣненія; одиннадцатая повѣствуетъ о судьбахъ Іудейства отъ Кира до Александра Великаго; двѣнадцатая—продолжаетъ это повѣствованіе отъ Александра В. († 323 до Р. Х.) до смерти Іуды Маккавея (161 г.); 13-я—до смерти Александры (69 г.); 14-я—до вступленія на престолъ Ирода Великаго (37 г.); 15, 16 и 17—обнимаютъ правленіе Ирода (37—1 г.); послѣднія три—періодъ отъ его смерти до 66 г. по Р. Х. Трудъ съ нѣкоторыми перерывами (предисл.) оконченъ въ 13 году Домиціана и на 56-мъ жизни Іосифа, слѣдовательно—$^{93}/_{94}$ по Р. Х. [2]), и посвященъ нѣкоему Епафродиту, заявлявшему себя жизненнымъ интересомъ къ литературной дѣятельности Іосифа и много поощрявшаго его на эту дѣятельность. Что весь трудъ на первомъ планѣ предназначался не для іудейскихъ, а для греко-римскихъ читателей и преимущественно служилъ той цѣли, чтобы дать вѣрное обстоятельное изображеніе исторіи многострадальнаго народа Іудейскаго, достаточно ясно не только изъ указаній самого Іосифа, но и изъ всего направленія его Археологіи.

Глубоко затрогиваясь тѣми нелѣпыми и гнусными баснями, которыя невѣжество и насмѣшливый духъ грековъ распространяли на счетъ евреевъ и дальше которыхъ не шло знакомство съ поучительнѣйшею исторіею этого народа, Іосифъ цѣлымъ рядомъ капитальныхъ произведеній, тѣсно примыкающихъ къ его Археологіи, старается дать болѣе здравую пищу пробудившемуся интересу къ исторіи его отечества и, путемъ болѣе обстоятельнаго апологетическаго представленія послѣдней, такъ благовременно, на порогѣ Новаго Завѣта, посвящаетъ ученый греко-римскій міръ въ предъуготовительную исторію домостроительства спасенія человѣческаго, какъ бы предваряя вліяніе проповѣди Апостола языковъ и разрыхляя почву, на которой тѣмъ легче должно было привиться Его сѣмя.....

Въ тѣсной связи съ Археологіей Іосифа состоитъ и долженъ быть разсматриваемъ другой капитальнѣйшій его трудъ *„Φλαβίου Ἰωσήπου Ἰουδαϊκῆς ἱστορίας περὶ ἁλώσεως* (de bello judaico)“. Это древнѣйшее и всего тщательнѣе [3]) обработанное произведеніе Іосифа спеціально посвящено

[1]) Schürer, I, 61: *Ἀρχ.* заключ.
[2]) *Ἀρχ.* XX, 11, заключеніе.
[3]) Уже полнота деталей (въ достовѣрности коихъ иногда нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться) въ этомъ трудѣ Іосифа показываетъ, что онъ необходимо долженъ былъ имѣть въ качествѣ источника для исторіи войны нѣсколько подробныхъ записей, сдѣланныхъ во время самыхъ событій, въ которыхъ участвовалъ и онъ

послѣднимъ днямъ политической Іудеи, описывая съ неподражаемымъ по тому времени талантомъ, живостію и одушевленіемъ послѣднюю развязку той священной драмы, которая занимаетъ XX книгъ его Археологіи. Дѣленіе труда на VII книгъ принадлежитъ также самому Іосифу. Изложенію главнаго предмета предпосылается очень обстоятельное введеніе, обнимающее всю первую книгу и половину второй. Первая книга выслѣживаетъ начальныя столкновенія Іудеи со своими врагами отъ времени Антіоха Епифана (175—164 до Р. Х.) и до смерти Ирода. Вторая, и такъ же сжато, какъ та, продолжаетъ повѣствованіе до начала возстанія (66 г.) и обнимаетъ еще первый годъ войны ($^{66}/_{67}$). Третья книга описываетъ военныя дѣйствія въ Галилеѣ (67 г.); 4-я—перенесеніе войны въ Іудею до совершеннаго изолированія Іерусалима; 5-я и 6-я—осаду и разрушеніе города и храма; 7-я даетъ епилогъ войны до уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ возмущенія. Оконченный трудъ Іосифъ преподноситъ Веспасіану (по порученію коего, вѣроятно, и писалъ) и Титу, получивъ одобреніе отъ нихъ, равно какъ и отъ царя Агриппы II и многихъ Римлянъ, отъ которыхъ онъ, какъ участниковъ войны, былъ польщенъ единогласнымъ засвидѣтельствованіемъ, что „представилъ вещи (событія) правильно и достовѣрно“ (*κατὰ Ἀπίωνος*, I, 9 и *βίος*, 65). Титъ собственноручною подписью разрѣшилъ обнародованіе Іосифовыхъ книгъ (*β.* 65). Агриппа писалъ 62 письма въ засвидѣтельствованіе истинности повѣствованія. Такъ какъ означенное сочиненіе Іосифъ поднесъ Веспасіану, то и написалъ, конечно, во время его правленія (69—79 г.); но во всякомъ случаѣ къ концу его, такъ какъ этому труду предшествовали уже другія сочиненія объ іудейской войнѣ (*περὶ ἁλώσεως, προλ.* I; *Ἀρχ. προοίμ.* к. I).

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ сочиненіемъ (въ качествѣ какъ бы одной изъ его главъ) стоитъ „*Φλαβίου Ἰωσήπου βίος*“. Далеко отступая отъ того, чтобы дѣйствительно давать полное жизнеописаніе Іосифа, эта *βίος* (автобіографія) Іосифа останавливается почти исключительно на его дѣятельности, въ качествѣ организатора и предводителя возстанія въ Галилеѣ $^{66}/_{67}$ г., до враждебнаго столкновенія съ Римлянами (VII—LIV гл.), и только въ видѣ какъ бы введенія и заключенія къ этой общей идеѣ содержанія присоединяются краткія біографическія замѣтки въ началѣ и концѣ сочиненія (I—VI; LV—LVI). Судя по замѣчанію въ концѣ Археологіи, Іосифъ имѣлъ тогда въ намѣреніи еще дать изображеніе войны и „нашихъ несчастій“ (слѣд. Іудейской исторіи) до послѣднихъ временъ [1]). Возможно,

или какъ дѣйствующее лицо, или хотя только какъ очевидецъ. Это, по крайней мѣрѣ, много обусловливало обстоятельность исторіи осады Іерусалима, матеріаломъ для описаній внутренняго состоянія коего служили ему, между прочимъ, показанія перебѣжчиковъ (см. его собственное свидѣтельство, *κατὰ Ἀπίωνος* I, 9; *βίος*, 65). Schürer, I, 61.—Herzog. R. Enc. VII, 110.

[1]) *Ἀρχ.* XX, конецъ: *κἂν τὸ θεῖον ἐπιτρέπῃ, κατὰ περιόδους ἑπομένως πάλιν τοῖ τε πολέμου καὶ τῶν συμβεβηκότων ἡμῖν μέχρι τῆς νῦν ἐνεστώσης ἡμέρας.*

что его *βίος* и предназначалась быть именно этою прибавкою, какъ не безъ основанія можно заключать уже по ея началу—съ связующаго *δὲ (ἐμοὶ δὲ γένος ἐστὶν οὐκ ἄσημον)* и соотвѣтствующему концу: *σοὶ δ' ἀποδεδωκώς, κράτιστε ἀνδρῶν Ἐπαφρόδιτε, τὴν πᾶσαν τῆς ἀρχαιολογίας ἀναγραφήν, ἐπί τοῦ παρόντος ἐνταῦθα καταπαύω τὸν λόγον.* Посему-то, несомнѣнно, и въ рукописяхъ *βίος* примыкаетъ большею частію непосредственно къ Археологіи [1]). Евсевій цитируетъ одно мѣсто изъ *βίος* съ замѣчаніемъ, что цитируемыя слова *ἐπ' αὐτοῦ τῆς ἀρχαιολογίας τοῦ τέλους* [2]). Впрочемъ, было бы большимъ заблужденіемъ считать *βίος* за исполненіе обѣщаннаго въ концѣ Археологіи предпріятія. Въ то время, какъ Іосифъ обѣщаетъ тамъ дать продолженіе Іудейской Исторіи „до настоящаго времени“, въ *βίος* мы находимъ нѣчто гораздо меньшее такого продолженія. Очевидно, эта автобіографія явилась случайно въ роли послѣдняго, будучи вынуждена появленіемъ описанія Іудейской войны Іуста Тиверіадскаго, который представилъ „настоящаго“ Іосифа, въ званіи организатора возстанія въ Галилеѣ, что было, конечно, крайне невыгодно для фальсифицировавшагося Іосифа въ виду его позднѣйшаго положенія въ Римѣ. Такъ какъ *βίος* уже предполагаетъ смерть Агриппы II (*β.* 65), а этотъ умеръ, по Фотію [3]), въ 3-й годъ Траяна (100 г.), то временемъ написанія означеннаго труда (имѣя также въ виду, что онъ долженъ быть написанъ непосредственно послѣ Археологіи) должно быть не раньше 100 г.

Нѣсколько особнякомъ отъ доселѣ разсмотрѣнныхъ трудовъ Іосифа стоитъ его не менѣе замѣчательное произведеніе „*περὶ ἀρχαιότητος Ἰουδαίων κατὰ Ἀπίωνος*“, въ 2 книгахъ [4]). Сочиненіе не только, не единственно направлено противъ грамматика Апіона и его клеветъ на Іудейскій народъ, но и вообще противъ грубыхъ предразсудковъ и ненавистническихъ представленій, подъ которыми Іудеи въ то время слыли. Оно есть, такимъ образомъ, своего рода апологія іудейства, весьма при томъ обстоятельная и увѣренная констатирующая его высшую древность и преимущественнѣйшую цѣлесообразность его религіозно-законодательнаго строя; то-есть—апологія того, что составляетъ основу содержанія всей Археологіи Іосифа, къ которой, такимъ образомъ, примыкаетъ отчасти и это произведеніе. Названіе „противъ Апіона“, повидимому, не первоначальное. Порфирій—de abstinentia IV, 11—цитируетъ этотъ трудъ подъ названіемъ *πρὸς τοὺς Ἕλληνας*. Древнѣйшіе церковные писатели—Оригенъ, противъ Цельса I, 16; IV, 11;—Евсевій, Hist. eccl. III, 9, praep. ev. (ed. Gaisford) VIII, 7, 11; X, 6, 15—знаютъ это сочиненіе подъ названіемъ *περὶ τῆς τῶν Ἰουδαίων ἀρχαιότη-*

[1]) Schürer. I, 67.
[2]) Euseb. Historia ecclesiae, III, 10, 8 и д.
[3]) cod. 33.
[4]) Em. Schürer, I, 68.

послѣднимъ днямъ политической Іудеи, описывая съ неподражаемымъ по тому времени талантомъ, живостію и одушевленіемъ послѣднюю развязку той священной драмы, которая занимаетъ XX книгъ его Археологіи. Дѣленіе труда на VII книгъ принадлежитъ также самому Іосифу. Изложенію главнаго предмета предпосылается очень обстоятельное введеніе, обнимающее всю первую книгу и половину второй. Первая книга выслѣживаетъ начальныя столкновенія Іудеи со своими врагами отъ времени Антіоха Епифана (175—164 до Р. Х.) и до смерти Ирода. Вторая, и такъ же сжато, какъ та, продолжаетъ повѣствованіе до начала возстанія (66 г.) и обнимаетъ еще первый годъ войны ($^{66}/_{67}$). Третья книга описываетъ военныя дѣйствія въ Галилеѣ (67 г.); 4-я—перенесеніе войны въ Іудею до совершеннаго изолированія Іерусалима; 5-я и 6-я—осаду и разрушеніе города и храма; 7-я даетъ епилогъ войны до уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ возмущенія. Оконченный трудъ Іосифъ преподноситъ Веспасіану (по порученію коего, вѣроятно, и писалъ) и Титу, получивъ одобреніе отъ нихъ, равно какъ и отъ царя Агриппы II и многихъ Римлянъ, отъ которыхъ онъ, какъ участниковъ войны, былъ польщенъ единогласнымъ засвидѣтельствованіемъ, что „представилъ вещи (событія) правильно и .достовѣрно“ (*κατὰ Ἀπίωνος*, I, 9 и *βίος*, 65). Титъ собственноручною подписью разрѣшилъ обнародованіе Іосифовыхъ книгъ (*β.* 65). Агриппа писалъ 62 письма въ засвидѣтельствованіе истинности повѣствованія. Такъ какъ означенное сочиненіе Іосифъ поднесъ Веспасіану, то и написалъ, конечно, во время его правленія (69—79 г.); но во всякомъ случаѣ къ концу его, такъ какъ этому труду предшествовали уже другія сочиненія объ іудейской войнѣ (*περὶ ἁλώσεως, προλ.* I; *Ἀρχ. προοίμ.* к. I).

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣннымъ сочиненіемъ (въ качествѣ какъ бы одной изъ его главъ) стоитъ „*Φλαβίου Ἰωσήπου βίος*“. Далеко отступая отъ того, чтобы дѣйствительно давать полное жизнеописаніе Іосифа, эта *βίος* (автобіографія) Іосифа останавливается почти исключительно на его дѣятельности, въ качествѣ организатора и предводителя возстанія въ Галилеѣ $^{66}/_{67}$ г., до враждебнаго столкновенія съ Римлянами (VII—LIV гл.), и только въ видѣ какъ бы введенія и заключенія къ этой общей идеѣ содержанія присоединяются краткія біографическія замѣтки въ началѣ и концѣ сочиненія (I—VI; LV—LVI). Судя по замѣчанію въ концѣ Археологіи, Іосифъ имѣлъ тогда въ намѣреніи еще дать изображеніе войны и „нашихъ несчастій“ (слѣд. Іудейской исторіи) до послѣднихъ временъ [1]). Возможно,

или какъ дѣйствующее лицо, или хотя только какъ очевидецъ. Это, по крайней мѣрѣ, много обусловливало обстоятельность исторіи осады Іерусалима, матеріаломъ для описаній внутренняго состоянія коего служили ему, между прочимъ, показанія перебѣжчиковъ (см. его собственное свидѣтельство, *κατὰ Ἀπίωνος* I, 9; *βίος*, 65). Schürer, I, 61.—Herzog. R. Enc. VII, 110.

[1]) *Ἀρχ.* XX, конецъ: *κἂν τὸ θεῖον ἐπιτρέπῃ, κατὰ περιδρομὴν ἑπομνήσω πάλιν τοῖ τε πολέμου καὶ τῶν συμβεβηκότων ἡμῖν μέχρι τῆς νῦν ἐνεστώσης ἡμέρας.*

что его *βίος* и предназначалась быть именно этою прибавкою, какъ не безъ основанія можно заключать уже по ея началу—съ связующаго *δὲ (ἐμοὶ δὲ γένος ἐστὶν οὐκ ἄσημον)* и соотвѣтствующему концу: *σοὶ δ' ἀποδεδωκώς, κράτιστε ἀνδρῶν Ἐπαφρόδιτε, τὴν πᾶσαν τῆς ἀρχαιολογίας ἀναγραφήν, ἐπί τοῦ παρόντος ἐνταῦθα καταπαύω τὸν λόγον.* Посему-то, несомнѣнно, и въ рукописяхъ *βίος* примыкаетъ большею частію непосредственно къ Археологіи [1]). Евсевій цитируетъ одно мѣсто изъ *βίος* съ замѣчаніемъ, что цитируемыя слова *ἐπ' αὐτοῦ τῆς ἀρχαιολογίας τοῦ τέλους* [2]). Впрочемъ, было бы большимъ заблужденіемъ считать *βίος* за исполненіе обѣщаннаго въ концѣ Археологіи предпріятія. Въ то время, какъ Іосифъ обѣщаетъ тамъ дать продолженіе Іудейской Исторіи „до настоящаго времени“, въ *βίος* мы находимъ нѣчто гораздо меньшее такого продолженія. Очевидно, эта автобіографія явилась случайно въ роли послѣдняго, будучи вынуждена появленіемъ описанія Іудейской войны Іуста Тиверіадскаго, который представилъ „настоящаго“ Іосифа, въ званіи организатора возстанія въ Галилеѣ, что было, конечно, крайне невыгодно для фальсифицировавшагося Іосифа въ виду его позднѣйшаго положенія въ Римѣ. Такъ какъ *βίος* уже предполагаетъ смерть Агриппы II (*β.* 65), а этотъ умеръ, по Фотію [3]), въ 3-й годъ Траяна (100 г.), то временемъ написанія означеннаго труда (имѣя также въ виду, что онъ долженъ быть написанъ непосредственно послѣ Археологіи) должно быть не раньше 100 г.

Нѣсколько особнякомъ отъ доселѣ разсмотрѣнныхъ трудовъ Іосифа стоитъ его не менѣе замѣчательное произведеніе „*περὶ ἀρχαιότητος Ἰουδαίων κατὰ Ἀπίωνος*“, въ 2 книгахъ [4]). Сочиненіе не только, не единственно направлено противъ грамматика Апіона и его клеветъ на Іудейскій народъ, но и вообще противъ грубыхъ предразсудковъ и ненавистническихъ представленій, подъ которыми Іудеи въ то время слыли. Оно есть, такимъ образомъ, своего рода апологія іудейства, весьма при томъ обстоятельная и увѣренная констатирующая его высшую древность и преимущественнѣйшую цѣлесообразность его религіозно-законодательнаго строя; то-есть—апологія того, что составляетъ основу содержанія всей Археологіи Іосифа, къ которой, такимъ образомъ, примыкаетъ отчасти и это произведеніе. Названіе „противъ Апіона“, повидимому, не первоначальное. Порфирій—de abstinentia IV, 11—цитируетъ этотъ трудъ подъ названіемъ *πρὸς τοὺς Ἕλληνας*. Древнѣйшіе церковные писатели—Оригенъ, противъ Цельса I, 16; IV, 11;—Евсевій, Hist. eccl. III, 9, praep. ev. (ed. Gaisford) VIII, 7, 11; X, 6, 15—знаютъ это сочиненіе подъ названіемъ *περὶ τῆς τῶν Ἰουδαίων ἀρχαιότη-*

[1]) Schürer. I, 67.
[2]) Euseb. Historia ecclesiae, III, 10, 8 и д.
[3]) cod. 33.
[4]) Em. Schürer, I, 68.

τος, а въ cod. Peirescianus выписокъ Константина Порфиророднаго de virtutibus находимъ надпись—περὶ παντὸς ἢ κατὰ Ἑλλήνων—странное сочетаніе лжи и истины! Надпись contra Apionem встрѣчаемъ впервые у Іеронима—epist. 70. ad Magnum oratorem, c. 3—opp. ed. Vallarsi, I, 428, de viris illustribus, c. 13; adv. Iovinian. II, 14; въ послѣднемъ мѣстѣ выписываетъ онъ выше цитованное мѣсто Порфирія, но замѣняетъ употребленное Порфиріемъ названіе Іосифова труда болѣе ему свойственнымъ [1]). Такъ какъ въ этомъ трудѣ Іосифа цитуется уже его Археологія (I, 1 и 10), то, несомнѣнно, онъ написанъ послѣ нея, то-есть послѣ 93 года по Р. Х. и такъ же, какъ Археологія (и βίος) посвященъ Епафродиту (I, 1; II, 41). Главная цѣль труда—установить параллель между исторіографіею грековъ и исторіографіею народовъ восточныхъ—евреевъ, вавилонянъ и египтянъ, и отстоять для этой послѣдней преимущество древности и достовѣрности и даже характеръ святыни. Кромѣ этой положительной цѣли и на ряду съ нею, трудъ—подобно Археологіи—лишь отличнымъ отъ нея методомъ и гораздо прямѣе—ниспровергаетъ многоразличные предразсудки греческаго общества касательно народа еврейскаго, его религіи и исторіи,—предразсудки, имѣвшіе свой источникъ то въ грубыхъ антипатіяхъ черни, то въ насмѣшливой легкости характера и жалкомъ невѣжествѣ высшихъ классовъ, проникшіе и въ тогдашнюю литературу. Методъ полемики и аргументація Флавія во многихъ мѣстахъ вызываютъ справедливые упреки за употребленіе, какое авторъ дѣлаетъ изъ своихъ источниковъ касательно событій отдаленной древности, а также—когда писателей Ветхаго Завѣта ставитъ на одну линію съ непризнанными историками Вавилона и Мемфиса. Много полезенъ Іосифъ и поучителенъ тамъ, гдѣ онъ старается разрушать народные предразсудки грековъ посредствомъ извлеченій изъ свѣтскихъ авторовъ, подтверждающихъ національныя преданія евреевъ. Цитаты, правда, не восходятъ далѣе періода македонскаго и сдѣланы безъ большой критики; тѣмъ не менѣе они не безполезны, какъ заимствованныя изъ авторовъ, большею частію потерянныхъ для насъ [2]). Интересна апологія Моисея и его законодательства, предлагаемая второю книгою.

Кромѣ этихъ 4 трудовъ Іосифу приписывается нѣкоторыми отцами церкви такъ называемая *4-я книга Маккавеевъ* или „περὶ αὐτοκράτορος λογισμοῦ“. Духовное направленіе этого сочиненія—іудейско-фарисейское съ греческо-философской окраской—дѣйствительно близко напоминаетъ другіе труды Іосифа. Однако, усвоеніе этого труда ему имѣетъ значеніе лишь гипотезы. То же самое должно сказать и о другихъ, приписываемыхъ Іосифу трудахъ [3]).

[1]) См. Schürer, примѣч. II т. 478 стр.
[2]) Ersch und Grüber, Jos. Fl. 110 стр.
[3]) Schürer, II, 766—769; I, 69.

Въ заключеніи Археологіи говоритъ Іосифъ, что онъ имѣлъ намѣреніе писать κατὰ τὰς ἡμετέρας δόξας τῶν Ἰουδαίων ἐν τέσσαρσι βίβλοις περὶ θεοῦ καὶ τῆς οὐσίας αὐτοῦ καὶ περὶ τῶν νόμων, διὰ τί κατ' αὐτοὺς τὰ μὲν ἔξεστιν ἡμῖν ποιεῖν τὰ δὲ κεκώλυται. Онъ разумѣетъ здѣсь, по мнѣнію Schürer'а, не различные труды, (какъ поняты нѣкоторыми эти слова), но только одинъ трудъ, который долженъ былъ сообщать о существѣ (бытіи) Бога и о разумности Моисеева закона, подобно тому какъ Филоновское систематическое представленіе Моисеева законодательства [1]). Въ первыхъ книгахъ Археологіи онъ также не разъ указываетъ на этотъ имъ преднамѣченный трудъ [2]). Но, кажется, это намѣреніе его не приведено въ исполненіе.

II. Характеристика личности Іосифа, въ связи съ общей характеристикой его Археологіи.

§ 3.

Достаточно полное и надлежащее уясненіе личности І. Флавія (характеристика), безъ чего невозможно надлежаще-правильное отношеніе къ его трудамъ (оцѣнка ихъ значенія и пользованіе ими) и для чего совершенно недостаточно чисто-біографическихъ свѣдѣній о немъ,—достигается лишь какъ одинъ изъ результатовъ самаго изученія его трудовъ, совмѣстно съ этимъ изученіемъ. Этимъ весьма удобно объясняется то неравновѣсіе, которое долгое время господствовало въ оцѣнкѣ историческаго значенія и авторитета Флавія, и которое въ благопріятномъ для него случаѣ слѣдуетъ объяснять именно одностороннимъ знакомствомъ съ его положительными достоинствами, и наоборотъ—въ неблагопріятномъ—столь же одностороннимъ вниманіемъ къ его отрицательнымъ сторонамъ. Въ качествѣ „знаменитаго историка Іудейскаго“ въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ Іосифъ былъ, можно сказать, самымъ популярнымъ авторомъ послѣ Библіи [3]). Среди—или, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Отцами Церкви—Іосифъ имѣлъ счастіе занимать долгое время самое привиллегированное мѣсто. У разныхъ народовъ, на различныхъ степеняхъ цивилизаціи, онъ неизмѣнно пользовался расположеніемъ народа и ученыхъ, и репутація его, какъ историка, совсѣмъ не подвергалась критикѣ, не смотря на значительную несоразмѣрность его заслугъ въ этомъ отношеніи съ его литературными успѣхами. Высшее римское общество, для котораго онъ собственно и писалъ, во главѣ съ императорской фамиліей, которой онъ такъ умѣлъ льстить,—не могли не быть въ восторгѣ отъ его

[1]) Schürer. II. 846—854.
[2]) προοίμ. 4; I, 1, 1; 10, 5; III, 5, 6; 6, 6; 8, 10; IV, 8, 4; 44.
[3]) Schürer, I. 72; Herzog. VII, 110; Ersch und Grüber, Jos. Flav. 104 стр., 108 и д.

трудовъ, какъ сообщавшихъ свѣдѣнія о предметахъ, почти неизвѣстныхъ и, однако, столь интересныхъ образованной публикѣ и, при томъ, въ столь увлекательной и игравшей на самыхъ слабыхъ струнахъ римлянина формѣ. О благоволеніи къ Іосифу за его труды трехъ императоровъ мы уже знаемъ. Самъ царь Агриппа [1]) (истинный типъ того іудейства, которое, не отступая вполнѣ отъ вѣры предковъ, всеусиленно старалось приладить свой національный характеръ къ безразличной въ области религіи цивилизаціи)—этотъ государь, имѣвшій всѣ основанія питать весьма глубокое, личное нерасположеніе къ предводителю инсургентовъ галилейскихъ, какъ будто забываетъ всѣ свои неудовольствія и способствуетъ успѣху историка весьма лестными завѣреніями и рекомендательными свидѣтельствами. Не менѣе замѣчателенъ успѣхъ Іосифа среди христіанъ, для которыхъ онъ имѣлъ значеніе какъ единственный писатель [2]), впервые представившій всю Библейскую исторію въ одномъ ясномъ, послѣдовательномъ и цѣлостномъ разсказѣ, болѣе или менѣе чуждомъ всего отвлеченнаго и малозанимательнаго, дававшій незамѣнимое и существенно необходимое пополненіе недостающаго между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, а своимъ назидательнымъ разсказомъ о паденіи іудеевъ и храма выдвигавшій даже столь сильный доводъ за истину Евангелія. Какое, въ самомъ дѣлѣ, любопытное, неожиданное явленіе! Христосъ Спаситель пророчествуетъ о „скорби великій, каковой не было и не можетъ быть“, имѣющей придти на Христоубійственный городъ. И не евангелисты, не апостолы, но тотъ самый, кто не хотѣлъ совершенно удостоить своимъ вниманіемъ хотя бы только какъ замѣчательнѣйшаго изъ современниковъ Іисуса, онъ же подтверждаетъ невольно и наилучшимъ образомъ своимъ разсказомъ истину Его дивныхъ предсказаній. Неудивительно, что ради уже этой „невольной“ проповѣди Іосифа церковные писатели увѣнчивали его столь щедрыми похвалами, рядъ коихъ, начинаясь съ апологетовъ II вѣка [3]), возрасталъ параллельно съ обогащеніемъ патристической литературы и идетъ далеко за ея цвѣтущія эпохи. Іеронимъ усвояетъ Флавію почтенный титулъ „Тита Ливія“ грековъ [4]) и въ каталогѣ церковныхъ писателей ставитъ его на ряду съ философомъ Сенекою, между Іоанномъ Богословомъ и Климентомъ Римскимъ. Авторы послѣдующихъ вѣковъ могли только повторять подобныя сужденія, имѣвшія всю силу авторитета, вплоть до среднихъ вѣковъ, когда историческая наука—не менѣе другихъ—подпала роковому рабству традиціи и схоластицизма, и когда имя Іосифа, въ силу простой привычки, должно было удерживать видное мѣсто между именами знаменитѣйшихъ Отцовъ Церкви.

[1]) ib. 111 стр.
[2]) Ersch und Grüber. Allg. Enc. 108 стр.
[3]) обыкновенно отсылавшихъ къ этому автору, какъ общепризнанному авторитету, языческихъ полемистовъ.
[4]) Epist. 22 ad Eustochium, c. 35 „Josephus, Graecus Livius“...

Наперекоръ подобнымъ отношеніямъ къ Іосифу, къ концу XVII вѣка, когда наука стала ближе и непосредственнѣе знакомиться съ Іосифомъ, этотъ почетъ его постигъ рядъ испытаній, изъ которыхъ ему не всегда удавалось выходить побѣдителемъ. Еще разъ побѣдоносно поднялся онъ въ черезъ-чуръ отважной попыткѣ своихъ неумѣренныхъ почитателей—исправлять „Іосифомъ“ трудныя и хронологически-запутанныя мѣста Ветхозавѣтнаго текста [1]). Но это было уже, можно сказать, апогеемъ его славы, столь же быстро начавшей падать и приближаться къ своей нормѣ, сколь быстро прежде возрасталъ, выходя за эту норму, его библейско-историческій авторитетъ.

Опытъ критическаго отношенія къ Іосифу, впрочемъ, вовсе не явился неожиданною новостію—ex abrupto: онъ давался уже тѣмъ настроеніемъ его современниковъ евреевъ, когда эти послѣдніе, мотивируя переходъ Іосифа на сторону Рима жалкою трусостью и низкимъ предательствомъ отечества, въ самыхъ достоинствахъ его трудовъ готовы были представлять его недостатки, перенося цѣликомъ свое недоброжелательство къ Іосифу на всѣ его сочиненія. Поступая такъ въ виду особенно крайне несимпатичныхъ чертъ и тенденцій Іосифа, такъ ярко отражавшихся въ его сочиненіяхъ и доводящихъ до рѣзкой чудовищности раболѣпство его предъ Римлянами, указанные критики во всякомъ случаѣ были не болѣе неправы, чѣмъ тѣ, кто въ послѣдующее время совершенно игнорировалъ эти его недостатки и, ради немногаго, во всемъ готовъ былъ видѣть одно хорошее. Что касается надлежащихъ отношеній къ Іосифу, то они не установлены должнымъ образомъ до настоящаго, можно сказать, времени. Если прежде онъ не совсѣмъ заслуженно пользовался чрезмѣрною популярностію и авторитетомъ, то теперь онъ, кажется, слишкомъ, и столько же при томъ незаслуженно, забытъ и униженъ. Отрѣшаясь отъ пристрастно-крайнихъ—съ одной стороны, и неумѣренно-рѣзкихъ отношеній къ Іосифу—съ другой, мы должны наблюдать возможно болѣе близкое къ нормѣ равновѣсіе между противоположными сужденіями о характерѣ и достовѣрности Іосифа, какъ писателя-историка, и съ этими предосторожностями попытаемся дать общую характеристику его личности, безъ чего немыслима сколько-нибудь удовлетворительная характеристика его, какъ историка вообще и библейскаго въ частности.

Извѣстно, что рѣзко бьющія глаза отрицательныя черты характера, хотя бы и при немногочисленности, иногда даютъ не менѣе вѣрное и глубокое проникновеніе личности, чѣмъ даже положительныя ея обнаруженія. Это въ особенности оправдывается на Іосифѣ. Фарисейское тщеславіе и безпредѣльное самообольщеніе—выдающіяся основныя его черты [2]). Едва ли есть большая надобность здѣсь именно жалѣть, что у насъ нѣтъ другого истори-

[1]) Таковъ, напр., Isaacus Uossius. см. ниже, „Хронологическая система Іосифа“.
[2]) Ersch und Grüber. Ios. Fl. 107. Schürer, I, 71.

ческаго источника для провѣрки и обоснованія нашихъ подозрѣній и для выдѣленія точной истины въ разсказѣ Іосифа, испещренномъ безпрерывными похвалами, которыя авторъ расточаетъ себѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Таково особенно его хвастовство, сразу бросающееся въ глаза своею нескромностію, что онъ достигъ величайшей учености еще 14-ти лѣтъ своей жизни, такъ что начальники священническаго сословія и знатнѣйшіе граждане приходили къ нему за совѣтами по поводу трудныхъ мѣстъ закона. Стоитъ только,—замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ критиковъ Іосифа [1]),—припомнить, каково было знаніе книжниковъ іудейскихъ въ эту эпоху, чтобы понять все безстыдство этого хвастовства! Сюда же должно отнести его сообщеніе, что онъ изучилъ одну за другою доктрины всѣхъ іудейско-религіозныхъ партій, съ цѣлью избрать самую лучшую, между тѣмъ какъ даетъ о нихъ понятіе самое смутное, несовершенное и одностороннее. Наряду съ такимъ чрезмѣрнымъ самообольщеніемъ и тщеславіемъ, тѣмъ рѣзче бьетъ въ глаза очевидное малодушіе и низкій эгоизмъ его характера, обнаруженныя имъ въ качествѣ вождя возстанія въ Галилеѣ (измѣна въ пользу Рима). Не смотря на недостатокъ матеріала для уясненія внутреннихъ побужденій возбудителя Галилеи, едва ли можно, кажется, слишкомъ обидѣть его предположеніемъ, что только заманчивая роль и самолюбивая увѣренность да заразительность общаго увлеченія толкнули и его къ знамени мятежа. По крайней мѣрѣ, именно это обнаружилось въ минуты его критическаго положенія, когда, по собственному признанію [2]), онъ самъ предпочелъ всему—удалиться съ театра войны, и лишь силою вынужденъ былъ оставаться съ вѣрными своему первоначальному возвышенно-благородному намѣренію—своими сподвижниками. Но если можно еще не упрекать его за несочувствіе, кажется, уже самому началу возстанія, равно какъ за излишнюю робость предъ „шкурнымъ разсчетомъ“ и за недостатокъ возвышенно-благородной рѣшимости—лучше умереть вмѣстѣ съ другими, чѣмъ пережить горькія минуты смерти своего отечества,—если можно согласиться, что онъ не былъ безчестнымъ предателемъ отечества, какъ старается показать онъ въ своей *Βίος*: то все же его оригинальный переходъ къ Римлянамъ и услужливое ласкательство ихъ самолюбію были совершенно непростительны для самаго заурядnаго израильтянина, и не могли имѣть мѣста безъ преступнаго равнодушія къ гибели роднаго народа. Тѣмъ болѣе, положительно нельзя оправдать его въ томъ, что онъ на развалинахъ общественнаго благополучія соглашается созидать собственное, съ легкимъ сердцемъ и не безъ наглости уклоняясь отъ добровольной смерти, на которую самъ же одушевлялъ другихъ, и въ жертву язычникамъ—палачамъ своего отечества приноситъ, затѣмъ, всѣ жизненныя

[1]) Ersch und Grüber. Jos. Fl.
[2]) *περὶ ἁλώσεως*. III, 8 и д.

надежды своего народа, посягая даже на Откровенныя истины Слова Божія [1]), того самаго Слова, ввѣреніе котораго Израильскому народу по справедливости вмѣнено апостоломъ въ столь высокую заслугу и честь! Весьма возможно, что онъ далъ Римлянамъ еще болѣе вѣскія доказательства своего постыднаго раболѣпства [2]), такъ какъ иначе не легко было бы допустить, чтобы столь проницательные и осторожные ко всякимъ военнымъ измѣнамъ и коварнымъ уловкамъ—вожди римскіе позволили себѣ стать въ столь непосредственныя и до нѣкоторой степени подчиненныя отношенія къ бывшему организатору возстанія, безъ всякаго подозрѣнія и критики допуская пользоваться его совѣтами, указаніями и услугами въ дальнѣйшее теченіе войны. Мы не знаемъ, въ чемъ могли состоять эти болѣе вѣскія доказательства преданности Іосифа Римлянамъ, только едва ли эти послѣдніе и самъ Іосифъ могли ограничиться слишкомъ подозрительнымъ пророчествомъ Веспасіану, высказаннымъ въ минуту критическую, когда для плѣнника не было другихъ средствъ самозащиты, другихъ надеждъ на уваженіе къ своей жалкой жизни. Впрочемъ, для насъ достаточно уже одного этого приключенія, чтобы читать въ немъ всю мелочь души Іосифа, сосредоточивавшейся всецѣло кругомъ самой себя, и если способной на какія жертвы, то развѣ на тѣ, которыя обѣщали быть пріятнымъ куреніемъ и его мелочно-тщеславному самомнѣнію. Не устоявъ въ болѣе благородныхъ возвышенныхъ чувствахъ солидарности съ тѣми, для кого было насущною потребностью постоять за святые завѣты старины, за цѣлость и свободу отечества до послѣдней капли крови, онъ вымѣнялъ на эти чувства дешевое „почетное рабство“ Риму, и съ такимъ паѳосомъ „распинается“ за его доблести, готовый влечь за собою всѣхъ въ ненасытное жерло этого „Молоха“. И это было то же немалое оскорбленіе имъ своего народа, что онъ искалъ заглушить свою преступную совѣсть совращеніемъ всѣхъ на свой жалкій путь и могъ считать ихъ способными на подражаніе столь низкому примѣру.

Римофильство и римоугодничество Іосифа, сдѣлавшіяся въ немъ съ момента перехода на сторону Рима какъ бы особою индивидуальною чертою его характера, не были лишь простымъ платонизмомъ, который могъ читаться только между строкъ его сочиненій. Положеніе Іосифа въ Римѣ,—который замѣнялъ ему прежнее отечество,—предъявляло къ нему слишкомъ большія и требованія, чтобы ограничиться упомянутымъ платонизмомъ. Его прошлое казалось слишкомъ большою ошибкою предъ настоящимъ, чтобы не рискнуть въ оправданіе милостей Рима самою истиною, поддѣлывая прежде всего подъ вкусы Рима всѣ сколько-нибудь касающіеся его факты и замалчивая совершенно тѣ, которые не поддавались этой поддѣлкѣ. И это не

[1]) Примѣненіемъ пророчествъ о Мессіи къ Веспасіану и римскому владычеству.
[2]) Подозрительно здѣсь уже то, что Іосифъ осыпается милостями Рима задолго прежде, чѣмъ могъ заслужить ихъ своею литературною дѣятельностію во славу Рима.

только въ его *βίος*, которая спеціально предназначалась быть его апологіей, и даже не только въ „Войнѣ Іудейской“, которая, представляясь компрометирующею его въ глазахъ Римлянъ, нуждалась въ особо-искусной маскировкѣ событій, чтобы затушевать впечатлѣніе отъ участія въ нихъ Іосифа; но и вездѣ, гдѣ только позволялось сколько-нибудь, въ его Археологіи, въ которой онъ также обычно предпочитаетъ совершенно молчать о такихъ вещахъ, простое изображеніе которыхъ не могло быть достаточно поддѣлано подъ вкусъ истаго Римлянина, хотя бы устраненіе или такая поддѣлка ихъ безцеремонно извращала „исторію“ въ самомъ ея корнѣ. Конечно, эта характеристическая слабость Іосифа обусловливалась не только обстоятельствами его личнаго положенія въ Римѣ, но и характеромъ самой задачи, которая была ядромъ его литературной дѣятельности, посвященной также защищенію и восхваленію іудейскаго народа [1]) путемъ ознакомленія съ его славною древнею исторіею. Однако, все же остается ненормальностью то, что угода Риму, его самолюбію и даже только предполагаемому впечатлѣнію были для Іосифа святѣе истины, которая совершенно не нуждается въ услугахъ въ духѣ замалчиваній и извращеній лично заинтересованнаго въ томъ частнаго лица, способнаго на всѣ крайнія злоупотребленія. Вѣдь вполнѣ могло быть, напримѣръ, что и исторію своего народа Іосифъ не игнорировалъ еще совершенно, съ переходомъ къ Риму, потому только, что не могъ романизировать и индивидуальный специфизмъ своего іудейскаго происхожденія; во всякомъ случаѣ, онъ, если не чрезъ силу мирился съ этимъ специфизмомъ, какъ роковою неизбѣжностію, то и не съ гордостью истаго іерусалимлянина обнаруживалъ свое іудейское самосознаніе. Нескрываніе своего іудаизма, правда, онъ предпочиталъ неестественно фальшивому воображенію и выдаванію себя за истаго Римлянина, и, сообщая своей Археологіи апологетическое назначеніе, мыслилъ себя искренно и всецѣло въ числѣ апологетизируемыхъ; за то съ избыткомъ вознаграждалъ онъ это смиреніе свое съ другой стороны. Хваля свой народъ, онъ хвалилъ вмѣстѣ съ этимъ себя, и второе болѣе, нежели первое, оставалось вездѣ его главною тенденціей. И если недостойное употребленіе истины въ цѣляхъ служебныхъ всему народу повело къ наиболѣе чувствительнымъ недочетамъ писательской заслуги нашего автора, то злоупотребленіе истиною въ цѣляхъ самоугожденія было уже совсѣмъ преступленіемъ, гнуснымъ и вреднѣйшимъ для тойже истины. Въ неспособности возвыситься до мысли о непреходящемъ значеніи истины,—опасаясь, конечно, болѣе и прежде всего для себя неблагопріятнаго впечатлѣнія на читателей Римскихъ отъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ тенденціозныхъ особенностей исторіи своего народа,—Іосифъ, ни мало не задумываясь, прилагаетъ и къ нимъ обычный свой методъ самозащиты, методъ замалчиванія и извращенія всего,

[1]) Herzog. Real-Enc. VII, 110.

что только нуждалось въ означенныхъ средствахъ для того, чтобы не тревожить больныхъ мѣстъ читающей публики. Насколько фальшь повѣствованія при подобныхъ уступкахъ щепетильности Рима вредитъ впечатлѣнію современныхъ читателей Іосифа, можно судить по тому факту, что многіе готовы были считать его даже полуязычникомъ (semipaganus). [1]) Какъ ни странно подобное обвиненіе, однако, промахи, подавшіе для него поводъ, дѣйствительно настолько существенны и обычны въ Іосифѣ, что образуютъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ Іосифовыхъ произведеній, особенно Археологіи, какъ это увидимъ при подробномъ ея обзорѣ.

§ 4.

Указанныя общія характеристическія слабости Іосифа, въ связи съ его двусмысленнымъ положеніемъ въ Римѣ и съ характеромъ руководившей его трудами задачи, образуютъ существеннѣйшее, что̀ должно имѣть прежде всего въ виду при оцѣнкѣ исторической достовѣрности и значенія нашего автора въ Археологіи, занимающей въ его литературной производительности центральное мѣсто.

Важнѣйшее достоинство и значеніе этого труда Іосифа уже въ томъ, что онъ впервые далъ цѣльное, связное, послѣдовательное представленіе всей Іудейской исторіи отъ начала міра до послѣднихъ ея временъ [2]). Что этотъ обширнѣйшій трудъ на греческомъ нарѣчіи изъ всѣхъ, о какихъ вообще мы знаемъ,—богатѣйшій по предмету изложенія, оригинальнѣйшій по характеру онаго,—былъ въ то же время и цѣлесообразнѣйшимъ обзоромъ исторіи іудейскаго народа, ясно подтверждается долговременною благосклонностію іудейскихъ, языческихъ и христіанскихъ читателей, о которой въ свою очередь столь выразительно говорятъ безчисленныя рукописи [3]). Рѣдкое достоинство этого труда также то усерднѣйшее вниманіе, та тщательность и послѣдовательность, съ какими, на всемъ протяженіи своего кропотливаго изслѣдованія, авторъ выполняетъ заложенную въ основѣ своего труда тенденцію. Онъ ставитъ своею задачею не только дать правильное цѣльное и связно-послѣдовательное начертаніе исторіи своего народа языческимъ читателямъ (для которыхъ на первомъ планѣ она предназначается), но внушить также уваженіе послѣднихъ предъ іудейскимъ народомъ, его преимущественною древностію, самою его исторіею, столь свѣтлою и совершенною въ человѣческомъ смыслѣ,—наконецъ, самымъ его строемъ, законами и учрежденіями, устраняющими всякую боязнь содружества съ нимъ другихъ народовъ [4]).

[1]) Gerlach, 30 стр.
[2]) Schürer, I, 72. Ersch und Grüber. 111 стр.
[3]) Свидѣтельства древнихъ объ Іосифѣ собраны въ изданіи Havercamp'a, въ замѣткахъ къ I тому Schürer, I, 72.
[4]) См. особенно *Ἀρχ.* XVI, 6, 8.

Какъ ни вѣрна сама по себѣ эта благодарная и возвышенная идея, и какъ ни заслуживала она полнаго уваженія и вниманія, тѣмъ не менѣе примѣненіе и раскрытіе ея раздѣлило общую судьбу всякаго апологетическаго намѣренія, и породило наиболѣе нежелательные особенности-недостатки Іосифа, какъ историка, и именно въ связи съ неблагопріятными условіями его личнаго характера и положенія. Эти недостатки: а) тенденціозность, б) некритичность и в) непрагматичность. Прослѣдимъ эти важные дефекты въ Іосифѣ.

а) При осуществленіи Іосифомъ своей задачи, съ указанною тенденціею, въ рукахъ его была сильная и надежная опора — Откровенное Слово Божіе. Посему-то вездѣ, гдѣ только чувствовалась необходимость этой опоры, Іосифъ постоянно напоминаетъ читателямъ, что все, что̀ онъ пишетъ, въ такомъ именно видѣ находится въ „священныхъ книгахъ“ [1]) и что онъ „ничего не прибавилъ и не убавилъ“. Если не ставить ему въ вину того, что онъ „убавилъ“ не имѣющія спеціально историческаго значенія дидактическія и другія въ этомъ родѣ мѣста и книги Св. Писанія, то можно сказать, что историческая сущность В. Завѣта, дѣйствительно, довольно полно воспроизведена въ его трудѣ, такъ что лишь при самыхъ кропотливыхъ изслѣдованіяхъ намъ удается собрать небольшое сравнительно количество подробностей библейскаго текста, не использованныхъ Іосифомъ. Равнымъ образомъ, почти правъ онъ и въ томъ случаѣ, когда увѣряетъ, что и „ничего не прибавилъ“, такъ какъ, дѣйствительно, прибавленія, какія онъ дѣлалъ сверхъ прямого смысла передаваемаго текста, не столь многочисленны, сравнительно съ массою матеріала, какой давали однѣ книги Св. Писанія. Но если количественная сторона прибавленій и убавленій Іосифа не такъ важна и велика, то никакъ нельзя сказать этого объ ихъ качественномъ значеніи, тѣмъ болѣе что самый характеръ прибавленнаго и опущеннаго у Іосифа ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ предположить въ допущеніи ихъ одной лишь случайности. Опредѣленная цѣль ихъ несомнѣнна, и выступаетъ ясно, когда мы принимаемъ къ свѣдѣнію, что объединяющею идеею всей вообще литературной дѣятельности Іосифа было желаніе возвысить свой народъ въ глазахъ греко-римскаго образованнаго міра [2]), показавъ преимущественное достоинство его въ его исторіи, этомъ зеркалѣ души всякаго народа [3]). Идея несомнѣнно благородная и сама по себѣ вѣрная, но въ средствахъ ея оправданія, въ пути, который избралъ Іосифъ къ ея достиженію, лежало роковое недоразумѣніе, вытекавшее изъ разсмотрѣнныхъ выше условій характера и положенія Іосифа. Вмѣсто того, чтобы поднять читателей до той духовной высоты, на какой только и можно было воспринять возвышенный предметъ его повѣствованія,—онъ не находитъ ничего болѣе лучшаго, какъ спуститься до ихъ ограниченныхъ точекъ зрѣнія и низвести свой возвышенный предметъ до ихъ узкихъ, низменныхъ воззрѣній и интересовъ. Если бы онъ „примѣнялъ“ только священный предметъ къ пониманію слушателей, для чего, впрочемъ, было у него слишкомъ мало мудрости, — то это могло бы быть поставлено ему даже въ заслугу. Но у него видимъ совершенно иное: онъ даетъ намъ фальсификацію идеальной исторіи [1]),—той исторіи, которая,—добросовѣстно и спокойно начертанная, глубоко и благоговѣйно прочувствованная и искреннею любовію къ истинѣ согрѣтая,—никогда не произвела бы въ читателяхъ, хотя бы и язычникахъ, тѣхъ предубѣжденій и антипатіи, которыхъ боялся въ Откровенной Исторіи своего народа Іосифъ. Именно эта боязнь обличаетъ въ немъ человѣка поверхностнаго, шаткаго въ собственныхъ убѣжденіяхъ, неготоваго дать отвѣтъ всякому вопрощающему, плутовато-робкаго іудея и узкаго партикуляриста, непонимавшаго—подобно большинству іудеевъ его времени—неусвоившаго, неоцѣнившаго лучшихъ универсальныхъ сторонъ своихъ Откровенныхъ сокровищъ и ихъ универсальнаго предназначенія. А между тѣмъ, на этомъ своемъ недоуміи Іосифъ зиждетъ весь „апологетизмъ“ своей исторіи, обусловливая имъ и выборъ матеріала, и такую, а не иную его обработку. Отсюда — ложно направленная *тенденціозность* археологическаго матеріала Іосифа, въ которой мы должны отмѣтить нѣкоторыя особенныя черты. Это прежде всего — своеобразное отношеніе его къ различнымъ ветхозавѣтнымъ чудеснымъ происшествіямъ и знаменіямъ, которыя такъ или иначе могли казаться дискредитирующими іудейство въ глазахъ Римлянъ. Насколько далеко заходитъ въ подобныхъ опасеніяхъ Іосифъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ упреки, отчасти не безосновательные, которые были дѣланы ему за эту особенность. Полагали, что Іосифъ не только не вѣрилъ въ чудо, но даже—болѣе или менѣе скрытно—насмѣхался надъ ними [2]), и преимущественное большинство мѣстъ, доказывающихъ, повидимому, обратное, имѣетъ будто бы даже меньше значенія. Уже Іудеи дѣлали Іосифу подобные упреки [3]). Безчисленное число разъ раздавались они и всегда, варіируясь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, до обвиненій Іосифа въ полуязычествѣ включительно [4]). Конечно, это крайности, достаточно опровер-

[1]) Для правильности пониманія этихъ выраженій Іосифа, необходимо не забывать его собственныхъ увѣреній, что его трудъ состоялъ въ томъ особенно, чтобы *μετερμηνεύειν*, т. е. не столько переводить буквально, сколько перифразировать свящ. текстъ, сообразно съ планомъ его труда и требованіями историческаго повѣствованія.
[2]) *Арх.* XVI, 6, 8.
[3]) Руководясь этими соображеніями, Іосифъ уже самымъ наименованіемъ своего труда привлекаетъ вниманіе образованнаго міра, заимствуя нарочито это наименованіе (*Ἰουδαϊκὴ*) *Ἀρχαιολογία* отъ Діонисія Галикарнасскаго, который въ свою очередь взялъ его изъ Варроновыхъ Antiquitates. Никто не зналъ или, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ знать Еврейскую Исторію такою древнею, какова она была, и въ укоръ прежде всего этому невѣжеству Іосифъ титулуетъ такъ свой трудъ. Ranke. Weltgeschichte, III, 13—14.

[1]) Phil. Chasles. De l'autorité historique de Fl. Jos. 80 стр.
[2]) Gerlach. 30 стр.; Ersch und Grüber. 112, 114.
[3]) Въ качествѣ образчика, ссылаются на слова Abarbanel'a, comm. in Dan. X, pg. 7 (vgl. Arnold, epist. etc. pg. 171 seq.). Gerlach, 30.
[4]) „semipaganus“. Dale (de orig. ac progressu idololatriae, pg. 136).

гаемыя неоднократными случаями вполнѣ безупречныхъ отношеній Іосифа къ чудесному въ Библіи; тѣмъ не менѣе упрековъ въ данной области онъ несомнѣнно заслуживаетъ.

Стремленіе нѣкоторымъ образомъ поспѣшать на помощь своимъ читателямъ въ мѣстахъ, представлявшихъ для нихъ видимыя трудности вѣроятія, чтобы, такимъ образомъ, ради допускавшаго сомнѣніе, не возбудить недовѣрія къ достовѣрности цѣлаго и не погубить цѣли своего труда [1]), — было, несомнѣнно, немаловажнымъ основаніемъ для Іосифа во многихъ изъ тѣхъ случаевъ, когда онъ о нѣкоторыхъ чудесахъ ветхозавѣтныхъ дѣлаетъ почти только одно робкое упоминаніе, или, если говоритъ о нихъ, то съ такимъ поясненіемъ, которое выдвигало на видъ какъ-будто собственное его сомнѣніе въ ихъ истинѣ. *Ὁ Ἰώσηπος δεδοικότι ἔοικε καὶ εὐλαβουμένῳ ὡς μὴ προσκρούσειεν Ἕλλησι* [2]). Онъ заключаетъ именно въ такихъ случаяхъ свою рѣчь слѣдующимъ выраженіемъ: *περὶ μὲν οὖν τούτων ὡς ἕν ἑκάστοις ἤ φίλον, οὕτω σκοπείτωσαν* [3]). Въ этой оговоркѣ (которою Іосифъ какъ бы ясно хочетъ сказать: relata refero: я не хочу ни съ кѣмъ спорить объ истинѣ), конечно, можно улавливать нѣкоторый оттѣнокъ равнодушнаго допущенія полнаго произвола въ отношеніи къ чудесамъ, на чемъ особенно могли быть основаны вышеприведенные упреки Іосифу; однако, преувеличенность подобныхъ упрековъ здѣсь ясна уже изъ того, что подобныя же оговорки, столь обычныя и естественныя въ предназначенной для язычеcкихъ читателей Археологіи, не однажды встрѣчаются при повѣствованіи о необычайныхъ событіяхъ въ книгахъ объ іудейской войнѣ, предназначавшихся первоначально для читателей іудейскихъ [4]). Съ другой стороны, многія, менѣе опасными казавшіяся Іосифу, повѣствованія чудеснаго передаются имъ безъ всякаго прибавленія, при простомъ указаніи ихъ источника въ священныхъ книгахъ, достовѣрность которыхъ — по *„κατὰ Ἀπιῶν.* I, 8 — не подлежала сомнѣнію. Въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ Gerlach [5]) старается показать, какъ далеко не всегда подозрительныя формулы Іосифа отражали его личное недовѣріе къ повѣствуемому. Въ *Ἀρχ.* I, 3, 9 Іосифъ говоритъ о долголѣтіи первыхъ людей и, въ предупрежденіе ложнаго заключенія читателей отъ нынѣшней продолжительности жизни къ неправильности библейскаго повѣствованія объ этомъ предметѣ, замѣчаетъ: *μηδεὶς πρὸς τὸν νῦν βίον καὶ τὴν βραχύτητα τῶν ἐτῶν ἃ ζῶμεν συμβαλὼν τὸν τῶν παλαιῶν ψευδῆ νομιζέτω τὰ περὶ ἐκείνων λεγόμενα.*

[1]) Reland, not. ap. Hav. „tantum quia gentibus scribit, ut, si haec iis fidem superare videantur, suo fruantur arbitrio nec propterea a legendis reliquis quae fraditurus est absterreantur“.... (*Ἀρχ.* XVII, 13. 5). Gerlach, 32.
[2]) Philostorgius in Suidae collectaneis s. voce *φλέγων*. Gerlach, 32.
[3]) Напр. *Ἀρχ.* I, 3, 9, и множ. др.
[4]) *περὶ ἁλώσεως, προοίμ.* I, 1.
[5]) Die Weissagungen des Alten Testaments in schr. d. Fl. Ios. 33—34.

Онъ приводитъ, затѣмъ, еще въ подтвержденіе онаго — свидѣтельства Манеѳона, Вироста и мѣста многихъ греческихъ авторитетовъ. И если послѣ всего этого, отразивъ всякія нападки относительно своего предмета, онъ присоединяетъ еще приведенное замѣчаніе, — очевидно, оно уже не могло являться выраженіемъ его собственнаго сомнѣнія? Подобное же явленіе мы имѣемъ, по Gerlach'y, при разсказѣ Іосифа о переходѣ Израиля чрезъ Чермное море, который онъ, сверхъ усилія подтвердить достовѣрность событія „стороной“, чрезъ попутно-приводимое сравненіе съ переходомъ Александра В. чрезъ Памфилійское море [1]), сопровождаетъ подобнымъ замѣчаніемъ [2]). Только совершеннымъ незнаніемъ основъ для этого сравненія могъ объясняться упрекъ, который, напр., Ittig, proleg. [3]) въ данномъ случаѣ дѣлаетъ Іосифу. Прежде всего ясно, замѣчаетъ Gerlach, что само по себѣ это сравненіе Іосифа не могло въ сущности ослаблять факта; совершенно напротивъ, — подобно какъ во многихъ другихъ случаяхъ обращеній Іосифа къ языческой исторіи, здѣсь есть тенденція даже усилить чудесность—возвышеніемъ Памфилійскаго событія къ чудесно-Божественному дѣйствію (примѣнительно къ воззрѣніямъ греческихъ читателей) съ одной стороны, — и установленіемъ превосходства надъ нимъ Чермно-морскаго, съ другой. И когда Іосифъ, затѣмъ, заключаетъ свой разсказъ повидимому допускающею подозрѣніе по отношенію къ этому чуду формулою (*περὶ μὲν οὖν τούτων ὡς ἑκάστῳ δοκεῖ διαλαμβανέτω*), то, при ближайшемъ разсмотрѣніи этого мѣста въ связи съ предшествующимъ ходомъ мыслей Іосифа, оказывается, что его формула одинаково естественно вяжется—какъ съ его передачей (или вообще съ достоинствомъ) повѣствованія священныхъ книгъ, такъ и съ дилеммой — *εἴτε κατὰ βούλησιν θεοῦ, εἴτε κατ' ἀντ'-ματον,*—которую Іосифъ ставитъ для тѣхъ, кто желалъ бы какъ-либо уяснить себѣ возможность легендарнаго повѣствованія о переходѣ Александра. Подобнымъ образомъ, и во многихъ другихъ случаяхъ, вовсе нѣтъ надобности, какъ справедливо замѣчаетъ Gerlach [4]), трактовать, какъ знакъ личнаго равнодушія Іосифа, его оговорку — *περὶ μὲν τούτων ἕκαστος ὡς αὐτῷ δοκεῖ σκοπεῖτω,* — въ чемъ особенно ясно можно убѣдиться изъ *Ἀρχ.* III, 11, 7. Упомянувъ вначалѣ: *καταγελάσειέν τις τῶν λεγόντων Μοϋσῆν λέπρᾳ κεκακωμένον αὐτόν τε ἀπ' Αἰγύπτου φυγεῖν καὶ τῶν ἐκπεσάντων διὰ ταύτην τὴν αἰτίαν ἡγησάμενον εἰς τὴν Χαναναίαν ἀγαγεῖν ἀντοῦς,* — Іосифъ дальше поясняетъ: *δῆλον ὡς ταῦτα μὲν περὶ ἡμῶν λέγουσιν ὑπὸ βασκανίας προαγόμενοι.* Съ какою неподдѣльно-естественною запальчивостію борется онъ противъ этого злонамѣреннаго вы-

[1]) Strabo, lib. XIV; Plutarch, Alex. pg. 673.
[2]) *Ἀρχ.* II, 16, 5.
[3]) Gerlach, 33 стр. примѣчаніе.
[4]) Die Weissagungen... 34 стр.

мысла [1]), и еще ли предоставляетъ сужденіе объ этомъ желанію читателей!? Или еще: могла ли колебать подобная же его оговорка дѣйствительную цѣну Моисею и Даніилу, когда въ Ἀρχ. IV, 6, 13 и X, 11, 7, послѣ предпосланныхъ имъ великихъ похвалъ, Іосифъ eo ipso гарантируетъ своего читателя отъ иныхъ ненадлежащихъ воззрѣній? Очевидно, стереотипная оговорка Іосифа во всѣхъ подобныхъ случаяхъ имѣла лишь то значеніе, что свидѣтельствовала наивозможное безпристрастіе и желаніе устранить возможность всякаго конфликта съ судомъ читателей.

Наперекоръ, однако, приведеннымъ доводамъ, — можетъ быть, способнымъ ослаблять нѣсколько враждебное расположеніе къ Іосифу, — никоимъ образомъ нельзя игнорировать выступающаго во многихъ мѣстахъ его Археологіи явнаго намѣренія — прямо устранить чудо, или, по крайней мѣрѣ, такой нерѣшительности, которая могла истекать только изъ раціоналистическаго опасенія показаться въ своемъ разсказѣ слишкомъ смѣшнымъ и невѣроятнымъ. Едва ли не при этомъ объясненіи болѣе всего — становится понятнымъ то, что рядомъ съ неустранимымъ разсказомъ о чудесномъ раздѣленіи Чермнаго моря Іосифъ ставитъ фактъ, будто бы подобный, изъ исторіи Александра [2]). Моисей въ пустынѣ дѣлаетъ воду удобною для питья послѣ того, какъ заставляетъ вычерпать большую ея часть, убѣждая Іудеевъ, что Богъ далъ бы имъ хорошую воду, если бы они сами протянули руку. Агарь, заблудившаяся въ пустынѣ, находитъ пастуховъ, которые заботятся о ней. Ангелъ-истребитель II Ц. 19, 35 превращается въ язву, свирѣпствовавшую въ лагерѣ Сеннахирима; и множ. подобныхъ мѣстъ, съ явной тенденціей — объяснить чудо естественно и безъ соблазновъ для читателя. Когда, съ другой стороны, часть чудесъ пророковъ Иліи и Елисея проходится молчаніемъ, особенно вознесеніе перваго; пребываніе Іоны во чревѣ китовомъ упоминается почти съ выраженіемъ сомнѣнія; фактъ превращенія Навуходоносора въ звѣроподобное состояніе обходится съ ловкостію, поистинѣ тонкою, и т. д.; то наличностію всѣхъ подобнаго рода случаевъ изобличается разновидность той же тенденціи—стремленіе обойтись естественнымъ представленіемъ хода событій, безъ элементовъ чудесности. Не въ разрѣзъ этому, мы сознаемъ, что остается все таки гораздо большее количество чудеснаго, которое Іосифъ воспроизводитъ со всею точностію и даже иногда съ преувеличеніями [3]); такъ, напримѣръ, онъ приписываетъ даръ слова всѣмъ животнымъ до паденія человѣка; тьму египетскую сгущаетъ до той необычайности, что люди погибали, не будучи въ состояніи дышать слишкомъ плотнымъ воздухомъ; волосы Авессалома такъ густы, что остригались каждые 8 дней; въ сраженіяхъ, не довольствуясь весьма зна-

[1]) Ср. также κατ. Ἀπίων. I, 31 ff. II, 27.
[2]) Плутархъ, см. далѣе, въ подлеж. мѣстѣ.
[3]) Ersch und Grüber. Jos. Fl. 112.

чительными цифрами текста, онъ допускаетъ убивать неисчислимое множество враговъ, и ни одного еврея. Наконецъ, вездѣ, гдѣ тактъ требуетъ показать достовѣрность пророчества, Іосифъ подкрѣпляетъ сопровождающимъ его чудомъ, за естественное объясненіе котораго—весьма важно здѣсь отмѣтить—Іосифъ самъ же прямо высказываетъ рѣзкое порицаніе по адресу нѣкоего ложнаго пророка: ἤρξατο τὴν αὐτοῦ (Іеровоама) δόξαν ἀναλύειν κακουργῶν καὶ πιθανοῖς περὶ τῶν γεγενημένων χρώμενος λόγοις βλάπτειν αὐτῶν τὴν ἀλήθειαν. Вообще же, надо замѣтить здѣсь, что ни преувеличенія, гораздо болѣе характеризующія разсказъ Іосифа, ни критическая осторожность, которою хотѣли объяснять его методъ по отношенію къ чудесамъ и вообще „чудесному“ Ветхозавѣтнаго Откровенія, сами по себѣ не могли вызываться настроеніемъ и воспріимчивостію его публики, которая, сколько бы ни была невѣрующею въ религіозномъ смыслѣ слова, едва ли конечно была такою относительно чудесъ [1]). А если такъ, то очевидно, что во всѣхъ тѣхъ недомолвкахъ и извращеніяхъ, какія встрѣчаются у нашего автора вездѣ, гдѣ его источники говорятъ о вещахъ необычайныхъ, многое должно быть отнесено и на долю несомнѣнно присущаго Іосифу духа раціонализма, который тѣмъ успѣшнѣе способствовалъ выступить нашему писателю и въ искусствѣ поддѣлыванія подъ вкусы прихотливыхъ читателей.

То, чего требовало угожденіе вкусамъ и самолюбію читающей публики, не менѣе требовалось панегиристическими тенденціями Іосифа. Посему, увеличивая намѣренно то, что было почетнаго для Іудейскаго народа, онъ тщательно изглаживалъ и ослаблялъ все, сколько нибудь компрометировавшее его славу. Эта тенденція изобличается уже въ настойчивыхъ усиліяхъ устранить отъ израильтянъ всякую даже тѣнь упрека въ религіозномъ непостоянствѣ и наклонности къ идолопоклонству. Онъ смѣло уничтожаетъ слѣды послѣдняго отъ начала до конца исторіи. Рахиль захватываетъ идоловъ своего отца не какъ предметы поклоненія, потому что Іаковъ научилъ ее презирать подобное служеніе, но за тѣмъ, чтобы имѣть средства угасить гнѣвъ Лавана на случай настиженія бѣглецовъ. Мѣдный змій не упоминается вовсе ни въ исторіи Моисея, ни Езекіи, равно какъ культъ Молоха и золотой телецъ Аарона. Въ разсказѣ о переселеніи жителей Дана случай относительно истукана Михи замолчанъ; то же и случай съ Гедеономъ. Преступленія народа Божія, неотмѣнно навлекавшія гнѣвъ Іеговы, представляются не болѣе, какъ только нарушеніями закона нравственнаго, допускавшимися по пристрастію къ земнымъ благамъ; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ положительнаго идолопоклонства совершенно невозможно игнорировать, Іосифъ ловко обращаетъ его въ родъ религіознаго индифферентизма, или слагаетъ

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить разсказы Тита Ливія, или еще лучше—сочиненіе Плинія Старшаго, съ одинаковою важностію передающаго и сокровища своей науки, и нелѣпыя сказки народнаго суевѣрія.

всю отвѣтственность, вмѣсто цѣлаго народа, лишь на нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. И все это еще предъ идолопоклонниками, для которыхъ, конечно, не могло быть большого соблазна въ томъ, что евреи уподоблялись имъ. Подобную же скромность обнаруживаетъ Іосифъ въ мѣстахъ, гдѣ текстъ повѣдалъ факты грустные, или, по крайней мѣрѣ, странные для читателей иноземныхъ. Такъ, онъ обходитъ молчаніемъ кровосмѣшеніе Іуды и Θамари, въ которомъ вся исторія дома Давидова (Руѳ. 4, 18); слегка касается кровосмѣшенія Лота, съ чудовищными подробностями оригинальнаго разсказа, и опускаетъ весьма существенныя черты въ инцидентѣ Веніамитянъ (Суд. XIX гл.). Не самъ Самуилъ налагаетъ руку на Агага, и казнь этого царя—простая месть, ничего общаго не имѣвшая съ дѣйствіями религіозными; изгнаніе Агари въ передачѣ Іосифа ни мало не унижаетъ достоинства Авраамова; объ убійствѣ Моисеемъ египтянина умалчивается; блудница Раавъ у него честная содержательница гостинницы; краеобрѣзанія филистимцевъ, истребованныя Сауломъ за свою дочь у Давида, преувеличиваются въ 600 головъ враговъ, изъ опасенія быть слишкомъ оскорбительнымъ для слуха читателей, оставаясь вѣрнымъ оригиналу. Верхъ безцеремонности въ злоупотребленіяхъ даннаго рода [1]) представляетъ измышленіе, что законодавецъ запретилъ Іудеямъ осмѣивать или охищать боговъ другихъ народовъ. Наконецъ, сюда же должно отнести также его усиленныя старанія выгородить свой народъ въ знаменитомъ его послѣднемъ возстаніи за свою свободу, при чемъ все это возстаніе представляется дѣломъ отдѣльныхъ фанатиковъ, увлекшихъ народъ. Всѣ эти и подобныя уклоненія, положительно произвольныя, менѣе всего можно объяснять какимъ либо вліяніемъ критическаго [2]) начала; они обязаны единственно случайной прихоти нашего писателя, обращавшаго вниманіе прежде всего и болѣе всего на впечатлѣніе, какое его разсказъ долженъ произвести на читателя, и менѣе всего на то, чтобы оставаться при этомъ строго вѣрнымъ непреложной истинѣ факта, неприкосновеннаго въ особенности для историка. Съ точки зрѣнія патріота, Іосифъ, конечно, быть можетъ, имѣлъ нѣкоторыя оправданія, но, — какъ историкъ, онъ здѣсь совершенно неизвинителенъ, и даже оскорбителенъ для Откровенной истины, достигая ея цѣлей обратнымъ ей самой началомъ (ложью). Тѣмъ болѣе—эта Іосифова тенденціозно-святотатственная продажность свящ. истины, въ интересахъ мелочнаго самолюбія (хотя бы то и національнаго и даже религіознаго, и тѣмъ болѣе ради угожденія самолюбію другихъ), должна непріятно дѣйствовать на насъ, имѣющихъ совершенно обратный (безгранично благородный) и глубоко-поучительный примѣръ въ Боговдохновенныхъ писателяхъ новозавѣтныхъ. Чуждые всякихъ эксплоатацій истины, крѣпкіе вѣрою въ ея самобытную силу, они не замалчиваютъ ни одной мрачной черты въ обстоятельствахъ хотя бы своей личной жизни, точно нарочно даже громче вопіютъ и рѣзко подчеркиваютъ въ особенности тѣ мѣста, изъ которыхъ всѣ могли видѣть ихъ человѣческія слабости, заблужденія и несовершенства (евангелисты о себѣ и о другъ другѣ; Ап. Павелъ о себѣ и о Петрѣ, и т. под.). И, при всемъ этомъ, нужно ли и доказывать ихъ полное превосходство предъ мелочнымъ тщеславіемъ и специфически-характерными пріемами плутовато-изворотливаго „жидка“?

[1]) Ἀρχ. IV, 8, 10; κατὰ Ἀπίωνος, II, 33.
Подобное поведеніе Іосифа тѣмъ болѣе странно, что уже вначалѣ, когда Іосифъ говоритъ о различіи между Моисеемъ и др. законодавцами, онъ указываетъ правильную точку зрѣнія для обсужденія іудейскаго закона, высказывая соображеніе: φανεῖται γὰρ σκοπουμένοις οὕτως οὐδὲν ἄλογον αὐτοῖς (Ἀρχ. προοίμ. § 4). Съ этой точки зрѣнія, очевидно, и исторія народа и непосредственное дѣйствіе (откровеніе) Божественнаго всемогущества въ ней не является въ какомъ либо странномъ свѣтѣ. И Іосифъ вполнѣ могъ оставаться на этой точкѣ зрѣнія, не скрывая, какъ тяжело должно быть это для язычниковъ.
[2]) Ersch und Grüber, Jos. Fl. 114 стр.

Рядомъ со стремленіемъ панегиризировать чудесныя или и просто такъ или иначе выдающіяся событія, сглаживая всѣ сколько-нибудь компрометирующія ихъ стороны,—тенденціозность Іосифова изложенія исторіи сказывается въ проведеніи мысли о значительной и даже преимущественной образованности, такъ сказать, интеллектуальной и вообще духовной гегемоніи народа еврейскаго съ самыхъ древнихъ временъ до позднѣйшихъ. Въ этихъ интересахъ вся древняя исторія представляется въ соотвѣтствующемъ славномъ свѣтѣ. Уже Адамъ, родоначальникъ еврейской исторіи, достоинъ замѣчанія въ этомъ отношеніи. Не столько силою Божественнаго вдохновенія, сколько именно благодаря своей мудрости, онъ предсказываетъ двоякую гибель міра—первый разъ отъ огня, и другой отъ воды, и изобрѣтаетъ многія важныя вещи и истины, будучи въ особенности выдающимся астрономомъ. Чтобы увѣковѣчить эти изобрѣтенія, Сиѳиты дѣлаютъ 2 столба, кирпичный и каменный, съ астрономическими надписями въ тѣхъ соображеніяхъ, что если кирпичный не уцѣлѣетъ отъ воды, то каменный способенъ выдержать испытаніе даже и огня. (Послѣдній изъ этихъ столбовъ, каменный, по увѣренію Іосифа, и „донынѣ“ въ Сирійской землѣ). Идя дальше, мы замѣчаемъ, что вообще наиболѣе замѣчательные дѣятели, около которыхъ группируются важнѣйшія событія ветхозавѣтной исторіи, представляются Іосифомъ болѣе или менѣе крупными учеными силами. Самое долголѣтіе патріарховъ и первыхъ людей вообще объясняется, кромѣ другихъ причинъ, „тщательнымъ упражненіемъ въ звѣздочетной и землемѣрной наукѣ“. Авраамъ выступаетъ въ ореолѣ особенной мудрости и просвѣщенности. Его украшаютъ высокія знанія, особливый даръ слова и прозорливость, рѣдко ошибавшаяся. Когда всѣ единогласно признаютъ его мудрымъ, онъ рѣшается исправить и улучшить мнѣнія о Богѣ, и первый отваживается объявить, что одинъ Богъ—создатель и управитель всего. Самъ онъ доходитъ до

всего этого путемъ философскаго разсматриванія природы, ея случайностей и перемѣнъ воды, воздуха, солнца и т. под. Цѣль поѣздки въ Египетъ Авраама—своего рода научная, помимо голода. Авраамъ путешествуетъ туда, желая „на мѣстѣ“ изслѣдовать мнѣнія тамошнихъ жрецовъ о богахъ—съ тѣмъ, чтобы, если ихъ убѣжденія окажутся лучше,—послѣдовать имъ, если же хуже, — ихъ обратить. Въ самомъ Египтѣ Авраамъ открываетъ рядъ диспутовъ съ египетскими мудрецами и одерживаетъ надъ ними блистательную побѣду. Далеко по Египту разносится слава его, какъ первокласснаго оратора и выдающагося мудреца. Онъ знакомитъ мудрецовъ египетскихъ съ наукою численія и основами звѣздозаконія, что̀ въ Египтѣ ранѣе было неизвѣстно и перешло лишь отъ халдеевъ (чрезъ Авраама), отъ которыхъ усвоили, затѣмъ, эту мудрость и греки. Та же (образовательная) тенденція проведена въ повѣствованіи о величайшемъ законодателѣ Моисеѣ, самыя условія жизни котораго (въ Египтѣ) давали этому удачнѣйшее примѣненіе, благодаря также его безпримѣрному значенію въ качествѣ „средоточія“ Ветхаго Завѣта. Уже само Свящ. Писаніе вызывало на это примѣненіе, когда намекало на воспитаніе Моисея во всей мудрости египетской. Подобно сему, по изображенію Іосифа, Моисей „разумомъ своимъ превосходилъ всѣхъ смертныхъ, сколько бы ихъ прежде ни было...., имѣлъ удивительный даръ слова, особенно когда говорилъ къ народу [1]). „Зналъ“ укрощать страсти свои такъ, что казалось-будто бы ни одной въ немъ не было, и самыя имена ихъ были извѣстны ему лишь по зрѣнію въ другихъ. Былъ такой военачальникъ, что могъ считаться между первѣйшими, и пророкъ, каковой едва ли болѣе изъ смертныхъ возстанетъ, такъ что его изреченія почитались изреченіями самого Бога“. Въ другомъ мѣстѣ Моисей представляется также авторомъ какихъ-то шестистопныхъ стиховъ (не записанныхъ въ священныхъ книгахъ), которые онъ прочиталъ народу и содержаніемъ коихъ было предсказаніе о будущихъ событіяхъ, и донынѣ въ точности исполняющееся. То же усвояется Давиду, автору стиховъ пятистопныхъ и трехстопныхъ. Но особеннымъ ореоломъ мудрости окружается, конечно, величайшій изъ ветхозавѣтныхъ мудрецовъ—Соломонъ. „Разумъ и премудрость, которыми одарилъ Богъ Соломона, были столь велики, что превосходилъ онъ ими всѣхъ прежде его бывшихъ смертныхъ: и не только имѣлъ онъ преимущество предъ Египтянами, которые почитаются мудрѣйшими изъ всѣхъ; но и доказалъ самымъ опытомъ, что ихъ глубокія знанія весьма далеко отстояли отъ его премудрости“. Въ своихъ сочиненіяхъ „о всѣхъ видахъ растеній отъ иссопа даже до кедра“, въ притчахъ „о всѣхъ животныхъ [2]), обитающихъ на землѣ, въ водахъ и летающихъ по воздуху“, онъ „о природѣ каждаго разсуждалъ, какъ философъ, и показалъ, что обладалъ

[1]) Срав. Исх. IV, 10, 14, 15, 16 стихи.
[2]) 3 Цар. IV, 33—34 и др. м.

въ томъ превосходнымъ знаніемъ“. Довольно добавить къ сему, что онъ былъ родоначальникомъ „науки изгнанія бѣсовъ“, какъ составившій врачевательныя формулы, дѣйствіе которыхъ Іосифъ видѣлъ самъ въ нѣкоемъ изъ своихъ соотчичей.... [1]) Наконецъ, желаніе—сдѣлать свой народъ достойнымъ въ данномъ отношеніи вниманія греко-римскаго образованнаго общества выражается (не совсѣмъ удачно) въ характерномъ стремленіи представить тогдашніе іудейскіе толки въ видѣ „философскихъ“ [2]) партій или школъ, навязывая имъ разработку проблемъ свободы и безсмертія и полагая въ основу для ихъ различія модное тогда ученіе о судьбѣ. Если гдѣ, то въ особенности здѣсь Іосифъ и долженъ былъ дать волю своимъ усиліямъ показать, что іудейство не только не отстало отъ образованнѣйшихъ націй того времени, но представляло своеобразные задатки всего лучшаго, что хотѣла и могла дать древняя образованность. Такимъ-то образомъ, фарисеи являются у него умѣренными сторонниками ученія о судьбѣ, допускающими ученіе о нѣкоторой свободѣ воли, безсмертіи души и будущемъ воздаяніи; ессеи—строгими поборниками мысли о ея всемогущей власти, олицетворяемой въ лицѣ Бога [3]), и по жизни—истинными пиѳагорейцами, отличавшимися также особенными естественнонаучными знаніями и искусствомъ врачеванія [4]); саддукеи, въ противоположность тѣмъ и другимъ, выступаютъ противниками ученія о судьбѣ, совершенными епикурейцами, отрицавшими самую возможность существованія души по раздученіи съ тѣломъ. Къ числу основателей „философскихъ“ толковъ относитъ Іосифъ даже извѣстнаго вождя возстанія іудейскаго, Іуду Галилеянина, выставляя отличительною чертою его „ученія“ (сближаемаго съ фарисействомъ) крайнюю любовь къ свободѣ и почитаніе Бога „единымъ властителемъ своимъ и правителемъ“, при чемъ—практическимъ результатомъ его догмы въ послѣдователяхъ было то, что они „ни за что считаютъ потерять жизнь, только бы не назвать кого изъ людей своимъ господиномъ“. Но болѣе всего и основательнѣе, пожалуй, всего разсматриваемая мысль проводится въ особомъ сочиненіи Іосифа „противъ Апіона“. Если въ Археологіи Іосифъ не безъ натяжекъ или, по крайней мѣрѣ, не столь непринужденно оттѣняетъ въ болѣе или менѣе подходящихъ мѣстахъ излюбленную тенденцію объ особенной образованности, искони присущей его народу, то въ указанномъ сочиненіи онъ—съ талантомъ спеціалиста въ этой области—даетъ не мало общихъ мѣстъ, не просто только подтверждающихъ занимавшую его мысль, но и достаточно прочно обоснованныхъ и засвидѣтельствованныхъ. Сопоставляя здѣсь литературу и мудрость въ древнѣйшихъ ея проблескахъ съ еще болѣе древнѣйшею литера-

[1]) Срв. объ ессеяхъ, *περὶ ἀλλώσ.* II, 8, 6; см. Graetz, 469 стр.
[2]) Выраженіе самого Іосифа.
[3]) *Ἀρχ.* XVII, I, 5; XVI, 10.
[4]) *Περὶ ἀλώσεως*, II, 8, 6.

турою еврейскаго народа, по справедливости, бывшею свѣтомъ во тьмѣ, Іосифъ—если и не умѣло поступалъ въ частностяхъ, то не былъ неправъ въ общемъ; такъ что если и вмѣнять ему что въ вину и недостатокъ, такъ не столько тенденцію выставить вездѣ преимущество еврейскаго народа въ интеллектуальномъ отношеніи, сколько не совсѣмъ удачное проведеніе этой тенденціи въ частныхъ ея примѣненіяхъ.

б) Далеко важнѣе и крупнѣе другая важная особенность и вмѣстѣ недостатокъ Іосифа; это его крайняя по мѣстамъ *некритичность*,—недостатокъ, отчасти общій у него со всѣми другими историками древности. Недостатокъ критики и безпристрастія,—при слишкомъ свободной переработкѣ, какой Іосифъ подвергалъ священный текстъ и при крайнемъ легковѣріи его къ менѣе важнымъ и авторитетнымъ источникамъ,—въ особенности рѣзко обнаруживается въ первой половинѣ его Археологіи, обнимающей первыя 11 книгъ, тѣмъ болѣе, что въ качествѣ главнаго и почти исключительнаго источника при написаніи этихъ книгъ для него могло быть вполнѣ достаточно каноническихъ книгъ Библіи, между тѣмъ какъ пользованные имъ побочные источники (особенно преданіе) во многихъ мѣстахъ прямо исключаютъ главный, состоя съ нимъ въ непримиримомъ противорѣчіи. Какъ истый фарисей, „излиха ревнитель“ отеческихъ преданій, онъ не только наравнѣ съ Библіею, но едва ли не выше ея ставитъ умствованія традиціоннаго характера, вѣками наслоявшіяся въ безобразную кучу всевозможныхъ нелѣпостей, о какихъ даютъ достаточное понятіе перлы пресловутой раввинистической литературы; и изъ этихъ-то мутныхъ источниковъ и такъ безразборчиво черпалъ нашъ авторъ свои „историческія“ сообщенія, свидѣтельствуя всѣ таковыя „согласіемъ“ съ Откровенною истиною. Насколько подобнымъ заявленіямъ можно придавать значенія, остается судить уже потому, что этого „согласія“ у него мало даже тамъ, гдѣ онъ завѣдомо воспроизводилъ священный текстъ. Благоговѣйное величіе и непорочная откровенность послѣдняго съ его неподражаемою простотою и краткостію у него совершенно исчезаютъ, взамѣнъ чего блещетъ какая-то „философическая аффектація стиля“ [1]), въ духѣ классическо-греческой популярной литературы, съ произвольнымъ уродованіемъ фактовъ безчисленными украшеніями и высокопарными разсужденіями, столь странно звучащими для всякаго, способнаго цѣнить ясность и краткость библейскаго текста. Таковы—неудачный перифразъ словъ Творца къ прародителямъ, разговоръ Бога и Каина, разсужденія Авраама съ Исаакомъ на горѣ Моріа; рѣчь Рувима къ братьямъ, намѣревавшимся убить Іосифа; молитва Моисея предъ вступленіемъ въ Чермное море и весь рядъ рѣчей, влагаемыхъ въ уста этого пророка, чтобы придать ему блескъ въ глазахъ публики, оцѣнивавшей величіе людей не иначе, какъ успѣхами на

[1]) Ersch und Grüber. Jos. Fl.

трибунѣ. Вплетая всѣ эти многословныя отступленія въ изложеніе фактовъ и, особенно, вводя въ свой разсказъ безчисленныя заимствованія изъ народныхъ и раввиническихъ преданій, переполняющихъ особенно первую половину его Археологіи, Іосифъ пользуется ими не только тамъ, гдѣ ихъ было бы можно еще такъ или иначе оправдать отсутствіемъ болѣе опредѣленныхъ важныхъ указаній священнаго текста, и—дававшею себя чувствовать—необходимостію восполнить недостающее или неточное въ свящ. текстѣ; но совершенно напротивъ—всѣ эти подробности и заимствованія только до неузнаваемости искажаютъ смыслъ имѣющагося въ оригиналѣ сообщенія, и пропускаются Іосифомъ не только безъ всякой критической оцѣнки и разсужденія, но и безъ всякой въ нихъ надобности. Вполнѣ возможно при этомъ, что, удовлетворяясь худшимъ матеріаломъ раввинистовъ и предпочитая ихъ умствованія объективной истинѣ Слова Божія, Іосифъ почти не имѣлъ предъ глазами совершенно своего каноническаго источника, или какъ будто чрезъ-чуръ довѣрялъ своей памяти, одинаково почерпая изъ нея не только то, что нѣкогда было усвоено имъ непосредственно отъ Библіи, но и то, чѣмъ онъ былъ обязанъ ходившимъ тогда — и частію записаннымъ, частію еще устнымъ—раввинистическому и народному преданіямъ. Этимъ ошибкамъ памяти, наряду съ разсѣянностію и поверхностнымъ невдумчивымъ припоминаніемъ, безразборчивому и небрежному употребленію своихъ источниковъ можно приписывать многія изъ тѣхъ уклоненій Іосифа отъ священнаго текста, которыя вообще были бы невозможны для писателя, прежде всего имѣвшаго предъ глазами авторитетнѣйшій источникъ и сознававшаго всю его важность и превосходство.

Не ослабляютъ высказанный нами упрекъ Іосифу въ недостаткѣ критицизма нѣсколько случаевъ, когда онъ исправляетъ, напримѣръ, свидѣтельства, приводимыя имъ, по поводу извѣстныхъ событій, изъ нѣкоторыхъ внѣбиблейскихъ авторовъ, особенно во II половинѣ Археологіи. Наиболѣе яркіе изъ этихъ случаевъ выступаютъ въ отзывахъ Іосифа о Николаѣ Дамаскинѣ, который служилъ для него главнымъ источникомъ при написаніи исторіи Ирода. Какъ другъ послѣдняго, упомянутый историкъ, разумѣется, не могъ быть совершенно безпристрастнымъ описателемъ исторіи своего патрона, тѣмъ болѣе, если эта исторія писалась во время жизни послѣдняго и при его болѣе или менѣе живомъ и близкомъ участіи, напр., чрезъ посвященіе въ тайны своихъ мемуаровъ, существованіе какихъ извѣстно было Іосифу [1]) и отражается во многихъ мѣстахъ Иродовой исторіи [2]), и т. под.

[1]) Ἀρχ. XV, 6, 3.

[2]) Таково, напр., описаніе происшествія, свидѣтельствовавшаго трогательную любовь Ирода къ матери (Ἀρχ. XIV, 13, 8), и великодушное обращеніе со своими спутниками при бѣгствѣ отъ Антигона,—носящее сильные слѣды мемуарныхъ источниковъ, а также описаніе путешествій Ирода въ Римъ и обратно, разнаго рода чудесныя происшествія (XIV, 15, 11—13) и мн. др.

Обращая вниманіе на это, Іосифъ самъ не разъ изобличаетъ лесть, говорившую устами Иродова наперсника и извращавшую дѣйствительный смыслъ событій въ его царствованіе, что̀, такимъ образомъ, предполагаетъ само собою критику на весь трудъ Николая, который *οὐ γὰρ ἱστορίαν τοῖς ἄλλοις ἀλλ' ἐπουργίαν τῷ βασιλεῖ ταύτην ἐποιεῖτο*. Съ подобною именно оговоркою Іосифъ ссылается, напримѣръ, на свидѣтельство Николая, въ повѣствованіи о томъ, какъ Иродъ, по примѣру Уркана, хотѣлъ вскрыть Давидову гробницу ради ея сокровищъ. Іосифъ съ неудовольствіемъ [1]) обращаетъ вниманіе на то, что Николай, „славившійся въ то время своими лѣтописаніями“, однако, ничего не говоритъ о неудачахъ хожденія Ирода въ гробницу, хотя и упоминаетъ о поставленномъ отъ царя зданіи, которое, по мнѣнію Іосифа, Иродъ воздвигъ (при входѣ въ Давидову гробницу) именно для умилостивленія Бога, убившаго пламенемъ двоихъ Иродовыхъ тѣлохранителей, въ моментъ приближенія къ гробницѣ. Причину этого молчанія Іосифъ здѣсь же объясняетъ льстивостью Николая, знавшаго, что повѣствованіе объ этомъ приключеніи не много принесло бы царю чести, каковую скромность—добавляетъ Іосифъ съ ироніей—„наблюдаетъ онъ (Николай) и въ другихъ случаяхъ [2]); ибо, какъ жилъ онъ въ правленіе Ирода, то и писалъ только о томъ, чѣмъ царю угодить могъ, касаясь исключительно тѣхъ дѣлъ, которыя могли служить къ славѣ его имени; напротивъ, самыя явныя его беззаконія или описывалъ другими красками или старался по возможности замалчивать“. Въ качествѣ образчика приводится стараніе Николая обставить благовидными предлогами жестокость Ирода надъ Маріаммой и дѣтьми ея,—оклеветаніемъ царицы въ безстыдной невѣрности и мстительныхъ злоумышленіяхъ ея дѣтей по отношенію къ Ироду. Угодничествомъ Ироду объясняетъ Іосифъ показаніе Николая, производившаго родъ Ирода отъ знатныхъ Іудеевъ, возвратившихся изъ Вавилонскаго плѣна—*ταῦτα δὲ λέγει χαριζόμενος Ἡρώδῃ* [3])....., и вообще на каждомъ шагу даетъ понять, что онъ далеко не былъ чуждъ, и въ весьма значительной степени, критической осторожности къ этому „заказному“ исторіографу и „придворному льстецу“ Ирода. Довольно характерна также поправка [4]), вносимая Іосифомъ въ свидѣтельство „отца исторіи“ Геродота, ошибочно приписывавшаго [5]) походъ на Египетскаго царя при Езекіи царю Ефіопскому, вмѣсто [6]) Ассирійскаго (Сеннахирима), или критика на замѣчаніе историка Поливія о *намѣреніи* Антіоха ограбить Артемидино капище, какъ причинѣ его несчастной гибели, которую самъ Іосифъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ объяснить *совершившимся фактомъ* грабежа, учиненнаго упомянутымъ царемъ Іерусалимскому храму. Не говоря, затѣмъ, объ особенно многихъ и болѣе или менѣе прекрасныхъ критическихъ замѣткахъ, дополненіяхъ и исправленіяхъ различныхъ свидѣтельствъ древнихъ историковъ, касавшихся такъ или иначе Іудейской исторіи,—переполняющихъ наилучшій въ этомъ отношеніи трудъ Іосифа „противъ Апіона“, мы не можемъ игнорировать и въ Археологіи его другихъ фактовъ болѣе или менѣе критической самодѣятельности Іосифа при сводѣ внѣбиблейскихъ авторовъ,—между которыми, надо замѣтить, онъ имѣлъ не только безпристрастныхъ, спокойныхъ описателей старины, но и немало завзятыхъ и общепризнанныхъ недоброжелателей Іудейства,—по отношенію къ коимъ онъ, конечно, уже не могъ быть слѣпъ и черезъ чуръ довѣрчивъ.

1) Ἀρχ. XVI, 7, 1.
2) Ἀρχ. XVI, 7, 1.
3) Ἀρχ. XIV, 1, 2.
4) *πλανᾶται*—погрѣшаетъ.
5) во II книгѣ исторіи.
6) Ἀρχ. X, 1, 4.

Но всѣ эти факты, свидѣтельствующіе въ отдѣльныхъ частностяхъ о томъ, что Іосифъ далеко не всегда былъ пассивнымъ, несамостоятельнымъ историкомъ-компиляторомъ,—въ общемъ не препятствуютъ поддержать упрекъ Іосифу за слабость критики и научнаго безпристрастія, заставляющую невольно заподозривать Іосифа даже тамъ, гдѣ, быть можетъ, онъ и не заслуживаетъ подобныхъ подозрѣній. Его критика къ тому же страдаетъ узкою односторонностію и крайнею невыдержанностію и случайностію, необходимо являвшимися изъ того, что это была не критика въ цѣляхъ выясненія чистой истины, а лишь критика въ цѣляхъ обоснованія предвзятой мысли. Задавшись цѣлью—представить исторію своего народа во вкусѣ греко-римскаго образованнаго общества и въ возможно лучшемъ ея свѣтѣ, онъ считалъ возможнымъ и законнымъ для этой цѣли все—и замалчиваніе невыгоднаго и выдумка благопріятствовавшаго,—не только исправленіе ошибочныхъ показаній внѣшнихъ свидѣтельствъ, но и безразборчивая, огульная свалка въ одну кучу традиціонныхъ басенъ, по отношенію къ которымъ необходимость критики и недовѣрія иногда прямо подсказывается чувствомъ самаго непритязательнаго читателя. Мы должны, впрочемъ, сказать и болѣе того. Не только въ прямо подозрительномъ и традиціонномъ матеріалѣ не могъ разбираться тщательно Іосифъ, но даже и въ тѣхъ самыхъ сторонніхъ сообщеніяхъ, довѣріе къ которымъ самъ же основательно и съ особеннымъ удареніемъ подрывалъ рѣзкою ихъ критикою въ общемъ. Когда мы читаемъ, напр., его исторію Ирода, которую онъ приводитъ по Николаю Дамаскину, основательно заподозрѣнному имъ въ угодничествѣ Ироду, то поражаемся странною двусмысленностію его отзывовъ объ этомъ деспотѣ. Мы не знаемъ положительно, чему вѣрить въ устахъ одного и того же Іосифа, тому ли, что Иродъ „всегда считалъ за долгъ свой какимъ бы то ни было образомъ облегчать несчастіе подданныхъ своихъ“, и „отечески заботился объ ихъ благо-

состоянiи“ [1]); или—тому, что былъ для нихъ „неумолимымъ“ тиранномъ [2]), въ то время какъ „даже чужимъ [3]) свободно по своему великодушію прощалъ всякія обиды“, и что отъ народа же награбленныя сокровища онъ „открывалъ народу въ дни всенародныхъ испытаній (голода и т. п.) не столько [4]) изъ желанія помочь имъ, сколько для того, чтобы укротить ихъ ненависть;—тому ли, что это былъ дѣйствительно „государь достойнаго удивленія великодушія и мужества въ несчастіяхъ, заслуживший великое почтеніе отъ всѣхъ своими храбрыми дѣяніями, щедростію и благотворительностію“ [5]); или это было воплощеніе звѣрства и кровожадности, которое только терпѣливо „сносилъ народъ, негодуя на его дѣла, клонившіяся единственно къ уничтоженію ихъ закона и поврежденію нравовъ“ [6]);—тому ли, наконецъ, вѣрить, что это былъ несчастный по опредѣленію самой судьбы семьянинъ, игрушка рока, во всемъ остальномъ ему благопріятствовавшаго [7]); или—жестокій и безчувственный отецъ, который столько былъ властолюбивъ и славожаждущъ, что никого не хотѣлъ имѣть своимъ товарищемъ,—неистовый сумасшедшій маніаканъ, не считавшій себя безопаснымъ даже отъ исчадій чрева своего [8])?... Объяснить всѣ подобныя противорѣчія помогаетъ самъ Іосифъ, то рабски и незамѣтно слѣдовавшій придворному историографу и льстецу Ирода—Николаю Дамаскину, и даже самъ выступавшій въ роли апологета [9]),—то какъ будто вдругъ спохватившійся и обрушивающійся на обоихъ со столь же неумолимою, сколько и несправедливою критикою, которой недоставало у него въ другихъ случаяхъ, не менѣе нуждавшихся въ критическомъ представленіи и оцѣнкѣ. Если, такимъ образомъ, Іосифъ съ трудомъ могъ пользоваться оружіемъ критики даже тамъ, гдѣ врагъ его не скрывалъ себя отъ него, то нечего и говорить, что онъ плохо умѣлъ пользоваться этимъ оружіемъ и тамъ, гдѣ онъ этого врага не подозрѣвалъ и даже прямо мыслилъ въ числѣ друзей своихъ (іудейскія преданія, клонившіяся къ прославленію іудейства). Но особенно характерно выражается отсутствіе критицизма и просто даже писательской самодѣятельности Іосифа во многихъ мѣстахъ какого-то полусознательнаго списыванія и дословнаго копированія самыхъ, повидимому, неумѣстныхъ подробностей подлинника. Таковы—его странныя и наталкивающія лишь на постоянныя недоразумѣнія—„отсылки“ къ „другимъ“ мѣстамъ его сочиненія, въ которыхъ онъ будто бы уже разсматривалъ или еще разсмотритъ прерываемое имъ повѣствованіе,

[1]) Ἀρχ. XV, 9, 2.
[2]) Ἀρχ. XV, 7, 10; 5, 5.
[3]) Ἀρχ. XV, 10, 3; 5, 5.
[4]) Ἀρχ. XV, 10, 4.
[5]) Ἀρχ. XV, 5, 5; 6, 6—7; 9, 5; XIV, 13, 8 и др.
[6]) Ἀρχ. XVI, 11, 7; XV, 10, 4.
[7]) Ἀρχ. XVI, 10, 1; 11, 7, 17.
[8]) Ἀρχ. XVI, 11, 17; 8, 6.
[9]) Ἀρχ. XVI, 5, 4.

и которыя оказываются просто заимствованными изъ первоисточника и нигдѣ болѣе не имѣющими у Іосифа своихъ параллелей [1]). Масса подобныхъ случаевъ, правда, не приноситъ особеннаго ущерба самому повѣствованію; однако, характерна въ томъ отношеніи, что рисуетъ крайнюю поспѣшность Іосифа, недостатокъ сосредоточенности, вниманія и сознательности въ изысканіи и обработкѣ собираемаго матеріала, неизбѣжно допускающіе возможность другихъ, болѣе важныхъ и крупныхъ ошибокъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, показывающее крайнюю небрежность и неспособность Іосифа вообще здраво-критически относиться къ своему матеріалу, дѣлаетъ весь его трудъ недостаточно удовлетворяющимъ—научнымъ требованіямъ и особенно затрудняетъ пользованіе имъ въ цѣляхъ библейско-исторической науки.

в) Наконецъ, еще одинъ (третій) существенный и для библейскаго историка особенно важный недостатокъ Іосифа—это *непрагматичность* его изслѣдованія. Этимъ упрекомъ отказывается Іосифу не только въ способности быть критическимъ историкомъ, умѣющимъ разобраться въ своихъ матеріалахъ, но и въ способности быть просто историкомъ, разбирающимся въ фактахъ и умѣющимъ группировать ихъ по законамъ историческаго повѣствованія не только въ послѣдовательности и естественности, но и въ строго-логической (прагматической) связи и зависимости. Особенно ясно этотъ недостатокъ Іосифа выступаетъ въ его описаніи войны Іудейской, къ которой онъ не съумѣлъ или не хотѣлъ подойти съ наиболѣе естественной стороны и, останавливаясь лишь на казовой сторонѣ дѣла, совсѣмъ не углубляется въ истинную сущность и развитіе событій, подготовившихъ возстаніе, и во все, что составляетъ „духъ“ исторіи, и, такъ сказать, самую исторію. Единственное, въ чемъ ему нельзя отказать въ данномъ случаѣ, — это, по крайней мѣрѣ, замѣтное желаніе и стремленіе, сообразно съ планомъ своего труда, разрозненныя отрывочныя сообщенія первоисточнаго матеріала обращать въ повѣствованіе послѣдовательное, упорядоченное. Но дальше этого нашъ авторъ не идетъ, потому, между прочимъ, что онъ и не могъ идти, будучи историкомъ, такъ сказать, болѣе по профессіи, чѣмъ по призванію, независимо отъ того, что онъ былъ при этомъ еще историкомъ и тенденціознымъ. Уже потому, что онъ не могъ дать безпристрастно критической исторіи израильтянъ, разсматривающей факты съ точки зрѣнія ихъ достовѣрности и ихъ объективной важности, онъ не могъ дать и философскаго или прагматическаго обсужденія фактовъ, развитія идей и учрежденій. Нельзя не сознаться, что и нынѣ еще, послѣ столькихъ вѣковъ, едва поставляется главной задачей историка подобное обсужденіе, нерѣдко оставаясь при однѣхъ попыткахъ такой идеальной исторіи; тѣмъ болѣе это требованіе

[1]) Schürer, I, 70—71.

предъявлять къ Іосифу было бы большою несправедливостію. И за то уже ему нельзя не быть благодарнымъ, что онъ пришелъ къ мысли представить полный обзоръ исторіи Іудейскаго народа съ самаго начала рожденія человѣчества до послѣднихъ временъ, восполнивъ тѣ пробѣлы, которые представлялъ текстъ священныхъ историческихъ книгъ, опускавшій нерѣдко не только связующія или слѣдовавшія непосредственно событія, но даже цѣлыя эпохи, на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ. Правда, и Іосифъ дѣлаетъ это восполненіе не всегда и не столь удовлетворительно, благодаря своему некритическому отношенію къ матеріаламъ и по не зависящему отъ него недостатку самыхъ этихъ матеріаловъ; при всемъ томъ, остается, однако, еще многое, что можно по справедливости считать великою заслугою Іосифа, безъ чего Библейская исторія и болѣе или менѣе цѣлостный обзоръ судебъ іудейства обойтись совершенно не можетъ.

Отдавая эту дань справедливости по отношенію къ Іосифу, мы не можемъ оставить безъ вниманія высказанный ему только что упрекъ. Все могъ бы простить ему библейскій историкъ—и некритичность его изслѣдованій, поскольку этотъ недостатокъ выходилъ изъ неспособности вообще древнихъ быть критиками, и тенденціозность его Археологіи, поскольку она внушалась не столь низменными и притязательно-несправедливыми намѣреніями,— и даже непрагматичность чисто историческую можно бы вполнѣ игнорировать въ трудахъ Іосифа, снисходя къ его личной неспособности быть прагматикомъ и предъявляя вообще къ нему не иныя требованія, какъ и къ прочимъ историкамъ и писателямъ древности. Лишь нельзя простить Іосифу совершенно непрагматичности его, какъ строгаго Іудея, исторія котораго, какъ вся вообще жизнь—такъ же немыслимы безъ идеи Мессіи, какъ тѣло безъ души, и который, однако, на протяженіи всей своей обширнѣйшей Археологіи, совершенно не удѣлилъ ей мѣста. Между тѣмъ эта идея—душа всего Ветхаго Завѣта, основа всей дѣятельности величайшаго изъ уважаемыхъ Іосифомъ ветхозавѣтныхъ мужей Моисея, смыслъ всей Іудейской исторіи, которая безъ этой идеи для насъ совершенно непонятна, неестественна и даже прямо неразумна. Это самое чувствуется какъ нельзя лучше — и на опытѣ Іосифа представить *такую* исторію, въ совершенномъ отрѣшеніи отъ Мессіи. Достаточно сказать, что онъ повелъ къ совершенному игнорированію прообразовательной стороны Ветхаго Завѣта и дѣятельности пророковъ, которая, при своей кипучей жизненности, несомнѣнно имѣла важное историческое значеніе. Это послѣднее обстоятельство значительно усугубляетъ разсматриваемый недостатокъ Іосифа, подтверждая преступную подкладку его непрагматичности. Вѣдь онъ игнорируетъ указанныя важныя стороны своей исторіи вовсе не потому, что для него важна была лишь историческая сторона дѣла (какъ защищаютъ нѣкоторые Іосифа), а гораздо болѣе

по апологетически-тенденціознымъ цѣлямъ своего труда, побуждавшимъ его замалчивать все, наводящее на мысли объ ожиданіи Іудеями Мессіи-Избавителя,—только ради того, чтобы не повредить Іудеямъ во мнѣніи Римлянъ и не показать народъ имѣющимъ какія бы то ни было политическія надежды помимо Рима. Для этого, конечно, было достаточно—вовсе не жертвуя Мессіей—показать самую несостоятельность „политическихъ“ надеждъ въ миссіи Мессіи, что такъ открыто и ясно въ глаза самому Риму высказалъ Самъ Мессія (на судѣ Пилата) и доказывали Апостолы. И менѣе всего былъ законенъ для сего путь, избранный Іосифомъ—путь отреченія не только отъ ложныхъ представленій Мессіи, но и отъ Самого Мессіи. И это только въ угоду Риму, въ обмѣнъ на его дешевыя похвалы и лавры! Легко представить, какой видъ должна была принять исторія Израиля въ освѣщеніи *такого* автора. Мы не находимъ, конечно, у него ни одной мысли о томъ, какъ постепенно воспитывался Израиль въ обѣтованіи объ Искупителѣ, какъ постепенно величавый образъ Его прояснялся въ сознаніи падшаго человѣческаго рода, какъ вообще Богъ открывалъ Себя человѣчеству, влекъ его къ Себѣ и живительною мыслію Избавителя растворялъ всѣ горести и страданія въ его судьбахъ, на всѣхъ стадіяхъ историческаго развитія. Намъ скажутъ—это требованіе не совсѣмъ законно предъявлять къ Іудею, сознаніе котораго не просвѣщено христіанскимъ воззрѣніемъ на эти вещи и не нашло удовлетворенія, осуществленія своихъ завѣтныхъ чаяній? Но что вообще въ данномъ случаѣ немыслимо было иное пониманіе и представленіе дѣла, болѣе или менѣе близкое къ высказанному нами, это прекрасно подтверждается тѣмъ недовольствомъ, которое на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ и по тѣмъ же побужденіямъ высказывали Іосифу уже сами Іудеи, его современники, называя его предателемъ Іудейства и отступникомъ, при чемъ, переходъ Іосифа на сторону Рима, очевидно, являлся лишь поводомъ, а вовсе не основаніемъ для такой аттестаціи Іудейскаго апологета; яснѣе говоря—такимъ основаніемъ были сочиненія Іосифа, для которыхъ не существовало единственной надежды Іудеевъ — Мессіи. Самый „переходъ“ къ Риму былъ, такъ сказать, уже „послѣднимъ словомъ“ его отступничества отъ завѣтныхъ чаяній своего народа, „резюмэ“ его отреченія отъ всякихъ результатовъ Іудейской многострадальной исторіи,—отреченія, сказавшагося въ его Археологіи уже тамъ, гдѣ онъ со столь легкимъ равнодушіемъ, приводя рѣчь Бога къ падшимъ прародителямъ, совершенно молчитъ объ утѣшительномъ обѣтованіи Избавителя, Котораго человѣчество приглашалось ждать отъ Сѣмени жены и въ Которомъ было столь великое побужденіе къ нареченію матери всѣхъ смертныхъ именемъ „жизнь“. Это же замалчиваніе Мессіанскихъ мѣстъ, это же отреченіе отъ Мессіанскихъ надеждъ красною нитью проходитъ по всему обширному изслѣдованію Іосифа. Отвлекая Мес-

сіанскую идею отъ всѣхъ Іудейскихъ учрежденій, законовъ, вообще отъ всѣхъ воплощавшихъ ее особенностей Іудейской исторіи, онъ выставляетъ все это въ видѣ, какъ можно менѣе отталкивающемъ своею исключительностію, тѣмъ болѣе ихъ кажущеюся тенденціозностію и специфизмомъ, поскольку все это привязывалось къ ожиданію Іудеями „ихъ“ Мессіи.

Наряду съ указанною отрѣшенностію Іудейской исторіи отъ ея жизненнѣйшей и глубочайшей идеи, извращающею совершенно истинный смыслъ и духъ этой исторіи, которую упомянутая идея только и дѣлаетъ общечеловѣческо-библейскою, нельзя не высказать и другой упрекъ Іосифу, относящійся къ его непрагматичности въ начертаніи имъ собственной исторіи. Такова его неумѣстная подробность тамъ, гдѣ она совершенно могла не входить въ его задачу, и наоборотъ, — ничѣмъ не оправдываемыя краткость тамъ, гдѣ отъ него были всѣ основанія и права—ожидать и требовать обстоятельныхъ и компетентно-цѣнныхъ указаній или свѣдѣній. Между тѣмъ, помимо того, что онъ нерѣдко оказывался не въ состояніи заполнять многолѣтніе пробѣлы своей исторіи ничѣмъ существенно новымъ и критически безупречнымъ, кромѣ ходячихъ легендъ и сагъ на пространствѣ этихъ пробѣловъ,—онъ не въ состояніи былъ и вообще не постарался удѣлить побольше вниманія тѣмъ, болѣе важнымъ сторонамъ, по которымъ извѣстныя эпохи Іудейской исторіи заслуживали преимущественнаго интереса. Въ особенности ясно это на примѣрѣ совершеннаго отсутствія связи между эпохою Ездры съ Неемією и временемъ Маккавеевъ. Большую пустоту между этими эпохами (440—175 г.) Іосифъ заполняетъ всего почти только парою плохо вывѣренныхъ и установленныхъ событій, и оставляетъ въ совершенной неразработанности сырой матеріалъ книгъ Маккавейскихъ, обнимающихъ время величайшаго кризиса, который оживляетъ весь этотъ періодъ, и, воскресивъ еще разъ религіозно-національное самосознаніе Іудейскаго общества, вложилъ это самосознаніе въ опредѣленныя рамки, со всѣми характеристическими особенностями и чертами возрожденнаго послѣ-плѣннаго Іудейства.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ вообще Іосифъ мало былъ способенъ и старался обращать вниманіе на духовныя движенія своего народа и подъ фактами матеріальными открывать и изучать работу идей, являвшихся результатомъ прошедшаго и подготовлявшихъ собою работу самаго отдаленнаго будущаго. Онъ не съумѣлъ представить намъ развитія и окончательнаго сформированія стремленій и духа Іудейства, что играло столь важную роль особенно въ періодѣ между завоеваніями Александра и разрушеніемъ Іерусалима, хотя и силится показать происхожденіе и обоснованіе позднѣйшаго Іудейства посредствомъ довольно добросовѣстнаго анализа законодательства Пятокнижія.

Эта слабость истиннаго философскаго освѣщенія Іудейской исторіи и, въ

частности, отдѣльныхъ ея эпохъ, изъ коихъ каждая обладаетъ своимъ особеннымъ, ей только свойственнымъ характеромъ, являясь вмѣстѣ, какъ естественный необходимый результатъ всего предъидущаго и достаточное основаніе послѣдующаго,—въ соединеніи съ двумя преждеуказанными и разсмотрѣнными недостатками (тенденціозность, некритичность) вообще совершенно не позволяетъ отрекомендовать Археологію Іосифа въ ея „цѣломъ“ въ качествѣ надежнаго и вездѣ одинаково цѣннаго матеріала или источника Іудейско-Библейской исторіи, и заставляетъ по необходимости ограничивать ея значеніе для этой исторіи лишь отдѣльными частностями, не лишенными, впрочемъ, не только особеннаго интереса, но, по мѣстамъ, и болѣе или менѣе крупныхъ научныхъ достоинствъ.

III. *Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία* Іосифа со стороны ея источниковъ.

§ 5.

При изслѣдованіи текста и при оцѣнкѣ исторической достовѣрности и значенія Іосифа первостепенное значеніе имѣетъ вопросъ объ источникахъ, изъ которыхъ черпалъ нашъ авторъ. Здѣсь интересны для насъ должны быть въ особенности двѣ стороны этого вопроса: *качество* этихъ источниковъ самихъ по себѣ и опредѣленное *отношеніе* къ нимъ Іосифа, долженствующее быть не менѣе мѣркою значенія его для Библейской исторіи.

а) Главный и важнѣйшій источникъ Іосифа, разумѣется, есть *Библія*, обсужденіе качествъ которой, поскольку содержаніе ея составляютъ „словеса Божіи“,—собственно говоря, въ весьма ограниченной мѣрѣ подлежитъ компетенціи человѣка. Отношеніе Іосифа къ этому источнику, не только свободное, но и черезъ-чуръ произвольное, мы уже видѣли и еще увидимъ. Здѣсь мы должны разсмотрѣть прежде всего весьма важную и спорную проблему относительно того, въ какомъ видѣ пользовался Іосифъ Библіею, т. е. читалъ ли онъ ее въ оригинальномъ еврейскомъ текстѣ, или иномъ какомъ, наприм., греческомъ только, какъ полагаютъ [1]) нѣкоторые? Какъ ни странна, повидимому, уже самая возможность такого вопроса для іудейскаго священника, прошедшаго всю раввинскую мудрость своего времени и „еще 14-лѣтнимъ юношею“ способнаго бесѣдовать съ приходившими къ нему архіереями и книжниками о труднѣйшихъ мѣстахъ закона,—однако, мы должны поставить и рѣшить этотъ вопросъ, важный и самъ по себѣ и для тѣхъ употребленій, какія изъ сего могутъ быть сдѣланы. Важности вопроса соотвѣтствуетъ его трудность для опредѣленнаго рѣшенія. Это видно уже изъ того, что исторически данный вопросъ разрѣшали въ смыслѣ то благопріятномъ для Іосифа, то далеко не благопріятномъ. Съ одной сто-

[1]) Ersch und Grüber, Allg. Enc. Jos. Fl. 114 стр.

роны, его упрекали лишь за недосмотры и важныя погрѣшности противъ обычнаго еврейскаго текста, съ другой — предполагали, что у него долженъ былъ быть экземпляръ оригинальнаго текста болѣе исправный, чѣмъ нашъ, и склонны были даже исправлять этотъ послѣдній текстъ по датамъ Іосифа. Наконецъ, третьи оспаривали у него малѣйшее знаніе еврейскаго языка и, на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ, несогласныхъ съ этимъ знаніемъ, прямо утверждали, что Іосифъ пользовался лишь переводомъ LXX, что рѣшительно подтверждалось, повидимому, и многочисленными случаями очевидной зависимости Іосифа именно отъ этого перевода. Мы должны разсмотрѣть тѣ и другія мѣста и оцѣнить ихъ сравнительную доказательную силу.

Между значительнымъ числомъ мѣстъ, обнаруживающихъ въ нашемъ историкѣ, повидимому, незнаніе еврейскаго языка, иногда незнаніе прямо поразительное,—обращаютъ на себя вниманіе его опыты изъясненія именъ лицъ, мѣстъ, обрядовъ, и т. п. Примѣровъ даннаго рода такъ много, что нѣтъ возможности приводить всѣхъ ихъ. Большая часть этихъ изъясненій небезъосновательно отвергаются здравою критикою, какъ несообразныя съ отчетливымъ знаніемъ свойствъ, формъ и законовъ организма еврейской рѣчи и вообще съ филологіею. Правда, эта несообразность сама по себѣ могла доказывать только, что Іосифъ не былъ филологъ, и не имѣлъ научнаго, историческаго и этимологическаго знанія своего роднаго языка; но не болѣе. А понятно—въ этомъ отношеніи его такъ же несправедливо обвинять въ невѣжествѣ относительно своего языка, какъ несправедливо обвинять въ незнаніи языковъ греческаго и латинскаго — Цицерона, Геродота и др. классическихъ писателей, столь же небезупречныхъ съ точки зрѣнія строгофилологическихъ требованій. Въ доказательство крайняго невѣжества въ области еврейскаго языка особенно указываютъ на мѣсто передачи имъ Исх. XVI, 15, гдѣ Іосифъ безразсудно смѣшиваетъ слово מָן съ מָה, комментируя данное мѣсто *Ἀρχ.* III, 1, § 6 такимъ образомъ: *„τὸ γὰρ μὰν ἐρώτησις κατὰ τὴν ἡμετέραν διάλεκτον, τί τοῦτ' ἐστὶν ἀνακρίνουσα“*. Между тѣмъ, מָן вовсе не вопросительная частица, означающая „что?“, — отъ которой будто бы, по Іосифу, и произошло названіе манна [1]) (מָן собств. *даръ*, отъ מָנַן=מָנָה). Еврейскій языкъ знаетъ вопросительную частицу מָה, отъ которой Іосифъ не могъ, сообразно своимъ намѣреніямъ, истолковать слово „манна“. Вотъ почему и LXX опускаютъ самое имя „манны“ и говорятъ просто „что такое? — потому что они не знали, что это было“. Въ оригиналѣ же данное мѣсто, введшее въ заблужденіе Іосифа, читается такъ: „Израильтяне сказали: это отъ מָן, ибо они не знали, что такое (=מָה) это было?“ Не менѣе характерный примѣръ имѣемъ въ *Ἀρχ.* II, 4, гдѣ

[1]) О происхожденіи и значеніи этого слова см. Cartwrigthus Anglus — ad cit. loc. Exod. и Servat. Gallaeus—ad Oracula Sibyll. t. I, p. 295 и д.

Потифара, котораго Моисей называетъ въ Быт. XXXVII, 36 שַׂר הַטַּבָּחִים — „начальникъ тѣлохранителей“, Іосифъ низводитъ „въ *ἀρχιμάγειρον, ἐπὶ τῶν φαραώθου μαγείρων τοῦ βασιλέως*“. Хотя טַבָּח можетъ дѣйствительно означать повара (соб. закалатель), какъ это имѣемъ въ I Цар. IX, 23 и 24 и טַבָּחֹת — повариху, какъ I Цар. VIII, 13, однако, здѣсь Быт. XL, 3 Потифаръ особенно выразительно называется высшимъ начальникомъ тѣлохранителей אֶל-בֵּית הַטַּבָּחִים и нѣтъ никакого повода измѣнять его въ начальника поваровъ [1]). Подобное недоразумѣніе представляетъ *Ἀρχ.* III, 12, 3, гдѣ Іосифъ, толкуя слово יוֹבֵל *τοῦ Ἰωβήλου*, прибавляетъ: *ἐλευθερίαν δὲ σημαίνει τοὔνομα*, и въ V кн. 1, 2—слово גִּלְגָּל *Γάλγαλα* поясняетъ: *σημαίνει δὲ τοῦτο ἐλευθέριον ὄνομα*; или еще — имя первенца Іакова — Рувимъ измѣняетъ въ *Ῥουβήλου*, производя это, несогласно съ Быт., отъ רָאָה—видѣть и אֵל—Богъ видитъ [2]) или, наконецъ, о камнѣ, который еврейскій кодексъ называетъ просто אֶבֶן אַחַת (I Цар. VII, 12)—нѣкоторый камень, одинъ камень,—Іосифъ прибавляетъ *ἰσχυρόν, σύμβολον τῆς παρὰ τοῦ Θεοῦ γενομένης αὐτοῖς, κατὰ τῶν ἐχθρῶν ἰσχύος*.

Немало можно привести, затѣмъ, случаевъ, когда на познаніяхъ Іосифа по части древняго еврейскаго языка, познаніяхъ несомнѣнныхъ, отражалось вліяніе халдейскаго нарѣчія, многораспространеннаго во времена Іосифа; такъ это видимъ въ толкованіи рѣкъ, обтекавшихъ Эдемъ, и особенно въ *Ἀρχ.* III, 7, 2, гдѣ Іосифъ, называя „ленъ“ по халдейски, выражается: *χεθὸν γὰρ, τὸ λίνον ἡμεῖς καλοῦμεν* (халд. ניתנא—евр. פִּשְׁתָּה, ленъ) [3]), и тому под.—Указываютъ, затѣмъ, еще въ подтвержденіе мысли о незнаніи Іосифомъ еврейскаго языка на его сужденія о поэзіи своего народа, когда онъ говоритъ именно, что прощальная пѣснь Моисея написана гекзаметрами; или — что Давидъ писалъ псалмы триметрами и пентаметрами [4]). При всѣхъ усиліяхъ установить законы еврейскаго стихосложенія на основаніи этихъ указаній, мы ничего не достигаемъ, и остается лишь придти къ тому исходу, что Іосифъ въ данномъ мѣстѣ просто хотѣлъ произвести впечатлѣніе на грековъ, переводя на ихъ воззрѣнія значеніе литературы своего народа, и вовсе не изобличаетъ этимъ своего невѣжества въ знаніи еврейскаго стихосложенія. Напротивъ, само это знаніе особенно и могло давать ему основанія характеризовать его примѣнительно къ пониманію своихъ языческихъ читателей. Вѣдь если еврейскому стихосложенію и могла быть неизвѣстна просодическая мѣра, — стопы, правильно размѣренныя и симметрически расположенныя, то ему нельзя во всякомъ случаѣ отказать въ особой ритмикѣ и своеобразной музыкальной мѣрѣ, по смыслу или по со-

[1]) Carpzovii. Critica sacra. 949 стр.
[2]) Bloch, 14.
[3]) Срв. здѣсь Talmud Bab. Joma, 71, b, Jalkut, I, 380; Tachauer, 34 стр.
[4]) *Ἀρχ.* II, 16, 4; IV, 8, 45; VII, 12, 3. Ph. Chasles. 40 стр.

звучію,—дѣлающей эти стихи весьма удобными для вокальнаго и инструментальнаго выполненія. Это-то все и могло естественно побуждать Іосифа говорить о метрѣ, и метрѣ разнообразномъ, чтобы дать, хотя отчасти, понятіе о своеобразныхъ красотахъ своего стихосложенія, не иначе доступныхъ сужденію грековъ, какъ въ аналогіи, хотя бы въ дѣйствительности и не существовавшей, между стихосложеніемъ еврейскимъ и классическо-греческимъ и римскимъ.

Наконецъ, можно указать нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ, хотя Іосифъ одинаково грѣшитъ не только противъ еврейскаго текста, но и LXX, — тѣмъ не менѣе, повидимому, даетъ всѣ основанія думать, что причина этихъ погрѣшностей лежитъ именно въ незнакомствѣ съ еврейскимъ текстомъ Библіи. Таковъ разсказъ въ исторіи потопа о возвращеніи ворона въ „ковчегъ“, между тѣмъ какъ оригинальный текстъ, а за нимъ и LXX, говорятъ, что воронъ въ самый ковчегъ не возвращался. Еще поразительнѣе подобная филологическая ошибка въ разсказѣ о принесеніи Авелемъ жертвы изъ молока, опять вопреки оригиналу и LXX, хотя нѣтъ особенной надобности относить здѣсь возможность ошибки [1]) къ самому Іосифу, въ виду того, что въ этой странности проводится, несомнѣнно, заимствованная изъ преданія тенденція. Болѣе важнымъ представляется доводъ, что Іосифъ, если бы имѣлъ основательный навыкъ въ чтеніи еврейскаго текста, едвали бы говорилъ [2]) о „царѣ острововъ“ тамъ, гдѣ въ оригинальномъ текстѣ и LXX стоитъ „цари хеттейскіе“, составлявшіе, какъ изъѣстно, древнее племя хананейское. Не могъ ли, замѣчаютъ, смѣшать Іосифъ, имѣя предъ собою текстъ еврейскій, этихъ Хеттеевъ (חִתִּים) съ כִּתִּים или כִּתִּים — имя, которымъ въ Ветхомъ Завѣтѣ обозначаются острова Средиземнаго моря и ихъ обитатели, если у него не было предъ собою еще другого чтенія, отличнаго отъ нашего?...

Не имѣя ничего противъ отмѣченнаго недоразумѣнія, жертвою котораго могъ стать любой изъ современныхъ знатоковъ еврейскаго языка и не относя подобныхъ недоразумѣній на счетъ незнакомства съ языкомъ, мы находимъ благовременнымъ пригласить читателя: audiatur et altera pars! Исключительно ли вынуждаемъ былъ Іосифъ пользоваться переводомъ LXX и предполагается ли степенью и характеромъ несомнѣнной зависимости Іосифа отъ LXX съ необходимостію — незнакомство его съ текстомъ оригинальнымъ?—Зависимость Іосифа отъ LXX, а не отъ еврейскаго текста, дѣйствительно, несравненно многочисленнѣе и очивидиѣе — настолько, что, наприм., при книгахъ Ездры и Есоирь Іосифъ пользуется также тѣми до-

[1]) По невѣжеству—вмѣсто וּמֵחֶלְבֵיהֶן отъ חֵלֶב допускаетъ וּמֵחֶלְבֵיהֶן отъ חֶלֶב.
[2]) Ant. IX, 4, 5; IV Цар. 7, 6—מַלְכֵי הַחִתִּים.

бавленіями, которыя имѣются лишь въ LXX [1]). Однако, не это, конечно, должно имѣть рѣшающее въ данномъ случаѣ значеніе. Наряду со множествомъ мѣстъ, гдѣ переводчикъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большее разнообразіе выраженій, для передачи мысли оригинала, и гдѣ Іосифъ несомнѣнно предпочиталъ придерживаться выраженія LXX, есть не менѣе значительное количество гебраизмовъ, употребленіе коихъ авторомъ, столь заботящимся вообще о точности стиля, болѣе чѣмъ необъяснимо безъ предположенія, что онъ, самъ того не сознавая, подчинялся впечатлѣнію отъ текста, безпрерывно имъ перелистываемаго. Не могутъ служить возраженіемъ противъ этого такіе примѣры [2]), когда Іосифъ, прямо слѣдуя LXX, расходился, быть можетъ, вовсе не подозрѣвая этого, съ еврейскимъ оригиналомъ: такъ какъ, съ другой стороны, имѣется на лицо не мало и такихъ мѣстъ, гдѣ онъ прямо согласенъ съ текстомъ еврейскимъ и именно вопреки LXX, какъ въ именахъ собственныхъ, такъ и въ варіантахъ. Вотъ нѣсколько характерныхъ въ этомъ отношеніи примѣровъ. Быт. I, 1—Іосифъ имѣетъ съ еврейскимъ בָּרָא—ἔκτισεν, а не съ LXX—ἐποίησεν. Быт. II, 7—еврейскій текстъ выражается знаменательно, что Богъ вдунулъ Адаму נִשְׁמַת חַיִּים, между тѣмъ какъ греческій текстъ утрачиваетъ [3]) этотъ знаменательный оттѣнокъ, имѣвшій въ виду отмѣтить, по мнѣнію толкователей, разнообразіе и богатство духовныхъ способностей человѣка, выражаясь не столь характерно—πνοὴν ζωῆς (spiraculum vitae). Возстановляя ближе эту важную особенность еврейскаго оригинала, Іосифъ говоритъ: καὶ πνεῦμα ἐνῆκεν αὐτῷ καὶ ψυχήν. Самое обыкновеніе, затѣмъ, Іосифа—толковать собственныя имена еврейскія и безчисленные другіе еврейскіе термины (Адамъ, Исса—Ева,—Авель, Фисонъ, Геонъ, Диглаоъ, Евфратъ, Суббота, Вавилонъ, Фалекъ [4]) и т. д.) по гречески, что совершенно отсутствуетъ иногда въ LXX, указываетъ на его правоспособностъ быть по мѣрѣ необходимости такимъ толкователемъ. То, далѣе, обстоятельство, что въ переводо-греческихъ собственныхъ именахъ онъ столь часто слѣдуетъ отличному отъ LXX произношенію и допускаетъ проводить въ нихъ своеобразныя мнѣнія, и что вообще стиль Іосифа отъ дикціи перевода греческаго по мѣстамъ до того уклоняется, что совершенно не позволяетъ мириться съ мыслію, чтобы Іосифъ воспроизводилъ текстъ LXX,—не свидѣтельствуетъ ли также о неединственной зависимости Іосифа отъ LXX. По крайней мѣрѣ, не видно ни откуда, чтобы Іосифъ, если и не вообще не зависѣлъ отъ LXX, то зналъ иную какую часть Ветхаго Завѣта, кромѣ Пятокнижія и, естественно,—книгъ, оригинальнымъ языкомъ коихъ изначала былъ греческій. Наконецъ, очевидное слѣдо-

[1]) Schürer, II. 713—715; Bloch, 69—79.
[2]) Carpzovii. Critica sacra, 945 стр.
[3]) Такихъ примѣровъ одна VI книга Археологіи можетъ дать въ изобиліи.
[4]) Цитаты у Bloch'a, 12 стр. и д.

ваніе еврейскому тексту, а не переводу LXX, положительно ясно изъ *Ἀρχ.* IX, 11, гдѣ Іосифъ сокращенно воспроизводитъ пророчество Наума. Изъ этого послѣдняго мѣста, между прочимъ, наиболѣе ясно обнаруживается, что кодексъ еврейскій, употребленный Іосифомъ, во всякомъ случаѣ не мало отличается отъ обычнаго. Исходя изъ указаній въ самомъ Іосифѣ, собранныхъ ученымъ Hodio [1]), въ которыхъ зависимость Іосифа отъ этого кодекса не подлежитъ пререканіямъ, Whistonus именно думалъ, что у Іосифа былъ подъ руками кодексъ, наиболѣе точный, — тотъ самый, который сохранялся въ храмѣ, и, по свидѣтельству самого Іосифа [2]), спасенъ имъ при разрушеніи храма. Наконецъ, въ пользу того мнѣнія, что Іосифъ, хотя и пользуется переводомъ LXX, долженъ былъ, однако, имѣть знакомство и пользоваться также и оригиналомъ, не можетъ не имѣть значенія простое соображеніе объ обстоятельствахъ самой жизни его и изъ условій вообще самаго дѣла. Онъ былъ священникъ и, какъ таковой уже, не могъ не получить достаточное, хотя по своему времени, образованіе въ раввинской мудрости, тщательнѣйшимъ образомъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, усвоить основы іудейства, тѣмъ болѣе въ такое время, когда, по его словамъ, и „цѣнили только тѣхъ, кто обладалъ глубокимъ знаніемъ законовъ и умѣлъ толковать священное писаніе“,—это и вполнѣ естественно, при ощущавшемся тогда особенномъ и всеобщемъ подъемѣ іудейскаго самосознанія, въ связи съ мыслію о близости предопредѣленнаго конца временъ до Мессіи. И, если Іосифъ хотя „отчасти“ не лгалъ, что сами архіереи и знатные лица приходили къ нему за разрѣшеніемъ недоумѣній по поводу труднѣйшихъ мѣстъ закона (нельзя же было дойти до такой безстыдной лжи въ то время, когда всѣ современники Іосифа могли уличить его въ ней),—то ужели бы эти совопросники удовлетворялись имъ настолько и могли прощать ему столь крупный пробѣлъ въ умственно-религіозномъ кругозорѣ іудея, и, при томъ, священника, какъ незнаніе „священнаго языка“?—Мы положительно затрудняемся допустить эту нелѣпость, не только по отношенію къ Іосифу, но вообще къ значительнѣйшей части тогдашнихъ палестинскихъ іудеевъ, настолько еще недоэллинизировавшихся, что еврейскій кодексъ Библіи съ арамейскими таргумами на него постоянно продолжалъ быть въ общественномъ и частномъ употребленіи. Болѣе того: Іосифъ какъ разъ жилъ въ то время, когда въ строго-палестинскомъ іудействѣ возобновилась сильная реакція, съ одной стороны—противъ всего иноземнаго, на почвѣ которой сначала выросла вѣковая борьба съ идумейскою династіею, а потомъ и война съ Римомъ,—а съ другой—реакція, въ частности, даже и противъ перевода LXX, впослѣдствіи съ замѣшаннымъ недоброжелательствомъ къ христіанству. Уже Іосифъ самъ ясно даетъ понять, что не могъ свободно объясняться и писать достаточно безупречно на греческомъ языкѣ, безъ особыхъ на то сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, въ—*κατὰ Ἀπίωνος*, I, 9, а также *Ἀρχ.* X, 10 (II, 162); въ послѣднемъ случаѣ Іосифъ одной изъ заслугъ своихъ въ дѣятельности писателя ставитъ именно переложенія еврейскихъ литературныхъ сокровищъ на греческій языкъ. И если разговорнымъ, отечественнымъ языкомъ Іосифа былъ арамейскій, на которомъ онъ написалъ даже цѣлый большой трудъ, то ничто не даетъ намъ права слишкомъ преувеличивать разность между языкомъ пророковъ и арамейскимъ нарѣчіемъ, которая вообще не болѣе той, какая существуетъ между первоначальнымъ языкомъ—и болѣе развитымъ, совершеннымъ, или какая, напримѣръ, между древне-славянскимъ языкомъ и русскимъ. Если такъ, то въ особенности такому ненедаровитому и, во всякомъ случаѣ, любознательному и усидчивому писателю, какъ Іосифъ, едва ли стоило большого и непреодолимаго труда—при основательномъ разумѣніи арамейскаго нарѣчія—усвоить и болѣе первоначальный по отношенію къ нему еврейскій [1]), настолько, по крайней мѣрѣ, чтобы быть въ состояніи справляться съ оригинальнымъ текстомъ своего главнаго источника [2]), при томъ въ одной только и наиболѣе простѣйшей его части, такъ какъ для Археологіи ему служили болѣе всего историческія книги, стиль которыхъ, конечно, гораздо меньше могъ представлять затрудненій, чѣмъ пророки и учительныя книги Ветхаго Завѣта. Что касается того обстоятельства, почему при несомнѣнномъ знакомствѣ съ еврейскимъ языкомъ Іосифъ предпочитаетъ ему LXX, то мотивы этого не представляютъ никакой загадочности въ виду того, что Іосифъ пишетъ свой трудъ для грекоримлянъ, которые могли свѣрять его, въ случаѣ надобности, лишь съ этимъ для нихъ доступнымъ и для нихъ предназначеннымъ текстомъ.

Изъ того обстоятельства, что Іосифъ, несомнѣнно, зная еврейскій оригинальный языкъ и ведя свой разсказъ въ Археологіи въ болѣе или менѣе близкой параллели съ LXX [3]), допускаетъ значительныя разности съ тѣмъ и другимъ текстомъ, возможны два ближайшія и важныя для насъ слѣдствія. Или слѣдуетъ принять, что Іосифъ пользовался кодексомъ еврейскимъ отличнымъ отъ новѣйшаго, если въ чтеніи и повѣствованіи (особенно въ указаніи временъ и основъ хронологіи) чрезвычайно отклоняется отъ извѣстнаго намъ еврейскаго текста; или надо допустить крайне небрежное, без-

[1]) Carpzovii, Critica sacra, 946 стр.
[2]) *βίος*, и *περὶ ἁλώσεως*, VII, 17, 19, p. 980.

[1]) Bloch, 11 стр.
[2]) Умѣстно напомнить здѣсь, что Іерусалимскія школы и академіи времени Іосифа стояли на достаточной высотѣ ученыхъ занятій Свящ. Писаніемъ, чтобы дѣлать еще болѣе несомнѣннымъ знакомство Іосифа съ еврейскою рѣчью. Примѣръ Филона, не знавшаго этой рѣчи, здѣсь не идетъ. Какъ оторванный отъ Іерусалима съ самаго дѣтства, этотъ Александрійскій Еллинистъ не могъ иначе знакомиться съ іудейскою литературою, какъ изъ вторыхъ рукъ. См. Bloch, 11 стр.
[3]) Bloch, 18.

разборчивое обращеніе Іосифа со свящ. источниками, совершенно непростительное для священника, которому подлежало служеніе въ храмѣ и самое достоинство котораго предполагаетъ само собою тщательнѣйшее воспитаніе съ малолѣтства въ еврейской, особенно священной литературѣ. Исторія вопроса показываетъ примѣры того и другого сужденія касательно Іосифа. Въ частности, своими исчисленіями хронологическими, гдѣ есть возможность сопоставлять ихъ съ извѣстными изъ Свящ. Писанія, Іосифъ столько непостояненъ и легковѣренъ, что ученые согласно заподозриваютъ въ данномъ отношеніи его авторитетъ. Нѣкоторые обличаютъ въ Іосифѣ прямо великую и нестерпимую страсть лжи, другіе—небрежность, третьи—обманъ и натяжки, и т. п. Всѣми вообще согласно констатируется [1]), что Іосифъ, какимъ бы тектомъ ни пользовался—все равно,—часто далеко отъ него отступаетъ, прибавляетъ и опускаетъ по произволу слова и аккоммодируетъ текстъ своими выдумками. Унижая, такимъ образомъ, Откровенное Божіе Слово предъ своими мнѣніями, онъ не останавливается и предъ тѣмъ, чтобы выдавать ихъ за это самое Слово, заботясь единственно лишь о пріятности своего разсказа Римскому уху, а не о соблюденіи истины Писанія. Все это тщательно должно быть принимаемо во вниманіе при оцѣнкѣ критической достовѣрности нашего автора и значенія его для священной исторіи со стороны его главнѣйшаго источника. Лишь подъ условіемъ величайшей осторожности и всесторонняго критическаго обсужденія и провѣрки, историкъ можетъ пользоваться тѣми или другими указаніями Іосифа, особенно тамъ, гдѣ онъ отступаетъ отъ того или другого текста, или восполняетъ его пробѣлы, дѣлая всякаго рода дополненія и распространенія. Немногіе случаи, въ которыхъ преимущество текста Іосифа предъ современнымъ библейскимъ несомнѣнно, не должны здѣсь давать соблазны къ увлеченіямъ, какъ это мы видѣли въ неразумной крайности исправлять Библейскій текстъ по Іосифу [2]) вмѣсто того, чтобы послѣдняго ввести въ границы, изъ которыхъ этотъ святотатственно-дерзкій торгашъ Словомъ Божіимъ неразумно вышелъ.

б) Другимъ источникомъ Іосифа, послѣ Слова Божія,—не менѣе богато имъ исчерпаннымъ, было то, что мы назовемъ вообще *„преданіемъ“*, разумѣя, однако, подъ нимъ не только традиціонное пониманіе текста Ветхозавѣтнаго, но и всѣ тѣ, устныя и письменныя комментаріи къ священному тексту, которыя ко времени Іосифа и особенно непосредственно послѣ него стали группироваться во всевозможные литературные памятники историко-экзегетическаго, законодательнаго и нравоучительнаго характера. Большинство этихъ памятниковъ дали ученые труды раввиновъ, состоявшіе преимущественно въ научной обработкѣ текста Св. Писанія и составившіе цѣлую

[1]) Carpzovii, Critica Sacra. 948 стр.
[2]) Isaac. Vossius. Chronologia sacra, и др.

обильную, такъ называемую, раввинистическую литературу [1]). Имѣя въ самомъ священномъ кодексѣ прецедентъ подобной работы (книги Паралипоменонъ), раввинистическая обработка старалась преслѣдовать двѣ важнѣйшія задачи: съ одной стороны, она старалась комбинировать, сводить и сопоставлять, а гдѣ нужно, соглашать, истолковывать основоположительныя истины Ветхаго Завѣта, или спеціально—дать полное, систематическое начертаніе закона, какъ правового матеріала, лежавшаго въ основѣ организаціи іудейства; съ другой стороны, она старалась распространить и вообще болѣе связно и полно представить, дальнѣйше развить Св. Исторію и религіозно-нравственныя истины іудейства, восполняя пробѣлы между событіями, и усиливаясь ихъ располагать болѣе прагматически, а не отрывочно. Плодомъ перваго рода дѣятельности явилась Галаха (הֲלָכָה, собственно — что выходитъ и во что либо распространяется) [2]), систематизирующая традиціонное право; плодомъ второй—Гаггада (הַגָּדָה или אַגָּדָה) или легенды (на почвѣ религіозныхъ и этическихъ представленій). Хотя почти вся до насъ дошедшая раввинистическая литература простирается по началамъ своего возникновенія не далѣе послѣдняго десятилѣтія II столѣтія до Христа, однако фиксированныя въ ней преданія источниками своими идутъ далеко въ глубь до Христа, развѣтвляясь съ теченіемъ времени на отдѣльныя варіаціи. Возможно, что Іосифъ былъ увлекаемъ то тѣми, то другими, вообще нѣсколькими сразу развѣтвленіями этихъ преданій и именно прежде, чѣмъ многія изъ нихъ окончательно застывали въ томъ или другомъ видѣ раввинической литературы, заканчивавшейся и популяризировавшейся далеко не сразу, а мало по малу. Это надо имѣть въ виду при констатированіи того факта, что громадное большинство заимствованій Іосифа находятся въ Гаггадѣ, и гаггадическихъ обработкахъ отдѣловъ Ветхаго Завѣта (какова, напр., „книга Юбилеевъ“, комментирующая повѣствованія книги Бытія и т. п.). Это же мы будемъ имѣть въ виду, предлагая нѣсколько свѣдѣній о главныхъ отдѣлахъ или группахъ раввинической литературы, къ которымъ послѣ мы будемъ пріурочивать тѣ или другія особенности Іосифова повѣствованія и достоинствомъ которыхъ, въ большинствѣ случаевъ слабымъ, будетъ измѣряться историческое значеніе Іосифа со стороны этихъ источниковъ.

Мы отмѣтили два рода научной обработки священнаго текста, объединяющіеся подъ общими заголовками Галаха и Гаггада. Начало образованія первой точно не можетъ быть опредѣлено. Она представляется частію въ тѣсныхъ приложеніяхъ къ тексту Писанія, слѣдовательно — въ формѣ комментаріевъ къ нему, частію—въ систематическомъ порядкѣ расположенныхъ трактатовъ, въ которыхъ правовой матеріалъ группируется попредметно.

[1]) Schürer, 86—120. I т.
[2]) Schürer, II, 270 и д.

Труды послѣдняго рода скоро стали преобладать, породивъ цѣлую отдѣльную, такъ называемую, Талмудическую литературу, главныя разновидности коей суть: 1) Мишна, 2) Тозефта, 3) Іерусалимскій и 4) Вавилонскій Талмуды. Мишна—מִשְׁנָה, *δευτέρωσις* [1]), повтореніе, устное ученіе закона, въ отличіе отъ письменной Торы, есть сводъ галахическихъ комментаріевъ или трактатовъ (до 60), окончательная редакція которыхъ приписывается ученому раввину Iuda ha-Nasi, или ha-Kadosch, въ концѣ II столѣтія по Рожд. Хр. Рѣчь Мишны еврейская; содержаніе—почти только галахическое, за исключеніемъ двухъ трактатовъ и нѣсколькихъ незначительныхъ заключеній къ остальнымъ. Тозефта (תּוֹסֶפְתָּא—additamentum), какъ показываетъ самое названіе, есть ничто иное, какъ дополненіе Мишны и писана по плану ея (хотя число трактатовъ меньше—59 вмѣсто 63). По характеру обработки источника есть отличіе отъ Мишны: въ Тозефтѣ текстъ цитуется нерѣдко первоначальнѣе и значительно полнѣе. Точно также гаггадическій элементъ въ Тозефтѣ много сильнѣе, чѣмъ въ Мишнѣ [2]). Іерусалимскій, правильнѣе—Палестинскій Талмудъ (תַּלְמוּד — ученіе) есть юристическая кодификація на основѣ Мишны, текстъ которой, будучи расширяемъ съ неослабнымъ рвеніемъ въ III и IV стол. въ школахъ Палестинскихъ, (особенно въ Тиверіадѣ), наряду съ все болѣе и болѣе разнообразившимися казуистическими тонкостями въ IV стол. по Р. Хр., и образовалъ названный Талмудъ. Кромѣ Галахи, составляющей главное его содержаніе, здѣсь находится также богатый гаггадическій матеріалъ. Число трактатовъ—39. Вавилонскій Талмудъ [3]) представляетъ изъ себя подобную же обработку Мишны въ духѣ Вавилонской школы, закончившуюся, вѣроятно, къ VI вѣку по Р. Х. По количеству трактатовъ, онъ короче Палестинскаго—36½ вм. 39 — и гаггадическій элементъ въ немъ еще богаче распространенъ, нежели въ Палестинскомъ. Кромѣ этихъ родовъ и формъ раввинистической литературы, мы отмѣтимъ еще два, извѣстные подъ общими понятіями — Midraschim и Targumim. Въ Мишнѣ и обоихъ Талмудахъ іудейское право (галаха) кодифицируется въ болѣе или менѣе систематическомъ порядкѣ. Другіе образцы раввиническихъ письменныхъ трудовъ примыкаютъ тѣсно къ основному тексту, шагъ за шагомъ его комментируя. Эти комментаріи [4]) или Мидрашимъ (מִדְרָשִׁים) частію галахическаго, частію гаггадическаго содержанія; при чемъ—въ древнѣйшихъ (Mechilta, Siphra, Siphre) преимуществуетъ Галаха; юнѣйшіе (Rabboth и слѣдующіе) почти исключительно гаггадическіе. Тѣ по возрасту и содержанію болѣе близки къ Мишнѣ; эти принадлежатъ къ позднѣйшему времени и представляютъ изъ себя простые осадки предлагавшихся въ синагогахъ поучительныхъ назиданій. Рѣчь всѣхъ этихъ Midraschim—еврейская. Таргумимъ или арамейскія переложенія Ветхаго Завѣта фиксируютъ традиціонное пониманіе текста Писанія, давая не строго дословное, но парафрастическое изложеніе. Изъ числа такихъ таргумимъ особенно важно упомянуть таргумы Onkelos'a [1]) къ Пятокнижію, многія мѣста которыхъ часто приводятся въ Вавилонскомъ Талмудѣ и Midraschim;—Іонаѳана на пророковъ (ученикъ Гиллеля, I десятил. нашей эры); приписываемыя ему таргумы вообще суть переложенія Nebiim, слѣдовательно—обнимаютъ, кромѣ собственно пророковъ, и историческія книги Ветхаго Завѣта, отличаясь отъ таргумовъ Онкелоса большею парафрастичностію и сложностію,—часто цитируются въ Талмудѣ и Midraschim. Наконецъ, таргумы Псевдо-Іонаѳана и Jeruschalmi къ Пятокнижію, простирающіяся не на все Пятокнижіе, какъ у Онкелоса, а лишь на избранные стихи и отрывочныя слова. Время ихъ окончательной редакціи можетъ быть отчасти опредѣлено по упоминанію дочери и жены Магомета.

Отмѣчая всѣ эти образцы раввинистической литературы, мы, повторяемъ, далеки отъ того, чтобы находить въ нихъ первичные источники Іосифа и констатировать вообще какую бы то ни было зависимость его отъ нихъ. Уже не позволяетъ дѣлать этого самое время ихъ появленія: многіе, и при томъ сравнительно болѣе древніе изъ нихъ, составились и редактированы во II и III стол. по Р. Х.; слѣдовательно, далеко позднѣе Іосифа [2]). Но для насъ важны эти образцы по многимъ весьма цѣннымъ указаніямъ въ томъ именно отношеніи, что даютъ руководящія нити для того, чтобы вѣрнѣе выслѣживать истинные первоначальные источники Іосифа, даютъ близкую и опредѣленную цитацію многимъ его своеобразно-анонимнымъ сообщеніямъ и различіямъ отъ священнаго текста. Мы узнаемъ, какъ то или другое мнѣніе Іосифъ непосредственно черпалъ изъ того же самаго популярнаго источника, изъ котораго составлялись со временемъ упомянутые письменные сборники. Мы получаемъ возможность судить, во всякомъ случаѣ, каковы тѣ источники, достоинствомъ которыхъ обусловливается историческая достовѣрность Іосифа и опредѣляется цѣнность большинства сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Даже тамъ, гдѣ не легко устанавливается связь Іосифа съ извѣстными нынѣ раввинистическими работами, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, достаточныя основанія и права считать Іосифа въ данныхъ случаяхъ выразителемъ и отразителемъ господствовавшихъ воззрѣній и пониманій Свящ. Исторіи, хотя этимъ еще болѣе затрудняется опредѣленіе того, насколько онъ,

[1]) Chasles, De l'autorité historique de Fl. Ios. 50 и д.; Schürer, I, 87.
[2]) Schürer, I, 97.
[3]) Подъ руками было изданіе Aug. Wünsche. „Der Babylonische Talmud in seinen haggadischen Bestandtheilen". Leipzig. 1889.—Schürer, I, 100.
[4]) Изданіе этихъ Midraschim-Wünsche въ Bibliotheca Rabbinica. Leipzig.

[1]) По однимъ—ученикъ и другъ древняго Гамаліила (слѣд. живш. въ ½ перваго столѣт. по Р. Х.), по другимъ—современникъ раввиновъ Елиезера и Іисуса (Josua—въ I пол. II ст.). Одно несомнѣнно, что это былъ прозелитъ.
[2]) Bloch, 52 стр.

такъ сказать, самобытенъ и насколько здѣсь или тамъ достовѣренъ или легковѣренъ. Что касается историческаго значенія вообще раввинистической литературы, помогающей выяснять и локализовать большинство оригинальностей Іосифа, то въ указанномъ отношеніи она не всегда способна выдерживать даже болѣе умѣренную критику: большинство этихъ раввинническихъ продуктовъ до такой степени—плоды благочестивой фантазіи и іудейско-казуистическихъ тенденцій и традицій, что нерѣдко безопаснѣе и легче бываетъ цѣликомъ отвергать и игнорировать ихъ, нежели успѣть отдѣлить въ нихъ вполнѣ безупречныя, цѣнныя и во всякомъ случаѣ немногія блестки основательно-научнаго и разумно-осмысленнаго экзегеса. Тому же самому суду и по тѣмъ же основаніямъ должны подлежать, конечно, и сообщенія Іосифа, поскольку таковыя покоились на совершенно некритичныхъ и субъективныхъ началахъ іудейско-народнаго и раввиническаго, устнаго и письменнаго преданія. [1])

в) Въ качествѣ третьяго важнѣйшаго въ историческомъ отношеніи источника, послѣ священнаго текста и традиціонно устныхъ и письменныхъ пониманій и распространеній его, служила для Іосифа *свѣтская литература* того времени, преимущественно, конечно, историческаго характера. Здѣсь прежде всего мы должны отмѣтить въ высшей степени богатую эрудицію Іосифа, обширное знакомство его съ указанною литературою, собранною для его великой цѣли со столь рѣдкимъ и едва мыслимымъ по тому времени стараніемъ со всѣхъ, можно сказать, угловъ и захолустій тогдашняго образованнаго міра. Поистинѣ, съ трудолюбіемъ муравья и терпѣніемъ пчелы собиралъ онъ отъ извѣстныхъ въ его время историческихъ трудовъ все, что имѣло какое либо отношеніе къ Іудейской исторіи, все стараясь такъ или иначе вплести въ свой трудъ или хоть, по крайней мѣрѣ, не оставить безъ упоминанія. Достоинство и заслуга Іосифа въ этомъ отношеніи таковы, что значительно покрываютъ многіе недостатки его и вообще способны внушать высокое уваженіе къ его старанію — дать цѣлесообразное собраніе и сопоставленіе наиболѣе видныхъ и ученыхъ силъ того времени

Что касается вообще побочнаго матеріала, доставляемаго для іудейской исторіи свѣтскою литературою и дополнявшаго Іосифу первоисточный матеріалъ библейскихъ писателей, то этотъ побочный матеріалъ крайне скуденъ, фрагментаренъ и малонадеженъ. Все значеніе его сводится почти только къ небольшому запасу попутныхъ замѣтокъ, касающихся событій, такъ или иначе близкихъ до Іудеи, совсѣмъ не дающихъ въ общемъ чего-либо цѣлостнаго. Значительнѣйшее количество этого запаса сохранено для насъ у Іосифа въ его весьма важномъ трудѣ κατὰ Ἀπίωνος, и отчасти въ Археологіи и

[1]) См. примѣчаніе 2-е къ 70 стр. сего сочиненія.

восходитъ до самыхъ раннѣйшихъ періодовъ Библейской исторіи. Въ первомъ изъ указанныхъ трудовъ Іосифа находимъ выдержки или только упоминанія цѣлой арміи литературныхъ свѣтилъ древности; таковы: I, 2 — *Кадмъ*, *Акузилай*, *Ферекидъ*, *Пиѳагоръ*, *Ѳалесъ*; I, 3 — *Гелланикъ*, Акузилай, *Гезіодъ*, *Еформъ*, *Тимей*, *Геродотъ*, *Антіохъ*, *Филистъ*, *Каллій*, *Ѳукидидъ*; I, 12—Геродотъ, Ѳукидидъ, Еформъ; I, 14—*Манеѳонъ* (и 15), Геродотъ; I, 17 и 21—*„Тиряне“—Дій*; I, 18—*Менандръ*; I, 19 и 20—*Виростъ*—*„Халдеяне“*; I, 20—*„Финикіане“* (и 21)—*Филостратъ*, *Мегасѳенъ*, Виростъ; I, 22—Пиѳагоръ, *Гермиппъ*, *Ѳеофрастъ*, Геродотъ, *Херилъ*, *Клеархъ*, *Гекатей*, *Касторъ*, *Агаѳархидъ*, I, 23—Гекатей, *Іеронимъ*, *Ѳеофилъ*, *Ѳеодотъ*, *Мнасей*, *Аристофанъ*, *Гермогенъ*, *Евгемеръ*, *Кононъ*, *Зопиріонъ* („и *др.* мож. быть премногихъ“ замѣчаетъ Іосифъ), *Димитрій Фалерейскій*, *Филонъ II*, *Евполемъ*; I, 24—*Ѳеопомпъ*, *Поликратъ*, Тимей; I, 26, 27 и д. — Манеѳонъ; I, 32—33—*Херемонъ*; I, 33—Манеѳонъ; I, 34—*Лисимахъ*. Во II-й книгѣ, 1—Манеѳонъ, Херемонъ, *Аппіонъ Грамматикъ* (множество разъ); II, 2—Манеѳонъ, Лисимахъ, *Молонъ*, Аппіонъ; II, 3—Аппіонъ; II, 4—Аппіонъ, Гекатей; II, 5—Аппіонъ; II, 7—*Посидоній* и *Аполлоній Молоновъ*, *Поливій Мегалополитанскій*, *Страбонъ*, *Николай Дамаскинъ*, *Тимагенъ*, Касторъ и *Аполлодоръ*; II, 14—Аполлоній Молоновъ, Лисимахъ; II, 15 — *Гомеръ*; II, 16—Пиѳагоръ, *Анаксагоръ* и *Платонъ*; II, 36—Аполлоній Молонъ (и 37), Платонъ. Что касается собственно Археологіи, то въ одной первой половинѣ ея (періодъ до-Маккавейскій I—XI кн.) цитуются слѣдующіе писатели, среди коихъ находимъ и новыя имена: Виростъ, (I, 3, 6; 3, 9; 7, 2; X, 1, 4; 2, 2; 11, 1), Іеронимъ (I, 3, 6; 3, 9), Мнасей (I, 3, 6), Николай Дамаскинъ (I, 3, 6; 3, 9; 7, 2; VII, 5, 2), *Гестіей* (I, 3, 9; 4, 3), Гезіодъ (I, 3, 9), Мегасѳенъ, *Діоклесъ* и Филостратъ (X, 11, 1), Гомеръ (VII, 3, 2), Менандръ (VIII, 5, 3; 13, 2; IX, 14, 2), Дій (VIII, 5, 3); Манеѳонъ (I, 3, 9), *Мохъ* (I, 3, 9), Гекатей (I, 3, 9; 7, 2), Гелланикъ (I, 3, 9), Акузилай (I, 3, 9), Еформъ (I, 3, 9), *Сивилла* (I, 4, 3), *Малхъ* по *Александру Полигистору* (I, 15), Геродотъ (VIII, 6, 2; 10, 2 — 3; X, 1, 4); во второй половинѣ (XI—XX)—„другіе писатели“ (XI, 8, 1), Агаѳархидъ (XII, 1), Гекатей Авдеритъ (XII, 2, 4); *Аристей* (XII, 2, 11), Николай Дамаскинъ (XII, 3, 2; XIII, 8, 4; 12, 6; XIV, 1, 3; 4, 3; 6, 4; XVI, 7, 1) Поливій (XII, 3, 2; 9, 1), *Титъ Ливій* (XIV, 4, 3), *Гипсикратъ* („у Страбона“—XIV, 8, 3), Страбонъ (XIII, 10, 4; 11, 3; 12, 6; XIV, 3, 1; 4, 3; 6, 4; 7, 2; 8, 3; XV, 1, 2); онъ же изъ Тимагена (XIII, 11, 3), Тимагенъ (XIII, 12, 5), *Иродовы записки* (XV, 6, 3—при чемъ имъ противопоставляются *„дру-*

гіе[1]). Изъ всего множества исчисленныхъ здѣсь свѣтилъ древности (изъ нихъ Кадмъ, Ѳерекидъ, Пиѳагоръ, Ѳалесъ, Тимей, Ѳеопомпъ, Гермиппъ, Антіохъ, Филистъ, Каллій, Ѳукидидъ, Поликратъ, Анаксагоръ, Платонъ,—не имѣютъ къ намъ никакого отношенія и упоминаются Іосифомъ [2]) лишь случайно) болѣе извѣстны намъ и сохраняютъ кой какую важность при разборѣ Археологіи лишь весьма немногіе. Таковы:

Берозъ (*Βηρωσσός*)— одинъ изъ наиболѣе часто цитируемыхъ имъ историковъ [3]), вавилонскій жрецъ, обработавшій (на греческомъ яз.) около 265 г. до Хр. древнѣйшую *исторію Вавилонянъ, Ассиріянъ и Мидянъ*, (*Βαβυλωνιακὰ* или *χαλδαϊκὰ*, въ 3 книгахъ) по памятникамъ и сказаніямъ, но съ крайними преувеличеніями въ лѣтосчисленіи и росписяхъ царскихъ династій. Собраніе его фрагментовъ (25), находящееся въ высшей степени полезномъ трудѣ Carolus Müllerus'a (Fragmenta historicorum Graecorum, I, II, III и IV, Paris. MDCCC XLVIII. Berosus Chaldeus II, 495—510), сдѣлано отчасти изъ сочиненій Іосифа, отчасти изъ Климента Александрійскаго, Евсевія, Юлія Африкана и Синкелла (болѣе важные и обширные), изъ коихъ ни одинъ, по мнѣнію Müllerus'a, не пользовался Берозомъ изъ первыхъ рукъ [4]), что, конечно, не можетъ не затруднять при сужденіи о достоинствѣ и достовѣрности фрагментовъ столь древняго автора. Въ частностяхъ эти фрагменты, не только не лишены интереса, но и могутъ служить къ весьма полезнымъ примѣненіямъ для историка.

Нѣсколько лучше Бероза, уцѣлѣлъ современникъ его *Манеѳонъ* [5]), египетскій жрецъ ½ III в. до Р. Х., (въ правленіе Птолемеевъ Лага и Филадельфа) авторъ *исторіи Египта* [6]), въ объемѣ 30 фараоновскихъ династій,—труда, составленнаго главнымъ образомъ по храмовымъ записямъ, неточно и безъ большаго знанія. Фрагменты его (85), собранные у Müllerus'a (II, 511—616), извлечены преимущественно—изъ Іосифа, Африкана, Евсевія, Синкелла и др., и, не отличаясь согласіемъ и опредѣленностію [1]), не мало теряютъ и въ своемъ авторитетѣ; тѣмъ не менѣе, они имѣютъ свою важность (особенно у Іосифа) сколько для хронологіи, такъ и для обстоятельнѣйшаго проникновенія въ историческій ходъ происшествій въ Египтѣ за время пребыванія тамъ Израильтянъ.

Слѣпецъ-*Гомеръ* (ок. 950 г.), глаголемый творецъ извѣстныхъ поэмъ о герояхъ Трои (Иліада и Одиссея), не имѣющихъ никакого отношенія къ Библейской исторіи, и упоминаемый Іосифомъ лишь какъ ручатель давности наименованія города Іевусеевъ Салимою (*Ἀρχ.* VII, 3, 2 *λέγεται*.....), и въ доказательство не совсѣмъ удачной мысли, что „древнимъ Грекамъ самое имя закона не было извѣстно“, почему Гомеръ нигдѣ его и не употребляетъ (*Κατ. Ἀπίων.* II, 15).

Гезіодъ — (ок. 850 г.), авторъ Ѳеогоніи, миѳической ерунды „о началѣ міра и происхожденіи боговъ“, дидактическо-гражданственной поэмы „Труды и дни“ (вродѣ нашего Домостроя), и подобной Ѳеогоніи оды „Эойе“, составною частію которой (самая ода утрачена) считается дошедшая до насъ описательная пьеса „Щитъ Геракла“,—очевидно—можетъ дать слишкомъ мало матеріала для Библейскаго историка, и Іосифъ ссылается на него лишь только какъ на подтверждающаго, что „древніе по 1000 лѣтъ живали“ (I, 3, 9); другое упоминаніе Гезіода въ *κατὰ Ἀπίωνος* I, 3— имѣетъ ввиду сообщить только о „многомъ“ исправленіи его Акузилаемъ.

Гекатей (Милетскій, около 510 г.) можетъ быть считаемъ, такъ сказать, „отцомъ отца исторіи“, ибо онъ былъ ему (Геродоту) прямымъ предшественникомъ, собравъ въ своихъ дальнихъ путешествіяхъ по Египту, Азіи, Италіи и др. странамъ массу матеріала, вошедшаго потомъ въ его „описаніе земель и народовъ“. Іосифъ приводитъ его въ числѣ другихъ свидѣтелей долголѣтія первыхъ людей, (I, 3, 9). Фрагменты его у Müllerus'a (I. 1—31), въ количествѣ 380—крайне отрывисты, и не всегда содержательны.

Гелланикъ (Митиленскій, ок. 450 г.), авторъ громкаго труда—„исторіи человѣческаго рода“ до похода Аргонавтовъ и др. сочиненій, отъ коихъ Müllerus'омъ собрано до 179 фрагментовъ (I, 45—69). Кромѣ ссылки на Гелланика въ разсказѣ о долголѣтіи патріарховъ (*Ἀρχ.* I, 3, 9), Іосифъ упоминаетъ, въ *κατὰ Ἀπίωνος* I, 3, этого автора, подобно Гезіоду, только мимоходомъ, отмѣчая несогласіе его генеалогіи съ Акузилаевой.

Этотъ *Акузилай* (Аргосскій) изъ той же плеяды когда-то извѣстныхъ логографовъ, утраченныхъ за исключеніемъ немногихъ отрывковъ, изъ коихъ на долю Акузилая приходится всего 31 (Müll. I, 100—103). Іосифомъ

---

[1]) Сколько подробно сообщается Іосифомъ исторія Ирода, столь недостаточна исторія его непосредственныхъ преемниковъ. Какъ будто видно, что Іосифу недоставало здѣсь всѣхъ письменныхъ источниковъ. Только о правленіи Агриппы I (41—44 по Р.) повѣствованія нѣсколько обстоятельнѣе въ деталяхъ. Впрочемъ, здѣсь ему уже открывались устные источники, такъ какъ о правленіи Агриппы I онъ могъ знать отъ сына его Агриппа II. Наконецъ, въ исторіи послѣдняго десятилѣтія до войны ему приходили на помощь уже и его собственныя воспоминанія.

[2]) Самъ Іосифъ сознается, что нѣтъ никакой возможности узнать всѣхъ писателей, которые нарочито писали о родѣ нашемъ, *κατὰ Ἀπίων.* I, 23.

[3]) Въ Археологіи, при разсказѣ объ остаткахъ ковчега (I, 3, 6), о долголѣтіи, (I, 3, 9), объ Авраамѣ (I, 7, 2), о Сеннахиримѣ (X, 1, 4), (утраченное свидѣтельство), о Валаданѣ Вавилонскомъ (X, 2, 2), о Навуходоносорѣ (X, 11, 1); *κατὰ Ἀπίωνος* — о томъ же и особенно о Навуходоносорѣ и его преемникахъ (I, 19, 20).

[4]) Müller. II, 496. Есть извлеченія фрагментовъ Бероза изъ Ѳеофила Антіохійскаго (Ad Autolic. III, p. 139, ed. Par.) и др. авторовъ.

[5]) Въ Археологіи только разъ при разсказѣ о долголѣтіи (I, 3, 9), *κατὰ Ἀπίων.*—о египетскихъ династіяхъ (I, 14, 15), о евреяхъ въ Египтѣ и о Моисеѣ (I, 26, 27 и далѣе до конца,—II, 2).

[6]) и др. труды, см. Müll. Fragm. 511.

[7]) Трудъ этотъ, по Плутарху (De Iside § 6, 28, 49, 62, 73), не неизвѣстенъ Грекамъ.

[1]) Müller. Fr. II, 513.

призывается во свидѣтели долголѣтія первыхъ людей (I, 3, 9), и въ *κατὰ Ἀπιῶνος* почти только упоминается по имени.

Болѣе можно сказать о *Геродотѣ* Галикарнасскомъ (484 — 408), „отцѣ исторіи“, 9 книгъ „повѣствованій“ котораго (главнымъ образомъ о борьбѣ Грековъ съ Персами), лучше другихъ уцѣлѣвшія,служатъ подтвержденіемъ похвалы древнихъ, сказывавшихъ, что „устами Геродота сами музы говорили“. Въ одномъ изъ трехъ обращеній Іосифа къ Геродоту въ Археологіи (VIII, 6, 2), онъ доказываетъ имъ свою мысль о наименованіи Египетскихъ царей Фараонами; въ двухъ другихъ исправляетъ его погрѣшности, допущенныя въ постановкѣ вмѣсто „Сусака“ Сезостриса (2 раза *Ἀρχ.* VIII, 10, 2—3) и въ наименованіи царя Ассирійскаго—Ѳіопскимъ (X, 1, 4). Въ согласіи съ двумя послѣдними случаями, находится упоминаніе о Геродотѣ въ *κατὰ Ἀπιῶνος*, I, 3, что его „всѣ во лжи изобличаютъ“, хотя это не мѣшаетъ самому Іосифу далѣе (I, 12) пользоваться Геродотомъ въ доказательство сравнительной юности и недавней безвѣстности Рима (по сравненію съ восточными народами, отъ коихъ другіе, въ томъ числѣ и Римъ, заимствовали сѣмена своей культуры), а также находить въ немъ, едва, впрочемъ, уловимые самимъ Іосифомъ, слѣды упоминанія объ Іудеяхъ (I, 22)—честь, которую Іосифъ обращаетъ въ преимущество и похвалу ихъ передъ Римомъ.

Гекатей, Авдеритскій, современникъ царей Александра и Птоломея Лага (IV вѣка) авторъ, по словамъ Іосифа, цѣлаго труда „о жизни Авраама“ (*Ἀρχ.* I, 7, 2) и другого труда „объ Іудеяхъ“ (*κατὰ Ἀπ.* I, 22),—служитъ для Іосифа достовѣрнымъ ручателемъ расположенія царя Александра къ Іудеямъ за ихъ набожность (*κατὰ Ἀπ.* I, 22), честность и вѣрность (*κατὰ Ἀπιῶν.* II, 4), а также подтвержденіемъ того, что Богодарованный Іудейскій законъ святъ и неприкосновененъ, и въ силу этого именно своего свойства оставался неупоминаемымъ и непроизносимымъ „нечистыми устами“ стихотворцевъ и историковъ (*Ἀρχ.* XII, 2, 4). Изъ (21) фрагментовъ, собранныхъ Müllerus'омъ (II, 384—393; 393—396) подъ именемъ этого автора, узнаемъ, и изъ доводовъ самаго Müllerus'а убѣждаемся [1]), что приписываемыя Іосифомъ Гекатею *περὶ Ἰουδαίων βιβλίον* [2]) и *βιβλίον περὶ Ἀβράμου* [3]), или, какъ у Климента Александрійскаго—*τὸ κατ' Ἄβραμον καὶ τοὺς Αἰγυπτίους* [4]), (а, слѣдовательно, и сдѣланныя Іосифомъ выдержки) составлявшія при томъ, вѣроятно, одинъ и тотъ же трудъ, на самомъ дѣлѣ должны принадлежать—какому либо другому автору (*ψευδοεκαταῖος*), а не этому, болѣе философу, чѣмъ историку.

[1]) Fragm. II, 385 и д.
[2]) ч. *Ἀπ.* I, 22 (fr. 14) срв. также II, 4, и Origen. c. Cels. I, 15.
[3]) *Ἀρχ.* I, 7, 2; fr. 16.
[4]) Strom. V, c. 14, p. 257, 2; fr. 18.

Ефоръ (Эолидскій, род. ок. 405 г.) [1]) замѣчательный историкъ первой поры македонскаго могущества, старшій современникъ Филиппа и Александра, авторъ первой *всеобщей исторіи* отъ завоеванія Трои до Свящ. войнъ (345 г.), хотя, при этомъ, плохой критикъ и баснословъ. Послѣднее обстоятельство, при болѣе разумной осторожности, не помѣшало сослужить Ефору свою громадную службу для трудовъ своихъ наилучшихъ преемниковъ и свѣтилъ исторіи, каковы были Поливій, особенно Страбонъ, Діодоръ, Плутархъ, Плиній, Гарпократъ, и немало другихъ. 165 отрывковъ этого автора у Müllerus'а (I. 234—277) даютъ достаточное понятіе о заслугахъ этого автора. Впрочемъ, Іосифъ нашелъ возможнымъ сдѣлать очевидное его примѣненіе для своего труда только всего въ одномъ случаѣ,—въ подтвержденіе факта долголѣтія (I, 3, 9), если не считать простого упоминанія имени Ефора въ *κατὰ Ἀπιῶνος*, I, 3—съ замѣчаніемъ, что онъ исправляетъ Гелланика, а его самого— Тимей.

Іеронимъ (Египетскій), *ὁ τὴν ἀρχαιολογίαν τὴν Φοινικὴν συγγράψαμενος*, упоминается Іосифомъ въ *Ἀρχ.* I, 3, 6 при разсказѣ о судьбѣ ковчега и въ *Ἀρχ.* I, 3, 9—въ подтвержденіе долголѣтія. Почти только и можно сказать объ этомъ авторѣ, котораго нельзя смѣшивать съ двумя другими того же имени, изъ коихъ одинъ [2])—

Іеронимъ Кардійскій, авторъ исторіи *τῶν διαδόχων*, преемниковъ Александра, извѣстенъ также Іосифу, который называетъ его современникомъ Гекатею, другомъ царя Антигона и намѣстникомъ Сиріи *(κατ. Ἀπ.)*. Впрочемъ, этой своей извѣстностью и упоминаніемъ у Іосифа Іеронимъ обязанъ исключительно отрицательными сторонами его трудовъ, въ которыхъ Іосифъ съ понятнымъ неудовольствіемъ констатируетъ умышленное умолчаніе объ Іудеяхъ, точно недостойныхъ хотя какого-нибудь упоминанія. Послѣднее избавляетъ и насъ отъ ошибки возлагать на этого автора излишнія надежды и ждать отъ уцѣлѣвшихъ (13) его отрывковъ (Müll. fragm. II, 450—460) полезнаго матеріала, хотя таковой и нашелъ себѣ мѣсто у авторитетнѣйшихъ общеисториковъ древности.

Менандръ Ефесскій (IV—IIIв.) упоминаемый Іосифомъ въ 4 мѣстахъ, при чемъ 2 раза (VIII, 5, 3; IX, 14, 2) онъ называется переводчикомъ лѣтописаній Тирянъ съ финикійскаго на греческій языкъ, и описателемъ дѣлъ царей Тирскихъ *(κατ. Ἀπ.* I, 18: *Ἀρχ.* VIII, 13, 2). Имѣющіяся у Іосифа свѣдѣнія объ этомъ Менандрѣ и выдержки изъ него—почти все, что извѣстно объ этомъ авторѣ, и, если нѣтъ особенныхъ основаній заподозривать подлинность приводимыхъ Іосифомъ изъ него свидѣтельствъ (о тир-

[1]) Нельзя смѣшивать съ нимъ другого—*Ефора Куманскаго*, къ намъ не относящагося.
[2]) Другой *Іеронимъ, Родосскій*, перипатетикъ, оставившій между прочимъ *ὑπομνήματα ἱστορικά*, не имѣетъ никакого отношенія къ нашему предмету.

скихъ современникахъ царей еврейскихъ,—о сношеніяхъ царя Соломона съ Хирамомъ VIII, 5, 3; упоминаніе бездождія, бывшаго при Итувалѣ Тирскомъ, т. е. при Ахавѣ Израильскомъ,—VIII, 13, 2; о нападеніи Салманассара царя Ассирійскаго, по ниспроверженіи Израильскаго царства, на Сирію и Финикію—IX, 14, 2; о Хирамѣ и его преемникахъ *κατὰ Ἀπ.* I, 18.), [1]) то нельзя не придавать имъ свою важность.

Въ той же области, какъ и Менандръ, снискали себѣ извѣстность работами Тиряне *Мохъ и Дій*, *Гестіей* и *Мнасей*. *Первый* извѣстенъ какъ авторъ исторіи своего отечества на финикійскомъ языкѣ, переведенной на греческій, по Евсевію (pr. ev. X, 11)—*Ἀσιτος*'омъ, и у Іосифа прямо упоминается всего разъ въ разсказѣ о долголѣтіи (I, 3, 9); *второй*, оставившій также „финикійскую исторію", пользовавшуюся наибольшимъ уваженіемъ (*κατ. Ἀπ.* I, 17), подобно Менандру, приводится у Іосифа при описаніи сношеній Соломона съ Хирамомъ (*Ἀρχ.* VIII, 5, 3); *третій*, между другими своими трудами, 50 отрывковъ отъ коихъ имѣются у Müllerus'a (III, 149—158), оставилъ, по Скалигеру, такъ же финикійскую исторію, которой, какъ кажется, и обязанъ Мнасей своимъ упоминаніемъ у Іосифа въ разсказѣ о ковчегѣ (I, 3, 6) и о древности еврейскаго народа (*κατ. Ἀπ.* I, 23); наконецъ, о *четвертомъ*, упоминаемомъ Іосифомъ 2 раза, въ разсказѣ о долголѣтіи (I, 3, 9) и замѣткѣ о Вавилонѣ и Сеннаарѣ (I, 4, 3), почти ничего болѣе неизвѣстно, кромѣ того, что онъ относится также къ „описателямъ дѣлъ Финикіанъ", наряду съ Мохомъ и Іеронимомъ (I, 4, 3).

Мегасѳенъ—*ὁ συγγραφεὺς ὁ Σελεύκῳ τῷ Νικάτορι, συμβεβιωκώς*, (Clem. Alex. p. 132, Sylb.) ум. въ 281 г. до Р. Х.)—авторъ труда подъ названіемъ *Ἰνδικά*, давшаго не мало матеріала Страбону, который, впрочемъ, въ общемъ не очень высоко цѣнитъ его (Strabo, II, p. 70). Фрагменты (43) этого автора (Müll., II, 397—439) указываютъ на значительный размѣръ его труда (фрагменты имѣются изъ III книгъ), изъ коего Іосифомъ заимствовано упоминаніе о Навуходоносорѣ (X, 11, 1; и *κατ. Ἀπ.* I, 20). Въ общемъ, однако, походы Навуходоносора, приписываемые ему Мегасѳеномъ, чистѣйшій миѳъ, см. Movers, Die Prönizier, II, p. 454.

*Діоклесъ и Филострат*ъ, упоминаемые Іосифомъ въ Археологіи вслѣдъ за Мегасѳеномъ, и такъ же одинъ только разъ, при разсказѣ о Навуходоносорѣ (упоминаніе Филострата по тому же поводу въ *κατὰ Ἀπ.* I, 20)—извѣстны: первый, между прочимъ, какъ авторъ *„Περσικὰ"* и *„περὶ ἡρώων"* (Іосифъ—*Ἀρχ.* X, 11, 1—*τῶν περσικῶν* (*ἀποικιῶν*), къ которымъ преимущественно относятся (срв. Müller. fr. III, 78) ихъ уцѣлѣвшіе фрагменты (числомъ 6, Müll. III, 74—79); второй трудился надъ *„Ἰνδικαὶ καὶ Φοινικιαὶ ἱστορίαι"*—трудъ, о которомъ мы не нашли данныхъ сказать что либо подробнѣе.

[1]) Любопытно сопоставленіе этого мѣста съ параллельнымъ ему въ *Ἀρχ.* VIII, 5, 3, дающее понятіе о той свободѣ, которую допускалъ Іосифъ въ приведеніи чужихъ словъ. Срв. также—слова Дія *κατ. Ἀπ.* I, 17 и *Ἀρχ.* VIII, 5, 3.

Наконецъ, болѣе другихъ и можно, и слѣдуетъ сказать объ *Александрѣ Полигисторѣ* (время его процвѣтанія Müllerus относитъ къ 82—60 г.г.), который былъ своего рода „Müllerus'омъ его времени и которому „наше" время и „нашъ" Müllerus, и также *Евсевій* (praep. ev. III, 17 и д.) обязаны сохраненіемъ значительнаго числа отрывковъ, близко касающихся самаго предмета Библейской исторіи (*περὶ Ἰουδαίων*, frag. Müll. III, 3—24) и принадлежащихъ отчасти самому Александру [1]), отчасти авторамъ, въ остальномъ по большей части безслѣдно утраченнымъ; таковы — Евполемъ (*περὶ Ἀβραάμ*), Артапанъ, Молонъ, Филонъ, Клеодемъ или Малхъ (всѣ о томъ же), Димитрій (*περὶ τοῦ Ἰακώβ*), Ѳеодотъ (о томъ же) Артапанъ (*περὶ Ἰωσήφ*), Филонъ (о томъ же), Аристей (*περὶ τοῦ Ἰώβ*), Евполемъ (*περὶ Μωσέως*), Артапанъ (*περὶ Μωσέως*), Димитрій (*περὶ Μωσέως*), Евполемъ (*περὶ Δαβὶδ καὶ Σολομῶνος*), Ѳеофилъ, Тимохаръ, Ксенофонтъ, Филонъ (о разныхъ вещахъ), Евполемъ (*περὶ Ἱερεμίου τοῦ προφήτου*) а также Берозъ (*χαλδαϊκά*) и *ὁ τῶν τραγῳδιῶν ποιητής* (*„ἐξαγωγὴ"*)—Ezechiel. Хотя Іосифъ только одинъ разъ даетъ понять прямо, что Александръ Полигисторъ былъ въ его рукахъ, упоминая, что слова Клеодема или Малха въ *Ἀρχ.* I, 15 — онъ приводитъ по Александру Полигистору,—однако, нѣтъ никакихъ особенныхъ основаній утруждать себя сомнѣніями въ справедливости того предположенія, что этому же самому источнику Іосифъ былъ обязанъ во многихъ и другихъ случаяхъ, прежде всего въ тѣхъ, гдѣ онъ называетъ поименно тѣхъ же авторовъ, которыхъ находимъ у неупоминаемаго имъ Александра (таковы, кромѣ ясно указываемаго въ Археологіи I, 15 Клеодема или Малха, въ *κατὰ Ἀπίωνος* Ѳеофилъ, Ѳеодотъ, Филонъ и Евполемъ I, 23, Молонъ (Аполлоній) II, 7, 14, 36 и 37; и можетъ быть еще другіе, въ числѣ коихъ, вѣроятно, и Берозъ); а затѣмъ, и въ негласныхъ заимствованіяхъ или передѣлкахъ этихъ авторовъ, что, напримѣръ, ясно въ Іосифовой исторіи Моисея. [2]) Изъ исчисленныхъ авторовъ объ Аристеѣ, Артапанѣ, Клеодемѣ, Димитріи и Евполемѣ—установлено, что это были Іудеи—эллинисты, которыхъ всѣхъ разумѣетъ Іосифъ подъ „собственными нашей земли лѣтописаніями" (*Ἀρχ.* VIII, 6, 2) и къ которымъ, по Клименту Александрійскому, относится также Филонъ: *Φίλωνος καὶ Ἀριστοβούλου Ἰωσήπου τε καὶ Δημητρίου καὶ Εὐπολέμου Ἰουδαίων συγγραφέων* (Euseb. Hist. Eccl.

[1]) Разнообразіе и содержательность его трудовъ (Müll. III, 207) поистинѣ заслуживаютъ удивленія.

[2]) См. въ подлеж. мѣстѣ настоящаго сочиненія.

VI, 13 и изъ него Hieronym. de vir. ill. II, p. 865, ed. Veron.). Объ остальныхъ, каковы—Тимохаръ, Θеофилъ [1]), Ксенофонтъ, Аполоній—Молонъ [2]), и Θеодотъ—извѣстно мало [3]). Что касается самыхъ матерій, по поводу которыхъ Іосифъ нашелъ нужнымъ указать на авторовъ изъ этой серіи Александра Полигистора, то таковыми матеріями служатъ — древность рода Іудейскаго, въ числѣ „премногихъ“ удостовѣрителей чего упоминаются Θеофилъ и Θеодотъ, Филонъ II и Евполемъ (*κατὰ Ἀπ.* I, 23), и обличаемая Іосифомъ невѣжественная вражда противъ него, за которую съ особеннымъ порицаніемъ упоминается Аполлоній Молонъ (*κατὰ Ἀπιῶν.* 7, 14, 36 и 37),—матеріи, какъ видно, или слишкомъ общаго характера, или слишкомъ отрицательнаго. Положительное же вліяніе авторовъ Александра П. на Іосифа, несомнѣнное и значительное, но отъ него скрываемое, обнаруживается только путемъ тщательнѣйшаго его анализа. Въ 152 отрывкахъ всѣхъ этихъ авторовъ у Müllerus'a (III, 206—244), между баснословіемъ à la Artapan можно находить не мало и болѣе пригоднаго для практическихъ примѣненій матеріала, и изученіе его—далеко не безплодная трата времени (3—24 fr).

Сверхъ этихъ авторовъ, ясно упоминаемыхъ Іосифомъ въ Археологіи, заслуживаютъ вниманія упоминаемые имъ въ *κατὰ Ἀπιῶνος*:—

Аполлодоръ (II, 7), какъ одинъ изъ повѣствователей объ Антіохѣ, грабителѣ храма Іудейскаго; въ числѣ его 247 отрывковъ, Müll. I, 428—469, и въ особенности въ его *βιβλιοθήκη* (Müll. I, 104—179) можно находить и еще кой-какія данныя по части нашего предмета.

Димитрій, мало извѣстный теперь авторъ, о которомъ Іосифъ, однако, вмѣстѣ съ Филономъ II [4]) и Евполемомъ, говоритъ [5]), что они „меньше всего отступили отъ истины въ исторіографіи древняго рода нашего“ (I, 23).

Клеархъ, (ученикъ Аристотеля, перипатетикъ) съ его весьма достовѣрнымъ свидѣтельствомъ объ Іудеяхъ (I, 22), повтореннымъ, кромѣ Іосифа, также у Евсевія (p. e. 5, p. 409) и Климента (Strom. I, p. 130, 20 ed. Sylb.), и имѣющимся въ числѣ 82 отрывковъ у Müllerus'a (II, 302—327).

Лисимахъ, одинъ изъ враждебнѣйшихъ Іудейству писателей, которому не столько можно въ чемъ либо слѣдовать, сколько во всемъ зазирать, что дѣлаетъ и Іосифъ (ложное освѣщеніе Египетскаго исхода Евреевъ I, 34; невѣрныя даты по части Еврейской хронологіи и статистики, II, 2 и кривотолкованіе установленій Моисея, см. въ числѣ 26 отрывковъ этого автора у Müllerus III, 334—342).

Аппіонъ (Египтянинъ), съ еще худшею репутаціею, написавшій *ἱστορίαν κατ' ἔθνος καὶ ἄλλα τιν'* [1]), куда должно отнести и его *τὰ κατὰ Ἰουδαίων*, вызвавшее спеціальное опроверженіе Іосифа (главныя заблужденія—въ хронологіи и статистикѣ, въ упоминаніи о Моисеѣ, скиніи, субботѣ и Синайскомъ законодательствѣ, и вообще по исторіи Іудеевъ, II, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13).

Херемонъ, 30 г. до Хр., Александріецъ, усвояющій себѣ *Αἰγυπτιακὴν ἱστορίαν* [2]), заслужившій—подобно Апіону, Лисимаху, Аполлонію Молону—столь же неблагосклонные отзывы Іосифа своимъ баснословіемъ о Моисеѣ и Іосифѣ (I, 32 и 33; срв. II, 1), и

Агаоархидъ, Книдійскій (II—I в.) хотя и упрекаемый Іосифомъ за отнесеніе строго соблюдавшагося Іудеями субботняго покоя къ „суевѣріямъ“ и „глупымъ предразсудкамъ“, однако—заслуживающій вниманія ради того, что не погрѣшаетъ противъ истины сущностію дѣла—удостовѣреніемъ примѣрной вѣрности закону и благочестія Іудеевъ (*κατὰ Ἀπιῶνος* [3]) I, 22, и *Ἀρχ.* XII, 1).

Здѣсь же должны быть отмѣчены почти вовсе неизвѣстные *Херилъ*, *Аристофанъ*, *Гермогенъ*, *Евгемеръ*, *Кононъ*, *Зопиріонъ* (I, 23) и *Θеофрастъ* (I, 22) [4]) упоминаемые Іосифомъ въ числѣ „другихъ премногихъ“ свидѣтелей древности и небезъизвѣстности Іудейскаго народа (I, 23) и наконецъ, *Кастеръ* съ его весьма важною хронологическою замѣткою о сраженіи Птолемея Лага съ Дмитріемъ Поліоркетомъ при Газѣ (170 Олимп. и въ 11-й годъ по смерти Александра В. I, 22) и подобною же замѣткою объ ограбленіи храма Іерусалимскаго Антіохомъ (II, 7).

Если присоединить сюда еще *Николая Дамаскина* [5]), который, впрочемъ, болѣе, относится ко II части нашего труда, гдѣ и будетъ обстоятельнѣе представленъ, вмѣстѣ съ относящимися туда же остальными—*Тимагеномъ*, *Посидоніемъ*, *Полибіемъ*, *Страбономъ* (*κατὰ Ἀπιῶν.* II, 7) и другими,—то мы, такимъ образомъ, возстановимъ почти весь запасъ матеріала, какой давала Іосифу для первой половины его труда историографиче-

[1]) Euseb. praep. ev. IX, 34 fin.
[2]) Трудъ его *συσκευὴ κατὰ Ἰουδαίων* изъ болѣе древнихъ (Sch. II, 772—775).
[3]) Müllerus, III, 208—209. Большинство ихъ, очевидно, кровные Греки; Іосифъ отмѣчаетъ ихъ невѣжество по исторіи Іудеевъ и бичуетъ ихъ предразсудки и вражду противъ Іудеевъ.
[4]) Вѣроятно *Φίλων Βύβλιος, γραμματικός*, въ трудъ котораго *φοινικικὴ ἱστορία* входило, какъ часть, и *περὶ Ἰουδαίων* (Müll. III, 560—576; между 20 его отрывками есть заимствованные у Евсевія и Оригена).
[5]) Онъ называется при этомъ у Іосифа „Фалерейскимъ“, по Müllerus'y — совершенно несправедливо (II, 369).

[1]) Müll. fr. III, 506—516, 32 фрагм.
[2]) Müll. III, 495—499, до 7 отрывковъ.
[3]) Müll. III, 190—197, 29 отр.
[4]) Списокъ этихъ „неизвѣстныхъ“ слѣдуетъ дополнить также неупоминаемыми Іосифомъ—*Дамакритомъ* (Müll. IV, fr. 377), *Никархомъ* (Müll. III, 335) и, можетъ быть, еще другими.
[5]) Цитируемаго Іосифомъ въ *Ἀρχ.* I, 3, 6 (о пристанищѣ ковчега); 3, 9 (о долголѣтіи); 7, 2 (объ Авраамѣ); VII, 5, 2 (объ Ададѣ, царѣ Дамасско-Сирійскомъ, воевавшемъ съ Давидомъ).

ская производительность древняго міра. Неизвѣстно сейчасъ, насколько собственно были содержательны [1]) или скудны, въ сущности, эти матеріалы въ то сравнительно счастливое время, когда писалъ свою исторію Іосифъ. Несомнѣнно только, что и онъ изъ всѣхъ изчисленныхъ имъ авторовъ едва ли хотя половину ихъ имѣлъ предъ глазами въ полнотѣ и подлинности; добрую половину ихъ онъ могъ знать только по имени, и помнить и записать про нихъ и изъ нихъ лишь то немногое, что (и на томъ спасибо!) мы имѣемъ теперь въ его трудахъ. Особенно замѣтно сказывается недостаточность свѣтско-историческаго матеріала во второй половинѣ его Археологіи, гдѣ ему приходилось восполнять внѣбиблейскими авторами болѣе или менѣе крупные пробѣлы священно-историческаго разсказа и создавать самостоятельно послѣдовательность нити прерваннаго повѣствованія Библіи.

Само по себѣ довольно внушительное разнообразіе и солидность Іосифовыхъ источниковъ много теряетъ также своего значенія отъ поспѣшности, нерадивости, безразборчивости и произвола [2]), съ какими онъ обычно для себя—утилизируетъ ихъ. Особенно бросаются въ глаза эти его недостатки въ обработкѣ послѣднихъ книгъ (XVIII—XX), порой похожей на вѣтренное собраніе матеріаловъ болѣе, чѣмъ на историческое повѣствованіе. Отсюда, между прочимъ, несоразмѣрность [3]) Іосифа въ различныхъ отдѣлахъ, неодинаковое достоинство по источникамъ, при одинаково рабской зависимости его отъ всѣхъ ихъ.

г) Особый родъ внѣбиблейскихъ источниковъ Іосифа предполагаетъ исторія первосвященниковъ, на которую онъ обращаетъ особенное вниманіе, воспроизводя съ правдоподобною и увѣренною точностію. Изъ его показаній дается непрерывный рядъ первосвященниковъ отъ Александра Великаго до разрушенія храма Титомъ, и подводится общій итогъ всему 2000-лѣтнему періоду существованія первосвященства (XX, 11, 2). Слѣдуетъ думать, что здѣсь ему, по крайней мѣрѣ, за позднѣйшее время оказывали услуги *священническія родословныя записи*, въ которыхъ справедливо усматривается великая цѣнность и свидѣтельствуется великое попеченіе къ ихъ сохраненію [1]). Повидимому, нѣтъ никакихъ основаній заподозривать этотъ источникъ Іосифа и возможность ненадлежащихъ отношеній къ нему, какъ въ другихъ случаяхъ. Если гдѣ, то здѣсь онъ, какъ священникъ (и, при томъ, въ недалекой линіи отъ первосвященнической), въ особенности былъ человѣкъ компетентный, вращавшійся, такъ сказать, въ своей спеціальности, тѣмъ болѣе, что существованіе упомянутыхъ священническихъ записей и самая тщательная ревность о правильности ихъ веденія, въ связи съ наблюденіями за правильностію священническихъ наслѣдій, подтверждаются и другими памятниками, въ томъ числѣ и каноническими [2]), и, при томъ, не только для рода священническаго, но и вообще для вліятельныхъ и просто мало-мальски знатныхъ родовъ, для которыхъ сколько-нибудь были важны родовыя преимущества [3]). Разница, и при томъ довольно значительная, въ показаніи числа первосвященниковъ у Іосифа и въ Вавилонскомъ Талмудѣ нѣсколько разбиваетъ, правда, наши надежды на отвѣчающее самой дѣйствительности однообразіе порядка и числа членовъ первосвященническаго поколѣнія,—впрочемъ, такъ, что большинство шансовъ на истину, очевидно, на сторонѣ Іосифа. Такъ, B. Joma 9a Вавилонскаго Талмуда насчитываетъ за время втораго храма 300 первосвященниковъ, въ то время, какъ Іосифъ до разрушенія 2-го храма отъ Аарона знаетъ всего 83 (XX, 10, 2—5), изъ коихъ 13 занимаютъ время отъ Аарона до созданія Соломонова храма, 18 время его существованія и остальные 52 время 2-го храма съ промежутками. Число 80 даетъ для послѣдней категоріи первосвященниковъ и Іерусалимскій Талмудъ, но уже Asaria dei Rossi и за нимъ Герцфельдъ не безъ основанія считаютъ это показаніе гиперболичнымъ, оправдывая, такимъ образомъ, въ принципѣ наше довѣріе къ датѣ Іосифа. Въ пользу послѣдняго, по нашему мнѣнію, кромѣ большей сообразности съ выводами изъ отдѣльныхъ указаній Священнаго Писанія, можетъ быть небезполезно слѣдующее соображеніе. Распредѣляя согласно съ Талмудомъ на 2000-лѣтній періодъ (хотя на самомъ дѣлѣ нужно бы здѣсь взять гораздо меньшій періодъ) 300 первосвященниковъ, получаемъ въ среднемъ выводѣ для служенія каждаго изъ нихъ всего 6—7 лѣтъ,—цифра крайне недостаточная, если принять во вниманіе, что служеніе первосвященническое, какъ наслѣдственное, въ большинствѣ случаевъ должно было равняться числу лѣтъ зрѣлаго возраста, каковое, по меньшей мѣрѣ, нельзя считать менѣе 20—30 лѣтъ среднимъ числомъ; а къ этому именно показанію ближе всего и подходитъ дата Іосифа, распредѣляющая на 2000 лѣтъ 83 первосвященника, почему именно только на

[1]) Bloch считаетъ вообще весьма содержательнымъ внѣбиблейскій элементъ въ Іосифѣ, судя по тому, что уже въ гаггадическихъ прикрасахъ, столь обильно переполняющихъ первую половину Археологіи, Іосифъ не преимущественно черпалъ ихъ изъ устнаго преданія, но находилъ ихъ въ древнѣйшей еллинистической обработкѣ священной исторіи или отдѣльныхъ ея частей—у Димитрія, Артапана, Евполема, и др. Bloch, 53—62.

[2]) Grimm. Exeget. Handb. zum. ersten Makkabäerbuch, s. XXVIII f.

[3]) Разительный образчикъ подобной несоразмѣрности можно видѣть въ подробности, съ какою онъ повѣствуетъ о событіяхъ въ Римѣ при смерти Калигулы и воцареніи Клавдія (41 г.), что совершенно не относилось къ Іудейской исторіи (XIX, 1—4). Несомнѣнно этотъ отрывокъ долженъ быть взятъ изъ спеціальнаго источника изъ рукъ современника, каковымъ могъ быть, по мнѣнію Mommsen'a (Hermes, IV, 1870, S. 322. 324) и по немъ Schemann (Die Quelle der Fl. Jos.), Cluvius Rufus, очевидецъ (*Ἀρχ.* XIX, 1, 13). Впрочемъ, это не болѣе какъ догадка, основанная на цитатѣ изъ его труда, хотя относящейся ко времени Нерона—концу 69 года Schürer, 65, примѣч.

[1]) *κατὰ Ἀπίωνος*, I, 7.

[2]) I Ездр. II, 62.

[3]) Этому, напр., обычаю Матѳей, Лука, а чрезъ нихъ и весь христіанскій міръ обязаны знаніемъ непрерывнаго родословія Господа не только до временъ возникновенія первосвященства, но и выше, до послѣднихъ его предѣловъ.

сторонѣ Іосифа, а не Талмуда и можно смѣло полагать истину. Однако, и это преимущество Іосифа не должно слишкомъ обольщать насъ, въ виду не всегда удачныхъ попытокъ, какія допускаетъ Іосифъ и здѣсь для приноровленія своихъ показаній къ синхронизмамъ историковъ языческихъ [1]).

д) Немаловажную цѣнность между источниками Іосифа имѣютъ *указы* и *отрывки документовъ*, которые онъ весьма часто включаетъ въ свое повѣствованіе [2]). Многіе изъ нихъ, особенно касающіеся правъ Іудеевъ на свободное отправленіе религіи, относятся ко времени Цезаря и Августа и, вѣроятно, найдены Іосифомъ всѣ въ великомъ архивѣ Капитолія [3]). Конечно, въ этомъ архивѣ могла находиться только часть сообщаемыхъ Іосифомъ документовъ, вѣроятно, только римскіе и именно сенато-консульскіе.

Что касается, затѣмъ, грамотъ и постановленій мало-азіатскихъ городовъ [4]), то копіи ихъ, безъ сомнѣнія, были собраны Іосифомъ въ различныхъ мѣстахъ Малой Азіи, отчасти также, вѣроятно, въ Палестинѣ и даже Римѣ. Благодаря живымъ сношеніямъ между іудейскими общинами городовъ, Іосифъ легко могъ достать всѣ эти копіи съ разсыпанныхъ по разнымъ мѣстамъ актовъ. Къ сожалѣнію, самая группировка этихъ важныхъ документовъ произведена Іосифомъ съ большимъ нерадѣніемъ: иногда это только фрагменты, выкроенные по вкусу и сообразно цѣлямъ Іосифа [5]). Такъ какъ въ подлинности самыхъ актовъ въ общемъ никто болѣе не сомнѣвается [6]), то остается лишь констатировать это и пожалѣть, что столь важные источники для исторіи Іудейства временъ послѣплѣнныхъ сохранены и увѣковѣчены для насъ съ меньшимъ стараніемъ, нежели какого они заслуживали.

е) Наконецъ, не мало можно открывать въ трудахъ Іосифа такихъ сообщеній и свѣдѣній, для которыхъ онъ могъ быть, такъ сказать, только *самоисточникомъ*. Обращая вниманіе на этотъ важный элементъ въ Археологическомъ матеріалѣ Іосифа, мы должны, однако, имѣть въ виду прежде всего трудность и даже невозможность полнаго изолированія его отъ всего, что есть „не своего“ у Іосифа, какъ ни цѣнно было бы для критиковъ

[1]) См. Katalog Ezech. Spanheimus. Whiston. 957 стр.
[2]) Ἀρχ. XIII, 9, 2; XIV, 8, 5; 10; 12; XVI, 6; XIX, 5, XX, 1. 2.
[3]) Ἀρχ. XIV, 10, 26, также XIV, 10, 1 см. Schürer, 66 стр.
[4]) Цит. авторовъ см. Schürer I, 66, прим.
[5]) Такъ какъ въ рѣчи, которую держитъ Николай Дамаскинъ предъ М. Агриппой, при его остановкѣ въ Малой Азіи, о благосклонности къ тамошнимъ іудеямъ (XVI, 2, 4), внушается сильная увѣренность въ благосклонности къ Іудеямъ Римлянъ и чувствуется сильная опора на эту благосклонность, то — думаетъ Niése (Hermes XI, 1876, 477—483), что уже тогда сообщаемые Іосифомъ документы собраны были Николаемъ, и изъ его труда уже взяты Іосифомъ. Однако, это не совсѣмъ вѣроятно, въ виду того, что среди нихъ находятся нѣкоторые гораздо младшіе (XVI, 6, 2 и 7; см. Niese, 480 стр.) и относящіеся къ Іудеямъ изъ Кирены, слѣдовательно, для мало-азіатскихъ отношеній совершенно неинтересные (XVI, 6, 5). Мы находимъ возможность примирить это неудобство предположеніемъ, что, къ собраннымъ у Николая Дам., Іосифъ самъ могъ прибавить недостающіе документы, давъ имъ надлежащее мѣсто у себя вмѣстѣ съ тѣми.
[6]) Egger. Etudes—стр. 163 и д.

и цѣнителей этого автора подобное изолированіе. На долю личныхъ соображеній и свѣдѣній Іосифа приходится, такимъ образомъ, безъ особеннаго риска относить многое, параллель чему до сихъ поръ при всѣхъ усиліяхъ не удается установить въ предшествовавшей и современной Іосифу литературѣ, хотя надежду и на это вѣра въ науку никогда не позволяетъ считать тщетною. Но, конечно, какъ бы ясно ни доказывалась компилятивность,—какъ бы полно ни раскрывалась незначительная самостоятельность труда Іосифа, въ немъ всегда будутъ оставаться мѣста, для которыхъ единственнымъ источникомъ и, такъ сказать, первовиновникомъ могъ быть и былъ самъ онъ, и никто болѣе. Не придавая большого значенія сюда отчасти относящимся — мелкимъ дополненіямъ, поясненіямъ и парафрастическимъ украшеніямъ текста, мы укажемъ особенно изъ этой области на обстоятельныя, точныя и, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ надежныя топографическія указанія Іосифа. Какъ истый уроженецъ Палестины, изборождившій этотъ небольшой, занимаемый его отчизною, священный уголокъ земли „вдоль и поперекъ“, — ознакомившійся „на мѣстѣ“ со всѣми ея достопримѣчательностями, особенностями и вообще тогдашнею физіономіею, (столько же раздѣляющею участь всего, что не въ силахъ выдерживать всесокрушающаго вліянія времени), Іосифъ даетъ множество цѣнныхъ сообщеній по топографіи Св. Земли,—сообщеній, которыхъ нерѣдко совсѣмъ невозможно добыть теперь и безъ которыхъ во многихъ случаяхъ слишкомъ трудно обходиться историку. Насколько, поэтому, безспорна и незамѣнима заслуга Іосифа въ данномъ отношеніи, ясно само собою.

Обобщая все сказанное до сихъ поръ объ источникахъ Іосифа, а также принимая во вниманіе характеристику его личности и Археологіи, мы воспроизведемъ и резюмируемъ наиболѣе важные пункты этого отдѣла.

I. *Въ качествѣ главнаго источника для древнѣйшаго времени* (до Нееміи — 440 г. до Р. Х.) *служили Іосифу почти исключительно каноническія книги Ветхаго Завѣта*. Такимъ образомъ, здѣсь Іосифъ интересенъ для Библейскаго историка не столько, какъ источникъ—относительно говоря—первоначальный, потому что самъ пользуется Библіею, какъ источникомъ,—сколько представляетъ для насъ только въ томъ интересъ, какъ *отображался* въ представленіяхъ его и ближайшаго къ его временамъ іудейства этотъ *священный источникъ*. Критическій обзоръ и оцѣнка Іосифа, какъ источника, въ этой части можетъ совпадать отчасти съ критическимъ отношеніемъ къ его первоисточнику, поскольку, разумѣется, таковое было бы согласно съ достоинствомъ Откровеннаго Слова Божія; но, съ другой стороны,—такое отношеніе абсолютно законно и существенно необходимо тамъ, гдѣ Іосифъ примѣшиваетъ къ истинѣ этого Слова Божія *внѣ-Откровенные элементы и свои соображенія*, съ какою бы цѣлію

это ни дѣлалось, съ апологетической, или экзегетической и прагматической.

II. *Въ точкахъ соприкосновенія своей отечественной исторіи съ исторіею другихъ народовъ и въ мѣстахъ, требующихъ дополненія, особенно въ пробѣлахъ Библейскаго повѣствованія, служитъ Іосифу историческая литература внѣбиблейскихъ авторовъ и другіе историческіе памятники* (мемуары, акты и т. п.). Въ виду того, что многіе изъ этихъ памятниковъ безвозвратно утрачены въ настоящее время, Іосифъ получаетъ для насъ по многимъ мѣстамъ значеніе *источника первоначальнаго* и, вмѣстѣ, болѣе труднаго для обсужденія, въ виду его ненадежности по личнымъ чертамъ характера и др. особеннымъ условіямъ, сопровождавшимъ его работу.

Относительно самой *обработки* Іосифомъ Библейской исторіи обнаруживается и еще опредѣленнѣе имѣетъ обнаружиться слѣдующее:

а) въ апологетическихъ интересахъ, или на основаніи господствующихъ традицій въ духѣ раввинической литературы, исторія Іудейскаго народа у Іосифа подвергается значительному преобразованію, выступая въ болѣе свѣтломъ пріукрашенномъ видѣ; б) для послѣдней, между прочимъ, цѣли служатъ Іосифу древнѣйшіе гаггадическіе комментаріи къ священному тексту, вліяніе которыхъ особенно сильно въ исторіи патріарховъ и Моисея; в) въ пониманіи осново-положительной стороны іудейства (законы, постановленія) преобладаетъ вліяніе Палестинской галахи (прим. II т. 195 и д. Schürer); г) въ духѣ изложенія Библейской исторіи легко различаются слѣды двоякаго Библейскаго экзегеса: одни-чисто палестино-вавилонскаго происхожденія (съ аллегорическимъ оттѣнкомъ), другіе, выросшіе на чужой почвѣ, представляютъ іудейско-еллинистическое смѣшеніе греческихъ и древне-еврейскихъ формъ и воззрѣній (несомнѣнно еллинистическаго происхожденія, Bloch, 22—23); д) въ своихъ заимствованіяхъ изъ внѣбиблейскихъ источниковъ Іосифъ проявляетъ крайнее легковѣріе, тенденціозность и недостатокъ критицизма;—вообще—въ расположеніи и при обработкѣ своего матеріала—недостатокъ прагматизма, естественности и полноты представленія предмета; е) наконецъ, полное устраненіе Мессіанскаго элемента и недостатокъ вниманія къ развитію и состоянію внутренней жизни іудейства (въ ея основахъ даже) дѣлаетъ трудъ Іосифа для Библейскаго историка имѣющимъ значеніе лишь внѣшне-историческое и, слѣдовательно, одностороннее, и не въ его „цѣломъ“, а лишь въ отдѣльныхъ историческихъ сообщеніяхъ и чертахъ, которыя, впрочемъ, послѣ тщательной обработки способны давать болѣе или менѣе цѣнные вклады въ сокровищницу Библейско-исторической науки.

I.

АРХЕОЛОГІЯ И БИБЛІЯ.

(I — XI кн.).

I. АРХЕОЛОГІЯ И БИБЛІЯ.

ГЛАВА I.

АРХЕОЛОГІЯ И ПЯТОКНИЖІЕ.

§ 6.

Весь обширный трудъ Археологіи Іосифа легко и естественно распадается по источникамъ и другимъ особенностямъ изложенія, а, вмѣстѣ, и по значенію, на двѣ равныя половины. Первая обнимаетъ первыя одиннадцать книгъ (I—XI, 6 включительно), идущія въ близкой и по мѣстамъ совершенно ровной параллели съ каноническими источниками Ветхаго Завѣта. Вторая, начиная съ одиннадцатой книги, съ которою каноническія книги Библіи перестаютъ оказывать помощь Іосифу, доводитъ исторію Ветхаго Израиля, на основаніи другихъ источниковъ, до самаго конца ея (70 г. по Р.). Въ частности, первыя 4 книги Археологіи, образуя важнѣйшій и интереснѣйшій отдѣлъ I половины, соотвѣтствуютъ Пятокнижію Моисея, начинаясь съ творенія міра и кончаясь смертію Моисея. 6 слѣдующихъ книгъ идутъ параллельно дальнѣйшимъ книгамъ Библіи, отчасти отражая текстъ LXX, отчасти еврейскій, и именно: Іис. Нав.= Ἀρχ. V, 1 и 2, 1—5; кн. Судей=отъ 2, 6 до 8 гл. конецъ; V, 9 излагаетъ исторію Руѳи; двѣ первыя книги Царствъ служатъ матеріаломъ для Ἀρχ. V, 10—VII, 14, 3; двѣ другія, съ подробностями обѣихъ Паралипоменонъ, и дополненіями чрезъ прор. Наума (IX. 11, 3), Іереміи (X, 7 и д.) и Іоны (IX, 10, 1—3) занимаютъ Ἀρχ. VII, 14, 3—X, 9 конецъ. Ἀρχ. X, 10 до конца соотвѣтствуетъ книгѣ Даніила; наконецъ, XI, 1—6 гл. передаетъ событія книгъ Ездры, Нееміи и Есѳирь. Вторая половина Археологіи продолжаетъ прерванное Библіею повѣствованіе о судьбахъ іудейства въ эпохи Птоломеевъ и Селевкидовъ, когда начался рядъ греческихъ историковъ (XII), двѣ цѣлыхъ книги (XIII—XIV) посвящаетъ династіи Асмонеевъ, три (XV—XVII)—одному царствованію Ирода Великаго; наконецъ, въ трехъ послѣднихъ (XVIII—XX) обозрѣваются событія отъ смерти Ирода до управленія послѣдняго прокуратора Гессія Флора.

Въ виду того, что обозрѣть ближе и полнѣе всѣ характеристическія и болѣе или менѣе важныя для насъ особенности повѣствованія Іосифа невозможно

иначе, какъ шагъ за шагомъ слѣдуя за нимъ въ его текстѣ, мы въ дальнѣйшемъ именно такимъ образомъ стараемся дать болѣе обстоятельный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. При воспроизведеніи всѣхъ особенностей Іосифа мы указываемъ попутно и источники, къ основамъ которыхъ такъ или иначе могутъ быть пріурочиваемы эти особенности, гдѣ связь ихъ болѣе или менѣе поддается выясненію. Самое же достоинство этихъ особенностей при этомъ становится яснымъ само собою послѣ тѣхъ общихъ свѣдѣній объ источникахъ, характерѣ и условіяхъ авторитетности Іосифа, которыя мы уже предложили.

По самому характеру своего труда, Іосифъ долженъ былъ исключительное вниманіе обратить на историческія священныя книги, открывающіяся Боготкровеннымъ и недоступнымъ самому человѣческому уму—описаніемъ началъ бытія,—и на исторію Ветхозавѣтнаго человѣчества, частнѣе Израиля, съ самаго ея зарожденія, совпадающаго съ началомъ бытія міра. Естественно было, открывая эти таинственныя начальныя страницы исторіи міра и человѣчества, считаться съ недоумѣннымъ вопросомъ, кто же могъ знать самое рожденіе міра, его, такъ сказать, первые шаги, его дѣтство и вообще первоисторію? Да и относительно современности? — кто или что можетъ быть ручательствомъ, что все это изображается совершенно точно и соотвѣтственно дѣйствительности и самой истинѣ. Іосифъ достаточно разъясняетъ это въ классическомъ мѣстѣ *κατὰ Ἀπιῶνος*, I о „канонѣ“, къ защитѣ достовѣрности Іудейской исторіи, какъ она предана въ священныхъ книгахъ. Эти книги Іосифъ упоминаетъ съ особеннымъ высшимъ почтеніемъ, называя ихъ *ἱεραὶ βίβλοι, ἱερὰ βιβλία, ἱερὰ γράμματα, ἱερῶν γραφῶν βίβλοι*. Высшую достовѣрность сихъ Писаній устанавливаетъ онъ изъ того, что не всякій человѣкъ въ состояніи быть сочинителемъ исторіи, но это было лишь свойствомъ пророковъ, которые знали первоисторію *(τὰ ἀνωτάτω καὶ τὰ παλαιότατα)* чрезъ Божественное внушеніе, благодаря которому только и современныя происшествія *(τὰ καθ' αὐτούς)* изображены ими ясно и точно, соотвѣтственно дѣйствительности *(ὡς ἐγένετο)*. Итакъ, Боговдохновенность пророковъ [1]) вѣрнѣйшее ручательство за достовѣрность всего, что вошло въ канонъ. Хотя это должно быть прежде всего ограничено книгами Моисея, который нарочито и съ особенною выразительностію называется пророкомъ *(προφήτης οἷος οὐκ ἄλλος, Ἀρχ.* IV, 8, 49), и собственно пророческими книгами—אחרונים נביאים, но и книги Царствъ не незаслуженно носятъ то же почтенное титло *ἱερὰς βίβλους (Ἀρχ.* V, 1, 17), и, наконецъ, въ томъ же мѣстѣ *κατὰ Ἀπιῶνος*, о всемъ періодѣ между Моисеемъ и Артаксерксомъ вообще отмѣчается ясно, что „слѣдовавшіе по Моисеѣ пророки *(οἱ μετὰ Μ. προφῆται)* описали исторіи ихъ времени въ 13 книгахъ“ [2]). Въ противоположность сему замѣчанію о характерѣ и священномъ авторитетѣ пророческой литературы, Іосифъ замѣчаетъ, что „со временъ Артаксеркса написанныя книги“ не имѣютъ уже той достовѣрности и значенія — *διὰ τὸ μὴ γενέσθαι τὴν τῶν προφητῶν ἀκριβῆ διαδοχήν*.

Усвояя пророкамъ непосредственное наученіе, и воздѣйствіе на нихъ

[1]) Пророки писали *θεοῦ δείξαντος, Ἀρχ.* X, 11, 7.
[2]) Канонъ Іосифа, срв. Graetz. 501 стр.

Духа Божія Іосифъ простираетъ это воздѣйствіе на все, что говорятъ пророки или пишутъ, при чемъ терминируетъ это дѣйствіе Божественнаго Духа совершенно отчетливо *ἐπίπνοια* (inspiration) внушеніе, вдохновеніе. Описательныя выраженія, коими онъ варіируетъ способы этого вдохновенія или состояніе его, показываютъ, что онъ имѣлъ довольно зрѣлое представленіе объ инспираціонныхъ дѣйствіяхъ Божественнаго Духа. Вотъ эти знаменательныя выраженія: *τὸ θεῖον αὐτῷ συμπάρεστι* (X, 11, 3), *ὁμιλεῖν τῷ θεῷ* (X, 11, 7: *περὶ ἀλ. ὡσ.* I, 2, 7), *ἔνθεος γενόμενος* (IX, 3, 1; *περὶ ἀλ.* III, 8, 3), *ἔχων τὸ θεῖον* (X, 11, 5), *εἶναι ἐν θειασμῷ* (*περὶ ἀλ.* II, 13, 4; 22, 1), *τὸ τοῦ θεοῦ πνεῦμα λαμβάνει τινά (Ἀρχ.* IV, 6, 5), *πρός τινα μεταβαίνει τὸ θεῖον* (VI, 8, 2), *τὸ θεῖόν τινι διαλέγεται* (VIII, 13, 3) [1]). Въ исторіи пророка Валаама Іосифъ сохранилъ намъ, далѣе, цѣнныя указанія относительно того, въ какихъ отношеніяхъ субъективная сторона человѣческаго духа находилась съ объективною инспираціею Духа Божественнаго. Мѣсто это надо прямо назвать классическимъ, и мы воспользуемся имъ для окончательнаго выясненія Іосифовой теоріи инспираціи (пророческаго вдохновенія) и для опредѣленія ея значенія въ вопросѣ о Ветхозавѣтномъ канонѣ. Въ *Ἀρχ.* IV, 6, 5 онъ пишетъ: *ὁ μὲν* (Валаамъ) *τοιαῦτα ἐπεθείαζεν οὐκ ὢν ἐν ἑαυτῷ, τῷ δὲ θείῳ πνεύματι πρὸς αὐτὰ κεκινημένος... ὦ Βάλακε, φησί, δοκεῖς ἐφ' ἡμῖν* (не о Валаамѣ, конечно, но вообще о пророкахъ) *εἶναί τι περὶ τῶν τοιούτων σιγᾶν ἢ λέγειν, ὅταν ἡμᾶς τὸ τοῦ θεοῦ λάβῃ πνεῦμα; φωνὰς γὰρ ἃς βούλεται τοῦτο καὶ λόγους οὐδὲν ἡμῶν εἰδότων ἀφίησιν... ἦν τε μοί δι' εὐχῆς μηδὲν ἀδικῆσαί σου τὴν ἐπιθυμίαν. κρείττων δὲ ὁ θεὸς ὢν ἐγὼ χαρίζεσθαι διεγνώκειν. παντελῶς γὰρ ἀσθενεῖς οἱ προγινώσκειν περὶ τῶν ἀνθρωπείων παρ' ἑαυτῶν λαμβάνοντες, ὥστε μὴ ταῦθ' ἅπερ ὑπαγορεύει τὸ θεῖον λέγειν, βιάζεσθαι δὲ τὴν ἐκείνου βούλησιν· οὐδὲν γὰρ ἐν ἡμῖν ἔτι φθάσαντος εἰσελθεῖν ἐκείνου ἡμέτερον.* — Такимъ образомъ, по убѣжденію Іосифа, въ состояніи вдохновенія и воздѣйствій Духа Божія, пророки сами по себѣ остаются совершенно недѣятельными, и не состоитъ ни въ какой зависимости отъ ихъ ума и воли—то, что они возвѣщали: Духъ Божій давалъ имъ „звуки и слова“ *(φωνὰς καὶ λόγους)*, которые они и „вынуждались“ произносить, какъ его „органъ“, безъ того даже, чтобы они это знали и сознавали (насиліе). Отсюда, понятно, что слова пророка въ самомъ тѣсномъ смыслѣ истинныя Божіи слова *(Ἀρχ.* IV, 8, 49) и *ὅτι ἂν φθέγξατο δοκεῖν αὐτοῦ λέγοντος ἀκροᾶσθαι τοῦ θεοῦ* — презирающій слова пророка презираетъ Само Божество *(περὶ ἀλώσ.* IV, 6, 3), Мы имѣемъ здѣсь, такимъ образомъ, теорію „вербальнаго“ и „реальнаго“ вдохновенія въ строжайшемъ смыслѣ (вложеніе въ уста пророка словъ и выраженій), что ко времени Іосифа было господствующимъ воззрѣніемъ на дѣйствія Божественнаго Духа въ пророкахъ [2]).

Нѣтъ надобности обстоятельно доказывать крайность этой теоріи инспираціи, повторенную даже новѣйшими учеными. Изъ принудительной силы этой

[1]) Gerlach. Die Weissagungen.... 24 стр.
[2]) Gerlach. 24 стр.

инспираціи, разительные образцы чего можно видѣть не только въ Валаамѣ, но и другихъ пророкахъ, какъ то: Іереміи, Іонѣ, и др.—вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы принудительна была самая „фраза“ вдохновляемаго, при полномъ безучастіи лучшихъ субъективныхъ дарованій и способностей духа человѣческаго. Очевидно, и выводы, къ которымъ, на основаніи своей теоріи, приходитъ Іосифъ въ разсужденіи о степени достовѣрности своего основаннаго на пророческомъ канонѣ повѣствованія, должны быть принимаемы съ соотвѣтствующими ограниченіями. Таково, между прочимъ, мнѣніе, что въ книгахъ Ветхаго Завѣта не можетъ быть безусловно никакихъ несовершенствъ, противорѣчій или отступленій отъ истины [1]). Какъ бы то ни было, озареніе или просвѣщеніе Божественнымъ сознаніемъ человѣческаго обезпечило пророкамъ и писателямъ способность и силу—пассивно, или болѣе или менѣе активно, безразлично — не только въ точности предсказывать будущее отъ Лица Божія, но и проницать глубже настоящее, равно какъ обнимать вдохновеннымъ взоромъ и все прошедшее, въ особенности въ его связи съ настоящимъ и будущимъ—*ἃ δεῖ γενέσθαι προλέγειν (Ἀρχ.* X, 8, 3; 6, 2);—*τὰ μέλλοντα προφητεύειν* (IX, 11, 3; X, 2, 2, срв. IX, 13, 3: *προφήτης, παρ᾽ οὗ πάντ᾽ ἀκριβῶς τὰ μέλλοντα ἐπυνθάνετο),—προκηρύττειν* (X, 5, 1), *προθεσπίζειν* (тамъ же), *δηλοῦν* (X, 10, 4), *φράζειν παρὰ τοῦ Θεοῦ* (X, 7, 6), и т. п.

Этимъ обезпечивается достовѣрность и Моисеева повѣствованія о рожденіи міра и то „толкованіе“ естества или „бытія“, которое даетъ вдохновенный Бытописатель вслѣдъ за разсказомъ о непостижимомъ и недоступномъ человѣческому наблюденію—семидневномъ образованіи вселенной. Его разсказъ—не философская концепція о началахъ вещей, а исторія въ собственномъ смыслѣ слова; съ другой стороны—эти, сообщаемыя имъ, историческія и разныя другія свѣдѣнія—не прагматическая обработка какого-либо сырого матеріала, даннаго природою или трудами рукъ человѣческихъ, а само Откровеніе Высшаго Разума, Откровеніе Того Самаго Верховнаго Существа, Которое вначалѣ сотворило этотъ міръ и руководитъ его судьбами и всѣмъ существованіемъ...

Сопоставляя это сужденіе съ основнымъ взглядомъ Іосифа на сущность и характеръ вдохновенія пророковъ писателей и его отношеніемъ къ послѣднимъ, мы находимъ, однако, у него сильный контрастъ слова и дѣла, представляющій практическое изобличеніе несовершенства его теоріи. Въ то время, какъ смертный человѣкъ, повидимому, долженъ былъ бы дорожить если не каждою буквою Откровенной Мысли Божіей, то, по крайней мѣрѣ, ея точностію, смысломъ и всѣми оттѣнками, избѣгая всячески неосторожнаго толкованія и малѣйшаго извращенія этой Божественной Мысли, — мы находимъ на каждомъ шагу Іосифа подобные конфликты и диссонансы, нерѣдко столь странные и рѣзкіе для критика, что онъ ничего не можетъ придумать въ ихъ объясненіе и оправданіе [2]) у Іосифа, кромѣ какъ только объявляя послѣдняго небрежнѣйшимъ, невѣжественнѣйшимъ и неблагонамѣреннѣйшимъ изъ экзегетовъ Слова Божія, тѣмъ болѣе преступнымъ и неизвинительнымъ, что онъ былъ изъ числа тѣхъ, кому „*ввѣрена быша Словеса Божія*“, и кого, такимъ образомъ, въ особенности касался упрекъ: „*оставльше заповѣдь Божію, держите преданія человѣческая* (Мрк. 7, 8)“, „*преданія старецъ* (5 ст.),“ „*учаще ученіемъ заповѣдемъ человѣческимъ* (7 ст.),“ прельщаясь и „*прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому..., а не по Христѣ* (Кол. 2, 8),“—кто, наконецъ, самъ же себя за это и осуждаетъ, приводя съ отчетливѣйшимъ пониманіемъ всѣ основанія для вѣры въ неприкосновенное достоинство священныхъ книгъ, и нарушая эту неприкосновенность чуждыми элементами всякаго рода, зачастую совершенно-противорѣчащими прямому и непосредственному смыслу Слова Божія и самому даже духу Божественной истины.

Впрочемъ, все это будетъ лучше видно на самомъ дѣлѣ.

[1]) *κατὰ Ἀπίωνος*, I, 7; *Ἀρχ.* 7, 2: пророч. Іереміи и Іезекіиля о плѣнѣ Седекіи.

[2]) Такимъ оправданіемъ, только отчасти, для Іосифа можетъ служить то его заблужденіе, что онъ не раздѣлялъ, по значенію, Писанія отъ преданія,—заблужденіе, общее для всѣхъ іудеевъ, и, при томъ, для руководителей іудейства въ особенности, какъ это видимъ изъ Евангельскихъ обличеній Спасителя. Извѣстно, что уже въ первые вѣка по Р. Х. „хранители преданій“ Іудейскихъ (соферимъ и таннаимъ) увлеклись настолько, что позволяли своей авторитетъ и постановленія считать выше библейскихъ. Особое правило гласило, что „изреченія ученыхъ важнѣе самой Торы“. По воззрѣнію талмудистовъ, Библія можетъ быть сравнена съ водой, Мишна съ простымъ виномъ, Гемара—съ виномъ ароматическимъ, и погрѣшающій противъ постановленій книжниковъ заслуживаетъ гораздо большаго наказанія, чѣмъ погрѣшающій противъ Писанія, такъ какъ слова книжниковъ имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ слова самого Моисеева Закона (Sanh. 110, 1). „Пусть не ждетъ себѣ милости отъ Бога тотъ, кто опредѣленіямъ Талмуда предпочитаетъ опредѣленія Библіи“ (Schag. 10, 1).

§ 7. Первые люди.

Ἀρχ. I, 1—6, 4; Быт. I—XI гл.

Толкуя наименованіе перваго человѣка (אָדָם), Іосифъ объясняетъ происхожденіе и значеніе этого наименованія тѣмъ, что земля, изъ которой былъ созданъ Адамъ (אָדָם отъ אֲדָמָה—съ твердой флексіей,—что значитъ „красный“), была—въ „нерастлѣнномъ“ своемъ состояніи — „краснаго“ цвѣта. Талмудическій экзегесъ даетъ это же самое толкованіе, допуская, при этомъ, созданіе Адама именно изъ „земли горы Моріа“. То обстоятельство, что Адамъ восхищался и „удивлялся“ при видѣ животныхъ, соединенныхъ парами, Іосифъ прямо выставляетъ не *поводомъ* только къ созданію помощницы Адаму, но какъ бы *причиною* и самымъ *началомъ* происхожденія женщины, очевидно, отражая іудейскія воззрѣнія на послѣднюю и не проникая, во всякомъ случаѣ, глубже въ планы Божественныхъ дѣйствій. По толкованію Св. Отцевъ, предшествовавшее созданію жены дѣйствіе Божіе заранѣе разсчитано было на то, чтобы дать Адаму возчувствовать самому необходимость для него подобнаго ему спутника жизни, мысль о созданіи каковаго нисколько не являлась въ зависимости отъ самого человѣка.. Въ описаніи мѣстоположенія рая Іосифъ обнаруживаетъ попытку ближе и точнѣе опредѣлить это мѣстоположеніе,—едва ли,

впрочемъ, удачно. Напаяющая садъ рѣка, по Іосифу [1]), окружаетъ „всю землю“, дѣлясь на 4 части: Фисонъ (означающій πληθύν—полноту=евр. פִּישׁוֹן или פּוּשׁ—расширяться, толстѣть, полнѣть), который чрезъ Индію течетъ въ море (Индійское) и у Грековъ называется Γάγγης (Гангъ);—по Быт. II, 11—„обтекаетъ всю землю Хавила, ту, гдѣ золото“. Двѣ другія рѣки (Евфратъ и Тигръ), текущія въ Чермное море, носятъ имена: одна—Фора (отъ פָּרָה, производить, плодоносить, Hif. размножать, откуда פְּרִי—плодъ, разсѣяніе, размноженіе, или отъ פָּרַח—первое значеніе—пускать почки, цвѣсти, откуда פֶּרַח—цвѣтокъ): имя другой рѣки—Диглаоъ (отъ דָּגַל быть шаткимъ, зыбкимъ), халдейское слово, означающее совсѣмъ не то, что по недосмотру, вѣроятно, говоритъ Іосифъ: „въ тѣснотѣ скорый“; Библія — „Хиддекель, протекаетъ предъ Ассиріею“. Именемъ Фора или Phrath—Евфратъ названъ и въ Талмудѣ, такъ какъ воды его были обильны и „выгодны“, или по болѣе точному выраженію другого мѣста [2]) „судоходны“. Наконецъ, четвертая рѣка—Геонъ (текущій отъ востока)—проходитъ чрезъ Египетъ, и есть именно Νεῖλον (Нилъ) Грековъ;—Библія: „Гихонъ, обтекающій всю землю Кушъ“. Изъ этого указанія рѣкъ, понятно, странно представить, какимъ образомъ „напаяющая садъ рѣка“ окружаетъ „всю землю“, дѣлясь на 4 части (εἰς τέσσαρα μέρη σχίζεται); не легко отыскать и такое мѣсто, по распредѣленію теченія этихъ рѣкъ, гдѣ соединеніе ихъ могло бы давать бассейнъ одной рѣки, напаявшей садъ. Очевидно, и Іосифъ не даетъ ничего для разрѣшенія этого важнѣйшаго вопроса первоисторіи о точномъ мѣстоположеніи рая, каковой вопросъ неразрѣшимымъ объявляетъ вообще геологія, не простирая результатовъ своихъ изслѣдованій по этому вопросу далѣе гипотезы о геологическомъ переворотѣ, значительно измѣнившемъ теченіе и распредѣленіе рѣкъ, а, слѣдовательно, навсегда уничтожившемъ и слѣды для опредѣленія точнаго мѣстоположенія рая.

Весьма оригинально въ представленіи о блаженствѣ перваго человѣка и состояніи вселенной до его паденія мнѣніе, что „всѣ животныя въ то время имѣли одинъ языкъ или способъ для сообщенія другъ другу своихъ мыслей“ (собств.—ὁμοφρονούντων δὲ κατ' ἐκεῖνο καιροῦ τῶν ζώων ἁπάντων). Отсюда, слѣдуетъ само собою и то далѣе, что змій, „всегда обращавшійся съ Адамомъ и женою и позавидовавшій ихъ благополучію“, самъ могъ явиться активнымъ обольстителемъ прародительницы, а не пассивнымъ лишь орудіемъ діавола, для своихъ цѣлей лишь воспользовавшагося указанною способностію змія — быть понятнымъ для человѣка. Это же воззрѣніе на первоначальную способность выраженія своихъ мыслей, общую всѣмъ животнымъ, свойственно древнѣйшимъ изъ Midraschim [3]). Книга Юбилеевъ, старѣйшая изъ этого рода литературы (въ I полов. I вѣка по Р. Х.), или λεπτὴ γένεσις,—τὰ λεπτῆ τῆς γενέσεως,—λεπτογένεσις, ἡ τοῦ Μωϋσέως ἀποκάλυψις,—μικρογένεσις,—даетъ ясное указаніе на это въ слѣдующемъ характерномъ мѣстѣ: „и въ тотъ день заключились уста всѣхъ звѣрей и скотовъ и птицъ и всего, что ходитъ (на ногахъ), что

[1]) Срв. Talmud Bechoroth 55. Tachauer, 34 и 49; Bloch, 24.
[2]) b. Joma. 39 b. Tachauer, 49.
[3]) Bloch, 24.

движется,—такъ что они не могли болѣе говорить: ибо они говорили прежде другъ съ другомъ одними устами и одною рѣчью“ [1]).

Характерны въ исторіи грѣхопаденія нѣкоторыя добавленія Іосифа, изобличающія вообще его крайне несовершенное пониманіе и извращеніе обстоятельствъ этого событія. Таковы воззрѣнія, что древо познанія было „причиною (т. е. обладало силою—ὀξύτητος καὶ διανοίας ὑπήρχεν) разума и проницательности“ (т. е. само по себѣ), и что „одѣвшись листьями смоковницы, Адамъ и Ева считали себя счастливѣйшими, найдя то, чего прежде не имѣли“ (ὡς ὧν πρότερον ἐσπάνιζον εὑρόντες, собственно—„въ чемъ прежде не нуждались“). Парафразъ воззванія Бога къ падшимъ прародителямъ лишенъ той величавой простоты и разящей самое сердце грѣшника священной серьезности, какою дышетъ рѣчь подлинника. Въ наказаніяхъ за грѣхъ Іосифъ болѣе строгъ по отношенію къ змію. Богъ лишаетъ его голоса [2]), вливаетъ въ языкъ его ядъ, объявляетъ врагомъ человѣческаго рода, повелѣваетъ раздроблять его голову, а для удобства этого отнимаетъ у него другую человѣкоподобную способность—ноги, низведя въ разрядъ пресмыкающихся. Наказаніе поддавшихся обольщенію ограничивалось ослабленіемъ производительной силы земли — для мужа и болѣзненностію дѣторожденія—для жены; мысль о наказаніи смертію отодвигается на задній планъ и „изгнаніе“ изъ „рая сладости“ обходится простою замѣткою, что Богъ „переселилъ“ грѣшниковъ „въ другое мѣсто“. Такимъ образомъ, утѣшительное Мессіанское обѣтованіе о пораженіи зміевой главы Сѣменемъ Жены,—обѣтованіе, въ которомъ заключено столько великой будущности и жизненныхъ надеждъ человѣчества, и безъ котораго эта величественная священная драма, развертывающаяся на страницахъ Библейскаго повѣствованія, отрывается отъ всякой завязки и лишается всякаго глубокаго смысла,—едва удостоивается жалкаго намека въ измышленномъ „повелѣніи“ „людямъ“ „раздроблять“ главу змія.

---

[1]) Synkellos (c. Byz. ed. Bonn. p. 13) приводитъ это же самое по „λεπτὴ γένεσις“: τὰ θηρία καὶ τὰ τετράποδα καὶ τὰ ἑρπετά φησιν ὁ Ἰώσηπος καὶ ἡ λεπτὴ γένεσις ὁμόφωνα εἶναι πρὸ τῆς παραβάσεως τοῖς πρωτοπλάστοις· διότι φησίν, ὁ ὄφις ἀνθρωπίνῃ φωνῇ ἐλάλησε τῇ εἵᾳ, и т. д.

Знаменательна въ приведенной выдержкѣ цитація Synkellos'a, указывающая на самостоятельность Іосифа отъ λεπτὴ γένεσις и подтверждающая наши сужденія относительно связи или сходства его съ Midraschim и другими произведеніями раввинической литературы. Мы указывали именно, что подобная связь и сходство прежде всего обязаны знакомству Іосифа съ традиціоннымъ толкованіемъ Библіи, прежде чѣмъ оно фиксировалось въ опредѣленныхъ раввинических произведеніяхъ. При невозможности предположенія, чтобы Іосифъ могъ пользоваться λεπτὴ γένεσις, можно сомнѣваться и наоборотъ, чтобы это послѣднее имѣло своимъ источникомъ Іосифа. Одно и то же воззрѣніе или толкованіе въ обоихъ этихъ памятникахъ указываетъ скорѣе всего не на зависимость котораго либо изъ нихъ отъ другого, а на простой параллелизмъ экзегетическихъ памятниковъ вавилоно-палестинскаго направленія, совершенно независимо другъ отъ друга исходившихъ изъ третьяго общаго источника, каковымъ было раввинческое, проникавшее въ народъ, и общенародное равинизировавшееся преданіе.

[2]) Кромѣ λεπτὴ γένεσις, мѣсто о лишеніи змія голоса и т. д. находимъ у Michael Glykas (Ann. I, p. 197, Bonn. corp. Byz.) въ такой связи: οὐδὲ γὰρ ὡς πόδας κεκτημένου τὸ πρότερον, κατὰ Ἰώσηπός τέ φησι καὶ ἡ λεγομένη λεπτὴ γένεσις νῦν ἀποφαίνεται τον ἐπὶ τῇ κοιλίᾳ, περίπατον, и т. д.; тоже, 20 b. Изъ обоихъ мѣстъ можно установить, что мы имѣемъ здѣсь обычное для даннаго мѣста толкованіе, въ подобномъ же видѣ содер-

Не мало характерныхъ особенностей даетъ исторія перваго человѣкоубійства. Прежде всего, предпочтеніе жертвы добродѣтельнаго Авеля объясняется, съ точки зрѣнія чисто-фарисейскаго формализма, самымъ „веществомъ“ жертвы. Авель приноситъ произведенія, свободно полученныя отъ природы [1]), тогда какъ алчный и досужій Каинъ, „первый выдумавшій орать землю“, жертвовалъ, такимъ образомъ, „изобрѣтенія человѣка скупого, произведенныя насильно“.. Убивъ Авеля, Каинъ скрываетъ трупъ его. Богъ спрашиваетъ Каина объ Авелѣ, какъ будто не въ силу Своего всевѣдѣнія, а потому лишь, что Авель давно пересталъ являться предъ Его Лицемъ, тогда какъ прежде они всегда являлись вмѣстѣ. Когда, затѣмъ, Каинъ жертвою преклоняетъ Бога къ милосердію, „дабы не всю жестокость гнѣва Своего оказалъ надъ нимъ“, Богъ смягчаетъ наказаніе, но проклинаетъ родъ Каина до 7-го поколѣнія, изгнавъ его съ женою. Мысль о покаяніи Каина встрѣчается въ Midraschim; что касается наказанія до 7-го рода, то Іосифомъ оно повторено и преданіемъ обосновано на выраженіи 24-го стиха IV главы, гдѣ говорится о седмеричномъ отмщеніи за Каина (ср. ст. 15) и семьдесятъ разъ седмеричномъ за Ламеха, — въ соотвѣтствіе чему Ламеху, далѣе, усвояется 77 сыновей (Jos. ib. 2, 2), какъ Каину — 7 [2]). Каинъ, боясь звѣрей, высказывается въ своей робости Богу. Богъ успокоиваетъ и, положивъ знаменіе для распознаванія убійцы, повелѣваетъ удалиться отъ Его лица. Разсказъ о боязни звѣрей напоминаетъ распространенную сагу, читаемую, между прочимъ, въ Midrasch: „R. Jehuda говоритъ: звѣри, птицы и прочія животныя собрались взыскать кровь Авеля. Но Богъ сказалъ имъ: вотъ Я опредѣляю: всякъ, кто убьетъ Каина, будетъ самъ убитъ. Пришелъ первозданный змій взыскать кровь Авеля; но Богъ говоритъ ему: вотъ Я назначаю: всякъ, кто убьетъ Каина, повиненъ смерти!“ Очевидно, эти приведенныя мѣста Midraschim стоятъ съ мыслью Іосифа въ тѣсномъ сродствѣ.

Дальнѣйшая [3]) судьба Каина у Іосифа воспроизводится съ большими подробностями. Каинъ обходитъ много земель, строитъ городъ Наиду (Быт.: „поселился въ землѣ Нодъ“). Наказаніе не исправило, а, наоборотъ, ожесточило его: онъ весь погрузился въ грубый матеріализмъ. Наряду съ другими пороками—сладострастіемъ, насиліями, грабительствомъ, роскошью и т. п., Іосифъ вмѣняетъ ему въ погрѣшность также изобрѣтеніе мѣръ и вѣсовъ [4]), и даже то, что онъ первый поставилъ полямъ предѣлы и обнесъ стѣной городъ (Енохію). Характеристика благочестія Сиѳова представляетъ близкое сходство у

жащееся въ Midrasch. (Быт. r. c. 30: срв. b. Sóta 9 b), и также у Филона (quaest. in Gen. sermo I. § 32).

[1]) Въ объясненіе отличія отъ Быт. 4, 4, гдѣ Авель приноситъ въ жертву Богу „тукъ“, между тѣмъ какъ по Іосифу „молоко“,—см. выше, 42 стр. прим. 1-е.

[2]) Срв. Midrasch. Jalkut, I, 38 и rab. Быт. § 23.

[3]) Тѣмъ, кто на основаніи V, 1 Быт. находилъ возможнымъ видѣть здѣсь другого Адама (по сравн. съ I, 26—27) можетъ быть поучительна замѣтка Іосифа, что Моисей обращается вторично къ бытію Адама ради порядка исторіи.

[4]) Въ объясненіе этого, неизвѣстно откуда заимствованнаго сообщенія, Tachauer высказываетъ остроумное предположеніе, что оно произошло чрезъ производство Іосифомъ имени קין отъ קנה, въ смыслѣ „покупать“, „пріобрѣтать выгоду“ (*κτῆσις*) стр. 19.

Іосифа съ раввиническими толкованіями (Сиѳъ, какъ „піонеръ“ набожности и добродѣтели, упражнявшійся во всѣхъ родахъ добродѣтельности,—R. Simon; Jalk. 1, § 42. Pirke R. Elieser), что даетъ основаніе предположить, что и вышеприведенная характеристика Каина должна возводиться къ тому же источнику. Знаменательно выраженіе Іосифа о рожденіи у Адама „многихъ другихъ сыновей и дочерей“, являющееся не простою фразою, механически занесенною изъ Библіи, а обнаруживающее характерную параллель съ вышеупомянутою *λεπτὴ γένεσις*. Synkellos (въ под. мѣстѣ) подтверждаетъ это такимъ образомъ: *γεγόνασι δέ τῷ Ἀδὰμ καὶ ἄλλοι υἱοί, ὡς ἡ λεπτὴ γένεσις περιέχει, ἐννέα μετὰ τοῦς τρεῖς τούτους, ὡς εἶναι αὐτῷ δύο μὲν θυγατέρας ἄρρενας δὲ δεκάδυο* и т. д. (срв. Іосифъ: *γίνονται μὲν οὖν παῖδες αὐτῷ ἄλλοι τε πλείους, καὶ Σῆθος· ἀλλὰ περὶ μὲν τῶν ἄλλων μικρὸν ἄν ἔιη λέγειν*) [1]). Мысль о чрезвычайности чадородія Адама Іосифъ изощряется пояснить странною ссылкою на сладострастіе прародителя, возчувствовавшаго 230 лѣтъ отъ роду „великое къ рожденію (дѣтей) вожделѣніе“ (особенно по убіеніи Авеля и съ потерей Каина). Столь же фантастично и гаггадично въ жизнеописаніи Адама упоминаніе о предсказаніи имъ двоякой гибели міра—одинъ разъ отъ огня, и другой—отъ воды [2]).

Подобно своимъ родоначальникамъ характеризуются ихъ дальнѣйшіе потомки. Между тѣмъ какъ Каиниты отличаются склонностію къ войнѣ и разбоямъ всякаго рода, бѣшенству и обидамъ, потомство Сиѳа украшается благонравіемъ и добродѣтелями своего родоначальника, въ соотвѣтствіе чему и жизнь ихъ отличалась полнымъ внѣшнимъ благополучіемъ: они жили, не видавъ во всю жизнь никакого несчастія и, будучи изобрѣтателями звѣздочетной науки, сдѣлали много важныхъ и полезныхъ открытій [3]). Припоминая вышеприведенное Адамово предсказаніе о двукратной гибели міра, Сиѳиты принимаютъ заблаговременно мѣры для увѣковѣченія своихъ цѣнныхъ открытій и изобрѣтеній, и воздвигаютъ въ Сирійской землѣ два столба—кирпичный и каменный съ надписями (звѣздочетными), одинъ изъ которыхъ (каменный), по словамъ Іосифа, можно видѣть тамъ и „донынѣ“. Повѣріе это, съ значительными, впрочемъ, измѣненіями нашло себѣ мѣсто также въ книгѣ Юбилеевъ. Здѣсь въ 8 главѣ читаемъ, какъ Каинанъ, сынъ Арфаксадовъ, наученный отъ отца письму, отправился отъискать мѣсто, гдѣ бы можно было воздвигнуть городъ. И вотъ онъ находитъ надпись, начертанную на камнѣ „прародителемъ“ (Іосифъ точнѣе обозначаетъ въ немъ Сиѳа), — повѣдавшую ему, что была прежде наука, которою занимались его предки, изучивъ пути солнца, луны и звѣздъ и всѣ знаменія неба [4]). Очевидно, въ разсказѣ Іосифа можно видѣть варіацію или отраженіе этого традиціоннаго и въ его время, вѣроятно, еще ни вылившагося въ окончательную форму—гаггадическаго сказанія.

Черезъ 7 вѣковъ частное отступленіе отъ Бога и правъ человѣчества,

[1]) Bloch., 26.

[2]) Jalk. I, 41 Rabbah Быт. § 24 и Talm. Bab. Synhedr. 38 b Chagigah 5 a.

[3]) Midr. Jalk. I, 41 и 42, Pirke Rab. Elieser.

[4]) Dillmann, a. a. O. p. 249. Bloch, 28.

по заразительному почину Каина и его потомковъ, переходитъ въ общечеловѣческое развращеніе, чтобы не сказать болѣе: сами „Ангелы Божіи“ (Быт. „сыны Божіи“), по толкованію Іосифа, ниспадаютъ до противоестественнаго сожительства съ дочерьми сыновъ человѣческихъ, которыя производятъ отъ нихъ и дѣтей. Сверхъ-человѣческіе элементы послѣднихъ не замедлили проявиться въ необыкновенной силѣ и дерзости, побудившей ихъ не остановиться даже предъ тѣмъ, что хотѣли нѣкогда сдѣлать у Грековъ гиганты. Среди такого-то общаго развращенія, при утратѣ лучшихъ достоинствъ человѣка, выступаетъ и свѣтлою личностію своею пріятно выдѣляется праведный Ной. Какъ впослѣдствіи Талмудъ, Іосифъ усвояетъ этому праведнику роль проповѣдника, возбуждавшаго своими увѣщаніями развращенныхъ современниковъ къ покаянію и обращенію къ Богу, хотя всѣ эти увѣщанія не только были безполезны для ожесточенныхъ грѣшниковъ, но и опасны стали для самаго Ноя, вынужденнаго въ концѣ концовъ спасать свою жизнь бѣгствомъ [1]). При такомъ положеніи дѣлъ, Богъ „сокращаетъ“ жизнь человѣческую до 120 лѣтъ и страшнымъ бѣдствіемъ, измѣнившимъ всю землю на видъ моря, обрекаетъ на казнь неисправныхъ и непослушныхъ, сохранивъ надежду будущаго человѣчества (благочестиваго Ноя съ семействомъ) въ ковчегѣ [2]). Въ исторіи потопа было предметомъ оживленныхъ споровъ высказанное въ замѣткѣ Іосифа мнѣніе, что этотъ міровой переворотъ имѣлъ мѣсто во второй мѣсяцъ (*ἐν μηνὶ δευτέρῳ*), называемый у Македонянъ Діемъ, у Евреевъ-Марсонанъ-(Marcheschwan), по году, установленному въ Египтѣ,—первый мѣсяцъ котораго, так. обр., былъ Тишри. Моисей, по Іосифу, сдѣлалъ уже потомъ, въ увѣковѣченіе воспоминанія о выходѣ изъ Египта и для посвященія новыхъ плодовъ, первымъ мѣсяцемъ введеннаго имъ, такъ сказать, церковнаго года — мѣсяцъ Ниссанъ, оставя, впрочемъ, прежній порядокъ счета мѣсяцевъ для года гражданскаго безъ отмѣненія. Такимъ образомъ, извѣстная Талмудическая контроверсія о первомъ мѣсяцѣ потопнаго года у Іосифа разрѣшается довольно просто чрезъ поясненіе, что это могъ быть лишь Тишри, начало гражданскаго года, а не Ниссанъ—начало церковнаго, служившій лишь со времени Моисея точкой отправленія для опредѣленія времени празднованій народныхъ и другихъ торжественныхъ событій; мысль Іосифа, очевидно, та, что въ обозначеніи потопнаго мѣсяца Моисей имѣлъ въ виду именно ихъ прежній порядокъ—гражданскій, а не позднѣйшій—церковный. Вторымъ мѣсяцемъ, мѣсяцемъ потопа будетъ, въ такомъ случаѣ, Marcheschwan, слѣдующій за Тишри. Изъ раввиновъ, склонявшихся къ обратному предположенію, извѣстенъ, между прочимъ, R. Josua, по которому [3]) „второй“ мѣсяцъ года потопнаго былъ Ijar (слѣдующій за Ниссаномъ, 1-мъ мѣсяцемъ церковнаго года), около 17-го числа котораго бываетъ заходъ Плейядъ. R. Elieser назначаетъ мѣсяцъ Marcheschwan, въ половинѣ котораго Плейяды господствовали. Сопоставляя эти оба мнѣнія, Талмудъ не

[1]) Talm. Bab. Synhedrin. S. 108 ab; Midr. Jalk. II, 90 b, Midr. Tanchuma S. 10 a.
[2]) О „четырехъ палубахъ“ вмѣсто трехъ (Быт. 6, 16),—Midr. Jalk. I, 54, — rabah, Быт. 31.
[3]) Bloch, 29 стр.

столь опредѣленно [1]) замѣчаетъ: „въ обычаѣ Израиля—относить дожди потопные, какъ R. Elieser, къ мѣсяцу Marcheschwan, обычай другихъ относитъ начало потопа, по указанію R. Josua, на мѣсяцъ Ijar“.

Что касается, затѣмъ, года, въ который отъ Адама имѣло мѣсто это страшное бѣдствіе (потопъ), то опредѣленіе его должно затронуть всю хронологическую систему Іосифа, въ которой онъ опредѣляетъ возрастъ міра и протяженіе его отдѣльныхъ эпохъ. Но прежде, чѣмъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы коснуться хронологіи Іосифа, мы постараемся не прерывать нити нашихъ разсужденій о потопѣ и докончимъ о немъ Іосифовы показанія Когда голубица, выпущенная Ноемъ въ третій разъ, возвращается съ маслиною и „грязными ногами“, Ной убѣждается въ достаточной убыли воды и рѣшается выйти изъ ковчега въ мѣстѣ, названномъ Армянами „выходъ“. Іосифъ дѣлаетъ попытку подтвердить историчность самаго повѣствованія ссылкою на то, что въ его время Армяне нашли на мѣстѣ остановки ковчега и его остатки [2]), а, затѣмъ, опирается на упоминанія о потопѣ писателей варварскихъ, какъ-то: Іеронима, Мнасея, Николая Дамаскина, (96 кн. выдержка) и Вироста Халдеянина, при чемъ, по свидѣтельству послѣдняго, ковчегъ остановился въ горахъ Курдистана (*πρὸς τῷ ὄρει τῶν Κυρδυαίων*), на южной границѣ Арменіи; съ этимъ мнѣніемъ согласны переводы Сирскій и Халдейскій, переводящіе слово אֲרָרָט словомъ קַרְדּוּ. Всѣ эти свидѣтельства, однако, не могутъ быть названы надежными. Одинъ простой взглядъ на тексты, приводимые Іосифомъ, уже показываетъ, что эти авторы или говорятъ совершенно о другомъ, или повторяютъ тѣ же преданія евреевъ, болѣе или менѣе отрывочныя, или въ томъ видѣ, какъ онѣ начали распространяться въ мірѣ языческомъ, съ эпохи сліянія народовъ и идей, подготовленнаго вѣкомъ Александра. Едва ли также достовѣрна и естественна усвояемая Іосифомъ Ною боязнь новыхъ потоповъ [3]), при чемъ самая жертва праведника является не столько выраженіемъ благодарности Богу за Его милосердіе, сколько имѣла характеръ умилостивительной (жертвы) молитвы о предотвращеніи впредь подобныхъ, смущавшихъ душу Ноя бѣдствій. Рѣчь Бога къ Ною является прямымъ отвѣтомъ на эти именно его опасенія, и успокоиваетъ его на счетъ возможности новыхъ бѣдствій въ тѣхъ же размѣрахъ. Согласно съ Іосифомъ, на подобныхъ же основаніяхъ (умилостивленіе), Ной приноситъ жертву по Tanchuma (p. 6, ed. Venedig. 1605), гдѣ приводится, между прочимъ, слѣдующій разговоръ между Богомъ и Ноемъ: Ной говоритъ къ Богу: „Господи міра! ужели наведешь Ты еще потопъ на міръ?“—Богъ отвѣчаетъ ему: „нѣтъ! Я обѣщаю, что больше не наведу потопа на міръ!“ Такимъ образомъ, здѣсь, какъ у Іосифа, благодарственный характеръ жертвы отодвигается на второй планъ, или даже и совсѣмъ устраняется. Тотчасъ по остановкѣ ковчега, три сына

[1]) Rosch. Hasch. 8 a, 11 b, 12 a,—Bab. Talm.
[2]) Подобное говорится въ Талмудѣ при повѣствованіи о смерти Сеннахирима: Synhedrin, 96 a.
[3]) Bloch, 29.

Ноя—Симъ, Хамъ [1]) и Іафетъ первые осмѣливаются сойти съ горъ на поля и убѣждаютъ то же сдѣлать и другихъ, одержимыхъ еще боязнію новаго потопа. Центромъ обитанія новаго человѣчества становится поле Сеннааръ, скоро оказавшееся тѣснымъ для своихъ насельниковъ. Зло, вкоренившееся въ природу человѣка, не дремало и вызывало при этой тѣснотѣ печальные раздоры и ссоры при собираніи плодовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, Богъ повелѣваетъ юной человѣческой семьѣ разселиться, что встрѣчено было, однако, неповиновеніемъ отъ несознаванія самой пользы этого разселенія. Послѣ вторичнаго повелѣнія, не замедлившаго воспослѣдовать со стороны Бога, непослушаніе переходитъ въ сознательное упорство, поощряемое нечестивою мыслію, что человѣчество живетъ отнюдь не по Божественной благости Повелѣвающаго, и что этотъ послѣдній разселяетъ ихъ лишь для того, чтобы удобнѣе тѣснить разсѣянныхъ. Не удовольствуясь, такъ сказать, оборонительнымъ положеніемъ, непокорно-дерзкое человѣчество, въ лицѣ нечестиваго потомства Хамова, переходитъ скоро въ наступательное. Подстрекаемое Нимвродомъ [2]), внукомъ Хама, совмѣщавшимъ въ своей личности всѣ отрицательныя черты послѣдняго до крайнихъ размѣровъ, племя Хамово начинаетъ строить башню, чтобы потопъ не могъ болѣе покрывать всей земли, и чтобы этимъ дерзкимъ вызовомъ „отомстить“ вмѣстѣ и погибель предковъ. Іосифъ говоритъ, при этомъ, объ обширности башни, множествѣ работниковъ, прочности сооруженія, воздвигавшагося изъ выжженнаго кирпича, скрѣпляемаго чрезвычайно клейкою матеріею. Въ доказательство или подтвержденіе исторической достовѣрности сообщеннаго событія, Іосифъ ссылается на изреченіе Сивиллы о Вавилонѣ и смѣшеніи языковъ, а также приводитъ выдержку изъ Гестіея, упоминавшаго о Сеннаарѣ. Являющееся наказаніемъ за дерзкое предпріятіе — разсѣяніе народовъ Іосифъ разсматриваетъ и съ выгодной стороны, видя въ этомъ разсѣяніи руководство Бога, заботившагося о болѣе равномѣрномъ заселеніи земли („чтобы все наполнилось“). Такимъ образомъ, благодаря разсѣянію, потомки Іафета (число дѣтей котораго Іосифъ принимаетъ согласно съ еврейскимъ—7, а не греческимъ текстомъ — 8 съ Елисой) занимаютъ пространство земли отъ горъ Тавра и Амана въ Азіи до рѣки Танаидосъ, въ Европѣ до Гадиры; племя Хама располагается по Сирійской территоріи отъ горъ Амана и Ливана до океана. Симъ насаждаетъ свое племя въ Азіи отъ Евфрата до Индійскаго океана. Какъ кажется, не безъ основаній въ Словѣ Божіемъ, которое какъ будто не совсѣмъ безнамѣренно присоединяетъ къ имени Сима титулъ „отца всѣхъ сыновъ Еверовыхъ“, Іосифъ производитъ впервые выступающее имя носителей Обѣтованнаго Сѣмени — „Евреи“ [3]) — отъ патріарха Евера [4]). Упомянувъ, затѣмъ, о смерти Аррана, гробницу котораго

[1]) Въ исторіи проклятія его потомства Іосифъ имѣетъ оригинальную особенность, что Ной упивается виномъ не при воздѣлкѣ винограда, а пируя по принесеніи жертвы.

[2]) Babyl. Exeg. Chulin 89 a.

[3]) בני-עבר, עברים.

[4]) См. Kurtz, I. 73—74.

показываютъ въ Урѣ Халдейскомъ „донынѣ“ и объясняя уходъ Ѳарры въ Харранъ Месопотамскій смертію любимаго сына, Іосифъ вступаетъ въ эпоху славнѣйшихъ мужей своей исторіи, олицетворявшихъ собою вѣру, надежду и любовь Израиля къ Своему Іеговѣ. Это были — Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, знаменательная троица ветхозавѣтныхъ патріарховъ, достопамятными именами которыхъ украсилось Самое „Имя“ Божіе („Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова“), проименовавъ въ нихъ Троичную глубину необъятнаго Божественнаго Существа.

§ 8. Хронологическая система Іосифа.

Умѣстно остановиться здѣсь на уясненіи хронологическихъ основъ Іосифа и вообще значенія его въ вопросѣ о библейскомъ лѣтосчисленіи. Хронологическій вопросъ вообще одинъ изъ наиболѣе слабо разработанныхъ въ Ветхозавѣтной исторіи, при томъ, строго говоря, безнадежныхъ по самому существу дѣла. Всѣ успѣхи по изысканію настоящаго счисленія отъ „начала временъ“, кажется, осуждены лишь на констатированіе различій счисленій по той или другой системѣ, представляя болѣе тексто-критическій, нежели чисто-хронологическій интересъ [1]). И наука здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, безсильна установить единство и разработаться въ массѣ противорѣчивыхъ свѣдѣній. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ существенныхъ затрудненій для хронолога здѣсь является отсутствіе одной опредѣленной эры, то-есть—счисленія годовъ отъ одного опредѣленнаго, точно установленнаго исходнаго пункта. У евреевъ это отсутствіе такъ же замѣтно, какъ у всѣхъ другихъ народовъ, хотя ихъ наиболѣе отчетливыя свѣдѣнія о началѣ міра, повидимому, давали надлежащій пунктъ для такой эры. На самомъ дѣлѣ, и у нихъ видимъ нѣсколько такихъ эръ, которыя, будучи удовлетворительны сами по себѣ, даютъ при сопоставленіи съ другими далеко не легко соединимыя величины. Міръ въ данномъ случаѣ можно бы уподобить подростку, утратившему всѣхъ близкихъ ему лицъ, которыя могли бы точно сообщить ему число лѣтъ его жизни до того пункта, когда онъ самъ могъ вести счетъ своихъ лѣтъ,—и измѣряющему возрастъ свой лишь по темнымъ догадкамъ и отрывочнымъ сообщеніямъ, и, при томъ, отдѣльными промежутками, а не въ цѣломъ. Образующееся отсюда неудобство въ особенности сказывается въ точкахъ соприкосновенія еврейской эры съ другими, особенно съ христіанскою, въ виду того, что еврейскій годъ на первыхъ порахъ былъ годъ лунный и уравненіе его съ нашимъ солнечнымъ въ высшей степени трудно за отсутствіемъ свѣдѣній о болѣе точной организаціи принятаго евреями года и за отсутствіемъ уже этой самой организаціи [2]). Не легко

[1]) Riehm. Zeitrechnung.

[2]) Въ настоящее время извѣстно, по крайней мѣрѣ, что самая продолжительность года, какъ единицы времени, если и не могла быть столь малою, какъ иногда ее считаютъ (до „мѣсяца“), чтобы уменьшить невѣроятность долголѣтія патріарховъ, то плохо подходила также и въ maximum'ѣ своихъ предполагаемыхъ размѣровъ къ

также уравненіе вообще различныхъ эръ, начинающихся съ самыхъ различныхъ пунктовъ (1 Ниссана-еврейская эра; Октябрь 312 по Сентябрь 311 г. Селевкидская и т. д.). Въ довершеніе всего приходится считаться со смѣшеніемъ всѣхъ эръ хронологами даже своего времени, разительный образецъ чего можетъ дать книга Маккавейская, считающая годы эры Селевкидовой при счетѣ мѣсяцевъ по календарю еврейскому.

Вся хронологія священно-іудейская для большаго удобства дѣлится обыкновенно на нѣсколько періодовъ, какъ напримѣръ: 1) отъ сотворенія міра до потопа; 2) отъ потопа до исхода изъ Египта; 3) отъ исхода изъ Египта до закладки Соломонова храма; 4) отъ закладки храма до разрушенія его при Седекіи, и 5) отъ послѣдняго года Седекіи до окончательнаго разрушенія храма Титомъ. Для исчисленія этихъ періодовъ въ частности и въ ихъ общемъ существуетъ нѣсколько хронологическихъ системъ, значительно разнящихся одна отъ другой, при чемъ эта разность происходитъ, главнымъ образомъ, отъ несогласія въ счисленіи лѣтъ перваго періода. Въ ряду означенныхъ системъ, хронологическую систему Іосифа нѣкоторые склонны надѣлять особенными достоинствами ради того, что въ ней Іосифъ одинъ изъ ветхозавѣтныхъ писателей даетъ хронологію *всего* времени [1]). Кромѣ него, отдѣльныя хронологическія указанія даютъ (помимо Библейскаго текста) — Евполемъ, оба Филона (старшій и младшій) и Апостолы. Мы увидимъ, однако, сейчасъ, какъ общая цифра хронологическихъ выкладокъ Іосифа далеко не всегда строго соотвѣтствуетъ своимъ слагаемымъ, и какъ эти послѣднія не всегда удобно мирятся съ тѣмъ, чтобы поступиться своею неумолимою точностію и неизмѣнностію, ради бо́льшаго совпаденія съ общею суммою. Увидимъ, какъ, не смотря на цѣлостность и единство хронологической системы Іосифа, мало можно быть довѣрчивымъ къ ней, прельщаясь кажущимися удобствами и нелесообразностію этой системы, если имѣющей какое-либо значеніе, такъ (развѣ) лишь сравнительное.

Въ основѣ исчисленія возраста міра лежитъ необычайное долголѣтіе патріарховъ, понимаемое, однако, крайне разнообразно, за отсутствіемъ точно опредѣленной и строго выдержанной, астрономически неизмѣнной единицы времени. Въ убѣжденіяхъ Іосифа непоколебимымъ является одно: что долголѣтіе патріарховъ было дѣйствительно необычайно и безпримѣрно для всѣхъ послѣдующихъ временъ и поколѣній. Кромѣ свидѣтельствъ многихъ писателей древности, какъ Манеѳонъ Египетскій, Виростъ Халдеянинъ, Мохъ, Гестіей и Іеронимъ Финикійскіе, Гезіодъ, Гекатей, Гелланикъ, Акузилай, Ефоръ

настоящей постоянной годовой единицѣ времени. Извѣстно, что продолжительность года позднѣйшихъ евреевъ колеблется между цифрами 353—354—355—383—384—385 двей. Количество мѣсяцевъ у Иверійцевъ—4 въ году, Аркадіевъ — 3, Римлянъ временъ Ромула—10 и т. и. Вообще, до введенія Юліанскаго лѣтосчисленія счетъ года у Римлянъ, считавшихъ отъ основанія Рима, и Грековъ—по Олимпіадамъ, настолько былъ запутанный, что весна нерѣдко приходилась въ другія времена года, и потому за 45 лѣтъ до Р. Х. Юлій Цезарь поставленъ былъ въ необходимость установить одинъ изъ годовъ даже въ 455 дней, который былъ какъ бы високоснымъ изъ високосныхъ, а по прозванію астрономовъ—безтолковымъ (Плутархъ, о Цезарѣ).

[1]) I. Vossius. Chronol. sacra. 104 стр.

и Николай,—говорящіе о продолжительности жизни до 1000 лѣтъ [1]),—Іосифъ придумываетъ въ оправданіе долголѣтія отчасти довольно естественныя, а потомъ и небезкурьезныя основанія или причины долголѣтія первобытной жизни. Въ числѣ перваго рода причинъ или основаній имъ справедливо приводится безраздѣльная, животворная и прежде всего свойственная и необходимая всякой человѣческой жизни любовь къ Богу,—свѣжесть и большая цѣлость и неповрежденность новаго созданія,—а также пища здравая, умѣренная, и вообще—жизнь сообразная съ природою, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Сюда же у Іосифа присоединяется, затѣмъ, и „тщательное въ звѣздочетной и землемѣрной наукѣ упражненіе“ [2]),—пожалуй, могущее быть относимо къ сообразной съ природою жизни, и если не способствовавшее прямо, то, по крайней мѣрѣ, не мѣшавшее долголѣтію. Но что касается, затѣмъ, точной хронологіи всего этого періода и дальнѣйшихъ, то—несходная въ общемъ и частяхъ — ни съ новѣйшимъ еврейскимъ текстомъ, ни съ греческимъ, ни даже съ самаританскимъ, какъ полагалъ Whiston [3]), эта хронологія носитъ у Іосифа столь непримиримыя неправильности и разногласія, что едва можно окончательно резюмировать мнѣніе его о возрастѣ міра. Несогласіе Іосифа съ кодексомъ не только еврейскимъ, но и Александрійско-греческимъ и самаританскимъ, обнаруживается уже въ томъ, когда продолжительность первой эпохи міровой жизни (до потопа) онъ исчисляетъ въ 2256 (2656) лѣтъ (2262 греч. и 1656 еврейскій текстъ). Незначительная разница по сравненію съ греческимъ текстомъ произошла лишь отъ того, что лѣта Ламеха до рожденія отъ него Ноя взяты не по греческому, а по еврейскому подлиннику (182 вм. 188 л.). Въ исчисленіи лѣтъ послѣ потопа продолжается то же отличіе отъ LXX, нѣсколько большее отъ еврейско-самаританскаго кодекса, но еще большее отъ древне-еврейскаго, которымъ пользуются іудеи. Отъ всѣхъ отступаетъ онъ, когда годъ рожденія Арфаксада относитъ не ко второму году послѣ потопа, а къ 12-му. Vossius склоняется на сторону этого показанія Іосифа и пытается исправить по нему показанія другихъ текстовъ Св. Писанія, мотивируя законность этого тѣмъ, что будто бы нелѣпо допустить рожденіе трехъ сыновей Симовыхъ (Еламъ, Ассиръ, Арфаксадъ) въ теченіе едва 3 - хъ лѣтъ (въ ковчегѣ было всего 8 душъ) [4]), въ особенности если принять согласно съ греческимъ, что Іафетъ былъ старшій Сима и, женившись ранѣе, долженъ былъ или могъ, по крайней мѣрѣ, увеличить число обитателей ковчега до „девяти“, чтобы менѣе неожиданнымъ и менѣе несообразнымъ могло быть встрѣчено уже на 2 - мъ году послѣ потопа рожденіе Симова первенца. Но, конечно, все это лишь кажущіяся основательными догадки, и оспаривать иное возможное положеніе дѣлъ, согласное съ Библейскимъ показаніемъ времени,

[1]) См. выше, примѣчаніе 2-е къ 79 стр.

[2]) Нельзя не видѣть здѣсь вліянія Вироста, историка Халдеевъ, среди которыхъ, какъ извѣстно, процвѣтали упомянутыя науки и пользовались особеннымъ уваженіемъ, Bloch. 64 стр.

[3]) Cargzovii. Critica sacra, 954 стр.

[4]) Отсутствіе дѣтей у сыновей Ноя, при упоминаніи ихъ женъ, можетъ быть объяснено тѣмъ, что всѣ они поспѣшили женитьбою лишь въ виду предсказаннаго Ноемъ потопа.

онѣ не даютъ еще никакого права. Симъ могъ именно жениться въ одинъ годъ со старшимъ братомъ, и даже ранѣе его. Этотъ послѣдній могъ оставаться нѣкоторое (въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ Симъ, продолжительное) время бездѣтнымъ и не предупредить своего младшаго брата рожденіемъ сына. Во всякомъ случаѣ, кажущееся, хотя бы и бо́льшее, удобство не всегда даетъ неоспоримыя права отвергать во имя этого удобства то, что̀ можетъ казаться менѣе удобнымъ, если только нѣтъ при этомъ прямой нелѣпости и ясныхъ свидѣтельствъ противъ. Отступаетъ, затѣмъ, Іосифъ въ послѣпотопное [1]) время въ годѣ рожденія Ѳарры, отца Авраамова, относя таковой на 120-й Нахора, а не 79-й, какъ въ кодексѣ греческомъ и самаританскомъ, или 29-й, какъ имѣетъ кодексъ Іудейскій, и въ годахъ Исаака, указывая на 5 лѣтъ болѣе—185. Общая сумма лѣтъ, получаемая для періода отъ потопа до переселенія Іакова въ Египетъ, — 1362 по греческому тексту, 582 по еврейскому и 1283 по Іосифу. Излишекъ греческаго въ 79 лѣтъ по сравненію съ Іосифомъ образуется отъ излишковъ Іосифа въ показаніяхъ года рожденія Арфаксада (+10, въ 12 году послѣ потопа вмѣсто 2-го) и Ѳарры (+41, на 120-мъ, а не 79 году Нахора), съ одной стороны, (+51),—а съ другой—опущеніемъ совершенно Каинана (согласно съ еврейскимъ текстомъ), отодвигающаго Арфаксада отъ Салы еще на 130 лѣтъ; итого —+51 — 130 = —79 лѣтъ. Если, затѣмъ, къ суммѣ двухъ первыхъ періодовъ прибавимъ 215 лѣтъ, протекшія отъ переселенія Іакова въ Египетъ до исхода евреевъ изъ онаго, то получаемъ, по Іосифу,—3754 года, протекшіе отъ сотворенія міра до исхода, — сумма, къ которой приближаются болѣе или менѣе почти всѣ древнѣйшіе писатели, какъ іудейскіе, такъ и за ними слѣдовавшіе [2]). Промежутокъ между исходомъ изъ Египта и закладкою храма, опредѣляемый Іосифомъ въ 592 года [3]), а по первому впечатлѣнію отъ Св. Писанія въ 480 лѣтъ [4]), стараются примирить съ священнымъ текстомъ тѣмъ, что излишекъ 112 лѣтъ распредѣляютъ на шестикратное рабство Израиля подъ игомъ враговъ между судьями. Съ этимъ согласуется какъ будто и дата Апостола (Дѣян. 13, 20), который отъ „κληρουχία“ до смерти Илія полагаетъ 450 лѣтъ; присоединяя къ 480 годамъ 40 лѣтъ Моисея+26 Іисуса + 32 Самуила и Саула + 40 Давида и +4 первые года Соломона до закладки, получаемъ = 592 года (480+112). Но этотъ періодъ на самомъ дѣлѣ значительно болѣе. Въ немъ мы должны считать послѣ 40 лѣтъ Моисея—27, а не 26 Іисуса, + 3 года безначалія + 8 л. подъ игомъ Хусарсаѳема + 450 до смерти Илія + 40 Самуила + 40 Саула + 40 Давида + 4 года Соломона до закладки, что̀ все даетъ для втораго періода=652 года, т. е. на 60 лѣтъ болѣе принятаго Іосифомъ счисленія. Прикладывая этотъ періодъ къ прежнимъ, Іосифъ насчитываетъ до начала храма (Ἀρχ. VIII, 3) отъ созданія Адама 3102 года (евр. 3105), или — въ частности — 1020

[1]) См. далѣе сравнит. хронологическую таблицу, стр. 83-я.
[2]) Кромѣ LXX—3839 л.—даютъ близкія показанія Евполемъ, Филонъ Старшій, Димитрій Фалерейскій и Александръ Полигисторъ.
[3]) Ἀρχ. VIII, III, 1; X, 8, 5.
[4]) III Цар. VI, 1 ст.

(евр. 1022=430 + 592 и 1082=430 + 652) лѣтъ отъ переселенія Авраама въ Хананею и 1440 лѣтъ отъ потопа — цифры, отчасти согласныя то съ еврейскимъ счисленіемъ, то несогласныя даже и съ параллельными мѣстами самого Іосифа.

Для наглядности прилагаемъ здѣсь сравнительную хронологическую таблицу по тремъ главнѣйшимъ лѣтосчисленіямъ.

Греческій текстъ			Счисленіе Іосифа Флавія.			Еврейскій текстъ.		
Адамъ до рожденія сына жилъ	**лѣт**	**отъ сот. м.**		**230**	**отъ сот. м.**		**130**	**отъ сот. м.**
Сиѳъ	205	435		205	435		105	235
Энось	190	625		190	625		90	325
Каинанъ	170	795		170	795		70	395
Малелеилъ	165	960		165	960		65	460
Іаредъ	162	1122		162	1122		162	622
Энохъ	165	1287		165	1287		65	687
Маѳусалъ	187	1474		187	1474		187	874
Ламехъ	188	1662		182	1656		182	1056
Ной	502	2164		502	2158		502	1558
Всемірный потопъ.	**98**	**2262**		**98**	**2256**		**98**	**1656**
Симъ	2	2264		12	2268		2	1658
Арфаксадъ	135	2399		135	2403		35	1693
Каинанъ	130	2529		—	—		—	—
Сала	130	2659		130	2533		30	1723
Еверъ	134	2793		134	2667		34	1757
Фалекъ	130	2923		130	2797		30	1787
Рагавъ	132	3055		130	2927		32	1819
Серухъ	130	3185		132	3059		30	1849
Нахоръ	79	3264		120	3179		29	1878
Ѳарра	70	3334		70	3249		70	1948
Авраамъ	**100**	**3434**		**100**	**3349**		**100**	**2048**
Исаакъ	60	3494		60	3409		60	2108
Іаковъ до Египта	130	3624		130	3539		130	2238
Іаковъ до смерти	17	3641		17	3556		17	2255
Іосифъ до смерти	54	3695		54	3610		54	2309
Моисей (рожд.)	64	3759		64	3674		64	2373
Моисей—Исходъ	**80**	**3839**		**80**	**3754**		**80**	**2453**
Закладка храма (4-й г. Сол.)	**652**	**4492**	(? 3102 г. отъ с. м.)	**592**	**4346**	(652—3105)	**480**	**2933**
Раздѣл. царствъ	36	4528		36	4382		36	2969
Пересел. X кол. (7-й г. Езек.)	261	4789	240 л. 7 м. 7 д.		?		261	3230
Пересел. Іудеевъ (8-й г. Іоак.)	112	4901	130½ л.		?		112	3342
Конецъ Іудейскаго Царства чрезъ Отъ плѣна до Христа.	**20**	**4921**					**20**	**3362**
(70+205+9+120+60+79+64)	**607**	**5508**		?	**4492**		?	**3761**

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ противорѣчій Іосифа въ отдѣльныхъ періодахъ лѣтосчисленія. Въ главѣ V лѣта Израильскаго пребыванія въ Египтѣ, по смерти Іосифа, исчисляются въ 400 лѣтъ; въ слѣдующей же VI главѣ время выхода Израиля изъ Египта падаетъ, по Іосифу, на 215 годъ

послѣ переселенія Іакова въ Египетъ. Далѣе, VIII кн. 2 гл. отъ исхода изъ Египта до основанія храма Іосифъ, вынуждаемый отчасти священными кодексами, какъ еврейскимъ, такъ и греческимъ, полагаетъ 592 года (XX, 10—612 лѣтъ; *κατὰ Ἀπίωνος*, II, 2; ср. также *Ἀρχ.* V, 1, 29; VI, 13, 5); но самъ же онъ этотъ счетъ скоро извращаетъ, когда отъ сотворенія міра до построенія храма полагаетъ *ἔτη τρισχίλια καὶ ἑκατὸν καὶ δύο* — 3102 года, которые не могутъ быть составлены съ предшествующимъ числомъ, развѣ какъ допустивъ насиліе тексту. Еще болѣе подобныхъ неточностей и досадныхъ противорѣчій въ исчисленіяхъ слѣдующихъ періодовъ. Такъ, время царствованія царей поколѣнія Давидова, включая 20 лѣтъ (а по *Ἀρχ.* VI, кон.—40; ср. *Ἀρχ.* X, 8) Сауловыхъ, у него опредѣляется въ 514 лѣтъ (XI, 4 — 520), 6 мѣс. и 10 дней [1]) (21 царь); затѣмъ—сожженіе храма въ 11 годъ Седекіи (X, 8) приходилось чрезъ 470 лѣтъ 6 мѣсяц. и 10 дней отъ его созданія, или чрезъ 1062 г. 6 мѣс. и 10 дней отъ исхода изъ Египта, чрезъ 1950 л. 6 мѣс. и 10 дней отъ потопа и, наконецъ, чрезъ 3530 л. 6 мѣс. и 10 дней отъ Адама; отъ раздѣленія царствъ до переселенія 10 колѣнъ въ 7-й годъ Езекіи, въ 9-й Осіи, проходитъ 240 лѣтъ 7 мѣс. 7 дней, отъ исхода же изъ Египта—947 лѣтъ: — почти все своеобразныя и противорѣчивыя цифры, *совершенно разрушающія Іосифово счисленіе въ предшествующихъ періодахъ*. Для наглядности этого, достаточно указать, что въ то время какъ отъ Адама до закладки храма Іосифъ насчитываетъ 3953 года,—отъ Адама до сожженія храма у него всего 3530½ лѣтъ: явное противорѣчіе. Тоже самое кн. X, гл. 2, гдѣ отъ сотворенія міра до разрушенія перваго храма полагается 3513 лѣтъ 6 мѣс. и 10 дней, чѣмъ самымъ допускается, что храмъ существовалъ, за отнятіемъ 3102 лѣтъ отъ сотворенія міра до постройки,—только около 411 лѣтъ, между тѣмъ какъ, по его же свидѣтельству, храмъ стоялъ *ἀφ' οὗ κατεσκευάσθη* всего 470 лѣтъ, 6 мѣс. и 10 дней; впрочемъ, и это число оказывается, однако, какъ разъ на 40 лѣтъ больше числа, какое дается сложеніемъ годовъ правленія отдѣльныхъ царей, а именно: 37 лѣтъ Соломона послѣ созданія храма + 261 годъ отъ отпаденія X колѣнъ до разрушенія Самаріи + 132½ г отъ разрушенія Самаріи до послѣдняго года Седекіи — всего = 430½ лѣтъ. Лишнія 40 лѣтъ, очевидно, у Іосифа должны быть взяты изъ числа лѣтъ правленія Соломона по *Ἀρχ.* VIII, 7, 8, гдѣ указывается не 40, а 80 лѣтъ, нигдѣ, впрочемъ, не оправдываемыхъ [2]). Но, съ другой стороны, цифра 470½ лѣтъ для періода отъ закладки храма до разрушенія его при Седекіи (*Ἀρχ.* X, 8, 5) болѣе удобно мирится съ дальнѣйшими датами Іосифа. Прибавляя къ ней 708½ лѣтъ, составляющихъ періодъ отъ послѣдняго года Седекіи до разрушенія Іерусалима Титомъ, получаемъ для указаннаго періода 1179 лѣтъ. Точность этой цифры Іосифа, а, вмѣстѣ, и ея происхожденіе помогаетъ оправдать сопоставленіе съ Евполемомъ, которому несомнѣнно слѣдовалъ здѣсь Іосифъ и у котораго періодъ отъ исхода до разрушенія храма получается

[1]) Срв. Riehm, Zeitrechnung, 1800—1825 стр.
[2]) Hitzig, 10 стр.

тождественнымъ съ Іосифовскимъ (1580 л. до 12-го года Птоломея Фискона слѣд. 158 г. до Р. Х. + эти 158 л. + 70 по Р. Х. до разрушенія храма = Іосифовскимъ 629 отъ исхода до закладки храма + 470½ до послѣдняго года Седекіи + 708½ до разрушенія храма Титомъ [1]) = въ томъ и другомъ случаѣ 1808 лѣтъ). Но это сходство, — надо, впрочемъ, сказать, — создается, какъ и вездѣ, лишь искусственно, чрезъ подборъ цифръ, нерѣдко для одного и того же событія дающихъ три и болѣе различныхъ показаній. Еще характернѣйшій примѣръ подобной путаницы даетъ сопоставленіе слѣдующихъ мѣстъ: 1) *περὶ ἁλώσεως*, VI, 4, 8 полагаетъ Іосифъ отъ 2-го года Кира до разрушенія Іерусалима Титомъ (70 г.)—639 лѣтъ, почему 2-й годъ Кира будетъ падать на 569 годъ до Р. Х.; 2) *Ἀρχ.* XX, 10—считаетъ онъ отъ возвращенія изъ плѣна (1-й годъ Кира) до Антіоха V Евпатора (164—162 г.)—414 л.; 3) *Ἀρχ.* XIII, 11, 1—отъ возвращенія изъ плѣна (1-й годъ Кира) до Аристовула I (105—104 г.)—481 годъ. Такимъ образомъ, приводя все это къ одному знаменателю, получаемъ, что указъ Кира падаетъ то на 570, то на 578, то на 586 лѣтъ, когда на самомъ дѣлѣ это было въ 537 г.

Общая сумма лѣтъ отъ Адама до разрушенія Іерусалима при Титѣ, если принять ея болѣе устойчивыя цифры, равна, по Іосифу, (3754+629+1179) = 5562 года, или—до Рождества Христова (5562—70) = 4492 года, т. е. на 8—15 лѣтъ менѣе общепринятаго христіанскаго лѣтосчисленія (LXX — 5500—5508 л; евр. 3761 и 3984 Wulg.). Впрочемъ, сколь мало имѣетъ правъ на предпочтеніе эта цифра предъ другими лѣтосчисленіями, достаточно ясно изъ тѣхъ колебаній, съ какими она выводится изъ разнорѣчивыхъ до крайности показаній въ отдѣльности, примиреніе коихъ въ самомъ Іосифѣ можетъ составить предметъ спеціальнаго изслѣдованія [2])... Къ той же самой раздвоенности приводятъ даты Іосифа, когда мы дѣлаемъ попытку параллелизовать ихъ съ датами современныхъ или ближайшихъ внѣбиблейскихъ событій, каково, напр., основаніе Карѳагена, о которомъ извѣстны нѣсколько показаній [3]). Въ объясненіе всѣхъ этихъ—общихъ и частныхъ неточностей и неправильностей счисленія Іосифа вполнѣ справедливо предположеніе о недостаточно-критическомъ отношеніи Іосифа къ своимъ источникамъ: онъ корректировалъ свое счисленіе на основаніи разныхъ книгъ, отрывковъ и комментаріевъ, не только священнаго, но и свѣтскаго характера, при чемъ, слѣдуя различнымъ хронологическимъ системамъ, онъ нерѣдко выписывалъ просто слова авторовъ безъ особаго разбора и должнаго вниманія, что̀ само собою не могло не ввести его въ противорѣчія столь частыя. Насколько происходившая отсюда „разношерстность“ хронологическихъ сообщеній Іосифа часта и значительна, замѣтно даже

[1]) Это число 708½ л. изъ *περὶ ἁλώσ.* VI, 10 кон. выводится такимъ образомъ: Іерусалимъ, по словамъ Іосифа, основанъ за 2177 лѣтъ до взятія Титомъ, и черезъ 1468½ л. послѣ перваго основанія разрушенъ Навуходоносоромъ; остающіяся 2177—1468½ = 708½ означаютъ, слѣд., время его существованія до Тита. То же самое достается еще и другою комбинаціею.
[2]) Подобное, не совсѣмъ удачное изслѣдованіе представляетъ „Chronologia Sacra“ Isaaci Uossii, изд. Ulacg.
[3]) Hitzig, 11—13.

при бѣгломъ чтеніи Іосифа, особенно во второй половинѣ его Археологіи, гдѣ хронологія его вообще подвергалась болѣе или менѣе сильной конкурренціи со стороны еллинистическихъ датъ по хронологіи того времени. И поддаваясь этой конкурренціи, Іосифъ не заботится совершенно даже о томъ, чтобы переводить, ради единства хронологическихъ счисленій, условныя и чисто національныя единицы времени на общепріемлемыя,—на такія, которыя прямо указывали бы въ извѣстной датѣ возрастъ міра, а не отрывки отъ отдѣльныхъ малоизвѣстныхъ условныхъ точекъ отправленія. А такъ какъ этихъ условныхъ счисленій было нѣсколько, и не установленъ былъ ихъ параллелизмъ, то Іосифъ, какъ бы не преодолѣвая встрѣчавшагося ему затрудненія, и ведетъ счетъ то по Олимпіадамъ, то по эрѣ Селевкидовъ, то даже по римской эрѣ отъ основанія Рима, во многихъ случаяхъ безъ затрудненія помогая констатировать зависимость свою отъ того или другого источника уже по пріемамъ своего лѣтосчисленія (чрезъ перескакиваніе отъ одного источника къ другому и при рабской зависимости отъ каждаго изъ нихъ). Возможно также, — какъ доказалъ на основаніи различныхъ мѣстъ Флавія Wieseler (Chonologische Synopse),—что трудность и запутанность хронологіи Іосифа по мѣстамъ много обусловливается его манерою считать годы отъ Ниссана до Ниссана и мелкія части года, при его окончаніи и началѣ, считать за полный годъ, вслѣдствіе чего выходитъ, напримѣръ, что 34 года отъ Іюня — Іюля 717 года падаютъ на тѣ же числа, что̀ и 37 лѣтъ отъ 714 г. (между 1 числомъ Ниссана 750 и 1 Ниссана 751 г.). Наконецъ, многія изъ хронологическихъ ошибокъ и противорѣчій Іосифа должны быть приписаны невниманію, поспѣшности и невѣжеству переписчиковъ, какъ видно изъ несогласія во многихъ мѣстахъ латинскаго и греческаго перевода Іосифа и несогласія рукописей одного и того же перевода. Изъ всего этого ясно, что попытка опредѣлить какое-либо одно первоначальное счисленіе, которому могъ слѣдовать Іосифъ, когда—безъ насилія тексту—онъ не приближался ни къ одному изъ извѣстныхъ намъ кодексовъ,—совершенно напрасна и неумѣстна. Тѣмъ болѣе, всѣ натяжки старавшихся согласить хронологію Іосифа съ греческимъ LXX кодексомъ, какъ Isaacus Uossius, Paul Pezronus и Eduard Bernardus, или съ Самаританскимъ, подобно Whiston'у,—должны быть признаны произвольными и безполезными для своей цѣли. И еще болѣе: верхомъ невѣжества и дерзости должны были отличаться тѣ, которые заподозрѣвали, на основаніи показаній Іосифа, авторитетъ свящ. текстовъ Библейскихъ и произвольными числами Іосифа пытались замѣнять и исправлять вездѣ числа свящ. первоисточника.

§ 9. Троица Патріарховъ. (Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ).

Ἀρχ. I, 6. 5—II. 8; Быт. XI кон.—L.

Жизнь Авраама [1]) до призванія въ изображеніи Іосифа носитъ галгадически-грубый и невѣроятный характеръ. Простой, хотя богатый номадъ, кочующій съ мѣста на мѣсто по требованію своихъ огромныхъ стадъ, превращается у него въ замѣчательнѣйшаго природнаго философа и ученаго, какихъ не могла выставить древняя страна мудрецовъ, страна пирамидъ, сфинксовъ и выдающихся научныхъ свѣдѣній и открытій (Египетъ). Личность Авраама [2]) украшаютъ „высокія знанія“, особливый „даръ слова“ и „рѣдко ошибавшаяся прозорливость“. Въ философскихъ спекуляціяхъ его богатаго ума зарождается вся вѣра будущаго человѣчества во „единаго“ Бога. Авраамъ самъ приходитъ къ этому монотеизму, чрезъ разсмотрѣніе природы и размышленія по поводу разнаго рода случайностей и перемѣнъ воды, солнца и т. п. Степень достовѣрности и научности подобнаго объясненія, которое повторяетъ Midrasch, не выдерживаетъ критики предъ судомъ ученыхъ изслѣдователей древнѣйшихъ религій, каковы—Creuzer, Spiegel, U. Strauss, Lauth, Lenormand, Rougé, Максъ Мюллеръ и др. [3]), которые согласно приходятъ къ заключенію, что *монотеизмъ предшествовалъ политеизму* и не могъ, слѣдовательно, никоимъ образомъ выработаться изъ послѣдняго,—не говоря уже о томъ, что въ данномъ случаѣ едва ли требуется вообще какое-либо объясненіе монотеистическихъ убѣжденій Авраама, дѣдъ котораго — Нахоръ засталъ въ живыхъ благочестиваго Евера, а этотъ, въ свою очередь, самого Ноя, подражателей благочестія котораго можно было видѣть, кромѣ Авраама, среди современниковъ его—Мельхиседекъ и др. Въ томъ же ненаучномъ духѣ развиваются Іосифомъ обстоятельства дальнѣйшей жизни патріарха. Когда всѣ признаютъ его мудрымъ, онъ рѣшается выступить публично съ цѣлію исправить и улучшить господствовавшее мнѣніе о Богѣ, и первый отваживается объявить, что „одинъ“ долженъ быть Богъ, Создатель и Управитель всего. Проповѣдь философа, однако, не встрѣчаетъ сочувствія среди невѣжественныхъ Халдеевъ: они возстаютъ на него за его реформаторскія идеи, и этотъ-то конфликтъ астрологической вѣры Халдеевъ и ученія Авраама, сопряженный съ опасностію жизни послѣдняго, вызываетъ, по Іосифу, (и Талмуду—Sabbath 156 a; Nedarim 32 a, Быт. г. с. 44, 38) вмѣшательство Божественной помощи вѣрующему Аврааму, приглашенному отъ Бога тотчасъ же удалиться въ Харранъ. Такъ извращается самый смыслъ Авраамова призванія, составившаго эпоху въ исторіи домостроительства и откровенія Бога человѣчеству.

Но вынужденный удалиться отъ Халдеевъ, Авраамъ неугомоненъ. Хотя неизвѣстно, пытался ли онъ просвѣтить своими свѣдѣніями Халдеевъ, и каково

[1]) Изъ внѣбиблейскихъ свидѣтелей исторической достовѣрности существованія Авраама приводятся Виростъ (не называющій его только по имени), Гекатей и Николай Дамаскинъ (выдержки).

[2]) b. Bechaji, B. (по B. Beer), Leben Abrahams, Leipzig. 1859, p. 3.

[3]) Bole. Anhang I. Monotheismus Abrahams.

принимали они его проповѣдь,—но только цѣлью поѣздки его въ Египетъ—кромѣ голода—было еще желаніе узнать мнѣнія тамошнихъ жрецовъ о богахъ ихъ, и если эти мнѣнія лучше, имъ послѣдовать, а если хуже—ихъ обратить. Въ описаніи результатовъ этого путешествія, совершенно подобнымъ же образомъ мотивируемаго у Артапана (въ сохраненномъ у Евсевія мѣстѣ pr. ev. IX, 18), не видно, впрочемъ, ясно, достигъ ли Авраамъ послѣдней цѣли. Повидимому, вся „побѣда“ Авраама, о которой говоритъ Іосифъ, въ диспутахъ его съ египетскими мудрецами состояла въ томъ лишь, что пріобрѣла Аврааму „славу“, какъ оратора и премудраго „убѣдительнаго“ мужа. Ознакомленіе мудрецовъ Египетскихъ, благодаря Аврааму, съ наукою численія и правилами звѣздозаконія не входило въ его главныя изначальныя цѣли, съ какими предпринято было путешествіе. Быть можетъ, безуспѣшность въ достиженіи главной цѣли вознаграждаетъ себя просвѣщеніемъ мудрецовъ египетскихъ не имѣющими непосредственнаго отношенія къ религіи—научными свѣдѣніями по математикѣ и астрологіи, раньше неизвѣстными въ Египтѣ, но перешедшими туда чрезъ Авраама отъ Халдеевъ и потомъ къ Грекамъ [1]). Случай въ Египтѣ съ Саррою заключаетъ въ разсказѣ Іосифа нѣсколько характеристическихъ чертъ и особенностей. Прежде всего любопытно объясненіе Іосифомъ того, какимъ образомъ Сарра была сестра „Авраама“ (т. е. собственно Лота). Въ Babyl. Exeges. (Synhedrin, 69b) это доказывается путемъ такой комбинаціи: сначала Сарра отождествляется съ упоминаемою Быт. XI, 20—Jiskah; отсюда оставалось только заключить, что Нахоръ, отецъ этой Иски, и Нахоръ, отецъ Лота (Быт. XI, 31),—одно и то же: это дѣлаетъ и Іосифъ, устанавливая братство Сарры и Лота, вопреки, впрочемъ, ясному выраженію Библіи, что Сарра была, дѣйствительно, сестра Авраама, только отъ другой матери, но отъ одного отца (Быт. XX, 12). Едва ли, далѣе, можетъ быть принято предположеніе Іосифа, что Лотъ былъ усыновленъ Авраамомъ, сомнѣвавшимся о рожденіи дѣтей отъ Сарры, въ виду Быт. XV, 2.... Авраамъ не ошибся, предвидя опасность для Сарры въ странѣ Египтянъ, весьма страстныхъ къ женщинамъ. Фараонъ самъ [2]) желаетъ видѣть Сарру, лишь только вызывающій и ласкавшій чувственность слухъ о необыкновенной красотѣ чужестранки достигъ его двора. Неопредѣленное упоминаніе Библіи о „тяжкихъ ударахъ“, поразившихъ домъ Фараона и самого его за Сарру, Іосифъ распространяетъ и поясняетъ, указывая на моръ и возмущенія, постигшіе вдругъ его резиденцію. Жрецы толкуютъ причины несчастія, и ходъ дѣла подъ вліяніемъ ихъ круто измѣняется: Сарра возвращается Аврааму, который получаетъ также богатые дары и позволеніе имѣть обращеніе съ мудрецами Египетскими, послѣ чего собственно и начинается уже рядъ его диспутовъ съ ними.

Покончивъ свои дѣла въ Египтѣ, Авраамъ возвращается въ землю Ханаанскую, и мѣстомъ обитанія своего избираетъ Хевронъ—городъ „7-ю годами старѣйшій Египетской Танаиды“;—а разлучившійся съ нимъ Лотъ избираетъ себѣ для жительства городъ Содомъ. Вскорѣ послѣ этого, Содомлянъ и, вмѣстѣ

[1]) κατὰ Ἀπίωνος,
[2]) Быт. XII, 15: „вельможи Фараона“ увидѣли ее и „похвалили Фараону“.

съ ними, Лота постигаетъ несчастіе, которое имъ нанесли союзные цари Ханаанскіе („Ассиріяне“ у Іосифа). Любопытно, что, узнавъ о плѣнѣ Лота въ числѣ другихъ Содомлянъ, Авраамъ жалѣетъ не только племянника, но и Содомлянъ, сосѣдей своихъ и „пріятелей“ (*φίλων ὄντων καί γειτνιώντων*). Отправившись на выручку плѣнниковъ, Авраамъ настигаетъ враговъ (Библ. „преслѣдуетъ до“) у Дана, который Іосифъ называетъ „другимъ Іордановымъ источникомъ“ (*ἔστιν γὰρ ἡ ἑτέρα τοῦ Ἰορδάνου προσαγορεύεται πηγή*). Это замѣчаніе, брошенное вскользь, настолько важно, что нельзя и его обойти молчаніемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ „Данъ“, по недоразумѣнію, принимаютъ за городъ, называвшійся до завоеванія земли Обѣтованной „Лаисомъ“ (Нав. XIX, 47; Суд. XVIII, 27—29), и уже по завоеваніи переименованный въ Данъ или Лаис-Данъ. Благодаря такому недоразумѣнію, усматриваютъ въ данномъ мѣстѣ кн. Бытія важный анахронизмъ, дающій основаніе думать, что здѣсь имѣется дѣло съ интерполяціею, т. е. одной изъ предполагаемыхъ вставокъ въ книгу Бытія позднѣйшаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло появиться упоминаніе о Данѣ во времена Моисея, когда этотъ городъ еще не носилъ такого названія, когда нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія еще другого города съ этимъ именемъ, и за тождество ихъ ручается, кромѣ тождества именъ, еще и одинаковость мѣстоположенія — въ сѣверной части Ханаанской земли?—Очевидно, говорятъ, указанное мѣсто въ книгѣ Бытія должно быть позднѣйшей вставкой, и не могло принадлежать автору Пятокнижія. Своимъ замѣчаніемъ о названіи одного изъ потоковъ Іордана „Даномъ“, Іосифъ разрушаетъ это соображеніе интерполяціонистовъ. Правда, Гезекій [1]) пытается возразить, что и Іорданскому рукаву имя Дана дано послѣ того, какъ Даниты поселились здѣсь и дали имя городу Лаису Данъ. Но возраженіе это намъ не кажется основательнымъ. Въ самомъ имени р. Іорданъ слышится звукъ „Данъ“, а между тѣмъ, Іорданомъ рѣка называлась всегда съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ объ этой рѣкѣ исторія. Имя это значитъ, между прочимъ,—спускъ, потокъ Дана (הַיַּרְדֵּן соб. отъ יָרַד, нисходить съ горы, стремиться внизъ), какъ объясняетъ это Talmud Bechor. 55 a [2]) во вниманіе къ мѣсту его истока—דָּן, и такое названіе уже, конечно, дано ему не вслѣдствіе поселенія тутъ колѣна Данова, такъ какъ подъ этимъ названіемъ рѣка была всегда извѣстна, еще за долго до взятія Лаиса Данитами,—а по имени одной изъ Ливанскихъ горъ (Данъ), при подошвѣ которой получалъ свое теченіе потокъ [3]). Есть основанія предполагать, что кромѣ рукава рѣки Іордана и горы, откуда бралъ свое начало этотъ рукавъ, имя Данъ носилъ и лежащій здѣсь же городъ, упоминаемый впослѣдствіи подъ именемъ Дана-Яана, въ отличіе отъ Данъ-Лаиса (II Цар. II, 4, 6, ср. 15). Какъ бы то ни было, только интерполяціонисты послѣ разъясненія Іосифа лишаются одного изъ сильнѣйшихъ доводовъ своихъ въ пользу гипотезы объ интерполяціи въ данномъ, по крайней мѣрѣ, мѣстѣ Моисеева повѣствованія.

[1]) Тоже Ewald. Gesch. I, 73.
[2]) J. Levy. Neuhebraisch. und Chald. Wort.
[3]) Флавій различаетъ 2 Іордана, т. е. 2 рукава рѣки—большой и малый, раздѣлявшіе Іорданъ въ сѣв. части

Внезапность и быстрота нападенія Авраама на сонныхъ и утомленныхъ враговъ (Библ. „ночью“) рѣшила дѣло въ пользу Авраама и—со славой храбраго вождя—доставила ему богатую добычу, въ томъ числѣ и возвращеніе плѣнниковъ. Мельхиседекъ (—„царь праведный“, почему и „священникомъ былъ поставленъ“) царь города Салима (послѣ названнаго Іерусалимомъ), благословивъ Авраама, щедро угощаетъ и награждаетъ побѣдителя съ его храброй дружиной, при чемъ Авраамъ выступаетъ застольнымъ ораторомъ, прерывая пиръ хвалебною и благодарственною рѣчью Богу.

Въ исторіи гибели нечестивыхъ городовъ Іосифъ описываетъ ближе пороки Содома; это—гордость богатствомъ, взаимныя притѣсненія и озлобленія, непочтеніе къ Богу [1]), гнушеніе страннопріимствомъ и злоупотребленіе дружбою (грѣхъ Содомскій). Съ опредѣленіемъ Божіимъ о наказаніи нечестивыхъ въ близкой связи стоитъ исторія явленія Бога Аврааму въ видѣ 3 странниковъ. Вопреки XVIII,8 Бытія, Ангелы, принятые и угощаемые Авраамомъ въ качествѣ иностранцевъ, не ѣдятъ и даже не „показываютъ“ лишь „видъ“, что дѣлаютъ это [2]), но объявляютъ прямо, что они „уже ѣли“ и безъ излишнихъ обиняковъ приступаютъ къ дѣлу, спрашивая Авраама: гдѣ жена твоя? Услышавъ объ обѣщаніи сына, появляется и Сарра, завязывая споръ съ Ангелами; тогда они открываютъ себя, объявивъ, что одинъ изъ нихъ посланъ возвѣстить о сынѣ, и два другіе—для исполненія Божественнаго приговора надъ нечестивыми городами. Талмудъ, согласный въ данномъ мѣстѣ съ Іосифомъ, усвояетъ небеснымъ посланникамъ и имена: Михаилъ, Гавріилъ и Рафаилъ, при чемъ о Михаилѣ говорится, что онъ былъ посланъ возвѣстить обѣтованіе Саррѣ,—о Рафаилѣ—освятить (heilen, исцѣлить) Авраама, и о Гавріилѣ—наказать Содомъ (Bab. Mezia 86 b). То, далѣе, обстоятельство, что къ Содому идетъ и Михаилъ, объясняется тѣмъ, что онъ предназначенъ былъ также спасти Лота (ib.). Печалясь о страшной участи, грозившей городамъ несчастныхъ туземцевъ, Авраамъ ходатайствуетъ за нихъ, ради могущихъ быть тамъ праведниковъ, и когда Богъ говоритъ, что тамъ нѣтъ „ни одного“, Авраамъ уступаетъ. Лотъ принимаетъ Ангеловъ, какъ „отличавшійся страннопріимствомъ и ревностнымъ подражаніемъ“ добродѣтели Авраамовой (*περὶ τοὺς ξένους φιλάνθρωπος καὶ μαθητὴς τῆς τοῦ Ἀβραάμου χρησιότητος*), что отмѣчаетъ также Midrasch въ Быт. г. с. 50. Воспроизводя, затѣмъ, народное повѣрье относительно одной человѣкообразной колонны на берегахъ Мертваго моря, Іосифъ заявляетъ, что онъ „самъ видѣлъ“ столпъ, въ который превратилась жена Лотова въ наказаніе за „любопытство“, съ какимъ она „взирала“ на пораженіе града, ибо „столпъ этотъ, добавляетъ онъ, еще и *понынѣ* тамъ находится“. Самое мѣсто пораженныхъ городовъ, по представленію Іосифа, (*Ἀρχ.* I, 9) образовало Асфальтовое озеро или Мертвое море, занимающее собою, впрочемъ, только часть (*περὶ αἱρ.* IV, 8, 4) Содомской долины, остающейся въ другой своей части и донынѣ (лишь) „испепеленною и сожженною“. Въ засвидѣтельствова-

[1]) Talm. Bab. Synhedr. 109a, Midr. Jalk. I, 70, rab. Быт. § 41. Tanchuma § 22 b.
[2]) какъ въ Midrasch.

ніе этого можно напомнить, что дѣйствительно многіе путешественники констатировали существованіе развалинъ, напоминающихъ городскія, не только на днѣ моря, но и вдоль южнаго берега [1]).

Въ исторіи жертвоприношенія Исаака Іосифъ проявляетъ обычныя усилія—болѣе подробно и жизненно комментировать неприкрашенный священный текстъ. Не безъ намѣренія старается онъ предварительно охарактеризовать великое добронравіе отрока съ цѣлью усилить впечатлѣніе отъ тяжести испытанія Авраамова и величія его вѣры и послушанія. Авраамъ таитъ отъ жены и рабовъ свое намѣреніе, чтобы они не помѣшали ему принести необычайную жертву. Въ свою очередь, чтобы не встрѣтить препятствія и со стороны обреченнаго въ жертву Исаака, который, будучи тогда 25 лѣтъ, могъ сдѣлать это не безъ успѣха, Авраамъ, тотчасъ же по возложеніи дровъ на жертвенникъ, обращается съ пространною рѣчью къ любимому сыну и отечески-нѣжно убѣждаетъ его послужить жертвою Богу, чтобы, переселясь въ небесныя Его обители, быть попечителемъ и старости своего отца (!). Отвѣтомъ на это является полная покорность Исаака, и Авраамъ уже заноситъ руку, какъ вдругъ голосъ Божій останавливаетъ его въ рѣшительную минуту, объясняя Свое необычайное требованіе испытаніемъ Авраама, насколько онъ достоинъ оказанныхъ ему отъ Бога благодѣяній. Въ заключеніе всей этой исторіи, принеся Богу, вмѣсто Исаака, овна, счастливые—отецъ и сынъ въ избыткѣ чувствъ радости обнимаютъ другъ друга.

Немало подробностей того же рода представляетъ исторія женитьбы Исаака. Заключая договоръ съ рабомъ, Авраамъ имѣетъ въ намѣреніи взять за Исаака именно Ревекку, внуку брата своего Нахора. При этомъ, въ обрядѣ принесенія клятвы, призывая Бога во свидѣтели, руки кладутъ другъ другу „подъ стегна“ оба—и Авраамъ и рабъ (срв. Быт. XXIV, 2 и 9). Послѣ многихъ трудовъ, лишеній и опасностей, съ коими сопряженъ былъ переходъ чрезъ Месопотамію (зимою—болота грязныя, лѣтомъ—безводность, а также разбойники), рабъ приходитъ въ г. Харранъ. Въ условной молитвѣ раба къ Богу о напоеніи и „верблюдовъ“ предназначаемою невѣстою Исаака у Іосифа не говорится, между тѣмъ эта несовсѣмъ обычная и случайная любезность, повидимому, представляется „гвоздемъ“ всего событія, своего рода conditio sine qua non предназначенія и обнаруженія Исааковой невѣсты. Не согласно, затѣмъ, съ Библіею,—гдѣ рабъ прямо обращается съ просьбой напиться къ Ревеккѣ,—у Іосифа выводятся на сцену, съ цѣлью лучше оттѣнить любезность и доброту Ревекки—еще другія дѣвицы, отказывающіяся исполнить просьбу раба, и только уже потомъ подошедшая Ревекка, не безъ наивной прелести рѣчи усовѣщиваетъ своихъ подругъ и съ ласковой услугой поитъ жаждущаго. Рабъ высказываетъ ей свою признательность въ пожеланіяхъ, узнаетъ ея имя и родъ, тутъ же щедро одаряетъ ее (Быт. XXIV, 30) и, наконецъ, напрашивается на ночлегъ, потому, будто бы,—что нѣтъ безопаснѣе мѣста, гдѣ онъ могъ бы положить находящіяся у него женскія украшенія и разныя драгоцѣнности (Быт.—

[1]) Описанія Мертваго моря.

Ревекка сама предлагаетъ рабу ночлегъ, XXIV, 25). Въ отвѣтъ на это, когда рабъ обѣщаетъ даже заплатить за постой, Ревекка добродушно упрекаетъ его за подозрѣніе въ скупости и страсти къ наживѣ, и поспѣшно бѣжитъ къ Лавану просить позволенія ввести гостя въ домъ (срв. 30 ст.). Не безразлично то, далѣе, что рѣчь о цѣли своего прибытія рабъ говоритъ (вопреки Библіи, 33 ст.) послѣ, а не предъ началомъ обѣда; послѣднее болѣе „идетъ“ къ сознанію рабомъ важности и первостепеннаго значенія своего предпріятія...

Итакъ, Ревекка становится женою Исаака. Не безъ удивленія читаемъ мы въ исторіи ихъ брачной жизни—безпокойство Исаака о своей забеременѣвшей супругѣ и—молитву къ Богу о ней, вмѣсто чего—въ Библіи находимъ лишь печаль о ея неплодствѣ и молитву о разрѣшеніи онаго. Ошибочно и то, что Іосифъ относитъ эту беременность ко времени „послѣ кончины Авраамовой“ (Ἀρχ. I, 18, 1) [1]), какъ видно изъ того, что рожденіе Іакова произошло на 60 году Иссака (Быт. XXV, 26), когда Авраамъ, слѣдовательно, былъ еще живъ (срв. XXV, 7; XXI, 5; XXV, 20 и ранѣе). Едва ли также согласно съ истиною и характеромъ Исаака, что онъ не принималъ никакихъ мѣръ предостеречь подростшаго Исава, въ виду его нежелательныхъ браковъ съ Хананеянками, и молчалъ, чтобы не досаждать ему внушеніями, хотя былъ противъ его браковъ. Уже то обстоятельство, что третьею женою, какова была дочь Измаила—Васеммаеа, Исавъ хотѣлъ нарочито угодить родителямъ, какъ заявляетъ и Іосифъ (Быт. XXVIII, 8—9), наводитъ на мысль, что оба—Исаакъ и Ревекка не ограничивались лишь поощрительнымъ молчаніемъ, въ виду неблаговиднаго образа дѣйствій своего первенца. Нѣсколько прямыхъ противорѣчій Слову Божію даетъ исторія благословенія Іакова Исаакомъ. Прежде всего, вмѣсто 2 козленковъ, которыхъ, по Библіи, закалаетъ Ревекка, чтобы приготовить снѣдь Іакову и воспользоваться кожею животныхъ для своей цѣли, у Іосифа говорится лишь объ одномъ. Между тѣмъ какъ, по Библіи, Ревекка облагаетъ руки и шею Іакова кожею козлятъ и, кромѣ того, одѣваетъ его въ одежду Исава,—самъ Іаковъ, по Флавію, обвертываетъ себѣ руки козлячьею кожею. Исаакъ молится во время обѣда, вопреки совершенно естественному и болѣе подходящему поводу, указываемому Библіей, послѣ обѣда; и самая молитва въ передачѣ Іосифа терпитъ существенное измѣненіе. Ненадлежаще указанное мѣсто и время молитвы обусловливаетъ противорѣчіе Іосифа въ дальнѣйшемъ. Едва только оканчиваетъ свою молитву патріархъ, какъ является съ ловитвы Исавъ, а это прибытіе, очевидно, не могло быть во время самаго обѣда, между которымъ помѣщается молитва, ибо въ такомъ случаѣ и затѣя Іакова не могла быть осуществлена. Несогласно съ Библіею и то, что въ моментъ обнаруженія обмана Исаакъ пребываетъ въ молчаніи (XXVII, 33—вмѣсто многозначительнаго „вострепеталъ весьма великимъ трепетомъ“—„ужасеся ужасомъ“ и т. д.), и на требованія Исава благословить—отвѣчаетъ, что всѣ молитвы истощилъ на Іакова, при чемъ Іосифъ не передаетъ трогательныхъ подробностей состоянія души Исава.

[1]) См. дальше, въ хронологіи исхода.

Въ исторіи путешествія Іакова въ Харранъ для взятія себѣ жены оттуда (ср. Быт. XXVII, 42—43 и д.) останавливаетъ на себѣ вниманіе прежде всего объясненіе того обстоятельства, почему Іаковъ, находясь близь города, остается ночевать въ полѣ; личная его ненависть къ иноземцамъ (брезгованіе), по осторожному замѣчанію Іосифа, заставляла его предпочесть общенію съ ними поле Веѳильское, хотя Talm. Bab. (Berachoth, 27; Synhedrin 55 a, Chulin 58), Midrasch rabah Быт. § 68 и jalkut I § 117—болѣе рѣзко выставляютъ эти основанія, которыхъ не могъ выставить Іосифъ предъ своими грекоримскими читателями. Много библейской простоты и естественности теряетъ разсказъ Іосифа о встрѣчѣ Іакова съ Рахилью. Съ пастухами у колодца Іаковъ встрѣчаетъ нѣсколько юношей и дѣвицъ, и желая, чтобы они его напоили, вступаетъ съ ними въ разговоръ. Пастухи „представляютъ“ Іакова Рахили, и этотъ, затѣмъ, отрекомендовывается молодой дѣвицѣ нисколько не хуже, чѣмъ это сдѣлали бы самые элегантные кавалеры нашего времени. Нѣсколько менѣе выдержанно дѣйствуетъ Рахиль. „Ребячески радуясь“ прибавленію новаго члена общества, она прямо предлагаетъ ему нескромный вопросъ: кто онъ таковъ и зачѣмъ здѣсь?, — тотчасъ же, впрочемъ, кокетливо маскируя свою неловкость желаніемъ, чтобы онъ „объявленіемъ причины своего прибытія доставилъ имъ удовольствіе“. Отвѣтомъ на это уже влюбившагося Іакова является бесѣда съ Рахилью о родствѣ, въ заключеніе которой Ребекка со слезами обнимаетъ Іакова и сама ведетъ его къ Лавану, вопреки Библіи, гдѣ Іаковъ, прослезясь, цѣлуетъ Рахиль, объявляя свое родство, а Ребекка бѣжитъ, затѣмъ, и объявляетъ все это отцу. Узнавъ о причинахъ прихода Іакова, Лаванъ соглашается на бракъ, хотя заявляетъ, что ему не весьма-то нравится и даже жалко отпустить „дочь“ свою въ Ханаиею. Іаковъ соглашается въ свою очередь 7 лѣтъ прослужить родственнику, чтобы показать опытъ своей добродѣтели и лучше дать распознать свои качества. Но по истеченіи положеннаго времени, Лаванъ велитъ послѣ брачнаго пира возлечь на ложе Іакова—Ліи, съ которою тотъ и проводитъ ночь, обманутый виномъ и ночною темнотою. Въ объясненіе причинъ, побудившихъ Рахиль взять идоловъ своего отца при бѣгствѣ изъ его дому, Іосифъ говоритъ, что она именно надѣялась чрезъ оныхъ испросить прощеніе раздраженнаго родителя, въ случаѣ если они будутъ имъ настигнуты въ пути, но сдѣлала это отнюдь не по идолопоклонническимъ наклонностямъ, будучи научена Іаковомъ, что такимъ богамъ не должно воздавать почтенія. Лаванъ узнаетъ о побѣгѣ на другой (Библ. „на третій“) день, и, настигнувъ въ погонѣ бѣглецовъ, упрекаетъ Іакова, который оправдывается любовію къ отечеству, вложенною во всѣхъ Богомъ, а женъ своихъ оправдываетъ столь естественною и еще болѣе могучею любовію къ мужу и дѣтямъ. Страннымъ, при этомъ, остается, что Рахиль, какъ вынуждаетъ ходъ предшествующаго, не умилостивляетъ разгнѣваннаго родителя украденными идолами, и подозрѣніе наше на счетъ идолопоклонническихъ наклонностей Рахили въ этомъ поступкѣ даже усиливается усвоеніемъ Лавану соображенія, что его дочь „въ состояніи свойственныхъ женскому полу нечистотъ,“ дѣйствительно, къ идоламъ бы не прикоснулась.

Встрѣча съ Исавомъ даетъ поводъ Іосифу охарактеризовать Іакова, какъ искуснаго тонкаго дипломата, умѣющаго свое малодушіе и неискренность прикрывать хитростію. Послы, отправляемые на встрѣчу Исаву съ дарами, рѣдкими по цѣнѣ, намѣренно разставляются на огромное разстояніе, чтобы внушить мысль о бо́льшемъ могуществѣ Іакова, и научаются произносить заискивающія, радующія Исава рѣчи. Трогательныхъ подробностей самой „встрѣчи“ братьевъ Іосифъ не сохранилъ. Въ особенности, въ его разсказѣ странно какъ-то читать, что приготовившійся къ сраженію Іаковъ приказалъ своимъ женамъ со служанками и дѣтьми идти особливо и издали смотрѣть на сраженіе мужей. Нельзя не отмѣтить также далеко неслучайное—извращеніе въ знаменательномъ происшествіи въ ту ночь съ Іаковомъ. Необычайность Привидѣнія, являвшагося ему съ вызовомъ на борьбу, даетъ Іосифу смѣлость говорить лишь о преодолѣніи Іаковомъ „Ангела Божія“, и, сообразно съ этимъ, но вопреки истинѣ, самое имя „Израиль“ толковать какъ „Ангела Божія преодолѣвшій“ (*θεῖον ἄγγελον νενηκηκέναι*) [1]).

Передавая печальное происшествіе [2]) съ Диной, Іосифъ не считаетъ нужнымъ упомянуть объ обрѣзаніи Сихемитянъ, не останавливаясь предъ выдумываніемъ менѣе важныхъ подробностей, что Симеонъ и Левій нападаютъ на враговъ „ночью“ и благодаря ихъ „опьяненію“ (Библ. XXXIV, 25). Нѣтъ возможности провѣрить немаловажное правдоподобное сообщеніе Іосифа, что Ревекку возвратившійся Іаковъ не засталъ въ живыхъ (Биб. XXXV, 28—„еще живу сущу отцу“) [3]).

Вторая книга Археологіи Іосифа Флавія, послѣ краткаго предисловія, переноситъ читателя въ многочисленную патріархально-простую по быту семью престарѣлаго Іакова, въ ея законченномъ развитіи. Дѣти его способны къ рукодѣлію и всякаго рода трудамъ и одарены преострымъ разумомъ. Отмѣчается особенная любовь Іакова къ первенцу Рахилиному—Іосифу за необычайную красоту тѣла и отмѣнныя дарованія души (благоразуміе)—Библ. „яко сынъ въ старости ему бѣ“ (XXXVII, 3). Сверхъ нашего ожиданія подъ впечатлѣніемъ Библіи, эта любовь настолько послѣдовательна, что Іаковъ не только не журитъ сновидца (Библ. „и побранилъ его отецъ его“...) за нескромное бравированіе тенденціознымъ сномъ предъ родителями и братьями, но даже „радуется“ второму сну Іосифа и знаменательно толкуетъ его, не подозрѣвая, повидимому, и ненависти братьевъ [4]). Въ исторіи продажи Іосифа обращаютъ

[1]) Tachauer, 33.

[2]) По раввинскимъ легендамъ, Сихемъ, оскорбившій Дину, выманилъ ее изъ отцовской хижины хитростію, подъустивъ Сихемскихъ дѣвушекъ устроить игры на улицахъ и склонить на участіе въ нихъ Дину (Jalk. I, 134 Pirke R. Elieser II, 544).

[3]) Срв. Midrasch Jalk. I, 143, rab. Быт. § 81.

[4]) Нѣчто подобное даетъ раввинское толкованіе къ Быт. 37, 11. Объясняя слова: „и замѣтилъ его отецъ это обстоятельство“,—раввинскій экзегесъ заставляетъ Іакова даже взять перо и отмѣтить, въ какой день, часъ и въ какомъ мѣстѣ это случилось, ибо Духъ сказалъ ему: замѣть себѣ этотъ случай, ибо слова эти придутъ къ исполненію (Быт. r. с. 84).

Любопытно упоминаніе (вслѣдъ за Библіею 37, 10) здѣсь еще о матери Іосифа, которая была уже умершею (*Ἀρχ.* I, 21, 3), Флавій самостоятельно повторяетъ это противорѣчивое показаніе, не объясняя его, нѣсколько далѣе, въ увѣщаніяхъ Рувима

на себя вниманіе подробныя увѣщанія Рувима къ братьямъ, сговаривавшимся покончить съ Іосифомъ. Когда братья неохотно внимаютъ его увѣщаніямъ Рувимъ, по крайней мѣрѣ, совѣтуетъ бросить отрока въ ровъ, а не налагать рукъ, и самъ спускаетъ туда по веревкѣ Іосифа, намѣреваясь освободить его оттуда при наступленіи удобнаго случая. Подойдя ко рву съ этимъ намѣреніемъ и не найдя тамъ заключеннаго, Рувимъ плачетъ, но, узнавъ судьбу, постигшую Іосифа, успокоивается и онъ. Въ дальнѣйшей судьбѣ Іосифа характерно упоминаніе, что Пентефрій учитъ его свободнымъ наукамъ. Не безъ особеннаго любопытства читается, затѣмъ, описаніе происшествія, героиней котораго была жена Пентефрія. Флавій значительно облегчаетъ допущеніе возможности ея необычайно опаснаго для Іосифа замысла упоминаніемъ, что это было въ день праздника, когда всѣ отлучились на праздничныя торжества и только распаленная страстью жена Пентефрія предпочитаетъ всему столь удобный случай, притворившись больною и надѣясь наединѣ съ Іосифомъ удобнѣе склонить его на преступную связь съ нею [1]). На тему: „лязи со мною!“—Флавій предлагаетъ цѣлую главу въ духѣ нехудшаго изъ современныхъ романовъ и, въ высшей степени, увлекаетъ читателя непоколебимо-здравыми и благородно-прямыми убѣжденіями цѣломудреннаго Іосифа. Нельзя отрицать полной естественности влагаемыхъ Флавіемъ въ уста этой женщины сладострастныхъ рѣчей, коими она умоляетъ Іосифа, при столь сильныхъ доводахъ и убѣжденіяхъ, то угрозами, то опять ласками и даже слезами —столь всемогущими женскими слезами! Между тѣмъ, какъ въ этихъ ея покушеніяхъ на столпъ цѣломудрія раскрывается цѣлая психологія отверженной любви, — психологія, до какой едва изощрился бъ лучшій изъ современныхъ романовъ подобнаго сюжета, Іосифъ неподражаемо-прекрасно пытается охладить пылъ своей неотразимой обольстительницы, отвѣчая на ея навязчивость возбужденіемъ благоговѣнія къ святости брака, правамъ супружества, и угрожая, въ свою очередь, мученіями совѣсти, разочарованія и страха предъ возможностію огласки, если бъ распаленная уединеніемъ ея безумная страсть была удовлетворена. Въ этихъ и подобныхъ сопротивленіяхъ особенно величаво выступаетъ возвышенный нравственный образъ юнаго плѣнника страстной вакханки, насилію которой—при столь располагавшихъ удобствахъ—съ такимъ достоинствомъ онъ нашелъ силъ объявить, что „власть свою надъ нимъ она больше будетъ имѣть, сохранивъ свою непорочность, нежели въ обратномъ случаѣ“ и что „похвальнѣе полагаться на явную справедливость, нежели на тайное беззаконіе“. Когда, наконецъ, Іосифъ наноситъ пораженіе въ послѣднемъ рѣшительномъ усиліи сломить его благородное упорство, обольстительница громко кричитъ, боясь, что онъ все равно самъ выдастъ теперь её — „и печалясь о своемъ безчестіи и мстя вмѣстѣ“. Благородство Іосифа выдерживается имъ

по дѣлу Іосифа, стараясь именно повліять на братьевъ скорбію матери (II, 3, 1). Тò, что долженъ былъ сдѣлать Флавій для разрушенія кажущагося противорѣчія, дѣлаетъ Midr. Jalk. I, 141, находя возможнымъ, что здѣсь подъ матерію Іосифа должно разумѣть служанку Рахили Валлу, которая по смерти своей госпожи замѣнила мать для ея сына.

[1]) Подобно Талмуду—Sôṭa, 36, b, Tanchuma § 43 и Rab. G. r. с. 87.

до послѣдняго удивительнаго конца. Онъ не оправдывается предъ сбѣжавшимися на крики госпожи людьми и молчаливо отдается въ ихъ руки, поручая все Богу... Надзиратель тюрьмы, куда, затѣмъ, попадаетъ невинная жертва цѣломудрія, скоро полюбилъ юнаго узника за его прилежаніе, вѣрность и красоту, снялъ оковы и улучшилъ его содержаніе. По удачномъ истолкованіи сна хлѣбодара, которому предрекъ онъ повѣшеніе „на крестѣ“, и виночерпія, Іосифъ скоро находитъ случай услужить подобнымъ же образомъ самому Фараону, забывшему однажды толкованіе [1]) видѣнныхъ имъ сновъ, и такимъ путемъ обезпечиваетъ себѣ блестящее будущее — званіе „домоправителя Фараонова“, поставленнаго „надъ всею землею Египетскою“.

Въ качествѣ причинъ, обусловливавшихъ наступившій вскорѣ послѣ этого голодъ, Флавій приводитъ то, что „не разливался Нилъ“ и не было дождя. Нельзя, впрочемъ, не видѣть, что неразлитіе Нила само по себѣ было не столько обусловливавшею причиною, сколько обстоятельствомъ сопровождавшимъ голодъ, и, во всякомъ случаѣ, одно это—недостаточное и непримѣнимое объясненіе для голода въ Ханаанѣ, голода столь продолжительнаго, мыслимаго лишь при цѣломъ рядѣ разнородныхъ причинъ. Дѣятельность Іосифа на пользу Египта въ тяжкіе голодные годы и его мудрая предусмотрительность и распорядительность въ дѣлѣ облегченія бѣдствія скоро достигаютъ слуха его родной семьи, не подозрѣвавшей необычайной метаморфозы своего члена, виною которой оказались сами братья съ ихъ крайней ненавистью къ Іосифу. Оказавшись лицомъ къ лицу съ пришедшими къ нему за хлѣбомъ братьями, Іосифъ тотчасъ узнаетъ ихъ, (какъ объясняетъ согласно съ Флавіемъ Талмудъ) [2]) потому, что онъ оставилъ ихъ тѣми же бородатыми мужами; тѣ же не узнаютъ его, потому что въ послѣдній разъ видѣли его еще безбородымъ юношей, каковымъ онъ теперь уже не былъ, и, при томъ, предстоялъ имъ теперь въ столь необычайномъ величествѣ. Прежде, чѣмъ открыто объявить о себѣ, Іосифъ интересуется вывѣдать отъ братьевъ ихъ теперешнее настроеніе, желая вмѣстѣ и подготовить ихъ болѣе къ принятію необычайной перемѣны; посему на время сдерживаетъ стремительные порывы братской любви и притворно заподозриваетъ братьевъ въ шпіонствѣ. „Не можетъ быть,—возражаетъ онъ, между прочимъ, на заявленіе ихъ, что они—братья,—не можетъ быть, чтобы простого состоянія человѣкъ столько воспиталъ дѣтей и столько лицемъ пріятныхъ, когда и цари рѣдко могутъ похвалиться такимъ счастіемъ“!.... Вызовъ достигаетъ цѣли: Рувимъ подробно распространяется Іосифу о домѣ, удовлетворяя (искусно замаскированное ловкимъ маневромъ) нетерпѣливое желаніе Іосифа и разсѣивая его подозрѣнія.... Возвратившись домой и чрезъ нѣкоторое время

[1]) Здѣсь, такимъ образомъ, предполагается, что Фараону открыто было во снѣ и толкованіе его сновъ, которое онъ, однако, забылъ. Изъ Библіи не видно, чтобы Фараонъ забылъ (слѣдов. видѣлъ) не только сонъ, но и толкованіе. Встрѣчая подобное Флавіеву мѣсто въ Midr. rab. Gen. § 89, Jalkut I, 147, Tanchuma § 44 b; Jalk. II 1060,—находимъ, что раввины объясняютъ происхожденіе этого преданія смѣшеніемъ съ однороднымъ событіемъ при Даніилѣ (Навуходоносоръ — забывающій и сонъ и толкованіе).

[2]) Срв. 6. Baba Mezia 39 b; 6. Kethuboth 27 b; Jebamoth 88 a; Midr. rab. Gen. r. 91, Jalk I, 148.

вынуждаемые предпринять вторичное путешествіе въ Египетъ, братья ведутъ продолжительную борьбу съ отцомъ, упорно отказывавшимся пустить съ ними Веніамина, котораго ихъ обязалъ представить Іосифъ. Іуда держитъ подробную рѣчь, истощаясь въ доводахъ о необходимости отправиться Веніамину. Такого рода доводы группируются въ слѣдующихъ 5 пунктахъ: 1) безъ Божіей воли ничего не состоится и опредѣленному свыше человѣкъ не въ силахъ противиться; 2) несчастія могутъ постигнуть Веніамина и дома; 3) необходимость вынуждаетъ отправиться за хлѣбомъ, чтобы не умереть съ голода, между тѣмъ отправленіе Веніамина conditio sine qua non этого предпріятія; 4) несправедливо для отеческой любви жертвовать ради одного сына другимъ, когда есть всѣ надежды сохранить обоихъ (Симеонъ былъ оставленъ заложникомъ); наконецъ, 5) Іуда ручается собою за цѣлость и благополучіе Веніамина и добивается согласія отца на временную разлуку съ любимымъ сыномъ. Предчувствія Іакова отчасти оправдались тяжелымъ происшествіемъ съ Веніаминомъ въ Египтѣ. Желая испытать братьевъ, будутъ ли они помогать Веніамину, если бы попытаться удержать его за обвиненіе въ тяжкомъ поступкѣ, или оставятъ его, отказавшись отъ всякаго въ немъ участія, Іосифъ велитъ незамѣтно вложить чашу въ мѣшокъ Веніамина. Испытаніе [1]) дало блестящіе и на этотъ разъ выгодные для братьевъ результаты. Когда обыскъ, встрѣченный ими съ неудовольствіемъ и прежде-временнымъ торжествомъ, навлекъ на Веніамина тяжкое подозрѣніе и страшную отвѣтственность (воровство), братья какъ одинъ человѣкъ встаютъ на защиту обвиняемаго, и не смѣя прямо отрицать способность его на подобные поступки, въ виду искусно поддѣланныхъ уликъ, стараются (въ весьма пространной рѣчи Іуды) „выговорить все могущее утолить гнѣвъ на нихъ“ и, въ то же время, проникаясь горячею любовію и жалостію къ отцу, смиреніемъ, раскаяніемъ и самоотверженіемъ, единодушно обнаруживаютъ готовность отдать свою жизнь ради Веніамина. Трогательность картины усиляется, при этомъ, у Флавія сообщеніемъ, что всѣ братья послѣ этой рѣчи (Библ. XLIV, 14) „въ слезахъ“ падаютъ Іосифу въ ноги. Пространный отвѣтъ послѣдняго подробно раскрываетъ предъ нами кроткую, всепрощающую, возвышенную душу Іосифа, для котораго теперь не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что потрясеніе, причиненное ими отцу, достаточно облагоразумило ихъ и научило быть достойными сынами Израиля... Вѣсть объ обрѣтеніи въ живыхъ—навсегда, казалось, потеряннаго сына достигаетъ Іакова и дѣйствуетъ на него различно, по Библіи и у Флавія. Въ то время, какъ въ первомъ случаѣ Іаковъ естественно едва вѣритъ счастію Іосифа, борясь между сомнѣніемъ и надеждою, у Флавія Іаковъ „ничего изъ объявленнаго ему не почелъ достойнымъ сомнѣнія, разсуждая, какъ о Божественномъ всемогуществѣ, такъ и о Его къ себѣ милости“. При всемъ томъ, вполнѣ естественна боязнь, овладѣвающая Іаковомъ при отходѣ въ Египетъ, чтобы не потерпѣть наказанія,

[1]) Смыслъ котораго указывается согласно съ сообщеніемъ Гемары — Bereschith Rabba, Boraitha de rabbi Elieser, Chronik' Moicея. Midrasch Vajis и т. д., (Zunz, Gottesdienstliche Vorträge), составляющихъ Sefer hajaschar (къ Быт. 44, 12).

оказавшись въ данномъ случаѣ противникомъ Божественной воли, въ виду возможности, что ради плодоносія Египта дѣти его останутся тамъ навсегда,—а также боязнь умереть прежде свиданія съ любимымъ сыномъ. Тревожимый всѣми этими размышленіями, Іаковъ погружается въ сонъ, послѣ жертвы у кладязя клятвеннаго [1]), при чемъ двукратное видѣніе ночью, сопровождавшееся весьма величественною и трогательною рѣчью Бога, укрѣпляетъ его рѣшимость—отправиться на свиданіе съ сыномъ, что онъ, затѣмъ, и дѣлаетъ въ сопровожденіи всего своего рода, возросшаго до 70 человѣкъ, имена коихъ Флавій считаетъ нужнымъ привести „для уличенія тѣхъ, кто думаетъ, что мы не изъ Месопотаміи, а изъ Египта имѣемъ происхожденіе“. Свиданіе съ Іосифомъ отличалось такою трогательностію, что Іаковъ, по выраженію Флавія, „едва не испустилъ духъ“. Представленное царю, семейство Іакова пріобрѣтаетъ тотчасъ же благоволеніе въ очахъ могущественнаго повелителя Египта. Царь спрашиваетъ, между прочимъ, Іосифа (Библ. „братьевъ“), какой родъ жизни имъ болѣе угоденъ, и когда Іосифъ высказывается за скотоводство, изъ опасенія, что распредѣленные по разнымъ званіямъ братья оставятъ безъ присмотра своего престарѣлаго родителя, а также—соперничая съ Египтянами въ одинаковыхъ промыслахъ, менѣе будутъ у нихъ въ терпимости и любви,—царь позволяетъ Іосифу поселиться въ Иліополѣ (земля Гесемъ), гдѣ пасли стада и пастухи царскіе. Такимъ образомъ, Промыслъ Божій указалъ новое мѣсто для развитія носителя идеи Обѣтованнаго Искупителя. Дѣйствіе великой Божественной драмы переносится въ страну древняго Египта, страну чудесъ, великихъ открытій и замѣчательныхъ научныхъ свѣдѣній.

§ 10. „Ходатай“ Завѣта Ветхаго (Моусей).

Αρχ. II, 9—IV; кн. Исходъ, Левитъ, Числъ, Второзаконіе.

Вниманіе читателей Іосифа обращается на политически и исторически важнѣйшаго мужа, каковымъ, по справедливости, могли славиться Іудеи. Это былъ—Моисей. Уже въ предисловіи своей Археологіи Іосифъ выставлялъ главнымъ своимъ намѣреніемъ обнародованіе плодовъ мудрости этого великаго Іудейскаго законодателя для всеобщаго свѣдѣнія. Самое то, что предшествуетъ повѣствованію о величайшемъ вождѣ Израиля (твореніе міра и пр.), съ точки зрѣнія Іосифа должно служить преимущественно тому, чтобы показать глубокія основанія на уваженіе къ имени законодателя, давшаго исторію Еврейскаго народа, столь доступную по своей древности для всякаго рода вымысловъ, безъ всякихъ миѳологическихъ примѣсей (*πάσης καθαρὸν τὸν περὶ αὐτοῦ φιλάξας λόγον τῆς παρ᾽ ἄλλοις ἀσχήμονος μυθολογίας* (*προοίμ.* 3)). Къ несчастію, то, чѣмъ великій Бытописатель по справедливости могъ гордиться, не было свойствомъ и достоинствомъ Его біографовъ. Ни одна Библейская личность не за-

[1]) Midr. rab. Gen. § 94 и Jalk. I, 152.

громождена столь безобразною грудою всевозможныхъ бѣсенъ, какъ личность Моисея [1]). Ясный тому образецъ—біографія Іосифова. Вотъ что повѣствуетъ она намъ: Египтяне, представляя изъ себя народъ изнѣженный и нерадивый, преданный страстямъ, а особливо корыстолюбію, недолго были радушными гостепріимцами поселившихся среди нихъ Евреевъ. Быстрое размноженіе послѣднихъ и обогащеніе скоро заставляетъ ихъ завидовать Израилю и даже подозрѣвать въ возрастаніи ихъ могущества грядущую погибель Египтянъ, особенно въ виду болѣе чѣмъ тугой ассимиляціи, какой, сверхъ чаянія Египтянъ, едва поддавался этотъ пришлый элементъ. Къ большему усиленію этого ревниваго настроенія и подозрѣній, всесокрушающая сила времени изглаживаетъ память Іосифа, тѣмъ болѣе, когда и царство перешло въ другой родъ [2]), признательность котораго къ Іосифу не находила никакой почвы. Въ результатѣ всего этого является систематическое изнуреніе Израильтянъ непосильною работою, изъ видовъ коей Іосифъ упоминаетъ—отведеніе рѣкъ во многіе каналы, вѣроятно, для орошенія безводныхъ мѣстностей и для лучшаго урегулированія благодѣтельныхъ для Египта Нильскихъ разливовъ,—обнесеніе стѣнами городовъ, обведеніе ихъ валами для удержанія разрушительныхъ стремленій воды во время наводненій, строеніе пирамидъ [3]) и тому подобныя „понужденія—учиться разнымъ художествамъ и къ понесенію трудовъ вырабатывать привычку“. Такъ было 400 лѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ до крайностей обострилось стремленіе превзойти ревностію: Египтяне старались чрезмѣрными работами изморить Израильтянъ; эти же послѣдніе— успѣшными выполненіями всѣхъ ихъ затѣй истощили въ концѣ концовъ всякую изобрѣтательность своихъ поработителей. Одно знаменательное обстоятельство подготовило крутой и на этотъ разъ рѣшительный кризисъ въ судьбахъ Израиля. Нѣкоторый священнокнижникъ прорицатель предсказываетъ рожденіе знаменитаго и славнаго Еврея—отрока, который унизитъ Египтянъ и возвыситъ Израильтянъ. Это окончательно дискредитировало Евреевъ въ глазахъ Египтянъ и обрекло — было ихъ на вѣрную гибель. Встревоженный Царь издаетъ повелѣніе бросать мальчиковъ въ рѣку, и въ случаѣ непослушанія истреблять весь родъ. На обязанности египетскихъ повивальныхъ бабокъ возложено было строго наблюдать о приближеніи времени родовъ евреекъ и, непремѣнно присутствуя при каждомъ процессѣ рожденія, способствовать властямъ приводить въ исполненіе безчеловѣчныя повелѣнія, подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности за ослушаніе и нерадѣніе. При такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствахъ Амрамъ (*Ἀμράμης*), мужъ между іудеями знаменитый, и Іохаведа, жена его (*Ἰωαχεβέλη*),—

[1]) Болѣе или менѣе установившіяся іудейскія преданія о Моисеѣ узнаемъ мы изъ Midraschim и Talmud. Для исторіи Моисея особенно важенъ трактатъ Sôta. Позднѣйшія іудейскія саги о жизни Моисея собраны въ такъ называемой „хроникѣ Моисея“ (Dibre Hajjamim Le-Mosche Rabbenu). Собранныя Weil'емъ мусульманскія легенды о Моисеѣ заключаютъ въ себѣ не только почти всѣ содержащіяся въ Talmud и Midraschim саги, но и Іосифъ лежалъ въ основаніи ихъ. (Ranke. Weltgeschichte, III, 31).

[2]) Возрѣніе Rab' къ ст. 8, I гл. Sôta, 11 a. Samuel думаетъ, что это значитъ — просто послѣдовало измѣненіе законодательства. Согласно съ Іосифомъ представляется дѣло у Артапана, см. Euseb. pr. ev. IX, c. 18.

[3]) Всѣ эти роды работъ исчисляются у Артапана, Euseb. pr. ev. IX, 27.

готовятся стать отцомъ и матерью великаго Моисея. Естественно и весьма понятно великое безпокойство Амрама о своемъ племени и о беременной женѣ, и горячая молитва къ Богу о помощи и милосердіи. Отвѣтомъ на эту мольбу является видѣніе во снѣ, убѣждавшее—не отчаяваться, напоминавшее о благодѣяніяхъ Аврааму, его размноженіи, Промыслѣ надъ Іаковомъ и Іосифомъ, и, наконецъ, предвѣщавшее, что отрокъ, рожденія котораго Египтяне боятся, родится именно отъ него, будетъ укрытъ и чудесно воспитанъ, освободитъ Евреевъ и облечетъ брата священствомъ для всего племени. Проснувшись, Амрамъ все это сообщаетъ Іохаведѣ, и недавняя тревога четы смѣняется смущеніемъ отъ полноты счастія и боязнію лишиться онаго. Легкіе роды матери Моисея и необычайная красота новорожденнаго поддерживаютъ высокія надежды, хотя не совсѣмъ освобождаютъ отъ опасеній. Чтобы не выдать какъ либо столь важной тайны и не подвергнуть опасности мальчика, убивъ котораго царь могъ сдѣлать тщетными Божественныя обѣщанія, Амрамъ рѣшается лучше препоручить его спасеніе въ волю Божію, вѣруя, что Богъ всѣми способами будетъ промышлять о безопасности любезнаго Ему младенца и осуществитъ на немъ истину Своихъ словъ. Съ этою надеждою Моисей полагается въ осмолённый „бумажный ковчежецъ“ (на подобіе люльки), въ которомъ онъ, пущенный *по рѣкѣ*, и *плылъ*, между тѣмъ какъ Маріамъ [1]) шла за нимъ и слѣдила по другой сторонѣ берега (по Библіи, корзинка найдена среди тростника). Сообразно съ этой особенностію измѣняются обстоятельства обрѣтенія Моисея. Дочь Фараона, которой Іосифъ даетъ и имя— *Θερμουθίς* [2]), прохаживаясь по берегу рѣки, видитъ плывущій ковчежецъ [3]) и велитъ умѣющимъ плавать [4]) принести ей. Младенецъ оказался великаго роста и необычайной красоты и миловидности, заставляющей удивляться Θермуѳу. Это удивленіе еще болѣе возрастаетъ, когда Θермуѳа велитъ покормить младенца грудью, и онъ упорно и съ очевидностію для всѣхъ отвращался отъ грудей египтянокъ. На выручку является (какъ бы по случаю подоспѣвшая къ мѣсту происшествія) Маріамъ, высказывающая въ видѣ сторонняго, но увѣреннаго предположенія, что мальчикъ будетъ сосать только отъ какой-нибудь изъ женъ еврейскихъ, отъ одной изъ которыхъ онъ—несомнѣнно—и родился, и въ качествѣ пробы приводитъ мать, на воспитаніе которой, по рѣшенію царевны, и отдается,

[1]) Ей было въ это время 7 лѣтъ. См. Fürst. 420 стр.
[2]) Вообще, ей усвояются различныя имена: Талмудъ усвоетъ ей имя בתיה (Megilla 13a), Артапанъ—Merris (Euseb. pr. ev. IX), которое по Lauth'y (Moses der Hebräer, p. 66) равнозначуще Isis. Synkellos (227, 3; 228, 1; 237, 7) называетъ ее Phariè. Ewald (Gesch. d. U. J. II², 117²) считаетъ имя Thermuthis или Tharmut болѣе или очевиднѣе египетскимъ, такъ какъ это прозвище одной египетской богини — Изиды и означаетъ—„великая мать“ (Brugsch. Geographische Inschriften, I, c. 237). Имя Θермуѳы усвоятъ царевнѣ и книга Юбилеевъ, с. 47 (Dillmann in Ewald's Jahrb. f. bibl. Wiss. III, c. 65). Наконецъ, какъ Thermuthis, египетская форма имени Meri или Merris—была, по памятникамъ, названіемъ младшей дочери фараона Рамзеса II (Egypt. under the Pharaon by Brugsch-Bey, translated from the German by Henry Dauby Seymour II, p. 112, см. Brugsch. Gesch. Aegyptens unter den Pharaonen, Leipzig. 1877 г. 563 стр. Хотя Іосифъ названіе Меröe производитъ отъ сестры Камбиза (II, 10, 2), но по Артапану это гораздо удобнѣе производится отъ дочери Фараона. *Ranke.*
[3]) Библ. сама „увидѣла среди тростника и....“
[4]) Библ. „послала рабыню взять её“.

затѣмъ, Моисей, усыновленный неплодною Θермуѳою (за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей). Трехъ лѣтъ отъ роду мальчикъ былъ уже удивительнаго роста и необычайно красивъ. Когда его несли на рукахъ, то встрѣчные, бросая даже важныя дѣла, наслаждались его лицезрѣніемъ и съ большимъ трудомъ отъ него отрывались. Приведенный, по окончаніи грудного возраста, къ Θермуѳѣ, Моисей рекомендуется ею съ нѣжно-материнскимъ самодовольствомъ отцу въ преемники и дается на руки къ царю. Этотъ, лаская, полагаетъ на него корону; но Моисей сбросилъ и топталъ ее. Случившійся тутъ священнокнижникъ тотчасъ указалъ на Моисея, какъ будущаго разрушителя Египта и требовалъ немедленно убить его, но Θермуѳа отняла младенца, да и самъ царь (по Божію внушенію) не благоволилъ этому требованію. Египтяне, однако, весьма безпокоились загадочнымъ отрокомъ. Евреи надѣялись.

Такова исторія рожденія и воспитанія Моисея. Всякій видитъ, какъ сильно Библейскій элементъ затушевывается здѣсь примѣсями сказочнаго, гиперболичнаго. Въ интересахъ нашей задачи весьма важно показать теперь, какимъ источникамъ могъ быть обязанъ въ данномъ случаѣ Іосифъ, выступающій вездѣ, какъ переводчикъ и толкователь еврейскихъ сочиненій, а не фантазеръ только и выдумщикъ фельетонныхъ басенъ по вкусу публики; — а также — въ какой связи стояли эти преданія вообще съ воззрѣніями іудейства. Чтобы лучше выяснить то и другое, Ranke [1]) сопоставляетъ въ своей исторіи свѣдѣнія Іосифа о Моисеѣ съ повѣствованіемъ другого іудейскаго писателя и извѣстнѣйшаго современника Іосифова—Филона: *περὶ βίου Μωϋσέως ὅπερ ἐστὶν περὶ θεολογίας καὶ προφητείας* (Opp. ed. Mangey, II, 80 и д.) и другими іудейскими преданіями. Мы воспользуемся результатами этого сопоставленія, дополнивъ оное другими данными для сужденія о матеріалѣ Іосифа въ настоящемъ случаѣ и для уясненія связи его съ послѣдующими преданіями о Моисеѣ.

Оба указанныхъ автора развиваютъ Библейское повѣствованіе въ близкомъ согласіи между собою, когда, кромѣ созданія городовъ, къ чему, по Св. Писанію, обязывались Израильтяне, имъ усвояется также проведеніе каналовъ [2]). Въ остальномъ, значительно отступая другъ отъ друга, Іосифъ и Филонъ, однако же, не разъ сближаются между собою и даютъ не мало общихъ точекъ соприкосновенія, уясняющихъ область литературныхъ произведеній, въ которой вращались эти авторы. Какъ мало исторически цѣннаго въ сущности эта область давала по сравненію съ Библейскимъ повѣствованіемъ Исх. I, 1—14; II, 23—25 (гдѣ за время 430 лѣтъ только упоминаются 3 обстоятельства—„возсталъ новый царь.... не знавшій Іосифа.... угнетавшій Израильтянъ“..) можно судить потому, что больше этого не могъ сказать ничего особеннаго и Іосифъ, кромѣ того, что подъ новымъ царемъ (I, 8) подразумѣвалъ (вмѣстѣ съ Rab'омъ (Sôta, 11 a)) новую династію (II, 9), что̀, впрочемъ, по 1 S. 517 ff.

[1]) Ranke. Weltgeschichte; Leipzig, 1883 г. III, 15—18.
[2]) Филонъ: *διωρύχων ἀνατομάς.*
Іосифъ: *ποταμὸν εἰς διωρύχας πολλὰς διατεμεῖν.* (*Арх.* II, 9, 1).

и самою египетскою исторіею не подтверждается, да и самъ Іосифъ послѣ въ книгахъ κατὰ Ἀπίωνος заставляетъ отвергать это [1]). Толчокъ къ нечестивому распоряженію объ убійствѣ еврейскихъ мальчиковъ Іосифъ полагаетъ въ пророчествѣ нѣкоего египетскаго ἱερογραμματεύς'а о томъ, что изъ среды Израильтянъ явится въ міръ мальчикъ, имѣющій поколебать могущество Египтянъ и возвысить Еврейское [2]). Параллель этому находимъ въ Synhedrin 101 b; Sôta 12 a, Исх. r. c. 1, Jalk. I, 164; но въ Schemoth Rabba, содержащей гаггады къ кн. Исходъ, это передается еще подробнѣе. Іосифъ не сообщаетъ, на чемъ собственно основывалось роковое пророчество. Въ упомянутомъ источникѣ это узнаемъ изъ усвоенія астрологамъ слѣдующей рѣчи Фараону: по звѣздамъ они опредѣлили, что въ это время долженъ придти въ міръ Освободитель Евреевъ, и что имѣющая родить его мать уже чревоноситъ его; они не могли, впрочемъ, узнать, изъ Евреевъ онъ будетъ, или отъ Египтянъ,— почему и царь издаетъ рѣшеніе убивать всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ, не только Еврейскихъ, но и Египетскихъ. Послѣднихъ, впрочемъ, отстояли Египтяне, ссылаясь на невозможность, несообразность того, чтобы когда-либо Египетскіе родители дали такого мальчика (защитника и избавителя Евреевъ). Преданіе повторяется часто въ этихъ или подобныхъ формахъ: одинъ изъ древнѣйшихъ авторитетовъ Rabbi Josua ben Chananja (младшій современникъ Іосифа, 2 полов. I стол.) связываетъ его съ повѣствованіемъ Талмуда [3]). Среди Іудеевъ оно пользуется большимъ уваженіемъ. Кромѣ звѣздъ, преданіе нерѣдко прибѣгаетъ къ соннымъ видѣніямъ для обоснованія пророчества: на нихъ именно ссылаются Таргумы псевдо-Іонаѳана, Хроника Моисея (у Benedetti) и по ней Sepher hajjaschar (XII л.) и Jalkut Simeon Haddarschan'a (I пол. XIII ст.), затѣмъ — Schalscheleth Hakkabalia Gedalia (конц. XV ст.), и др. [4]).—Въ этихъ преданіяхъ о намѣреніи Фараона избивать всѣхъ даже Египетскихъ новорожденныхъ — ни слова [5]). Мысль о предвозвѣщеніи родителей Моисея въ виду его рожденія даетъ Mechilta, древнѣйшій галахо-гаггадическій комментарій къ кн. Исходъ (ed. Weiss. p. 52), а о безболѣзненности этого рожденія—кромѣ Babyl. Exegese въ Sôta, 12 a — повторяетъ и мусульманское преданіе, говоря о свободѣ Іохаведы во все теченіе беременности отъ всякихъ тягостей, коимъ обычно подвержены беременныя женщины. Этою безболѣзненностію рожденія у Іосифа объясняется и тайна онаго (διὰ τὸ μὴ βιαίας αὐτῇ προσπεσεῖν τὰς ἀλγηδόνας) [6]). Въ дополненіе Іосифа, Филонъ, затѣмъ, сообщаетъ, что фараонъ только и имѣлъ одну дочь, которая по причинѣ своего неплодства [1]) — очень скорбѣла въ виду опасности, что царство перейдетъ къ врагамъ. Вотъ почему, увидя на берегу рѣки миловиднаго подкидыша, царевна проникается къ нему любовію, какъ къ собственному сыну [2]). Какъ въ первотекстѣ, и у Іосифа, такъ и у Филона—дитя возвращается къ сосцамъ собственной матери; однако, выводится это изъ того собственно, что не было бы полезно тотчасъ же вводить дитя въ царскій городъ. Имя дочери фараона Филонъ не знаетъ, равно какъ нѣтъ у него ничего о плывущей корзинкѣ и отказѣ дитяти принимать чужую грудь. За то это находимъ въ качествѣ экзегетическаго толкованія на Исх. II, 7 ст. въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Талмуда. Приведя предложеніе сестры Моисея привести ему кормилицу изъ Евреекъ и отвѣчая на недоумѣніе, почему именно отъ Евреекъ прямо?,— Талмудъ поясняетъ это, съ одной стороны, какъ выше, отказомъ Моисея принимать грудь Египтянокъ (многихъ) [3]); съ другой—этотъ отказъ мотивируется тѣмъ, что уста, предназначенныя говорить съ Богомъ, не должны были принимать нечистой пищи [4]). Сообщеніе Іосифа о высокомъ умственномъ развитіи и необыкновенной красотѣ 3-лѣтняго Моисея имѣетъ Midrasch въ Jalkut, I, 166, и почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ Tanchuma на Исх. II, 7. „Моисей,—говорится въ Midrasch Schemoth Rabba,—былъ такъ красивъ, что всякій хотѣлъ его видѣть, и, кто встрѣчался ему, не могъ съ нимъ разстаться [5])". Точно также—о поверженіи Моисеемъ короны имѣетъ Tanchuma (Talmud. трактъ. Sôta—57 c. § 7. Plaut, c. 12 a. 4.); сообщеніе этого послѣдняго источника почти безъ всякаго измѣненія или съ самыми незначительными варіаціями вошло въ позднѣйшія іудейскія и мусульманскія сказанія [6]).

Очевидно, такимъ образомъ, большинство разсмотрѣнныхъ особенностей Іосифа должно быть отнесено къ разряду вообще экзегетическихъ наслоеній, бывшихъ ходячими въ его время, и получавшихъ послѣ такое или иное закрѣпленіе въ письмени. Значительная связь съ Филономъ помогаетъ, при этомъ, отличить въ Іосифѣ прилаживаемыя къ основѣ первотекста 2 самостоятельныхъ преданія, изъ которыхъ одно можетъ быть трактуемо, какъ Александрійское, другое — какъ Палестинское, выразившіяся каждое въ особенныхъ прибавленіяхъ. Іосифъ, какъ Палестинецъ, болѣе баснословенъ; Іосифъ, какъ Филонистъ, болѣе близокъ къ тексту. Особенная характерная черта Іосифова повѣствованія въ отличіе отъ Филона и первотекста—это своеобразная политическая комбинація, разсматривающая личность и дѣятельность Моисея съ точки зрѣнія предопредѣленія его къ ниспроверженію могущества и господства Египта надъ Евреями.

[1]) II f. Ewald, 13, пр.; Samuel полагалъ, что послѣдовало собственно измѣненіе законовъ.
[2]) II c. 9. 2.
[3]) Изъ другихъ оно повторено раввиномъ Raschi, однимъ изъ авторитетнѣйшихъ Библейскихъ комментаторовъ.
[4]) Ranke. Weltgeschichte, III, 26—27.
[5]) Филонъ объявляетъ болѣе согласно съ Писаніемъ, что опасенія Фараону (и его распоряженіе) внушены были просто быстрымъ размноженіемъ Израильтянъ.
[6]) Срв. Talmud: partus sine dolore fuit (Sôta въ Гемарѣ I, 37; у Wagenseil, s. 263; Schemoth Rabba у Benedetti, c. 164).

[1]) у Іосифа—γονῆς γνησίας οὐ μεμοιραμένη (c. 9, r)—въ Писаніи нѣтъ.
[2]) ἤδη τῆς ψυχῆς τετραμμένης αὐτῇ πρὸς μητρῷον πάθος, ὡς ἐπὶ γνησίῳ παιδί, p. 83.
[3]) Мусульманское преданіе допускаетъ дитяти отталкивать 3 египетскихъ кормилицъ, предлагавшихъ ему свои груди. Въ такомъ именно видѣ сага перешла, затѣмъ, въ Коранъ, гдѣ это тѣмъ болѣе важно, что Магометъ видѣлъ свой прообразъ въ Моисеѣ; но онъ могъ его знать только изъ позднѣйшаго мида іудеевъ.
[4]) Sôta у Wagenseil, p. 281; Schemoth Rab. у Benedetti 159 стр. и Jelamdenu des Tanchuma—Wagens. 382).
[5]) Schemoth Rabba, Benedetti, 168 стр.
[6]) Abr. Geiger. Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? 157 стр.

Та же благочестивая фантазія, которая не хотѣла ограничиваться краткими и негромкими сообщеніями Библіи о рожденіи и воспитаніи великаго вождя Израиля, не мирилась также съ сухою сжатостью свящ. повѣствованія объ обстоятельствахъ жизни законодателя до призванія Богомъ къ великому его служенію. Сюжетомъ саги, старавшейся восполнить пробѣлы свящ. текста въ данномъ случаѣ, является само по себѣ невѣроятное событіе — война Моисея съ Еѳіопами, промышлявшими разбоемъ и грабежами на окраинахъ Египта. Отправленное на нихъ войско Египетское терпитъ пораженіе, и враги, опустошая страну, дошли до Мемфиса и приблизились къ морю. Тогда Египтяне прибѣгаютъ къ гаданіямъ; Богъ указалъ призвать на помощь „Еврея", для чего царь вытребовалъ Моисея, скрывавшагося отъ своихъ враговъ, и его именно рѣшилъ сдѣлать военачальникомъ, на что тотъ и согласился, послѣ того какъ царевна обезпечила безопасность его присягою и поукорила жрецовъ, желавшихъ его гибели. Впрочемъ, отправляя Моисея на столь опасное, хотя и славное, воинское предпріятіе, Египтяне напутствуютъ его въ походъ не столько желаніемъ избавленія отъ Еѳіоповъ, сколько надеждою, что онъ неизбѣжно долженъ пасть въ битвѣ, и тѣмъ самымъ положить конецъ ихъ тревогамъ, какія поселялъ Моисей издавна въ сердцахъ всѣхъ. Другою надеждою жили, между тѣмъ, Евреи. Они хотѣли вѣрить, что Моисей именно побѣдитъ, и освободитъ ихъ потомъ отъ владычества Египтянъ. Съ такими-то напутствіями—злорадства и благопожеланій, храбрый вождь ведетъ на встрѣчу врагу порученное ему Египетское войско. Ловкая проницательность и находчивость весьма облегчаютъ Моисею дѣйствительныя опасности предпріятія. Область, чрезъ которую Моисей долженъ былъ проходить со своимъ войскомъ, изобиловала множествомъ ядовитыхъ гадовъ и опасныхъ птицъ, отъ которыхъ Моисей отчасти очистилъ себѣ путь посредствомъ ибисовъ [1]), взятыхъ въ бумажныхъ коробкахъ, отчасти обошелъ съ войскомъ болѣе опасныя мѣста берегомъ, не углубляясь во внутреннія области. Благодаря такой находчивости и проворству, ему удалось напасть на Еѳіоповъ совершенно врасплохъ. Моисей опустошаетъ, затѣмъ, страну ихъ и осаждаетъ самую столицу — Саву, которая, будучи окружена Ниломъ и рѣками Астапъ и Астоворра, уже поэтому представляла изъ себя неприступную крѣпость, а кромѣ того обнесена была и крѣпкими стѣнами. Во время осады этой крѣпости, Моисей своимъ мужествомъ и красотою производитъ столь сильное впечатлѣніе на Ѳарвису, дочь Еѳіопскаго царя, что она предлагаетъ герою руку, послѣ чего естественно слѣдуетъ и сдача города. Моисей возвращается съ молодою супругою въ Египетъ, гдѣ, однако, вмѣсто радости объ избавленіи отъ враговъ, его встрѣчаетъ лишь злоба не только Египтянъ, но и самаго царя. Движимые ненавистію къ юному столь счастливому герою, и опасеніями, что онъ на высотѣ такой славы умыслитъ что-либо ко вреду ихъ, они еще настойчивѣе прежняго возвышаютъ голосъ за его убіеніе, и самъ царь, наущенный жрецами, начинаетъ желать этого. Спасая себя, Моисей вынуждается бѣжать тайно, и пройдя чрезъ пустыню непроходимую (такъ какъ дороги стерегли) и голодную, нашелъ себѣ убѣжище въ Мадіанскомъ городѣ на берегу Чермнаго моря, — названномъ по одному изъ сыновъ Авраамо-Хеттуриныхъ—Мадіанъ. На этомъ событіи сага сливается съ Библейскимъ повѣствованіемъ и кончаетъ свою оригинальность, давая намъ поводъ остановиться на ея обсужденіи.

[1]) Іосифъ называетъ ихъ „небезъизвѣстными Грекамъ".

Ясно, прежде всего, что сага эта имѣетъ весьма мало непосредственной связи съ вышеприведенными. Талмудъ и древнѣйшіе Midraschim не знаютъ ничего объ этомъ военномъ подвигѣ Моисея, или имѣютъ противоположное [1])— походъ Моисея въ качествѣ вождя Еѳіоповъ на Египетъ. Сирійскій Scholion на Исходъ передаетъ подобное повѣствованіе, но представляетъ въ немъ фараоновъ не въ согласіи съ показаніями Іосифа въ сочиненіи κατὰ Ἀπίωνος: позднѣйшее раввинское преданіе привязываетъ нѣчто подобное къ словамъ Числ. XII, 1, гдѣ говорится объ Еѳіоплянкѣ, женѣ Моисея. Древнѣйшіе толкователи разумѣли подъ этой Еѳіоплянкой Сепфору. Иначе обстоитъ дѣло въ Таргумахъ псевдо-Іонаѳана, гдѣ цитированный текстъ Библіи парафразируется такъ: „Маріамъ и Ааронъ произнесли противъ Моисея худое слово, ради еѳіопской жены, которую Еѳіопы дали Моисею въ жены, когда онъ предъ Фараономъ обратилъ ихъ въ бѣгство". Болѣе подробное повѣствованіе объ этомъ находимъ въ трактатѣ Hajjaschar, Jalkut Simeon. Haddarschan и въ сочиненіи de vita et morte Mosis (изд. Fabricius, p. 11 ff). Въ общемъ все-таки сага, несомнѣнно, не чужда отпечатковъ древности и носитъ обычныя черты древнихъ героическихъ сагъ, герой которыхъ совершенно безупреченъ и многославенъ. При этомъ, Іосифъ не первый изъ приводящихъ ее въ такомъ видѣ. Весьма похожее изображеніе геройскихъ подвиговъ Моисея читается въ фрагментахъ Артапана [2]), который приводится также извѣстнымъ церковнымъ писателемъ (Евсевій), и время жизни котораго относится ко II стол. (до Р. Х), ибо у Александра Полигистора, жившаго въ I пол. I стол. до нашей эры фрагменты Артапана уже цитируются [3]). Такимъ образомъ, уже задолго до Іосифа древнія повѣствованія (какъ кажется, — возросшія на почвѣ Египта), знали Моисея, какъ героя войны, при чемъ, въ позднѣйшихъ сагахъ, вращавшихся въ области отношеній между іудеями и египетскими туземцами, какъ они выступали при Птоломеяхъ, и матерія сагъ приняла полуегипетскую окраску. Главные моменты сообщаемаго Артапаномъ геройскаго дѣла Моисеева, (тенденцизировавшаго, быть можетъ, просто превосходство тогдашняго Египта надъ Еѳіопіею въ гражданственности), въ ихъ отношеніи къ Іосифу— таковы: Моисей, какъ и у Іосифа, выставляется противъ Еѳіоповъ такъ же— въ намѣреніи вѣрнѣе его погубить; затѣмъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ иниціатива войны усвояется Еѳіопамъ, учинившимъ нападеніе на Египетъ. Моисей

[1]) Ranke. Weltgeschichte, III, 28 стр.
[2]) 14 у Müller. въ Fragm. Hist. Graec. т. II, 220 стр.
[3]) Freudenthal считаетъ Артапана тожественнымъ съ псевдо-Аристеемъ, который по нему жилъ не позднѣе половины II-го столѣтія.
[4]) Freudenthal, стр. 162 и 129.
[5]) *Αἰθίοπες... ἐμβαλόντες εἰς τὴν χώραν αὐτῶν (Αἰγυπτῶν) Ἀρχ.* II, 10. *καὶ ὅπότε τῶν Αἰθιόπων ἐπιστρατευσαμένων τῇ Αἰγύπτῳ*—Артапанъ.

побѣждаетъ, конечно, Еѳіоповъ и тѣснитъ ихъ настолько, что они принимаютъ отъ него даже обрѣзаніе. Этимъ-то именно онъ возбуждаетъ зависть приближенныхъ фараона и, рискуя жизнію, утекаетъ въ Madian. Побочныя обстоятельства, концентрирующіяся около этого главнаго, въ разсматриваемомъ источникѣ болѣе самобытны и отличны отъ Іосифа. Прежде всего, царевна-мать Моисея у Артапана носитъ, какъ выше упомянуто, другое имя—Merris. Война по Артапану ведется въ теченіе довольно продолжительнаго времени — 10 лѣтъ, и повѣсть объ ибисахъ является въ связи съ другимъ весьма чудеснымъ повѣствованіемъ объ аписѣ. У Артапана является, кромѣ того, въ миѳической формѣ и самый главный моментъ исторіи Моисея — призваніе къ освобожденію Израиля. Madianit'скій царь отдаетъ свою дочь за Моисея и хочетъ начать войну съ Египтомъ въ намѣреніи доставить господство надъ нимъ своему зятю. Моисей сначала сопротивляется, но потомъ, послѣ особаго чуднаго явленія, самъ возбуждается къ этому предпріятію въ намѣреніи освободить Израиля. Явленіе Моисея къ Фараону обставляется сопровождавшими его миракулезными событіями: темница, гдѣ былъ заключенъ Ааронъ отворяется сама собою; то же самое происходитъ съ воротами дворца, когда къ нимъ подходитъ Моисей; — когда, затѣмъ, этотъ прошепталъ на ухо Фараону Имя Божіе, царь повергается на землю, не въ силахъ будучи выговорить слова; священникъ, дерзнувшій записать это Имя Божіе, поражается судорогой, и т. п. Іосифъ, который уже имѣлъ въ данномъ случаѣ болѣе достовѣрный и достаточно подробный источникъ въ Словѣ Божіемъ, не пользуется послѣдняго рода дополненіями, не совсѣмъ согласными съ прежде отъ него приведенными. Во всякомъ случаѣ, какъ можно видѣть изъ предъидущаго, богатый матеріалъ Моисеевскихъ сагъ, вращавшихся въ сферѣ народныхъ преданій, усвоенныхъ также позднѣйшимъ іудействомъ и зародившимся исламомъ, такъ или иначе находимъ лежащимъ у Іосифа въ основныхъ своихъ чертахъ, болѣе или менѣе независимыхъ отъ свящ. текста. Нѣтъ недостатка и въ прямыхъ противорѣчіяхъ свящ. источнику. Такъ, при побѣгѣ Моисея въ Мадіанъ, Іосифъ молчитъ объ убійствѣ Египтянина, чему даетъ поводъ и мѣсто по Исходѣ. Вмѣсто этого событія поводомъ къ побѣгу выставляется зависть и недоброжелательство къ юному побѣдителю враговъ Египта. Въ описаніи встрѣчи и столкновенія Моисея у городского колодца съ пастухами и пастушками, дочерьми Рагуила (Іоѳоръ), Іосифъ допускаетъ немаловажную ошибку по сравненію съ первотекстомъ: дочери Іоѳоровы, похваляемыя отцемъ за чувствительность, просятъ наградить Моисея, между тѣмъ какъ по Библіи—отецъ укоряетъ дочерей за непризнательность къ рыцарскому подвигу Моисея и предлагаетъ отблагодарить чужестранца, давъ ему пріютъ у себя въ качествѣ гостя.

Обстоятельства призванія Моисея и первые моменты его дѣятельности, для освобожденія угнетеннаго Израиля, въ общемъ сравнительно менѣе далеки отъ первоисточной чистоты Библейскаго повѣствованія, хотя въ частностяхъ поражаетъ взоръ та же странная смѣсь истины съ искаженіемъ и грубыми украшеніями ея. Однажды Моисей—такъ повѣствуетъ Іосифъ—угналъ стада

къ Синаю (Библ. Хоривъ), самой высокой горѣ страны, удобной для скота по обилію и нетронутости травы, ибо пастухи не смѣли ходить сюда со стадами—по повѣрью, что Самъ Богъ обитаетъ на этой горѣ [1]). Огонь на увидѣнной имъ здѣсь горящей „ежевикѣ“, не вредилъ ни мало „зелени“ и „цвѣтовъ“, и не палилъ „вѣтвей съ плодами“, хотя и весьма пылалъ [2]). Этотъ же огонь, испуская гласъ, называетъ Моисея по имени и укоряетъ его за неприличіе въ свящ. мѣстѣ (обувь). Слѣдуетъ, затѣмъ, обстоятельная рѣчь Бога къ Моисею и такой же отвѣтъ послѣдняго. Артапанъ допускаетъ огню возникать непосредственно изъ земли, и когда Моисей въ испугѣ предпринимаетъ попытку бѣжать, изъ земли же раздается Божественный голосъ, повелѣвающій осуществить на дѣлѣ задуманное предпріятіе противъ Египтянъ и выведеніе народа, по освобожденіи, въ его древнюю отчизну. Моисей Іосифа не только не отступаетъ назадъ, но даже укоряется за то, что подвергаетъ себя близкой опасности; голосъ, который онъ слышитъ, ободряетъ его на освобожденіе своего народа изъ Египта. Вообще, значительно отдаляясь отъ разсказа Артапана, Іосифъ носитъ черты самобытности и близости къ свящ. тексту, обнаруживая по мѣстамъ обычное нерадѣніе къ точной передачѣ послѣдняго. Такъ, глубокознаменательное повѣствованіе первоисточника о томъ, что Моисей—чтобы знать и повѣдать, въ чье порученіе онъ имѣетъ говорить съ народомъ, дерзновенно ходатайствуетъ объ открытіи Его Имени,—у Іосифа теряетъ свою важность. Правда, Моисей молится послѣ объ открытіи Божія Имени, „которое не было прежде людямъ открыто“ и которое Іосифъ уклоняется повторять, ибо это ему не поручено (*ὁ θεὸς αὐτῷ σημαίνει τὴν ἑαυτοῦ προσηγορίαν... περὶ ἧς οὐ μοὶ θέμις εἰπεῖν*, II, 12, 4); но этого проситъ онъ изъ простой любознательности, хотя не грѣховной, и съ благородными побужденіями — чтобы „знать, какъ онъ долженъ призывать Его при жертвѣ“. Въ Jalkut (I, 171, 208; срв. Tanchuma, p. 7b) данная мысль еще яснѣе изображается такъ: — Моисей говоритъ Богу: „Господи міра! даруй мнѣ—познать Твое высокое и священное Имя, чтобы я могъ призывать Тебя по этому Имени и быть отъ Тебя услышаннымъ“!.. Однимъ изъ важныхъ результатовъ явленія купины Іосифъ полагаетъ, затѣмъ, то, что Моисей съ этой поры не имѣлъ никакого сомнѣнія о Божественныхъ чудесахъ и шелъ съ твердой вѣрой въ успѣхъ своей высокой миссіи.

„Старѣйшины“ встрѣчаютъ Моисея, извѣстившись о его прибытіи;—по Библіи—только „Ааронъ“, и затѣмъ уже они собираютъ старѣйшинъ. Сначала послѣдніе не вѣрятъ Моисею (Библ.: относится это къ „сынамъ Израилевымъ“ Исх. VI, 9; срв. IV, 30—31), пока не видѣли чудесъ. Въ числѣ основаній, которыми Моисей старается, затѣмъ, мотивировать законность своихъ требованій къ (недавно восшедшему на престолъ) царю, прежде всего выставляется заслуга Моисея въ дѣлѣ съ Еѳіопами, и только уже потомъ Моисей опирается

[1]) Midrasch и Talmud во многихъ мѣстахъ повторяютъ это.

[2]) Выраженіе Іосифа обнаруживаетъ, при этомъ, точное сходство съ относящимся сюда мѣстомъ трагика Ezechiel'a, B. 92: *ἄφνω βάτος μὲν καίεται πολλῷ πυρὶ αὐτοῦ δὲ χλῶρον πᾶν μένει τὸ βλάστημον...*

на явленіе Бога при Синаѣ и порученный ему даръ чудотвореній. Царь сначала смѣется, а потомъ,—когда Моисей старается убѣдить его чудесами,—и гнѣвается, называя Моисея нечестивымъ, бѣглецомъ изъ подъ неволи Египтянъ, который теперь возмущаетъ и народъ своею хитростію и чародѣйствомъ. Когда, такимъ образомъ, миссія Моисея встрѣчаетъ столь сильный отпоръ даже послѣ того, какъ Моисей продѣлалъ „премудростію и всемогуществомъ Божіимъ" порученныя ему чудеса, начинается рядъ казней или чудесныхъ знаменій въ Египетской землѣ, описаніе коихъ у Іосифа нельзя обойти молчаніемъ, въ виду нѣкоторыхъ любопытныхъ, хотя не вездѣ достаточно удовлетворительныхъ подробностей. Такъ, въ описаніи *первой* казни „вода не только кровавый цвѣтъ усвоила, но и въ пожелавшихъ оную пить производила великія мученія и болѣзни" [1]). Для Евреевъ, однако, она была сладка и пріятна по прежнему (срв. Исх. VII, 18—21). Болѣе того: позднѣйшими Израильтянами эта сагальная черта была еще болѣе расширена въ томъ смыслѣ, что Евреи продавали Египтянамъ сохранявшуюся въ ихъ рукахъ свѣжею—воду, и она оставалась при такихъ операціяхъ совершенно свободною отъ порчи [2]). Это самое находимъ впослѣдствіи въ мусульманскомъ преданіи, по которому также „вся вода превратилась въ кровь—только не въ рукахъ Израильтянъ". Наряду съ этимъ находимъ въ древнѣйшихъ сагахъ и то уклоненіе, что Нилъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться кровавымъ, затопляетъ землю [3]). Въ числѣ результатовъ этой казни у Іосифа уже здѣсь находимъ оговорку, что Фараонъ позволилъ было идти Евреямъ, но, по минованіи казни, измѣнилъ своему слову (ср. Исх. VII, 22). *Второю* казнію были жабы, которыя, умирая и согнивая въ водѣ, заражали ее кровію своею, повсюду распространяя невыносимый смрадъ (иначе Исх. VIII, 14). Фараонъ опять „отпускаетъ" Евреевъ (Исх. VIII, 8—„обѣщаетъ" лишь, но не „позволяетъ" прямо), и вновь упорствуетъ, когда казнь миновала. Характерно описаніе *третьей* казни, которая, по Іосифу, состояла въ томъ, что изъ тѣлъ Египтянъ начало выходить безчисленное множество паразитовъ, отъ которыхъ „злые злѣ погибали", и ни омываніями, ни врачебными мастями не было возможности искоренить ихъ. Упоминаемаго здѣсь Іосифомъ требованія Фараонова — при позволеніи Евреямъ идти—оставить женъ и дѣтей—совершенно не знаетъ въ данномъ мѣстѣ Библія (Исх. X, 10—11). Въ *четвертой* казни „песьи мухи" превращаются въ какихъ-то „гадовъ", никогда прежде невиданныхъ въ Египтѣ, изъ-за которыхъ земледѣльцы бросаютъ даже свои поля; избѣгавшія этихъ чудовищъ животныя (рабочія) были умерщвлены свирѣпствовавшею тогда болѣзнію, которая, по Библіи, составила особую ужасную *пятую* казнь (моровая язва), истребившую весь скотъ египетскій. Фараонъ, по Іосифу, подъ вліяніемъ этихъ казней соглашается отпустить, предлагая оставить, по крайней мѣрѣ, дѣтей; иначе передаетъ это Библія, по которой Фараонъ сначала проситъ Израильтянъ о принесеніи жертвы въ „сей" землѣ,

[1]) Midrasch. rab. Исх. § 10, Tanchuma 67 a.
[2]) Die Stellen aus Jelamdenu des Tanchuma und aus Schemoth Rabba (у Bened. 206 стр.).
[3]) Артапанъ, Mos. II, c. 7 B. 17 ff.

потомъ соглашается и на отпускъ въ пустыню „на 3 дня пути", но, по минованіи казни, наконецъ, опять упорствуетъ. Кстати замѣтить здѣсь, что только на 4-ой казни (песьи мухи) Господь, по Библіи, обѣщаетъ (VIII, 22) „отдѣлить въ тотъ день землю Гесемъ, на которой пребываетъ народъ Мой", и, при этомъ, выразительно указываетъ на это Фараону, какъ на „знаменіе" величества и непреложной воли Іеговы, вознамѣрившагося выдѣлить и изолировать совершенно Свой народъ, выведя оный изъ Египта (срв. IX, 4, 7). У Іосифа, какъ мы видѣли, это выдѣленіе Израиля выразительно подчеркивается уже при обращеніи воды въ кровь. *Шестую* казнь составляли „струпы гнусные" на тѣлахъ Египтянъ (*δεινῶς αὐτοῖς ἐξηλκοῦντο τὰ σώματα*), дополненіемъ къ чему была также порча внутренностей (*τῶν ἐντὸς διαφθειρομένων*). Градъ *седьмой* казни, никогда прежде невиданный въ Египтѣ, истребилъ всѣ плоды. Послѣ *восьмой* казни (саранча) Фараонъ упорствуетъ,—отъ злости, а не отъ безумія, добавляетъ Іосифъ, но объ изгнаніи предъ этою казнію Моисея — не говорится. Съ другой стороны, предъ этою казнію (Исх. X, 10), а не предъ 6-ю, было мѣсто упомянуть о согласіи Фараона на отпускъ однихъ мужчинъ—съ оставленіемъ женъ и дѣтей, равно какъ послѣ 9-й, а не послѣ 8-й казни, Іосифъ долженъ былъ помѣстить на настойчивое требованіе Фараона оставить хотя имѣнія—спокойный, но столь же настойчиво — непреклонный отвѣтъ Моисея: „Евреямъ отъ стяжаній своихъ надлежитъ принести жертву Богу"! Послѣ тщетныхъ разглагольствованій, въ какихъ проходило долгое время, и, при томъ, еще съ вышеупомянутымъ оскорбленіемъ Моисея (изгнаніе), надвигается *девятая* казнь—новая грозная попытка сломить упорство Фараона. Непроницаемая страшная тьма заволакиваетъ землю Египетскую; густота воздуха, затмѣвая зрѣніе, затрудняла также дыханіе; многіе умирали; всѣ вообще трепетали, что дѣлаетъ понятнымъ въ особенности упоминаемая Библіею страшная буря, свирѣпствовавшая надъ омраченнымъ Египтомъ. Еще разъ Моисей является къ Фараону съ грознымъ упрекомъ: „доколѣ волѣ Божіей противиться будешь?"... и на угрозы Фараона казнію въ свою очередь грозитъ, что самъ онъ „съ знатнѣйшими Египтянами" будетъ просить Евреевъ скорѣе уйти изъ Египта. Наступаетъ рѣшительная минута, предъ которой Фараонъ не могъ устоять, и Моисей, получивъ приказаніе имѣть Евреевъ готовыми къ выступленію изъ Египта, располагаетъ ихъ по колѣнамъ, сосредоточивъ въ одномъ мѣстѣ. Такъ называемая *десятая* казнь была уже заранѣе предрѣшена въ своихъ результатахъ, и вліяніе ея на Фараона уже не могло имѣть рѣшающаго значенія. По словамъ Іосифа, сами Египтяне въ эту страшную ночь прибѣгали къ царю съ требованіями не удерживать Евреевъ (Исх. X, 7 еще предъ 8-ю казнію), а также и этихъ послѣднихъ понуждали, давая дары, чтобы только скорѣе вышли (Библ. XII, 35—„испросили Евреи, по слову Моисея" XI, 2). Такимъ образомъ, Израиль „обобралъ" Египтянъ (Исх. XII, 36) ихъ „дружественными подарками" (*δώροις ἐτίμων... κατὰ γειτνιακὴν πρὸς αὐτοὺς συνήθειαν* (14 кон.).

[1]) Срв. Berachot. 9b, Rab. Ami, и Jalk, I, 208, R. Ismael; Tanchuma p. 7b.

Такъ, среди всеобщаго плача страны, Израильтяне выходятъ изъ подъ неволи Египтянъ, понуждаемые ими, сначала не безъ раскаянія ихъ въ худомъ обращеніи съ Евреями, а потомъ съ сожалѣніемъ о потерѣ столь выгодныхъ и неутомимыхъ работниковъ. Путь выходцевъ лежалъ чрезъ Летопольскую пустыню, „гдѣ былъ построенъ потомъ Вавилонъ, когда Камбизъ опустошалъ Египетъ“. Шли поспѣшно и кратчайшими дорогами, такъ что на третій день были у Веелсефонта при Чермномъ морѣ. Во все это время пропитаніемъ путникамъ служили захваченные ими изъ Египта въ сыромъ видѣ хлѣбы, которыхъ хватило на 30 дней [1]), благодаря размѣренности запаса „по нуждѣ“. Въ „память оной скудости, добавляетъ сюда Іосифъ, мы празднуемъ въ теченіи 8 дней праздникъ, называемый „опрѣсноковъ“,—объясненіе, совершенно новое и съ Библейскимъ несогласное (XIII, 7—8). Опредѣляя число вышедшихъ изъ Египта по числу способныхъ быть воинами — 600,000, Іосифъ не дѣлаетъ упоминанія о „разноплеменныхъ“, которые вышли изъ Египта вмѣстѣ съ Евреями (Исх. XII, 38), и подъ которыми Филонъ хочетъ разумѣть дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ (отецъ-израильтянинъ), или даже чистокровныхъ Египетскихъ туземцевъ, которые послѣ чудесъ гнѣва Божія соединились съ Израильтянами. Время выхода Іосифъ точнѣе опредѣляетъ: мѣсяца Ксанѳика (Макед. *μυνί ξανθικῷ*), или Фармуѳи (Егип. *φαρμουθί*) и Ниссана (евр. *Νεισάν*), въ 430 году (Исх. XII, 41, срв. XII, 1) по пришествіи въ Ханаанею Авраама и въ 215 по переселеніи Іакова въ Египетъ, на 80 году Моисея († 120 лѣтъ, Втор, XXXIV, 7) и 83-мъ Аарона [2]); послѣднее число, вѣроятно, обязано соображенію Іосифа о старшинствѣ Аарона, и, на основаніи Писанія, не можетъ быть точно установлено. Точно также 215 лѣтъ, полагаемыя Іосифомъ для времени отъ переселенія Іакова въ Египетъ до выхода изъ онаго и заимствованныя, по мнѣнію Bloch'а, изъ Димитрія, не могутъ быть выведены изъ собственныхъ хронологическихъ воззрѣній Іосифа. Въ самомъ дѣлѣ, по *Ἀρχ.* I, 18, 1 Іаковъ родился послѣ смерти Авраама, то-есть—по Быт. XII, 4; XXV, 7,—по крайней мѣрѣ, чрезъ 100 лѣтъ послѣ его переселенія. Прибавляя сюда 130 лѣтъ возраста Іакова до Египта, получаемъ 230 лѣтъ для періода отъ переселенія Авраама въ Ханаанъ до переселенія Іакова. Если такъ, то остающаяся разность 430—230=200 (а не 215) лѣтъ и должна, по Іосифу, означать время отъ переселенія Іакова до выхода изъ Египта. Ошибка объясняется тѣмъ [3]), что Іосифъ неправильно относитъ рожденіе Іакова ко времени „послѣ кончины Авраама“, тогда какъ это рожденіе совпадаетъ со 160 годомъ жизни Авраама, жившаго, слѣдовательно, еще 15 лѣтъ послѣ рожденія Іакова (Быт. XXI, 5; XXV, 7; XXV, 26). Такимъ образомъ, первая половина упомянутыхъ 430 лѣтъ (—215) должна слагаться изъ слѣдующихъ цифръ—25 лѣтъ Авраама отъ переселенія до рожденія Исаака+60 лѣтъ жизни сего до Іакова+130 лѣтъ послѣдняго до Египта=215. Что касается 215 лѣтъ для

[1]) Talmud, Sabbath 87b и Rabbah, Исх. § 25; ср. Jalkut, I, 257.
[2]) См. выше, стр. 92-я.
[3]) Fürst, 420 стр.

второй половины періода, то—кромѣ вычитанія изъ 430—оно создалось, по мнѣнію Freudenthal'a, у Димитрія путемъ слѣдующей, отчасти точной, отчасти вымышленной комбинаціи: 17 лѣтъ жизни Іакова въ Египтѣ+40 лѣтъ Каѳы до рожденія Амрама+78 Амрама до рожденія Моисея+80 лѣтъ сего послѣдняго при выходѣ изъ Египта=215. О болѣе или менѣе близкомъ соотвѣтствіи самой дѣйствительности этой цифры можно судить лишь по отдѣльнымъ и очень неяснымъ мѣстамъ Св. Писанія, полагающимъ рожденіе Моисея, Аарона и Корея съ Даѳаномъ и Авирономъ въ 4-мъ поколѣніи отъ Іакова, и изъ другихъ подобныхъ мѣстъ [1]).

Поспѣшность, съ какою Израильтяне побезпокоились очистить Египетъ, не преминула оправдать себя со стороны Фараона и Египтянъ, скоро раскаявшихся, что выпустили изъ рукъ такую добычу. Приписывая недавнія бѣдствія Моисееву чародѣйству, царь замыслилъ догнать и отбить Израильтянъ, сильныхъ, по его мнѣнію, лишь подъ чарами Моисея. Тѣмъ легче казалось ему и Египтянамъ это предпріятіе, когда они надѣялись, что дѣло имѣетъ быть теперь не въ Египтѣ, гдѣ Богъ могъ казнить за Свой удерживаемый народъ. Немало также подвигала Египтянъ мысль о несомнѣнныхъ результатахъ нападенія на безоружныхъ и утомленныхъ путниковъ. Итакъ, путемъ разспросовъ встрѣчниковъ о Евреяхъ, Египтяне гнались по пятамъ за ними на своихъ колесницахъ, не смотря на трудность пути даже для прохожихъ. Моисей для того, между прочимъ, и повелъ здѣсь народъ, чтобы на случай погони Египтянъ погубить ихъ за „нарушеніе договора“. Побуждало его на это и желаніе избѣгнуть Палестинцевъ, бывшихъ въ давней враждѣ съ Евреями. Наконецъ, того же требовала и необходимость зайти къ Синаю, гдѣ, по волѣ Божіей, должно было состояться общенародное жертвоприношеніе. Кромѣ упоминаемыхъ Библіею 600 колесницъ, Іосифъ насчитываетъ въ войскѣ Фараона до 50,000 конницы и 200,000 пѣхоты. Неудивительно, что такая масса, занявъ всѣ дороги, могла безъ труда запереть Израильтянъ между горами и моремъ, благодаря въ особенности крутой непроходимой горѣ, вдававшейся въ море и совершенно заграждавшей путь къ побѣгу, послѣ того какъ единственный выходъ изъ этой ловушки, въ какой оказались Евреи, былъ также загражденъ станомъ Египетскимъ. Въ такомъ-то безвыходномъ положеніи, когда по недостатку хлѣба и осаду было вести невозможно, и бѣжать было некуда, и даже не было оружія, хотя не было также и недостатка въ охотѣ къ сраженію,—среди Евреевъ поднимается не только ропотъ на Моисея, но даже намѣреніе побить его и добровольно отдаться Египтянамъ. Плачъ и рыданіе женъ и дѣтей усиливали панику отъ безвыходности положенія, въ какое ихъ поставили—горы, море и непріятель. Тогда, ставъ въ среду мятущагося народа, Моисей говоритъ одушевленную рѣчь, обнадеживая помощію Іеговы, изведшаго изъ Египта. Въ качествѣ особеннаго средства къ поднятію павшаго духа Евреевъ, Моисей ссылается на увѣренность, что Богъ „для того, между прочимъ, и

[1]) Числ. XVI, 1; XXVI, 25 и д.; срв. Исх. VI, 16 и д. Левій жилъ 137 л., Каѳа 133, Амрамъ—137.

сдѣлалъ такъ, чтобы сверхъ всякаго чаянія („вашего и враговъ“) извести изъ сихъ трудностей, явивъ силу Свою и попеченіе; ибо Онъ, кому ¦является Свою милость, не подаетъ помощи въ случаяхъ маловажныхъ, но тогда, когда, по человѣческому соображенію, не усматривается никакой надежды на лучшее... И горы, когда захочетъ Богъ, сдѣлаются для васъ гладкими путями, и море станетъ землею (*γένοιτο.... καὶ γῆ τὸ πέλαγος*)!“—пророчественно восклицаетъ вдохновенный вождь. Между тѣмъ, Египтяне, хотя замѣчаютъ приготовленія Евреевъ къ побѣгу, однако, въ надеждѣ на ихъ безвыходность, спокойно предпочитаютъ (будучи утомлены) расположиться на отдыхъ и отложить нападеніе до другого дня. Тѣмъ временемъ Моисей долго молится Богу на берегу, вызывая Его на засвидѣтельствованіе Своего присутствія, и, затѣмъ, ударяетъ по морю жезломъ, отчего оно „отступаетъ назадъ“ [1]) и „уйдя само въ себя“ [2]), оставляетъ для прохода Евреевъ „обнаженную землю“ [3]). Моисей первый „входитъ въ море“ [4]), видя его „отступившимъ“ отъ своего мѣста. Шли всѣ поспѣшно, такъ что Египтяне, по выраженію Іосифа, сочли ихъ безумными, но потомъ и сами тронулись, хотя „долго мѣшкали, надѣвая оружіе“. Это самое и погубило ихъ. Море, понуждаемо будучи вѣтрами, потопило Египтянъ, наполнившись опять, между тѣмъ какъ не успѣло захватить Евреевъ. Разразившійся, при этомъ, сильный ливень съ ужаснымъ громомъ и молніей, безпрестанно прорѣзывавшей нависшую внезапно надъ моремъ непроглядную мглу [5]), довершилъ бѣдствіе. Изъ Египтянъ всѣ погибли, такъ что некому было и увѣдомить о несчастіи. Въ веселіи и похвальныхъ пѣсняхъ о погибели врага Израильтяне проводятъ, затѣмъ, всю ночь; и Моисей сочинилъ особую похвальную и благодарственную Богу „пѣснь въ шестистопныхъ стихахъ“. Въ заключеніе всего, Іосифъ убѣждаетъ „не удивляться“ величію и необычайности описаннаго имъ чуда, опираясь на свое согласіе съ свящ. книгами и на аналогичное повѣствованіе языческой исторіи о томъ, какъ „не въ давнія времена“ море Памфилійское подобнымъ же образомъ отступило назадъ предъ полками Александра Македонскаго, позволивъ имъ чрезъ себя, за неимѣніемъ другой дороги, пройти, чтобы опровергнуть, по опредѣленію Божію, персидское владычество, (*παρέσχεν τὴν δι αὐτοῦ καταλύσαι τὴν Περσῶν ἡγεμονίαν*), о чемъ свидѣтельствуютъ „всѣ писатели Александровыхъ дѣлъ [6])... Говоря о тенденціозности, какъ одномъ изъ важныхъ недостатковъ Іосифа, мы уже имѣли случай высказать нѣсколько сужденій по поводу приведеннаго сейчасъ мѣста. Здѣсь мы отмѣтимъ лишь нѣсколько частныхъ характеристическихъ чертъ

[1]) *ὑπο τῆς πληγῆς ἀνεκόπη.*
[2]) *εἰς ἑαυτὴν ὑποχωρήσασα.*
[3]) *γυμνὴν τὴν γῆν.*
[4]) *ἐνέβαινεν αὐτῇ.*
[5]) срв. Jalkut, I, 235 и 246. Tanchuma 79b.
[6]) *Плутархъ*: „разсказываютъ, напр., будто море, обыкновенно заливающее здѣсь (въ Памфиліи) берега и только изрѣдка обнажающее острые камни, разбросанные у подножія прибрежныхъ утесовъ, само, волею боговъ, отступило передъ Александромъ“.. (Ал. Вел., стр. 45). Далѣе Плутархъ называетъ это „чудомъ“, и говоритъ: „самъ Александръ, въ своихъ письмахъ, ничего не разсказываетъ объ этомъ чудѣ, а говоритъ только, что изъ Фазелиса (Ликійскаго города) прошелъ мѣстомъ, называемымъ Климаксъ, т. е. уступами“... ib. 46 стр.

въ разсказѣ Іосифа, которыя, если не столь очевидно извращаютъ прямой смыслъ свящ. текста и унижаютъ его предъ вымысломъ „писателей Александровыхъ дѣлъ“, то все же дѣлаютъ передачу этого Библейскаго повѣствованія недостаточною, и сопоставленіе его съ какимъ-то легендарнымъ чудомъ при Александрѣ—не совсѣмъ умѣстнымъ. Если справедливо, что истина не должна и не можетъ бояться сама себя, и ея прямое изложеніе [1]) лучшая ея защита, то Іосифъ вообще ненесправедливо подлежитъ упрекамъ за болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, робкія, сдержанныя отношенія къ своей истинѣ. Однимъ изъ наглядныхъ подтвержденій этого, между прочимъ, служитъ приведенное повѣствованіе, недостаточно выступающее въ передачѣ Іосифа своими наиболѣе разительными и необычайными сторонами. Тамъ, гдѣ единственно яснымъ представленіемъ дѣла было то, что „воды (моря) стояли стѣной справа и слѣва“ (XIV, 22, 29), въ то время какъ между этими водными стѣнами, по обнаженному грунту земли, шли Израильтяне,—у Іосифа весьма непонятнымъ образомъ море лишь „отступаетъ назадъ“ отъ ударяющаго жезла, и „вбирается само въ себя“, т. е. „оскудѣваетъ“ въ своихъ водахъ настолько, насколько оставлялась этимъ возможность прохода чрезъ него, хотя бы даже въ бродъ. Это могло быть, такимъ образомъ, по Іосифу, чѣмъ-то въ родѣ какъ бы внезапнаго обмелѣнія или просто несвоевременнаго „отлива“, которымъ успѣлъ воспользоваться Моисей, и опоздали—Египтяне. Что во всякомъ случаѣ приведенная неотчетливость и двусмысленность выраженій Іосифа не были случайными и безнамѣренными для этого писателя, нельзя не подтвердить въ данномъ мѣстѣ тѣмъ, что онъ не упоминаетъ весьма необычайнаго указанія Бытописателя, которое, однако, предпочтительнѣе всего [2]) другого здѣсь заслуживало упоминанія; это—перестановка сопровождавшаго Израильтянъ Ангела и облачнаго столба, который шелъ предъ Израильтянами, но потомъ сталъ позади ихъ, покрывъ Египтянъ тьмою (Исх. XIV, 19—20). Подобныя уклоненія отъ большей чудесности въ чудѣ во многихъ мѣстахъ образуютъ характеристическую особенность его передачи свящ. повѣствованія, которое онъ во всемъ старался сдѣлать болѣе вѣроятнымъ: пріемъ—не изъ одобрительныхъ для историка и не изъ достойныхъ истины, къ защищенію которой придумывается!... Что касается того сообщенія Іосифа, что оружіе погибшихъ Египтянъ чрезъ бурю и силу вѣтра подогнало къ лагерю Израильтянъ, и Моисей, со свойственной ему чуткостью къ дѣйствіямъ Божественнаго Провидѣнія, внушилъ народу вооружиться этимъ оружіемъ; то упоминаніе объ этомъ находимъ уже у Димитрія, написавшаго свой трудъ по Іудейской исторіи во времена Птоломея IV (220—204). Возбуждая вопросъ, какимъ образомъ Евреи оказались владѣвшими оружіемъ (первая битва ихъ), когда они вышли безъ онаго (*ἄοπλοι ἐξελθόντες*), Димитрій находитъ вѣроятнымъ, что они воспользовались оружіемъ потопленныхъ волнами моря Египтянъ. [3]) Во всякомъ случаѣ преданіе это довольно

[1]) въ большинствѣ случаевъ—
[2]) Ranke. Weltgeschichte, III, 23.
[3]) *φαίνεται, ουν τοὺς μὴ κατακλυσθέντας τοῖς ἐκείνων ὅπλοις χρήσασθαι* (Euseb. pr. ev. IX, c. 29).

самостоятельно, и въ Библейскомъ повѣствованіи прямыхъ основаній для себя не имѣетъ. Самая мысль о томъ, что Израильтяне вышли изъ Египта безоружными, основывается на двусмысленномъ еврейскомъ выраженіи Исхода XIII, 18—חֲמֻשִׁים, которое можетъ значить не только „вооруженныхъ“, какъ переводятъ это Лютеръ и де-Ветте (accincti, armati;—LXX: *πέμπτῃ δὲ γενεᾷ*—въ пятомъ родѣ), но и идущихъ „въ соединенныхъ отдѣленіяхъ“, или „плотною толпою“. LXX переводятъ это совершенно своеобразно; но что Евреи при выходѣ изъ Египта не имѣли оружія, упоминается также у трагика Ezechiel'a, B. 210: *αὐτοὶ δ' ἄνοπλοι πάντες* (срв. Іосифъ II, 15, 3: *κρατήσειν ῥᾳδίως αὐτῶν ὑπέλαβον, ἀνόπλων τὲ ὄντων*). По мнѣнію Bloch'a, Іосифъ въ данномъ случаѣ именно воспроизводитъ догадку Димитрія, сдѣлавъ ея вѣроятность самою дѣйствительностію (*Ἀρχ.* II, 15, 3,—*ἀνόπλων τὲ ὄντων* и ib. 4--*ὅπλωντε σπανίζοντες*) [1]. Впрочемъ, то же самое и еще полнѣе видимъ вошедшимъ въ Midr. Jalkut I, 239 и 254 (срв. также Jalkut, II, 883 и Rab. Hohelied 1, 11), гдѣ даже перечисляется, что именно въ числѣ оружій нашли Евреи на берегу: 600 фараоновыхъ колесницъ, а также много разныхъ украшеній и дорогихъ камней, потонувшихъ вмѣстѣ съ Египтянами и выплывшихъ къ берегу [2].

Воспѣвъ хвалебныя пѣсни Богу на мѣстѣ погибели своего врага и запасшись его оружіемъ, Израильтяне идутъ далѣе; такъ какъ путь ихъ лежалъ по безводной пустынной мѣстности, то они запасаютъ, между прочимъ, съ собою и воду [3]. Конечно, этого запаса не могло хватить надолго, и вскорѣ же путники вынуждены были приняться за „копаніе колодцевъ“, что было сопряжено съ крайнимъ трудомъ, въ виду твердости грунта, и мало оплачивалось утѣшительными результатами, вслѣдствіе горькости вкуса воды и, при томъ, въ ничтожномъ количествѣ [4]. Тѣми же свойствами обладали и источники, которые попадались имъ изрѣдка на пути, и у одного изъ которыхъ („Маръ“—горечь) Израильтяне, наконецъ, остановились въ безутѣшности и изнеможеніи, тѣмъ болѣе, когда лазутчики, отправленные на развѣдки, сообщили, что дальше вода еще въ меньшемъ количествѣ и горчѣе прежняго. Уныніе народа въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ въ особенности усиливалось воплями малодушныхъ женъ и дѣтей, ослаблявшихъ даже мужественныхъ воиновъ [5]. Способъ, которымъ Моисей успокоилъ начинавшее быть опаснымъ для него смятеніе и помогъ народу въ столь затруднительномъ положеніи, заслуживаетъ нарочитаго обсужденія. Взявъ валявшійся у его ногъ кусокъ дерева, говоритъ Іосифъ, (*λαβὼν ἀπὸ τομάδος τὸ ἄκρον ἐν ποσὶν ἐρριμένης*), Моисей раскололъ его на двое и бросилъ въ источникъ; затѣмъ, онъ увѣряетъ Евреевъ, что Богъ, исполняя его моленіе, обѣщалъ дать имъ воду, лишь бы они не потяготились получить ее. И когда Евреи спрашиваютъ, что же надобно дѣлать для измѣненія воды, Моисей велитъ нѣсколькимъ изъ предстоявшихъ силачей быстро вычерпывать воду, и, симъ приведенная въ движеніе, она дала свѣжую пріятную струю. Очевидно, здѣсь, какъ и въ разсказѣ о чудесномъ переходѣ черезъ Чермное море, мы имѣемъ дѣло съ стремленіемъ—весьма неумѣстнымъ, впрочемъ,—Іосифа не сколько умалить и игнорировать чудо, столько представить его болѣе вѣроятнымъ и, по возможности, менѣе страннымъ. Крайняя неотчетливость въ пониманіи значенія вещественнаго посредства, употребленнаго при измѣненіи вкуса воды—въ данномъ случаѣ ясное подтвержденіе того, насколько болѣе можно было проигрывать подобнымъ методомъ Іосифа, нежели выигрывать. Въ то время, какъ это измѣненіе должно быть всецѣло усвояемо Божественной силѣ, благоволившей дать этому древу прообразовательное значеніе по отношенію къ древу крестному, Іосифъ совершенно безъ нужды пользуется упоминаніемъ вещественнаго посредства, которое безъ всякаго ущерба дѣлу въ его изображеніи можетъ быть выкинуто; при чемъ достаточно будетъ ограничиться тѣмъ, совершенно естественнымъ объясненіемъ чуднаго измѣненія вкуса горькой воды, которое Іосифъ даетъ въ приказаніи Моисея её вычерпать и привести въ движеніе.

Неизвѣстно доподлинно, на какомъ основаніи [1]) Іосифомъ забраковывается 70 финиковыхъ деревъ и 12 источниковъ, найденныхъ Евреями при остановкѣ въ Елимѣ (Исх. XV, 27); деревья эти были, по словамъ Іосифа, плохія; воды мало, и мутная, вредная. Отсюда ропотъ, даже готовность побить вождя камнями. Войдя въ бунтующую толпу, Моисей, со свойственною ему властностью слова, говоритъ рѣчь, въ которой, упрекая за забвеніе благодѣяній, внушаетъ, что въ данномъ случаѣ (какъ и всегда) только—желая искусить добродѣтель, терпѣніе и память прежнихъ чудесъ въ народѣ („будутъ ли ими утѣшать себя“), Богъ искушаетъ ихъ. Чтобы еще сильнѣе подѣйствовать на Евреевъ въ этомъ направленіи, Моисей напоминаетъ о чудесахъ при выходѣ изъ Египта, при чемъ Іосифъ влагаетъ, между прочимъ, въ его уста слѣдующую небеззнаменательную для насъ мысль: „Богъ коснитъ дать помощь — для испытанія вашего мужества и того, настолько ли способны вы къ благородному наслажденію свободою, чтобы ради нея понести терпѣливо недостатокъ пищи и питія“ и другія трудности и испытанія (*ἐπὶ πείρᾳ τῆς ἀνδρείας αὐτὸ καὶ τῆς περὶ τὴν ἐλευθερίαν ἡδονῆς*). Мысль эта замѣчательна въ томъ именно отношеніи, что обнаруживаетъ въ Іосифѣ достаточное глубоко-вѣрное пониманіе тѣхъ высокихъ цѣлей, безъ какихъ, дѣйствительно, эти блужданія Израильтянъ по пустынямъ были совершенно излишнимъ и незаслуженнымъ мученіемъ. Понятно, почему только такая установка надлежащаго пониманія пустынныхъ приключеній Израиля особенно могла подѣйствовать и на народъ, почувствовавшій послѣ рѣчи Моисея глубокое раскаяніе. Между тѣмъ, Моисей встаетъ на возвышенное мѣсто и произноситъ горячую молитву, ходатайствуя за на-

[1]) Die Quelle des Fl. Jos. 56 стр.
[2]) Tachauer, 67 стр.
[3]) Mechilta, ed. Weiss. p. 53; Tanchuma 78; Jalkut I, 255.
[4]) Все это совершенно согласно съ новѣйшими изслѣдованіями, между прочимъ, одной англійской экспедиціи, нарочито изслѣдовавшей на нѣсколько 1000 миль кругомъ мѣстность по пути Израиля и описывающей этотъ путь согласно во многомъ съ замѣчаніями Флавія.
[5]) Нѣсколько разъ Іосифъ (какъ выше) отмѣчаетъ такого рода вліяніе женъ и дѣтей на мужской элементъ въ минуты испытаній,—весьма правдивое и немаловажное указаніе.

[1]) То же Mechilta, ed. Weiss. 55.

родъ, который „по свойственной всѣмъ смертнымъ слабости обыкновенно въ несчастіяхъ бываетъ строптивъ и къ увѣщаніямъ непреклоненъ“. Веселое лицо Моисея послѣ этой молитвы (удостоенной милостиваго отвѣта со стороны Бога) еще болѣе одушевляетъ народъ, особенно когда Моисей нисходитъ въ его среду и обѣщаетъ скорую помощь. Помощь эта не замедлила явиться въ видѣ „крастелей“ *(ἀρτύγων)*—особый родъ птицъ, водящихся во множествѣ при Аравитскомъ заливѣ и дающихъ весьма вкусное блюдо. *Перелетая* чрезъ море и *утомившись* отъ дальняго путешествія, эти „крастели“ опустились въ станѣ Евреевъ и, безъ труда ловимые, надолго восполнили ихъ недостатокъ въ пищѣ. Какъ ни невинна, повидимому, здѣсь попытка Іосифа натурализировать этотъ случай чудеснаго насыщенія перепелами, тѣмъ не менѣе нельзя не поставить ему въ вину игнорированія той важной стороны даннаго событія, по какой оно должно было служить для Израильтянъ очевиднымъ и нарочитымъ знаменіемъ Промыслительной силы Іеговы: „узнаете, что Я—Господь Богъ вашъ“! (Исх. XVI, 12). Если сопоставить, затѣмъ, повѣствованіе Іосифа съ относящимся сюда же событіемъ книги Числъ XI гл., то найдемъ, что Іосифъ выпускаетъ еще одну характеристическую особенность, въ религіозномъ отношеніи весьма достопримѣчательную, съ которой не мирились его тенденціозныя намѣренія касательно Моисея и народа Израильскаго. Въ Числ. XI гл. именно разсказывается, какъ Моисей, ставъ на сторону народа, Самому Іеговѣ дѣлаетъ нѣчто въ родѣ упрека за то, что, поставляя народъ въ трудное положеніе, дѣлаетъ и для Моисея несносною всю тяжесть отвѣтственности. Тогда Іегова раздѣляетъ отъ Духа, Который до того почивалъ на одномъ Моисеѣ, сонму старѣйшинъ, и двое изъ нихъ тотчасъ же начинаютъ являть себя, какъ пророки. Извѣщенный объ этомъ, Моисей торжественно восклицаетъ: „о, если бы всѣ въ народѣ Господнемъ были пророками, когда бы Господь послалъ Духа Своего на нихъ“! (XI, 29). Вмѣсто всего этого, у Іосифа Моисей говоритъ ропщущему народу: „Богъ и я никогда не перестанемъ пещись о васъ“! *(Θεὸς κἀγὼ.... οὐκ ἂν ἀποσταίημεν κάμνοντες ὑπὲρ ὑμῶν* (III, 1, 3). Такимъ образомъ, грѣхъ народа противъ Бога здѣсь умаляется до грѣха противъ Моисея, и „упрекъ“ послѣдняго по отношенію къ Іеговѣ ступевывается въ своего рода „извиненіе“, какое представляетъ Моисей народу отъ лица своего и Божія: недовольство самого пророка Божественнымъ водительствомъ и своею ролью надъ жестоковыйнымъ народомъ (точнѣе сказать—недостаточное проникновеніе глубинъ того и другого) обходятся молчаніемъ, вмѣсто того, чтобы здѣсь-то и дать понять Моисея, оправдать Бога и уразумѣть народъ. Неподражаемо — прекрасный матеріалъ для всего этого и побужденіе Іосифъ могъ найти именно въ игнорируемой имъ главѣ книги Числъ, гдѣ Моисей съ такимъ дерзновеніемъ и трогательнымъ участіемъ къ своему народу взываетъ: „для чего Ты мучишь раба Твоего?... Я одинъ не могу нести всего народа сего... Когда Ты такъ поступаешь, лучше умертви меня..., чтобы мнѣ не видѣть бѣдствія моего“ (XI, 11, 14, 15 ст.).

Въ непродолжительномъ времени послѣ насыщенія перепелами, Богъ ущедряетъ народъ Свой ниспосланіемъ другой пищи, еще болѣе чудесной. Во

время молитвы, на воздѣтыя къ небу руки Моисея вдругъ падаетъ „роса“, прилипая къ его рукамъ. Догадываясь о ея назначеніи, Моисей сначала отвѣдываетъ самъ, потомъ сообщаетъ и народу, ибо всѣ почитали ее за снѣгъ (такое было время). И только когда Моисей снова предъ всѣми вкушаетъ этой снѣгообразной пищи, вкушаютъ и всѣ. Опредѣляя точнѣе видъ манны, Іосифъ говоритъ, что она походила на нѣкоторое благовонное растеніе *(βδέλλη)*, величиною съ Коріандрово сѣмя (Исх. XVI, 31). О вкусѣ ея можно судить по тому, что она, по его словамъ, весьма нравилась Евреямъ, будучи подобна меду. Повелѣніе Моисея—собирать манну въ предѣлахъ ограниченнаго количества (по гомору на человѣка—$^3/_{10}$ мѣры ассарона) Іосифъ объясняетъ тѣмъ побужденіемъ, чтобы сильнѣйшіе не затрудняли собираніе манны маломощнымъ. Любопытно замѣчаніе Іосифа, что „манна, во всей той странѣ ниспадаетъ и понынѣ такъ же, какъ и тогда“. *(ἔτι δὲ νῦν ἔσται πᾶς ἐκεῖνος ὁ τόπος, καθάπερ καὶ τότε...)* Если Іосифъ не разумѣлъ здѣсь какого либо исключительно-чуднаго случая, вродѣ оповѣщеннаго недавно газетными извѣстіями (Сент. 1898 г., выпаденіе манны въ Урміи во время страшнаго голода), то приведенная оговорка его, очевидно, должна изобличать въ немъ лишь странно-непослѣдовательнаго раціоналиста, подобно современнымъ, приравнивавшаго Библейскую манну къ тамарисковой, и это послѣ того, какъ о необыкновенныхъ свойствахъ ея онъ такъ ясно и увѣренно говорилъ (ежедневное регулярное ниспаденіе манны въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ подъ рядъ, ея невыпаденіе по днямъ покоя, порча въ количествахъ свыше надлежащей мѣры и т. п.).

Характерно и по мѣстамъ нѣсколько даже наивно описаніе происшествія въ станѣ при Рафидинѣ. Моисей здѣсь едва уклонился отъ нападенія народа, недовольнаго опять недостаткомъ воды. Когда Моисей возвѣщаетъ въ успокоеніе народу, что Богъ изъ камня пошлетъ имъ воду, народъ изумляется, думая, что его, утомленнаго и изнуреннаго, еще заставятъ бить камень. Но Моисей ударяетъ жезломъ, и извлекаетъ великое изобиліе самой чистѣйшей воды, при одномъ видѣ которой удивленные евреи почувствовали въ себѣ утоленіе жажды (!). Какъ даръ Божій, вода эта имѣла сладкій и пріятный вкусъ, и, въ благодарность за нее, принесены были тотчасъ же „жертвы благодаренія“. „О семъ повѣствуютъ, добавляетъ Іосифъ, св. книги, въ Іерусалимѣ хранимыя, что Богъ подлинно все сдѣлалъ такъ“.

Приближаясь къ землѣ Ханаанской и готовясь изъ необитаемыхъ пустынь перейти въ населенныя мѣстности, Евреи скоро должны были столкнуться съ ихъ воинственными и задорными обитателями. Правда, большинство изъ нихъ чувствовали вначалѣ страхъ предъ Израилемъ, внушенный извѣстіями о послѣднемъ, уже дошедшими до нихъ послѣ гибели Фараона со всѣмъ войскомъ въ волнахъ Чермнаго моря (Исх. XV, 14 — 15), но этотъ же самый страхъ, чѣмъ онъ былъ больше, вызывалъ и лежалъ въ основѣ тѣмъ большаго отчаяннаго и сопротивленія, потому что затрогивалъ столь могучій инстинктъ самосохраненія. Общность угрожавшаго отъ Евреевъ несчастія сплотила доселѣ разбредшіяся туземныя племена, которыя успѣли быстро обмѣняться пе-

реговорами и посольствами и порѣшили учинить общее нападеніе на выходцевъ изъ Египта [1]). Іосифъ называетъ зачинщиками въ этомъ дѣлѣ Амаликитянъ, обитателей Говолиты и Петры, храбрѣйшихъ изъ всѣхъ своихъ сосѣдей,—которые придумали для своихъ союзниковъ самый зажигательный, но въ то же время и небезъосновательный мотивъ для вооруженнаго нападенія. Они выставляли именно на видъ, что выходцы изъ Египта, усилясь болѣе войскомъ и имѣніемъ и ободрясь ихъ медлительностію, все равно нападутъ сами, и лучше предупредить это, чѣмъ положиться „на-авось“, чтобы потомъ раскаиваться въ непредъусмотрительности и излишнемъ довѣріи къ невѣдомымъ пришельцамъ. Для Моисея это было предметомъ неожиданности и печали; тѣмъ болѣе смутились сами Евреи, мало подготовленные къ такой борьбѣ, и изнуренные опасностями пути. Тѣмъ не менѣе, Моисей скоро нашелся. Онъ подкрѣплялъ всѣхъ упованіемъ на Бога, доселѣ съ очевидностію являвшаго имъ во всемъ Свою помощь; напоминалъ, что „брань“ съ голодомъ, жаждою и моремъ была гораздо хуже и труднѣе: наконецъ, собралъ начальниковъ и въ короткое вреля одушевилъ ихъ такъ, что они сами просили вести ихъ на враговъ. Моисей выбралъ Іисуса Ефремлянина — мужа, по словамъ Іосифа, храбраго, трудолюбиваго, краснорѣчиваго, мудраго, находчиваго, набожнаго, послушнаго Моисею,—и поставилъ его во главѣ сформировавшагося войска, въ составъ коего вошли всѣ способные къ войнѣ, за исключеніемъ слабыхъ, служившихъ, впрочемъ, для прикрытія женъ, дѣтей и стана. Ночь прошла въ приготовленіяхъ. Моисей, не спалъ, уча Іисуса, и уже рано утромъ на другой день былъ на ногахъ, одушевляя его и другихъ начальниковъ. Въ этихъ-то чрезмѣрныхъ заботахъ Моисея, сопровождавшихся истощеніемъ силъ, Іосифъ не безъ нѣкоторой правдоподобности видитъ объясненіе того, почему во время наступившей затѣмъ битвы руки молящагося Моисея опускались и требовали поддержки, при чемъ у Іосифа самъ же Моисей и проситъ объ этой поддержкѣ стоявшихъ возлѣ него Аарона и Ора. Въ числѣ послѣдствій битвы, окончившейся въ пользу Евреевъ, были: богатая добыча, страхъ на всѣхъ враговъ, а главное—значительный подъемъ народнаго духа и прилежанія къ трудамъ. На другой день, снявъ одежду съ труповъ и собравъ оружіе, Моисей раздѣлилъ добычу и особливо отличившихся удостоилъ награды, отмѣтивъ, между прочимъ, преимущественную храбрость Іисуса Навина. При этомъ, было также констатировано, что изъ Евреевъ во время битвы не погибъ ни одинъ, въ то время какъ изъ непріятелей множество. Въ заключеніе Моисей предрекаетъ (Исх. XVII, 14) истребленіе Амалика за нападеніе на утружденныхъ путниковъ, каковое нападеніе, по Библіи (но несогласно съ Іосифомъ), сопровождалось „избіеніемъ всѣхъ ослабѣвшихъ“ въ резервѣ, откуда слѣдуетъ заключить, что вѣроломные Амаликитяне обошли съ тылу Еврейское войско, прежде чѣмъ оно замѣтило это и, нанесши ему здѣсь не малый уронъ, завязало съ нимъ бой (Второз. XXV, 17—19: „помни, какъ поступилъ съ тобою Амаликъ.... какъ онъ .... избилъ сзади тебя всѣхъ ослабѣвшихъ“..., и т. д.)- Такъ состоялась

[1]) Mechilta ed. Weiss, p. 62; Jalkut I, 262, R. Jose, ben Chlaphtha.

эта первая брань со врагами, послѣ которой Евреи уже шли дальше въ видѣ „легковооруженнаго“, постояннаго готоваго къ бою войска.

Вскорѣ послѣ этихъ событій, слухъ о мужествѣ Моисея и храбрости его народа привлекъ Іоѳора, тестя Моисеева, который привелъ къ нему его жену и дѣтей, вначалѣ взятыхъ Моисеемъ съ собою при отправленіи во Египетъ, но потомъ (Исх. XVIII, 2) съ пути возвращенныхъ имъ обратно, послѣ встрѣчи съ Ааономъ и извѣстія о гоненіи на дѣтей въ странѣ, куда шелъ Моисей. Такъ объясняетъ это Mechilta и Midrasch Jalkut, I, 174; Іосифъ не говоритъ ни о возвращеніи Сепфоры съ пути, ни о поводахъ къ этому возвращенію, устанавливая между повѣствованіями—Исх. IV, 20 и XVIII, 2 неразрѣшимое противорѣчіе. Во время пира, которымъ Моисей ознаменовалъ это радостное для него событіе, ликующій народъ хвалилъ своего вождя, къ каковымъ похваламъ присоединяется и самъ Іоѳоръ. Іосифъ допускаетъ выражать это участіе Іоѳора въ народномъ праздникѣ весьма характернымъ образомъ, повѣствуя, что въ то время, какъ народъ пировалъ, Ааронъ и Іоѳоръ со жрецами своими пѣли похвальныя пѣсни. Передавъ, затѣмъ, мудрый совѣтъ Іоѳора Моисею относительно судебныхъ разбирательствъ народа, Іосифъ восхваляетъ чистосердечіе Моисея, не скрывшаго въ своихъ писаніяхъ имени мудраго совѣтника, а также—приличіе послѣдняго, рѣшившагося предложить свой мудрый совѣтъ Моисею уже по отшествіи народа, чтобы не уронить его авторитета даже сколько-нибудь въ глазахъ этого народа, который не хотѣлъ быть доволенъ никакимъ другимъ судомъ, кромѣ Моисеева.

Описанное только-что происшествіе имѣло мѣсто „неподалеку отъ купины, не сгорѣвшей отъ пламени“, то-есть вблизи одной изъ первыхъ цѣлей путешествія, вблизи той священной горы, къ которой, какъ къ брачному алтарю, Іегова, какъ любящій женихъ, велъ Свой народъ, какъ любимую невѣсту,—чтобы здѣсь обмѣняться первыми залогами вѣрности и заключить съ нею Свой завѣтъ. Эта священная гора—Синай—была высочайшая изъ всѣхъ горъ той страны, на которую (гору), по словамъ Іосифа, „не только „восходить“, но и „взирать“, не отяготивъ зрѣнія, нельзя было“. Замѣчательно, что она искони окружалась ореоломъ особой таинственности и благоговѣйнаго ужаса, по повѣрью, что Самъ Богъ живетъ на ней. У этой-то горы Евреи теперь, по повелѣнію Моисея, и расположились станомъ, веселясь и пируя, — однако, въ тѣлесной чистотѣ, воздержаніи отъ женъ и молитвѣ, употребляя лучшую пищу и нося праздничную одежду. По прошествіи 3 дней такого времяпровожденія, Моисей восходитъ на гору, объявляя объ этомъ народу; подъ вечеръ третьяго дня (Исх. XIX гл. 16—ко утру)—до захода—вдругъ облакъ обнялъ весь станъ (Биб. лишь „гору“), хотя около стана было ясно, а надъ Евреями буря и „дождь“ (по Библіи, сего не видно), громы и молніи, какъ „знаки“ того, что Богъ „внималъ“ милосердо бесѣдовавшему съ Нимъ Моисею. Между тѣмъ, народъ, не вынося этихъ грозныхъ явленій природы, „забирался въ шатры“ и весьма трепеталъ, боясь не только за себя, но и за „Моисея“, который возвратился впрочемъ совершенно здравымъ, имѣя веселый и величественный видъ, послѣ чего и буря отъ его прибытія тотчасъ прекратилась. Приготовивъ,

затѣмъ, народъ пространною рѣчью о величествѣ дѣлъ Божіихъ, явленныхъ Евреямъ, и объ обѣтованіяхъ имъ, Моисей ведетъ народъ предъ Лице Божіе, чтобы выслушать заповѣди, которыя „въ человѣческихъ устахъ утратили бы свою важность“. На основаніи Библіи, нужно добавить къ этому, что Моисей и Ааронъ, по повелѣнію Божію, восходятъ на самую гору (XIX, 24) и остаются тамъ все время, пока небесный голосъ во всеуслышаніе („не было никого, кто бы не все ясно слышалъ“) изрекалъ Божественныя заповѣди. Вопреки ясному свидѣтельству Слова Божія о томъ, что эти заповѣди начертаны были на скрижаляхъ Десницею Божіею, у Іосифа находимъ неточное выраженіе, что „Моисей оставилъ ихъ написанными на 2 скрижаляхъ“. Приступая къ изложенію этихъ заповѣдей для своихъ читателей — язычниковъ, Іосифъ кокетливо отказывается предлагать ихъ во всей точности, называя это „непозволеннымъ“, и едва только рѣшается передать ихъ общее содержаніе. Тѣмъ болѣе странно его неосторожное замѣчаніе, что въ слѣдующіе дни, толпясь у Моисеева шатра, народъ проситъ у „него“ и другіе отъ Бога законы, почему Моисей „въ угодность“ имъ и „установилъ“ оные (самъ?),—неточный парафразъ 19 ст. XX гл. Исхода [1]).

Вторичное удаленіе Моисея на гору и замедленіе его тамъ дало поводъ къ весьма печальному происшествію, о которомъ, впрочемъ, Іосифъ повѣствуетъ очень глухо и необстоятельно. Не зная причинъ этого замедленія („не вѣмы, что̀ бысть ему“, XXXII, 1), народъ терялся въ догадкахъ и изъ всѣхъ золъ бо̀льшимъ несчастіемъ для себя считалъ Моисееву мнимую гибель. Одни (враги Моисея) говорили при этомъ, что Моисея звѣри съѣли; другіе, что онъ переселенъ къ Богу. Всѣ горевали, но уходить не смѣли, такъ какъ Моисей велѣлъ ждать. Что было въ результатѣ этихъ томительныхъ ожиданій и желанія найти послѣднимъ тотъ или другой рѣшительный исходъ, Іосифъ совершенно не говоритъ,—очевидно, щадя затронуть повѣствованіемъ о золотомъ тельцѣ уваженіе къ Аарону, а въ то же время и всему народу, только что принятому въ завѣтъ съ Богомъ и вѣрность Божественнымъ заповѣдямъ. Замѣчательно, что и всѣ позднѣйшія іудейскія саги, хотя приводятъ это позорное событіе, однако, не называютъ Аарона виновникомъ и вводителемъ безбожія [2]). Въ такомъ именно видѣ эта сага перешла также и въ мусульманскія преданія. Не давая объ идолѣ—тельцѣ даже никакого намека, Іосифъ прямо разрѣшаетъ томленіе народа тѣмъ, что, наконецъ, Моисей приходитъ и объявляетъ народу волю Божію о Скиніи и другихъ Божественныхъ заповѣдяхъ. При этомъ, само собою неизбѣжно, Іосифу приходится „лгать“ въ томъ, когда онъ заставляетъ Моисея не „разбивать“ въ гнѣвѣ Богоначертанныя письмена, столь дерзко попранныя нечестіемъ народа, а, напротивъ, „показываетъ“ народу оныя, „начертанныя перстомъ Божіимъ“—по *пяти* на каждой изъ двухъ скрижалей, какъ распредѣляются онѣ, между прочимъ, по Палестинскому Талмуду (Chananja Achi's и R. Josua) и по $2^1/_2$ на каждой сторонѣ, какъ впо-

[1]) Срв. также Midrasch Koheleth, I, 9; Jalkut (изъ Mechilta) I, 309: Tanchuma 85 и 86 и Rabah Исх. § 30.
[2]) Ranke. Weltg. III, II ч. 33 стр.

слѣдствіи добавляетъ Іосифъ, повѣствуя о помѣщеніи ихъ во Св. Святыхъ Скиніи.

Въ числѣ другихъ заповѣдей и постановленій Іеговы, предложенныхъ Имъ Своему избранному народу, Моисей приноситъ планы и всѣ детальныя подробности касательно устройства Скиніи, „по образу видѣнному имъ на горѣ“. Мы не будемъ приводить здѣсь этихъ подробностей устройства, которое, по Іосифу, почти ни въ чемъ существенно не уклоняется отъ описаннаго въ XXXVII—XL гл. Исходъ, и представляетъ болѣе археологическій интересъ; для насъ любопытнѣе обратить вниманіе на то своеобразное символизированіе Скиніи,—какъ въ общемъ ея устройствѣ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ и принадлежностяхъ,—какое находимъ у Іосифа. Прежде всего, трехчастное дѣленіе Скиніи представляетъ, по нему, „видъ вселенной“, при чемъ третья часть — Св. Святыхъ—знаменовала „небо“, двѣ другія, предназначавшіяся для священниковъ и народа—„землю“ и „море“. Іосифъ видитъ намѣреніе Скиностроителей изобразить во Святомъ Святыхъ небо уже во внѣшнемъ видѣ его и украшеніяхъ. Завѣса, покрывающая эту часть Скиніи, была испещрена, по его свидѣтельству, всѣмъ тѣмъ, что только могло сдѣлать ее прекраснѣйшею, и приводила красотою своего великолѣпнаго украшенія въ восхищеніе всѣхъ, издали къ ней подходившихъ. Украшенія ея состояли преимущественно изъ цвѣтовъ всѣхъ родовъ, землею приносимыхъ, которые такой издавали блескъ, что смотрящимъ на нихъ казалось, что они взирали какъ бы на самое небо [1]). То же намѣреніе „онебообразить“ Скинію выразилось въ описаніи Херувимскихъ изваяній ковчега; знакомя читателей съ этими Херувимами, Іосифъ говоритъ, что это были „созданія летающія“ и „такого вида“, какого „никто изъ смертныхъ не видалъ; но Моисей говорилъ, что снялъ эти подобія съ лицъ, видѣнныхъ имъ у Престола Божія“. При описаніи остальныхъ частей Скиніи Іосифъ вездѣ, гдѣ только было можно, оправдывалъ свое общее положеніе, что „всякая вещь Скиніи была подобіемъ какой либо вещи во вселенной“ [2]). Таково описаніе свѣтильника [3]), который, по Іосифу, составлялся,—по числу знаковъ, планетами обтекаемыхъ, изъ 70 кружковъ, кринъ, чашечекъ и яблоковъ; стебель же дѣлился на столько вѣтвей, сколько планетъ съ солнцемъ (семь) и т. п. [4]). Четырех-цвѣтный видъ и составъ завѣсъ знаменовалъ свойства стихій: виссонъ—землю, откуда ленъ; багряница — море (ибо цвѣтъ ея изъ крови морскихъ раковинъ); синета—воздухъ; червлень—огонь. Подобное же знаменованіе усвояется веществу священническихъ одеждъ. Въ

[1]) Midraschim R. Tanchuma къ Исх. XXXVIII, 21.
[2]) Jalkut, I, 419 (R. Nehemia).
[3]) Въ обрядѣ возженія этихъ свѣтильниковъ Іосифъ, неизвѣстно изъ какого источника, хотя согласно съ Sifri, p. 16a изд. Friedmann'a, но не въ столь очевидномъ согласіи съ Библіею, говоритъ, что 3 свѣтильника горѣли въ теченіи дня, а остальные возжигались къ вечеру и т. о. всѣ 7 горѣли только по ночамъ (срв. Duschak, 4 стр. и Riehm, 901—902). Сводъ параллельныхъ мѣстъ Библіи и сопоставленіе ихъ съ Флавіемъ не только не даетъ противорѣчія, но и способствуетъ примиренію этихъ самыхъ мѣстъ, неясныхъ для уразумѣнія обряда свѣтильниковъ (Исх. XXVII, 20, XXX, 7; Лев. XXIV, 1—3; II Пар. XIII, 11; I Ц. III, 3 и др.).
[4]) Tanchuma, p. 75 a. къ Числ. VIII.

полотняной матеріи первосвященнической ризы знаменуется образъ земли; синета, коею вышита она, напоминала небо воздушное; грановитые яблоки — молніи; звонъ колоколецъ — громъ; ефодъ (епомидъ) съ 4 цвѣтами — образъ всей вселенной; золото на немъ,—*по моему мнѣнію*, говоритъ Іосифъ, — означаетъ свѣтъ, освѣщающій всѣ творенія; нагрудникъ посреди епомида—образъ земли посреди міра; поясъ—океанъ около земли; два сардоникса вмѣсто застежекъ—солнце и луну; 12 камней [1])—12 мѣсяцевъ (то же—12 хлѣбовъ) или небесныхъ знаковъ Зодіака; шапка изъ синеты—подобіе неба, иначе она не могла бы,—*кажется*, догадывается Іосифъ,—носить на себѣ и Имени Божія. Многія изъ этихъ толкованій и описаній, символизирующихъ Скинію, кромѣ Іосифа, можно видѣть у Филона [2]), и въ особенности въ аллегорическомъ Мидраш'ѣ, который былъ общимъ источникомъ обоихъ упомянутыхъ авторовъ; наконецъ, многое здѣсь, кажется, обязано и личному Іосифову мнѣнію („по моему мнѣнію") и его не совсѣмъ надежному „кажется". Посему-то, при сходствѣ съ Филономъ есть и нѣсколько различныхъ до противоположности толкованій, и такъ какъ оба Іосифъ и Филонъ были въ извѣстномъ смыслѣ оффиціальными выразителями современныхъ имъ іудейско-религіозныхъ воззрѣній, то понятна затруднительность установки здѣсь желательнаго единства. Такъ, символизированіе *πορφύρα* у Іосифа вопреки Филону,—*ὑάκινθος* а у Филона вопреки Іосифу,—лампады у Филона вопреки Іосифу,—ефода и наперсника у Іосифа вопреки Филону; гранаты (*φοινικοί*) означаютъ по Іосифу молніи, у Филона—воду; колокольцы по Іосифу—громъ, по Филону—гармонію и взаимодѣйствіе земли и воды; наконецъ, символизированіе пояса находимъ только у Іосифа, и не видимъ вовсе у Филона, и т. п.

Обстоятельства избранія Аарона къ служенію при Скиніи носятъ въ передачѣ Іосифа одно характеристическое замѣчаніе, параллель которому проводитъ Мидрашъ [3]). Передавая народу въ пространной рѣчи волю Божію о возложеніи первосвященническаго достоинства на Аарона, какъ „достойнѣйшаго за свою добродѣтель"—носить этотъ священный санъ,—Моисей указываетъ на добродѣтели Аарона, исчисляетъ всѣ случаи выраженія его любви къ народу, напоминаетъ опасности, для народа понесенныя,—и когда слушатели съ руко-

[1]) Расположеніе этихъ камней на нагрудникѣ Іосифъ даетъ сбивчивое, по сравненію съ Библіею (Исх. XXVIII, 17—20; XXXIX, 10—13):

	Библія:		*Іосифъ:*
1 рядъ	Рубинъ, Топазъ, Изумрудъ	1.	Сардоникъ, Топазъ, Смарагдъ
2 рядъ	Карбункулъ, Сапфиръ, Алмазъ	2.	Анѳраксъ, Іасписъ, Сапфиръ
3 рядъ	Яхонтъ, Агатъ, Аметистъ	3.	Лигирій, Аметистъ, Агатъ
4 рядъ	Хрисолитъ, Ониксъ, Іасписъ	4.	Хрисолитъ, Ониксъ, Вириллъ.

[2]) de vit. Mos. III, 6. M. II, 148 ib. 9 p. 150. 12, p. 151 f.
[3]) Исх. § 37; Лев. r. c. 11 и Tanchuma s. 139 b.

плесканіемъ привѣтствуютъ это Божественное избраніе,—Моисей, какъ бы предвидя, что права Аарона на это высокое достоинство скоро подвергнутся оспариванію, заявляетъ, что онъ „самъ, изъ одного самолюбія, не отказался бы принять на себя должность первосвященника, если бы это отъ его зависѣло воли". Упомянутое параллельное мѣсто Мидраш'а представляетъ это интересное настроеніе Моисея въ такой формѣ: „когда Господь пожелалъ назначить первосвященника, Моисей подумалъ, что на него именно и падетъ Божественный выборъ; но Господь сказалъ ему: иди и назначь Мнѣ первосвященника... брата твоего Аарона"! При такомъ представленіи дѣла выясненіе отношенія Моисея къ Аарону, какъ первосвященнику, и послѣдняго къ первому, конечно, значительно затрудняется; даже тѣмъ глухимъ замѣчаніемъ, что Скинія замѣнила для Моисея гору Синай, гдѣ онъ получалъ Божественные отвѣты, эти отношенія какъ будто настолько запутываются, что ставятъ Моисея съ его исключительнымъ безпримѣрнымъ служеніемъ въ своего рода подчиненныя отношенія къ Аарону, ограничивая его служеніе лишь тѣмъ, что Моисей всѣ сіи учрежденія, касающіяся до благоучрежденія жизни, правила и законы „предписалъ вдохновеніемъ Божіимъ". Залогъ или признакъ согласія дѣйствій первосвященника съ Божественною волею и, въ частности, невозможности давать ложныя пророчества—Іосифъ представляетъ въ своеобразной традиціи [1]) о чудесномъ блескѣ камней первосвященника. Одинъ изъ этихъ камней (сардоникъ), служившій застежкой на правомъ плечѣ, (а во время войны всѣ 12 въ предвѣщаніе побѣды) всегда блисталъ (что замѣчали не только Евреи, но и иновѣрцы), когда Богъ внималъ молитвамъ, и блескъ этотъ былъ виденъ весьма далеко [2]). Стараясь устранить по поводу этого всякія возраженія, Іосифъ говоритъ, что это было не свойствомъ камня, а именно „чудомъ", которое „поистинѣ, заслуживаетъ удивленія всякаго, кто только не хочетъ чрезъ презрѣніе вѣры носить на себѣ имени человѣка премудраго". Упоминаніе о томъ, что блескъ камней прекратился за 200 лѣтъ до того времени, какъ Іосифъ началъ писать свою исторію,—очевидная параллель Талмуду, гдѣ читаемъ, что „съ кончиною послѣдняго изъ пророковъ престала сила Урим и Туммимъ" [3]).

На 7-й мѣсяцъ отъ начала зданія отдѣлка Скиніи и всѣхъ ея принадлежностей была закончена [4]), и приступлено было къ ея освященію. Въ знаменіе этого освященія Господь благоволилъ явить видимо—чудомъ—Свое присутствіе въ посвященномъ Ему Святилищѣ. Среди яснаго неба, Скинію вдругъ осѣнилъ непроницаемый зрѣніемъ тонкій мракъ, изъ котораго капала также пріятная роса. По окончаніи всѣхъ торжествъ, не забыты были (наградами)

[1]) Joma 73b; j. Joma 20b; Jalk. II, 76.
[2]) Joma 73b; j. Joma 20b; Jalk. II, 76.
[3]) Sôta 48b ua; Duschak, 7 стр; со времени 2-го храма.
[4]) Это согласно съ Мидрашъ (Tanchuma, на Исх. 40 кон.). Самуилъ, сынъ Нахмана, утверждаетъ, что „въ три мѣсяца все было закончено (Tischri, Cheschwan и Kislew). Въ теченіи слѣдующихъ мѣсяцевъ (Tebeth, Schebath и Adar) оставалось только установить и приладить несобранныя, но готовыя ея части, что и сдѣлано было къ 1 Nissan'a.

и художники—строители этой святыни народа Божія, во главѣ коихъ стоялъ Веселеилъ *(Βεσέληλος καὶ Ἐλίαβος)*, удостоившійся особенныхъ почестей и похвалъ за свое искусство [1]. Въ 8-й день по освященіи Скиніи назначенъ былъ праздникъ и для всего народа, омрачившійся печальною участію сыновъ Аарона—Надава и Авіуда. Самую смерть ихъ Іосифъ приписываетъ тому же огню, который чудесно исшелъ на подобіе молніи, чтобы попалить все, возложенное отъ народа на жертвенникъ; вину же ихъ, повлекшую эту смерть, видитъ въ томъ, что они возложили жертвы „не такія, какія были Моисеемъ предписаны", а „какія употреблялись прежде",—при чемъ, огонь, устремившійся на нихъ, такъ началъ опалять ихъ лица [2] и груди, что „никто не могъ угасить онаго".

Отмѣтимъ нѣсколько особенностей Іосифова повѣствованія о содержаніи и характерѣ Моисеевыхъ законовъ, которые онъ предлагаетъ для ознакомленія своихъ читателей съ ихъ глубиною и осмысленностію. Онъ открываетъ, при этомъ, особенную цѣлесообразность этихъ законовъ въ стремленіи ихъ къ строгой чистотѣ и внѣшней безупречности, и не прочь утилизировать эту строгость даже съ апологетической цѣлью. Такъ, напримѣръ, возмущаясь ложными баснями, что Моисей убѣжалъ изъ Египта пораженный проказою, вмѣстѣ со многими другими больными, коихъ онъ привелъ съ собою въ Ханаанъ, Іосифъ обличаетъ эту „достойную посмѣянія нелѣпость" тѣмъ, что Моисей никогда бы въ такомъ случаѣ не издалъ столь строгихъ законовъ относительно прокаженныхъ, тѣмъ болѣе, что „нечистота сія имѣется между многими народами", и даже почитается у нихъ за честь, не препятствуя допущенію къ знатнымъ должностямъ. Со стороны изложенія законовъ, Іосифъ не точенъ въ передачѣ закона о родильницахъ, когда запрещаетъ входъ во храмъ и прикосновеніе ко святынѣ до 50 дней, въ случаѣ рожденія младенца мужескаго пола, и до 100—женскаго (Библ. 40 и 80). Столь же неточно передается законъ о жертвѣ ревнованія. Поставя жену у вратъ святилища и снявъ съ ея головы покрывало, жрецъ чертитъ на пергаментѣ „Имя Божіе" (Числ. V, 23—„заклинанія"). Заклинанія произноситъ, по Іосифу, сама жена, а не жрецъ, какъ Числ. V, 19, послѣ чего священникъ, опять таки смывая съ пергамента „Имя Божіе" (Библ. „клятвы" V, 23) водою, вливаетъ ее въ чашу и, смѣшавъ съ прахомъ, взятымъ съ полу храма, даетъ пить ревнуемой женѣ. Заповѣдь относительно устроенія кущей у Іосифа замѣчательна по толкованію знаменованія этого обычая согласно съ Midrasch (Tanchuma a. a. O.), гдѣ примѣнительно къ IV, 6 Исаіи кущи берутся какъ символъ защиты отъ дневного зноя и зимняго ненастья, а не какъ воспоминаніе обитанія въ кущахъ по выходѣ, въ духѣ объясненія Лев. XXIII, 43.—Законъ о воспрещеніи для первосвященника

[1]) Ср. Tanchuma, къ Числ. VIII: Моисей вручилъ Веселеилу планы Скиніи, и тотъ построилъ по нимъ, тогда удивлялся Моисей и говорилъ: „мнѣ такъ часто Богъ открывалъ это, и все таки я не могъ бы привести этого въ исполненіе; но ты, даже не видя самого образца, превосходно воспроизвелъ по своему искусству. Срв. Исх. 39 гл. послѣдній стихъ: „и благослови ♿ Моисей"...

[2]) Срв. Talmud, Synhedrin 52 a и Jalk. I, 524 и 526.

брака съ содержательницей гостинницы, о чемъ Библія не говоритъ, объясняется неточнымъ переводомъ у Іосифа слова זוֹנָה (соб. блудница), какъ находимъ это также въ халдейскомъ переводѣ Библіи (Суд. XI, 1; XVI, 1; I Ц. III, 16; Іезек. XXIII, 44) и у Іосифа еще въ другихъ мѣстахъ въ томъ же смыслѣ (*Ἀρχ.* V, 1—2, 7; срв. Zipser, *κατὰ Ἀπίωνος Ἰώσ.* Wien. 1871, p. 29). Съ характерными дополненіями переданъ у Іосифа законъ о народоправленіи. Въ подлежащемъ мѣстѣ Второзаконія XVI, 18—не указывается числа „судей-надзирателей", коихъ долженъ былъ поставить Израиль „по колѣнамъ своимъ, чтобы они судили народъ судомъ праведнымъ". Іосифъ частнѣе формулируетъ этотъ законъ [1]. Прежде всего, „по колѣнамъ своимъ" у него замѣняется „во всякомъ городѣ"; начальниками должны быть мужи „отмѣнной добродѣтели и праводушія"; наконецъ, указывается точное число ихъ—7 въ каждомъ городѣ, и при нихъ нарочито избираемые *(ὑπηρέται)* 2 левита. Во время царскаго періода, какъ извѣстно, эти начальники городовъ зависѣли отъ царя (III Ц. XXII, 26; 2 Пар. XVIII, 25) [2]. Обоснована того, почему не должны быть принимаемы обвиненія и свидѣтельскія показанія женщины (легкомысліе и дерзновенность ихъ пола) таже самая дается въ Талмудѣ [3]. Характерно, затѣмъ, постановленіе о наказаніяхъ за преступленія неуголовнаго характера въ томъ именно отношеніи, что число ударовъ назначается 40 безъ одного (39), а не ровно 40 (Втор. XXV, 3), что находимъ также въ Талмудѣ [4]. Законъ о разводѣ въ передачѣ Іосифа носитъ несомнѣнные слѣды позднѣйшихъ раввинскихъ толкованій въ духѣ Гиллеля [5], когда допускаетъ „не мало причинъ", дающихъ основаніе къ разводу. Наименованіе скопцовъ убійцами дѣтей своихъ, истребителями причины ихъ бытія—повторяется въ Талмудѣ [6]); на основаніи запрещенія женщинѣ одѣвать мужскую одежду и наоборотъ, Іосифъ внушаетъ особенную осторожность дѣлать это „во время войны", смѣшивая Библейское запрещеніе (Втор. XXII, 5) съ раввиническимъ толкованіемъ онаго, вошедшимъ въ Талмудъ [7]). Наконецъ, замѣчательно приводимое въ числѣ законовъ Моисея будто бы постановленіе о неприкосновенности чужихъ боговъ. Мысль эта не только чужда, но и противна Св. Писанію (Исх. XXXIII, 24; Втор. XII, 2—3; Іер. X, 2 и д.). Вотъ формулировка этого выдуманнаго закона: „никто да не злословитъ боговъ, почитаемыхъ за таковыхъ другими городами; и никто да не похищаетъ вещей священныхъ у другихъ народовъ, и не трогаетъ дара, какому-либо богу посвященнаго"... *Ἀρχ.* IV, 8). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что столь безцеремонное Богохульное навязываніе Моисею такого закона обязано мелкому угодничеству Іосифа предъ идолопоклонниками Рим-

[1]) Сходно съ Megilla, 26 a и Kethuboth 105 a.

[2]) Указаніемъ на ихъ существованіе уже ко временамъ Рождества Христова служитъ важное свидѣтельство Іосифа (*Ἀρχ.* XIV, 9, 4: *περὶ ἀλώσ.* II, 21, 3: *βίος* 12, 13, 27, 34, 57, 61, 68, 74), что въ каждомъ городѣ Палестины былъ свой совѣтъ, зависѣвшій отъ главнаго совѣта въ Іерусалимѣ.

[3]) Schebuoth, 30, a.

[4]) Makoth 22 a.

[5]) Gittin 90 a.

[6]) Nidda 13 a.

[7]) R. Elieser ben Jakob. Nasir 59 a.

лянами, и служитъ яркимъ образчикомъ того, какъ мало задумывался Іосифъ надъ всѣмъ, что могло, хотя только въ воображеніи, компрометировать его предъ своими благодѣтелями...

Въ исчисленіи воинства, къ чему обратился Моисей по приведеніи въ порядокъ законовъ и въ чемъ представилась надобность въ виду неизбѣжной войны, Іосифъ—вообще не точный показатель цифръ — даетъ число воиновъ 603650 (Числ. I, 46—603550), равно какъ несогласенъ съ Библіею и въ показаніи числа левитовъ и священниковъ, коихъ, по нему, (включая всѣхъ младенцевъ мужескаго пола) насчитано было 23880 человѣкъ (Числ. III, 39—22000—съ младенцами „отъ мѣсяца единаго и выше"; срв. III, 43—46 Числъ).

Послѣ продолжительной стоянки при горѣ Синаѣ, во время которой Израиль получилъ посвященіе въ народъ Божій, оставалось всего нѣсколько дней пути, чтобы невѣста Іеговы была введена и въ предназначенный ей чертогъ—Обѣтованную землю. Къ несчастію, эта „близость" на сей разъ оказалась слишкомъ „далекою". Въ послѣднемъ станѣ въ виду земли Обѣтованной Моисей произноситъ рѣчь, предлагая въ качествѣ общаго рѣшенія — послать соглядатаевъ (по Числ. XIII, 2 ихъ повелѣваетъ послать Самъ Богъ), изъ достойныхъ и способныхъ къ тому мужей. Посланные, возвратившись, приносятъ опечалившее всѣхъ извѣстіе, что овладѣніе страною должно быть сопряжено съ неимовѣрными трудностями, благодаря тому, что въ ней повсюду будетъ необходимо имѣть дѣло съ глубокими рѣками, непроходимыми горами, стѣнами, валами и др. естественными и искусственными преградами. Это непріятное извѣстіе, много преувеличенное, было поводомъ къ крайнему возмущенію противъ Моисея, едва не стоившему жизни этому многострадальному вождю жестоковыйнаго народа. Поистинѣ, можно согласиться съ Іосифомъ, что Моисей „едва ли бы могъ укротить это возмущеніе тысячей народа „одинъ", если бы не былъ съ нимъ Самъ Богъ, и не сотворилъ слова его убѣдительными для народа"; только въ такомъ случаѣ это было бы „неудивительно", какъ выражается Іосифъ. Возмущеніе, однако,улеглось несовершенно, послѣ грознаго суда Іеговы; недовольство съ Моисея было перенесено и на современное положеніе вещей, и зародилось желаніе употребить отчаянную попытку вторгнуться въ невѣдомую землю. Но было уже поздно: недовѣріе къ Іеговѣ послѣ всѣхъ Его чудесъ и милостей было слишкомъ оскорбительно для величества Божія, чтобы осужденіе на 40-лѣтнее странствованіе внѣ земли Обѣтованной измалодушествовавшагося въ рабствѣ Египту народа—было жестокимъ и безцѣльнымъ наказаніемъ. Тѣмъ грѣшнѣе была эта попытка, что внушалась не раскаяніемъ къ Богу, а нечестивымъ соображеніемъ рѣшившихся на битву съ Хананеями, что Богъ не ради Моисея давалъ и даетъ помощь, но „какъ по общему Промыслу, такъ и ради добродѣтелей предковъ". Попытка, какъ знаемъ изъ Библіи, совершенно не удалась, и оставалось лишь покориться суровой необходимости. Впрочемъ, неискренность этой покорности вскорѣ не замедлила обнаружиться еще разъ въ страшномъ посягательствѣ на достоинство Богоучрежденнаго Ааронова первосвященства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и на Самого Верховнаго Вождя народа. Предводителемъ возстанія

выступаетъ Корей, родовитый и богатый Еврей [1]), „краснорѣчивый угождатель народа", родственникъ Моисею, но богаче его, и потому не чуждый зависти его вліянію въ родномъ народѣ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что Моисей ищетъ только своей славы [2]), и самовольно сдѣлалъ Аарона первосвященникомъ [3]), достигая вездѣ своихъ эгоистическихъ цѣлей лишь хитростію и коварствомъ, притворно представляясь набожнымъ и доброжелателемъ народа. Въ качествѣ кандидатовъ на первосвященство, Корей выставлялъ или себя, какъ старѣйшаго Моисея и достойнѣйшаго въ родѣ его, или Даѳана и Авирона (и Фалая) [4]), старѣйшихъ представителей старѣйшаго колѣна Рувимова. Возмущеніе, при видимой состоятельности и даже уважительности этихъ доводовъ, а также подъ впечатлѣніемъ недавняго недовольства Моисеемъ, грозило крайнею заразительностію и бѣдою, и Моисей (способный ко всѣмъ дѣламъ, къ правленію же народа какъ бы нарочито произведенный природою) еще разъ долженъ былъ доказать свои Божественныя полномочія и всю корректность своего поведенія въ настоящемъ опасномъ случаѣ. Рѣчь, влагаемая Іосифомъ въ уста Моисея по этому поводу, весьма хорошо рисуетъ намъ Моисея съ этой именно стороны. Не богатство, не знатность, не родство съ Моисеемъ Аарона дало ему право на священство, а единственно—Божіе повелѣніе: онъ себѣ роднѣе, чѣмъ братъ, но себя не поставилъ... Въ заключеніе рѣчи Моисей предлагаетъ придти обиженнымъ кандидатамъ первосвященства со своими кадильницами, каковое предложеніе, какъ самое справедливое и безпритязательное, встрѣчаетъ общенародное одобреніе; но именно эта-то справедливость и помѣшала сознавшимъ себя не совсѣмъ справедливыми—воспользоваться ею для доказанія своей (не)правоты. Впрочемъ, нашлось все таки до 250 человѣкъ, явившихся со своими кадильницами. Замѣчательны намеки Іосифа на то, что бунтовщики опасались насилія со стороны Моисея за свой протестъ и распорядились даже поставить рабовъ къ своимъ кущамъ для отбитія этого насилія (при кущѣ Даѳана). Но на сторонѣ Моисея была сама правда, и она избрала другой путь для своего засвидѣтельствованія, которое ни въ какомъ случаѣ не было жестокимъ и чрезмѣрнымъ. Какъ же поступаетъ Моисей? Онъ обращается съ пространною молитвою къ Богу, воздвигнувшему его отъ стадъ Іоѳоровыхъ, и слагаетъ съ себя всю отвѣтственность за происшедшее и имѣющее совершиться по Его суду. „Я наслаждался,—говоритъ этотъ, дѣйствительно, кроткій и мудрый,—невинно, но жестоко оскорбленный вождь,—жизнію спокойною..,. по Твоей воли и по милости Рагуила, тестя моего; однако, оставивъ все то благополучіе, повергъ себя въ напасти для сего народа... Итакъ, покажи Самъ, что Ты все руководствуешь Твоимъ Промысломъ ..... ,--что ничто не дѣлается само собою, или по слѣпому случаю, но все по Твоему произволенію"!... Отвѣтъ неба на этотъ вызовъ угоднѣйшаго изъ сыновъ земли намъ извѣстенъ; Іосифъ передаетъ его въ общемъ согласно съ

[1]) Jalk. Rab. къ Числ. XVI, 2, Midr. Числ. г. с. 18; Jalk. I, 750 и Tanchuma.
[2]) ibid. (Midr. Jalk.).
[3]) Synhedrin 109b и 110 a.
[4]) Числ. XVI, 1—„сына Фалеѳова—Авнана".

Библіею, за исключеніемъ развѣ того, что на память о возмущеніи Моисей повелѣваетъ Ааронову сыну, Елеазару, повѣсить кадильницы бунтовщиковъ у алтаря мѣднаго, тогда какъ Числ. XVI, 38, 39, 40 —имѣетъ немного иначе: „скажи Елеазару.... пусть онъ соберетъ кадильницы .... и пусть разобьютъ ихъ въ листы для покрытія жертвенника, ибо ..., онѣ (какъ принесенныя предъ Лице Господа) сдѣлались освященными".

Корень недовольства, однако, успѣлъ пустить слишкомъ глубокіе ростки въ народѣ и нашелъ въ немъ много благопріятной почвы, чтобы этимъ дѣло и окончилось. Къ несчастію, случилось такъ, что народъ самое наказаніе виновныхъ обратилъ въ поводъ къ усиленію бунта. Народъ, увлекаемый жалобами пощаженныхъ (въ первое пораженіе) изъ бунтовщиковъ, имѣлъ дерзость еще разъ оскорбить Моисея, а болѣе—Бога, подумавъ, что Богъ все творитъ „въ угоду" или „изъ пристрастія" къ нему, Моисею, и что самый гнѣвъ Божій, возгорѣвшійся надъ ними, вызванъ не столько беззаконіемъ провинившихся, сколько представленіями обидѣвшагося Моисея,—что тѣ бунтовщики, далѣе, погибли, так. обр., за свою ревность къ Богопочитанію и закону, и что Моисей, слѣдовательно, лишилъ жизни наилучшихъ личностей только съ тѣмъ, чтобы впредь дѣйствовать рѣшительнѣе и безопаснѣе. Сюда присоединялась и родня убитыхъ, требуя усмиренія гордости зазнавшагося Моисея. Это уже было слишкомъ, и новое страшное посѣщеніе гнѣва Божія, на этотъ разъ уже безъ вызова Моисея, пронеслось надъ неразумными протестантами, чего Іосифъ, впрочемъ, не упоминаетъ (Библія [1])—погибшихъ 14700). Въ описаніи собранія народнаго, состоявшагося по этому дѣлу, у Іосифа замѣчательно указаніе на „терпѣливое выслушиваніе" Моисеемъ словъ народа, высказавшагося предъ нимъ въ своемъ недовольствѣ,—еще разъ рисующее величественно-властную и добродѣтельную душу этого замѣчательнѣйшаго демагога. Въ исторіи съ жезлами, долженствовавшими засвидѣтельствовать разъ навсегда Богоизбранность и неприкосновенныя права Аарона, Іосифу надлежало бы точнѣе выразить мысль, что повелѣніе объ этихъ жезлахъ исходило отъ Самого Бога (Моисей *сказалъ*, чтобы принесли жезлы; ср. съ этимъ Числ. XVII, 1—6).

Важныя, затѣмъ, особенности представляетъ разсказъ Іосифа о смерти Аарона (въ 1-ю луну Екатомвеонъ—аѳинск., Лой—макед. и Савва—евр. мѣсяц.). Вопреки Библейскому повѣствованію и согласнымъ съ нимъ позднѣйшимъ сагамъ іудейскимъ, какъ въ Rabbot, Jalkut и Midrasch о смерти Аарона (Petirat Aharon),—гдѣ самъ Моисей снимаетъ съ умирающаго Аарона его первосвященническія облаченія и возлагаетъ ихъ, затѣмъ, на сына его Елеазара,—по сообщенію Іосифа, напротивъ, самъ же Ааронъ слагаетъ эти облаченія и вмѣстѣ со священными полномочіями передаетъ ихъ Елеазару.

Довольно значительный промежутокъ времени, обнимающій періодъ 40-лѣтняго странствованія Евреевъ по пустыни, не изобилующій и въ Библіи тѣми поучительными эпизодами, какъ время непосредственно предшествовавшаго странствованія, не отличается и у Іосифа болѣе или менѣе обстоятельными свѣдѣніями: очевидно, и онъ не нашелъ ничего, что бы нѣсколько могло заполнять у него этотъ пробѣлъ и пролить свѣтъ на судьбы народа Божія за это немалое время, какъ переносилъ онъ возложенное на него испытаніе и насколько оправдалъ себя послѣ всѣхъ прежнихъ слабостей и несовершенствъ. Объ этомъ молчаніи Библіи приходится весьма пожалѣть и лишь теоретическими соображеніями взвѣсить все значеніе этого испытанія для Израильскаго народа, несомнѣнно огромное особенно въ воспитательномъ отношеніи. Пустынная жизнь была именно его школой, въ которой Израиль, эта возлюбленная избранница и невѣста Іеговы,—сдѣлавшаяся таковою изъ презрѣнной и мучимой служанки Египта,—послѣ обрученія своего съ Нимъ на небостремительной вершинѣ Синая, какъ обручальномъ алтарѣ,—должна была дать ему опыты своей вѣрности, преданности и способности нести съ достоинствомъ свое высокое званіе [1]). Это именно имѣется въ виду пророческою рѣчью (Іер. II, 2—3): „вспоминаю Я о добродѣтели юности твоей, о любви твоего невѣстинства, когда ты послѣдовала за Мною въ пустыню, неизвѣстную землю... Святъ Израиль Господу!"... Священное Писаніе предлагаетъ и другой прекрасный образъ для уясненія подобныхъ близкихъ отношеній Іеговы къ Своему народу. Израиль—перворожденный сынъ Іеговы, рожденный подъ болями египетскаго рабства, и, силою Божественнаго величества, изведенный изъ Египта, какъ бы изъ материнской утробы, въ которой онъ зрѣлъ, какъ зародышъ, обогащаясь всѣми потенціями, кои впослѣдствіи должны были явить въ немъ могучій тѣломъ и духомъ народъ. Побывавъ въ странѣ высшей культуры того времени, Израильтяне научились весьма многому, и въ своемъ естественномъ развитіи поднялись на несравненно высшую ступень, возвысивъ соотвѣтствующимъ образомъ и естественный базисъ для развитія къ новой и высшей ступени Божественнаго Откровенія, для вступленія въ тѣснѣйшій завѣтъ или союзъ съ Богомъ. Научившись быть отличнѣйшими ткачами, рѣзчиками изъ драгоцѣнныхъ и всякихъ металловъ (лить, ковать и т. п.), а важнѣе всего—ознакомясь со всею высшею тогда культурою, воспріявъ ея плодотворныя потенціи, Израильтяне поистинѣ доказали, что то, что обѣщано было Аврааму: „изыдутъ со имѣніемъ многимъ",—осуществилось гораздо въ высшемъ смыслѣ, чѣмъ обогащеніе только серебряными и золотыми сосудами (Исх. XII, 35)... Но освятивъ, затѣмъ, этотъ взлелѣянный во утробѣ Египта народъ и посвятивъ его при Синаѣ въ „царство священниковъ", въ св. народъ, народъ „собственный", Іегова не могъ ограничиться этимъ. Его питомецъ требовалъ воспитателя своей юности, воспитателя именно сообразно своему званію, который бы преодолѣлъ естественныя неспособности его юности, упразднилъ дѣтское непостоянство, заставилъ его опознать свои немощи и свободу избранія Іеговы. А для этого Онъ (Іегова) долженъ былъ явить Себя Своему первенцу не просто какъ любящій Отецъ, истинный Владыка, Избавитель во всѣхъ нуждахъ и Защитникъ во всѣхъ напастяхъ,—но и какъ истинный Воспитатель, строгій Учитель, взыскивающій всякое заблужденіе и исправляющій оное. Подобнымъ

[1]) Числ. XVI, 49 и 35 ст.

[1]) Kurtz, II, 211—212.

образомъ, и по отношенію къ нему, какъ невѣстѣ и новобрачной, Іегова долженъ былъ явить Себя, не просто какъ нѣжный другъ, готовый на всякую покровительственную любовь къ Избранницѣ, но также—и какъ взыскательный, строгій супругъ, ищущій вѣрности и любви, соотвѣтствующей Его достоинству,—ревнивый къ малѣйшимъ ея ошибкамъ, карающій всякую невѣрность и обманъ, воспитывающій въ царской невѣстѣ соотвѣтствующія царскія же и чувства, путемъ разнообразныхъ испытаній и искушеній, всевозможныхъ нуждъ и скорбей, которыя, давая мѣсто очевиднѣйшимъ проявленіямъ Его любви, наилучшимъ образомъ могли обезпечивать къ Нему и тѣмъ большую вѣрность. Такъ, время пустынной жизни Израильскаго народа было преимущественно временемъ воспитанія и ученія, испытанія и укрѣпленія, исправленія и очищенія (Втор. VIII, 2 „вижды всѣ пути"... и т. д.).

Чтобы сдѣлать Израиля совершенно свободнымъ отъ специфически египетской закваски, т. е. тѣхъ нежелательныхъ явленій въ образѣ жизни, которыя онъ не могъ не усвоить наравнѣ со всѣмъ истинно добрымъ и полезнымъ, и утвердить его въ новой, „завѣтной" жизни, которая ему, по личноприроднымъ основамъ, была болѣе сродна и присуща,—чтобы искоренить въ немъ несовмѣстныя съ чувствами истинной свободы—слабодушническія тернія, всѣянныя продолжительнымъ рабствомъ, и возростить, усилить его въ свободный, самобытный, могучій собственнымъ сознаніемъ народъ: — ведетъ Іегова Израиля въ пустыню. Здѣсь, какъ въ уютномъ мѣстѣ, долженъ онъ—одинъ на одинъ—со Своимъ Господомъ свести болѣе близкое знакомство, вступить безраздѣльно всею своею жизнію въ новыя съ Нимъ отношенія; здѣсь, въ нуждахъ, недостаткахъ, опасностяхъ, ошибкахъ пустынной жизни познать и прочувствовать милость и вѣрность Іеговы, свою собственную неустойчивость и естественную окаменѣлость сердца. Все это, конечно, могло быть и было бы достигнуто путемъ болѣе кратковременнаго воспитанія и исправленія, если бы то, что согласовалось съ волею и намѣреніями Божіими и покоилось на „законныхъ" надеждахъ на „избранный" народъ,—чрезъ преступленіе послѣдняго и судъ Іеговы, не потребовало удлинить время воспитанія, испытанія и очищенія. Такъ, изъ 2 лѣтъ пустынной жизни, которыхъ было достаточно для первоначальной цѣли, являются 40, необходимыхъ для цѣли вновь поставленной. И что это 40-лѣтнее странствованіе по пустынѣ не было безплодно, а напротивъ—послужило хорошею школою для воспитанія народа Божія, ясно изъ послѣдующей исторіи Израиля [1]). Уже лагерь въ долинѣ Моавъ достаточно показалъ, что подросшее поколѣніе переросло зачерствѣлую, испорченную рабствомъ и маловѣрующую душу народа. Еще яснѣе это видно изъ временъ Іисуса. Здѣсь мы видимъ въ лицѣ Израиля совсѣмъ другой, молодой, свѣжій, сильный и послушный вѣрѣ народъ съ такою чистотою, глубиною и устойчивостію теократическаго чувства, какихъ мы не находимъ позднѣе въ такой гармоніи и цѣлостности.

[1]) Любопытно припомнить, что самъ вождь народа Божія, великій Моисей, назначенный къ избавленію и освященію Израиля, удовлетворялъ этому назначенію только проходя ту же самую школу терпѣнія среди напастей. Сколько разъ и его должна была пустыня научить сознанію своей слабости. Сколько разъ при ложномъ довѣріи къ своей силѣ и мудрости, ему не доставало праваго упованія на силу и мудрость Божію, которая и слабое дѣлаетъ сильнымъ и невозможное—возможнымъ.

Замѣчательно, что взгляда на пустынную жизнь Израиля съ ея опасностями, лишеніями и приключеніями, какъ на воспитательную школу его, вызвавшую къ жизни его свободный и многоспособный духъ, не чуждъ былъ уже Іосифъ. Мы видѣли это въ томъ мѣстѣ, гдѣ Іосифъ, влагая въ уста Моисею рѣчь по случаю народнаго возмущенія въ Елимѣ, заставляетъ его Евреямъ сказать: „Богъ,—желая искусить вашу добродѣтель, терпѣніе и память прежнихъ чудесъ, будете ли ими утѣшать себя,—испытуетъ васъ несчастіями.... И если Онъ коснитъ дать помощь вамъ, то для испытанія вашего мужества, и того, настолько ли способны вы къ благородному наслажденію свободою, чтобы ради нея понести терпѣливо недостатокъ въ пищѣ и питіи" и другія трудности и лишенія. То же самое подтверждается воззрѣніями Іосифа на исторію народнаго возмущенія послѣ гибели Корея, Даѳана и Авирона. Іосифъ видитъ причину этого мятежа (что вѣроятно также и для другихъ) въ недѣятельности (ἀπραξίας) Евреевъ, а отсюда и уныніи (ἀπορίας) или всеобщемъ упадкѣ народнаго духа. Моисей, достаточный знатокъ своего народа, оказывался и наилучшимъ воспитателемъ его, наилучшимъ руководителемъ его во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было поддержать достоинство этого народнаго духа, дать послѣднему надлежащую пищу и развитіе, безъ чего избытокъ его обновлявшихся силъ направлялся къ нежелательнымъ и ненормальнымъ проявленіямъ. Чутко прислушиваясь къ этимъ нуждамъ и движеніямъ своего народа, онъ рѣшается, напримѣръ, не сносить обиды и презрѣнія Сигона царя Аморрейскаго, грозившихъ повліять на народъ въ худшую сторону, и самъ вопрошаетъ Бога о позволеніи напасть на врага, каковой и побѣждается, конечно, не потому только, что на просторѣ пустыни и среди ея опасностей въ Евреяхъ воспитались (ср. XX, 16 Суд.) искуснѣйшіе пращники, легкіе и отважные храбрецы, въ какихъ едва ли былъ недостатокъ и на сторонѣ ихъ противниковъ. Эта первая побѣда послѣ 40-лѣтняго бездѣйствія, и въ самомъ преддверіи земли Обѣтованной, показала въ своемъ родѣ выразительнѣйшій итогъ именно долголѣтней выработки народнаго духа (въ школѣ продолжительнаго терпѣнія и упражненія въ перенесеніи всякаго рода трудовъ, лишеній и опасностей),—духа, возвысившагося теперь до той жизненной самобытности, безъ какой Израиль не могъ быть вполнѣ благополученъ даже въ землѣ, текущей молокомъ и медомъ. Въ избыткѣ и напряженіи всѣхъ силъ и способностей своихъ къ самостоятельному развитію началъ свободной общественности—подходитъ Израиль къ Іерихону, этому „окну" въ Обѣтованную землю, и на виду ея въ самой горячей и чистой благодарности приноситъ Іеговѣ жертву и устраиваетъ пиръ на прощанье воспитавшей его суровой пустынѣ и въ привѣтъ Обѣтованному наслѣдію, для котораго, наконецъ, онъ созрѣлъ вполнѣ и теперь готовился въ него вступить. Впрочемъ, еще разъ и наиболѣе ясно должна была обнаружиться необходимость вѣрности Іеговы, какъ условія нравственной мощи народа Божія; еще одна язва его должна была быть опознана, выведена наружу и исцѣлена прежде, чѣмъ ввести народъ въ землю, гдѣ

всякая невѣрность его Іеговѣ не должна была имѣть мѣста. Эту нравственно-очистительную роль можно признать въ печальной исторіи Валаама, характеристическою чертою которой является безучастіе во грѣхѣ лучшихъ силъ народа Божія (Числ. XXV, 6 и др.).

Между особенностями Іосифа въ передачѣ означенной исторіи прежде всего обращаетъ вниманіе—наименованіе Валаама „славнѣйшимъ того времени *волхвомъ*“ (*μάντις*, прорицатель по внѣшнимъ или другимъ признакамъ, въ отличіе отъ *προφήτης*, пророкъ въ собств. смыслѣ), хотя Іосифъ не чуждъ, впрочемъ, и того, чтобы видѣть въ немъ настоящаго пророка, злоупотребившаго своимъ пророческимъ даромъ. Нѣкоторое отличіе отъ Библіи и—вмѣстѣ—не столь непроизвольное дополненіе [1]) ея представляетъ то, что Іосифовъ Валаамъ, не имѣя ничего противъ навлеченія проклятія Божія на Израиля въ угоду Мадіаму, „самъ“ же и предлагаетъ царю перенести „kathedram“ этого пророчества на другое мѣсто (Библія—„Валакъ“). Дальнѣйшее поведеніе Валаама вполнѣ подтверждаетъ это соображеніе Іосифа, хотя Валаамъ по Библіи и не столь, повидимому, развязно предрасположенъ къ проклятію народа Божія, при всемъ желаніи угодить Валаку (упреки послѣднему за перемѣну мѣста). Съ точки зрѣнія Іосифа болѣе понятенъ пагубный совѣтъ Валаама, которымъ онъ услужилъ Валаку, и ввелъ Израиля въ блуженіе, лишившее его благословенія Божія. Іосифъ обстоятельнѣе излагаетъ этотъ совѣтъ, а равно и то, какимъ образомъ онъ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ Свящ. Писаніи (Числ. XXXI, 16; срв. XXV, 1, 2) лишь въ Апокалипсисѣ Іоанна совѣтъ этотъ приводится болѣе подробно: *Βαλαὰμ, ὃς ἐδίδασκε τὸν Βαλὰκ βαλεῖν σκάνδαλον ἐνώπιον τῶν υἱῶν Ἰσραήλ, φαγεῖν εἰδωλόθυτα καὶ πορνεῦσαι.* Іосифъ придаетъ ему и надлежащую мотивировку, указывая, что Валаамъ именно разсчитывалъ въ данномъ случаѣ склонить Израиля къ отпаденію отъ Бога своего (что, дѣйствительно, потомъ и случилось чрезъ посредство Мадіанитскихъ женщинъ), такъ какъ тогда только и возможно было одолѣніе Израильтянъ. Въ частнѣйшихъ подробностяхъ самой исторіи Мадіанитскаго происшествія Іосифъ близокъ къ повѣствованію Талмуда, который, впрочемъ, имѣетъ и свои характерныя особенности. Такъ, Мадіанитянки должны были вблизи лагеря Израильтянъ предложить на продажу по низкой цѣнѣ холсты [2]), которые эти очень любили. Въ числѣ средствъ къ совращенію указывается также и предложеніе вина [3]). Весьма сродни также повѣствованіе Іосифа съ представленіемъ дѣла по Chronicon Samaritanum [4]); многое, несомнѣнно, должно быть отнесено на долю собственной производительности Іосифа, какъ, напримѣръ, бойкая рѣчь къ Еврейскимъ юношамъ обольстительницъ - Мадіанитокъ, дѣлающая болѣе понятнымъ, что стали преступать законы даже и знатнѣйшіе изъ народа (Числ. XXV, 4). Рѣчь Моисея, обращенная къ собранію народа по данному поводу, и разсчитанная на покаянныя чувства,—наряду съ обычнымъ риторизмомъ, за-

[1]) Ranke. Weltgeschichte, III, 25 и 30.
[2]) въ Targ. псевдо-Іонае.—„пирожное“; Числ. XXIV: species panum dulciariorum
[3]) Synhedrin, Gemara, 106 a (у Coccejus, p. 412).
[4]) a. a. O. c. 4, p. 136.

ключаетъ нелишнее указаніе на жизнь Израильтянъ въ пустынѣ: „не то должно почитать прямымъ мужествомъ,—говорилъ, между прочимъ, Моисей,—чтобы брать верхъ надъ властію законовъ, а то, чтобы укрощать пагубныя вожделѣнія.... Весьма непристойно, что они, *живъ цѣломудренно въ пустынѣ*,—теперь, будучи, въ довольствѣ даютъ послабленіе страстямъ и „соблюденное въ скудости“ во время изобилія „теряютъ“. Встрѣтивъ дерзкое сопротивленіе и запальчивое препирательство Замврія [1]), въ глазахъ всего народа нагло и демонстративно предававшагося низкому пороку, противъ котораго возвышалъ свой голосъ Моисей,—послѣдній, боясь новаго возмущенія, рѣшается „стерпѣть“ на этотъ разъ наносимую ему обиду и „распускаетъ собраніе, не сказавъ слова“. Тѣмъ отважнѣе и ярче выступаетъ мужественная ревность (при этомъ бездѣйствіи [2]) вождя)—Финееса и „другихъ“ упоминаемыхъ Іосифомъ „юношей“, возревновавшихъ о чести и величествѣ Іеговы, оскорбляемаго низкимъ плотоугодіемъ развратниковъ. Въ результатахъ побѣды, одержанной надъ Мадіанитами, по опредѣленію суда Божія—за увлеченіе къ нечестію,—Іосифъ уклоняется отъ Библіи прежде всего въ томъ, что у него побѣдители оставляютъ въ живыхъ „только дѣвицъ“, а по Библіи—всѣхъ „женщинъ и дѣтей“, изъ числа коихъ уже послѣ Моисей (разгнѣванный за недостаточное отмщеніе отклонителямъ отъ Господа въ угожденіе Фегору) повелѣлъ избить „всѣхъ дѣтей мужескаго пола и всѣхъ женщинъ, познавшихъ мужа“; неточно передается и число воловъ, взятыхъ въ добычу (вмѣсто 72000)—52000;ословъ—60000 (вмѣсто 61000).

По непреложному опредѣленію суда Божія въ предѣлы земли Обѣтованной не долженъ былъ войти и самъ Моисей. Поэтому, приближеніе народа Божія къ этой землѣ (къ моменту вступленія въ нее) было, очевидно, приближеніемъ и послѣднихъ минутъ жизни и дѣятельности великаго вождя. Впрочемъ, кончина этого „друга Божія“ [3]) въ самомъ „наказаніи“ носила черты великаго предпочтенія, какого только могъ быть удостоенъ отъ Бога человѣкъ, удостоившійся еще при жизни лицемъ къ лицу бесѣдовать съ Нимъ. Іосифъ сообщаетъ своему повѣствованію объ этой кончинѣ еще болѣе трогательности, чѣмъ его первоисточникъ, хотя и уступаетъ ему въ большей естественности и простотѣ изложенія. Библейская поучительная пѣснь Моисея, которую онъ предложилъ народу предъ своею смертію, у Іосифа обращается въ цѣлую ораторскую рѣчь, въ которой, однако, не остается и слѣда отъ величественныхъ созерцаній, коими дышетъ оригиналъ пѣсни. Онъ допускаетъ Моисея привѣтствовать свою народную дружину не болѣе, какъ только „соратниковъ“ — *συστρατιῶται*. Въ основаніе своихъ притязаній на полное довѣріе и послушаніе предсмертнымъ завѣтамъ Моисей не только ссылается на свое предводительство, но и на то, что вообще человѣческой душѣ свойственно предъ смертію „со всякою добродѣтелію поддерживать дружество“—*διὰ τὸ τὰς ψυχὰς ἐπὶ τελευτῇ γινομένας μετ'*

[1]) Числ. XXV, 14—Зимри. Іосифъ согласенъ съ Midrasch.
[2]) срв. Числ. XXV, 4—5.
[3]) въ мѣс. Адаръ, согласно съ Талмудомъ, въ тракт. Kidduschin 38 a, Megilla 13b.

ἀρετῆς πάσης ὁμιλεῖν. Для вѣрнѣйшаго обезпеченія себѣ счастія и благополучія, онъ увѣщеваетъ народъ быть стражами и послушными исполнителями закона, какой онъ далъ имъ по волѣ Божіей. Поскольку они сдѣлаютъ это, могутъ разсчитывать и на попеченіе о нихъ Бога. Лучшими совѣтниками оставляетъ имъ Елеазара первосвященника, Іисуса, старѣйшинъ и начальниковъ колѣнъ (*ἥ τε γερουσία καὶ τὰ τέλη τῶν φυλῶν*). Онъ увѣщеваетъ ихъ также лучше обходиться съ будущимъ вождемъ, чѣмъ съ нимъ, который бо́льшимъ опасностямъ и оскорбленіямъ подвергался отъ своего народа, чѣмъ отъ враговъ. Если же они будутъ непослушны, то данную имъ землю снова потеряютъ, разсѣянные по всей вселенной: *καὶ σκεδασθέντες διὰ τῆς οἰκουμένης, πᾶσαν ἐμπλήσετε τὴν γῆν καὶ θάλασσαν τῆς αὐτῶν δουλείας* (IV, 8, 2). Послѣднее весьма понятно въ устахъ Іосифа, отображающаго въ данномъ случаѣ свое собственное время и современныя ему судьбы Израиля, при чемъ упоминаемая имъ здѣсь *οἰκουμένη*—очевидно—„orbis terrarum“ Римлянъ [1]). Тронутый общимъ плачемъ, Моисей и самъ проливаетъ слезы, хотя часто повторяетъ, что смерть—неизбѣжное подчиненіе повелѣнію Божію и закону природы. Затѣмъ, благодаря Бога за все, онъ всѣхъ проситъ оставить его, кромѣ Елеазара, Іисуса и старѣйшинъ, въ сопровожденіи коихъ онъ восходитъ на гору *Ἀβαρείς* близъ Іерихона [2]). Здѣсь отпускаетъ онъ также и старѣйшинъ, продолжая нѣкоторое время оставаться на глазахъ ихъ и народа; наконецъ, объятый нечаянно сшедшимъ на него облакомъ, онъ, обнимая Іисуса и Елеазара, пропадаетъ въ ущельи: *νέφους αἰφνίδιον ὑπὲρ αὐτοῦ στάντος, ἀφανίζεται κατά τινος φάραγγος* [3]). Іосифъ утверждаетъ болѣе рѣшительно, что хотя самъ Моисей написалъ въ священныхъ книгахъ о своей смерти,—однако, онъ сдѣлалъ это только изъ предосторожности, чтобы никто не сказалъ, что ради его добродѣтелей онъ восхищенъ къ Богу: *δείσας μὴ δι' ὑπερβολὴν τῆς περὶ ἀνὸν ἀρετῆς πρὸς τὸ θεῖον αὐτὸν ἀποχωρῆσαι τολμήσωσιν εἰπεῖν* (IV, 8, 48) [4]). Самая мысль о неумираніи Моисея позднѣе, вмѣстѣ съ другими преданіями объ обстоятельствахъ отшествія его къ Богу, вошла въ Талмудъ, гдѣ, между прочимъ, о Моисеѣ прямо говорится, что въ дѣйствительности онъ не умиралъ: „шесть было, коими не

[1]) Ranke. Weltgeschichte, III, 23.

[2]) Предсмертная бесѣда Моисея съ народомъ происходила, по словамъ Іосифа (ср. 137 ор. I, 3, 5), у Іордана, гдѣ нынѣ городъ Авила, окруженный пальмами (*Ἀρχ.* IV, 8, 1). У этого же мѣста, извѣстнаго также подъ именемъ Аве-Ситтимъ, или просто—Ситтимъ, былъ переходъ чрезъ Іорданъ.

[3]) Повѣствованіе о свѣтломъ облакѣ, которое, ослѣпляя взоры близъ стоявшихъ, сокрывало отъ нихъ отходящаго Моисея и мѣсто его погребенія, приводится также у Zephyrus'a въ „Catena in Pentateuchum latine versa“ изъ „Codex apocryphus“ (Fabricius. Cod. pseudepigr. v. T. II, 122). Совершенно подобное мѣсто приводится въ *λεπτὴ γένεσις* (Könsch. Das Buch der Jubiläen, стр. 272). По повѣствованію Chronicon Samaritanum, cui titulus est liber Josua (ed. Juynboll, c. 6, p. 139), при Моисеѣ оставались Іисусъ, Елеазаръ и старѣйшины до наступленія ночи; затѣмъ, они были отдѣлены огненнымъ столбомъ отъ Моисея, и книга прибавляетъ: „никто да не вывѣдываетъ чего либо о немъ, что ему послѣ того случилось“. (Ranke, 29 прим).

[4]) Подобное этому мнѣніе высказываетъ также R. Simeon, ссылаясь въ подтвержденіе возможности для Моисея—самому сдѣлать замѣтку о своей смерти (по Талмуду, авторомъ послѣднихъ 8 стиховъ Пятокнижія—Втор. XXXIV, 5—12 могъ быть Іисусъ Нав.) на то, что Моисей писалъ подъ диктовку Бога и писалъ именно все время, пока диктовалъ Богъ, при чемъ послѣднія слова писалъ въ слезахъ; Baba Bathra 15 a; Menachoth 30 a.

овладѣлъ ангелъ смерти: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей, Ааронъ и Маріамъ“—читаемъ въ тр. Baba Bathra [1]). Въ другихъ апокрифическихъ іудейскихъ писаніяхъ отъ I столѣтія нашей эры [2]) передаются споры добраго и злого ангеловъ о тѣлѣ Моисея и о вознесеніи пророка на небо. Объ участіи ангела при погребеніи Моисея говорится также въ тр. Sôta, въ гемарѣ котораго читаемъ [3]): docetur, quod Mosis exanime corpus impositum fuerat laciniis vestium divinae majestatis. Ministrantes angeli accinebant [4]). Mischnah этого же трактата гласитъ: [5]) „кто выше почтенъ, какъ Моисей, котораго похоронилъ [6]) совершенно единолично Самъ Богъ“. Въ нѣкоторомъ третьемъ мѣстѣ трактата то же самое передается въ видѣ „мнѣнія нѣкоторыхъ“, что Моисей не умиралъ: sunt qui dicant Mosem non mortuum [7]). О погребеніи ангелами, какъ объ „извѣстномъ“ въ предшествующихъ писаніяхъ, передаетъ таргумъ псевдо-Іонаѳана [8]). Въ таргумѣ ко Псалму LXVIII, 19 и къ величественной пѣсни с. I, В. 5 есть рѣчь о ascensio ad firmamentum. Въ Jalkut говорится: „Моисей не умеръ, но живетъ въ своемъ званіи“ [9]). Посредствующій моментъ взятія Моисея указывается въ слѣдующемъ интересномъ выраженіи: „не убійственныя руки ангела смерти,—Мой поцѣлуй восхищаетъ у тебя эту жизнь“ [10])! Rabboth и Midrasch предпосылаютъ этому моменту цѣлый разговоръ между Моисеемъ, Богомъ, добрымъ и злымъ ангелами, при чемъ Богъ призываетъ душу Моисея къ Себѣ такими словами: „Я вознесу тебя въ высшее небо, подъ Мой безсмертный тронъ съ Серафимами и Херувимами“!...

Въ заключеніе своего описанія смерти Моисея, Іосифъ останавливаетъ еще разъ вниманіе читателя на этой исключительной личности и произноситъ прочувствованный панегирикъ. Это былъ „мужъ, который разумомъ превосходилъ всѣхъ смертныхъ, сколько ихъ прежде ни было..., имѣлъ удивительный даръ слова, особенно когда говорилъ къ народу. Зналъ укрощать страсти свои такъ, что казалось—будто ни одной въ немъ не было, и самыя имена ихъ были извѣстны ему лишь по зрѣнію въ другихъ. Былъ такой военачальникъ, что могъ считаться между первѣйшими, и пророкъ, каковой едва ли болѣе изъ смертныхъ возстанетъ [11]), такъ что его изреченія могли почитаться изреченіями Самого Бога“... Продолжительность плача, коимъ Израиль почталъ своего законодателя и вождя, указывается несогласно съ Библіею—40 дней (30 дней, Втор. XXXIV, 8).

[1]) Hamburger. Real-Encyklop. für Bibel und Talm. 990 стр.

[2]) собранныхъ Fabricius'омъ (*ἀνάληψις Μωϋσέως*) и Uolkmar'омъ (assumptio Mosis).

[3]) XXXIII, 21.

[4]) Wagenseil, Sôta, c. 320.

[5]) IX, 1, 7.

[6]) Rabe, Uberzetzung der Mischnah, III, c. 170; ср. Wagenseil, Sôta c. 57.—Гемара, c. 316.

[7]) Wagens. c. 322 (Гемара I, LI).

[8]) Deuteronom. c. 34—Лон. Полигл. т. IV.

[9]) Hamburger. a. a. O. № 112.

[10]) Weil. Fragm. aus dem Talmud und den Rabb. II. c. 77.

[11]) Ср.: „Пророка возставлю изъ среды братій твоихъ“...

ГЛАВА II.

АРХЕОЛОГІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ КНИГИ.

§ 11. Іисусъ Навинъ и Судьи.

Αρχ. V—VI, 3; кн. Іисуса Навина, Судей, Рувь, 1 Цар. I—VIII.

Предводимые Іисусомъ Навиномъ [1]), Израильтяне вскорѣ послѣ смерти Моисея подходятъ къ границѣ земли Обѣтованной. По опыту предшествующаго раза, они считаютъ нужнымъ опять послать соглядатаевъ; на этотъ, впрочемъ, разъ не столько для того, кажется,—чтобы осмотрѣть „всю“ землю и достать свѣдѣнія о ея общемъ состояніи и богатствѣ, пригодности,—сколько для того, чтобы вывѣдать настроеніе жителей и въ чисто-стратегическихъ цѣляхъ добыть матеріалъ для начертанія плана военныхъ дѣйствій. Похожденія этихъ соглядатаевъ передаются Іосифомъ съ значительными особенностями. Такъ Раавъ, представляющаяся у него просто „содержательницею гостинницы“ (Биб. „блудница“), говоритъ, между прочимъ, соглядатаямъ, давая имъ пріютъ, что ей было знаменіе отъ Бога о предстоящей ея согражданамъ пагубѣ. Вмѣсто „верви червленой“, долженствовавшей служить для Іудеевъ при взятіи города условнымъ знакомъ неприкосновенности дома Раави, Іосифъ говоритъ объ „одеждѣ червленой“, и о повѣшеніи ея говоритъ не „у окна“, а „на вратахъ“ *(πρὸς τᾶν θυρῶν ἀνατείνασαν φοινικίδας)*. Весьма неточно и тенденціозно представлена также исторія чудеснаго перехода Евреевъ чрезъ Іорданъ. Рѣка лишь „обмелѣла“, а „не раздѣлялась“, какъ въ Библіи, такимъ образомъ, чтобы нижняя часть рѣки стекла вся, а верхняя остановилась стѣною и оставалась въ такомъ состояніи „дондеже скончаша вси людіе преходяще Іорданъ“. Что Іосифъ именно чуждъ подобнаго Библейскаго представленія дѣла въ настоящемъ случаѣ, ясно изъ того во 1-хъ, что у него весь

[1]) Характеристика его много напоминаетъ Моисееву, что, кажется, дѣлало Іисуса особенно достойнымъ преемникомъ Моисеевымъ въ глазахъ Іосифа: Іисусъ Навинъ обладалъ высокимъ разумомъ и имѣлъ несравненный даръ слова, когда говорилъ къ народу; неутомимъ въ трудахъ, неустрашимъ въ опасностяхъ, полезенъ во время войны мудрыми совѣтами и украшенъ добродѣтелями, во всякое время подкрѣплять общество могущими“... Продолжительность жизни и дѣятельности его—110 лѣтъ, изъ коихъ 40 сопутствовалъ Моисею и 25 управлялъ послѣ него,—дается согласно съ Seder Olam.

народъ раздѣленный по колѣнамъ, „шелъ черезъ рѣку, имѣя въ срединѣ женъ и дѣтей, чтобы быстрина рѣки ихъ не уносила“ *(δεδιὼς περὶ αὐτῶν μὴ βιασθεῖεν ὑπὸ τοῦ ῥεύματος)*; во 2-хъ, по вступленіи въ священную рѣку Ковчега Завѣта, вода, по выраженію Іосифа, лишь „умалилась“ настолько, что „самый песокъ показался, который, не будучи возмущаемъ затихшимъ теченіемъ рѣки, лежалъ на днѣ неподвижно“; такимъ-то образомъ, у него „всѣ смѣло начали чрезъ рѣку переправляться, узрѣвъ въ ней тотъ путь, который Богъ обѣщалъ для нихъ сдѣлать“; наконецъ, въ 3-хъ, когда народъ весь вышелъ на берегъ и священники изъ рѣки вышли *(ἐξῆεσαν οἱ ἱερεῖς)*, она возъимѣла „прежнее свое стремленіе“ и, когда опять умножилась водами *(ηὔξετο)*, вновь свойственную ей глубину получила *(τὸ ἴδιον ἀπελάμβανε μέγεθος)*. Такимъ образомъ, въ передачѣ Іосифомъ чудеснаго раздѣленія Іордана все сводилось лишь къ временному „оскудѣнію“, обмелѣнію Іордана,—чѣмъ Іосифъ—какъ и въ исторіи перехода черезъ Чермное море—разсчитывалъ на бо́льшее довѣріе своихъ языческихъ читателей, избѣгая также наводить ихъ на размышленія, неблагопріятныя съ точки зрѣнія общаго духа его сочиненія. Все, что̀ не особенно грозило этою опасностію, онъ старается, по крайней мѣрѣ, представить болѣе естественнымъ,—не замалчиваетъ совершенно и не извращаетъ настолько, чтобы съ намеками на чудесность не оставалось считаться. Дальнѣйшіе характерные образчики даннаго рода мы увидимъ сейчасъ же въ его описаніи завоеванія земли Обѣтованной. Такъ, камнеобразный градъ, рѣшившій Гаваонское сраженіе въ пользу Израильтянъ [1]), обращается у него просто въ градъ, крупнѣйшій обыкновеннаго *(χαλάζης καταφορᾷ μείζονος τῆς συνήθους)*, и чудесное продолженіе дня („Богъ продлилъ день“) едва упоминается съ простою отсылкою къ „писанію, соблюдаемому въ хранилищахъ храма“ [2]).

Время Судей Іосифъ болѣе склоненъ, кажется, относить къ числу мрачныхъ страницъ Библейской Исторіи. Это было время упадка общенароднаго духа и нравственности, и—вмѣстѣ—временемъ бѣдствій, за которыми, впрочемъ, Іосифъ не „прежде всего“ признаетъ воспитательное значеніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ это дается многими мѣстами Библіи. „Израиль... сдѣлалъ Хананеевъ данниками, но... не изгналъ ихъ (Суд. I, 28); Господь попустилъ это, „чтобы искушать ими Израиля, станутъ ли они держаться пути Господня и ходить по нему, какъ держались отцы ихъ, или нѣтъ (II, 22)“. Къ стыду Израиля опасенія оправдались: они „служили богамъ ихъ (пощаженныхъ народовъ—6 ст.), и сдѣлали... злое предъ очами Господа, и забыли Господа Бога Своего“ (7 ст). „И воспылалъ гнѣвъ Господень на Израиля, и предалъ ихъ въ руки... и служили сыны Израилевы... восемь лѣтъ“ (8 ст). „Тогда возо-

[1]) Іис. Нав. X, 11—больше было тѣхъ, которые умерли отъ камней града, нежели..... мечемъ.

[2]) Достойно замѣчанія, говоритъ Ranke, что также въ самой книгѣ I. Навина послѣднее обстоятельство передается не просто какъ фактъ, но какъ бы приводится только имѣющее его одно мѣсто изъ „книги Праведнаго“: „не такъ ли написано въ книгѣ Праведнаго?: и стояло солнце, остановившись посреди неба, и не спѣшило заходить въ почти законченный день“ (книга Праведнаго—Sepher hajjashar еще цитируется во II кн. Царствъ, I, 18 ст.).

пили... къ Господу, и воздвигнулъ Господь спасителя сыновъ Израилевыхъ, который спасъ ихъ“ (9 ст.), и т. п. нѣсколько разъ. Іосифъ болѣе „человѣкообразно“ понимаетъ эту трагедію на основѣ измѣны Іеговѣ, и въ числѣ причинъ бѣдствій Израиля полагаетъ „обогащеніе, разслабленіе, роскошь и сладострастіе Израиля, и—пожалуй—нѣчто въ родѣ „отвычки“ воевать послѣ предпочтенія войны съ Хананеями простому данничеству ихъ;—причины, какъ видимъ, шаблонныя, если можно такъ выразиться, обусловливающія вообще ослабленіе устоевъ и паденіе всѣхъ политическихъ и гражданскихъ обществъ, но въ данномъ случаѣ далеко недостаточныя. Указываетъ также Іосифъ и объективныя причины бѣдствій Израиля, ссылаясь на „исполиновъ“, которые, по причинѣ „чрезвычайной огромности тѣла и вида отъ другихъ людей весьма отмѣннаго“, представляли „страшное для глаза зрѣлище“ и кости которыхъ, показываемыя „донынѣ“, даютъ понятіе объ ихъ величинѣ, превосходящее „всякое вѣроятіе“.—Общій ходъ періода Судей передается Іосифомъ въ лучшемъ сравнительно порядкѣ и связности, чѣмъ отрывочный и разбросанный матеріалъ Библіи въ предѣлахъ этого періода. Характерныхъ отступленій отъ самаго смысла Библейскаго повѣствованія въ этомъ отдѣлѣ, равно и въ слѣдующемъ, значительно меньше и не такъ они унизительны для репутаціи Іосифа, какъ Библейскаго повѣствователя; но они важны иногда, какъ попытки, хотя не вездѣ удачныя—яснѣе представлять неясное, и отчетливѣе распредѣлять неупорядоченное и разбросанное въ тѣхъ мѣстахъ Библейскаго повѣствованія, гдѣ не входило въ его интересы распространяться и останавливаться на чемъ либо болѣе и ближе, чѣмъ оно нашло нужнымъ. Іосифъ не вездѣ мирится съ этимъ, и не удерживается предъ соблазномъ историка—все видѣть размѣщеннымъ на своемъ мѣстѣ, такъ чтобы получался одинъ цѣльный, связный и послѣдовательный разсказъ (хотя и ему не вездѣ удается сдѣлать это съ желательнымъ успѣхомъ).

Стремленіе къ бо́льшей послѣдовательности изложенія матеріала книги Судей замѣтно уже въ томъ, когда онъ прежде всего помѣщаетъ въ началѣ этого періода событіе XIX—XXI гл. Судей (повѣствованіе о позорномъ преступленіи Веніамитянъ). Нравственный упадокъ Израиля въ этомъ повѣствованіи Іосифа, по сравненію съ Библіею, выступаетъ менѣе ярко и характерно. Веніамиты просятъ лишь „жену“ левита ради ея красоты, между тѣмъ какъ Библія, повидимому, позволяетъ предположить здѣсь болѣе глубокое нравственное развращеніе Гивянъ, когда допускаетъ ихъ изъявлять свои гнусныя требованія въ такой формѣ: „выведи человѣка, вошедшаго въ домъ твой: мы познаемъ его“ (XIX, 23; срв. Быт. XIX, 5). Подобный же намекъ на развитіе среди Гивянъ гнуснаго Содомскаго грѣха дается въ дальнѣйшемъ увѣщаніи хозяина дома, этого второго Лота, который рѣшительно возвышаетъ голосъ противъ столь гнуснаго замысла и самоотверженно предлагаетъ на удовлетвореніе скотской похоти развратниковъ свою дочь—дѣвицу и наложницу гостя, лишь бы только они „съ человѣкомъ симъ“ не дѣлали этого „безумія“ (XXIV ст., ср. Лота—Быт. XIX, 8). Хотя то обстоятельство, что далѣе—по Іосифу—Гивяне силою берутъ жену и уводятъ къ себѣ, а по Библіи—старецъ выводитъ

имъ ее и они ругаются надъ нею,—какъ будто говоритъ въ пользу Іосифова мнѣнія о первоначальныхъ замыслахъ Гивянъ (только овладѣть женщиной), однако, не можетъ быть ничего невѣроятнаго и въ томъ, что развратники, не заводя дальнѣйшаго скандала, пользуются попавшеюся такъ легко въ ихъ руки добычею, и, быть можетъ, удовлетворенные ея молодостію и красотою, оставляютъ въ покоѣ „до времени“ жертву своего перваго требованія, а потомъ, когда нечистая страсть улеглась чрезъ естественное пресыщеніе, не было надобности въ иномъ скотоподобномъ ея удовлетвореніи. Объ отсовѣтованіи войны нѣкоторыми отдѣльными голосами, протестовавшими противъ „такой“ формы наказанія провинившихся Гивянъ, Іосифъ не говоритъ; несогласенъ съ Библіею онъ также въ показаніи числа воевавшихъ и убитыхъ: — число Веніамитянъ 25600, въ томъ числѣ 500 ободесноручныхъ (Биб. 700). Наконецъ, безъ особенныхъ основаній и нужды Іосифъ измѣняетъ ходъ событій, имѣвшихъ мѣсто послѣ грозной расправы съ Веніамитянами. Какъ извѣстно, такая расправа сопровождалась клятвою остальныхъ колѣнъ Израильскихъ не отдавать дочерей своихъ въ замужество за Веніамитянъ. Какъ ни поспѣшна и ни неразумна была такая клятва, высказанная въ гнѣвномъ состояніи,—она, хотя и повергла всѣхъ въ сожалѣніе о Веніамитянахъ (Суд. XXI, 15),—однако, не возбуждала и мысли о возможности ея нарушенія, въ виду ея необдуманности. Но если въ то время клятвопреступленіе въ глазахъ Израиля было гнусно даже въ призракѣ проекта, то Іосифъ не стѣсняется навязать тѣмъ временамъ позднѣйшія воззрѣнія своего времени. Прежде появленія мысли о казуистическомъ обходѣ клятвы дозволеніемъ Веніамитянамъ похищать дѣвицъ для замужества, Іосифъ выставляетъ „многихъ“ совѣтниковъ, которые, будучи воззрѣній на клятву именно Іосифовскаго времени, совѣтуютъ „не уважать“ оной въ данномъ случаѣ, какъ происшедшей отъ гнѣва, а не отъ разсужденія,—что клятвопреступленіе тогда не заслуживаетъ казни, когда случается *по нуждѣ*, но тогда, когда происходитъ отъ коварства и злобы. Подобныя сужденія о клятвѣ и клятвопреступленіи—повторяемъ—были невозможны въ то отдаленное время (быть можетъ, „Іефѳая“ можно выставить краснорѣчивѣйшимъ образчикомъ этого), хотя должны быть названы современными и вполнѣ симпатичными фарисею-Іосифу [1]).

Новое выраженіе стремленій Іосифа сгруппировать отрывочный и перемѣшанный матеріалъ книги Судей въ болѣе связное и разсортированное по своимъ частямъ цѣлое можно видѣть въ томъ, что онъ съ бо́льшею цѣлесообразностію относитъ къ началу изложенія періода сообщаемое въ XVIII гл. кн. Судей любопытное (и нѣсколько даже странное для конца періода) обстоятельство, что „въ тѣ дни колѣно Даново искало себѣ удѣла между колѣнами Израилевыми“ (Суд. XVIII, 1). Русскій переводъ Библіи пытается стушевать эту странность вставкою предъ словомъ „удѣла“—*полнаго*, представляя дѣло такъ, что Данитяне не заняли полнаго или сполна своего удѣла въ самомъ началѣ раздѣла, и именно потому, что такого полнаго удѣла ему не выпало. Совер-

[1]) Срв. Nedarim, 25b и 27b.

шенно неясно, почему колѣно Даново могло быть такъ обдѣлено при самомъ раздѣлѣ,—или даже если предположить, что оно не заняло только *сполна* свой удѣлъ, а лишь *часть* его,—неясно, отчего это могло произойти и впослѣдствіи заставить даже „искать“ себѣ удѣла, „гдѣ бы поселиться“. Весьма правдоподобно и просто объясняется это у Іосифа, который увѣряетъ, что Данитянъ вытѣснили именно изъ ихъ удѣла Хананеи, пощаженные при самомъ заселеніи удѣла въ первый раздѣлъ вопреки повелѣнію Божію, и теперь служившіе въ рукахъ Божіихъ орудіемъ къ увраченію Израиля. Параллельныя мѣста Библіи настолько не противорѣчатъ приведенному добавленію и разъясненію Іосифа, что даютъ право считать ихъ согласными въ общемъ съ его представленіемъ дѣла, вполнѣ объясняющимъ не столь понятную на первый взглядъ замѣтку объ исканіи удѣла послѣ раздѣла.

Не въ виду какого либо важнаго ущерба дѣлу, а просто въ подтвержденіе нелишній разъ, или ради иллюстраціи того, какъ мало точенъ и нестѣснителенъ Іосифъ въ показаніи чиселъ, мы не хотимъ пропустить безъ вниманія невѣрности цифръ Іосифа въ исторіи Адони-Везека и при исчисленіи войска Іавина. Несогласно съ Суд. I. 7—Адони-Везекъ продѣлываетъ свои варварскія операціи (отсѣченіе рукъ) надъ 72 побѣжденными имъ царями; въ указанномъ мѣстѣ Библіи, быть можетъ, и ради круглоты цифры упоминается лишь о 70. Сюда кстати можно присоединить указаніе на 30 сыновей Іаира вмѣсто 32—Суд. X гл., и время продолжительности его судейства 22—вмѣсто 23 Библіи. Что касается войскъ Іавина, то кромѣ и вмѣсто 900 колесницъ, два раза указываемыхъ въ Библіи (Суд. IV, 3, 13), Іосифъ усиляетъ армію этого царька Асоры до 10,000 конницы, 3000 колесницъ и 300,000 пѣхоты—цифры мало вѣроятныя и не имѣющія прямыхъ основаній въ Библіи. Изъ деталей битвы съ такимъ войскомъ Іосифъ отмѣчаетъ сильный дождь и градъ съ вѣтромъ, которые, поражая въ лице врага, много способствовали пораженію его слабѣйшими Израильтянами. Пѣснь Деворы (V, 4, 20) даетъ лишь весьма отдаленный намекъ на это явленіе; самое же описаніе сраженія не представляетъ даже и такого намека. Небезлюбопытна подробность, что „молоко“, которымъ Іаиль напоила Сисару (Суд. IV, 19), было кислое (*γάλα διεφθορός*), обладающее (у верблюдицъ) опьянѣвающими свойствами (*Арх.* V, 5, 4) и донынѣ представляющее наиболѣе распространенный напитокъ Арабовъ [1]).

Воспроизводя біографическія свѣдѣнія о Гедеонѣ, до призванія къ общественному служенію въ роли судіи, Іосифъ говоритъ о немъ, какъ о „знатномъ“ человѣкѣ. Прямыхъ данныхъ на это мы не находимъ въ Библіи; даже на основаніи Суд. VI, 15 есть возможность, повидимому, утверждать обратное. Нѣтъ, впрочемъ, никакихъ препятствій допустить и то, что приведенное мѣсто Библіи—какъ могъ толковать Іосифъ—имѣло въ виду собственно малолюдность Гедеонова колѣна и невнушительную юность призываемаго къ столь отвѣтственному служенію. Имя наложницы Гедеона—Друма— (Суд. VIII, 31 не названа) Іосифъ знаетъ, вѣроятно, изъ преданія. Въ числѣ результатовъ его

[1]) Nidda 55b.

побѣды надъ Мадіанитянами указывается на множество добычи—золота, серебра, одеждъ, верблюдовъ и прочаго скота.

Любопытно пониманіе исполненія знаменитаго Іефѳаева обѣта, даннаго имъ предъ отправленіемъ въ походъ на Аммонитянъ. Это, какъ извѣстно, одно изъ наиболѣе трудныхъ и неудоборѣшимыхъ мѣстъ для толкованія, раздѣляющее лучшихъ экзегетовъ всѣхъ временъ на два непримиримыхъ и соразмѣрно сильныхъ лагеря. Іосифъ примыкаетъ къ тому мнѣнію, что дочь Іефѳая дѣйствительно, по прошествіи 2 мѣсяцевъ, была заклана отцемъ во всесожженіе. Конечно, онъ, хотя и находитъ неизбѣжнымъ такой, а не иной исходъ для несчастнаго отца,—однако, не одобряетъ самаго его поступка. Іефѳай закалаетъ свою дочь „не разсуждая, что такое жертвоприношеніе и законами не позволено, и Богу неугодно, и, при томъ, неразмысливъ, какъ будутъ о немъ судить другіе, когда услышатъ о столь *странномъ* [1]) его поступкѣ“.

Въ жизнеописаніи Самсона прежде всего отличаетъ Іосифа отъ Библіи замѣчаніе о необыкновенной красотѣ супруги Маноя и *ревности* его къ ней, по нѣкоторымъ чертамъ весьма курьезной и умѣстной только развѣ для Шекспировскаго Отелло. Таково недовѣріе и подозрительность Маноя въ отношеніи къ супругѣ, когда она сообщаетъ ему о явленіи Ангелоподобнаго мужа, принесшаго ей радостную вѣсть о рожденіи отъ нея многообѣщающаго младенца. Маной, который—по Библіи—просто молится Богу, чтобы посланникъ Его снова удостоилъ ихъ своего посѣщенія и научилъ именно, что имъ дѣлать съ имѣющимъ родиться младенцемъ,—у Іосифа устраиваетъ цѣлую сцену ревности своей супругѣ, подозрѣвая ее ни болѣе ни менѣе какъ въ преступной связи съ показавшимся ей „ангелоподобнымъ“ незнакомцемъ,—правда, готовый сдѣлать снисхожденіе своей супругѣ въ томъ смыслѣ, что она, сама того не подозрѣвая, могла быть жестоко обманута и поругана какимъ-то хитрымъ злымъ человѣкомъ, принявшимъ на себя личину Божественнаго посланника, а отчасти готовъ былъ подозрѣвать супругу и въ завѣдомомъ извиненіи своего паденія, въ виду неизбѣжныхъ результатовъ онаго, разными благовидными выдумками. Это, кажется, побудило Іосифа заставить и *супругу* Маноя молиться о вторичномъ явленіи Ангела, и именно съ цѣлью — разсѣять его напрасныя и тяжелыя для невинной супруги подозрѣнія, между тѣмъ какъ въ Библіи говорится лишь о молитвѣ *Маноя* и совсѣмъ другого характера. Тенденціи Іосифа ближе отвѣчало и то, что онъ заставляетъ Ангела явиться *ему*, вмѣсто чего Библія говоритъ, что ангелъ является опять къ женѣ же, которая тотчасъ и бѣжитъ за своимъ мужемъ, ведя его къ вновь явившемуся незнакомцу. Сверхъ нашихъ ожиданій, въ бесѣдѣ съ послѣднимъ, Маной, повторяя то, съ какою цѣлію онъ желалъ вторичнаго явленія вѣстника,—ничѣмъ, однако, не выдаетъ своихъ подозрѣній на счетъ вѣрности своей супруги. Совѣты вѣстника въ первое явленіе о томъ, какъ имъ вести себя ради имѣющаго родиться отъ нихъ необыкновеннаго младенца,—Іосифъ,

[1]) Такъ называетъ его и Midrasch, Jalk. II, 68.

кажется, по недосмотру перепутываетъ, когда говоритъ, что вина и сикера не долженъ былъ *онъ* (Маной или Самсонъ) пить, по Библіи—и *она*, хотя въ дальнѣйшемъ (§ 4) Іосифъ самъ невольно согласуетъ это, когда говоритъ, что *она* „наблюдала все заповѣданное ей отъ Ангела". Въ описаніи дѣятельности Самсона заслуживаетъ вниманія только замѣчаніе Іосифа, что „избивъ враговъ ослиною челюстію, Самсонъ возгордился" (ср. Суд. XV, 16—18), и за это-то именно онъ вразумляется жаждой, отъ которой избавляется, принесши раскаяніе въ своей самонадѣянности. Личность Самсона Іосифъ признаетъ „по справедливости" достойною уваженія „какъ за невѣроятную силу и великодушіе, такъ и за *ненависть ко врагамъ* своимъ" (*τῆς ὀργῆς πρὸς τοὺς πολεμίους*). Его любовное обхожденіе съ развращенною женщиною, онъ убѣждаетъ, при этомъ, приписать свойственной всѣмъ людямъ слабости, и въ общемъ оставляетъ за нимъ право называться весьма добродѣтельнымъ. Замѣчаніе, что причиною или началомъ его несчастій было отступленіе отъ законовъ отечества своего къ обычаямъ иноплеменниковъ, имѣетъ свою параллель въ Sôta, гдѣ обращается вниманіе также на то, что Газа была мѣстомъ и его легкомыслія и его наказанія.

Въ исторіи Руѳи Іосифъ даетъ невѣрныя, или—лучше—неточныя хронологическія указанія во времени смерти Елимелеха и его сыновей. Руѳ. I, 4 въ связи съ предшествующимъ 3 стихомъ какъ будто не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Елимелехъ умеръ раньше, чѣмъ осиротѣвшіе его сыновья взяли себѣ женъ, съ которыми жили около 10 лѣтъ, и чрезъ эти-то 10 лѣтъ послѣ смерти Елимелеха они умираютъ, оставляя мать совершенно бездѣтною съ ея снохами въ чужой землѣ. Іосифъ не гонится за особенною точностію въ данномъ случаѣ, и говоритъ, что по прошествіи 10 лѣтъ жизни въ Моавитской землѣ *всѣ они* умерли въ *скоромъ* одинъ послѣ другого времени. Изъ обстоятельствъ жизни Ноэмини по возвращеніи въ родной край съ Руѳью Іосифъ намекаетъ на тяжелую подробность, что вдова и ея сноха (то же вдова) на первыхъ порахъ были вынуждены жить доброхотными даяніями добрыхъ сосѣдей, а также подчеркиваетъ любвеобильную заботливость Ноэмини о своей снохѣ, которой она оставляетъ кушанье, принесенное имъ сосѣдями, и въ свою очередь — подобныя же отношенія и снохи къ своей свекрови, которой Руѳь цѣликомъ оставляетъ кругу, полученную отъ Вооза (ср. Руѳ. II, 18).

Въ несовсѣмъ точной параллели съ Библіею, гдѣ Елкана, послѣ разрѣшенія неплодства жены своей Анны Самуиломъ, имѣетъ отъ нея еще 3 сыновей и 2 дочерей,—Іосифъ говоритъ о рожденіи „еще другихъ сыновей и 3 дочерей". Цѣль водворенія Самуила при скиніи Іосифъ опредѣленнѣе старается указать, поясняя, что,—препоручивъ отрока первосвященнику Иліи, Анна посвятила его „въ званіе пророка", каковое онъ и началъ отправлять по достиженіи 12-лѣтняго возраста. Весьма важны въ историческомъ отношеніи свѣдѣнія объ Иліи, бывшемъ въ то время первосвященникомъ. Въ лицѣ его первый изъ потомковъ Иоамара, младшаго сына Ааронова, получилъ первосвященство, послѣ линіи—Елеазаръ, Финеесъ, Авіезеръ, Вокій и Озисъ. Новая

первосвященническая линія, прервавшая, неизвѣстно почему, линію Елеазара, старшаго Ааронова сына, и перешедшая въ линію младшаго, — открывшись Иліемъ, послѣ Іосифа (Озисъ?), шла въ его племени до временъ Соломона [1]), который за участіе Авіаѳара въ дѣлѣ Адоніи опять возвратилъ эту высокую честь Елеазаровымъ потомкамъ въ лицѣ Садока [2]), поставленнаго царемъ вмѣсто Авіаѳара (3 Ц. II, 35). Удаленіе послѣдняго (3 Ц. II, 27) отъ священства Господня писатель Царствъ (1 Ц. II, 31—35; 3 Ц. II, 26, 27, 35; *Ἀρχ.* VIII, I, 3) разсматриваетъ какъ исполненіе словъ Господа, объявленныхъ въ наказаніе дому Илія въ Силомѣ.

Четырех-мѣсячный плѣнъ Кивота Божія (1 Ц. VI, 1—7 мѣсяцевъ) неодинаково передается у Іосифа и въ Библейскомъ повѣствованіи. Мучительные наросты, коими поразила Азотянъ, а затѣмъ и другихъ, отяготѣвшая рука Господня за плѣненіе великой Израилевой святыни, превращаются у Іосифа въ холеровидную болѣзнь—рѣзь въ кишкахъ, причинявшую лютѣйшія страданія, рвоту и мучительнѣйшую смерть. Такъ было въ 5 городахъ, изъ коихъ Аккаронъ и Газа Библіею упоминаются лишь въ параллельномъ мѣстѣ 1 Ц. VI гл. 17 ст.; въ спеціально же трактующей объ этомъ части повѣствованія Библія слѣдитъ за судьбою Ковчега лишь въ 3 городахъ—Азотѣ, Геѳѣ и Аскалонѣ. И только по исчисленію даровъ, принесенныхъ въ жертву повинности Господу, а также изъ 16 ст. VI гл. узнаемъ, что Кивотъ Завѣта побывалъ кромѣ вышеупомянутыхъ городовъ еще въ Газѣ и Аккаронѣ, и изъ послѣдняго именно города былъ препровожденъ въ предѣлы Израильскіе въ Веѳсамисъ. При этомъ, гибель 50,070 Веѳсамитянъ (1 Ц. VI, 19) за недостаточно благоговѣйное обхожденіе съ великой святыней Іосифъ ограничиваетъ почему-то всего 70-ю [3]); и не за „заглядываніе въ Ковчегъ" по побужденіямъ празднаго грѣховнаго любопытства, а за прикосновеніе „не въ священномъ санѣ" эти несчастные караются, пораженные отъ Бога молніею.

---

[1]) Илій, Финеесъ, Іохаведъ (у Іос. Іоахавъ), братъ его—Ахитувъ, Ахія (1 Ц. XIV, 3) Ахимелехъ (1 Ц. XXII, 12), и Авіаѳаръ.

[2]) За все время линіи Иоамаровой, потомки Елеазара, по свидѣтельству Іосифа въ другомъ мѣстѣ (*Ἀρχ.* VIII, 3) жили въ „приватномъ" состояніи; таковы именно: Іосифъ, смѣненный Иліемъ, Воккій, Іоаѳамъ, Мареоѳъ, Ароѳей, Ахитовъ и Садокъ (вмѣсто Іосифа I Пар. VI, 4, 5, 50, 51; I Езд. VII, 7, 5 имѣемъ Авишуа.

[3]) Вѣроятно, однако, самъ Іосифъ считалъ эту цифру менѣе точною, чѣмъ въ дѣйствительности. Едва ли при 70 только умершихъ онъ могъ сказать, что „всякій (т. е. въ городѣ) своего мертвеца оплакивалъ". Вообще, мнѣнія о числѣ умершихъ раздѣляются. Представители этихъ мнѣній—R. Abuha и R. Elieser насчитываютъ—одинъ 70 (какъ Іосифъ), другой 5000 павшихъ, ср. Sôta, 35b. По свидѣтельству ученаго Кеникотта, число 70 онъ нашелъ еще въ 2 манускриптахъ (Іуд. письма къ Вольтеру II ч. стр. 120). Вообще, ошибка въ данномъ мѣстѣ евр. текста несомнѣнна. Буквально это мѣсто тамъ стоитъ такъ: „Богъ поразилъ смертію 70 человѣкъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ"—выраженіе не имѣющее смысла (ibid.).

§ 12. „Цари" народа „Божія".

Арх. VI, 4—X, 8; книги Царствъ, Паралипоменонъ и Пророческія.

Ко второй половинѣ правленія Самуилова, когда въ этомъ помогали ему 2 его сына, сидѣвшіе—одинъ въ Веѳилѣ, другой въ Вирсавіи (1 Ц. VIII, 2 какъ будто *оба* въ Вирсавіи),—относится событіе, имѣвшее первостепенное значеніе для всей послѣдующей исторіи Израильскаго народа; это—перемѣна теократическаго образа правленія въ строгомъ смыслѣ на—такъ сказать—антропократическій, соблюдая параллель выраженій. Важность этой перемѣны не вполнѣ сознаетъ Іосифъ, и не вполнѣ понимаетъ Самуила въ его противодѣйствіи затѣѣ народа, представляя его огорченнымъ и обиженнымъ представленіями и притязаніями народа не въ виду измѣны Іеговѣ, Который Одинъ имѣлъ право называться и быть Царемъ Израиля, не за недовѣріе къ Его Промыслу, не за безчестіе, наносимое Его правленію этою просьбою,—а просто потому, что Самуилъ „по природѣ" не могъ сносить царскаго владычества, и напротивъ—имѣлъ склонность къ „правленію вельможей", т. е. аристократическому, думая, что подъ онымъ общество удобнѣе можетъ приходить въ цвѣтущее состояніе. Именно по этому онъ даже не ѣлъ, ни пилъ и всю ночь тревожился, угрожаемый перспективою—не Боголѣпное промѣнять на человѣческое, а лишь лучшее на то, что было—если и не худшее—то не столь, по его мнѣнію, и лучшее. Въ соотвѣтствіе этому, и упорство народа доказывало не то, какъ глубоко пали Израильтяне, увлекаясь эфемернымъ величіемъ земныхъ царей и ради этой эфемерности желая видѣть ихъ на мѣстѣ Іеговы, а то лишь, какъ „трудно оставить предразсудокъ, особливо когда кто въ ономъ утвердился по долгомъ умствованіи". Здѣсь, такимъ образомъ, Іосифъ еще разъ доказываетъ намъ, что смысла этого новаго движенія въ народѣ Божіемъ и его преступности онъ (Іосифъ) совершенно не понималъ, или не хотѣлъ провести этого пониманія.

Въ обстоятельствахъ воцаренія Саула Іосифъ перемѣшиваетъ условный порядокъ встрѣчъ, которыя должны были, по слову Самуила, удостовѣрить Саула въ Божественномъ избраніи его на царство. На первомъ мѣстѣ (Библія на *второмъ*) онъ предсказываетъ встрѣчу трехъ мужей, изъ коихъ одинъ несетъ хлѣбы (*τρεῖς ἄρτους*), другой—козлище (*ἔριφον*—одно; Библ. „трехъ козлятъ"), и третій—мѣхъ вина. На второмъ мѣстѣ Іосифъ полагаетъ стоящую въ Библіи на первомъ—встрѣчу (у Рахилина гроба) человѣка (Библія—„двухъ") съ вѣстію о цѣлости ослицъ. Іосифъ знаетъ, затѣмъ, имя (Авинаръ) родственника (Библ. „дяди"), къ которому Саулъ со своимъ слугою заходятъ, возвращаясь домой послѣ предсказаній Самуила, при чемъ на пытливые разспросы его Саулъ не говоритъ ничего о царствѣ „опасаясь человѣческаго непостоянства и зависти". Нѣсколько иными побужденіями у Іосифа руководится этотъ царь-юноша, скрываясь въ обозѣ своихъ избирателей. Саулъ именно дѣлалъ это („какъ я думаю", выражается Іосифъ), не желая показать, что охотно приступаетъ къ царству (скромность, не чуждая, впрочемъ, іезуитства). Къ

прискорбію, при первыхъ же успѣхахъ оружія Саулова были сочтены и дни его царствованія [1]). Обладая болѣе многочисленнымъ войскомъ—400,000 да Іуды 30,000 (Библ. 1 Ц. XV, 4—200,000+10,000) противъ непріятельскихъ 300,000 пѣхоты, 30,000 колесницъ и 6000 конницы (Библ., XIII, 5—30,000 колесницъ и 6000 конницы и множество народа „какъ песокъ"), Саулъ разбиваетъ [2]) объявившихъ ему войну Филистимлянъ, но не побѣждаетъ себя послушаніемъ Богу, и оставляетъ въ живыхъ царя Филистимскаго [3]) (который и былъ собственно однимъ изъ главныхъ виновниковъ бѣдствій Евреевъ), предпочетши Божіей волѣ „красноличіе непріятеля" (XV, 9). Замѣчательна рѣчь, коею Самуилъ укоряетъ Саула за недостаточное выполненіе возложеннаго на него Божественнаго порученія. На благовидное оправданіе побѣдителя—сберечь лучшее изъ скота и добычи для жертвоприношенія Господу, Самуилъ, между прочимъ, возражаетъ Саулу: „можешь ли же помышлять теперь, чтобы Онъ милостивымъ окомъ воззрѣлъ на твое жертвоприношеніе, которое состоитъ изъ даровъ, опредѣленныхъ Имъ къ погубленію? Развѣ за равное почитаешь — „заклать Ему въ жертву" и „погубить" оныя?.... Знай же, что не тогда Богъ презираемъ бываетъ, когда не приносится Ему жертва, но тогда, когда кто глаголамъ Его являетъ себя непослушнымъ!"... При этомъ, Самуилъ „повелѣваетъ" лишить жизни Агага, между тѣмъ какъ, по Библіи, онъ тутъ же „собственноручно" закалаетъ его (XV, 33). — Преслушаніе Сауломъ воли Божіей юридически лишило его способности быть „царемъ по сердцу и волѣ Божіей", и вынудило Самуила искать новаго кандидата на царское достоинство, каковаго Богъ и указалъ ему въ лицѣ одного изъ сыновъ Іессея—Давида.

Въ обстоятельствахъ помазанія этого юнаго отрока на царство, Іосифъ упоминаетъ подробность, что, возливъ елей на Давида, Самуилъ „на ухо" объяснилъ ему, что это значитъ, увѣщавалъ любить и почитать истину, и *повиноваться* Богу, обѣщая за то благополучное царствованіе и славу, побѣду на враговъ и потомство. Подобно тому, какъ и Саулъ, Давидъ, по полученіи Духа Божія чрезъ Самуила, „пророчествуетъ". Что касается Саула, то уныніе его, происходившее отъ отступленія Духа Божія, у Іосифа скорѣе представляется простою болѣзнію, и именно *врачи* (Биб. „слуги") рекомендуютъ или „прописываютъ" ему отъ этой болѣзни—гусли, которыми выпала честь „лечить" царя Давиду, отчасти за его искусную игру на этомъ инструментѣ, отчасти по особому устроенію Промысла Божія, предуготовлявшаго Давида въ преемники Саулу. Побѣда надъ Голіаѳомъ, одержанная безоружнымъ Давидомъ сверхъ всякаго ожиданія, была первымъ дѣятельнымъ шагомъ его къ трону, такъ какъ явила очевидные знаки благоволенія Божія къ юному храбрецу и пріобрѣла ему славу среди войска и народа, особенно въ виду необычайной силы и роста великана, противоборца Давидова: ростъ его былъ 4

---

[1]) 1051—1034 г. Niebuhr, 46 стр.

[2]) Образъ войны, по Іосифу,—кромѣ засадъ (XV, 5), тайные подкопы, стѣнобитныя орудія, томленіе голодомъ и жаждою и т. п.

[3]) Пощадилъ также Сикимитовъ за то, что они были въ родствѣ Рагуилу, тестю Моисееву (XV, 6).

лактя съ пядію (Биб. „шесть лакоть и пядь). Вооруженіе этого гиганта требовало сопровожденія „многихъ“ оруженосцевъ (хотя Библія, повидимому, признаетъ достаточнымъ „одного“). Результаты неожиданно — славной побѣды Давида надъ этимъ чудовищемъ Іосифъ полагаетъ для Филистимлянъ—въ паденіи 30,000 и вдвое большемъ количествѣ раненыхъ; для Голіаѳа—отнесеніе головы его въ шатеръ Давида и посвященіе оружія Богу (Библія хотя наоборотъ—„главу Голіаѳа принесъ во Іерусалимъ, а оружіе положилъ въ шатрѣ своемъ,—1 Ц. XVII, 54,—однако, XXI, 9 не только не противно мнѣнію Іосифа, но и прямо подтверждаетъ оное);—для Давида—возвышеніе изъ оруженосцевъ въ тысяченачальники (въ надеждѣ, впрочемъ, на гибель его въ войскѣ, чего желать сталъ теперь Саулъ, считавшій себя небезопаснымъ отъ Давида). Опасное порученіе, разсчитанное на пораженіе Давида,—доставить въ угоду безумной ревности царя 100 краенеобрѣзаній Филистимскихъ, Іосифъ увеличиваетъ количественно, но смягчаетъ въ качественномъ отношеніи, поправляя ихъ на „600 головъ“ непріятельскихъ (1 Ц. XVIII, 27; 2 Ц. III, 14—„200 краенеобрѣзаній принесъ Давидъ“, хотя требовалось 100, усугубляя свою готовность жертвовать ради царя),—которыя Давидъ и добываетъ со слугами своими „при помощи Божіей“.—Непонятный на первый взглядъ и столь странный способъ, которымъ Мелхола выручаетъ Давида въ неминуемой опасности отъ подосланныхъ Сауломъ убійцъ, у Іосифа выступаетъ яснѣе въ своей цѣлесообразности и вѣрности (1 Ц. XIX, 13: отпустивъ Давида, Мелхола взяла статую и положила на постелю, а въ изголовье ея положила козью кожу, и покрыла одеждою, а подосланнымъ отъ Саула убійцамъ сказала: „онъ боленъ“! Тогда Саулъ велѣлъ даже принести его къ себѣ на постелѣ, чтобы убить его. И пришли слуги, и вотъ на постелѣ статуя, а въ изголовьѣ ея—козья кожа). Проникая ближе въ намѣренія находчивой Мелхолы, Іосифъ разъясняетъ, „что козья печень“, положенная ею „подъ одѣяло“, „трепетаніемъ своимъ приподнимая послѣднее, придавала видъ тяжело-дышущаго человѣка“, и эта иллюзія, удачно придуманная (если бы только отдѣленная отъ животнаго печень дѣйствительно могла обладать такими свойствами!) на случай недовѣрія слугъ и царя къ сообщенію, что Давидъ боленъ, помогла ввести въ заблужденіе убійцъ и самого царя, а тѣмъ самымъ и выиграть по возможности то время, какое нужно было для того, чтобы Давидъ успѣлъ „замести“ всѣ слѣды своего побѣга. Любопытна подробность, что Іонаѳанъ, защищая друга своего предъ отцемъ, проситъ и себя отпустить къ Давиду, осуществленіе чего, однако, не видно изъ дальнѣйшаго, да едва ли и самая эта просьба была возможна на дѣлѣ. Зайдя по пути въ Номву къ Ахимелеху первосвященнику, Давидъ беретъ у него мечъ Голіаѳовъ, посвященный имъ въ Скинію, о чемъ въ подлежащемъ мѣстѣ Библіи не было упомянуто, но не вопреки ей отмѣчено Іосифомъ. Несчастное происшествіе съ Ахимелехомъ, безвинно зачисленнымъ въ число соучастниковъ Давида послѣ этого посѣщенія имъ Скиніи, передано своеобразно. Не точны, разумѣется, разговоры Саула съ Веніамитянами, упрекнутыми въ укрывательствѣ козней Давида и Ахимелеха, хотя основательны доводы послѣдняго, старавшагося оправдать себя въ пріемѣ Давида незнаніемъ его дѣйствительнаго положенія и высокимъ почетомъ, какимъ доселѣ былъ отличаемъ этотъ вѣрнѣйшій изъ рабовъ и зять царя. Вмѣсто цифры 85 еврейскаго оригинала и 305 греческаго для обозначенія количества избитыхъ Сауломъ послѣ этого дознанія священниковъ, Іосифъ показываетъ 300, добавляя, что въ настоящемъ варварскомъ повелѣніи Саула можно усматривать исполненіе кары Божіей надъ домомъ Илія, что Библіею усвояется лишь событію окончательнаго отнятія первосвященства отъ дома Иліина (при Соломонѣ) и возвращенія онаго снова Елеазаровой линіи (см. выше; 3 Цар. II, 27, 35).

Въ то время, какъ Давидъ пользовался гостепріимствомъ Анхуса, царя филистимскаго, и укрывался у него отъ Саула, умеръ Самуилъ, эта наиболѣе свѣтлая личность за весь періодъ Судей (по Іосифу: „казалось, самою природою былъ произведенъ для защиты истины и для добра всякому“). Это было, по Іосифу, черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Илія, при чемъ указанные годы слагаются у него изъ 12-лѣтняго единоличнаго правленія народомъ въ званіи судіи послѣ Илія, и 18-лѣтняго съ Сауломъ, т. е., слѣдовательно, смерть Самуила предварила 22-мя годами смерть Саула, царствовавшаго 40 лѣтъ (2 Ц. II, 10; Дѣян. XIII, 21). Послѣднее обстоятельство, между прочимъ, довольно понятнымъ дѣлаетъ то, что Аэндорянка, вызывавшая, по просьбѣ Саула, старца, умершаго 22 года назадъ, не знала и не сама собою узнала вызваннаго. Впрочемъ, она не знала или не узнала также и Саула, пока не извѣстилась объ этомъ—неизвѣстно какъ—отъ Самуила. Самое искусство (*τέχτη*) волшебницы Іосифъ понимаетъ выше какихъ-либо обыкновенныхъ гаданій, терминируя его словомъ „*μαντεύεσθαι*“ (LXX называютъ эту волшебницу *ἐγγαστρίμυθος*, гадающая по внутренностямъ), и расточаетъ ей усердныя похвалы за „отмѣнное добролюбіе ея души“. Разсказавъ, затѣмъ, пораженіе и гибель Саула, Іосифъ останавливается и на его замѣчательной личности, какъ это имѣетъ обыкновеніе дѣлать вездѣ, подводя итоги всѣмъ болѣе или менѣе замѣчательнымъ въ исторіи своего народа мужамъ. Въ Саулѣ онъ отмѣчаетъ особенными похвалами мужество, благоразуміе и истинное геройство сего царя, проявившіяся, между прочимъ, въ томъ, что онъ, хотя зналъ о погибели своей и своего семейства, однако, изъ любви къ собственной жизни не хотѣлъ предать врагамъ своего отечества (воинства) и опорочить величія царскаго [1]).

Послѣ трагической кончины перваго царя Израильскаго [2]), двоецарствіе продолжалось недолго (2 года). На сторонѣ Давида (1034—994 г.) стоялъ пока только домъ Іудинъ. Но вскорѣ же, и тотъ же Авениръ, который вначалѣ склонилъ было всѣхъ остальныхъ Евреевъ пристать къ Іевосѳею, преемнику Саулову, увѣщеваетъ потомъ всѣхъ признать царемъ Давида, достигая цѣли въ обоихъ случаяхъ—благодаря репутаціи мужа благоразумнаго и весьма любимаго народомъ, что, дѣйствительно, одно только и могло дать такой успѣхъ дѣйствіямъ одного человѣка (2 Ц. II, 8—9; III, 12 и д.). Вотъ почему понятно и то, какъ искрення и глубока была скорбь Давида, громко плакав-

[1]) Мѣсто погребенія Саула на Арурѣ, — Библ. „подъ дубомъ въ Іависѣ“ (1 Ц. XXXI, 13).

[2]) † 1034 г.

шаго надъ гробомъ этого вліятельнаго вельможи, когда его сразила предательская рука Іоава, подъ предлогомъ отмщенія за брата Азаила, убитаго Авениромъ (2 Ц. III, 27), а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы избавиться отъ столь опаснаго соперника въ военачальствѣ и предпочтительной чести у своего государя. Въ лицѣ убитаго Давидъ оплакивалъ одного изъ тѣхъ славныхъ своихъ сподвижниковъ, ради коихъ много покоилась на Давидѣ особенная любовь и приверженность всего народа; хотя въ глазахъ послѣдняго и теперь Давидъ ничего не потерялъ, а даже выигралъ, проявивъ такое трогательное участіе къ убитому не по винѣ самого царя [1]). Еще болѣе обнаружилъ благородство и возвышенность своей истинно-царской натуры Давидъ при извѣстіи объ убіеніи Іевосѳея [2]), удерживавшаго большую часть неповиновавшагося еще Давиду народа. „Злодѣи!—восклицаетъ Давидъ царе-убійцамъ (имена ихъ у Іосифа—Ванаѳъ и Ѳаннъ; Библ.—Рихавъ и Баана, 2 Цар. IV, 2, 5, 9),—думали ли вы, что я перемѣнился и готовъ жаловать уже нынѣ преступниковъ,—что содѣянное вами беззаконіе сочту оказаннымъ мнѣ благодѣяніемъ?!“.. Само собою разумѣется, что убійцы понесли достодолжную казнь. Вѣрный своему, крайне странному обычаю—искажать цифры, Іосифъ даетъ неточное исчисленіе воиновъ, пришедшихъ въ Хевронъ передать Давиду царство Саулово по слову Господню (I Пар. XII, 23). Изъ сыновъ Левіиныхъ онъ указываетъ 4700, вмѣсто 4600 Библіи, къ которымъ сверхъ того здѣсь еще присоединяется 3700 пришедшихъ съ Іоддаемъ, княземъ отъ племени Ааронова; число Веніамитянъ—4000 (Библія 3000 и еще „стражи“); изъ колѣна Иссахарова 200 представителей—*προγινώσκοντες τὰ μέλλοντα*, при ополченіи въ 20,000 (Библ. 200 *γινώσκοντες σύνεσιν εἰς τοὺς καιρούς, γινώσκοντες τί ποιήσει Ἰσραὴλ εἰς τὰς ἀρχὰς αὐτῶν* и вся братія ихъ); Нефѳалимовцевъ—при 1000 вождяхъ безчисленное множество народа (при такомъ же количествѣ вождей—по Библіи—указывается 37,000 арміи этого колѣна); наконецъ, неточность въ исчисленіи войска колѣна Данова 27000, вмѣсто 28600 Библіи. Въ обстоятельствахъ осады будущаго града Давидова—Сіонской крѣпости Іевусеевъ примѣчательна маленькая подробность Іосифова повѣствованія, указывающая, что насмѣшкѣ надъ попыткою Давида завоевать крѣпость, считавшуюся неприступною, придано было Іевусеями болѣе рѣзкое и остроумное выраженіе. Іевусеи именно на самомъ дѣлѣ выставили на стѣну слѣпыхъ, хромыхъ и увѣчныхъ, послав сказать, что даже эти послѣдніе не допустятъ взять городъ (срв. 2 Ц. V, 6), выражая этимъ и свое крайнее презрѣніе къ Евреямъ, и чрезмѣрную надежду на неприступныя твердыни своей крѣпости. Тѣмъ блистательнѣе, слѣдовательно, было и проявилось геройство и храбрость войскъ Давида, когда не устояла предъ ними даже и такая твердыня, какъ Сіонъ, которымъ Іевусеи обладали 515 лѣтъ [1]), считая отъ Іисуса Навина. Существованіе этого города было небезъизвѣстно Гомеру, который, по словамъ Іосифа, зналъ его въ свое время подъ именемъ Солимы.

[1]) Въ высшей степени психологично и потому ненаучно замѣчаніе Іосифа, старающагося показать на примѣрѣ Іоава, на какія преступленія дерзаютъ люди для сниканія великихъ достоинствъ. Опасаясь потерять ихъ, они творятъ гнуснѣйшія преступленія, помышляя, что сноснѣе для ихъ честолюбія не достигнуть до такого величія, нежели, привыкнувъ къ выгодамъ онаго, напослѣдокъ его лишиться“. Это сколько общечеловѣчно, столь же ненепригодно, въ частности, при обсужденіи поступка Іоава.

[2]) Въ обстоятельствахъ этого убіенія особенность Іосифа въ томъ, что привратникъ дома, очищавшій пшеницу и усвувшій, обращается въ привратницу, погруженіе въ сонъ которой Іосифъ объясняетъ утомленіемъ отъ бывшей въ ея рукахъ работы и отъ дневного жара (2 Цар. IV, 6).

Въ описаніи дальнѣйшей дѣятельности Давида слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько случаевъ, показывающихъ, что Іосифъ не чуждъ подражанія или вообще сходства съ книгою Паралипоменонъ въ проведеніи іерархическихъ тенденцій, составляющихъ значительную особенность названной книги [2]). Когда, по завоеваніи Іерусалима, Филистимляне, сплотившись, согласились противиться Давиду, то извѣстно, что онъ—по 2 Цар. V, 19—вопрошалъ Бога, должно ли ему выйти на враговъ. Хотя этотъ случай не повторяется болѣе, но Іосифъ пользуется имъ, чтобы отмѣтить, что Давидъ ничего не отваживался дѣлать безъ пророчества или повелѣнія Божія. Съ другой стороны, царь у него не самъ, не лично направляетъ вопросъ къ Богу, но допускаетъ дѣлать это, какъ чрезъ посредствующую инстанцію,—первосвященника (*ἐκέλευσε τὸν ἀρχιερέα τί δοκεῖ τῷ Θεῷ, καὶ ποδαπὸν ἔσται τὸ τῆς μάχης τέλος, προλέγειν αὐτῷ*, VII, 4, 1). Другой случай, подобный первому по выдержанности іерархическихъ тенденцій, видимъ въ повѣствованіи о смерти Озы, умирающаго отъ простренія руки къ падавшему ковчегу. Оставшееся недостаточно вразумительнымъ въ первоизвѣстіи (2 Цар. VI, 6—7) Іосифъ поясняетъ, согласно съ позднѣйшимъ повѣствованіемъ (I Паралип. XV, 12—15), чрезъ прибавку, что Оза былъ не священникъ (*Арх.* III, 4, 2: *ὅτι μὴ ὢν ἱερεὺς ἥψατο ταύτης (τῆς κιβωτοῦ)*. Въ тѣхъ же видахъ Геѳеанинъ 2 Цар. VI, 11, а также I Пар. XIV, 13,—у котораго былъ оставленъ [3]) на время ковчегъ, послѣ непріятнаго приключенія съ Озой, превращается у Іосифа въ благочестиваго человѣка *левитскаго* происхожденія (*ἀνδρὸς δικαίου.... λευίτου τὸ γένος*, VII, 4, 2). Іосифъ, далѣе, допускаетъ переносить ковчегъ въ резиденцію Давида чрезъ священниковъ, о чемъ книги Царствъ не знаютъ. За то Паралипоменонъ даетъ нѣчто болѣе характерное, отказывая Озѣ не только въ священническомъ, но повидимому даже и въ левитскомъ достоинствѣ: Давидъ собираетъ сыновъ Аарона и множество левитовъ, и говоритъ имъ, что несчастіе, причиненное ковчегомъ, только потому

[1]) Это „второе“ взятіе Іерусалима (Суд. I, 8) поясняется лучше Флавіемъ. Въ указанномъ мѣстѣ „Судей“ говорится, что отвоевывая у Ханаанеянъ свои удѣлы, Іудино и Симеоново колѣна „взяли и Іерусалимъ“, при чемъ „поразили его мечемъ и предали огню“. Къ этой краткой замѣткѣ Флавій дѣлаетъ прибавленіе, что городъ взятъ былъ лишь послѣ осады, болѣе или менѣе продолжительной (*σὺν χρόνῳ*), но не весь, а только въ нижней своей части; для верхняго же города—по причинѣ крѣпости его стѣнъ и свойствъ мѣстности — Израильтяне не продолжали осады и отошли брать Хевронъ.

[2]) Ranke. Weltgeschichte, III, 34 стр.

[3]) Іосифъ прямо объясняетъ это тѣмъ, что Давидъ боялся, какъ бы не пострадать и ему, подобно Озѣ, если онъ приблизитъ къ себѣ ковчегъ (срв. I Пар. XIII, 12). И послѣдующее рѣшеніе его возобновить попытку перенесенія ковчега именно внушено было убѣжденіемъ въ неосновательности такой его боязни, при слухахъ о благословеніи дома Аведдара, ради ковчега.

произошло, что его касались „не левиты"; но теперь не долженъ никто касаться ковчега, кромѣ какъ только левиты, ибо это опредѣлено такъ Богомъ (I Пар. XV, 2—3, XII, 14 и 15).

Въ исчисленіи и поименованіи дѣтей Давида Іосифъ очень своеобразенъ и не даетъ также никакихъ критеріевъ для обсужденія законности и пріемлемости этого своеобразія, тѣмъ болѣе, что—какъ извѣстно—и сама Библія въ данномъ случаѣ не устанавливаетъ чего либо неизмѣннаго—общаго. Мы имѣемъ нѣсколько мѣстъ, приводящихъ число и имена сыновъ Давида, которыя очень небезлюбопытны въ одной параллели между собою и съ датою Іосифа.

Дѣти Давида, родившіяся въ Хевронѣ:

2 Цар. III гл. 2—5:	*I Пар. III, 1—4:*	*Ἀρχ. VII, 3, 3:*
1. Амнонъ (отъ Ахиноамы).	1. Амнонъ (отъ Ахиноамы).	1. Амнонъ (отъ Ахины).
2. Далуія (отъ Авигеи).	Далуія (отъ Авигеи).	Даніилъ (отъ Авигеи).
3. Авессаломъ (отъ Маахи).	Авессаломъ (отъ Маахи).	Авессаломъ (отъ Маханы).
4. Адонія (отъ Аггиѳы).	Адонія (отъ Аггиѳы).	Адонія (отъ Аггиты).
5. Сафатія (отъ Авиталы).	Сафатія (отъ Авиталы).	Геройса.
6. Іеѳераамъ (отъ Эглы).	6. Иѳреамъ (отъ Аглаи).	6. Гала.

Дѣти Давида, родившіяся въ Іерусалимѣ:

2 Цар. V, 14—15 евр.:	*ib. ст. 16 по LXX:*	*I Пар. III, 5 и д. евр.:*	*ibidem. по LXX:*		*Ἀρχ. VII, 3, 3:*
1. Самуа	1. Самаа	1. Симеа	1. Самаа	Впрсавш.	1. Амасъ
2. Совавъ	Совавъ	Совавъ	Совавъ		Емносъ
3. Наѳанъ	Наѳанъ	Наѳанъ	Наѳанъ		Еванъ
4. Соломонъ	Соломонъ	Соломонъ	Соломонъ		Наѳанъ
5. Ивехаръ	5. Іевааръ	5. Ивехаръ	5. Іевааръ		5. Соломонъ
6. Елисуа	Нафигъ	Елисама	Елисама		Іеваръ
7. Елфалетъ [1])	Іафіе	Елифалетъ	Елифалеоъ		Еліивъ
8. Ногахъ	Елисама	Ногахъ	Ноге		Фална
9. Нефекъ	Еліада	Нефекъ	Нефегъ		Иннафивъ
10. Іафіа	10. Елифалетъ	10. Іафіа	10. Іафіе		10 Іенае
11. Елисама	11. Елисуе.	Елисама	Елисама		Елифале
12. Елидае [2])		Елидае	Еліада		12. Ѳамарь (дочь).
13. Елифалеоъ.		Елифелетъ	Елифалатъ		
		14. Ѳамарь (дочь).	14. Ѳамарь (дочь).		

Изъ приведенной таблицы наглядно видна прежде всего крайняя неодноименность [3]) и даже неравночисленность семьи Давида по различнымъ датамъ.

[1]) Срв. I Пар. XIV, 4, 7.
[2]) II Пар. XIV, 7 имѣетъ *Вееліада.*
[3]) Объясненіемъ этой неодноименности отчасти можетъ служить то обстоятельство, что одно и то же лицо, по обычаю Евреевъ, могло носить нѣсколько именъ.

Затѣмъ, принимая во вниманіе, что въ III гл. I Пар. 9 ст. писатель, приведя имена сначала Хевронскихъ—6, а затѣмъ остальныхъ 13 дѣтей Давида, заключаетъ все слѣдующимъ образомъ: „вотъ всѣ сыновья Давида, кромѣ сыновей отъ наложницъ";—мы должны констатировать, что всѣ упомянутыя дѣти Давида были „законны", и что кромѣ нихъ были у него еще и „незаконныя" дѣти (отсюда слѣдуетъ также, что законныхъ женъ у Давида было нѣсколько (срв. 2 Ц. V, 13) ибо всѣ изъ Хевронскихъ 6 дѣтей его родились ему отъ 6 разныхъ матерей, и сама Библія, называя этихъ дѣтей законными, не включаетъ, очевидно, ихъ матерей въ число Давидовыхъ наложницъ). Что касается Іосифа, то—при крайней своеобразности—онъ, вѣроятно, и менѣе достовѣренъ, чѣмъ Библія. Его Іерусалимская Давидова семья представляетъ изъ себя какую-то выборку изъ общаго числа дѣтей Давидовыхъ, коихъ, набравъ числомъ 11, онъ 9 называетъ законными и 2 приписываетъ наложницамъ.

Отмѣтимъ нѣсколько неточностей въ исторіи междоусобной войны Давида съ Авессаломомъ [1]). Сообщникъ Амнона въ совершеніи имъ гнуснаго кровосмѣшенія съ сестрою Авессалома, причинившаго потомъ цѣлый рядъ непріятностей Давиду, названъ Ἰωνάθης (2 Цар. XIII, 3 — Іонадавъ). Не совсѣмъ мирится, затѣмъ, съ самимъ Іосифомъ и Библіею его показаніе, что Давидъ имѣлъ при сраженіи съ Авессаломомъ—4000 воиновъ. Если принять во вниманіе, что Іосифъ приписываетъ побѣду Давида бо́льшей силѣ его и искусству, съ другой стороны—число павшихъ въ этой битвѣ (по 2 Ц. XVIII, 7 и по Іосифу—20000 чел.); то мы должны принять одно изъ двухъ: или неточность и недостаточность цифры Іосифа въ исчисленіи воиновъ Давида, или—необходимость объяснить побѣду Давида не превосходствомъ въ силѣ, а какимъ либо другимъ, какъ напр., нравственнымъ, заключавшимся въ правотѣ его дѣла и небесной помощи; могло имѣть значеніе здѣсь и искусство, относимое Іосифомъ на сторону Давида, наряду съ силой. Новое уклоненіе отъ Іосифа въ показаніи цифры обнаруживается въ числѣ вельможъ Давидовыхъ—38 (Библ. 37—2 Цар. XXIII, 39; срв. I Пар XII, 26—47, а также 11 ст., 15 и 25) и особенно—въ обѣщаемой Іоавомъ за убіеніе Авессалома наградѣ (2 Цар. XVIII, 11—12). Приведенное мѣсто Царствъ имѣетъ такъ: „и сказалъ Іоавъ человѣку донесшему...: вотъ ты видѣлъ, зачѣмъ же ты не повергъ его тамъ на землю? Я далъ бы тебѣ 10 сиклей серебра и одинъ поясъ (Іосифъ—впятеро больше—*πεντήκοντα σίκλους).* И отвѣчалъ тотъ Іоаву: если бы положили на руки мои и 1000 сиклей (Іосифъ вдвое—*δισχιλίους)*....., и тогда я не поднялъ бы руки на царскаго сына", и т. д. Небезлюбопытно при описаніи кончины Авессалома упоминаніе о мраморномъ столбѣ Авессалома, въ 2 стадіяхъ отъ Іерусалима. Этотъ столбъ и былъ тѣмъ „памятникомъ въ царской долинѣ", которымъ Авессаломъ хотѣлъ увѣковѣчить свое имя, и гдѣ, вѣроятно, желалъ быть погребеннымъ (2 Ц. XVIII, 18).

[1]) Въ описаніи густоты его волосъ, Іосифъ повторяетъ фабулёзное преданіе, вошедшее въ Талмудъ (Nasir 4b), а именно, что волосы его, будучи острижены, принимали на 8-й день свой прежній роскошный видъ; быть можетъ, впрочемъ, онъ хотѣлъ сказать о 8 мѣсяцахъ, что ближе къ Библіи („каждый годъ" (2 Ц. XIV, 26)) и согласно съ латинскимъ переводомъ Іосифа.

Важныя особенности представляетъ повѣствованіе Іосифа въ обстоятельствахъ переписи народа, затѣянной Давидомъ въ тщеславныхъ цѣляхъ и накликавшей новый гнѣвъ Божій на увлеченіе царя. Грѣхъ переписи, по Іосифу, состоялъ прежде всего въ забвеніи заповѣди Моисея, предрекшаго въ свое время, чтобъ при исчисленіи народа за каждаго человѣка принесено было по $^1/_2$ сиклю Господу (Исх. XXX, 12). Извѣстно, далѣе, что Іоавъ (I Пар. XXI, 6) при исполненіи повелѣнія царя не исчислилъ левитовъ и Веніамитянъ, потому, какъ говоритъ Библія, что „не хотѣлъ“, ибо ему не угодна была эта царская затѣя. Іосифъ иначе толкуетъ указанное упущеніе Іоава: этотъ послѣдній, по Іосифу, лишь „не успѣлъ“ сосчитать Веніамитянъ, а Левіино колѣно вынужденъ былъ и вовсе оставить, въ виду того, что царь уже раскаялся. Въ итогахъ Іоавовой переписи Іосифъ по обыкновенію не точенъ, какъ неточна, впрочемъ, въ соотвѣтствующихъ параллельныхъ мѣстахъ и сама Библія. Вотъ параллели, по которымъ очевидны всѣ эти неточности:

2 Цар. XXIV, 9:	*1 Пар. XXI, 5:*	*Іосифъ:*
800,000 Израильтянъ, способныхъ къ оружію, и 500,000 Іудеевъ.	Всѣхъ Израильтянъ тысяча тысячъ и 100,000 обнаж. мечъ; Іудеевъ — 470,000 (LXX—480,000) обнаж. мечъ.	900,000 всѣхъ Израильтянъ, могущихъ носить оружіе; 400,000 колѣна Іудина.

Характеръ сужденій Іосифа относительно мотивовъ, коими руководился царь при избраніи казней, предложенныхъ ему въ наказаніе, обличаетъ казуистическій методъ Вавилоно-Палестинской школы, которой, несомнѣнно, слѣдовалъ въ данномъ мѣстѣ Іосифъ (Jalk. II, 165) [1]. Не голодъ избираетъ царь, ибо было бы несправедливо, когда онъ не имѣлъ бы нужды въ хлѣбѣ, а народъ голодалъ;—не войну, ибо и она также для него лично безопасна, но—моръ, какъ общее и царямъ и подданнымъ бѣдствіе, которое всѣмъ равно опасно. Что касается Іосифова описанія язвы, то оно не лишено у него фантастичности: „различнымъ умирали образомъ,—читаемъ у него,—и никто не могъ опредѣлить рода смертоносной болѣзни... Иные нечаянно... съ болѣзнями и мученіемъ испускали духъ; другіе страдали дольше, не поддаваясь леченію. Иные, лишаемые зрѣнія, рыдали; иные, погребая своихъ, сами лишались жизни“... О гумнѣ Орны *(Ὀρουνᾶ)*, являющагося въ числѣ особенныхъ Давидовыхъ обожателей *(ἐν τοῖς μάλιστα Δαυΐδου)* изъ пощаженныхъ имъ при завоеваніи Іерусалима Іевусеянъ, Іосифъ замѣчаетъ, что оно было расположено на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Авраамъ хотѣлъ заклать Исаака, и гдѣ Давидъ нашелъ поэтому особенно приличнымъ воздвигнуть жертвенникъ Іеговѣ [2]. О томъ, что видѣніе Ангела съ обнаженнымъ мечемъ имѣло мѣсто „надъ гумномъ“ Орны, и что, между прочимъ, и *это* было основаніемъ для построенія здѣсь жертвенника, Іосифъ не сообщаетъ, хотя и упоминаетъ объ означенномъ видѣніи;

[1]) Bloch, 49 стр.
[2]) Въ виду также нарочитаго повелѣнія Божія объ этомъ—чрезъ пророка Гада.

при этомъ, также онъ допускаетъ покупать гумно не за 600 сиклей золота, какъ I Пар. XXI, 25, а лишь за 50 сиклей серебра, какъ 2 Цар. XXIV, 24.

Начало храма, который задумалъ построить потомъ здѣсь Давидъ, но который опредѣлено воздвигнуть Соломону, положено, однако, было уже при Давидѣ. Прежде всего, онъ старался облегчить нелегкую задачу своего сына заблаговременнымъ подборомъ рабочихъ и заготовкою всего необходимаго для сооруженія храма—матеріала. По кликнутому кличу, собралось къ мѣсту строенія 180,000 пришельцевъ, изъ коихъ 80,000 сдѣланы были каменотесцами, 3500 приставниками и остальные каменоносцами [1]). Масса золота, серебра, мѣди, желѣза и др. матеріаловъ заготовлено было Давидомъ для будущаго храма: 10,000 талантовъ золота и 100,000 серебра [2]), а также множество мѣди, желѣза, дерева, мрамора и разныхъ камней [3]). Желая болѣе одушевить самого Соломона и расположить старѣйшинъ къ усерднѣйшей ему помощи, Давидъ говоритъ тому и другимъ—одушевленныя рѣчи, призывая употребить всѣ силы и усердіе въ высокой почести строителей храма Божія. Сверхъ всего этого, Давидъ собираетъ штатъ левитовъ (до 23000) [4]) для прислуживанія въ будущемъ храмѣ, и дѣлаетъ потомковъ Моисея стражами Божіихъ сокровищъ и даровъ царскихъ. Самые чертежи храма составлены были при Давидѣ и вручены отъ него Соломону при предсмертной къ нему рѣчи. Давидъ же завязалъ сношенія и съ Хирамомъ, царемъ Тирскимъ, расположивъ его къ дружескому пособію Соломону и къ одолженію кедровыхъ деревьевъ для воздвигаемаго храма. Обезпечивъ, такимъ образомъ, успѣхъ будущаго славнаго подвига своего сына, Давидъ спокойно отходитъ изъ этого міра. Характеристика, которую даетъ ему Іосифъ (по своему обычаю)—сказавъ о его смерти, отмѣчаетъ его какъ мужа „превосходныхъ качествъ“, одареннаго „всѣми доблестями, потребными царю“: „мужественъ превосходнѣе всѣхъ“, первый въ битвахъ подвергался опасности, и „не столько властію, сколько личнымъ примѣромъ поощряя къ храбрости“; „въ управленіи весьма разсудителенъ и проницателенъ“; „цѣломудренъ, кротокъ, милостивъ къ несчастнымъ, справедливъ и человѣколюбивъ, исключая касающагося до Уріи“; „богатство оставилъ такое, какое ни одинъ царь, не только Еврейскій, но и всякій“. Иллюстрируя баснословные размѣры этого богатства, положеннаго Соломономъ въ гробницу почившаго, Іосифъ приводитъ два анекдотичныхъ извѣстія о раскрытіи означенныхъ сокровищъ; по первому изъ нихъ [5]), черезъ 1300 лѣтъ первосвященникъ Ирканъ, осаждаемый Антіохомъ Благочестивымъ, сыномъ Димитріевымъ,—между прочимъ, избавился отъ осады, вскрывъ одно изъ отдѣленій Давидовой гробницы и воспользовавшись 3000 талантами, чтобы откупиться ими отъ Антіоха. Подобное же похищеніе изъ „другого отдѣленія“ повторилъ Иродъ, взявъ „несмѣтныя сокровища“. Но „они ещѣ не достигали самыхъ гробовъ царскихъ,

[1]) 3 Цар. V, 15 и 16—70,000 носильщиковъ, 80,000 каменосѣчцевъ и 3300 начальниковъ; II Пар. II, 2 ст.,—надзирателей 3600; 17 стихъ—„всѣхъ пришельцевъ“—153600.
[2]) I Пар. 22, 14—100,000 золота и тысяча тысячъ серебра.
[3]) Ἀρχ. VII, 14, 2; ib. 10; срв. I Пар. 29, 4 и далѣе; I Пар. 22, 14.
[4]) I Пар. XXIII, 3—38000.
[5]) См. далѣе, въ соотв. мѣстѣ.

искусно скрытыхъ хоронившими"—добавляетъ Іосифъ, повторяя народное преданіе о погребенныхъ съ Давидомъ [1]) несмѣтныхъ сокровищахъ.

Преемникъ Давида, славный и могущественный Соломонъ [2]) выступаетъ въ повѣствованіи Іосифа подъ ореоломъ особеннаго, безпримѣрнаго величія, благодаря, между прочимъ, одной чертѣ въ характеристикѣ этого „превосходившаго разумомъ и мудростію всѣхъ смертныхъ" („даже Египтянъ") царя,—чертѣ, баснословной не по существу, а по условіямъ ея проявленій: разумѣемъ—чудотворность, приписываемую Соломону въ изгнаніи злыхъ духовъ, что Іосифъ также называетъ „наукою", открытою Соломону свыше для пользы и врачеванія людей (*παρέσχε δ' αὐτῷ μαθεῖν ὁ Θεὸς καὶ τὴν κατὰ τῶν δαιμόνων τέχνην εἰς ὠφελείαν καὶ θεραπείαν τοῖς ἀνθρώποις*). Владѣя этою наукою, Соломонъ сочинилъ, какъ повѣствуетъ Іосифъ, „обаянія", коими „умягчаются жестокости болѣзней", оставилъ „способы заклинаній", чрезъ которыя „связываются и изгоняются бѣсы такъ, что никогда опять туда же возвратиться не могутъ". Но особенно странно то сообщеніе Іосифа, что „этотъ родъ врачеванія" и „донынѣ у насъ въ великой силѣ" (*καὶ ἄυτη μέχρι νῦν παρ' ἡμῖν ἡ θεραπεία πλεῖστον ἰσχύει*). „Я самъ видѣлъ,—свидѣтельствуетъ онъ,—одного изъ моихъ соотчичей, именемъ Елеазара, въ присутствіи самого Веспасіана и сыновъ его, также при многихъ тысяченачальникахъ и воинахъ исцѣлявшаго страждущихъ злыми духами". Вотъ „способъ его врачеванія: прилагалъ онъ къ ноздрямъ бѣснующагося перстень, въ печати коего врѣзана была часть показаннаго Соломономъ корня, обоняніе котораго и извлекало изъ ноздрей бѣса. Потомъ, когда бѣснующійся упадалъ на землю, заклиналъ злого духа, чтобы никогда въ человѣка того не возвращался, при каковомъ заклинаніи произносилъ имя Соломоново и прочитывалъ составленныя отъ него заклинательныя формулы". Наконецъ, желая увѣрить предстоящихъ лучше въ силѣ своего искусства, экспериментаторъ „ставилъ неподалеку отъ бѣснующагося стаканъ или другой сосудъ, наполненный водою, и повелѣвалъ бѣсу, чтобы онъ, исходя изъ человѣка, опрокинулъ его и тѣмъ ясно доказалъ, что онъ дѣйствительно оставилъ человѣка". И какъ это на самомъ дѣлѣ исполнялось, то „всѣ предстоящіе увидѣли, сколь велика была Соломонова премудрость", возвеличеніе которой такъ мало нуждалось въ подобныхъ нелѣпостяхъ,—вѣроятно, представляющихъ грубѣйшее извращеніе [3]) христіанскихъ чудесъ того времени, свидѣтелемъ коихъ, дѣйствительно, могъ быть Іосифъ (см. особенно любопытныя въ этомъ случаѣ мѣста — Дѣян. XV, 12; XIX, 12 — 17; XVI, 18).

Болѣе свободенъ Іосифъ отъ подобныхъ вымысловъ и увлеченій въ самомъ описаніи царствованія Соломона, хотя и здѣсь мы должны назвать нѣ-

[1]) † 994 г.
[2]) 994—954 г.
[3]) О чудодѣйственной силѣ Соломона и его пророчественномъ прозрѣніи въ судьбы человѣческія знаетъ также Midrasch (Jalk. II, 177). Senior Sachs полагаетъ, что упоминаемыя здѣсь заклинательныя формулы Соломона тѣ самыя, которыя содержатся въ liber coronularum=sepher tagin, составленіе которой должно быть отнесено уже ко времени Ессеевъ:—о ней говоритъ Талмудъ, упоминаетъ Chiskija.

сколько преувеличенною прежде всего ссылку его на ту ревность къ истинѣ, какую хотѣлъ видѣть въ себѣ онъ. Такъ, приведя письма Соломона къ Хираму Тирскому и отвѣтъ послѣдняго (3 Цар. V и II Пар. II гл.), Іосифъ увѣряетъ, что экземпляры сихъ писемъ находятся и „донынѣ" въ цѣлости, хранясь не только въ „нашихъ книгахъ", но и „у самихъ Тирянъ", приглашая каждаго справиться о семъ въ Тирѣ у „хранителей государственныхъ лѣтописей". Тутъ же онъ пользуется случаемъ завѣрить своихъ читателей, что во всемъ имѣетъ твердое намѣреніе писать одну истину, а не примѣшивать въ свои писанія для увлекательности ихъ правдоподобные вымыслы, увѣщевая вѣрить безъ всякаго дальнѣйшаго разслѣдованія; напротивъ, онъ проситъ не прежде соглашаться „съ нами", какъ послѣ того когда истина ясно будетъ установлена и подтверждена непоколебимыми доводами. Послѣ всего, что мы знаемъ уже объ Іосифѣ, самоувѣренность его въ данномъ случаѣ подлежитъ обычному обузданію и осторожному примѣненію.

Случайно, или намѣренно, утверждаясь, быть можетъ, на другихъ какихъ-либо данныхъ, Іосифъ иначе передаетъ свѣдѣнія о главномъ архитекторѣ храмовыхъ украшеній, выписанномъ Соломономъ изъ Тира отъ Хирама и одного имени съ этимъ послѣднимъ. Этотъ Хирамъ [1]) (архитекторъ)—по Іосифу—(и согласно, впрочемъ, съ 3 Цар. VII, 14) по матери „происходилъ отъ колѣна Нефеалимова [2]), отца же имѣлъ Израильтянина Урію [3]). На построеніе храма всего употреблено 7 лѣтъ, тогда какъ дворецъ Соломона [4]), заказанный царемъ себѣ послѣ храма, потребовалъ для своей окончательной отдѣлки 13 лѣтъ. Чтобы не казалась странною и унижающею Соломона такая несоразмѣрность, Іосифъ, какъ впослѣдствіи основывавшійся на немъ Jizchaki въ его комментаріяхъ къ I Цар. VII, 1,—объясняетъ это тѣмъ, что храмъ строился съ большимъ тщаніемъ и помощію Божіею, чѣмъ дворецъ, въ постройкѣ котораго Соломонъ сталъ уже значительно лѣнивѣе или болѣе утомленъ, и матеріалы для котораго не были заготовлены и обдѣланы заранѣе, какъ для храма. Такимъ образомъ, сравнительная скороспѣшность постройки дома Божія предъ домомъ царскимъ обращается болѣе къ похвалѣ царя, употребившаго на достойное жилища Божія зданіе всю свою энергію и тщательность. Сверхъ щедрыхъ даровъ и любезностей, коими обмѣнялись много помогшій Соломону въ дѣлѣ созданія храма Хирамъ и царь Израильскій, Іосифъ, основываясь на свидѣтельствѣ историковъ Менандра Ефесскаго и Дія, сообщаетъ анекдотичное соперничество этихъ царей въ мудрости и остроуміи путемъ загадыванія трудныхъ и требовавшихъ большой проницательности ума—задачъ [5]). Починъ въ этой діалектической игрѣ, повидимому, далъ *Хирамъ*, который „послалъ" Со-

[1]) II Пар. II, 13—„Хирам-Авія".
[2]) 3 Ц. VII, 14... Хирама, сына одной вдовы изъ колѣна Нефеалимова; II Пар. II, 13—14:... Хирамъ-Авія, сына одной женщины изъ дщерей Дановыхъ.
[3]) II Пар. 14 ст. II гл. и 3 Ц. VII, 14—„отецъ его Тирянинъ".
[4]) выстроенный на сѣверо-восточной сторонѣ Сіона къ западу отъ храма (ср. *Арх.* VIII, 5, 2; XX, 8, 11).
[5]) Нарочито приходившая съ подобною же, между прочимъ, цѣлью царица Савская, по Іосифу—была царица Ефіопіи и Египта.

ломону нѣсколько притчей и задачъ съ просьбою объ ихъ изъясненіи. По свидѣтельству упомянутаго историка Дія, *Соломонъ* „прислалъ“ Хираму загадки, прося себѣ таковыхъ же для рѣшенія, при условіи для обѣихъ сторонъ штрафа за нерѣшеніе. Хотя Соломонъ такимъ образомъ заставилъ Хирама заплатить себѣ великую сумму денегъ, но и самъ потомъ вынужденъ былъ возвратить немалый штрафъ, „умедливъ“ рѣшить предложенныя ему задачи.—Вторая половина царствованія этого мудраго царя омрачена была неразумнымъ отступленіемъ его отъ истиннаго Бога и служеніемъ богамъ чуждымъ, въ угоду своимъ женамъ, коихъ было у него „до тысячи“ (съ наложницами) и „большею частію“ изъ иноплеменницъ. Продолжительность всего царствованія Соломонова указывается Іосифомъ въ подлежащемъ мѣстѣ вдвое большая по сравненію съ 3 Ц. XI, 42 и II Пар. IX, 30, т. е. не 40, а 80 лѣтъ, при продолжительности жизни—94 года.

Нарушеніе истиннаго Богопочтенія, послуживъ первостепенною причиною раскола въ Еврейскомъ государствѣ, со времени Соломона пускаетъ глубокіе корни въ избранный народъ, и не разъ угрожая впослѣдствіи цѣлости и чистотѣ истиннаго Богопочитанія и служенія Іеговѣ, развивается и идетъ бокъ-о бокъ съ послѣднимъ. Особенно много этому содѣйствуетъ на самыхъ первыхъ порахъ отчужденіе большей части Израиля отъ Іерусалима, какъ религіознаго центра, само собою вызывавшее необходимость искусственной замѣны его и искусственнаго направленія вѣковыхъ тяготѣній Израиля къ одному такому центру. Такъ какъ религіозныя потребности Израиля долгое время жили въ немъ и питались совмѣстно съ политическими, и внезапное отграниченіе первыхъ не могло не угрожать парализованіемъ вторыхъ, то, естественно, уже въ силу своихъ интересовъ первый царь „Израильскій“ (Іеровоамъ I) [1]) долженъ былъ явиться и первымъ посягателемъ на вѣковыя традиціи народа,—первымъ иниціаторомъ попытки основать и религіозную жизнь независимую отъ всякой связи съ Іерусалимомъ съ его религіозно-жизненными преимуществами. Іеровоамъ былъ—поэтому—первымъ отступникомъ отъ религіознаго патріотизма своего народа и первымъ проповѣдникомъ національно-Израильскаго, такъ сказать, (оффиціально-государственнаго) идолопоклонства. Первый шагъ къ этому нечестію искусно замаскировывался для Израильтянина простымъ желаніемъ „отмѣтить“ присутствіе вездѣсущаго Божества и пріурочить служеніе Ему къ опредѣленнымъ для того нарочито пунктамъ. Въ этомъ духѣ Іеровоамъ и предлагаетъ свою рѣчь народу, нуждавшемуся въ объясненіи и наставленіи касательно новаго и необычайнаго вида Богопочитанія. Онъ успѣлъ блестяще осуществить свою затѣю, и слѣды его вліянія на религіозное отчужденіе Израиля („поклоненіе тельцу“) идутъ далеко вглубь, до окончательнаго ниспроверженія царства Израильскаго.—Іосифъ знаетъ имя (Іадонъ) „человѣка Божія“, приходившаго изъ Іудеи обличить грѣхъ Израиля и напомнить ему о его истинномъ назначеніи. Несчастное происшествіе съ этимъ Іадономъ на возвратномъ пути въ Іудею передается у Іосифа нѣсколько яснѣе и—какъ

[1]) 953—931 г.

кажется—весьма близко къ истинѣ. Обманомъ увлекшій Іудейскаго пророка въ свой домъ и заставившій его нарушить повелѣніе Божіе вкушеніемъ хлѣба—нѣкій „пророкъ—старецъ“ (3 Ц. XIII, 11) былъ лишь на самомъ дѣлѣ нечестивый старецъ—*πονηρὸς ψευδοπροφήτης*, котораго Іеровоамъ имѣлъ въ великомъ почтеніи за то, что онъ всегда предвозвѣщалъ ему пріятное. Во время жертвоприношенія Іеровоамова онъ лежалъ на одрѣ своемъ по причинѣ дряхлости, и лишь поэтому не могъ быть дѣятельнымъ участникомъ нечестія и очевидцемъ Веѳильскаго происшествія, узнавая о немъ изъ вторыхъ рукъ (чрезъ сыновей). Но что же заставляетъ этого дряхлаго старика при первомъ извѣстіи о вдохновенномъ пришельцѣ забыть свою дряхлость, потребовать себѣ осла и пуститься въ погоню, чтобы вернуть странника и объявить ему противное первоначальному Божіе повелѣніе—вкусить въ его домѣ хлѣба? Дѣйствительное откровеніе Божіе? Содружество и безотчетное, но понятное влеченіе къ носившему одно съ нимъ званіе пророка?—Нѣтъ. Этотъ „лживецъ“, какъ называетъ его Іосифъ [1]) (срв. 3 Ц. XIII, 18), дѣлаетъ все то потому лишь, что опасался, какъ бы сей иностранецъ не пришелъ въ бо̀льшее у царя уваженіе, нежели въ какомъ находился онъ. Обманъ (послѣдствія коего во всякомъ случаѣ ожидались не въ пользу обманутаго) удается, и пророкъ терпитъ наказаніе. Любопытно, что у Іосифа „слово Господне“ объ этомъ наказаніи было не „къ пророку, воротившему его“ (3 Ц. XIII, 20), а къ „самому“ Іадону во время самой трапезы является Господь и объявляетъ ему наказаніе. Мотивомъ, по которому затѣмъ „льстецъ“, похоронивъ пророка, заповѣдываетъ и себя похоронить вмѣстѣ съ нимъ, было желаніе—трудностію различить „ихъ“ кости—предохранить „свои“ отъ поруганія, которое предсказалъ пророкъ, что дѣйствительно впослѣдствіи (чрезъ 361 годъ по Іосифу) и исполнилось (4 Ц. XXIII, 18). Между тѣмъ, не останавливаясь на полпути, лжепророкъ, нимало не медля, принимаетъ мѣры къ возстановленію своего престижа предъ царемъ. Онъ приходитъ къ нему и, объявляя „безумцемъ“ (*ἀνόητος*) приходившаго предсказателя, убѣждаетъ царя не смущаться его предсказаніями. На возраженіе царя, что чудесное приключеніе съ жертвенникомъ и его рукою, повидимому, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что это былъ истинный пророкъ, старецъ успѣваетъ увѣрить его, что рука его просто „отерпла“ (*ναρχήσει*) отъ тяжести возлагаемыхъ жертвъ, и потомъ, отдохнувъ нѣсколько, сама собою возвратилась въ прежнее состояніе; что касается разсѣдѣнія жертвенника, то и это произошло просто отъ множества жертвъ, на немъ лежавшихъ; наконецъ, возвѣстивъ ему несчастную смерть пророка, выставлялъ её какъ ясное доказательство того, что онъ не былъ Божій пророкъ. Сими и подобными коварствами, льстецъ успѣлъ разувѣрить царя и вернуть его на прежній путь и даже путь еще большаго отвращенія сердца отъ Бога и добродѣтели и ожесточенія во злѣ и всякихъ порокахъ. Этимъ-то объясняется безуспѣшность миссіи пророка и быстрый переходъ Іеровоама отъ нечестія къ раскаянію и потомъ къ еще большему нечестію.

[1]) *ψευσάμενος*.

Не лучше обстояло дѣло и въ Іудейской половинѣ народа Божія, на самыхъ же первыхъ порахъ ея обособленія отъ Израильской. „Во всемъ благопріятствующее счастіе“, болѣе всего приводящее къ развращенію и огрубѣнію сердечному, уклонило Ровоама [1]), по примѣру своего отца [2]), отъ Бога, а вслѣдъ за нимъ и его подданныхъ, которые, по Іосифу, уже ради того предавались нечестію, чтобы—ревнуя по добродѣтели—не причинить тѣмъ царю непріятности. Наказаніемъ нечестія было нападеніе Сусакима [3]), царя Египетскаго, разграбившаго Іерусалимъ, при чемъ въ числѣ добычи Іосифъ указываетъ златые колчаны, полученные Давидомъ „отъ царя Софины“ и посвященные имъ Богу (срв. 3 Ц. XIV, 26).

Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи судебъ народа Божія Іосифъ вообще настолько солидаренъ съ каноническими источниками, и менѣе опрометчивъ въ разнаго рода побочныхъ сообщеніяхъ (можетъ быть за ихъ отсутствіемъ), что весь остальной отдѣлъ первой половины (VIII—XI кн. Археологіи) даетъ сравнительно менѣе всего характеристичныхъ и значительныхъ отступленій Іосифа отъ своего главнаго первоисточника. Обращенія къ преданіямъ становятся очень рѣдкими и маловажными. Ихъ мѣсто—и не безъ достоинства—начинаютъ занимать внѣбиблейскія и уже чисто-историческія свидѣтельства о тѣхъ особенно событіяхъ изъ исторіи народа Еврейскаго, которыя были болѣе или менѣе близко соприкосновенны съ исторіею другихъ народовъ. Таково, между прочимъ, только что приведенное свидѣтельство о Сусакимѣ или, въ дополненіе къ повѣствованію о событіяхъ въ землѣ Израильской, заимствованіе изъ Менандра, упоминающаго о годовой засухѣ при Итувалѣ [4]), царѣ Тирскомъ, современникѣ Ахава [5]),—то-есть, о той засухѣ, которая предсказана и отвращена молитвою Иліи. Нѣсколько не столь важныхъ особенностей встрѣчаемъ въ исторіи жертвоприношенія этого пророка при состязаніи съ жрецами Ваала. Прежде всего, удобно и не безъ пользы принять можно сообщеніе Іосифа, что отецъ Іезавели, жены Ахавовой, соединялъ съ царскимъ званіемъ санъ верховнаго жреца Ваалова и отличался, какъ и вся его фамилія, особеннымъ языческимъ фанатизмомъ и жестокостію, овладѣвъ Тирскимъ тономъ чрезъ убійство своего предшественника—Фаллеса [6]). Это объясняетъ намъ ея мстительный, нетерпимый, развращенный характеръ и пагубное вліяніе на подчинявшагося ей слѣпо мужа, а равно подобныя же качества дочери ея Гофоліи, обнаруженныя въ Царствѣ Іудейскомъ... Опытъ состязанія жертвоприношеніями между Иліею и жрецами, по Іосифу, предпринимается вначалѣ,

[1]) 954—937 г.

[2]) Имѣло значеніе и здѣсь также вліяніе женъ, которыхъ у Ровоама было—18 законныхъ и 30 наложницъ (II Пар. XI, 21—„18 женъ и 60 наложницъ“.

[3]) Іосифъ поправляетъ этимъ именемъ упоминаемаго въ данномъ случаѣ Геродотомъ „Сезостриса“ и приводитъ важное свидѣтельство этого историка о покореніи названнымъ царемъ всей „Сирійской Палестины“, при чемъ, въ посрамленіе сдавшихся ему безъ сопротивленія, этотъ завоеватель оставилъ будто бы какіе-то „столпы“ съ изображеніемъ *αἰδοῖα γυναικῶν*.

[4]) 900—868 г.

[5]) 872—850 г.

[6]) *κατὰ Ἀπίωνος*, I, 18.

повидимому, на одномъ и томъ же жертвенникѣ и съ однимъ и тѣмъ же тельцомъ при томъ условіи, чтобы признавать истиннымъ Богомъ того, по молитвѣ къ Которому огонь попалитъ лежащую жертву. Послѣ неудачнаго опыта жрецовъ, Илія, по выраженію Іосифа, самъ приступаетъ къ закланію жертвы, давъ приблизиться народу, чтобы устранить всякую возможность подозрѣній въ тайномъ подложеніи огня. Впрочемъ, Илія, ради большаго величія чуда, строитъ для принесенія жертвы свой жертвенникъ и закалаетъ другого тельца, усугубивъ въ глазахъ народа предосторожности на случай подозрѣній въ обманѣ. Обличивъ и задержавъ, послѣ чуда, ложныхъ пророковъ, Илія отвелъ ихъ, какъ читаемъ въ Библіи, къ потоку Киссону и закололъ ихъ тамъ (3 Ц. XVIII, 40). Іосифъ говоритъ вмѣсто этого только, что они были пойманы и закланы народомъ по увѣщанію Иліи (*συλλαβόντες δ' αὐτῶν καὶ τοὺς προφήτας, ἀπέκτειναν Ἠλία τοῦτο παραινέσαντος*). Убѣжищемъ, которое избралъ потомъ бѣжавшій отъ гнѣва Іезавели пророкъ, Іосифъ называетъ гору Синай, вмѣсто Библейскаго Хорива, хотя обѣ эти горы находятся по близости одна отъ другой и одинаково носили названіе „горы Божіей“ (3 Ц. XIX, 8). Любопытную особенность допускаетъ, затѣмъ, Іосифъ въ передачѣ извѣстнаго происшествія съ пророками предъ отправленіемъ Ахава—въ союзѣ съ Іосафатомъ царемъ Іудейскимъ [1])—на войну съ Сирянами. Оказывается, что Седекія, одинъ изъ ложныхъ пророковъ, льстиво напутствовавшихъ Ахава предсказаніями побѣды, „ударяетъ“ оппонировавшаго имъ Михея, съ слѣдующимъ вызывающимъ завѣреніемъ къ царю: „пусть—ежели онъ истиненъ и имѣетъ Духа Божія—когда я ударю его по ланитѣ, изсушитъ руку мою, какъ сдѣлалъ Іадонъ съ Іероваамомъ!“,—и, не претерпѣвъ ничего подобнаго, успѣваетъ разувѣрить царя въ довѣріи къ пророчеству Михея, чѣмъ самымъ и ускоряетъ его на гибель, не умедлившую постигнуть Ахава, не смотря на переоблаченіе царей, которымъ они замысловато надѣялись воспрепятствовать исполненію Михеева пророчества.

Событіе 4 Ц. I, 9—15 (взятіе подъ стражу Иліи) Іосифъ старается представить болѣе понятно и обстоятельно. Первые два посланника царевы, отправленные за пророкомъ, погибаютъ не по какому-либо капризу и насилію пророка, а за свою дерзость, такъ какъ осмѣлились прямо повелѣвать ему съ суровымъ видомъ — отдаться имъ, и угрожали въ противномъ случаѣ принудить его къ тому силою. Только тронутый учтивостью и смиренною просьбою исполнявшаго свой долгъ болѣе корректно третьяго сотника, Илія соглашается оставить свое убѣжище и идетъ къ царю. Вмѣсто описанія послѣднихъ земныхъ минутъ этого пророка Іосифъ весьма глухо только упоминаетъ, что онъ „былъ взятъ отъ среды людей, и никто даже до сего времени не знаетъ о его кончинѣ“ (*ἐξ ἀνθρώπων ἠφανίσθη καὶ οὐδεὶς ἔγνω μέχρις τὸ σήμερον αὐτοῦ τὴν τελευτήν*). „О семъ Иліи“, поясняетъ Іосифъ, да „еще объ Энохѣ“, жившемъ до потопа, упоминается въ св. книгахъ только, что „ихъ не стало“ (*ὅτι γεγόνασιν ἀφανεῖς*), а о „смерти“ ихъ „никто ничего не знаетъ“.

[1] 873—848 г.

Въ исторіи пророческаго служенія Елисея, преемника Иліи (его *μαθητὴς καὶ διάκονος, Ἀρχ.* VIII, 13, 7), примѣчательно сообщеніе Іосифа [1]), что „одна изъ женъ сыновъ пророческихъ“, жаловавшаяся послѣ смерти мужа на крайнюю бѣдность и притѣсненія заимодавцевъ, была никто иная, какъ „жена того Овидія (3 Ц. XVIII, 3 и 4— Авдій), управителя Ахавова дома, который укрывалъ въ свое время пророковъ, обреченныхъ на смерть Іезавелью, и впалъ даже въ долги, доставая деньги отъ заимодавцевъ для пропитанія 100 изъ этихъ пророковъ. Этимъ въ особенности вдовица располагаетъ пророка сжалиться надъ ея состояніемъ и оказать ей помощь и защиту отъ жестокихъ заимодавцевъ, отбиравшихъ у нея за долги мужа обоихъ дѣтей, каковая просьба ея и удовлетворяется чудеснымъ умноженіемъ елея. Нѣсколько особенностей представляютъ у Іосифа также событія, имѣвшія мѣсто при смертномъ одрѣ Елисея и при гробницѣ его. Послѣ упоминанія о троекратномъ стрѣляніи изъ лука Іоасомъ, нѣтъ упоминанія о біеніи стрѣлами по землѣ (4 Ц. XIII, 18, 19), и для символическаго толкованія повелѣваемаго пророкомъ дѣйствія является достаточнымъ первый экспериментъ. Что касается чуда надъ костями пророка, то оно передано у Іосифа въ значительно извращенномъ видѣ. Событіе это, происшедшее—по его словамъ—„вскорѣ“ [2]) послѣ самаго погребенія (отличавшагося— кстати—по Іосифу „особенною пышностію“), состояло въ томъ, что „разбойники“, умертвивъ человѣка, бросили его въ Елисееву гробницу, и, какъ скоро убитый соприкоснулся тѣлу пророка, немедленно ожилъ (срв. 4 Ц. XIII, 20—21). Нельзя оставить безъ упоминанія нѣсколько подробностей въ исторіи столкновенія Іоаса Израильскаго [3]) и Амасіи Іудейскаго [4]). Библія очень глухо касается повода, изъ-за котораго возникло это столкновеніе. Она упоминаетъ только, что Амасія, возгордѣвшись успѣхами своего оружія надъ Идумеянами, послалъ къ Іоасу Израильскому сказать: „выходи, повидаемся лично!“ (4 Ц. XIV, 8; II Пар. XXV, 17). Только уже изъ отвѣтнаго посланія Іоаса мы начинаемъ понимать, что эта просьба имѣла характеръ болѣе опредѣленнаго вызова. Іосифъ, разумѣется, не могъ ограничиваться подобными „намеками“. Онъ говоритъ объ особомъ „писаніи“ Амасіи къ Іоасу, гдѣ безъ всякихъ обиняковъ повелѣвалось послѣднему, чтобы онъ со всѣмъ своимъ народомъ подчинился державѣ его, представляя, что и прежде Израильтяне были подданными предковъ его Давида и Соломона, и угрожая въ случаѣ неповиновенія — принужденіемъ силою оружія. Здѣсь, такимъ образомъ, ясно выступаетъ одна изъ попытокъ Іудейскихъ царей возвратить подъ свою державу отторгнутую часть народа, — попытокъ, неоднократно повторявшихся въ періодъ послѣ раздѣленія царства, но ни разу не осуществленныхъ хотя бы на короткое только время. Такова непреложность суда Божія въ судьбахъ царствъ и народовъ! Самое столкновеніе упомянутыхъ царей, происшедшее при Веѳсамисѣ Іудейскомъ, Іосифъ передаетъ не-

[1]) То же Midrasch. Jalk. II, 228.
[2]) Библія—„въ слѣдующемъ году“, 20 стихъ.
[3]) 803—791 г.
[4]) 803—789 г.

точно. По нему — неожиданный страхъ напалъ на воиновъ царя Іудейскаго („такой, какой ниспосылается обыкновенно отъ Бога на тѣхъ однихъ, кого во гнѣвѣ Своемъ Онъ наказать хочетъ“),—и овладѣлъ ими настолько, что еще прежде начатія битвы они обратились въ безпорядочное бѣгство (4 Ц. XIV, 12; II Пар. XXV, 22—„и были разбиты Іудеи Израильтянами и разбѣжались каждый въ шатеръ свой“). Не безъуспѣшно старается пояснить Іосифъ и то, какимъ образомъ Іоасъ получилъ, затѣмъ, столь легкій, повидимому, доступъ ко вратамъ св. города. По его сообщенію, Іоасъ, захвативъ Амасію, оставленнаго воинами своими, „угрожалъ ему смертію“, если онъ не повелитъ Іерусалимлянамъ отворить городскія ворота, и этимъ дѣйствительно достигъ цѣли, къ счастію ограничившись только нѣкоторымъ дебошемъ и грабежемъ городскихъ сокровищъ и оставивъ самого Амасію и гражданъ въ покоѣ.

Довольно обстоятельно приводитъ Іосифъ исторію пророка Іоны, жившаго и дѣйствовавшаго при Іероваамѣ (II) Израильскомъ [1])—государѣ, съ одной стороны, нечестивомъ „явномъ презрителѣ законовъ“, котораго Іосифъ называетъ „великимъ врагомъ собственнаго своего народа“, а съ другой—„славномъ завоевателѣ“, по пророчеству Іоны возстановившемъ предѣлы своего царства до границъ древней Іисусо-Навиновской Ханаеи, чрезъ покореніе Сиріанъ (сочетаніе—изъ рѣдкихъ въ Библейской Исторіи). Въ объясненіе мотивовъ, побудившихъ Іону пророка удалиться отъ лица Божія въ Іоппію и, затѣмъ, Тарсъ—вопреки повелѣнію Божію ѣхать во владѣніе царя Нина (Ниневію) и возвѣстить послѣднему о скоромъ лишеніи престола,—Іосифъ представляетъ естественную „боязнь“ столь щекотливаго порученія. Впрочемъ, въ приводимой имъ проповѣди Іоны онъ весьма ослабляетъ эту щекотливость, заставляя возглашать пророка лишь то, что жителямъ Ниневіи „угрожаетъ опасность лишиться скоро владычества своего надъ Азіею“. Трогательнаго повѣствованія о покаяніи Ниневитянъ, во главѣ съ царемъ, подавшимъ съ высоты своего величія столь поучительный примѣръ, Іосифъ почему-то избѣгаетъ, и послѣдствій проповѣди пророка вообще не касается совершенно.

Любопытно сообщеніе о святотатственномъ поступкѣ Озіи, такъ называемаго „прокаженнаго“ (Азарія) [2]). По свидѣтельству Іосифа, онъ намѣревался совершить кажденіе „въ великій праздникъ, отправляемый торжественно всѣмъ народомъ“, и при томъ—„возложивъ на себя священную одежду“, что весьма, конечно, усугубляло дерзость его поступка, особенно въ виду того еще, что на настоятельныя требованія первосвященника и жрецовъ выйти изъ святилища—онъ въ гнѣвѣ угрожалъ всѣмъ смертію. Пораженіе проказой, по Іосифу, сопровождалось другими знаменіями гнѣва Божія на его кощунство, а именно—произошло великое землетрясеніе [3]), разсѣлся храмъ и яркій лучъ „какъ бы

[1]) Царствовалъ по Іосифу 40 лѣтъ;—4 Ц. XIV, 23—41 годъ; на 27 году его воцарился въ Іудеѣ Азарія (4 Ц. XV, 1); по Іосифу—на 14-мъ году (791—750 г.).
[2]) 789—737 г.
[3]) Землетрясеніе это одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ, упоминаемыхъ въ Св. Писаніи (Амос. I, 1—оно только упомянуто—„слова Амоса... въ видѣніи... во дни Озіи... за 2 года предъ землетрясеніемъ“. Въ повѣствованіи объ этомъ царѣ II Пар. 26, 16 и д. о землетрясеніи нѣтъ даже и упоминанія. Іосифъ пріурочиваетъ его именно къ происшествію съ Озіей.

солнца“ блеснулъ въ очи Озіи, вслѣдъ за чѣмъ онъ немедленно и покрылся проказою; въ то же самое время, какъ это происходило во храмѣ, за городомъ на западъ отъ него „отторглась“ половина горы и, катясь къ востоку на протяженіи 4 стадій, позасыпала на своемъ пути сады царскіе. Какъ прокаженный, онъ „одинъ только“, по выраженію Іосифа, погребенъ былъ въ садахъ своихъ [1]), проживъ нѣсколько времени „внѣ града“ и сдавъ царство сыну своему Іоаѳаму [2]). Сей послѣдній царь изображается Іосифомъ, какъ воплощеніе всѣхъ добродѣтелей, и царскихъ и просто человѣческихъ, и отличался могуществомъ и благополучіемъ царствованія. Ко времени этого царствованія Іосифъ пріурочиваетъ пророческую дѣятельность Наума, предсказавшаго паденіе Ниневіи, каковое осуществилось чрезъ 115 лѣтъ. Сынъ и преемникъ Іоаѳама—Ахазъ [3]) настолько отличался крайнимъ нечестіемъ, насколько отецъ его утѣшалъ всѣхъ ревностію объ истинномъ Богопочитаніи и благочестіи. Іосифъ еще болѣе гнуснымъ изображаетъ его нечестіе, когда говоритъ, что этотъ беззаконникъ даже „заклалъ, по обычаю Хананеевъ, во всесожженіе (ὁλοκαύτωσε) сына своего“ [4]).—Если такъ глубоко погрязали въ нечестіи цари Іудейскіе, не смотря на близость Іерусалима и храма съ ихъ святынями, то не трудно судить, насколько глубже должны были погрязать въ нечестіи цари Израильскіе со своимъ народомъ, удаленные отъ всего того, чѣмъ „жилъ“ истый Іудей и безъ чего онъ мало чѣмъ отличался отъ язычниковъ своего времени. Но таковы были уже судьбы Израиля, что его благополучіе тѣснѣйшимъ образомъ связано было съ вѣрностію Іеговѣ; оттого, когда никакія временныя наказанія и вразумленія, никакія увѣщанія пророковъ не оказывали положительнаго вліянія на религіозно-нравственное исправленіе народа Божія, Богъ лишаетъ его свободы, и порабощаетъ игу необрѣзанныхъ. Какъ болѣе отвращенное отъ Бога, Царство Израильское скорѣе и падаетъ; и орудіемъ этого паденія выступаетъ Салманассаръ, царь Ассирійскій (727 — 722), любопытное сообщеніе о коемъ заимствуетъ Іосифъ изъ Менандра, касающагося событій, вызванныхъ появленіемъ и подвигами Салманассара собственно въ сосѣднихъ Палестинѣ областяхъ. Замѣтка о предъусмотрительномъ поступкѣ Салманассара, выселившаго Евреевъ съ родины и поселившаго на ихъ мѣстѣ другія народности, даетъ Іосифу поводъ сдѣлать важную историческую справку о происхожденіи Самарянъ. Іосифъ называетъ ихъ общимъ именемъ „Хуѳеи“ (въ раввинической литературѣ כּוּתִים), какъ назывались они на природномъ языкѣ евреевъ до его времени потому, что переведены были изъ Хуѳы, Персидской области, орошаемой рѣкою того же имени [5]). Наученные присланными изъ плѣна Израильскими „священниками“ [1]) закону и обрядамъ, они стали проявлять особенную ревность къ новому Богопочитанію, не охладѣвшую ко временамъ Іосифа. Въ послѣдующее время эта ревность мало по малу сдѣлалась неразлучною съ усвоеннымъ Самарянами убѣжденіемъ въ своемъ близкомъ племенномъ сходствѣ съ Іудеями,—убѣжденіемъ, отчасти оправдывавшимся послѣдующею исторіею Самарянства. Іосифъ склоненъ, повидимому, отрицать всякое дѣйствительное родство Самарянъ съ Іудеями (.... „они, когда видятъ Іудеевъ въ несчастіи, говорятъ тогда *правду*, что они никакого съ ними сродства не имѣютъ, XI, 8, 6); тѣмъ не менѣе, настоящая правда ихъ дѣйствительной близости и сродства съ Іудеями ясна и подъ его перомъ. Помимо самыхъ обстоятельствъ ихъ поселенія на мѣстѣ Самаріи, мы сошлемся на неоднократныя сообщенія Іосифа (въ особенности въ эпоху Гаризинскаго храма), что „всякій Іерусалимлянинъ, дѣлавшійся виновнымъ или въ яденіи языческихъ снѣдей, или въ нарушеніи субботы или уличенный въ другомъ какомъ подобномъ преступленіи, обыкновенно убѣгалъ къ Сикимитамъ“, оправдывая себя неправеднымъ осужденіемъ на родинѣ, и, вступая здѣсь въ супружество, привносилъ, такимъ образомъ, свою еврейскую кровь въ этотъ отпрыскъ еврейства. Конечно, этимъ еще не все разрѣшается въ вопросѣ о преимущественной принадлежности Самарянъ къ тому или другому племени. И они были до нѣкоторой степени правы, когда, по замѣчанію Іосифа, сами о своемъ происхожденіи говорили различно, всегда сообразуясь съ временемъ и обстоятельствами. „Если видѣли Іудеевъ въ благополучіи, то называли себя ихъ сродниками, говоря, что происходятъ отъ Іосифа (чрезъ его дѣтей Ефрема и Манассію), и потому одно съ ними имѣютъ начало. Когда же усматривали ихъ въ худыхъ обстоятельствахъ, то говорили, что ни мало къ нимъ не принадлежатъ, ни по родству, ни по другому какому союзу, и называли себя „переведенцами“ изъ другого народа“. Факты послѣдняго рода мы видимъ въ исторіи Маккавейскаго періода, а въ подтвержденіе перваго и привязанности Самарянъ къ Богопочитанію по закону Моисееву—достаточно указать на Евангельскую Самарянку, ближайшую современницу нашего Іосифа.

Немного пережило Іудейское Царство своего соплеменнаго сосѣда—Царство Израильское. Спустя 8 лѣтъ послѣ взятія Самаріи [2]), Ассирійскій царь—Сеннахиримъ, а по новѣйшимъ изслѣдователямъ ассирійсскихъ надписей это былъ уже Sargon (722—705), [3]) внесъ войну и въ предѣлы Іудеи, положивъ начало и ея политическому разрушенію. Попытка задобрить неугомоннаго завоевателя сокровищами царскихъ хранилищъ и храма (4 Ц. XVIII, 15), даже послѣ клятвеннаго обѣщанія его не трогать Іудеи, не удалась. Хитрый Ассиріецъ самъ отошелъ отъ Іерусалима воевать Египетъ и Еѳіопію, но оставилъ здѣсь 3 вождей своихъ съ порученіемъ завоевать св. городъ. Переговоры Рапсака, одного изъ этихъ вождей, съ придворнымъ царя Іудейскаго не лишены особен-

[1]) II Пар. XXVI, 23—„и похоронили его съ отцами его на полѣ царскихъ гробницъ, ибо говорили: онъ прокаженный“. 4 Ц. XV, 7—„и похоронили его съ отцами его въ городѣ Давидовомъ“—срв. Манасія 4 Ц. XXI, 18 и др.—ib. 26 ст.

[2]) 737—736 г.

[3]) 736—720 г.

[4]) 4 Ц. XVI, 3—„сына своего провелъ чрезъ огонь“; II Пар. XXVIII, 3 — проводилъ сыновей своихъ чрезъ огонь“.

[5]) 4 Ц. XVII, 24—„изъ Вавилона, и изъ Куты, и изъ Аввы, и изъ Емаѳа, и изъ Сепарваима“. Греческое названіе—Самаряне „по имени страны, въ которой они поселились“ (*Αρχ.* IX, 7).

[1]) 4 Ц. XVII, 27—28 „однимъ“; Вмѣсто „львовъ“ 4 Ц. XVII, 25, 26,—напавшихъ на переселенцевъ и заставившихъ ихъ просить наученія законамъ Бога новой земли, Іосифъ говоритъ о жестокой моровой язвѣ, при чемъ мысль упомянутой просьбы внушается по нему „прорицателемъ“.

[2]) 722 г.

[3]) См. рядъ царей Ассирійскихъ на слѣд. стр.

ностей. Езекія [1]) отказывается самъ выйти на эти переговоры изъ боязни быть убитымъ. Еліакимъ, объяснявшійся съ Рапсакомъ, требуетъ отъ сего вождя не говорить по еврейски — изъ боязни, чтобы народъ не пришелъ въ робость отъ его прещеній. Въ самой рѣчи Рапсака, а равно и посланіяхъ Сеннахирима, Іосифъ искусно игнорируетъ хулы на Бога Израилева, а равно и огорченія царя, порожденныя этими хулами, заставляя царя сокрушаться и возмущаться не столько безумнымъ кощунствомъ непріятеля, сколько скорбѣть о своей безпомощности предъ дерзостію и силою врага. Новую особенность открываемъ мы въ утѣшеніи пророка Исаіи, которое онъ предложилъ царю отъ Имени Божія послѣ его скорбной молитвы къ хулимому Богу. Въ этомъ утѣшеніи не достаетъ именно у Іосифа знаменія (4 Цар. XIX, 29), состоявшаго въ двухкратной жатвѣ [2]) безъ сѣянія; наконецъ, ангелъ—истребитель Сеннахиримова войска замѣняется просто смертоносною язвою (*λοιμικὴ νόσος*), свирѣпствовавшею въ лагерѣ непріятеля, въ каковомъ бѣдствіи и засталъ свое войско Сеннахиримъ, возвращавшійся съ неудавшейся войны противъ Египтянъ и уводившій теперь свои войска на родину. Историческое существованіе этого Сеннахирима [3]) съ его военными похожденіями Іосифъ подтверждаетъ весьма важнымъ свидѣтельствомъ Геродота (II кн. его исторіи), а также Вироста Халдейскаго, къ сожалѣнію, утраченнымъ въ текстѣ Іосифа [4]). Небезполезно воспользоваться маленькимъ поясненіемъ Іосифа къ болѣзни Езекіи. Крайняя скорбь при извѣстіи пророка Исаіи, повидимому, не столь умѣстная въ такомъ благочестивомъ мужѣ, каковъ Езекія, хорошо объясняется у Іосифа тѣмъ, что онъ не имѣлъ дѣтей и, умирая, не могъ оставить наслѣдника своему престолу [5]); отсюда скорбь о смерти прежде всего была для него скорбью о безчадіи, этомъ величайшемъ несчастіи для ветхозавѣтнаго праведника; понятно, что и молитва о помилованіи заключала не иное что, какъ надежду и моленіе о дарованіи чада, каковымъ и былъ Манассія, родившійся года черезъ 3 послѣ выздоровленія [6]). Такая молитва, внушенная не страхомъ смерти и не

[1]) 720—691 г,

[2]) „ѣшьте въ этотъ годъ выросшее отъ упавшаго зерна и въ другой годъ—самородное". (IV Ц. XIX, 29).

[3]) Riehm, 1348 стр.; ср. Schrader, Kat. S. 162 ff. Для ясности предлагаемъ здѣсь рядъ царей Ассиро-Вавилонской династіи съ 900 год. (Riehm, 103 стр.):

Tiglalh-Adar II, 889—884 г.
Assurnâssir-habal, 883—859.
Salmanassar II, 858—824.
Samas-Bin, 823—811.
Bin-Nirar, 810—782.
Salmanassar III, 781—772.
Asurdan—il, 771—754.
Asur-Nirar. 753—746.
Tiglath-Pileser II (Phul) 745—728.
Salmanassar IV, 727—723.
Sargon, 722—706.
Sanherib. 705—682.
Asarhaddon, 681—669.
Asurbanipal (Sardanapal) 668—626.
Asur—idil—ili, 625—?

[4]) См. Ленорманъ, Ист. Вост. 288 стр.

[5]) срв. Midrasch, Jalk. II, 242.

[6]) срв. 4 Ц. XXI, 1 и II Пар. XXXIII, 1 съ 4 Ц. XX, 6.

сожалѣніемъ о покидаемыхъ благахъ царствованія, была, безъ сомнѣнія, угодна Богу, и въ отвѣтномъ словѣ Своемъ чрезъ Исаію Онъ обѣщаетъ больному не только выздоровленіе, но и рожденіе „чадъ законныхъ". Въ жестокихъ приступахъ болѣзни эта вѣсть казалась для Езекіи вѣроятною и надежною только послѣ какого-нибудь чудеснаго знаменія и, по предложенію Исаіи, (а у Іосифа—и по просьбѣ Езекіи) это знаменіе дается въ отступленіи солнечной тѣни на 10 ступеней. Въ описаніи посольства Вавилонскаго царя къ Езекіи Іосифъ не упоминаетъ о выраженіяхъ соболѣзнованія по поводу дошедшихъ слуховъ о его недугѣ (4 Ц. XX, 12), но придаетъ этому посольству другія намѣренія—расположить Езекію ко вступленію съ собою въ союзъ и дружество, какъ представляется, въ виду опасности отъ Мидянъ, разорившихъ около этого времени Ассирійское царство.

Вторая половина царствованія Манассіи [1]), преемника Езекіи, была, почти можно сказать, послѣднею вспышкою умиравшаго Іудейскаго царства. Пришло время и ему раздѣлить судьбу царства Израильскаго. Это и началось со времени несчастной кончины Іосіи (640—609), одного изъ благочестивѣйшихъ царей Іудейскихъ [2]). Исполнителемъ судебъ Божіихъ надъ несчастными остатками величія избраннаго народа Божія является Навуходоносоръ, царь Вавилонскій (604—561), смѣнившій самодержавное владычество надъ Азіею Египетскаго Нехао (II-го 612—596). Іосифъ нѣсколько обстоятельнѣе передаетъ быстрое возвышеніе этого новаго владыки тогдашняго Азіатскаго міра и первые приступы его къ Іудеѣ, фактически находившейся подъ данничествомъ Египта. Библія говоритъ только: „во дни (въ 4-й годъ, Іер. XXV, 1) его (Іоакима) [3]) выступилъ Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, и сдѣлался Іоакимъ подвластнымъ ему на три года, но потомъ отложился отъ него" (4 Цар. XXIV, 1; II Пар. XXXVI, 5). Этому предшествовали, по Іосифу, слѣдующія событія. Усилившійся въ Вавилонѣ Навуходоносоръ замышляетъ предпринять походъ противъ (единственнаго тогда соперника своему величію) Египетскаго Нехао, владѣвшаго всею Сиріею, и осаждаетъ (606 г.) городъ Кархавису (на Евфратѣ). Нехао, двинувшійся на него съ сильнымъ войскомъ, терпитъ пораженіе и теряетъ всю Сирію, за исключеніемъ пока Іудеи. Спустя 3 года (8-й

[1]) 691—641.

[2]) II Езд. 1, 25—32. Описаніе этой кончины у Іосифа даетъ весьма любопытное отношеніе трехъ текстовъ—Царствъ, Паралипоменонъ и Іосифа: Іосія падаетъ въ битвѣ съ вторгшимся въ его предѣлы непріятелемъ,—несчастіе для Іудеевъ тѣмъ болѣе неожиданное, что это былъ Богобоязненнѣйшій царь. Книга Царствъ передаетъ это событіе безъ дальнѣйшаго мотивированія. Паралипоменонъ добавляетъ, что Нехао вообще не хотѣлъ сражаться съ Израильтянами, имѣя намѣреніе настигнуть собственнаго врага за Евфратомъ. Іосія не вразумился этимъ, хотя Нехао Именемъ и отъ Лица Самого Іеговы завѣрялъ его въ дружбѣ (II Пар. 35, 22); поэтому онъ падаетъ въ битвѣ. Пониманіе здѣсь сообразно теократическому и пророческому представленіямъ: египтяне взяты въ защиту. Іосифъ въ общемъ даетъ то же самое, но у него дѣло представляется понятнѣе, когда онъ ясно говоритъ, что Нехао требовалъ пропуска, но Іосія отказалъ этой просьбѣ (X, 5, 1). Теократическая точка зрѣнія отбрасывается, гораздо болѣе выступаетъ фаталистическая, при которой, конечно, не могло быть и мѣста порицанію царя, какъ это дѣлаетъ Паралипоменонъ, но воздерживается Іосифъ.

[3]) 609—598 г.

Іоакима) онъ вторгается и въ Іудею, и подъ угрозою нанесенія войны требуетъ отъ Іоакима дани. Миръ покупается златомъ, и положенная дань платится три года. Пересталъ же Іоакимъ платить ее послѣ того [1]), какъ услышалъ, что Египтяне, оправившись послѣ перваго пораженія, идутъ снова на Вавилонъ,—и, слѣдовательно, въ надеждѣ на ихъ защиту, хотя вопреки увѣреніямъ прор. Іереміи въ тщетности этой надежды. Къ несчастію, Египтяне, не осмѣлились выступить противъ Навуходоносора, и Іоакимъ остался въ беззащитности расплачиваться за свою измѣну. Въ это самое время Іеремія „жегъ сердца“ глаголомъ своей пламенной проповѣди. Іосифъ передаетъ въ общемъ правильно относящуюся къ этому времени дѣятельность пророка, погрѣшая въ томъ лишь, что написанныя имъ грозныя прещенія Іеговы (свитокъ книжный Іер. XXXVI, 1 и д.) заставляетъ читать предъ народомъ самого Іеремію, а не Варуха (5—6 ст.), которому на самомъ дѣлѣ поручилъ обнародовать свой свитокъ—заключенный Іеремія (5 ст.). Судьба этого свитка передается нѣсколько иначе: выслушавъ его содержаніе, царь распаляется гнѣвомъ и, раздравъ своими руками, бросаетъ въ огонь (Іер. XXXVI, 23: царь, по мѣрѣ того какъ прочитывались 3—4 столбца свитка, отрѣзывалъ ихъ ножичкомъ и бросалъ на жаровню). Исполненіе предсказанія пророка о несчастной участи царя очевиднѣе у Іосифа, чѣмъ у Іереміи XXXVII, 30: царь, устрашившись предсказаній пророковъ, когда вышелъ противъ него Навуходоносоръ (602 — 601), впустилъ его въ городъ безъ всякаго сопротивленія, надѣясь этою покорностію расположить къ себѣ своего сюзерена. Послѣдній, однако, не оправдалъ, какъ и слѣдовало ожидать, этихъ разсчетливыхъ упованій Іудейскаго царя—измѣнника, но умертвилъ нѣсколько сильныхъ и доброзрачныхъ Іерусалимлянъ, а потомъ и самаго царя [2]), повергнувъ тѣло его внѣ города безъ погребенія (срв. Іер. XXXVII, 30) и воцаривъ на его мѣсто сына его—Іоахима (Іехонію). Кратковременность царствованія сего послѣдняго (3 мѣс. и 10 дней) Іосифъ объясняетъ безпокойствомъ относительно него, чтобы въ отмщеніе за обиду, нанесенную ему убіеніемъ отца, онъ не вздумалъ отложиться отъ Вавилонской державы. Посему-то Навуходоносоръ счелъ нужнымъ предупредить его измѣну, лишивъ престола, и отвелъ его со всѣми сколько-нибудь вліятельными лицами съ собою въ Вавилонъ, а надъ разграбленнымъ Іерусалимомъ оставилъ царемъ брата его Матоанію, переименованнаго при этомъ Седекіею [3]). Это былъ одинъ изъ нечестивѣйшихъ государей въ спискѣ царей Іудейскихъ. Два великихъ пророка—Іезекіиль (изъ Вавилона) и Іеремія въ самомъ Іерусалимѣ напрасно громили его своими увѣщаніями и угрозами, которыя онъ презиралъ въ особенности по причинѣ ихъ кажущагося противорѣчія. Оба они были согласны въ предсказаніи, что городъ падетъ, и Седекія отведенъ будетъ плѣнникомъ [4]); но въ то время, какъ Іезекіиль говорилъ, что Седекія не увидитъ Вавилона (Іез. XII, 13),—Іеремія утверждалъ, что

[1]) 4 Ц. XXIV, 1 и II Пар. XXXVI, 5.
[2]) II Пар. XXXVI, 6—оковалъ его оковами, чтобы отвести его въ Вавилонъ.
[3]) 597—586 г.
[4]) Іер. XXXII, 4—5; Іез. XVII, 12, 17.

онъ отведенъ будетъ Вавилонскимъ царемъ въ этотъ городъ во узахъ (Іер. XXXIV, 3: „и глаза твои увидятъ глаза царя Вавилонскаго...., и пойдешь въ Вавилонъ“....). Уличая пророковъ въ этомъ кажущемся разногласіи, Седекія не хотѣлъ, разумѣется, вѣрить и тому, въ чемъ они одинъ другому не противорѣчили, хотя оба предсказанія „сполна“ и удивительнымъ образомъ соосуществились; ибо когда Седекія, послѣ 8-лѣтняго союза съ Вавилономъ сталъ обнаруживать тяготѣніе къ Египту, Вавилонскій царь, снявъ на время осаду Іерусалима, чтобы раздѣлаться съ союзникомъ Седекіи, обложилъ опять городъ и послѣ 18-мѣсячной [1]) осады взялъ его (588 г.), а Седекію, попытавшагося было со своимъ домомъ бѣжать ночью изъ города, ослѣпилъ и отвелъ съ собою въ Вавилонъ. Такимъ образомъ, Седекія, съ одной стороны, былъ, дѣйствительно, не только отведенъ къ царю Вавилонскому, но и видѣлъ его въ лицо (до ослѣпленія), какъ предрекалъ Іеремія, но съ другой—и приведенный въ Вавилонъ—„не видѣлъ“ его, согласно пророчеству Іезекіиля. Въ числѣ отведенныхъ потомъ Навузарданомъ знатнѣйшихъ представителей Іудейства, большею частію казенныхъ, Іосифъ упоминаетъ первосвященника Іосадока, (сына убитаго Навуходоносоромъ Сераіи), который и продолжилъ въ плѣну линію первосвященства, надолго лишеннаго существеннѣйшихъ прерогативъ своего званія. Основываясь, вѣроятно, на священническихъ записяхъ, Іосифъ припоминаетъ, при этомъ, имена всѣхъ первосвященниковъ Іудейско-Царскаго періода, начиная съ Садока: Ахимасъ, Азарія, Іорамъ, Іисусъ, Аксіорамъ, Фидей, Судей, Іулъ, Іоаамъ, Урія, Ниріа, Одей, Салдумъ, Елкія, Сарей, и Іосадокъ, отведенный въ плѣнъ.

[1]) Такую продолжительность осады Іосифъ указываетъ согласно съ Іер. XXXIX, 1—2, и слѣдов. не въ разрѣзъ 4 Цар. XXV, 5.

ГЛАВА III.

АРХЕОЛОГІЯ—ОБЪ ЭПОХѢ ПЛѢНЕНІЯ.

§ 13. Навуходоносоръ и его преемники. Даніилъ.

Ἀρχ. X, 9—11 гл.; кн. 4 Цар., Іер., Іез., Даніила.

Судьбы Іудейскаго народа, съ паденіемъ его политической самостоятельности, сливаются съ судьбами его завоевателей, нѣсколько разъ мѣняясь вмѣстѣ съ ними. Недостатокъ цѣлостности и связности священно-библейскаго повѣствованія объ этихъ судьбахъ отчасти восполняется у Іосифа, который, впрочемъ, также не всегда удачно старается ближе связать и обстоятельнѣе заполнить промежутки между отдѣльными отрывочными сообщеніями Библіи о судьбахъ Еврейства. Таково изложеніе событій послѣ удаленія оставленныхъ Навуходоносоромъ въ Іудеѣ евреевъ въ Египетъ, вопреки увѣщаніямъ пророка Іереміи, предсказывавшаго бо̀льшія бѣдствія за это удаленіе. Іосифъ показываетъ, какъ и когда въ дѣйствительности осуществилось это предсказаніе (Іер. XLII, 15 и д.). Дѣло было именно такъ. Спустя около 5 лѣтъ по раззореніи Іерусалима (23-ій Навуходоносорова царствованія) [1]), Навуходоносоръ предпринялъ со своимъ воинствомъ походъ въ *Κοιλὴ*—Сирію и, овладѣвъ ею, нанесъ жестокое пораженіе Аммонитянамъ и Моавитянамъ, занимавшимъ отчасти области по дорогѣ изъ Вавилонскихъ областей въ Египетъ. Это дало также возможность завоевателю разъ навсегда нанести ударъ Египту, царя котораго онъ убилъ, поставивъ на его мѣсто другого, и, отходя, захватилъ съ собою всѣхъ Іудеевъ, эмигрировавшихъ изъ Іудеи сюда послѣ убіенія кроткаго, благороднаго, честнаго и человѣколюбиваго (по Іосифу—*Ἀρχ.* X, 9 гл. §§ 1—3) Годоліи, намѣстника Навуходоносорова. Это плѣненіе евреевъ Іосифъ относитъ къ такъ называемому „второму переселенію“ евреевъ за Евфратъ, принимая первымъ отведеніе 10 Израильскихъ колѣнъ Ассиріянами въ царствованіе Осіи, а вторымъ—переселеніе, произведенное Навуходоносоромъ [2]), отведшимъ съ собою остальныя 2 колѣна, по раззореніи Іерусалима. Остававшаяся при

[1]) Іерем. 32, 1.

[2]) „черезъ 130 л. 6 м. и 10 дней“ — показаніе, заимствованное у Димитрія, какъ вообще годы правленія отдѣльныхъ царей (Bloch, 58 стр.).

этомъ незаселенною (II Пар. XXXVI, 21) Іудея въ теченіи 70 лѣтъ пребывала въ запустѣніи, до 1-го года Кира.

Нѣсколько характерныхъ особенностей Іосифъ даетъ въ изложеніи исторіи Даніила и его друзей. Странно прежде всего толкуются у него мотивы предпочтенія отроками простой пищи царскому столу. Іосифъ избѣгаетъ упоминать, что это внушалось опасеніями *оскверниться*, а считаетъ достаточнымъ сказать, что Даніилу и его друзьямъ просто *„нравился такой простой образъ жизни“* [1]). Не менѣе страннымъ на нашъ взглядъ представляется и то, что онъ лишь этимъ „простымъ образомъ жизни“ объясняетъ выдающіяся способности отроковъ и ихъ отличные успѣхи въ еврейскихъ и халдейскихъ наукахъ. Не совсѣмъ правильно передается, затѣмъ, воспроизведеніе Даніиломъ Навуходоносорова сна, когда усвояются именно видѣнному имъ истукану „голени и *ноги* желѣзныя“ (Дан. II, 33 „голени его желѣзныя, ноги его частію желѣзныя, частію глиняныя“), что̀ отразилось потомъ и на толкованіи сновидѣнія. Обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ толкованіи „нежеланіе“ Іосифа открывать значеніе отторгнувшагося отъ горы камня, каковое нежеланіе, очевидно, объяснялось болѣе, чѣмъ только намѣреніемъ автора писать о прошедшемъ лишь, а не о будущемъ, какъ оговаривается онъ [2])... Изумленный необыкновенною проницательностію и толкованіями Даніила, царь падаетъ ницъ предъ нимъ, какъ предъ Богомъ [3]), и велитъ „почтить его божескимъ жертвоприношеніемъ“ [4]). Болѣе того: онъ „нарекъ его именемъ собственнаго бога“ (*τὴν προσηγορίαν αὐτῷ τοῦ ἰδίου θεοῦ θέμενος* [5]) и возвелъ его и друзей въ высшія при своемъ дворѣ должности, что̀ и навлекло потомъ на нихъ ненависть другихъ Халдеевъ—вельможъ, нѣсколько разъ пытавшихся извести конкуррентовъ своихъ предъ царемъ.

Весьма цѣнныя историческія свѣдѣнія заимствуетъ объ этомъ Навуходоносорѣ [6]) Іосифъ изъ историка Вироста Халдейскаго (III кн. „Халдейской Исторіи“). Ranke вообще не находитъ возможнымъ затрудняться принять извѣстія объ этомъ времени, сохранившіяся только у Іосифа, въ особенности послѣ (и въ виду) того, что нѣкоторыя изъ его сообщеній, считавшихся до сихъ поръ не особенно заслуживавшими довѣрія,—напримѣръ, нападеніе Навуходоносора на Египетъ,—блестяще подтвердились чрезъ одинъ новооткрытый памятникъ [7]). Это даетъ основанія безъ особеннаго риска назвать достовѣрными и другія многія его своеобразности, въ которыхъ (особенно въ слѣдующихъ отдѣлахъ Археологіи) онъ обнаруживаетъ далеко не безплодныя иногда усилія—комбинировать Іудейское преданіе съ историческими свѣдѣніями,

[1]) *πρὸς γαρ τὴν τοιαύτην δίαιταν αὐτοὺς κεκινῆσθαι.* (*Ἀρχ.* X кн. 10 гл. § 2).

[2]) ибо „Камень этотъ былъ Христосъ“.

[3]) *ᾧ τρόπῳ τὸν Θεὸν προσκυνοῦσι.*

[4]) Дан. II, 46: „палъ на лице свое и поклонился Даніилу и велѣлъ принести ему дары и благовонныя куренія“.

[5]) Дан. II, 47 (срв. IV, 5; I, 7): „сказалъ Даніилу: истинно Богъ вашъ есть Богъ боговъ и Владыка царей“...

[6]) Собственно имя его *Ἀβοβάσσαρος, κέκληται δὲ παρὰ Ἑβραίοις Ναβουχοδονόσορ.* Müller. Fragm. II, 508.

[7]) Weltgeschichte, I, 1, стр. 117.

представлявшими дѣло нѣсколько иначе или болѣе обстоятельно и точно. Именно таково заимствованіе изъ Вироста, проливающее свѣтъ на отрывочно—краткія упоминанія Библіи о Навуходоносорѣ. Когда Набополассаръ [1])—повѣствуется у Іосифа—услышалъ, что поставленный имъ надъ Египтомъ, *Κοιλῆ*—Сиріею и Финикіею сатрапъ отложился отъ него, то, самъ не въ состояніи будучи вести войну по старости, отправилъ съ отрядомъ воинства противъ сего мятежника своего юнаго сына Навуходоносора. Этотъ юный Навуходоносоръ, вступивъ въ сраженіе съ мятежникомъ, побѣдилъ его и всѣ отторгнутыя было имъ страны вновь возвратилъ подъ свою державу. Тѣмъ временемъ отецъ его, захворавъ опасно, скончался въ Вавилонѣ, послѣ 21 года царствованія (625—604). Посему, Навуходоносоръ—сынъ, узнавъ въ скоромъ времени о кончинѣ отца и приведя въ порядокъ въ Египтѣ всѣ дѣла, поручилъ нѣкоторымъ изъ друзей своихъ привести въ Вавилонъ воинство и обозъ съ добычею и плѣнниками, состоявшими изъ Іудеевъ, Финикіянъ, Сиріянъ и Египтянъ, а самъ, избравъ кратчайшій путь чрезъ пустыню, поспѣшилъ туда съ меньшею частію избранныхъ воиновъ, чтобы вступить на престолъ, который оберегали для него Халдеи, ожидая его прибытія. Такимъ-то образомъ, Навуходоносоръ и сдѣлался полновластнымъ государемъ огромныхъ, доставшихся ему послѣ отца, владѣній, процарствовавъ—согласно, между прочимъ, Птоломеевскому канону [2])—43 года (604 — 561). Упоминаемый въ 4 Цар. XXV, 27 — Евилмеродахъ (561—560), оказавшій многія милости Іехоніи, былъ сынъ его [3]). Любопытно сопоставить здѣсь между собою и Іосифомъ нѣсколько библейско-хронологическихъ датъ объ этомъ Навуходоносорѣ, занимающемъ вообще почтенное мѣсто въ Библіи. Первый годъ (606 — 605) его воцаренія (и начало Вавилонскаго плѣна) падаетъ на 4-й годъ Іоакима Іудейскаго (сына Іосіи — Іер. XXV, 1). 10-й годъ Седекіи совпадаетъ съ 18-мъ Навуходоносора (Іер. XXXII, 1). Въ 11-й годъ Седекіи взятъ Іерусалимъ (Іер. XXXIX, 2)—въ 19-й Навуходоносора [4]) (4 Ц. XXV, 2—8; срв. Іер. LII, 12 и 30). Переселеніе Іехоніи, совпадающее съ 1-мъ годомъ воцаренія Седекіи, было въ 8-й годъ Навуходоносора (срв. 4 Ц. XXIV, 12; Іер. LII, 28=II Езд. I, 45). Наконецъ, 37-й годъ по переселеніи Іехоніи былъ годомъ воцаренія Евилмеродаха, сына Навуходоносора (4 Ц. XXV, 27; Іер. LII, 31), и годомъ смерти послѣдняго. Если возьмемъ 6 (слишкомъ) лѣтъ Іоакима (протекшія отъ 1-го года Навуходоносора до послѣдняго года Іоакима)+37 лѣтъ плѣна Іехоніи (куда входятъ также 11 лѣтъ Седекіи), получимъ какъ разъ ту цифру, которою, измѣряется, по Іосифу, время царствованія Навуходоносора—43 слишкомъ года. Отдѣльныя

[1]) Отецъ Библейскаго Навуходоносора (Riehm, 1066 стр.).
[2]) Riehm, 1069 стр.
[3]) *κατὰ Ἀπίων.* I, 20.
[4]) Іосифово показаніе—въ 18-й—объясняется зависимостію отъ Димитрія, который промежутокъ отъ Салманассара до Сеннахирима полагаетъ въ 7, вмѣсто обычно насчитываемыхъ 8 лѣтъ; съ другой стороны, въ этомъ отличіи можно не видѣть противорѣчія Библіи, въ виду того, что годы Седекіи и Навуходоносора начинались не съ одного момента, и могло быть *(*и несомнѣнно было*)* такъ, что годъ каждаго изъ нихъ входилъ какъ часть въ годы другого.

совпаденія, указываемыя при этомъ священными книгами, какъ видимъ, вполнѣ точны и безупречны, и хорошо подтверждаютъ общее.

Послѣ Навуходоносора (604—561) книга Даніила приводитъ прямо событія изъ царствованія Валтассара, игнорируя явный и замѣтно значительный промежутокъ, успѣвающій предать нѣкоторому забвенію громкую славу и величіе Даніила (V, 11, 13). По Іосифу, этотъ промежутокъ восполняется упоминаніемъ о 18-лѣтнемъ царствованіи Евилмеродаха, сына Навуходоносорова [1]), 40-лѣтнемъ—Ниглисара, сына Евилмеродахова [2]) и 9-мѣсячномъ—Лавосордаха [3]), который былъ непосредственнымъ предшественникомъ, по Іосифу, Валтассару, называвшемуся у Вавилонянъ — Навоандиломъ [4]). На 17 году этого Навоандила окончилось, по Іосифу, поколѣніе царей, происходившихъ отъ Навуходоносора, и прекратило свое существованіе Вавилонское царство (539 г.). Но если, такимъ образомъ, Валтассаръ не былъ непосредственнымъ и даже только ближайшимъ преемникомъ Навуходоносора, то какъ примирить это съ неоднократнымъ наименованіемъ Навуходоносора „отцемъ“ Валтассара, въ выраженіяхъ Дан. V, 11, 18, 22: „Навуходоносоръ, отецъ твой“... „отцу твоему Навуходоносору“... „и ты, сынъ его, Валтассаръ??“ И если эти выраженія означаютъ только вообще потомственно-родственное преемство Валтассара по отношенію къ своему прапрадѣду [5]), то все таки не слишкомъ ли бояьшой промежутокъ (почти 60 лѣтъ) для того, чтобы судьба Даніила осталась за это время безъ болѣе значительныхъ измѣненій, чѣмъ только нѣкоторое простое забвеніе, въ какое онъ успѣваетъ придти (V, 13)?—Іосифъ не даетъ ничего для разрѣшенія этихъ недоумѣній. А между тѣмъ, на основаніи его счисленій выходитъ, что жизнь, напримѣръ, Даніила должна была достигать не столь вѣроятной цифры—не менѣе 130 лѣтъ. Уже отрокомъ онъ взятъ былъ ко двору Навуходоносора въ 1-й годъ его царствованія; присоединяя къ отроческимъ лѣтамъ—положимъ, 10—лѣта перечисленныхъ Іосифомъ царей 43+18+40+1+17+2 года, по крайней мѣрѣ, Дарія—получаемъ 131 годъ,—показаніе, правда, ненесогласное съ Іудейскимъ и христіанскимъ преданіемъ о „глубокой старости“ Даніила (см. житіе пророка), но при всемъ томъ немало невѣроятное уже въ виду того, что оно далеко превышаетъ 70-лѣтнее счисленіе пребыванія народа Израильскаго въ Вавилонскомъ плѣну. И дѣйстви-

[1]) *Ἀβιλαμαρώδαχος;* Іер. LII, 31 и 4 Ц. XXV, 27—Евилмеродахъ, по клинописямъ—Авилъ-Маруду.
[2]) *Νιγλίσαρος.*
[3]) *Λαβοσόρδαχος.*
[4]) Вотъ рядъ царей Вавилонскихъ: Asur-nadin-sum, 699—694.
Regebel, 693.
Mesesimordak, 692—689.
Пустое мѣсто въ Птолом. канонѣ 688—681.
Asaridin, 680—668.
Saosduchin (Samul-sum-Ukin) 667—648.
Asurbanipal (Chiniladan) 647—626.
Набополассаръ 625—604.
Навуходоносоръ 604—561 и т. д. см. текстъ.
[5]) Такого мнѣнія держится Ленорманъ, Древн. Ист. Вост. I ч., гл. V, § 4, III примѣч.

тельно — обращаясь къ другимъ хронологамъ, находимъ, что Евилмеродахъ царствовалъ не 18, а всего 2 года (561—559) [1]),—Ниглиссаръ не 40, а всего 4 (559—556); наконецъ, Іосифъ ошибочно ставитъ на мѣсто настоящаго преемника Лавосордахова—именно Набонида, царствовавшаго 17 лѣтъ (555—539), прямо Валтассара, царствовавшаго уже послѣ Набонида и всего 2 собственно года съ небольшимъ, а не 17. Объясняется это зависимостію Іосифа отъ Вироста, который, дѣйствительно, называетъ послѣдняго государя Вавилона Набонидомъ [2]) и говоритъ, что Вавилонъ взятъ Киромъ въ 18 годъ его царствованія. Желая слѣдовать датѣ туземнаго историка и въ то же время примирить ее съ Библейскимъ повѣствованіемъ о Валтассарѣ, какъ „послѣднемъ“ царѣ Вавилонскомъ, Іосифъ—нѣтъ ничего страннаго — счелъ имя Набонида тождественнымъ съ Валтассаромъ (вавилонское названіе коего, по Іосифу, было также Навоандилъ, срав. Набонидъ) и приписалъ ему 17-лѣтнее царствованіе, не зная другихъ выходовъ изъ своего затрудненія. А между тѣмъ, это затрудненіе рѣшается очень просто. Валтассаръ былъ сынъ Набонида, который еще при жизни своей назначилъ его своимъ соправителемъ. Предъ самой осадой Вавилона Киромъ, Набонидъ съ войскомъ занималъ позицію внѣ своей столицы (срав. Іерем. LI, 31), которая оставалась подъ защитою Валтассара, и взятіе ея послѣдовало, дѣйствительно, въ 17 годъ Набонида, погибшаго внѣ своей столицы [3]), и во 2-й или 3-й годъ соправительства ему Валтассара, единолично правившаго Вавилономъ въ моментъ его взятія [4]). Сопоставляя все это, находимъ для промежутка отъ смерти Навуходоносора до паденія Вавилона при Валтассарѣ всего около 25 лѣтъ—періодъ, устраняющій всѣ вышеприведенныя противорѣчія и неясности Іосифова счисленія; въ частности, причисляя къ начальному году Вавилонскаго плѣна (1-й Навуходоносора= 4-й Іоакима) 43 года Навуходоносора+2 Евилмеродаха+4 Ниглиссара+около 1 года (9 мѣсяцевъ) Лавосордаха-|-17 Набонида-|-2 Валтассара [5])-|-1-й годъ единоличнаго правленія Кира, получаемъ какъ разъ 70 лѣтъ, коими и измѣряется продолжительность Вавилонскаго плѣна.

На развалинахъ Вавилонскаго царства, прекратившаго свое существованіе при Валтассарѣ (и Набонидѣ), Даніилу суждено было увидѣть предсказанное имъ царство Мидянъ и Персовъ. Новые господа его окружали его особеннымъ почтеніемъ, а Дарій—къ великой зависти прочихъ вельможъ—мѣтилъ его даже въ наслѣдники своего царства (VI, 3). Не безъ особенностей передаетъ Іосифъ злоумышленіе противъ счастливаго Даніила этихъ его завистниковъ, добившихся осужденія его на ввержение въ ровъ львиный. При обнаруженіи невредимости ввержennаго, враги Даніиловы, не соглашаясь приписать сего Божію Промыслу о Даніилѣ, увѣряютъ царя, что это воспослѣдовало отъ

[1]) Abygenus, frag. 9; Berosus fr. 14. Въ *κατὰ Ἀπίων*. I, 20, годы царствованія преемниковъ Навуходоносора указываются вѣрнѣе.
[2]) Геродотъ, I, 177—Лабинетомъ.
[3]) О послѣдней судьбѣ его см. далѣе.
[4]) Срв. Ленорманъ I, гл. V.
[5]) Или 2 года совмѣстнаго правленія Кира съ Даріемъ, если принять, что 2-й годъ Валтассара, годъ паденія Вавилона, совпадалъ съ 17-мъ Набонида.

пресыщенія львовъ пищею. Дарій повелѣваетъ тогда бросить ко львамъ множество мяса, и, по пресыщеніи ихъ, повторить опытъ Даніиловъ съ оклеветавшими праведника, которые тотчасъ же и были растерзаны львами всѣ съ величайшею жадностію, не смотря на пресыщеніе. Изъ дальнѣйшей исторіи Даніила Іосифъ упоминаетъ о построеніи имъ въ Мидійской столицѣ—Экбатанахъ какой-то удивительной башни, которая „и донынѣ“ остается въ той своей цѣлости и красотѣ [1]), коими отличалась въ день окончанія своего. Служа усыпальницею Мидійскихъ, Персидскихъ и Парѳянскихъ царей, эта башня состояла подъ постояннымъ наблюденіемъ и охраною одного изъ священниковъ Іудейскихъ. Передаетъ Іосифъ и „видѣнія“ Даніиловы, не безнамѣренно, конечно, обходя обстоятельное разсмотрѣніе 70 седьминъ, съ ихъ толкованіями [2]).

§ 14. Киръ. Возрожденіе Іудейства. Ездра и Неемія.

Ἀρχ. XI, 1—5 гл.; кн. Ездры и Нееміи.

Великій Евангелистъ временъ Ветхозавѣтныхъ и неподражаемый вдохновенный живописатель отдаленнѣйшихъ эпохъ будущаго, Пророкъ Божій Исаія за сто слишкомъ долгихъ и темныхъ лѣтъ назвалъ имя, достойное украшать новую эру человѣчества. Имя это—*Киръ*.... Онъ явился, и предначертанное пророкомъ положеніе міра къ его времени — событія оправдали неожиданно быстро. Сломивъ сопротивленіе греческихъ городовъ, Киръ тотчасъ устремился на Вавилонію. Въ 3-й день мѣсяца Marcheschwan'a (=нашему Ноябрю) 539 г. Вавилонъ принялъ въ свои стѣны кротчайшаго изъ завоевателей, который показалъ себя настолько великодушнымъ, что не причинилъ никакого зла бывшему Вавилонскому повелителю Набониду и предоставилъ ему въ качествѣ резиденціи цѣлую область Карманію [3]). Воспринявъ, затѣмъ, скипетръ царей Вавилонскихъ [4]), новый повелитель Востока съ настоящимъ достоинствомъ умнаго политика старался показать въ своемъ лицѣ достойнаго преемника царей Вавилонскихъ, и въ принципѣ правленія своего ихъ наслѣдіемъ поставилъ продолженіе Вавилонской монархіи. Характернѣйшее подтвержденіе и выраженіе этого можно видѣть уже въ отношеніяхъ Кира къ Вавилонскому язычеству, когда, напр., онъ, какъ истый царь Вавилонскій, охотно допускаетъ,

[1]) *μέχρι δεῦρο μεν ἐστι καὶ σώζεται*.....
[2]) Schürer, II, 616.
[3]) Это не противорѣчитъ сообщенію Ксенофонта, упоминающаго при описаніи осады Вавилона объ убіеніи царя, котораго, впрочемъ, не именуетъ. Тѣмъ лучше это даетъ намъ право сказать съ несомнѣнностію, что убитый былъ именно Валтассаръ, соправитель Набонида. Сугор. I. VII, c. 5.
[4]) по Іосифу, это было „послѣ Дарія“ (Астіага, Дан. XIV, 1). Этотъ Дарій, по Дан. V, 31 „принялъ царство 62 лѣтъ“; царемъ же Мидіи онъ былъ 594—537 г., и послѣ взятія Вавилона (539 г.) жилъ, такимъ образомъ, еще 2 года, что подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что Библія говоритъ только о „первомъ“ годѣ Дарія (Дан. IX, 1; XI, 1) Надо полагать поэтому, что на языкѣ св. книгъ выраженіе „принялъ царство“ означаетъ собственно подчиненіе народа Израильскаго, срв. Дан. IX, 1; X, 1; XI, 1. Такъ же надо безъ сомнѣнія понимать и „1-й годъ“ Кира, т. е. какъ первый подчиненія Іудеевъ и 1-й единоличнаго царствованія, падающій на 537 г. до Р. Х. и на 27-й г. его владычества надъ Персіею (560—529), срв. Hitzig, 276—277 стр.

чтобы жрецы Вавилонскихъ боговъ увѣковѣчивали его на своихъ надписяхъ въ обычныхъ восхваляющихъ фразахъ, какъ вѣрнаго почитателя ихъ и щедраго попечителя ихъ культа.

Но въ одномъ отношеніи Киръ, во всякомъ случаѣ поставилъ себя иначе, чѣмъ его Вавилонскіе предшественники: онъ позволяетъ плѣннымъ Іудеямъ возвратиться въ землю отцовъ, при столь свойственномъ этому могущественному и кроткому царю предоставленіи всяческаго содѣйствія возвращаемымъ. Этотъ величайшій во всей Ветхозавѣтной Исторіи актъ царскаго великодушія санкціонированъ въ особомъ царскомъ указѣ, который во всѣ времена былъ предметомъ особеннаго вниманія историковъ. Указъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, по Іосифу, непосредственному ознакомленію царя съ пророчествомъ Исаіи [1]), предрекшаго о семъ за „210“ лѣтъ прежде взятія Вавилона и за 140 до раззоренія храма (Ис. XLIV, 28 и XLV; срв. Іер. XXV, 12; XXIX, 10, а также II Пар. XXXVI). Цифра эта болѣе, чѣмъ вдвое преувеличиваетъ настоящую дату времени [2]). Самый указъ Кира, изданный въ первый же годъ (537-й) его единовластія, бывшій 70-мъ и послѣднимъ плѣна Израильскаго, у Іосифа приводится вообще болѣе кратко и отрывочно; едва ли, впрочемъ, совершенно подлинно переданъ онъ и въ свящ. текстѣ, какъ то̀ можно заключать уже на основаніи выраженія I Ездр. I, 1, что Киръ повелѣлъ объявить по всему царству своему — словесно и письменно (II Пар. XXXVI, 22), т. е. съ извѣстною свободою сообщенія, подобно, напримѣръ,

[1]) Stade не безъ основаній стимуломъ къ возвращенію Іудеевъ выставляетъ и обыкновенные политическіе разсчеты. Какъ государь не только великодушный и благочестивый, но и дальновидный политикъ, Киръ съ самыхъ же первыхъ шаговъ могъ видѣть, насколько полезнымъ было бы—поставить себя дружественно къ плѣннымъ іудеямъ и подкупить ихъ милостію возвращенія въ Палестину и возстановленія ихъ культа. Это служило столько же къ упроченію его владычества, какъ и мягкое правленіе его покоренною Вавиліоніей. Въ то время, какъ на отдаленномъ юго-западѣ его царства образовывалось этимъ маленькое отъ всѣхъ своихъ сосѣдей упорно удалявшееся общество, которое столько обязывалось всѣми своими благами, до самаго существованія включительно, персидскому правительству,—для послѣдняго прибавлялся тамъ одинъ тѣсно связанный милостями общенія и достаточно надежный союзникъ, обезпечивавшій собою лучше всего спокойствіе юго-западной границы обширной монархіи. Подобная же догадка высказывается Веберомъ, по которому Киръ ближе разсчитывалъ на поддержку со стороны Іудеевъ въ войнѣ, которую онъ замышлялъ противъ Египта (I, 154 изд. 1860). Все это вполнѣ возможныя, но отнюдь, однако, не единственныя оправданія языческой политики, которая нашла цѣлесообразнымъ возстановленіе анти-языческаго культа Іеговы и возсозданіе Іудейства въ Палестинѣ. Не менѣе естественнымъ для такого важнаго дѣла должно представляться соображеніе, что Киръ могъ быть возбужденъ къ нему Даніиломъ, или же пророчествомъ Исаіи, какъ у Іосифа, хотя дерзновенно будетъ конечно казаться въ данномъ случаѣ православнѣе самого Филарета, который придаетъ этому соображенію лишь значеніе „вѣроятности“ или ставитъ принятіе его въ зависимость отъ неопровержимаго авторитета Флавія. У тогоже Stade приводится, между прочимъ, и еще довольно правдоподобное объясненіе чрезвычайной заботливости Кира въ частности о возстановленіи Іерусалимскаго храма. Онъ видитъ здѣсь актъ не только политическихъ соображеній и выгодъ, но и вполнѣ достойное великаго царя желаніе — связать свое имя съ возстановленіемъ въ прежнемъ величіи древнѣйшаго, по преимуществу царскаго храма, воздвигнутаго и украшавшагося славнѣйшими царями древности; въ пользу этого и не безъ основанія выставляется самое то, что въ царскомъ указѣ принимаются въ уваженіе даже размѣры храма, и подтверждается, съ другой стороны, возможность царской щедрости, обезпечивавшей возстановленіе Іудейскаго святилища на счетъ царской казны.

[2]) Филаретъ, Начертаніе Ц.-Б. И. 264 стр. 1 пр. Изд. 1897 г.

допущенной въ I Езд. VI, 3 или V, 14—15, а также II Ездр. VI, 24 и д. Впрочемъ, нѣтъ ничего недостовѣрнаго и въ томъ, что и при извѣстной свободѣ сообщенія была одна неизмѣнно-оффиціальная форма указа, болѣе или менѣе близкая къ приводимой свящ. текстомъ и хранившаяся въ книгохранилищахъ Экбатанскаго дворца (I Ездр. VI, 1—2; II Ездр. VI, 23). Замѣчательно маленькое, но весьма характерное различіе, выступающее въ эдиктѣ Кира о возстановленіи храма—между каноническою и неканоническою книгами Ездры и отношеніе къ этому различію Іосифа. По первому изъ указанныхъ источниковъ Киръ говоритъ въ своемъ эдиктѣ: „всѣ царства земли далъ мнѣ Іегова, Богъ Небесный, и Онъ повелѣлъ мнѣ воздвигнуть Ему домъ въ Іерусалимѣ“.., гдѣ, такимъ образомъ, Іегова является какъ бы Богомъ самихъ Персовъ. Апокрифическій текстъ Ездры даетъ нѣсколько другое изложеніе: „Богъ Израиля, (Который есть) Высочайшій Богъ, поставилъ меня царемъ вселенной и повелѣлъ мнѣ воздвигнуть Ему домъ въ Іерусалимѣ“... Между этими обѣими версіями Іосифъ могъ впадать въ понятное затрудненіе. Съ одной стороны, ему могло казаться не совсѣмъ правильнымъ обозначить Іегову, прямо какъ Бога Персовъ (*ὁ Θεὸς τοῦ οὐρανοῦ*); обращаясь, затѣмъ, къ апокрифическому Ездрѣ, онъ долженъ былъ подобнымъ же образомъ ослабить выраженіе „Господь Всевышній“ (*ὁ Κύριος ἐξοχώτατος*) и допускаетъ Кира назвать Бога *ὁ Θεὸς ὁ μέγιστος*, о Которомъ онъ „удостовѣрился“, что это „Тотъ Самый, Которому покланяется народъ Израильскій“. Употребляя этотъ характерный и любопытный компромиссъ между 2 текстами, Іосифъ не совсѣмъ выдумываетъ: онъ слѣдуетъ первоначальному смыслу своего текста въ общемъ, но считаетъ при этомъ необходимымъ модифицировать его по своему собственному соображенію и примѣнительно къ персидскимъ воззрѣніямъ, для коихъ было столь обычно въ титулѣ персидскаго царя выраженіе *μέγας βασιλεύς* (отсюда—*ὁ Θεὸς ὁ μέγιστος*) [1]). Но спрашивается еще, есть ли очевидная настоятельнѣйшая нужда въ такомъ или подобномъ компромиссѣ, за который высказываются и новѣйшіе историки, и такъ ли трудно на самомъ дѣлѣ допустить подлинность хотя бы и канонического текста указа, какъ это старается подвергнуть сомнѣнію, напр., Stade? „Какъ Персъ, онъ (т. е. Киръ)—читаемъ у Stade—оставался, конечно, вѣренъ религіи своихъ отцовъ, и не имѣлъ какихъ либо особенныхъ поводовъ думать о ней иначе, чѣмъ Персъ“. Намъ кажется, однако, это возраженіе, по справедливости, малоумѣстнымъ. Въ нашъ вѣкъ, богатый смѣлыми гипотезами и опрометчивыми до вздорности увлеченіями „критикою“ всего, что не нравится предубѣжденному, а не непосредственному чувству, да будетъ позволено допустить (безъ того, конечно, чтобы это кого къ чему обязывало), почему „указъ

[1]) *I Ездры (канонический текстъ указа):* *πάσας τὰς βασιλείας τῆς γῆς ἔδωκέ μοι Κύριος ὁ Θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καί αὐτὸς ἐπεσκέψατο ἐπ' ἐμὲ τοῦ οἰκοδομῆσαι αὐτῷ οἶκον ἐν Ἰερουσαλήμ.....*

II Ездр. (апокриф. т.): *ἐμὲ ἀπέδειξε βασιλέα τῆς οἰκουμένης ὁ Κύριος ἐξοχώτατος..... οἰκοδομῆσαι αὐτῷ οἶκον ἐν Ἰερουσαλὴμ τῇ ἐν τῇ Ἰουδαίᾳ.*

Іосифъ: *ἐπεί με ὁ Θεὸς ὁ μέγιστος τῆς οἰκουμένης ἀπέδειξε βασιλέα, πείθομαι οὗτον εἶναι ὃν τὸ τῶν Ἰσραηλιτῶν ἔθνος προσκυνεῖ· καὶ γαρ τοὐμὸν προεῖπεν ὄνομα διὰ τῶν προφητῶν καὶ ὅτι τὸν ναὸν αὐτοῦ οἰκοδομήσω ἐν Ἰεροσολίμοις.*

Кировъ" подобно нынѣшнимъ манифестамъ не могъ быть составленъ по порученію Кира однимъ изъ Евреевъ-министровъ и подписанъ Киромъ? Для *язычника* не должно ли было быть почти безусловно все равно, что бы и какому бы богу ни приписывалось читаемое въ указѣ! При чемъ тутъ во всякомъ случаѣ измѣна религіи, и велика ли въ самомъ дѣлѣ бѣда издать или подписать *такой* указъ *язычнику*! Это совсѣмъ не то вѣдь, что подписаться какому нибудь Марку Ефесскому подъ Флорентійскими постановленіями. Если въ государствѣ христіанскаго Самодержца, не безъ Его, конечно, прямого вѣдома и узаконенія, возможны, напримѣръ, и вполнѣ разумны особыя формы присягъ для еврея, магометанина и т. д., гдѣ присягающій ставитъ себя предъ лицомъ Іеговы или Аллаха, кромѣ которыхъ ему позволяется не знать ничего болѣе,—то не вижу никакого препятствія допустить *нѣчто подобное* въ умнѣйшемъ изъ языческихъ Самодержцевъ. Пусть намъ не говорятъ о современныхъ свободѣ совѣсти и религіозной терпимости. Въ языческомъ государствѣ совершенно тѣ же практическіе результаты могли даваться присущимъ язычеству религіознымъ равнодушіемъ и, такъ сказать, языческимъ космополитизмомъ.

Не признавая во всякомъ случаѣ безусловной необходимости заподозривать, по крайней мѣрѣ, большую или меньшую подлинность и возможность канонической варіаціи указа *по существу*, мы не имѣемъ, конечно, ничего противъ положенія, что и она такъ же не точно, можетъ быть, передаетъ настоящую оффиціальную форму указа Кира (если только одна таковая существовала), какъ и другія варіаціи. И ни сличеніе этихъ варіацій, ни самая остроумная композиція ихъ никогда не дадутъ вполнѣ неоспоримаго права выдавать за болѣе вѣроятное или подлинное то, форму чего могло бы помочь окончательно установить лишь какое либо неожиданно-новое археологическое открытіе. Что касается письма Кирова къ Сирійскимъ намѣстникамъ, то—выдумано ли оно въ своей формѣ самимъ Іосифомъ, какъ соглашаются нѣкоторые, полагая матеріаломъ для него сообщеніе II Езд. VI, 24, 27 и д. о повелѣніи Кира строить храмъ, или нѣтъ, только—оно носитъ слѣды крайней порчи во многихъ отношеніяхъ [1]), и представляетъ не мало неточностей въ сопоставленіи съ указаніями библейскими.—Число возвратившихся (постепенно) Іудеевъ Іосифъ указываетъ 42462 человѣка (по другимъ спискамъ 42360, какъ II Ездр. V, 41; I Ездр. II, 64 и Неем. VII, 66), при чемъ „многіе" предпочли, однако, остаться и въ Вавилонѣ, не желая лишаться своихъ благопріобрѣтенныхъ имѣній [2]). Въ качествѣ комментарія къ этому „многіе" служитъ нѣсколько далѣе то сообщеніе Іосифа (то же и Talmud), что „10 колѣнъ и донынѣ обитаютъ за Евфратомъ (коихъ множества невозможно исчислить)" и только „два, живущія въ Азіи и Европѣ, поступили подъ власть Римлянъ". Надлежитъ отмѣтить здѣсь также неточность Іосифа въ перечисленіи сосудовъ, вывезенныхъ переселенцами изъ Вавилона: сходясь съ указаніями библейскими

[1]) Срв. наприм. описаніе размѣровъ проектируемаго храма съ I Ездр. VI, 4 и III Ц. VI, 36 (подробнѣе Riehm, II, 1661 и д. и Nowack, II, 71 и д.

[2]) *τὰ κτήματα καταλιπεῖν οὐ θέλοντες.*

лишь въ общей суммѣ, Флавій представляетъ значительныя уклоненія въ частностяхъ, какъ видно изъ сравненія его показаній съ I Ездр. I, 9—11.

Вскорѣ послѣ закладки храма, Киръ скончался во время борьбы съ воинственнымъ племенемъ Массагетовъ (529 г.) [1]), и постройка храма задерживается происками и вмѣшательствомъ Самарянъ, коихъ не успѣваетъ разобрать Киръ. Письмо, которое по I Ездр. IV, 7 и II Ездр. II, 16 и 30—адресуется отъ подкупленныхъ ими Сирійскихъ начальниковъ „Артаксерксу" съ доносомъ на неблаговидный будто бы образъ дѣйствій строителей, Іосифъ усвояетъ Камбизу [2]), сыну Кира (529—522), и его же именемъ помѣчаетъ отвѣтъ доносчикамъ, содержащій приказъ задержать дѣло строенія. Объясняется это различіе именъ очень просто, если принять во вниманіе, съ одной стороны, что интриги противъ реставраторовъ храма начались уже въ послѣдніе годы Кира,—а съ другой, при очевидной невѣроятности того, чтобы о храмѣ могла быть рѣчь при Артаксерксѣ (465—424), царствовавшемъ много позднѣе Дарія (521—485), при которомъ храмъ, и по Ездрѣ, былъ уже конченъ,—Іосифу несомнѣнно въ данномъ случаѣ ближе извѣстенъ былъ рядъ царей Персидскихъ, на основаніи другихъ болѣе компетентныхъ источниковъ [3]). Посему то, онъ, рабски подражая хотя бы апокрифическому Ездрѣ въ другихъ случаяхъ, „здѣсь" считаетъ, однако, необходимымъ не только не повторять ошибки источника, но и исправить ее. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, одинъ изъ благодарныхъ результатовъ труда Іосифа — провѣрять показанія Іудейской исторической литературы въ точкахъ соприкосновенія ея съ исторіею и литературою другихъ народовъ.

Правда, являясь болѣе достовѣрнымъ по сравненію съ Ездрою, представленіе Іосифа столь же оспаривается въ своей достовѣрности въ виду другихъ данныхъ, заставляющихъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, какъ напримѣръ Stade, совершенно измѣнить представленіе дѣла не только не въ пользу Ездры, но

[1]) Это извѣстіе о смерти Кира согласно съ Геродотомъ, III, 201—214, и Діодоромъ Сицилійскимъ, но мы не должны игнорировать при этомъ и другихъ свѣдѣній: таково сообщеніе Ктесія, по которому Киръ умеръ будто бы отъ раны, полученной въ борьбѣ съ дербиками на берегахъ Окса.

[2]) По Іосифу, царствовалъ 6 лѣтъ, точнѣе, по Геродоту, 7 л. и 5 мѣсяц. (кн. III, гл. 64, срв. 65 гл.), по Виросту—8 л., что не противорѣчитъ Геродоту, ибо лишніе 7 мѣсяцевъ образовались отъ прибавленія времени Лжесмердиса, не признаннаго оффиціально. Срав. Евсевій (Chron. lib. II, Mygne, P. C. C. ser. gr. t. XIX, col. 467—470).

[3]) Вотъ рядъ царей Персидскихъ: Астіагъ, послѣдній царь Мидянъ 595—559.
Cyrus 559—529.
Cambyses 529—522.
Маги-братья 522.
Дарій I, Гистаспъ 521—485.
Xerxes (Ahasverus) I, 485—465 (по Евс. † 1-й г. 79 Ол.,=464—463 г.).
Artaxerxes I Longimanus (Artahsastah) 465—424
Xerxes (меньшій) 424?
Согдіакъ — 424?
Дарій Нотъ 424—404.
Artaxerxes Memor 404—361.
Artaxerxes III Ochus 361—336.
Дарій III Кодоманъ 336—330 (finis).
Александръ Великій (Макед. царь) 329—323.

также и Іосифа. Stade не безъ основанія отмѣчаетъ довольно замѣтную безпорядочность показаній Ездры IV гл. о движеніи храмовыхъ работъ. По смыслу этихъ показаній, во 2-й мѣсяцъ II-го года по возвращеніи изъ плѣна Іудеевъ, Зоровавель и Іисусъ совершили торжественную закладку храма и положили начало храмовыхъ работъ. Едва, однако, услышали объ этомъ „враги Іуды и Веніамина“ (т. е. прежніе обитатели и сосѣди страны, еще точнѣе—Самаряне), какъ тотчасъ же предъявили требованіе, чтобы и имъ было удѣлено участіе въ храмозданіи. Зоровавель и Іисусъ, съ прочими главами поколѣній Израилевыхъ, наотрѣзъ въ этомъ имъ отказали. „И сталъ“ тогда „народъ земли той (мы уже знаемъ, кто это) ослаблять руки народа Іудейскаго и препятствовать ему въ строеніи“, и „подкупали противъ нихъ совѣтниковъ“, успѣвая задерживать предпріятіе Іудеевъ „во всѣ дни Кира до воцаренія Дарія“. Для иллюстраціи этихъ происковъ у Ездры IV, 6 упоминается о составленномъ врагами Іудеевъ въ началѣ царствованія „Агашвероша“ (?Ксеркса I, 485—465) обвинительномъ письмѣ на жителей Іудеи и Іерусалима; затѣмъ, упоминается подобное же другое письмо, отправленное Артаксерксу (?465—424) тремя персидскими чиновниками,—и, наконецъ, приводится содержаніе докладной записки, отправленной Артаксерксу же Рехумомъ совѣтникомъ и Шимшаемъ писцомъ, въ прямой результатъ каковой записки полагается соотвѣтствующее царское распоряженіе, въ силу котораго доносчики немедленно пошли въ Іерусалимъ къ Іудеямъ, и сильною вооруженною рукою остановили ихъ работу. Какую именно работу?—слѣдуетъ изъ дальнѣйшаго — „тогда остановилась работа при Домѣ Божіемъ, который въ Іерусалимѣ, и остановка сія продолжалась до второго года царствованія Дарія“... (I Ездр. IV, 24). Не странно ли, что стройка храма, по этому источнику, должна была остановиться въ силу указа Артаксеркса, царствовавшаго, какъ мы сказали, значительно позже, съ 465—425 г., что интриги съ цѣлью остановки работъ по храму дѣйствовали даже при Ксерксѣ, то же—царствовавшемъ лишь съ 485—465 г., послѣ чего во 2-й годъ Дарія, т. е. въ 520-й, *ранѣе* Ксеркса на цѣлыхъ 35 лѣтъ, а Артаксеркса на 55, было дано позволеніе на продолженіе храмовыхъ работъ, законченныхъ совершенно къ 6-му году того же Дарія (516 г. до Р.). Желая избѣжать именно столь невозможнаго нарушенія всѣхъ данныхъ исторіи, Іосифъ (а за нимъ и многіе другіе) и допускаетъ замѣну въ этомъ повѣствованіи Артаксеркса именемъ не названнаго въ Ветхомъ Завѣтѣ преемника Кирова—Камбиза, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, что дальнѣйшимъ тормазомъ храмовыхъ работъ до Дарія выступалъ, вмѣсто Ездриныхъ Агашвероша и Артаксеркса, слѣдовавшій за Камбизомъ Лжесмердисъ. Несогласно съ этимъ, Stade,—констатируя знаменательное обстоятельство, что приводимая Ездрою докладная записка Рехума и Шимшая Артаксерксу ни однимъ намекомъ не упоминаетъ о постройкѣ *храма*, но лишь о постройкѣ *городскихъ стѣнъ*, что дѣйствительно, происходило въ царствованіе Артаксеркса (во дни Ездры и Нееміи), когда храмъ былъ уже *давно готовъ*,—во вторыхъ, прицѣпляясь къ очевидному промаху повѣствованія Ездры и принимая въ основу подлинно-историческихъ представленій дѣла болѣе авторитетныя свидѣтельства пророковъ Аггея и Захаріи, современниковъ самой постройки,—совершенно дискредитируетъ упомянутую попытку Іосифа и предлагаетъ оригинально - смѣлое измѣненіе представленій всей исторіи храмозданія. Въ самомъ дѣлѣ, у пр. Аггея находимъ о постройкѣ храма слѣдующее:

1. „Во вторый годъ царя Дарія, въ шестый мѣсяцъ, въ первый день мѣсяца было слово Господне чрезъ Аггея пророка къ Зоровавелю, сыну Салаѳіилеву, правителю Іудеи, и къ Іисусу, сыну Іоседекову, великому Іерею:

2. Такъ сказалъ Господь Саваоѳъ: народъ сей говоритъ: не пришло еще время, не время строить Домъ Господень.

3. И было слово Господне чрезъ Аггея пророка:

4. А вамъ самимъ—время жить въ домахъ вашихъ украшенныхъ, тогда какъ Домъ сей въ запустѣніи?

5. Посему нынѣ такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: обратите сердце ваше на пути ваши.

6. Вы сѣете много, а собираете мало; ѣдите, но не въ сытость, пьете, но не напиваетесь; одѣваетесь, а не согрѣваетесь; заработывающій плату заработываетъ для дираваго кошелька.

7. Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ: обратите сердце ваше на пути ваши.

8. Взойдите на гору, и носите дерева, и стройте храмъ, и Я буду благоволить къ нему, и прославлюсь, говоритъ Господь.

9. Ожидаете многаго, а выходитъ мало; и что принесете домой, то Я развѣю,—за что? говоритъ Господь Саваоѳъ: за Мой Домъ, Который въ запустѣніи, тогда какъ вы бѣжите, каждый къ своему дому.

10. Посему-то небо заключилось, и не даетъ вамъ росы, и земля не даетъ своихъ произведеній.

11. И Я призвалъ засуху на землю, на горы, на хлѣбъ, на виноградный сокъ, на елей и на все, что производитъ земля, и на человѣка, и на скотъ, и на всякій ручной трудъ“.

Изъ этого раннѣйшаго пророчества Аггея выступаетъ *повидимому*, а по Stade—*несомнѣнно*, что во дни, когда оно было произнесено (въ 1 день шестого мѣсяца 2-го года Дарія, т. е. 520 до Р.), храмъ лежалъ еще въ совершенномъ запустѣніи. Народъ былъ того мнѣнія, что еще „не время“ приниматься за храмъ. Основаніемъ къ этому могло выставляться то, что народъ терпѣлъ крайнюю нужду, продолжительныя засухи повели къ неурожаямъ, и колонистамъ было не до того. Но пророкъ прямо противоположнаго мнѣнія: засуха и голодъ съ ихъ слѣдствіями трактуются имъ прямо какъ ниспосланное Богомъ наказаніе за то, что переселенцы прежде и болѣе всего заботились о своихъ домахъ, нежели о Божьемъ. Онъ пользуется посему праздникомъ новомѣсячія, собравшимъ на свое торжество весь народъ въ Іерусалимъ, чтобы пробудить совѣсть нерадивыхъ и изобличить ихъ несостоятельную уклончивость. И его слова возъимѣли желанное дѣйствіе. Общество трогается справедливостію пророческихъ укоровъ, и исполняется рѣшимости тотчасъ же поспѣшить начать храмъ:

14. „И возбудилъ Господь—читаемъ далѣе—духъ Зоровавеля, сына Сала-

Ѳіилева, правителя Іудеи, и духъ Іисуса, сына Іоседекова, великаго Іерея, и духъ всего остатка народа, и они пришли, и стали производить работы въ Домѣ Господа Саваоѳа, Бога Своего,

15. Въ двадцать четвертый день шестого мѣсяца, во вторый годъ царя Дарія".

Таково въ своей непосредственности свидѣтельство пр. Аггея о начатіи храмовыхъ работъ. Полагая необходимымъ и достаточнымъ временемъ три мѣсяца для производства *предварительныхъ* работъ по расчисткѣ и уборкѣ мѣста стройки, Stade принимаетъ первую изъ датъ пророка Аггея (24-й день 6-го мѣсяца) за начало *этихъ* именно работъ, а указываемую въ 10 ст. II гл. (24 день 9-го мѣсяца) за окончаніе ихъ и, вмѣстѣ, за тотъ день, къ которому сдѣлалась возможна и совершена дѣйствительно *торжественная закладка* храма, давшая поводъ пророку обѣщать отъ Имени Божія благопріятную перемѣну въ положеніи общества (II, 15). Въ то время, какъ раньше, „когда еще не былъ положенъ камень на камень въ храмѣ Господнемъ", они изнывали подъ лишеніями отъ засухъ и неурожаевъ,—теперь, обнадеживаетъ пророкъ, „отъ 24 дня 9-го мѣсяца, *отъ того дня, когда основанъ былъ храмъ Господень*, обратите сердце ваше: есть ли еще въ житницахъ сѣмена? Доселѣ не виноградная лоза, ни смоковница, ни гранатовое дерево, ни маслина не давали плода; ***а отъ сего дня Я благословлю ихъ!***" (II, 18—19).

Противъ справедливости всѣхъ этихъ соображеній Stade, мастерски сцѣпленныхъ незыблемымъ авторитетомъ пророческихъ показаній, повидимому, трудно возражать. Но въ такомъ случаѣ, что же мы должны сказать по поводу очевидно противорѣчащаго этимъ соображеніямъ повѣствованія Ездры, въ которомъ, и по отдѣленіи всѣхъ чуждыхъ позднѣйшихъ наслоеній, остается неизмѣннымъ тотъ смыслъ, что *закладка храма совершена Зоровавелемъ и Іисусомъ во 2-й мѣсяцъ 2-го года* по прибытіи въ Іерусалимъ (I Ездр. III, 8), что работы, начавшіяся тогда же, въ силу тѣхъ или иныхъ препятствій, *стояли до 2-го года Дарія* (IV, 24), послѣ чего уже *возобновились* снова и *доведены до конца въ шестой годъ Дарія* (VI, 15)?

Естественнымъ и вѣроятнѣйшимъ средствомъ примирить оба противорѣчивыя и оба каноническія повѣствованія было бы предположеніе, что настоящая первоначальная закладка храма обстояла дѣйствительно тогда и такъ, какъ и когда показываетъ Ездра, и что показанія Аггея не противорѣчатъ ему постольку, поскольку имѣютъ въ виду „вновь начатіе" храмовой постройки, возбужденное и освобожденное отъ угрожавшаго этому дѣлу равнодушія пророкомъ. Поправка Іосифа въ такомъ случаѣ несомнѣнно имѣла бы свое оправданіе, по крайней мѣрѣ, относительно *имени* царя, вызвавшаго такъ или иначе остановку постройки.

Однако, Stade подвергаетъ этотъ компромиссъ непримиримой критикѣ, предпочитая утверждаться на непререкаемомъ авторитетѣ другого современника Аггея, пр. Захаріи. Изъ IV, 9—VI, 12 и д. послѣдняго онъ выводитъ, что пророкъ знаетъ только какъ будто объ одномъ основаніи храма Зоровавелемъ, при чемъ стройка подвигается вначалѣ очень туго, но Захарія пророчествуетъ, что Зоровавель счастливо доведетъ её до конца. „Великая" гора

трудностей обратится ему равниною; онъ положитъ завершительный камень; *его руки положили основаніе* Дому Божію, онѣ и *окончатъ* его. Никакого слѣда не находимъ здѣсь того, чтобы стройка свыше 10 лѣтъ стояла въ препятствіяхъ. Въ дальнѣйшемъ 10 стихѣ IV гл. правда намѣчается возможность такого препятствія въ предубѣжденномъ равнодушіи къ сравнительной ничтожности успѣховъ проекта такой необычайной важности; но о самомъ сбытіи вообще подобныхъ возможностей нѣтъ и намека, что, однако, было бы здѣсь весьма кстати. Отдаленное подтвержденіе этой же мысли Stade находитъ въ I, 16 ст. Захаріи, гдѣ приводится изреченіе Господа чрезъ пророка, послѣдовавшее 24 дня 11-го мѣсяца (Шебатъ=Февраль, 519 года) 2-го года Дарія (срв. I, 7 ст.), слѣдовательно, спустя какъ разъ два мѣсяца послѣ указываемаго Аггеемъ дня закладки: „Я обращаюсь къ Іерусалиму съ милосердіемъ; въ немъ соорудится Домъ Мой, говоритъ Господь Саваоѳъ, и землемѣрная вервь протянется по Іерусалиму", и т. д.

Послѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ современныхъ пророковъ, Stade убѣждается въ невозможности предположеній, чтобы работы, возбужденныя пророками, были лишь вновь начатіемъ храмовой постройки, и принимаетъ за несомнѣнное, что переселенцы на первыхъ порахъ удовольствовались тѣмъ лишь, что воздвигли жертвенникъ всесожженій (Ездр. III, 1—IV, 5; срв. Аггея, II, 12 и др.). Этимъ удовлетворялась главная настоятельная потребность, и дѣлалось возможнымъ законосообразное принесеніе ежедневныхъ и установленныхъ по разнымъ другимъ случаямъ жертвъ. Что же касается начатія самаго храма, то отсрочка таковаго могла казаться даже цѣлесообразною, въ ожиданіи окончательнаго упроченія огранизаціи священства, тѣмъ болѣе что въ исполненіи обѣщаній Кира—способствовать постройкѣ храма царскими суммами—наступило какое-то непонятное замедленіе. Затрудненія отъ этихъ обманутыхъ разсчетовъ усугубились послѣ того, какъ рядъ неурожаевъ и засухъ исчерпалъ остатки денежныхъ фондовъ, крайне истощившихся по возведеніи жилищъ. Тутъ-то и умѣстными представлялись вышеприведенныя отговорки, что вообще время не наступило для начатія храма, если Іегова, какъ свидѣтельствовали продолжительные неурожаи, все еще гнѣвенъ на Свой народъ, и, не смотря на возвращеніе, отказываетъ ему въ Своемъ благословеніи. Такимъ образомъ, резюмэ мыслей Stade можно представить въ такомъ видѣ:

а) По возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна ими былъ первоначально устроенъ только одинъ жертвенникъ (I Ездр. III, 1—2 срв. 6 ст.).

б) Самый храмъ начатъ лишь по увѣщаніямъ пророковъ Аггея и Захаріи, во 2-й годъ Дарія (Агг. I, 1, 15; II, 1, 10, 15, 18, 20; Зах. I, 1 и д.).

в) Никакой *остановки* работъ не было, было лишь *полное равнодушіе къ начатію* этихъ работъ у самихъ переселенцевъ, правда отчасти извиняемое затруднительными обстоятельствами времени, какъ то: засуха, неурожаи, голодъ, обнищаніе, и т. п.

г) Никакія интриги „враговъ Іуды и Веніамина" здѣсь не имѣютъ мѣста: имъ мѣсто лишь впослѣдствіи, во дни Артаксеркса, при построеніи стѣнъ и укрѣпленіи города.

д) Ссылки Ездры на жалобы враговъ Іудеи и Іерусалима царямъ Агашверошу и Артаксерксу, и распоряженіе послѣдняго объ остановкѣ работъ, равно какъ доносъ ему Рехума и Шимшая, попали въ дѣло о храмѣ лишь по недоразумѣнію составителя книги, и должны быть приняты во вниманіе лишь въ представленіи послѣдующей исторіи Іерусалима.

Всѣ эти соображенія Stade, отрицательнымъ путемъ добытыя изъ неудачно пріобщенныхъ къ дѣлу о постройкѣ ссылокъ Ездры на интриги враговъ во времена Агашвероша и Артаксеркса, и положительнымъ—изъ ясныхъ свидѣтельствъ современниковъ-пророковъ,—вынуждаютъ насъ, въ видахъ столько же оправданія Іосифа, сколько вообще выясненія правильнаго представленія хода постройки храма—попытаться скомбинировать болѣе или менѣе ясныя, точныя и неопровержимыя свидѣтельства библейскихъ первоисточниковъ въ одно согласное цѣлое, провѣряя этими данными и оригинальное представленіе дѣла Stade. То прежде всего совершенно вѣрно, что возвратившіеся изъ плѣна Іудеи на первыхъ порахъ спѣшатъ пока лишь обзавестись жертвенникомъ. Ясныя и подробныя свидѣтельства объ этомъ Ездры (см. а) не допускаютъ возраженія. Но хотя это возобновленіе жертвенника и возстановленіе обычныхъ жертвоприношеній состоялось (къ 7-му мѣсяцу 1-го года) въ то время, когда „храму Господню еще не было положено основаніе“ (I Ездр. III, 6), однако, *подготовительная работа уже кипѣла:* каменотесы и плотники стали получать серебро за свои работы, Тиряне и Сидоняне—хлѣбъ, вино и елей за доставку строевого лѣса изъ Ливанскихъ рощъ. Далѣе, ясно указано и *начатіе* и самое *время начатія* храма, въ словахъ 8-го стиха III гл: „во *второй годъ* по приходѣ своемъ къ Дому Божію въ Іерусалимъ, во второй мѣсяцъ, Зоровавель, сынъ Салаѳіиловъ, и Іисусъ, сынъ Іоседековъ, и прочіе братья ихъ, священники и левиты, и всѣ пришедшіе изъ плѣна въ Іерусалимъ, *положили начало,* и поставили левитовъ отъ 20 лѣтъ и выше для надзора за работами Дома Господня“. Такимъ образомъ, далѣе, надъ начавшимися работами былъ учрежденъ уже и подобающій надзоръ (8 и 9 ст.). Народъ ликовалъ отъ радости, что „положено основаніе Дома Господня“ (11 ст.); старики плакали „при основаніи этого храма предъ глазами ихъ“ представляя „прежній храмъ“. *Нельзя смѣшивать* этой скорби при основаніи храма съ вполнѣ возможнымъ *повтореніемъ* оной по его окончаніи. Итакъ, по Ездрѣ храмъ *начатъ* во второй годъ по переселеніи. Если теперь онъ „вновь начинается“ еще и во второй годъ Дарія, по Аггею, то нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ показаніяхъ вопіющее *противорѣчіе* уже потому, что нѣтъ основанія навязывать сообщаемымъ въ нихъ событіямъ *тождества,* а, значитъ, и необходимость, въ силу этого насильно навязаннаго тождества - противорѣчія, отвергать одно представленіе дѣла въ пользу другого, совершенно случайна и ненеизбѣжна. Правда, можетъ смущать здѣсь не мало вѣская аргументація Stade, который, какъ мы отчасти показали, на незыблемомъ основаніи Библіи же отвергаетъ всякую возможность уловить въ словахъ Аггея мысль о *вновь начатіи* храма по его возбужденіямъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной остановки работъ. Но это собственно еще не есть рѣшительное устраненіе вообще всякихъ

выходовъ изъ затрудненія. Все зависитъ отъ того, какъ понимать это *вновь начатіе* храмовой стройки и самыя намѣренія повѣствующаго о семъ пророка. То справедливо, что Аггей *до* возбужденія храмовыхъ работъ въ его время не позволяетъ какъ будто подразумѣвать совершенно этихъ работъ, ни ихъ начатія, ни ихъ остановки, когда, напримѣръ, выражается о предшествующемъ времени, какъ о такомъ, „когда еще не былъ положенъ камень на камень въ храмѣ Господнемъ“ (II, 15 ст., срв. 18 ст.), но нельзя пренебрегать прежде всего тѣмъ, что пророки (Аггей и Захарія) и не имѣли намѣреній давать обстоятельную исторію постройки, и вращались только около одного опредѣленнаго современнаго момента ея, при чемъ для того, чтобы охарактеризовать наступленіе этого момента, какъ „начало“ работъ, одинаково годилось не только совершенное отсутствіе такихъ работъ ранѣе, но и остановка ихъ или замедленіе на одномъ изъ тѣхъ моментовъ, когда начатый храмъ могъ ничѣмъ не отличаться отъ груды развалинъ [1]). Самая продолжительность этой остановки около 10 лѣтъ въ такомъ случаѣ давала бы право назвать возбужденіе работъ „основаніемъ“ или „началомъ“ храма. Итакъ, второе положеніе, не находящее для себя серьезныхъ препятствій, таково, что начатая при Кирѣ постройка храма замедлилась или остановилась и совершенно—на продолжительное время. Причиной этого могли быть столько же препятствія и затрудненія, указываемыя у Аггея, сколько и тѣ, которыя, лишь въ скомканномъ видѣ, приведены Ездрою, и въ которыхъ мы скоро разберемся. Пророческія свидѣтельства не только не препятствовали бы допустить ихъ, но и могутъ давать имъ косвенныя подтвержденія. Такъ, напримѣръ, на эти именно препятствія могла указывать та „великая гора передъ Зоровавелемъ“, не смотря на которую Захарія обѣщаетъ ему (IV, 7 и д.) благополучное доведеніе до конца работъ его рукою.

Если даты Аггея и Захаріи, что по ихъ пророческимъ рѣчамъ во имя Бога Израилева храмъ былъ „начатъ“ во 2-й годъ Дарія, повторяетъ также арамейскій источникъ Ездры (I Ездр. V, 1 и д.), то и онъ дѣлаетъ это безъ того, чтобы исключать со всею очевидностію возможность работъ и раньше. Сопоставленіе того и другого повѣствованія о работахъ по постройкѣ храма со 2-го года Дарія приводитъ къ убѣжденію, что каждое изъ нихъ значительно дополняетъ другое, и оба въ общемъ рисуютъ довольно обстоятельную и ясную картину этой послѣдней фазы въ исторіи стройки. По повѣствованію Ездры, (V, 3 и д.) едва только Зоровавель и Іисусъ, подкрѣпляемые пророками Божіими, начали строить Домъ Божій въ Іерусалимѣ, какъ Ѳаѳнай, сатрапъ западно-евфратскихъ провинцій, въ сопровожденіи другихъ персидскихъ чиновниковъ, прибылъ въ Іерусалимъ и запросилъ, кто далъ позволеніе къ стройкѣ, и кто дерзнулъ предпринять ее? Общество тогда же увидѣло знаменіе особаго Божественнаго попеченія въ томъ, что сатрапъ не пріостановилъ, однако, продолженія стройки, и только счелъ нужнымъ провѣрить показанія и полно-

[1]) Есть основанія допустить, что работы застигнуты были остановкою вскорѣ послѣ начатія, едва только былъ заложенъ фундаментъ. Это въ намекѣ можно видѣть въ II Ездр. VI, 20, и прямѣе высказано у Іосифа, въ 4 гл. § 4, XI кн.

мочія строителей особымъ исходатайствованіемъ царскаго подтвержденія. Знаменательно здѣсь то, что Θаѳнай, при прибытіи въ Іерусалимъ,—конечно, возможно поспѣшно, застаетъ постройку храма *въ полномъ ходу*, и въ самомъ образѣ запроса къ строителямъ вкладываетъ непосредственно бросившійся ему въ глаза фактъ, что строители были лишь *продолжателями ранѣе ихъ начатой* уже работы: „кто далъ вамъ разрѣшеніе строить Домъ сей и *додѣлывать* стѣны сіи?“ спрашиваетъ онъ. Не менѣе знаменательно, что, давая свои показанія Θаѳнаю, старѣйшины не только ссылаются на великодушіе и милости Кира, но и напоминаютъ, какъ фактъ, *безпроволочную тогда же закладку* Дома Божія, который „съ тѣхъ поръ доселѣ строится, и еще не конченъ“, выражаются они (V, 16). Стараясь примирить это показаніе со своею тенденціею, не допускающею никакого продолженія прерванныхъ работъ, Stade изощряется сдѣлать это очень ловкимъ предположеніемъ объ особой разсчетливости Іудеевъ, въ интересахъ которыхъ было именно представить дѣло начатымъ не по возбужденію пророковъ и своевольно, а какъ продолженіе начала, опиравшагося гораздо ранѣе на царскій авторитетъ. Однако, къ чему же, спрашивается, Іудеи стали бы взводить на себя эту и ненужную и опасную напраслину, когда царскій авторитетъ всегда оставался за ними, и когда напраслина эта на мѣстѣ могла быть уличена торжественно свидѣтелями и современниками, среди которыхъ сейчасъ же для указаннаго уличенія не преминули бы предъявить свои услуги враги и явные недоброжелатели Іудейскаго предпріятія, упоминаемые Ездрою (IV, 1 и д.). Очевидно, мы имѣемъ здѣсь совершенно ясный и достаточно авторитетный доводъ въ пользу того представленія дѣла, которое, несогласно съ Stade, допускало бы замедленіе и остановку работъ за время между Киромъ и Даріемъ.

Намъ остается, такимъ образомъ, еще лишь разобраться въ тѣхъ, безспорно, запутанныхъ и скомканныхъ показаніяхъ IV главы Ездры о препятствіяхъ стройки, ради которыхъ вся эта глава забраковывается у Stade.

Не подлежитъ сомнѣнію, прежде всего, что составитель Ездры (IV, 6 и 7 ст. и д.) по недоразумѣнію впутываетъ въ разсказъ объ интригахъ по дѣлу храма имена царей Агашвероша и Артаксеркса. Если это недоразумѣніе объяснить тѣмъ, что повѣствователь смѣшалъ, не отличая, интриги по поводу *стѣнъ* съ интригами въ дѣлѣ *храма*, то ошибка его должна быть исправлена тѣмъ, что весь этотъ отдѣлъ IV главы, съ 6 по 23 стихъ, долженъ быть изъятъ отсюда и отнесенъ къ дальнѣйшимъ повѣствованіямъ изъ временъ поименованныхъ царей. Связь рѣчи отъ этой операціи нисколько не страдаетъ; мы будемъ читать въ этомъ случаѣ: „услышали враги Іуды и Веніамина, что возвратившіеся изъ плѣна строятъ храмъ.... и пришли.... и сказали имъ: будемъ и мы строить“.....; и сказалъ имъ Зоровавель...: „мы одни будемъ строить...., какъ повелѣлъ намъ царь Киръ, царь Персидскій; и сталъ народъ земли той ослаблять руки народа Іудейскаго, и препятствовать ему въ строеніи; и подкупали противъ нихъ совѣтниковъ, чтобы разрушить предпріятіе ихъ, во всѣ дни Кира, царя Персидскаго, и до царствованія Дарія, царя Персидскаго“; затѣмъ, прямо 24 стихъ: „тогда (или „такъ“) остановилась работа при Домѣ Божіемъ, который въ Іерусалимѣ; и остановка сія продолжалась до втораго года царствованія Дарія, царя Персидскаго“. Нѣтъ ничего естественнѣе этого представленія дѣла: мы не будемъ имѣть въ немъ лишь несущественныхъ иллюстрацій того, *какъ* именно „народъ земли той“ достигалъ чрезъ „совѣтниковъ“ разрушенія и замедленія предпріятія Іудеевъ, во всѣ дни Кира и до Дарія. Изъятый же отдѣлъ въ своемъ мѣстѣ не потеряетъ цѣнности именно въ качествѣ важныхъ иллюстрацій того, какъ враги „жителей Іудеи и Іерусалима“ возбуждали противъ нихъ (впослѣдствіи) Агашвероша и Артаксеркса, употребляя для этого доносы и подкупы, только не съ цѣлью препятствій *уже оконченному* храму, а съ цѣлью разрушенія *дальнѣйшихъ попытокъ* Іудеевъ снабдить свой городъ и *стѣнами*, безъ которыхъ былъ небезопасенъ и городъ и храмъ. Въ пользу такой реставраціи IV главы Ездры говорило бы самое то, что докладная записка „Артаксерксу“ Рехума и Шимшая, за которою у Ездры слѣдуетъ сообщеніе объ остановкѣ храма, ни однимъ намекомъ не упоминаетъ о постройкѣ храма, но лишь доноситъ о постройкѣ стѣнъ, что дѣйствительно происходило въ царствованіе Артаксеркса.

Если же, далѣе, вышеуказанное недоразумѣніе составителя книги Ездры, вытекающее изъ стиховъ 6—23 IV главы, особенно въ сопоставленіи съ предшествующимъ и послѣдующимъ (5 и 24 стихи) объяснять на счетъ того, что онъ перепуталъ лишь имена царей, помѣщая, однако, совершенно подходящіе къ данному мѣсту факты, то единственно возможная и цѣлесообразная поправка допущенной ошибки должна быть сдѣлана, очевидно, въ духѣ Іосифа Флавія, замѣнившаго Артаксеркса во всей этой исторіи именемъ Камбиза [1]). То указанное нами обстоятельство, что въ доносѣ Рехума обходится совершенно упоминаніе о возстановленіи храма, въ такомъ случаѣ заставляло бы или отдать предпочтеніе изложенію этого доноса по апокрифическому Ездрѣ (II Ездр. II. 17—24), гдѣ въ числѣ другихъ побужденій доноса сохраняется ясное указаніе и на „начатіе“ *храма* (18 и 20 ст.), какъ дѣлаетъ между прочимъ Іосифъ, или же — предположить въ данномъ случаѣ особую уловку со стороны доносчиковъ, въ прямыхъ интересахъ которыхъ было даже нарочно обойти упоминаніе о постройкѣ храма уже потому, что они не могли не знать царскихъ (Кировыхъ) дозволеній этого, и, такимъ образомъ, при этой-то неуязвимости Іудеевъ, естественно они должны были налегать болѣе, если не исключительно, на то, что вѣрнѣе возбуждало бы противъ Іудеевъ подозрительнаго и далеко не столь достойнаго такого отца, какъ Киръ, сына, то-есть, именно на построеніе стѣнъ,—на то, что выходцы Іудеи, прибывшіе въ Іерусалимъ, „отстраиваютъ этотъ мятежный и негодный городъ“ (I Ездр. IV, 12), издавна заявившій себя отпаденіями (ст. 15), за которыя, между прочимъ, былъ и разрушенъ, и повтореніе которыхъ грозитъ теперь для царя не меньше не больше какъ совершенной потерей „владѣній за рѣкою“ (16 ст.). Самая эта мысль доноса, пытающаяся раздуть дозволенное дѣло возсозданія храма въ громкое

[1]) Срв. также Hitzig. 271—274.

и опасное злоупотребленіе возсозданія стѣнъ, могла быть, при этомъ, не пустою выдумкою и извращеніемъ факта, а имѣть и долю правды въ томъ, что самый проектъ, мѣстоположеніе и др. условія возсозданія Іудейскаго святилища придавали ему неизбѣжно характеръ не совсѣмъ обычнаго предпріятія, одинъ фундаментъ котораго на скалисто-обрывистой и крайне неровной горѣ долженъ былъ переходить во многихъ мѣстахъ именно въ грозныя стѣны [1]), на что, между прочимъ, прямо указываютъ Самаряне и у Іосифа во второмъ своемъ доносѣ Дарію (*Ἀρχ.* XI, 4, 6).

Трудно сказать, которому изъ двухъ возможныхъ объясненій дѣла, приведенныхъ нами, слѣдуетъ отдать предпочтеніе: каждое имѣетъ доводы за и противъ, и каждое не чуждо своихъ слабостей. Безспорно одно, что остановка въ работахъ по храму до 2-го года Дарія *была*, и обусловливалась какъ всевозможными помѣхами со внѣ, со стороны враговъ и недоброжелателей Іудейскаго общества, такъ и внутренними причинами, указываемыми у пр. Аггея,—коими были—матеріальное и моральное пораженіе энергіи строителей вслѣдствіе засухъ, неурожаевъ, голода и раззоренія, постигшихъ беззащитное и плохоорганизованное общество переселенцевъ.

Продолжительность остановки строенія храма (I Ездр. IV, 24 и II Ездр. II, 31) „до втораго года царствованія Дарія, царя персидскаго“ измѣряется, по Іосифу, количествомъ около 9 лѣтъ [2]), если Камбизъ царствовалъ 6 лѣтъ [3]). Преемникомъ его,—впрочемъ, послѣ нѣкотораго промежутка, когда престолъ былъ въ похищеніи у мага Лжесмердиса (522 г.) [4]),—сдѣлался Дарій Гистаспъ (521—485), который, по словамъ Іосифа (срв. II Ездр. IV, 43 и д.), еще простымъ гражданиномъ далъ обѣтъ, по достиженіи престола, возвратить все, взятое изъ Іерусалима и еще остававшееся въ Вавилонѣ, и при которомъ Зоровавель, вернувшійся изъ св. города вскорѣ по воцареніи Дарія, какъ издревле дружественный новому царю, былъ взысканъ его милостями и причисленъ къ царскимъ тѣлохранителямъ. Обязанное послѣднему назначенію участіе этого Зоровавеля въ рѣшеніи загадокъ, послужившее впослѣдствіи много успѣху возобновленія начатаго храма, передаваемое весьма согласно съ апокрифическимъ Ездрою, имѣетъ ту особенность, что не царь, по Библіи, а стражи сами себѣ даютъ загадки, и только впослѣдствіи заинтересовывая и царя, склоняютъ его на покровительственное третейство въ своемъ спорѣ. Вся

[1]) До настоящаго времени нельзя безъ изумленія видѣть остатковъ, напримѣръ, фундамента, сохранившагося, какъ полагаютъ, отъ временъ Ирода, и простирающагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вглубь до 120 ф. *подъ* поверхностью земли, сверхъ неменьшаго возвышенія *надъ* этою поверхностію. См. Св. г. Моріа, Нива № 42, 1900 г.

[2]) Когда у Köhler'a II/2 стр. 579 замѣчается напротивъ, что постройка храма въ дѣйствительности стояла не 9, а 16 лѣтъ, съ конца 536 г. до половины 520, то Іосифъ правъ постольку, поскольку ведетъ свой счетъ съ Камбиза. Это и естественнѣе, ибо ни откуда не извѣстно, чтобы происки враговъ Іудеевъ остановили храмъ еще при Кирѣ. Іосифъ правдоподобно относитъ это ко времени Камбиза.

[3]) Сконч. 522 г. Meyer. Geschichte des Alterthums. B. I, s. 512.

[4]) Срв. у Іосифа: „по избіеніи маговъ, овладѣвшихъ послѣ смерти Камбиза правленіемъ надъ Персами и державшихъ власть въ своихъ рукахъ въ теченіе года (Геродотъ „7 мѣсяцевъ, которыхъ недоставало къ 8-ми годамъ Камбиза“ (кн. III, гл. 65), семь персидскихъ домовъ (т. е. въ лицѣ своихъ представителей), выбрали царемъ Дарія (*Ἀρχ.* XI, 3, 1; срв. Герод. III, 68—88) Гистаспа.

вообще повѣсть много напоминаетъ Зенд-Авесту, гдѣ однажды ставится вопросъ, какія суть 5 наиболѣе достойныхъ желанія вещей? Подобный вопросъ выставляется въ апокрифѣ Ездры тѣлохранителями царя—что всего сильнѣе? Они называютъ—вино, царя, женщину, при чемъ высказавшійся за послѣднюю напослѣдокъ устанавливаетъ, что сильнѣе всего—истина. Царь Дарій, которому предлагается это на обсужденіе, назначаетъ награду тому, кто высказался за превосходство истины,—очевидно, потому, что это была мысль Зенд-Авесты, столь удачно израилизированная разсматриваемымъ апокрифомъ. Высказавшійся такъ—Зоровавель, счастливая побѣда котораго въ этомъ спорѣ даетъ ему прекрасный поводъ „напомнить“ обѣты Дарія и исходатайствовать у него также, вмѣсто награды, безпрепятственное возобновленіе пріостановленной постройки храма. Чрезвычайная доброта царя въ отвѣтъ на эту просьбу и дарованіе имъ полной свободы относительно просимаго расположили на этотъ разъ къ переселенію новыя громадныя массы остававшихся въ плѣну, хотя цифры Іосифа въ данномъ случаѣ крайне сбивчивы и ненадежны, такъ что установить изъ нихъ что либо опредѣленное и общее съ первоисточникомъ его нѣтъ никакой возможности.

Что касается собственно исторической цѣнности всего этого апокрифическаго разсказа о Зоровавелѣ, выдаваемаго Іосифомъ за чистую истину, то вообще въ немъ исторически достовѣрнаго мало находитъ уже Митр. Филаретъ, считая излишнимъ сказать объ этой повѣсти болѣе того, что она „показываетъ греческое перо!“. Потому-то, безъ сомнѣнія, ее почтилъ особеннымъ вниманіемъ и Іосифъ, вообще ведущій разсказъ объ этой эпохѣ въ болѣе первоначальномъ согласіи съ Ездрою каноническимъ, и только мѣстами допускающій справки съ апокрифическимъ, доходящія прямо до рабской зависимости, какъ между прочимъ и въ только что приведенномъ разсказѣ о Зоровавелѣ [1]).

Едва только возобновилась постройка храма „во второй годъ Дарія (I Ездр. IV, 24; *Ἀρχ.* XI, 2), какъ прежніе враги Іудеевъ снова выступаютъ со своими происками. Когда сомнительныя и ненужныя услуги ихъ въ дѣлѣ строенія были благоразумно отклонены, они заинтриговали противъ Іудеевъ опять Сирійскаго и Финикійскаго намѣстниковъ—Сисина и Саравасана [2]), которые тотчасъ же поспѣшили ближе вмѣшаться въ дѣло и, отобравъ на мѣстѣ показанія Іудеевъ о законности и чистотѣ ихъ намѣреній, обратились съ запросомъ обо всемъ къ царю [3]). Къ счастію,—не смотря на то, что Самаряне

[1]) Не мало указать можно и другихъ разительныхъ образцовъ въ данномъ отношеніи. Таковы, особенно, наименованія вождей переселенцевъ у Іосифа—*φυλῶν ἄρχοντες*, у II Ездр. II, 8—*ἀρχίφυλοι*, у I Ездр. I, 5—*ἄρχοντες τῶν πατρίων* (срв. еще *Ἀρχ.* XI, 1, 3 съ II Ездр. II, 11 и I Ездр. I, 8 — 2, 3 „ II, 17 „ IV, 8—11 — ib. „ II, 18 „ IV, 12) и много другихъ подобныхъ мѣстъ, представляющихъ, между прочимъ, при бо́льшемъ сходствѣ Іосифа съ Ездрою апокрифическимъ, — и радикальное отличіе отъ Ездры каноническаго.

[2]) I Ездр. V, 13 Θαθναй и Шеаар-Бознай; II Ездр. VI, 3—согласно съ Іосифомъ.

[3]) Знаменательно здѣсь то, что доносчики не придумываютъ никакихъ тенденціозныхъ освѣщеній предпріятія Іудеевъ, съ цѣлью вѣрнѣе вооружить противъ нихъ царя. И Іудеевъ они спрашиваютъ, по Іосифу, не о томъ, какое они имѣютъ право

и сами не умедлили подать доносъ на Іудеевъ, обвиняя ихъ въ томъ, что укрѣпляютъ городъ и придаютъ храму видъ скорѣе крѣпости, чѣмъ святилища, и запугивая царя избитыми опасеніями,—Дарій вполнѣ добросовѣстно и трезво взглянулъ на это дѣло и обращенный къ нему запросъ своихъ вельможъ. Въ результатѣ является предписаніе царя всячески содѣйствовать предпріятію Іудеевъ, связь котораго съ указомъ Кира совершенно подтвердилась, и которое на этотъ разъ въ теченіи 7 лѣтъ и было окончено (516 г. до Р.) „въ девятый“ годъ Дарія—по сообщенію Іосифа, а по I Ездр. VI, 15 въ „шестой“ [1]), по „волѣ Бога Израилева и по волѣ Кира и Дарія и Артаксеркса царей Персидскихъ“, какъ читаемъ въ I Ездр. VI, 14, и „сообразно велѣнію Господа Бога и по желанію царей *Кира и Дарія*“, какъ точнѣе поправляется это у Іосифа.

Возстановленіе Іерусалима и храма сопровождалось также учрежденіемъ особаго рода правленія въ Іудеѣ, во главѣ котораго стояли первосвященники (priesterstaat). Они держали въ своихъ рукахъ (чрезъ верховный совѣтъ—*γερουσία)* верховную власть до Асмонеевъ, въ родѣ которыхъ, нераздѣльно отъ первосвященства, возстановилась еще разъ національная царская власть. На первыхъ порахъ, впрочемъ, значеніе первосвященника, рядъ которыхъ открывается Іисусомъ, въ особенности рядомъ съ представителемъ рода Давидова Зоровавелемъ, занимало, очевидно, второстепенное мѣсто. Зоровавель выступаетъ прямо, у Аггея I, 1, въ званіи „правителя Іудеи“, сильное основаніе къ чему давало то, что онъ поставленъ былъ персидскимъ „намѣстникомъ“ страны. Вообще же, національнымъ главою переселенцевъ, въ строгомъ смыслѣ слова не былъ ни Зоровавель, ни онъ и Іисусъ вмѣстѣ. Нельзя не замѣчать этого уже изъ самаго реестра переселенцевъ, которые, по неслучайно-осторожному выраженію источника, характеризуются какъ „пришедшіе съ Зоровавелемъ, Іисусомъ, Нееміею, Азаріею, Раамією, Нахманіемъ, Мардохеемъ, Билшаномъ, Мисфереѳомъ, Бигваемъ, Нехумомъ, Вааною (Ездр. II, 2; Неем. VII, 7). Что ни Зоровавель, ни Іисусъ не отличены здѣсь никакимъ особымъ титуломъ, нельзя не назвать важнымъ; ясно отсюда, что эти 12 имѣли равное значеніе, и всѣ вмѣстѣ, уже въ Вавилоніи, стояли во главѣ возвращавшихся. Это были главы колѣнъ, вліятельнѣйшихъ Іудейскихъ родовъ, которые, представляя вмѣстѣ аристократическую коллегію, сообща организовали дѣло переселенія. Подлѣ этой коллегіи, какъ показываетъ исторія Ездры, стояло еще „народное собраніе“. Это, такимъ образомъ, поясняетъ и подтверждаетъ мысль Іосифа, что въ Іерусалимѣ былъ введенъ „полуаристократическій, полуолигархическій строй правленія“. При этой естественности возвращенія именно къ такому древнесе-

строить вообще, но лишь о томъ, зачѣмъ строятъ *такъ*, что изъ *храма* выходитъ скорѣе *крѣпость*. Очевидно, что такая форма запроса лучше идетъ къ повторенію всей этой исторіи, почему и допускаетъ ее Іосифъ, подтверждая, что остановка, вопреки Stade, *была*, и прямо указывая, что представлялъ изъ себя неоконченный храмъ, (одинъ „фундаментъ“). (*Ἀρχ.* XI, 4 гл. § 4).

[1]) Іеронимъ, ссылаясь на Хронику Евсевія, даетъ тоже показаніе, но въ существующемъ теперь текстѣ Хроники это событіе отнесено къ 4 году 65 Ол. и 4 году Дарія. (Mygne. P. C. C., ser. g., t. XIX, col. 469—470).

митическому устройству правленія, послѣ устраненія царства, вполнѣ понятно также, что представитель рода Давидова, котораго украшала слава прошедшаго и возвеличивали пророческія картины будущаго, названъ во главѣ этихъ 12, и рядомъ за нимъ представитель рода священническаго—Садокянинъ, самостоятельно отъ царства олицетворявшій жизненное значеніе и цѣлость важнѣйшихъ завѣтовъ націи. Такой порядокъ вещей являлся прямымъ слѣдствіемъ протекшихъ фазъ государственной и религіозной жизни народа. Зоровавель и Іисусъ являются здѣсь, однако, только еще какъ первые между равными. Совершенно внѣ замѣтнаго вліянія ихъ оперируетъ коллегія 12 старѣйшинъ, выработывавшая основы всей внутренней жизни общества и радѣвшая непосредственно объ охраненіи ихъ цѣлости. Эти „старѣйшины“ или „старцы Іудеевъ“ безпрестанно выступаютъ наиболѣе дѣйствующими лицами въ кн. Ездры. Къ нимъ обращается персидскій сатрапъ съ запросомъ относительно полномочій на построеніе храма—Ездр. V, 5 и д.; къ нимъ направляется подтвержденіе Даріемъ этихъ полномочій—VI, 7; они представляются главными строителями храма—VI, 14; и съ ними же, наконецъ,—а не съ первосвященникомъ, напримѣръ,—сносятся впослѣдствіи Ездра и Неемія. Въ частности, относительно первосвященника устанавливается, что при самомъ возвращеніи Іудеевъ и ко времени составленія реестровъ Іисусъ даже еще и не былъ оффиціально признаннымъ первосвященникомъ, какъ это видно изъ Неем. VIII, 65, гдѣ не доказавшихъ своего священническаго происхожденія особыми родословными предписывалось, по наставленію намѣстника, имѣть подъ сомнѣніемъ и отлученіемъ „доколѣ не возстанетъ великій первосвященникъ съ уримомъ и туммимомъ“, который только и могъ рѣшить безапелляціонно вопросъ объ оправданіи ихъ притязаній. Что касается, затѣмъ, значенія Зоровавеля въ обществѣ, то оно какъ-то стушевывается вообще до темнаго вопроса, состояло ли свѣтское представительство общества послѣ него въ лицѣ дальнѣйшихъ потомковъ Давидова дома. При несомнѣнномъ отсутствіи свѣтскаго сильнаго средоточія власти, первосвященничество незамѣтно усвояло на счетъ его значительнѣйшую силу вліянія и представительства, независимо отъ способности выполнять новыя трудныя задачи, какія выдвигало въ изобиліи время, пока, наконецъ, не произошло упомянутое сліяніе правъ духовной и свѣтской власти въ фамиліи Асмонеевъ, окончательно приведшее фамилію Давида въ забвеніе.

Благосклонное отношеніе Персидскихъ властей, благопріятствовавшее возрожденію Іудейства, тѣмъ болѣе знаменательно при неустанныхъ усиліяхъ Самарянъ подорвать къ Іудеямъ расположеніе царя и вообще всячески вредить имъ. Разоблаченіе ихъ неугомонныхъ интригъ Іосифъ производитъ съ особою тщательностію, останавливаясь на нихъ нѣсколько разъ. Между прочимъ, они „опираясь на родство свое съ Персами, какъ происходившіе изъ страны Персидской“, ни за что не хотѣли допустить, чтобы изъ ихъ податей покрывались расходы Евреевъ на жертвоприношенія и поддержаніе храма, что повелѣвалось точнымъ указомъ царя. Нельзя не видѣть въ этомъ вполнѣ естественнаго и—позволимъ себѣ сказать—достаточно законнаго образа дѣйствій Самарянъ, которыхъ, конечно, нельзя осуждать вслѣдъ за Іосифомъ за то только, что они

не хотѣли участвовать матеріальными средствами въ томъ, участіе въ чемъ другими выраженіями ихъ усердія было отвергнуто [1]). Менѣе возвышенный образъ дѣйствій нельзя не приписать, поэтому, именно Евреямъ, которые не оставили безъ вниманія этого поступка Самарянъ, и отправили къ Дарію особое посольство съ жалобою на нихъ. Іосифъ приводитъ и указъ, воспослѣдовавшій отъ царя съ повтореніемъ своихъ повелѣній по этому поводу, который, если и подлиненъ, то ничего не даетъ для удовлетворенія непосредственнаго чувства, не отказывающаго здѣсь Самарянамъ въ нѣкоторой правотѣ ихъ образа дѣйствій.

То же благосклонное отношеніе къ Іудеямъ оказывалъ сынъ и преемникъ Дарія, котораго называетъ Іосифъ Ксерксомъ (*Ἀρχ.* XI, 5, § 1; Есѳ. I, 1, 485—465) [2]), приписывая ему унаслѣдованное отъ отца своего „благочестіе и почтеніе Богу". При этомъ Ксерксѣ, а по другимъ [3]) при сынѣ его Артаксерксѣ Макрохейрѣ (465—425), сформированъ былъ Ездрою (459—458), бывшимъ для оставшихся въ Вавилонѣ чѣмъ-то вродѣ исправляющаго должность первосвященника [4]) за свою праведность, вѣсъ въ глазахъ царя и ученость,—новый отрядъ переселенцевъ, напутствованный, какъ и прежде, милостями и указомъ царя, подлинникъ каковаго указа, по словамъ Іосифа, Ездра удержалъ при себѣ, прочитавъ своимъ Іудейскимъ согражданамъ въ Вавилонѣ, а копіи разослалъ по Мидіи всѣмъ остальнымъ единоплеменникамъ. Такъ какъ порученіе, данное Ездрѣ, было временное—„чтобы обозрѣть Іудею и Іерусалимъ (I Ездр. VII, 14), доставить туда серебро и золото, пожертвованное царемъ и совѣтниками его Богу Израилеву (15 ст.), поставить правителей и судей" и т. д. (25 ст.),—то очень вѣроятно, что, отвезя дары для храма, возстановивъ чистоту браковъ и назначивъ начальниковъ и судей надъ Іудеею, Ездра возвратился опять въ Персію. Въ согласіи съ этимъ будетъ то, что между 8 и 20 годами правленія Артаксеркса нѣтъ никакихъ слѣдовъ пребыванія Ездры въ Іудеѣ, и только въ 20-й годъ Артаксеркса мы видимъ его опять въ Іерусалимѣ вмѣстѣ съ Неемією. Если такъ, то принятое предположеніе, что Ездра былъ правителемъ Іудеи до самаго прибытія туда Нееміи, должно быть, очевидно, отвергнуто, основаніемъ для чего служитъ также то уже обстоятельство, что чистота браковъ, возстановленная имъ, такъ скоро нарушается опять, и то, что въ книгѣ Нееміи объ Ездрѣ не упоминается до самаго возстановленія Іерусалимскихъ стѣнъ (Неем. VIII, 1). Такимъ образомъ, нужно думать, что Ездра прибылъ во второй разъ въ Іерусалимъ уже послѣ Нееміи. О послѣдней

[1]) Въ этой тяжбѣ Самарянъ съ Евреями нельзя не отмѣтить подтвержденія факта вмѣшательства Самарянъ въ дѣло построенія храма. Stade, какъ мы видѣли, обходитъ этотъ фактъ и хочетъ знать только о препятствіи со стороны Самарянъ построенію Евреями стѣнъ. Данная подробность Флавія весьма годится для ослабленія аргументаціи Stade, см. выше.

[2]) Артаксерксъ Ездры I и II, 8 гл. 1 и др.

[3]) Dynnkell, Chron 251; Eichhorn, Einleit. III, 607; Bertholdt, Einleit. III, 989 и д. Winer, B. Realwört, I, 90; Bertheau, 398, „въ 7-й годъ" (I Ездр. VII, 8. *Ἀρχ.* XI, 5, § 2).

[4]) Настоящій, съ правомъ полнаго законосообразнаго проявленія своихъ потенцій, первосвященникъ былъ въ Іудеѣ, и теперь это былъ Іоакимъ (Неем. XII, 26), сынъ Іисуса, а послѣ него былъ Еліашивъ, сынъ его (Неем. III, 1).

судьбѣ Ездры, неизвѣстной по Библіи, Іосифъ говоритъ только, что, достигнувъ глубокой старости и снискавъ себѣ отъ всѣхъ великое уваженіе, онъ скончался въ Іерусалимѣ, гдѣ и погребенъ. Впрочемъ, нѣкоторыя еврейскія преданія говорятъ, что онъ умеръ (и погребенъ) въ Персіи, и именно на границѣ ея, на Нижнемъ Тигрѣ, при возвращеніи изъ Іерусалима къ царю Артаксерксу. Въ упомянутой мѣстности показывалась и гробница его имени (въ южной Вавилоніи) [1]).

Въ исторіи Нееміи, которую, по мнѣнію Bloch'а, Іосифъ передаетъ по утерянному концу апокрифическаго Ездры, исторически неточно и измышленно-искусственно обставляется ознакомленіе Нееміи съ бѣдственнымъ состояніемъ Іерусалима и просьба къ царю [2]). Неемія, прогуливаясь за городомъ Сузами (Неем. I, 1 „Я находился въ Сузахъ"), встрѣчаетъ идущихъ въ городъ иноземцевъ, разговаривающихъ на еврейскомъ языкѣ (Неем. I, 2 ст. „и пришелъ Ханани... и спросилъ я ихъ") и, подойдя къ нимъ, спрашиваетъ и узнаетъ о судьбѣ св. города и жителей. Между тѣмъ, какъ подъ впечатлѣніемъ отъ этихъ слуховъ онъ предается слезной скорби и долго медлитъ у городскихъ воротъ, къ нему подбѣгаютъ напомнить, что царь уже собирается сѣсть за столъ. Это побуждаетъ Неемію—виночерпія такъ поспѣшить къ отправленію своей должности, что онъ забываетъ или не успѣваетъ даже совершить обычнаго омовенія, и является къ царю съ внѣшностію печально-настроеннаго человѣка. Насколько все это искусственно сближено, достаточно видно изъ того, что *первое* (ознакомленіе съ состояніемъ Іерусалима) было—по книгѣ самого Нееміи—въ мѣсяцѣ Кислевѣ (I, 1 ст.), а *второе*—(бесѣда съ царемъ) въ мѣсяцѣ Нисанѣ (II, 1), т. е. спустя по крайней мѣрѣ 4 мѣсяца, а отправленіе въ Іерусалимъ—по Іосифу—снарядилось лишь къ 25 году Артаксеркса (Лонгимана или Макрохейра 465—425; Неем. II, 1; I, 1 въ 20-й годъ, т. е. въ 445 г.). Новые переселенцы [3]), по прибытіи на мѣсто, раздѣлившись на отряды и распредѣливъ по частямъ работы, быстро возстановили стѣны города и докончили все, что до сихъ поръ оставалось неустроеннаго. Немалаго труда стоило, при этомъ, Нееміи заселить обстроенный городъ священниками и левитами, изыскать имъ достаточныя средства на содержаніе, а также убѣдить селиться въ немъ и другихъ Іудеевъ. При тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ долго былъ Іерусалимъ,—его развалины и горькія напоминанія о бывломъ величіи пред-

[1]) Kohler II/2, стр. 646, пр. 1. Ewald, IV, 213, № 1. Rosenzweig, Jahrh. S. 120, № 1. По Іосифу, смерть Ездры представляется происшедшею до прибытія и дѣятельности Нееміи, срв. *Ἀρχ.* XI, 5 гл. §§ 5 и д.

[2]) Іосифъ называетъ этого царя Ксерксомъ, предшественникомъ Асвира (или Ahasverus'a, греческаго Артаксеркса). Мы видѣли уже, что это долженъ быть Артаксерксъ Макрохейръ, сынъ его.

[3]) Всѣ они усвояютъ себѣ наименованіе „Іудеевъ", ибо „колѣно Іудово первое прибыло въ ту мѣстность, откуда какъ народъ такъ и самая страна получили свое названіе (Іудея)". Нужно думать болѣе: это произошло отъ того, что большинство возвратившихся принадлежало къ бывшему царству Іудейскому, а также вслѣдствіе сосредоточенія религіозныхъ надеждъ народа въ имени „Іуды"; послѣднее оправдывается тѣмъ, что не только всѣ Евреи, возвратившіеся изъ Вавилона, приняли это названіе, но и оставшіеся въ Вавилонѣ, какъ впослѣдствіи разсѣявшіеся по другимъ странамъ (Дан. III, 8, 12; I Ездр. IV, 12, 23; Неем. I, 2; II, 16; V, 1; Есѳ. III, 4 и др.).

ставляли слишкомъ мало привлекательности для хотѣвшаго забыться Іудея,— и только энергичный и практичный Неемія могъ взять „въ руки“ и такъ успѣшно осуществить великое дѣло окончательнаго возрожденія злосчастной Іудейской столицы. Возвращался ли, затѣмъ, Неемія по устроеніи всѣхъ дѣлъ снова къ царю, согласно своему обѣщанію (Неем. II, 6), и сколь долго оставался онъ въ Іерусалимѣ (принято полагать около 12 лѣтъ), а также—гдѣ и когда скончался, Іосифъ не знаетъ ничего, кромѣ того только, что онъ „скончался, достигнувъ глубокой старости“.

§ 15. Есѳирь.

Ἀρχ. XI, гл. 6; кн. Есѳирь.

Передавъ исторію Ездры и Нееміи, безъ особенныхъ отличій съ своимъ первотекстомъ, Іосифъ снова переносится къ судьбамъ оставшихся въ плѣну Іудеевъ и повѣствуетъ о послужившемъ содержаніемъ книги Есѳирь страшномъ бѣдствіи, едва не уничтожившемъ самое имя Израильскаго народа изъ поднебесной. Это было, по его представленію, въ царствованіе сына Ксеркса—„Асвира“, извѣстнаго у Грековъ подъ именемъ „Артаксеркса“ [1]). Самыя обстоятельства дѣла передаются Іосифомъ въ общемъ согласно съ греческой книгой Есѳири, не безъ нѣкоторыхъ, однако, болѣе или менѣе важныхъ дополненій (по мѣстамъ внушавшихся, можетъ быть, требованіемъ бо́льшей живости рѣчи). Такъ, нежеланіе царицы Астинь (*Οὐάστη*) предстать царю въ присутствіи его гостей Іосифъ объясняетъ благороднымъ намѣреніемъ ея не нарушать почтенія къ персидскимъ законамъ, которые полагали вообще неприличнымъ женщинѣ быть въ собраніи постороннихъ мужчинъ. Это, однако, едва ли точно. Кромѣ самой книги Есѳирь (V, 4, 8, 12 и др.) это противорѣчитъ свидѣтельству Геродота (V, 18) и Плутарха (Conjug. praecept. XVIII), что законныя жены персидскихъ царей могли раздѣлять съ ними обѣденный столъ, по окончаніи котораго они обыкновенно удалялись и вмѣсто нихъ являлись наложницы. Быть можетъ, здѣсь ключъ къ разгадкѣ поведенія царицы: она получаетъ приказаніе явиться къ царю, когда „сердце его развеселилось отъ вина“, т. е. уже *къ концу* пира, и отказалась пойти потому, что не считала себя въ числѣ *κουριδίαι γυναῖκες* (Herodot), которымъ теперь благовременно было быть съ царемъ, то есть, значитъ, не столько или не только изъ уваже-

[1]) „Великаго“, Есѳ. I, 1—предисловіе. По болѣе точнымъ и подходящимъ признакамъ, это событіе изъ временъ Ксеркса, сына Дарія, извѣстнаго подъ именемъ „Агасвера“ (Ahasverus) или что тоже „Асвира“. См. Jastrow, 90 и д., срв. выше, цит. сочиненія. (См. также Riehm и Theologische Stud. u. Krit. 1857 г. 89 стр.). Тоже подтверждается обширностію персидской монархіи (Есѳ. I, 1), сходствомъ характера, хронологическими и филологическими данными. По другимъ, событія относятся ко времени царствованія Артаксеркса Лонгимана 465—425, Неем. II, 1; то и другое показаніе, при положительныхъ для себя подтвержденіяхъ, не чужды своихъ противорѣчій и трудностей, не всегда легко устранимыхъ, срв. Ewald, IV, 136 стр. прим. 1.

нія къ персидскимъ законамъ, но и къ „себѣ“, какъ женщинѣ, для которой по собственному внутреннему чувству было отвратительно и опасно для ея чести (примѣръ подобной опасности былъ у ней на глазахъ въ происшествіи съ одной изъ ея предшественницъ при приблизительно такихъ же условіяхъ) явиться въ подгулявшей компаніи. Впрочемъ, сама книга Есѳирь излагаетъ дѣло нѣсколько своеобразно, повидимому, и отъ Геродота, когда говоритъ, что Астинь имѣла свой особый пиръ на женской половинѣ царскаго дворца, и спеціально для женщинъ. А стало быть и присутствіе ея на царскомъ обѣдѣ, хотя бы въ качествѣ законной жены, не имѣло мѣста, да и отказъ получаетъ болѣе смысла, въ виду I, 11 ст., гдѣ царь призываетъ ее, какъ еще „невидѣнную“ гостями, и именно, чтобы „показать“ красоту ея. Въ такомъ случаѣ, отказъ все равно могъ внушаться столько же вѣрностію персидскимъ законамъ и обычаямъ, сколько и даже еще болѣе—настроеніемъ самой царицы. Послѣ неоднократныхъ настояній царя и отказовъ царицы, царь въ гнѣвѣ немедленно распускаетъ гостей и при посредствѣ 7 совѣтниковъ своихъ, которымъ „поручено истолкованіе законовъ“, осуждаетъ ее на удаленіе и лишеніе царскаго званія. Исканіе замѣстительницы осужденной внушается не вакантностію мѣста первой царицы, а чрезмѣрностію любви къ Астини и желаніемъ друзей царя—подъискавъ ему новую лучшую жену, заставить его забыть свою страсть къ прежней, такъ какъ царь все таки очень жалѣлъ ее, и, не имѣя возможности отмѣнить надъ нею свой судъ, весьма печалился.... Мѣстожительство Есѳири до брака съ царемъ, Іосифъ указываетъ въ Вавилонѣ (Есѳ. II, 5—Сузы), откуда потомъ ради Есѳири переселяется и Мардохей, чтобы жить подлѣ своей любимой воспитанницы. Установленіе закона, запрещавшаго являться къ царю безъ его зова „когда онъ возсѣдалъ на тронѣ (*ὅτηνίκα ἐπὶ τοῦ θρόνου καθέζοιτο*) — Есѳ. IV, 11 „во внутренній дворъ“ — Іосифъ приписываетъ самому этому царю. Мардохей узнаетъ о заговорѣ противъ царя чрезъ „Варнаваза“, Іудея, слугу одного изъ заговорщиковъ. Не наградивъ Мардохея за его вѣрность и услугу „ничѣмъ“ (сознательно?), царь просто велитъ своимъ секретарямъ внести имя Мардохея въ „лѣтописи“, Мардохею же отдаетъ только приказъ—„находиться при дворѣ въ числѣ преданнѣйшихъ царскихъ придворныхъ“. Аманъ, любимецъ царскій, съ которымъ столкнулся впослѣдствіи Мардохей, былъ по LXX [1]) „Македонянинъ“ (Есѳ. IX, 24), а по Іосифу и Таргумамъ—„Амаликитянинъ“ (Арх. XI, 6, § 6), имѣвшій природную вражду къ Іудеямъ, истребителямъ его предковъ. Этимъ, быть можетъ, достаточно объясняется поведеніе Мардохея, не поклонявшагося Аману („по своей мудрости и въ виду запрещенія своего закона“), и жестокость расправы, къ которой намѣревался прибѣгнуть Аманъ, увидѣвъ въ настоящемъ случаѣ прекрасный поводъ къ отмщенію и удовлетворенію своей закоренѣлой племенной къ Іудеямъ вражды. Чтобы вѣрнѣе расположить царя не въ пользу оклеветаннаго предъ

[1]) Есѳ. III, 1, 10; VIII, 3, 5 „Вугеянинъ“, т. е. Агагитъ, отъ сл. „Агагъ“ — вѣроятно, нарицательное имя или титулъ Амаликитскихъ царей, подобно египетскому „фараонъ“ (отъ корня אגג жечь—*Ἀγάγ* и *Γώγ*).

нимъ народа, Аманъ обѣщаетъ внести за его истребленіе 40,000 талантовъ серебра (Есѳ. III, 9—10,000)—огромная сумма, которая, вѣроятно, цѣнностію своею соотвѣтствовала (10,000 тал.=25,800,000 р.) стоимости для государства числа намѣченныхъ жертвъ—рабовъ [1]), въ томъ числѣ и получаемыхъ съ нихъ налоговъ. Временемъ приведенія въ исполненіе указа, даннаго царемъ ради Амана („втораго нашего отца"—Библ. и Іосифъ), назначалось 14-е число 12-го мѣсяца (Adar'a) текущаго года (Есѳ. III, 13—13-е число). Въ порученіи царя, данномъ Аману относительно награжденія Мардохея, обращаетъ на себя вниманіе негодующій укоръ послѣдняго, принявшаго намѣреніе Амана (поставленнаго въ столь странное положеніе) за насмѣшку: „сквернѣйшій изъ людей! глумиться ли тебѣ еще нужно несчастіемъ нашимъ!?"... возражаетъ онъ Аману на приглашеніе скинуть вретище кающагося и печальнаго человѣка и облечься въ порфиру и прочіе знаки царственнаго достоинства для тріумфальнаго шествія. Только послѣ того какъ Мардохей былъ „завѣренъ" въ отсутствіи здѣсь какихъ бы то ни было насмѣшекъ (что краснорѣчивѣе всего доказывалось, безъ сомнѣнія, далеко не насмѣшливымъ самымъ видомъ столь жестоко посмѣяннаго самолюбца Амана), онъ соглашается на предложенную ему почесть... Предъусмотрительно драматично заставляетъ Іосифъ одного изъ евнуховъ Есѳири „Савухада" (Есѳ. VII, 9—Харбона), приходившихъ отъ нея къ Аману съ приглашеніемъ на пиръ, справляться у раба Аманова о назначеніи увидѣнной имъ на Амановомъ дворѣ висѣлицы (для Мардохея), чтобы впослѣдствіи отсюда производить замѣтку объ этомъ разгнѣванному царю, ускорившую гибель несчастнаго. Въ новомъ указѣ царя, имѣвшемъ цѣлью исправить ошибку прежняго, примѣчательны нѣсколько указаній первоисточника на Македонское происхожденіе Амана, (Македонянинъ), хотя Іосифъ остается при своемъ выраженіи, что онъ былъ „Амаликитянинъ". Въ остальномъ Іосифъ безъ всякихъ существенныхъ особенностей согласенъ со своимъ подлинникомъ и не представляетъ, посему, ничего особенно важнаго для его дополненія.

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

---

[1]) По Іосифу, Аманъ обѣщаетъ уплату показанной суммы изъ „собственныхъ своихъ средствъ", которыя онъ „охотно жертвуетъ, лишь бы избавить царство отъ этихъ негодяевъ". Jastrow основательнѣе представляетъ дѣло такимъ образомъ, что Аманъ обѣщаетъ царю отъ истребленія евреевъ не убытки, которыхъ онъ боялся, а скорѣе выгоду: по его подсчетамъ конфискація имуществъ убитыхъ дастъ доходъ казнѣ въ размѣрѣ указанной суммы и въ этомъ смыслѣ ожидаемый доходъ былъ „обѣщаніемъ" Амана. Такъ или иначе, „собственныя средства" Амана, очевидно, мало теряли съ приведеніемъ въ исполненіе его варварскаго плана, отданнаго на полную свободу его изобрѣтателя.

II.

АРХЕОЛОГІЯ — продолженіе БИБЛІИ.

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

(XI — XVII кн.).

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

ГЛАВА IV.

АРХЕОЛОГІЯ—О БИБЛЕЙСКОМЪ ПРОБѢЛѢ ОТЪ НЕЕМІИ ДО МАККАВЕЕВЪ.

§ 16. Отъ Нееміи до Александра Великаго.

Ἀρχ. XI, 7—8, 2.

О судьбахъ Іудейскаго общества за столѣтіе между Неемією и нападеніемъ Александра Великаго на Персидское Царство, одновременно съ чѣмъ вся передняя Азія вступила въ фазу новаго развитія, мы ничего не знаемъ изъ Ветхаго Завѣта. Точно также и историческія преданія другихъ народовъ не даютъ намъ ничего за этотъ пред-греческій періодъ исторіи Израиля. Въ послѣдней, очевидно, не представлялось ничего такого, что могло бы возбудить интересъ или хотя случайно какъ досягнуть до начинающаго становиться все болѣе и болѣе плодовитымъ пера языческихъ историковъ. Это относится также къ самому столь проницательному „Отцу Исторіи“ (Геродоту), жившему около этого времени, который, однако, уже дошолъ до возможности проникать въ исторію народовъ, жившихъ въ непосредственной близости съ Іудеею.

До насъ дошли всего два, совершенно изолированныя какъ въ своемъ теченіи, такъ и въ своемъ значеніи, и ни разу болѣе не отмѣчаемыя совершенно—событія изъ этого столѣтія между Неемією и Александромъ. Первое изъ этихъ событій, о которомъ мы узнаемъ изъ Іосифа (*Ἀρχ.* XI, 7, 1), касается любопытнаго вторженія Персидскаго намѣстника въ культическую самостоятельность общества. Случай этотъ Флавій полагаетъ въ правленіе Артаксеркса II, т. е. Мнемона, время царствованія котораго падаетъ на 404—358 гг. (по другимъ 404—361) [1]). Дѣло въ слѣдующемъ. По смерти первосвященника „Іуды“, подъ коимъ Іосифъ разумѣетъ, очевидно, Іоіада, сына и преемника

[1]) Продолжительность его царствованія вообще указывается различно: Diod. Sic., XV, 93 и XIII, 108 насчитываетъ 43 года; Euseb. 40, Астрон. Кан.—46; Plutarch Artax. 42 года: срв. Wesseling къ Diod. Sic. XIII. 108.

Еліашива (какъ у Нееміи, XII, 10 и д.), первосвященникомъ сталъ Іохананъ (=Іоаннъ) [1]). У этого Іоханана былъ братъ Іисусъ, которому будучи другомъ обѣщалъ первосвященство Вагосъ, военачальникъ Артаксеркса II. Опираясь на это обѣщаніе, Іисусъ затѣваетъ однажды ссору въ самомъ храмѣ со своимъ соперникомъ—братомъ, и этотъ въ припадкѣ гнѣва лишаетъ его жизни. Возмущенный столь неслыханнымъ преступленіемъ и самоуправствомъ, Вагосъ немедленно заявляется въ Іерусалимъ и, осыпая Іудеевъ укоризнами, входитъ прямо во храмъ, презрительно отвѣчая на всѣ протесты Іудеевъ, что онъ „конечно, чище того трупа, который лежитъ въ ихъ храмѣ!“ Семь лѣтъ послѣ этого Вагосъ мститъ всевозможными притѣсненіями за смерть Іисуса, однимъ изъ каковыхъ притѣсненій была, между прочимъ, наложенная въ видѣ штрафа подать за каждаго жертвеннаго агница, въ размѣрѣ 50 драхмъ. Историчность этого происшествія, такъ какъ оно, не смотря на свои позорныя стороны, сообщается изъ-подъ Іудейскаго пера, и къ тому же еще членомъ самаго здѣсь непосредственно заинтересованнаго священническаго сословія,—историки полагаютъ выше всякаго сомнѣнія. Самый фактъ осквернения храма Вагосомъ Іосифъ разсматриваетъ, какъ наказаніе Божіе за беззаконіе, совершенное во храмѣ и, при томъ, первосвященникомъ.

Второе, относящееся къ данному же времени, событіе имѣется въ нѣсколько темномъ и отдаленномъ сообщеніи. По замѣткамъ, сохраненнымъ у Евсевія [2]), Орозія [3]) и Колина [4]) объ этомъ событіи, сущность дѣла состояла, можно думать, въ томъ, что въ возстаніи финикійскихъ городовъ въ союзѣ съ Кипромъ и Египтомъ противъ Артаксеркса Охус'а (358—338 г.; по др. 361—336) приняли участіе также и Іудеи, въ особенности обитатели города Іерихона (Hiericus), который посему и подвергся разрушенію, при чемъ Артаксерксъ увелъ плѣнниками многихъ Іудеевъ, поселивъ ихъ въ отдаленной Ирканіи [5]) (при Каспійскомъ морѣ).

Ко времени первосвященника Іаддая, не столь основательно считаемаго современникомъ Александра Македонскаго, и къ послѣднимъ десятилѣтіямъ предъ выступленіемъ этого Наполеона древности, Іосифъ относитъ еще событіе, послѣдствіемъ котораго явился знаменитый Самарянскій расколъ. Надо замѣтить здѣсь, что самое мѣсто, удѣляемое этому событію Іосифомъ, оспаривается, со стороны своей хронологической точности, важными недоразумѣніями, констатируемыми, между прочимъ, у Stade. По смыслу сообщенія Іосифа (*Ἀρχ.* XI, 8, 2), братъ первосвященника Іаддая, именемъ Манассія,

[1]) Такъ называетъ его Іосифъ въ согласіи съ Неем. XII, 22; ст. 11-й, напротивъ, называетъ его Іонаѳаномъ, хотя Іоаннъ стиха 23-го по Ездрѣ X, 6 былъ одинъ изъ сыновъ Еліашива.

[2]) Chron. II, 221.

[3]) Histor. III, 7, а также Abulfaradsch (Chron. p. 36).

[4]) Colinus, Memor. 35, 4. Polihystor, c. 44. См. у Riehm'a 116 9стр. и Keil, Comment. Buch. Makkab. 6 стр.

[5]) Это возстаніе повело также къ разрушенію Сидона и завоеванію Египта (Diod. Sic. XVI, 40 и д.).

имѣлъ слабость жениться на дочери Самарійскаго намѣстника (Никасѣ), Самарянина родомъ, именемъ Санаваллета, надѣявшагося своимъ согласіемъ на этотъ бракъ войти въ благосклонность всего Іудейскаго народа. Разсчеты оказались не совсѣмъ-то вѣрными. Подстрекаемый ропотомъ Іерусалимскихъ старѣйшинъ на бракъ брата первосвященническаго съ иноплеменницей, получавшей отъ того нѣкоторое сопричастіе священству, и, видя въ этомъ бракѣ большой соблазнъ и поводъ вообще къ бракамъ съ иноплеменными, первосвященникъ объявилъ своему брату, что онъ долженъ или развестись со своею женою или навсегда оставить алтарь. Тогда, оскорбляясь этими, хотя и вполнѣ справедливыми требованіями, Манассія удаляется къ своему тестю, и посвящаетъ его въ трагизмъ своего положенія—изъ за горячей любви къ его дочери и нежеланія развестись съ нею—лишиться священническаго достоинства. Тронутый этимъ, Санаваллетъ обѣщаетъ ему свою поддержку и предлагаетъ даже быть при немъ первосвященникомъ и верховнымъ духовнымъ главою всѣхъ Самарянъ, обѣщая съ позволенія Дарія соорудить на горѣ Гаризимъ и храмъ, подобный Іерусалимскому. Лишь только слухи объ этомъ стали достигать Іерусалима, какъ и другіе священники и вообще Израильтяне, женатые на иноплеменницахъ, стали переходить къ Санаваллету, который, угождая зятю, охотно принималъ всѣхъ и снабжалъ даже деньгами и имѣніями. Благопріятныя обстоятельства времени дали возможность Санаваллету привести въ исполненіе обѣщанія, данныя зятю, хотя и не чрезъ Дарія, какъ первоначально предполагалось, такъ какъ онъ къ этому времени началъ терять свою силу и долженъ былъ войти своими владѣніями въ составъ монархіи новаго всесвѣтнаго завоевателя—Александра Македонскаго. Къ нему-то, по представленію Іосифа, когда всѣ обстоятельства сложились такъ, что не оставалось сомнѣнія въ многообѣщавшемъ превосходствѣ Александра, и обратился Санаваллетъ съ просьбами о санкціонированіи своихъ проектовъ, выставляя на видъ то, что это раздѣлитъ Іудеевъ на 2 лагеря и облегчитъ планы монарха относительно завоеванія Іудеи. Согласіе, не обѣщавшее никакихъ особенныхъ затрудненій и безпокойствъ, было дано: и вотъ—храмъ, отдѣльный отъ Іерусалимскаго и съ отдѣльнымъ первосвященникомъ, быстро возникъ на горѣ Гаризимъ [1]) и положено, такимъ образомъ, начало самостоятельному Самарянскому культу. Таковъ въ своей непосредственности разсказъ Іосифа объ обстоятельствахъ и времени окончательнаго обособленія Самарянскаго общества.

При всей естественности отдѣльныхъ подробностей этого происшествія, оно представляетъ не мало данныхъ, заставляющихъ признать его бо́льшую умѣстность въ значительно раннѣйшее время, нежели какъ это представляетъ Іосифъ. Прежде всего Іаддай первосвященникъ былъ не братъ, а племянникъ

[1]) Grätz, 446. Спустя 200 лѣтъ, храмъ этотъ былъ разрушенъ Іоанномъ Гирканомъ (*Ἀρχ.* XIII, 9, § 1; *περὶ ἁλώσ.* I. 2, § 6). Но и послѣ этого гора Гаризинъ оставалась для Самарянъ преимущественнымъ мѣстомъ молитвы (Іоан. IV, 23; *Ἀρχ.* XVIII, 4, 1; *περὶ ἁλώσ.* III, 7, 32). Еще и нынѣ гора эта жителями Наплузы (библ. Сихемъ) именуется горою святою и благословенною, и къ ней именно обращаются во время молитвы лицомъ (Eichhorn, Repert. IX, 9).

Манассіи [1]). Ошибочно также сближаетъ въ своемъ повѣствованіи и не различаетъ Іосифъ Дарія Нота (424—404) и Дарія Кодомана (336—330), отстоявшихъ другъ отъ друга почти на цѣлое столѣтіе. Отсюда, у него Санаваллетъ, который по небезосновательнымъ догадкамъ нѣкоторыхъ [2]) могъ жить лишь до 404 г. (полагая его за одно лицо съ упоминаемымъ у Нееміи) при Даріи Нотѣ, достигаетъ даже эпохи Александра. Поскольку, далѣе, можно заключать о состояніи Іудейскаго общества вообще ко времени Александра, есть немалая неестественность въ томъ, чтобы тогда въ немъ еще была возможность спора о смѣшанныхъ бракахъ. Таковому главнымъ образомъ мѣсто только во время Ездры и Нееміи, и по всѣмъ признакамъ разсказъ Іосифа есть какъ разъ то самое, что указывается у Нееміи, XIII, 28 ст., его намекомъ на *одного* изъ сыновей Іоіады (сына первосвященника Еліашива), *который* уступилъ слабости сдѣлаться зятемъ Санаваллета, Хоронита, и котораго посему Неемія „прогналъ отъ себя“. Это было бы, справедливо замѣчаетъ Stade, странное совпаденіе, если бы это происшествіе съ точно такими же обстоятельствами повторилось позднѣе на 100 лѣтъ, при Александрѣ, и чтобы предполагаемый тесть новаго грѣховодника носилъ именно тогда рѣдкое въ Палестинѣ имя Санаваллета. Если такъ, то по косвеннымъ подтвержденіямъ самого Іосифа, Самарянское общество должно было прочно организоваться задолго до времени Александра, и Іосифъ, очевидно, находился въ хронологическомъ заблужденіи, отодвинувъ происходившія за время Нееміи событія къ эпохѣ Александра. Что тотъ, современный Нееміи, и упоминаемый имъ безъ названія имени, зять Санаваллета могъ называться дѣйствительно указываемымъ у Іосифа именемъ Манассіи, вполнѣ возможно; и это былъ въ такомъ случаѣ не внукъ Іоіады, а сынъ его, внукъ Еліашива.

Справедливость такого именно пониманія разсказа Іосифа подтверждается тѣмъ еще, что его замѣтка о томъ, что многіе священники послѣдовали Манассіи въ переходѣ къ Санаваллету, лучше всего уясняетъ темное мѣсто 29 стиха XIII главы Нееміи. Здѣсь, послѣ того какъ Неемія дѣлаетъ замѣтку, что онъ „прогналъ отъ себя“ безъ всякихъ разглагольствій первосвященническаго внука, Санаваллатова зятя, онъ заключаетъ: „воспомяни имъ, Боже мой, что *они опорочили* священство и завѣтъ священническій и левитскій!“ Вполнѣ справедливо замѣчаніе Stade, что чрезъ смѣшанный бракъ *одного* члена первосвященнической фамиліи священство еще не могло быть опорочено; тотъ, кого это прямо касалось, дѣлался чрезъ то лишь неспособнымъ къ священству. Между тѣмъ, здѣсь выразительно констатируется, что произошло *опороченіе* священства и *разрушеніе* завѣта священническаго и левитскаго,—очевидно, тѣмъ, что священники и левиты отдались на служеніе Самаряно-раскольническому культу и отвергли свое Іерусалимское священство. Если же такъ, то, очевидно, въ этихъ словахъ Нееміи таится указаніе (конечно, только темное) на происшедшее уже возникновеніе Гаризимскаго культа. Можно ненеправдоподобно и именно въ пользу высказаннаго мнѣнія объяснить самое то, почему это указаніе и не могло быть инымъ, какъ только *темнымъ*: въ самомъ дѣлѣ, событіе было не только очень прискорбное, но также и крайне скандальное, поскольку въ немъ замѣшивался „цвѣтъ Іудейства“, до первосвященнической фамиліи включительно. Посему-то Неемія не останавливается надолго на этихъ печальныхъ воспоминаніяхъ, какъ онъ подобнымъ же образомъ коротенькими фразами обходитъ всѣ интриги и борьбы, которыя онъ долженъ былъ перетерпѣть прежде, чѣмъ нарушеніе порядка, подтвержденнаго присягою всего общества, опять загладилось его возстановленіемъ.

[1]) срв. Hitzig. 303,—310; Riehm, 1350 стр.

[2]) Hitzig, 310, срв. 302; срв. Keil, стр. 7 примѣч.

Какъ бы то ни было, относится ли начало Самарянскаго раскола ко времени намѣстничества Нееміи, самая постройка храма Гаризимскаго, какъ вообще окончательная организація Самарянскаго культа—должна была послѣдовать нѣсколько позднѣе, и не безъ связи съ внутреннимъ усиленіемъ Іерусалимскаго общества, послѣ реформъ Нееміи. Главныя массы населенія древнихъ областей Ефрема и Манассіи должны были сомкнуться въ новомъ Гаризимскомъ культѣ (который едва ли, конечно, могъ равняться въ притягательной силѣ съ подлѣ возрождавшимся Іерусалимомъ) только послѣ того, какъ окончательно обнаружилось, что въ Іерусалимѣ со своими религіозными потребностями они отнюдь не могутъ находить себѣ желаннаго пріюта.

§ 17. Александръ Македонскій въ Іудеѣ.

Ἀρχ. XI, 8 гл., 2—7.

Обстоятельства паденія Персидскаго владычества въ Палестинѣ и одновременнаго съ этимъ наступленія владычества Греческаго скрываются въ легендарно-образномъ повѣствованіи Іосифа о походѣ Александра В. на Іерусалимъ, возбуждающемъ не мало противорѣчивыхъ толковъ о достовѣрности и возможности повѣствуемаго событія. Непосредственная суть дѣла здѣсь такова (принимая во вниманіе Іосифа и повѣряя его, гдѣ есть возможность, другими классиками—историками Александра, каковы особенно Курцій, Арріанъ, Іустинъ, Плутархъ, Діодоръ и др.) [1]). Унаслѣдовавъ Македонскій престолъ, послѣ смерти своего отца—Филиппа, Александръ переправляется черезъ Геллеспонтъ

[1]) Первый изъ этихъ историковъ—*Квинтъ Курцій* оставилъ въ свое время спеціальную исторію объ Александрѣ Великомъ въ X книгахъ, изъ коихъ двѣ первыя почти безъ остатка утрачены, 5, 6 и 10 сильно испорчены (Перев. въ 2 томахъ Крашенинникова, СПБ. 1800 г.). Время жизни Курція и даже личность его не установлены. По мнѣнію Вебера (Вс. Ист. IV, 361 стр. изд. 1892 г.), авторъ этотъ былъ риторъ и жилъ въ первыя десятилѣтія нашей эры. По Шлоссеру (II, 153 стр. изд. 1869 г.) онъ жилъ во время Веспасіана.—*Арріанъ*, малоазійскій грекъ, правитель Каппадокіи, знаменитый философъ, полководецъ и писатель, жилъ во времена Римскаго имп. Адріана, оставилъ прекрасные разсказы о походахъ Александра (Anabasis). О другихъ историкахъ Александра см. далѣе, при обзорѣ источниковъ послѣ Маккавейскаго періода.

и, одержавъ при Граникѣ (334 г.) побѣду надъ полководцами Дарія, пытавшимися остановить успѣхи юнаго завоевателя, быстро покоряетъ Лидію, Іонію, Карію, Памфилію. Между тѣмъ, Дарій, узнавъ о пораженіи своего отряда, спѣшитъ самъ съ многочисленною арміею на встрѣчу непріятелю и, заставъ его уже въ Киликіи, вступаетъ въ сраженіе. На этомъ сраженіи, для него рѣшительно неудачномъ, онъ теряетъ массу войска, а также лишается матери, жены и дѣтей, попавшихъ въ плѣнъ непріятелямъ, и самъ бѣжитъ въ глубь Персіи. Тогда Александръ, по открытому ему пути, быстро достигаетъ Сиріи, овладѣваетъ Дамаскомъ, Сидономъ и осаждаетъ Тиръ [1]). Отсюда онъ, по повѣствованію Курція (IV, 10) „чтобы при осадѣ одного города время напрасно не тратилось,—поручивъ устройство насыпи до города Пердиккѣ и Кратеру, самъ съ легкимъ войскомъ ходилъ въ *Аравію* [2])". Въ дополненіе къ этому у Арріана находимъ, что осадныя постройки Александра были сожжены, и насыпь, которую онъ съ поистинѣ Александровскою настойчивостію велъ до городского острова чрезъ вѣчно бушевавшій морской проливъ на протяженіи 4 стадій (около 1 версты), обвалена прежде этого похода на Аравлянъ, и что онъ отъѣзжалъ туда на время, пока подоспѣютъ новыя машины и корабли, пробывъ въ своей отлучкѣ 11 дней. Быть можетъ, здѣсь именно мѣсто тому сообщенію Іосифа, что Александръ посылаетъ къ Іудейскому первосвященнику требованіе прислать подкрѣпленіе и провіанта для арміи, приглашая его въ союзъ съ собою взамѣнъ Дарія и обѣщая отъ того многія выгоды. Но первосвященникъ, ссылаясь на присягу въ вѣрности Дарію, отказалъ Александру, чѣмъ привелъ его въ большое негодованіе. Послѣ 7-мѣсячной осады взявъ Тиръ (Діодор. XVII, 46, Курц. IV, 20, 4: 19. Плутархъ, Ал. 24, Арріан. II, 24, 6) и черезъ 2—Газу [3]), Александръ двинулся на Іерусалимъ (332 г.), которому, такимъ образомъ, грозило величайшее бѣдствіе. Первосвященникъ Іаддай весьма обезпокоился и установилъ общенародныя моленія объ избавленіи отъ опасности и о вразумленіи, какъ поступить въ столь критическую минуту. Тогда въ сонномъ видѣніи Богъ повелѣваетъ ему открыть врата приближающемуся непріятелю, устроить торжественную встрѣчу завоевателю, при участіи всего народа въ бѣлыхъ одеждахъ и всего священнаго сословія въ соотвѣтствующихъ облаченіяхъ, во главѣ съ первосвященникомъ. Эта процессія, дѣйствительно, могла произвести весьма умиротворяющее впечатлѣніе на Александра, такъ что, къ изумленію всѣхъ, онъ не только не выразилъ негодованія своего непокорству первосвященника, но самъ преклонился предъ величіемъ Божіимъ и первый привѣтствовалъ первосвященника. Съ удивленіемъ и какъ бы недовольствомъ и разочарованіемъ Парменіонъ спрашиваетъ царя,—что за причина, что, до сихъ поръ самъ принимавшій отъ всѣхъ поклоненія, онъ теперь такъ унижаетъ себя предъ Іудейскимъ жрецомъ? Тогда царь поясняетъ, что поклонялся онъ не первосвященнику, а Богу, Которому этотъ

[1]) Все такъ же точно Курцій и др. лѣтописцы Александра.

[2]) Здѣсь нѣкоторые разумѣютъ не собственно Аравію, а области Аравійскихъ разбойническихъ племенъ въ верхней части Галилеи, между Ливаномъ и Антиливаномъ.

[3]) Diodor. XVII, 48.

служитъ въ семъ великомъ званіи и Который показалъ ему нѣкогда во снѣ точно такого мужа, обѣщая споспѣшествовать ему въ покореніи Персидскаго царства. Послѣ этого Александръ идетъ за первосвященникомъ въ городъ и храмъ, приноситъ жертву, по указаніямъ первосвященика, и знакомится въ преподнесенной ему Даніиловой книгѣ съ пророчествомъ о томъ, что „нѣкто" изъ Грековъ ниспровергнетъ Персидское царство. Тронутый всѣмъ этимъ, Александръ исполняетъ просьбы первосвященника—о дозволеніи Іудеямъ жить по своимъ законамъ, о свободѣ отъ податей въ субботніе годы и распространеніи также этихъ привиллегій на Мидійскихъ и Вавилонскихъ Іудеевъ [1]). Въ это же время и Іудеи, очарованные великодушіемъ Александра, доказали свое полное къ нему расположеніе, охотно принимая его предложеніе—вступать въ ряды его войскъ и участвовать въ его походахъ и завоеваніяхъ [2]).

Таковы подробности, сохраненныя у Іосифа о безспорно великомъ по значенію событіи—замѣнѣ Персидскаго владычества Греческимъ. То, что даетъ право здѣсь большинству историковъ [3]) заподозривать обычную легенду, и даже отвергать вообще въ какой бы ни было формѣ фактъ посѣщенія Александромъ св. города сводится главнымъ образомъ къ маловѣроятной прикрашенности разсказа самого по себѣ [4]) и констатированію подозрительнаго

[1]) Дальнѣйшее сообщеніе Іосифа о томъ, что и Самаряне послѣ этого пытались всячески добиться себѣ тѣхъ же милостей, для чего кромѣ лести къ царю употребили обычное средство въ подобныхъ случаяхъ—ссылку на свое еврейское происхожденіе отъ дѣтей Іосифа—Ефрема и Манассіи, отказавшись, однако, назвать себя Іудеями, почему и Александръ отказался распространить на нихъ вышедарованныя милости,—это сообщеніе, въ виду его недостаточно сдержаннаго партикуляризма и тенденціозно-проведеннаго недоброжелательства къ раскольникамъ Самарянамъ, ставится также въ упрекъ приведенной „легендѣ" и въ основаніе для ея отверженія. По поводу этого послѣдняго обстоятельства, мы хотѣли бы замѣтить здѣсь, что, при полной естественности Іосифова разсказа о Самарянахъ, хотя бы и недоказуемаго со стороны своей достовѣрности, ставить неугодность тенденціи его въ связь съ предшествующимъ, и ради этой неугодности отвергать все—было бы, поистинѣ, грубой и ни мало не убѣдительной натяжкой.

[2]) Фактъ, подтвержденіе котораго можно видѣть въ сообщеніи Іосифа о любопытномъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто при попыткѣ Александра возстановить храмъ Вавилонскаго Бела, разрушенный Артаксерксомъ. Когда солдаты, по приказанію вождя, дѣятельно принялись за расчистку фундамента отъ заваленнаго мусора, въ отрядѣ оказалось не мало Іудеевъ, которые не нашли возможнымъ исполнять это приказаніе своего вождя, и категорически отказались отъ всякаго участія въ построеніи святилища для идола. Нетерпимо-дерзкіе нарушители солдатской дисциплины сначала были подвергнуты жестокому наказанію, которое стойко было перенесено, лишь бы остался ненарушеннымъ основной законъ ихъ религіи. Развѣдавъ ближе о причинахъ столь необычнаго упорства Іудейскихъ солдатъ и найдя оное достаточно уважительнымъ, Александръ великодушно даруетъ прощеніе виновнымъ, уже не принуждая болѣе ихъ къ противной ихъ совѣсти работѣ (*κατὰ Ἀπίων*. I, 22).

[3]) Renan называетъ разсказъ Іосифа романомъ, выдумкой, Piepenbring — продуктомъ національнаго тщеславія Іудеевъ. Отрицаютъ также его: Derenbourg, Hitzig, Schlosser, Іегеръ, Лоренцъ, Уиллеръ, хотя Лоренцъ не находитъ въ немъ ничего невѣроятнаго. Срв. Droysen, Ист. Еллин.

[4]) срв. Hitzig, 324.

факта молчанія объ этомъ событіи другихъ многочисленныхъ историографовъ знаменитаго завоевателя [1]), кромѣ Іосифа, Іудейскаго [2]) историка. Но что касается перваго обстоятельства, то очевидная хотя бы прикрашенность разсказа сама по себѣ даетъ, конечно, еще мало права къ оспариванію дѣйствительности событія, могущаго лежать въ основѣ повѣствованія, а съ другой стороны—рядомъ съ молчаніемъ языческихъ писателей объ этомъ событіи стоятъ небезъавторитетныя, хотя не столь ясныя свидѣтельства Іустина, Курція [3]) и др., говорящихъ о посѣщеніи Александромъ по взятіи Тира „многихъ городовъ", отказавшихся покориться ему [4]), и о встрѣчѣ Александра [5]) „многими

[1]) Hitzig, 326 стр.

[2]) Въ опроверженіе этого argumentum e silentio, Keil считаетъ достаточнымъ напомнить, что вообще изъ повѣствованій древнихъ объ Александрѣ до насъ сохранилась ничтожная часть. Comm. u. B. Macc. примѣч. 8 стр.

[3]) По Курцію, послѣ взятія Газы, Александръ спѣшилъ въ Египетъ; и, по свидѣтельству Арріана (III, 1, 1, ср. Курц. IV, 29=7, 2), на 7-й же день послѣ взятія названнаго города уже прибылъ въ Пелузію, къ предѣламъ Египетской земли. Примиряя эти извѣстія съ Іосифомъ, говорятъ, что Александръ былъ въ Іудеѣ и др. мѣстахъ Палестины *по* взятіи Тира и *прежде* похода къ городу Газѣ (Евсевій, Плиній, Арріанъ). Это возможно: въ то время какъ „Александръ Гефестіону приказалъ обойти флотомъ вокругъ финикійской страны, самъ онъ со всѣмъ войскомъ пошелъ къ Газѣ" (Курц. IV, 21), послѣднему городу изъ Финикіи въ Египетъ, стоявшему на окраинѣ степи (Арріанъ), идущей отсюда до самого Египта, и представлявшему, т. обр., какъ бы ворота въ Египетъ. Какъ именно Александръ шелъ отъ Тира до Газы, на это проливается достаточный свѣтъ у Курція же, IV, 33, гдѣ онъ, упомянувъ о сожженіи взбунтовавшимися Самарянами оставленнаго въ Сиріи воеводы Андромаха, для отмщенія смерти послѣдняго, заставляетъ Александра тотчасъ же и „съ великою поспѣшностію" отправиться въ Сирію, для наказанія бунтовщиковъ и возстановленія порядка (на мѣсто убитаго Андромаха ставится Мемнонъ). Если отсюда онъ уже продолжалъ надвигаться къ Египту, то легко возможно, что путь его лежалъ чрезъ Іерусалимъ, и тотъ который „nullam urbem obsedit, quam non expugnaverit, nullam gentem adiit, quam non calcaverit" (Іуст. XII, 16) не могъ, конечно, оставить въ тылу у себя столь „безпокойный" городъ. Необходимость спѣшить въ Египетъ и крѣпость Іерусалимскихъ стѣнъ могла, конечно, охлаждать его воинскій пылъ, но тотъ, предъ настойчивостію котораго недавно уступали сердитые буруны моря (при Тирѣ) могъ не безъ основательной самонадѣянности считать себя царемъ суши. Къ тому же онъ могъ быть увѣреннымъ, что Іерусалимъ не затянетъ осады. Можетъ быть, не это ли оправданіе надеждъ Александра слѣдуетъ читать между строкъ Іустина, X, 11 гл.: inde (послѣ покоренія Тира) Rhodum Alexander, Aegyptum Ciliciamque sine certamine recipit? Наконецъ, какъ бы могъ иначе Александръ чувствовать себя свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ далѣе, при объявленіи похода къ Евфрату, на мечтавшаго о реваншѣ Дарія? Спора быть не можетъ, что Іерусалимъ изъ подъ власти Дарія перешелъ въ руки Александра. Но какъ же именно? Объ этомъ критикѣ не возбраняется спорить, какъ не возбраняется оспаривать и предубѣжденный скептицизмъ къ Іосифовой легендѣ.

[4]) Курцій IV, 5 § 13; Арріанъ говоритъ только: „послѣ взятія Тира Александръ двинулся въ Газу"... и, затѣмъ, переходитъ круто къ описанію похода Александра въ Египетъ. Замѣчательно несогласіе историковъ Александра даже вотъ въ чемъ: по Курцію, Арріану, Діодору и Плутарху—Тиръ взятъ *приступомъ*, по Іустину *измѣною*, по Еліану—военною *хитростію*.

[5]) in Syriam profiscitur ubi obvios cum infulis multos Orientis reges habuit. Ex his pro meritis singulorum alios in societatem recepit: aliis regnum ademit, suffectis in loca eorum novis regibus... (Just. XI, 10).

царями Востока, имѣвшими на своихъ головахъ *повязки*". Если присоединить сюда сообщеніе того же Курція [1]) о личной расправѣ Александра съ Самаря-

[1]) Правда, объ этомъ говорится еще до осады Тира,—однако, возможность того, что въ данномъ случаѣ мыслилось и послѣдующее, ничѣмъ не исключается. Замѣчательно это мѣсто у Курція, которое мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ.

„При походѣ Ал-ра изъ Фазеля..... другимъ благодѣяніемъ оказалось Божіе къ нему благоволеніе. Послана была отъ него часть войска чрезъ горы къ Пергамскому городу, а съ остальнымъ шелъ онъ самъ по морскому берегу, гдѣ Климаксъ гора прилегла къ Памфилійскому морю, между которою горою и моремъ въ тихую погоду остается для прохода узкій припаекъ (низкій песчаный морской берегъ, во время приливовъ затопляемый, а при отливѣ обсыхающій)..... До его прибытія безпрестанно были южные вѣтры, которые морскую воду вгоняютъ на этотъ берегъ и затопляютъ его (были и великіе дожди), но къ прибытію Ал-ра вдругъ повѣялъ сѣв. вѣтеръ, небо... очистилось, вода сбѣжала въ море, и Македонянамъ учинился свободный путь,—однако.... все таки надлежало цѣлый день брести въ водѣ почти по поясъ (примѣни это къ 112 стр. наст. сочиненія примѣч. 6-е).

Сказываютъ, что еще въ Македоніи явилась А-ру во снѣ особа великолѣпіемъ человѣчество превосходящая и приказывала немедленно слѣдовать въ Азію, для искорененія Перскаго владѣнія; о какомъ сновидѣніи вспомнилъ онъ будучи въ Финикіи, когда вышелъ къ нему на встрѣчу Іудейскій священникъ, на которомъ опозналъ онъ убранство, какое за долго до того видѣлъ на явившейся во снѣ особѣ. Ибо, какъ во время Тирской осады приказалъ онъ ближнимъ владѣльцамъ и народамъ покоряться и оказывать ему помощь, а Іудеи, жившіе въ славномъ городѣ Іерус-ѣ, извиняясь союзомъ съ Даріемъ, отъ Македонской дружбы отказались, то для отмщенія за такое ихъ упорство вступилъ онъ въ Іудею въ намѣреніи непріятельскомъ. Но Іерусалимскіе жители для укрощенія царскаго гнѣва съ женами и дѣтьми раболѣпно вышли ему на встрѣчу. Напередъ шли свящ. въ бѣломъ полотнян. облаченіи, за ними слѣдовалъ народъ въ бѣломъ же одѣяніи, а предводитель былъ у нихъ Іаддай—Архіерей въ обыкнов. свящ. одѣяніи. А-ръ, удивляясь великолѣпному и благочинному обряду приближающихся на встрѣчу, соскочилъ съ коня и одинъ пошолъ къ нимъ, и поклонясь Имени Божію, которое напереди архіер. шапки на золотой дскѣ вырѣзано было, самаго Архіерея со всякою учтивостію поздравилъ. Такое нечаянное дѣло всѣхъ бывшихъ при немъ привело въ изумленіе. Іудеи, вмѣсто чаянной скорой гибели получа надежду не только спасенія своего, но и нечаянной царской милости, вокругъ его обступили и начали приносить похвалы и поздравленія. Напротивъ чего, Сирскіе владѣльцы, которые ради частыхъ и великихъ ссоръ съ Іудеями Александру послѣдовали, надѣясь страсть злобнаго своего сердца удовлетворить гибелью непріятелей, въ изумленіи находились.... (и Македоняне) пока Парменіонъ, подойдя къ нему, спросить отважился: „для чего онъ воздаетъ чужестраннымъ обрядамъ такую честь, которую отъ такого гнуснаго народа и принять едва бъ толь великому государю пристойно было"—и онъ сказалъ ему свое сновидѣніе. Потомъ, войдя въ городъ, въ преславномъ храмѣ учинилъ Господу Богу жертвоприношеніе по Іудейскому обычаю и храмъ одарилъ. При чемъ читалъ онъ и свящ. Іуд. книги, гдѣ написаны были древніе пророчества, явно предсказывавшія, что Тиръ будетъ въ Макед. владѣніи, и Персовъ нѣкто Грекъ завоюетъ. Ал-ръ, почитая себя за указаннаго въ пророчествѣ, позволилъ Іудеямъ *„внутрь и внѣ"* отечества свободно содержать свой законъ и обряды; и не велѣлъ съ нихъ брать подать въ субб. годъ, въ который они пашни не пашутъ. Удивлялся же и свойству земли ихъ....., надъ означенными странами начальникомъ поставилъ Андромаха, котораго вскорѣ послѣ того Самаряне, всегдашніе Іудей-

нами за убійство его намѣстника Андромаха, а также фактъ существованія привиллегій, болѣе или менѣе тождественныхъ упоминаемымъ при разсказѣ о посѣщеніи Александромъ Іерусалима, долгое время и при его преемникахъ [1]), не говоря уже о Талмудѣ [2]) и Абульфедѣ [3]), гдѣ все разсказываемое Іосифомъ приводится почти вполнѣ,—то съ большою вѣроятностію можно будетъ согласиться, что въ основѣ прикрашеннаго Іосифовскаго разсказа лежитъ несомнѣнно подлинное историческое зерно, отрицать которое ради этихъ прикрасъ вовсе не значитъ возстановлять истину [4]). Правда, по нѣкоторымъ изслѣдователямъ, самаго Іаддая въ это время уже не было въ живыхъ; однако, ничего нѣтъ невозможнаго предположить, что, если это и такъ, мы имѣемъ дѣло во всякомъ случаѣ скорѣе съ неточностію имени, нежели съ завѣдомоложнымъ показаніемъ и выдумкою факта, сгруппированнаго неудачно около имени Іаддая. Къ тому же сами по себѣ изслѣдованія, пытающіяся доказать несуществованіе Іаддая во времена Александра (336—323), не отличаются неоспоримостію и окончательною установленностію и, во всякомъ случаѣ, ничуть не болѣе доказательны, чѣмъ Іудейское преданіе, полагающее смерть Іаддая до 327 года [5]). Что касается, далѣе, и того возраженія нѣкоторыхъ историковъ, какъ между прочимъ Hitzig'а, что „заставляя Александра знакомиться съ пророчествомъ о немъ Даніила, Іосифъ забывалъ или не зналъ, что оно появилось въ свѣтъ 160 лѣтъ спустя", и, слѣдовательно, не могло быть читаемо Александромъ, а также даты Riehm'а, относящей написаніе книги Даніила къ 167 г. до Р. Х., такъ то и другое свидѣтельство значительно ослабляютъ свою силу при предположеніи, что хотя бы вообще пророчества Даніила въ томъ видѣ, какъ они есть, и появились позднѣе, однако, матеріалъ или содержаніе ихъ несомнѣнно должны были существовать и храниться со временъ пророка, и указываемое Hitzig'омъ и Riehm'омъ время можетъ обозначать лишь моментъ *окончательной редакціи* записей Даніиловыхъ пророчествъ, а никакъ *не первое появленіе* въ свѣтъ для какихъ бы то ни было цѣлей [6]).

Достовѣрность самаго факта посѣщенія Іерусалима Александромъ, неза-

---

скіе непріятели, злою смертію погубили. *Но сіе происходило по взятіи Тира и Газы, а мы здѣсь объявили по случаю.* (Курц. II, 11 гл.).

Предвареніе этого разсказа у Курція оговоркою *„сказываютъ"*—отнимаетъ не мало силы у настоящаго свидѣтельства; тѣмъ не менѣе нельзя не придавать ему вовсе никакого значенія, даже и имѣя ввиду сравнительно позднѣйшее время жизни Курція.

[1]) Jahn, Archaeol. III 300; S-te Croix, Examen critique, etc. Thirwall. Hist. of Graece, VI, 206.

[2]) Joma, f. 69 a; ap. Otho, Lex. Rabb. s. v. Alexander; Megillat-Taanith 3 и 9; Synhedrin 91 a, Gen. r. c. 61; Levit. r. 13; Jalkut I, 110.

[3]) S-te Croix. pp. 209—212.

[4]) Существованіе разсказа объ Александрѣ въ Талмудѣ и вообще въ преданіи во всякомъ случаѣ показываетъ, что Іосифъ не могъ выдумать этотъ разсказъ или даже только прикрасить его. Онъ передалъ его bona fide такъ, какъ нашелъ. Это много ослабляетъ подозрительность сообщенія Іосифа.

[5]) Срв. Hitzig, 310, 312 и 324 стр.

[6]) Срв. Ленорманъ. Древ. Ист. Вост. I, гл. V, § 4, III, 414 стр. прим.

висимо отъ тѣхъ или иныхъ подробностей [1]), не можетъ подлежать почти никакому сомнѣнію. Невозможно допустить, чтобы, подлѣ такихъ блестящихъ и неизбѣжныхъ осадъ, какъ Тира, Газы и др., могъ оставаться неприкосновеннымъ и незамѣченнымъ Іерусалимъ, (который на первыхъ же шагахъ своего расцвѣтанія въ послѣплѣнную эпоху способенъ былъ возбуждать зависть и опасенія окрестныхъ народовъ). По словамъ Ranke (1/2, 185), мы имѣемъ о „событіи" овладѣнія Іерусалимомъ Александра лишь „позднѣйшее левитически прикрашенное повѣствованіе", которое, впрочемъ, „отлично отъ совершенной выдумки", и ради этого заслуживаетъ уваженія. Есть немаловажныя внутреннія и внѣшнія черты, которыя, быть можетъ, лучше всякихъ доводовъ за и противъ свидѣтельствуютъ истину—изъ числа вообще тѣхъ въ исторіи, которыя не допускаютъ до себя ни достаточно сильной защиты, ни достаточно основательной критики и отверженія. Іерусалимъ состоялъ въ крайне натянутыхъ отношеніяхъ съ персидскимъ сатрапомъ Самаріи, въ результатѣ которыхъ послѣдній, нарушая ревностныя заботы поселенцевъ о чистотѣ рода, воздвигъ святилище на Гаризимѣ, и этого достаточно, чтобы объяснить легкость подчиненія Іудеи оружію Александра. Весьма знаменательно также и совершенно въ духѣ истины и вѣрности всему, что намъ извѣстно о еврействѣ, самое поведеніе первосвященника, дающаго на требованіе Александра о сдачѣ столь политично—выгодный и недѣланно правдоподобный уклончивый отвѣтъ, въ которомъ такъ естественно-искусно выразилась и обоюдуострая вѣрность прежнему владычеству, и подкупающая осторожность предъ новымъ, при столь тонкомъ, психологически вполнѣ правдоподобномъ, заискиваніи, не отрѣзающемъ себѣ путей отступленія и въ то же время активно уходящемъ такъ далеко въ предположеніе неизбѣжности измѣны. Совершенно отвѣчало далѣе и системѣ Александра то, чтобы оказывать благоволеніе тѣмъ, кто ему подчинялся, когда онъ пощадилъ Іерусалимъ и позволилъ Іудеямъ, какъ Грекамъ, въ Іоніи жить по своимъ древнимъ обычаямъ. Наконецъ, для полной установки факта посѣщенія Іерусалима Александромъ довольно, что Іерусалимъ лежалъ ему какъ разъ на пути въ Египетъ, и что Александръ былъ также признаннымъ обладателемъ и Палестины—въ моментъ, когда онъ вступалъ въ Египетъ. Было бы, очевидно, слишкомъ странно, чтобы онъ обошелъ своимъ вниманіемъ такой важный пунктъ, лежавшій ему на самомъ пути, и что бы онъ могъ быть признанъ завоевателемъ Палестины, безъ подчиненія своему оружію самаго ея центра.

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи этого вопроса пытаются установить самые источники Іосифова разсказа объ Александрѣ. (См. переводъ Флавія на русск. яз. Генкеля, о догадкахъ Бюхлера, въ его изслѣд. „La relation de Josèphe concernant Alexandre le Grand" въ Revue des études juives (Janvier—Mars, 1898). Для вопроса о подлинности событія въ чертахъ Іосифа, эти догадки значенія большаго не имѣютъ.

§ 18. Переводъ LXX.

Арх. XII, 1—2 гл.

Судьбы Іудеи въ ближайшее время послѣ смерти Александра (ссоры діадоховъ) Іосифъ передаетъ очень необстоятельно, какъ и вообще весь этотъ періодъ до выступленія Маккавеевъ носитъ въ его передачѣ характеръ недостаточно или искусственно связанныхъ, отрывочныхъ несущественныхъ замѣтокъ. Внутренняго строя жизни Іудеи, тѣхъ движеній, которыя должны были явиться въ результатѣ знаменитыхъ реформъ Ездры и заслугъ Нееміи, которыя породилъ, напримѣръ, Самарянскій расколъ, или которыя подготовили великое дѣло перевода LXX, бывшаго началомъ поворота къ новой цивилизаціи, Іосифъ совсѣмъ былъ неспособенъ касаться, и останавливаясь на исторіи, между прочимъ, послѣдняго событія, считаетъ совершенно достаточнымъ raison d'être его простую любознательность Птоломея и честолюбіе, не видя другой, болѣе глубокой дѣйственной почвы для этого—въ назрѣвшей потребности такого перевода для Іудейскаго, а, вмѣстѣ, и всего древняго міра.

Появленію перевода LXX предшествовали, по разсказу Іосифа, слѣдующія обстоятельства, не имѣвшія, впрочемъ, значенія важныхъ обусловливающихъ факторовъ для этого событія.

По смерти Александра, его огромная монархія распалась на части, подѣленная между его полководцами (Антигонъ получаетъ Азію, Селевкъ—Вавилонію, Лисимахъ—земли у Геллеспонта, Кассандръ—Македонію, Птоломей Лагъ [1])—Египетъ [2]). Всѣ они, однако, не чужды были стремленій къ единовластію, и безпрестанно отвоевывались другъ отъ друга, раззоряя свои области. Особенно пострадала отъ этихъ распрей отошедшая къ Птоломею Лагу Сирія, которая (въ роли арены воинскихъ междоусобій) приведена была въ такое состояніе, которое совершенно не соотвѣтствовало прозвищу Птоломея—Σωτήρ—спаситель [3]). Въ одно же время съ Сиріею овладѣлъ онъ и Іерусалимомъ, войдя въ него обманнымъ образомъ въ день субботній, подъ предлогомъ принесенія въ храмѣ жертвоприношеній, и допустивъ не мало строгостей надъ гражданами. Достовѣрность самаго факта захвата Іерусалима Птоломеемъ [4]) Іосифъ подтверждаетъ ссылкою на свидѣтельство Агаѳархида Книдійца, который съ правдоподобной ироніей изумлялся предъ безпримѣрною пассивностію Іудеевъ въ моментъ взятія города, и зналъ, что это объяснялось ихъ „неумѣстнымъ и безцѣльнымъ „суевѣріемъ“ (чествованіе субботы), ради коего они предпочли подчиненіе „столь суровому деспоту“.

Не ограничившись объявленіемъ города завоеваннымъ, Птоломей отвелъ съ собою „множество“ плѣнниковъ изъ Іудеи, окрестностей Іерусалима и Самаріи [1]); впрочемъ, этотъ плѣнъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи—мало общаго съ дѣйствительнымъ позоромъ и рабствомъ: утилизируя строгія воззрѣнія Іудеевъ на клятвы и вѣрность своимъ обязательствамъ, Птоломей уравниваетъ ихъ въ правахъ съ Македонянами, связываетъ присягою въ вѣрности не только себѣ, но и своимъ потомкамъ, и такъ подкупаетъ ихъ своею щедростію, что и другіе Іудеи добровольно цѣлыми массами начинаютъ переселяться въ Египетъ. Въ этихъ отношеніяхъ къ Іудеямъ и въ его усиліяхъ поддерживать съ своей стороны переселенческое движеніе Іудейства на почву Египта, не было по существу ничего невозможнаго. Іудейскіе колонисты своимъ своеобразно-возвышеннымъ духовнымъ развитіемъ представляли весьма удобное звѣно для связи между природными Египтянами и владѣтельными Греками. Съ первыми они раздѣляли, между прочимъ, обычай обрѣзанія, различеніе животныхъ на чистыхъ и нечистыхъ, и вообще строгое пониманіе жизни; со вторыми—соотвѣтствующе выгодно — стояли на одинаковой высотѣ просвѣщенной вѣры въ единство и духовность Божества, не говоря уже о торговлѣ, въ которой по ловкости они могли служить образцомъ не только для Египтянъ, но и предпріимчивыхъ Грековъ. Какъ бы то ни было, при Птоломеѣ I мы встрѣчаемъ въ Египтѣ (Александріи) уже цѣлыя колоніи Іудеевъ,

---

[1]) По любопытному свидѣтельству Павзанія (I, 6), ссылающагося на „Македонянъ“, этотъ Птоломей былъ „сынъ Лага“ лишь *по имени;* на самомъ же дѣлѣ отцемъ его должно считать *Филиппа* Македонскаго, который выдалъ свою наложницу *Аргею* за Лага, человѣка незнатнаго, уже въ беременности ея Птоломеемъ. Такимъ образомъ, Птоломей приходился *братомъ* Александра Македонскаго, лишь отъ другой матери. Этого-то Птоломея Павзаній называетъ виновникомъ того, что монархія была *подъѣдена*, а не перешла вся цѣликомъ къ другому сыну Филиппа—Аридею.

[2]) Иное дѣленіе монархіи Александра указываетъ Павзаній (I, 6). Птоломей получилъ Египетъ, Антипатръ—Македонію, Кассандръ—Карію, Лисимахъ—Ѳракію, Антигонъ—Памфилію, Ликію и великую Фригію, Евменъ—Пафлагонію и Каппадокію и пр.

[3]) Павзаній приписываетъ изобрѣтеніе этого прозвища Родосянамъ.

[4]) По свидѣтельству Павзанія (I, 6—7 гл.), Птоломей, по смерти Пердикки, захватившаго было подъ именемъ Аридея, брата Александрова, самодержавное могущество, покорилъ немедленно своей державѣ Сирію и Финикію, принялъ подъ свой покровъ Селевка, Антіохова сына, побѣжденнаго Антигономъ и задумалъ отомстить послѣднему. На союзъ съ собою для этого онъ склонилъ и Кассандра, Антипатрова сына, и Лисимаха. Антигонъ, пользуясь отлучкою Птоломея въ Ливію, сначала напалъ на Сирію съ Финикіей, и отдалъ ихъ сыну своему—юному, но храброму Димитрію. Послѣ одной неудачи, этотъ разбилъ Птоломея, а потомъ вмѣстѣ съ отцемъ своимъ напали на Египетъ, куда онъ бѣжалъ. Антигонъ скоро умеръ, разбитый соединенными силами Лисимаха, Кассандра и Селевка, а Птоломей опять вернулъ себѣ всю Сирію.

[1]) Загадочно и темно дальнѣйшее замѣчаніе Іосифа о распряхъ, возникшихъ въ Египтѣ между Іудейскими и Самарянскими переселенцами, „вслѣдствіе желанія первыхъ сохранить издревле установленные обычаи въ дѣлѣ отсылки жертвоприношеній“. Іерусалимцы, считавшіе единственно свой храмъ священнымъ, требовали туда именно и отсылки жертвоприношеній; Самаряне настаивали на требованіи отправлять эти приношенія на гору Гаризимъ“; дѣло доходило даже до кровавыхъ схватокъ другъ съ другомъ. Что Іерусалимцы требовали отсылки „всѣхъ“ вообще сборовъ въ Іерусалимъ, это естественно. Относительно Самарянъ нельзя не признать за болѣе достовѣрное, что они желали, и вполнѣ законно, выдѣлить себя изъ обязательныхъ жертвователей на нужды Іерусалимскаго храма и „свои“ сборы предпочитали отправлять на гору Гаризимъ. Непонятнымъ послѣ этого остается одно — имѣли ли основанія и права Іерусалимцы насиловать религіозныя чувства и свободу убѣжденій Самарянина?

въ совершенной равноправности съ Македонянами, преимущественно несшими государственную и гарнизонную службу. Приближаясь, такимъ образомъ, къ рубежу своего предопредѣленнаго конца временъ, за которымъ готовился ему и всему человѣчеству новый даръ неба въ благодатномъ обновленіи жизни, Израиль, оторванный еще разъ отъ родной своей почвы, пересаживается съ нея вновь на почву Египта, и на этотъ разъ однимъ изъ важнѣйшихъ плодовъ такой пересадки было всесвѣтное обнародованіе завѣтныхъ достояній народа Божія на общедоступномъ тогда и пользовавшемся вездѣсущими правами гражданства—греческомъ языкѣ. Вышелъ нѣкогда этотъ народъ Божій со „имѣніемъ многимъ“ изъ Египта — обогащенный всѣмм потенціями, кои впослѣдствіи явили въ немъ могучій тѣломъ и духомъ народъ, со всѣми плодотворными сѣменами высшей тогда культуры, которая поднявъ его естественное развитіе на несравненно высшую ступень, возвысила соотвѣтствующимъ образомъ и естественный базисъ для развитія къ новой и высшей ступени Божественнаго Откровенія, для вступленія въ тѣснѣйшій завѣтъ или общеніе съ Богомъ; теперь опять (этотъ народъ) входитъ въ Египетъ, чтобы заплатить ему взаимно еще большимъ имѣніемъ, которымъ обладалъ самъ—сокровищами своей Богодарованной и обожествляюще-живительной письменности. Таково, между прочимъ, значеніе перевода LXX, которое, впрочемъ, во всей своей необъятности едва можетъ быть даже и измѣрено. Изъ многосторонних̀ъ значеній этого перевода LXX мы должны обратить вниманіе на одну, важнѣйшую для насъ сторону дѣла— установить его какъ *событіе*, историческій *фактъ*, добытый критикою изъ литературнаго памятника сомнительной благонадежности—извѣстнаго письма Аристея, давшаго Іосифу матеріалъ для сказанія о переводѣ LXX и долгое время пользовавшагося незаслуженнымъ довѣріемъ. Мы не будемъ приводить здѣсь полнаго содержанія и разбора этого памятника, обстоятельное критическое обслѣдованіе котораго дано въ спеціальныхъ трудахъ — (магистерскомъ и докторскомъ) почившаго недавно профессора М. Д. Академіи И. Н. Корсунскаго [1]). Мы установимъ лишь важнѣйшіе выводы, на какіе даетъ полное право указанный литературно-историческій памятникъ, не только самъ по себѣ, но и по многимъ твердо привязаннымъ къ нему соображеніямъ, дающимъ возможность отдѣлить въ немъ все наиболѣе важное и болѣе или менѣе безспорное, исторически и критически установленное. Таковы—сообщенія о *мѣстѣ* или почвѣ перевода LXX, о *времени* его, и о *количествѣ* переведеннаго на первыхъ порахъ.

Несомнѣнность происхожденія перевода именно на почвѣ Египетской не безъ основанія видятъ въ изобиліи въ немъ словъ мѣстнаго (египетскаго) происхожденія, въ особомъ характерѣ изложенія греческой рѣчи перевода и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ внутреннихъ свойствахъ, указывающихъ на задатки философическаго склада мысли переводчиковъ, каковыми могли быть, такимъ образомъ, если не чистокровные ученые Александрійцы [2]), то, по крайней

[1]) „Іудейское толкованіе Ветхаго Завѣта“ и „Переводъ LXX“. См. также „Чтенія общ. люб. дух. просвѣщ. 1875 г.“ ст. проф. Елеонскаго ....

[2]) Grätz'y это не нравится.

мѣрѣ, значительно оегиптизировавшіеся Палестинцы. Что такими переводчиками, далѣе, мало могли быть природные и нарочито вызванные въ Египетъ Палестинцы, подтвѣрждаетъ слабость еллинизаціи Палестинскихъ Іудеевъ около того времени, особенно книжниковъ, среди которыхъ вообще затрудняются видѣть достаточное количество хорошихъ знатоковъ греческаго языка, надлежаще способныхъ быть переводчиками Пятокнижія [1]). Можетъ быть, не на это ли безучастіе Палестинскихъ ученыхъ въ переводѣ указываетъ то обстоятельство, что преданіе Іудейское, имѣющееся въ древнѣйшихъ частяхъ Талмуда, ни однимъ словомъ не обмолвляется о Палестинскомъ происхожденіи переводчиковъ, при разныхъ случаяхъ упоминанія и повѣствованія о переводѣ LXX, а говоритъ лишь при этомъ о Египтѣ, Александріи, царѣ Птоломеѣ, и т. п. Можетъ быть, въ цѣляхъ косвеннаго подтвержденія той же мысли годилась бы та вскользь брошенная подробность въ свидѣтельствѣ Аристея, что на ряду съ вызванными изъ Палестины переводчиками прикосновенными къ дѣлу оказываются и еще какіе-то „Александрійскіе старѣйшіе толковники“ *(τῶν ἑρμηνέων οἱ πρεσβύτεροι)*, которые были въ числѣ одобрявшихъ переводъ LXX по окончаніи послѣдняго, какъ бы его редакторами. Такъ или иначе, остается принять за наиболѣе твердо установленное, что почвою, на которой возрасло и взлелѣяно великое дѣло перевода LXX, былъ Египетъ, и съ большою вѣроятностію переводчиками были *оегиптизировавшіеся Іудеи*, которые въ послѣдующее время съ большимъ успѣхомъ выступаютъ на поприщѣ всѣхъ родовъ тогдашней литературы, не исключая научно-философской.

Можно, затѣмъ, не отказать свидѣтельству Аристея въ соотвѣтствіи самой дѣйствительности и тамъ, гдѣ время происхожденія перевода указывается именно при Птоломеѣ II Филадельфѣ [2]) (284—247) и при первосвященникѣ Елеазарѣ [3]) (287—255). Эпоха перваго какъ нельзя болѣе позволяла и обусловливала это. Въ 280 году Птоломей подчинилъ своему вліянію всю Финикію и Палестину вплоть до самаго оплота всего этого края—города Дамаска. Іудеи тѣмъ спокойнѣе отнеслись къ этому, что Птоломей сохранилъ по отношенію къ нимъ мудрую и великодушную политику своего отца, и старался привлекать ихъ многими льготами и милостями. Благодаря всему этому, Іудейская колонія въ Египтѣ должна была къ его именно времени возрасти до того значенія, которое всего болѣе требовало и обусловливало, чтобы Іудеи пере-

[1]) Извѣстно, что въ гораздо болѣе позднее время сознавался въ крайней недостаточности свободы владѣнія греческимъ языкомъ такой щелкоперъ, какъ Іосифъ Флавій, вынужденный для своего труда, писаннаго для Грековъ и на греческомъ языкѣ, пользоваться услугами особыхъ помощниковъ (срв. Grätz, 437 стр.).

[2]) По Павзанію, прозвище это (Филадельфъ) дано Птоломею въ посмѣяніе за убійство 2-хъ братьевъ, а по другимъ—за женитьбу на родной сестрѣ, см. Веберъ I, 315. Другое его прозвище—Леонтискъ.

[3]) Этотъ Елеазаръ былъ, по Іосифу, замѣститель малолѣтняго Оніи, сына Симона пр. (310—291), (какъ братъ послѣдняго), который имѣлъ отцомъ въ свою очередь тоже Онію, сына перв. Іаддая, современнаго Алекс. Макед. Послѣ него первосвященническое достоинство носили — Манассія, дядя его, и потомъ Онія II, сынъ Симона Праведнаго.

вели законъ свой съ еврейскаго на греческій языкъ. Въ какой бы степени ни признавать прикрашеннымъ разсказъ о рачительныхъ заботахъ Птоломея въ дѣлѣ перевода, нельзя отрицать факта, легшаго въ основу этого сказанія—о переводѣ Пятокнижія именно ко времени этого царя и не безъ его сочувствія. Помимо свидѣтельства объ этомъ ближайшихъ ко времени Филадельфа Іудеевъ—Аристовула, Филона и Флавія, то же подтверждается совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ указаній на болѣе раннее и вообще на другое какое либо время этого перевода. Переводчикъ книги Сираха „прибывшій въ Египетъ на 38 году при царѣ Евергетѣ“ [1]), т. е. по болѣе точнымъ опредѣленіямъ при Птоломеѣ III—Евергетѣ, преемникѣ Филадельфа [2]) (247 — 221), находитъ переведенными съ еврейскаго на греческій уже не только „Законъ“ (Пятокнижіе), но и „Пророчества и остальныя книги Св. Писанія *(ὁ νόμος καὶ αἱ προφητεῖαι καὶ τὰ λοιπὰ τῶν βιβλίων)*. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о времени происхожденія перевода—по крайней мѣрѣ, Пятокнижія,—и не можетъ быть другого рѣшенія, какъ согласное съ показаніемъ Аристея. Замѣчаніе одного изъ новѣйшихъ англійскихъ ученыхъ, что „происхожденіе перевода LXX покрыто мракомъ неизвѣстности“, очевидно, можетъ имѣть силу лишь въ примѣненіи къ обстоятельствамъ этого происхожденія, а не времени онаго. Въ послѣднемъ отношеніи обладаетъ всею силою, въ качествѣ вполнѣ научнаго и точно устанавливаемаго, положеніе ученаго Московскаго Святителя Филарета, по которому „начало перевода LXX должно восходить несомнѣнно далеко за 200 лѣтъ до Р. Хр.“. Болѣе узкими предѣлами для возникновенія перевода Пятокнижія въ Александріи есть основанія считать время между 280—220 годами, когда замѣчается повсюду особенное движеніе въ цѣляхъ раскрытія греческо-образованному міру сокровищъ Израильскаго религіознаго развитія,—движеніе, толчокъ къ которому долженъ былъ дать именно переводъ еврейскихъ священныхъ книгъ. Въ сущность и ходъ этого движенія, которое даже на самыхъ первыхъ порахъ едва ли исчерпывалось мыслью и осуществленіемъ перевода, стоило бы вникнуть поглубже и изслѣдовать пообстоятельнѣе: по крайней мѣрѣ, здѣсь мы должны отвергнуть всякое серьезное значеніе мысли, чтобы переводъ LXX могъ быть обязанъ своимъ происхожденіемъ единственно славолюбивымъ намѣреніямъ египетскаго монарха, поддерживавшаго престижъ своихъ книгохранилищъ; почти столь же мало можно удовлетворяться и тѣмъ часто высказываемымъ соображеніемъ, что переводъ внушался назрѣвшею потребностію *самихъ* (прежде всего египетскихъ) *Іудеевъ*, все болѣе и болѣе проникавшихся неотразимымъ вліяніемъ еллинизирующей цивилизаціи, при постоянныхъ сношеніяхъ съ народами этой цивилизаціи начинавшихъ чувствовать на своей рѣчи невольное преобладаніе и потребность общаго разговорнаго языка. Болѣе всего этого, Іудейство могло придти къ мысли о переводѣ въ цѣляхъ повѣданія и сообщенія міру мудрости Израиля, въ отвѣтъ на усилившіяся исканія этой мудрости Еллинами. Можно

[1]) Срв. Grätz, 436 и д.
[2]) Hitzig, 344 стр. срв. Grätz, 436 и д.

сказать, что нужда въ переводѣ священныхъ книгъ еврейскихъ была и для послѣднихъ, и что не только Іудеями, но и Еллинами этотъ переводъ долженъ былъ привѣтствоваться, какъ желанное явленіе, богатое отвѣтами на насущные запросы души и сердца („Еллины премудрости ищутъ“) [1]). Допускать, что переводъ вызывался чисто религіозными нуждами Египетскаго Іудейства, затруднявшагося будто бы читать и понимать свободно еврейскій языкъ, слишкомъ отважно, не менѣе чѣмъ видѣть въ благосклонномъ вниманіи еллинскаго міра къ переводу еврейскихъ книгъ—намѣренія Грековъ присоединиться собственно къ Іудейству. Сильный мотивъ указаннаго движенія должно указать еще развѣ въ апологетическихъ нуждахъ Іудеевъ, которые около этого времени начинаютъ становиться все болѣе и болѣе заманчивою мишенью для досужихъ перьевъ еллинскаго остроумія и насмѣшекъ, въ противовѣсъ благопріятствовавшимъ условіямъ ихъ внѣшняго положенія, часто возвышавшагося до способности быть предметомъ зависти даже самихъ хозяевъ страны. То обстоятельство, что, по выходѣ въ свѣтъ перевода, онъ предпочтительно употребляется писавшими на греческомъ языкѣ Іудеями, также не мало свидѣтельствуетъ о значеніи его именно для языческаго читающаго міра, въ кругъ писаній, предназначавшихся которому, сами они вчленили переводъ, какъ главное средство уясненія и возвышенія достоинства Іудейства. Уже письмо Аристея не оставляетъ никакого сомнѣнія для мысли, что переводъ дѣлался и былъ нуженъ не столько для говорившихъ по гречески Іудеевъ, сколько для непонимавшихъ по еврейски Грековъ. Что первые еще не настолько нужда-

[1]) Еще цѣлесообразнѣе объяснить это участіемъ Промысла Божія въ судьбахъ человѣчества. Въ такомъ случаѣ описываемое событіе выступаетъ, какъ послѣдняя подготовительная ступень къ пріобщенію Царству Божію язычниковъ. Уже въ выдѣленіи Израиля изъ среды всѣхъ остальныхъ народовъ въ народъ избранный, Божій, это пріобщеніе не только не исключается, но прямо подразумѣвается. Израиль не *единорожденный*, но только *перворожденный* сынъ Іеговы въ многочисленной семьѣ другихъ чадъ Божіихъ, для коихъ Израиль предназначался быть „посредникомъ“ освященія. („благословятся въ тебѣ всѣ племена земныя“). Партикуляризмъ, по которому Іегова представлялся всецѣло и исключительно Богомъ Израиля, имѣлъ извѣстную односторонность и ограниченіе въ воззрѣніи на Божественное бытіе и дѣйствія; но эта односторонность и ограниченіе, имѣвшія свой противовѣсъ въ универсализмѣ обѣтованія, были необходимы и полезны на время въ качествѣ сильной преграды угрожавшему сліянію и амальгамированію съ язычествомъ. *Только изъ отчетливаго и выдержавшаго партикуляризма могъ породиться истинный универсализмъ.* Исторически это оправдывалось шагъ за шагомъ по мѣрѣ того, какъ шло впередъ развитіе Іудейства. Періодъ царей уже замѣтно сближаетъ Іудеевъ съ окружающимъ міромъ, и хотя это сближеніе было нерѣдко несчастнымъ для Израиля (вліяніе идолопоклонства), за то полезнымъ для язычества, которое такъ или иначе воспринимало и само плодотворныя сѣмена Іудейскаго развитія. Вавилонскій плѣнъ и разсѣяніе Іудеевъ было величайшею миссіею Ветхаго Завѣта, подобіе какой можетъ дать развѣ апостольство въ Новомъ. И какъ въ результатѣ послѣдняго (апостольства) „во всю землю изыде вѣщаніе ихъ“, такъ въ результатѣ того является переводъ LXX, объединившій весь мыслящій міръ около одного центра и помогшій это единство сплотить потомъ у подножія Креста!

лись лично для себя въ греческомъ переводѣ своихъ священныхъ книгъ, ясно можно судить по тому, что и въ Палестинѣ въ обыденной жизни уже давнымъ давно не употреблялась собственно еврейская рѣчь, и, однако, до сихъ поръ еще не чувствовалось настоятельной нужды въ писанномъ арамейскомъ переводѣ Библіи. И вообще большинство тогдашнихъ Іудейско - Александрійскихъ Греческихъ писаній меньше имѣли въ виду Іудейское общество, нежели собственно греческій міръ, и всѣ усилія ихъ почти всецѣло направлялись къ одному—показать Грекамъ высшую просвѣщенность и мудрость Іудейскаго народа. Посему-то и сочувствіе, которое этотъ переводъ закона встрѣтилъ среди не-Іудейскаго общества, имѣло слѣдствіемъ богатую литературу о превосходствѣ Іудейскаго закона, послужившую побужденіемъ къ продолженію разъ начатаго переводнаго труда.

Въ свидѣтельствѣ Аристея не мало дано ясныхъ и не возбуждающихъ несогласія указаній, что на первыхъ порахъ переводъ ограничился книгами Пятокнижія. Общая мысль всего свидѣтельства, что Птоломей повелѣлъ перевести Іудейскій *законъ* на греческій языкъ". То же самое можно видѣть, какъ бы въ намекѣ, изъ докладной записки Димитрія библіотекаря царю о „недостаткѣ" книгъ, содержащихъ въ себѣ „*законъ*" Іудейскій, и предложеніи—чрезъ выпрошенныхъ у Іудейскаго первосвященника старцевъ искусныхъ въ знаніи „*закона*"—получить исправный *его* (закона) переводъ;—изъ письма къ первосвященнику Елеазару о намѣреніи для Іудеевъ *законъ* ихъ съ еврейскаго переложить на греческій языкъ; въ просьбѣ — прислать лицъ искусныхъ въ знаніи *законовъ* и могущихъ исправно перевести *оные;* — въ молитвенномъ пожеланіи первосвященника о благопоспѣшеніи намѣренію царя въ „переводѣ *закона* и посланіи старцевъ вмѣстѣ съ *закономъ*; въ представленіи пословъ царю съ пергаментами, на которыхъ золотыми буквами начертаны были *законы*, и въ благодарности царя Богу, какъ Творцу принесенныхъ *законовъ*; переведенный *законъ* читается, затѣмъ, вслухъ Іудеевъ и знатнѣйшихъ особъ и вызываетъ изумленіе предъ премудростію Законодавца. Наконецъ, имѣется относительно сего ясное и опредѣленное свидѣтельство Іосифа въ предисловіи къ Археологіи, гдѣ онъ прямо заявляетъ, что Птоломей „не все наше получилъ Писаніе, но вручили ему одинъ только *законъ* посланные для истолкованія онаго въ Александрію" *(οὐδέ γαρ πᾶσαν ἐκεῖνος ἔφθη λαβεῖν τὴν ἀναγραφήν, ἀλλ᾽ αὐτὰ μόνα τὰ τοῦ νόμου παρέδοσαν οἱ πεμφθέντες ἐπὶ τὴν ἐξήγησιν πρὸς τὴν Ἀλεξανδρείαν).* Кромѣ Іосифа, не безъ значенія здѣсь свидѣтельство о томъ же Талмуда, гдѣ читаемъ (въ трактатѣ Megilla): „traditio est, ut dicit R. Judah, quod quum permiserunt (magistri nostri) legem in Graecum conscribi, permiserunt id tantum libro legis, atque inde ortum est opus Ptolomaei regis" [1]).

Были ли переведены при Филадельфѣ же и тѣми же ли переводчиками

[1]) „Есть преданіе, какъ говоритъ р. Іуда, что, когда наставники наши дозволили Свящ. Писаніе для перевода на рѣчь Грековъ, то дозволили это только въ отношеніи къ книгѣ закона, откуда затѣмъ и появился извѣстный трудъ Птоломея царя".

другія книги Свящ. Писанія, и вообще когда онѣ переведены и кѣмъ, изъ Аристеева свидѣтельства вывести невозможно. Какъ бы то ни было, несомнѣнное сочувствіе неіудейскаго общества къ первому опыту перевода еврейскихъ книгъ и обстоятельства самаго времени, во всякомъ случаѣ, должны были сообщить продолженію этого дѣла быстрый и полный успѣхъ. Вся еврейская литература должна была сдѣлаться Грекамъ доступною, и работа съ этими цѣлями должна была продолжаться, во всякомъ случаѣ, до послѣдней четверти II столѣтія до Хр. (150—125), и именно какъ работа не одного лица, и даже не одного только ученаго кружка, но многосложная и многотрудная работа, можетъ быть, болѣе полуторыхъ вѣковъ.

Что касается болѣе частныхъ подробностей Аристеева свидѣтельства, какъ-то: дарованія полной свободы евреямъ, сопровождавшаго дѣло перевода; ходатайства за нихъ предъ царемъ Аристея и отвѣтовъ царя, а также указовъ послѣдняго по этому дѣлу,— содержанія переписки его съ первосвященникомъ, обмѣна дарами, обстановки, при которой веденъ былъ переводъ,—ученыхъ разговоровъ старцевъ съ царемъ, и т. п., то все это имѣетъ второстепенное значеніе и безъ ущерба дѣлу игнорируется, какъ исторически неподлинное и неудобовѣроятное. Замѣтно, что уже самъ Іосифъ ненекритически относился ко многимъ изъ подобныхъ подробностей Аристеева сказанія, отсѣкая по возможности все, имѣющее мало очевидно—историческаго характера, и стараясь, съ другой стороны, выставить болѣе точныя историческія основанія для всего, что сообщается у Аристея безъ достаточной ясности и опредѣленности. Таковы—въ дополненіе къ простому указанію личности, сообщеніе Іосифа о первосвященникѣ Елеазарѣ, какъ братѣ извѣстнаго первосвященника Симона Праведнаго, сына Оніи, и т. п.

ГЛАВА V.

АРХЕОЛОГІЯ—ОБЪ ЭПОХѢ МАККАВЕЕВЪ.

§ 19. Состояніе Іудеи въ предъ-Маккавейское время (по 175 г.).

Ἀρχ. XII, 3—5 гл.; Полибій и др. историки.

Несомнѣнность благосклонныхъ отношеній Птоломея Филадельфа къ Іудеямъ, быть можетъ, дѣйствительно стоявшихъ въ такой или иной связи съ исторіею перевода LXX, хотя бы и не въ духѣ Аристеева сказанія, во всякомъ случаѣ, настолько очевидна и исторически засвидѣтельствована, что для Іосифа она, по справедливости, служитъ точкою отправленія для изображенія дальнѣйшихъ судебъ Іудейства. Іосифъ обращаетъ вниманіе на то, что не только въ странѣ Птоломея, но и въ другихъ государствахъ того времени Іудеи были отличаемы особеннымъ и именно благосклоннымъ къ себѣ вниманіемъ правителей. Характернымъ выраженіемъ этой благосклонности было дарованіе Іудеямъ правъ гражданства. По ясному указанію Іосифа, начало этихъ правъ (jus civitatis) для Іудеевъ положили именно Азіатскіе государи, у коихъ они нанимались въ военную службу. Такъ, Селевкъ Никаноръ пожаловалъ этимъ правомъ многихъ Іудеевъ въ построенныхъ имъ въ Азіи и нижней Сиріи городахъ, и даже въ самой столицѣ своей Антіохіи. Права эти не были фиктивнымъ только отличіемъ, но фактически уравнивали Іудея во всѣхъ преимуществахъ Грека и Македонянина, при чемъ допускались даже нѣкоторыя важныя приспособленія ихъ къ Іудейскимъ исключительнымъ воззрѣніямъ. Такова, напр., узаконенная Селевкомъ для Іудеевъ замѣна или выкупъ обычныхъ податей съ гражданъ Селевкидскихъ городовъ, при чемъ вмѣсто *елея*, изъ котораго должны были, между прочимъ, состоять эти подати, Іудеямъ позволялось откупаться деньгами, ввиду ихъ щепетильнаго отношенія къ иноземному елею. Это преимущество не потеряли Іудеи также въ Римское время послѣ кроваваго исхода Іудейской войны, когда отягощеніе бременемъ податей вошло въ систему. Еще замѣчательнѣе привиллегія, оказывавшаяся Іудейскимъ борцамъ въ общественныхъ школахъ (гимназіяхъ). Въ силу указанныхъ предубѣжденій предпочитая умащаться собственнымъ своимъ масломъ, вмѣсто казеннаго, Іудеи получали за послѣднее деньги въ опредѣленной суммѣ, соотвѣтствовавшей стоимости масла. Любопытенъ и вполнѣ

правдоподобенъ разсказъ Іосифа о томъ, какъ однажды Антіохійцы подняли вопросъ о лишеніи Іудеевъ этого послѣдняго преимущества въ виду наступавшей Іудейской войны: самъ областеначальникъ Сирійскій Мукіанъ [1])—не допустилъ, однако, этого сдѣлать. Въ позднѣйшее время дѣлали подобныя же попытки къ лишенію Іудеевъ вообще всѣхъ правъ гражданства Александрійцы и Антіохійцы при Веспасіанѣ и Титѣ, и Іоняне при Маркѣ Агриппѣ (сподвижникъ Октавіана Августа, съ 23 г. до Р. Х. правитель Сиріи), по свидѣтельству другого историка Николая Дамаскина, и всякій разъ, однако, права Іудеевъ оставались неприкосновенными, не смотря даже на то, что Веспасіанъ, напримѣръ, имѣлъ и сильнѣйшія побужденія нарушить ихъ за крайнее сопротивленіе Іудеевъ и ради привлеченія симпатій двухъ сильныхъ народовъ, просившихъ его о томъ [2]). Особенно много жаловалъ Іудеевъ правами гражданства (римскаго) Юлій Цезарь, побуждаемый къ тому весьма важными услугами, оказанными ему со стороны Іудеевъ во время Египетской войны [3]). Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ—съ правами гражданъ въ послѣдующее время мы видимъ весьма значительное число Іудеевъ и цѣлыхъ Іудейскихъ общинъ, разсѣянныхъ по различнымъ областямъ Греціи и Малой Азіи [4]); и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что эти права были отчасти отголоскомъ той благосклонности къ Іудеямъ, примѣръ какой далъ гуманнѣйшій вѣкъ Птоломеевъ, заявившихъ свои симпатіи къ Іудейству, между прочимъ, просвѣщеннымъ содѣйствіемъ переводу LXX.

При первомъ приближеніи и прикосновеніи къ Маккавейскому періоду приходится обыкновенно констатировать неизмѣнный печальный фактъ—нарушеніе стройнаго теченія свящ. первоисточника весьма крупнымъ пробѣломъ въ нѣсколько столѣтій (отъ Нееміи до Антіоха Епифана, 440—175 г.),—нарушеніе, создающее крайне невыгодное положеніе для историка, лишеннаго всякой возможности соединить сколько нибудь прочнымъ узломъ концы порванной нити Библейскаго разсказа. Правда, мы могли находить нѣкоторую видимость способности заполнить означенный пробѣлъ въ попыткѣ Іосифа Фл., однако, эта попытка не идетъ дальше воспроизведенія пары легендарныхъ событій—разсказъ объ Александрѣ Великомъ и исторія перевода LXX, крайне слабыхъ въ своихъ деталяхъ предъ строгою историческою критикою, а главное—заполняющихъ только лишь ничтожную часть всего громаднаго пробѣла. Подобная же попытка въ Маккавейскихъ книгахъ также ограничивается лишь самыми незна-

[1]) M. Licinius Crassus Mucianus, поставленный въ Сиріи Клавдіемъ, срв. *περὶ ἁλώσ.* XI, 4, 4; Тацитъ, Hist. I, 10; II, 5.

[2]) Похвалы, какія при семъ щедро расточаетъ Іосифъ по адресу Веспасіана и Тита, понятно, много обязаны обычному ласкательству самого Іосифа, но все же приведенный фактъ не могъ быть имъ сполна выдуманъ.

[3]) *Ἀρχ.* XIV, 8, § 1—2.

[4]) *Ἀρχ.* XIV, 10, § 13—14.

чительными и, при томъ, исторически слабыми или слишкомъ конспективными повѣствованіями. Такъ, между прочимъ, начало I Маккавейской книги гласитъ:

1. „Послѣ того, какъ Александръ, сынъ Филиппа, Македонянинъ, который вышелъ изъ земли Киттимъ, поразилъ Дарія, царя Персидскаго и Мидійскаго, и воцарился вмѣсто его прежде надъ Елладою,

2. Онъ произвелъ много войнъ, и овладѣлъ многими укрѣпленными мѣстами, и убивалъ царей земли.

3. И прошелъ до предѣловъ земли, и взялъ добычу отъ множества народовъ; и умолкла земля предъ нимъ, и онъ возвысился, и вознеслось сердце его.

4. Онъ собралъ весьма сильное войско, и господствовалъ надъ областями и народами и властителями, и они сдѣлались его данниками.

5. Послѣ того онъ слегъ въ постель, и почувствовавъ, что умираетъ,

6. Призвалъ знатныхъ изъ слугъ своихъ, которые были воспитаны съ нимъ отъ юности, и раздѣлилъ имъ свое царство еще при жизни своей *(?какъ извѣстно изъ исторіи Александра, никакого дѣлежа при своей смерти онъ не производилъ). Далѣе:*

7. Александръ царствовалъ 12 лѣтъ, и умеръ.

8. И владычествовали слуги его каждый въ своемъ мѣстѣ.

9. И по смерти его всѣ они возложили на себя вѣнцы, а послѣ нихъ и сыновья ихъ въ теченіи многихъ лѣтъ, и умножили зло на землѣ.

10. И вышелъ отъ нихъ корень грѣха—Антіохъ Епифанъ, сынъ царя Антіоха, который былъ заложникомъ въ Римѣ, и воцарился въ 137 году царства Еллинскаго“ и т. д.

Въ добавленіе къ этому, слишкомъ конспективному и быстрому переходу къ судьбамъ Палестинскаго Іудейства послѣ Нееміи, отчасти на основаніи Іосифа, отчасти изъ другихъ источниковъ, есть возможность представить дѣло въ слѣдующемъ болѣе обстоятельномъ видѣ, впрочемъ, такъ же лишь со времени смерти Александра.

Упомянутый Селевкъ Никаноръ *(ὁ Νικάτωρ)*, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ великаго Александра, былъ, между прочимъ, основателемъ особаго Сиро-Македонскаго царства, въ составъ котораго въ 312 году вошелъ (послѣ 10-лѣтней войны) Вавилонъ, а также многія страны по прибрежьямъ Средиземнаго моря. Объединившій, такимъ образомъ, большую часть всемірной монархіи Александра, Селевкъ открываетъ собою могущественную эру Селевкидовъ, съ судьбами которой долго связывались судьбы Іудейства, въ продолженіе, между прочимъ, всего періода Маккавеевъ. Время владычества Селевкидовъ Сиріею и Палестиною дало одну изъ наиболѣе оживленныхъ и плодотворныхъ эпохъ Іудейства, когда реакція обезличенію „инославіемъ“, возбужденная достаточно осмыслившимся и окрѣпшимъ ново-Іудействомъ, не только выдержала блестяще множество нахлынувшихъ бѣдствій, но и успѣла на время воскресить счастливыя времена благочестивыхъ царей Іудейскихъ. Такъ какъ исторія Іудейства за весь этотъ періодъ не можетъ быть совершенно изолирована отъ исторіи Селевкидовъ, тѣсно переплетаясь съ нею, то мы должны въ дальнѣйшемъ уступить невозможности достаточно обстоятельно и полно предъ-

ставить первую такъ, чтобы не вдаваться въ тоже время и во вторую. А такъ какъ, далѣе, и исторія Селевкидовъ есть въ значительной степени исторія соперничества съ Птоломеями, то и судьбы послѣднихъ должны давать намъ матеріалъ для представленія судебъ Іудеи. Наряду съ I и II книгами Маккавейскими незамѣнимую услугу въ данномъ случаѣ оказываетъ Іосифъ, безъ сообщеній котораго источники для исторіи Селевкидовъ оказываются крайне неполными и разбитыми [1]). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и Іосифъ оказывался здѣсь достаточно удовлетворяющимъ желательной полнотѣ и обстоятельности изслѣдованія этого періода. По своей некритичности онъ заслуживаетъ менѣе вѣры, чѣмъ даже II Маккавейская книга, а тѣмъ болѣе I, которая по относительной достовѣрности и обстоятельности должна занять 1-е мѣсто, въ представленіи исторіи всего этого періода.

Неполнота Іосифа замѣтно сказывается при первой же попыткѣ его восполнить недостающее въ повѣствованіи книгъ Маккавейскихъ. О первомъ изъ Селевкидовъ—Селевкѣ Никанорѣ (302—282) онъ сообщаетъ лишь о дарованіи имъ правъ Іудеямъ въ своихъ городахъ [2]). О его преемникѣ Антіохѣ I Сотерѣ (282—262) онъ не знаетъ ничего [3]). Объ Антіохѣ II, сынѣ I и внукѣ Селевка [4]) (261—246), прозванномъ отъ Грековъ *Θεός*, знаемъ изъ Іосифа лишь то, что онъ также жаловалъ Іудеевъ правами гражданства. Мы ничего не знаемъ, далѣе, по Іосифу, о государяхъ этой династіи—даже по имени, узнаваемому уже изъ другихъ рукъ—о сынѣ Антіоха II, Селевкѣ II Каллиникѣ (до 225 г.) и его старшемъ сынѣ—Селевкѣ III Керавнѣ, царствовавшемъ до 223 года. Минуя всѣхъ ихъ, Іосифъ прямо переходитъ къ исторіи славнѣйшаго изъ Селевкидовъ, брата Селевка III, Антіоха III Великаго (223—187), съ котораго начинается уже паденіе самой династіи, благодаря раздѣленію на нѣсколько соперничавшихъ вѣтвей [5]).

[1]) Объ этомъ взаимодополненіи источниковъ Іосифа и Маккав. кн. и вообще источниковъ объ этомъ періодѣ, см. Grimm, XXVI и д. (XXX).

[2]) II Мак. III, 3.

[3]) Геогр. Страб. XI, 10, 2; XII, 8, 15; XIII, 4, 2.

[4]) Дан. XI, 6, 9.

[5]) *Генеалогія Селевкидовъ такова:*

Seleucus I Nicator † 280.
Antiochus I Soter † 261.
Antiochus II Theos † 246.
Seleucus II Kallinicos † 226.

Seleucus III Keraunos † 223. Antiochus III Вел. † 187.

Seleucus IV Philopator † 175. Antiochus IV Epiphanes † 164.
Demetrius I Soter † 150. Antiochus V Eupator † 162. Alexander Balas
Antiochus VI.

Demetrius II Nicator, 125—24. Antiochus VII Sidetes † 128.

Seleucus V, 125—24. Antiochus VIII Grypos † 96. Antiochus IX Kyzikenos † 95.

Seleuc. VI, Antioch. XI. Philip., Demetr. III. Antioch. XII. Antioch. X Euseb.
Philippus. Antioch. XIII Asiaticus, 65 г. до Р.

Отчасти на основаніи Поливія [1]), отчасти изъ другихъ отрывочныхъ свидѣтельствъ памятниковъ древности, узнаемъ, что до Антіоха III имѣли мѣсто слѣдующіе важные государственные перевороты, значительно уясняющіе политику означеннаго Антіоха.

Птоломей II Филадельфъ, въ войнѣ съ Антіохомъ II *Θεός*'омъ, распространилъ свое владычество до береговой черты Малой Азіи, покорилъ большую часть Мало-Азійскихъ острововъ и уже замышлялъ упрочиться во Ѳракіи. Покорность Антіоха остановила дѣло миромъ. Онъ долженъ былъ при этомъ уволить свою супругу Лаодикею и жениться на дочери Птоломея, Вереникѣ. Но едва только не стало Птоломея Филадельфа, скончавшагося въ 247 г., какъ Антіохъ II отнялъ отъ Египта снова Ефесъ, взялъ здѣсь опять отвергнутую супругу Лаодикею, между тѣмъ какъ египтянку, Веренику, бросилъ съ ея сыномъ въ Антіохіи. Побуждаемая этимъ непостоянствомъ своего супруга, Лаодикея уговорила его провозгласить наслѣдникомъ престола своего старшаго сына Селевка и, затѣмъ, не нуждаясь болѣе въ немъ, умертвила его. То же сдѣлала она потомъ и съ его другою супругою, Вереникою, которая сначала хотѣла защищаться, но должна была уступить и вѣроломно умерщвлена вмѣстѣ съ сыномъ и всею ея прислугою. Послѣднее повело, между прочимъ, къ войнѣ брата Вереники, Птоломея III Евергета, противъ сына Лаодикеи, Селевка II Каллиника. Война эта, веденная на сушѣ и на морѣ, послѣ рѣшительной, тяжелой и для Египта всецѣло побѣдоносной битвы, кончилась 10-лѣтнимъ перемиріемъ, надолго обезпечившимъ покой обѣихъ странъ и неприкосновенность владѣній Египта. Для Іудеи время царствованія Птоломея III Евергета (247—222), особенно послѣдніе годы—вообще ознаменовались значительными бѣдствіями. Бѣдствія эти начались съ открытіемъ войны Птоломея съ Антіохомъ, войско котораго, внеся впервые мечъ войны на еврейскую почву, со времени начала господства Птоломеевъ [2]), *Божьею карою* свирѣпствовало надъ страной. Къ довершенію бѣдствій, Іудеи стали подвергаться крайнимъ стѣсненіямъ со стороны Самарянъ, которые, постоянно вторгаясь въ предѣлы страны, опустошали жатву, уводили въ плѣнъ и продавали людей. Какъ кажется, это раззореніе страны особенно могло обусловливать то обстоятельство, что первосвященникъ Онія II отказался посылать царю обычную дань въ 20 талантовъ серебра. Іосифъ объясняетъ это также крайнимъ корыстолюбіемъ первосвященника, хотя на это имѣется справедливое возраженіе, что система собиранія податей представляла въ древности сама по себѣ достаточно пищи любостяжанію; посему, не лишено силы и третье объясненіе, что образъ дѣйствій первосвященника могъ вызываться религіозными мотивами, въ силу которыхъ первосвященникъ находилъ недостойнымъ дѣломъ приносить за свой народъ знаки принадлежности какому либо другому господину, кромѣ Іеговы, хотя здѣсь остается непонятнымъ возникновеніе этихъ опасеній, столько времени не имѣвшихъ мѣста при уплатѣ дани еще персидскимъ владыкамъ. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе было бы не тактично, что греческое правительство и такъ уже сдѣлало снисхожденіе евреямъ, въ противоположность персидскому, предоставивъ ихъ собственной власти сборъ и отсылку дани, что сопровождалось упраздненіемъ чужеземнаго царскаго намѣстника подлѣ первосвященника, на котораго возлагались его обязанности. Какъ бы то ни было, Онія не уплатилъ дани, и возбудилъ сильный гнѣвъ Птоломея (III Евергета), грозившаго занять страну своими воинами. Неизвѣстно, къ чему повела бы эта угроза, не оказавшая никакого дѣйствія на непреклоннаго первосвященника, если бы посредникомъ между нимъ и царемъ не выступилъ его племянникъ (срв. Jastrow, 159 стр.) Іосифъ, сынъ Товіи. Этотъ пылкій юноша съ негодованіемъ упрекаетъ первосвященника за легкомысленное подверженіе своего народа такой опасности, и, когда Онія готовъ былъ скорѣе отказаться отъ первосвященства, нежели ходатайствовать, по требованію Іосифа, предъ царемъ объ отсрочкѣ дани, племянникъ самъ вызывается исполнить долгъ своего дяди, въ качествѣ его уполномоченнаго. Заручившись благорасположеніемъ царскаго посланника, Іосифъ подготовилъ себѣ необыкновенно радушный пріемъ царя и царицы, успѣлъ оставить за собою отдававшійся на откупъ сборъ государственныхъ податей со всѣхъ Іудейскихъ провинцій, не смотря на сильную конкурренцію своихъ недоброжелательныхъ соперниковъ, быстро собралъ причитавшіяся недоимки, и, улещая царя и весь дворъ его богатыми подарками, цѣлыхъ 22 года безпрепятственно обиралъ народъ, наживъ громадное состояніе. Справедливо полагаютъ, что слова „мытарь“ и „грѣшникъ“ должны были стать синонимами въ это именно время, когда тѣсное совмѣщеніе этихъ свойствъ въ Іосифѣ цѣлыя поколѣнія воспитывало народъ въ мысляхъ о ихъ неразрывности.

Съ выступленіемъ на престолъ Сирійскомъ Антіоха III Великаго бѣдствія Іудеи возрастаютъ до послѣдней степени приведеніемъ ея снова на военное положеніе, благодаря силѣ и отвагѣ, которыя почувствовалъ Антіохъ, чтобы снова помѣряться ими съ Египтомъ. Тайная измѣна Ѳеодота [1]), египетскаго намѣстника *Коилѣ*-Сиріи и Финикіи, уже готова была открыть Антіоху всѣ пути, когда новый египетскій царь Птоломей Филопаторъ проникъ замыслы своего намѣстника и послалъ для смѣны и устраненія его другого сатрапа Николая. Для Антіоха это дало прямой сигналъ къ войнѣ. Ѳеодотъ заперся въ Птолемаидѣ и Тирѣ, и звалъ отсюда Антіоха на помощь. Послѣдній не замедлилъ, и, такимъ образомъ, успѣлъ принять изъ рукъ египетскаго измѣнника не только Сирійскую Селевкію, занятую египетскимъ гарнизономъ, хотя

[1]) Полив. V, 31—34, 40 и др.

[2]) *Генеалогія Птоломеевъ:*

Птоломей I Лагъ (+284).
Птоломей II Филадельфъ (284—247).
Птоломей III Евергетъ (247—222).
Птоломей IV Филопаторъ (221—204). Птоломей V Епифанъ (205—181).
Птоломей VI Филометоръ (181—171) 164—146.
Птоломей VII Фисконъ (Евергетъ II) 170—164 и 164—117.

[1]) Мотивами для измѣны Ѳеодота послужила, по словамъ Поливія, съ одной стороны—безпечная распутная жизнь царя, а съ другой—его неблагодарность къ Ѳеодоту, важныя услуги котораго при отраженіи нападенія на Келе-Сирію со стороны Антіоха нѣсколько ранѣе—остались безъ всякаго вниманія. Полив. V, 40.

составлявшую собственный портовый городъ Антіохіи, но также сильный Тиръ и Птолемаиду, важный ключъ къ долинѣ Іезреель; менѣе крѣпкіе оплоты Финикіи съ трудомъ могли быть защищаемы египетскими гарнизонами, и быстро переходили въ руки Антіоха. Птоломей попытался отстоять свои права уступками, и осенью 219 года склонилъ Антіоха на 4-мѣсячное перемиріе, за которымъ обѣщалъ и мирные переговоры. Это помогло Птоломею выиграть время и значительно усилиться, такъ что, когда Антіохъ потребовалъ мирной уступки *Коилѣ*-Сиріи (между Ливаномъ и Анти-Ливаномъ) и Финикіи, какъ искони законно принадлежавшихъ Селевкидамъ [1]), Птоломей опротестовалъ это условіе, и война возгорѣлась снова. Главныя военныя силы египтянъ столкнулись съ Антіохомъ лишь весной 217 года, когда Антіохъ успѣлъ достаточно упрочиться во многихъ городахъ Финикійскаго побережья. Спускаясь, затѣмъ, на встрѣчу врага, онъ дошелъ даже до Рафіи (южнѣе Газы) и здѣсь произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ участвовало до 70,000 египетскаго войска съ 70 ливійскими слонами, впервые здѣсь употребленными въ битву. Все множество сирійскаго войска не названо; во всякомъ случаѣ, это, по числу своихъ 120 способнѣйшихъ индійскихъ боевыхъ, слоновъ должно было значительно превосходить египетскія силы. Во время сраженія ливійскіе слоны египтянъ, оказалось, не могли выносить вида и рычанія индійскихъ и привели своимъ бѣгствомъ лѣвый флангъ египетскаго войска въ замѣшательство. Но тѣмъ болѣе воодушевились остальныя части египетской арміи: Антіохъ все таки былъ разбитъ, и 40 его индійскихъ слоновъ попали въ руки египтянъ. Послѣ этого Птоломей получилъ возможность снова настоять на перемиріи и продиктовать самыя условія послѣдовавшаго затѣмъ мира. Къ счастію для Антіоха, безпечный побѣдитель самъ томился этою войною, и удовлетворился заключеніемъ мира лишь на основахъ прежняго положенія страны—in statu quo (Полив. V, 67, 68, 82 и д.—87).

Вслѣдъ за этой побѣдой надъ Антіохомъ, Птоломей захотѣлъ, между прочимъ, показать себя и какъ побѣдитель Іерусалима. Вступивъ въ городъ, онъ по примѣру своего предшественника, Евергета, принесъ въ храмѣ жертву, дѣлая это или изъ любопытства, а то и изъ мести за слишкомъ дружественный пріемъ Сирійскаго царя, а, можетъ быть, даже изъ простаго желанія показать себя выше первосвященника [2]).

Рафійскій миръ между Птоломеемъ и Антіохомъ скоро, однако, разстроился послѣ новаго побѣдоноснаго захвата Іудеи Антіохомъ. Птоломей,

[1]) Первое занятіе этихъ мѣстностей Антіохъ приписываетъ Антигону (Кривому), который былъ царемъ Азіи 318—301 до Р. Этотъ Антигонъ—первый изъ полководцевъ Александра присвоилъ себѣ царское званіе въ Сиріи и тѣмъ подалъ поводъ къ основанію и другихъ династій. Послѣ сраженія при Ипсѣ, съ согласія прочихъ царей ему наслѣдовалъ Селевкъ I, на что также ссылался Антіохъ Епифанъ (Полив. V, 67, срв. II, 41, 71).

[2]) Легендарныя сказанія усвояютъ несчастные результаты этой затѣи царя: едва онъ вошелъ внутрь храма, какъ тотчасъ же палъ и былъ вынесенъ оглушеннымъ и разбитымъ. Впослѣдствіи, онъ жестоко выместилъ на Іудеяхъ свое фіаско.

между тѣмъ, умеръ въ 205 году, оставивъ наслѣдникомъ своимъ 5-лѣтняго Птоломея Епифана. Это не помѣшало снова возгорѣться войнѣ, сопровождавшейся обычными бѣдствіями Іудеи, бывшей по своему мѣстоположенію между враждовавшими и ареною ихъ военныхъ дѣйствій и своего рода яблокомъ раздора. За все продолженіе этой войны съ Египтомъ, веденной Антіохомъ съ двумя Птоломеями, на долю Іудеи выпадало страдать одинаково, въ случаяхъ какъ его побѣды, такъ и его пораженія. Египетскими силами теперь руководилъ полководецъ царя, Скопасъ, который, впрочемъ, отстоять Іудеи отъ Антіоха уже не смогъ. Нанеся у источниковъ Іордана (при Панеасѣ, 198 г.) рѣшительное пораженіе Скопасу, Антіохъ упрочилъ за собою всю *Коилѣ*-Сирію, Самарію и Іудею [1]). Услуги, которыя оказали ему при этомъ Іудеи, встрѣчая его дружескимъ пріемомъ и помогая его войскамъ провіантомъ, въ отместку какъ бы за недавнія обиды Филопатора, послужили основаніемъ многихъ милостей Іудеямъ: Антіохъ заселилъ вновь и обновилъ ихъ столицу, полуразрушенную и полуоставленную жителями, возвратилъ свободу и имѣнія взятымъ въ рабство, предоставилъ всѣмъ Іудеямъ право жить и управляться по собственнымъ обычаямъ, назначилъ щедрыя приношенія для ежедневныхъ богослуженій храма, самый храмъ заново отремонтировалъ на свои средства, и освободилъ отъ всякихъ сборовъ служащихъ при немъ [2]); наконецъ, издалъ особый указъ (срв. Гольцманъ, 23), запрещающій доступъ въ храмъ для иноплеменниковъ и держаніе нечистыхъ по Іудейскому закону животныхъ въ городѣ и вблизи храма [3]). Подобное же благоволеніе Антіохъ готовъ былъ распространять и на всѣхъ Іудеевъ своего царства, какъ это видно изъ письма его Зевксиду [4]), гдѣ онъ предлагаетъ этому областеначальнику заселить Іудеями (Вавилонскими и Месопотамскими) Лидійскія и Фригійскія области и установить для привлеченія переселенцевъ всевозможныя льготы и привиллегіи.

Безмятежное владѣніе вновь покоренными странами продолжалось, однако, недолго. На Востокъ уже надвигался съ Запада грозный призракъ Рима,

[1]) Срв. Polyb. XXI, 9, 13 и д. Diod. XXIX. Liv. XXXII, 19.

[2]) Все это исчисляетъ Іосифъ въ формѣ письма, адресованнаго Антіохомъ на имя „Птоломея". Нѣсколько выше этого замѣчается, что Антіохъ отправилъ своимъ военачальникамъ и приближеннымъ посланія, въ которыхъ свидѣтельствовалъ, какъ хорошо отнеслись къ нему Іудеи, и указывалъ, какія награды онъ рѣшилъ дать имъ за это. Затрудняясь признать умѣстность того, чтобы Антіохъ имѣлъ какіе-то поводы писать такое письмо Птоломею, своему только что разбитому врагу, изслѣдователи объясняютъ выраженіе Іосифа ошибкой или просто желаніемъ привязать гуманность Антіоха къ имени Птоломея Филадельфа, прославленнаго тою же гуманностію къ Іудеямъ въ эпоху LXX. По нашему мнѣнію, правдоподобнымъ можетъ служить также предположеніе, что въ выраженіи письма „Царь Антіохъ посылаетъ привѣтъ Птоломею"... нѣтъ надобности разумѣть непремѣнно Египетскаго Птоломея И странно прежде всего, почему бы въ такомъ случаѣ Антіохъ не назвалъ его „Царемъ". Если такъ, то здѣсь подъ Птоломеемъ можно, кажется, разумѣть какого либо изъ военачальниковъ Антіоха, которые могли носить это имя, подобно какъ впослѣдствіи съ этимъ именемъ мы знаемъ зятя Симона Маккавея.

[3]) Срв. Jastrow.

[4]) Hitzig констатируетъ его подлинность. 356 стр.

побуждавшій оба еллинистическія царства сплотиться въ одну силу, способную оказать надлежащее сопротивленіе. Необходимость этого единства особенно давала себя чувствовать послѣ того, какъ Македонія уже пала подъ оружіемъ Рима. Антіохъ тотчасъ же завязываетъ особенно дружескія отношенія съ Египтомъ и для лучшаго упроченія мира между обоими государствами выдаетъ свою дочь Клеопатру за подросшаго Птоломея Епифана [1]), подаривъ въ качествѣ приданаго за своею дочерью право пользованія 1/2 податей съ только что отвоеванныхъ отъ Египта *Κοιλὴ*-Сиріи, Финикіи и Палестины. Такой дѣлежъ участія во владѣніи на первыхъ порахъ служилъ, пожалуй, лишь къ возвышенію благосостоянія Іудеевъ, для которыхъ вмѣсто одной благопріятствовавшей царской династіи теперь стало двѣ. Косвенное подтвержденіе и отголосокъ, между прочимъ, милостей Антіоха Іудеямъ находятъ не безъ основанія въ похвалахъ Сираха первосвященнику Симону, сыну Оніи, что „онъ улучшилъ при жизни своей Домъ Божій, и въ теченіи дней своихъ обновилъ храмъ. Имъ была поднята до двойной высоты ограды высота стѣны святилища; въ его дни былъ вылитъ изъ мѣди резервуаръ, по размѣрамъ своимъ широкій какъ море; онъ оберегалъ свой народъ отъ паденія и укрѣпилъ свой городъ противъ осады“. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти дѣянія Симона должны были имѣть связь съ приведенными выше щедротами Антіоха, относящимися какъ разъ къ этому времени.

Призракъ Рима, между тѣмъ, начиналъ оправдывать относительно себя всѣ опасенія. Антіохъ живо столкнулся своими интересами съ интересами Рима и не задумался даже ввязаться въ войну съ нимъ, которая, конечно, и кончилась для него очень несчастно. По тяжкимъ мирнымъ условіямъ 189 г. до Р. Х., отъ него отходили къ Риму всѣ Мало-Азіатскія владѣнія вплоть до Таврійскаго хребта, съ уплатою тяжелой военной контрибуціи и съ обязательствомъ полнѣйшаго разоруженія западной границы, смежной съ Римомъ. Это навсегда сломило Сирійское могущество, и наслѣдникъ Антіоха, умершаго черезъ 2 года послѣ сего, Селевкъ Филопаторъ, едва былъ въ состояніи выплачивать Риму наложенную контрибуцію. Вполнѣ естественно, что столь стѣсненныя обстоятельства не могли не отразиться и на благосостояніи Палестины. Крайняя денежная нужда заставила Селевка отправить притѣснителя и на „красу своего царства“, т. е. Іудею. Такимъ притѣснителемъ былъ Иліодоръ, явившійся по порученію царя въ Іерусалимъ съ тѣмъ, чтобы взять храмовую сокровищницу. Іудеи, однако, не допустили такой крайности и дали посланнику царскому столь энергичный отпоръ, что возвратившись къ царю, онъ докладывалъ ему: „если ты имѣешь какого врага и противника себѣ, то пошли туда его“..., давая понять, что для врага не можетъ быть лучшаго наказанія [2]).

Неизвѣстно, какъ повліяла эта неудача на дальнѣйшую политику Селевка въ отношеніи къ Іудеямъ; только до означеннаго инцидента эта политика не шла въ разрѣзъ съ политикой великодушнаго предшественника Селевка. И

[1]) Срв. Полив. V, 82 и д. XXVIII, 17. Іустинъ, XXX, 1.
[2]) II Макк III, 38 и ранѣе.

Іосифъ и II Маккавейская книга отмѣчаютъ Селевка въ числѣ царей, которые уважали св. городъ и чтили его святилище отличными дарами; въ частности, о Селевкѣ особо замѣчаетъ писатель II Маккав. кн. III г. 3, что онъ давалъ изъ своихъ доходовъ на всѣ издержки, потребныя для жертвеннаго служенія. Едва ли мы будемъ далеки отъ правды, если скажемъ, что посольство Иліодора Селевкомъ за храмовою казною, по доносу о ея чрезмѣрныхъ богатствахъ, означало не только его желаніе покрыть ими его личныя нужды [1]), но и вмѣстѣ прекращеніе его прежнихъ щедротъ храму, а можетъ быть еще и другія стѣсненія, послѣ того какъ посланный царскій потерпѣлъ такое фіаско. Положительно извѣстно во всякомъ случаѣ то, что именно царствованіе этого слабаго и невліятельнаго Селевка, бывшаго не въ силахъ оправиться послѣ пораженія отца, ознаменовалось внутренними смутами въ Іудеѣ, главными героями каковыхъ были сыновья умершаго къ тому времени главнаго сборщика податей Іосифа. Старшіе изъ сыновей пошли настоящей войной на младшаго Гиркана, и вовлекли въ эту борьбу весь народъ, раздѣлившійся на 2 партіи. Отчаяннѣйшій головорѣзъ и проныра, весь въ своего отца, отъ случайной связи котораго, кстати, онъ и произошелъ, этотъ Гирканъ еще при жизни отца успѣлъ всѣмъ насолить, и теперь вооружились противъ него не только его братья, но и большая часть народа, и даже первосвященникъ Симонъ. Жажда полнаго простора и удальства заставила Гиркана удалиться изъ предѣловъ Іудеи по ту сторону Іордана, гдѣ онъ со свойственнымъ ему проворствомъ, быстро устроилъ нѣчто въ родѣ маленькаго государства, съ собственной столицей, украшенной великолѣпнымъ дворцомъ и укрѣпленіями, и 7 лѣтъ царствовалъ здѣсь настоящимъ царемъ, промышляя грабежами и набѣгами на арабскія владѣнія. Лишь послѣ смерти Селевка, когда на престолъ вступилъ (176 г.) братъ его Антіохъ Епифанъ, Гирканъ почувствовалъ, что пришло время, когда ему должно будетъ расплатиться за свои подвиги. Антіохъ, котораго тянуло завладѣть большими богатствами Гиркана не менѣе, чѣмъ возстановить порядокъ въ государствѣ, позвалъ его на судъ. Не видя возможности ускользнуть, во всякомъ случаѣ, отъ рукъ Антіоха, обладавшаго сильнымъ войскомъ, Гирканъ рѣшилъ лучше кончить жизнь самоубійствомъ, которое помогло Антіоху безъ труда овладѣть всѣмъ его состояніемъ и возстановить покой страны.

Около этого же времени произошли важныя перемѣны и въ Египтѣ. Послѣ скончавшагося Птоломея V Епифана (181 г.) остались 2 юные сына—Филометоръ VI [2]) (181—171 и 164—146) и Фисконъ VII (171—164 и 146—117)—обстоятельство, которое также фактически возвышало могущество Антіоха и обусловливало роль, въ какой онъ выступаетъ въ дальнѣйшей исторіи вообще и въ отношеніяхъ къ Іудеямъ вчастности.

Наконецъ, мы должны дать здѣсь мѣсто также обсужденію важнаго событія, помѣщаемаго Іосифомъ въ указанное время, а послѣдующими историками

[1]) Срв. II Макк. III, 6.
[2]) Срв. Павз. I ч. IX гл.

относимаго на болѣе раннее. Мы разумѣемъ возбужденіе сношеній Іудейскаго народа со Спартанцами, подтверждаемое кн. Маккавеевъ (I М. XII, 19, 23), и связанное съ именами первосвященника Оніи и царя Спарты—Арея. Дѣло, какъ оно представляется по I Макк. кн., состояло въ томъ, что царь Лакедемонскій Арей (правильная форма *Ἀρεύς*), основываясь на „нѣкоторомъ древнемъ писаніи", изъ коего явствовало, что Іудеи и Лакедемоняне „одного" рода (и именно Авраамова), прислалъ бывшему тогда первосвященникомъ Оніи посольство съ завѣреніями своихъ братскихъ чувствъ къ Іудейскому народу, и, обѣщая съ своей стороны ревность о благѣ его, какъ своемъ собственномъ, приглашалъ къ „дружественно-братскимъ отношеніямъ". Почти не подвергаясь оспариванію со стороны своей *историчности*, этотъ фактъ сношеній Оніи и Арея выдвигаетъ едва преодолимыя затрудненія при попыткахъ усвоить описываемому событію его надлежащее *мѣсто*. Дѣло въ томъ, что извѣстны въ исторіи 3 Оніи и 3 Арея, при чемъ указываемое, между прочимъ, Іосифомъ преемство этихъ Оній, послѣ Симона, совершенно тождественно въ 2 случаяхъ, какъ ясно изъ слѣдующаго:

Онія (I), сынъ Іаддая,
Симонъ (I) Прав., сынъ *Оніи* I.
Елеазаръ, братъ Симона (20 лѣтъ, срв. Jastrow, 157).
Манассія, дядя—
Онія II, сынъ *Симона* Прав.
Симонъ II, сынъ этого Оніи и
Онія III, сынъ Симона II (Schurer, I, 139, пр. 3; Riehm, 635).

Если, такимъ образомъ, игнорировать брата и дядю между Симономъ I и Оніею II, его сыномъ, то преемство будетъ совершенно тождественное въ обоихъ случаяхъ: Онія (I), Симонъ (I), Онія (II); Онія (II), Симонъ (II), Онія (III),— и вездѣ—отецъ и сынъ [1]). Столь же мало разрѣшима путаница между 3 Ареями. Доподлинно извѣстны два царя Спарты подъ даннымъ именемъ—Areus I, царствовавшій по Діодору XX, 29 съ 309—265 г. до Р. и Areus II, царствовавшій около 255 г. до Р., но уже 8-лѣтнимъ мальчикомъ умершій (Pausan. III, 66). Такъ какъ Онія II едва ли былъ современникъ Арея II, то, по мнѣнію Schürer'a [2]), остается считать таковыми Арея I и Онію I; въ такомъ случаѣ является совершенно ложною комбинація Іосифа [3]), который отодвигаетъ посланіе ко времени Оніи III. Переписка будетъ падать, слѣдовательно, на время діадоховъ, когда Спартанцы въ борьбѣ съ Антигономъ и его сыномъ Димитріемъ Поліоркетомъ естественно могли задаваться мыслію подготовить своимъ противникамъ затрудненіе чрезъ агитацію на Востокѣ. Другое мѣсто соглашается дать описываемому событію Hitzig [4]). Принимая для времени царствованія Арея I (согласно Діодору XX, 29) 309—265 г. до Р. и относя

[1]) Срв. Grimm.
[2]) Schür. I, 139, 186.
[3]) *Ἀρχ.* XII, 4, 10.
[4]) Hitzig, 346—347.

время первосвященника Оніи I къ 342—315 г., онъ устанавливаетъ прежде всего, что упомянутыя лица не могли быть современниками и, слѣдовательно, дѣйствующими лицами въ сношеніяхъ Іудеи со Спартою. Не могли, затѣмъ, быть таковыми современниками Арею I два другихъ Оніи, изъ коихъ II-й первосвященствовалъ съ 247—222 г., а Онія III—около 175 г. Не совпадаютъ, наконецъ, по мнѣнію Hitzig'a, ни съ однимъ изъ этихъ Оній и лѣта другихъ Спартанскихъ Ареевъ, изъ коихъ Арей II умеръ 18-лѣтнимъ мальчикомъ [1]), а Арей III—современникъ Оніи III, какъ находитъ Hitzig, извѣстенъ какъ посланникъ лишь, но не царь [2]). Все это заставляетъ Hitzig'a [3]) искать еще другого царя Арея, котораго онъ и находитъ въ Ликіи [4]), указывая и годъ сношеній 242-й, падающій, дѣйствительно, на первосвященство Оніи II (247—222). Впрочемъ, другія показанія, относящія время Оніи I къ 323—300, дѣлаютъ совершенно возможнымъ и то, что именно онъ былъ современникъ Арея I, и, слѣдовательно, не выступаетъ никакого препятствія признать ихъ дѣйствующими лицами сношеній, полагая таковыя въ періодъ между 309—300 г., какъ Schürer, или точнѣе, въ 302 г. до Р. Хр., какъ устанавливается у Riehm'a [5]). Съ своей стороны, оставляя въ силѣ нѣкоторые доводы Hitzig'a, мы не находимъ ничего невозможнаго въ томъ, что описываемыя сношенія могли происходить дѣйствительно во времена Оніи III, какъ указываетъ Іосифъ, и современнаго ему Арея III, при чемъ возраженію Hitzig'a, что Арей III не былъ царь, но только посланникъ, придется въ такомъ случаѣ оставить относительное значеніе при соображеніи, что посланничество само по себѣ никогда не могло быть какимъ-то неумолимымъ препятствіемъ къ тому достоинству, которое долженъ былъ имѣть Спартанскій представитель для сношеній съ Іудейскимъ первосвященникомъ, въ особенности если допустить, что въ качествѣ „наслѣдника престола" Арей могъ нѣкогда нести и отвѣтственныя посольскія полномочія. Замѣчаніе I Макк. XII, 10, что „прошло много времени" отъ перваго сношенія до втораго при Іонаѳанѣ,—напрасно считаетъ Hitzig (и повидимому Schürer) имѣющимъ силу для того, чтобы отвергать время сношеній при Оніи III, такъ какъ это замѣчаніе ни въ какомъ случаѣ не должно служить здѣсь возраженіемъ по своей неопредѣленности, которая могла означать и десятки лѣтъ, и нѣсколько годовъ, и даже только нѣсколько мѣсяцевъ, смотря по тому, съ какимъ нетерпѣніемъ и интересомъ могли ожидать отвѣта обмѣнивавшіеся дружественными посольствами. Читая сообщеніе объ этомъ любопытнѣйшемъ происшествіи у Іосифа, нельзя не констатировать его особеннаго старанія быть въ установленіи хронологической даты событія наилучше понятнымъ, опредѣленнымъ, недвусмысленнымъ, точнымъ. Можетъ быть, и въ этомъ его усиліи нельзя пренебрегать возможности того, что онъ

[1]) Срв. выше Schür.
[2]) Polyb. 23, 11. 12; 24, 4; Ливій, 39, 35 ff. Pausan. VII, 9, 2.
[3]) Срв. отзывъ объ этой попыткѣ Hitzig'a и подобной же Michaelis'a въ Riehm, 1513 стр.
[4]) Съ главнымъ городомъ „Патара" (ср. Спарта").
[5]) Riehm. 84, Areus, 1512—1513 стр.

сознавалъ необходимость употребить его и располагалъ средствами на то болѣе свѣжими, чѣмъ имѣющіяся нынѣ въ нашихъ рукахъ?!

Ближайшія послѣдствія этого упомянутаго событія, если только они были, въ источникахъ не сообщаются. Въ подлежащемъ мѣстѣ I Макк. XII, 10, правда, приводится отвѣтное посланіе Іудеевъ, отправленное Лакедемонянамъ чрезъ „немало“ времени послѣ сего, при чемъ послы и посланіе приняты были съ честію и радостію, но въ то же время здѣсь же помѣщается и извиненіе, что „прежде не признали мы васъ сродниками нашими“. Флавій Іосифъ о судьбѣ этого отвѣтнаго посланія упоминаетъ лишь, что оно принято было Лакедемонянами „благосклонно“, и съ новою „отвѣтною грамотою о непреложной дружбѣ“. Какъ кажется, тяжелыя обстоятельства, коимъ подпала Іудея вскорѣ послѣ сего, со вступленіемъ на Сирійскій престолъ Антіоха Епифана (175—164) жестокаго гонителя Іудеевъ, не дали времени и простора для полнаго и широкаго осуществленія идеи сношеній.

Какъ бы то ни было, несомнѣнность самого факта столь любопытныхъ сношеній должна быть установлена, и одно изъ убѣдительнѣйшихъ подтвержденій этой несомнѣнности въ послѣдующее время можно видѣть въ обстоятельствѣ, что екс-первосвященникъ Іасонъ въ Лакедемонѣ именно искалъ убѣжища отъ своихъ преслѣдователей [1]).

Что же касается основаній для самой мысли родства Іудеевъ и Спартанцевъ, то послѣ напрасныхъ поисковъ этого въ библейскихъ родословіяхъ мы должны искать ихъ въ греческихъ сказаніяхъ о происхожденіи Спартанцевъ отъ Финикіянъ [2]). А какимъ образомъ эта мысль могла придтись по сердцу евреямъ, можно объяснить давно извѣстною намъ страстью этого народа считать еврейство источникомъ всякаго развитія.

---

§ 20. Бѣдствія вѣры и свободы Іудеевъ (175 г.—165 г.).

Ἀρχ. XII, 5 гл.; I Макк. I гл.; II Макк. III—VII гл.

Событія, служившія введеніемъ въ полную героизма и возвышенныхъ проявленій народнаго духа эпоху Маккавеевъ, заслуживаютъ въ изложеніи у Іосифа желать многаго [3]). Онъ не передаетъ ничего о предшествующей воцаренію судьбѣ Антіоха Епифана, значительно уясняющей его государственную политику. Судьба эта вообще значительно предопредѣляла все его положеніе на потрясенномъ тронѣ Селевкидовъ. Послѣ извѣстнаго постыднаго мира, заключеннаго отцомъ его съ Римлянами въ 189 г. до Р., юный царевичъ вмѣстѣ съ другими знатными юношами попалъ въ число заложниковъ въ Римъ. Это помогло ему, кстати, получить здѣсь воспитаніе, вполнѣ приличное его будущему предназначенію, и завести связи съ молодою знатью мощно разцвѣтавшаго мірового города. Когда въ 176 г. до Р. Антіохъ III умеръ, и на престолъ вступилъ Селевкъ IV Филопаторъ, старшій братъ Антіоха Епифана, послѣдній тотчасъ же былъ вызванъ къ Сирійскому двору, а на его мѣсто отправился 11-лѣтній сынъ Селевка, Димитрій. Но еще прежде, чѣмъ Антіохъ дошелъ до Сиріи, его встрѣтило извѣстіе о гибели его царственнаго брата, убитаго въ Антіохіи придворнымъ Иліодоромъ, быть можетъ тѣмъ самымъ, что пріѣзжалъ въ Іерусалимъ за храмовою казною, и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Убійца не успѣлъ, однако, упрочиться на захваченномъ имъ престолѣ, такъ какъ палъ, въ свою очередь, отъ руки сторонниковъ Антіоха, обезпечившихъ ему, такимъ образомъ, возможность вступить тотчасъ по прибытіи домой въ свои права. Догадываются не безъ основанія, что во всѣхъ этихъ переворотахъ немало участія падаетъ на долю сложныхъ плановъ Римлянъ, которые гораздо болѣе, чѣмъ своею силою, успѣвали добиваться своихъ выгодъ искусственно вызываемыми революціями. Такъ или иначе, новый царь не замедлилъ примѣнить въ своемъ положеніи все, чего нахватался за время своего пребыванія въ Римѣ. Искусный и отважный вояка, онъ умѣлъ также проявить тонкую тактичность вездѣ, гдѣ нужно было благоразумно уступать болѣе могучей силѣ, или располагать въ свою пользу всѣхъ, въ комъ онъ предвидѣлъ впослѣдствіи себѣ сильную поддержку. Хорошо понимая, что слабость Селевкидской монархіи съ самаго начала обусловливалась отсутствіемъ дѣйствительнаго единства, Антіохъ не остановился предъ тѣмъ, чтобы вступить для достиженія и упроченія этого единства на новый путь усиленнѣйшаго эллинизированія своихъ владѣній,—путь, который, между прочимъ, привелъ его къ роковой борьбѣ съ евреями, и создалъ ему столь печальную извѣстность въ исторіи.

Мы должны отмѣтить здѣсь крайнюю недостаточность сообщенія Іосифа о событіяхъ, служившихъ завязкою названной борьбы, и представить дѣло болѣе обстоятельно и послѣдовательно.

Предоставленіе Антіохомъ первосвященническаго достоинства Іисусу (Іасону), брату Оніи, (III-го, сына Симона праведнаго, восхваляемаго Сирахомъ) Іосифъ представляетъ совершенно естественнымъ дѣломъ, выражаясь, что это было послѣ того, какъ „умеръ“ Онія, и оставленный имъ сынъ былъ еще крайне малолѣтенъ, чтобы быть его замѣстителемъ. Дѣло объясняется, однако, далеко не такъ просто. Онія III умеръ значительно позднѣе; теперь же онъ былъ просто *незаконно устраненъ*, какъ жертва интриги Іисуса и самоволія Антіоха. Нѣкоторыя основанія для этого переворота поданы были и самимъ Оніею, который еще при Селевкѣ IV имѣлъ неосторожность отправиться къ царю въ Антіохію, чтобы оправдаться предъ нимъ въ разныхъ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него противною ему партіею. Послѣдняя утилизировала въ своихъ цѣляхъ и самый фактъ поѣздки первосвященника, истолковавъ его въ смыслѣ измѣны своему народу. Это заставило его, въ свою очередь, жаловаться предъ языческимъ царемъ на своихъ же, евреевъ, хотя бы то были приверженцы греческой цивилизаціи. А главное — Онія, строгій поборникъ закона, не попустившій воспользоваться недавно царскому посланнику Іеру-

[1]) Срв. Grimm.
[2]) Срв. Freudenthal, Alex. Polyh. s. 29 Anm.

салимской казной, былъ несовсѣмъ угоденъ и двору Сирійскому. Такъ произошло то, что, не смотря на обычную политику Селевкидовъ—ограждать отъ вторженія языческихъ вліяній особенности еврейскихъ обычаевъ, Онія потерялъ „кредитъ“ при дворѣ, лишившись въ то же время сочувствія еллинизировавшейся аристократіи и уваженія въ народѣ. Это было время, когда въ еврействѣ готовились столкнуться два направленія, стремившіяся стать господствующими—еллинско-либеральное и консервативно-іудействующее. Положеніе Оніи среди этихъ партій, по существу наклонное болѣе въ сторону послѣдней, становилось прямо шаткимъ, когда первая партія успѣла привлечь на свою сторону самого царя обѣщаніемъ содѣйствовать ему въ овладѣніи священно-храмовыми сокровищами, и когда подрывался, при этомъ, авторитетъ Оніи и среди болѣе строгихъ или только болѣе легковѣрныхъ сторонниковъ партіи народной. Такъ дѣлается возможною и понятною дальнѣйшая судьба этого Оніи, павшаго жертвою поразительно-безцеремонной и съ еврейской точки зрѣнія прямо даже безбожной интриги.

Самыя обстоятельства этого паденія Оніи таковы. Едва только воцарился Антіохъ IV, какъ братъ Оніи, въ качествѣ отъявленнаго эллиниста уже носившій и имя греческое—*Ἰάσων*,—является къ царю и предлагаетъ ему щедрую взятку, если только онъ будетъ назначенъ первосвященникомъ вмѣсто своего брата. Мало того, онъ находитъ благовременнымъ настолько удовлетворить еллинистическимъ мечтамъ Антіоха, что теперь же ходатайствуетъ о позволеніи построить на собственныя средства гимназію въ Іерусалимѣ и стадіонъ для состязанія юношей, и о предоставленіи жителямъ Іерусалима правъ антіохійскаго гражданства. Антіохъ, крайне нуждавшійся въ деньгахъ и насквозь пропитанный еллинофильскими мечтаніями, конечно, съ радостью долженъ былъ привѣтствовать это желанное явленіе, показывающее, что за Іасономъ въ данномъ случаѣ стояла уже созрѣвшая сильная грекофильская партія. Не менѣе характерно для описываемаго времени, что Іасонъ достигъ, хотя бы на время только, значительной части и даже чуть не всего, можно сказать, своего проекта. Быть можетъ, это возможно было пока только при безсиліи Іудеевъ предъ воздѣйствіемъ Антіоха; всячески и Антіохъ долженъ былъ отважиться на неслыханное доселѣ вмѣшательство чуждой власти въ религіозныя дѣла евреевъ не безъ риска и лишь побуждаемый движеніемъ изъ среды самихъ евреевъ. Такъ дополняется коротенькое сообщеніе Іосифа о низложеніи Оніи и провозглашеніи его преемникомъ Іасона. Столь же коротко и съ ущербомъ для истиннаго представленія дѣла обходитъ Іосифъ обстоятельства правленія этого Іасона (174—171), спѣша перейти къ событіямъ за время смѣнившаго его вскорѣ третьяго сына Оніи—Менелая [1]). Изъ другихъ источниковъ, главнымъ образомъ, изъ II кн. Маккавейской—узнаемъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о названномъ Іасонѣ, рисующія въ очень нелестныхъ чертахъ этого „безбожника, а не первосвященника“, (II Макк. IV, 13) за котораго, однако, „заступилась преобладающая масса народа“, (*Ἀρχ.* XII, 5), когда

[1]) См. далѣе.

выступилъ третьимъ кандидатомъ на первосвященство—Менелай. Еще до возобладанія этого послѣдняго (срв. Іосифъ), слѣд. при Іасонѣ въ Іерусалимѣ началось введеніе „противныхъ закону обычаевъ“ (II Мак. IV, 11), т. е. эллинизаціи. У подножія Іерусалимской святыни раскинулась гимназія, въ которой азартное участіе въ метаніи диска увлекало даже священнослужителей храма, до такой степени, что не находилось времени для совершенія жертвоприношеній сообразно закону. На аренѣ стадіона появились обнаженные еврейскіе юноши, не задумывавшіеся передъ тѣмъ, что это давало грекамъ-зрителямъ поводы къ публичному осмѣянію одного изъ священнѣйшихъ признаковъ принадлежности къ народу Іеговы; среди Іерусалимскихъ юношей стало входить въ моду даже искусственное уничтоженіе на своемъ тѣлѣ знаковъ союза съ Іеговою. Наконецъ, верхомъ соблазна и нарушенія религіозной чести еврейства было то, когда первосвященникъ отправилъ нѣсколькихъ Іерусалимлянъ, ставшихъ теперь Антіохійскими гражданами, съ богатыми жертвенными дарами финикійскому Геркулесу, по случаю праздничныхъ игръ въ честь его въ Тирѣ, въ присутствіи самого царя. Какъ кажется, Іасонъ въ данномъ случаѣ хотѣлъ быть лишь евреемъ по греческому образцу, то есть не имѣя прямого намѣренія отвергать свое еврейство, считалъ возможнымъ подражать деликатнымъ нравамъ окружающаго язычества, наряду съ собственнымъ богопочитаніемъ не презиравшаго и чужихъ боговъ. Какъ бы то ни было, намѣреніе и порученіе его слишкомъ преждевременно разсчитывало на народное сочувствіе или хотя только равнодушіе: посланные его не посмѣли даже высказать его намѣренія и внесли праздничный подарокъ (300 драхмъ серебра) не въ видѣ жертвы Геркулесу, а на постройку новыхъ тріеръ. Урокъ этотъ мало, однако, исправилъ и вразумилъ легкомысленно-раболѣпнаго еллинофила. Вскорѣ онъ имѣлъ случай принимать своего царственнаго патрона въ самыхъ стѣнахъ св. города. Антіохъ объѣзжалъ свою страну предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Египта, который давно соблазнялъ его слабостію и неопытностію его юныхъ монарховъ. Во время этой ревизіи, Антіохъ заѣхалъ и въ Іерусалимъ. Іасонъ воспользовался этимъ, чтобы выложить передъ нимъ всю низость своей угодливости. По его распоряженію, факельное шествіе двинулось далеко на встрѣчу царю изъ города, при громкихъ привѣтствіяхъ и ликованіяхъ; за время пребыванія въ городѣ, неизвѣстно сколь продолжительное, онъ былъ окруженъ знаками самаго изысканно-предупредительнаго вниманія. Все это, однако, не спасло предателя своего народа отъ той же участи, какую онъ подготовилъ нѣкогда своему предшественнику. Нашелся человѣкъ, который явилъ способность превзойти его еще большимъ пренебреженіемъ къ интересамъ народа и который посему еще лучше угождалъ царю. И этого было довольно, чтобы повторилось еще разъ беззаконное по идеѣ, хотя [бы вполнѣ заслуженное по поведенію—сверженіе первосвященника съ его престола, и не менѣе недостойное возведеніе на этотъ престолъ человѣка, даже не принадлежавшаго къ священному колѣну Левіи. Это былъ Менелай [1]), еврей изъ колѣна Веніами-

[1]) II Макк. III, 4, срв. IV, 23. У Іосифа Флавія здѣсь находимъ важное разногласіе. По его представленію (*Ἀρχ.* XII, 5, 1, срв. XX, 10), Менелай является братомъ

нова, рьяный еллинистъ по убѣжденіямъ, который воспользовался для достиженія всѣхъ этихъ нарушеній закона тѣмъ же самымъ средствомъ, какъ и Іасонъ. Отправившись по порученію послѣдняго къ царю съ обѣщанною имъ взяткою и для нѣкоторыхъ переговоровъ, Менелай просто предложилъ Антіоху взятку на 300 талантовъ больше Іасоновой, а Антіохъ такъ же просто принялъ ее и далъ согласіе на все, что отъ него даже и не зависѣло. Новый переворотъ, однако, осложнился большими трудностями, чѣмъ ранній. Если Онія III, съ достоинствомъ человѣка, терпящаго несправедливость, уступилъ, очевидно, безъ сопротивленій мѣсто своему брату, то Іасонъ, отстаивая права на купленное, затѣваетъ борьбу съ вытѣснявшимъ его Менелаемъ, но, наконецъ, изгоняется и находитъ убѣжище въ странѣ Аммонитянъ. Первосвященникомъ объявляетъ себя Менелай, который, совмѣстно съ Антіохомъ, посягнулъ на самыя священнѣйшія достоянія Іудейства и привязалъ свое имя къ величайшему несчастію и испытанію Іудеи. Чуждый всякихъ религіозныхъ идеаловъ и рвенія къ закону, окруживъ себя приверженцами, все честолюбіе коихъ не возвышалось далѣе возможно большаго политическаго и экономическаго господства, оправдывавшаго всякія средства къ своему достиженію, Менелай свирѣпствовалъ какъ кровожадный тиранъ, и еще менѣе могъ быть уважаемъ народомъ, чѣмъ Іасонъ. Безцеремонность этого a-là первосвященника въ обращеніи съ тѣмъ, что для него должно было быть святынею, обнаружившаяся тотчасъ же, какъ только пришло время выполнить обѣщанія, данныя Антіоху за утвержденіе въ первосвященствѣ, не знала никакихъ стѣсненій и предѣловъ. Не соразмѣривъ этихъ обѣщаній съ доходностію званія, Менелай не былъ въ состояніи уплатить всей обѣщанной суммы, которую, между тѣмъ, настойчиво взыскивалъ съ него Сирійскій начальникъ Іерусалимской крѣпости, бывшій одновременно и главнымъ сборщикомъ податей. Дѣло дошло до столкновеній между обоими, пока, наконецъ, оба не получили приказъ явиться къ царю. Послѣдняго Менелай, впрочемъ, не засталъ при своемъ прибытіи въ Антіохію, такъ какъ онъ отбылъ отсюда въ волновавшуюся Киликію. А Андроника, царскаго уполномоченнаго, оставленнаго за отсутствіе царя управлять дѣлами царства, Менелай безъ труда смягчилъ обычнымъ своимъ средствомъ—подкупомъ, не позаззрившись совѣстію употребить для сего золотые сосуды храма. Это было верхомъ святотатственной дерзости, на которую сейчасъ же обрушился со всею рѣзкостію обличенія бывшій первосвященникъ Онія, зорко слѣдившій изъ своего убѣжища за дѣйствіями своихъ замѣстителей. Узнавъ также о томъ, что Менелай, нуждаясь въ деньгахъ, давно уже промышляетъ сбытомъ въ Финикію священныхъ сосудовъ, онъ открыто возвысилъ свой голосъ противъ подобнаго злодѣянія, которое только

низложеннаго Оніи, и Іудейское имя его было такъ же Онія. Это, однако, очевидная ошибка. Съ одной стороны, странно, что два брата носятъ одинаковыя Іудейскія имена (Оніи), и съ другой — непонятнымъ представляется въ устахъ Асидеевъ въ I Макк. VII, 14 заявленіе: „священникъ отъ племени Аарона пришелъ вмѣстѣ съ войскомъ и не обидитъ насъ!..“ (срв. Bertheau, l. c. p. 42 и д.) Естественно поэтому, считать Менелая узурпаторомъ первосвященства въ полномъ смыслѣ слова, какъ ясно слѣдуетъ и изъ II Маккав. кн. ук. мѣсто.

было усугублено еще тѣмъ, что самъ обличитель его, обвиненный за обвиненія въ продажности Менелая, хитрыми клятвенными обѣщаніями былъ выманенъ изъ своего неприкосновеннаго убѣжища и убитъ.

Былъ ли Андроникъ, главнымъ образомъ виновный въ этомъ злодѣяніи, дѣйствительно, низложенъ царемъ, и даже казненъ за это, какъ передаютъ сомнительныя извѣстія, только по отношенію къ Менелаю Антіохъ, по вступленіи снова въ управленіе дѣлами, довольствовался вполнѣ тѣмъ, что принималъ отъ него щедрыя снабженія драгоцѣнностями храма и деньгами за нихъ, которыя сыпалъ неустанно изъ Іерусалима замѣститель Менелая, Лисимахъ. О гнѣвѣ царя послѣ этого, конечно, не могло быть и рѣчи. Но за то злодѣяніе вскорѣ нашло надлежащую оцѣнку съ другой стороны. Взрывъ негодованія разразился въ Іерусалимѣ, когда беззаконіе, творившееся втихомолку, понемногу выплыло на свѣтъ Божій. Ярость народа произвела рядъ ожесточеннѣйшихъ схватокъ на улицахъ съ людьми Лисимаха, въ количествѣ 3000 человѣкъ, и отбросила ихъ съ большимъ урономъ. Самъ Лисимахъ нашелъ достойную смерть у разграбленной имъ храмовой сокровищницы. Послѣ этого собраніе старѣйшей аристократіи (γερουσία), значительно отрезвившейся, какъ видно, послѣ всѣхъ допущенныхъ увлеченій и крайностей, тотчасъ же взяло въ руки все управленіе, и первымъ долгомъ своимъ поставило принять мѣры къ низложенію Менелая, какъ главнаго виновника въ разграбленіи храма. Антіохъ, котораго послы герусіи нашли въ Тирѣ и котораго Менелай успѣлъ задобрить еще болѣе своими подношеніями, взглянулъ на жалобу пословъ, какъ на преднамѣренный отказъ въ уплатѣ положенной дани, и дополнилъ мѣру своихъ беззаконныхъ дѣяній новымъ преступленіемъ: послы были казнены, а Менелай получилъ лишь поощреніе на новыя злоупотребленія ролью первосвященника. Голосъ народа, однако, энергично возвышался все болѣе и болѣе противъ всѣхъ чинившихся злодѣяній. Уже Тиряне выразили рѣзкій протестъ совершившемуся въ ихъ городѣ правонарушенію, почтивъ казненныхъ Іудейскихъ пословъ блестящимъ погребеніемъ. Еще сильнѣе затронуто было возбужденіе народное въ Іерусалимѣ. Тамъ къ воплю только что совершившагося злодѣянія присоединялся протестующій вопль противъ убійства Оніи, и указывался единственно законный преемникъ его Іасонъ, спасавшійся все это время въ странѣ Аммонитянъ. При сильной поддержкѣ Менелая Антіохомъ, Іасонъ не могъ успѣшно бороться съ соперникомъ и предпочелъ всему бѣгство; но обстоятельства скоро дали ему возможность попытаться вернуть свои права. Во время похода Антіоха въ 170 году въ Египетъ, послѣ сильнаго сраженія при Пелузіи вдругъ разнеслась вѣсть, что Антіохъ погибъ. Тогда Іасонъ тотчасъ двинулся въ Іерусалимъ, вошелъ въ него настоящимъ завоевателемъ и едва не захватилъ живьемъ самого Менелая, запершагося въ крѣпости. Но къ несчастію для него, онъ не съумѣлъ воспользоваться плодами этихъ успѣховъ: принятый было дружелюбно населеніемъ города, онъ тотчасъ же возбудилъ противъ себя сильное негодованіе безразборчивою мстительностію къ своимъ врагамъ и новыми нарушеніями закона. А главное—болѣе точныя извѣстія объ Антіохѣ принесли свѣдѣнія совершенно противоположныя разнесшимся слухамъ: Антіохъ

одержалъ полную побѣду надъ своимъ племянникомъ Птоломеемъ Филометоромъ при Пелузіи, и, занявъ эту важную пограничную крѣпость, держалъ въ рукахъ какъ бы ключъ къ Египту. Подъ впечатлѣніемъ этой вѣсти, Іасонъ быстро отретировался опять въ страну Аммонитянъ, но теперь уже и здѣсь онъ не могъ найти себѣ убѣжища. Менелай объявилъ его бунтовщикомъ противъ Антіоха, и изъ предупредительности къ этому царю, арабскій князь Арета, владѣвшій Аммонитскими областями, отказалъ бѣглецу въ убѣжищѣ. Скитаясь съ мѣста на мѣсто, опозоренный неудачею Іасонъ нашелъ себѣ желанный покой лишь въ Лакедемонѣ, воспользовавшись, очевидно, существовавшими здѣсь мнѣніями о родствѣ съ евреями, вызвавшими попытки къ заключенію дружественнаго союза съ ними. Въ послѣдней рѣшительной борьбѣ первосвященниковъ за преобладаніе принялъ участіе весь народъ, раздѣлившійся между обоими претендентами, и это участіе было завязкою событій, съ одной стороны печальнѣйшихъ по обилію бѣдствій, обрушившихся на Іерусалимъ изъ подъ желѣзной руки Антіоха,—съ другой—отраднѣйшихъ по проявленіямъ безпредѣльной мощи Іудейскаго народа, которая, въ сочетаніи съ крайнею критичностію его положенія, создала тотъ неподражаемо-возвышенный трагизмъ и обезпечила тотъ побѣдоносный выходъ изъ него, которыя навсегда останутся прелестнымъ образцомъ несокрушимой силы истиннаго народнаго одушевленія.

На сторонѣ Іасона стояло большинство народа, за то на сторонѣ Менелая стояло превосходство дерзости, которой еще разъ дано было одержать свою позорную побѣду. Удалившись со своими сообщниками къ Антіоху, Менелай не пощадилъ жертвъ, чтобы купить себѣ главный шансъ на успѣхъ. Этою жертвою было принесенное Антіоху полное отреченіе отъ Іудейства въ пользу язычества и приглашеніе—силою отнять при его содѣйствіи священнѣйшее достояніе и отъ своихъ собратьевъ. Это неслыханное отступничество, вожделѣнное для Антіоха, было своего рода „знаменіемъ времени“, предвѣщавшимъ и предрасположившимъ безумныя попытки уклонить къ пагубному примѣру à là-первосвященника и все остальное Іудейство [1]). Попытки эти были сколько рѣшительны, столько же разсчетливо-систематичны, и при этихъ условіяхъ дали возможность ново-Іудейству тѣмъ полнѣе обнаружить всю свою жизненность и несокрушимую силу.

Свои печальной памяти подвиги по рѣшительной еллинизаціи Іерусалима Антіохъ началъ злобною местію за содѣйствіе, оказанное Іудеями въ попыткѣ Іасона вытѣснить Менелая и сочтенное за дерзкое возмущеніе противъ царской особы. Возвращаясь въ 170 г. съ одного изъ своихъ безпрестанныхъ походовъ въ Египетъ, онъ зашелъ въ Іерусалимъ, впущенный въ него своими приверженцами безпрепятственно, избилъ множество своихъ противниковъ, порядочно пограбилъ городъ, и вернулся въ Антіохію. Въ теченіи 2 лѣтъ послѣ сего онъ опять былъ 2 раза въ Египтѣ, и во второй разъ только что готовился пожать плоды своихъ довольно блестящихъ дѣлъ, какъ вдругъ, стоя лагеремъ

[1]) Іосифъ далѣе даетъ понять, что Антіохъ воздвигъ гоненіе на вѣру Іудеевъ по совѣту именно Менелая.

предъ Александріей, онъ получаетъ изъ Рима декретъ сената, требовавшій немедленнаго прекращенія войны [1]). Всякій протестъ и сопротивленіе было бы неразумнымъ дѣломъ въ условіяхъ Антіоха, и онъ, скрѣпя сердце, примирился съ мыслію уступить давленію Рима, на властолюбіи котораго столь болѣзненно отзывались его успѣхи въ странѣ, уже намѣченной въ добычу Рима. За то теперь Антіохъ безъ удержу могъ отдаться хозяйничанью въ непосредственно подданныхъ ему областяхъ. И съ этого собственно времени начинаются его рѣшительные попытки оязычить Іудейство, съ понятнымъ злорадствомъ привѣтствовавшее позоръ царя-разбойника и грабителя храма, какъ начало Божьей кары надъ нимъ, и давно уже бывшее на виду царя, какъ главное препятствіе создать единую еллинистическую силу, способную противостать напорамъ такой силы, какова Римская. Въ этихъ мысляхъ, и мстя за обиды, и идя на проломъ къ своей idée fixe, Антіохъ опять идетъ въ Іерусалимъ, обманомъ вступаетъ въ него подъ предлогомъ мирныхъ цѣлей, и расправляется съ нимъ совершенно какъ съ военнымъ трофеемъ:—въ то время какъ солдаты его звѣрствовали на улицахъ города, избивая по приказанію тиранна всякаго встрѣчнаго, самъ царь этихъ звѣрей наносилъ ударъ священнѣйшимъ чувствамъ Израильскаго сердца: онъ залѣзъ въ храмъ и, вмѣсто медленнаго расхищенія, практиковавшагося Менелаемъ, предпочелъ вознаградить себя за труды управленія единовременнымъ грабежемъ покрупнѣе: захватилъ все, что могла забрать ненасытная лапа человѣческой алчности: сюда попали—золотой столъ для куреній ѳиміама, золотой свѣтильникъ, столъ для хлѣбовъ предложенія, кубки для вина, чаши и другіе золотые жертвенные сосуды и т. п.; въ жертву жадности грабителя пошли даже занавѣсъ, вѣнки и наружныя золотыя украшенія храма и, конечно, всѣ находившіяся въ храмовой сокровищницѣ деньги [2]). Въ заключеніе, безпрепятственно ограбивъ храмъ и городъ, избивъ или плѣнивъ тысячи его гражданъ—съ женами и дѣтьми, онъ предаетъ пламени лучшія

[1]) Для характеристики римской политики, что носитъ особенный интересъ для послѣдующаго, столько же какъ для характеристики Антіоха, любопытно воспроизвести самыя обстоятельства свиданія Антіоха съ римскимъ посольствомъ. Во главѣ послѣдняго стоялъ товарищъ Антіоха по дѣтству и школѣ—Попилій Лена, и Антіохъ, естественно, выходя на встрѣчу Попилію, обнаруживаетъ стремленіе обнять своего друга. Каково же было его удивленіе и разочарованіе, когда этотъ другъ, вмѣсто всякихъ любезностей, вложилъ въ протянутую ему для объятія руку декретъ сената, съ предложеніемъ сейчасъ же прочесть и исполнить его. Въ первую минуту Антіохъ не потерялъ присутствія духа и не безъ твердости заявилъ, что желаетъ обдумать это дѣло. Тогда надменный Римлянинъ обводитъ своею тростью на пескѣ кругъ около Антіоха и заявляетъ, что, даже не выходя изъ этого круга, онъ долженъ рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ и показать, желаетъ ли онъ повиноваться сенату и остаться другомъ Римлянъ или хочетъ стать врагомъ ихъ. Послѣ этого Антіоху выбирать долго было нечего. На Сирійскомъ царствѣ еще не зажили раны, нанесенныя во время войны отца его съ Римлянами, которые какъ разъ только что положили также конецъ Еллино-Македонскому царству, о чемъ сейчасъ узналъ и Антіохъ. „Я сдѣлаю то, что сенатъ считаетъ за благо!“ объявилъ онъ въ виду всего указаннаго. И это было, очевидно, самымъ благоразумнымъ со стороны Антіоха.

[2]) II Мак. V, 15, 20 и д.

зданія города, портитъ стѣны его, оставляетъ въ немъ сильный македонскій гарнизонъ, столько безчинствовавшій впослѣдствіи съ обезбожившимися элементами изъ народа, только при этомъ разложеніи котораго и возможно было его терпѣливое безмолвство. Наконецъ, оставалось только на мѣстѣ жертвенника Божія поставить алтарь безбожія, и вмѣсто Богоустановленной жертвы на немъ заклать животное, считавшееся у Іудеевъ синонимомъ всего презрѣннаго Божескими и человѣческими законами, т. е. „свинью“, и Антіохъ, не остановившійся и не остановленный даже и предъ этою глупѣйшею выходкою, могъ гордиться, что уже ничто не мѣшало ему переполнить (давно безъ того переполненную) мѣру безумій своихъ. Уходя изъ Іерусалима, онъ объявляетъ государственною религіею язычество, предписываетъ для каждаго города и селенія обязательное почтеніе только къ языческимъ богамъ, съ посвященіемъ имъ рощъ и алтарей, на которыхъ вмѣнялось въ обязанность ежедневное принесеніе въ жертву свиней; наконецъ, этотъ, столь неравнодушный къ свиньямъ, свинолюбецъ посягаетъ на самую священную и интимную сторону Іудейской религіозности—запрещаетъ подъ страхомъ смерти совершеніе обряда обрѣзанія и назначаетъ особыхъ надзирателей, которые должны были производить для сего соотвѣтствующія ревизіи [1]).

Переводя духъ отъ исчисленія всѣхъ этихъ неистовствъ на Іудейство дерзостнѣйшаго изъ царей язычества, съ облегченіемъ сердца мы поспѣшимъ перейти теперь къ тому, что было отвѣтомъ на все это со стороны народа. Если бы судить только по буквѣ Антіоховыхъ предписаній, очевидно, надо было бы не сомнѣваться, что онъ достигъ полнаго торжества своихъ еллинистическихъ тенденцій, усугубляемаго тѣмъ, что это торжество достигалось среди народа, претендовавшаго на наибольшую нетерпимость къ этимъ тенденціямъ. Но это торжество было и слишкомъ преждевременно, и слишкомъ эоемерно. Правда, для насъ прежде всего выступаетъ, при этомъ, крайне дискредитирующее Іудейскій народъ недоумѣніе, какимъ образомъ онъ далъ столь далеко зайти своимъ притѣснителямъ, какъ возможна была жизнь Іудейства при столь смертельныхъ условіяхъ, которыя позднѣе, въ войнѣ съ Римомъ и при осадѣ Іерусалима,—законно повели къ величественнѣйшему изъ актовъ добровольнаго самоубійства, предпочтеннаго подчиненію несносимъ условіямъ жизни? Безпристрастіе заставляетъ насъ отнести значительную долю вины въ указанномъ случаѣ и на народъ Іудейскій, а не всецѣло на дерзость и насиліе Антіоха, который могъ не мало оправдываться съ точки зрѣнія своихъ еллинистическихъ убѣжденій достаточно законнымъ стремленіемъ, выраженнымъ въ столь деликатной формѣ въ его указѣ. По смыслу этого указа, сообщаемаго древнѣйшимъ повѣствованіемъ, царь желалъ, чтобы „всѣ были *однимъ* народомъ, и каждый народъ поступился для сего своими особенностями“. Здѣсь, такимъ образомъ, Антіоху усвояется простое увлеченіе несбыточною мечтою всеобщаго уравненія народовъ и сліянія въ одинъ идеальный народъ, пожертвованія въ пользу какового столько же требовались отъ Іудейства, какъ и отъ язычества,

[1]) I Макк. I, 29—64.

хотя естественно для послѣдняго не столь чувствительныя. Если такъ, то, очевидно, примѣненіе такого указа къ Іерусалиму требовало мѣръ, въ которыхъ Антіохъ являлся не только мстителемъ за прежніе счеты съ Іудействомъ и ненавистникомъ ихъ, но и жертвою печальной ошибки и увлеченія, имѣющаго для людей часто роковое значеніе независимо отъ такого или иного выбора. Но все это, если не снимаетъ совершенно вины съ Антіоха, то не ослабляетъ вины и Іудеевъ, несомнѣнной и значительной. Между ними мы имѣли случай указывать давно отдѣльныя проявленія той порчи, которая разъѣдала ихъ національныя силы, и которая, хотя приражалась отъ чуждыхъ еллинистическихъ вѣяній, но пищу себѣ находила въ чисто-Іудейской почвѣ. Увлеченіе еллинизмомъ, сначала поверхностное, потомъ болѣе и болѣе углублявшееся и захватывавшее новыя и новыя области, сдѣлало, наконецъ, такіе успѣхи, что отъ тлетворныхъ вѣяній его осталась незащищенною даже и религія. Когда Израильтяне съ ужасомъ открыли свои глаза на позорное положеніе своихъ священнѣйшихъ достояній, они могли констатировать не менѣе ужасную вещь, что этотъ позоръ былъ бы немыслимъ безъ ихъ вѣрнаго постепеннаго и часто незамѣтнаго содѣйствія. Къ уясненію этого, здѣсь ненеумѣстно было бы напомнить аналогичный примѣръ изъ новой исторіи, весьма подходящій къ нашему и любопытнѣйшій для характеристики человѣческихъ увлеченій. Когда вольнодумныя идеи французскаго общества послѣдней половины XVIII столѣтія, находившія живой отголосокъ и въ нашемъ отечествѣ, между прочимъ, и въ легкомысленно-женскомъ сердцѣ Екатерины Императрицы съ ея развращеннымъ дворомъ,—когда—повторяемъ—эти идеи сгустили свои тлетворныя испаренія въ мрачную тучу, молнія которой прежде всего сразила французскаго короля и ураганомъ своимъ повернула вверхъ дномъ всю человѣческую физіономію страны: тогда эта самая Екатерина торжественно заявляетъ безвольнымъ сообщникамъ своего легкомыслія: „мы увлекались!“ и начинаетъ круто новую эпоху своего правленія, ознаменовавшуюся непозднимъ исправленіемъ многихъ сознанныхъ ошибокъ. Еще болѣе подходило бы сюда нравственное возрожденіе нашего отечества, послѣ очистительнаго испытанія 1812 года, когда имѣвшіе несчастіе понести это испытаніе, по глубокомудрому выраженію Святителя Филарета, во очію должны были убѣдиться, какъ „о ихже поревновахомъ наставленіихъ, сихъ имѣяхомъ враговъ буіихъ и звѣронравныхъ“ (Мол. колѣнопр. въ день Рожд. Хр.). Мы имѣемъ, такимъ образомъ, въ событіяхъ времени Антіоха совершенно подобную же историческую картину, которая рисуетъ намъ, съ одной стороны, увлеченіе грѣхомъ противъ незыблемыхъ основъ своей народности, и съ другой—какъ прямѣйшій результатъ этого увлеченія—наказаніе, коренившееся въ этомъ самомъ увлеченіи и поведшее къ отрезвленію отъ онаго.

Кромѣ общаго увлеченія народа заманчивымъ ядомъ еллинизма, Антіохъ получалъ для своихъ мѣропріятій, въ частности, большое поощреніе въ недостойныхъ дѣйствіяхъ и продажничествѣ выродковъ Іудейства, въ которыхъ онъ, опять таки только по роковой ошибкѣ, могъ видѣть залогъ успѣха своимъ начинаніямъ, предметомъ коихъ было все Іудейство. Мы видѣли, какъ мало

иниціативенъ былъ въ данномъ случаѣ Антіохъ: не самъ онъ дошелъ до того, чтобы низложить первосвященника; не самъ онъ, далѣе, способствуетъ впослѣдствіи неслыханной аномаліи—назначенію въ первосвященники еврея даже и не изъ колѣна Левіина; не самъ онъ открываетъ путь въ сокровищницу Іерусалимскаго храма; не самъ составилъ себѣ понятіе о еврейской преданности закону, какъ о знаменіяхъ возмущенія; вездѣ и во всемъ этомъ замѣшиваются видные и вліятельные элементы самого Іудейства, принимавшіе на себя недостойную роль — поставить царя на путь, концомъ котораго было жестокое религіозное гоненіе, взамѣнъ прежняго уваженія и благоволенія Сирійскихъ царей къ священнымъ достояніямъ народа. Вина собственно Антіоха начинается тамъ, гдѣ онъ убѣждается въ своей ошибкѣ и воззрѣніяхъ на все Іудейство по отдѣльнымъ его негоднымъ элементамъ, и, не смотря на это убѣжденіе, пріемлетъ рѣшимость употребить насиліе тамъ, гдѣ неумѣстность его онъ хорошо долженъ былъ чувствовать.

Время, однако, спросить, насколько кажущееся торжество еллинизма въ проведеніи своего господства было торжествомъ въ дѣйствительности, и что оправдываетъ Іудейскій народъ за то, что среди его была возможна хотя одна минута этого торжества? Дальнѣйшее поведеніе народа — достаточно удовлетворяющій отвѣтъ на этотъ вопросъ. Неистовыя жестокости гоненія, въ значительной мѣрѣ обусловливавшіяся отчаянностью сопротивленія—лучшее удовлетвореніе за все, что можетъ давать поводы къ упрекамъ по адресу Іудейства, лучшая искупительная жертва за его увлеченія, лучшее доказательство того, что эти гоненія были съ другой стороны врачествомъ, хотя и горькимъ, его увлеченій, знакомъ его оздоровленія и отрезвленія отъ удушливаго чада чуждой культуры,—однимъ словомъ—были тѣмъ, чѣмъ могло быть гоненіе: живительнымъ мученичествомъ за вѣру и отечество. Этимъ путемъ лучше всего обнаруживались истинные корни зла и отдѣлились неисправимыя его жертвы отъ сохранявшихъ еще жизненныя силы и возможность лучшаго направленія элементовъ народа. Рядомъ съ отдѣльными проявленіями сочувствія и содѣйствія ренегатовъ Іудейства его притѣснителямъ, мы видимъ теперь огромныя остальныя массы народа готовыми на всѣ ужасы мученій, лишь бы отстоять цѣлость и правоту своихъ національно-религіозныхъ завѣтныхъ достояній. Этотъ героизмъ пережилъ двѣ одинаково трагичныхъ и глубокопоучительныхъ стадіи своего развитія, изъ коихъ въ первой онъ носилъ болѣе характеръ молчаливаго протеста, давшаго ряды покорныхъ мучениковъ, а вторая была болѣе протестомъ вооруженной силы, также давшей ряды доблестныхъ героевъ, только на другомъ полѣ—полѣ военной брани. Въ первомъ случаѣ, народъ далъ изъ своей среды ублажаемыхъ и въ христіанствѣ мучениковъ-Маккавеевъ; во второмъ—по пословицѣ—„война родитъ героевъ“—народъ воспиталъ своими бѣдствіями вождей, которыми вправѣ гордиться, и которыя спасли ему все его достояніе...

Послѣдовательный ходъ гоненій на Іудеевъ и рядъ отвѣтныхъ протестовъ на нихъ открывается назначеніемъ въ намѣстники Іерусалима фригійца Филиппа, который вмѣстѣ съ Менелаемъ а là первосвященникомъ превосходили самого царя въ свирѣпыхъ усиліяхъ осуществить его безумныя идеи. Особеннымъ толчкомъ къ усиленію стѣсненій Іерусалима до крайней степени послужили нескрываемо—радостныя чувства Іудеевъ, послѣ послѣдняго фіаско Антіоха въ Египтѣ. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется внезапное прибытіе въ Іерусалимъ главнаго сборщика податей Аполлонія съ большимъ войскомъ, тотчасъ же приступившимъ къ чрезвычайнымъ жестокостямъ. Сначала Аполлоній показалъ себя вполнѣ миролюбивымъ, но это было только до первой субботы, когда онъ неожиданно далъ своимъ 22000 солдатъ вѣроломное приказаніе обойти городъ и убивать всякаго, кто попадется на встрѣчу. Когда этотъ убійственный потокъ прошелъ такимъ образомъ по городу, послѣ него вездѣ остались слѣдами окрававленные трупы и испепеленныя жилища: многіе дома исчезли безслѣдно; женщины, дѣти, скотъ были угнаны; имущества разграблены. Оплотомъ язычества въ св. городѣ сдѣланъ былъ заново отстроенный и укрѣпленный замокъ Давидовъ, куда стекалось все награбленное въ Іерусалимѣ, и откуда язычники изводили его своими мерзостями, дошедшими до того, что соблюденіе субботы и другихъ праздниковъ должно было прекратиться. Населеніе въ паническомъ страхѣ разбѣгалось по окрестностямъ. И это было счастіемъ для тѣхъ, кто успѣлъ избрать эту благую долю ранѣе появившагося вскорѣ же декрета Антіохова, предписывавшаго радикальное уничтоженіе Іудейства: книги священныя разыскивались и предавались сожженію; многіе скрывавшіе ихъ подверглись за это казни; не мало благочестивыхъ матерей, не желавшихъ лишать своихъ дѣтей счастія обрѣзанныхъ, поплатились жизнію со своими малютками; много погибло благочестивыхъ мужей, отказавшихся сквернить насильно навязываемыми нечистыми яствами. Съ ужасомъ и отвращеніемъ Іудеи прислушивались къ дикимъ оргіямъ, безумствовавшимъ подъ сводами самаго храма. Некуда было дѣваться отъ навязчивыхъ требованій отступничества; некуда было скрыть драгоцѣнныхъ достояній принадлежности къ своей религіи и народу: Іудей былъ въ ловушкѣ, выходовъ изъ которой было два: смерть или измѣна себѣ. И къ прискорбію, мы узнаемъ, что многіе избирали и послѣднее, хотя большинство подчинялось этой тяжкой необходимости съ проклятіями новымъ порядкамъ и съ глубокою скорбію о тяжкомъ гнѣвѣ Божіемъ, разразившемся надъ Израилемъ. Такихъ, которые подчинялись бы охотно навязываемымъ благамъ еллинской цивилизаціи, было во всякомъ случаѣ не столь много: ударъ проникалъ до слишкомъ чувствительныхъ струнъ Іудейской души, чтобы не отрезвлять и тѣхъ, въ комъ долгая привычка къ греческой цивилизаціи, выработавшаяся со временъ Птоломеевъ до послѣдняго времени, позволяла болѣе терпимыя къ еллинизму воззрѣнія.

Геройская борьба Іудеевъ за вѣру и завѣты отцовъ (175—165 и д.) вошла въ содержаніе книгъ Маккавейскихъ, представляющихъ, по выраженію Ranke, истинно-драгоцѣнную жемчужину позднѣйшей Іудейской Исторіи, обнимая одинъ изъ содержательнѣйшихъ, плодотворнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ ея періодовъ.

Сообщенія Іосифа, относящіяся къ этому періоду, за немногими исклю-

ченіями, лишь воспроизводятъ матеріалъ I книги Маккавейской, иногда до буквальной точности или по крайней мѣрѣ въ близкомъ параллелизмѣ [1]). Отличительнаго, оригинальнаго и небезполезнаго въ этихъ его сообщеніяхъ можно находить немного. Болѣе другихъ подробностей важно и любопытно слѣдующее сообщеніе.

Въ то время, когда Евреи переживали свое глубокое религіозное горе, неся всю тяжесть предузаконенныхъ нечестивымъ царемъ бѣдствій, Самаряне съумѣли отстоять свою судьбу, которая вообще выступаетъ, въ сопоставленіи съ судьбами Іудейства, въ обратно пропорціональныхъ степеняхъ благополучія или несчастія. Іосифъ правдоподобно объясняетъ это хитрымъ двоедушіемъ Самарянъ, которые, по его замѣчанію, выдавали себя за Іудеевъ, когда видѣли ихъ въ благополучіи (какъ было при Александрѣ), и отрицали всякую связь съ ними, лишь только Іудеевъ постигали стѣсненія, какъ было, между прочимъ, и въ настоящемъ случаѣ. Когда исполнители воли царскаго указа распространили примѣненіе его и на Самарянское общество, Антіохъ получаетъ отъ него слѣдующій безцеремонно-лживый докладъ, подлинность котораго, если не въ словахъ, то въ мысли, не подвергается сомнѣнію.

„Посланіе царю Антіоху *богу* Епифану отъ *Сидонцевъ изъ Сихема*. На основаніи нѣкоего *суевѣрія*, наши предки, побуждаемые къ тому различными постигшими страну бѣдствіями, установили обычай почитать тотъ день, который у *Іудеевъ* носилъ названіе *субботняго*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они воздвигли на горѣ Гаризимъ *святилище безъ опредѣленнаго назначенія* и приносили тутъ разныя жертвы. И вотъ, такъ какъ ты воздаешь теперь *Іудеямъ должное возмездіе* за всѣ ихъ *гнусности*, царскіе чиновники, полагая, что мы родственны евреямъ и потому слѣдуемъ ихъ примѣру, подвергаютъ и насъ подобнымъ же наказаніямъ, тогда какъ мы по происхожденію своему *Сидоняне*... Въ виду всего этого, умоляемъ тебя, нашего благодѣтеля и спасителя, повелѣть своему намѣстнику Аполлонію и уполномоченному своему Никанору не обижать насъ примѣненіемъ къ намъ тѣхъ карательныхъ мѣръ, которыя установлены для Іудеевъ; вѣдь мы, какъ по своему происхожденію, такъ и по своимъ обычаямъ, не имѣемъ ничего общаго съ послѣдними. Вмѣстѣ съ тѣмъ, да будетъ *не посвященное никому (τὸ ἀνώνυμον ἱερόν)* святилище наше предназначено Греческому Зевсу. Если это будетъ сдѣлано, преслѣдованія наши сами собой прекратятся и мы сможемъ безбоязненно посвятить себя дѣламъ своимъ, отъ чего увеличатся лишь твои собственные доходы".

Отвѣтъ этого самарянскаго „бога", разумѣется, благопріятный—послѣдовалъ на имя царскаго уполномоченнаго въ такой примѣрно формѣ: „Царь Антіохъ Никанору. *Сихемскіе Сидоняне* препроводили ко мнѣ прилагаемую записку. Такъ какъ въ совѣщаніи, устроенномъ по этому поводу съ приближенными моими, посланные Самаряне подтвердили, что взводимыя на Іудеевъ

[1]) Срв. *Ἀρχ.* XII, 7, 2—3; ib.—4; ib.—8, 1 съ I Мак. III, 27 и 37;—IV, 15;—V, 8. *Ἀρχ.* XII, 9, 1 съ I Мак. VI, 1; *Ἀρχ.* XII, 9, 2 съ I Макк. VI, 14; *Ἀρχ.* XII, 9, 4 съ I Мак. VI, 43; *Ἀρχ.* XIII, 1, 4; 4, 4—5—9 и мн. др. съ I Мак. IX, 37; X, 74; XI, 7; 26—59. ;7 26—59.

обвиненія совершенно не примѣнимы къ нимъ Самарянамъ, и что послѣдніе готовы жить по греческимъ обычаямъ, то мы освобождаемъ ихъ отъ преслѣдованій, и посвящаемъ, согласно ихъ просьбѣ, храмъ ихъ Зевсу Греческому!"

Комментаріи на сіе излишни!....

БИБЛІОТЕКА Учил. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

21. Борьба за вѣру и свободу. Маттаѳія.

Ἀρχ. XII, 6 гл.;—I Макк. II гл.

Казалось бы, къ уничтоженію народа Іудейскаго употреблено было все, что могло придумать для этого неистовство язычника. Казалось бы, и условія для такого уничтоженія были такъ благопріятны, какъ никогда: съ одной стороны, и гонитель стоялъ на высшей точкѣ дерзкаго могущества и разрушительныхъ намѣреній; и гонимый, переживая своею собственною жизнію эпоху разслабленія и національнаго растлѣнія, самъ шелъ на встрѣчу своему искорененію.

Тѣмъ удивительнѣе жизненная сила этого народа! Тѣмъ достославнѣе его пробужденіе и возрожденіе! Тѣмъ поучительнѣе его отчаянная геройская борьба за вѣру и завѣты Отцовъ, на какую неожиданно встряхнулся весь онъ поголовно и достигъ успѣховъ, которыя до послѣднихъ временъ останутся предметомъ восхищенія и благоговѣнія предъ силою и величіемъ народнаго единодушія въ народномъ бѣдствіи!

Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи услѣдить первыхъ струекъ пламени, попалившаго впослѣдствіи соломенные успѣхи Антіоха! Нашему наблюденію предстаетъ прямо грандіозный пожаръ всеобщаго возстанія, быстро охватывающаго всю страну, превращая ее какъ бы въ одинъ огромный жертвенникъ всесожженія, въ пламени котораго исчезала жертва грѣха народнаго.

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ послѣднихъ отдѣловъ книги Даніила позднѣйшаго происхожденія, впервые пламя возстанія пробилось наружу по доброму почину народныхъ учителей закона, которые все время гоненій энергично вліяли на народъ, указывая ему на позоръ, въ какомъ онъ находился, и воодушевляя къ мужественнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Успѣхи этой агитаціи сначала могли затрогивать небольшія массы людей, но, очевидно, въ самое короткое время наболѣвшія раны народа заставили его воспрянуть во всей своей грозной силѣ и неотразимомъ величіи. Заразительность этихъ истинно-народныхъ чувствъ была такова, что къ дѣлу тотчасъ же примкнули даже такія лица, на которыхъ болѣе другихъ тяготѣлъ грѣхъ отступленія. Очевидно, успѣхъ возстанія былъ лишь вопросомъ времени, пока оно распространялось по всей странѣ и дождалось объединенія и организаціи. Народъ, готовый было потерять послѣднюю увѣренность считать себя въ особенномъ смыслѣ народомъ Божіимъ, почувствовалъ въ своемъ новомъ объединеніи всѣ права на преимущественное благоволеніе и благословенность у Бога, и въ

призывѣ къ возстанію почуялъ голосъ Божій, возвѣщавшій ему начало его спасенія и призывавшій къ борьбѣ за него.

Полномощнымъ зародышемъ настоящаго возстанія за спасеніе народа Божія было благословенное семейство Асмонеевъ [1]), отъ родоначальника Асмонея [2]), состоявшее изъ главы — священнослужителя Маттаѳіи изъ высшей священнической аристократіи (сынъ Іоанна и внукъ Симеона изъ жреческаго сословія Іоарибъ) и изъ 5 его сыновей: Іоанна, Симона, Іуды, Елеазара и Іонаѳана [3]). Болѣе всѣхъ испытывавшіе на себѣ всю тяжесть бѣдствій народныхъ, сопровождавшихся осквернеміемъ и опустошеніемъ Дома Божія, Маттаѳія и сыновья, являвшіеся, очевидно, и болѣе способными руководить силами народнаго одушевленія, начинаютъ предназначенное имъ священнодѣйствіе тихою скорбію о великомъ бѣдствіи своего народа, въ знакъ чего облекаются въ глубочайшій трауръ. Ближайшимъ поводомъ, заставившимъ ихъ перейти отъ безмолвной скорби къ подвигамъ безстрашія, было прибытіе царскаго посольства, во главѣ съ Апеллесомъ, въ Модинъ, куда Маттаѳія, по примѣру многихъ другихъ благомыслящихъ, удалился съ самаго начала гоненій. Надо замѣтить, что со всею своею яростію эти гоненія первоначально обрушились главнымъ образомъ на Іерусалимъ, и только впослѣдствіи, когда обнаружилось массовое бѣгство изъ него по другимъ городамъ, Антіохъ подтвердилъ распространеніе силы своего указа на всѣ Іудейскіе города и города своего царства. Такъ, мы уже видѣли, что и въ Самаріи гоненіе скоро приняло невыносимый характеръ. Антіохъ, очевидно, вполнѣ здраво для такого недостойнаго дѣла разсудилъ, что главною мишенью его ударовъ долженъ былъ быть избранъ Іерусалимъ, главный центръ Іудейства, за успѣшнымъ еллинизированіемъ котораго должно было неизбѣжно пасть и Іудейство периферіи. Онъ, такъ сказать, думалъ разить въ самые корни Іудейскаго „зла“. Естественно, это повело на первыхъ порахъ лишь къ усиленному отливу Іудейства отъ центра къ периферіи, къ указанному массовому переселенію Іудеевъ въ менѣе привлекавшіе вниманія гонителей города. Это осложняло лишь,—однако, не парализовало задачу стремленій Антіоха. Вмѣсто неудавшагося намѣренія корпоративной еллинизаціи Іудейскаго общества и его центровъ, Антіохъ предпринимаетъ теперь смѣлый и дѣйствительнѣйшій проектъ—еллинизаціи каждаго въ отдѣльности Іудея, проектъ, бывшій и началомъ его полнаго пораженія. Выраженіемъ этой стадіи гоненія была миссія Апеллеса, съ какою онъ прибылъ

[1]) חַשְׁמַנִּים

[2]) *Ἀσαμωναῖος, Ἀρχ.* XII, 6, 1, отсюда—*οἱ Ἀσαμωναίων γενέα, Ἀρχ.* XIV, 16, 4,—*οἱ Ἀσαμωναίου παῖδες,* XX, 8, 1, *οἱ τῶν Ἀσαμωναίου παίδων ἔκγονοι* XX, 10; у Іосифа Горіона и въ Талмудѣ חשמונים или בני חשמונאי и בית חשמונאי, Іонаѳ. къ I Цар. 2, 4. Производится это имя обыкновенно отъ חֶשְׁמֶן, pinquis, dives, Пс. 68, 32, срв. Gesenius thes. p. 534. (Keil, 13).

[3]) Названіе Маккавеевъ семейство это получило собственно отъ прозвища Іуды „Маккавей“ (то же, что германское „Мартеллъ“, т. е. молотъ), названнаго такъ за свое выдающееся геройство и успѣхи, благодаря чему и самое движеніе, вызванное и поддержанное братьями, носитъ наименованіе движенія, борьбы, эпохи Маккавеевъ.

въ Модинъ. Миссія эта состояла въ томъ, чтобы каждаго въ отдѣльности гражданина заставить открыто провозгласить свое соучастіе въ еллинскомъ язычествѣ. При этомъ, было придумано дѣйствительнѣйшее средство, чтобы эта миссія имѣла сильнѣйшій успѣхъ: царскіе чиновники имѣли особую инструкцію—склонять къ участію въ языческихъ жертвоприношеніяхъ прежде всего людей наиболѣе видныхъ по положенію и знатныхъ по роду, въ томъ соображеніи, что эта новая замысловатая централизація еллинистическихъ замысловъ лучше обезпечитъ ихъ успѣхъ и на остальныя массы народа, которымъ привыкли, очевидно, совершенно ложно—отказывать въ такихъ случаяхъ во всякомъ правѣ и способности на самостоятельность. Взоры царскихъ уполномоченныхъ прежде всего должны были обратиться въ Модинѣ на Маттаѳію, какъ обѣщавшаго своею видностію сильный по соблазнительности примѣръ не только въ самомъ городѣ, но и далеко за предѣлами его. Но тотъ заблаговразсудилъ сдѣлаться для своего народа совершенно другимъ образцомъ, достойнымъ подражанія. Громогласно и вызывающе-побѣдоносно онъ заявляетъ, что, если бы даже всѣ народы царства, повинуясь приказу царя, отступили отъ своихъ обычаевъ, самъ онъ, со своими сыновьями и братьями, никогда не сдѣлаетъ этого, и ни за что не откажутся отъ своего Богопочитанія и отъ союза ихъ отцовъ съ Богомъ. Только что это торжественное заявленіе прогремѣло громомъ въ ушахъ присутствовавшихъ, произошло событіе, давшее сигналъ къ всеобщему возстанію. Къ языческому алтарю приблизился одинъ еврей, чтобы, покорно приказанію царя, принести жертву. Былъ ли это рьяный ренегатъ, который думалъ нарочно на зло Маттаѳіи показать свое презрѣніе къ его воззванію, или это была первая и наиболѣе слабовольная добыча царскихъ чиновниковъ, схваченная ими и не нашедшая мужества послѣдовать примѣру Маттаѳіи, въ томъ и другомъ случаѣ поступокъ Маттаѳіи имѣлъ свои благородныя черты и свое оправданіе. Въ порывѣ священнаго негодованія, онъ неожиданно быстро бросается къ жертвеннику, однимъ ловкимъ ударомъ сражаетъ вѣропродавца, а потомъ и самаго царскаго чиновника съ его помощниками, разрушаетъ до основанія жертвенникъ, и, сіяя властною прелестью отомщеннаго Богопоруганія, восклицаетъ: „всякій, кто ревнуетъ по законѣ и стоитъ въ завѣтѣ, пусть идетъ вслѣдъ за мною!“ Этотъ кличъ Маттаѳіи собралъ около него массу преданныхъ правдѣ и закону, которые тотчасъ же пожертвовали всѣми удобствами жизни въ городѣ, сдѣлавшемся небезопаснымъ для ихъ пребыванія, и ушли со всѣмъ своимъ достояніемъ, съ женами, дѣтьми и скотомъ въ окрестныя пустыни. Каковы были первоначальныя намѣренія Маттаѳіи, увлекшаго за собою столько послѣдователей, недостаточно ясно; повидимому, онъ готовъ былъ удовольствоваться скитальческою жизнію на просторѣ Іудейскихъ пустынь, жертвуя благами городской жизни свободѣ совѣсти и обычаевъ. На взглядъ власти, однако, это было скопище мятежниковъ, противъ котораго тотчасъ же отправилась изъ Іерусалима вооруженная сила. Бѣглецы были подстережены въ своихъ убѣжищахъ въ одинъ изъ дней субботнихъ, когда, точно соблюдая покой праздника, не хотѣли нарушить его даже въ виду неминуемой опасности, и, не бросивъ ни одного камня въ

наступавшихъ враговъ, и даже не позаботившись укрѣпить своихъ убѣжищъ, падали во весь этотъ день трогательными жертвами преданности своему закону. „Мы всѣ умремъ въ невинности нашей“, говорили эти несчастные: „небо и земля—свидѣтели за насъ, что вы несправедливо губите насъ!“ (I Макк. II, 37)“. Около 1000 человѣкъ пали на первый разъ, такимъ образомъ, совершенно непроизводительно, и вражескіе отряды, очевидно, этимъ путемъ извели бы и всѣхъ правовѣрныхъ Израильтянъ въ теченіи нѣсколькихъ субботъ. Посему, слѣдуя голосу здраваго смысла, Маттаѳія нашелъ вполнѣ законнымъ дѣломъ—защищать свою жизнь и въ дни субботніе, и предложеніе его въ этомъ смыслѣ получило всеобщее одобреніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, неожиданно представилась возможность перейти отъ оборонительнаго образа дѣйствій къ наступательному. Подъ вліяніемъ быстро разнесшихся слуховъ о возстаніи Модинскихъ Іудеевъ, къ Маттаѳіи потекли со всѣхъ сторонъ новыя силы, которыя быстро составили цѣлое войско, грозное и своею численностію и духомъ крѣпкаго одушевленія. Обходя съ этими силами города, Маттаѳія скоро заявилъ себя настоящею грозою всѣхъ язычниковъ и отступниковъ: языческіе алтари исчезали одинъ за другимъ, необрѣзанные младенцы всюду обрѣзывались, враги и измѣнники терпѣли достойную гибель. Дѣло, такимъ образомъ, было уже поставлено на широкую и прочную ногу, когда оно на мгновеніе омрачилось печальнымъ происшествіемъ—тяжкою болѣзнію и смертію вождя, Маттаѳіи.

§ 22. Іуда Маккавей (165—161 до Х.).

Дѣх. XII, 8—11 гл.; 1 Макк. III—IX, 22 [1]).

Насколько возстаніе Маттаѳіи было общимъ національнымъ движеніемъ, ясно обнаружилось изъ того, что несчастіе съ нимъ не остановило дѣла, пустившаго глубочайшіе корни въ народѣ. Во главѣ борцовъ за свободу сталъ самый мужественный и опытнѣйшій изъ сыновей почившаго—Іуда [2]), по прозванію Маккавей, въ подчиненіе которому безъ всякаго прекословія отдали себя и его старшіе братья, ради пользы дѣла, для веденія котораго Іуда почитался достойнѣйшимъ. Число всѣхъ героевъ, сплотившихся подъ его знаменемъ, теперь достигало внушительной цифры въ 6000 человѣкъ, съ которыми Іуда безстрашно выступалъ на истребленіе по всѣмъ городамъ и селеніямъ всякихъ слѣдовъ язычества, пользуясь для этого неожиданными ночными набѣгами. Наличныхъ

[1]) Матеріалъ для исторіи Іуды даютъ также Megillath-Taanith, § 30, у Derenbourg, Histoire, p. 63. А образецъ обработки этого матеріала—Schürer, I, 210—222. и далѣе а также Holtzmann.

[2]) Повѣствованіе Іосифа объ этомъ вождѣ идетъ въ такой близкой точности къ первоисточнику, какъ только могла позволять его память и вниманіе, если онъ преимущественно этотъ источникъ имѣлъ предъ глазами. Маленькія неточности и другія особенности его разсказа, которыя при случаѣ мы будемъ отмѣчать, почти только простыя описки и просмотры, и едва ли могли быть обосновываемы на какихъ либо другихъ, постороннихъ данныхъ.

царскихъ войскъ, не могущихъ къ тому же отлучаться въ значительныхъ количествахъ и надолго,—очевидно, было уже слишкомъ недостаточно для подавленія возстанія, почему Аполлоній, на которомъ лежала эта задача, прибѣгаетъ къ сформированію особаго войска изъ язычниковъ и Самарянъ. Но храбрый Маккавей, не заставляя долго искать себя, вышелъ самъ на встрѣчу этому войску, и нанесъ ему тотчасъ же полное пораженіе, въ которомъ палъ, въ числѣ многихъ, и самъ Аполлоній. Успѣхъ, быстро превзошедшій всякія ожиданія, воодушевилъ до крайней степени Іудеевъ, а Сирійцевъ вынудилъ отправить на Іуду новый огромный отрядъ, въ вожди котораго вызвался стать самъ главный начальникъ войскъ Антіоха, Серонъ, заранѣе сплетавшій себѣ лавры славной побѣды. Лавры эти суждено было пожать, однако, не ему, хотя сомнѣніе въ успѣхѣ Іудеевъ раздѣляли сами воины Іуды. Смотря съ высоты своей позиціи на темныя какъ тучи непріятельскія колонны, облагавшія подъемъ на гору, самые отважные сподвижники Іуды на минуту готовы были дрогнуть, и въ волненіи говорили: „какъ можемъ мы въ столь маломъ числѣ сражаться противъ такого неисчислимаго множества—тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали себя страшно изнуренными, пробывъ цѣлый день безъ пищи!“ Въ эту рѣшительную минуту не дрогнуло сердце одного Іуды. Энергичною рѣчью онъ отвлекаетъ мысли своихъ храбрецовъ отъ превосходныхъ силъ противника къ небесной помощи и къ правотѣ своего дѣла, за которое они должны постоять, и, увлекая всѣхъ пыломъ неудержимаго воодушевленія, врѣзывается въ самое сердце непріятеля и наноситъ ему еще разъ страшное пораженіе, преслѣдуя спасавшіеся бѣгствомъ остатки вплоть до равнины Веѳоронской, (на пути въ страну Филистимлянъ). Столь неожиданный оборотъ дѣла, какъ ни приводилъ Антіоха въ крайнее негодованіе, однако, дѣлалъ его пока прямо безсильнымъ предъ событіями. Мобилизація новыхъ войскъ требовала крайняго напряженія и безъ того напряженныхъ финансовыхъ средствъ раззоренной страны; старыя же силы едва были въ состояніи только хоть останавливать завоевательные успѣхи Іуды, а не переходить въ наступленіе. При такомъ положеніи дѣлъ, царь рѣшился привлечь къ участію въ усмиреніи Іудеи всѣ силы своего государства, и съ этою цѣлью произвелъ въ намѣстники западно-евфратскихъ провинцій своего родственника Лисія, а самъ переправился дѣятельно собирать людей для войска и деньги за Евфратъ, откуда болѣе и не возвращался [1]).

Между тѣмъ, Лисій быстро сформировалъ огромное прекрасно-организованное войско (состоявшее изъ 40,000 пѣхоты и 7000 конницы). Успѣхъ

[1]) Въ повѣствованіи о послѣдней судьбѣ Антіоха Іосифъ дѣлаетъ весьма важное дополненіе къ I Макк. VI, 2, называя по имени Елимаидскій храмъ (Артемиды) и исправляя замѣчаніе историка Поливія относительно причинъ гибели Антіоха. Находя страннымъ объясненіе этого „въ общемъ достовѣрнаго писателя-историка“, что Антіохъ поплатился преждевременною гибелью за *намѣреніе*, хотя и не осуществленное—ограбить упомянутый Артемидинъ храмъ, Іосифъ считаетъ болѣе основательнымъ отнести эту гибель за счетъ *совершившагося* разграбленія Іерусалимскаго храма. О попыткѣ разрабить названный храмъ читаемъ кромѣ Поливія (31, 11) у Іустина, Аппіана, Страбона и др. писателей. Мѣстонахожденіе этого храма точнѣе не м. б. опредѣлено (см. Boettger, l. c. p. 110).

этого войска, веденнаго 3-мя избранными полководцами, Птоломеемъ, Никаноромъ и Горгіемъ, казался столь несомнѣннымъ, что въ лагерь войска (расположившагося при Еммаусѣ) заранѣе прибыли купцы съ деньгами и цѣпями для покупки и увода будущихъ плѣнниковъ. Назначеніе войска простиралось и гораздо далѣе простого захвата плѣнниковъ. Воля царя была—„сокрушить и уничтожить могущество Израиля и остатокъ Іерусалима, и истребить самую память ихъ отъ мѣста того, и заселить всѣ предѣлы ихъ чужеземцами, раздѣливъ имъ землю по жребію“. Только такое радикальное преображеніе страны должно было, по мысли царя, способствовать полному успѣху его еллинизирующихъ стремленій. Для Іудеевъ предстояла, очевидно, рѣшительнѣйшая минута—быть или не быть,—которая живо ощущалась всѣми сподвижниками Іуды, когда они сплотились въ свою очередь дружною горстью въ издревле священной Массифѣ, созерцая отсюда, съ одной стороны, св. городъ, представлявшій теперь „необитаемую пустыню“ по выраженію источника, а съ другой—несмѣтныя полчища враговъ, готовыя скрыть отъ ихъ взоровъ не только поруганныя святыни ихъ, но и самую ихъ съ едва мерцавшими надеждами жизнь. Съ рѣдкою торжественностію Іудеи готовились къ этой священной битвѣ. Все было употреблено здѣсь для того, чтобы сообщить народному одушевленію высшую степень. Начавъ строгимъ постомъ, дружинники облеклись въ трауръ, разорвали верхнія одежды, посыпали пепломъ головы и запечатлѣвали на памяти все осквернепіе вѣры, совершенное язычниками: выставлены были священные свитки закона, осквернепные языческими изображеніями; разложены священныя одежды, начатки плодовъ и десятинъ, которые въ случаѣ неудачи обрекались въ добычу врагу; оплакивались назореи, которые кончили обѣты свои и теперь не могли приступить къ обычной жизни, безъ установленныхъ обрядовъ въ храмѣ; наконецъ, принесена была общая молитва къ Богу объ избавленіи, покрытая трубными звуками и громкими кликами зловѣще-грознаго воодушевленія. Избравъ для лучшаго управленія ратниками искусныхъ и многочисленныхъ вождей, Іуда не сталъ выжидать врага и поспѣшилъ къ Еммаусу, гдѣ расположился непріятельскій лагерь. Передовой отрядъ непріятеля, выступившій противъ него подъ начальствомъ Горгія [1]), былъ искусно отвлеченъ Іудою отъ главныхъ силъ, окруженъ и потерпѣлъ совершенное пораженіе. Та же судьба постигла и самого Лисія, когда онъ въ гнѣвѣ на пораженіе Горгія двинулся на Іуду съ остальнымъ 65000-нымъ войскомъ (въ томъ числѣ 5000 всадниковъ), и, потерявъ до 5000 на полѣ битвы (при Веесурѣ), счелъ за лучшее отступить въ Антіохію, чтобы, собравшись съ силами, вновь сразиться съ Іудою. Послѣдній, между тѣмъ, безпрепятственно дожиналъ лавры блестящихъ побѣдъ своихъ. Побѣдители съ торжествомъ вступили въ Іерусалимъ и совершили торжественное очищеніе и освященіе его опозоренной святыни, возстановивъ правильное отправленіе богослуженія и постановивъ это достопамятное событіе ознаменовать ежегоднымъ празднествомъ [1]). Совершенно очищенный отъ всякихъ слѣдовъ язычества, городъ снова принялъ обычный священный характеръ, пользуясь совершеннымъ спокойствіемъ со стороны ошеломленнаго Сирійскаго двора. Спѣша воспользоваться этимъ спокойствіемъ, Іуда дѣятельно упрочивалъ свое положеніе: привлекъ вновь къ Іерусалиму отхлынувшее отъ него населеніе, тѣснѣе связалъ центръ Іудеи съ важнѣйшими примыкавшими къ ней провинціями—Галилейскою и Галаадскою, предоставивъ въ первой поддерживать своихъ единовѣрцевъ брату своему Симону, а во второй—всегда готовый самъ придти на помощь къ евреямъ вмѣстѣ съ другимъ своимъ братомъ Іонаѳаномъ [2]). Надо замѣтить, что еврейское населеніе обѣихъ провинцій и вообще окраинъ Іудеи не мало терпѣло за это время отъ своихъ давнихъ враговъ—языческихъ сосѣдей, которые съ успѣхомъ отводили свою вражду на Іудеяхъ, пользуясь ихъ затруднительными обстоятельствами и поощреніями Сирійскихъ властей. Какъ кажется, поэтому, не одинъ только религіозный фанатизмъ руководилъ Іудою, когда онъ велъ свои войны со всею жестокостію того времени: насчитываютъ цѣлый рядъ городовъ, все мужское населеніе которыхъ онъ велѣлъ избить, а самые города предать огню.

Между тѣмъ, при первомъ извѣстіи о смерти Антіоха въ Вавилонѣ (164 г.), Лисій провозгласилъ его преемникомъ его младшаго сына Антіоха V Евпатора. Переворотъ этотъ сопровождался немалыми смутами, которыя сослужили хорошую службу евреямъ. Іуда поставилъ своею задачею—не оставить ни одного непріятельскаго воина въ священной странѣ, и прежде всего рѣшилъ прогнать сирійскій гарнизонъ, доселѣ отсиживавшійся за неприступными твердынями Іерусалимской крѣпости, въ ожиданіи выручки. Сюда тотчасъ поспѣшилъ и новый царь вмѣстѣ съ Лисіемъ, ведшимъ небывало сильное войско со слонами и осадными машинами, съ которыми и подступилъ къ главному оплоту евреевъ на югѣ—Веесурѣ. Іуда поспѣшилъ двинуть свои силы сюда же, и, по обычной своей методѣ, заманивъ непріятеля въ крайне невыгодную для него позицію, завязалъ бой. Подавляющее превосходство непріятеля, сильная паника при видѣ разъяренныхъ слоновъ съ цѣлыми башнями на нихъ—не мало смутили на

[1]) По Іосифу, Горгій рѣшилъ напасть на станъ Іудейскій ночью, воспользовавшись помощію *переметчиковъ*, но Іуда лучше провелъ этого полководца: давъ заблаговременно отъужинать своимъ воинамъ и оставивъ въ станѣ своемъ великіе огни, всю ночь шелъ къ непріятельскому лагерю при Еммаунтѣ.

[1]) Любопытна подробность Іосифа, что этотъ праздникъ обновленія жертвенника, установленный Іудою, извѣстенъ у Іудеевъ подъ названіемъ „праздника сіянія или свѣта *(φῶτα)*,“ каковое названіе, по „его“ мнѣнію, дано этому празднику въ соотвѣтствіе какъ бы „благодатнымъ лучамъ свободы“, которыми Іудеи сверхъ всякаго чаянія озарены были съ того времени (ср. II Макк. I, 18 и X, 3, гдѣ названіе праздника, повидимому, объясняется изъ нововозжегшагося жертвеннаго огня, Hitzig, 395 стр.).

[2]) Во время одной изъ его экспедицій въ Галаадъ, оставленные имъ военачальниками Іосифъ, сынъ Захаріи, и Азарія, какъ извѣстно, потерпѣли сильное пораженіе отъ Горгія. Въ объясненіи причинъ этого пораженія Іосифа и Азаріи, поступившихъ вопреки повелѣнію Іуды—не оставлять города и не дерзать на схватки съ непріятелемъ, Іосифъ не указываетъ ничего, кромѣ ослушанія, внушеннаго „честолюбіемъ“, и избѣгаетъ повторять многознаменательное замѣчаніе первоисточника, выставляемое главнымъ основаніемъ напасти, чти „они не были отъ сѣмени тѣхъ мужей, рукѣ которыхъ предоставлено спасеніе Израиля“.

сей разъ и войско Іуды, который безъ дальнѣйшихъ успѣховъ предпочелъ отступить къ укрѣпленной храмовой горѣ [1]). Веѳсуръ палъ [2]) подъ оружіемъ непріятеля, показавъ еще разъ непримѣнимость закона во время войны: онъ палъ по недостатку съѣстныхъ припасовъ, истощившихся скоро потому, что былъ 7-й годъ, въ который запрещалось воздѣлывать землю. То же угрожало и Іерусалиму, хотя онъ не показалъ недостатка въ мужествѣ сопротивленія. Къ счастію, Іудеевъ выручило на этотъ разъ затрудненіе самихъ Сирійцевъ, которые неожиданно услыхали, что изъ Вавилона идетъ въ Антіохію Филиппъ, присутствовавшій при смерти Антіоха, чтобы вступить въ управленіе царствомъ, по его завѣщанію. Лисій тотчасъ же поспѣшилъ вступить въ переговоры съ Іудеями, при самыхъ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ: Евреямъ предоставлялась свобода религіи и обычаевъ; ненавистный народу Менелай взятъ въ Сирію и казненъ; городу обезпечивалась свобода самоуправленія и т. п. [3]).

[1]) На полѣ битвы палъ геройскою смертію братъ Іуды—Елеазаръ, который, пробившись къ одному изъ наиболѣе величественныхъ слоновъ, на которомъ—говорили—сидѣлъ самъ царь, подлѣзъ подъ него и однимъ взмахомъ меча распоролъ ему чрево, чтобы свалить великана и съ сидящимъ на немъ. Сѣдокъ, однако, уцѣлѣлъ, но самъ Елеазаръ погибъ подъ тяжестію рухнувшаго на него слона.

Въ объясненіе того, почему сильный отрядъ непріятеля со своими слонами не одержалъ болѣе рѣшительной побѣды надъ Іудеями, Іосифъ не излишне замѣчаетъ, что, по причинѣ узкости мѣста, слоны не могли дѣйствовать свободно, и выпускались на поле битвы одинъ за другимъ.

[2]) О мирѣ Антіоха съ Веѳсурянами, послѣ этого сраженія, Іосифъ даетъ нѣчто новое. Первоисточникъ въ данномъ случаѣ не только очень кратокъ, но и очень скрытенъ: „и заключилъ онъ миръ съ бывшими въ Веѳсурѣ, которые вышли изъ города, ибо не было у нихъ продовольствія, чтобы держаться въ немъ въ осадѣ (I Макк. VI, 49 ст.). Іосифъ болѣе подробенъ и болѣе откровененъ. Онъ говоритъ, что Веѳсуряне, устрашась многолюдства непріятелей... сдали царю городъ, взявъ клятву въ сохраненіи ихъ отъ всякихъ бѣдъ. Но Антіохъ, получивъ городъ, „не причинилъ другого зла жителямъ, какъ только повелѣлъ ихъ нагими выгнать изъ города,“ иронически добавляетъ Іосифъ.

[3]) Іосифъ имѣетъ здѣсь важныя особенности въ сопоставленіи съ первоисточникомъ. Антіохъ лишаетъ жизни Менелая по *совѣту* Лисія, лишаетъ какъ главнаго виновника возстанія Іудеевъ, *посовѣтовавшаго* его отцу принудить Іудеевъ къ оставленію богослуженія, и надѣясь, такимъ образомъ, его смертію искупить ошибку противъ Іудеевъ и лучше расположить ихъ къ довѣрію и умиротворенію. Преемникомъ его Антіохъ посылаетъ Алкима (Іакима). אליקים сокращ. יקים. По II Макк. XIV, 3—7 онъ уже былъ раньше первосвященникомъ, но за отступничество лишенъ былъ чести священноначалія, и теперь опять (срв. *Ἀρχ.* XX, 10, 1) пытается возвратить свои права (I Макк. VII, 21). По Іосифу этотъ Алкимъ (*Ἀρχ.* XII, 9, 7) *οὐκ ἐκ τῆς τῶν ἀρχιερέων γενεᾶς*, или какъ онъ яснѣе выражается въ XX, 10—*γένους μὲν τοῦ Ἀαρῶνος, οὐκ ὄντα δὲ τῆς οἰκίας ταύτης*, т. е. не изъ семьи умерщвленнаго Менелая, котораго онъ производитъ отъ Аарона по Елеазаровой линіи (см. выше). Такимъ образомъ, Алкимъ дѣлается первосвященникомъ, по Іосифу,—обойдя ближайшаго кандидата на первосвященство, каковымъ представляется Онія, сынъ также Оніи (III), старшаго изъ тѣхъ 3 братьевъ—дѣтей Симона, которые одинъ за другимъ перебыли всѣ первосвященниками (Онія, Іисусъ (Іасонъ) и Онія—Менелай). Такъ или иначе, обойденный съ прискорбіемъ видя, что первосвященство отходитъ въ другой родъ, бѣжалъ къ Птоломею Египетскому и, выпросивъ въ Леонтополѣ (Иліополитанской области) полуразрушенное Діанино капище, передѣлалъ его въ храмъ, подобный Іерусалимскому. Іосифъ видитъ здѣсь исполненіе пророчества Исаіи, бывшаго болѣе 600 лѣтъ предъ симъ, которое желалъ относить къ себѣ и самъ Онія (Ис. XIX, 19), положивъ, так. обр., начало новому расколу въ Іудействѣ (*περὶ ἁλ. σ.* VII, 288).

Покончивъ, такимъ образомъ, военныя операціи въ Палестинѣ, Антіохъ и Лисій вернулись въ Антіохію и нашли ее уже въ рукахъ Филиппа. Столица была, впрочемъ, отнята ими тотчасъ же, при чемъ Филиппъ былъ убитъ, но затѣмъ та же участь вскорѣ постигла и Антіоха съ Лисіемъ, которыхъ казнилъ только что прибывшій изъ Рима сынъ Селевка IV, Димитрій I Поліоркетъ, смѣнившій Антіоха.

Къ этому Димитрію, едва лишь онъ успѣлъ воцариться [1]), является партія отъявленныхъ враговъ Іуды изъ безповоротно еллинизировавшихся евреевъ, во главѣ съ Алкимомъ, домогавшимся теперь быть первосвященникомъ на совершенно новый еллинистическій ладъ, и, возводя на Іуду Маккавея и братьевъ его обвиненія въ крайнемъ самоуправствѣ и жестокостяхъ, просить у царя поддержки и покровительства. Димитрій, вѣря, что даетъ руку помощи истинно оскорбленной невинности, отправляетъ для наказанія Іудеевъ и ихъ вождей сильное войско, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ друзей Вакхида, и поручаетъ ему утвердить на первосвященствѣ Алкима. Неясно, почему собственно эта миссія Вакхида пока не удалась, и онъ безъ рѣшительныхъ мѣропріятій отступилъ изъ Іудеи въ свои предѣлы, оставивъ Алкиму въ помощь отрядъ войска. Свирѣпства, произведенныя Алкимомъ при помощи этого отряда и своихъ сообщниковъ, причиняли, по выраженію источника, больше зла сынамъ Израилевымъ, нежели язычники (I М. VII, 23), и столь же оправдывали новый взрывъ энергіи Іуды, который скоро заставилъ Алкима спасаться бѣгствомъ къ своему патрону. Этотъ командировалъ для водворенія порядковъ, а правильнѣе—для нарушенія ихъ въ Іудеѣ, новыя военныя силы подъ предводительствомъ Никанора, который хотѣлъ коварно захватить Іуду приглашеніемъ на личные переговоры, но поплатился за это двукратнымъ пораженіемъ [2]), а потомъ и гибелью [3]). Къ прискорбію, этотъ успѣхъ Іуды, стяжавшій ему уваженіе и сердца всего народа и привлекшій на него взоры даже и тѣхъ, у которыхъ они были обращены къ Сирійцамъ, былъ послѣднимъ. Въ Мартѣ 161 года противъ него выступила подъ начальствомъ Вакхида новая Сирійская сила, далеко превосходившая горсточку достойныхъ сподвижниковъ Іуды.

[1]) Іосифъ называетъ по имени „одинъ изъ приморскихъ городовъ“, въ которомъ, по I Макк. VII, 1, „воцарился“ Димитрій (162—150), убѣжавъ изъ Рима съ Никаноромъ. Это былъ именно Триполисъ (II Макк. XIV, 1). Объ Антіохѣ (V Евпаторѣ, 164—162) и Лисіи онъ говоритъ, что ихъ „привели“ къ Димитрію (велѣвшему потомъ убить ихъ), между тѣмъ какъ по Мак. VII, 3 ст. онъ не желаетъ даже „видѣть“ ихъ и приговоръ свой произноситъ заочно („войско схватило А. и Л., чтобы привесть къ нему. Это стало извѣстно ему, и онъ сказалъ: не показывайте мнѣ лицъ ихъ! Тогда воины убили ихъ!“ (161 г. Срв. Justin. XXXIV, 3. 4).

[2]) при Адасѣ Вереѣ. Случайно или намѣренно—быть можетъ, съ цѣлью усилить впечатлѣніе отъ мужества Іуды, Іосифъ уменьшаетъ число воиновъ его до 1000 человѣкъ (Макк. VII, 40; IX, 5—*3000*).

[3]) Гибель эта послѣдовала по I Макк. VII, 43 въ самомъ началѣ битвы.

Напрасно друзья его, указывая на крайнее неравенство силъ, уговаривали на сей разъ поступиться строго-рыцарскими понятіями о чести и подчиниться необходимости уклониться отъ сраженія. Какъ истый герой, онъ не зналъ околичныхъ путей къ стяжанію славы храбраго, оставаясь вѣрнымъ которой и теперь, онъ съ избраннѣйшими изъ своихъ воиновъ врѣзался въ главное крыло врага и погналъ его, какъ овецъ. Но въ это время другое непріятельское крыло, не потерявъ самообладанія, бросилось на увлеченнаго погонею Іуду и послѣ отчаяннѣйшей схватки этотъ славный герой нашелъ, наконецъ, и себѣ смерть († 160 г.), которая была послѣднею достойною побѣдою его на полѣ брани за вѣру и завѣты Отцовъ, послѣднимъ подвигомъ служенія своему народу и отечеству, послѣднею жертвою на алтарѣ его!

Среди мелкихъ и не столь важныхъ особенностей Іосифа въ изложеніи исторіи Іуды, мы не можемъ здѣсь не обратить особое вниманіе на его сообщеніе [1]), что Іуда, по желанію народа, былъ сдѣланъ за три года до своей смерти первосвященникомъ, послѣ именно внезапной мучительной кончины Алкима [2]) (служилъ 4 года), наказаннаго за попытку разрушить „древнюю построенную пророками стѣну, ограждавшую Св. Святыхъ“. Это показаніе Іосифа, какъ сейчасъ увидимъ, возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія и должно быть нѣсколько исправлено. Между Іудою (165—161) и Іонаѳаномъ (161—143) Іосифъ указываетъ промежутокъ, когда первосвященническій престолъ оставался празднымъ—въ 4 года. Хотя это даетъ для опредѣленія года смерти Іуды болѣе точныя указанія,—однако, не разрѣшаетъ окончательно недоумѣнія, внушаемаго сопоставленіемъ I Макк. IX, 3—18 и 54 съ X, 21,—гдѣ предъ повѣствованіемъ о смерти Іуды, съ одной стороны, послѣдняя дата 152 г. (161 до Р.) и 153-й г. (160 до Р.) отмѣчается годомъ смерти Алкима, а съ другой—„облеченіе Іонаѳана во свящ. одежду“ пріурочивается къ 160-му г. (153 г. до Р.). Присоединяя, согласно съ Іосифомъ, къ году смерти Алкима 3 года первосвященства Іуды, дѣйствительно получаемъ до первосвященства Іонаѳана 4-лѣтній промежутокъ, но, опредѣливъ его, Іосифъ, къ сожалѣнію, не разрѣшаетъ важныхъ недоумѣній при установленіи года смерти Іуды, каковымъ, по первому впечатлѣнію отъ I Мак. IX, 3, былъ 152-й (161 до Р.), а по другимъ комбинаціямъ, принятымъ Іосифомъ, 156-й (157 до Р.). Эта послѣдняя цифра очевидно невѣрна, и, оставляя годомъ смерти Іуды указываемый книгою Маккавейскою, мы—вмѣстѣ съ тѣмъ должны измѣнить все повѣствованіе Іосифа о первосвященствѣ Іуды: прежде всего Іуда *могъ быть сдѣланъ* первосвященникомъ *не послѣ* мучительной смерти Алкима (умершаго послѣ Іуды I Макк. IX, 54—56), а, можетъ быть, послѣ изгнанія изъ Іудеи Алкима, поставленнаго Вакхидомъ (VII, 20—25) и даже, можетъ быть, нѣсколько ранѣе,—напримѣръ, уже къ тому времени, когда Алкимъ, придя къ Димитрію, съ нѣкоторыми „нечестивцами изъ Израильтянъ“ (VII, 5; это было въ 151 г. э. С., срв. II Мак. XIV, 4, 7) „домогался священства“ и успѣлъ подвигнуть царя

[1]) Оспариваемое, впрочемъ, нѣкоторыми учеными (Schürer), срв. Grätz, 17 прим.
[2]) Макк. IX, 54—56.

на содѣйствіе этимъ домогательствамъ. Такимъ образомъ, не Іуда послѣ него сдѣлался священноначальникомъ, а—какъ видно—Алкимъ былъ насильно водворенъ (второй разъ) Вакхидомъ на предоставленное съ большимъ правомъ Іудѣ мѣсто (20—21 ст.), которое и могъ занимать до того времени, когда Іуда, успѣвъ оправиться, заставилъ его удалиться опять къ своему царю, чтобы побудить его на новый походъ противъ Іуды (23 и 25 ст.). Хотя этотъ походъ былъ очень неудаченъ (гибель Никанора), однако, Алкимъ еще разъ восторжествовалъ на первосвященствѣ, когда отправленный вслѣдъ за Никаноромъ Вакхидъ разбилъ Іуду, павшаго въ этомъ сраженіи и опять водворилъ на первосвященствѣ Алкима (IX, 25—152 г.), умершаго въ слѣдующемъ же году (153 г. 54 ст.). Такимъ образомъ, 3 года первосвященства Іуды могли быть тѣ же 4 года Алкима, когда оба соперника нѣсколько разъ вытѣсняли другъ друга; а если такъ, то и промежутокъ до Іонаѳана слѣдуетъ считать не отъ Іуды, а отъ Алкима, умершаго позднѣе, и не въ 4 года, а въ цѣлыхъ 7, если только такой промежутокъ не образовался отъ забвенія имени бывшаго въ это время первосвященникомъ (153—160). Это подтверждаетъ въ другомъ мѣстѣ самъ Іосифъ, когда говоритъ, что послѣ Алкима первосвященническое мѣсто оставалось „празднымъ“ около 7 лѣтъ (XX, 10: *διεδέξατο δὲ οὐδεὶς αὐτόν, ἀλλὰ διετέλεσεν ἡ πόλις ἐνιαυτοὺς ἑπτὰ χωρὶς ἀρχιερέως οὖσα*). Что касается самаго факта первосвященства Іуды, то, какъ мы замѣтили, оно оспаривается, и книгами Маккавейскими не можетъ быть подтверждено.

---

§ 23. Іонаѳанъ (161—143 до Хр.).

Ἀρχ. XIII, 1—6 гл.; I Макк. IX, 23—XII гл.

Достославная гибель Іуды Маккавея была тяжкимъ ударомъ и великимъ горемъ для всего Іудейства. Къ счастію и утѣшенію послѣдняго, оно имѣло рядъ достойныхъ преемниковъ погибшаго своего вождя въ лицѣ его братьевъ, обильно преисполненныхъ его духа и силы, и братья эти, въ свою очередь, были счастливы, унаслѣдовавъ отъ Іуды дѣло его на высшей степени прочности и успѣха.

Религіозная свобода, провозглашенная еще мирнымъ договоромъ съ Лисіемъ, давно уже была достигнута. Послѣдніе успѣхи Іуды уже имѣли дальнѣйшую не менѣе достойную цѣль—добиться и *политической* самостоятельности Іудейства. Этой послѣдней цѣли, кромѣ ряда позорныхъ ударовъ Сирійскому могуществу, нанесенныхъ его рукою, Іуда уже достигъ настолько, что римляне, по его приглашенію, заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Іудеями, какъ съ свободнымъ народомъ, увѣковѣченіемъ чего явились особые договоры, положенные въ Капитоліи на мѣдныхъ таблицахъ. Мыслью этого союза, хотя бы и не оказавшаго Іудейству дѣйствительной помощи, было отстранить Сирійцевъ возможно далѣе отъ Израиля, подобно тому, какъ они были недавно отстранены Римлянами и отъ Египта. Возвышая патріотическое

самосознаніе Іудеевъ, этотъ союзъ давалъ возможность съ облегченіемъ вздохнуть давно забытымъ сладостнымъ чувствомъ полной сводобы. Казалось, еще бы одинъ только успѣхъ Іуды, и мы имѣли бы въ немъ настоящаго политическаго вождя Іудеи, можетъ быть уже и *царя*, какъ позволяется судить по самымъ обстоятельствамъ договора съ Римлянами, предполагающаго совершенно особую форму Іудейскаго государственнаго устройства, олицетворителемъ коего выступаетъ не первосвященникъ, находившійся въ минуты договора тутъ же въ лагерѣ и даже не совѣтъ старѣйшинъ, совершенно не упоминаемый въ данномъ случаѣ, но всецѣло и полномочно самъ Іуда.

При всѣхъ этихъ успѣхахъ дѣла Іуды, трагически безвременная и неожиданная гибель его была тѣмъ болѣе жестокимъ ударомъ начавшему заживать отъ своихъ ранъ Іудейскому народу. Уже при жизни почившаго, среди народа были недовольные его патріотическими планами, и это не только тѣ, для кого давно ничего не стоило приносить въ жертву еллинской образованности свою народную индивидуальность въ области вѣрованій и нравовъ; это были также благонамѣреннѣйшіе и ревностнѣйшіе къ закону Асидеи, которые считали себя вполнѣ удовлетворенными уже первыми успѣхами Маттаѳіи, когда получилась возможность исполнять законъ, и которые всѣмъ дальнѣйшимъ и ревностнымъ усиліямъ Іуды сдѣлать населеніе страны своей гражданами самостоятельнаго государства, свободнаго отъ тяжкаго бремени податей чужеземнымъ деспотамъ, отвѣчали непонятною и равнодушною косностію.

При такихъ условіяхъ нельзя не назвать также и опаснымъ положеніе, въ какомъ оказалось дѣло Іуды, когда не стало этой могучей личности, и когда измѣнились не въ пользу Іудеевъ и внѣшнія обстоятельства: Римляне, переставшіе вѣрить въ удачный исходъ предпріятія Іуды послѣ его смерти, не находили цѣлесообразнымъ и поддерживать его. Вакхидъ, спѣша воспользоваться замѣшательствомъ отъ ошеломляющаго событія гибели Іуды, всюду садилъ по странѣ опять своихъ чиновниковъ, тщательно выслѣживавшихъ и изводившихъ сподвижниковъ Іуды. Въ довершеніе этихъ бѣдствій, казалось, сама земля стала на сторону притѣснителей, присоединивъ къ причиненнымъ непріятелями ударамъ тяжкую голодную нужду. Въ столь бѣдственныя минуты взоры народа естественно обратились къ младшему брату павшаго героя—Іонаѳану, который, хотя и уступалъ своему брату въ даровитости и энергіи, тѣмъ не менѣе съумѣлъ въ званіи новаго вождя отстоять и довести до конца дѣло, заложенное его славными предками—отцомъ и братомъ.

Первые успѣхи Іонаѳана были не столь удачными, можетъ быть, благодаря слишкомъ мало благопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ. Онъ поссорился съ Аморитянами, которыхъ хотя смирилъ, но лишился изъ-за нихъ брата своего Іоанна. Неудачны были и его схватки съ Вакхидомъ, который едва не захватилъ однажды его самого въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ. Въ результатѣ подобныхъ неудачъ вскорѣ обнаружилось то, что западно-Іорданская область оказалась вся опять въ рукахъ Сирійцевъ, включая и Іерусалимъ. Правда, это не обозначало теперь также возвращенія временъ прежняго сирійскаго неистовства, и стоявшій у кормила первосвященнической власти Алкимъ далеко не былъ и

не могъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ Менелай. Но все же новое сложеніе обстоятельствъ нельзя не назвать крупнымъ шагомъ назадъ въ развитіи дѣла Іуды и успѣхахъ Іонаѳана. Неожиданная смерть Алкима и стоявшее въ неизвѣстной нынѣ связи съ этимъ отступленіе Вакхида [1]) были поворотнымъ пунктомъ въ благопріятную сторону для Іонаѳана. То и другое обстоятельства намѣтили черты, впослѣдствіи подготовившія настроеніе народа рѣшительнѣе въ пользу такъ неудачнаго вначалѣ Іонаѳана. Алкимъ умеръ скоропостижно въ то самое время, какъ онъ, черезъ годъ по смерти Іуды, затѣялъ въ храмѣ капитальную передѣлку стѣны, отдѣлявшей внутреннее преддверіе святилища отъ внѣшняго, доступнаго для язычниковъ. Стѣну эту, имѣвшую, очевидно, весьма внушительный видъ и слывшую за созданіе пророковъ, Алкимъ затѣялъ замѣнить болѣе легкою перегородкою, которая бы своимъ изяществомъ также обнаруживала извѣстную внимательность къ языческимъ посѣтителямъ [2]). Нѣтъ ничего страннаго, что Іудеи объяснили его смерть проявленіемъ кары Божіей, а Вакхидъ увидѣлъ въ ней также начало ослабленія своего вліянія въ странѣ и побужденіе оставить эту страну до выясненія дѣла съ избраніемъ новаго первосвященника, тѣмъ болѣе, что къ тому же побуждало его стѣсненное положеніе его повелителя въ Антіохіи. Выборъ новаго первосвященника былъ вопросомъ сколько важнымъ, столько же нелегкоразрѣшимымъ. Онъ повелъ прежде всего къ событіямъ, которыя не столь достойно осложнились въ настоящую всеобщую смуту, послѣ сравнительнаго порядка и спокойствія, достигнутыхъ въ странѣ репрессаліями Вакхида. Дѣло въ томъ, что за смертію Алкима и удаленіемъ сына умерщвленнаго Оніи III въ Египетъ (срв. Ἀρχ. XIII, 3, 1) не оказывалось прямо и неоспоримо законнаго наслѣдника первосвященническаго престола. Наиболѣе законное притязаніе на это достоинство теперь предъявлялъ Іонаѳанъ, принадлежавшій къ первой изъ 24 чредѣ по отцу своему (Маттаѳіи) [3]) τῶν υἱῶν Ἰωαρίβ (I Пар. 24, 7), наиболѣе уважаемой народомъ (Ἰόσ. βίος, 1). Но само собою понятно, счастливая случайность, поставившая Іонаѳана къ наслѣдію высшаго первосвященническаго служенія, мало могла давать оправданій правамъ Іонаѳана въ глазахъ множества завистниковъ, не умедлившихъ выступить въ данномъ случаѣ. Въ значительной части народа, даже въ самомъ Іерусалимѣ, Іонаѳанъ еще не завоевалъ себѣ званія законнаго вождя. Нечего и говорить, что положительно противъ него были склонные къ еллинизму евреи, на которыхъ какъ разъ въ это время Іонаѳанъ обратилъ свое оружіе,

---

[1]) Іосифъ Флавій объясняетъ это отступленіе просто тѣмъ, что Вакхидъ кончилъ всѣ работы по возведенію предположенныхъ крѣпостей въ Іудеѣ, и потому могъ возвратиться домой. Гораздо основательнѣе полагаютъ, что Вакхидъ былъ *вынужденъ* уйти послѣ того, какъ престижъ его былъ подорванъ какою-нибудь неудачною попыткою въ рѣшеніи труднѣйшей задачи—замѣщенія священнаго поста послѣ Алкима.

[2]) I Макк. IX, 54: „велѣлъ разорить стѣну внутренняго двора храма и разрушить дѣло пророковъ и уже началъ разрушеніе“.

[3]) Позднѣйшія Іудейскія преданія (Targ. къ Cantic. 6, 6, Joseph. Gorion. III, 7) даже Маттаѳію называютъ первосвященникомъ, въ объясненіе чего другіе указываютъ именно на переходъ первосвященническаго достоинства къ фамиліи Маттаѳіи при Іонаѳанѣ (Kile, 56 стр.).

налетая на измѣнниковъ то тамъ, то здѣсь ярымъ партизаномъ. Неизбѣжно вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не щадилъ и остатковъ Сирійскаго могущества, отъ чего уже не могъ удержать его и Вакхидъ, призванный скоро снова въ Іудею противниками Іонаѳана. Находя непроизводительнымъ терять войска и тратить трудъ для дѣла, плохо поддерживаемаго непосредственно въ немъ заинтересованными, Вакхидъ предпочелъ заключить съ Іонаѳаномъ почетный миръ и, поклявшись никогда не воевать больше съ Іонаѳаномъ, развязалъ ему руки на начатую месть вѣропродавцамъ-евреямъ и на дальнѣйшее возвышеніе его власти и обаянія до послѣдней степени.

Начавшіяся вскорѣ затѣмъ распри за Сирійское престолонаслѣдіе какъ нельзя лучше способствовали Іонаѳану утвердиться въ указанной власти и обаяніи ревнителя вѣры и блага народнаго. Угрожаемый со стороны возставшаго новаго претендента на Сирійскую корону—Александра Валаса, сына Антіоха IV, Димитрій пришелъ къ мысли отстоять свои права при помощи тѣхъ, кому была дорога Іудейская свобода, не гарантировавшаяся отъ опасностей новаго угрожавшаго переворота. Въ этихъ мысляхъ онъ пишетъ вождю борцовъ Іудейской свободы—Іонаѳану милостивое письмо, въ которомъ, называя своимъ племянникомъ, разрѣшаетъ ему, едва ли много нуждавшееся въ его разрѣшеніи, собираніе войска, возвращаетъ заложниковъ, посаженныхъ Вакхидомъ въ Іерусалимской крѣпости, и вообще предоставляетъ все, что̀ могло вѣрнѣе предупредить сношенія его со своимъ конкуррентомъ. Едва успѣлъ воспользоваться предоставленными ему царскими предложеніями Іонаѳанъ, какъ подобныя же и даже еще бо́льшія почести обильно посыпались на него и со стороны Александра, еще лучше утилизировавшаго счастливую идею Димитрія. Въ подкрѣпленіе прямой просьбы о помощи противъ послѣдняго, торжественное посольство Александра предлагаетъ ему санъ первосвященника и знаки княжескаго достоинства—пурпурное одѣяніе и золотой вѣнецъ. Это было какъ разъ кстати, и для народа не оставляло желать лучшаго. Іонаѳанъ только что безраздѣльно овладѣлъ симпатіями народа, какъ вождь, добившійся крупныхъ успѣховъ отъ ловкаго использованія Димитріевыхъ предложеній, давшихъ ему возможность заново отдѣлать свящ. городъ и очистить его впервые отъ Сирійскаго гарнизона. Вполнѣ достоинъ былъ онъ новаго сана и по своему происхожденію, и по открывшимся правамъ, привѣтствовался онъ и какъ желанное прекращеніе продолжительнаго 7-лѣтняго вдовства первосвященнической каѳедры, утомившаго всѣхъ ожиданіемъ достойнаго на нее кандидата; наконецъ, самое время назначенія Іонаѳана—къ празднику Кущей—заставляло съ радостью привѣтствовать его выступленіе въ этомъ санѣ, безъ котораго столько лѣтъ великій день очищенія, предшествовавшій указанному празднику, проходилъ съ глубокою горестію народнаго сознанія, какъ день неразрѣшеннаго покаянія. Все это, было, наконецъ, вѣнцомъ торжества не только Іонаѳана, но въ лицѣ его—торжества унаслѣдованнаго имъ дѣла Маттаѳіи и Іуды,—дѣла, которое неожиданнымъ стеченіемъ столь благопріятныхъ обстоятельствъ скоро стало торжествомъ всего народа, торжествомъ его свободы—блестящей, полной—и религіозной и политической.

Послѣдующія событія въ народѣ Іонаѳана продолжали быть выраженіемъ не прекращавшихся задобриваній со стороны Димитрія и не измѣнявшихся расположеній со стороны Александра. Не разсчитывая болѣе на предпочтеніе къ себѣ лично Іонаѳана, Димитрій шлетъ вторичное посланіе уже вообще къ еврейскому народу, при чемъ въ заискивающихъ выраженіяхъ благодаритъ его за испытанную вѣрность и сулитъ всевозможныя льготы и подарки. Но эти посулы, представлявшіе въ своей оборотной сторонѣ длинный перечень крайнихъ стѣсненій Іудеевъ податями и поборами за послѣднія десятилѣтія, показывали скорѣе то, какъ тяжела была ихъ неволя и какой ненависти достойны ихъ притѣснители. Съ другой стороны, большинство этихъ новыхъ посуловъ и льготъ были простою отмѣною того, что̀ теперь было бы немыслимымъ злоупотребленіемъ Сирійской власти: таковы — возвращеніе городу Іерусалиму священнаго значенія, возвращеніе законнаго назначенія священнымъ десятинамъ и храмовымъ сборамъ, доселѣ попадавшимъ въ карманъ царя, и т. п. Есть и безспорно великодушныя уступки Димитрія еврейскому народу, но по всему тону, съ какимъ онѣ даются, нельзя было не замѣчать, что всѣ эти предложенія, слишкомъ блестящія, чтобы заслуживать довѣрія, внушались болѣе суровою необходимостію, и главное—ставились въ сильную зависимость отъ еще нерѣшившейся сомнительной участи Димитрія. Только эта боязливая сомнительность удерживала народъ Іудейскій въ его нерѣшительности всецѣло и открыто примкнуть на сторону Александра, прошлое котораго не пятналось никакими недоразумѣніями съ Іудействомъ, имѣвшимъ немалыя основанія не довѣрять Димитрію и за его личный двоедушный характеръ.

Дальнѣйшія обстоятельства не заставили Іудеевъ каяться за свою осторожность, давшую наилучшіе результаты. Димитрій нанесъ рядъ чувствительныхъ пораженій Александру, и, только благодаря несчастному случаю съ Димитріемъ (онъ завязъ въ болотѣ), перевѣсъ склонился на сторону Александра. Димитрій погибъ, и двоеначаліе разрѣшилось благополучно единоличнымъ упроченіемъ на тронѣ Александра, безъ дальнѣйшихъ смутъ признаннаго царемъ Сирійской монархіи.

Вскорѣ послѣ этого Александръ породнился съ Птоломеемъ Филопаторомъ, женившись на его дочери Клеопатрѣ. На празднество по случаю свадьбы прибылъ, между прочимъ, и Іонаѳанъ. Въ отвѣтъ на богатые дары послѣдняго, царь осыпалъ его всевозможными почестями, которыя онъ еще усугубилъ послѣ жалобъ, принесенныхъ Іерусалимскими еллинистами. Во время торжества, Іонаѳанъ сидѣлъ рядомъ съ царемъ въ богатомъ пурпурномъ одѣяніи, а жалобы еллинистовъ повели только къ тому, что Александръ велѣлъ устроить Іонаѳану настоящее тріумфальное шествіе, при чемъ герольды, сопровождавшіе его, провозглашали строгіе угрозы всѣмъ, кто смѣлъ бы приносить жалобы на него и причинять ему тѣ или другія безпокойства.

Сверхъ всего этого, царь далъ ему почетный титулъ полководца и областнаго правителя и причислилъ къ своимъ друзьямъ, изъ коихъ состояли его сановники. Все это, хотя и не сакціонировало независимости Іудеи, за то усвояло ей первое мѣсто среди другихъ провинцій Сирійской монархіи, давъ возможность

самаго свободнаго развитія подъ собственнымъ главою и съ собственной администраціей, на вполнѣ національныхъ началахъ.

Такое отрадное положеніе дѣлъ, обѣщавшее все для благополучія Іудеи, къ прискорбію, смѣнилось скоро новыми осложненіями въ судьбахъ покровителя Іудеи, а отсюда и новыми непріятностями и опасностями для послѣдней. Послѣ устраненнаго Александромъ Димитрія росли два его сына, которые выступили мстителями за нарушеніе правъ отца. Старшій изъ этихъ сыновей заявилъ также прямыя притязанія на Сирійскую корону, и подъ именемъ Димитрія II велъ изъ Малой Азіи большое наемное войско. Это было черезъ три года послѣ смерти Димитрія, и застигло Александра почти врасплохъ. Едва онъ успѣлъ занять Антіохію, чтобы охранить её отъ надвигавшагося врага, этотъ послѣдній, въ лицѣ подосланнаго Димитріемъ намѣстника Аполлонія, появился въ Кили-Сиріи, и успѣшно вербовалъ себѣ союзниковъ по всему филистимскому побережью. Оставался вѣрнымъ Александру, повидимому, одинъ Іонаѳанъ, который вывелъ противъ Аполлонія значительное войско и нанесъ ему сильное пораженіе. Послѣдствія этого счастливаго событія превысили всякія ожиданія. Колебавшіеся жители прибрежныхъ городовъ поспѣшили заявить свое непричастіе къ интригамъ Апполонія, и богатыми дарами Іонаѳану спѣшили наперерывъ засвидѣтельствовать свою преданность царю. Александръ почтилъ еще большими отличіями своего доблестнаго полководца, подарилъ ему золотое запястье, и доходы цѣлой Филистимской области города Аккарона. Народъ Іудейскій переживалъ давно небывалый подъемъ національнаго чувства отъ сознанія превосходства надъ необрѣзанными филистимлянами, со временъ Судей и Самуила бывшими предметомъ отвращенія для Іудеевъ, и съ признательностію сосредоточивалъ свои симпатіи на своемъ героѣ, возвысившемъ его на такія степени величія и славы. Шансы на благонадежность и благоплодность новаго положенія еще болѣе увеличивались, когда изъ Египта двинулся самъ тесть царя со своими войсками, назначеніе которыхъ всякій видѣлъ въ помощи царскому зятю противъ его непріятелей. Это была, однако, ошибка, которая была началомъ бѣдствій Александра и немалыхъ опасностей Іудеи.

Первое обнаруженіе этой ошибки открылось послѣ произведеннаго на жизнь Птоломея въ Птолемаидѣ покушенія, участникомъ котораго оказался одинъ изъ видныхъ любимцевъ царя Аммоній. Неизвѣстно, былъ ли самъ Александръ иниціаторомъ этого покушенія, какъ объяснилъ это Птоломей, основываясь на отказѣ Александра выдать Аммонія,—точно такъ же какъ неизвѣстно, шелъ ли Птоломей, подъ предлогомъ оказанія помощи зятю, захватить его владѣнія, какъ гласитъ еврейское преданіе, и какъ представлялъ, очевидно, дѣло самъ Александръ, или первоначальнымъ намѣреніемъ его было, дѣйствительно, желаніе, хотя не безкорыстное, предложить свою помощь зятю, только оба царя—Птоломей и Александръ выступаютъ въ дальнѣйшемъ своего рода жертвами недоразумѣнія. Іонаѳанъ, имѣвшій вначалѣ намѣреніе принять участіе во всемъ походѣ Птоломея, какъ союзникъ его зятя, отдѣлился отъ Птоломея сразу, какъ только оказалось, что онъ не на сторонѣ Александра. Александръ, приказавшій вначалѣ устраивать Птоломею пышный пріемъ по

всѣмъ городамъ на его пути,—послѣ извѣстнаго заговора, (каковой—кстати замѣтить, писатель I Макк. (XI, 11) представляетъ чистѣйшею фикціею, „клеветою“, выдуманною самимъ Птоломеемъ, чтобы оправдать свои домогательства на владѣнія зятя)—перешолъ въ открытую вражду къ царю и вмѣсто союзника объявилъ его своимъ врагомъ. Птоломей, во всякомъ случаѣ имѣвшій виды на прекрасную Кили-Сирійскую пограничную страну, издавна бывшую яблокомъ раздора между египетскими царями и властителями Азіи,—страну, которую вначалѣ онъ надѣялся, можетъ быть, пріобрѣсти какъ бы въ награду за свою помощь зятю,—теперь этотъ Птоломей простираетъ свои права и виды на болѣе удовлетворявшіе его выгоды. Онъ всецѣло переходитъ на сторону Димитрія, перевыдаетъ дочь свою (жену Александрову) за Димитрія, и, занявъ Антіохію, присоединяетъ, къ своей египетской, и азіатскую царскую корону. При этомъ онъ политично обходитъ подозрѣнія Римлянъ, заставивъ Антіохійцевъ принять царемъ не столько его, сколько его новаго зятя Димитрія II, не смотря на то, что Антіохійцы вначалѣ и слышать не хотѣли о Димитріи, сохраняя самыя невыгодныя воспоминанія объ его отцѣ. Лишь за собственною порукою, Птоломею удалось навязать Антіохійцамъ въ цари Димитрія, послѣ чего онъ приступаетъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Александра, сохраняя всецѣлое вліяніе на судьбы Сирійскаго государства. Дѣло кончилось, однако, такъ, что главные его участники не воспользовались его результатами. Александръ, разбитый Птоломеемъ и Димитріемъ II, бѣжалъ къ Арабамъ и у нихъ нашелъ себѣ смерть, процарствовавъ въ общемъ 2 года; а Птоломей во время сраженія слетѣлъ со своей лошади, испуганной крикомъ слоновъ, и погибъ, весь покрытый ранами отъ набѣжавшихъ непріятелей, успѣвъ предъ самою своею смертію утѣшиться вѣстью о смерти Александра и насладиться видомъ его отрубленной головы.

Цѣль Птоломея все таки была въ главной своей части достигнута: Димитрій II утвердился на тронѣ, при чемъ Іонаѳанъ лестью и подарками успѣлъ выговорить для Іудеи немало новыхъ важныхъ льготъ, на которыя новый царь былъ тѣмъ болѣе податливъ, когда и у него завязалась та же игра въ конкурренцію, другимъ партнеромъ коей выступилъ сынъ Александра, Антіохъ VI, руководимый своимъ полководцемъ Трифономъ. Появленіе этого соперника Димитрію какъ нельзя лучше отвѣчало желаніямъ недовольныхъ Димитріемъ, порука за котораго, данная Птоломеемъ предъ Антіохійцами, не предохранила его отъ подражанія злому характеру отца: своею жестокостію онъ даже собственныхъ воиновъ заставлялъ покидать его и дезертировать въ Александрію. Естественно, что всѣ эти недовольные элементы оказались на сторонѣ противниковъ Димитрія, и онъ долженъ былъ бѣжать, оставивъ въ рукахъ ихъ Антіохію. Іонаѳанъ, который, послѣ уступокъ, испыталъ также и упрямую неблагодарность Димитрія, безъ всякихъ прекословій благоразумно призналъ сюзеренство Антіоха и этимъ сохранилъ за собою всѣ достигнутые успѣхи прошлаго. Попытка военачальниковъ бѣжавшаго Димитрія II вступиться за его права была мужественно ниспровергнута Іонаѳаномъ, совмѣстно со своимъ братомъ Симономъ, что имѣло въ результатѣ не только под-

держку Антіоха, но и дальнѣйшее возвышеніе независимости Іудеи. Оба брата чувствовали себя теперь настолько свободными правителями Іудеи, не стѣсненными верховнымъ владычествомъ Сиріи, что смѣло повторяютъ тотъ рѣшительный опытъ, которымъ Іуда нѣкогда провозгласилъ предъ лицемъ всего міра независимость Іудеи. Онъ возобновляетъ союзъ съ Римскимъ Сенатомъ и завязываетъ вновь сношенія со Спартанцами, добивавшимися признанія своего родства съ Іудеями и союзничества съ ними.

Между тѣмъ, Димитрій II вновь собралъ и двинулъ свое войско противъ Палестины, и вскорѣ стоялъ лицомъ къ лицу съ войсками Іонаѳана. Силы противниковъ въ нерѣшимости стояли другъ противъ друга, пока, наконецъ, Сирійцы надумали рѣшить дѣло ночнымъ нападеніемъ. Лазутчики Іонаѳана вовремя обнаружили этотъ замыселъ враговъ, благодаря чему онъ былъ разстроенъ до его примѣненія. Враги ушли тайкомъ изъ своего лагеря, чтобы расправиться съ Парѳянами, а Іонаѳанъ предпринялъ самыя строгія мѣры по укрѣпленію страны и ея важнѣйшихъ городовъ и крѣпостей, возвысилъ Іерусалимскія стѣны и между городомъ и крѣпостью возвелъ сильное укрѣпленіе, окончательно отрѣзавъ отъ сношеній съ городомъ все еще сидѣвшій въ крѣпости Сирійскій гарнизонъ.

Такой вызывающе-независимый образъ дѣйствій пришелся, однако, не по сердцу также Трифону, полководцу Антіоха VI. Мечтая сдѣлаться самъ царемъ Азіи, по устраненіи Антіоха, онъ видѣлъ въ Іонаѳанѣ главное препятствіе своему плану и его намѣтилъ первою изъ жертвъ, коими готовился устлать свой кровавый путь къ трону. Іонаѳанъ, повидимому, проникъ это, ибо вышелъ ему на встрѣчу съ 40,000 войскомъ, одинъ видъ котораго лишилъ Трифона всякой надежды на перевѣсъ. Тогда онъ призвалъ на помощь силу хитрости, и, одаривъ Іонаѳана богатыми дарами и почестями, отдалъ приказъ войскамъ своимъ повиноваться Іонаѳану, какъ себѣ самому. Это подкупило довѣріе Іонаѳана и погубило его. Убѣждаемый Трифономъ, онъ отпустилъ почти все свое войско и всего съ 1000 человѣкъ отправился въ Птолемаиду, которую Трифонъ обѣщалъ передать Іонаѳану со всѣми другими крѣпостями и ихъ отрядами. Удивительна эта легковѣрность Іонаѳана и коварство Трифона: едва только первый вступилъ въ городъ, ворота городскіе захлопнулись, самъ онъ былъ связанъ, и всѣ воины его перебиты. Отправленные въ Галилею 2000 другихъ воиновъ Іонаѳана также подверглись нападенію, которому, однако, противопоставили дружное сопротивленіе и, пробившись чрезъ непріятельскія засады, невредимо достигли Іуден со своею печальною вѣстію.

§ 24. Симонъ (143—135 до Хр.).

Арх. XIII, 6 кон.—7 гл.; I Макк. XIII—XVI гл.

Печальная вѣсть о плѣненіи Іонаѳана и вѣроломствѣ Трифона застигла Іерусалимъ со всею мучительностію неожиданности и неподготовленности. „Весь Израиль плакалъ горькимъ плачемъ“, замѣчаетъ писатель книгъ Макавейскихъ, „а всѣ окрестные народы искали истребить ихъ, ибо говорили: теперь нѣтъ у нихъ начальника и поборника; итакъ будемъ теперь воевать противъ нихъ, и истребимъ изъ среды людей память ихъ (I Макк. XII, 52—53). Въ эти минуты крайняго горя и опасности Іерусалима, взамѣнъ павшаго жертвой коварства враговъ брата, предложилъ себя въ предводители противъ нихъ достойный братъ его Симонъ, уже успѣвшій заявить себя доблестнѣйшимъ его сподвижникомъ и теперь единодушно всѣмъ народомъ провозглашенный тотчасъ же вождемъ. Трифонъ, какъ заранѣе можно было предвидѣть, тотчасъ же двинулся изъ Птолемаиды въ Іерусалимъ, ведя за собою и дорогого Іудейскаго плѣнника. Удавшійся опытъ коварнаго захвата противника, съ которымъ едва достало бы силы помѣряться въ открытомъ полѣ битвы, воодушевилъ Трифона повторить свое коварство и надъ Симономъ. Онъ посылаетъ къ нему пословъ съ заявленіемъ, что Іонаѳанъ задержанъ въ плѣну просто за то, что не уплатилъ недоимокъ за свою должность, и что свобода его будетъ тотчасъ же возвращена, какъ только Трифону будетъ уплачено 100 талантовъ серебра и въ обезпеченіе дальнѣйшихъ уплатъ два сына Іонаѳана будутъ даны ему въ качествѣ заложниковъ. Предложеніе это, не смотря на новое очевидное коварство, усмотрѣнное и Симономъ, не могло не быть испробовано; неисполненіе его могло навлечь на Симона обвиненіе въ гибели брата, и вотъ онъ рискнулъ послать Трифону и деньги и заложниковъ. Коварство Трифона тотчасъ же подтвердилось. Не давая свободы Іонаѳану, онъ продолжалъ надвигаться на Іерусалимъ, куда давно звалъ его стѣсненный Сирійскій гарнизонъ. Обходя и отодвигая Симона, не упускавшаго его изъ виду со своимъ войскомъ, онъ едва не соединился съ гарнизономъ Іерусалимской крѣпости, и только зоркая бдительность Симона и крайне неблагопріятная погода не допустили его до этого. Тогда онъ отступилъ за Мертвое море и здѣсь лишилъ Іонаѳана жизни. Послѣ этого онъ ушелъ въ Сирію умертвилъ здѣсь своего питомца Антіоха VI и возложилъ на себя Сирійскую корону. Несчастная жертва его коварства—убитый Іонаѳанъ съ большимъ торжествомъ былъ перенесенъ въ фамильный склепъ Маккавеевъ въ Модинъ и почтенъ великолѣпнымъ погребеніемъ, не только какъ жертва коварства враговъ, но главнымъ образомъ какъ жертва ревности о благѣ и защитѣ родины. Послѣднюю мысль Симонъ въ самомъ началѣ своего правленія не преминулъ глубже напечатлѣть въ сознаніи и сердцахъ своихъ современниковъ. Съ этою цѣлью онъ воздвигъ надъ мѣстомъ успокоенія своего отца и братьевъ семь величественныхъ пирамидъ, „которыя можно было видѣть съ Средиземнаго моря,“ и которыя, наряду съ выраженіемъ родственной любви самого Симона, имѣли ввиду именно напоминать подроставшимъ и всѣмъ будущимъ поколѣніямъ освобожденіе родной страны представителями дома Асмонеевъ и обезпечивать любовь и уваженіе къ тѣмъ, кто въ данный моментъ являлся представителемъ этого славнаго рода.

Вмѣстѣ съ званіемъ вождя, Симонъ, впервые безъ предварительнаго испрашиванія согласія правителей Сиріи, принимаетъ на себя и санъ первосвященника, и уже послѣ, повидимому—въ угоду доброжелательствовавшей къ Сиріи

партіи въ Іерусалимѣ, отправилъ пословъ съ богатыми дарами къ царю Димитрію II, съ двухъ сторонъ стѣсненному Трифономъ и Парѳянами. Послы принесли Димитрію деликатное извиненіе Симона за прежнія недоразумѣнія, и просьбу о признаніи его первосвященникомъ, о сложеніи податей и постоянномъ владѣніи вновь укрѣпленными городами. Для Димитрія было верхомъ блаженства уже одно то, что его признаютъ царемъ, и онъ удовлетворилъ всѣ требованія Симона, который съ этихъ поръ во всѣхъ грамотахъ, начиная съ 143 г., ввелъ собственное лѣтосчисленіе, взамѣнъ прежняго Селевкидскаго, и сталъ именоваться, какъ „великій первосвященникъ, полководецъ и вождь Іудеевъ". Въ этомъ званіи онъ проявилъ прежде всего доблестныя качества Іуды, предпринявъ намѣреніе совершенно очистить страну отъ наиболѣе зловредныхъ элементовъ еллинизма. Послѣ извѣстія о плѣненіи Іонаѳана, онъ, не довѣряя вѣрности жителей Іоппіи въ виду приближенія Трифона, выгналъ всѣхъ ихъ изъ города, и заселилъ его еврейскими колонистами и добровольцами. Онъ имѣлъ ввиду при этомъ и крайне выгодное положеніе города, въ которомъ онъ давно мечталъ устроить и впослѣдствіи дѣйствительно устроилъ удобную гавань, весьма важнаго значенія для Іудейской торговли. Наконецъ, Симонъ достигъ и того, на что не рѣшался за послѣднее время никто даже сдѣлать попытку. Онъ вынудилъ Сирійскій гарнизонъ совершенно оставить неприступную Іерусалимскую крѣпость, которая тотчасъ же съ подобающею торжественностію была очищена отъ языческой скверны. Съ пѣніемъ и музыкою, при звукахъ трубъ и барабановъ, Симонъ вступилъ 23 Іара 142 г. до Р. Х. въ эту пребывавшую доселѣ въ осквернѣніи часть свящ. города, и въ память столь знаменательнаго событія установилъ празднованіе указаннаго дня, соблюдавшееся долгое время. Укрѣпивъ, затѣмъ, южную часть храмовой горы близъ крѣпости и расположивъ здѣсь собственный дворъ свой и лагерь, Симонъ назначилъ своего сына Іоанна Гиркана главнымъ начальникомъ своихъ войскъ, расположенныхъ въ Газарѣ, и началъ счастливый мирный періодъ, не омрачавшійся ни однимъ пятномъ господства языческаго нечестія. Не было въ виду ни одного врага, который внушалъ бы серьезное безпокойство, или угрожалъ причинить вредъ. Въ странѣ снова стало процвѣтать земледѣліе; ревность объ общемъ благѣ была высшею заботою каждаго. Молодежь въ совершенствѣ изучала военное искусство; крѣпости обильно снабжались провіантомъ и приводились въ исправность и готовность на случай войны; для всего населенія страны воскресли первобытно счастливыя времена, когда „каждый сидѣлъ въ своемъ виноградникѣ и подъ своей смоковницей, и некого было бояться."

Возобновленіе союзовъ съ Римомъ и Спартою теперь было особенно благовременно и Симонъ съумѣлъ придать этому наиблестящій и выгоднѣйшій характеръ. Онъ послалъ въ Римъ почетный драгоцѣнный подарокъ отъ имени Іудеевъ—большой золотой щитъ вѣсомъ въ 1000 минъ. Римъ отвѣтилъ грамотой, по адресу всѣхъ державъ Азіи и Архипелага, которою гарантировалась безопасность Іудеевъ отъ какихъ либо посягательствъ и подчиненіе всѣхъ ихъ по всѣмъ предѣламъ Римскихъ владѣній непосредственной юрисдикціи Іерусалимскаго первосвященника—Симона. Этимъ не только выразилась впервые серьезная попытка — устранить всякую возможность смѣшенія разсѣянныхъ между всѣми народами Израильтянъ съ туземцами, но и санкціонировалась и укрѣплялась неразрывная связь ихъ со своимъ отечествомъ—не въ религіозномъ только, но и правовомъ положеніи. Нельзя не видѣть въ этомъ успѣха великой идеи Симона—тѣснѣе объединить свой народъ въ одно великое цѣлое и сообщить ему то признаніе со стороны Рима, которое достигнуто столь искуснымъ средствомъ. Это было само по себѣ достопамятнѣйшее событіе, которое заслуживало достойнѣйшаго увѣковѣченія. Симонъ ознаменовалъ это тѣмъ, что въ Іерусалимѣ въ храмовой оградѣ воздвигнуты были колонны съ надписями на мѣдныхъ доскахъ, увѣковѣчивавшихъ заслуги Маккавеевъ своему народу и ихъ наслѣдственныя права и полномочія, „доколѣ возстанетъ пророкъ Вѣрный" (I Мак. XIV, 41).

Наконецъ, внѣшнее благополучіе и мирное процвѣтаніе Іудеи дополнилось и еще однимъ важнымъ благодѣяніемъ Сиріи, послѣ чего мы увидимъ поворотъ и въ обратную сторону. Дѣло пошло путемъ обычнаго выступленія двухъ претендентовъ на Сирійскую корону, законныя права каждаго изъ которыхъ находили свое оправданіе. Это былъ вообще какой-то необыкновенно-странный и непремѣнный рокъ династіи Селевкидовъ, что большинство членовъ ея не столько царствовали, сколько лишь воцарялись на царствѣ, проводя иногда всѣ годы своего царствованія въ борьбѣ съ соперниками. Такъ было при Антіохѣ V сынѣ Епифана, соперникомъ которому выступилъ Филиппъ, а потомъ Димитрій, сынъ Селевка IV, старшаго брата Антіоха Епифана, устранившій Антіоха. Но едва этотъ освоился со своимъ положеніемъ, Вершитель судебъ исторіи неожиданно выдвигаетъ на ея арену дотолѣ неизвѣстнаго сына Антіоха IV, который подъ именемъ Александра Валаса соперничаетъ съ Димитріемъ въ расположеніи къ Іудеямъ, чтобы заручиться ихъ симпатіями, имѣвшими, очевидно, въ послѣднее время рѣшающе-важное значеніе въ вопросахъ престолонаслѣдія, и успѣваетъ устранить Димитрія. Затѣмъ, въ свою очередь, устраняется самъ онъ сыновьями Димитрія, одинъ изъ коихъ, поцарствовавъ немного подъ именемъ Димитрія II, устраняется сыномъ устраненнаго—воцарившимся подъ именемъ Антіоха VI. Антіохъ VI устраняется своимъ воспитателемъ Трифономъ, съ которымъ соперничаетъ сначала Димитрій II, а потомъ братъ его Антіохъ VII Сидетъ. Этотъ самый Антіохъ повторилъ и при Симонѣ обычную политику чувствовавшихъ свою непрочность Селевкидовъ въ отношеніи къ Іудеямъ, до вступленія своего въ Сирію стараясь привлечь ихъ на свою сторону. Въ этихъ видахъ онъ шлетъ, между прочимъ, милостивое посланіе „Симону, первосвященнику и правителю народа, и народу Іудейскому", гдѣ заявляетъ о своихъ намѣреніяхъ устранить „зловредныхъ людей, овладѣвшихъ царствомъ его отцовъ, и возстановить это царство, какъ оно было прежде," объявляетъ Іерусалимъ свободнымъ, уступаетъ Симону всѣ дани и уступки прежнихъ царей и крѣпости, выстроенныя или завоеванныя его оружіемъ, и, наконецъ, разрѣшаетъ Симону чеканку собственной монеты, высказывая, такъ. обр., признаніе полной самостоятельности и самоправности страны.

Но все это, какъ показали скоро обстоятельства, было лишь давленіемъ нужды и главное — непродолжительнымъ. Капризное колесо фортуны, такъ далеко заѣхавшее въ глубь счастія Іудейства, вдругъ снова начинаетъ свои дразняще-неровные обороты, одинъ изъ каковыхъ обнаружился въ дальнѣйшей политикѣ того же сладкоглаголиваго многообѣщателя Антіоха Сидета, къ которому такъ кстати шло извѣстное: „мягко стелетъ, да жестко спать!“ Онъ вступалъ на престолъ, правда, законно ему принадлежавшій, съ большими затрудненіями и препятствіями. Трифонъ узурпаторъ, послѣ взятія Димитрія въ плѣнъ Парѳянами, казалось, не имѣлъ соперниковъ и могъ свободно дать полную волю своимъ гадкимъ природнымъ наклонностямъ. Но онъ преувеличилъ увѣренность въ своей нениспровержимости. Оттолкнувъ всѣхъ отъ себя, онъ подрубилъ тотъ самый сукъ, на которомъ думалъ усидѣть. Войско прежде всего отшатнулось отъ него, принявъ сторону супруги Димитрія, египтянки Клеопатры, той самой, которую Птоломей Филометоръ, отецъ ея, вручилъ Димитрію, отнявъ у Александра Валаса, и которая теперь находилась въ Селевкіи, близъ Антіохіи. Соскучившись одиноческимъ стѣсненнымъ положеніемъ и возмущаясь безцеремонными узурпаторскими дѣяніями Трифона на тронѣ ея мужа, она призвала въ Селевкію младшаго брата Димитріева, скрывавшагося отъ преслѣдованій Трифона изъ города въ городъ, и сдѣлала его своимъ третьимъ супругомъ. Это окончательно уничтожило права Трифона, дѣлая Антіоха неотразимымъ претендентомъ на престолъ, сейчасъ же сосредоточившимъ на себѣ всѣ симпатіи современниковъ. Вышеприведенное милостивое обращеніе Антіоха къ Симону и народу Іудейскому какъ разъ относится къ тому времени, когда онъ еще только приступалъ къ фактическому воцаренію и устраненію Трифона, который имъ скоро и былъ вытѣсненъ. Но едва это было достигнуто, иначе сталъ обнаруживать себя и Антіохъ. Второе его посланіе, не замедлившее придти въ Іерусалимъ тотчасъ по обезсиленіи Трифона, тѣмъ болѣе поражаетъ своимъ противоположнымъ характеромъ по сравненію съ первымъ, что оно было неожиданно—рѣзкимъ отвѣтомъ на только что обнаруженную полную деликатность и услужливость Симона, который, слѣдуя голосу благоразумія, заранѣе послалъ Антіоху 2000 избранныхъ воиновъ, не мало золота, серебра и другихъ запасовъ на военныя нужды, надѣясь этимъ отклонить отъ себя завѣдомо вѣроятный болѣе тяжелый ударъ. Опасенія эти вскорѣ вполнѣ оправдались, не отдалившись ни мало столь цѣлесообразною попыткою. Въ Іерусалимъ является посолъ Антіоха, Аѳиновій, и, упрекающе напоминая о произведенныхъ Іудеями завоеваніяхъ и опустошеніяхъ въ сферѣ вліянія Сирійскаго, требуетъ или возвращенія всего присвоеннаго или единовременной контрибуціи въ 1000 талантовъ, подъ угрозой нанесенія войны за сопротивленіе. Для Симона это требованіе, очевидно, было слишкомъ несправедливымъ и обиднымъ, и онъ совершенно законно удовлетворилъ только одну часть царскаго ультиматума, согласившись выплатить 100 талантовъ за города Іоппію и Газару. Само собою понятно, и царь еще менѣе былъ склоненъ дѣлать какія бы то ни было уступки, и вотъ—конфликтъ между обѣими сторонами готовъ. Антіохъ тѣмъ въ большей силѣ чувствовалъ себя излить свой гнѣвъ

на Іудеѣ, что ему только что удалось устранить своего конкуррента Трифона, пойманнаго въ попыткѣ бѣгства и казненнаго. Объявивъ своимъ намѣстникомъ надъ всѣмъ прибрежьемъ Средиземнаго моря нѣкоего Кендевея, Антіохъ уполномочилъ его на враждебныя дѣйствія противъ Іудеи, и послѣдняя снова сдѣлалась, такимъ образомъ, театромъ военныхъ дѣйствій. Самъ Симонъ въ это время былъ уже слишкомъ старъ и не могъ взять на себя борьбу съ Кендевеемъ. Тогда онъ вдохновилъ духомъ мужества Маккавеевъ—своихъ двухъ сыновей Іуду и Іоанна, и отправилъ ихъ съ значительнымъ отрядомъ противъ врага. На равнинѣ, близъ Модины, они встрѣтились съ сильнымъ непріятельскимъ войскомъ, и дали ему рѣшительное сраженіе. Іоаннъ, какъ истый Маккавей, первый бросился черезъ потокъ, отдѣлявшій ихъ отъ врага, и этимъ самоотверженнымъ подвигомъ беззавѣтной храбрости увлекъ за собою и остальныхъ менѣе смѣлыхъ. Схватка была очень жаркая, такъ что былъ раненъ братъ Іоанна, Іуда; тѣмъ не менѣе Кендевей бѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ, гонимый по пятамъ Іудеями вплоть до Азота.

Тогда на смѣну этой только что, повидимому, столь благополучно миновавшей опасности выступила другая, въ которой—прискорбно сказать!—главную роль сыгралъ зять Симона—Птоломей, нѣкій богачъ, получившій отъ Симона, вмѣстѣ съ дочерью, управленіе Іерихонскою областію. Мечтая о высшей власти, этотъ честолюбецъ не остановился предъ самыми крайними мѣрами для удовлетворенія своей страсти. Угощая однажды у себя роскошнымъ пиромъ своего тестя, въ сопровожденіи двухъ своихъ сыновей—Маттаоіи и Іуды—объѣзжавшаго страну, и презирая всѣ законы гостепріимства, Птоломей перебилъ своихъ гостей и послалъ убійцъ также въ Газару, гдѣ жилъ въ качествѣ главнокомандующаго еще сынъ Симона, Іоаннъ. Къ счастію, этотъ былъ во время освѣдомленъ о совершившемся и предупредилъ убійцъ, лишивъ ихъ жизни. Птоломея, впрочемъ, не остановило это, а лишь вынудило призвать на помощь своимъ домогательствамъ Сирійскаго царя....

На этомъ обрывается повѣствованіе книгъ Маккавейскихъ и вмѣстѣ кодексъ священныхъ Ветхозавѣтныхъ книгъ, оставляя изслѣдователя въ совершенномъ невѣдѣніи почти $1^1/_2$ вѣкового періода до предопредѣленнаго окончанія „полноты временъ.“ Вотъ здѣсь-то особенно приходитъ на помощь Іосифъ, а потомъ мало по малу и другіе классики, которые болѣе или менѣе обстоятельно, смотря по умѣлости употребленія, повѣдаютъ намъ и то, что знать такъ важно и интересно за предѣлами книгъ Библейскихъ!

ГЛАВА VI.

ОТЪ БИБЛІИ ДО ЕВАНГЕЛІЯ.

§ 25. Источники Іудейской Исторіи съ конца Библіи.

Повѣствованіемъ о гибели Симона Маккавея (143 — 135 до Р. Х.) съ его семействомъ отъ руки Птоломея и избѣжаніи подобной же участи третьимъ сыномъ Симона—Іоанномъ Гирканомъ, благодаря, между прочимъ, защитѣ народа, ненавидѣвшаго Птоломея и благоговѣвшаго предъ памятію Іоаннова отца, какъ мы сказали, *обрывается кодексъ священныхъ Ветхозавѣтныхъ книгъ*, оставляя читателя въ совершенномъ невѣдѣніи почти полуторавѣкового періода до новозавѣтныхъ событій. Любопытенъ образъ рѣчи въ окончаніи послѣдней—въ хронологическомъ порядкѣ событій —книги. Сообщивъ о томъ, что Іоаннъ, сынъ Симона, извѣщенный во́-время о грозившей ему отъ Птоломея опасности, предупредилъ своихъ убійцъ, лѣтописецъ многозначительно замѣчаетъ: „прочія же дѣла Іоанна и войны его и мужественные подвиги его, славно совершенные, и сооруженіе стѣнъ, имъ воздвигнутыхъ, и другія дѣянія его, — вотъ, они описаны въ ***книгѣ дней первосвященства*** его, съ того времени, какъ сдѣлался онъ первосвященникомъ послѣ отца своего“ (I Макк. XVI, 23—24). Сопоставляя данное мѣсто съ 3 Цар. XI, 41; XIV, 29 и безчисленнымъ множествомъ другихъ подобныхъ мѣстъ 3 и 4 книгъ Царствъ, естественно придти къ вполнѣ основательному заключенію, что „книга дней первосвященства Іоаннова“ есть ничто иное, какъ отдаленнѣйшая преемница „книги дѣлъ Соломоновыхъ“, „лѣтописи Царей“ и т. под. памятниковъ, въ которые вносились описанія дѣяній Царей, и давали потомъ матеріалъ для послѣдующей хронографіи. Умышленно или нѣтъ описатель дѣлъ Іоанновыхъ употребилъ образъ рѣчи писателя книгъ Царствъ [1]), только невозможно, очевидно, никакое сомнѣніе въ томъ, что упомянутая имъ „книга дней первосвященства“ Іоаннова существовала дѣйствительно, и что подобныя же „лѣтописи“ послѣдующихъ его преемниковъ такъ же служили обычнымъ средствомъ увѣковѣченія болѣе или менѣе славныхъ дѣяній времени, по образцу упомянутыхъ своихъ прототиповъ. По крайней мѣрѣ, упоминаемыя

[1]) Умысломъ въ данномъ случаѣ могло быть просто одно только „подражаніе“.

Іосифомъ [1]) „собственныя записки Ирода“ оставляютъ выше всякаго сомнѣнія эту истину, и намъ остается лишь еще разъ пожалѣть, что столь драгоцѣнные памятники такъ дешево оцѣнены вандальскою беззастѣнчивостію неумолимаго всегубителя— времени, и такъ безжалостно имъ уничтожены. Болѣя этими ранами, нанесенными намъ временемъ,—ранами —единственными, для которыхъ это время не является исцѣлителемъ, мы не всегда можемъ успѣшно пытаться вознаградить себя тѣми жалкими отголосками преданнаго забвенію времени, какіе могли только уцѣлѣть въ безсильной борьбѣ съ „временемъ“.

Вотъ каково нынѣ положеніе историка, приступающаго къ изслѣдованію духовной жизни и исторіи Израиля, въ періодъ послѣ—Маккавейскій. Главнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ, конечно, должны бы служить появлявшіеся за это время и дошедшіе до насъ литературные труды, среди которыхъ должно дать мѣсто и Новому Завѣту, поскольку онъ есть произведеніе писателей-*Іудеевъ* и имѣетъ черты, касающіяся Іудейской жизни того времени. Если бы исключить отсюда драгоцѣнные труды Іосифа, то по всему остающемуся за симъ исключеніемъ матеріалу мы были бы рѣшительно *не въ состояніи написать исторію упомянутаго періода*, и болѣе или менѣе ясно даже представить её себѣ въ главныхъ моментахъ. Это выступаетъ особенно ясно, если привести въ извѣстность всѣ запасы историческаго матеріала, какой давался намъ тогдашнею историческою литературою для изображенія внѣшняго политическаго и внутренняго состоянія народа Іудейскаго въ послѣбиблейскомъ періодѣ. Если Маккавейскія книги въ предѣлахъ повѣствуемой ими эпохи еще могутъ замѣнять до извѣстной степени Іосифа и дѣлать не столь ощутительною его утрату, (если бы таковую, къ величайшему горю, допустить), то за предѣлами Маккавейскихъ лѣтописей такая утрата, поистинѣ, была бы тягчайшимъ ударомъ для Исторіи. Значеніе Іосифа ничѣмъ такъ лучше не можетъ быть взвѣшено и ясно представлено, какъ допущеніемъ возможности этой утраты, которая дѣлала бы для насъ столь темною эпоху Христа, дѣлала бы для насъ совершенно неизвѣстными эти послѣднія ужасныя стычки вѣкового зла и добра, въ лицѣ Ирода и Маріаммы съ ихъ партіями олицетворившихъ всю разрушительность злобы перваго „антихриста“, предварившаго своимъ выступленіемъ и изступленіемъ *первое* пришествіе Царя мира.

Чтобы не быть слишкомъ пристрастнымъ къ нашему историку и не слишкомъ преувеличивать его значеніе, надо, однако, оговориться, что, хотя въ общемъ собраніи источниковъ послѣбиблейской исторіи, Іосифъ въ значительной степени и замѣняетъ всѣ ихъ, и, во всякомъ случаѣ, занимаетъ такое господствующее между ними положеніе, что даетъ право все остальное считать только дополненіемъ, поясненіемъ къ себѣ, — однако, на все это онъ имѣетъ право не столько въ разсужденіи установленныхъ научно-историческихъ достоинствъ его матеріала, сколько именно въ виду отсутствія, неполноты или утраты болѣе капитальныхъ матеріаловъ, существовавшихъ несомнѣнно и даже отразившихся на самомъ Іосифѣ. Къ сожалѣнію, весь этотъ запасъ являю-

[1]) Ἀρχ. XV, 6, 3—τὰ ὑπομνήματα τοῦ βασιλέως Ἡρώδου.

щагося нынѣ побочнымъ въ отношеніи къ Іосифу матеріала, который и теперь способенъ служить не только дополненіемъ и поясненіемъ, а нерѣдко и оружіемъ для столь основательной критики и существенныхъ исправленій Іосифа, настолько незначителенъ по сравненію съ важностію событій, сопровождавшихъ послѣднія агоніи Іудейской исторіи, что критикъ почти всецѣло предоставленъ самому себѣ и переживаетъ скверное положеніе — или повторять безотчетно Іосифа, при ясно ощущаемой подозрительности его сообщеній, или опустить руки въ полной безпомощности для надлежащаго освѣщенія или передачи событій. Чувство этой безпомощности только еще болѣе обостряется при знаніи, что *были* такіе мѣрители исторической достовѣрности Іосифа, обличители и свидѣтели слишкомъ подъ-часъ беззастѣнчиваго его лжесвидѣтельства — критеріи его научности, — были, но... теперь ихъ нѣтъ! Остается, слѣдовательно, и *повторять* его, и—если не всегда безотчетно, то съ слишкомъ большими и не всегда вполнѣ безапелляціонными, документально-обоснованными напряженіями субъективной сообразительности и критическаго таланта, и при крайней разбросанности въ свѣтскую всѣхъ родовъ литературу.

Мы должны остановиться здѣсь на ближайшемъ уясненіи этого положенія историка, имѣющаго дѣло съ Іосифомъ, и показать, чѣмъ вообще располагаемъ мы въ данномъ случаѣ [1]), что̀ помогаетъ намъ дѣлать его здѣсь *источникомъ* для Библейской Исторіи—столь высоко-почетная, достойная болѣе лучшихъ вдохновенныхъ силъ—поистинѣ пророковъ [2])—роль!

Повѣствованіе I Маккавейской книги, по всей очевидности, лежало въ основѣ повѣствованія Іосифа при изложеніи исторіи Іудейства въ предѣлахъ Маккавейскаго періода [3]), но съ дополненіями изъ Поливія (XII, 9, 1). Со 135 года (гибель Симона съ дѣтьми) — и онъ, очевидно, лишался письменныхъ *іудейскихъ* источниковъ для исторіи Асмонеевъ [4]) и по необходимости долженъ былъ восполнять этотъ недостатокъ изъ *другихъ* матеріаловъ. Такъ онъ и дѣлаетъ. Онъ обращается къ *всемірно-историческимъ трудамъ Грековъ* [5]) и утилизируетъ изъ нихъ все, такъ или иначе касающееся исторіи Палестины. Главными изъ этихъ его источниковъ для времени отъ 135—37 г. до Хр. являются именно чаще другихъ цитируемые историки — *Страбонъ* (XIII, 10, 4; 11, 3; 12, 6; — XIV, 3, 1; 4, 3; 6, 4; 7, 2; 8, 3; XV, 1, 2) и

[1]) Т. е. при представленіи послѣ-Маккавейской исторіи Іудейства.

[2]) *κατὰ Ἀπιῶν.* I, 8. См. выше 68 и 70 стр.

[3]) Schürer, впрочемъ, находитъ столь неочевидно и малоисчерпаннымъ этотъ главный источникъ подлежащей эпохи у Іосифа, что готовъ оправдывать возможность сомнѣній, предлежала ли и въ какомъ именно переводѣ книга Маккавеевъ Іосифу Schür. II, 581 стр. срав. Bloch, 80 и Grimm.

[4]) Къ этому времени прекращаются для Іосифа и услуги Поливія, оканчивающагося, какъ извѣстно, на 146 г. до Р. Хр.

[5]) Вліяніе этого рода литературы во многихъ мѣстахъ рѣзко бросается въ глаза по Олимпіадамъ, коими ведется счетъ событій. Въ отдѣлахъ, гдѣ годы исчисляются по эрѣ Селевкидовъ, можно считать несомнѣнною его зависимость отъ Сирійскихъ историковъ.

Николай Дамаскинъ (XIII, 8, 4; 12, 6; XIV, 1, 3; 4, 3; 6, 4; XVI, 7, 1). Менѣе ихъ встрѣчаемъ ссылки на *Тимагена* (XIII, 11, 3; 12, 5), *Азинія Полліона* и *Гипсикрата* (XIV, 8, 3),—всѣ въ мѣстахъ, взятыхъ изъ Страбона. Весьма вѣроятно также, что многіе повѣствовательные отдѣлы у Іосифа (особенно въ предѣлахъ періода 135—85 г. до Р.) прямо или косвенно (чрезъ посредство Страбона и Николая Дамаскина) въ сущности основываются на *Посидоніи* [1]), слѣды вліянія коего на обоихъ названныхъ посредниковъ Іосифа очевидны [2]). На подобную же зависимость отъ Посидонія, указываетъ сильное сходство между его разсказомъ и исходящими отъ Посидонія повѣствованіями *Діодора* и *Трога Помпея* (=Іустина) въ обстоятельствахъ завоеванія Іерусалима чрезъ Антіоха Сидета [3]) и въ Парѳянскомъ походѣ Димитрія II [4]). Если присоединить сюда только однажды названнаго Іосифомъ и едва ли имъ черпаннаго—Тита Ливія (XIV, 4, 3), затѣмъ, нѣсколько легендарныхъ повѣствованій и жанровыхъ подробностей, заимствованныхъ, очевидно, изъ *устныхъ источниковъ* [5]), дополняющихъ взятый Іосифомъ изъ Страбона и Николая Дамаскина матеріалъ для внутренней Іудейской исторіи и для исторіи Ирода также „собственныя записки Ирода [6])“,—послѣднія, впрочемъ, едва ли не чрезъ Николая Дамаскина,—а также упоминаемую выше „книгу дней первосвященства Іоаннова“ [7])—то запасъ матеріаловъ Іосифа вообще для послѣднихъ эпохъ Іудейской исторіи можно считать исчерпаннымъ [8]).

Посмотримъ теперь, каково то, что изъ *указываемаго* Іосифомъ давало ему матеріалъ для его исторіи, каково то, что изъ *неуказываемаго* имъ даетъ намъ матеріалъ для его провѣрки, исправленія и дополненія, каково вообще все то, что изъ указываемаго и неуказываемаго Іосифомъ имѣется въ распоряженіи и къ услугамъ современнаго описателя послѣднихъ судебъ Іудейства, и все это лучше уяснитъ намъ положеніе историка при пользованіи Флавіемъ.

[1]) Особенно для первой половины указаннаго періода 135—85 до Хр. Самъ Іосифъ упоминаетъ Посидонія только однажды—*κατὰ Ἀπιῶν.* II, 7.

[2]) Страбонъ II, § 102, XVI, § 753; Николай Дамаскинъ въ Müller. Fragm. hist. Graec. III, 415, fr. 79.

[3]) Срв. Іосифа *Ἀρχ.* XIII, 8, 23=Diodor XXXIV, 1.

[4]) *Ἀρχ.* XIII, 5, 11=Іустинъ XXXVI, 1, 3.

[5]) См. Bloch, 151. *βίος Ἰώσ.* 65, *κατὰ Ἀπιῶν.* I, 9.

[6]) *Ἀρχ.* XV, 6, 3; XIV, 13, 7 и 8; 15, 11 и 13; XV, 6, 1; 7, 8. Срв. Bloch. 140—143 стр.

[7]) Hirschfeld, p. 29, срв. Ewald, IV², 602; Salvador, I, 65. срв. Bloch, 90—91 и д. *Ἀρχ.* XIII, 8, 2, 10, 7 (*περὶ ἀλ.* I, 2 кон.). По мнѣнію Bloch'a, хроника Іоанна Гиркана болѣе была главнымъ источникомъ Іосифа для послѣднихъ эпохъ, чѣмъ даже Николай Дам. и Страбонъ; ссылки на послѣднихъ у Іосифа имѣютъ цѣлью не указать свои главные источники (какъ думаетъ Schürer), а лишь сообщить болѣе вѣсу и важности въ глазахъ языческой читающей публики (Bloch, 92 и дал.).

[8]) Матеріалы для исторіи первосвященства, которыми служили, по всему вѣроятію, священническія записки (*κατὰ Ἀπιῶν.* I, 17; срв. Bloch, 147 и д. и Destinon, 29 и д. Schürer 65), а также значительная часть актовъ, которые Іосифъ столь часто вводитъ въ свое повѣствованіе (XIII, 9, 2; XIV, 8, 5; XIV, 10; XIV, 12 и д.) и которые касаются, главн. образомъ, правъ Іудеевъ на свободу религіи, данныхъ Цезаремъ и Августомъ.

Вообще и золотой и серебряный вѣка классической литературы оставили намъ лишь скудные сравнительно остатки своего величія и неоцѣненныхъ сокровищъ классическаго генія и таланта. Такъ, о—

Страбонѣ, жившемъ приблизительно отъ 60 до Хр. до 20 г. по Хр. и чаще другихъ цитируемомъ Іосифомъ, извѣстно, что кромѣ 17 кн. „Географіи“, дошедшей до насъ въ самомъ печальномъ видѣ, онъ былъ также авторомъ капитальнѣйшаго *историческаго* труда, отъ котораго до настоящаго времени едва могли быть собраны нѣсколько жалкихъ отрывковъ [1]). Изъ „Географіи“ Страбоновой узнаемъ, что этотъ трудъ былъ уже законченъ въ то время, когда онъ началъ свою Географію [2]), что пятая книга этого труда начиналась съ того пункта, гдѣ оканчивался Поливій, т. е. со 146 г. до Хр. [3]), что въ первой книгѣ была сообщена имъ исторія Александра Великаго [4]). По энциклопедіи Suidas'a [5]) можно добавить, что одинъ изъ отдѣловъ труда „*μετὰ Πολύβιον*“ занималъ 43 книги, что̀ съ первыми 4-мя даетъ, слѣдовательно, 47. Изъ цитатъ Іосифа эти свѣдѣнія могутъ быть еще дополнены тѣмъ, что трудъ шелъ, по крайней мѣрѣ, до завоеванія Іерусалима Иродомъ (37 г. до Хр.), заключаясь, повидимому, основаніемъ владычества Августа. Значительное большинство этихъ цитатъ, за которыя мы обязаны Іосифу, показываютъ, что для исторіи Асмонеевъ отъ Іоанна Гиркана до гибели Антигона (135 — 37 до Хр.) и, можетъ быть, также для Антіоха Епифана, какъ показываетъ касающаяся его замѣтка *κατὰ Ἀπιώνος*, II, 7, этотъ великій трудъ Страбона былъ для Іосифа главнымъ источникомъ. Поистинѣ, если слѣдуетъ скорбѣть объ утратѣ этого труда, то нельзя также не благодарить судьбу и за то, что Іосифъ употребилъ его, какъ главный источникъ, подлѣ Николая Дамаскина, хотя положеніе историка собственно по отношенію къ Іосифу отъ этого, разумѣется, не улучшается, и только развѣ въ мѣстахъ, прямо отмѣченныхъ именемъ Страбона, изслѣдователь избавляется отъ необходимости заподозрѣвать авторитетъ и достовѣрность Іосифа. Извѣстно, что Страбонъ вообще былъ основательнѣйшій изслѣдователь, пользовавшійся лучшими источниками съ осторожностію и критикою, какъ это видно уже изъ нѣкоторыхъ, приведенныхъ Іосифомъ, выдержекъ изъ Страбона, гдѣ послѣдній нѣсколько разъ цитируетъ своихъ посредниковъ (Тимагена, Азинія Полліона и Гипсикрата [6]), а также и изъ засвидѣтельствованій Іосифа, не разъ констатирующаго

[1]) Müller. Fragm. hist. Graec. III, 490—494.

[2]) I, 1, 22—23, § 13: *διόπερ ἡμεῖς πεποιηκότες ὑπομνήματα ἱστορικὰ χρήσιμα, ὡς ὑπολαμβάνομεν, εἰς τὴν ἠθικὴν καὶ πολιτικὴν φιλοσοφίαν.*

[3]) XI, 9, 3 § 515: *εἰρηκότες δὲ πολλὰ περὶ τῶν Παρθικῶν νομίμων ἐν τῇ ἕκτῃ τῶν ἱστορικῶν ὑπομνημάτων βίβλῳ, δευτέρᾳ δὲ τῶν μετὰ Πολύβιον.* Повтореніе говоритъ за то, что характеръ первыхъ 4 книгъ былъ иной, чѣмъ книгъ *μετὰ Πολύβιον*; тѣ много сжатѣе, эти—подробнѣе.

[4]) II, 1, 9 § 70: *καὶ ἡμῖν δ' ὑπῆρξεν ἐπὶ πλέον κατιδεῖν ταῦτα ὑπομνηματιζομένοις τὰς Ἀλεξάνδρου πράξεις.*

[5]) Lex. подъ сл. *Πολύβιος: ἔγραψε δὲ καὶ Στράβων Ἀμασεὺς τὰ μετὰ Πολύβιον ἐν βιβλίοις μγ'.*

[6]) См. также Страбонъ, Географія XV, 1, 72 — 73. p. 719, гдѣ онъ цитируетъ уже Николая Дамаскина, своего современника.

согласіе Страбона съ Ник. Дамаскинымъ [1]). Что онъ основывался также на великомъ трудѣ Посидонія,—это несомнѣнно столько же, какъ и то, что лучшіе послѣдующіе историчѣскіе таланты охотно употребляли и цитировали Страбона [2]) за его испытанную благонадежность. Въ томъ видѣ, въ какомъ дошолъ до насъ Страбонъ теперь, онъ интересенъ для насъ, кромѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе исторически—цѣнныхъ указаній и замѣчаній въ своей Географіи,—особенно сообщеніями изъ исторіи Сиріи и Палестины (XVI, 2; 25—46, p. 758—765), опиравшимися вообще на источникахъ исторіи до-Помпеевскаго времени, и, можетъ быть, особенно на показаніяхъ изъ Посидонія, часто здѣсь цитируемаго Страбономъ (p. 750, 755, 757, 764). Что касается собственно историческихъ отрывковъ отъ другого труда Страбона, то собранные Müllerus'омъ въ Fragmenta hist. Graec., III, 490—494—всѣ они, особенно имѣющіе интересъ для нашего предмета въ количествѣ до 10, — заимствуются только изъ трудовъ Іосифа, кромѣ котораго съ трудомъ набираются лишь еще 5 менѣе важныхъ отрывокъ у Плутарха, Тертулліана и самого Страбона въ „Географіи“. Не менѣе печально положеніе дѣлъ въ разсужденіи другого еще болѣе использованнаго Іосифомъ писателя за послѣбиблейское время, каковъ—

Николай Дамаскинъ (прибл. съ 64 г. до Хр.—до?), извѣстный совѣтникъ и довѣренный другъ Ирода, написавшій *ἱστορίαν καθολικὴν ἐν βιβλίοις ὀγδοήκοντα* [3]), *καὶ τοῦ (βίου) Καίσαρος ἀγωγήν.... καὶ περὶ τοῦ ἰδιόυ βίου καὶ τῆς ἑαυτοῦ ἀγωγῆς* [4]), а также—*παραδόξων ἐθῶν συναγωγή* [5]), при чемъ отъ всѣхъ этихъ трудовъ имѣются такъ же лишь незначительные фрагменты [6]). А между тѣмъ, изъ отдѣльныхъ указаній Іосифа и другихъ свидѣтелей есть возможность составить ясное понятіе о программѣ и размѣрахъ этого труда, бывшаго въ своемъ родѣ феноменомъ. Такъ, значительные фрагменты въ извлеченіяхъ [7]) Константина Порфи-

[1]) *Ἀρχ.* XIII, 12, 6, и особенно XIV, 6, 4: *περὶ δὲ τῆς Πομπηίου καὶ Γαβινίου στρατείας ἐπὶ Ἰουδαίους γράφει Νικόλαος ὁ Δαμασκηνὸς καὶ Στράβων Καππάδοξ οὐδὲν ἕτερος ἑτέρου καινότερον λέγων.* По мнѣнію Schurer'a, оба сопоставляемыхъ автора не могли пользоваться другъ другомъ и зависѣть одинъ отъ другого, такъ какъ оба писали свои труды почти одновременно. Если такъ, то это дѣйствительно ручается за небезплодность осторожности и критическаго метода Страбона.

[2]) Кромѣ Іосифа *Plutarch*, Sulla, c. 26. Lucull. c. 28; Caesar. c. 63, и Tertullian, de anima c. 46.

[3]) Веберъ, IV, 76 стр.—140 книгъ. Athenaeus VI, p. 249=Müller. fr. 89: *ἐν τῇ πολυβίβλῳ ἱστορίᾳ· ἑκατὸν γὰρ καὶ τεσσαράκοντὰ εἰσι πρὸς ταῖς τέσσαρσι* (Sch. I, 43)—144 книги. Слѣд., если Suidas (въ *Νικόλαος*) говоритъ о 80 только книгахъ, то онъ или зналъ только о 80, или здѣсь надо допустить ошибку переписчика.

[4]) Suidas, Lex. подъ сл. *Νικόλαος.*

[5]) Photius, Biblioth. cod. 189.

[6]) Собраны „Müllerus'омъ-Fragm. III, p. 343—464, съ приб. IV, p. 661—668.

[7]) Этотъ Императоръ своего рода „Müllerus“ X вѣка (912—959) такъ много обязалъ насъ своими извлеченіями наиболѣе достойнаго знанія изъ древнихъ историковъ, которыя онъ расположилъ въ 53 рубрикахъ, или книгахъ. До насъ, впрочемъ, дошли и наиболѣе важны для насъ 2 главы: *de virtutibus et vitiis*, извѣстныя также подъ именемъ Excerpta Peiresciana, и *de insidiis*, изданные Feder'омъ подъ заглавіемъ codex Escurialensis (Excerpta e Polybio, Diodoro, Dionysio Halicarnassensi atque Nicolao Damasceno и др., 3 части, Darmstadt 1848—1855.

рогоднаго de virtutibus и de insidiis, всѣ сдѣланныя изъ 7 первыхъ книгъ, указываютъ, что эти книги обнимали древнѣйшую исторію Ассиріянъ, Мидянъ, Грековъ, Лидянъ и Персовъ, до временъ Креза и Кира. О 8—95 книгахъ ничего неизвѣстно. Съ 96-й книги доходятъ до насъ фрагменты, сохраненные Іосифомъ и Аѳенеемъ. Опредѣленно цитуются—96, 103, 104, 107, 108, 110, 114, 116, 123 и 124 книги; въ послѣднихъ двухъ (123—124) излагались переговоры, происходившіе въ 14 г. до Хр. предъ Агриппою въ Малой Азіи о милостяхъ тамошнимъ Іудеямъ, причемъ Иродъ и Николай выступали защитниками и ходатаями за іудейскіе интересы [1]). Въ остальныхъ 20 книгахъ, безъ сомнѣнія, обнималась исторія слѣдующихъ 10 лѣтъ до воцаренія Архелая, 4 г. до Хр. эры. О степени вліянія капитальнаго труда Николая на Іосифа можно судить по тому, что онъ цитируется Іосифомъ уже для исторіи первобытнаго времени [2]), для исторіи Давида [3]) и Антіоха Епифана [4]), и, по аналогіи съ *значеніемъ* („заимствованіе“) подобныхъ же цитатъ въ исторіи Ирода и исторіи Асмонеевъ, гдѣ Николай исчерпывается Іосифомъ наравнѣ со сроднымъ трудомъ Страбона [5]), не будетъ слишкомъ смѣлымъ заключить, что и въ болѣе раннихъ случаяхъ цитаты Іосифа не всегда имѣютъ значеніе простыхъ „указаній“ на называемаго автора, но болѣе или менѣе сильно и „зависѣли“ отъ него. Во всякомъ же случаѣ, по книгамъ XV — XVII (исторія Ирода) вполнѣ очевидна чрезвычайная подробность Николая въ значеніи источника Іосифа, и послѣдній свидѣтельствуетъ это не только массою краснорѣчивыхъ цитатъ [6]), но и замѣтнымъ ослабленіемъ связи и подробности при переходѣ отъ Ирода къ началу воцаренія Архелая, гдѣ ему, очевидно, уже не представлялось подобнаго подробнаго источника. Можетъ быть, широкое поле, отведенное Іосифомъ Николаю въ своемъ трудѣ, способно ослабить и здѣсь сожалѣніе объ его утратѣ, но, съ другой стороны, это же самое только болѣе затрудняетъ рѣшеніе историка о правоспособности Іосифа отнестись вполнѣ разумно и критически къ своему столь важному источнику. По крайней мѣрѣ, всякій употребляющій въ пособіе Іосифа вынужденъ считаться со многими плодами этой его неосторожности и небрежности, когда извѣстно, что—въ общемъ весьма достовѣрный и обстоятельный писатель—Николай былъ, однако же, „совѣтникъ“ и приближеннѣйшій „другъ“ Ирода, и, какъ такой, конечно, едва ли былъ способенъ съ безпристрастною объективностію изложить событія его времени. Такъ, по крайней мѣрѣ, обнаруживается даже въ мѣстахъ вліянія на Іосифа, который все же таки не былъ настолько слѣпъ въ отношеніи къ Николаю, чтобы совершенно не знать опасности быть введеннымъ въ заблужденіе его пристрастіемъ и ошибками [7]). Насколько эта опасность оправдалась (а это несомнѣнно), иногда незамѣтно для самого Іосифа и каковы размѣры вообще вліянія Николая на Іосифа, по имѣющимся нынѣ (147) отрывкамъ перваго у Müllerus'а судить трудно: нельзя не видѣть только, что, при многочисленныхъ почти дословныхъ заимствованіяхъ изъ Николая, Іосифъ иногда и отличается отъ него, сокращая, дополняя или даже и повѣствуя объ одномъ и томъ же совершенно иначе (срв. Müller. III, 353, пр. 18 и мн. др.).

Что касается, затѣмъ, *Тимагена* [1]), Азинія Полліона и Гипсикрата [2]), цитируемыхъ Іосифомъ изъ вторыхъ рукъ (въ мѣстахъ Страбона), то первый (около второй 1/2 послѣдняго вѣка до Хр.) — „знаменитѣйшій историкъ“ по Quintilian'у [3])—отъ своихъ многочисленныхъ [4]) и цѣнныхъ по учености и элегантной риторической формѣ [5]) трудовъ—оставилъ такъ же жалкіе отрывки, по которымъ едва можно судить о вышеуказанныхъ достоинствахъ и содержательности его труда. Цитаты Іосифа съ именемъ Тимагена, касающіяся исторіи Антіоха Епифана [6]), исторіи Іудейскаго царя Аристовула I [7]) и Александра Іаннея [8]), а еще менѣе собранные Müllerus'омъ его (12) фрагменты [9]), не даютъ яснаго представленія о широтѣ изслѣдованій этого историка, и едва ли уже Іосифу, цитирующему его въ Страбонѣ, было доступно непосредственное знакомство съ нимъ. Тѣмъ менѣе эти цитаты и фрагменты могутъ дать что-либо поучительное для болѣе глубокаго проникновенія въ подпольный механизмъ работы Іосифа.

Второй изъ этой тріады историковъ—*Азиній Полліонъ*,—авторъ-участникъ и, слѣд., лучшій знатокъ „Исторіи междоусобной войны между Цезаремъ и Помпеемъ“, въ 17 книгахъ, (давшихъ источникъ Плутарху [10]), Аппіану [11]) и др. въ ихъ трудахъ)—не оставилъ ничего важнаго даже въ извлеченіяхъ другими товарищами по своей профессіи. Не менѣе не посчастливилось и третьему—*Гипсикрату*, старшему современнику Страбона, сохранившаго всего 2—3 замѣтки [12]) изъ своего коллеги, изъ коихъ одна, подхваченная Іосифомъ [13]), касается египетскаго похода Цезаря и столь же маловажна для насъ по своему значенію, какъ и другіе собранные у Müllerus'а его фрагменты [14]).

---

[1]) Ἀρχ. XII, 3, 2; срв. XVI, 2, 2—5.
[2]) Ἀρχ. I, 3, 6; 3, 9; 7, 2.
[3]) Ἀρχ. VII, 5, 2.
[4]) Κατὰ Ἀπιῶν. II, 7.
[5]) Ἀρχ. XIII, 8, 4; 12, 6; XIV, 4, 3; 6, 4.
[6]) Ἀρχ. XVI, 7, 1; срв. также Ἀρχ. XII, 3, 2; XIV, 1, 3.
[7]) См. свидѣтельства самого Іосифа.

[1]) Ἀρχ. XIII, 11, 3; 12, 5, κατὰ Ἀπιῶν. II, 7.
[2]) Ἀρχ. XIV, 8, 3.
[3]) X, 1, 75.
[4]) Suidas, Lex. „βιβλία πολλά“.
[5]) Ammian. Marcellin. XV, 9. Timagenes et diligentia Graecus et lingua.
[6]) κατὰ Ἀπιῶν. II, 7..
[7]) Ἀρχ. XIII, 11, 3.
[8]) ib. XIII, 12, 5.
[9]) Müller.-Fragm. III, 317—323.
[10]) Pompejus, c. 72; Caesar c. 46.
[11]) Civ. II, 82.
[12]) VII, 4, 6, p. 311; XI, 5, 1, p. 504.
[13]) Ἀρχ. XIV, 8, 3: ὁ δ' αὐτὸς οὗτος Στράβων καὶ ἐν ἑτέρῳ παλιν ἐξ Ὑψικράτους ὀνόματος λέγει οὕτως.....
[14]) Müll. Fragm. III, 493 и д.

Столь же почти мало утѣшительныя свѣдѣнія можно дать о весьма важномъ для насъ историкѣ *Поливіи* (около 167 г. до Хр.), который два раза точно указанъ и употребленъ Іосифомъ [1]), и извѣстенъ по мастерскому изображенію постепеннаго развитія Римскаго міровладычества въ 40 книгахъ (отъ 220 — 146 до Хр.). Изъ всѣхъ книгъ только первыя 5 сохранились полностію, двухъ совершенно недостаетъ (17 и 40 послѣдней), а отъ остальныхъ сохранились болѣе или менѣе значительные фрагменты [2]) (въ сборникѣ Константина Порфиророднаго), между тѣмъ какъ для насъ были бы важны особенно послѣднія 15 книгъ, начиная съ XXVI, гдѣ впервые (с. 10) [3]) упоминается объ Антіохѣ Епифанѣ, и дается немало любопытнаго для его характеристики. Вліяніе Поливія на Іосифа въ особенности сказывается при изложеніи событій 1-ой Маккавейской книги, къ эпохѣ которой относятся обѣ его ссылки на имя Поливія, но несчастная судьба трудовъ послѣдняго опять таки и здѣсь оставляетъ критику безоружною для разоблаченія степени этого вліянія и для болѣе обстоятельнаго представленія хода событій. Все, что въ настоящее время имѣетъ для насъ значеніе въ Поливіи, ограничивается почти только изложеніемъ войны изъ-за *Κοιλή*-Сиріи между Антіохомъ III Великимъ и Птоломеемъ Филопаторомъ—Полив. V, 31; 34; 40—41; 45 и д.; 49 и д.; 58, 60 и 61; 67—68; 82 и д.; XI, 34.

Непосредственный продолжатель Поливіевой исторіи, *Посидонія*—(около † 50 г. до Хр.), авторъ, по крайней мѣрѣ, 52 книгъ [4]), часто цитируемыхъ у Аѳенея, Страбона, Плутарха и др. подъ именемъ *ἱστορίαι* (приблизительно отъ 146 г.—90 г.) [5]), хотя Іосифомъ называется по имени всего одинъ разъ и только въ трудѣ *κατὰ Ἀπίωνος* [6]), тѣмъ не менѣе, поскольку зависѣли отъ него Страбонъ и Николай—главные источники Іосифа, и поскольку вообще этотъ великій историкъ, подобно Поливію, стоялъ въ высокомъ уваженіи позднѣйшихъ историковъ, пользовавшихся ими [7]), какъ главными источниками для исторіи относящагося сюда времени, — постольку, разумѣется, ту же дань зависимости и преклоненія получалъ и отъ Іосифа. Впрочемъ, ни объ этой зависимости, ни вообще о значеніи Посидонія для нашего предмета, отрывки этого автора судить не даютъ возможности [8]).

Не въ лучшемъ положеніи находится историкъ въ разсужденіи *Діодора* и Трога Помпея (=Іустина), сродство съ которыми Іосифа указываетъ если не

[1]) *Ἀρχ.* XII, 3, 3 и 9, 1; также въ *κατὰ Ἀπιῶν.* II, 7.

[2]) Müller. Fr. III.

[3]) и далѣе XXVIII, 18, 3; XXIX, 9, 13; XXXI, 3 и д.

[4]) Suidas, Lex. *Ποσειδώνιος—ἔγραψεν Ἱστορίαν τὴν μετὰ Πολύβιον ἐν βιβλίοις νβ'.*

[5]) См. соображенія Schürer'a, стр. 35.

[6]) II, 7.

[7]) срв. напр. Müller. fr. 15=Diodor. XXXIV, 2, 34; вообще Müller. Fragm. t. II p. XX, t. III, p. 251. Также Трогъ Помпей по Heeren, De Trogi Pompeji fontibus et auctoritate въ Commentationes Societ. scient. Gotting. t. XV, 1804, classis hist. et phil. p. 185—245, особенно 233—241. И вообще у Teuffel, Gesch. der Röm. lit. § 258, 4 упом. литература.

[8]) Müller, Fragmenta. III, 245—296.

на непосредственное вліяніе ихъ на него, то во всякомъ случаѣ на общность ихъ источника въ Посидоніи, и не лишено—въ силу этого—важнаго значенія. Первый изъ названныхъ авторовъ, современникъ Цезаря и Августа, оставилъ намъ большой трудъ по универсальной исторіи всѣхъ временъ и народовъ, названный имъ *Βιβλιοθήκη*—въ 40 книгахъ, обнимающихъ періодъ отъ древнѣйшихъ временъ до 60 г. до Хр. Изъ дошедшихъ до насъ книгъ (I—V первоисторія Египта и Ѳіопіи, Ассиріянъ и др. народовъ Востока, какъ и Грековъ, XI—XX—отъ начала 2-й персидской войны 480 г. до Хр. до исторіи преемниковъ Александра Великаго—302 г. до Хр.) и фрагментовъ этого историка (уцѣлѣвшихъ главнымъ образомъ въ сборникахъ Константина Порфиророднаго) [1])—болѣе заслуживаютъ нашего вниманія книги отъ XXIX-й, гдѣ въ 32 г. впервые упоминается имя Антіоха Епифана, но цѣлость и содержательность источника здѣсь-то въ особенности и начинаютъ оставлять желать лучшаго.

Другой современникъ Августа, *Трогъ Помпей*—долженъ былъ быть весьма любопытнымъ и полезнымъ для насъ въ своей универсальной исторіи, веденной имъ отъ Ninus'a до своего времени въ 44 книгахъ, содержавшихъ тщательно-обработанный по лучшимъ греческимъ источникамъ матеріалъ по исторіи Македоніи и царствъ „Діадоховъ“. Отъ всего этого сокровища уцѣлѣли нынѣ только prologi и „извлеченіе“ извѣстнаго Іустина, настолько все же содержательное, что представляетъ для насъ важный источникъ для исторіи Селевкидовъ.

Наконецъ, однажды только упомянутый Іосифомъ и, повидимому, случайно — *Титъ Ливій* (59 до — 17 по Хр.) имѣетъ извѣстность какъ авторъ „Исторіи Римской“ отъ основанія Рима до смерти Друза (9 г. по Хр.) въ 142 книгахъ. Этотъ капитальнѣйшій трудъ, не смотря на то, что его отказываются назвать ученымъ, (написаннымъ по источникамъ и умѣющимъ сливать матеріалы въ одно цѣлое), по стройности и красотѣ изложенія украсилъ автора вполнѣ заслуженною славою одного изъ лучшихъ историковъ древности. И, между тѣмъ, отъ этого-то его сокровища (напомнимъ, что нашъ Іосифъ когда-то съ честію слылъ за „Тита Ливія Грековъ“), несомнѣнно, схоронившаго для насъ вмѣстѣ съ собою весьма благодарный матеріалъ для критики и дополненія Іосифа, уцѣлѣло всего только—первая, третья, четвертая декады и первая половина 5-ой (41—45 кн.), [2]) обнимающія годы 178—167 до Хр. и обрывающіяся какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ разсказъ начинаетъ пріобрѣтать для насъ исключительную важность. То обстоятельство, что Поливій и Посидоній, продолжатель перваго, въ значительной степени входили въ этого автора, даетъ право надѣяться на значительную связь или зависимость отъ него и Іосифа, и, нѣтъ сомнѣнія, ущербъ для изслѣдователей послѣдняго и вообще для историіографовъ Іудейскаго народа особенно великъ отъ утраты Ливія.

Сюда можно отнести еще *Деллія*, автора совершенно утраченнаго труда

[1]) Müller, Fragm. t. II, p. VII—XXVI.

[2]) Веберъ, Всеобщая Исторія т. IV, 79 стр. Москва, изд. 1892 г.

о Парѳянскомъ походѣ Антонія (41—36 до Хр.), въ которомъ авторъ былъ участникомъ [1]), каковой трудъ былъ поэтому предпочтительнымъ источникомъ для послѣдующихъ описателей этого событія, а, значитъ, и для Іосифа, который дѣйствительно упоминаетъ Деллія, хотя и не называетъ его историкомъ, а лишь полководцемъ Антонія [2]).

Такимъ образомъ, мы привели въ извѣстность все, что по собственнымъ указаніямъ, или только по болѣе или менѣе очевиднымъ и несомнѣннымъ намекамъ и соображеніямъ, составляло и могло составлять матеріалъ для Археологіи Іосифа, въ послѣднихъ отдѣлахъ. Если допустить, что этотъ матеріалъ въ его время не былъ въ томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ достался онъ намъ теперь, то его, конечно, было вполнѣ достаточно, чтобы написать и болѣе удовлетворительный и содержательный трудъ, чѣмъ Іосифовъ. Если, затѣмъ, принять во вниманіе, что Іосифъ писалъ свой трудъ въ Римѣ, центрѣ тогдашняго классическаго просвѣщенія, и имѣлъ доступъ во всякіе склады, библіотеки и архивы, то мы и вправѣ требовать отъ него бо́льшаго. По крайней мѣрѣ, даже въ наше, столь отдаленное время, можно еще указать такіе матеріалы по предмету Іосифа, незнанія которыхъ если можно не ставить ему въ вину [3]), за то есть возможность во многомъ дополнять и исправлять ими Іосифа, столько же, какъ и тѣмъ, чѣмъ онъ несовсѣмъ умѣло пользовался.

Такъ, комплектъ греческихъ историковъ (Поливій, Діодоръ, Страбонъ) дополняется *Плутархомъ*, *Аппіаномъ* и *Діономъ Кассіемъ*.

Первый (50—120 по Хр.) оставилъ намъ свои любопытныя и въ высшей степени умѣло составленныя *біографіи* знаменитѣйшихъ мужей Греціи и Рима (*βίοι παράλληλοι*), всего до 50, изъ коихъ для насъ немаловажное значеніе имѣютъ: Александръ Вел., Крассъ, Помпей, Цезарь, Брутъ и Антоній.

Аппіанъ (современникъ Траяна, Адріана и Антонина Пія) сообщаетъ намъ *исторію Рима* въ 24 книгахъ, по особому этнографическому, а не обычному тогда синхронистическому методу, то-есть разсматриваетъ спеціально исторію каждой въ отдѣльности земли и народа, входившихъ тогда въ составъ всесвѣтной монархіи Рима, ведя таковую исторію отъ перваго соприкосновенія Риму до полнаго ихъ подчиненія, коснувшись также коротенько и исторіи болѣе раннихъ временъ [4]). До настоящаго времени отъ этихъ трудовъ дошли: отъ I—V и IX только отрывки, а сполна имѣются:—VI—*Ἰβηρική* (т. е. *ἱστορία*), VII—*Ἀννιβαϊκή*, VIII—*Λιβυκὴ καὶ Καρχηδονική*, XI—*Συριακὴ καὶ Παρθική* (послѣдняя утрачена), XII—*Μιθριδάτειος*, XIII — XVII —*Ἐμφύλια*, (т. е. гражданская война), XXIII—*Λακική* или *Ἰλλυρική* [5]).

[1]) Strabo, XI, 13, 3 p. 523. Plutarch, Anton. c. 59.

[2]) *περὶ ἑλλ.* I, 15, 3; *Ἀρχ.* XIV, 15, 1; XV, 2, 6.

[3]) Многіе изъ нижеуказываемыхъ авторовъ жили позже Іосифа, но въ своихъ трудахъ, разумѣется, они пользовались тѣмъ же, чѣмъ могъ бы и Іосифъ.

[4]) Bähr въ Pauly, Real-Enc. I Aufl.

[5]) Дошедшія до насъ 5 книгъ гражд. войны обыкновенно цитуются, какъ Appian. Civ. I, II, III, IV, V, остальныя по ихъ надписаніямъ и содержанію — Libyca (или Punica), Syriaca и т. д.

Наконецъ, Діонъ Кассій (155 по Хр.—229), доведшій свой великій трудъ о Римской исторіи отъ прихода Энея въ Латіумъ до 229 г. въ 80 книгахъ—оставилъ отъ первыхъ 34 книгъ только маленькіе отрывки,—болѣе значительныя части отъ 35 и 36-й, затѣмъ 37 — 54 включительно — въ совершенной цѣлости, отъ войны Лукулла и Помпея съ Митридатомъ до смерти Агриппы въ 12 г. до Хр.; отъ 55—до 60 включительно—опять значительные отрывки, и отъ остальныхъ 61—80—только выработанный Ксифилиномъ въ XI ст. перечень (для первыхъ 34 книгъ недостаетъ даже и этого).

Изъ серіи латинскихъ писателей, кромѣ извѣстныхъ уже, болѣе древнихъ, Тита Ливія и Трога Помпея, въ дополненіе къ нимъ должны быть присоединены *Цицеронъ*, *Тацитъ* и *Свѣтоній*. Рѣчи и письма перваго (106—43 г.) даютъ богатѣйшій матеріалъ и главный источникъ, можно сказать, своего времени, и особенно важны для исторіи Сиріи [1]) въ періодъ отъ 57—43 до Хр. Изъ историческихъ трудовъ втораго (55 по Хр.—ок. 120)—кромѣ „*Лѣтописей*“, дающихъ важнѣйшій источникъ въ 16—18 кн. [2]) для времени Тиверія, Калигулы, Клавдія и Нерона и исторіи Сиріи, весьма важна *Исторія Тацита*, обнимающая въ 14 книгахъ время Гальбы, Отона, Вителлія, Веспасіана, Тита и Домиціана (68—96 г.),—отъ которой имѣются нынѣ I—IV книги и часть V, отъ 68—70 г. Для нашей исторіи особенно интересна V, 1—13, гдѣ Тацитъ въ немногихъ чертахъ даетъ обзоръ исторіи Іудейскаго народа до войны Тита. Наконецъ, отъ *Свѣтонія* (современникъ Домиціана, Траяна и Адріана) имѣются „жизни 12 цезарей Римскихъ“ (Vitae XII Imperatorum), въ числѣ коихъ (Caesar, Augustus, Tiberius, Caligula, Claudius, Nero, Galba, Otho, Vitellius, Vespasianus, Titus, Domitianus) выдаются, по важности сообщеній, предпослѣднія двѣ.

Нельзя также не упомянуть здѣсь о весьма важномъ памятникѣ того времени, стоящемъ по своему значенію въ ряду благодарныхъ матеріаловъ для историка. Это — извѣстный *Monumentum Ancyranum*, начертаніе на мѣдныхъ доскахъ важнѣйшихъ дѣлъ правленія Августа. Этотъ важный памятникъ, составляющій послѣ Діона Кассія и Свѣтонія наши главные источники для исторіи Августа, сохранился благодаря особенно тому, что онъ въ латинскомъ текстѣ и греческомъ переводѣ, по завѣщанію самого Августа, [3]) былъ замурованъ въ Анкирѣ Галатійскомъ, въ мраморной стѣнѣ Августовскаго храма. Недостающее въ латинскомъ текстѣ здѣсь, за самыми незначительными пустотами, совершенно дополняется остатками греческаго перевода, тѣмъ удобнѣе, что

[1]) Такъ какъ исторія Палестины за это время развивалась въ тѣснѣйшей связи, съ общей исторіей Сиріи, то историки, описывавшіе эту, принадлежатъ, разумѣется, къ источникамъ и нашей исторіи.

[2]) Точно число ихъ неизвѣстно. До насъ дошли I—IV—въ цѣлости, V и VI частію, VII до 1/2 XI-ой утрачены вовсе, XI—XVI съ изуродованными началами и концами. Хронологически они настолько упорядочены, что даютъ самую точную систему Хронологіи.

[3]) Sueton. Aug. 101: indicem rerum a se gestarum, quem vellet incidi in aeneis tabulis, quae ante Mausoleum statuerentur.

другой экземпляръ послѣдняго нашелся также въ Писидійскомъ храмѣ Аполлона, уцѣлѣвъ въ важныхъ отрывкахъ [1]).

Наконецъ, есть и собственные еврейскіе труды спеціально-историческаго характера, заслуживающіе упоминанія и не безполезные историку Іудейскому.

Таковы: 1) *Megillath Taanith*, собственно „книга постовъ", роспись тѣхъ дней, въ которые ради воспоминанія радостныхъ событій (особенно изъ временъ Макк.) не должно поститься. Цитируется въ Mischna (Taanith II, 8) и, кажется, редактирована въ I ст. по Хр. Текстъ арамейскій, позднѣе еврейскій.

2) *Seder Olam*, также Seder Olam rabba, изъясненіе Библейской исторіи отъ Адама до Александра Великаго, съ единственною замѣткою о позднѣйшемъ времени. Цитируется въ Талмудѣ и приписывается раввину Jose ben Chalephta (130—160 по Хр.).

3) *Megillath Antiochus*—краткая легендарная исторія ига Антіоха Епиф. и войны Асмонеевъ, изъ послѣталмудическаго времени; исторически ничтожна.

4) *Josippon* или *Joseph ben Gorion*. Подъ этимъ именемъ существуетъ на евр. яз. исторія Іудейскаго народа отъ Адама до разрушенія храма Титомъ. Авторъ хочетъ слыть за древняго Іосифа, но называетъ себя, при этомъ, ложно Іосифомъ сыномъ Горіона и нерѣдко столь забываетъ себя въ этой роли, что прямо цитируетъ нашего Іосифа (Zunz стр. 150). Послѣдній, однако, использованъ хотя и сильно, но и весьма свободно и еклектическимъ образомъ, при подмѣшиваніи многочисленнаго легендарнаго матеріала изъ другихъ источниковъ. По Zunz'y (150—152) этотъ трудъ появился въ Италіи въ первой половинѣ X ст. по Хр.

Итакъ, мы обозрѣли теперь все, что могло давать Іосифу и даетъ теперь намъ, кромѣ него, свѣдѣнія по его предмету. Многое и важнѣйшее изъ того, что принесло бы здѣсь для насъ неизмѣримую пользу, безвозвратно утрачено. Остающееся представляетъ слишкомъ мало данныхъ, на основаніи изученія которыхъ можно бы точно установить, насколько Іосифъ самостоятеленъ или насколько онъ компилятивенъ, а главное—насколько онъ при этомъ объективенъ и обстоятеленъ. Ссылки его на другихъ писателей, которые могли бы наводить насъ на открытія въ этихъ отношеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ приводятъ лишь къ досадному сознанію полной безпомощности, въ виду утраты его поручителей. Въ попыткахъ установить, по крайней мѣрѣ, возможность солидарности его съ дошедшими до насъ авторами, мы обезоруживаемся также тѣмъ, что свѣдѣнія ихъ по общему съ Іосифомъ предмету крайне отрывочны, разбросанны и побочны по отношенію къ главнымъ задачамъ ихъ трудовъ, между тѣмъ какъ у Іосифа они должны были систематизироваться и объединяться въ одно прагматическое повѣствованіе, а съ другой стороны—всѣ они

[1]) Изданія этого памятника: 1) Perrot, Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie etc. [1862—] 1872, pl. 25—29; 2) Corp. Inscr. Lat., t. III, 1873, p. 769—799, 1054, 1064. 3) Bergk, Augusti rerum a se gestarum indicem ed., 1873. 4) Mommsen, Res gestae divi Augusti, ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi iterum edidit; accedunt tabulae undecim, Berol. 1883 (съ богатыми комментаріями). Schürer. I, 85.

въ большинствѣ случаевъ не чужды предубѣжденій [1]) и ненадлежаще освѣщаются съ узкой уже въ силу самого своего универсализма точки зрѣнія. Со стороны самого Іосифа положеніе современнаго историка по отношенію къ нему значительно затрудняется также и тѣмъ, что, начиная съ эпохи Маккавеевъ, судьбы Іудеи приходятъ въ близкое соприкосновеніе съ вездѣсущими интересами Рима, который съ этого времени уже началъ затягивать въ свои щупальцы и маленькую Іудею, медленно, осторожно, но вѣрно готовя ей одинаковый удѣлъ со всѣми прочими жертвами своего всесвѣтнаго властолюбія и эгоизма. Легко судить, какъ это должно было отражаться на работѣ Іосифа, положеніе котораго (какъ римскаго перебѣжчика) создавало столь щекотливыя затрудненія при представленіи этихъ эпохъ своей Отечественной исторіи и повело къ столь невозможнымъ и очевиднымъ компромиссамъ въ дальнѣйшихъ частяхъ его труда. Забвеніе этого условія неизбѣжно можетъ сопровождаться важными заблужденіями и привлечь изслѣдователя подъ тотъ самый судъ, отъ котораго исторія не можетъ освободить Іосифа. Свѣдѣнія, какія имѣются о достоинствѣ историковъ того времени, залегшихъ въ основаніе Іосифа, повидимому, мало могутъ помогать намъ въ данномъ случаѣ для надлежащаго сужденія о достоинствѣ Іосифа и вообще въ судѣ надъ нимъ, надъ его исторической важностью, достовѣрностью и пріемлемостью, оставляя широкое поле не столько документально обставленному процессу суда, сколько простымъ и—при безпочвенности со стороны этой документальности—не всегда надежнымъ соображеніямъ здраваго смысла, небезуспѣшно, впрочемъ, уличающимъ иногда Іосифа въ ошибкахъ и недостойныхъ искаженіяхъ дѣйствительнаго хода и смысла событій или освѣщенія ихъ. Не совсѣмъ безуспѣшно достигается эта же цѣль и при содѣйствіи параллельныхъ Іосифу повѣствованій того жалкаго, сравнительно, матеріала, какому посчастливилось дожить до насъ. Все это, такимъ образомъ, намѣчаетъ и наилучшій путь для изученія матеріала Іосифа: разбирая отдѣльными періодами его повѣствованіе, привлекая въ свидѣтели и критеріи его достовѣрности другіе первоисточники (между которыми дошедшіе до насъ греческіе и римскіе писатели, свѣряющіе, дополняющіе и исправляющіе его—занимаютъ важнѣйшее мѣсто), мы попытаемся дать прагматически и критически обработанный compendium Іудейской исторіи по Іосифу въ послѣднихъ послѣбиблейскихъ ея эпохахъ.

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. Семинаріи.

§ 26. Іоаннъ Урканъ I (135—104 г. до Хр.).

Ἀρχ. XIII, 8—10; περὶ ἀλώσ. 1, 2. Mischna, Maaser scheni V, 15; Sota, IX, 10. Другія раввинскія преданія у Derenbourg, p. 70—82.

Счастливое избѣжаніе Іоанномъ несчастной участи своего отца и братьевъ—послужило своего рода зерномъ для развитія дальнѣйшихъ историческихъ судебъ Іудейства и точкою отправленія для повѣствованія о нихъ Іосифа.

[1]) Извѣстно, что этими предубѣжденіями вызывались особенно труды Іосифа.

Судьбы эти до неразрывности тѣсно связывались теперь съ судьбами династіи Асмонеевъ, фактическимъ основателемъ которой, по справедливости, можно считать еще Іонаѳана [1]), хотя собственно основаніемъ Асмонейской династіи, какъ таковой, былъ тотъ моментъ [2]), когда братъ и преемникъ Іонаѳана—Симонъ въ 140 г. до. Хр. провозглашенъ отъ народа царемъ и первосвященникомъ [3]).

---

[1]) Мак. X, 51—66.

[2]) Riehm, 944 стр.

[3]) I Мак. XIV, 41—49. Генеалогія и Хронологія Асмонеевъ такова:

Маттаѳія † 166 г.

Симонъ † 135 г.	Іуда † 161 г.	Іонаѳанъ † 143 г.
Іоаннъ Гирканъ † 105 г. (31 годъ—Ἀρχ. XIII, 10, 7).		
Аристовулъ I † 104 г. (1 годъ—Ἀρχ. XIII, 11, 3).	Александръ Іанней † 78 г. (27 л.—Ἀρχ. XIII, 15, 5).	
	Александра † 69 (9 л. Ἀρχ. XIII, 16, 6).	
Гирканъ II † 30 г.		Аристовулъ II † 49 г.
Александра † 28 г.		Александръ † 49 г. Антигонъ † 37 г.
Аристовулъ † 35. Маріамна, жена Ирода † 29.		дочь, жена Антипатра, сына Иродова (Ἀρχ. XVII, 5, 2).

Прочныя основанія для хронологіи Асмонеевъ, какъ и генеалогіи, даны въ Іосифѣ. Такъ, годы правленія Іоанна Гиркана, кромѣ указаннаго мѣста, онъ даетъ еще въ 2 мѣстахъ—Ἀρχ. XX, 10 и *περὶ ἁλώσ.* I, 2—5. Правда, въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ онъ даетъ различныя показанія: въ первомъ—30 л., во второмъ 33. Но послѣднее, во всякомъ случаѣ, если не ошибка переписчика, то д. б. отнесено къ числу многаго такого въ *περὶ ἁλώσ.*, что исправляется чрезъ позднѣйшія даты Археологіи. Различіе же послѣдней въ существѣ дѣла только кажущееся, которое обусловливалось возможностью округленія цифры (около 30—31 лѣтъ), или тѣмъ, что въ исчисленіи 31 года Іосифъ начинающійся годъ считаетъ за цѣлый. Изъ нѣкоторыхъ соображеній на основаніи другихъ мѣстъ Іосифа ясно слѣдуетъ послѣднее. Точнѣйшія хронологическія его даты: 1) смерть Симона въ мѣсяцѣ Schebât, 177 г. э. С.=Февр. 135 до Хр. (I Макк. XVI, 14) и 2) начало братской войны между Аристовуломъ II и Гирканомъ II, вслѣдъ за смертію Александры, по Ἀρχ. XIV, 1, 2 въ 3 году 177 Олимп.=лѣтомъ 70—69 до Хр. (при консулахъ Q. Hortensius'ѣ и Q. Metellus Creticus'ѣ, время которыхъ падаетъ на 69 г.). Точность этой даты для начала братской войны и смерти Александры (первая ½ 69 г.) м. б. подтверждена также чрезъ Ἀρχ. XIII, 16, 4 и *περὶ ἁλώσ.* 1, 5, 3, откуда видно, что Александра была еще жива при нападеніи Лукулла на Армянское царство, что было въ 69 г. Такимъ образомъ, отъ смерти Симона до смерти Александры (135—69) получается періодъ въ 66 лѣтъ, между тѣмъ, какъ сложеніе показанныхъ у Іосифа лѣтъ правленія отдѣльныхъ Асмонеевъ въ суммѣ=68 л. Ясно, что излишекъ образовался отъ манеры Іосифа считать продолжающійся годъ за полный и прибавлять его къ суммѣ лѣтъ правленія. Такъ именно должно быть у него въ годахъ Іоанна Гиркана и Александра Іаннея, и списокъ лѣтъ правленія д. слѣдов. измѣниться слѣд. образомъ:

Іоаннъ Гирканъ	вмѣсто	31—30 лѣтъ	слишкомъ	135—104.
Аристовулъ I	—	1 годъ	—	104—103.
Александръ Іанней	вмѣсто	27—26 л.	сл.	103—76.
Александра	—	9 л.		76—67.

Замѣчаніе Іосифа, XIII, 8, 2, что первый годъ Іоанна Гиркана падалъ на 162 Олимп. (=лѣта 132½—128 г. до Хр.) очевидно ложно.

Избытокъ сообщеній, касающихся до правителей Іудейства за этотъ періодъ и такъ или иначе соприкосновенныхъ имъ лицъ (сподвижниковъ), доходитъ, съ одной стороны, до мало нужныхъ мелочностей ихъ жизнедѣятельности, а съ другой—почти совершенно не углубляется въ исторію собственно Іудейства, какъ народа, тѣмъ болѣе въ смыслѣ библейскомъ. Собственно говоря, Іосифъ уже давно порвалъ нить *такой* исторіи, если только онъ вообще сколько-нибудь способенъ былъ руководиться ею въ воспроизведеніи пути Евреевъ ко временамъ Христа. Его исторія, начиная со второй половины XIII книги и до послѣднихъ временъ далеко не то, чего мы хотѣли бы желать отъ строго „Іудейской“ исторіи, и еще менѣе—исторіи „Библейской“ въ собственномъ смыслѣ, съ именемъ которой мы привыкли соединять мысль о постепенномъ, при содѣйствіи Божіемъ, развитіи духовной жизни Израиля, какъ народа Божія, и всего человѣчества до исторически опредѣленной готовности его „принять“ Христа. Если такая исторія прежде всего должна быть особаго рода синтезированнымъ освѣщеніемъ фактовъ и результатовъ Іудейской исторіи, то, конечно,—чѣмъ сложнѣе и содержательнѣе была бы эта послѣдняя, тѣмъ богатѣйшій матеріалъ обезпечивался бы и для исторіи собственно Библейской, подобно тому какъ философія исторіи богаче и содержательнѣе при бо́льшей сложности, содержательности историческихъ событій и повѣствованій о нихъ... Какъ ни малонадежно, однако, наше положеніе предъ отправленіемъ въ область историческихъ сообщеній Іосифа, перекидывающаго мостъ отъ послѣдней книги Ветхаго Завѣта до первой Новаго (Евангелія), мы должны, однако, съ величайшею благодарностію воспользоваться и тѣмъ сравнительно немногимъ, что́ у него—и зачастую *только у него*—есть...

Получивъ печальное извѣстіе о гибели отца и братьевъ, Іоаннъ Гирканъ [1]), бывшій тогда намѣстникомъ въ Газарѣ, въ силу признанной за домомъ Симона наслѣдственной преемственности первосвященства и правительства, выступилъ, какъ законный этихъ правъ наслѣдникъ и провозгласилъ себя „первосвящен-

---

[1]) Прозваніе „Гирканъ“ Евсевій и другіе объясняютъ изъ того, что Іоаннъ завоевалъ Гирканію (Euseb. Хрон. у Syncell. I, 548: Ὑρκανοὺς νικήσας Ὑρκανὸς ὠνομάσθη; у Іеронима: adversum Hyrcanos bellum gerens Hyrcani nomen accepit; а за нимъ Sulpicius Severus II, 26: qui cum adversum Hyrcanos, gentem validissimam, egregie pugnasset, Hyrcani cognomen accepit). Въ пользу этого объясненія можетъ быть приведено то что Іоаннъ дѣйствительно участвовалъ въ походѣ Антіоха VII (Sidetes) на Парѳянъ. Но съ другой стороны, это много колеблется и тѣмъ обстоятельствомъ, что имя Гирканъ много прежде этого усвоялось Іоанну (Ἀρχ. XII, 4, 6—11; II Макк. 3, 11). Въ виду этого Schürer находитъ болѣе цѣлесообразнымъ объяснить это прозваніе по аналогіи отъ יְהוֹעֵז חַפְּרִי Baba mezia VII, 9, נְחוּם חַמְּדִי Schabbath II, 1, Nasir V, 4. Baba bathra V, 2. Одинъ произшедшій изъ Гирканіи Іудей (куда они были поселены Артаксерксомъ Охомъ (II Sch. 496), возвратившись въ Іудею, прозвалъ послѣ этого себя ὁ Ὑρκανός, послѣ чего это за нимъ и укоренилось.

никомъ и княземъ народа". Если значеніе Симонова правленія свелось, между прочимъ, къ тому важному результату, что онъ, продолжая дѣло Іонаѳана, сдѣлалъ Іудейскій народъ совершенно независимымъ отъ иноземнаго (сирійскаго) владычества [1]), то, безспорно, наслѣдіе Уркана слѣдуетъ назвать счастливымъ. Онъ сталъ сразу во главѣ провозглашенной политически самостоятельною—Іудеи и съумѣлъ, дѣйствительно, сдержать свое достоинство съ честію. Первымъ дѣломъ его было—отомстить Птоломею за убіеніе отца и за покушеніе на жизнь его самого, сдѣланное въ видахъ устраненія послѣдняго претендента съ пути къ овладѣнію Іерусалимскимъ престоломъ. Птоломей запоздалъ своимъ новымъ коварнымъ происком и, когда подошелъ къ городу, увидѣлъ его уже во власти Уркана, предупрежденнаго во-время о грозившей опасности, за сильною поддержкою народа, всѣ симпатіи котораго были на сторонѣ послѣдняго. Вмѣсто овладѣнія Іерусалимомъ, Птоломей оказался самъ въ опасной осадѣ въ замкѣ Дагонъ (близъ Іерихона). Птоломей ухитрился надолго затянуть эту осаду, побѣждая Іоанна состраданіемъ къ матери и братьямъ, коихъ тираннъ, выводя на стѣну, начиналъ безжалостно терзать всякій разъ, какъ воины Іоанновы дѣлали приступы къ крѣпости. Іосифъ передаетъ при этомъ трогательнѣйшую сцену, какъ мать Іоанна, замѣчая со стѣны медлительность сострадательнаго сына, умоляла его съ распростертыми руками не щадить врага изъ-за одного только сожалѣнія къ ней. Но онъ не находилъ въ себѣ и послѣ этого—достаточно мужества выполнить свое предпріятіе, и наконецъ, „по случаю субботняго года" вынужденъ былъ и вовсе снять осаду. Лишивъ жизни мать и братьевъ Уркана, варваръ утекъ въ Филадельфію.

Въ приведенномъ повѣствованіи Іосифа объ осадѣ Дагона маленькое недоразумѣніе вызываетъ его замѣчаніе, что Іоаннъ вынужденъ былъ снять осаду „по случаю наступленія субботняго года". *Ἐνίσταται τὸ ἔτος ἐκεῖνο καθ' ὃ συμβαίνει τοῖς Ἰουδαίοις ἀργεῖν· κατὰ δὲ ἑπτὰ ἔτη τοῦτο παρατηροῦσιν ὡς ἐν ταῖς ἑβδομάσιν ἡμέραις*, Ἀρχ. XIII, 8, 1. Въ „*περὶ ἁλώσεως*" I, 2, 4, это замѣчаніе повторяется: *ἐπέστη τὸ ἀργὸν ἔτος, ὃ κατὰ ἑπταετίαν ἀργεῖται παρὰ Ἰουδαίοις ὁμοίως ταῖς ἑβδομάσιν ἡμέραις*. Если припомнить, что смерть Симона Маккавея, согласно, между прочимъ, I Макк. XVI, 4, произошла въ мѣсяцъ Schebât 177 г. э. С.,=нашему Февралю 135 г. до Хр., и что по болѣе точнымъ изысканіямъ [2]) субботній годъ долженъ былъ падать на $^{136}/_{135}$ годъ, а не на $^{135}/_{134}$, какъ требуется замѣчаніемъ Іосифа, то нельзя не видѣть, что Іосифъ здѣсь требуетъ поправки. Послѣдняя должна быть начата уже съ критики самаго его выраженія, гдѣ онъ мотивируетъ отступленіе Іоанна. Онъ выражается, что осада долженствовала быть снята, какъ скоро „наступилъ 7-ой годъ", который Іудеи, какъ седьмой день, праздновали полнымъ отъ дѣлъ воздержаніемъ". Такъ какъ извѣстно изъ Пятокнижія, что на такое сопоставленіе Іосифъ отнюдь не имѣлъ права, и что покой седьмого года вовсе не былъ покоемъ субботняго дня и требовалъ только лишь прекращенія обработки

[1]) Schürer, I, 190—191.

[2]) Schürer, I, 30 и раньше

полей (срв. особенно Лев. XXV, 1—7), то, нѣтъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ, списывая языческіе источники, Іосифъ позволилъ себѣ повторить лишь ошибочное мнѣніе языческихъ писателей, выраженіе коего можно видѣть у Тацита: dein blandiente inertia septimum quoque annum ignaviae datum [1]). Чтобы исправить теперь эту его неосмотрительность, слѣдуетъ допустить, что дѣйствительнымъ побужденіемъ къ снятію осады было не *наступленіе* субботняго года, но оказавшійся его *слѣдствіемъ* недостатокъ продовольствія.

Не успѣвъ выручить дорогихъ плѣнниковъ и отмстить убійцамъ своего семейства, Іоаннъ самъ подвергся мести со стороны Антіоха VII Благочестиваго (Sidetes) за причиненныя ему отцемъ Іоанна (—Симономъ) бѣдствія. Антіохъ вторгся въ Іудею, и забравъ, повидимому, нѣсколько городовъ [2]), вынудилъ Іоанна запереться въ Іерусалимѣ, обложивъ послѣдній продолжительною осадою. Это было, по словамъ Іосифа въ данномъ мѣстѣ, въ 4-й годъ царствованія Антіоха, въ I-й Іоанна, и въ 162-ю Олимпіаду, что̀, однако, явная несообразность. Если 4-й годъ Антіоха и 1-й Іоанна, дѣйствительно, совпадаютъ ($^{135}/_{134}$ г.) то 162-я Олимпіада, обнимающая 132—129 включ. до Хр., никоимъ образомъ не прилаживается къ этому совпаденію. Затрудненіе это только еще болѣе увеличивается сообщеніемъ Порфирія [3]), о *взятіи* Іерусалима Антіохомъ въ 162, 3 Ол.=$^{130}/_{129}$ до Хр. Примиреніе этихъ показаній, по мнѣнію Schurer'a, было бы возможно только чрезъ предположеніе, что осада и война тянулась въ продолженіи 4 лѣтъ, въ то время какъ Іосифъ, повидимому, даетъ основаніе считать её только свышеодного года, замѣчая, что съ началомъ ея совпало захожденіе Плейядъ, каковое падало на Ноябрь [4]), и что осада еще не была снята, когда наступилъ праздникъ Сѣнницъ, слѣд. Октябрь [5]). Хотя однолѣтнее обложеніе въ исторіи того времени вовсе не рѣдкость [6]), тѣмъ не менѣе шаткость источника не можетъ безъ риска позволить заключить, что всѣ описанныя здѣсь событія заняли одинъ опредѣленный годъ. Для устраненія, поэтому, приведенной несообразности въ показаніи Іосифа, нѣтъ особеннаго препятствія допустить, что въ означенномъ показаніи у него соединены вмѣстѣ и годъ начала осады Іерусалима и годъ ея окончанія. Для этого нѣтъ надобности даже и продлять время осады до 4 лѣтъ, если имѣть ввиду, что 162-я Олимпіада начиналась всего чрезъ какихъ-нибудь 2 года отъ начала осады.

Въ исторіи самой осады характерно отношеніе Антіоха къ осажденнымъ, во время праздника Кущей. По просьбѣ Іоанна, Антіохъ соглашается на 7-

[1]) Hist. V, 4.

[2]) См. ниже.

[3]) Euseb. Chron. ed. Schoene I, 255: Judaeosque hic subegit, per obsidionem muros urbis evertebat, atque electissimos ipsorum trucidabat anno tertio CLXII Olympiadis.

[4]) *Ἀρχ.* XIII, 8, 2: *δυομένης πλειάδος*—Plinius, Hist. Nat. II, 47, 125: post id aequi noctium diebus fere quattuor et quadraginta vergiliarum occasus hiemem inchoat, quod tempus in III iduus Novembres incidere consuevit.

[5]) Срв. Clinton, Fasti Hellenici III, 333.

[6]) Samaria (*Ἀρχ.* XIII, 10, 3), Gasa (*Ἀρχ.* XIII, 13, 3), Gadara (10 мѣс. *Ἀρχ.* XIII, 13, 3).

дневное перемиріе, и даже посылаетъ въ городъ великолѣпныя жертвы, изъ почтенія къ Божеству Іудеевъ и для усугубленія ихъ праздничной радости. Тронутый этимъ великодушіемъ Антіоха, внушеннымъ, весьма возможно, памятью горькаго опыта Антіоха Епифана и, во всякомъ случаѣ, заслужившимъ ему въ исторіи наименованіе Благочестиваго, Уркань попросилъ у Антіоха мира и позволенія жить по законамъ отечества, на что Антіохъ и согласился (не смотря на совѣты нѣкоторыхъ—истребить Іудеевъ, какъ народъ своеобычный и замкнутый), наложивъ на Уркана дань (500 тал.) и разрушивъ (собств. „снявъ"—*καθεῖλε*) при уходѣ *τὴν σιεφάνην τῆς πόλεως* [1]). Что̀ собственно разумѣть подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ, не ясно видно. Нѣкоторые, какъ напр.—Winer [2]), Graetz [3]) хотѣли разумѣть это не о разрушеніи всей стѣны, но только нѣкоторыхъ стѣнныхъ украшеній и надстроекъ (срв. Diodor. XXXIV, 1 и Porphyr. у Евсев. Хрон. изд. Schoene, I, 255). Такое толкованіе, однако, является неточнымъ при свидѣтельствахъ о томъ же Діодора и Порфирія, по которымъ стѣны, во всякомъ случаѣ, само собою были срыты, вслѣдствіе чего и въ позднѣйшую заслугу Іоанна I Макк. XVI, 23 выставляется именно ихъ возстановленіе. Съ другой стороны, есть основанія полагать, что дѣло съ Антіохомъ отнюдь не кончилось болѣе или менѣе легкимъ поврежденіемъ стѣнъ и „отступною" въ 500 талантовъ. Іосифъ не говоритъ прямо, но въ дальнѣйшемъ даетъ понять, что осада Іерусалима была завершеніемъ цѣлаго ряда успѣховъ Антіохова оружія надъ другими городами и областями Іудеи. По крайней мѣрѣ, такъ именно можно судить по постановленію Римскаго Сената, приводимому далѣе (*Ἀρχ.* XIII, 9, 2) Іосифомъ, гдѣ однимъ изъ условій „возобновленія дружбы и союза, заключеннаго нѣкогда съ Римлянами, поставляется именно возвращеніе Іоппіи съ пристанью, Газары съ источниками и другихъ городовъ и мѣстъ, завоеванныхъ Антіохомъ" [4]), съ просьбою о чемъ, между прочимъ, и снаряжено было іудейское посольство въ Римъ. Такимъ образомъ, такъ какъ не легко допустить, чтобы Антіохъ при заключеніи мира за указанную дань отступилъ не только отъ осады Іерусалима, но и отказался отъ своихъ правъ на другіе завоеванные имъ города, то неосновательна догадка, что къ такому выгодному для Іудеи заключенію мира именно посодѣйствовало вмѣшательство Рима. Правда, въ данномъ мѣстѣ Сенатъ, хотя и подписываетъ опредѣленіе о возобновленіи дружбы съ послами Іудейскими, но на просьбы Іудеевъ медлитъ довести о своемъ рѣшеніи особымъ указомъ до свѣдѣнія Антіоха. Однако, въ устраненіе этой трудности нѣтъ ничего не-

[1]) *Ἀρχ.* XIII, 8, 2—3. Diodor. XXXIV, 1 ed. Müller. Porphyrius у Euseb. Chron. ed. Schoene I, 255. Justin. XXXVI, 1: Judaeos quoque, qui in Macedonico imperio sub Demetrio patre armis se in libertatem vindicaverant, subegit.

[2]) RWB. I, 65, Anm.

[3]) Gesch. III, 4, aufl. 67 стр. и д.

[4]) Что здѣсь именно долженъ быть разумѣемъ Антіохъ VII Sidetes, видно изъ того, что при раннихъ Іудеи вообще еще не владѣли городами Іоппіею и Газарою, а изъ позднѣйшихъ ни одинъ не имѣлъ побужденій повторять дѣло сомнительной цѣнности. Sch. I, 206.

возможнаго принять, вмѣстѣ съ Schürer'омъ [1]), что вслѣдъ за первымъ, могло состояться и второе посольство іудейское въ Римъ, которое и достигло желаемыхъ результатовъ. И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ *Ἀρχ.* XIV, 10, 21 находимъ у Іосифа декретъ Пергамцовъ, гдѣ приводится постановленіе Римскаго Сената, имѣющее прямое и очевидное отношеніе къ данному случаю. Это особенно ясно изъ выраженнаго въ упомянутомъ постановленіи опредѣленія, чтобы царь „Антіохъ, сынъ Антіоховъ" (вмѣсто сынъ Димитрія) возвратилъ всѣ отнятые отъ Іудеевъ крѣпости, пристани, области, города, и чтобы вывелъ свои войска изъ Іоппіи. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь разумѣется именно Антіохъ VII Sidetes [2]), такъ какъ едва ли бы кто изъ слабыхъ его преемниковъ могъ снова овладѣть Іоппіею послѣ заключенія мира; равнымъ образомъ, относительно времени утвержденія этого новаго постановленія, кажется, справедлива догадка, что оно должно было предшествовать и много способствовать заключенію мира съ Антіохомъ, — мира, во всякомъ случаѣ послѣ довольно-продолжительной войны.

Такимъ образомъ, война эта во всякомъ случаѣ еще разъ показала, что маленькое Іудейское государство въ состояніи было оградить свою свободу отъ опаснаго сосѣда только до тѣхъ поръ, пока тамъ не доставало предпріимчивости. Достаточно одного натиска Антіоха VII, чтобы отвоеванная Симономъ свобода снова была потеряна Урканомъ. И только къ счастію для Іудеи эта потеря стоила меньшихъ жертвъ, чѣмъ можно было ожидать.

Для уплаты дани, востребованной Антіохомъ, Іоаннъ вскрываетъ гробницу Давидову, и беретъ изъ нея 3000 талантовъ, [3]) какъ находимъ въ *Ἀρχ.* VII, 15, 3, между тѣмъ какъ въ данномъ мѣстѣ *Ἀρχ.* XIII, 8, 4 Іосифъ только говоритъ, что Уркань употреблялъ вырытыя сокровища на содержаніе наемнаго войска [4]). Такимъ или инымъ путемъ, только наемныя войска, съ этого перваго слѣда ихъ употребленія, вошли въ обычай, и Іосифъ нѣсколько разъ говоритъ о нихъ далѣе [5]).

Между прочимъ, съ этими войсками Іоаннъ, по заключеніи мира, сотовариществовалъ Антіоху въ походѣ 128 г. на Парѳянъ [6]), хотя и не раздѣлилъ

[1]) Sch. I, 207 стр.

[2]) Ср. Schurer, I, 207. Что во всякомъ случаѣ въ обоихъ документахъ подъ Антіохомъ разумѣется одно и то же лицо, показываетъ форма выраженія въ послѣднемъ *καὶ εἴ τι ἄλλο ἀφείλετο αὐτῶν.*

[3]) талантъ=1,175 р.

[4]) Отголосокъ того же событія, если только оно не выдумка, Іосифъ даетъ въ исторіи Ирода (*Ἀρχ.* XVI, 7, 1), при чемъ неудача послѣдняго увѣковѣчена будто бы въ особомъ памятникѣ, о которомъ не могъ умолчать даже пріятель и біографъ Ирода—Николай.

[5]) Александръ Іанней, побуждаемый внутренними междоусобіями, увеличиваетъ число наемниковъ до 6200 человѣкъ. *Ἀρχ.* XIII, 13, 5; 14, 1: то же самое количество поддерживала и Александра. Иродъ Великій довелъ свои наемныя войска, (въ числѣ коихъ встрѣчаются даже Ѳракійцы и Галлы, *Ἀρχ.* XVII, 8, 3) до блестящаго состоянія, приблизивъ дисциплину и организацію ихъ къ римскимъ, заимствовавъ отъ послѣднихъ даже названія воинскихъ чиновъ.

[6]) Любопытное свидѣтельство Николая Дамаскина приводитъ объ этомъ походѣ

участь его, состоявшую въ потерѣ большей части своего войска и самой жизни († 128 г. до Хр.). Насколько это, очевидно, вынужденное также зависимостію отъ Антіоха сотоварищество было искренне и близко, предоставляется судить по тому, что Урканъ тотчасъ же, какъ только „услышалъ“ о смерти Антіоха, обращаетъ свое оружіе на оставшіяся беззащитными владѣнія Антіоха, на глазахъ, такъ сказать, его слабаго преемника Димитрія II [1]) спѣшитъ поживиться значительными областями на счетъ всѣхъ своихъ сосѣдей, отвоевываетъ многіе изъ Самарійскихъ и Идумейскихъ городовъ (на востокѣ Мидаву, на сѣверѣ—Сихемъ съ горою Гаризимъ, на югѣ у Идумеевъ — Адору и Маренсу), заставивъ Идумеянъ принять обрѣзаніе и сдѣлаться Іудеями „во второй разъ“, какъ замѣчаетъ Іосифъ [2]). Въ это же время положенъ былъ конецъ и знаменитому Гаризимскому храму, просуществовавшему 200 лѣтъ.

Успѣхамъ завоевательной политики Іоанна, которая была продолженіемъ таковой же Іонаѳана и Симона, (нося только еще болѣе сверхъ-національный характеръ отъ участія наемныхъ войскъ)—много способствовала слабость Сирійскаго царства, исполненнаго за это время всевозможныхъ раздоровъ, ссоръ и мятежей [3]). Пользуясь особенно ссорами двухъ претендентовъ Антіоха VIII Гриппа (сынъ Димитрія II † 96) и Антіоха IX Кизическаго (сынъ Антіоха VII Sidetes'a) на единовластіе въ Сиріи, Іоаннъ, снова чувствовавшій себя со смертію Антіоха VII Sidetes—совершенно независимымъ отъ Сиріи [4]), задумалъ, между прочимъ, нанести рѣшительный ударъ Самарянамъ за исконныя обиды Іудейскимъ переселенцамъ, и—послѣ годовой осады—разрушилъ до основанія главное гнѣздо ихъ—Самарію [1]), не смотря на двукратную попытку Антіоха IX Кизическаго выручить просившихъ его о томъ Самарянъ. Къ разсказу объ этомъ событіи Іосифъ присовокупляетъ „нѣчто невѣроятное“ (по словамъ его самого, *παράδοξον δέ τι περὶ τοῦ Ἀρχιερέως Ὑρκάνου λέγεται*“.... XIII, 10, 3) повѣствуемое объ Урканѣ, яко бы Самъ Богъ явился ему въ день взятія Самаріи, осаждавшейся его дѣтьми (Антигономъ и Аристовуломъ) и гласомъ возвѣстилъ ему о побѣдѣ“. О достовѣрности этого „невѣроятнаго“ можно отчасти судить по тону самого Іосифа и по характеру этой легенды, нашедшей себѣ отраженіе въ раввинистическихъ произведеніяхъ [2]).

При громкой славѣ оружія Урканова, правленіе его ознаменовалось рѣдкостнымъ благополучіемъ Іудеевъ не только въ предѣлахъ собственно Іудейскихъ, но и въ Александріи, Египтѣ, Кипрѣ и др. населенныхъ ими областяхъ. Самъ Урканъ характеризуется Іосифомъ (въ зависимости несомнѣнно отъ іудейскихъ источниковъ, возвеличивавшихъ Іоанна, какова его „хроника“) [3]), какъ одинъ изъ благополучнѣйшихъ правителей, получившій отъ Бога „три великія благодѣянія: верховную власть надъ народомъ, первосвященство и даръ пророчества или прозрѣнія“, иллюстрируемаго предсказаніемъ Уркана о своихъ сыновьяхъ, что они „недолго будутъ править народомъ“ и вышеприведеннымъ полученіемъ сверхъестественнаго извѣщенія о судьбѣ Самаріи. Нельзя не пожалѣть, что для такого, во всякомъ случаѣ, знаменитаго главы Іудевъ сообщенія о внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи Іудеи не могутъ похвалиться разносторонностію и полнотою, особенно въ послѣднемъ отношеніи. Іосифъ Флавій здѣсь для насъ столь же скуденъ, какъ и другіе источники, и только для второй половины правленія Іоанна онъ передаетъ весьма важное въ разсужденіи внутренней политики Іоанна событіе — разрывъ съ Фарисеями и переходъ на сторону Саддукеевъ. Выступая впервые здѣсь въ столь дѣятельной роли на сцену исторіи подъ этими именами, обѣ поименованныя партіи вызываютъ на любопытныя и весьма важныя подробности о нихъ Іосифа.

Принимая во вниманіе все, что говоритъ Іосифъ въ разныхъ мѣстахъ о Фарисеяхъ, Саддукеяхъ и Ессеяхъ, мы попытаемся дать здѣсь хотя общую оцѣнку столь важнаго матеріала, съ которымъ долженъ знакомиться каждый историкъ и описатель этихъ достопамятныхъ религіозныхъ партій Іудейства.

Іосифъ, какъ Антіохъ ради Іудеевъ, праздновавшихъ однажды одинъ изъ своихъ праздниковъ, пріостановилъ движеніе своихъ войскъ и пробылъ на одномъ мѣстѣ 2 дня. Кромѣ Николая, объ этомъ походѣ и смерти Антіоха говоритъ Іустин. XXXVIII, 10. XXXIX. 1. Diodor. XXXIV, 15—17 ed. Müller. Livius Epit. 39, Appian. Syr. 68. Porphyrius у Euseb. Chron. ed Schoene, I, 255.

[1]) О немъ говорятъ: Iystin. XXXVI, 1: XXXIX. 1; XXXVIII, 9—10; Appian. Syr. 67. 68; Porhyrius у Euseb. Chron. ed. Schoene I, 255. (Никаторъ † 125/124 г.).

[2]) Съ этого времени, іудаизированная страна Идумейская управлялась іудейскими начальниками, сынъ одного изъ коихъ, Антипатра (родомъ Идумеянина), сдѣлался впослѣдствіи царемъ Іудейскимъ. Самое іудаизированіе не встрѣтило со стороны Идумеевъ большихъ препятствій. Болѣе того: обращенные заявляли себя даже особенною вѣрностію новой религіи, считая Іерусалимъ какъ бы матерью своихъ городовъ и требуя себѣ имя іудеевъ (*Ἀρχ.* XX, 7, 7: *περὶ ἀλ.* I, 10, 4; IV, 4, 4), въ которомъ, впрочемъ, Іудейская аристократія готова была имъ отказывать, соблаговоляя лишь на болѣе скромное имя *ἡμιουδαῖοι* и зазирая особенно этимъ Ирода: *Ἀρχ.* XIV. 15, 2 *Ἡρῴδῃ... ἰδιώτῃ τε ὄντι καὶ Ἰδουμαίῳ τουτέστιν ἡμιουδαίῳ.*

[3]) Ненависть подданныхъ и войновъ къ Димитрію II. Ходатайство первыхъ предъ Птоломеемъ VII Фисономъ о его низложеніи и дарованіи другого Селевкида. Борьба Димитрія II съ Птоломеевымъ претендентомъ—Александромъ Забиною, пораженіе и смерть. Смерть также Александра въ сраженіи съ сыномъ Димитрія—Антіохомъ VIII Гриппомъ. Междоусобная борьба его со своимъ братомъ по матери Антіохомъ IX, сыномъ Антіоха Сотера (Кизическимъ), о чемъ мы прямо и начинаемъ говорить въ текстѣ, оставляя въ сторонѣ второстепенное для Іудеи.

[4]) *Ἀρχ.* XIII, 10, 1: *οὔτε ὡς ὑπήκοος οὔτε ὡς φίλος αὐτοῖς οὐδὲν ἔτι παρεῖχεν.*

---

[1]) 25 Marcheschwan (=Ноября) по Megillath Taanith. См. Graetz III, 4 aufl. стр. 566; Derenbourg. Histoire, p. 72 и д. Годъ разрушенія устанавливается изъ того, что, съ одной стороны, Антіохъ Кизическій уже былъ въ безмятежномъ обладаніи Киликіи-Сиріею (съ 111 г. до Хр.), съ другой—Птоломей Лаѳуръ былъ уже соправителемъ своей матери Клеопатры (до 107 г.). Вѣроятно, паденіе Самаріи ближе къ этому второму предѣлу (около 107 г.), см. Schürer I, 211, прим. 22-е. Что касается перехода Скиѳополиса къ Іудеямъ, то по *Ἀρχ.* XIII, 10, 2—3 онъ былъ переданъ имъ черезъ измѣну, а по *περὶ ἁλώσ.* I, 2, 7, былъ ими завоеванъ (срв. Schürer, II, 97 — 99). То и другое, впрочемъ, не совсѣмъ несоединимо.

[2]) См. Tosephta, тр. Sôta, с. 13 и др. собранныя у Derenbourg'a, p. 74—раввинист. мѣста.

[3]) Bloch. 91 стр.

Впервые краткое упоминаніе о религіозныхъ „толкахъ“ Іосифъ дѣлаетъ при описаніи дѣятельности первосвященника Іонаѳана, послѣ разсказа о возобновленіи имъ дружбы съ Римомъ и Спартою, и прежде повѣствованія объ укрѣпленіи имъ Іерусалима послѣ пораженія Димитріевыхъ полководцевъ [1]). Вообще, характеръ предшествующаго и послѣдующаго этому случайному упоминанію таковъ, что совершенно не приложимъ для уясненія точнаго времени происхожденія и почвы или подготовки религіозныхъ движеній, выродившихся въ названные „толки“, съ ихъ специфическими особенностями, и мало даже представляетъ данныхъ на то, чтобы, по крайней мѣрѣ, *хронологически* помѣщеніе замѣтки о толкахъ отвѣчало ихъ дѣйствительному появленію въ это время. Замѣтка эта говоритъ только, что въ то время *существовали* (ἦσαν) (а не появились) три различныхъ между собою *περὶ τῶν ἀνθρωπίνων πραγμάτων* толка“. Напрасно пытались бы мы вывести такія указанія и изъ анализа ихъ ученія съ соотвѣтствующими каждому толку особенностями. За то собственно относительно особенностей ученія и воззрѣній каждаго изъ указанныхъ „толковъ“ и историческихъ судебъ послѣднихъ сообщенія Іосифа нельзя не признать важными.

Точкою соприкосновенія между системами убѣжденій всѣхъ толковъ Іосифъ полагаетъ ученіе о судьбѣ, различая ихъ такимъ образомъ, что Фарисеи допускали не безусловно вмѣшательство судьбы, Ессеи—безусловно, а Саддукеи—безусловно не допускали ея [2]). При очевидной искусственности и предвзятости этого различенія, находящаго свое достаточное объясненіе въ тщеславномъ намѣреніи Іосифа возвысить значеніе Іудейства въ глазахъ такого философствующаго народа, какъ греки, мы должны установить здѣсь болѣе дѣйствительныя отличительныя особенности и раскрыть ихъ истинный характеръ и значеніе каждой изъ указанныхъ религіозныхъ партій. Неудача попытки Іосифа навязать философскій элементъ отличительнымъ особенностямъ ученія Іудейскихъ религіозныхъ партій видна уже на терминѣ его. *εἱμαρμένη*. Правда, *εἱμαρμένη* Іосифа далеко не то, что „fatum“ философіи, какъ это видно изъ *περὶ ἀλώσ.* II, 8, 14, гдѣ Іосифъ не Бога ей, а ее Богу подчиняетъ и сливаетъ съ Нимъ, говоря: *φαρισαῖοι εἱμαρμένῃ καὶ θεῷ προσάπτουσι πάντα;* но тѣмъ болѣе выступаетъ его неестественность и натяжка. И если освободить мысль Іосифа отъ этой чуждой ей оболочки, то получится въ основѣ различія фарисейства и саддукейства лишь воззрѣніе на отношеніе человѣческой свободы къ волѣ Божіей, при чемъ фарисеи были, по мысли Іосифа, тѣхъ убѣжденій, что за исключеніемъ грѣховныхъ всѣ дѣйствія человѣка возводятся къ Богу, а саддукеи, наоборотъ, отказывали во всякомъ вліяніи Его на дѣла и судьбы человѣческія (XVIII, 1, 3 и XIII, 5, 9). Graetz (455 стр.) небезъосновательно отвергаетъ и въ такой смягченной формѣ различеніе этихъ двухъ партій, находя болѣе естественнымъ полагать въ основу различіе не абстрактно-теоретическое, а кон-

[1]) *Ἀρχ.* XIII, 5, 9.

[2]) *Ἀρχ.* XIII, 5, 9. Классическое мѣсто о всѣхъ этихъ партіяхъ Gerlach видитъ въ *περὶ ἀλώσ.* II, 8. Не менѣе достаточныя свѣдѣнія въ *Ἀρχ.* XVIII, 1, 2—6.

кретно-политическое, и совершенно справедливо замѣчаетъ, что практическія обнаруженія каждой партіи идутъ глубже въ древность и выступаютъ ярче отвлеченно-теоретическихъ резюмированій и метафизическихъ формулировокъ ихъ ученія, обязанныхъ болѣе синтезирующимъ способностямъ изслѣдователей этихъ партій, чѣмъ самимъ ихъ послѣдователямъ. Мысль Graetz'а очень удобно помогаетъ опредѣлить или, по крайней мѣрѣ, выяснить время и почву самаго зарожденія названныхъ партій, и нѣтъ сомнѣнія, что поправка Іосифа въ смыслѣ Graetz'а самая необходимая и надежная. Она не только наилучшимъ образомъ оправдываетъ распространенное мнѣніе о томъ, что фарисейство должно было быть прямымъ и естественнымъ продолженіемъ „Асидеевъ“ (חֲסִידִים—благочестивые), партіи „православныхъ“ евреевъ [1]), въ отличіе отъ „нечестивыхъ“ [2]) и „беззаконныхъ“ [3]), т. е. евреевъ эллинизировавшихся до измѣны своей отцовской вѣрѣ и обычаямъ,—но и наводитъ на болѣе отдаленныя и опредѣленныя основанія, на которыхъ развились эти два цвѣтка послѣплѣннаго Іудейства. Подобно тому, какъ חֲסִידִים, эти плотскіе родители perus-chim, פרושים (отъ פרישות?—воздержность, простота; по другимъ, отъ פְּרָס, награда, ибо они служили ради награды, и въ противность саддукеямъ вѣрили въ награды и наказанія будущей жизни) въ лицѣ Jochanan'а упрекали (въ одномъ древнемъ фрагментѣ) [4]) Асмонеевъ, что они „взыскали“ человѣческой помощи отъ Персовъ и чрезъ это нѣкоторымъ образомъ усумнились въ безграничномъ всемогуществѣ Божества, подпавъ суду Божественнаго слова: „проклятъ человѣкъ...., плоть избирающій себѣ въ помощь и свое сердце отъ Бога отвращающій“;—подобно этому—и фарисейская партія явилась прежде всего олицетвореніемъ протеста противъ всякихъ дипломатическихъ связей съ язычниками, на какія въ послѣднее время усиленно стала растрачиваться государственная мудрость правителей Іудейскихъ подъ постояннымъ давленіемъ затруднительныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ нѣкогда со стороны Сиріи. Именно противъ этой государственной мудрости Graetz находитъ направленнымъ фарисейскій принципъ, что всякое послѣдствіе, столько же какъ всякая неудача—единственно и всецѣло зависятъ отъ Бога, и человѣческое участіе здѣсь не при чемъ [5]). Этотъ принципъ, впрочемъ, не былъ новымъ; новымъ здѣсь являлось только развѣ его приложеніе, вызванное новыми обстоятельствами и духомъ времени.

Если такова подпочва, на которой произросъ соотвѣтствующій плодъ и если возникновеніе саддукейства такъ же предполагается возникновеніемъ фарисейства, какъ положительная электрическая энергія отрицательною, то есте-

[1]) I Мак. 2, 42; 7, 13; 2 Мак. XIV. 5. Скалигеръ, Серарій и Друзій—относятъ появленіе секты ко времени Маккавеевъ, Casaubon полагаетъ начало секты за 200 л. до Хр. Basnage отказывается опредѣлить время появленія Фарисеевъ вовсе, и называетъ это безполезнымъ изысканіемъ, Іуд. Ист. II, 20.

[2]) I Мак. III, 8; VI, 21; VII, 5.

[3]) I Мак. III, 6; IX, 23.

[4]) Bet ha-Midrasch, I, 140.

[5]) Graetz, 456 стр.

ственно придти къ мысли, что тойже самой почвѣ обязана своимъ появленіемъ и другая Іудейская партія [1]). Graetz склоненъ даже считать именно ее болѣе раннею и производящею, находя ея прародителей среди Асмонейскихъ вождей-дипломатовъ, которые старались поддерживать свой престижъ дружественными сношеніями съ сосѣдними могущественными государствами и этимъ неизбѣжно открывали двери иноземному вліянію. То вѣрно, конечно, что одна крайность неизбѣжно разрѣшается другою крайностію; тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть, что подобное объясненіе столь сложнаго явленія столь простою причиною не способно удовлетворить вдумчиваго изслѣдователя. То обстоятельство, что сторонниками этой партіи была іудейская аристократія, что часто повторяетъ Іосифъ, [2]) во всякомъ случаѣ говоритъ болѣе о томъ, что она отличалась большею любовію къ жизни, нежели — чтобы она держалась болѣе здравыхъ „асмонействующихъ“ понятій на внѣшнія сношенія и была только „недоразумѣніемъ“ для фарисейства, пользовавшагося, кстати замѣтить, болѣе симпатіями простаго народа, особенно женщинъ. Впрочемъ, того сложнаго характера отношеній, въ какомъ мы видимъ эти партіи позднѣе, конечно, могли достигнуть онѣ лишь съ теченіемъ времени, и такая или иная почва и толчекъ для ихъ появленія могла нисколько не предопредѣлять ихъ будущаго, какъ вообще бываетъ нерѣдко въ исторіи въ подобныхъ случаяхъ. Таково въ дѣйствительности главное различіе двухъ противоположныхъ и главныхъ іудейскихъ партій по обстоятельствамъ самаго ихъ возникновенія и по ихъ основному характеру.

Другое различеніе Іосифомъ этихъ партій—по ученію о возмездіи послѣ смерти и вытекающему отсюда ученію о безсмертіи души—едва ли подлежитъ исправленію въ такой мѣрѣ, въ какой это находитъ возможнымъ Graetz. Нѣтъ сомнѣнія, что фарисеи и саддукеи описываемаго Іосифомъ времени были далеко не тѣ, какими они стали послѣ, и что Іосифъ, различая ихъ въ разбираемомъ отношеніи, надѣлялъ тѣхъ и другихъ такими чертами, которыя отражали на себѣ воззрѣнія позднѣйшаго времени. Но это не можетъ быть поставлено въ особенный недостатокъ Іосифу, и все исправленіе его въ этомъ пунктѣ можно безъ большого ущерба дѣлу ограничить лишь оговоркою, въ какое время фарисеи или саддукеи были такими, и въ какое—иными, если только это можетъ быть опредѣлено болѣе или менѣе точно. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого основанія заподозрѣвать компетентность свидѣтельства Евангелиста, что „саддукеи глаголютъ не быти воскресенію, ни ангеламъ, ни духу“ (Дѣян. XXIII, 8. Марк. XII, 12), и что такое ученіе должно было имѣть послѣдствіемъ или причиною именно указываемыя Іосифомъ отличительныя эсхатологическія воззрѣнія, какъ у саддукеевъ, такъ и у прямо противоположныхъ имъ фарисеевъ. Говоря прямо, фарисеи именно были послѣдователями того ученія, что „душа безсмертна, и что проводившіе добродѣтельную или порочную жизнь, получаютъ въ послѣземной жизни награжденіе или наказаніе—грѣшники въ вѣчномъ заключеніи, а праведники въ особой новой жизни, для которой они вновь воскреснутъ“; [1]) а саддукеи отрицали все это, и, поставляя счастіе здѣшней жизни въ полную зависимость отъ самого человѣка (между прочимъ, путемъ исполненія закона), учили объ уничтоженіи души его вмѣстѣ съ тѣломъ.

[1]) Появленіе этой партіи относятъ ко времени первосвящ. Оніи. Основателями ея считаютъ Антигона и *Садока*, по имени котораго получила названіе и самая партія. Основною мыслію ученія Антигона было положеніе, что Богу д. покланяться изъ чистой любви къ Нему, а не изъ чаянія награды. Отсюда, далѣе, произошли нелѣпые толки его учениковъ, что не д. вѣрить безсмертію души и будущимъ воздаяніямъ. См. Basnage. Іуд. исторія.

[2]) XVIII, 1, 4.

Наконецъ, нельзя отказать Іосифу въ компетентности и вѣрности различенія фарисейства и саддукейства съ морально-практической стороны, съ которой они прежде всего себя заявляли, особенно по ихъ отношенію къ религіознымъ заповѣдямъ, не находящимся въ Писаніи, которыя отрицались саддукеями, признававшими единственнымъ и достаточнымъ правиломъ жизни то только, что предлагаетъ Писаніе, но пользовались уваженіемъ и обязательностію, наравнѣ съ Писаніемъ, отъ фарисеевъ, [2]) проводившихъ съ большимъ успѣхомъ и въ народѣ свои неизвѣстныя въ законѣ Моисеевомъ, основанныя на преданіи, правила внѣшней жизни. Можетъ быть, это различіе, какъ утверждаетъ Graetz, не имѣло вначалѣ того непримиримо оппозиціоннаго характера, какой оно приняло послѣ, выступивъ впервые въ упомянутомъ инцидентѣ при Іоаннѣ Урканѣ. Но неизбѣжность такого исхода намѣчалась уже самыми обстоятельствами появленія той и другой партіи. Если кровавое наступленіе на Іудейство со стороны еллинизма и Сирійскаго вліянія вызвало къ жизни фарисейство, какъ энергическую реакцію противъ отступленія отъ закона и обычаевъ (равно также и ессейство), то крайность этой реакціи, начавшей штемпелевать и обычай въ качествѣ религіозной заповѣди, вызвала саддукейство, какъ, съ другой стороны, выступленіе этого и проведеніе на дѣлѣ дало пищу—обреченному было къ паденію—фарисейству. Оппозиціонный характеръ саддукейства по отношенію къ фарисейству здѣсь, впрочемъ, имѣлъ нѣкоторую осмысленную опредѣленность и сдержанную основательность. Онъ противостоялъ скрупулезной религіозности и щепетильности фарисейства безъ того, чтобы менѣе уважать Іудейство. Онъ протестовалъ усиленію строгости закона не отрицаніемъ послѣдняго, а апелляціей къ этому самому закону, и неимѣніе другой опредѣленной системы кромѣ Пятокнижія здѣсь было б. м. лучшимъ опроверженіемъ фарисейскихъ предписаній. Объединяя всѣ эти главныя различія и находя ихъ достаточными для характеристики обѣихъ партій, Graetz устанавливаетъ такое общее и существенно отличающее ихъ опредѣленіе. Первая (фарисейская) партія, исходя изъ религіозной точки зрѣнія, въ исключительную заботу Іудея поставляла религіозную цѣлость и неприкосновенность Іудейства, и этимъ критиковала всѣ политическія мѣропріятія, которыя, по ихъ воззрѣнію, должны быть совершенно подчинены религіознымъ интересамъ.

[1]) Ἀρχ. XVIII, 1, 3.

[2]) Ἀρχ. XIII, 10, 6.

Вторая, исходя изъ точки зрѣнія политической, ограничивала долгъ Іудея задачами временнаго благополучія Іудейскаго государства, предоставляя религіи только ограниченное вліяніе на государственный строй. Лучшее обнаруженіе этихъ особенностей той и другой партіи видимъ въ ихъ крайностяхъ, когда саддукеи, все возводя къ политическому принципу и оппозируя религіозному направленію, въ концѣ концовъ выродились въ людей совершенно безрелигіозныхъ, а фарисеи, постоянно сталкиваясь въ силу своего религіознаго принципа съ политическимъ направленіемъ жизни и выступая врагами государственности и религіозными республиканами (Галилеяне), дали, наконецъ, въ своей послѣдней стадіи политическій зилотизмъ. По численности фарисеи занимали первое мѣсто; при вступленіи на царство Ирода, 6000 изъ нихъ отказали въ присягѣ ему и кесарю. Меньше было саддукеевъ: это была, такъ сказать, привиллегированная партія изъ высшихъ классовъ, погрязавшихъ въ роскоши и удовольствіяхъ; человѣку бѣдному и труженику она была бы безумiемъ. Вліятельнѣйшею и могущественнѣйшею партіею была, несомнѣнно, фарисейская. Іосифъ сохранилъ не мало достопамятныхъ свѣдѣній объ ихъ могучемъ вліяніи на среду. Это были своего рода „іезуиты“ еврейскаго государства, казуистическимъ обхожденіемъ закона, при лицемѣрномъ исполненіи его, умѣвшіе все обращать къ своей славѣ и положительно повелѣвавшіе всѣмъ народомъ, у котораго они находились въ такомъ уваженіи, по словамъ Іосифа, что „хотя бы говорили что противъ царя и первосвященника, безпрепятственно имъ въ томъ вѣрили“. Изъ неоднократныхъ свидѣтельствъ самого Іосифа отлично видно, что это „хотя“ не было допущеніемъ одной возможности—предположеніемъ, но было самою дѣйствительностію. Для правителей они были незамѣнимою поддержкою въ ихъ положеніи, когда тѣ съумѣли привлечь ихъ на свою сторону; въ противномъ случаѣ, они являлись противъ нихъ постоянными агитаторами, тѣмъ болѣе опасными, что не только всегда жили съ народомъ и въ народѣ, но и были въ такомъ уваженіи у него. Временемъ ихъ особеннаго владычества было царствованіе Александры, ловко воспользовавшейся ихъ симпатіями и услугами для поддержанія своей династіи. Весьма выразительно заявили они себя также въ правленіе Ирода, во всѣхъ смутныхъ обстоятельствахъ жизни котораго такъ или иначе непремѣнно можно находить замѣшанными именно фарисеевъ, какъ нерѣдко называетъ ихъ прямо Іосифъ.

Столь же энергично проводила въ жизнь свои противоположныя фарисейству стремленія партія саддукеевъ. Ихъ антиагитаторская дѣятельность по отношенію къ фарисеямъ была естественнымъ противовѣсомъ фарисейскому вліянію на дѣла, и это-то особенно заставляло опираться на саддукейство всѣхъ тѣхъ правителей Іудейскихъ, которые желали быть болѣе самодержавными рѣшителями народныхъ судебъ. Иродъ доходилъ до крайностей въ данномъ случаѣ, предоставляя саддукеямъ даже первосвященническое достоинство, хотя нельзя не находить эту крайность вынужденнымъ отвѣтомъ на чудовищное агитаторство фарисеевъ.

Особнякомъ отъ обѣихъ этихъ партій стояло ессейство, *аскетическая партія*, которую самъ Іосифъ по роду жизни уподобляетъ Пиѳагоровымъ послѣдователямъ (*Ἀρχ.* XV, 10, 4, срв. *περὶ ἀλώσ.* II. 8), но которая, впрочемъ,—нельзя не согласиться съ Graetz'омъ, и Frankel'емъ, — едва ли могла происходить изъ этого чуждаго ей источника, и едва ли не выродилась на той же почвѣ (חֲסִידִים), какъ и фарисейство, съ которымъ она также имѣетъ не мало общаго. Еще ближе къ дѣйствительности поставить возникновеніе ессейства въ связь съ тѣмъ назорейскимъ движеніемъ, которое, по Талмуду [1]) и другимъ источникамъ, дало массы послѣдователей въ послѣплѣнное время, съ тою характерною особенностію, что ессеи являлись назореями *на всю жизнь* (נזיר עולם. Nasir. 4a) и съ тою строгостію, которая мѣркою общеобязательнаго совершенства поставляла для Іудея (народъ священниковъ) чистоту жизни высшаго священническаго сословія. Стремленіе сдѣлать эту чистоту *постоянною* повело къ удаленію отъ брака, что, впрочемъ, едва ли составляло принципъ ессейства, а не внушалось лишь, какъ избавляющее отъ усиленныхъ заботъ по охраненію строгой и постоянной чистоты. [2]) Болѣе частными отличительными особенностями ессеевъ были: ихъ обособленность въ священнодѣйствіяхъ (не приносили сами жертвъ во храмѣ, хотя, какъ говорятъ авторы „Іудейскихъ писемъ къ Вольтеру“—„посылали туда оныя“ I, 163), коммунизмъ, отшельническая жизнь, ежедневныя омовенія, общія трапезы при одинаковомъ образѣ жизни и какое-то особенное искусство, или способность врачеванія, что Іосифъ объясняетъ изученіемъ „писаній древнихъ“, [3]) и даже даръ пророчества, [4]) достигаемый „постояннымъ упражненіемъ въ священныхъ книгахъ, различныхъ очищеніяхъ и изреченіяхъ пророческихъ.“ [5]) Первые изъ ессеевъ, упоминаемые Флавіемъ, [6]) жили около 110 г. до Р. Хр. не въ удаленіи отъ общества, почему можно не безъ основанія полагать, что первоначально это удаленіе не было особенностію партіи и явилось лишь въ позднѣйшихъ стадіяхъ ея развитія. Только въ *βίος* (2) Іосифъ даетъ понять, что ессеи (коихъ онъ насчитываетъ до 4000) жили въ необитаемыхъ мѣстностяхъ, при чемъ его выраженіе *κατὰ τὴν ἐρημίαν* указываетъ, повидимому, на опредѣленную „Іудейскую“ пустыню, а Плиній, [7]) дополняя Іосифа, указываетъ

[1]) Tosèphta, Nasir, c. 4. Babli Berachot 48 a.

[2]) Самъ Іосифъ упоминаетъ объ особой фракціи ессеевъ, которая съ извѣстными предосторожностями вполнѣ позволяла бракъ и находила его почти необходимымъ, чтобы не прекратился человѣческій родъ (*περὶ ἀλώσ.* II, 8, 13).

[3]) *περὶ ἀλώσ.* II, 8, 6: *σπουδάζουσι δὲ ἐκτόπως τὰ τῶν παλαιῶν συγγράμματα μάλιστα τὰ πρὸς ἀφέλειαν ψυχῆς καὶ σώματος ἐκλέγοντες. Ἔνθεν αὐτοῖς πρὸς θεραπείαν παθῶν ῥίζαι τε ἀλεξιτήριοι καὶ λίθων ἰδιότητες ἀνερευνῶνται.* См. выше стр. 29 и 154.

[4]) Примѣры сего у Іосифа можно видѣть въ *Ἀρχ.* XIII, 11, 2, гдѣ Іуда, ессей, предсказываетъ смерть Антигона; въ XV, 10, 5 Менахемъ подобнымъ же образомъ предсказываетъ Ироду корону Іудейскаго царства; наконецъ, XVII, 13, 3 Симонъ толкуетъ пророческое значеніе сна Архелая. Сюда же Graetz относитъ всѣхъ лжепророковъ и лжемессій, которые поджигали въ народѣ упорство въ борьбѣ съ Римлянами (*περὶ ἁλώσ.* II, 13, 4; VI, 5, 2).

[5]) *περὶ ἀλώσ.* II, 8, 12.

[6]) *περὶ ἀλώσ.* I, 3, 5; *Ἀρχ.* XIII, 11, 2; XV, 10, 5 и т. д.

[7]) historia naturalis, V, 17. Ab occidente litora (maris asphaltitis) Esseni fugiunt..

прямо мѣстожительство ессеевъ на западѣ Мертваго моря, и именно въ Енгадди. При своей замкнутости и отрѣшенности отъ міра, ессейство такъ же безшумно оставило историческую арену, какъ безшумно играло на ней свою скромную малозамѣтную роль, въ то время какъ обѣ первыя партіи, взаимно исключая другъ друга, хотѣли преобладать своимъ вліяніемъ на среду во всѣхъ подходящихъ для сего случаяхъ, и по самому существу своему не могли бы успокоиться на ессейски—безразличномъ и безжизненномъ нейтралитетѣ.

Продолжимъ нашъ прерванный разсказъ объ инцидентѣ второй половины Уркановa правленія. Внѣшніе поводы къ разрыву съ фарисеями у Іосифа и въ Талмудѣ представлены одинаково. Однажды Уркань (Іосифъ называетъ его весьма любимымъ когда-то ученикомъ фарисеевъ) въ собраніи фарисеевъ предложилъ послѣднимъ указать въ немъ какую-либо погрѣшность или недостатокъ, мотивируя это желаніемъ исправиться въ своей слабости [1]). Среди единогласно льстивыхъ засвидѣтельствованій Уркановыхъ добродѣтелей, раздался голосъ противоположной крайности—голосъ одного сварливаго фарисея (Елеазара), рекомендовавшаго желавшему слышать истину и быть справедливымъ, чтобы онъ, какъ происшедшій отъ невольницы (взятой въ плѣнъ при Антіохѣ Епифанѣ), отказался отъ первосвященства и удовольствовался одною свѣтскою властію. Іосифъ называетъ это „ложью“, которою оскорбился не только Уркань, но и остальные фарисеи. Между тѣмъ, одинъ изъ любимцевъ Уркана, державшійся саддукейства (Іонаѳанъ), успѣлъ увѣрить правителя, что обида причинена ему не безъ общаго одобренія всѣхъ фарисеевъ, въ чемъ скоро убѣдился и самъ Уркань. Послѣдствія этого инцидента, почерпнутаго Іосифомъ изъ устнаго преданія и носящаго анекдотически-легендарный характеръ, были такъ или иначе очень неблагопріятны для фарисеевъ, но не столь благопріятны и для самого Уркана. Наущаемый Іонаѳаномъ, онъ приблизилъ къ себѣ саддукеевъ, и воздвигъ жестокое гоненіе на фарисеевъ; но это возбудило къ нему и его династіи крайнюю ненависть всего народа, какъ извѣстно, благоговѣвшаго предъ фарисеями, пока, наконецъ, Александра не отмѣнила установившейся со временъ Уркана политики по отношенію къ фарисеямъ и не возстановила ихъ свободу и вліяніе.

Соглашаясь съ Іосифомъ, во всякомъ случаѣ, на томъ, что правленіе такой даровитой личности, какъ Уркань, не могло быть несчастливымъ для Іудеи, мы видимъ достаточное подтвержденіе этого уже въ томъ, что она впервые послѣ смерти Соломона увидѣла себя вновь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ была при названномъ царѣ, и надолго отдохнула отъ безпрерывныхъ и тяжкихъ обидъ со стороны своихъ исконн враждовавшихъ сосѣдей. Какъ кажется, это значеніе Уркановыхъ заслугъ по достоинству должно было оцѣниться и потомствомъ, и часто упоминаемая [2]) Іосифомъ въ числѣ великихъ „гробница

Infra hos Engadda oppidum fuit. Свидѣтельства Плинія о нравахъ и организаціи ессеевъ почти не отличаются отъ Іосифа.

[1]) Параллель въ Talmud. Babyl., Kidduschin 66 a.

[2]) *περὶ ἀλ.* V, 6, 2; 7, 3; 9, 2; 11, 4;—VI, 2, 10.

первосвященника Іоанна“ въ окрестностяхъ Іерусалима едва ли не была достойнымъ памятникомъ и данью признательности этому правителю со стороны народа.

§ 27. Аристовулъ I-й (104—103 до Хр.).

Ἀρχ. XIII, 11; περὶ ἀλώσ. I, 3 [1]).

Послѣ Іоанна, скончавшагося въ 104 г. до Р. Х. на 31 году своего правленія, осталась супруга и 5 сыновей. Послѣдняя воля почившаго предназначила было правленіе вдовѣ [2]), въ то время какъ старшій изъ сыновей—Іуда, носившій греческое имя Аристовула, долженъ былъ получить первосвященство. Но не довольствуясь этимъ, Аристовулъ пожелалъ наслѣдовать все, что имѣлъ его отецъ, и не остановился предъ самыми жестокими мѣрами для насыщенія своего властолюбія. Дико представить, что главную свою соперницу—родную мать—этотъ, не столь достойный такого отца—сынъ, нашедшій не недостойнымъ своего унаслѣдованнаго и кровью закрѣпленнаго величія—перемѣнить званіе „верховнаго правителя“ на царское и первый изъ Асмонеевъ возложившій на себя вѣнецъ царскій, не позазрился совѣстію заключить въ темницу и уморить тамъ голодною смертію, а братьевъ все время томилъ въ узахъ, за исключеніемъ второго изъ нихъ—Антигона, къ которому онъ питалъ такое довѣріе и любовь, что дѣлилъ съ нимъ даже царскую власть. Скоро, однако, и этотъ впалъ въ еще худшую участь, чѣмъ его братья. Толпы завистниковъ оклеветали его предъ Аристовуломъ въ намѣреніи самому овладѣть верховною властью, и коварно подвели его подъ смертный ударъ. Трагическія подробности объ этомъ Іосифа дышутъ жизненною правдивостью и неподдѣльностью. Уступая злымъ навѣтамъ клеветниковъ, Аристовулъ придумываетъ испытаніе надежности своего брата и,ославъ послѣднему приглашеніе явиться къ нему безоружнымъ, приказываетъ между тѣмъ своему тѣлохранителю убить Антигона, какъ только онъ завидитъ его въ оружіи. Ловкая перетасовка приглашенія врагами несчастнаго юноши сдѣлала то, что послѣдній спокойно направился въ покои брата блистая вооруженіемъ, и, конечно, вмѣсто надежды угодить приглашавшему, встрѣтилъ тотчасъ же гибель отъ меча, какъ посягатель на царскую особу. Напраслина этой жестокости не замедлила обнаружиться, и наказала безсердечнаго властолюбца столь страшными угрызеніями совѣсти, что онъ преждевременно сошолъ въ могилу, процарствовавъ всего

[1]) Важнѣйшимъ пособіемъ и отчасти образцомъ при изложеніи послѣднихъ отдѣловъ настоящаго труда вообще служилъ капитальнѣйшій трудъ *Schürer*'а, и указываемые въ немъ другіе авторы; для насъ болѣе всего важно критическое и уяснительное отношеніе къ Іосифу, достигаемое, при его послѣдовательномъ изложеніи, (у всѣхъ историковъ одинаково близкомъ къ Археологіи), главнымъ образомъ, попутными вставками и примѣчаніями.

[2]) XIII, 11, 1; *περὶ ἀλ.* I, 3, 1.

одинъ только годъ [1]). Политика пренебреженія къ фарисейству, установившаяся въ послѣднюю половину предшествующаго царствованія, была господствовавшею за все, хотя и кратковременное, продолженіе царствованія настоящаго. Самое усвоеніе Аристовуломъ царскаго древнеизраильскаго титула, впервые послѣ 381-лѣтняго перерыва, было возможно, очевидно, лишь при указанномъ пренебреженіи. Вообще относительно царской власти во Израилѣ фарисеи могли имѣть только 2 представленія: или Богъ долженъ быть признаваемъ единственнымъ законнымъ Царемъ страны и тогда—ни о какомъ земномъ царѣ не могло быть и рѣчи; или же оставалось признавать законнымъ возвеличенный пророками царскій родъ Давида и въ такомъ случаѣ—царь изъ колѣна Левіина, каковъ былъ Асмоней Аристовулъ, не могъ быть, очевидно, царемъ законнымъ и желательнымъ. Какъ кажется, вынужденъ былъ считаться съ этою альтернативою и самъ Аристовулъ, когда, не находя опоры для себя въ этихъ воззрѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ Св. Писанія, признавалъ умѣстнымъ прилагать къ своему имени царскій титулъ только на греческомъ языкѣ. Другая особенность правленія Аристовула въ связи съ тѣмъ же общимъ духомъ его политики открывается въ его отношеніи къ греческой культурѣ, элементы которой, до сихъ поръ сдерживаемые до насильственнаго подавленія, выдвинулись опять съ тѣмъ большею силою, особенно послѣ устраненія фарисеевъ при Іоаннѣ Гирканѣ.

Могучая волна безудержнаго еллинизма настолько увлекала Аристовула, что онъ отличенъ наименованіемъ *φιλέλλην*'а, [2]) т. е. друга Грековъ, не оставаясь въ долгу передъ чѣмъ и историки греческіе (Страбонъ, Тимагенъ и др.) характеризуютъ его, какъ „мужа благоразумнаго и много полезнаго Іудеямъ", ссылаясь, между прочимъ, на его Итурейскіе успѣхи. Впрочемъ, едва ли еллинофильство Аристовула и благосклонное отношеніе его къ греческой культурѣ было новостью и исключительной привиллегіей Аристовула. Уже то обстоятельство, что его отецъ даетъ своимъ дѣтямъ греческія имена (*Ἀριστόβουλος* [3]), *Ἀντίγονος*, *Ἀλέξανδρος*) показываетъ, что Аристовулъ шелъ лишь по дорогѣ, проторенной его предшественникомъ. Нельзя также не видѣть, съ другой стороны, и того, что самое еллинофильство отнюдь не препятствовало Іудейскому правителю оставаться или, по крайней мѣрѣ, казаться истымъ Іудеемъ, какъ показываютъ особенно тѣже Итурейскія завоеванія Аристовула, сопровождавшіяся принужденіемъ побѣжденныхъ къ обрѣзанію и принятію другихъ Іудейскихъ обычаевъ. Чтобы не преувеличивать, впрочемъ, успѣховъ и размѣровъ этого іудаизированія Аристовуломъ покоренныхъ мѣстностей, не надо забывать, что Іосифъ говоритъ о покореніи и іудаизированіи не вообще „Итуреи", а только „части" ея, вѣроятно, пограничной съ Галилеею; и такъ какъ эта послѣдняя до сихъ поръ еще не входила цѣликомъ въ область Іудейскихъ вла-

[1]) XIII, 11, 1—3; *περὶ ἀλ.* I, 3, 1—6.

[2]) *χρισαίσας μὲν φιλέλλην*. По связи рѣчи это нужно, кажется, понимать не въ томъ смыслѣ, что „онъ назывался *φιλέλλην*", но „онъ поступалъ какъ другъ Грековъ".

[3]) Еврейское имя Аристовула Іуда (*Ἀρχ.* XX, 10) встрѣчается на монетахъ его времени, въ соединеніи съ его званіемъ: „Іуда—первосвященникъ".

дѣній [1]), и также оставалась болѣе языческою, чѣмъ іудейскою, то надо полагать, что именно на Галилеѣ должна была главнымъ образомъ сосредоточиться іудаизирующая энергія Аристовула и чрезъ нее сдѣлать успѣхи Аристовула на сѣверѣ равнозначительными успѣхамъ Уркана на югѣ.

Что касается выводимаго нѣкоторыми историками [2]), въ виду благопріятныхъ отзывовъ объ Аристовулѣ греческихъ историковъ [3]), подозрѣнія, что столь компрометирующая его свирѣпость по отношенію къ родственникамъ была лишь выдумкою фарисеевъ, ненавидѣвшихъ Аристовула, какъ саддукея и грекофила, то это подозрѣніе не имѣетъ основаній для вѣры въ себя болѣе, чѣмъ сообщеніе Іосифа, и предпочитать первое послѣднему было бы несправедливо уже потому, что греческіе истсрики и вообще мало знаютъ объ обстоятельствахъ вступленія Аристовула на престолъ и видимо относятся къ нему не безъ пристрастія за его еллинофильство. Лучшимъ подтвержденіемъ этого, кажется, можетъ служить некомпетентная замѣтка Страбона о томъ, что *πρῶτος ἀνθ' ἱερέως ἀνέδειξεν ἑαυτὸν βασιλέα Ἀλέξανδρος* [4]), хотя нельзя не отмѣтить, что и Іосифъ, относящій это къ Аристовулу [5]), имѣетъ для себя конкурренцію въ нѣкоторыхъ источникахъ [6]), усвояющихъ уже Уркану I царскій титулъ въ то время, когда онъ возобновлялъ союзъ съ Римлянами, и оставляющихъ на долю перваго лишь возложеніе діадемы, въ униженіе, при томъ, священническаго достоинства. Что здѣсь заслуживаетъ большаго вѣроятія и предпочтенія, рѣшить трудно.

§ 28. Александръ—Іанней (103—76).

Ἀρχ. XIII, 12—15 гл.; περὶ ἁλώσ. I, 4. Derenbourg, равв. пред. 95—102.

Какъ только умеръ Аристовулъ, супруга его Саломія (носившая также и греческое имя Александры) освободила отъ узъ его братьевъ и вручила престолъ и первосвященство старѣйшему и способнѣйшему изъ нихъ Іаннею, или Александру, одновременно съ чѣмъ стала также и его женою [7]). Іосифъ разска-

[1]) Schürer I, 140; завоеванія Уркана простерлись къ сѣверу только до Самаріи и Скиѳополя; съ другой стороны, извѣстно, что еще ко времени Иродіанъ области сѣвернѣе и восточнѣе отъ Галилеи оставались языческими, и слѣд. не могли быть іудаизированы Аристовуломъ. Такимъ образомъ, іудаизированная часть есть ничто иное какъ Галилея. И если Іосифъ не называетъ ее обычнымъ именемъ, то потому только, что онъ пользовался неіудейскими источниками.

[2]) Schürer, I, 219.

[3]) *Ἀρχ.* XIII, 11, 3; *περὶ ἁλώσ.* I, 3, 6.

[4]) Географія, 16, 2.

[5]) *Ἀρχ.* XIII, 11, 1. *διάδημα πρῶτος ἐπιτίθεται Ἀριστόβουλος.*

[6]) Арабская книга Маккавеевъ; Talmud. Kidduschin 66, a.

[7]) Іосифъ прямо не говоритъ объ этомъ, но это совершенно ясно изъ того, что онъ называетъ Саломіей Александрой какъ супругу Аристовула, такъ и Іаннея, и въ тождествѣ лицъ нельзя сомнѣваться (*Ἀρχ.* XIII, 12, 1). Ср. Ewald, IV, 504; Hitzig, II, 476.

зываетъ, что этотъ Іанней, съ самаго дня рожденія, былъ въ ненависти своего отца, и по самый конецъ жизни послѣдняго не являлся ему на глаза, проживая въ Галилеѣ. За исключеніемъ сомнительности послѣдняго—въ виду того, что Галилея едва ли входила тогда въ предѣлы Іудеи [1]),—можно не отказать Іосифу въ достовѣрности самой этой опалы, не столь достовѣрную причину которой онъ указываетъ въ откровеніи, бывшемъ Уркану на вопросъ, который изъ его любимыхъ сыновей (Антигонъ или Аристовулъ) будетъ ему преемникомъ, и назвавшемъ, вопреки ожиданію, Александра. Тотчасъ по возведеніи на престолъ, Александръ заявляетъ себя, какъ государь жестокій, умертвивъ одного изъ своихъ братьевъ, заикнувшагося о своихъ претензіяхъ на престолъ, и все его 26—27 лѣтнее царствованіе протекло въ постоянныхъ междоусобныхъ войнахъ съ ненавидѣвшими его (за происхожденіе отъ невольницы) Іудеями, жестокое обращеніе съ которыми, по справедливости, заслужило ему наименованіе Θракиды (губитель). При внутренней борьбѣ съ собственными подданными, Александръ затѣвалъ не всегда счастливые походы и на внѣшнихъ своихъ враговъ, сопровождавшіеся тою же необузданною жестокостью и всякаго рода эксцентричностями.

Мы не будемъ передавать здѣсь всѣхъ подробностей Іосифа о внѣшней политикѣ Іаннея, взятыхъ имъ изъ Страбона, Тимагена и Николая, и важныхъ для исторіи не столько Іудеи, сколько для враждовавшихъ съ Александромъ странъ и правителей. Коснемся лишь болѣе важнаго.

Придерживаясь, безъ сомнѣнія, завоевательнаго характера прежнихъ правителей, и пользуясь междоусобіями [2]) Антіоховъ—Гриппа (129—96 г.) и Кизическаго (128—95), Александръ прежде всего задумалъ прибрать къ рукамъ остававшіеся изъ приморскихъ городовъ непокоренными—Птолемаиду и Газу съ окрестностями, и осадилъ первый изъ нихъ. Приглашенный на защиту обижаемыхъ и оказавшійся въ отношеніи къ нимъ не болѣе не менѣе какъ въ роли того же завоевателя, какъ и Александръ, Птоломей Лаѳуръ, властитель острова Кипра, оттѣснилъ своего соперника къ его предѣламъ и въ рѣшительной битвѣ у рѣки Іордана [3]) нанесъ ему страшное пораженіе, послѣ котораго долго грабилъ и свирѣпствовалъ въ окрестныхъ мѣстностяхъ. Такая несчастная неудача Александра всю страну Іудейскую открыла наступательному движенію Птоломея, и только благодаря тому, что Птоломей предпочелъ прежде направиться на Египетъ, гдѣ недоброжелательствовавшая ему мать (Клеопатра) затѣвала противъ него встрѣчную кампанію, Іудея выиграла время избѣжать совершеннаго раззоренія. Заручившись солидарностію съ Клеопатрою и пользуясь отступленіемъ Птоломея къ Газѣ, Александръ поспѣшилъ вознаградить свои неудачи и успѣлъ взять нѣсколько Кили-Сирійскихъ крѣпостей и приморскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ была и Газа (96 г. до Хр.), оставшаяся беззащитною послѣ ухода Птоломея въ Кипръ.

[1]) Schurer, I, 219, 10 прим.

[2]) Въ замѣткѣ о нихъ Іосифъ даетъ цѣнныя указанія для генеалогіи послѣднихъ Селевкидовъ (XIII, 13, 4).

[3]) при *Ἀσωφών*ѣ, срв. Grätz, III, 124. Hitzig, II, 478.

Между тѣмъ, значительный переворотъ въ дѣлахъ Сиріи въ связи съ домашними неурядицами создалъ новыя затрудненія и опасность для Александра. Антіохъ VIII Гриппъ, продержавшись на царствѣ 29 лѣтъ, при постоянной враждѣ съ другимъ Антіохомъ IX Кизическимъ, скончался. Этотъ послѣдній такъ же скоро сошолъ со сцены, давъ отъ руки Селевка VI, сына Гриппова, который, въ свою очередь, погибъ, побѣжденный сыномъ своей жертвы — Антіохомъ X Благочестивымъ. Попытка брата Селевкова, Антіоха XI—свергнуть соперника стоила ему жизни, но два другихъ брата—Филиппъ и Димитрій III Евкеръ покончили съ нимъ [1]) и, раздѣливъ между собою власть, все таки не водворили мира въ давно жаждавшей его Сиріи.

Какъ разъ съ этимъ послѣднимъ переворотомъ въ Сиріи совпало въ Іудеѣ столкновеніе Александра съ фарисеями и возбужденными ими Іудеями, глубочайшія основанія для котораго надо полагать въ развитіи вообще внутреннихъ отношеній со времени основанія Асмонейской династіи. Политика Асмонеевъ вообще шла въ разрѣзъ съ воззрѣніями и стремленіями фарисейства, и ставила себя къ нимъ тѣмъ дальше, чѣмъ оно было упрямѣе. Не безъ злобы могли смотрѣть фарисеи, что такой грубый солдатъ, какъ Александръ—ихъ первосвященникъ и владыка, священнодѣйствіе котораго во Святомъ Святыхъ казалось просто — оскверненіемъ святыни, въ виду особенно его сомнительнаго происхожденія и полнаго отсутствія той мучительно-мелочной ревности, избытокъ которой фарисеи ставили мѣриломъ добродѣтели. Какъ и слѣдовало ожидать, открытое возмущеніе противъ Александра вспыхнуло во время совершенія имъ Богослуженія. Въ праздникъ Кущей, когда народъ приходилъ въ храмъ съ пальмовыми и лимонными вѣтвями [2]), на первосвященника вдругъ посыпался цѣлый дождь лимоновъ въ то самое время, когда онъ приближался къ алтарю, чтобы совершить жертвоприношеніе, причемъ импровизаторы этого дождя, громко укоряя Александра за происхожденіе отъ невольницы, объявляли недостойнымъ первосвященническаго служенія [3]). Александръ былъ не изъ тѣхъ, которые спокойно могли бы перенести эту обиду, и жертвами возмущенія, отъ призванныхъ имъ солдатъ, тутъ же пали до 6000 человѣкъ. Ожесточеніе, конечно, отъ этого только еще болѣе усилилось и ждало лишь перваго случая, чтобы прорваться наружу съ новою силою. Случай этотъ скоро представился. Александръ затѣялъ новую войну съ Аравійцами, и послѣ одного несчастнаго сраженія, едва избѣгая плѣна, прибѣжалъ въ Іерусалимъ съ позоромъ. Шесть лѣтъ послѣ этого (около 96—90 г.) онъ не могъ подавить открытаго недовольства Іудеевъ, и, двинувъ на нихъ свои иноземные полки, положилъ костями до 50,000 своихъ подданныхъ. На-

[1]) по Порфирію Ол. 171, 3—94—93 до Хр.

[2]) Ими же убирались улицы и палатки Іудеевъ.

[3]) Параллельное повѣствованіе этому въ Талмудѣ (Sukka 48 b) передаетъ, какъ однажды *Саддукей* въ праздникъ Кущей совершилъ водоизліяніе не на алтарь, а на землю, и народъ закидалъ его за это лимонами. Мотивъ событія слѣд. запутанъ, и имени Александра не названо, но въ общности повѣствованія можно не сомнѣваться (Wellhausen, 96, Grätz III, 4, aufl. 128, 704 (пр. 13), Derenbourg 98 и д. прим.

конецъ, когда и это лишь болѣе воспламенило ярость народа, онъ, истомленный борьбою, рѣшилъ пойти на уступки, и, предлагая миръ, спрашивалъ, что̀ ему надлежитъ дѣлать? Вмѣсто всякихъ условій, толпа только дружно — искренне пожелала, чтобы онъ самъ лишилъ себя жизни, и тотчасъ же призвала на помощь Димитрія III Евкера изъ Сиріи, который и не замедлилъ нагрянуть на Александра со своимъ 43000 войскомъ (около 88 г. до Хр.), расположившись станомъ близъ Сихема. Въ происшедшемъ вскорѣ за симъ сраженіи Александръ потерялъ всѣхъ своихъ наемныхъ воиновъ, и для дальнѣйшихъ успѣховъ Димитрій встрѣтилъ препятствіе, какъ кажется, только благодаря тому, что Іудеи опасность, угрожавшую отъ него, какъ Селевкида, нашли гораздо бо́льшею, чѣмъ отъ національной династіи Асмонеевъ, лучше обезпечивавшей свободу Іудейскаго государства. Этимъ удобно объясняется благопріятный поворотъ дѣла на сторону Александра и замѣчаніе Іосифа, что послѣ перваго же пораженія Александра 6000 Іудеевъ „сжалились“ надъ нимъ и, сплотившись около него, оттѣснили Димитрія къ своимъ предѣламъ. Не съумѣвъ воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами, Александръ занялся преслѣдованіемъ главныхъ вожаковъ возстанія и, поймавъ ихъ въ количествѣ 800 человѣкъ, расправился съ ними самымъ варварскимъ образомъ. Несчастные висѣли на крестахъ въ то время, какъ это чудовище разнузданности и жестокости пировалъ на ихъ виду со своими наложницами и избивалъ ихъ женъ и дѣтей. Остальные мятежники, до 8000 человѣкъ, спасли свою жизнь бѣгствомъ за предѣлы отечества, и въ Іудеѣ водворилось нѣчто похожее на затишье, если не миръ.

Въ Сиріи тѣмъ временемъ извѣстная династія Селевкидовъ переживала свою послѣднюю агонію, отозвавшуюся и на Іудеѣ. Возвратившись изъ Іудеи послѣ войны съ Александромъ, Димитрій III поднялъ оружіе противъ своего брата Филиппа и нашелъ смерть въ плѣну у Парѳянъ. Младшій изъ пяти сыновъ Антіоха Гриппа—Антіохъ XII, котораго Іосифъ прозываетъ Діонисомъ, продолжилъ возстаніе, но погибъ въ походѣ на Аравію, который онъ затѣялъ одновременно съ возстаніемъ на брата. Во время этого Аравійскаго похода, который долженъ былъ идти чрезъ Іудейскіе предѣлы и вызвалъ столкновеніе Антіоха съ Александромъ, неудачное для послѣдняго, Антіохъ, послѣдній изъ Селевкидовъ, погибъ, и Сирійское сосѣдство смѣнилось для Іудеи не менѣе безпокойнымъ, когда въ Кили-Сиріи и Дамаскѣ воцарился Аравійскій царь (Наватейской династіи) Арета III [1]). Александръ не замедлилъ испытать силу этого новаго своего сосѣда, съ трехъ сторонъ соприкасавшагося съ Палестиною и (около Аддиды) завязалъ съ нимъ рѣшительное сраженіе, которое и проигралъ. Къ счастію, Аретѣ не вскружила голову эта удача, и онъ ограничился мирнымъ договоромъ съ побѣжденными, а Александръ переправился за Іорданъ и къ востоку отъ него три года (84—81) забавлялъ свою храбрость разрушеніемъ и іудаизированіемъ [2]) лежащимъ здѣсь городовъ,

[1]) Schürer I, 614. *Ἀρχ.* XIII, 15, 2. d. *περὶ ἁλώσ.* I, 4, 8.

[2]) XIII, 15, 4. Разрушительный характеръ Александровыхъ завоеваній и направленіе ихъ именно противъ греческой культуры выразительно видны только на Пеллѣ, изъ яснаго выраженія Іосифа. О разрушеніи другихъ извѣстно также изъ послѣдующаго упоминанія о возстановленіи разрушенныхъ городовъ Помпеемъ и Габиніемъ *Ἀρχ.* XIV, 4, 4; 5, 3; *περὶ ἁλώσ.* I, 7, 7; 8, 4.

что утишило нѣсколько недоброжелательство къ нему Іудеевъ, такъ что онъ встрѣченъ былъ ими даже съ торжествомъ, какъ славный продолжатель блестящихъ подвиговъ Іоанна Уркана, далеко отодвинувшій границы Іудейскаго государства за предѣлы, въ которыхъ оно было при томъ [1]).

Три послѣднихъ года своей многомятежной жизни (81—78) Александръ страдаетъ послѣдствіями непомѣрнаго пьянства, результатомъ чего была и самая смерть его, при осадѣ одной изъ за-Іорданскихъ крѣпостей. Любопытенъ для характеристики его личности и царствованія разговоръ, который передъ смертію своею онъ велъ со своею супругою. Когда эта неутѣшно оплакивала передъ нимъ себя и дѣтей, долженствовавшихъ остаться безпомощными сиротами и наслѣдовать ненависть къ нему народа Іудейскаго, Александръ даетъ ей совѣтъ—утаивъ его смерть отъ воиновъ до взятія крѣпости и явившись въ Іерусалимъ побѣдительницею, обратиться къ покровительству фарисеевъ, сдѣлать ихъ ближайшими совѣтниками, а чрезъ нихъ привлечь благосклонность и всего народа. Для лучшаго успѣха этого рискованнаго предпріятія (такъ какъ фарисеи, съ которыми предстояло имѣть дѣло, раздѣляли общую ненависть къ царю, по своимъ личнымъ счетамъ съ нимъ), Александръ научаетъ супругу выдать фарисеямъ его трупъ, какъ бы изъ желанія доставить имъ возможность отомстить ему поруганіемъ, — при чемъ Александра должна была обѣщать фарисеямъ ничего не предпринимать въ свое царствованіе безъ ихъ руководства. Уловка удалась какъ нельзя лучше. Польщенные фарисеи сдѣлали даже больше, чѣмъ могъ надѣяться самъ царь. Они тотчасъ — со свойственнымъ имъ однимъ вліяніемъ — огласили въ народѣ великими дѣла Александровы, и похвалами его справедливости и истинно-царственнымъ доблестямъ достигли того, что разъяренный народъ слезно оплакалъ его кончину и устроилъ ему похороны не хуже всѣхъ прежнихъ царей.

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

§ 29. Александра (76—67).

Ἀρχ. XIII, 16; περὶ ἁλώσ. I, 5. Derenbourg, раввин. пред. 102—112.

Какъ бы ни понимать значеніе передаваемой Іосифомъ предсмертной бесѣды Александра съ супругою, только фактомъ было то, что она была прямою противоположностью своего супруга въ отношеніи къ фарисеямъ и вообще въ политикѣ своего царствованія. Тотчасъ по унаслѣдованіи отъ него престола, она, сдѣлавъ старшаго изъ своихъ сыновей—Уркана II — первосвященникомъ, какъ менѣе способнаго къ правленію по своей вялости, и устраняя

[1]) См. объ этомъ Schürer, I, 228 и др., тамъ указанные.

до времени отъ участія въ правленіи меньшаго--Аристовула — за его неумѣренную, слишкомъ напоминавшую отца, отважность, направила по масштабу фарисеевъ все управленіе государствомъ, возстановила отмѣненныя свекромъ ея—Уркаиомъ I древнія фарисейскія узаконенія, и тѣмъ привлекла къ себѣ любовь народа, какъ Богобоязненная правительница, по сердцу фарисеевъ. Это было время—цвѣтущее для фарисейскаго владычества, и фарисейскія преданія прославляютъ его какъ „золотое время," въ которое даже почва земли, какъ бы въ награду за набожность царицы, отличалась какимъ-то чудеснымъ плодородіемъ [1]). Но и нося одно только имя царицы,—между тѣмъ какъ вся власть была въ рукахъ фарисеевъ, Александра, въ теченіи своего 9-лѣтняго правленія, съумѣла прославить себя заботливостію о благополучіи и мирѣ своихъ подданныхъ, въ рядахъ враговъ которыхъ оказались прежде всего покровительствуемые ею фарисеи. Придя въ сознаніе своего могущества, они, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дали полную волю своимъ мстительнымъ наклонностямъ и прежде всего направили свою месть на ближайшихъ сподвижниковъ Александра. Кровавая рѣзня не приняла широкихъ размѣровъ только благодаря тому, что несчастныя жертвы фарисейскаго мщенія обратились къ покровительству Аристовула и вмѣстѣ съ нимъ сильными доводами убѣдили царицу—если не обуздать тираннію фарисеевъ (чего она, какъ видно, уже и не въ силахъ была сдѣлать), то, по крайней мѣрѣ, препорученіемъ крѣпостей гонимымъ, дать имъ возможность унести свои ноги по-добру по-здорову изъ опаснаго для нихъ Іерусалима. Болѣе энергіи и осторожности проявила Александра по отношенію къ окрестнымъ владѣтелямъ и сосѣдямъ Іудейскаго государства, которые — въ разсчетѣ на слабость женскаго правленія — не преминули по обыкновенію попытаться воспользоваться плохо лежавшимъ и стали разыгрывать роль внѣшнихъ враговъ Іудеи. Главная опасность угрожала со стороны Сиріи, гдѣ хозяйничалъ армянскій царь Тигранъ, не скрывавшій своихъ видовъ на Іудею. Отчасти мирнымъ посольствомъ отъ Александры съ богатыми дарами, отчасти и гораздо болѣе — пришедшимъ извѣстіемъ, что Римскій полководецъ Лукуллъ опустошаетъ царство самого Тиграна, вторженіе послѣдняго въ Іудею было предупреждено, и мирное настроеніе страны осталось совнѣ ненарушеннымъ. Вскорѣ послѣ этого, Александру постигла опасная болѣзнь. Давно недовольный вліятельностію фарисеевъ и опасаясь продолженія ея, если престолъ наслѣдуетъ слабый и неспособный Уркаиъ,—Аристовулъ нашелъ въ этомъ благопріятный случай для переворота въ дѣлахъ Іудеи, и, ставъ во главѣ недовольныхъ фарисеями, быстро овладѣлъ 22-ю крѣпостями всюду, гдѣ только появлялся, провозглашаемый царемъ. Вся слабость почвы, на которой стояла Александра, не преминула обнаружиться въ этомъ затрудненіи, которое напрасно бывшіе временщики во главѣ съ Уркаиомъ старались разрѣшить у смертнаго одра царицы, представляя ей необходимость принять рѣшительныя мѣры. Съ полнымъ достоинствомъ отходящаго въ иной міръ человѣка, царица отклонила всѣ земныя заботы, и, предоставивъ вопрошавшимъ дѣлать то, что они сами заблагоразсудятъ, имѣя въ своемъ распоряженіи силу народа, войско и казну, — скончалась, около 67 г. до Хр., на 73 году жизни.

[1]) Taanith 23 a, у Derenbourg p. 111. см. Schürer, I, 232.

§ 30. Аристовулъ II (67--63).

Ἀρχ. XIV, 1—4; περὶ ἁλώσ. I, 6—7. Derenbourg, 112—118.

Не смотря на значительные успѣхи Аристовула въ попыткѣ провести свою кандидатуру на наслѣдіе Александры, еще при жизни послѣдней, это наслѣдіе призналъ за собою законнымъ Уркаиъ, какъ старшій сынъ почившей, уже и облеченный важнѣйшею половиною наслѣдственныхъ асмонейскихъ полномочій—саномъ первосвященства. Было ясно, между тѣмъ, что и Аристовулъ, послѣ достигнутыхъ уже имъ успѣховъ, отнюдь не найдетъ въ себѣ охоты оставить свои планы. Братоубійственная война между дѣтьми Александры съ ея смертію являлась неизбѣжною. Звѣзда Асмонеевъ катилась къ своему закату. Въ критическій моментъ смерти царицы Аристовулъ выступилъ уже во всеоружіи могущественнаго предендента на царскій престолъ; войско и народъ охотнѣе тянули въ его сторону; не было никакого сомнѣнія, что не сдобровать предъ нимъ слабому и безхарактерному Уркану. Такъ было и на самомъ дѣлѣ: при первомъ же столкновеніи соперниковъ при Іерихонѣ, войска Уркана еще до сраженія оставили своего вождя и ушли къ его брату. Миръ, заключенный послѣ этого братьями, поставлялъ главнымъ условіемъ—всецѣлое предоставленіе Аристовулу царства и первосвященства, а Уркану — обезпеченную, при полномъ невмѣшательствѣ въ дѣла правленія, жизнь въ качествѣ „частнаго человѣка". Такимъ образомъ, Аристовулъ (II) вполнѣ достигъ своей цѣли и, устранивъ Уркана, уже занимавшаго первосвященническое мѣсто около 9 лѣтъ, сдѣлался [1]), по обычаю царей—Асмонеевъ, царемъ-первосвященникомъ.

Этотъ, совершившійся сравнительно безъ значительныхъ бѣдствій, переворотъ могъ обѣщать въ дальнѣйшемъ все для благополучнаго процвѣтанія Іудеи, если бы не вмѣшалась въ это дѣло недостойная агитація идумеянина Антипатра. Этотъ извѣстный злой геній дальнѣйшихъ судебъ Іудеи (со времени Александра Іаннея бывшій намѣстникомъ Идумеи) [2]), ненавидя Аристовула,

[1]) *Ἀρχ.* XIV, 1, 2 *περὶ ἁλώσ.* I, 6, 1. По *Ἀρχ.* XV, 6, 4 Уркаиъ удерживалъ наслѣдіе 3 мѣсяца.—Несправедливо, когда Grätz III, 154, Holtzmann, II, 212 и Derenbourg, p. 113 полагаютъ, что Уркаиъ удержалъ, лишаясь царскаго, первосвященническое званіе. Это ясно видно уже изъ *Ἀρχ.* XIV, 1, 2 и XV, 3, 1; XX, 10.

[2]) Мнѣніе Николая Дамаскина, что Антипатръ происходилъ отъ знатныхъ Іудеевъ, возвратившихся изъ Вавилона, Іосифъ отвергаетъ, какъ писанное въ угоду Ироду, бывшему царемъ Іудейскимъ. Самъ Іосифъ признаетъ Антипатра идумеяниномъ стариннаго рода (*περὶ ἁλώσ.* I, 6, 2); Іустинъ мученикъ напротивъ приводитъ, какъ утвержденіе Іудеевъ, что онъ былъ Аскалонитянинъ (Діал. съ Триф. с. 52: *Ἡρώδην Ἀσκαλωνίτην γεγονέναι*), Юлій Африканъ (epist. ad Aristidem у Euseb. Hist. eccl. I, 7, 11, ср. I, 6, 2—3 и у Syncell. ed. Dindorf. I, 561) еще опредѣленнѣе устанавливаетъ это сообщеніемъ, что отецъ Антипатра Иродъ былъ жрецомъ Аполлона въ Аскалонѣ и что Анти-

при которомъ терялось всякое значеніе его личности, успѣлъ подбить, хоть и не безъ труда, на бунтъ вялую и равнодушную натуру Уркана, (при которомъ онъ во всякомъ случаѣ надѣялся играть болѣе видную, сильную роль) увѣривъ его въ смертельной опасности будто бы грозившей отъ брата, а также склонить въ его пользу нѣкоторыхъ чиноначальниковъ Іудейскихъ, укоряя ихъ, что допускаютъ столь несправедливый обходъ и униженіе законнаго наслѣдника престола. Поддавшись навѣтамъ Антипатра, Урканъ, наконецъ, убѣгаетъ къ Аретѣ, царю Аравійскому и, подъ условіемъ возврата отнятыхъ въ прежнія царствованія 12 аравійскихъ городовъ [1]), склоняетъ его изъять мечъ за права обиженнаго.

Къ несчастію, лишь только взвилось знамя бунта поднятое Урканомъ, какъ вслѣдъ за тѣмъ вспыхнуло возстаніе на Аристовула въ самой Іудеѣ. Оставленный почти всѣмъ народомъ послѣ неудачнаго сраженія съ Аретою, Аристовулъ бѣжитъ въ Іерусалимъ, и здѣсь, на горѣ храма, осаждается соединенными силами Аравійскаго и Іудейскаго войска, поддерживаемый лишь священниками, но оставленный всѣмъ городомъ. Изъ времени этой осады, длившейся неизвѣстно сколько времени, Іосифъ передаетъ нѣсколько въ высшей степени характерныхъ для тогдашней іудейской набожности и правдоподобныхъ подробностей [2]). Одна изъ нихъ—мученическая кончина нѣкоего благочестиваго мужа Онія, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ за свою праведность, о чемъ свидѣтельствовало, между прочимъ, разрѣшеніе бездожія его молитвами [3]). Какъ мужъ, голосъ котораго почитался за откровеніе Самого Бога, онъ былъ приведенъ въ Іудейскій станъ и принуждаемъ, какъ нѣкогда Валаамъ, къ проклятію Аристовула и его сообщниковъ. Когда требованія народа стали превозмогать голосъ здраваго увѣщанія, праведникъ встаетъ посреди стана и возглашаетъ слѣдующую столь достойную человѣка праведнаго—молитву: „Боже, Царю вселенной! поелику окружающіе здѣсь меня суть народъ Твой, но и осажденные во храмѣ суть Твои же священники,—то молю Тебя: ни сихъ, во

патръ мальчикомъ былъ похищенъ Идумеянами при разграбленіи Аполлонова храма и у нихъ идумеизированъ. Мысль Юлія Африкана повторяется у Euseb. Chron. ed. Schoene I, 130, II, 134, 138. Chron. paschale ed. Dindorf. I, 351, 558. Sulpicius Severus II, 26. Epiphanius haer. 20, 1 и др.). Іосифъ и Юлій согласны въ установленіи идумейскаго происхожденія Иродовой династіи, только по Іосифу оно было *знатно,* по Африкану—низко и убого; затѣмъ, по Іосифу—отецъ Антипатра то же Антипатръ, по Африкану—Иродъ. За Аскалонитское происхожденіе говорятъ нѣкоторыя отношенія Ирода къ этому городу (Schür. II, 67). Достойно также замѣчанія, что имена Антипатра и Ирода обычно сопровождаются Аскалономъ. „Антипатръ изъ Аскалона“ на гробничной. надписи въ Аѳинахъ (Corp. Inscr. Semit. I, № 115), *Иродъ изъ Аскалона* — на гробн. надп. въ Путеолахъ, Corp. Inscr. Lat. X, № 1746.

[1]) Grätz. 478:

[2]) Имѣющихъ, между прочимъ, значительную параллель въ Талмудѣ, Sôta, конецъ, Menachoth 64 b и Baba Kama, 82 b.

[3]) Это находимъ, между прочимъ, въ Mischna, Taanith III, 8, гдѣ Онія названъ חוני המעגל—Kreiszieher, такъ какъ онъ молился стоя въ кругу (окруженный). См. также Derenbourg. p. 112 и д.

вредъ онымъ молящихся, ни тѣхъ, просящихъ симъ у Тебя зла—да не услышишь!“ Антибратоубійственная и примирительная идея этой молитвы, однако, не была по достоинству оцѣнена и понята предстоявшими, и самъ этотъ вдохновенно—находчивый молитвенникъ побитъ камнями, какъ прекрасное олицетвореніе тѣхъ лучшихъ достояній, какія губило Іудейское царство въ этомъ безразсудномъ братоубійствѣ. Слѣдовавшія за симъ событія Іосифъ приводитъ, между прочимъ, какъ Божіе мщеніе за невинную кровь праведника. Нуждаясь въ жертвенныхъ животныхъ по случаю праздника Пасхи [1]) и выторговавъ ихъ за непомѣрно-высокую плату отъ осаждавшихъ (1000 драхмъ за штуку), осажденные были обмануты и не получили своихъ покупокъ по уплатѣ за нихъ цѣны [2]). Тогда Самъ Богъ выступилъ съ отмщеніемъ за столь дерзко поруганныхъ. Страшная буря пронеслась надъ всею страною и произвела столь гибельныя опустошенія плодовъ, что осаждавшіе стали ощущать недостатокъ въ продовольствіи, платя за мѣру пшеницы по 11 драхмъ [3]). Изъ другихъ источниковъ это извѣстіе, все равно—принимать или нѣтъ его мистическое объясненіе, дополняется сообщеніемъ о страшномъ землетрясеніи, бывшемъ въ это время (690 г. Рима=64 г.) въ Азіи, разрушившемъ много городовъ и приведшемъ въ замѣшательство побѣдоносные полки Митридата [4]).

Споръ братьевъ рѣшилъ римскій полководецъ Помпей, воевавшій въ это время неподалеку, въ Арменіи, противъ Тиграна (66—62 г.),—рѣшилъ такъ, какъ только могъ и имѣлъ обыкновеніе рѣшать подобные вопросы Римъ. Въ качествѣ третейскаго судьи, братья, поддерживаемые—каждый своей партіей, обратились чрезъ своихъ пословъ къ Скавру, отправленному Помпеемъ въ Сирію (65 г.), склоняя его каждый въ свою пользу обѣщаніемъ богатыхъ даровъ. Вѣря болѣе въ богатство и правоту Аристовула, а также находя болѣе легкимъ разогнать бунтовщиковъ, чѣмъ взять крѣпкій Іерусалимъ, Скавръ склонился на сторону Аристовула и прежде всего потребовалъ, чтобы Арета оставилъ Іудейскія области, „если не хочетъ быть врагомъ Риму“. Это — въ то время магическое словечко дѣйствительно тотчасъ же возъимѣло должную силу: Арета и Урканъ удалились и, догнанные Аристовуломъ при мѣстечкѣ Папиронъ, потерпѣли сильное пораженіе, потерявъ до 6000 человѣкъ и въ числѣ ихъ Фаліона, брата Антипатрова. Это не было, однако, началомъ счастія и для Аристовула.

Опора на силу Рима и попытка упрочить себя на царствѣ подъ его под-

[1]) Это должна быть именно Пасха 65 до Хр., такъ какъ непосредственно за симъ Скавръ приходитъ въ Іудею.

[2]) Здѣсь Іосифъ, какъ кажется, изъ застѣнчивости предъ языческими читателями, или просто изъ желанія выгородить Урканистовъ отъ тяжкаго обвиненія—допускаетъ скрытность, изобличаемую Талмудомъ, гдѣ узнаемъ, что, по уплатѣ денегъ, осажденные получили отъ осаждавшихъ по совѣту одного старѣйшины *свинью.* Впрочемъ, Іосифъ только не точенъ, и полученіе свиньи дѣйствительно не мѣшало сказать, что *выговоренныхъ* покупокъ осажденные не получили.

[3]) срв. Derenbourg, p. 113 и д. раввинскія преданія.

[4]) Babyl. Talmud. и Dio Cassius 37, 11: *τὰ γὰρ ἄλλα καὶ ὁ σεισμὸς μέγιστος δὴ τῶν πώποτε συνεχθεὶς αὐτοῖς πόλλας τῶν πόλεων ἔφθειρεν.* Grätz, 480 стр.

держкой оказались равносильными формальному признанію протектората Рима. Со стороны Іудеи это выступало не такъ замѣтно, хотя Помпей скоро и рѣшительно вошолъ въ новую роль Рима по отношенію къ Іудеѣ. Едва только Помпей прибылъ въ Дамаскъ, какъ къ нему потекли депутаціи со всей Сиріи, Египта и Іудеи. Въ числѣ ихъ Страбономъ, какъ узнаемъ изъ Іосифа, упоминаются и послы Аристовула, преподнесшіе великому завоевателю золотую лозу (въ 500 тал.), посвященную потомъ Помпеемъ храму Юпитера Капитолійскаго [1]). Когда, независимо отъ этого, предъ Помпеемъ предстали повѣренные обоихъ братьевъ съ ходатайствами за дѣло своихъ вѣрителей (Антипатръ отъ Уркана и Никодимъ отъ Аристовула) и представители Іудейской аристократіи съ жалобами на того и другого за чрезмѣрное властолюбіе и съ просьбою о возстановленіи древняго обычая управленія священнымъ сословіемъ, Помпей не безъ самодовольства могъ увѣрять себя, что принимаетъ въ этотъ моментъ въ свои руки судьбы Іудеи и право распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Онъ укоряетъ Аристовула за насильное устраненіе Уркана, обѣщаетъ все привести въ порядокъ при личномъ прибытіи въ Іудею, и, когда Аристовулъ, сильно поколебленный въ своихъ надеждахъ на Помпея, не выдержалъ, чтобы не взяться за оружіе въ защиту своихъ правъ, Помпей, выступившій было на Наватеевъ, повернулъ къ Іерусалиму и осадилъ его. Это дало толчекъ къ крайнему обостренію всѣхъ партій. Въ городѣ водворилось крайнее смятеніе и вражда партій: одни стояли на сторонѣ Уркана и не затруднялись открыть ворота города Помпею; другіе, [2]) защищая Аристовула, и слышать не хотѣли о сдачѣ, но укрѣпились на горѣ храма и рѣшили держаться до послѣдней крайности. Позиція этихъ послѣднихъ не была изъ числа легкихъ и удобныхъ для взятія. Природная прочность и неприступность ея увеличивалась окружавшими ее глубокими рвами и крѣпкими стѣнами, которыя, по выраженію Тацита [3]), казалось — были воздвигнуты въ предчувствіи той ненависти, какую впослѣдствіи нравы и обычаи Евреевъ внушили сосѣднимъ народамъ, и теперь съ успѣхомъ посмѣвались самымъ большимъ стѣнобитнымъ машинамъ Римлянъ. Три мѣсяца длились ихъ безуспѣшныя попытки прорваться въ крѣпость, и, только воспользовавшись строгимъ соблюденіемъ покоя осажденными въ одинъ изъ праздниковъ Іудейскихъ, Римлянамъ удалось пододвинуть ближе осадныя машины и пробить брешь въ стѣнѣ. Началось тотчасъ же страшное кровопролитіе, невызываемое никакимъ сопротивленіемъ несчастныхъ. Священники погибали у жертвеннаго алтаря, отъ котораго ничуть не отрывалъ ихъ страхъ предъ варварами. Не менѣе 12000 Іудеевъ легли трупами у подножія своей святыни, какъ трогательная жертва вѣрности уставамъ Іеговы. Это произошло, по сло-

[1]) *Ἀρχ.* XIV, 3, 2, Diodor. XL, 2 ed. Müller.

[2]) Въ этомъ соперничествѣ голосовъ—за и противъ братьевъ—претендентовъ на престолъ Іуды, раздававшихся по всѣмъ улицамъ Іерусалима, какъ ясно звучалъ голосъ Божественной правды, уже осудившей народъ на политическое разрушеніе! (см. Капефигъ, 16 стр.).

[3]) Tacit. lib. V 9

вамъ Іосифа, въ 3-ій мѣсяцъ т. е. осады [1]) 2-го года 179-ой Олимпіады, въ консульство Цицерона, и именно за 63 г. до Хр.—въ *τῇ τῆς νηστείας ἡμέρᾳ* т. е. въ день поста. Мы должны здѣсь остановиться на уясненіи этого Іосифова замѣчанія, которому посчастливилось привести въ смущеніе не мало перьевъ. Главное затрудненіе при установкѣ большей точности этой даты возникаетъ изъ сопоставленія Іосифа, между прочимъ, съ замѣчаніемъ Діона Кассія, а также Страбона, Тацита и др., относившихъ взятіе города на „субботу“: *ἐν τῇ τοῦ κρόνου ἡμέρᾳ* [2]). Спрашивается, что это была за *суббота*, въ которую Іудеи *постились?* Одни (между прочимъ Sanclemente) [3]) полагали здѣсь совпаденіе ея съ 23 числомъ мѣсяца Siwan, когда всѣ благочестивые раввины соблюдали постъ. Другіе, считая третій мѣсяцъ отъ Tischri, находили болѣе правдоподобнымъ совпаденіе субботы съ 28 числомъ Хислева, въ которое какъ думаетъ Usser ad an. 3940) Іудеи постились. Скалигеръ и Казобонъ хотятъ лучше измѣнить самый образъ чтенія—*τεταρτον* вмѣсто *τριτον*, и навязываютъ Іудеямъ постъ въ м. Ѳамусъ [4]). Basnage считаетъ за невозможное развязать этотъ узелъ безъ меча и готовъ выскабливать вовсе „третій мѣсяцъ“ изъ даннаго мѣста Іосифа, какъ вставку [5]). Jost не находитъ ничего лучше, какъ предоставить это произволу каждаго, и, какъ образчикъ подобнаго произвола, относитъ день поста на 10-е Tischri [6]). Herzfeld [7]) дѣлаетъ догадку, что замѣчаніе о днѣ поста слѣдуетъ отнести къ невнимательной компиляціи Іосифомъ языческихъ источниковъ [8]), которые допускали здѣсь ошибочное представленіе вообще греко-римскаго міра, что суббота Іудеевъ былъ день постный [9]). Это дѣйствительно возможно въ виду особенно извѣстнаго мѣста Страбона изъ его историческаго труда, цитируемаго Іосифомъ *Ἀρχ.* XIV, 4, 3 и имѣющаго свою параллель въ Географіи Страбона XVI, 2, 40, 763: *κατελάβετο (Πομπήιος) δ' ὥς φασι, τηρήσας τὴν τῆς νηστείας ἡμέραν, ἡνίκα ἀπείχοντο οἱ Ἰουδαῖοι παντὸς ἔργου.*

Между всѣми этими затрудненіями одно несомнѣнно прежде всего, что „третій мѣсяцъ“ Іосифа здѣсь не третій мѣсяцъ отъ начала года, будь то

[1]) *περὶ τρίτον μῆνα—Ἀρχ.* XIV, 4, 3. *περὶ ἀλώσ.* I, 7, 4: *τρίτῳ γὰρ μηνὶ τῆς πολιορκίας. περὶ ἁλ.* V, 9, 4; *τρισὶ γοῦν μησὶ πολιορκηθέντες.*

[2]) Dio Cass. XXXVII, 16 срв. также Страбонъ XVI, 2. 40 p. 762 и д. Livius, Epit. 102. Tacitus, Hist. V, 9. Appian. Syr. 50. Mithridat 106.

[3]) Sancl. de vulg. aer. emend. p. 265 и д. Ср. Langius de an. Chr. I, 18. Steph. Le Moine ad Barn. Epist. p. 62.

[4]) Prideaux connect. an. 63. Основанія противъ этого въ Talmud. Mas. Rosch. Haschanah. per. 4. pg. 18, и comment. къ нему.

[5]) An. Pol. eccl. an. 37.

[6]) Jost. II кн. Anh. 13.

[7]) Въ Frankel, Monatsschr. für Gesch. und Wissensch. des Judenth. 1855, стр. 109—115.

[8]) Виною такой, между прочимъ, ошибки могъ быть Страбонъ, у котораго въ Географіи XVI, 2, 40 p. 763, читаемъ о завоеваніи Іерусалима такъ: *κατελάβετο* (т. е. Помпей) *δ' ὥς φασι, τηρήσας τὴν τῆς νηστείας ἡμέραν, ἡνίκα ἀπείχοντο οἱ Ἰουδαῖοι παντὸς ἔργου*, и на историческіе труды котораго Іосифъ тутъ ссылается XIV, 4, 3.

[9]) Sueton. Aug. 76.

греческій или іудейскій, или еще какой, какъ многіе упускали изъ вида, строя на этомъ свои фантастичные выводы, а „третій мѣсяцъ“ отъ „начала осады“, какъ ясно видно изъ параллельныхъ мѣстъ самого Іосифа. Другая несомнѣнность, подтверждающая первую, здѣсь та, что взятіе города должно было падать на глубокую осень, иначе нѣтъ возможности помѣстить въ болѣе короткомъ промежуткѣ длинный рядъ событій между наступленіемъ Помпея [1])—(весною 63 г.) и завоеваніемъ города, и, во всякомъ случаѣ, не въ Іюнѣ, какъ, полагаютъ Grätz [2]) и Hitzig [3]), вводясь въ заблужденіе указанною недомолвкою Іосифа при „третьемъ мѣсяцѣ“, каковой они считаютъ отъ начала еврейскаго года. Принимая во вниманіе все это, можно остановиться съ наибольшею вѣроятностію на предположеніи, что первое паденіе Іерусалима подъ оружіемъ Римлянъ было именно 10-го Tischri (=Октября) 63 года, Іоймъ Кипуръ, т. е. день очищенія, строгій постъ, и, между прочимъ, около 10 часовъ утра этого дня, когда должна была задымиться очистительная жертва.

Такимъ образомъ, къ ногамъ гордаго Римскаго полководца, къ которымъ столь многіе цари положили свои короны, склонилъ свою маститую главу и св. городъ, подкрѣпивъ этимъ паденіемъ права Рима на владычество, полное кровавыхъ страницъ. Вступивъ въ городъ, Помпей вошолъ во храмъ и даже во Св. Святыхъ. Соблюдая ли честь благороднаго Римлянина, или опасаясь Іудеевъ, онъ не коснулся при этомъ ни одной изъ драгоцѣнностей и священныхъ предметовъ храма [4]), не смотря на нхъ богатство, далъ возможность безпрепятственнаго отправленія въ немъ Богослуженій, и, наказавъ предводителей крамолы, оставилъ первосвященникомъ Уркана (второй разъ 63—40 г.), а Іудею объявилъ данницею Рима [5]). Царское правленіе, бывшее до сихъ поръ наслѣдственнымъ полномочіемъ первосвященника, было упразднено и вмѣсто него, окончательно ко времени Габинія, установилось правленіе народное подъ непосредственнымъ контролемъ Рима, при чемъ—для удобства—Іудея, сильно урѣзанная въ своихъ предѣлахъ, была раздроблена на 5 участковъ, (съ центральными пунктами—Іерусалимъ, Гадара, Амаѳунтъ, Іерихонъ и Самфора)—каждый со своимъ представителемъ для рѣшенія возникавшихъ внутри его дѣлъ, а урѣзанныя части Іудеи [6]) отчислены къ вновь учрежденной римской провинціи Сиріи, на прокураторахъ коей ближайшимъ образомъ и лежала обязанность поддерживать это новое status quo, столь различно понимаемое послѣдующими историками. Едва ли, однако, можно согласиться съ нѣкоторыми, что съ этого именно времени надо считать обращеніе Іудеи въ римскую провинцію. Правда, къ такому предположенію не мало побуждаютъ

[1]) Ἀρχ. XIV, 3, 2.

[2]) III, 162.

[3]) II, 498.

[4]) Ἀρχ. XIV, 4, 4; περὶ ἁλώσ. I, 7, 6.—Срав. Cicero pro Flacco 67: Cn. Pompejus captis Hierosolymis victor ex illo fano nihil attigit.

[5]) τῇ χώρᾳ καὶ τοῖς Ἱεροσολύμοις ἐπιτάττει φόρον,=XIV, 4, 4, περὶ ἁλ. I, 7, 6.

[6]) Въ это именно время получило начало и Десятиградіе, образованное изъ городовъ восточной части Іордана, см. Schürer, I, 240 стр. 24 прим.

двусмысленныя выраженія описателей дѣлъ Помпея, какъ-то — Сигонія [1]), Амміана Марцеллина [2]) и Цицерона [3]), но достаточный перевѣсъ всѣмъ этимъ двусмысленностямъ дается уже въ V кн. исторіи Тацита, подтверждающей, что Іудея сдѣлалась одною изъ областей великой имперіи уже впослѣдствіи, — мнѣніе, высказываемое и Іосифомъ [4]).

Упорядочивъ такъ или иначе всѣ дѣла въ Палестинѣ, Помпей отправился въ Римъ торжествовать свой тріумфъ (61 г.). „Гвоздемъ“ этого, блестяще удавшагося, тріумфа, такъ сказать, былъ Аристовулъ со своими дѣтьми (2 дочери и сынъ Антигонъ, — Александръ же бѣжалъ съ пути), шедшіе въ числѣ множества другихъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ предъ колесницею тріумфатора [5]). Это было, такимъ образомъ, съ другой стороны, не иное что какъ своего рода торжественныя похороны свободы Іудейскаго народа, загубленной послѣ 80-лѣтняго (считая отъ 142) процвѣтанія — смертельною враждою послѣднихъ отраслей доблестной Маккавейской фамиліи. Правда, Помпей былъ слишкомъ благоразуменъ и остороженъ, чтобы рѣшиться сразу измѣнять существенно внутренній строй страны, и оставилъ ей, въ лицѣ первосвященника Уркана II, неприкосновеннымъ ея іерархическое устройство. Но этотъ первосвященникъ уже выступаетъ какъ вассалъ Рима, и независимость народа не простирается далѣе этой милости. Что же касается послѣдующей судьбы Палестины, ставшей вскорѣ достояніемъ римскаго орла,—(того орла, изъ сильныхъ когтей котораго, державшихъ столь многіе народы, еще не ускользала ни одна жертва),—то какъ бы ни находили (что было въ интересахъ особенно Іосифа) благодѣтельною и достойною похвалы—опеку надъ нею „могущественной и столь способной къ управленію народами“—руки Рима, нѣтъ надобности и возможности смягчать тотъ историческій результатъ, къ которому вполнѣ естественно привела Іудею эта опека. Результатъ этотъ, подготовлявшійся длиннымъ непрерывнымъ рядомъ сценъ самого холодно-эгоистичнаго желѣзнаго гнета алчной Римской руки — полное исчезновеніе съ исторической сцены Іудейства, какъ политическаго общества.

[1]) De Rep. Hebr. IV, 4: Pompejus, dux Romanus, in provinciae formulam redegit.

[2]) XIV, 25. Pompejus, Judaeis domitis et Hierosolymis captis, in provinciarum speciem, rectori delata jurisdictione formavit.

[3]) pro Flacco: Quam cara (т. е. illa gens Iudaéorum) diis immortalibus esset, docuit, quodest victa, quod elocata, quod servata.

[4]) Ἀρχ. XIV.

[5]) Описанія тріумфа есть у Плутарха, Помп. 45. Appian. Mithridat. 117, при чемъ послѣдній ошибочно увѣряетъ, что Аристовулъ былъ казненъ послѣ этого тріумфа, тогда какъ онъ умеръ только въ 49 году.

§ 31. Уркань II (63—40)—*Антипатръ, Фасаилъ и Иродъ.*

Ἀρχ. XIV, 5—13; περὶ ἁλώσ. I, 8—13.

При крайней скудости и неясности источниковъ трудно дать вполнѣ обстоятельный отчетъ относительно состоянія Палестины за послѣдующее время. То обстоятельство, что Іосифъ нѣсколько далѣе упоминаетъ въ числѣ мѣропріятій Габинія расчлененіе Палестины на 5 округовъ, освободившее страну „отъ владычества одного“ *(ἀσμένως δὲ τῆς ἑξ ἑνὸς ἐπικρατείας ἐλευθερωθέντες τὸ λοιπὸν ἀριστοκρατίᾳ διῳκοῦντο, περὶ ἁλ.* I, 8, 5)—повидимому, даетъ основаніе утверждать, что страна, обложенная данью и подчиненная вѣдѣнію намѣстниковъ Сирійскихъ, на первыхъ порахъ фактически не терпѣла существеннаго измѣненія въ своемъ строѣ. Изъ всей послѣдующей исторіи Уркана ясно открывается даже, что онъ оставался нѣкоторое время на верху управленія страною со всѣми полномочіями свѣтской власти, хотя и не называется болѣе царемъ, какъ ясно говоритъ Іосифъ [1]).

Спокойствіе края, однако, возстановилось не прежде, чѣмъ новизна административнаго строя и положенія Іудеи вызвала и выдержала противъ себя нѣсколько консервативныхъ попытокъ. Одну и первую изъ такихъ попытокъ обнаружилъ сынъ Аристовула—Александръ, который вмѣстѣ съ отцомъ и другими плѣнниками былъ веденъ Помпеемъ въ Римъ, для пополненія тріумфальнаго шествія героя, но бѣжалъ съ пути и успѣлъ взбунтовать Іудеевъ (57 г.). Не смотря на значительные размѣры, до какихъ въ короткое время бѣглецъ успѣлъ довести возстаніе, онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Римскаго военачальника Габинія (близъ Іерусалима), и Іудея не испытала на сей разъ большого несчастія лишь благодаря матери Александра, которая, всячески стараясь угождать Римлянамъ, имѣвшимъ у себя плѣнниками ея дѣтей и мужа, упросила Габинія удовлетвориться раскаяніемъ Александра. Собственно для Іудеи это было поводомъ лишь къ вышеуказанному измѣненію въ политическомъ отношеніи, т. е. къ расчлененію на 5 округовъ и ограниченію полномочій Уркана лишь заботами по храму, въ каковомъ положеніи дѣла оставались вплоть до выступленія Цезаря.

Вскорѣ послѣ этого примѣръ сына повторилъ его отецъ. Убѣжавъ изъ Рима съ другимъ сыномъ-Антигономъ въ Іудею, онъ быстро привлекъ на свою сторону бывшихъ подданныхъ и послѣ нѣкоторыхъ неудачъ заперся въ крѣпости Махерунтъ (56 г.). Здѣсь, какъ въ ловушкѣ, онъ попался въ руки Римлянъ и, водворенный опять въ Римѣ, томился тамъ въ узахъ до Цезаря [2]). Наконецъ, послѣднюю и самую отчаянную попытку въ томъ же родѣ повторилъ еще разъ Александръ (сынъ Аристовула). Пользуясь отлучкою Габинія въ Египетъ, онъ съ 30,000 арміею поднятыхъ имъ повстанцевъ (55 г.) ходилъ по всей Іудеѣ, избивая Римлянъ и возбуждая всюду противъ нихъ Іудеевъ, пока вернувшійся Габиній не разбилъ его при горѣ Итавиріонъ, возстановивъ status quo.

Оставленный Габиніемъ на своемъ мѣстѣ (проконсуломъ Сиріи) предъ уходомъ въ Римъ—Крассъ (54 г.) не мало причинилъ зла, между прочимъ, своимъ корыстолюбіемъ и грабительствомъ. Не довольствуясь цѣнными подарками хранителя свящ. сокровищъ—свящ. Елеазара, думавшаго предостеречь ими отъ его алчныхъ поползновеній прочія сокровища, этотъ Крассъ, вопреки данной Елеазару клятвѣ, простеръ руку свою на все, чего благоразумно остерегся касаться и Помпей. Къ счастью для Іудеи, этотъ хищникъ погибъ на другой же годъ своего проконсульства въ походѣ на Парѳянъ. Мысль о чрезвычайныхъ богатствахъ храма въ то время Іосифъ подтверждаетъ цѣнными сообщеніями относительно Іудеевъ разсѣянія, свидѣтельствуя ихъ весьма внимательное отношеніе къ отечественной святынѣ и знакомя вообще съ положеніемъ и организаціею разсѣянныхъ. Пособіемъ при сообщеніи этихъ извѣстій ему служилъ, между прочимъ, Страбонъ. Важны прежде всего указанія на размѣры разсѣянія. По свидѣтельству Страбона, приводимому Іосифомъ, „въ цѣломъ свѣтѣ едва ли можно найти мѣсто, гдѣ бы сколько-нибудь не обитало сего народа“ (Іудеевъ). Іосифъ выражается о нихъ—„живущіе по всей вселенной Іудеи“, или называетъ ихъ „народомъ нашимъ, который обиталъ во всѣхъ концахъ вселенной“. Тотъ же Страбонъ, свидѣтельствуя, что Іудеи „населяютъ почти всѣ города“, сохранилъ (у Іосифа) компетентное извѣстіе и объ ихъ положеніи въ оныхъ. Такъ, при описаніи города Киринеевъ, онъ говоритъ о раздѣленіи жителей онаго на 4 класса: гражданъ *(πολιτῶν)*, земледѣльцевъ *(γεωργῶν)*, поселенцевъ *(μετοίκων)* и Іудеевъ *(Ἰουδαίων)*. При этомъ, послѣднимъ допускалось содержать безпрепятственно свои Іудейскіе обряды и жить по своимъ законамъ. Въ болѣе населенныхъ городахъ имъ отводилась особая часть, и такая часть, напр., въ Александріи Египетской по своимъ размѣрамъ названа Страбономъ „великою“. Они имѣли тутъ собственнаго народоначальника *(ἐθνάρχης)*, который безапелляціонно управлялъ своими единоплеменниками, рѣшалъ ихъ тяжбы и представительствовалъ ихъ „не иначе, какъ бы былъ начальникъ самовластнаго общества“.

При столь благопріятныхъ условіяхъ жизни и, въ особенности, при чрезвычайной предпріимчивости еврейскаго характера,—нѣтъ ничего удивительнаго, что Іудеевъ разсѣянія видимъ около этого времени весьма много, и что они существовали не только вполнѣ безбѣдно, довольные своей долей, но и отъ избытка своего могли оказывать большую поддержку постоянно раззоряемому и опустошаемому Іерусалимскому храму. Эта поддержка была тѣмъ дѣйствительнѣе и шире, что она имѣла правильную постановку, благодаря введенію систематически-упорядоченныхъ сборовъ и общественныхъ казнохранилищъ. Объ одномъ изъ такихъ казнохранилищъ Страбонъ дѣлаетъ упоминаніе, говоря о 800 талантахъ, сберегавшихся Іудеями на островѣ Ко и захваченныхъ

---

[1]) См. Jost, II, 17 прим. Вся послѣдующая исторія Іудеи даетъ, однако, понять несправедливость мнѣнія нѣкоторыхъ, будто Іудея обращена была теперь же въ Римскую провинцію (Sigon., de Rep. Hebr. IV, 4; Amm. Marc. XVI, 26 и др.).

[2]) Дѣти его получили свободу отъ Сената, по ходатайству Габинія, *Ἀρχ.* XIV 6, 1; *περὶ ἁλώσ.* I, 8, 6. Dio Cass. XXXIX, 56. Plutarch. Anton. 3.

Митридатомъ. Останавливаясь на этомъ замѣчаніи Страбона и свидѣтельствуя, что у Іудеевъ нѣтъ другой общенародной казны, кромѣ посвящаемой Богу, Іосифъ объясняетъ назначеніе этихъ денегъ всесвѣтнымъ обычаемъ Іудеевъ (въ данномъ случаѣ—Азійскихъ) жертвовать на нужды не забываемаго ими Іерусалимскаго храма. Это свидѣтельство весьма пригодно не только для подтвержденія мысли о чрезвычайныхъ богатствахъ Іерусалимскаго храма, но и для объясненія того, почему онъ такъ часто обращалъ на себя такое вниманіе искавшихъ добычи завоевателей, и такъ быстро поправлялся послѣ частыхъ погромовъ вродѣ Крассовскаго.

Въ неудачномъ сраженіи Александра съ Римлянами при г. Итавиріонъ (Θαворъ) была разбита, можно сказать, послѣдняя надежда національнаго претендента на Іудейскій престолъ. Въ непродолжительномъ времени все царское племя было уничтожено или незамѣтно перешло въ лицъ частнаго состоянія. Аристовулъ, отправленный было Цезаремъ [1]), по освобожденіи отъ узъ, въ Сирію съ 2 легіонами и съ полномочіями самой широкой власти, погибъ со своими надеждами еще на пути, отравленный ядомъ. Александръ, сынъ его, умерщвленъ, по повелѣнію Помпея, какъ человѣкъ подозрительный для его интересовъ въ Антіохіи. Антигонъ, другой сынъ Аристовула, и дочери его взяты были Птоломеемъ, владѣльцемъ города Халкиды (при подошвѣ горы Ливана) отъ ихъ матери (жены Аристовула), проживавшей въ Аскалонѣ. Одна изъ этихъ дочерей, Александра, вышла за Филиппіона, сына Птоломеева: но потомъ отецъ умертвилъ своего сына и, женившись самъ на Александрѣ, взялъ подъ свою опеку близкихъ ея. Среди всѣхъ этихъ напастей на Асмонейскую фамилію, только Уркань пока своею забитостію и вялостію въ это тревожное время (49—30) оставался въ покоѣ, какъ безопасный для всѣхъ, и даже высидѣлъ благопріятный моментъ упрочить свое положеніе засвидѣтельствованіемъ своей преданности Цезарю, особенно послѣ одолѣнія имъ своихъ враговъ [2]). Но и этотъ потухавшій отблескъ звѣзды Асмонеевъ уже былъ безсиленъ предотвратить ударъ, занесенный надъ когда-то славною династіею. Онъ совершенно стушевывался за личностію своего пронырливаго друга, Идумейскаго намѣстника Антипатра, ловчѣе всѣхъ съумѣвшаго воспользоваться запутанными обстоятельствами того времени и показать себя главнымъ услужникомъ Риму и печальникомъ за получчуждый ему народъ Іудейскій. На небосклонѣ іудейскомъ занималось новое явленіе, которое не столько приличествовало бы уподобить проблескамъ новой восходящей звѣзды, сколько зловѣщему

[1]) Dion Cass. XLI, 18. Это было послѣ 49 г., когда Помпей и сенатская партія были вытѣснены Цезаремъ изъ Италіи, и вполнѣ входило въ разсчеты сего послѣдняго, хотѣвшаго чрезъ эту милость Аристовулу имѣть его сильнымъ защитникомъ своихъ интересовъ у Сиріи, куда теперь переносился центръ борьбы. Это объясняетъ и отравленіе Аристовула Помпеевской партіи и гибель Александра, который могъ также выступить сторонникомъ благодѣтеля своему отцу и, подъ предлогомъ наказанія за прежнія преступленія противъ Рима, предусмотрительно устраненъ со сцены.

[2]) Битва при Фарсалѣ (9 Авг. 48 г.) и вскорѣ же послѣдовавшая послѣ нея смерть Помпея (28 Сент. 48 г.).

зареву всеуничтожающаго бѣдствія. Таковымъ именно было — возвышеніе фамиліи Антипатра и выступленіе въ качествѣ царствующей—династіи его сына Ирода.

Дальнѣйшія свѣдѣнія по политической исторіи Іудейства у Іосифа на этомъ основаніи формируются въ своего рода очеркъ развитія Антипатровой фамиліи до послѣднихъ судебъ фамиліи Асмонеевъ,—въ лицѣ Уркана продолжавшей нѣкоторое время принимать въ вершеніи судебъ Іудейства болѣе или менѣе активное участіе.

Первое упоминаніе имени Антипатра на ряду съ именемъ Уркана встрѣчаемъ съ самаго начала правленія послѣдняго. Онъ былъ, по словамъ Іосифа, отмѣнный пріятель Уркана, и, какъ натура пронырливая и ловкая, во всѣхъ выдающихся обстоятельствахъ его жизни является его „правою рукою,“ а точнѣе — самой беззастѣнчивой узурпаціей его полномочій и слѣпого довѣрія. Онъ подбиваетъ Уркана на бунтъ противъ ненавистнаго ему Аристовула, и самъ со своимъ братомъ Фалліономъ дерется за него въ войскахъ Ареты. Онъ парламентерствуетъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, при осадѣ Аретою Іерусалима [1]), и, между прочимъ, умудряется посовѣтовать послать осажденнымъ *свинью*, вмѣсто закупленныхъ ими жертвенныхъ животныхъ. Онъ отправляется къ Помпею съ дарами отъ Уркана и съ жалобами на Аристовула и даже на корыстолюбивыхъ намѣстниковъ Сиріи (Габинія и Скавра), и наущаетъ тысячи знатнѣйшихъ Іудеевъ къ неблагопріятному отзыву предъ тѣмъ же Помпеемъ о „жестокомъ и склонномъ къ возмущеніямъ“ (*βίαιος καὶ ταραχώδης*) духѣ Аристовула. Онъ, благоугождая Скавру и заискивая его расположеніе не менѣе, чѣмъ уполномочившій его на то Урканъ, помогаетъ ему припасами въ войнѣ съ тѣмъ самымъ Аретою (IV), который сражался за нихъ же противъ Аристовула. Подобную же помощь—житомъ, оружіемъ и деньгами—оказываетъ онъ Габинію въ походѣ противъ Архелая (Египетскаго), привлекаетъ на его сторону Пелузійскихъ Іудеевъ, прикрывавшихъ дорогу въ Египетъ, усмиряетъ силою убѣжденія загорѣвшійся въ отсутствіе Габинія мятежъ въ Сиріи (бунтъ Александра), и заставляетъ Габинія при „учрежденіи всего въ Іерусалимѣ“ прислушиваться и сообразоваться съ желаніями Антипатра. Съ тою же ревностію постарался выставить свои заслуги Антипатръ во время Египетскаго похода Цезаря. Заручившись увѣщательными грамотами Уркана къ Египетскимъ Іудеямъ (въ Ониной области) [2]), Антипатръ безъ труда склоняетъ ихъ на доброжелательство Цезарю и на помощь его войскамъ продовольствіемъ и др. военными надобностями, въ то время какъ и самъ присоединяетъ къ легіонамъ Цезаря 3000-ную [3]) іудейскую пѣхоту (вскорѣ же, между прочимъ-

[1]) См. выше, стр. 303, пр. 2-е.

[2]) По свидѣтельству Страбона, приводимому Іосифомъ въ качествѣ подтвержденія того, о чемъ „многіе говорятъ,“—Урканъ самолично сопутствовалъ Цезарю въ Египетскомъ походѣ, чѣмъ, быть можетъ, не мало объяснилось то, что Антипатръ вездѣ имѣлъ такой успѣхъ, дѣйствуя „именемъ“ первосвященника.

[3]) Въ декретѣ Цезаря, *Ἀρχ.* XIV, 10, 2—число Іудейскаго вспомогательнаго войска указано только 1500.

отличившуюся въ выручкѣ Митридата, союзника Цезарева) и увлекаетъ своимъ примѣромъ Аравійскихъ и др. мелкихъ азіатскихъ владѣльцевъ, грозившихъ быть опасными партизанами.

Ближайшія слѣдствія такого „послужного списка“ не замедлили обнаружиться сейчасъ же по окончаніи войны Цезаря. Уркан получилъ столь мало говорящее „подтвержденіе“ въ достоинствѣ первосвященника, въ то время какъ Антипатръ пожалованъ правомъ Римскаго гражданина и почетною независимостію. Послѣдовавшее вскорѣ за тѣмъ выступленіе Антигона (меньшого сына Аристовула) предъ Цезаремъ, съ жалобами на лишеніе отцовскаго наслѣдія и постоянныя обиды, только даетъ поводъ къ новымъ милостямъ для обвиняемыхъ. Блестящее оправданіе, принесенное тутъ же со стороны Антипатра, съ избыткомъ удовлетворяетъ пристрастнаго судью: Антипатру предоставляется выбрать вмѣсто наказанія власть, какой онъ самъ хотѣлъ, и—не безъ этого выбора—повелѣвается „быть“ ему „всея Іудеи правителемъ“ [1]). Уркан, кромѣ „подтвержденія“ прежняго „подтвержденія“ получилъ позволеніе на свою просьбу—возстановить Іерусалимскія стѣны, остававшіяся безъ починки со времени Помпея, и удовлетворенъ сенатскимъ указомъ о нѣкоторыхъ привиллегіяхъ Іудеямъ [2]), что̀ слѣдовало сдѣлать, несомнѣнно, и помимо заслугъ со стороны Уркана [3]).

Судя по дальнѣйшему образу дѣйствій Антипатра и его отношеніямъ, въ частности, къ Уркану, мы, къ немалому изумленію, замѣчаемъ, что уже этотъ

[1]) *ἐπίτροπος τῆς Ἰουδαίας.* По нѣкоторымъ даннымъ можно принять, что Антипатръ еще ранѣе, со времени Габинія, отправлялъ званіе прокуратора Іудеи; по крайней мѣрѣ, еще до похода Египетскаго (*Ἀρχ.* XIV, 8, 1) Антипатръ упоминается въ этомъ званіи (*ὁ τῶν Ἰουδαίων* или *τῆς Ἰουδαίας ἐπιμελητής*), и не только Іосифомъ, но и Страбономъ, который въ свою очередь ссылается на Уписикрата (XIV, 8, 3). Возможно, что это званіе Антипатръ получилъ въ то время, когда Габиній „упорядочивалъ дѣла Іерусалима по желанію Антипатра“ (XIV, 6, 4 *περὶ ἀλώσ.* I, 8, 7) въ признательность за его заслуги Риму, тѣмъ болѣе что такое возвышеніе вызывалось и необходимостію назначенія особаго чиновника по податной части (*ἐπιμελητής*) и не противорѣчило положенію Уркана, сохранявшаго только духовный авторитетъ. Возможно также, что въ числѣ милостей Цезаря Уркану было возвращеніе ему (и его потомству XIV, 10, 2) упраздненнаго Габиніемъ титула *ἐθνάρχης* (какъ полагаетъ Schürer, *Ἀρχ.* XIV, 8. 5) съ соотвѣтствующими политическими полномочіями (Schür. I 279—280), что, впрочемъ, не внесло, кажется, никакихъ измѣненій въ епитропскія полномочія Антипатра, подтвержденныя Цезаремъ.

[2]) Права гражданства Александрійскимъ Іудеямъ, Schür. II, 534; свобода вѣроисповѣданія Іудеевъ Малой Азіи (*Ἀρχ.* XIV, 10, 8 и 20—24—собранные здѣсь декреты, по мнѣнію Schürer'а, не прямо изданы Цезаремъ, но лишь подтверждены имъ, срав. Sch. II, 524.). Насколько, дѣйствительно, благодѣтельно было для Іудеевъ время Цезаря, ясно изъ того замѣчанія Светонія (Caes. 84), что никто такъ не оплакивалъ гибель этого правителя, какъ Іудеи: In summo publico luctu exterarum gentium multitudo circulatim suo quaeque more lamentata est, praecipueque Judaei, qui etiam noctibus continuis bustum frequentarunt.

[3]) Іосифъ упоминаетъ также въ особомъ *Авинейскомъ* опредѣленіи, коимъ оказывались Уркану высшія почести (золотой вѣнецъ, мѣдная статуя въ храмѣ Граціи и т. п.). См. объ этомъ *Krebs*, decreta Rom. pro Judaeis, а также Jost, B. II, Anh. 23.

ловкій родоначальникъ Иродовой династіи пользовался болѣе, чѣмъ только званіемъ „правителя Іудейскаго“ [1]), и значеніе первосвященника какъ *ἐθνάρχος*'а успѣлъ низвести прямо къ нулю, сдѣлавшись фактически римскимъ правителемъ Іудейской области. По упорядоченіи Цезаремъ всѣхъ дѣлъ въ Сиріи и по отбытіи за море [2]), мы видимъ Антипатра въ Іудеѣ—возстановляющимъ разрушенныя Помпеемъ стѣны, объѣзжающимъ всю страну для укрощенія бродившихъ въ ней мятежей гдѣ увѣщаніями, гдѣ угрозами: видимъ его говорящимъ къ Іудеямъ, что, если они смирятся, то будутъ благополучно и спокойно наслаждаться своими имѣніями, а если будутъ помышлять о мятежахъ, то *его*—Антипатра—будутъ имѣть вмѣсто *представителя* деспотомъ *(ἀντὶ προστάτου δεσπότην)*, Уркана—вмѣсто *царя*—тиранномъ, *(ἀντὶ βασιλέως τύραννον)*, а Римлянъ и Кесаря—вмѣсто *вождей*—непримиримыми непріятелями *(πικροὺς ἀνθ' ἡγεμόνων πολεμίους)*. Еще яснѣе выступаетъ это преобладаніе Антипатра изъ того, что̀ предпринимаетъ онъ далѣе. Утилизируя нерадивость и малоспособность Уркана, онъ назначаетъ Фасаила, старшаго изъ своихъ сыновей, градоначальникомъ Іерусалима и его окрестностей *(στρατηγός)*, а 15-лѣтняго Ирода—въ подобной же отвѣтственно-высокой должности отправляетъ въ Галилею [3]), въ томъ и дру-

[1]) *Ἀρχ.* XIV, 8, 3.

[2]) Dio, 42; Plut. in Caes.; Appian, l. c.; Caes. B. Civ. III, 112. Hirt. 9—25; Oros. VI, 15.

[3]) Jost, II, пр. 25, срв. Grätz 151, пр. Дата Іосифа о лѣтахъ Ирода при назначеніи въ Галилею породила жаркіе споры. Она казалась невѣроятною, съ одной стороны, въ виду недоразумѣнія при сопоставленіи съ *Ἀρχ.* XVII, 6, 1 и *περὶ ἀλώσ.* I, 33, 1, гдѣ Іосифъ допускаетъ умереть Ироду 70-ти лѣтъ, съ другой—въ виду трудности допустить, чтобы 15-лѣтній мальчишка могъ играть такую роль, какую Іосифъ приписываетъ Ироду. Исходя изъ этихъ недоразумѣній, Casaub. exerc. c. Bar. I, 34 объявляетъ прямо: „sciat lector mendosum esse illum locum,“ и, обвиняя переписчика, настаиваетъ вмѣсто *ιε* (15) читать *κε* (25). Замѣчаніе Іосифа о юности Ирода послѣ такой поправки будто бы остается въ полной силѣ, въ подтвержденіе чего приводится масса примѣровъ, когда слова *νεὸς νεανίσκος* прилагаются не только къ 13-лѣтнему Аристовулу (шурину Ирода), но и къ выше чѣмъ 30-лѣтнему возрасту (подробно собраны въ фрагментахъ Филона). Соглашаясь на томъ же, многіе ученые приписываютъ ошибку самому Іосифу (Petav., см. Doctr. Temp. II, 1, 10, c. 65; и послѣ него Pagi и др.; срв. Casaub. epist. 299. Montacutius exerc. 10. Lydiatus de emend. Temp. p. 114. Keplerus de an. nat. Chr., p. 52 Usser an. ad. an).

Были, впрочемъ, и такіе ученые, которые пытались обойтись безъ недовѣрія къ датѣ Іосифа и принять её въ неизмѣнности (Riccioli Chron. reform. и Nolde, Hist. Idum. Num. 9), рискуя, съ одной стороны, оставить ее въ противорѣчіи съ вышеуказанными двумя датами Іосифа, или, съ другой—понижая её на 10 лѣтъ, законность чего вдвойнѣ уменьшается ввиду того, что понижаемая дата повторена Іосифомъ 2 раза. Мало даютъ положительнаго и другія гипотезы, старающіяся угадать дѣйствительный возрастъ Ирода на основаніи другихъ моментовъ его жизни или путемъ сопоставленія лѣтъ Ирода съ предполагаемымъ возрастомъ Антипатра: (Peter Allix in Diatribe de an. et mens. nat. J. Chr. c. II.)

Можно бы, по нашему мнѣнію, не видѣть ничего страннаго въ томъ, что̀ полный отваги 15-лѣтній парень, при протекціи такого отца, могъ играть такую роль, особенно если имѣть ввиду возможность ранняго, сверхъ вообще ранняго, развитія на Востокѣ, если бы противорѣчіе Іосифа съ другой стороны не побуждало усумниться въ достовѣрности его даты. И только послѣдняго рода побужденіе должно

гомъ случаѣ самъ пожиная прежде и всего болѣе—плоды ихъ дѣятельности для преобразованія страны. Иродъ очищаетъ свой удѣлъ отъ разбойническихъ шаекъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ симпатіи Сирійцевъ, давно желавшихъ этой расправы по собственнымъ счетамъ, и благоволеніе Сирійскаго правителя и сродника Кесарева—Секста Кесаря. Ревнуя ему въ славѣ, Фасаилъ располагаетъ къ себѣ симпатіи Іерусалимлянъ, старательно входя самъ во все по управленію города и ловко поддѣлываясь подъ вкусы и нужды каждаго. Пожиная плоды столь ревностнаго усердія дѣтей и общаго расположенія къ нимъ, Антипатръ *почитается* всѣми за *царя* и пользуется отъ всѣхъ почтеніемъ, приличествующимъ одному верховному начальнику. Онъ умѣетъ утилизировать самого Уркана для своихъ интересовъ, побуждая его на подарки Римскимъ protegé Антипатра и присвояя всю честь за оные себѣ, благо Урканъ—и зная это—не видѣлъ здѣсь для себя ничего, кромѣ удовольствія, не прозрѣвая всѣхъ опасныхъ послѣдствій возвышенія Антипатра съ его фамиліей, какъ прозрѣвали это другіе Іудеи, рѣшившіеся, наконецъ, и Уркану раскрыть глаза на ближайшіе нежелательные результаты терпимаго имъ хода вещей.

Любопытны доводы этихъ,—несомнѣнно, отражавшихъ голосъ лучшей части Іудейскаго общества, оппонентовъ, возмущавшихся положеніемъ дѣлъ при Уркане и его безконтрольномъ временщикѣ. „Доколѣ ты будешь—говорили они Уркану—безмолвствовать въ настоящихъ обстоятельствахъ? Не видишь ли, что вся власть находится въ рукахъ Антипатра и его дѣтей, а ты носишь одно только имя царское?.... Напрасно ты думаешь, что они помощники въ дѣлахъ твоихъ: нѣтъ! они не за помощниковъ, но явно всѣми почитаются за государей! [1])“.... Еще болѣе сильнымъ доводомъ было все это въ связи съ

имѣть силу для того, чтобы искать для Ирода болѣе высокаго возраста, чѣмъ 15 лѣтъ, каковую дату кардиналъ Noris (C. Cenot. Pis. II, 6) объясняетъ льстивымъ намѣреніемъ первоисточника Іосифова—Николая Дамаскина—произвести въ герои царя ранѣе, чѣмъ онъ былъ, что, повидимому, оправдывается *περὶ ἀλ.* I, 19, гдѣ Иродъ обличается въ намѣреніи скрывать свои года, (не отсюда ли объясняется и то, что Іосифъ вообще не знаетъ *точнаго* числа лѣтъ жизни Ирода, выражаясь, что онъ умеръ *около* 70 лѣтъ?) Какъ бы то ни было, вѣренъ въ Іосифѣ лишь образъ чтенія, но не дата.

Вопросъ, какъ же именно должна быть исправлена эта дата, большинство ученыхъ рѣшаютъ въ духѣ Казобона, читая вмѣсто 15—25. Это согласовалось съ догадкою Casaub., что въ данномъ случаѣ имѣла мѣсто ошибка глаза. Признавъ, что образъ чтенія могъ быть здѣсь вѣренъ и лишь не точна дата, мы избавляемся отъ необходимости измѣнять *ιε* именно на близкое по начертанію *κε*, и вмѣстѣ съ Jost'омъ допускаемъ и не столь значительную поправку, тѣмъ болѣе, что нельзя не согласиться съ тѣмъ, какъ властолюбивый Антипатръ могъ оставлять въ бездѣятельности до такого возраста (25) своего талантливаго сына (Ирода), и тѣмъ болѣе возмужалаго Фасаила, бывшаго уже отцомъ 4-лѣтняго сына? (Срв. *Ἀρχ.* XIV, 14; *περὶ ἀλ.* I, 14). Принимая во вниманіе все это, можно находить достовѣрнымъ, что Иродъ, если только входило въ его разсчеты таить свои лѣта (проведеніе юношескихъ лѣтъ въ иной странѣ давало всѣ удобства для этого), убавилъ ихъ не на 10 лѣтъ, а года на 4—5, и что, так. обр., назначеніе его въ Галилею послѣдовало году на 20 или 21 его жизни.

[1]) *Ἀρχ.* XIV, 9. 3.

обстоятельствомъ, происшедшимъ вскорѣ же. Въ Іерусалимъ явились матери избитыхъ Иродомъ въ его Галилейскихъ подвигахъ [1]), и требовали во храмѣ предъ Уркановъ и народомъ суда Синедріона надъ Иродомъ, какъ нарушителемъ правъ послѣдняго. Іудейская аристократія поддержала это требованіе и настояла на вызовѣ Ирода къ отвѣту предъ Синедріономъ [2]), Получивъ приглашеніе въ этомъ смыслѣ, Иродъ, *по совѣту Антипатра*, ѣдетъ не какъ подсудимый, но одѣтый въ пурпуръ, окруженный блестящимъ отрядомъ тѣлохранителей [3]), и везя съ собою письмо Секста Цезаря къ Уркану, повелѣвавшаго—подъ угрозою гнѣва—снять судъ съ обвиняемаго. Хотя судъ, настроенный замѣчательно-бойкою рѣчью Schemaja, и не обнаружилъ особенной готовности слѣдовать этому внушенію свыше, за то Урканъ далъ Ироду всѣ средства избѣжать приготовленнаго ему смертнаго приговора и способствовалъ, такимъ образомъ, новому большему усиленію своего будущаго убійцы и узурпатора Іудейскаго престола. Насколько Иродъ вообще мало смущался перспективой суда надъ собою, краснорѣчиво слѣдуетъ изъ того факта, что бывшій подсудимый, найдя сильную защиту въ лицѣ Секста Цезаря, сдѣлавшаго его намѣстникомъ Кили-Сиріи—*στρατηγὸς τῆς Κοίλης Συρίας*, вскорѣ же нагрянулъ на Іерусалимъ съ цѣлымъ войскомъ (47 год.), чтобы разнести ненавистный Синедріонъ, и только увѣщанія отца и брата остановили дальнѣйшія неистовства бывшаго подсудимаго.

Немало успѣли сдѣлать Антипатръ съ сыновьями для упроченія своего положенія во время происшедшихъ вскорѣ возмущеній въ Сиріи (убіеніе Секста Цезаря) и самомъ Римѣ (убіеніе Цезаря), отразившихся и на настроеніи Іудеи. Прежде всего, они не приминули засвидѣтельствовать свою вѣрность вышеназванному Сексту Цезарю, отправя войско для наказанія его убійцъ. Но, когда вслѣдъ за симъ въ Сирію явился Кассій, одинъ изъ сообщниковъ убійцъ Цезаря (44 г.), они—хотѣвшіе мстить убійцамъ родственника Цезарева—явились предъ убійцею самого Цезаря примѣрно преданными и услужливыми плательщиками его поборовъ съ Іуден. Въ числѣ ближайшихъ послѣдствій подобнаго двоедушія было то, что, оставляя Іудею, Кассій вручаетъ главное попеченіе о всѣхъ дѣлахъ Ироду, подтверждаетъ его въ званіи областеначальника *(στρατηγός)* Келе-Сиріи, оставляетъ въ его власти весь флотъ съ войсками—конными и пѣшими, и, наконецъ, поощряетъ за вѣрную службу обѣщаніемъ сдѣлать царемъ Іудейскимъ. Нечего и говорить, что это не было неожиданностію ни для кого, ни тѣмъ болѣе для самого Ирода. Близость такой развязки не замедлила, однако, вызвать и соотвѣтствующую оппо-

[1]) Борьба съ Іудою сыномъ Езекіи.

[2]) Объ этой сценѣ знаетъ раввинское преданіе, измѣняя лишь имена—вмѣсто Уркана Jannai, вмѣсто Ирода—рабъ Jannai'я, вмѣсто Schemaja—Simon ben Schetach. См. Derenbourg, Hist. de la Palestine, p. 146—148.

[3]) Все это было, очевидно, устроено съ цѣлью—выразить свое презрѣніе къ этому національно-Іудейскому судилищу, обломку теократическаго строя еврейскаго государства, власть котораго въ глазахъ Ирода была доживающимъ послѣдніе дни анахронизмомъ.

зицію, сигналомъ которой было отравленіе Антипатра [1]) на пиру Уркана, участіемъ главнаго изъ оппозиціонеровъ—Малиха. Оба сына Антипатра выступаютъ съ местію убійцѣ—Иродъ открытою войною, Фасаилъ—хитростію и коварствомъ, и скоро покачиваютъ съ нимъ. Самъ Урканъ, какъ кажется, вначалѣ также ненесочувствовалъ оппозиціи дѣтямъ Антипатровымъ, какъ это открывается изъ удара, причиненнаго ему извѣстіемъ о гибели Малиха и изъ жалобъ Фасаила на вспомоществованія Уркана его непріятелямъ (возстаніе подъ предводительствомъ брата Малиха). Что касается вообще народа, то его оппозиція дѣтямъ Антипатра, особенно Ироду, не знала удержу, и съ трудомъ сдерживалась силою и всевозможными жестокостями (XIV, 13, 3—4, 9 и мн. др.). Наконецъ, прежде окончательнаго восторжествованія надъ оппозиціею своимъ узурпаторскимъ стремленіямъ, Иродъ и Фасаилъ должны были выдержать еще одинъ протестъ, столько же сильный, сколько ненезаконный, какъ исходившій отъ Антигона, сына Аристовулова, имѣвшаго за собою надежную опору—и въ причастности истинно-царственному происхожденію, и въ памяти о громкихъ дѣлахъ своихъ предковъ и родичей во славу Іудеи;—наконецъ, и время особенно представлялось благопріятнымъ для такой оппозиціи въ виду того, что съ удаленіемъ Кассія изъ Сиріи (42 г.) всю провинцію охватила какая-то анархія, при которой господствовало только право сильнаго. Понятно, почему такая оппозиція должна была оказаться наиболѣе сильною, но и.... послѣднею. На сторонѣ ея, вопреки всѣмъ естественнымъ ожиданіямъ, не было уже самаго главнаго—не былъ первосвященникъ Урканъ, котораго Иродъ предусмотрительно связалъ съ собою узами родства, обручившись съ его внукой (Маріаммой, дочерью Александра, сына Аристовулова (II), и Александры, дочери Уркана (II),—племянницей Антигона). Союзникамъ же Антигона—Птоломею, сыну Меннееву, и Маріону, Тирскому тиранну, захватившему послѣ Кассія власть надъ всею Сиріею, Иродъ противопоставилъ быстроту натиска и храброе сопротивленіе, чѣмъ, съ одной стороны, добился удаленія Антигона изъ предѣловъ Іудеи и пораженія его Іудейскихъ сообщниковъ, а съ другой—почетныхъ овацій въ Іерусалимѣ отъ своихъ сторонниковъ и Уркана, который чествовалъ въ немъ своего нареченнаго зятя.

Первая попытка Антигона на этомъ и кончилась. Между тѣмъ, обстоятельства, создавшія новый кризисъ для Палестины съ возвышеніемъ Антонія и Октавіана и пораженіемъ Кассія,—измѣнили и обстоятельства братьевъ-Идумеянъ къ лучшему, не смотря на жалобы нѣсколькихъ депутацій іудейской знати. Оказавъ честь Антонію личнымъ оправданіемъ въ взводимыхъ на него жалобахъ, Иродъ обворожилъ его своею изворотливостію, а еще болѣе щедрыми подношеніями и успѣлъ заручиться въ его лицѣ сильнѣйшею протекціею, тѣмъ болѣе что Антоній былъ давнимъ пріятелемъ и желаннымъ гостемъ его отца Антипатра (57—55 г.). Все это повело къ тому, что Антоній удовлетворялъ всѣ просьбы, шедшія отъ имени Уркана и Ирода, оставлялъ безъ послѣдствій всякія жалобы на нихъ, и, наконецъ, пожаловалъ Ирода и Фасаила тетрархами Іудейской области, чему Урканъ, сдѣлавшійся уже тестемъ Ирода, былъ только радъ и не мало способствовалъ.

[1]) Іосифъ характеризуетъ его, несомнѣнно поддавшись вліянію источника, какъ „мужа, прославившагося предъ всѣми благочестіемъ, справедливостію и усердіемъ къ своему отечеству(?)“.

Не дремалъ, однако, и Антигонъ, рѣшившійся во что бы то ни стало довести до конца свою попытку. Удобный случай представлялся на этотъ разъ во вторженіи Парѳянъ, которые въ 40 году [1]) наводнили своими ордами всю переднюю Азію и помогли Антигону, хотя на нѣкоторое время, восторжествовать надъ своими врагами. Подвигнувъ Парѳянъ на свою защиту [2]) обѣщаніемъ щедрыхъ подарковъ (1000 тал. и 500 женщ.), онъ организовалъ новое возстаніе на Ирода, которое, впрочемъ, отчасти разстроилось за неустойкою Антигона въ условіяхъ, отчасти не сполна достигло своихъ намѣреній (въ числѣ ихъ было—кромѣ воцаренія Антигона—лишеніе жизни Ирода со всѣми сообщниками) за нелегкостію самаго дѣла, при упрочившемся достаточно положеніи Ирода. Правда, Парѳянамъ удалось обманомъ заманить и удержать у себя Уркана и Фасаила, [3]) но они не могли провести Ирода, который заблаговременно проникъ въ коварство враговъ и предпочелъ скрыться до времени въ Идумею, со всею своею фамиліею. Урканъ и Фасаилъ, между тѣмъ, въ оковахъ были представлены Антигону, который изувѣчилъ перваго, чтобы, въ случаѣ освобожденія его, онъ не могъ по закону занимать первосвященства; другой плѣнникъ—Фасаилъ [4]) самъ предпочелъ смерть отъ собственной руки, лишь только услышалъ о безчестной гибели, какую готовилъ ему его непріятель.

Устроивъ новый порядокъ вещей и водворивъ Антигона [5]) на Іерусалимскомъ престолѣ, а также пограбивъ значительно городскія сокровища, Парѳяне ушли, уведя съ собою плѣнникомъ Уркана.

§ 32. Антигонъ (40—37 г.).

Ἀρχ. XIV, 14—16; περὶ ἁλ. I, 14—18

Добившійся, благодаря содѣйствію Парѳянъ, того, чего напрасно добивались отецъ и братъ, Антигонъ, (еврейское имя котораго, сохранившееся на монетныхъ надписяхъ, было Маттаѳія), провозглашенный царемъ и первосвященникомъ, отсрочилъ хотя ненадолго окончательное водвореніе на престолѣ Давида [6]) чуждой династіи.

[1]) Въ то время какъ Антоній терялъ время около своей Клеопатры въ Египтѣ, а потомъ занятъ былъ Италійскими дѣлами.

[2]) Jost, II, 28 anh.

[3]) Срв. Jost, II, 29 anh.

[4]) Замѣчателенъ способъ самоубійства этого Идумеянина (разбилъ себѣ голову о стѣну темницы), прекрасно выражающій какую-то демонически-дикую натуру Идумейской семьи, полное воплощеніе которой можно видѣть въ лицѣ Ирода.

[5]) Dio Cass. XLVIII, 26 ошибочно называетъ Аристовула вмѣсто Антигона.

[6]) Впрочемъ, тогда уже и не былъ этотъ престолъ „Давидовымъ“, какъ престолъ

Иродъ, между тѣмъ, ничуть не унывалъ и не думалъ отступаться отъ своихъ притязаній на власть въ Іудеѣ, не смотря на частныя неудачи. Вопреки ожиданіямъ, встрѣченный недружелюбно Аравійскимъ царемъ Малхомъ, у котораго Иродъ, не зная еще участи брата, думалъ достать денегъ для его выкупа, Иродъ, обходя Іудею, направился въ Египетъ, чтобы отсюда сдѣлать переѣздъ въ Римъ, гдѣ онъ надѣялся найти единственную твердую опору. Совершивъ трудное плаваніе, изгнанникъ прежде всего поспѣшилъ представиться Антонію и доложилъ ему все случившееся въ Іудеѣ, постаравшись представить дѣло такъ, чтобы возбудить къ себѣ какъ можно больше жалости своего покровителя. Въ подкрѣпленіе этому, не забыты были и денежныя обѣщанія. Самъ Кесарь, раздѣляя горячее участіе Антонія въ судьбѣ Ирода, взялся помочь послѣднему и на созванномъ имъ тогда же сенатѣ, *во вниманіе къ заслугамъ Ирода и его отца Риму, и въ наказаніе Антигону давнему бунтовщику и непріятелю Римлянъ*, и, наконецъ, въ цѣляхъ облегченія предстоящей съ Парѳянами войны, — найдено было полезнымъ (Риму!!!) сдѣлать Ирода царемъ Іудейскимъ, что тотчасъ же и было объявлено за опредѣленіе Сената. Жертвою въ Капитоліи и положеніемъ тамъ Сенатскаго опредѣленія на особыхъ таблицахъ санкціонировалось это провозглашеніе, послѣ чего новоиспеченный „царь Іудейскій“ удостоился почетнаго угощенія обѣдомъ отъ Антонія. Это произошло, по замѣчанію Іосифа, въ теч. 184 Ол., обнимающей годы 44—41 включительно, что, очевидно, невѣрно, уже потому, что Иродъ не могъ быть въ Римѣ ранѣе 40 г. и притомъ къ концу его, такъ какъ приближалась уже осень, когда онъ спѣшилъ сѣсть на корабль въ Александріи; что осенью 40 г. именно состоялось провозглашеніе, подтверждается и требуется тѣмъ сообщеніемъ современной Римской исторіи, что Антонія Октавіана не могло быть ранѣе въ Римѣ [1]).

Черезъ 7 дней, новый царь, ставленникъ Рима, уже оставлялъ Италію, спѣша ввестись во владѣніе царствомъ, и въ началѣ 39 г. высадился въ Птолемаидѣ. Но до дѣйствительнаго воцаренія отъ его провозглашенія прошелъ довольно продолжительный и трудный промежутокъ. Съ одной стороны, Парѳяне, не покидавшіе окончательно Сиріи, и опиравшійся на нихъ Антигонъ—заграждали ему доступъ въ подаренное Римлянами царство; съ другой—продажность Вентидія, римскаго полководца, посланнаго для очищенія Сиріи отъ Парѳянъ, и Силона, его подчиненнаго, затягивали дѣло и отстрочивали паденіе Антигона. Не теряя надежды на правоту и перевѣсъ своего дѣла, послѣдній достаточно крѣпко упрочивался въ странѣ, пока Иродъ поспѣшалъ на него съ собственнымъ и наемнымъ войскомъ и съ правомъ на подкрѣпленіе, по распоряженію Рима, мѣстныхъ римскихъ силъ. Полководцы послѣднихъ, подкупаемые Антигономъ, предпочитали, однако, полное бездѣйствіе, предоставляя Ироду самому отвоевывать шагъ за шагомъ сопротивлявшееся ему царство. Неудивительно, что въ теченіе всего 39 года Иродъ успѣлъ овладѣть только Іоппіею, да выручить своихъ, запертыхъ въ замкѣ Массадѣ. Впрочемъ, и это было немалымъ успѣхомъ Ирода, такъ какъ обезпечило ему все же возможность приблизиться къ Іерусалиму на столько, чтобы свободно расположиться станомъ съ западной стороны города. Прежде чѣмъ, однако, принимать болѣе рѣшительныя мѣры къ овладѣнію столицею, Иродъ позаботился привлечь на свою сторону *боявшійся* его народъ, обѣщая ему „пользу и спасеніе“ и великодушное забвеніе всѣхъ обидъ. Чтобы обезоружить эти доводы, Антигонъ въ свою очередь возглашалъ публично къ сторонникамъ Ирода и Римлянамъ, пришедшимъ съ нимъ, что они поступаютъ вопреки своему обычаю, дѣлая царемъ Ирода—человѣка низкой породы—идумеянина, слѣд., только „наполовину“ Іудея, тогда какъ „обыкновенно они даютъ царство лишь происходящимъ отъ крови царской“, что „ежели они на него гнѣвны и считаютъ недостойнымъ Іудейскаго престола, то *есть* другіе изъ его рода, невиновные ни въ чемъ предъ Римомъ и терпящіе величайшую несправедливость лишеніемъ принадлежащей по праву имъ чести“ [1]). Но не этими, могущими быть болѣе или менѣе сильными только въ Римѣ (да и то при условіи лишь соотвѣтствія пользѣ его, Рима) доводами Антигонъ отсрочилъ рѣшеніе своей участи. Онъ подкупилъ Силона, вождя Римскихъ подкрѣпленій, бывшихъ съ Иродомъ, и тотъ, подъ предлогомъ недостатка провіанта, измѣнилъ Ироду и увелся на зимнія квартиры вдали отъ Іерусалима.

Между тѣмъ, къ лѣту слѣдующаго 38 года Парѳяне сдѣлали новый набѣгъ на Сирію. Это надолго отвлекло Вентидія и Силона отъ Іерусалима къ болѣе неблагополучному мѣсту, а безъ нихъ и Иродъ предпочелъ отступить въ Галилею, гдѣ занялся ловлею разбойниковъ, а заодно и очищеніемъ страны отъ сторонниковъ Антигона и закрѣпленіемъ ея въ своемъ подданствѣ. Не мало проигралъ Иродъ въ то время, пока ѣздилъ въ Самосаты съ поклономъ къ прибывшему туда Антонію. Въ отсутствіе его, оставленный имъ съ вой-

которымъ распоряжались Римляне. Это былъ скорѣе престолъ узурпатора, его собственный самодѣльный престолъ. (Богор. 502).

[1]) Срв. Sanclemente. De vulgaris aerae emendatione, p. 360—366; vander Chijs. De Herode Magno p. 31—35. Несправедлива и та дата Gumpach'a въ über den altjudischen Kalender, 238—250, что провозглашеніе падало на осень 39 г.

[1]) Умѣстно припомнить здѣсь многозначительное замѣчаніе Іосифа, что самъ Иродъ, повидимому, когда-то сознавалъ все это, сдѣлавшись царемъ сверхъ его чаянія, ибо онъ не смѣлъ сего явно требовать въ сенатѣ, потому что не надѣялся получить такой милости отъ Римлянъ, которые дѣлали всегда царями происходившихъ отъ царскаго племени, но намѣренъ былъ (или дѣлалъ видъ, что желалъ) просить сего достоинства брату жены своей, внуку Аристовулову и Уркановy—Александру, котораго онъ потомъ умертвилъ, а самъ будто бы намѣревался ограничиться ролью перваго сановника при немъ, какъ Антипатръ при Урканѣ. Это, однако, едва ли вѣрно. Всѣ предшествующіе „подвиги“ и злоключенія Ирода могли окупаться лишь его затаенными надеждами на нѣчто гораздо большее, чѣмъ „роль перваго сановника“ при комъ-то другомъ, когда онъ уже и теперь представлялъ изъ себя настоящаго правителя. Съ другой стороны, не можетъ быть, чтобы не имѣло значенія для Ирода нѣкогда данное обѣщаніе Римскаго уполномоченнаго сдѣлать царемъ Іудейскимъ за вѣрную службу. Возможность такого обѣщанія для Ирода была несомнѣнною возможностью и его исполненія. И никакою другою ролью онъ не могъ удовлетвориться уже по самому своему характеру.

сками братъ Іосифъ понесъ тяжкое пораженіе отъ Іерихонянъ, подарившихъ голову его Антигону, одновременно съ чѣмъ и Галилея вновь отложилась отъ Ирода, принявшись безпощадно уничтожать сторонниковъ его. Положеніе Ирода было бы до крайности затруднительно, еслибъ онъ не привелъ съ собою отъ Антонія сильный вспомогательный отрядъ, которому и удалось повернуть дѣло въ его пользу. Задавъ страху Галилеѣ, Иродъ началъ наступать на Антигона со стороны Іерихона, въ то время какъ со стороны Самаріи двинулся грозить Іудеѣ Махеръ съ бывшими у него римскими легіонерами. Отмстивъ Іерихонянамъ за смерть брата и настигнувъ высланное Антигономъ противъ Махера войско Паппа, Иродъ разбилъ его при Исанѣ [1]) на-голову и открылъ, такимъ образомъ, себѣ путь къ столицѣ. Надвигалась, между тѣмъ, новая зима на истерзанную междоусобіями Іудею и дала Антигону возможность продержаться на престолѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ.

На слѣдующій годъ (37), едва только стало позволять время года (т. е. ранней весной), Иродъ уже могъ безопасно расположиться предъ стѣнами Іерусалима, и сильная армія его повела грозныя осадныя работы. Тѣмъ временемъ Иродъ успѣлъ съѣздить въ Самарію, чтобы отпраздновать здѣсь пышный бракъ свой съ Маріаммой, внучкой Уркана [2]), обрученной съ нимъ уже 5 лѣтъ назадъ (42 г.) и, такимъ образомъ, занять Іудейскій престолъ при торжественномъ засвидѣтельствованіи своего кровнаго родства съ истинно царственною династіею, или—какъ то же сильнѣе выражаетъ Іосифъ въ *περὶ ἀλ.*—чтобы „доказать свое презрѣніе къ непріятелямъ“. Одновременно съ возвращеніемъ его въ Іудею съ новымъ сильнымъ отрядомъ набранныхъ имъ воиновъ, къ нему присоединены были еще свѣжіе римскіе легіоны Сосіемъ, присланнымъ отъ Антонія въ помощь Ироду. Подобно какъ при Помпеѣ, войска густо обложили городъ съ сѣвера, гдѣ возвышались грозные валы, и стѣнобитные машины застучали свою адскую работу, проложивъ въ 40 дней путь за первую стѣну и еще 15 чрезъ вторую. Не смотря на крайній недостатокъ въ съѣстныхъ при-

[1]) Наименованіе этого мѣста въ *περὶ ἀλ.* I, XVII, 5—Каною вмѣсто Исаны должно быть признано порчею текста; см. Schür. I. 291, 9 прим. Исана тожд. съ יְשָׁנָה, которая по II Парал. 13, 19 лежала подлѣ Веениля (у Іосифа *Ἀρχ.* VIII, 11, 3 *Ἰσανά*).

[2]) См. выше стр. 358. Это былъ уже 2-й бракъ Ирода. Отъ первой своей супруги Доры, Иродъ уже имѣлъ сына, Антипатра. По мнѣнію Богородскаго, дѣятельную роль при сватовствѣ Ирода на Маріаммѣ д. приписать Александрѣ, ея матери. Честолюбивая и гордая, она не могла снести мысли, что съ возвышеніемъ Ирода фамилія Маккавеевъ потеряетъ всякое значеніе, захудаетъ и смѣшается съ толпою обыкновенныхъ подданныхъ, и вотъ, приноситъ въ жертву свою юную дочь—красавицу счастливому проходимцу, чтобы хотя этимъ способомъ оставаться вблизи трона и власти. Но эта цѣль—поддержать погибающее величіе Маккавейскаго рода повлекла за собою въ своемъ развитіи всеконечное уничтоженіе этого славнаго рода. Не объясняется ли этимъ безобразное поведеніе ея предъ казнію Маріаммы, на бракѣ съ которой Ирода она основывала всѣ свои честолюбивые расчеты. И не хотѣла ли, наоборотъ, доказать своимъ благородно-гордымъ поведеніемъ Маріамма, что изъ нея нельзя было сдѣлать бездушное орудіе, что она имѣетъ право на собственныя чувства, какъ внучка Аристовула, столь же знающая себѣ цѣну, какъ и ея родители. (Богор. 502).

пасахъ, вслѣдствіе года субботняго [1]), городъ оказывалъ самое отчаянное сопротивленіе. Вытѣсненные изъ нижней части города, Іудеи засѣли въ верхнемъ,

[1]) Замѣчаніе это имѣетъ свою особенную важность и не можетъ быть оставлено Библейскимъ историкомъ безъ нѣкоторой утилизаціи. Какъ понятно, опредѣленіе времени хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ субботнихъ годовъ весьма много помогаетъ опредѣлить по нимъ болѣе точно и время многихъ другихъ, изъ коихъ отъ времени Іисуса Навина до послѣднихъ временъ Библ. исторіи только немногіе упоминаются въ Свящ. Писаніи, дополняясь въ другихъ случаяхъ Іосифомъ. Въ Свящ. Писаніи опредѣленно и точно названы субботними года: 1) освященія Соломонова храма (1004 до Хр. начало LXIII субб. года, II Пар. V, 3; VII, 8—10; срав. 3 Ц. VIII, 2, 65); 2) слѣдующій за пораженіемъ Сеннахерима (709 до Хр.—CV субботній, 4 Ц. XIX, 29; срв. Ис. XXXVII, 30); 3) первый годъ трехлѣтней осады Іерусалима Навуходоносоромъ (591/90 до Хр. Іер. XXXIV, 14 — CXXII субботній) и 4) годъ осады Іерусалима Антіохомъ Евпаторомъ (I Мак. VI, 49). Сверхъ этихъ указаній, еще 2 субботнихъ года точно опредѣляются у Іосифа; это—годъ смерти первосвящ. Симона Маккавея (163 до Хр. *Ἀρχ.* XIII, 7, 4-CLXXXIII субботній), и наконецъ—годъ взятія Іерусалима Иродомъ въ послѣднемъ случаѣ. Это послѣднее замѣчаніе даетъ возможность установить, что описываемое событіе имѣло мѣсто въ 717 году отъ основанія Рима, т. е. за 37 л. до Христ. эры. Замѣчаніе Іосифа, что то было время консульства Агриппы и Галла имѣетъ варіацію въ другомъ источникѣ, именно у Dio Cass. XLIX, 22, гдѣ консульство указывается болѣе раннее—Клавдія и Норбана (38 г.). Однако, большая обстоятельность и детальность Іосифа представляетъ болѣе шансовъ на достовѣрность предъ краткимъ и сжатымъ очеркомъ Діона, и всѣ новѣйшіе изслѣдователи отдаютъ предпочтеніе первому. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что Пакоръ, военачальникъ Парѳянъ, былъ побѣжденъ Вентидіемъ, Римскимъ полководцемъ, 9 іюня 38 г. Послѣ этого Вентидій идетъ на Антіоха Комагенскаго и осаждаетъ его въ Самосатахъ (Plut. Anton. 34), во время каковой осады приходитъ къ Самосатамъ и Антоній, навѣщаемый потомъ Иродомъ. Осада эта, какъ извѣстно, затянулась (Plut. Anton. 34: *τῆς δὲ πολιορκίας μῆκος λαμβανούσης*) и только послѣ нея Сосій получаетъ приказаніе помочь Ироду (*Ἀρχ.* XIV, 15, 8—9). Эта помощь, т. обр., могла придти къ Ироду не раньше осени 38 г., а повѣствованіе Іосифа, съ другой стороны, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что до паденія Іерусалима послѣ этой поддержки прошла еще зима (*Ἀρχ.* XIV, 15, 11: *πολλοῦ χειμῶνος καταῤῥαγέντος*; 15, 12: *χειμὼν ἐπέσχε βαθύς*, потомъ 15, 14: *λήξαντος δὲ τοῦ χειμῶνος*, и наконецъ—16, 2: *θέρος τε γὰρ ἦν*). Такимъ образомъ, завоеваніе Іерусалима, вопреки Gumpach'y, Caspari и др., произошло лѣтомъ 37 г. (срв. Sanclemente, de vulg. 366—371. Ideler, Handb. II, 390; Ewald IV, 646; Bucklein и Kellner)...

Мы должны остановиться здѣсь еще на замѣчаніи Іосифа, что Иродово завоеваніе Іерусалима было въ тотъ же самый день, какъ и Помпеево. Выраженіе Іосифа *τῇ ἑορτῇ τῆς νηστείας* (XIV, 16, 4) допускаетъ предположить, что это былъ день великаго очищенія, 10 окт.—Tischri, какъ и принимаютъ Ewald, Kellner и др. Наоборотъ, Herzfeld (въ Frankel'a Monatsschrift f. Gesch. und Wiss. des Jud. 1855, 104—115) пытается доказать, что завоеваніе Іер. Иродомъ должно было быть раннимъ лѣтомъ, и небезъосновательно. Начавшись тотчасъ съ окончаніемъ зимняго времени (*λήξαντος τοῦ χειμῶνος*), слѣд. въ февралѣ, или самое позднее—въ мартѣ, осада по *περὶ ἀλ.* I, 18, 2 длилась 5 мѣс., и слѣд. никакъ не могла тянуться до октября: самый крайній ея предѣлъ—іюль. Замѣчаніе Іосифа о *ἑορτὴ τῆς νηστείας* въ такомъ случаѣ должно счесть указаніемъ на обыкновенную субботу, по извѣстной уже намъ рабской зависимости Іосифа отъ языческихъ источниковъ, тѣмъ болѣе что и Dio Cassius выражается только, что городъ былъ взятъ *ἐν τῇ τοῦ Κρόνου ἡμέρᾳ* (XLIX, 22). Что касается, наконецъ, замѣчанія *τῷ τρίτῳ μηνί* (*Ἀρχ.* XIV, 16, 4), то это м. б. или

не уступая безъ борьбы ни одной пяди и страшно раздражая враговъ, далеко превосходившихъ своею численностію и искусствомъ. Большихъ усилій стоило Ироду—при взятіи города—удержать раздраженныхъ и алкавшихъ добычи римлянъ отъ страшнаго кровопролитія и грабежей. Онъ усиленно убѣждалъ Сосію обуздать неистовство своихъ воиновъ, представляя, что если римляне расхитятъ всѣ имѣнія и погубятъ жителей, то „оставятъ его царемъ одной пустыни“, и что „побоищемъ столь многихъ гражданъ онъ не согласится купить владычества цѣлымъ свѣтомъ“. Не мало также понадобилось энергіи—„удержать любопытныхъ отъ стремленія видѣть то, что отъ самихъ Іудеевъ было сокрыто“ (внутреннія части храма). Такъ или иначе, Ироду удалось предотвратить окончательную гибель своей столицы... Въ самый разгаръ овладѣнія городомъ, Антигонъ бросился къ Сосіи и самъ выдалъ себя ему. Сосій увелъ его съ собою въ узахъ къ Антонію. Но Иродъ, опасаясь, чтобы въ Римѣ этотъ соперникъ его, имѣвшій столь много родовыхъ и другихъ преимуществъ, не былъ пощаженъ и не расположилъ Римъ въ пользу свою или своихъ дѣтей, подкупилъ Антонія—лишить своего врага жизни.

Достопримѣчательно сообщеніе Страбона объ этой казни, приводимое Іосифомъ: „Антоній, читаемъ мы здѣсь, приведши Антигона Іудеянина въ Антіохію, отрубилъ ему голову [1],—и этотъ военачальникъ, кажется, былъ первый изъ римлянъ, который умертвилъ *царя* столь позорною казнію, полагая, что ничѣмъ вѣрнѣе сего не сможетъ онъ *преклонить Іудеевъ къ признанію царемъ Ирода*, возведеннаго имъ на мѣсто Антигона. Ибо *Іудеи самыми жесточайшими мученіями не могли быть принуждены къ тому, чтобы почтить его наименованіемъ царя*: столь великое уваженіе оказывали они къ прежнему царю; посему и Антоній, чрезъ безчестную казнь Антигона, *надѣялся помрачить память* его и уменьшить *ненависть Іудеевъ къ Ироду*“ [2]. Одного этого мѣста, ради его безпристрастія и объективности, достаточно для того, чтобы пролить свѣтъ въ неопредѣленные и двусмысленные отзывы Іосифа объ Иродѣ въ его отношеніяхъ къ Іудеямъ, то слишкомъ зависѣвшіе отъ такого крайне пристрастнаго источника, какъ Николай Дамаскинъ, то достигавшіе противоположной, хотя уже гораздо менѣе отдаленной отъ дѣйствительности—крайности въ такихъ нелестныхъ эпитетахъ по адресу Ирода, какіе только могли внушаться чувствомъ оскорбленнаго патріотизма или даже простого человѣколюбія.

Такъ, послѣ долгихъ 3—лѣтнихъ мытарствъ Ироду удалось ввестись во владѣніе своимъ царствомъ, похоронивъ навсегда господство славной и благо-

3-ій мѣсяцъ осады, или Іудейскаго календаря. Послѣднее принимаютъ Grätz и Hitzig, относя конецъ осады къ іюню. Кажущимся подтвержденіемъ этого м. служитъ дата περὶ ἀλ., гдѣ говорится, что осада продолжалась 5 мѣсяцевъ. Но это не будетъ противорѣчить и первому, когда допустимъ, и какъ кажется, съ большею вѣроятностью, что третій мѣсяцъ Іосифъ считаетъ отъ начала собственно самой осады (Ἀρχ. XIV, 6, 2), а пять мѣсяцевъ—отъ начала приготовленія къ осадѣ и осадныхъ работъ (XIV, 15, 14).

[1]) Dio, XLIX, 23; Plut. Ant. 36.

[2]) Ἀρχ. XIV, 16, 4; XV, 1, 2; περὶ ἀλ. I, 18, 3. Dio Cass. XLIX, 22; Plut. Ant. 36.

родной династіи Асмонеевъ, въ теченіе 126 лѣтъ соединявшихъ первосвященническое достоинство съ высшею верховною властію надъ народомъ. Въ лицѣ Ирода, уничтожившаго царственное значеніе Асмонеевъ, эта власть отнынѣ переходитъ къ человѣку, не только незнатнаго происхожденія, но и иноземцу [1])—идумеянину, рабу и орудію чужеземной силы, вопреки основной идеѣ всей Ветхозавѣтной исторіи. Нельзя не видѣть необычайной важности въ этомъ событіи, доведшемъ исторію до того предопредѣленнаго конца временъ, когда Ветхій Израиль переиспыталъ всѣ формы и состоянія общественной жизни и когда эта общественная жизнь, обусловленная и подготовленная его внутреннимъ духовнымъ состояніемъ, пришла теперь къ безнадежной потерѣ законнаго теократическаго представителя и тѣмъ ясно обозначила время, когда надлежало придти Самому Представительствованному, чтобы Ветхаго Израиля перевозсоздать въ новаго, обнимающаго „всѣ племена земныя“.

§ 33. **Иродъ Старшій (37—4 до Хр. э.).**

Ἀρχ. XV, XVI, XVII, 1—8. περὶ ἀλ. 1, 18—33. Равв. пред. у Derenbourg, 149—165.

„Иродъ какъ бы и родился для господства,“—такъ характеризуетъ его Schürer. Уже отъ природы это былъ способный и сильный атлетъ, изощрившійся во всѣхъ родахъ спорта, побывавшій и закалившійся во всевозможныхъ трудностяхъ и опасностяхъ. Ловкій наѣздникъ, счастливый охотникъ, мѣткій стрѣлокъ [2]), неустрашимый и непобѣдимый воинъ [3])—онъ уже съ перваго впечатлѣнія внушалъ всѣмъ почтительный страхъ и покорныя чувства. Двадцатилѣтнимъ юношей началъ онъ лѣтопись своихъ блестящихъ воинскихъ подвиговъ въ усмиреніи Галилеи отъ разбойниковъ, и въ преклонномъ возрастѣ свыше чѣмъ 60-лѣтняго старца еще имѣлъ достаточно отваги, чтобы лично вести походъ на Арабовъ, такъ какъ уже одно присутствіе его вездѣ обѣщало удачу.

Немало своеобразнаго выражалось въ характерѣ этого типичнаго Іудейскаго „Грознаго“. Справедливо отмѣчаютъ въ немъ особыя наслѣдственныя черты, которыя болѣе или менѣе рельефно вычерчиваются во многихъ членахъ Антипатровой фамиліи и интенсируются въ Иродѣ до высшей своей степени, до какой-то поистинѣ титанической „чудовищности“ во всемъ, съ положительными сторонами характера включительно (Богород.). Дикій и страстный, жестокій и непреклонный, онъ не зналъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ или тонкихъ побужденій, или же и въ нихъ былъ столько же „Иродомъ“, какъ въ наиболѣе позорнѣйшихъ и кровожаднѣйшихъ своихъ дѣяніяхъ. Ничего не было святѣе для

[1]) См. пр. I къ III кн. Jost'a.

[2]) περὶ ἀλ. I, 21, 13.

[3]) Ib. всѣ военныя неудачи Ирода Іосифъ относитъ или къ предательству другихъ, или къ безразсуднымъ дѣйствіямъ воиновъ.

него собственныхъ—иногда дѣйствительныхъ, а то просто воображаемыхъ лишь интересовъ, и гдѣ только ему мерещились препятствія имъ, тамъ текли рѣки хотя бы самой невинной и самой близкой для него крови. Трагическая казнь до безумія страстно любимой жены и дѣтей, избіеніе невинныхъ младенцевъ—эти кровавѣйшія страницы его исторіи не имѣютъ себѣ подобныхъ по ужасающей глубинѣ человѣческаго безсердечія и нравственнаго озвѣренія.

Недюжинный умъ его и живость, которыми на бѣду онъ также отличался, дѣлали только еще болѣе опаснымъ для всѣхъ его кровожадный характеръ, составляя въ его распоряженіи богатую силу для неуклоннаго и успѣшнѣйшаго приведенія въ дѣйствіе своихъ себялюбивыхъ разсчетовъ, дѣлая столь изобрѣтательнымъ на средства и мѣры для улаженія всякихъ препятствій и затрудненій. При своей сухо-требовательной суровости и безпощадности въ отношеніи ко всему, что было въ его власти, онъ нимало не считалъ непослѣдовательнымъ самому быть изысканнѣйшимъ ласкателемъ и угождателемъ по отношенію къ выше его поставленнымъ и въ особенности къ его покровителямъ, изъ подъ благосклонной зависимости и защиты которыхъ недоставало высвободиться этой птицѣ высокаго полета. Сознавая хорошо свое безсиліе устранить этотъ поставленный ему самою исторіею вопросъ [1]), онъ съумѣлъ лишь здѣсь удержать въ должныхъ предѣлахъ свое неограниченное властолюбіе и тщеславіе, съ которыми могло соперничать въ равноправіи у него только развѣ римское дружество, да и то, впрочемъ, послѣднее занимало подчиненное положеніе къ тѣмъ первымъ, такъ какъ единственною цѣлью и интересомъ его внутренней и внѣшней политики были: возвышеніе его могущества, его владычества, его славы; все остальное по отношенію къ этому давало лишь средства [2]), незнавшія никакихъ препятствій и трудностей. Его называютъ „Великимъ“, и это, несомнѣнно, болѣе приложимо къ нему съ отрицательной, нежели положительной стороны [3]).

33 года длилось систематическое разложеніе Ветхаго Израиля кровавотлетворнымъ царствованіемъ Ирода, прежде чѣмъ 33-лѣтняя жизнь Галилейскаго Учителя, возсіявшая тотчасъ же за закатомъ этой темной силы антихристова предтечи Христу, засѣяла и оплодотворила сѣменами Божественной жизни всѣ царства и племена земныя. Справедливо различаютъ три періода въ этомъ продолжительномъ царствованіи: 1) періодъ упроченія Иродомъ своего господства (37—25 г.), главнымъ образомъ, въ борьбѣ съ различными враждебными силами; 2) періодъ мирныхъ работъ и величественныхъ сооруженій, ознаменовавшійся также доведеніемъ дружбы съ Римомъ до высшей степени (визитъ Агриппы Ироду въ Іерусалимѣ и двукратное свиданіе съ Императоромъ 25—13), наконецъ, 3) періодъ домашнихъ бѣдствій и смутъ, оттѣснившихъ на задній планъ все другое. Можно принять для удобства обозрѣнія такое подраздѣленіе, не забывая, что все царствованіе въ цѣломъ было одной сплошной безотрадной повѣстью, написанною человѣческою кровію въ жаждѣ самаго ненасытнаго и ревниваго честолюбія.

[1]) Іосифъ въ своей характеристикѣ Ирода (Ἀρχ. XVI, 5, 4) достаточно хорошо и психологически вѣрно объясняетъ контрастъ и раздвоенность въ наклонностяхъ Ирода (щедрость и жестокость), объединяя ихъ въ одной основной чертѣ—колоссальномъ любочестіи Ирода, обусловливавшемъ и его чрезвычайную расточительность въ связи съ жадностію пріобрѣтеній, и его безпредѣльную жестокость при стремленіи быть признаннымъ всѣми за благодѣтеля и достойнаго царя своихъ подданныхъ. Хорошо примиряются въ этомъ и два другія, мало, повидимому, совмѣстимыя качества въ Иродѣ: его грубое пресмыкательство предъ сильнѣйшими его, особенно Римлянами, и его неумѣренная требовательность по отношенію къ подданнымъ, которыхъ онъ желалъ видѣть такими же ласкателями въ отношеніи къ нему, какимъ былъ самъ онъ въ отношеніи къ Римлянамъ.

[2]) Ἀρχ. XVI, 5, 4.

[3]) Догадка ученыхъ, не слѣдуетъ ли понимать эпитетъ „μέγας“ въ смыслѣ не „великій“, а „старшій“, въ отличіе отъ другихъ Иродовъ, имѣетъ свою силу. См. Богородскій, Прав. Соб. 1896 г. I, 497—522 стр. См. ниже, стр. 342, прим.

I.

Четыре врага щекотали смертоносную подозрительность и ревнивое ополченіе Ирода за свои царскіе права—въ первый періодъ его правленія. Это были—народъ, высшее Іудейское сословіе, Асмонейская фамилія и заграничные недоброжелатели, опаснѣйшимъ изъ которыхъ была Клеопатра (Schürer).

Ненависть народа къ Ироду и мотивы оной совершенно понятны. Иродъ имѣлъ для того, кажется, все, чѣмъ эта ненависть могла питаться: онъ былъ кровный идумей, что едва давало ему право [1]) на благосклонное наименованіе полуіудея; онъ былъ, затѣмъ, завзятый другъ и слуга Рима, опасность чего къ этому времени выступала особенно ясно; и такой-то человѣкъ теперь шелъ увѣренною и неуклонною стопою къ престолу Давида, къ владычеству надъ Израилемъ. Всецѣло державшіе тогда народъ въ рукахъ своихъ фарисеи имѣли во всемъ этомъ достаточно богатый матеріалъ и пищу для возбужденія и поддержанія всеобщей ненависти къ Ироду, и борьба съ этою ненавистію, проходящая красною нитью чрезъ все царствованіе Ирода, стоила весьма многихъ и цѣнныхъ жертвъ. Къ счастію для Ирода, эта ненависть носила большею частію молчаливый характеръ: народъ презиралъ узурпатора, но терпѣлъ его, какъ наказаніе Божіе за свои грѣхи, какъ бичъ Божій, возстаніемъ противъ котораго онъ боялся предупредить мѣру терпѣнія Іеговы, вразумляющаго Свой народъ. Полліонъ и Самей, наиболѣе здравомыслящіе изъ фарисеевъ, держали народъ въ этомъ настроеніи и недаромъ пользовались за то уваженіемъ Ирода, какъ оказывавшіе ему такъ или иначе добрую услугу въ поддержаніи терпѣнія въ народѣ.

Болѣе рѣшительныя мѣры Ирода выпали на долю устраненія второго его врага, въ лицѣ высшихъ сословій Іерусалима, тянувшихъ болѣе въ сторону Асмонеевъ и состоявшихъ въ сообщничествѣ съ Антигономъ. Жестокимъ гоненіемъ выступилъ онъ на нихъ тотчасъ же по водвореніи въ Іерусалимѣ, и немедленно для перваго почина разыскалъ и передушилъ изъ нихъ до 45 человѣкъ, конфисковавъ ихъ богатыя имѣнія въ свою казну, настолько нуждав-

[1]) Срв. Jost, III, anh. 1.

шуюся въ томъ на удовлетвореніе всевозможныхъ причудъ его патрона Антонія, что Иродъ не останавливался даже предъ неприкосновенностію могилъ умершихъ, обыскивая и грабя гробы богачей. Не забыты были здѣсь когда-то судившіе его члены Синедріона, которыхъ онъ всѣхъ лишилъ жизни, притворившись благосклоннымъ лишь къ главарямъ ихъ, Шемаіѣ и Абталіону, такъ какъ по своимъ рьяно-фарисейскимъ воззрѣніямъ они были особенными врагами свѣтской власти Маккавеевъ-священниковъ, хотя бы въ тоже время они были неменьшими врагами и самого Ирода (Богор. 504).

Само собою разумѣется, что покой Ирода болѣе всего смущала Асмонейская фамилія, которая въ концѣ концовъ оказалась уничтоженною имъ съ корнемъ. Это уничтоженіе въ цѣломъ представляетъ изъ себя безподобно-трагическую эпопею, богаче которой по обилію дѣйствующихъ лицъ и трогательнѣе по роковымъ столкновеніямъ ихъ съ честію, долгомъ, страстію, недоразумѣніемъ и злобою—не знаетъ исторія. Злымъ геніемъ для пагубныхъ отношеній Ирода къ дому Асмонеевъ, какъ нарочно привязанныхъ Иродомъ къ себѣ узами родства чрезъ бракъ съ Маріаммой, была мать послѣдней и Иродова теща—Александра. Такъ какъ Уркань, освобожденный Иродомъ изъ Парѳянскаго плѣна [1]), былъ лишенъ Антигономъ правоспособности занимать первосвященническое званіе, то Иродъ вызвалъ на это мѣсто нарочито ничтожнаго и незнатнаго Вавилонскаго священника именемъ Ананела, который не могъ мыслить себя, иначе, какъ его креатурою [2]). Это было рѣзко демонстративнымъ нарушеніемъ Асмонейскихъ правъ, и Александра, имѣвшая въ лицѣ своего сына Аристовула (брата Маріаммы) законнѣйшаго наслѣдника этихъ правъ, предъявила энергичнѣйшій протестъ подобному самочинію, поддержанный всѣми ревнителями благочестія. Отчасти уступая этому протесту и показывая видъ справедливости, отчасти отнимая возможность нѣкоторыхъ осложненій, намѣтившихся въ желаніи Антонія самому видѣть Аристовула, грозившаго своею прекрасною, истинно-царственною наружностію, расположить Антонія въ свою пользу, Иродъ „освободилъ“ Ананела отъ возложенныхъ было на него обязанностей [3]) и возвелъ

[1]) Иродъ сдѣлалъ это подъ предлогомъ признательности къ 80-лѣтнему старцу, непереставшему быть въ должномъ почтеніи Іудеевъ, а на самомъ дѣлѣ чтобы притворнымъ оказаніемъ ему чести (называя своимъ отцемъ) расположить къ себѣ народъ, и главное—чтобы имѣть „въ рукахъ“ этого маститаго Асмонея, легко могущаго оказаться виновникомъ какой либо опасной Ироду перемѣны. Вотъ почему, въ скоромъ же времени, Иродъ самъ поспѣшилъ оклеветать его предъ народомъ, и умертвилъ.

[2]) Іосифъ говоритъ, впрочемъ, что „предки“ его были когда-то и первосвященниками.

[3]) Іосифъ насчитываетъ 3 случая такого нарушенія: *Онія*, возведенный Антіохомъ Епифаномъ, вмѣсто брата—Іисуса, 2) *Аристовулъ*, смѣнившій Уркана и 3) *Аристовулъ*, поставленный Иродомъ вмѣсто Ананела. Когда Іосифъ говоритъ при этомъ, что законъ о неприкосновенности первосвященническаго сана „прежде всѣхъ“ нарушилъ Антіохъ, то онъ имѣлъ въ виду или послѣдній періодъ Еврейской исторіи, или безпричинныя, самовольныя смѣны первосвященника, такъ какъ случаевъ подобныхъ смѣнъ вообще можно насчитать болѣе 3-хъ.

въ санъ первосвященника юнаго Аристовула. Такимъ образомъ, юный первосвященникъ занялъ это мѣсто по достоинству, хотя и съ нарушеніемъ закона, воспрещавшаго получившихъ однажды этотъ санъ лишать онаго. Эта уступка Ирода, съ одной стороны, примирила его нѣсколько съ Асмонейскою фамиліею, но—съ другой, вскорѣ же „поправилась“ на новый тяжкій ударъ рока, отяготѣвшаго надъ несчастной фамиліей. Толчекъ къ этому подала та же Александра, тяготившаяся своимъ положеніемъ при дворѣ въ качествѣ какой-то почетной арестантки, окруженной со всѣхъ сторонъ надзоромъ подозрительнаго Ирода, и предпринявшая хитростію убѣжать со своимъ сыномъ къ Клеопатрѣ въ Египетъ. Выданные рабомъ бѣглецы пойманы были какъ разъ во-время, и хотя Александра осталась пока безнаказанною, за то дни Аристовула были сочтены... Овація народа, устроенныя въ присутствіи Ирода юному первосвященнику, выступившему предъ Израилемъ во время праздника Кущей, въ ореолѣ истинно-первосвященническаго величія и славнаго прошлаго его предковъ, ускорили кровожадныя намѣренія узурпатора, и несчастный юноша, надежда Израиля, погибъ въ прудахъ царскихъ, утопленный игравшими съ нимъ во время купанья наперсниками Ирода.

Правда несчастія, какъ громомъ поразившая весь народъ, не могла быть замята разглашеніемъ слуховъ о неосторожности самого Аристовула въ нечаянно постигшей его смерти. Горе народа и особенно Александры, узнавшей подлинность всего дѣла, не знало границъ. Несчастная, терзавшаяся отчаяніемъ мать осталась жить только съ единственной отрадой рано или поздно отомстить гибель надежды—сына, какъ ни старался Иродъ притворными слезами о послѣднемъ и пышными похоронами показать себя не только непричастнымъ ея несчастію, но и искренно ей соболѣзнующимъ. Скрывая до времени жесточайшую ненависть къ убійцѣ и показывая видъ незнавшей дѣйствительныхъ обстоятельствъ смерти сына, Александра стала орудіемъ рока, не преминувшаго отмстить Ироду невинную кровь. Прежде всего она увѣдомила издавна соболѣзновавшую ей Клеопатру о неслыханномъ безсердечіи Ирода, и въ женскомъ сердцѣ ея нашла лучшаго союзника своимъ мстительнымъ намѣреніямъ. Полными негодованія, требовавшаго возмездія, и женски-настойчивыми, властно-взывавшими къ смерти злодѣя жалобами, предъ послушнымъ рабомъ своей страсти Антоніемъ, Клеопатра успѣла поколебать Антонія въ его симпатіяхъ къ Ироду, и тотъ вытребовалъ его къ себѣ, въ Лаодикію, [1]) для объясненія.

Ловкія оправданія, а главное—богатая казна, съ какою выступилъ Иродъ предъ своимъ судьею, повернули дѣло въ пользу подсудимаго, и безъ дальнѣйшихъ задержекъ онъ побѣдоносно возвратился въ свой Іерусалимъ.

Между тѣмъ, въ послѣднемъ, за отсутствіе царя, разыгрались событія, послужившія предвѣстіемъ и поводомъ для новыхъ ударовъ несчастной семьи Асмонейской. Поручивъ на время своего отсутствія управленіе дѣлами дядѣ

[1]) Лаодикія, южнѣе отъ Антіохіи, на морѣ, куда Антоній присталъ, отправляясь (весною 34. г.) противъ Армянскаго царя *Artavasdes'a*.

своему Іосифу, Ироду далъ ему тайный приказъ—немедленно умертвить Маріамму, если только у Антонія приключится ему какое-либо несчастіе,—дѣлая это и по внушенію своей безумной „Иродовской“ любви къ прелестной Асмонейкѣ, [1]) и изъ ревнивыхъ опасеній связи съ нею Антонія, нескрывавшаго свое влеченіе къ ней уже изъ-за однихъ слуховъ о ея рѣдкой красотѣ. Іосифъ не удержался, чтобы не открыть эту тайну Маріаммѣ съ Александрой, желая засвидѣтельствовать тѣмъ безумную любовь Ирода къ супругѣ; на чуткихъ женщинъ, однако, болѣе подѣйствовало это лишь какъ новое доказательство чудовищной безсердечности Ирода. Къ довершенію несчастія разсѣялись ложные слухи о казни Ирода Антоніемъ, побудившіе встревоженныхъ женщинъ устроить нѣчто вродѣ мятежа—попыткой заручиться покровительствомъ Рима и симпатіями Антонія, чтобы возвратить опять себѣ скипетръ и всю честь, приличествовавшую ихъ роду. Письма отъ Ирода, съ извѣщеніемъ о благополучномъ улаженіи дѣла предъ Антоніемъ, парализовали это движеніе Александры съ дочерью, но тутъ присоединила новое осложненіе дѣла сестра Ирода Саломія, супруга Іосифа. Женщинамъ вообще суждено было играть въ судьбахъ Ирода какую-то особенно важную роль. Представляя 2 лагеря, въ составѣ коихъ были, съ одной стороны, сестра Ирода Саломія съ своею и его матерію, съ другой—горячо любимая жена его Маріамма, такъ же со своею матерію, его тещею, эти женщины по-своему олицетворяли вражду своихъ фамилій, ведя страшно ожесточенную борьбу между собою, обострявшуюся до крайней степени, съ одной стороны, благодаря Иродовски—злому характеру первыхъ 2 женщинъ, и съ другой—надменнымъ отношеніемъ двухъ другихъ по адресу низкаго рода первыхъ. Въ только что упомянутомъ поступкѣ Маріаммы съ матерію, ихъ попытка употреблена была въ благопріятный поводъ зажечь гнѣвъ Ирода. Для послѣдней цѣли Саломія рискнула также своимъ супругомъ, всѣявъ въ сердце Ирода нелѣпое подозрѣніе въ непозволительномъ обхожденіи Іосифа съ Маріаммою. Клятвы послѣдней, не вызывавшіяся, впрочемъ, любовію Маріаммы, а единственно голосомъ невинно затронутой чести, сначала успокоили Ирода. Къ несчастію, Маріамма вслѣдъ за этимъ имѣла неосторожность сдѣлать ему на изъявленія его любви рѣзкій

[1]) Сама Маріамма едва ли могла любить Ирода; въ *περὶ ἀλ.* I, 22, 2, Іосифъ прямо говоритъ о ея ненависти; онъ говоритъ, впрочемъ, такъ много и другого худого не только о Маріаммѣ, но и вообще о Маккавеяхъ, современникахъ Ироду. Но если все остальное и согласовалось съ явно тенденціознымъ намѣреніемъ изъ лести къ Римлянамъ обѣлить Ирода, ставленника Римлянъ, и представить его какъ бы агнцемъ, страдавшимъ отъ порочности и злонравія Маккавеевъ,—то ненависть Маріаммы къ Ироду понятна и безъ этой тенденціозности. И что въ этой ненависти не было еще ничего преступнаго—какъ старается представить Іосифъ, всегда опровергающій свои похвалы Ироду выразительными фактами,—говоритъ простая человѣческая справедливость, которая болѣе оскорбляется не поведеніемъ Маріаммы, вполнѣ натуральнымъ, при данныхъ условіяхъ, а скорѣе наивными разсужденіями Іосифа и Ирода, что жена изъ-за чувственной ласки хотя бы изверга мужа должна подавлять въ себѣ всѣ душевныя движенія, и удовлетворяться ролью одалиски своего повелителя и быть рабою своей свекрови и золовки. (Богор. 510).

упрекъ въ недавней жестокости, выданной Іосифомъ, и это тотчасъ же сочтено было Иродомъ, какъ несомнѣнное подтвержденіе сплетень Саломіи. Не въ разсчетахъ послѣдней, поплатился своею головою лишь ея мужъ; едва же сдерживаемый гнѣвъ на Маріамму преодолѣла на этотъ разъ дѣйствительно бѣшеная любовь къ ней Ирода.

Одновременно съ внутренними государственными неурядицами и страшными семейными дрязгами, нарушавшими спокойствіе и душевное равновѣсіе Ирода, совнѣ ополчалась на него немалая враждебная сила въ лицѣ Клеопатры, какъ мы уже знаемъ, склоненной на сердечное участіе въ Александрѣ и настойчиво натравлявшей Антонія противъ Ирода. Безмѣрно корыстолюбивая, расточительно пышная и развращенная египтянка, впрочемъ, руководилась въ данномъ случаѣ далеко не женственно—рыцарскими побужденіями. Ея распущенная жизнь требовала неизсякаемыхъ богатствъ, и алчные взоры ея—болѣе, чѣмъ состраданіе сердца — внушали ей неотступныя просьбы предъ своимъ любовникомъ—отнять богатыя пажити не одной только Іудеи, но и Сиріи и Аравіи у ихъ властителей и закрѣпить за ней. Страхъ предъ явной несправедливостію и безумная любовь терзали Антонія, долго удерживавшагося въ границахъ благоразумія. Наконецъ, онъ началъ сдаваться, и позволилъ своей обольстительницѣ, отправившейся сопровождать его въ походъ 34 г. на Арменію, выманить отъ него, по крайней мѣрѣ, по части отъ всѣхъ не дававшихъ ей покоя земель. Такимъ образомъ, къ Клеопатрѣ отошли всѣ финикійскія и филистимскія береговыя области южнѣе р. Елевѳера, за исключеніемъ Тира и Сидона, часть Аравіи, и отъ Іудейскихъ владѣній Ирода—прекраснѣйшая и плодоносная Іерихонская долина, славившаяся своими пальмами и бальзамными садами. [1]) О какомъ-либо протестѣ со стороны Ирода нечего было, конечно, и думать, и онъ удовлетворился только тѣмъ, что принялъ въ аренду отъ Клеопатры свою же собственную землю [2]) цѣною почти

[1]) Страб. XVI, 2, 41. p. 763; XVII, 1, 15 p. 800; *περὶ ἀλ.* IV, 8, 3; мн. мѣстъ Іосифа объ этомъ, см. Schür. I, 312; Trogus Pompejus, выд. изъ Justin'a XXXVI, 3. „Городъ пальмъ“ Второзак. 34, 3 עִיר הַתְּמָרִים—Суд. 1, 16; 3, 13, II Пар. 28, 15. Diodorus Sicul. II, 48, 9; XIX, 98, 4; Plin. Hist. nat. XIII, 4, 44; 4, 26; 4, 49, XII, 25, 111 — 123. Tacit. Hist. V, 6. Pausan. IX, 19, 8 и др.

[2]) *Ἀρχ.* XV, 4, 1—2. *περὶ ἀλ.* I, 18, 5.—Plut. Ant. 36 и Dio Cass. XLIX, 32 относятъ этотъ подарокъ къ болѣе раннему времени, именно къ 36 году—первый передъ началомъ Парѳянскаго похода, второй по возвращеніи изъ него. Іосифъ полагаетъ его въ 34 г. при походѣ въ Арменію, который, послѣ сопоставленія съ Dio Cass. XLIX, 39—оказывается несомнѣнно тождественнымъ съ походомъ Парѳянскимъ (*Ἀρχ.* XV, 4, 1—3; *περὶ ἀλ.* I, 18, 5) за исключеніемъ даты. Опредѣленіе послѣдней по Plutarch'y и Dio Cassio имѣетъ нѣкоторое подтвержденіе въ Порфиріѣ, у Euseb. Chron. ed Schoene I, 170, опредѣляющемъ точнѣе время подарка Клеопатрѣ Халкиды: *τὸ δ' ἐκκαιδέκατον. ὠνομάσθη τὸ καὶ πρῶτον, ἐπειδὴ τελευτήσαντος Λυσιμάχου (Λυσανίου) τῆς ἐν Συρίᾳ Χαλκίδος βασιλέως, Μάρκος Ἀντώνιος ὁ αὐτοκράτωρ τήν τε Χαλκίδα καὶ τοὺς περὶ αὐτὴν τόπους παρέδωκε τῇ Κλεοπάτρᾳ*,—въ свою очередь подтверждаемомъ монетами и надписями отъ временъ названной царицы. Даты эти не оставляютъ (см. Schürer, I, 296), повидимому, сомнѣнія въ томъ, что подарокъ Халкиды сдѣланъ былъ царицѣ въ 36 г. до Хр. (точнѣе между осенью 37 и осенью 36 г. см. Letronne, II, 98). Эта замѣтка Пор-

всѣхъ тѣхъ богатыхъ доходовъ, какіе отъ нея поступали. Во время послѣдовавшаго затѣмъ посѣщенія Клеопатрою своихъ новыхъ пріобрѣтеній, самоличное услуживаніе ей Ирода (постаравшагося оказать повелительницѣ Антонія мины добраго вниманія) внушило коронованной распутницѣ опасную для Ирода продѣлку—цѣною своего неотразимо-навязчиваго тѣла пріобрѣсти въ Иродѣ такого же послушнаго раба, какъ Антоній, и получить отъ него то, чего она не вполнѣ дополучила отъ Антонія. Возможно, что у Клеопатры была мысль—въ случаѣ увлеченія Ирода обвинить его потомъ въ насиліи надъ нею, что рѣшило бы вѣрнѣе и скорѣе судьбу Ирода, а значитъ—и его владѣній. Такъ или иначе, только искусно раскинутыя сѣти во-время были усмотрѣны не менѣе дальновиднымъ Иродомъ, и послѣдній не только самъ удержался отъ соблазна, но едва не рѣшился привести въ исполненіе не менѣе смѣлую мысль—избавить отъ этой обольстительницы и самого Антонія, покусившись не на тѣло ея, а жизнь. Совѣтники Ирода удержали его отъ этой услуги, могущей показаться слишкомъ „медвѣжьей“ для Антонія и навлечь на Іудею всю ярость его страшной мести. Поэтому, одаривъ щедро и окруживъ ex officio всѣми знаками вниманія и почета свою сюзеренку, Иродъ ограничился лишь тѣмъ, что, не сдаваясь на ея чары, проводилъ ее до самаго Египта и исправнымъ платежемъ арендной суммы старался поддержать съ нею добрыя отношенія.

Козни Клеопатры противъ Ирода отъ этого не ослабѣвали. Поставленная въ необходимость принять мѣры противъ Аравійскаго царя, не слѣдовавшаго примѣру Ирода въ исправномъ платежѣ доходовъ съ Клеопатриныхъ помѣстій, царица внушила своими жалобами Антонію мысль навязать войну съ непокорнымъ вассаломъ Ироду, который какъ разъ къ этому времени сунулся предложить свою помощь самому Антонію, для имѣвшаго рѣшить его участь сраженія съ Октавіаномъ (32 г.). Этимъ ловкимъ маневромъ хитрая египтянка заразъ думала извести двухъ зайцевъ, поссоривъ между собою своихъ вассаловъ и нанося имъ вредъ одному чрезъ другого. Исполняя волю Антонія, Иродъ вступилъ въ дѣло съ Аравитянами, не только не находя помощи у собственнаго Клеопатринаго войска, оперировавшаго въ Аравіи подъ начальствомъ Аоеніона, но даже подвергшись нападенію его на Іудеевъ—въ то самое время, когда они, разогнавъ враговъ, отдыхали усталыми побѣдителями. Такое вѣроломство помогло Аравійцамъ одержать верхъ надъ Иродомъ, и заставило

фирія не служитъ, однако, въ пользу, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ни даты Плутарха и Dio Cass., ни даты Іосифа. Подарокъ Халкиды могъ предварять подарокъ другихъ областей, а вовсе не быть одновременнымъ съ нимъ. У Іосифа ясно это тамъ, гдѣ онъ говоритъ (*Ἀρχ.* XV, 3, 8 кон) о подаркѣ Клеопатрѣ Кили—Сиріи, чѣмъ онъ хотѣлъ отвязаться отъ неотступной царицы. Просьбы ея продолжались и послѣ этого и вызвали новыя уступки... Такимъ образомъ, Plut. и Dio очевидно соединяютъ вмѣстѣ нѣсколько неодновременныхъ эпизодовъ, которыя у Іосифа изображаются въ большей раздѣльности и обстоятельности. На основаніи всего сказаннаго, Schürer относитъ подарки (*Ἀρχ.* XV. 4, 1—2 и *περὶ ἁλ.* I, 18, 5) по времени немного послѣ аудіенціи Ирода въ Лаодикіи.

послѣдняго ограничиться лишь легкими набѣгами и грабежомъ Аравійскихъ владѣній. Между тѣмъ, страшное землетрясеніе, пронесшееся весною 31 года чрезъ Іудею, вынудило Ирода поспѣшить домой и предложить миръ непріятелямъ. Послѣдніе нашли въ этомъ выраженіе слабости своего противника и, умертвивъ его пословъ, спѣшили воспользоваться благопріятной минутой для рѣшительнаго наступленія. Но тутъ улыбнулось опять давнее счастіе Ирода, и одушевившіеся войска его нанесли непріятелю страшное пораженіе, послѣ котораго онъ предписалъ такія условія мира, какихъ самъ хотѣлъ, и возвратился домой въ ореолѣ храбраго и непобѣдимаго завоевателя.

Это было какъ нельзя болѣе кстати, въ виду рѣшительнаго переворота въ положеніи дѣлъ въ Римѣ. Въ рѣшительной битвѣ при Актіумѣ (2 Сент. 31 г.) Антоній навсегда потерялъ свое владычество, что угрожало тою же опасностію, конечно, и для Ирода, войска котораго, только благодаря войнѣ съ Аравійцами, не оказались въ рядахъ защитниковъ Иродова патрона, и который теперь нуждался въ подтвержденіи своей власти отъ новаго Кесаря. Положеніе Ирода, въ виду его прежнихъ отношеній къ Антонію, казалось, не оставляло никакихъ надеждъ на благополучный исходъ дѣла, но Иродъ еще разъ вышелъ изъ затрудненія обычными своими „Иродовскими“ средствами. Прежде всего, онъ поспѣшилъ обезопасить себя со стороны Уркана, въ которомъ мерцала послѣдняя потухавшая искра славнаго рода Маккавеевъ, и въ которомъ онъ, на случай своей опасности, видѣлъ естественнаго преемника престола и соперника своему поколѣнію. Несчастный 80-лѣтній старецъ, который и въ болѣе юные годы никогда не игралъ самостоятельной роли, а теперь и подавно не могъ быть чьимъ либо орудіемъ, который предпочелъ близость къ Ироду царственнымъ почестямъ своихъ за-Евфратскихъ соплеменниковъ [1]), которому Иродъ вначалѣ оказалъ столько чести (называя своимъ *отцомъ*, чтобы *расположить къ себѣ народъ*), *былъ оклеветанъ* Иродомъ въ измѣнѣ [2]), и казненъ. Повторивъ, затѣмъ, повелѣніе о немедленномъ умерщвленіи Александры и Маріаммы, изъ коихъ первую онъ сильно подозрѣвалъ въ мятежническихъ замыслахъ, и оставивъ замѣстителемъ своего брата Ферору, Иродъ поспѣшилъ на аудіенцію къ новому Кесарю. Ходатаемъ за себя предпослалъ онъ предательское отношеніе къ шайкѣ гладіаторовъ, ополчившихся за Антонія, о чемъ не замедлилъ увѣдомить Кесаря его Сирійскій намѣстникъ Дидій [3]), а оказавшись лицомъ къ лицу съ самимъ Кесаремъ (въ Родосѣ весной 30 г.), пустилъ въ ходъ всю изворотливость и утонченнѣйшее ласкательство своей пронырливой натуры. Безъ всякихъ знаковъ царскаго достоинства, представъ предъ Кесаря какъ простой человѣкъ, онъ не обратился къ униженнымъ

[1]) XV, 6, 3.

[2]) ib. Иродовы мемуары представляютъ очень интересно и характерно для Ирода дѣло Уркана. Но Іосифъ отказывается самъ вѣрить своему источнику и пытается дать истинное освѣщеніе этому новому гнусному злодѣянію Ирода, утверждая, что Иродъ просто самъ „подвелъ“ Уркана и придалъ своему злодѣянію видъ справедливаго возмездія и охраны своей личности.

[3]) *Ἀρχ.* XV, 6, 7, *περὶ ἁλ.* I, 20, 2. Dio Cass. LI, 7.

просьбамъ, какъ бы можно было ожидать отъ человѣка въ опасномъ состояніи, и не прибѣгъ къ оправданіямъ и извиненіямъ, свойственнымъ людямъ, чувствующимъ „свое рыльце въ пушку“, но постарался, наоборотъ, усиленно подчеркнуть свою самоотверженную вѣрность дружбѣ, какую онъ доселѣ имѣлъ съ Антоніемъ, и выложить предъ Кесаремъ всѣ заслуги, явившіяся результатомъ этой дружбы, тонко давая понять, какого преданнаго и услужливаго угождателя можетъ имѣть и Кесарь въ лицѣ этого раболѣпца, „и по перемѣнѣ имени не меньше доказать могущаго, сколько онъ умѣетъ быть преданнымъ своимъ друзьямъ и благодѣтелямъ“. Не забыта была при этомъ, конечно, и „безмѣрная щедрость“ къ Кесарю „со всѣми его друзьями“, послѣ чего Иродъ, утвержденный во всѣхъ своихъ правахъ и обласканный Кесаремъ (котораго онъ проводилъ до самаго Египта), возвратился домой, поразивъ всѣхъ неожиданностію такого исхода. Само собою разумѣется, что новый Кесарь возвратилъ Ироду отнятое Клеопатрою, и далеко раздвинулъ его предѣлы, одаряя цѣлыми областями.

У домашняго очага, между тѣмъ, женщины готовили Ироду новыя непріятности. Безчеловѣчное во второй разъ повелѣніе Ирода предъ своимъ отъѣздомъ—убить Маріамму съ матерію—было опять выдано этимъ женщинамъ [1]), и пришедшій подѣлиться своею радостію съ женою Иродъ—увидѣлъ на лицѣ ея плохо скрываемую печаль вмѣсто радости и открыто-выраженную ненависть въ отвѣтъ на любовь. Въ связи съ упорными навѣтами матери и сестры этотъ холодъ Маріаммы оледенилъ и сердце Ирода настолько, что онъ не разъ доходилъ до рѣшимости сгубить её, и только боязнь, что „наказавъ Маріамму, онъ болѣе накажетъ этимъ самого себя“, все еще способнаго безумѣть отъ ея безвольныхъ ласкъ,—удерживала пока Ирода отъ столь тяжкаго самоиспытанія. Судьба Маріаммы рѣшилась лишь черезъ годъ, отчасти благодаря новой благородной неосторожности поруганной въ лучшихъ своихъ чувствахъ Асмонейки, которая не могла сдержать своего негодованія предъ похотію убійцы ея отца и брата,—отчасти благодаря искусной агитаціи со стороны (Кипры и Саломіи) матери и сестры Ирода, презрительное отношеніе къ которымъ со стороны Александры и Маріаммы вывело изъ терпѣнія этихъ поистинѣ презрѣнныхъ женщинъ. Итакъ, Маріамма приводитъ въ гнѣвъ Ирода, отразивъ его страстныя ласки упрекомъ въ убійствѣ ея отца и брата; Саломія, подливая масла въ огонь, устами царскаго виночерпія спѣшитъ устрашить царя намѣреніемъ Маріаммы преподнести ему отраву; подвергнутый пыткѣ довѣреннѣйшій евнухъ царицы выдаетъ Соема, несоблюшаго царской тайны, какъ виновника ненависти царицы къ царю; откровенность Соема (тотчасъ же затѣмъ казненнаго) всѣваетъ въ царя подозрѣнія въ преступной связи его съ Маріаммой, и—новая жертва чудовищнаго безсердечія и мнительности Ирода

[1]) Нѣкоторые находятъ сомнительнымъ, чтобы одно и тоже происшествіе могло повториться 2 раза и даютъ ему вѣру только въ одномъ случаѣ. (Schür. I, 316 стр. пр. 50). За отсутствіемъ твердыхъ основъ для подтвержденія этого, трудно принять что либо за опредѣленное и болѣе достовѣрное.

обагрила своею благородною кровію заглохшую совѣсть человѣка-звѣря (кон. 29 г.). Эта казнь до безумія любимой жены, дѣйствительно, лучшій показатель озвѣрѣнія человѣческой природы въ Иродѣ, ея дикости и неукротимости и въ то же время ея властно-могучей силы. Преодолѣвъ себя въ сильнѣйшихъ собственныхъ чувствахъ, онъ съ трудомъ выдержалъ разлуку съ любимымъ существомъ: возгорѣвшаяся послѣ казни съ большею силою страсть и жалость къ Маріаммѣ довела его прямо до сумасшествія, не смотря на всякаго рода развлеченія; несчастный безумецъ не разставался съ набальзамированнымъ тѣломъ жены, самъ сажалъ ее вмѣстѣ съ собой за столъ, обращался къ ней какъ къ живой, и отъ другихъ требовалъ того же самообмана; умертвилъ судей ея, своихъ довѣренныхъ лицъ, думавшихъ угодить ему ея осужденіемъ, казнилъ по самомалѣйшимъ причинамъ всѣхъ, безъ разбора, попадавшихся ему на глаза, (какъ говоритъ Іосифъ), очевидно, не признавая цѣны уже ни за какою кровію. *Такъ горевалъ Иродъ* по своей убитой женѣ, и наконецъ—слегъ въ жестокой болѣзни мозга въ Самаріи.

Казнь Маріаммы ознаменовалась крайне страннымъ и загадочнымъ для историковъ инцидентомъ, разыгранным матерію несчастной царицы. Въ минуту, когда послѣдняя мужественно шла преклонить свою царственно-достойную голову подъ мечъ палача, мать ея вдругъ начинаетъ осыпать ее всевозможными упреками и ругательствами, обвиняя въ нечестіи и неблагодарности къ мужу, и въ дополненіе къ справедливой будто бы за такія вины казни даже дѣлаетъ попытку наказать ее собственными руками. Іосифъ называетъ это противоестественное явленіе притворствомъ съ ея стороны, внушеннымъ боязнію подозрѣній въ соучастіи преступленіямъ дочери и инстинктивнымъ ужасомъ предъ гнѣвомъ и на нее Ирода. Другіе объясняютъ этотъ поступокъ слѣдствіемъ помѣшательства Александры, которая не могла снести этого новаго страшнаго удара, наносимаго Иродомъ [1]); наконецъ, третьи—допуская искренность въ дѣйствіяхъ Александры, мотивировали ихъ отчаяніемъ Александры, что Маріамма не оправдала ея мстительныхъ намѣреній по отношенію къ ихъ врагу—Ироду, и что теперь надежда на эту месть навсегда потеряна. Трудно, однако, допустить въ Александрѣ и такое превышеніе силъ человѣческихъ, въ которомъ здравый смыслъ отказывается видѣть всякую соизмѣримость между жертвою Александры и ея цѣлями. Ближайшіе свидѣтели событія и сама Маріамма объяснили это во всякомъ случаѣ лицедѣйствомъ, внушеннымъ страхомъ за собственную шкуру, первые — съ негодованіемъ осуждая столь гнусное лицемѣріе,—вторая—удостоивъ неистовствовавшую мать презрительнымъ молчаніемъ и горделиво-прекраснымъ спокойствіемъ предъ ея низкимъ малодушіемъ и трусостію, и принявъ смертоносный ударъ съ истинно-геройскою неустрашимостію и мужествомъ [2]).

[1]) Дальнѣйшее поведеніе Александры, выступающей вскорѣ съ попыткою захватить власть въ странѣ, какъ будто сильно говоритъ не въ пользу этого предположенія.

[2]) Психологически правдоподобно и удобопріемлемо объясняетъ поведеніе и состояніе души Александры въ этомъ инцидентѣ Я. А. Богородскій: „Нужно думать

Если подавившая свои родительскія чувства въ пользу инстинкта самосохраненія Александра надѣялась своимъ поступкомъ обезопасить себя отъ гнѣва Ирода, то она ошиблась въ своемъ разсчетѣ. Впрочемъ, она сама не преминула подвигнуть на себя этотъ гнѣвъ, затѣявъ въ надеждѣ на безнадежность болѣзни Ирода мятежническіе переговоры съ начальниками Іерусалимскихъ верковъ. Тѣ „сочли, однако, безумiемъ“ отчаяваться въ выздоровленіи еще живого царя, и одинъ изъ нихъ, приходившійся Ироду двоюроднымъ братомъ по матери (Ахіавъ)—не умедлилъ довести до свѣдѣнія Ирода покушеніе Александры. Такого достаточнаго повода, можетъ быть, только и ждалъ Иродъ, чтобы эту давно безпокоившую его личность отправить вслѣдъ (28 г.) за ея однофамильцами.

Вслѣдъ за этими двумя—экстраординарными казнями, кровожадность совершенно озвѣрѣвшаго Ирода нашла себѣ сытную пищу въ истребленіи „сыновъ Вавиныхъ“, какъ кажется, дальнихъ родственниковъ Асмонейскаго дома, которые еще во время борьбы Ирода съ Антигономъ, защищая послѣдняго, обнаружили свое оппозиціонное настроеніе къ Ироду, и долгое время скрывались отъ его злобы у знатнаго идумеянина Костовара. Этотъ Костоваръ, поставленный Иродомъ въ намѣстники Идумеи и получившій даже въ супружество его сестру Саломію, послѣ казни ея перваго мужа, такъ же, какъ и онъ, былъ выданъ Ироду собственною женою въ тайныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Клеопатрою и въ укрывательствѣ враговъ царя, и вмѣстѣ съ послѣдними погибъ (25 г.), какъ жертва характера, общаго у змѣи-сестры съ звѣремъ-братомъ.

Теперь Иродъ могъ сказать спокойно, что изъ всего родства Уркана не оставалось никого, кто бы могъ оспаривать у него тронъ (*ὥστε εἶναι μηδὲν ὑπόλοιπον ἐκ τῆς Ὑρκανοῦ συγγενείας* (XV, 7, 10). Правда, лѣтъ 20 позднѣе выплываетъ на историческую арену дочь Антигона, состоявшая въ бракѣ съ старшимъ сыномъ Ирода—Антипатромъ (*Ἀρχ.* XVII, 5, 2 кон.), но въ данную минуту эта послѣдняя представительница Асмонейской династіи едва ли была сколько-нибудь основательнымъ препятствіемъ успокоиться Ироду на увѣренности, что онъ „въ корнѣ истребилъ все Урканово племя“... Замолкли и внѣшніе враги Ирода, давъ возможность въ наступившее относительное затишье обнаружить этому коронованному чудовищу другія не менѣе уродливыя стороны.

говоритъ онъ, что Александра *сознательно* негодовала на свою дочь за то, что она не оправдала ея плановъ и честолюбивыхъ надеждъ, что она не пожелала, хотя бы притвориться вѣрной и любящей женой, чтобы приручить къ себѣ звѣря, что, поэтому, все вышло какъ разъ наоборотъ тому, что она (Александра) задумала и къ чему стремилась всей душой. Сердце ея было растерзано и ожесточено неожиданной гибелью сына, потомъ отца. Возможно, что въ ея душѣ, уже давно охладѣвшей къ дочери, нашла отголосокъ и гнусная сплетня про нее и что причину всѣхъ золъ она и видѣла теперь въ предполагаемомъ легкомыслiи Маріаммы. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что въ поведеніи Александры въ тотъ моментъ было много и изступленнаго, ненормальнаго“...

II.

Вторая треть царствованія Ирода (25—13 г.) ознаменовалась, между прочимъ, при сравнительномъ спокойствіи—блестящими болѣе или менѣе дѣяніями и сооруженіями Ирода, вызывавшимися, впрочемъ, большею частію тѣмъ же его ненасытнымъ честолюбіемъ и жадностію къ славѣ, которыя не давали покоя его самомнѣнію и тогда, когда онъ упрочивалъ себя на тронѣ. Не малую роль играло въ этихъ сооруженіяхъ и мелкое угодничество Ирода предъ Кесаремъ, ради чего онъ находилъ возможнымъ даже поступаться священнѣйшими отеческими уставами и обычаями Іудеевъ, навлекая на себя сильное неудовольствіе народа, не разъ заставлявшее Ирода прибѣгать даже къ насиліямъ. Такъ, откликаясь на распространенный тогда по всѣмъ провинціямъ культъ Кесаря, онъ ввелъ въ честь его игры и зрѣлища, построивъ въ самомъ Іерусалимѣ театръ [1]), амфитеатръ, стадіонъ и ипподромъ, кромѣ таковыхъ же въ другихъ городахъ; сооружалъ даже храмы въ честь Кесаря (*Καισάρεια*), украшая ихъ статуями, основывалъ съ тою же цѣлію новые, или возобновлялъ старые города и крѣпости [2]), называя ихъ именемъ Кесаря или его и своихъ близкихъ [3]), строилъ пышные дворцы, парки, термы и т. п., не щадя на все это средствъ и не отказывая въ своей щедрости даже городамъ, находившимся за предѣлами его собственнаго государства [4]).

Вѣнцемъ всѣхъ этихъ относительно мирныхъ успѣховъ Ирода была перестройка храма Іерусалимскаго, все болѣе и болѣе терявшагося за блескомъ и великолѣпіемъ окружавшихъ его пышныхъ дворцовъ и сооруженій Ирода. Принимая къ сердцу эту несообразность, Иродъ, уже послѣ того, какъ расточилъ горы золота на языческія постройки, нашелъ, что капитальная реставрація храмовыхъ зданій стяжала бы ему не только высшую славу, но и лучше всего примирить съ нимъ недовольныхъ его новшествами Іудеевъ. Весьма знаменательно, однако, что Іудеи ужаснулись, когда Иродъ объявилъ имъ свое намѣреніе о перестройкѣ храма. По представленію Іосифа, они отказывались надѣяться, чтобы Иродъ былъ въ силахъ осуществить столь капитальное предпріятіе, и только увѣренія царя, что онъ не прежде рѣшится разобрать прежнее зданіе, какъ запасши все потребное для новаго,—успокоили Іудеевъ. Мы думаемъ, однако, что дѣло объясняется здѣсь много иначе и что мы имѣемъ здѣсь новый изъ безчисленныхъ случаевъ сдѣлать упрекъ Іосифу за ложное освѣщеніе столь важнаго факта [5]).

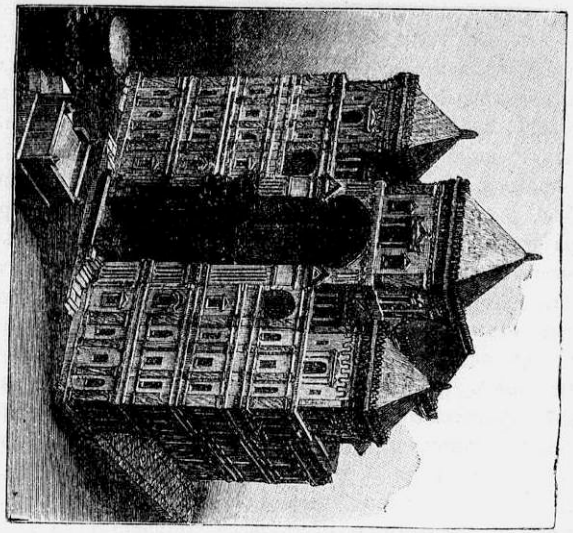
[1]) *Ἀρχ.* XV, 8, 1; XVII, 10, 2; *περὶ ἀλ.* II, 3, 1.

[2]) См. обзоръ этихъ работъ Schürer, I, 320 и д.

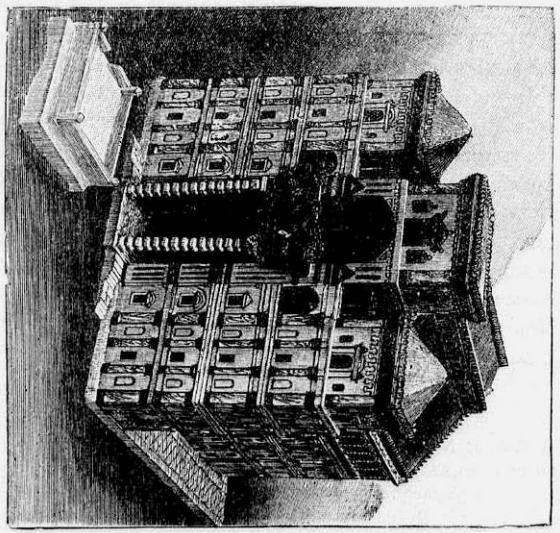
[3]) Provinciarum pleraeque super templa et aras ludos quoque quinquennales paene oppidatim constituerunt. Reges amici atque socii et singuli in suo quisque regno Caesareas urbes condiderunt. (Sueton. Aug. 59—60).

[4]) Schür. I, 322; *Ἀρχ.* XVI, 5, 3; 2, 2; *περὶ ἀλ.* I, 21, 11.

[5]) См. объ этомъ ниже, въ разборѣ свидѣтельства Іосифа о Христѣ.

№ 1. Храмъ Соломоновъ.

№ 2. Храмъ Иродовъ.

I. Отдѣльные виды храмовъ Соломонова и Иродова.
(по моделямъ Schick'a).

Какъ бы то ни было, безспорно грандіозное предпріятіе было начато въ 18 годъ [1]) царствованія Ирода ($^{20}/_{19}$ до Хр.) и, споспѣшествуемое безпредѣльною щедростію и энергіею строителей, дало достаточно блестящіе результаты [2]). О баснословномъ великолѣпіи новаго сооруженія лучше всего говоритъ составленная тогда же народная поговорка: „Кто не видалъ храма Ирода, тотъ не видалъ никогда великолѣпнаго“ [3]).

Немаловажнымъ мотивомъ всѣхъ этихъ предпріятій Ирода было его намѣреніе—возвысить жизнь Іудейскаго народа и благосостояніе до современныхъ требованій культурности и величія, идеаломъ коихъ для отдаленнѣйшихъ частей Римской монархіи былъ центръ ея—Римъ [4]). Поступая такъ, онъ былъ, можетъ быть, правъ политически, но въ то же время неправъ съ точки зрѣнія завѣтовъ и обычаевъ народныхъ, имѣвшихъ неизживаемое значеніе. Уже одно то, что на завѣтной святынѣ Іудеевъ онъ не поцеремонился водрузить символъ языческаго господства надъ ней и надъ ними, возмущало всякаго истаго Іудея до непримиримости. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что, для успѣшнѣйшаго проведенія въ народную жизнь своихъ антинаціональныхъ стремленій, Иродъ вынужденъ былъ не разъ прибѣгать даже къ помощи силы, какъ это было, напримѣръ, въ самомъ началѣ при усмиреніи незамедлившаго обнаружиться противъ него заговора. Скрытое негодованіе вообще было постоянной подкладкой всѣхъ народныхъ отношеній къ Ироду, и, не смотря на всѣ необычайныя усилія царя переломить ихъ убѣжденія на счетъ Римской культуры, („вывести изъ суевѣрія“, какъ выражается Іосифъ), не смотря на всѣ крайнія проявленія „отеческой“ (какъ это ни странно сказать объ Иродѣ!) заботливости царя о благѣ и спокойствіи своихъ подданныхъ, особенно во время часто постигавшихъ тогда Іудею общественныхъ бѣдствій (засуха, голодъ, землетрясенія и т. п.), народъ не могъ простить ему антинаціональнаго пристрастія къ иноземнымъ обычаямъ и учрежденіямъ, не могъ

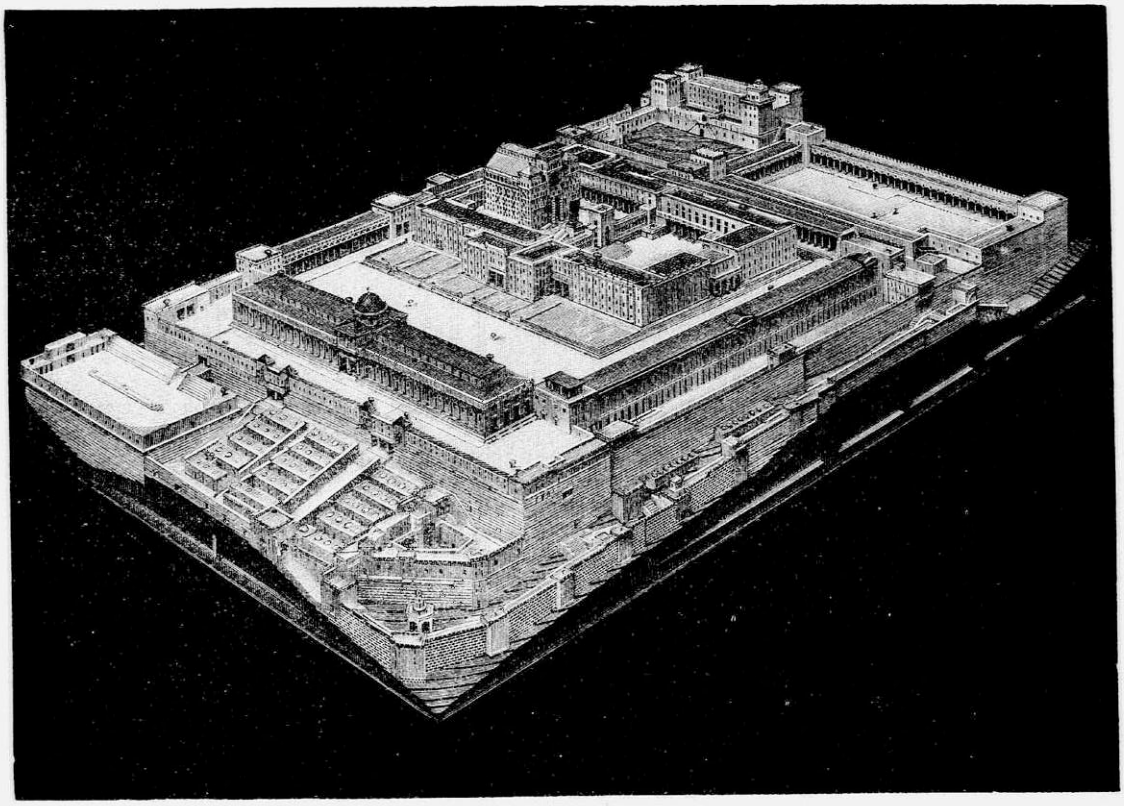
---

[1]) *Время* начатія постройки храма иначе указывается въ *περὶ ἀλ.* I, 21, 1, именно въ 15-й годъ Ирода, что или несправедливо, или касается первыхъ приготовленій къ работѣ. Что храмъ точно начатъ въ $^{20}/_{19}$ г. Ирода, совершенно ясно изъ того, что онъ начатъ въ тотъ годъ, въ началѣ котораго Кесарь прибылъ въ Сирію, а это по Dio Cass. LXV, 7 падаетъ на весну или лѣто 20 г... Работы по возведенію притворовъ продолжались 8 лѣтъ, самого храмового корпуса 1½ года (не ясно, сверхъ ли 8 или всего 1½). По Іоан. 2, 20, постройка длилась 46 лѣтъ.

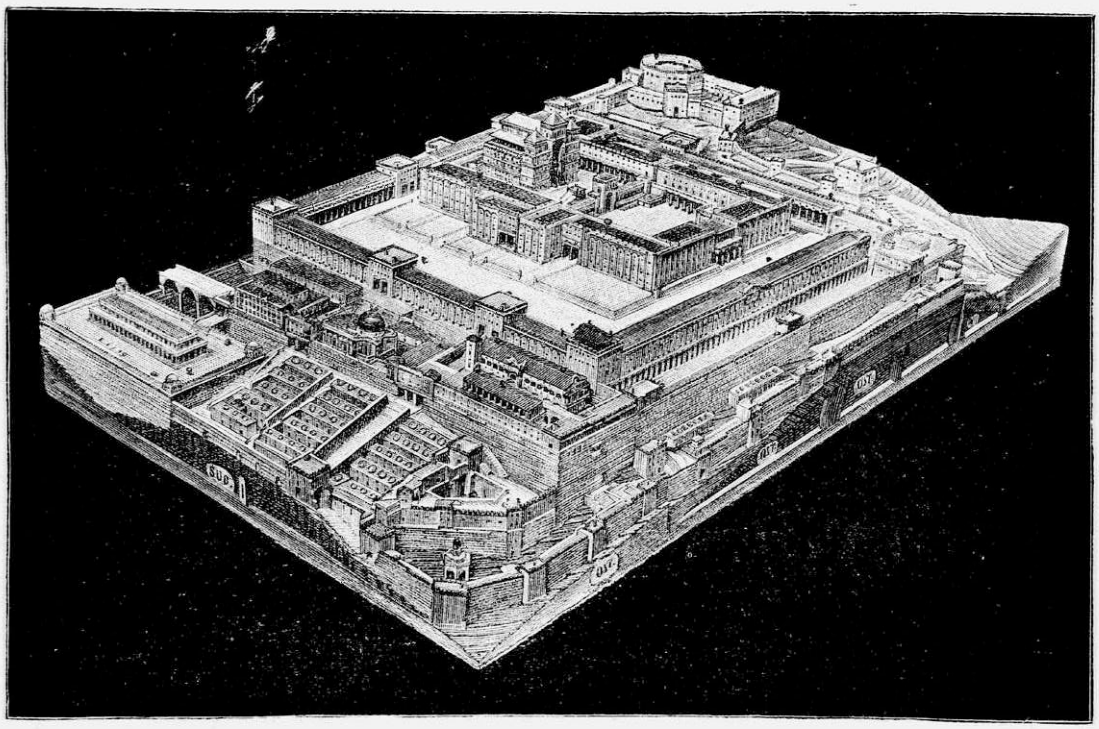
[2]) Иродъ, впрочемъ, не дожилъ до полнаго окончанія работъ по перестройкѣ храма. Они окончились лишь при Альбинѣ (62—64 по Хр., *Ἀρχ.* XX, 9, 7), т. е. уже незадолго до его окончательной гибели вмѣстѣ со св. городомъ, а по другимъ изслѣдователямъ (Schick) даже и разрушеніе Римлянами застало его еще неоконченнымъ: недоставало именно пирамидальнаго купольчика или покрышки надъ средней частью фасада. См. прилагаемые рисунки.

[3]) *Исторія постройки и описаніе*, см. *Ἀρχ.* XV, 11; *περὶ ἀλ.* I, 21, 1; V, 5. ср. Mischna, Middoth. и Phil. De monarchia, lib. II, § 2 (ed. Mangey, II, 223 и д. Іудейскія поговорки и другія равв. преданія у Derenbourg, 152—154 стр.).

[4]) Самымъ храмомъ Иродъ не упустилъ изъ вида эту тенденцію, не только воспроизводя имъ архитектуру древняго храма Соломонова, но и придавъ ему характеръ болѣе классическій, см. рисунки.

№ 4. Храмъ Иродовъ (общій видъ).

№ 3. Храмъ Соломоновъ (общій видъ).

II. Общіе виды храмовъ Соломонова и Иродова.
(по моделямъ Schick'a).

терпѣть столь дерзкаго попранія отеческихъ уставовъ, священныхъ для Іудея, этихъ ненавистныхъ для него—игръ, бѣговъ, звѣринцевъ, лицеподобій и зрѣлищъ театра и амфитеатра, при томъ—въ самомъ Іерусалимѣ и бокъ о-бокъ съ храмомъ. Чрезвычайныя общенародныя бѣдствія, какими богато было то время, только поддерживали это негодованіе народа, объяснявшаго бичующія угрозы неба и земли видимыми знаками гнѣва Божія на опутываемый нечестіемъ народъ. Напрасно Иродъ высосанными изъ своихъ же подданныхъ сокровищами старался облегчать народныя бѣдствія и дѣйствовать на народныя симпатіи: народъ готовъ былъ благословлять руку, дающую хлѣбъ, но продолжалъ, не переставая, клясть другую, отнимавшую у него то̀, что̀ было для него самаго дорогого, священнаго и болѣе насущнаго.

Немало отчуждало, при такихъ отношеніяхъ, народъ и Ирода одна характерная черта въ его политикѣ за послѣдующее время царствованія. Стараясь показать въ себѣ предъ греко-римскимъ міромъ человѣка просвѣщенія, онъ,—оставаясь въ сущности совершеннѣйшимъ варваромъ,—окружаетъ себя цѣлой фалангой гречески-просвѣщенныхъ мужей, предпочитаетъ ихъ видѣть на всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ должностяхъ, и къ ихъ совѣтамъ и помощи прибѣгаетъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ. Во главѣ этихъ совѣтниковъ стоялъ и наибольшимъ довѣріемъ Ирода пользовался извѣстный историкъ Николай Дамаскинъ [1]), мужъ безспорно высокообразованный и талантливый, съ успѣхомъ выполнявшій труднѣйшія дипломатическія миссіи по порученію Ирода; въ числѣ довѣреннѣйшихъ друзей царя былъ и братъ Николая, Птолемей. Другой Птолемей [2]) поставленъ былъ Иродомъ какъ бы министромъ финансовъ, и имѣлъ у себя перстень съ печатью царя. Далѣе слѣдуютъ два грека или полугрека—Андромахъ и Гемеллъ, послѣдній изъ коихъ былъ воспитателемъ Александра, сына Ирода, и греческій риторъ Ириней [3]). Были среди этихъ наперсниковъ Ирода и такія злокозненныя личности, какъ лакедемонянинъ Евриклъ, немало послужившій тому, чтобы натравить Ирода на столь гнусную и звѣрскую расправу съ его сыновьями.

Но стараясь со всѣми этими представителями классическаго образованія и культуры оживить духомъ послѣдней Іудейскій народъ и не стѣсняясь от-

[1]) Судя по образу рѣчи его въ *Ἀρχ.* XVI, 2, 4, гдѣ онъ, защищая интересы и воззрѣнія Іудеевъ, выражается въ 1 л. мн. („мы", „насъ")—*τήν τε ἑβδόμην τῶν ἡμερῶν ἀνίεμεν τῇ μαθήσει τῶν ἡμετέρων ἐθῶν καὶ νόμων* и т. д.), можно считать его за Іудея. Въ такомъ случаѣ замѣтка у Suidas (Lex. *Ἀντίπατρος*), что Антипатръ, отецъ Николая, умирая завѣщалъ своимъ дѣтямъ посвятить Зевсу, послѣ своей смерти, ѳиміамъ, можетъ быть понимаемо, какъ свидѣтельство о первоначальномъ настроеніи этихъ друзей Ирода и ихъ прозелитскихъ отношеніяхъ къ Іудейству.

[2]) Необходимость различать подъ этимъ именемъ 2 лицъ очевидна изъ происшествій послѣ смерти Ирода, когда именно одинъ изъ Птолемеевъ выступаетъ на сторонѣ Антипы (*Ἀρχ.* XVII, 9, 4; *περὶ ἁλ.* II, 2, 3), а другой въ тоже самое время поддерживаетъ интересы Архелая (*Ἀρχ.* XVII, 8, 2=*περὶ ἁλ.* I, 33, 8; XVII, 9, 3 и 5=*περὶ ἁλ.* II, 2, 1 и 4). Срв. также *Ἀρχ.* XVI, 7, 2—3, (*διοικητὴς τῶν τῆς βασιλείας πραγμάτων* и *περὶ ἁλ.* I, 24, 2, а также *Ἀρχ.* XVI, 8, 5.

[3]) *Ἀρχ.* XVII, 9, 4; *περὶ ἁλ.* II, 2. 3.

крыто заявлять, что онъ „стоитъ ближе къ Еллинамъ, нежели къ Іудеямъ" [1]), Иродъ естественно былъ не въ силахъ обезпечить, въ издревле осторожной ко всему иноземному землѣ, успѣхъ культурѣ, пропитанной язычествомъ. Не всегда рѣзко высказывавшійся, но вездѣ, гдѣ нужно, тотчасъ выраставшій съ неотразимою силою протестъ Іудейства постоянно вынуждалъ его на болѣе или менѣе значительныя уступки и ставилъ его въ неизбѣжно ограниченныя отношенія къ Іудейскому „закону" и національнымъ воззрѣніямъ своего народа. Въ характерные образчики подобныхъ отношеній можетъ быть приведено то обстоятельство, что Иродъ рѣшался на постройку языческихъ храмовъ лишь въ неіудейскихъ городахъ. Вообще, онъ избѣгалъ пропагандировать еллинизацію открыто насильственнымъ образомъ, что такъ удобно могло подвигнуть народъ при свѣжихъ еще преданіяхъ объ Антіохѣ Епифанѣ къ сопротивленію не на жизнь, а на смерть, тѣмъ болѣе при томъ сильномъ упроченіи въ народѣ фарисейско-національнаго направленія, которое явилось результатомъ извѣстной реакціи при Александрѣ. Достойно особаго замѣчанія, что даже монеты Ирода не имѣютъ человѣческихъ фигуръ, которыя замѣняются или какимъ либо безобиднымъ символомъ въ духѣ монетъ Маккавейскихъ, или въ крайнемъ случаѣ (и то уже въ послѣднее время Ирода) изображеніемъ орла. Нельзя не видѣть въ этомъ важной уступки воззрѣніямъ фарисействующей партіи. Другую подобную же уступку даетъ видѣть намъ Іосифъ въ его боязливомъ избѣжаніи всего предосудительнаго при перестройкѣ храма. Онъ не позволялъ себѣ входить далѣе третьей ограды, что дозволялось лишь священникамъ, и предоставилъ исключительно послѣднимъ постройку самаго храмоваго корпуса [2]). Характеръ подобной же уступки носилъ безспорно и инцидентъ, разыгравшійся въ Іерусалимѣ вслѣдъ за учрежденіемъ въ немъ игръ и появленіемъ человѣческихъ лицеподобій, когда именно Иродъ публично старался осмѣять предъ негодующими Іудеями ихъ нетерпимость по отношенію къ вооруженнымъ статуямъ, раздѣвая которыя, думалъ пріучить всѣхъ видѣть въ нихъ не больше того, что они представляли въ дѣйствительности, т. е. простые безформенные обрубки [3]). Наконецъ, характерный случай подчиненія необходимости платить дань современному настроенію и воззрѣніямъ народа представляетъ исторія сватовства Аравитянина Силлея на сестрѣ Ирода Саломіи, при чемъ непремѣннымъ условіемъ брака Иродъ ставитъ принятіе женихомъ Іудейскихъ обычаевъ *(ἐγγραφῆναι τοῖς τῶν Ἰουδαίων ἔθεσι)*, послѣ чего бракъ разстраивается [4]). Возможно, что не чуждо было политичности и то обстоятельство, что болѣе разсудительные фарисеи, каковы напр. были Полліонъ и Самей,—пользовались отъ Ирода немалымъ уваженіемъ. А вѣдь они

[1]) *Ἀρχ.* XIX, 7, 3. *ἕλλησι πλέον ἢ Ἰουδαίοις οἰκείως ἔχειν*... о гуманистическихъ задачахъ Ирода см. также любопытный фрагм. Николая Дам. у Müller'a, Fragm. Hist. Graec. III, 350 и д.

[2]) *Ἀρχ.* XV, 11, 5—6.

[3]) *Ἀρχ.* XV, 8, 1—2.

[4]) *Ἀρχ.* XVI, 7, 6.

были въ числѣ первыхъ, наотрѣзъ отказавшихся отъ вѣрноподданической присяги Ироду [1]).

Наряду съ отдѣльными уклоненіями отъ обычнаго направленія въ сторону угожденія фарисейско-народному ригоризму, мы видимъ рѣшительные успѣхи Иродовой политики въ ея—болѣе языческихъ, нежели іудейскихъ чертахъ характера. Даже тамъ, гдѣ фарисейскія воззрѣнія вовсе не мирились съ его культурными стремленіями, онъ зачастую или не принималъ ихъ во вниманіе, или другою рукою отнималъ то, что уступалъ одною. Онъ оказываетъ уваженіе фарисейскимъ требованіямъ невмѣшательствомъ въ дѣло строенія священнѣйшихъ частей храма; но это не мѣшаетъ ему, точно въ поруганіе, поставить орла надъ главнымъ входомъ храма [2]). Онъ радѣетъ о нескверненіи святыни, и, однако, оскверняетъ св. городъ языческими мерзостями, каковыми отъ всѣхъ почитались театръ и амфитеатръ. Онъ наводняетъ государственныя учрежденія представителями греческой образованности, не исключая даже первосвященническаго званія, замѣстителями котораго, по произволу и поставляемые и отставляемые, являлись предпочтительно „облизанные культурой", по выраженію одного историка [3]), Александрійцы и, слѣдовательно, болѣе гарантированные отъ фарисейскаго вліянія. Самый Синедріонъ, это единственное, по понятіямъ народа, и по праву, высшее правительственное учрежденіе, настолько теряетъ всякое значеніе, что даже самъ сомнѣвается въ своемъ существованіи [4]). Вообще, балансированіе между фарисействомъ съ его идеалами, шедшими въ разрѣзъ Иродовой политикѣ, и саддукействомъ, ради его асмонейскаго настроенія,—было типичною чертою внутренней политики Ирода, и дружественно—близкія отношенія и довѣріе его къ представителямъ того и другого являлись только нечастыми исключеніями. Что касается простого народа, то вообще время владычества надъ нимъ Ирода и его династіи вполнѣ годится для удачнѣйшей локализаціи знаменитаго пророчества Самуила, изреченнаго отъ имени Іеговы на просьбы народа о царѣ:... „будете ему рабами, и возстенаете тогда отъ царя вашего, котораго вы избрали себѣ, и не будетъ Господь отвѣчать вамъ тогда [5])!" Безъ всякаго сомнѣнія, если видѣть на какомъ изъ царей Іудейскихъ вѣщее исполненіе этихъ достопамятныхъ предсказаній, то именно всего болѣе на Иродѣ. Ни одно изъ характерныхъ предостереженій, какія дѣлалъ тогда пророкъ, не прошло безъ „сбытія" въ царствованіе Ирода. Не оставалось такого завѣтнаго воззрѣнія, такого—дѣйствительнаго или воображаемаго только права и достоянія народнаго, которыхъ бы не коснулся Иродъ своимъ политическимъ скептицизмомъ и попыткою нарушить ихъ. Поистинѣ, такой царь не могъ быть „роднымъ" [6]) своихъ подданныхъ, какъ не могъ быть царемъ „по сердцу Божію" тотъ, кто са-

[1]) *Ἀρχ.* XV, 1, 1; 10, 4.

[2]) *Ἀρχ.* XVII, 6, 2; *περὶ αὐλ.* I, 33, 2.

[3]) Schürer, I, 328 die von der Cultur beleckt.

[4]) I Цар. VIII, 17—18 и ранѣе.

[5]) Schür. II, 148 стр.

[6]) И тѣмъ менѣе „великимъ", см. 343 стр. пр. 7.

мымъ храмомъ Богу воздвигалъ въ сущности храмъ своему ненасытному славолюбію и ради угожденія ненавидѣвшимъ его подданнымъ. Изнемогая подъ непосильнымъ бременемъ его правленія, народъ неустанно ропталъ, и могъ только *терпѣть* владычество, полное блеска съ внѣшней стороны и преисполненное неистовства и гнета съ внутренней, встрѣченное энергичнымъ отказомъ въ присягѣ въ самомъ началѣ [1]), рядомъ заговоровъ въ срединѣ [2]) и брезгливо-презрительнымъ, до ужаса, отвращеніемъ въ концѣ. Не менѣе характерную картину представлялъ и царь въ отношеніи къ народу. Странное, рѣдкое зрѣлище! Царь вооружается противъ своихъ подданныхъ. какъ противъ жесточайшихъ своихъ враговъ; воюетъ съ ними, какъ съ опаснѣйшими непріятелями; окапывается отъ нихъ непроходимыми рвами и укрѣпленіями; воздвигаетъ цѣлые ряды грозныхъ и неприступныхъ крѣпостей [3]) и военныхъ колоній [4]); постоянно держитъ на готовѣ наемныя дружины Ѳракійцевъ, Германцевъ, Галловъ и т. п. [5]), готовыхъ по единому мановенію взбалмошнаго деспота кровію тысячъ народа затушить всякій пожаръ; окружаетъ себя тайной полиціей и шпіонствомъ [6]), выслѣживая и истребляя всякую попытку къ мятежу въ зародышѣ. Какой жалкій жребій народа Іеговы! Какая иронія надъ его, освященнымъ Словомъ Божіимъ, понятіями о помазанникѣ Божіемъ!

Среди всѣхъ ужасовъ Иродова царствованія, наряду съ его неистовствами, было бы не совсѣмъ справедливо, конечно, не признать вмѣстѣ съ Schürer'омъ, что оно имѣло и свои добрыя стороны, дававшія, можетъ быть, достаточные мотивы для усвоенія этому царю прозванія „Великаго" [7]). Прежде всего, между сооруженіями Ирода было немало полезныхъ, каковы, напримѣръ,

[1]) Іосифъ упоминаетъ 2 случая такого отказа—*Ἀρχ.* XV, 10, 4 и XVII, 2, 4, при чемъ во второмъ случаѣ количество отказавшихся отъ присяги среди однихъ фарисеевъ выражается внушительною цифрою 6000.

[2]) *Ἀρχ.* XV. 8, 3—4 и д., и мн. др.

[3]) Важнѣйшія изъ нихъ: Иродіонъ, Александріонъ, Ирканія, Махеръ, Масада—всѣ эти крѣпости были разсчитаны не столько на защиту отъ внѣшнихъ враговъ, сколько внутреннихъ, т. е. народа.

[4]) Въ *Гавѳ* въ Галилеѣ, и Есвонѣ въ Переѣ.

[5]) *Ἀρχ.* XVII, 8, 3. *περὶ αὐλ.* I, 33, 9.

[6]) *Ἀρχ.* XV, 10, 4.

[7]) Еще нельзя назвать рѣшеннымъ вопросъ, не имѣлось ли въ виду этимъ терминомъ „*μέγας*" обозначить собственно не величіе, а лишь старшинство Ирода, въ отличіе отъ послѣдующихъ царей того же имени, подобно тому какъ тотъ же терминъ, по словамъ Seinecke (Gesch. des Uolkes Isr. 1884, Zw. Thl. 179), прилагаемый греч. писателями къ побѣдителю Ганнибала (Публій Корнилій Сципіонъ *ὁ μέγας*) значитъ не Сципіонъ великій, а Сц. старшій, major natu. За такое же значеніе термина *μέγας* у Іосифа какъ будто ручается его различеніе 2-хъ Агриппъ, отца и сына, изъ коихъ перваго онъ называетъ *ὁ μέγας*, а второго *νεώτερος*. Очевидно, и Иродъ *ὁ μέγας* имѣетъ не другое значеніе, какъ старшій, въ отличіе отъ послѣдующихъ, младшихъ.

Этого мнѣнія склоненъ держаться *Богородскій*, и съ достаточною основательностію (См. его прекр· статья „объ Иродѣ, такъ назыв., Великомъ"). Что касается мнѣнія, что возведеніе въ „Великіе" Ирода могло мотивироваться величіемъ его отрицательнымъ или относительнымъ, то усвоеніе термина величія Ироду по такимъ побужденіямъ было бы ненужною иронією надъ истиннымъ величіемъ, излишнею жертвою истины предъ уродливѣйшимъ порожденіемъ духа злобы и лжи.

улучшенныя гавани (въ Іоппіи, Кесаріи и др.), водопроводы, каналы, пруды и т. п. Подъ его дѣятельной поддержкой и содѣйствіяхъ много было данныхъ для процвѣтанія торговли и обмѣна. Не чуждъ, можетъ быть, онъ былъ порывовъ нѣкотораго великодушія къ своимъ подданнымъ,—довольно, впрочемъ, сомнительнаго достоинства, вродѣ скидки съ податей [1]), на что могло наталкивать его и эгоистическое честолюбіе, и необходимость предупредить взрывы ненависти подданныхъ, и, наконецъ, естественная невозможность поступать иначе, въ виду крайняго истощенія народныхъ средствъ, во дни общественныхъ бѣдствій. Мы затрудняемся находить истинное (изумляющее Schürer'a) великодушіе даже въ наиболѣе тяжелую годину голода (25 г.), охватившаго землю Іудейскую, когда Иродъ, самъ оскудѣвшій въ средствахъ при невозможности собрать съ народа обычныя подати, не пожалѣлъ драгоцѣнную посуду дворца перечеканить на монеты, чтобы поддержать народное благосостояніе. Вѣдь все это, право же, было только своего рода „гешефтомъ", дачей взаймы, и притомъ подъ какіе проценты!... Въ лучшемъ случаѣ, это заслуживаетъ одобренія не болѣе, какъ то, когда разсчетливый хозяинъ въ критическихъ обстоятельствахъ сберегаетъ свой инвентарь (Богор. 518).

Лучше всего понималъ это и можетъ намъ уяснить самъ народъ, отвѣчавшій на всю Иродовскую благотворительность самою слабою признательностію, совершенно терявшеюся за постояннымъ и твердымъ настроеніемъ обратнаго рода. По всему этому, правленіе Ирода въ цѣломъ можетъ быть названо „лоскливымъ", но отнюдь не было оно счастливымъ, блестящимъ, великимъ.

Да и „лоскливымъ"-то оно было развѣ лишь по внѣшней политикѣ. И, во всякомъ случаѣ, недостаточно данныхъ на усвоеніе Ироду „неоспоримаго величія", даже въ томъ, что, благодаря умѣнію поддѣлаться подъ благосклонность Кесаря, Иродъ почти вдвое расширилъ предѣлы своей земли. Среди вводимаго тогда въ моду Римской монархіей привиллегированнаго класса „царей союзныхъ" (rex socius) [2]), Иродъ примѣрнѣе всѣхъ съумѣлъ сдѣлать изъ

[1]) Такова въ 20 году скидка третьей части податей (по случаю недорода XV, 10, 4). Іосифъ прямо развѣнчиваетъ здѣсь въ Иродѣ всякое великодушіе, выставляя мотивомъ укрощеніе народной ненависти. Въ 14—скидка 4-й части ихъ. (XVI, 2, 5).

[2]) На условіяхъ „rex socius" зависѣли отъ Рима главнымъ образомъ цари по сю сторону Евфрата. Однимъ изъ первыхъ такихъ условій было то, что царь вступалъ въ свои права и усвоялъ царскій титулъ не прежде, какъ будучи признанъ Кесаремъ и утвержденъ Сенатомъ (Иродъ владѣлъ своимъ царствомъ *δόσει Καίσαρος καὶ δόγματι Ῥωμαίων*, *Ἀρχ.* XV, 6, 7). При этомъ обыкновенно титулъ царя давался только правителямъ болѣе значительныхъ областей; въ противномъ случаѣ для нихъ считалось достаточнымъ званіе тетрарховъ и т. п. Пожалованіе обычно простиралось только на одно лицо и прекращалось само собою съ его смертію, послѣ чего нерѣдко случалось, что отеческая область или раздѣлялась на нѣсколько частей по числу сыновей съ соотвѣтствующимъ титуломъ, или отдавалась другому лицу, или просто отходила подъ непосредственное римское управленіе въ качествѣ провинціи. Исторія Иродіанской династіи знакомитъ со всѣми разновидностями тактики Римлянъ въ данномъ отношеніи. Высшимъ отличіемъ, какого удостоивались немногіе изъ союзныхъ царей, былъ титулъ—socius et amicus populi Romani (*φίλος καὶ σύμμαχος Ῥωμαίων*). Не вездѣ выразительно упоминаемую, но, повидимому, съ вѣроятностію

своего положенія поприще, на которомъ развернулъ всѣ свои силы и усердіе. Онъ обѣщалъ показать себя достойнымъ довѣрія и дружбы Кесаря, и старался дѣйствительно оправдать это обѣщаніе, не пропуская случая — представиться лично Кесарю, чтобы отдавать отчетъ ему и взывать къ его посредничеству даже въ собственныхъ домашнихъ дѣлахъ [1]). Уже въ 30 г. онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ и сопровождалъ Августа на пути въ Египетъ и при возвращеніи изъ него, получая отъ него щедрые подарки городами [2]). Десять лѣтъ спустя, въ 20 г., онъ имѣлъ случай снова привѣтствовать Августа на почвѣ Сирійской, взысканный тѣми же милостями Кесаря [3]). Недовольствуясь этимъ, Иродъ не лѣнился самъ прокатиться въ Римъ на милостивые пріемы Кесаря; особенно утѣшительно въ этомъ отношеніи было для него путешествіе въ 18—

вездѣ предполагаемою принадлежностію союзныхъ царей было званіе римскаго гражданина, которое имѣлъ уже Антипатръ, отецъ Ирода (*Ἀρχ.* XIV, 8, 3; *περὶ ἀλ.* I, 9, 5). А въ послѣдующее время (съ Калигулы) союзные цари даже надѣлялись сенаторскими отличіями (преторское или консульское достоинство). Впервые преторское достоинство видимъ у Агриппы I (Philo in Flacc. § 6, Mang. II, 523), позднѣе консульское (Dio Cass. LX, 8). Иродъ Халкидскій имѣлъ преторское достоинство (Dio Cass. ibid.), Агриппа II—такъ же (Dio Cass. LXVI, 15). Власть союзныхъ Царей ограничивалась обыкновенно слѣдующими пунктами: 1) они не могли ни заключать союзовъ, ни вести войнъ самостоятельно съ другими государствами и примѣняли государственныя права только въ предѣлахъ своей земли; 2) они чеканили для потребностей своего государства только мѣдныя монеты, но не золотыя или серебряныя, которыя должны были оставаться Римскими, за рѣдкими исключеніями. Если даже Иродъ не былъ такимъ исключеніемъ, какъ полагаетъ Schürer, не придавая значенія нѣкоторымъ намекамъ Іосифа (по нашему мнѣнію, заслуживавшимъ тщательнѣйшаго обсужденія, какъ напр. *Ἀρχ.* XV, 9, 1—2) и ссылаясь единственно на тотъ фактъ, что отъ всѣхъ Иродіанскихъ князей до насъ дошли исключительно мѣдныя монеты,—то дѣйствительно приходится установить, что Иродъ ни въ чемъ не преимуществовалъ передъ прочими „союзными царями", и что всѣ изворотъ у Іосифа, имѣющіе эту тенденцію, имѣютъ право на скептическое къ нимъ отношеніе; 3) въ случаѣ войны они участвовали въ ней вспомогательными войсками и заграждали врагамъ Рима границы своего государства. Что касается дани, то, по мнѣнію Schürer'a, правильнаго сбора ея вначалѣ не было введено, какъ признается и Mommsen, Staatsrecht III, 1, 683.....). Только объ Антоніѣ имѣется свидѣтельство, что онъ учредилъ царямъ *ἐπὶ φόροις τεταγμένοις* (Appian. Civ. V, 75). См. Schürer, болѣе подробно I, 333, прим. 108). За исключеніемъ всѣхъ этихъ условій—ограниченій, „союзные цари" сохраняли въ полной мѣрѣ государственныя права, не испытывая особыхъ стѣсненій отъ Римскаго протектората: власть въ странѣ, право жизни и смерти своихъ подданныхъ, наложеніе и сборъ пошлинъ и податей, организація и содержаніе войска,—права, которыя существенно отличали „союзныя царства" отъ провинцій.

[1]) Sueton. Aug. 60: Reges amici atque socii.... saepe regnis relictis, non Romae modo sed et provincias peragranti cotidiana officia togati ac sine regio insigni, more clientium praestiterunt.

[2]) Іерихонская область, отнятая было Клеопатрою, и города: Гадара, Гиппосъ, Самарія, Газа, Анѳедонъ, Іоппія и Стратонова башня. XV, 7, 3; *περὶ ἀλ.* I, 20, 3.

[3]) На этотъ разъ отошли къ Ироду владѣнія Зенодора—Улаѳа и Паніада, лежавшія между Трахономъ и Галилеею, и участіе въ Сирійскомъ намѣстничествѣ. XV, 10, 3. Еще ранѣе, въ 23 г. Иродъ получилъ отъ Кесаря области Трахонъ, Батанею и Авринитиду, восточнѣе моря Генисаретскаго, *Ἀρχ.* XV, 10, 1; *περὶ ἀλ.* I, 20, 4.

17 году за сыновьями Александромъ и Аристовуломъ, воспитывавшимися въ Римѣ [1]); позднѣе извѣстны еще 2 его посѣщенія Рима въ 12 и 10/9 г. до Хр. [2]). Ласкательствуя предъ Кесаремъ, Иродъ, безъ сомнѣнія, не забывалъ дѣлать тоже предъ всѣми связанными съ нимъ узами родства или дружбы лицами. Изъ числа такихъ особеннымъ заискиваніемъ Ирода пользовался довѣренный другъ и зять Августа—Агриппа, близость котораго къ Ироду засвидѣтельствовалась весьма радушными пріемами его на почвѣ Іудеи (въ 15 г.) и чрезвычайными знаками вниманія къ нему Ирода въ другихъ мѣстахъ (23—21 г. въ Митиленахъ [3]), и въ 14 г. на морѣ сопровожденіемъ флота) [4]). Посѣщеніе Агриппою Іудеи ознаменовалось лестнымъ для Іудейскаго народа засвидѣтельствованіемъ къ нему дружбы и уваженія Римлянъ: Агриппа принесъ жертву изъ гекатомбы въ храмѣ Іерусалимскомъ, привѣтствованный радостными восклицаніями всего народа, угощеннаго потомъ пиромъ [5]). Само собою разумѣется, и дружба Агриппы не была платоническимъ отвѣтомъ на не платоническое же вниманіе Ирода. Послѣдній щедро разбавлялъ свое вниманіе къ могущественному protegé драгоцѣнными подношеніями и сюрпризами, равно какъ и первый „удружалъ“ Ироду какъ и чѣмъ только могъ, что въ особенности краснорѣчиво выразилось за время сопутствія Агриппѣ по Малоазійскимъ городамъ, Іудейское населеніе которыхъ вездѣ было щедро осыпаемо милостями и привиллегіями Агриппы, въ угоду его царственному спутнику, не забывавшему изъ собственныхъ, конечно, разсчетовъ замолвить словечко за соотечественниковъ. Однимъ словомъ, отношенія къ Ироду Августа и Агриппы были столь тѣсны, что льстецы имѣли полное основаніе называть Ирода вторымъ любимцемъ Августа послѣ Агриппы и—Агриппы послѣ Августа [6]).

Насколько это все мало, однакоже, мирило народъ съ Иродомъ, видно изъ того, что даже наиболѣе блестящій періодъ его правленія (20—14 г.) не проходилъ безъ энергичныхъ болѣе или менѣе выраженій всеобщаго недовольства. Отвращеніе—вообще было неизмѣннымъ отвѣтомъ на успѣхи полуязыческаго режима ненавистнаго идумеянина; желѣзный, деспотичный кулакъ послѣдняго — единственно успѣшнымъ средствомъ превозмочь броженіе недовольныхъ массъ [7]). Третій періодъ правленія Ирода далъ ужасающіе плоды этого

[1]) *Ἀρχ.* XVI, 1, 2.

[2]) *Ἀρχ.* XVI, 4, 1—5 и 9, 1, см. Schürer, I, 304 стр., примѣч. о второмъ изъ этихъ путешествій.

[3]) *Ἀρχ.* XV, 10, 2.

[4]) *Ἀρχ.* XVI, 2, 2—5. Ср. Николай Дам. у Müller. Fragm. Hist. Graec. III, 350.

[5]) *Ἀρχ.* XVI, 2, 1. Philo, Legat. ad Cajum, § 37 (ed. Mang. II, 589). См. также Schürer, 245.

[6]) *Ἀρχ.* XV, 10, 3; *περὶ ἀλ.* I, 20, 4.

[7]) Іосифъ сохранилъ прекрасное свидѣтельство о томъ, до какой степени народъ, *ненавидѣвшій* Ирода, въ то же время, и *боялся* его: Гадаряне попробовали однажды пожаловаться на Ирода Кесарю. Когда эта жалоба осталась безъ послѣдствій, несчастные, чтобы не быть выданными въ руки Ирода—„иные сами себя ночью умертвили, иные низвергнулись сверху домовъ, иные побросались въ рѣку и погибли“. Не менѣе краснорѣчиво выразилась и *ненависть* къ Ироду въ слѣдующемъ фактѣ:

недовольства, обострившаго подозрительность и кровожадность Ирода до послѣдней степени.

III.

Это былъ періодъ прежде всего (13—4 г.) страшныхъ домашнихъ злоключеній, явившихся какъ бы продолженіемъ кровавыхъ подвиговъ Ирода въ первый періодъ и доведенныхъ теперь до апогея мрачности и безчеловѣчія.

На бѣду, Ироду посчастливилось имѣть огромную семью, давшую смертельной косѣ, размахивавшейся въ его рукахъ, обильную жатву. Онъ имѣлъ 10 женъ, что было ненедозволено закономъ, какъ старается увѣрить Іосифъ [1]), но обличаетъ, съ другой стороны, необычайную чувственность его натуры. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ женъ были: *Дора*, которая, съ прижитымъ отъ Ирода сыномъ Антипатромъ, могла показываться въ Іерусалимѣ только по большимъ праздникамъ [2]); *Маріамма* (съ 37 г.), племянница Уркана, родившая Ироду 3 сыновей и 2 дочери, изъ числа коихъ младшій сынъ умеръ въ Римѣ [3]), гдѣ онъ воспитывался, два другіе—выступаютъ героями послѣдующей исторіи; судьба дочерей Саламисо и Кипра обозрѣвается у Іосифа XVIII, 5, 4. Съ 24 г. выступаетъ третья супруга Ирода—также *Маріамма*, дочь Александрійскаго священника, возведеннаго при этомъ и въ первосвященство [4]), родившая Ироду сына, такъ же Ирода. Изъ остальной седмерицы женъ болѣе интересны Самаритянка Малѳака, мать Архелая и Антипы, и Іерусалимлянка Клеопатра, мать Филиппа. Если принять во вниманіе, что между женами Ирода только двѣ не дарили его потомствомъ, и что Иродъ видѣлъ настолько взрослыми своихъ внуковъ и внучекъ, что самолично связывалъ ихъ узами Гименея, то изъ сего будетъ ясно, какая громадная семья была свидѣтель-

„Пробираясь въ Идумею послѣ неудачи съ Парѳянами, Иродъ подвергся нападенію Іудеевъ съ цѣлью уничтожить его. Отрядъ воиновъ Ирода, посланный имъ стеречь непріятеля и засѣвшій въ домахъ, Іудеи сожгли вмѣстѣ съ домами. Во время другого отчаяннаго покушенія на жизнь царя, когда заговоръ былъ открытъ однимъ доносчикомъ и заговорщики замучены, ярость народная обратилась на доносчика и разорвала его на куски....

[1]) *περὶ ἀλ.* I, 24, 2 кон. *Ἀρχ.* XVII, 1, 2: *πάτριον γὰρ ἐν ταὐτῷ πλείοσιν ἡμῖν συνοικεῖν.* По Mischna Sanhedrin, II, 4, цари имѣли право на содержаніе 18 женъ. До какихъ предѣловъ могло простираться многоженство частнаго человѣка, показанія различны: до 4—Jebamoth, IV, 11; Kethuboth, X, 1—6; до 5: Kerithoth, III, 7, ср. также Kidduschin, II, 7; Bechoroth VIII, 4. Многознаменательно также свидѣтельство въ Іустиновомъ „діалогѣ съ Трифономъ“, г. 134: *βέλτιόν ἐστιν, ὑμᾶς τῷ θεῷ ἐπεσθαι ἢ τοῖς ἀσυνέτοις καὶ τυφλοῖς διδασκάλοις ὑμῶν, οἵτινες καὶ μέχρι νῦν καὶ τέσσαρας καὶ πέντε ἔχειν ὑμᾶς γυναῖκας ἕκαστον συγχωροῦσι.* Ср. также Otto, замѣч. и Winer, Realwörterbuch, терм. „Vielweiberei“. Если вѣрить Іосифу, многоженство было освящено обычаемъ, и именно одновременное, *Ἀρχ.* XVII, 1, 2.

[2]) *Ἀρχ.* XVI, 3, 3; *περὶ ἀλ.* I, 22, 1. По *Ἀρχ.* XVII, 5, 2, Антипатръ былъ женатъ на дочери послѣдняго Асмонея—Антигона.

[3]) *περὶ ἀλ.* I, 22, 2.

[4]) *Ἀρχ.* XV, 9, 3; *περὶ ἀλ.* I, 28, 4; *Ἀρχ.* XVII. 1, 2. Въ этотъ бракъ Иродъ, по словамъ Іосифа, вступилъ „побуждаемый одною страстію, не взирая ни на какіе законы, препятствовавшіе исполненію его желанія“.

ницею и училась быть подражательницею его гнусныхъ и безчеловѣчныхъ уроковъ.

При всѣхъ свирѣпствахъ, имѣвшихъ цѣлью истребить въ корнѣ ненавистный родъ Маккавейскій, послѣдній имѣлъ еще своихъ представителей. Но—какой ужасъ для Ирода! Эти представители были уже его собственныя дѣти отъ Маріаммы, тѣмъ болѣе опасныя, чѣмъ они ближе къ нему. „Маккавеи—въ его собственномъ домѣ! Правда, онъ былъ имъ отецъ; но онъ былъ.... Иродъ! (Богород. 512)".

Не трудно угадать, что могло выйти изъ этой чудовищной коллизіи. Подобно своей матери, Александръ и Аристовулъ были вначалѣ, предпочтительно предъ всѣми, любимцами Ирода, и подобно ей же, понесли потомъ на себѣ тѣмъ болѣе трагически все его безсердечіе и звѣрство. Ихъ именно Иродъ желалъ видѣть наслѣдниками своего „величія", и чтобы они были при этомъ „достойнѣйшими" наслѣдниками и слугами Римлянъ, отправилъ ихъ въ 23 г. на воспитаніе въ Римъ [1]). Здѣсь эти многообѣщавшіе юноши изучили все, кромѣ искусства сохранить жизнь вблизи Ирода. Они не хотѣли или не могли забыть совсѣмъ, что въ нихъ течетъ кровь Маккавеевъ. Самъ народъ Іерусалимскій усиленно поддерживалъ въ нихъ это сознаніе своими особенными симпатіями къ нимъ, наряду съ нескрываемою ненавистію ко всѣмъ прочимъ членамъ Иродовой фамиліи (Богород. 512). Черезъ 5 лѣтъ (18—17 г.) Иродъ самъ прибылъ за ними въ Римъ, и его родительскія чувства, при видѣ цвѣтущихъ красотою и мужествомъ 17—18 лѣтнихъ юношей, образованныхъ и отшлифованныхъ во вкусѣ идеализованнаго имъ Римскаго двора, естественно должны были переживать невыразимое удовлетвореніе. Не забывъ вмѣстѣ съ поклономъ Кесарю похвастаться предъ нимъ своимъ сокровищемъ, онъ съ торжествомъ везетъ ихъ къ Іерусалимскому двору и спѣшитъ пріискать имъ прекраснѣйшихъ и достойнѣйшихъ невѣстъ: для Александра — каппадокійскую царевну Глафиру, для Аристовула—свою племянницу, дочь Саломіи, (отъ Костовара) Веренику [2]). Такое тѣсное переплетеніе Асмонейской и Идумейской линій въ Иродовомъ семействѣ не помогло, однако, обѣимъ этимъ линіямъ перестать изображать изъ себя два враждующіе лагеря, которые, какъ положительное и отрицательное электричество, чѣмъ тѣснѣе сближались, тѣмъ напряженнѣе стремились къ исключительности и взаимоуничтоженію. Застрѣльщиками въ неумедлившей разразиться въ силу этого борьбѣ явились сами дѣти Маріаммы, чувствовавшіе царственно—благородную кровь въ своихъ жилахъ и клеймившіе безпощаднымъ презрѣніемъ все, что только напоминало ихъ идумейское родство. Въ рядахъ защитниковъ чести Идумейскаго элемента впереди всѣхъ, конечно, выдавалась Саломія со своимъ братомъ Феророю, которая испытывала въ ненависти дѣтей Маріаммы бѣсившую ее

[1]) *Ἀρχ.* XV, 10, 1.

[2]) *Ἀρχ.* XVI, 1, 2; XVIII, 5, 4. Strabo, XVI, 2, 46, стр. 765. Архелай Каппадокійскій царствовалъ 36—17 по Хр., какъ извѣстно изъ Dio Cass. XLIX, 32, LVII, 17; Tacit. Annal. II, 42, Clinton, Fasti Hellenici, III, 448 и др.

месть за изведенную нѣкогда мать. Такъ завязалась новая трагедія, приведшая къ роковому концу не только дѣтей Маріаммы, но и нѣкоторыхъ неасмонейскихъ членовъ Иродовой фамиліи (Антипатра и Ферору).

Послѣ долгихъ тщетныхъ усилій поколебать Ирода въ заблужденіи относительно любви и признательности къ нему его дѣтей, Саломіи удалось создать въ злой мнительности царя благопріятную почву, на которой сѣмя злобы пустило корни и принесло свои плоды. Къ несчастію, вмѣстѣ съ благородною кровію своей матери, юноши унаслѣдовали какую-то неудержимую антипатію къ ея убійцѣ. Эта влитая Маріаммою благородная кровь была въ нихъ какъ бы „кровію вопіявшею за нее на небо" въ каждомъ ихъ дѣйствіи, вытѣсняя и заглушая естественныя сыновнія чувства къ Ироду. Все это, конечно, не могло укрыться отъ проницательнаго Ирода, тѣмъ болѣе, когда не столь осторожное поведеніе Александра и Аристовула съ Саломіею дало послѣдней вѣскія основанія увѣрить Ирода въ ненадежности его любимцевъ и растравить болѣзненную подозрительность его къ нимъ до послѣднихъ предѣловъ.

Прежде принятія какихъ либо рѣшительныхъ мѣръ для огражденія спокойствія въ своемъ домѣ, Иродъ придумалъ для охлажденія заносчивости предопредѣленныхъ своихъ наслѣдниковъ слѣдующую демонстрацію. Онъ вызвалъ къ себѣ снова удаленнаго было Антипатра, вмѣстѣ съ его матерію, сталъ оказывать ему особенное вниманіе и даже отправилъ его въ Римъ, въ свитѣ Агриппы, возвращавшагося (въ 13 г.) домой, послѣ 10-лѣтняго пребыванія на Востокѣ, прося представить его Кесарю и пріобрѣсти его благосклонность [1]), какъ къ возможному наслѣднику престола. Мѣра эта сейчасъ же произвела свое дѣйствіе. Она усилила оппозицію задѣтыхъ наслѣдниковъ до крайней степени и въ то же время окончательно искоренила миръ въ царствующемъ домѣ. Рядомъ съ нарушавшей этотъ миръ заносчивостью Александра и Аристовула стало теперь надменное высокомѣріе Антипатра предъ своими сводными братьями, считавшаго болѣе обезпеченнымъ свой путь къ трону, и усиленная травля на нихъ Ирода со стороны всего враждебнаго имъ лагеря,—и оскорбленныя унизительнымъ недовѣріемъ отца и возмущенные этою травлею дѣти Маріаммы не удержались, чтобы открыто не бросить ему въ глаза упрекъ въ безсердечной расправѣ съ матерью и въ возмутительномъ поведеніи съ ними. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что Иродъ обратился съ горькими жалобами на своихъ дѣтей (12 г.) къ самому Кесарю, приведя ихъ къ нему въ Аквилею и понося за неблагодарность. Тронутый чистосердечною исповѣдію невинныхъ царевичей и понявъ, что Иродъ являлся игрою призраковъ [2]), Кесарь успѣлъ примирить отца съ дѣтьми и возстановилъ было домашній миръ, но ненадолго... до тѣхъ только поръ, пока примиренные не попали снова въ пропитанную интригою и кровью атмосферу двора Иродова.

[1]) *Ἀρχ.* XVI, 3, 3; *περὶ αλ.* I, 23, 1—2.

[2]) Іосифъ старается увѣрить, что у Ирода было родительское чувство. Охотно вѣримъ этому, но во всякомъ случаѣ это чувство было какое-то особенное, напоминающее его чувства къ ихъ матери. Тамъ и здѣсь было мало человѣческаго, и столько чудовищнаго!..

Теперь эта атмосфера охватила обреченныхъ ей жертвъ во всей своей безъисходной горечи и смертоносности. Съ адскою хитростію враги молодыхъ царевичей не щадили въ грязныхъ сплетняхъ самого Ирода, чтобы только разжечь ненависть ихъ къ царю и вывести наружу ихъ мстительныя наклонности;—сочиняли всевозможные ложные доносы на ихъ приближенныхъ, чтобы жестокостями пытокъ вымучить у нихъ ложныя признанія въ небывалыхъ преступленіяхъ: коварно безчестили въ присутствіи дѣтей память матери, будто бы не безвинно понесшей кару, чтобы довести ихъ до той степени раздраженія и потери самообладанія, когда у убѣжденныхъ въ невинности матери дѣтей неудержимо вырывались упреки по адресу отца — убійцы невинной, и т. п.

Уже одинъ изъ царевичей—Александръ—томился въ узахъ, какъ жертва только что перечисленныхъ (далеко неполно) интригъ. Рѣшительную развязку несчастной судьбы узника отсрочилъ нѣсколько лишь его тесть, Архелай, нарочито прибывшій изъ Каппадокіи при слухахъ о смутахъ при Іудейскомъ дворѣ. Хитрый Каппадокіецъ, тотчасъ смекнувъ, что упреки и уговоры Ирода только еще болѣе ожесточили бы своенравнаго деспота, съ такимъ искусствомъ разыгралъ роль гнѣвнаго и оскорбленнаго своимъ зятемъ тестя, угрожая разводомъ, что Иродъ самъ вступился за своего сына и разрѣшилъ дѣло полнымъ примиреніемъ и оправданіемъ Александра. Но это было лишь коротенькимъ затишьемъ предъ жестокой бурей. Вниманіе царя отъ домашнихъ неурядицъ неожиданно отвлеклось затруднительными внѣшними обстоятельствами, подведшими Ирода подъ опалу Кесаря. Вся (!) вина Ирода состояла въ томъ, что онъ жестоко расправился съ Трахонитянами, которые, пользуясь его поѣздкой [1]) въ Римъ по дѣлу Александра и обрадованные слухами о смерти его, возстали противъ невыносимаго режима и нашли себѣ сочувствіе и содѣйствіе сосѣдней Аравіи, гдѣ извѣстный разжалованный зять царскій Силлей (мужъ Саломіи) ворочалъ всѣми дѣлами вмѣсто слабохарактернаго царя Овода. Грубый отказъ Силлея на требованіе Ирода выдать главныхъ зачинщиковъ возстанія, укрывшихся въ Аравію, вынудилъ Ирода прибѣгнуть къ вооруженному вторженію въ предѣлы ея за бунтовщиками и къ нечаянному столкновенію съ Аравійскими войсками, кончившемуся довольно печально для Аравитянъ. Не смотря на то, что эта кампанія предпринята была не безъ соизволенія Сирійскихъ намѣстниковъ (Сатурнина и Волумнія), такой результатъ ея являлся столь немаловажнымъ нарушеніемъ нейтралитета страны, а Силлей, отправившійся лично въ Римъ съ жалобой на Ирода, настолько не пожалѣлъ красокъ для обрисованія нечеловѣческой жестокости и возмутительно - несправедливой политики Ирода, что Кесарь въ гнѣвномъ посланіи объявилъ ему [2]) свое неблаговоленіе и нѣсколько разъ отказывался даже выслушивать его оправда-

[1]) Время этого 3-го путешествія Ирода въ Римъ, съ Александромъ и Антипатромъ, съ цѣлью обвиненія предъ Кесаремъ перваго и пріобрѣтенія благосклонности Кесарева второму—неизвѣстно въ точности. См. Schürer, I, 304 стр. прим.

[2]) Ἀρχ. XVI, 3, 3. Срав. Николай Дамаскинъ у Müller. Fragm. Hist. Graec. III, 351.

тельныя посольства, пока, наконецъ, гнѣвъ Кесаря нѣсколько поостылъ, и эту миссію взялъ въ свои умѣлыя руки другъ Ирода Николай Дамаскинъ.

Разладъ съ сыновьями, между тѣмъ, шелъ у Ирода своимъ чередомъ. При дворѣ Ирода появился новый злой геній, въ лицѣ недостойнаго Лакедемонянина Еврикла, ускорившій печальную развязку своими интригами. Легко входившій въ довѣріе всѣхъ членовъ Иродовой фамиліи, этотъ ловкій проходимецъ—„гость“ Иродова двора и нахлѣбникъ Антипатра, злоупотребляя всѣми правами довѣреннаго гостя, быстро перезнакомилъ враговъ съ потаеннѣйшими жалобами и планами Александра и Аристовула: остальное все сдѣлали подвергнутые жесточайшимъ пыткамъ слуги царевичей, давшіе нужныя показанія. Оба брата оказались въ цѣпяхъ и недоставало только одобренія со стороны Кесаря, чтобы снарядить надъ ними формальный судъ. Скоро, однако, кровожадное влеченіе освободилось и отъ этой преграды. Какъ бы увѣренный въ успѣшныхъ результатахъ примирительной миссіи Николая, Иродъ спѣшитъ повергнуть на благоусмотрѣніе Кесаря необходимость суда надъ уличенными преступниками, и новое посольство его какъ разъ успѣваетъ застать Кесаря въ моментъ его раскаянія въ несправедливой (!) обидѣ Ироду. Реваншемъ за эту несправедливость было полное удовлетвореніе желаній Ирода и право жизни и смерти надъ врагами его спокойствія и безопасности, при чемъ избѣгая ближе вмѣшиваться въ столь отвратительное дѣло, Кесарь не могъ придумать ничего лучше, какъ посовѣтовать, чтобы судъ, имѣющій разобрать дѣло, собранъ былъ въ Виритѣ, при участіи римскихъ чиновниковъ, которые могли быть удобнѣе всего собраны сюда со всей Сиріи [1]). Самый ходъ судебнаго процесса любопытенъ для характеристики этого новаго злодѣянія Ирода. Подсудимые, прежде всего, не были представлены въ собраніе суда; предъ нимъ предстоялъ одинъ обвинитель, съ непристойнымъ гнѣвомъ и краснорѣчіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, докладывавшій суду о всѣхъ добытыхъ уликахъ и съ яростію отвергавшій всякія инотолкованія и возраженія въ защиту „уже изобличенныхъ въ злоумышленіи“ преступныхъ дѣтей, власть надъ которыми онъ, Иродъ, получилъ и отъ природы, и отъ Кесаря, и отъ самихъ отеческихъ законовъ, что̀ все по необходимости ограничиваетъ всѣ полномочія суда не *правомъ судить* его дѣтей, а лишь *подтвержденіемъ* его праведнаго на нихъ гнѣва и дарованіемъ примѣра потомству, что такія преступленія не должны оставаться безнаказанными... Подъ впечатлѣніемъ такого грубаго неистовства, судъ потерялъ самообладаніе и единогласно подтвердилъ то, чего желалъ Иродъ. Напрасно одна спокойная и неомраченная заразительностію злости голова попыталась было разумно-спокойною рѣчью пробудить здравый смыслъ и человѣческія чувства Ирода. Это былъ—намѣстникъ Сатурнинъ, подавшій голосъ за болѣе соотвѣтствовавшее преступленію и родительскимъ чувствамъ наказаніе провинившихся,—къ чему тотчасъ же примкнули и его три сына. Еще болѣе напрасно, и даже цѣною жизни, попытались умилостивить

[1]) Этотъ городъ былъ главною Римскою колоніею и средоточіемъ Римской жизни вблизи Палестины. См. Schürer I, 340, прим. 150.

царя въ пользу осужденныхъ—старый служака Ирода Тиронъ съ 300 воинскихъ начальниковъ, которые всѣ показались ему соумышленниками несчастныхъ князей, и тотчасъ же всѣ погибли. Это ускорило и гибель осужденныхъ, по отношенію къ которымъ Иродъ какъ будто вначалѣ колебался приведеніемъ въ дѣйствіе безчеловѣчнаго приговора. Однако, мысль, что они имѣютъ такихъ заступниковъ, открыто осуждавшихъ его поступокъ съ ними, прекратила эти колебанія, и несчастные юноши кончили свою многострадальную жизнь, удушенные въ Севастіи [1]) (Самарія), гдѣ 30 лѣтъ назадъ съ такою пышностію былъ отпразднованъ бракъ Ирода съ ихъ матерію.

Вскорѣ эта кровавая эпопея пополнилась еще одною безсердечною казнію. Иродъ натолкнулся, наконецъ, на дѣйствительнаго своего врага въ лицѣ Антипатра, который, не удовлетворяясь тѣмъ, что руками его самого расчистилъ себѣ дорогу къ престолу, помышлялъ устранить послѣднее препятствіе—жизнь отца:—сынъ, достойный своего родителя! Онъ нашелъ себѣ надежнаго союзника въ лицѣ Ферорьі и удобную почву для смуты въ интригахъ фарисеевъ, пользовавшихся своимъ вліяніемъ на Иродіанокъ для поддержанія и распространенія смутъ при дворѣ, невысыхавшемъ отъ крови. Не дремала и старая змѣя—Саломія. Подозрительная близость Ферорьі съ Антипатромъ обратила на себя ея вниманіе, а чрезъ нее стала извѣстна и Ироду. Опасаясь дальнѣйшихъ разоблаченій, Антипатръ чрезъ своихъ римскихъ друзей подстроилъ такъ, что Иродъ отправилъ его въ Римъ къ Кесарю съ богатыми дарами за утвержденіемъ въ правахъ наслѣдника престола, не имѣя силъ отказать себѣ въ надеждѣ на вѣрность отличеннаго такимъ вниманіемъ сына.

Въ отсутствіе Антипатра, умеръ Ферора, ускоривъ печальную развязку и судьбы Антипатра. Тотчасъ же началось энергичное распутываніе хитросплетенныхъ нитей чудовищнаго заговора. Доносъ двухъ вольноотпущенниковъ Ферорьі намекнулъ, какъ на причину скоропостижной его смерти, на отравленіе ядомъ; пытки и допросы домашнихъ Ферорьі шагъ за шагомъ привели къ тому, что этотъ ядъ заготовленъ Антипатромъ и не для Ферорьі, а для самого Ирода; были выпытаны важныя улики подозрительныхъ сношеній Антипатра съ Феророю; собраны неосторожныя жалобы Антипатра на томительное долголѣтіе царя, отдаляющее наслѣдіе имъ престола,—на ненадежность его видовъ, и т. п.; выдана женою Ферорьі вся программа покушенія, исповѣданная покойнымъ въ предсмертной бесѣдѣ съ нею: однимъ словомъ, не оставалось ничего тайнаго, и во всемъ этомъ лабиринтѣ чудовищныхъ открытій внѣ всякаго сомнѣнія выступала истина гнуснаго посягательства на жизнь Ирода со стороны любимаго братоубійцы—сына, который даже и не подозрѣвалъ возможности столь быстраго оборота дѣла, и со спокойною совѣстію немедленно выбылъ изъ Рима, какъ только получилъ льстиво-милостивое приглашеніе отца вернуться ко двору.

[1]) Вѣроятно въ 7 г. срав. *Ἀρχ.* XVI, 11, 2—7; *περὶ ἁλ.* I, 27, 2—6. Nicol. Damasc. у Müller. Fragm. Hist. Graec. III, 351 и д. Вообще: Delitzsch. Judisches Handmerkezleben zur Zeit Jesu, 2 Aufl. 1875, 51—69 стр. О казни чрезъ удушеніе—у *Іудеевъ*, см. Mischna Sanhedrin, VII, 1, 3; Terumoth VII, 2; Kethuboth IV, 3; Sanhedrin, VI, 5 кон.; IX, 3. 6; XI, 1; у Римлянъ: Rein, Art. laqueus въ Pauly' Real—Enc. IV, 771.

Несчастный едва успѣлъ переступить порогъ дворца, какъ тотчасъ же былъ арестованъ, и уже собранный по его дѣлу судъ (въ присутствіи Сирійскаго намѣстника Вара) на другой же день вынесъ ему смертный приговоръ. Послѣ этого Иродъ тотчасъ же заключилъ его въ оковы и отправилъ постановленіе суда на утвержденіе Кесаря [1]). По странному противорѣчію человѣческой натуры, Иродъ не спѣшилъ, однако, исполненіемъ приговора надъ дѣйствительнымъ преступникомъ, и понадобилось новое осложненіе дѣла провинностію Антипатра, чтобы разъяренный тираннъ вышелъ изъ спокойной спячки въ этомъ противорѣчіи [2]).

Было уже около 70 лѣтъ пресытившейся кровію жизни Ирода, когда эта побѣдоносно вышедшая изъ такихъ опасностей жизнь готовилась, наконецъ, уступить смертельной болѣзни царя. Демонъ крови заговорилъ въ немъ всею ненасытностію своихъ потребностей, прежде чѣмъ уснуть въ немъ. Всеобщее смятеніе умовъ, вызванное надеждою на скорое прекращеніе до омерзѣнія ненавидимой жизни, дало богатѣйшую пищу для послѣднихъ предсмертныхъ неистовствъ изверга, въ чаду коихъ онъ прощался съ жизнію. Спѣша сгладить позорное клеймо язычествующаго режима, толпа народа, при первомъ же слухѣ о безнадежности положенія царя, наэлектризованная пылкою инціативою двухъ раввиновъ (Іуда Сарифеевъ и Матѳій Маргалоѳовъ), свергла ненавистнаго „орла“ римскаго съ насиженнаго имъ мѣста (надъ вратами храма), но успѣла также заплатить за эту поспѣшность кровію главныхъ своихъ предводителей, отъ руки бывшаго еще на то въ силахъ Ирода [3]). Поторопившись съ тѣми же обманчивыми надеждами погибъ и томившійся въ узахъ Антипатръ [4]), попытавшійся подкупомъ вырваться на волю, гдѣ теперь ему можно было дѣйствовать, и моментально казненный, по доносу тюремщика. Наконецъ, превосходя всякое возможное безчеловѣчіе и звѣрство, Иродъ и самое свое послѣднее издыханіе замышляетъ усладить потоками крови. Посреди агоній смерти, терзаясь мыслію, что эта смерть станетъ предметомъ ликованій, онъ, какбы умудряясь перехитрить невозможность посмертной мести, изобрѣтаетъ средство вмѣшать въ нее причины для всеобще-горькихъ слезъ,—умоляетъ присутствовавшихъ при его послѣднихъ минутахъ Саломію и Алексу (3-го ея мужа) умертвить въ минуту его смерти знатнѣйшихъ Іудеевъ, заключенныхъ имъ въ Іерихонскомъ циркѣ, чтобы произвести въ народѣ желанный

[1]) *Ἀρχ.* XVII, 5, 3—7; *περὶ ἁλ.* I, 32, 1—5. Срав. вообще Nicol. Damasc. у Müller. III, 352 и д.

[2]) Макроб. Saturn. II, 4. Говорятъ, Августъ былъ авторомъ извѣстной остроумной ироніи при извѣстіи о казни Иродомъ своего третьяго сына: „лучше быть Иродовой свиньей, чѣмъ сыномъ!“ Какъ бы умѣстно было напомнить здѣсь державному иронисту, насколько—не преступнѣе бы, кажется, быть и самимъ Иродомъ, нежели такимъ Кесаремъ, по милости котораго подобные Ироды только терпѣлись...

[3]) Renan (Евреи подъ владычествомъ Рима) называетъ инцидентъ съ орломъ вымысломъ.

[4]) По новому завѣщанію Ирода, послѣ осужденія Антипатра, назначенъ былъ наслѣдникомъ младшій его сынъ Антипа, отъ Самаритянки Малѳаки.

трауръ [1])... Какъ видно, такая послѣдняя воля превышала уже всякія человѣческія силы; только во всякомъ случаѣ, другого Ирода для приведенія ея въ дѣйствіе уже не нашлось [2]).

Такъ пресѣклась эта чудовищная жизнь перваго антихриста, предварившаго первое пришествіе Христа, какъ бы въ прообразъ имѣющаго предварить второе,—жизнь, для которой не было ничего святаго, кромѣ страстей,—въ которой, какъ въ фокусѣ, сосредоточилась вся нравственная тьма растлѣннаго человѣка, порывавшаяся затмить самое Солнце Правды [3]), возсіявшее міру посреди этой безпросвѣтной тьмы. Когда именно наступилъ этотъ высочайшій моментъ міровой исторіи (Рождество Христово), привѣтствованный пѣснію неба и совпавшій съ ликованіемъ земли по случаю гибели худшаго изъ порожденій ея,—вопросъ столько же важный по его значенію для христіанскаго лѣтосчисленія, сколько и недостаточно опредѣленный для точнаго рѣшенія.

По точному свидѣтельству Іосифа [4]), смерть Ирода была незадолго *„предъ Пасхою“*, слѣд. *въ Мартѣ или Апрѣлѣ*, черезъ 37 лѣтъ послѣ провозглашенія царемъ и черезъ 34 года послѣ взятія Іерусалима, т. е. повидимому (40—37) въ *3 году* до *обычно-принятаго* христіанскаго лѣтосчисленія. Но имѣя ввиду неизмѣнную манеру Іосифа—увеличивать счисленіе однимъ годомъ болѣе [5]), принимая остатки года за полный годъ и ведя счетъ лѣтъ правленія царей отъ Нисана до Нисана [6]),—мы имѣемъ всѣ основанія установить, что 34-й годъ Ирода, годъ его смерти (и рожденія Христа), начался 1-го Нисана 4г-о года до Хр. эры, и что, такимъ образомъ, смерть Ирода падаетъ на время между 1—14 Нисана этого именно года (4-го) [7]). За справедливость послѣдняго положенія говорятъ—одна важная

[1]) Въ Талмудѣ подобное безумное распоряженіе усвояется Іаннаю (Derenbourg, Palestine, 163 — 164; срав. *περὶ ἀλ.* I, 33, 2—7). Въ виду этого, новый переводчикъ Іосифа готовъ отвергать достовѣрность послѣдняго кроваваго распоряженія Ирода. Однако, фактъ повторенія свидѣтельствъ весьма недостаточное основаніе для произвольнаго выбора между ними. Въ пользу Іосифа можетъ быть то, что онъ болѣе ранній свидѣтель, что повтореніе факта вполнѣ могло быть, особенно при нѣкоторомъ отличіи между ними.

[2]) *Ἀρχ.* XVII, 6, 5 и 8, 2; *περὶ ἀ.λ.* I, 33, 6 и 33, 8. Срав. Мег. Таан. XI, I, раввинскія преданія у Derenbourg стр. 164 и д. См. литературу этого вопроса Schürer, I, 343, прим. 165.

[3]) Мѳ. II, 14.

[4]) *Ἀρχ.* XVII, 9, 3 и 8, 1; *περὶ ἀλ.* II, 1, 3 и 33, 8.

[5]) Такъ, отъ завоеванія Іерусалима Помпеемъ до завоеванія Иродомъ онъ полагаетъ 27 л. (*Ἀρχ.* XIV, 16, 4) тогда какъ на самомъ дѣлѣ 26 (63—37); отъ завоеванія Иродомъ до завоеванія Титомъ—107 л. (*Ἀρχ.* XX, 10) вмѣсто 106 (717—823 а U.); весну 31 г. называетъ 7-мъ годомъ Ирода, (*Ἀρχ.* XV, 5, 2; *περὶ ἀ.λ.* I, 19, 3) вмѣсто 6-го (отъ Іюля 37) и т. д. Манера Іосифа считать излишекъ года за полный имѣетъ свой прецедентъ также среди историковъ Египта (годы Птолемеевъ и Римско-Египетскихъ императоровъ (Ideler, Handb. der Chronologie I, 117 и *Mommsen*, Römisches Staatsrecht, I, Aufl. II, 2, 758 и д. и др. странъ (Mommsen I, 501 и д. II, 2, 756 и д.) срав. Gumpach 223—236).

[6]) Срав. Mischna, Rosch haschana, I, 1...

[7]) Срав. Schürer, I. 345 прим. 165.

астрономическая дата и хронологія преемниковъ Ирода. Іосифъ дѣлаетъ столь благодарное упоминаніе, что незадолго (*Ἀρχ.* XVII, 6, 4) до смерти Ирода было лунное затмѣніе, а это по точнымъ астрономическимъ изысканіямъ могло быть именно затмѣніе въ ночь на 12—13 Марта 4-го года (Wurm, стр. 34 и д., Ideler, 391 и д.). То же самое положеніе подтверждается хронологіею Архелая и Антипы, преемниковъ Ирода. Такъ какъ первый, по Dio Cass. LV, 27, отрѣшенъ отъ правленія Августомъ 759 а. U. (въ консульство Эмилія Лепида и L. Arruntius'а, въ 9-й годъ его правленія [1]),—а отрѣшеніе второго Калигулою падаетъ на лѣто 39 г. по Хр.=792 а. U. и—судя по дошедшимъ до насъ отъ его времени монетамъ именно на 43 году правленія [2]),—то обѣ эти комбинаціи подтверждаютъ одно и то же, что началомъ правленія обоихъ названныхъ царей, а, слѣдов., и годомъ смерти Ирода былъ именно 750-й а. U. годъ=4-й до Хр. э. [3]), *отстающей* посему отъ своего *дѣйствительнаго* начала какъ разъ *на 4 года*.

На смерти Ирода собственно кончается та безсмертная заслуга Іосифа, благодаря которой мы можемъ имѣть полный обстоятельный обзоръ Библейской исторіи въ ея подготовительномъ къ Новому Завѣту значеніи. Въ дальнѣйшемъ эта заслуга, впрочемъ, нисколько не прекращается, и пріобрѣтаетъ даже особо важное значеніе, давая въ Археологіи множество благодарныхъ комментаріевъ къ Евангельскимъ событіямъ, безъ которыхъ эти событія выступали бы далеко не въ такой яркости и объективной жизненности, и въ свою очередь имѣя и для себя въ этихъ событіяхъ не мало дополняющаго и подтверждающаго матеріала. Наконецъ, дальнѣйшее повѣствованіе Іосифа даетъ непрерывный рядъ обстоятельныхъ и захватывающе интересныхъ картинъ Іудейско-народной жизни предъ знаменитымъ послѣднимъ возстаніемъ за національную свободу и столько увлекательно-трогательныхъ страницъ изъ исторіи этого возстанія, кончившагося гибелью священнѣйшаго изъ городовъ земли,—гибелью, которая ранѣе Іосифа и вполнѣ согласно ему, какъ современнику, въ предначертаніи Спасителя нашла свое увѣковѣченіе на страницахъ Евангелія.

[1]) *Ἀρχ.* XVII, 13, 2—въ 10-й годъ, срав. *βίος*, г. I; но *περὶ ἀλ.* II, 7, 3 не безъ основанія исправляетъ эту раннюю дату на 9-й г.

[2]) Ср. Schürer, I, 344, прим. 165.

[3]) Большинство новѣйшихъ изслѣдователей принимаютъ эту именно дату, какъ то: Freret, Sanclemente, Ideler, Wieseler, Gumpach, van der Chijs, Lewin, Sevin, Schegg. Sattler, Memain. Болѣе или менѣе приближаются къ нимъ Wurm (4 или 3 г. до Хр.), Quandt и Kellner (3 до Хр.); отличаются: Caspari, Riess (1 до Хр.), и Seyffarth (1 по Хр.).

III.

АРХЕОЛОГІЯ и НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

(XVII—XX кн.).

III. АРХЕОЛОГІЯ и НОВЫЙ ЗАВѢТЪ.

ГЛАВА VII.

АРХЕОЛОГІЯ И ЕВАНГЕЛІЕ [1]).

§ 34. Іосифъ и Евангелисты—о состояніи Іудеи при явленіи І. Христа. (4 г. до Хр. Э).

Ἀρχ. XVII, 9—11 гл.; περὶ ἁλώσ. II, 1—6.

Исторія Ирода, соединяя порванныя нити Ветхаго Завѣта и Новаго, соприкасается своими послѣдними событіями съ Исторіею Евангельскою, находя въ послѣдней весьма важныя новыя черты для своего дополненія и освѣщенія, равно какъ и сама удѣляя многое для разъясненія и подтвержденія послѣдней. Иродъ Флавія и Иродъ Евангелія — что можетъ быть согласнѣе и историчнѣе? Старый злодѣй, тревожащійся при одной вѣсти о какомъ-то „новорожденномъ Царѣ Іудейскомъ“;—хитрый проныра, столь дипломатично пытающійся употребить и невѣдомыхъ пришельцевъ въ орудіе своего кроваваго замысла;—безсердечный тиранъ, ради Одного Младенца избивающій цѣлый околотокъ невинныхъ малютокъ...—какъ все это прекрасно дорисовываетъ и подтверждаетъ историческій образъ болѣзненно-подозрительнаго, демонски-коварнаго и мрачно-безчеловѣчнаго Ирода, начертанный І. Флавіемъ. Безъ особыхъ натяжекъ, можно возстановить не мало и другихъ характерныхъ чертъ Ирода или его правленія въ Евангельскихъ событіяхъ, и находить вообще немало благодарнаго матеріала для уразумѣнія многихъ характерныхъ проявленій народнаго духа временъ Спасителя. Мы знаемъ, напримѣръ, какимъ высокимъ почетомъ пользовались до Ирода фарисеи, являя въ себѣ образецъ пламеннаго патріотизма и безраздѣльно владѣя мыслями и чувствами

[1]) Это сопоставленіе не означаетъ, конечно, намѣренія *приравнять* по значенію *Евангельскія* событія съ данными *Археологіи*, но только говоритъ, что дальнѣйшія событія и данныя Археологіи, подлежащія нашему разсмотрѣнію, какъ *современныя* Евангельскимъ событіямъ, заключаютъ важныя *параллели* ихъ, служащія къ взаимному уясненію и неизлишнему подтвержденію обоихъ источниковъ.

всего простого народа,—и какъ, не смотря на всю свою смѣлость, они должны были стушеваться предъ рѣшительными мѣрами Ирода; ближайшимъ результатомъ этой перемѣны было то богатое послѣдствіями явленіе, что они, попрятавшись по школамъ, замѣшиваясь въ толпы народа, усиленно продолжали втайнѣ воспламенять юношество и народъ ненавистію къ Римлянамъ и Ироду, ихъ орудію, при чемъ—неразборчивые въ средствахъ для ослѣплявшей ихъ мести, они особенно ревностно и успѣшно воспитывали народъ въ этомъ направленіи путемъ искусственно-остроумныхъ примѣненій къ современнымъ лицамъ и событіямъ (въ данномъ случаѣ Ироду и Римлянамъ) всего, что только представлялось въ Писаніи наиболѣе богопротивнымъ и гнуснымъ. И нѣтъ ничего невозможнаго, что именно это самое не мало способствовало развитію и преобладанію того искусственно-софистическаго, зиждущагося на тонкихъ намекахъ и отдаленно-темныхъ сближеніяхъ способа толкованія Св. Писанія, который убилъ духъ жизни въ Іудейскомъ Богословіи и сталъ одною изъ мертвыхъ сѣтей, коими фарисеи опутали Израиля и заградили глазамъ его истинный смыслъ Св. Писанія и грядущихъ событій (Богородскій, Объ Иродѣ.) Весьма возможно далѣе, что Ироду болѣе, чѣмъ кому либо другому, обязаны своимъ извращеніемъ Мессіанскія представленія Іудеевъ, сведенныя мало по малу ихъ распаленнымъ ненавистію къ утѣснителямъ воображеніемъ въ ложный образъ Мессіи, въ которомъ, вмѣсто Кроткаго Учителя любви и Спасителя всего міра, они пріучились ждать Царя-Мстителя, имѣющаго прежде всего обагрить свои руки кровію враговъ Израиля. Наконецъ, не осталась безъ знаменательныхъ послѣдствій вся вообще политика Ирода, во всемъ угождавшаго Римлянамъ-язычникамъ, которые сильно наводнили всю страну, заквасили Іерусалимъ, съ любопытствомъ переполняли внѣшніе дворы храма, перенеся сюда ту неблагопристойную шумливую суету, обычно господствовавшую въ языческихъ храмахъ, за которую домъ молитвы получилъ отъ Спасителя столь нелестное уподобленіе вертепу разбойниковъ (Марк. XI, 17).

Достойно—съ другой стороны—особеннаго вниманія, что именно царствованіе этого кровожаднаго тиранна избрано было временемъ дарованія міру Предопредѣленнаго отъ вѣка „Царя мира“. Подъ тяжкимъ кошмаромъ царствованія узурпатора, при громѣ ужасовъ, не смолкавшемъ за все это царствованіе,—такъ благопристойно было совершиться величайшему таинству непостижимаго вочеловѣченія Бога-Слова, такъ благовременно было пропѣть переутомленной землѣ тотъ „миръ“, который несло ей осуществленіе величественной тайны: „съ нами Богъ!“ Лучшіе люди того времени, дѣйствительно, и горѣли нетерпѣливымъ желаніемъ и ожиданіемъ Обѣтованнаго Избавителя [1]). Время было явиться Ему по самому состоянію не только маленькой Іудеи, но и всего остального міра, сплоченнаго подъ могучею рукою единоначальствующаго Кесаря, какъ бы нарочито для облегченія вѣры языкамъ „во едино владычество Божества“...

И—***Онъ явился!***. Явился, и—казалось бы, земля съ распростертыми объятіями должна была принять этотъ священнѣйшій даръ неба? Казалось бы, небо должно было поглотить землю и земля претвориться въ небо? Казалось бы, вдохновленная Небожителямъ этимъ чуднымъ актомъ Божественной любви къ человѣчеству пѣснь должна была огласить не только Виѳлеемскую мглу, но и чертоги царскіе, сдѣлать свои мислушателями не только скромныхъ пастуховъ, но тѣмъ паче сильныхъ и знатныхъ міра сего? Но что же мы видимъ вмѣсто всего этого? „Слышавъ Иродъ царь *смутися* и весь Іерусалимъ съ нимъ“ (Мѳ. 2, 3). Смущеніе Ирода еще понятно, но что значитъ это смущеніе столицы Мессіиной, города Давидова, при отрадномъ извѣстіи о явленіи Давножданнаго и Желаннаго Царя? Тупое принятіе великой вѣсти, указываетъ повидимому на неожиданность ея и совершенную неподготовку къ ней. Іосифъ Флавій можетъ послужить здѣсь къ весьма важному поясненію дѣла, какъ вообще послѣднія книги его Археологіи составляютъ неизмѣримую заслугу этого писателя для послѣдователей Евангелія. Имѣя въ виду, что время рожденія Спасителя, падающее на Декабрь (25) 4-го года до нашей эры, и первые слухи о Немъ—совпадали съ послѣдними и самыми грозными вспышками его неутолимой кровожадности, мы не должны удивляться, что, изнемогавшій подъ двойнымъ гнетомъ—Римскимъ и Иродовымъ, народъ Іудейскій болѣе тревожится сенсаціоннымъ извѣстіемъ, нежели увлекается имъ. Дальнѣйшія Евангельскія извѣстія какъ нельзя болѣе оправдали эти народныя тревоги, приписавъ Ироду столь свойственное ему и вполнѣ правдоподобное злодѣяніе. Подобное же гибельное вліяніе должно было оказывать ожесточеніе народнаго духа на его нравственное настроеніе и вообще на религіозные устои его жизни, превративъ, съ одной стороны, благочестіе, имѣвшее фарисейскую окраску, въ мрачный фанатизмъ, а съ другой—саддукейскій раціонализмъ въ полное равнодушіе къ высшимъ Мессіанскимъ упованіямъ Израиля, дѣлающее столь понятнымъ ненависть саддукеевъ ко всякому народному движенію, основывавшемуся на этихъ упованіяхъ, и тупое довольство ихъ сытымъ и пьянымъ сегодняшнимъ днемъ (Богородскій).

„*Изомроша ищущіи души Отрочате!*“ (Мѳ. 2, 20.)—такъ кончилась послѣдняя попытка—обезопасить свой престолъ—для кровожаднаго узурпатора, подвигшагося на смертную брань противъ безоружнаго Младенца... Согласно послѣднему (3-му) его завѣщанію, наслѣдіе царства предоставлялось Архелаю, въ то время какъ два другіе сына Ирода назначались тетрархами: одинъ, Антипа—Галилеи и Переи, другой, Филиппъ—Гавланитиды, Трахонита, Батанеи и Паніи. Новый царь Іудейскій тотчасъ же долженъ былъ отправиться въ Римъ за утвержденіемъ въ правахъ наслѣдія. Но прежде чѣмъ отбыть эту повинность, Архелаю понесчастливилось вынести непріятное столкновеніе съ Іудеями, потребовавшими немедленнаго отмщенія Иродовымъ совѣтникамъ за смерть казненныхъ Иродомъ раввиновъ Іуды и Матѳія. Не успѣвъ усмирить такъ не кстати появившееся волненіе мѣрами убѣжденія, и опасаясь, что оно можетъ принять слишкомъ широкіе размѣры въ виду огромнаго стеченія народа на праздникъ Пасхи, — Архелай рѣшился во чтобы то ни стало подавить мятежъ силою; первый отрядъ воиновъ, отправ-

[1]) См. далѣе, при разборѣ свидѣтельства Флавія о Христѣ.

ленный для усмиренія, народъ въ ожесточеніи забросалъ камнями, едва давъ возможность спастись немногимъ; за то пущенное потомъ въ дѣло пѣшее и конное войско возстановило порядокъ, перебивъ нѣсколько тысячъ гражданъ. Отпраздновавъ, такимъ образомъ, свое восшествіе на престолъ, Архелай поспѣшилъ въ Римъ, оставивъ своимъ замѣстителемъ брата Филиппа. Одновременно съ Архелаемъ, туда же направились стопы Антипы, предназначавшагося вторымъ завѣщаніемъ Ирода въ наслѣдники престола, и надѣявшагося теперь выпросить силу именно этому завѣщанію, тѣмъ болѣе когда всѣ сродники Иродова дома, принявъ его сторону, согласились заявить Кесарю, что они лучше желали бы видѣть страну подъ непосредственнымъ римскимъ правленіемъ, чѣмъ въ рукахъ не Антипы.

Августъ былъ въ немаломъ затрудненіи относительно того, какъ рѣшить это дѣло, и обратился къ помощи совѣта изъ своихъ друзей. Допущенные въ собраніе искатели Іудейской короны краснорѣчиво высказались за свои права устами ловкихъ повѣренныхъ: за Антипу держалъ рѣчь славный ораторъ Антипатръ, за Архелая извѣстный дипломатъ Ирода Николай Дамаскинъ. Августъ склонился болѣе на сторону послѣдняго и объявилъ Архелая достойнѣйшимъ наслѣдовать царскій тронъ, замедливъ, впрочемъ, окончательнымъ утвержденіемъ его въ царскихъ правахъ.

Между тѣмъ, въ Іудеѣ анархическіе безпорядки шли своимъ чередомъ. „Возмутился весь народъ Іудейскій“, по выраженію Іосифа, и хотя Варъ, легатъ Сирійскій, успѣлъ нѣсколько подавить волновавшійся Іерусалимъ, поставивъ въ немъ легіонъ солдатъ, однако, возстаніе возгорѣлось со всею силою, какъ только Варъ отбылъ въ Антіохію. Поводы къ этому второму возмущенію далъ присланный Кесаремъ въ Іудею прокураторъ Сабинъ, который долженъ былъ править страною до окончательнаго рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Ненасытный корыстолюбецъ настолько безцеремонно спѣшилъ поживиться своими полномочіями, что выведенный изъ терпѣнія народъ, стекшійся въ несмѣтномъ количествѣ въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы, съ трехъ сторонъ окружилъ римскихъ легіонеровъ и около храма завязалъ съ ними ожесточенную свалку, кончившуюся тѣмъ, что Римляне подожгли роскошныя крытыя галлереи, служившія Іудеямъ господствующею позиціею, и, произведя страшное кровопролитіе, разграбили храмовыя сокровища, коихъ одному Сабину удалось прикарманить до 400 талантовъ.

Это было уже сигналомъ непримиримой вражды между Іудеями и Римлянами, началомъ того безпримѣрнаго въ исторіи человѣчества возстанія за свободу и идеалы, которое окончилось для Іудеевъ столь плачевною утратою всякой свободы и самобытности. Завязавшись въ Іерусалимѣ, возстаніе быстро перекинулось въ другіе города и откликнулось даже въ Галилеѣ. Сабинъ вынужденъ былъ укрыться въ укрѣпленномъ дворцѣ Ирода и, осажденный усилившимися Іудеями, отсиживался здѣсь въ ожиданіи выручки Варомъ. Въ Галилеѣ извѣстный уже Іуда, сынъ Езекіи, изъ-за котораго Иродъ попалъ подъ судъ Синедріона, разнесъ въ пухъ и прахъ Сепфорійскій дворецъ и—horribile dictu!—осмѣлился помышлять водрузить рядомъ съ покровительствуемымъ Римлянами и свой

престолъ. Въ Переѣ дерзнулъ на такую же анти-Римскую затѣю любимый рабъ Ирода Симонъ, и уже увѣнчанный короною отъ своихъ соумышленниковъ испепелилъ и разграбилъ царскія палаты въ Іерихонѣ и по всей этой области (вскорѣ пойманъ и казненъ Гратомъ). Наконецъ, съ тою же самонадѣянною мечтою выступали не мало и другихъ самозванцевъ, изъ коихъ нѣсколько позже отличался въ особенности нѣкій Аѳронгъ (*Ἀθρόγγης*), который такъ же, увѣнчавъ свою пастушескую главу царскою діадимою, гулялъ по всей Іудеѣ, истребляя повсюду ненавистныхъ Римлянъ, гдѣ бы только они ни попались. Такимъ образомъ, это было своего рода Іудейское „смутное время“, когда вся страна наэлектризовалась ненавистію къ чуждому преобладанію, и, пользуясь наступившимъ междуцарствіемъ, каждый спѣшилъ по-своему ловить рыбу въ мутной водѣ, забывая, что единодушное возстаніе за свободу родины было бы теперь главною священною обязанностію, и никогда не имѣло столько шансовъ на успѣхъ.

Встревоженный состояніемъ Іудеи, Варъ мобилизовалъ два послѣднихъ Сирійскихъ легіона, присоединилъ къ нимъ вспомогательныя войска нѣкоторыхъ царей и четвертовластниковъ и поспѣшилъ на выручку Іерусалимскаго легіона, усмиряя по пути огнемъ и мечемъ неблагополучныя по войнѣ мѣстности [1]). Заслышавъ о приближеніи грозныхъ римскихъ силъ, осаждавшіе Іерулимскій дворецъ Іудеи, преобладающее большинство коихъ составляли провинціалы, прибывшіе въ Іерусалимъ на праздники, потеряли мужество и разбѣжались, предоставляя коренному населенію города расплачиваться за все происшедшее. Моментально поспѣшилъ испариться также и Сабинъ, злодѣянія котораго не обѣщали ничего хорошаго при безпристрастномъ разборѣ дѣла Варомъ. Успокоивъ Іерусалимъ и казнивъ главныхъ зачинщиковъ, коихъ нашлось сразу до 2000 человѣкъ, Варъ „водворилъ порядокъ“ въ странѣ, и позволилъ даже Іудеямъ отправить къ Кесарю депутацію, чтобы отъ имени всего народа выразить нежеланіе имѣть кого бы то ни было изъ Иродіанъ царями и испросить у него позволенія жить по своимъ собственнымъ законамъ. Депутація, состоявшая изъ 50 знатнѣйшихъ Іудеевъ, застала въ Римѣ вопросъ о преемникѣ Ирода еще нерѣшеннымъ и произвела на Кесаря сильное впечатлѣніе, послѣ того какъ къ ней присоединили свой голосъ 8000 Римскихъ Іудеевъ. Въ собраніи, спеціально открытомъ для выслушанія этой депутаціи въ храмѣ Аполлона, Іудейскіе представители довели до свѣдѣнія слушателей длинный списокъ всѣхъ ужасныхъ и возмутительныхъ дѣяній Ирода и добрый починъ въ томъ же направленіи оставленнаго имъ въ преемники, и въ заключеніе этихъ достаточно убѣдительныхъ аргументовъ заявляли, что ни одинъ Иродіанинъ не пригоденъ болѣе для спокойнаго царствованія въ Палестинѣ и что спокойствіе это, на которое имѣетъ право всякая страна, теперь возможно единственно при предоставленіи Іудеѣ права жить по собственнымъ законамъ, хотя бы подъ

[1]) Этотъ походъ Вара зачисляется въ списокъ серьезнѣйшихъ войнъ съ Римлянами въ *κατὰ Ἰουδ.* 7 (въ періодъ отъ Помпея до Веспасіана). Имя Вара можно предполагать и въ порченомъ мѣстѣ Seder olam, кон., гдѣ говорится, что „отъ войны Asveros'a до войны Веспасіана 80 лѣтъ“. См. Schürer, I, 349, прим. 9. Grätz, III, 4 Aufl. 249 и 714 (зам. 18) Derenbourg, исторія 194 и др.

прокуратурой Рима. Геніально-ловкая изворотливость Николая Дамаскина, вступившагося за Архелая, въ значительной мѣрѣ ослабила эту аргументацію Іудеевъ, и состоявшееся вскорѣ же постановленіе Кесаря явилось въ слѣдующей резолюціи, утверждавшей въ существенныхъ пунктахъ Иродово завѣщаніе: *Архелай* получаетъ намѣченные ему удѣлы: Іудею, Самарію и Идумею, за исключеніемъ отписанныхъ къ Сиріи городовъ—Газы, Гадары и Гиппоса, и съ титуломъ *ἐθνάρχος* вмѣсто царскаго [1]); *Антипа* получаетъ *тетрархію* въ Галилеѣ и Переѣ, и *Филиппъ*—тоже въ Батанеѣ, Трахонитидѣ и Авранитидѣ.

Такимъ образомъ, монархія Ирода распалась на 3 отдѣльныя провинціи, изъ коихъ каждая закончила по-своему въ общемъ недолгую исторію.

Изъ данныхъ Евангелія о состояніи Іудеи непосредственно послѣ Ирода можно указать почти только одно упоминаніе имени его преемника Архелая. Но и при этомъ упоминаніи Евангелистъ даетъ характерное подтвержденіе данныхъ Іосифа о жестокости Архелаева правленія и смутныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ его воцареніе на престолѣ Ирода. „*Слышавъ, яко Архелай царствуетъ во Іудеи вмѣсто Ирода отца своего*,—читаемъ у Матѳея, Іосифъ обручникъ Пресв. Дѣвы *убояся тамо ити*..... и *отъиде въ предѣлы Галилейскія*“ [2]). Когда бы ни происходило описываемое Евангелистомъ событіе, до отправленія Архелая въ Римъ, когда ему пришлось усмирять бунтъ Іудеевъ, или уже по возвращеніи изъ Рима,—соль Евангельскаго замѣчанія остается во всей силѣ и, не смотря на краткость, подтверждаетъ блестяще мысль Іосифа, что Архелай былъ наслѣдникомъ столько же престола, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго кровожаднаго характера своего отца—Ирода.

---

§§ 35 и 36. Судьба тетрархій Филиппа (4 до—34 г. по Хр.) и Антипы (4 до—39 по Хр.).

Ἀρχ. XVIII, 2, 1; 4, 6; 10; περὶ ἀλ. II, 9, 1; 6, (о Филиппѣ).
Ἀρχ. XVIII, 2, 1 и 3; 4, 5; 5, 1—3; 7, 1—2; περὶ ἀλ. II, 9, 1; 6; Мѳ. XIV, 1—11; Мрк. VI, 14—28; Лк. III, 19 и д.; IX, 7—9; XIII, 31 и д.; XXIII, 7—12 (объ Антипѣ).

Судьбы всѣхъ наслѣдниковъ Иродовой монархіи рѣшились окончательно вскорѣ же и одинаково печальнымъ образомъ—обращеніемъ ихъ удѣловъ въ Римскія провинціи. Намѣреваясь посвятить судьбѣ Іудеи послѣ Ирода особый обзоръ, мы предпошлемъ ему обзоръ данныхъ Іосифа о состояніи и судьбѣ тетрархій, во главѣ коихъ стояли два меньшіе сына Ирода — Филиппъ и Антипа.

---

[1]) Послѣднее обѣщано было ему, если покажетъ себя того заслуживающимъ; очевидно, званіе *ἐθνάρχος* означало нѣчто бо́льшее или почетнѣйшее и болѣе рѣдкое, чѣмъ титулъ *τετράρχης*, означавшій маленькаго зависимаго князька. Изъ *ἐθνάρχος* извѣстенъ почти только Уркань II, получившій это званіе отъ Цезаря; напротивъ—тетрарховъ и тетрархій можно назвать безчисленное множество, см. Schürer, I, 350, прим. 12-е.

[2]) Мѳ. 3, 22.

§ 35. Исторія перваго съ его тетрархіей представляетъ мало чего либо выдающагося. Получивъ въ удѣлъ себѣ Батанею, Трахонитиду, Авранитиду, Гавланитиду, Панію [1]) и, по Ев. Лук. 3, 1, также Итурею,—области большею частію поздняго іудаизированія, при чемъ неіудейскій элементъ (сирійскій или греческій) даже былъ преобладающимъ,—Филиппъ, по своему кроткому характеру представлявшій настоящее исключеніе въ семьѣ Ирода, (честолюбивой, властолюбивой, жестокой и тираннической), не оставляетъ возможности сказать о себѣ что-либо другое, кромѣ похвальнаго. Мягко, справедливо и мирно управляя своимъ удѣломъ, онъ оставался вѣренъ традиціямъ своего отца въ томъ развѣ только, что подобно ему жаждалъ своей славы въ величественныхъ сооруженіяхъ. Памятникомъ этихъ трудовъ его остались два отстроенные имъ города—Кесарія [2]), названная такъ по имени Кесаря и извѣстная также въ Евангеліи (Мѳ. 16, 13; Мрк. 8, 27) подъ именемъ Кесаріи Филипповой, и Виѳсаида, названная въ честь дочери Кесаревой—Юліей [3]), заново воздвигнутый городъ, который Schürer склоненъ считать отличнымъ отъ упоминаемаго въ Евангеліи [4]), въ виду различія по мѣстоположенію. О мягкости и добросовѣстности Филиппова правленія любопытно замѣчаніе Іосифа, дѣлаемое имъ при упоминаніи объ его смерти [5]): „онъ обнаружилъ въ своемъ правленіи скромное и миролюбивое расположеніе духа. Всю свою жизнь онъ провелъ въ своемъ владѣніи. И когда куда выѣзжалъ, окружалъ себя самою небольшою свитою, и всюду за нимъ носимо было кресло, на которомъ онъ чинилъ судъ, и коль скоро встрѣчался кто-либо, имѣющій нужду въ его защитѣ, онъ безъ замедленія разбиралъ дѣло, садясь на кресло, и давалъ такой или иной приговоръ“. Къ Римлянамъ и Кесарю онъ старался быть въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, пользуясь, безъ сомнѣнія, особымъ благоволеніемъ у Кесаря, о чемъ могутъ свидѣтельствовать и созданные имъ города. Принимая въ соображеніе преимущественно язычествующее населеніе его удѣла, можно безъ удивленія отмѣтить, что эти отношенія достигали размѣровъ невозможныхъ для Іудеи; такъ по крайней мѣрѣ явствуетъ изъ того факта, что на монетахъ Филиппа прежде всего появились изображенія Кесаря, что, наряду съ изображеніемъ храма, посвященнаго Кесарю Иродомъ въ Панеѣ, придаетъ этимъ монетамъ типъ чисто языческій.

Изъ частной жизни Филиппа Іосифъ, между прочимъ, упоминаетъ о бракѣ его съ Саломіей, дочерью извѣстной изъ Евангелія Иродіады, при чемъ бракъ этотъ былъ бездѣтнымъ. Послѣ смерти Филиппа (на 37-году правленія и въ

---

[1]) Въ различныхъ мѣстахъ Іосифъ даетъ различное перечисленіе областей, входившихъ въ тетрархію Филиппа *Ἀρχ.* XVII, 8, 1; 11, 4; XVIII, 4, 6; *περὶ ἀλ.* II, 6, 3. Упоминаемая въ послѣднемъ случаѣ *Γάμνεια* безъ сомнѣнія есть *Πανειάδα Ἀρχ.* XVII, 8, 1; 11, 4. Мѣстоположеніе этихъ областей см. Schürer, I, 353, прим. 3.

[2]) На мѣстѣ древней Панеи у истоковъ Іордана, съ Авера отъ оз. Геннисаретскаго.

[3]) *Ἀρχ.* XVIII, 2, 1; *περὶ ἀλ.* II, 9, 1, при впаденіи Іордана въ озеро Геннисар.

[4]) I Schürer, 356, прим. 5; II т. 120.

[5]) *Ἀρχ.* XVIII, 4, 6.

20 г. Тиверія и $^{33}/_{34}$ по Хр.), тетрархія его была отчислена Тиверіемъ въ составъ Сирійской провинціи, сохраняя нѣкоторое время свободу въ сборѣ и употребленіи податей. Нѣсколько лѣтъ спустя тетрархіи Филиппа не только возвращена была самостоятельность Калигулою, подарившимъ ее (см. Schürer I, 373 прим. 45 лѣтомъ 39 г.) Агриппѣ, сыну казненнаго своимъ отцемъ Аристовула, слѣдовательно—внуку Ирода и Маріаммы [1]), но и отличена пожалованіемъ царскаго званія ея правителю. Фактъ этотъ важенъ, между прочимъ, по своей тѣсной связи съ другимъ, въ свою очередь важнымъ по своему отношенію къ исторіи Іоанна Крестителя.

§ 36. Оставляя исторію Агриппы въ качествѣ обладателя тетрархіи Филипповой до приличнаго ей мѣста, мы воспроизведемъ здѣсь исторію другой одновременной ей Галилейско-Перейской тетрархіи, правителемъ которой былъ Антипа, ближе соприкасавшійся къ Священной Исторіи и болѣе знакомый намъ по Евангельскимъ событіямъ.

Получивъ въ удѣлъ болѣе лучшую, плодородную и густонаселенную храбрыми и свободолюбивыми обитателями часть монархіи Ирода [2]), Антипа [3]) по своему характеру и правленію былъ настоящей копіей своего отца, которому онъ мало уступалъ коварствомъ, честолюбіемъ, корыстолюбіемъ и жестокостію (хотя Іосифъ и выражается о немъ *ἀγαπῶν τὴν ἡσυχίαν*) [4]). Лучшую характеристику его лукавства и хищничества дали ему уста Спасителя, наименовавшаго его „лисицей“ [5]). Какъ всѣ Иродіане, онъ не жалѣлъ средствъ на изысканныя сооруженія, и такъ же связалъ свое имя съ возстановленіемъ старыхъ или построеніемъ новыхъ городовъ [6]), между которыми особенною заботою объ украшеніи пользовался его главный городъ Тиверіада, имѣвшій въ значительной степени языческій характеръ [7]). Соприкасаясь предѣлами своей тетрархіи съ такими давними хищниками какъ Арабы, Антипа не мало способствовалъ обезопашенію своихъ подданныхъ вновь воздвигнутыми на окраинахъ страны укрѣпленными пунктами, да и самый бракъ его съ дочерью Арабскаго царя Ареты не безъ основанія заподозриваютъ въ простой политической разчетливости, обезпечивавшей покой его страны лучше всякихъ укрѣпленій и вооруженій, если только бракъ этотъ не былъ внушенъ ему Августомъ [8]).

Изъ времени прокураторства Пилата (26—36 по Хр.) надъ Іудеею, обра-

[1]) *Ἀρχ.* XVIII, 6, 10; *περὶ ἁλ.* II, 9, 6,

[2]) Во всякомъ случаѣ, съ тѣмъ же титуломъ тетрарха, какъ Мѳ. 14, 1, и Лук. 3, 19. а не царя (*βασιλεύς*), какъ Марк. 6, 14. Кромѣ Галилеи и Переи въ тетрархію Антипы входили и лежавшія между ними города *Декаполисъ* (Мѳ. 4, 25, Мрк. 5, 20, 7, 31).

[3]) Извѣстный по монетамъ и въ Новомъ Завѣтѣ болѣе подъ названіемъ „Ирода“.

[4]) *Ἀρχ.* XVIII, 7, 2.

[5]) Лук. 13, 32.

[6]) Сепфорисъ, Ливія или Юлія (Бетарамфѳа).

[7]) *στάδιον, βουλή*, дворцы съ лицеподобіями, наконецъ, населеніе въ значительной степени языческое.

[8]) Sueton. Aug. c. 48: Reges socios etiam inter semet ipsos necessitudinibus mutuis junxit, promptissimus affinitatis cujusque atque amicitiae conciliator et fautor.

щенною въ провинцію, Антипа заявляетъ себя вмѣстѣ съ своими братьями жалобою на упомянутаго прокуратора (вѣроятно, послѣ 31 г.) за постановку во дворцѣ Іерусалимскомъ оскорбительныхъ лицеподобій [1]) являясь и въ этой своей чертѣ настоящимъ сыномъ Ирода, не смотря на собственныя языческія сооруженія въ Тиверіадѣ, вынуждаемымъ выставлять себя, защитникомъ національно-Іудейскихъ интересовъ. Извѣстныя Евангельскія упоминанія о его путешествіяхъ въ Іерусалимъ на Пасху (Лк. 23, 7) и отсутствіе на его монетахъ какихъ-либо изображеній изобличаетъ ту же уступку его народнымъ воззрѣніямъ, столь же, впрочемъ, мало одухотворенную собственными соотвѣтствующими убѣжденіями на этотъ счетъ, какъ и у отца его Ирода.

За время послѣднихъ 10 лѣтъ, правленіе Антипы ознаменовалось инцидентомъ, стяжавшимъ ему столь печальную извѣстность и начавшимъ для него рядъ крайнихъ заключеній. Отправляясь въ Римъ—неизвѣстно по какому дѣлу и въ какое время—и посѣтивъ при отъѣздѣ своего своднаго брата Ирода, онъ увлекъ жену его [2]), честолюбивую Иродіаду [3]), по отношенію къ которой, имѣя въ виду неточное выраженіе у Евангелистовъ [4]), Филиппъ былъ не мужемъ, а зятемъ, (и, при томъ, никакъ не раньше убіенія Крестителя, см. Мѳ. 14, 11, Мрк. 6, 22, 28), женатымъ на ея дочери, Саломіи. Прелюбодѣйство не ограничилось единичнымъ увлеченіемъ: на предложеніе главнаго изъ прелюбодѣевъ Ирода Антипы продолжать беззаконіе подъ формально-заключеннымъ супружествомъ, другая (Иродіада) взяла съ него слово, что онъ отвергнетъ свою первую супругу—дочь Ареты—и дастъ возможность легальнаго водворенія въ его домѣ для продолженія преступной связи. Съ обѣщаніемъ этого, Иродъ поспѣшилъ въ Римъ. Беззаконное намѣреніе его не утаилось, между тѣмъ, отъ оскорбленной Арабской царевны, и послѣдняя поспѣшила предупредить катастрофу позорнаго отверженія добровольнымъ удаленіемъ къ своему родителю, тотчасъ же поднявшему въ отмщеніе ея оружіе. Столкновеніе враждовавшихъ сторонъ [5]) разрѣшилось полнымъ разгромомъ Иро-

[1]) Philo, Legat. ad Cajum § 38 (ed. Mang. II, 589), срв. Schürer I, 360 прим. 15.

[2]) Сынъ первосвященнической дочери Маріаммы 2-й, который по первому завѣщанію Ирода предназначался даже въ престолонаслѣдники.

[3]) Иродіада—дочь Аристовула, одного изъ казненныхъ Иродомъ сыновей.

[4]) Мрк. 6, 17. Въ паралл. мѣстѣ Мѳ. 14, 3 нѣтъ этого имени: въ код. Д. и у Тишендорфа (ед. VIII) оно заключено въ скобки; впрочемъ, согласіе большинства рукописей обезсиливаютъ поправку въ этихъ изданіяхъ; Лк. 3, 19 имя это выброшено. Попытка Winer'a и многихъ комментаторовъ поправить неточное выраженіе Евангелистовъ предположеніемъ, что мужъ Иродіады, по Іосифу, Иродъ могъ носить имя Филиппа, усвояемое ему Евангелистами (Иродъ Филиппъ) не возбуждаетъ довѣрія,—съ одной стороны, въ виду странности, чтобы два источника могли разойтись въ половинахъ двухсложнаго имени,—съ другой стороны, ввиду неменьшей странности, чтобы два сына Ирода носили одно имя Филиппа... Остается поэтому одно — констатировать неточность въ выраженіи Евангелія, вполнѣ возможную при запутанности этой огромной фамиліи.

[5]) Дѣло осложнилось еще размежеваніемъ земель въ *Галаадитисѣ*, (а не *Гамалитисѣ*, находившемся въ тогдашней тетрархіи Филиппа). Порча текста очевидна (*Ἀρχ.* XVIII, 5, 1). См. Schürer, I, 370, прим. 36.

довыхъ силъ, въ чемъ всѣ Іудеи видѣли наказаніе Божіе за убіеніе Іоанна Крестителя, совпавшее съ исторіей его беззаконнаго дѣянія съ Иродіадой. Дѣлаемое, по поводу сего послѣдняго замѣчанія, свидѣтельство Іосифа о Крестителѣ—одно изъ самыхъ важныхъ для насъ мѣстъ во всей Археологіи, и мы должны остановиться на немъ подробнѣе. Оно читается такъ:.. „(по кончинѣ Іоанна) многіе Іудеи думали, что Иродъ погибелію воинствъ наказанъ былъ отъ Бога въ отмщеніе за смерть Іоанна, проименованнаго Крестителемъ, ибо онъ повелѣлъ лишить жизни этого праведнаго мужа, возбуждавшаго Іудеевъ къ добродѣтели и соблюденію справедливости въ отношеніи другъ къ другу и благочестія въ отношеніи къ Богу, приводя ко крещенію; при этомъ крещенію придавалъ значеніе при томъ условіи, чтобы пользовались имъ для очищенія отъ пороковъ, а не для очищенія одного тѣла, и располагались душею къ справедливости. И какъ къ нему приходили многіе (ибо проповѣдію его весьма увлекались), то убоялся Иродъ, чтобы столь сильное вліяніе на умы не вызвало возстанія (ибо все старались они дѣлать по его совѣту); посему онъ счелъ за лучшее предупредить всякое осложненіе его, смертію, нежели послѣ возбужденія смуты раскаиваться въ допущенной небрежности. Такъ Іоаннъ *по этому подозрѣнію Ирода* былъ закованъ и въ вышеупомянутой крѣпости Махеръ заключенъ и тамъ убитъ. По кончинѣ его Іудеи думали, что послѣдовавшая воинству Иродову гибель была мщеніемъ Божіимъ за смерть сего мужа“ [1]).

Въ этомъ важномъ свидѣтельствѣ, подлинность котораго — кстати отмѣтить—никто не подвергалъ сомнѣнію, за исключеніемъ Blondel'a [2]), мы должны обратить вниманіе на тѣ черты, коими дополняется повѣствованіе о семъ Евангелія, и въ свою очередь дополнить первое такими чертами, коихъ оно не имѣетъ. Дополненіе это должно имѣть мѣсто въ характеристикѣ, во первыхъ, *дѣятельности* Крестителя, и во вторыхъ—*отношеній* его къ тетрарху Ироду. Что касается понятій Іосифа о покаянно-проповѣднической дѣятельности Іоанна, то выраженныя во вкусѣ образованнаго греко-римскаго міра, эти понятія оставляютъ желать лучшаго, уступая вѣрностію и точностію краткому показанію синоптическихъ Евангелій. Мы не будемъ настолько требовательны въ отношеніи къ нашему историку, чтобы обвинять его за умолчаніе о тѣхъ чертахъ ученія и крещенія Іоанновыхъ, по коимъ то и другое имѣли столь тѣсное неразрывное отношеніе ко пришествію Христа. Христіанскому чита-

[1]) XVIII, 5, 2.

[2]) epist. bei Haverk. II, 259. [Единственное основаніе, которое Blondel приводилъ не въ пользу свидѣтельства, это то, что оно нарушаетъ связь повѣствованія. Но это одно изъ замѣчаній, менѣе всего имѣющихъ права на уваженіе по его чисто субъективному характеру. При томъ § 2 вовсе и не вноситъ въ связь никакого нарушенія, ибо содержитъ одно изъ основаній не только пораженія Ирода, но и низложенія, въ дальнѣйшемъ бывшаго при Вителлiи.—Изъ внѣшнихъ свидѣтельствъ подлинности мѣста о Крестителѣ достаточно указать отъ II в. по Хр. на Оригена (прот. Цельса, pg. 35 ed. Spencer), опирающагося на это мѣсто Іосифа въ доказательство того, что и Іудеи знали *Ἰωάννην βαπτιστὴν εἰς ἄφεσιν ἁμαρτημάτων βαπτίζοντα.*

телю, хорошо знакомому съ Евангеліемъ, предоставляется самому взвѣсить этотъ пробѣлъ Іосифа, неизбѣжный въ его отреченіи отъ Мессіанской идеи. Мы же съ своей стороны только отмѣтимъ одну неточность, которая, такъ сказать, заставляетъ Іосифа довести свой нейтралитетъ по отношенію ко Христу не только до пренебреженія Имъ Самимъ, но и истиною самаго общаго, вполнѣ отвлеченнаго отъ Мессіанской идеи (насколько это возможно), представленія относительно крещенія Іоаннова. Мы по справедливости не должны оставлять Іосифа безъ этого упрека тамъ, гдѣ онъ, въ прямую противоположность не менѣе общаго и нейтралитетнаго по отношенію къ Мессіи понятія о крещеніи Іоанна у Ев. Марка (I, 4): „Іоаннъ..... проповѣдая крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ“,—ухитряется добавить *ἐφ' ἁγνείᾳ τοῦ σώματος.*

Зная цѣну такому игнорированію Мессіанскаго элемента въ дѣятельности Крестителя Іосифомъ, всѣ свои Мессіанскія чаянія и Іудейскія достоянія сложившимъ у ногъ Веспасіана и Римлянъ, въ пылу безразсудной лести, мы перейдемъ къ обсужденію тѣхъ мотивовъ, коими руководился Иродъ въ своихъ отношеніяхъ къ Іоанну, закончившихся столь печальною судьбою послѣдняго.

Слѣдуетъ вполнѣ одобрить то, что Іосифъ далъ мѣсто въ своемъ разсказѣ народному мнѣнію, что гибель Иродова войска была отмщеніемъ Божіимъ за кровь Праведника. Былъ или нѣтъ самъ Іосифъ того же мнѣнія—сказать трудно, но что онъ счелъ нужнымъ остановиться на немъ, показываетъ нѣчто большее его холоднаго безпристрастія. Важнѣе вопросъ, насколько вѣрна та *связь*, въ какой поставляетъ Іосифъ событіе убіенія Крестителя не съ *дальнѣйшею судьбою* Ирода, а съ *предшествующими отношеніями* его къ Іоанну,—насколько вѣрно объясненіе, что въ событіи заключенія Іоанна въ узы и казни его играли главную и, по Іосифу, какъ будто единственную роль *политическіе* мотивы, боязнь всенароднаго возмущенія, для котораго казалось достаточнымъ одного мановенія со стороны Іоанна къ народу, находившемуся подъ его могучимъ вліяніемъ? Какъ извѣстно, Евангеліе предлагаетъ другую причину заключенія и убіенія Іоанна—въ *обличеніяхъ*, коими праведникъ не давалъ покоя Ироду за преступное сожительство съ женою брата. Спрашивается, какое изъ этихъ двухъ объясненій даетъ болѣе дѣйствительные поводы къ устраненію Іоанна, и если оба они имѣютъ достаточную для того силу, нѣтъ ли какихъ либо особыхъ причинъ, побуждавшихъ Іосифа остановиться на такомъ, а не на иномъ объясненіи? Обыкновенно, большинство изслѣдователей не только совмѣщаютъ, какъ однородныя, оба указанныя объясненія, но и склонны бо́льшую важность придавать объясненію Іосифа, въ виду его *кажущагося* превосходства предъ объясненіемъ Евангелія, имѣющимъ болѣе частный, чуждый всякаго политическаго элемента, характеръ. Допуская то же самое совмѣщеніе обоихъ объясненій, отнюдь не исключающихъ другъ друга, мы, однако, не видимъ никакой нужды давать болѣе предпочтенія объясненію Іосифа. Безспорно и правдоподобно то, что движеніе, произведенное вдохновеннымъ проповѣдникомъ въ массахъ народа, могло дѣй-

ствительно безпокоить Ирода и, при крайне слабомъ тогда разграниченіи политическихъ и религіозныхъ надеждъ народа, повести къ броженію и въ политической области, не смотря на свой дотолѣ исключительно религіозный характеръ. Но мы имѣемъ также болѣе глубокія основанія утверждать, что такое проблематичное безпокойство Ирода должно было ослабляться до послѣдней степени корректнымъ и совершенно исключавшимъ всякія опасенія отношеніями Крестителя къ Ироду. По глубоко-вѣрному замѣчанію Евангелиста (Марк. 6, 20) Иродъ боялся всего болѣе именно *смерти*, а отнюдь *не жизни* любимаго народомъ Праведника. Мало того: онъ *„вѣдый его мужа праведна и свята, соблюдаше его“* (т. е. берёгъ его); болѣе того: *„послушавъ его, многа творяше“*, *и въ сладость его послушаше“*. Очевидно, нѣтъ никакой надобности придумывать болѣе сильное объясненіе трагической судьбы Крестителя, какъ то, какое находимъ у Евангелиста. Что могло быть сильнѣе для Ирода обстоятельства, что его *„Иродія гнѣвашеся“* на Обличителя ея беззаконнаго сожительства, и *„хотяше Его убити?“* И почему могло быть мало *одного* этого для убіенія Праведника, когда мы знаемъ столь ужасную силу женской злобы, въ особенности изъ фамиліи Ирода, когда знаемъ въ Иродѣ столь послушнаго раба своей одалиски, исполняющаго самыя безумныя ея прихоти, вродѣ поисковъ въ Римъ за титуломъ царства? Все это получаетъ еще болѣе убѣдительной силы, при соображеніи, какое мы считаемъ правдоподобнымъ для объясненія того, почему Іосифъ не остановился на этомъ, а нашелъ другое объясненіе. Онъ имѣлъ, кажется, на то свои особыя основанія, если только зналъ указываемую Евангеліемъ суть дѣла. Читая его разсказъ о бракѣ Ирода съ Иродіадой, нельзя не замѣтить, какъ онъ ослабляетъ беззаконность этого дѣянія до послѣдней возможной степени. Онъ какъ будто совсѣмъ отказывается усвоить этому дѣянію ту кличку, какой оно обычно заслуживаетъ, и представляетъ дѣло не болѣе ни менѣе, какъ самою заурядною исторіею второго вполнѣ законнаго брака съ законнымъ разводомъ въ завязкѣ. Самъ съ легкимъ сердцемъ „отпустившій“ отъ себя жену, родившую уже 3 сыновъ, чтобы перемѣнить ее на другую [1]), и вообще имѣвшій столь свободныя мнѣнія о бракѣ и разводѣ [2])—онъ, очевидно, не могъ удовлетворяться тѣмъ объясненіемъ, какое вошло въ Евангеліе, и пріурочиваетъ другое, болѣе общаго характера. Такимъ образомъ, въ томъ самомъ, что заставляетъ многихъ предпочитать объясненіе Іосифа, самимъ послѣднимъ заложены данныя, заставляющія при болѣе внимательномъ изслѣдованіи отдавать это предпочтеніе объясненію Евангелія.

Косвеннымъ опроверженіемъ объясненія Іосифа служитъ самое упоминаемое имъ мѣсто заключенія Іоанна: это была крѣпость Махерунтъ, по восточную сторону Мертваго моря, только что отвоеванная Иродомъ отъ аравійскаго Ареты [3]). Совершенно непонятно, при представленіи дѣла Іосифомъ, то, какимъ образомъ столь опасный узникъ могъ содержаться въ только что отвоеванномъ пунктѣ и вообще вблизи неблагополучныхъ по войнѣ мѣстъ? Здѣсь можетъ быть объясненъ только самый фактъ перехода къ Ироду названной крѣпости: послѣдняя именно могла быть возвращена Аретою Ироду подъ давленіемъ Тиверія, которому Иродъ успѣлъ пожаловаться на Арету, и во всякомъ случаѣ крѣпость эта была исконною принадлежностію Іудейской области, а не Ареты, оставаясь таковою и послѣ, не смотря на временный захватъ Аретою [1]).

[1]) *βίος*, §. 76.

[2]) См. его законы Моисеевы объ этомъ предметѣ.

[3]) Какъ полагаетъ Keim (Gesch. Jesu, I, 622).

Столкновеніе съ Аретою, мстившимъ за честь дочери, могло стоить Ироду большихъ жертвъ, если бы не вмѣшательство Кесаря. По приказу послѣдняго, Сирійскій намѣстникъ Вителлій, несмотря на несочувствіе Ироду, отправился на Арету войною, будучи обязанъ представить его живаго или мертваго. На пути въ этотъ неохотный походъ, Вителлій имѣлъ случай обнаружить весьма симпатичную благородную снисходительность къ Іудейскому народу, обратившемуся къ нему съ просьбой—не проходить чрезъ ихъ предѣлы съ знаменами, имѣвшими лицеподобныя изображенія: уступая этой просьбѣ, Вителлій направилъ свои легіоны обходомъ, и сверхъ того самъ заѣхалъ въ Іерусалимъ съ Иродомъ и друзьями своими, чтобы почтить Бога Іудеевъ приличными жертвами. Встрѣченный съ честію признательнымъ народомъ, умѣвшимъ показать себя здѣсь вполнѣ достойнымъ разумнаго снисхожденія, Вителлій пробылъ въ Іерусалимѣ три дня, успѣвъ за это короткое время—неизвѣстно почему—лишить первосвященническаго достоинства Іонаѳана и пожаловать оное Ѳеофилу, брату его. Пришедшее, затѣмъ, (на 4 день) извѣстіе о смерти Тиверія († 16 Март. 37 г.) сняло съ Вителлія непріятное для него полномочіе [2]), и оставивъ пораженіе Антипы безъ реванша, онъ вернулся со своими войсками въ Антіохію.

Около этого же времени должно было имѣть мѣсто участіе Ирода въ важныхъ переговорахъ между Вителліемъ и царемъ Парѳянъ, давшее поводъ для упомянутой ссоры Вителлія съ Иродомъ, при чемъ повѣствованіе объ этомъ Іосифа подлежитъ нѣкоторому исправленію. Суть дѣла такова. Парѳянскій царь Артабанъ, внушавшій давно уже опасенія своимъ неблагонадежнымъ сосѣдствомъ съ Римскими владѣніями со стороны Арменіи, подвергся опасной агитаціи со стороны своихъ близкихъ особъ, подкупленныхъ Вителліемъ. Спасая свою особу, Артабанъ удалился въ болѣе отдаленныя провинціи, между тѣмъ какъ Вителлій воспользовался этимъ для водворенія на Парѳянскомъ царствѣ римскаго претендента Тиридата (36 г.). Но вскорѣ же Артабанъ съ сильнымъ войскомъ низвергъ своего соперника и вернулъ свою власть [3]). Тогда Вителлій, по инструкціямъ изъ Рима, поспѣшилъ пригласить

[1]) *Ἀρχ.* XVIII, 5, 1. См. Александръ Іанней, Иродъ Стар., *περὶ ἁλ.* VII, 6, 2. — Hitzig (567) не безъ натяжки называетъ замѣтку о принадлежности крѣпости Аретѣ или случайною вставкою или даже ошибкою самого Іосифа. Такое объясненіе равносильно отказу отъ всякаго объясненія, и мало удовлетворяетъ.

[2]) Имѣвшее силу лишь при наличности Кесаря, по римско-государственному праву. Mommsen, Römisches Staatsrecht, I Aufl. II, I, 235. II, 2, 873.

[3]) Tacit. Annal. VI, 31—37; 41—44. Dio Cass. LVIII, 26. *Ἀρχ.* XVIII, 4, 4.

Артабана въ союзъ съ Римлянами, каковой и былъ заключенъ у Евфрата. Участіе Ирода въ этомъ событіи выразилось собственно только въ пышныхъ угощеніяхъ союзниковъ подъ богатымъ шатромъ на Евфратскомъ мостѣ; но успѣвъ предварить оффиціальное сообщеніе Вителлія о пріятныхъ результатахъ переговоровъ — своимъ частнымъ извѣстіемъ Кесарю, Иродъ предвосхитилъ похвалу послѣдняго за этотъ успѣхъ и оказалъ, такимъ образомъ, Вителлію „медвѣжью“ услугу, которой тотъ никакъ не могъ ему простить. Все это происходило, по представленію Іосифа, еще во время Тиверія, и, между прочимъ, смерть послѣдняго Іосифъ представляетъ удобнымъ поводомъ, который помогъ враждовавшему съ Иродомъ Вителлію прекратить походъ противъ Иродова врага Ареты. Однако, сопоставляя это извѣстіе съ точнѣйшими датами Светонія и Діона Кассія, а также не придавая значенія и молчанію Тацита въ VI кн. Лѣтописей, мы вправѣ придти къ заключенію, что описываемое Іосифомъ событіе должно было имѣть мѣсто уже при Калигулѣ. Впрочемъ, все недоразумѣніе здѣсь можетъ заключаться и въ одномъ имени. Если оставить дату Іосифа, что переговоры происходили во время Тиверія, то это были переговоры между Вителліемъ и *Тиридатомъ* лѣтомъ 36 г., а не Артабаномъ. Если же оставить имя Артабана въ переговорахъ съ Вителліемъ, тогда должно отодвинуть самое событіе ко временамъ Калигулы; поправку Іосифа въ послѣднемъ смыслѣ Schürer считаетъ болѣе вѣроятною, такъ какъ лѣтомъ 36 года Иродъ былъ вовлеченъ въ собственное дѣло съ Аретою, но для сохраненія другихъ, стоящихъ въ самой тѣсной связи датъ Іосифа, кажется болѣе удобною поправка перваго рода.

Честь жены и разрывъ съ Аретою были для Ирода не единственными жертвами страсти къ Иродіадѣ. Вскорѣ Иродъ принесъ въ жертву ея честолюбію свое господство и свободу. Это было въ самомъ началѣ царствованія Калигулы, при которомъ братъ Иродіады Агриппа успѣлъ добиться такой милости Кесаря, какъ тетрархія Филиппа съ царскимъ титуломъ.

Снѣдаемый завистію къ Агриппѣ и неотвязчивостію Иродіады, укорявшей его за недостатокъ раболѣпныхъ заискиваній предъ Кесаремъ, Иродъ отправился просить и себѣ царства у Кесаря, но уличенный посломъ Агриппы [1]) въ корыстолюбіи и нѣкоторыхъ компрометирующихъ его довѣріе къ Риму обстоятельствахъ, потерялъ и то, что имѣлъ: тетрархію его получилъ вызвавшій его зависть Агриппа (въ началѣ 40 года), а самъ онъ вмѣсто царства попалъ въ ссылку (въ Испаніи), гдѣ и кончилъ свою прелюбодѣйную и пророкоубійственную жизнь [2]) вмѣстѣ со своей обольстительницей, которая въ злой гордости не отказалась остаться вѣрною ему и въ несчастіи.

---

[1]) По *περὶ ἀλ.* II, 9, 6—Агриппа самъ отправился по слѣдамъ Антипы въ Римъ помѣшать его планамъ, а по *Ἀρχ.* XVIII, 7, 1—2 эту роль онъ возложилъ на своего отпущенника Фортуната; послѣднее вѣроятнѣе.

[2]) Замѣтка Діона Кассія пытается какъ будто сказать, что онъ былъ и казненъ Калигулою (LIX, 8)—„Калигула *Ἀγρίππαν τὸν τοῦ Ἡρῴδου ἔγγονον χύσας τε.... καὶ τῇ τοῦ πάππου ἀρχῇ προστάξας, τὸν ἀδελφὸν ἢ καὶ τὸν υἱὸν οὐχ ὅτι τῶν πατρῴων ἀπεστέρησεν, ἀλλὰ καὶ κατέσφαξε.* Вообще ссылка съ цѣлью казни была въ обыкновеніи Калигулы.

Такимъ образомъ, обѣ тетрархіи—Антипова и Филиппова объединились въ рукахъ одного властителя, Агриппы I, продолживъ послѣ небольшаго перерыва свое существованіе и при преемникѣ его Агриппѣ II, при которомъ знаменитая Іудейская война положила конецъ всѣмъ превратностямъ монархіи Ирода и начала новое существованіе всей Сиріи и Палестины въ качествѣ одной Сирійской провинціи.

Но прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію исторій Агриппъ I и II, мы удѣляемъ дальнѣйшее мѣсто обзору данныхъ Іосифа о судьбахъ третьей части Иродоваго наслѣдія—Іудеи, какъ имѣющей для насъ всего болѣе важности и соприкосновенности съ Евангельскими событіями.

§ 37. Судьба Іудеи послѣ Ирода. Архелай (4 до—6 по Хр.).

Ἀρχ. XVII, 13; περὶ ἀλ. II, 7.

Воля Ирода касательно Іудеи и Архелая, какъ уже извѣстно, осуществилась не вполнѣ. Изъ назначенныхъ ему завѣщаніемъ Ирода — Іудеи, Самаріи и Идумеи отъ него отобрали три большихъ города (Газа, Гадара и Гиппосъ) и, что всего существеннѣе, онъ не получилъ царскаго титула, отличенный отъ своихъ сонаслѣдниковъ лишь званіемъ *ἐθνάρχος'α* [1]).. Надо полагать, что обѣщаннаго ему при этомъ царскаго титула онъ не показалъ себя достойнымъ, разъ не получилъ онаго.

Это былъ настоящій *ὠμότης καὶ τυραννίς* — жестокій и грубый тиранъ, вполнѣ достойный сынъ своего отца, успѣвшій за самое непродолжительное правленіе оставить послѣ себя изъ всѣхъ его сыновей наиболѣе дурную память. Подобно Антипѣ, онъ усвоилъ себѣ фамильное наименованіе „Ирода“ [2]), и съумѣлъ дѣйствительно поддержать это „милое“ имя съ честію. Едва успѣвъ прибыть въ Іудею по утвержденіи въ своихъ правахъ, онъ уже ознаменовываетъ свое торжество произвольнымъ сверженіемъ первосвященника Іоазара и возведеніемъ на его мѣсто брата его Елеазара, котораго вскорѣ постигла та же участь. Не менѣе беззаконно заявилъ онъ себя присвоеніемъ себѣ Глафиры, жены своего брата Александра, не смотря на имѣвшихся отъ

Suet. Calig. 28, Dio Cass. LIX, 18. Philo, in Flaccum § 21 ed. Mang. II, 543 кон. По Іосифу, *περὶ ἀλ.* II, 9, 6, Иродъ умеръ въ ссылкѣ въ Испаніи, а по *Ἀρχ.* XVIII, 7, 2 мѣстомъ ссылки указывается городъ Лугдунумъ, въ Галліи. Изъ различныхъ попытокъ провѣрить эти даты, лучшую предлагаетъ Schiller, Gesch. der Röm. Kaiserzeit, I, 383, разумѣя подъ Лугдунумомъ нынѣшній Ліонъ или, во всякомъ случаѣ, къ Галліи принадлежащій Lugdunum Convenarum на сѣверномъ склонѣ Пиринеевъ.

[1]) Наименованіе его *βασιλεύς* у Мѳ. 2, 22 и у самого Іосифа XVIII, 4, 3 суть неточности. См. выше, стр. 364-я.

[2]) У Іосифа онъ нигдѣ не носитъ этого имени, но за то у Dio Cass. LV, 27. Тоже самое и на монетахъ его времени мы читаемъ *ἡρῳδου ἐθναρχου*. Достойно замѣчанія, что эти монеты такъ же не носятъ никакого лицеподобія. Schür. 375, прим. 4.

послѣдняго дѣтей и на проклятія Іудеевъ за свое беззаконіе [1]), усугубленное отверженіемъ первой своей жены (Маріаммы). Наряду съ неприглядными чертами характера, Архелай наслѣдовалъ отъ своего отца, подобно всѣмъ Иродіанамъ, также строительную горячку, въ результатѣ которой явились роскошно реставрированный Іерихонскій дворецъ съ его знаменитыми садами, и заново устроенная дача, названная имъ Архелаидою, прославившаяся также своими пальмовыми рощами.

Вскорѣ, однако, деспотизмъ и непосильное бремя Архелаева правленія переполнили мѣру терпѣнія его подданныхъ. Въ Римъ явилась новая депутація отъ іудейской и самарійской аристократіи и принесла Кесарю горькія жалобы на неоправдавшаго ожиданій еѳнарха. Разгнѣванный Кесарь, не желая даже лично сноситься съ Архелаемъ по этому дѣлу, тотчасъ же призвалъ къ себѣ его уполномоченнаго при Римскомъ дворѣ и немедленно повелѣлъ ему ѣхать въ Іудею и привезти своего господина къ себѣ.

Представъ суду Кесаря, Архелай не смогъ принести достаточнаго оправданія во взведенныхъ на него обвиненіяхъ, и тотчасъ сосланъ былъ (6 г. по Хр.) въ Галльскій городъ Віенну, провладѣвъ Іудеею около 9 лѣтъ [2]). Послѣ этого Іудея переходитъ подъ непосредственное Римское управленіе, и въ качествѣ „annexum“ Сирійской провинціи, управляется особымъ прокуратором изъ всадниковъ до 66 г., съ небольшимъ лишь перерывомъ 41 — 44, когда она еще разъ (и уже послѣдній) побывала подъ властію Иродіанина — (Иродъ Агриппа I).

§ 38. Іудея—Римская провинція (6—41 г. и 44—66 г.).

Ἀρχ. XVII, 13, 5. XVIII, 1—4, 8 и далѣе; περὶ ἀλ. II, 8—10, и далѣе.

Новое положеніе Іудеи въ качествѣ Римской провинціи можетъ быть представлено на основаніи данныхъ Іосифа въ такомъ видѣ.

Не состоя въ постоянной и непосредственной, а только, такъ сказать, экстренной зависимости отъ Сирійской провинціи [3]), Іудея (и позднѣе вся Палестина) получала собственнаго намѣстника изъ всадниковъ, называвшагося procurator'омъ [4]) и номинально зависѣвшаго отъ Императорскаго намѣстника

[1]) Ἀρχ. XVII, 13, 1 и 4; περὶ ἀλ. II, 7, 4.

[2]) Ἀρχ. XVII, 13, 2 „въ десятый годъ Архелая“... περὶ ἀλ. II, 7. 3, въ 9-й. По Dio Cass. LV, 27, это было въ консульство Эмилія Лепида и Люція Аррунція= 6 г. по Хр.

[3]) Въ Ἀρχ. XVII кон. и XVIII, 1, 1, Іудея представляется „приписанною“ къ Сиріи, какъ ея „appendix“ (προσθήκη τῆς Συρίας), а въ περὶ ἀλ. II, 8, 1 представляетъ её прямо самостоятельною провинціею, какъ представляется это и у Тацита, Annal. II, 42: provinciae Syria atque Judaea, и Hist. V, 9: Claudius.... Judaeam provinciam equitibus Romanis aut libertis permisit; тоже подтверждаетъ Светоній: Claud. 28: felicem, quem cohortibus et alis provinciaeque Judaeae praeposuit.

[4]) ἐπίτροπος. У Іосифа онъ называется также нерѣдко ἔπαρχος или ἡγεμών, по предпочтительному употребленію Новаго Завѣта и мн. другими тождественными наименованіями (цитаты см. Schür. I, 380, 23 и 24 пр.)

Сиріи [1]). Это былъ, такимъ образомъ, третій классъ Императорскихъ провинцій, по классификаціи Страбона [2]),—изъ тѣхъ, которыя по живучести и своеобразности своей культуры или по совершенной некультурности не представлялись удобными для строгаго введенія въ нихъ обычнаго обще-Римскаго порядка. Сохраняя относительную самостоятельность юрисдикціи въ своей провинціи, Іудейскій прокураторъ имѣлъ въ Сирійскомъ свой высшій контроль, съ правомъ и обязанностью послѣдняго въ особо важныхъ обстоятельствахъ являться для упорядоченія дѣлъ и направлять ихъ по собственному благоусмотрѣнію [3]). Извѣстны два случая, едва ли не исключительные, когда являвшіеся въ Іудею Сирійскіе намѣстники, можетъ быть, съ нарочитыми на то полномочіями, привлекали даже къ отвѣтственности мѣстную прокуратуру за упущенія или неисправности службы и лишали ихъ полномочій по собственному суду [4]).

Резиденціей прокуратора Іудейскаго былъ собственно не Іерусалимъ, а Кесарія [5]), гдѣ помѣщеніемъ для прокуратора служилъ (Дѣян. 23, 35) *πραιτώριον τοῦ Ἡρώδου*—дворецъ Ирода, обращенный въ преторіумъ. Только въ дни массоваго стеченія народа, по случаю большихъ праздниковъ въ Іерусалимѣ, прокураторъ обычно находился тамъ, въ предупрежденіе какихъ либо безпорядковъ, пребывая во дворцѣ Ирода [6]), представлявшемъ сильную крѣпость [7]), которая могла давать помѣщеніе цѣлымъ отрядамъ находившихся въ его распоряженіи солдатъ и выдерживать (какъ было при возстаніи въ 4 г. до Хр. и 66 по Хр.) не разъ продолжительныя осады во время народныхъ бунтовъ.

Какъ въ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ, судебная власть въ Іудейской провинціи оставлена была въ рукахъ туземнаго правосудія, руководившагося туземными законами, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ рѣшенія суда (хотя не всегда) нуждались въ подтвержденіи прокуратора, власть котораго простиралась въ данномъ случаѣ *μέχρι τοῦ κτείνειν ἐξουσίαν* [8]), съ не столь частыми допущеніями возможности апелляціи къ суду Кесаря [9]).

Вообще, подлѣ носившихъ внѣшній характеръ функцій дѣятельности прокуратора, Іудейскому народу на первыхъ порахъ была оставлена въ значи-

[1]) *περὶ ἀλ.* II, 8, 1; *τῆς δὲ Ἀρχελάου χώρας εἰς ἐπαρχίαν περιγραφείσης ἐπίτροπός τις (τῆς) ἱππικῆς παρὰ Ῥωμαίοις τάξεως Κωπώνιος πέμπεται.* срв. Ἀρχ. XVIII, 1, 1.

[2]) Strabo, XVII, 3, 25, p. 840: *εἰς ἃς μὲν πέμπει τοὺς ἐπιμελησομένους ὑπατικοὺς ἀνδρας, εἰς ἃς δὲ στρατηγικούς, εἰς ἃς δὲ καὶ ἱππικούς.*

[3]) Петроній, Ἀρχ. XVIII, 8, 2—9; *περὶ ἀλ.* II, 10, 1—5; Кассій Лонгинъ Ἀρχ. XX, 1, 1; Цестій Галлъ, *περὶ ἀλ.* II, 14, 3; 16, 1; 18, 9 и д.

[4]) Такъ Вителлій (Ἀρχ. XVIII, 4, 2) низлагаетъ Пилата (срв. Тацитъ Annal. VI, 32: cunctis quae apud orientem parabantur L. Vitellium praefecit. Подобнымъ образомъ Уммидій Квадратъ отсылаетъ въ Римъ Кумана (Ἀρχ. XX, 6, 2, *περὶ ἀλ.* II, 12, 6) срв. Tacit. Annal. 12, 54: Claudius.... jus statuendi etiam de procuratoribus dederat.

[5]) Ἀρχ. XVIII, 3, 1; *περὶ ἀλ.* II, 9, 2 (Пилатъ); XX, 5, 4;—II, 12, 2 (Куманъ), 14, 4 кон., 15, 6 кон., 17, 1 (Флоръ); Дѣян. 23, 23 — 33 (Феликсъ); 25, 1—13 (Фестъ); Tacit. Hist. II, 78: Caesaream.... Judaeae caput.

[6]) *περὶ ἀλ.* II, 14, 8; 15, 5; Philo, Legat. ad Caj, § 38 (Mang. II, 589).

[7]) Ἀρχ. XVII, 10, 2—3; *περὶ ἀλ.* II, 3, 1—4; 17, 7—8. срв. Мѳ. 27, 27. Мрк. 15, 16.

[8]) *περὶ ἀλ.* II, 8, 1.; II, 13, 2, Ἀρχ. XX, 1, 1; 5, 2. осужденіе Пилатомъ I. Хр.

[9]) Ἀρχ. XX, 6, 2, *περὶ ἀλ.* II, 12, 6;—XX, 8, 5,—II, 13, 2. *Βίος* 3.

тельной степени внутренняя свобода и самоуправленіе (свобода культа ограждалась даже государственной защитой) [1]). Присяга вѣрности Кесарю требовала отъ него болѣе союзничества, нежели вѣрноподданничества Кесарю, какъ это было уже во время Ирода [2]). Изъ характеристики внутренняго устройства страны Іосифомъ во времена прокураторовъ видно, что перемѣна въ положеніи дѣлъ послѣ Архелая сводилась въ сущности къ замѣнѣ монархическаго образа правленія аристократическимъ: *ἀριστοκρατία μὲν ἦν ἡ πολιτεία, τὴνδὲ προστασίαν τοῦ ἔθνους οἱ ἀρχιερεῖς ἐπεπίστευντο.* Если такъ, то аристократическій Синедріонъ, во главѣ съ первосвященникомъ *(προστάτης τοῦ ἔθνους)*, очевидно, отправлялъ собственно правительственныя функціи страны, роль же римскаго прокуратора de jure (de facto, однако, видимъ гораздо болѣе самодержавное вмѣшательство прокуратора въ дѣла Іудеи) должна была сводиться собственно къ простому надзору за правильностію и порядкомъ въ отправленіи этихъ функцій.

Располагая значительными военными силами для защищенія провинціи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, и надзирая за порядкомъ въ дѣлахъ правленія, прокураторы были также финансовыми чиновниками Императора, въ кассу котораго (fiscus, а не въ сенатское aerarium) поступали подати и пошлины съ Іудеи, какъ Императорской провинціи [3]), причемъ орудіемъ для сбора пошлинъ служили нерѣдко Іудейскія власти, въ свою очередь прибѣгавшія для того къ помощи особыхъ откупщиковъ, — мытарей [4]). Частыя поголовныя жалобы населенія, раздававшіяся на подати, какъ въ 17 г. по Хр. [5]), и пошлины, достаточно свидѣтельствуютъ, насколько эти операціи были тяжелы и ненавистны для Іудеевъ („мытари и грѣшники“ не только въ Евангеліи, но и въ раввинистической литературѣ фигурируютъ всегда вмѣстѣ);—что, въ связи съ участившимися за послѣднее десятилѣтіе до войны посягательствами на

[1]) *Ἀρχ.* XIX, 6, 3; XX, 5, 4; *περὶ ἁλ.* II, 12, 2. Космополитическое теченіе, характеризующее языческую набожность того времени, дѣлало даже возможнымъ, что знатнѣйшіе Римляне (и даже Кесари) приносили въ Іерусалимскомъ храмѣ жертвы и посылали ему дары, *περὶ ἁλ.* V, 13, 6; Philo, Legat. ad Caj. § 23 и 40, 37, *Ἀρχ.* XVI, 2, 1, XVIII, 5, 3. Охраненіе ризницы и сокровищницъ храма составляло особенную обязанность прокураторовъ *Ἀρχ.* XX, 1, 3; 9, 7, XVIII, 4, 3, XX, 1, 1—2. XV, 11, 4.

[2]) *Ἀρχ.* XVIII, 5, 3. Наоборотъ, распространенный тогда по всей имперіи культъ Кесаря не простирался на Іудею. Ограничивались двукратнымъ ежедневнымъ принесеніемъ жертвы „за Кесаря и Римскій народъ“, по Филону, *ἐκ τῶν ἰδίων προσόδων* Августа, по Іосифу, повидимому, и за счетъ самаго народа (Philo, Legat. ad Caj § 23 и 40; *περὶ ἁλ.* II, 10, 4; 17. 2—4; *κατὰ Ἀπιῶν.* II, 6, кон.

[3]) „Достоитъ ли намъ даяти дань Кесареви“? (Мѳ. 22, 17 и д. Мрк. 12, 14 и д. Лк. 20, 22 и д.).

[4]) *περὶ ἁλ.* II, 14, 4. Лук. 19, 1—2, Plin. Hist. nat. XII, 63—65. Strabo, 748. *Ἀρχ.* XII, 4, 3. Что касается сбора податей, то въ послѣднее время римскіе императоры избѣгали отдачи на откупъ и пользовались для того особыми собственными чиновниками, помощниками прокуратора.

[5]) Tac. Annal. II, 42: provinciae Syria aetque Judaea, fessae oneribus, deminutionem tributi orabant.

его священнѣйшія достоянія и чувства, дало столь много горячаго матеріала для поголовнаго ополченія Іудеевъ за свои права.

Какъ ни бѣдственно было для Іудейства правленіе Ирода и его сыновей, сообщавшихъ своею римофильскою политикою тотъ особый колоритъ національно-Іудейской жизни, который Спаситель наименовалъ „Иродовою закваскою“,—однако, новое положеніе Іудеи, существенно измѣнившееся съ обращеніемъ ея въ Римскую провинцію, представляло еще болѣе данныхъ для обезличенія Іудейской народности, еще болѣе опасности для драгоцѣннѣйшихъ завѣтовъ и идеаловъ оной, чѣмъ прежде. При всемъ своемъ римофильствѣ, Иродіане были или достаточно разсудительны, или слишкомъ безсильны, чтобы посягать на то, что было неприкосновеннымъ правомъ народа, — на его священнѣйшія чувства. Чуждые признанія этихъ правъ на исключительность, римляне, понятно, не желали знать никакой неприкосновенности въ религіозныхъ воззрѣніяхъ фарисеевъ и соблюденіяхъ заповѣдей, опутывавшихъ подобно сѣти ежедневную жизнь Іудея, и тѣмъ болѣе не могли предчувствовать, чтобы весь народъ въ самыхъ заурядныхъ и, по видимости, безразличныхъ вещахъ готовъ былъ противопоставить всякимъ принудительнымъ мѣрамъ добровольное обреченіе на поголовное самоуничтоженіе. Усугубивъ свою чуткость ко всякимъ обезличивающимъ его національную физіономію до небывалыхъ размѣровъ, этотъ народъ видитъ теперь даже въ такихъ съ точки зрѣнія Рима совершенно безобидныхъ мѣропріятіяхъ, какъ перепись (census), посягательство на священнѣйшія права своей Богопринадлежности [1]), и часъ отъ часу приходитъ къ тому ужасному убѣжденію, что непосредственное Римское управленіе, которое одно время даже предпочиталось подчиненію власти Иродіанъ, еще болѣе несовмѣстимо съ правами Ѳеократіи. Очевидность горькой истины и соотвѣтствующее разочарованіе интенсивно возрастали по мѣрѣ того, какъ олицетворителями власти Рима въ Іудеѣ стали выступать все болѣе и болѣе недостойныя личности, которыя, какъ всѣ чины низшаго ранга, бахвальствуя своимъ самовластіемъ, считали за ничто приносить въ жертву своимъ низкимъ страстямъ самыя законныя требованія народа, пока, наконецъ, это гнуснѣйшее издѣвательство надъ нимъ и отчаяніе заглушило всякія надежды на лучшее и подвигло на смертельную борьбу, закончившую такъ печально судьбы Израиля.

Оба прокуратурныхъ періода, пережитыхъ Іудеею въ качествѣ Римской провинціи, составляются одинаковымъ числомъ прокураторовъ—7. Посему, для большей опредѣленности, все дальнѣйшее, сверхъ самостоятельнаго дѣленія на §§, естественно представляется въ II отдѣлахъ: I. Первая седмерица прокураторовъ (6—41 г.), и послѣ перерыва (царствованіе Агриппы I, 41—44 г.)—II. Вторая седмерица прокураторовъ (44—66 г.).

[1]) Срв. также *Ἀρχ.* XVIII, 3, 1; *περὶ ἁλ.* II, 9, 2—3. XVIII, 5, 3.

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

Ἀρχ. XVIII кн.

I. ПЕРВАЯ СЕДМЕРИЦА ПРОКУРАТОРОВЪ.

§ 39. Прокураторы, современные Христу.

Свидѣтельства Іосифа о переписи, о Христѣ, о Крестителѣ и о св. Ап. Іаковѣ.

Назначеніе перваго прокуратора Іудейскаго, которымъ былъ *Копоній*, совпало съ отправленіемъ въ Сирію новаго Сирійскаго намѣстника, *Квиринія*, получившаго отъ Кесаря нарочитое повелѣніе—произвести въ новоприсоединенной области „*census*“, то-есть **перепись** населенія и недвижимости, съ цѣлью установленія по римскому обычаю соотвѣтствующихъ податей. По всѣмъ даннымъ Іосифа и самаго дѣла, это важное событіе какъ будто имѣло мѣсто по низложеніи Архелая и по формальномъ объявленіи Іудеи Римскою провинціею, то-есть—не позже и не раньше 6/7 год. по Хр. принятаго лѣтосчисленія, а, значитъ, по точному разстоянію отъ Рождества Христова—спустя по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ послѣ упоминаемаго Евангелистомъ Лукою, какъ современнаго Рождеству Христову, событія: „*изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа написати всю вселенную*“ (Лк. 2, 1).

Въ виду этого, оставивъ пока Квиринія выполнять порученіе Кесаря, мы не можемъ миновать столь любопытнаго разногласія двухъ свидѣтельствъ, при тождествѣ дѣйствующихъ лицъ и условій, не оставляющихъ, повидимому, сомнѣнія въ томъ, что они имѣютъ въ виду одно и то же событіе, и, однако, приводящихъ въ столь неудобное столкновеніе авторитетъ компетентнаго свѣтскаго историка съ авторитетомъ не менѣе компетентнаго Евангелиста.

Крайнее обостреніе этого столкновенія свидѣтельствъ усугубляется ихъ полною, повидимому, непримиримостію и неизбѣжностію въ томъ и другомъ случаѣ самыхъ вопіющихъ уступокъ при попыткахъ къ примиренію. Отождествленіе событія, свидѣтельствуемаго Іосифомъ, въ пользу упоминаемаго Лукою—нарушаетъ и дату, и смыслъ, и всякую умѣстность событія при другихъ условіяхъ. Отождествленіе событія, свидѣтельствуемаго Лукою, въ пользу Іосифа—нарушаетъ столь тѣсную и едва ли выдуманную, конечно, связь съ этимъ событіемъ другого важнѣйшаго,—т. е. прибытія въ Виѳлеемъ со Своимъ Обручникомъ Пресв. Дѣвы для рожденія здѣсь Обѣтованнаго Спасителя [1]).

[1]) Ни римскій, ни іудейскій способы переписи не требовали присутствія Дѣвы Маріи въ Виѳлеемѣ; посему она сопровождала лишь Іосифа въ Виѳлеемъ случайно; могло быть также, что оба они были рады оставить Назаретъ и переселиться въ Виѳлеемъ... Это подтверждается послѣ тѣмъ, что потребовалось даже особенное повелѣніе Божіе, чтобы заставить Іосифа покинуть избранное имъ мѣстопребываніе и возвратиться въ Галилею (Мѳ. II, 22). Эдершеймъ, I. 233 стр.

Спрашивается теперь (и это одинъ изъ самыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ—какъ для критикановъ, такъ и защитниковъ Евангелія), въ какомъ отношеніи дѣйствительно должны стоять оба указанныя свидѣтельства, суть ли они, во первыхъ, совершенно *тождественны* по отмѣчаемому въ нихъ событію, и если да, то какая изъ двухъ различныхъ датъ имѣетъ больше основаній къ принятію,—та ли, которая усвояетъ этому событію мѣсто послѣ смерти Архелая (10 г. отъ Р. Х., какъ у *Іосифа*)—или та, по которой описываемое событіе совпадало съ рожденіемъ Спасителя и падало, слѣдовательно, на 1-й годъ Р. Хр. и на послѣдній годъ Ирода (какъ у *Евангелиста*)? Во вторыхъ,—если нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній для отождествленія этихъ событій, и если оба они не должны быть выдумкою, то оба ли они истинны, или мы должны пожертвовать однимъ изъ нихъ въ пользу другого?

Опредѣленному рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ мы должны предпослать установленіе точнаго понятія о переписи временъ имперіи Римской вообще, и установленіе такого же понятія о переписи, имѣвшей мѣсто въ разсматриваемомъ частномъ случаѣ.

Перепись временъ имперіи Римской была двоякаго рода: общая и частная; первая, простиравшаяся на всѣхъ подданныхъ, не исключая римскихъ гражданъ, производилась въ цѣляхъ статистики или ради имѣющихъ съ нею связь религіозныхъ торжествъ; вторая, практиковавшаяся во времена имперіи лишь для провинцій, преслѣдовала какъ главную цѣль — упорядоченіе поступавшихъ въ Римскую казну податей. Послѣднія были двухъ родовъ: tributum soli или agri (подоходный налогъ) [1]) и tributum capitis (подушной окладъ) [2]). Tributum capitis простирался также на женщинъ и рабовъ, начиная съ 14-(для муж. пола) и 12-лѣтняго (для жен. пола) возраста и оканчиваясь по достиженіи 65 лѣтъ въ томъ и другомъ случаѣ [3]). Способъ переписи, производившейся въ цѣляхъ упорядоченія податей (edere, deferre censum, profiteri), состоялъ обыкновенно въ томъ, что глава фамиліи приводилъ въ извѣстность предъ командированнымъ на то цензоромъ свои имѣнія за себя и за всю свою фамилію, при чемъ его показанія, проконтролированныя цензоромъ, давали матеріалъ переписи. Для удобства область, подлежавшая переписи, дѣлилась обыкновенно на участки [4]), въ главныхъ центрахъ коихъ и принимались показанія

[1]) По Іосифу, онъ уплачивался не только деньгами, но и натурой, такъ „3-я часть свѣта (т. е. сѣв. Африка безъ Египта) ежегодно удовлетворяла продовольствіемъ Римъ въ теченіи 8 мѣсяцевъ; Александрія—за 4 мѣс. *περὶ ἀλ.* II, 16, 4.

[2]) Digest. L, 15, 8, § 7 (изъ Paulus, нач. III в.): Divus Vespasianus Caesarienses colonos fecit, non adjecto, ut et juris Italici essent; sed tributum his remesit capitis: sed Divus Titus etiam solum immune factum interpretatus est, срв. Appian. Libyca, 135; *τοῖς δὲ λοιποῖς φόρον ὥρισαν ἐπὶ τῇ γῇ καὶ ἐπὶ τοῖς σώμασιν.* Dio Cass. LXII, 3. Tertull. Apolog. 13: agri tributo onusti viliores, hominum capita stipendio censa ignobiliora.

[3]) Digest. L. 15, 3 pr. (изъ Ulpianus, нач. III стол.): aetatem in censendo significare necesse est, quia quibusdam aetas tribuit, ne tributo onerentur; veluti in Syriis a quatuordecim annis masculi, a duodecim feminae usque ad sexagesimum quintum annum tributo capitis obligantur, aetas autem spectatur censendi tempore.

[4]) Допускалось примѣненіе къ обычаямъ страны, какъ видимъ на Іудеѣ, гдѣ

всѣхъ, имѣвшихъ какую либо собственность въ томъ или другомъ участкѣ [1]). Періодическимъ срокомъ для возобновленія ценза, по мнѣнію Huschke, было каждое десятилѣтіе и даже 5-лѣтіе [2]), а по мнѣнію Zumpt'a, это неудобство устранялось постояннымъ существованіемъ особаго переписного или податного бюро, на обязанности котораго лежало непрерывное пополненіе и исправленіе переписныхъ листовъ.

Сопоставляя съ этими данными о переписи повѣствованіе Ев. Луки II, 1—5, по которому ко времени рожденія І. Христа, слѣдоват. во всякомъ случаѣ еще при жизни Ирода (Луки, 1, 5. Мато. 2, 1 — 22), вышло „повелѣніе“ *(δόγμα)* Кесаря Августа „описать всю вселенную“—*ἀπογράφεσθαι πᾶσαν τὴν οἰκουμένην*, и имѣя ввиду, что по смыслу этого повѣствованія—во первыхъ, упоминаемое Евангелистомъ событіе простиралось на весь orbis Romanus, подъ понятіемъ котораго, строго говоря, должно мыслить не только провинціи, но и самую Италію и вообще все населеніе и съ правами римскаго гражданства, во 2), что перепись, слѣдовательно, никакъ не ограничивалась Палестиною, въ 3), что она имѣла своею цѣлію *ἀπογραφεῖν*, счисленіе, т. е. болѣе общее, чѣмъ *ἀποτιμᾶν*—наложеніе податей, являвшееся результатомъ переписи, и наконецъ, въ 4-хъ, что эта перепись *πρώτη ἐγένετο ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου*,—мы наталкиваемся на массу недоумѣній, заставляющихъ какъ будто подозрѣвать здѣсь не мало капитальныхъ, хотя и не столь неизвинительныхъ для Евангелиста, неточностей. Прежде всего Евангелистъ простираетъ перепись на весь orbis Romanus, между тѣмъ какъ придаетъ ей такія черты, которыя заставляютъ, повидимому, исключить изъ этого „orbis“ не только населеніе Италіи и многихъ колоній съ правами римскаго гражданства, какъ неподлежавшее переписи этого рода (съ цѣлью податей) [3]), но и весь конгломератъ остальныхъ Римскихъ провинцій, могущихъ носить это названіе (orbis Romanus) въ болѣе узкомъ смыслѣ, такъ какъ полномочія Квиринія ограничивались лишь Сирійскою и Палестинскою провинціями.

Далѣе, Евангелистъ называетъ эту перепись „первою“ *ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου*. Спрашивается, что хочетъ сказать этимъ Евангелистъ [4])?

приходятъ давать показанія „каждый во свой градъ“. Впрочемъ, при неизвѣстности, какого рода была эта перепись, нельзя достовѣрно установить и того, можно ли это считать примѣненіемъ.

[1]) Digest. L, 15, 4 § 2 (изъ Ulpianus, нач. III ст.): Is vero, qui agrum in alia civitate habet, in ea civitate profiteri debet, in qua ager est; agri enim tributum in eam civitatem debet levare, in cujus territorio possidetur.

[2]) Съ IV ст. по Хр. такимъ періодомъ былъ 15-лѣтній индиктіонъ (Marquardt Staatsverwaltung, II, 236—238).

[3]) А на такую именно цѣль перепись, помимо самой связи ея съ извѣстнымъ цензомъ Квиринія, указываетъ необходимость для всѣхъ отправиться „кождо во свой градъ“, (т. е. въ центральные пункты переписныхъ участковъ, вслѣдствіе чего и Іосифъ отправляется изъ Галилеи въ Виѳлеемъ, чтобы записаться здѣсь съ Маріею (если *σὺν Μαριάμ* относится къ *ἀπογράψασθαι*).

[4]) Подлинный текстъ выраженія Евангелиста имѣетъ 2 варіаціи, отличающіяся едва замѣтнымъ оттѣненіемъ мысли посредствомъ члена *ἡ* предъ *ἀπογραφὴ*: *αὕτη* (*ἡ*) *ἀπογραφὴ πρώτη ἐγένετο ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου*. Обѣ варіаціи имѣютъ для себя сильныя основанія въ древнѣйшихъ рукописяхъ; существеннаго значенія членъ въ данномъ случаѣ никакого не имѣетъ, и въ обоихъ случаяхъ остается одинъ и тотъ же смыслъ.

То ли, что это была *первая* всеобщая перепись имперіи, или что это была первая римская перепись *для Іудеи*, или же, наконецъ, что это была первая изъ *нѣсколькихъ* связанныхъ съ именемъ Квиринія переписей? Въ первомъ случаѣ мы рискуемъ приписать Евангелисту признаніе нѣсколькихъ всеобщихъ переписей во времена Августа, въ то время какъ даже и одна-то изъ такихъ переписей является еще слишкомъ проблематичною; во второмъ и третьемъ случаѣ дѣло затрудняется тѣмъ, что извѣстна вообще всего только одна перепись Квиринія, по всей видимости, общая у Іосифа съ Евангелистомъ Лукой [1]).

Та же неточность проглядываетъ въ хронологической датѣ Евангелиста, по которой перепись происходила а) по повелѣнію Кесаря Августа, слѣдовательно, въ его царствованіе и при жизни Ирода, и б) въ правленіе Сиріею Квиринія, начавшееся по точнымъ даннымъ съ 6 г. по Р. Х.

а) Хронологическая неточность или неясность Евангелиста вызвала оживленнѣйшую полемику между учеными, не чуждую слабыхъ сторонъ какъ у опровергавшихъ точность даты Луки, такъ и у пытавшихся отстоять оную. Такъ Huschke [2]) и Wieseler [3]) ссылались на rationarium или breviarium totius imperii, роспись промышленно-продовольственной производительности и состоятельности царства, которую Августъ, какъ заботливый финансистъ, предпринялъ съ цѣлію упорядоченія разстроенной финансовой части въ Имперіи (Sueton. Aug. 28, 101; Dio Cass. LIII. 30, LVI, 33, Tac. Ann. I, 11) [4]). Zumpt [5]) не безъ основанія ограничиваетъ эту заботливость Августа упорядоченіемъ центральнаго государственнаго управленія и не видитъ здѣсь указанія на всеобщую перепись царства; но, съ другой стороны, съ неменьшимъ успѣхомъ противится ему вышецитованное мѣсто Тацита, свидѣтельствующее, что Августъ получалъ подати также въ областяхъ союзныхъ царей *(reges socii)*, хотя это многозначительное мѣсто и не позволяетъ еще привязать сюда фактъ переписи въ ихъ областяхъ. Столь же мало доказательною (хотя напрасно) находитъ Schürer ссылку Huschke (37—45) на Dio Cass. LIV, 35 и LV, 13 [6]), особенно въ первомъ мѣстѣ, гдѣ указывается на честный поступокъ

---

[1]) Хотя при этомъ, конечно, остается неустраняемымъ вопросъ, не повторялась ли эта перепись позднѣе по прошествіи узаконеннаго (5—10-лѣтній) періода и чрезъ повременное исправленіе окладныхъ листовъ.

[2]) 11 и д.

[3]) Synopse 82 и д. Beitrage, 52, 93.

[4]) Opes publicae continebantur, quantum civium sociorumque in armis, quot classes, regna, provinciae, tributa aut vectigalia, et necessitates ac largitiones. Quae cuncta sua manu perscripserat Augustus addideratque consilium coercendi intra terminos imperii, incertum metu an per invidiam.

[5]) Geburtsjahr Christi, 154.

[6]) Срв. Wieseler, Synopse 85—90. Beitrage 57. Zumpt, Geburtsjahr Chr. 126, 155.

Августа, который какъ частный гражданинъ пожелалъ, чтобы наложенію ценза, произведеннаго очевидно по его повелѣнію, подвергнуто было и все его имѣніе (*πάντα τὰ ὑπάρχοντά οἱ*),—и на Monumentum Ancyranum, довольствуясь, въ послѣднемъ случаѣ, простою отсылкою къ Wieseler'y [1]) и Marquardt'y [2]). Еще менѣе основательными считаетъ Schürer ссылки защитниковъ даты Луки на позднѣйшихъ свидѣтелей, каковы—Cassiodorus, Isidorus Hispalensis, Suidas [3]) и Orosius, въ виду того, что всѣ они были христіане и притомъ временъ позднѣйшихъ (6, 7 и 10 стол. по Хр.), а, значитъ, и свидѣтельства всѣхъ ихъ могли возводиться въ сущности къ Лукѣ, какъ своему первоисточнику.

Наряду съ отсутствіемъ достаточно надежныхъ слѣдовъ всеобщей переписи во времена Августа, оспариваютъ также всякую возможность ея въ частности для Іудеи временъ Ирода. Но какъ раньше, такъ и здѣсь—спорящія стороны не свободны отъ слабыхъ мѣстъ, колеблющихъ самые устойчивые на видъ доводы. Невозможность переписи для Іудеи за время управленія ея Иродомъ видятъ въ его относительной независимости отъ Рима, въ отношеніи къ которому онъ былъ не только rex socius, но и пользовался столь широкимъ довѣріемъ и дружбою; не хотятъ, съ другой стороны, придавать полнаго значенія важнымъ фактамъ, что обложеніе податью знакомо было Іудеѣ еще со времени Помпея, что Цезарь упорядочивалъ эти подати цѣлымъ рядомъ эдиктовъ, что, наконецъ, въ ближайшее къ описываемому время даже Антоній, при самомъ провозглашеніи Ирода царемъ, назначилъ ему подать. Подобнымъ же обоюдуострымъ мечемъ является довольно краснорѣчивое свидѣтельство Тацита,

[1]) Synopse. 90—92; Beitrage 58—64.

[2]) Rom. Staatsverwaltung, II, 205.

[3]) Huschke, 3 и д. Wieseler, Synopse 77, Beitrage 53—56. Rodbertus, V, 241 и д. Zumpt, 149—155.

Marquardt, II, 205 и д. Вотъ указанные свидѣтельства:

Cassiodorus: Variarum, III, 52: Augusti siquidem temporibus orbis Romanus agris divisus censuque descriptus est, ut possessio sua nulli haberetur incerta, quam pro tributorum susceperat quantitate solvenda.

Hoc auctor Hyrummetricus redegit ad dogma conscriptum, quatenus studiosus legendo possit agnoscere, quod deberet oculis absolute monstrare.

Срв. Mommsen, II, 177.

Isidor: Etymologiarium, V, 36, 4. Era singulorum annorum constituta est a Caesare Augusto: quando primum censum exegit, ac romanum orbem descripsit. Dicta autem era ex eo, quod omnis orbis aes reddere professus est reipublicae. Срв Wieselert, 78. Zumpt, 151.

Suidas, Lex. *ἀπογραφή: Ὁ δὲ Καῖσαρ Αὔγουστος ὁ μοναρχήσας εἴκοσιν ἄνδρας τοὺς ἀρίστους τὸν βίον καὶ τὸν τρόπον ἐπιλεξάμενος ἐπὶ πᾶσαν τὴν γῆν τῶν ὑπηκόων ἐξέπεμψε, δι' ὧν ἀπογραφὰς ἐποιήσατο τῶν τε ἀνθρώπων καὶ οὐσιῶν, ἀυτάρκη τινὰ προστάξας τῷ δημοσίᾳ μοῖραν ἐκ τούτων εἰσφέρεσθαι. Αὕτη ἡ ἀπογραφὴ πρώτη ἐγένετο τῶν πρὸ αὐτοῦ τοῖς κεκτημένοις τί μὴ ἀφαιρουμένων, ὡς εἶναι τοῖς εὐπόροις δημόσιον ἔγκλημα τὸν πλοῦτον.*

Orosius VI, 22, 6: Eodem quoque anno (752 a. U.) tunc primum idem Caesar.... censum agi singularum ubique provinciarum et censeri omnes homines jussit, quando et Deus homo videri et esse dignatus est. Tunc igitur natus est Christus, Romano censui statim adscriptus, ut natus est.

Срв. Riess. Das Geburthsjahr Chr. 69 и д.

Ann. VI, 41, [1]) допускающее истолкованіе и въ томъ, между прочимъ, смыслѣ, что примѣненіе ценза къ областямъ rex socius'овъ было не столь неслыханнымъ событіемъ для нихъ, какъ хотятъ думать нѣкоторые критики, не говоря уже о томъ, что представленія независимости Ирода отъ Рима грѣшатъ (это безспорно) значительною преувеличенностію. Такъ, между прочимъ, Schürer напрасно склоненъ не придавать особеннаго значенія [2]) такимъ фактамъ, какъ безправность Ирода въ веденіи воинъ, частыя обращенія къ Кесарю, напр. по дѣлу своихъ дѣтей, присяга въ вѣрности подданныхъ его Императору [3]), распространеніе въ Іудеѣ монетъ римской чеканки во времена Архелая, выраженіе Кесаря *Ἀρχ.* XVI, 9, 3 и т. д. и т. д. Въ высшей степени важенъ также ослабляемый Schürer'омъ фактъ, что во главѣ возстанія по поводу переписи сталъ Іуда Галилеянинъ, а также то обстоятельство, что Іосифъ съ Маріею, живя въ Галилеѣ, идутъ въ Іудею: это показываетъ, во всякомъ случаѣ, что перепись едва ли ограничивалась обращаемою въ провинцію Іудеею. И по Іосифову выраженію вовсе не видно, чтобы Квириній имѣлъ такія полномочія лишь относительно Іудеи. Гораздо болѣе: читаемъ у него, что Квириній посылается именно въ *Сирію* для чиненія въ народѣ суда и для исчисленія принадлежащихъ каждому имѣній (XVIII, 1, 1), и что онъ только кстати, между прочимъ, имѣлъ порученіе заѣхать и въ приписанную къ Сиріи Іудею. Такъ или иначе, основаній мало—ограничивать перепись лишь новыми условіями Іудеи и одною ею, а слѣдовательно, и считать наилучшимъ временемъ переписи обращеніе ея въ провинцію, а не когда-либо раньше.

Вообще же, не находя безусловно неоспоримыми и неотразимыми доводы противъ возможности всеобщей переписи во времена Августа и Ирода [4]), въ

[1]) per idem tempus Clitarum natio Cappadoci Archelao subjecta, quia nostrum in modum deferre census pati tributa adigebatur, in juga Tauri montis abscessit locorumque ingenio sese contra imbelles regis copias tutabatur.

[2]) Напрасно также Schürer преувеличиваетъ, наоборотъ, доказательную силу фактовъ, что, упоминая о сложеніи податей Иродомъ въ тяжкіе годы, или о просьбахъ Іудеевъ за ослабленіе этихъ податей, Іосифъ будто бы нигдѣ не упоминаетъ о возможности того же съ податьми римскими. Послѣднія могли представлять болѣе необходимое и неустранимое явленіе, чѣмъ подати Иродовы. Самъ Schürer не устраняетъ спорности вопроса, существовала ли для союзныхъ царей необходимость уплаты извѣстной подати, и не отрицаетъ спорадическихъ контрибуцій, взимавшихся Римомъ съ царей союзныхъ. А это вѣдь не далеко отъ правильной подати. И едва ли можно сказать, что Іосифъ не упоминаетъ нигдѣ объ этомъ: достойно замѣчанія особенно его упоминаніе о томъ, что Кесарь, утверждая завѣщаніе Ирода, сложилъ съ Самарянъ 1/4 годовыхъ податей за неучастіе въ мятежѣ противъ Вара. Если Schürer произвольно подразумѣваетъ здѣсь подати туземныхъ царей, а не римскія, то уже одно вмѣшательство Кесаря въ податныя дѣла значитъ болѣе, чѣмъ желалъ бы Schürer.

[3]) Правда, по Schürer'у, это была присяга не столько на подданство, какъ на союзничество, но вѣдь такою же присягою, по словамъ того же Schürer'а, обязывались Іудеи и по отношенію къ Ироду: почему же могъ Иродъ обращаться самовластно съ Іудеями и пользоваться правомъ налагать на нихъ подати, и не могъ того же, въ силу той же присяги, допускать Кесарь? Это во всякомъ случаѣ было бы странно.

[4]) Нельзя безусловно отвергать попытку нѣкоторыхъ (Wieseler, 100—105) привязать къ этому именно событію описываемое Іосифомъ возстаніе Іуды и Матѳея.

виду двусмысленности, неполноты и неточности древнѣйшихъ свидѣтельствъ, вообще ихъ малонадежности, — мы болѣе затрудненій встрѣчаемъ лишь при обсужденіи второй хронологической даты Луки, по которой перепись связывается съ именемъ Сирійскаго намѣстника Квиринія, правившаго Сиріей съ 7 г. новой христ. эры. Не находя достаточно обоснованнымъ увѣреніе Schürer'a, чтобы перепись Іудеи при обращеніи ея въ провинцію была вообще чѣмъ-то совершенно новымъ и неслыханнымъ,—мы затрудняемся, однако, противорѣчить, что она была таковою новостію съ именемъ Квиринія, и едва ли, эта его перепись 7 года [1]) можетъ быть поставляема въ какую либо связь съ предполагаемой 10 лѣтъ назадъ переписью, чтобы остаться вѣрнымъ повѣствованію Евангелиста. Всѣ гипотезы, придумываемыя для того, чтобы оставить упоминаемую Лукою перепись въ связи съ именемъ Квиринія, разбиваются о точныя хронологическія даты, касающіяся послѣдняго. Несомнѣненъ фактъ прежде всего, что во время Ирода Квириній не могъ быть намѣстникомъ Сиріи, такъ какъ должность эту занимали въ ближайшіе къ датѣ Евангелиста годы Сентій Сатурнинъ (9—6) и Квинктилій Варъ (6—4), причемъ послѣдній (съ 6—4 г. до Хр.) оставался на своемъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, еще полгода по смерти Ирода; между тѣмъ перепись въ послѣдніе мѣсяцы Ирода уже представляется по Евангелисту въ полномъ, такъ сказать, разгарѣ, такъ что ради нея именно Іосифъ съ Маріею, „сущею непраздною“ оказываются въ Виѳлеемѣ [2]). Попытка Huschke [3]), Wieseler'a [4]), Ewald'a [5]), Caspari [6])—чрезъ усвоеніе выраженію Евангелиста *πρώτη компаративнаго*, сравнительнаго значенія [7])—отрѣшить перепись Луки отъ связи съ Квириніевою, читая такъ: „эта перепись произошла (*πρώτη*) прежде того времени, когда Квириній

Правда, Іосифъ даетъ ему другую подкладку, но мы уже имѣли случай убѣдиться, что Іосифъ, помимо того, что не всегда понималъ истинную подкладку происшествій, допускалъ и намѣренное ихъ перетолкованіе. Да и почему надо непремѣнно допустить, что попытка переписи должна была сразу вызвать мятежъ народный. Ненависть могла быть затаена и выждать болѣе обильнаго накопленія горючаго матеріала, чтобы вспыхнуть во всенародномъ мятежѣ. Вѣдь и золотой орелъ не сразу слетѣлъ отъ злобы народа съ отведенной ему Иродомъ позиціи!...

[1]) По точному опредѣленію Іосифа, эта перепись была въ 37 году послѣ Актіумскаго сраженія, рѣшившаго участь Антонія, а послѣднее событіе было 2 Сент. 732 a. U., слѣд. 37-й годъ=осень $^{759}/_{760}$ a. U. или $^{6}/_{7}$ по Хр.

[2]) Это обстоятельство упускаетъ изъ виду Lutteroth, пытаясь показать, что дата Евангелиста *ἐν ταῖς ἡμέραις* должна быть понимаема въ неопредѣленномъ смыслѣ, не требуя непремѣннаго пріуроченія ея ко временамъ Ирода.

[3]) 78 стр.

[4]) 116—121, Beitrage 26—32, Stud. und Kritik 1875, 546.

[5]) V, 205.

[6]) 31 стр. (Chronologie)....

[7]) Примѣры подобнаго явленія Евангелію не чужды, какъ напр. Іоан. 1, 15, 30, впрочемъ, какъ не безъ основанія замѣчаетъ Schürer, такое значеніе *πρῶτος* имѣетъ лишь между двумя параллельными или аналогичными сопоставленіями, тогда какъ здѣсь, повидимому, сопоставленіе получается далеко не естественное (перепись при Иродѣ и намѣстничество Квиринія).

сдѣлался намѣстникомъ Сиріи“),—возбуждаетъ сильное недоумѣніе относительно того, почему Евангелистъ не предпочитаетъ болѣе естественнаго упоминанія имени того намѣстника, при которомъ именно произошла перепись, а указываетъ на другого, отъ нея отдаленнаго, не говоря уже о томъ, что *ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου* большинство авторитетныхъ толкователей (Winer, Buttmann, Zumpt, Bleek, Meyer и т. д.) признаютъ совершенно независимымъ отъ *πρώτη* genitivus absolutus, родительнымъ самостоятельнымъ. Если бы Евангелистъ хотѣлъ лучше отличить ту перепись отъ недавно произведенной Квириніемъ,—не хотѣлъ, чтобы послѣднюю смѣшивали съ тою,—то, помимо того, что эта цѣль лучше достигалась бы упомянутымъ способомъ, — въ такомъ случаѣ его способъ выраженія долженъ былъ бы принять слѣдующую болѣе точную форму: *αὕτη ἡ ἀπογραφὴ πρώτη ἐγένετο τῆς Κυρηνίου Συρίας ἡγεμονεύοντος γενομένης.*

Подобную же и столь же малоудачную попытку—если не совсѣмъ сгладить, то хотя по крайности ослабить, насколько это возможно, связь переписи Луки съ Квириніевой—Schürer видитъ у Gumpach'a [1]), Lichtenstein'a [2]), Kohler'a [3]), Steinmeyer'a [4]), Hoffmann'a [5]), толкующихъ выраженіе Евангелиста *ἐγένετο* въ смыслѣ окончательнаго *завершенія* или приведенія ея въ исполненіе ко времени Квиринія [6]). И надо замѣтить, что опроверженія Schürer'a въ данномъ случаѣ страдаютъ въ свою очередь наибольшею слабостію и малоубѣдительностію, и едва ли даже можно вообще счесть какимъ либо опроверженіемъ его ссылку на путешествіе Іосифа въ Виѳлеемъ, которое скорѣе всего ближе къ началу, а не къ окончанію переписи, какъ думаетъ онъ. Столь же поверхностно критикуется имъ извѣстное мѣсто Тертулліана, [7]) по мнѣнію котораго къ переписи привязано Лукою имя Квиринія вслѣдствіе того, что, начавшись при С. Сатурнинѣ (9—6 до Хр.) и продолженная Кв. Варомъ (6—4)—эта перепись закончена была при Квиринiи, въ первое его намѣстничество послѣ Вара, такъ какъ назначеніе его на это намѣстничество въ 6 г. по Хр. было уже

---

[1]) St. u. Kr. 1852, 666—669.

[2]) 78 стр.

[3]) Herzog, XIII, 463.

[4]) 36 стр.

[5]) VIII, 1, 49 стр. X, 64 и д.

[6]) Къ послѣдней категоріи толкователей принадлежитъ также Ebrard (224—231), съ тѣмъ лишь отъ первыхъ различіемъ, что онъ отдѣляетъ не указъ о переписи отъ приведенія его въ исполненіе и окончательное завершеніе, а расцѣночную перепись имѣній отъ основаннаго на ней распредѣленія податныхъ сборовъ. Schürer находитъ это невозможнымъ въ виду насильственнаго раздвоенія смысла *ἀπογραφὴ* и *ἀπογράφεσθαι*, стоящихъ въ столь близкой связи и едва ли допускающихъ неодинаковый смыслъ. Не оправдываетъ такого раздвоенія и предполагаемая вторая перепись, Квириніева, опиравшаяся, по описанію Іосифа, на самой себѣ и ни единымъ намекомъ не выдающая своего прецедента. Самъ Лука знаетъ, повидимому, одну перепись, тождество коей съ Іосифовою кажется очевиднымъ изъ его упоминанія объ Іудѣ Галилеянинѣ (Дѣян. 5, 37).

[7]) Adv. Marcion, IV, 19: sed et census constat actos sub Augusto nunc in Judaea per Sentium Saturninum, apud quos genus ejus inquirere potuissent.

вторымъ (см. Schür. 261). Не мѣшало бы удѣлить поболѣе вниманія столь древнему и далеко небезкомпетентному свидѣтельству, отъ котораго Schürer изловчается увильнуть почти только повтореніемъ Zumpt'овскаго [1]) афоризма, что отцы церкви „вообще при изученіи Евангельскихъ повѣствованій обходились безъ всякаго историческаго смысла". Дальнѣйшимъ и весьма основательнымъ развитіемъ или примѣненіемъ Тертулліановской даты было предположеніе Sanclemente [2]), принимаемое Gerlach'омъ [3]) и Quandt'омъ [4]), по которому Квириній дѣйствительно могъ быть посланъ въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго legatus ad census accipiendos въ Сирію, хотя бы и при Квинктиліи Варѣ (6—4), и, въ силу этого полномочія, произвести перепись, примѣры каковыхъ полномочій, помимо намѣстника, знаетъ и Schürer [5]). Выраженіе Евангелиста *ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηνίου* въ этомъ случаѣ вовсе не представляетъ какого либо неумолимаго препятствія къ допущенію предположенія Sanclemente, и въ крайнемъ случаѣ это выраженіе можетъ быть сочтено неточностію, тѣмъ болѣе возможною, что перерывъ между указаннымъ полномочіемъ и опредѣленіемъ Квиринія на Сирійское намѣстничество (второй разъ) измѣряется столь ничтожною цифрою не свыше 5 лѣтъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть весьма остроумной и не столь фантастичной догадки Aberle [6]), что въ послѣднее время Ирода въ дѣйствительности Сирійскимъ намѣстникомъ могъ быть именно Квириній; Квинктилій же Варъ только временнымъ его замѣстителемъ, пока Квириній по вызову Кесаря ѣздилъ въ Римъ. Отъ этого-то одновременнаго существованія двухъ намѣстниковъ—одного de jure (Квириній) и другого de facto (Квинктилій) и могло произойти то, что въ одно и то же время одного называетъ Лука, и другого Іосифъ.

Единственно цѣлесообразный выходъ изъ затрудненій, создаваемыхъ сопоставленіемъ свидѣтельствъ о переписи Іосифа и Луки, Schürer, прикрываясь такими громкими именами, какъ Höck, Mommsen, Hase, Winer, Bleck, De Wette, Meyer, Strauss, Hilgenfeld, Keim, Weizsäcker, Sevin, Lecoultre, Siefert—видитъ въ необходимости признать, что повѣствованіе Луки грѣшитъ противъ исторіи въ двухъ важныхъ пунктахъ: 1) что Лука усвояетъ Августу эдиктъ о переписи *всей* вселенной и 2) что самую перепись помѣщаетъ на 10 — 12 лѣтъ *ранѣе* дѣйствительнаго, пріурочивая къ ней путешествіе „родителей" Іисуса изъ Назарета въ Виѳлеемъ. Первое недоразумѣніе Schürer думаетъ объяснить тѣмъ, что Лука, имѣя неточныя свѣдѣнія о происходившихъ, можетъ быть, дѣйствительно во многихъ провинціяхъ, хотя и не одновременно, переписяхъ, м. б., перетолковывая извѣстное Reichsvermessung Августа, въ которомъ принималъ участіе Агриппа и о чемъ упоминаетъ Плиній, [7])—обобщилъ всѣ

[1]) 189.
[2]) IV, 6 (443—448 стр.).
[3]) 33—35 стр.
[4]) 18—25.
[5]) Unger, 54 стр.
[6]) Quartalschr. 1865, 129 стр. 1868, 29 и д.
[7]) Schürer, I, 435. Plinius Hist. nat. III, 2, 17: Agrippam quidem in tanta viri diligentia praeterque in hoc opere cura, cum orbem terrarum orbi spectandum propositurus esset, errasse quis credat? et cum eo divum Augustum? Is namque conplexam eum porticum ex destinatione et commentariis M. Agrippae a sorore ejus inchoatam peregit.

ихъ въ одну по всей вселенной и привязалъ къ эдикту, подобно тому, какъ это онъ дѣлаетъ въ замѣчаніи о голодѣ *ἐφ' ὅλην τὴν οἰκουμένην* (Дѣян. 11, 28) при Клавдіи. Въ устраненіе боязни приписать Евангелисту столь крупное недоразумѣніе Schürer ссылается на подобные же промахи другихъ высокопросвѣщенныхъ мужей древности, какъ, напримѣръ, Іустина мученика, который царя Птоломея, содѣйствовавшаго переводу LXX, выдаетъ за современника Ироду Стар. (Apolog. I, 31). И самъ Лука не свободенъ отъ другихъ ошибокъ, какъ напр. въ Дѣян. 5, 36, гдѣ онъ упоминаетъ о Ѳевдѣ, причемъ, заставляя его выступать *до* Іуды Галилеянина, тѣмъ самымъ помѣщаетъ его лѣтъ на 40 ранѣе. Можно бы Schürer'у привести сюда и еще неточное выраженіе Евангелиста Дѣян. VII, 16 и сколько угодно другихъ, но все это не сильно заставитъ насъ помириться съ возможностію столь грандіозной ошибки въ столь важномъ повѣствованіи Евангелиста, недаромъ же всего за одну какую нибудь главу назадъ возбуждавшаго такое довѣріе къ его авторитету (Лк. I, 1—4). Какъ бы ни былъ неточенъ Евангелистъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, были же вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, основанія назвать упоминаемую имъ перепись *первою*; если же была первая, отсюда необходимо предполагалась отличающаяся отъ ней *вторая*, а, можетъ быть, и рядъ нѣсколькихъ. Почему же такою *первою* должна быть именно Іосифова—Квириніева? Почему нельзя допустить, что Лука эту именно и хотѣлъ отличить отъ своей наименованіемъ ее первою? Schürer говоритъ, что исторія *не знаетъ* другой переписи. Но незнаніе это не есть, конечно, резонъ для подрыва другихъ знаній. Да и при томъ это незнаніе Schürer совершенно не вправѣ навязывать исторіи. Открытія новѣйшаго времени [1]) съ неоспоримостію установили фактъ періодически — правильнаго повторенія переписей. Въ связи съ другими данными, значеніе коихъ попутно было нами указано, открытія эти, по меньшей мѣрѣ, позволяютъ не считать неизбѣжною важнѣйшую изъ уступокъ, какой когда либо могъ заслуживать Іосифъ—цѣною достовѣрности Евангелія [2]).

Что касается, затѣмъ, возстанія Іуды Галилеянина, сопровождавшаго перепись по тому и другому о ней упоминанію, то, говорятъ, здѣсь неточность Евангелиста

[1]) Христ. чтеніе, 99 г. *Joseph. Fl. und Lucas. Krenkel.*
[2]) По словамъ Эдершейма (Жизнь и время I. Мессіи, I, 231, пер. Ѳивейскаго), счетъ народа или перепись, начатая по приказанію языческаго Императора и исполненная столь ненавистнымъ для всѣхъ лицомъ, какъ Иродъ, до nec plus ultra была отвратительна для Іудеевъ. (*Ἀρχ.* XVIII, 1. 1; ср. Дѣян. V, 37). Если разсказъ объ обстоятельствахъ, которыя привели Іосифа и Марію въ Виѳлеемъ, не имѣетъ никакого фактическаго основанія, но есть легенда, изобрѣтенная съ цѣлью локализировать рожденіе Назарянина въ царскомъ городѣ Давидовомъ, то нужно сказать, что такая легенда слишкомъ груба и абсолютно ничѣмъ нельзя объяснить ея происхожденія.... Зачѣмъ было поставлять въ связь рожденіе Іуд. Мессіи съ такими обстоятельствами, которыя были крайне отвратительны для Израиля, тѣмъ болѣе если Спаситель родился не въ самое время переписи, а лѣтъ за 10 до нея?

гелиста уже несомнѣнна. Если перепись въ какомъ-бы то ни было видѣ дѣйствительно могла повториться („первая“) ко времени обращенія Іудеи въ провинцію, то возстаніе Іуды Галилеянина, о которомъ упоминаетъ и Евангелистъ, могло быть едва ли болѣе [1]) одного раза. Однако, и здѣсь вполнѣ сохраняетъ свою умѣстность вопросъ: кто изъ двухъ болѣе обезпечиваетъ за собою права на точность—Евангелистъ или Іосифъ, потому что, если Евангелисту можно приписать ошибку памяти и смѣшеніе событій, то спрашивается, чѣмъ загарантированъ отъ подобной возможности Іосифъ, хотя бы его повѣствованіе объ этомъ и было увѣреннѣе, неподдѣльнѣе. Іосифъ вѣрилъ и ратовалъ даже и за прямыя нелѣпости, грѣшившія не только противъ историческаго безпристрастія, но и просто здраваго разума. Но—повѣримъ ему, по крайней мѣрѣ, въ передачѣ самаго событія, которое для судебъ Іудейской провинціи по справедливости можно наименовать „началомъ конца“. Собственно самая перепись была только толчкомъ, поводомъ къ возстанію Іуды, основы котораго были далеко серьезнѣе и коренились гораздо глубже. По своимъ мотивамъ это возстаніе носило національно-религіозный характеръ и было, такъ сказать, прочнымъ зародышемъ разразившагося впослѣдствіи всеобщаго возстанія за завѣты Отцевъ. Народъ находился подъ обаяніемъ его уже потому, что правою рукою Іуды были фарисеи, имя одного изъ коихъ—Садокъ—увѣковѣчено Іосифомъ. Ближайшимъ плодомъ возстанія, пока улегшагося въ горячей лихорадкѣ подготовительной дѣятельности, явилось образованіе изъ фарисействующихъ элементовъ строгой фанатической партіи *зилотовъ* [2]) (ревнителей), отличительной чертой которыхъ было напряженное ожиданіе [3]) исполненія Мессіанскихъ чаяній и стремленіе—въ борьбѣ съ ненавистнымъ игомъ Рима ускорить и содѣйствовать этому исполненію. Замѣчательно, что при первомъ же упоминаніи о зачаткахъ зилотизма, Іосифъ уже начинаетъ клеймить это во многихъ отношеніяхъ симпатичнѣйшее движеніе всевозможными навѣтами и ложною окраскою. Въ свое время мы остановимся обстоятельнѣе на его данныхъ объ этомъ движеніи, а теперь прослѣдимъ дальнѣйшій его разсказъ о судьбахъ Іудеи, за время управленія ею Іудейскихъ прокураторовъ.

---

[1]) Schürer отождествляетъ Іуду Галилеянина съ Іудою, сыномъ Езекіи, который еще во времена Ирода заявилъ себя въ столкновеніяхъ съ нимъ, и, между прочимъ, былъ въ числѣ первыхъ героевъ возстанія, охватившаго Палестину вслѣдъ за смертію Ирода. Если такъ, то это намъ на-руку, и совершенно избавляетъ отъ неловкой необходимости заподозрѣвать въ неточности Евангелиста. Скажемъ даже болѣе: то, что считали столь сильнымъ возраженіемъ противъ него, является однимъ изъ сильныхъ доводовъ въ пользу его.

[2]) Лук. 6, 15, Дѣян. I, 13.

[3]) Эта напряженность только еще болѣе возрастала по мѣрѣ бо́льшаго давленія Римлянъ, а въ послѣднія минуты войны достигла высшаго своего апогея, сообщивъ добровольной гибели отважныхъ поборниковъ іудейской свободы столь безпримѣрно-трагическій возвышенный характеръ.

За все время 6—41 годъ, когда Іудея снова, хотя очень не надолго, улыбнулось „счастіе“ быть управляемой собственнымъ царемъ (41—44 г.), если только иродіанинъ (Иродъ Агриппа I) могъ дать это счастіе,—извѣстны слѣдующіе 7 прокураторовъ: 1) *Копоній* (около 6—9 г.), 2) *Маркъ Амбивій* (ок. 9—12), 3) *Анній Руфъ* (около 12—15), 4) *Валерій Гратъ* (ок. 15—26), 5) *Понтій Пилатъ* (26—36) 6) *Марцеллъ* (36—37) и 7) *Маруллъ* (37—41) [1]). Время служенія трехъ первыхъ можетъ быть опредѣляемо только приблизительно; служеніе двухъ послѣдующихъ опредѣляется у Іосифа для В. Грата—11 лѣтъ [2]), для Пилата—10 л., [3]) и именно до 36 года, такъ какъ низложенію Пилата предшествовало первое прибытіе въ Іерусалимъ Вителлія, что́ было незадолго до наступленія 36 г., какъ видно изъ сопоставленія *Ἀρχ.* XVIII, 4, 3 съ 5, 3. Служеніе послѣднихъ двухъ опредѣляется изъ того, что Маруллъ возведенъ на свою должность непосредственно по вступленіи на престолъ Калигулы (Марта, 37 г.) [4]). Необычная продолжительность правленія В. Грата и П. Пилата подтверждается своеобычною политикою Тиверія, который находилъ болѣе выгоднымъ въ интересахъ провинцій избѣгать частой перемѣны прокураторовъ, находя, что ужившіеся воздержнѣе относились къ населенію, тогда какъ новые, по его признанію, подобно мухамъ, безпокоили и раздражали голову раненаго, каждый разъ начиная сызнова дѣло угнетенія провинціи. [5])

1—5. О дѣятельности *Копонія* и большинства его преемниковъ—извѣстны почти только одни имена. Болѣе подробныя свѣдѣнія Іосифъ сообщаетъ о ***Пилатѣ***, имѣющемъ для насъ наиболѣе интереса, тѣмъ болѣе, что одновременно съ Іосифомъ и кромѣ Евангельскихъ повѣствованій важное свидѣтельство даетъ объ этомъ прокураторѣ и другой писатель Іудейскій—Филонъ. Послѣдній [6]), какъ видно изъ усвояемаго ему письма Агриппѣ I, зналъ Пилата, какъ *τὴν φύσιν ἀκαμπῆ καὶ μετὰ τοῦ αὐθάδους ἀμείλικτος*—по природѣ капризнаго и черствaго человѣка, и по правленію—„вороватаго хищника, безсердечнаго тиранна, заносчиваго, постоянно казнившаго безъ разбора и издѣвательски несноснаго“ прокуратора. Это былъ новый „Иродъ“, отличавшійся отъ перваго развѣ тѣмъ только, что его не связывали съ Іудейскимъ народомъ уже никакія ни племенныя, ни родственныя узы. При самомъ вступленіи своемъ на прокураторскую должность, онъ не преминулъ ознаменовать себя характернымъ презрѣніемъ Іудейскихъ чувствъ и привиллегій, повелѣвъ войти въ Іерусалимъ ночью отряду

---

[1]) *Ἀρχ.* XVIII, 2, 2; 4, 2; 6, 10 кон.

[2]) *Ἀρχ.* XVIII, 2, 2.

[3]) XVIII, 4, 2. Замѣчаніе Евсевія въ Hist. eccl. I, 9, что Іосифъ полагаетъ вступленіе Пилата въ 12 г. Тиверія ($^{25/26}$ г. по Хр.), безъ сомнѣнія, выведено путемъ подобнаго же сопоставленія датъ Іосифа.

[4]) XVIII, 6, 10 кон.

[5]) См. объ этомъ кромѣ *Ἀρχ.* XVIII, 6, 5,—Suetonius (Tiber. 32: praesidibus onerandas tributo provincias suadentibus rescripsit: boni pastoris esse tondere pecus, non deglubere.), а также Тацитъ—Annal. I, 80; IV, 6.

[6]) Philo, De legatione ad Cajum § 38, ed. Mang. II, 590: *τὰς δωροδοκίας, τὰς ὕβρεις, τὰς ἁρπαγάς, τὰς αἰκίας, τὰς ἐπηρείας, τοὺς ἀκρίτους καὶ ἐπαλλήλους φόνους, τὴν ἀνήνυτον καὶ ἀργαλεωτάτην ὠμότητα.*

солдатъ съ воинскими знаменами, имѣвшими Императорскія изображенія,—на что̀ не дерзали [1]) всѣ его предшественники: Пилатъ былъ первымъ нарушителемъ правъ Іудеевъ на уваженіе къ столь священнымъ обычаямъ ихъ страны, подтверждавшееся доселѣ снисхожденіемъ самого Кесаря. Протестъ народа по поводу этого возмутительнаго поступка выразился въ формѣ, которая тронула даже каменное сердце Пилата. Пять дней и ночей толпы оскорбленнаго народа стояли въ Кесаріи предъ дворцемъ прокуратора, умоляя послѣдняго устранить соблазнъ. Демонстрація эта достигла высшей степени трогательности, когда (на 6-й день) непреклонный тираннъ повелѣлъ оцѣпить толпу отрядомъ солдатъ и, повелѣвая всѣмъ разойтись, угрожалъ смертію за неповиновеніе. Толпа, какъ одинъ человѣкъ, распростершись на землѣ, изъявила готовность покорно лучше сложить свои головы подъ мечемъ солдатъ, нежели переживать позорное издѣвательство надъ ихъ обычаями, послѣ чего изумленный тираннъ уступилъ [2]).

Не столь дешево обошлось для Іудеевъ новое столкновеніе съ Пилатомъ, послѣ того какъ послѣдній сдѣлалъ попытку окупить расходы по устройству въ Іерусалимѣ водопровода—безспорно полезнаго сооруженія—сокровищами храма [3]). Густыя толпы народа снова съ жалобами и горькими воплями преслѣдовали по пятамъ неумолимаго Пилата; но тираннъ, стыдясь въ новой уступкѣ доказать свою слабость, коварно наводнилъ толпу переодѣтыми солдатами, которые, по знаку его, тотчасъ же произвели страшную рѣзню среди протестантовъ, озлобившую весь народъ до чрезвычайной степени.

Евангельскія повѣствованія носятъ слѣды нѣсколькихъ народныхъ возмущеній во времена Пилата. Одно изъ такихъ повѣствованій особенно характерно: „пришли нѣкоторые въ то время къ Іисусу съ извѣстіемъ о Галилеянахъ, которыхъ кровь Пилатъ смѣшалъ съ ихъ жертвами“ (Лук. 13, 1). Болѣе точно время этого событія м. б. опредѣлено изъ того, что далѣе (31 ст.) у Евангелиста упоминается о намѣреніи Ирода убить Іисуса, что—по другимъ параллельнымъ мѣстамъ—было уже послѣ смерти Іоанна Крестителя, слѣд. около 32 г. (незадолго до смерти Самого Спасителя). Но подробнѣйшихъ обстоятельствъ этого возмущенія, къ сожалѣнію, не дается, равно какъ столь же мало извѣстно и о „крамолѣ (Марк. 15, 7; Лук. 23, 19), бывшей во градѣ и убійствахъ“, въ которыхъ замѣшался извѣстный намъ Варавва, предвосхитившій у Спасителя послѣднее человѣческое милосердіе. Во всякомъ случаѣ, оба эти повѣствованія прекрасно подтверждаютъ у Іосифа и общую характеристику самого Пилата, какъ жестокаго тиранна, и общій характеръ его правленія, своенравнаго и для Іудеи бѣдственнаго.

Послѣднимъ злодѣяніемъ Пилата, рѣшившимъ судьбу этого пресловутаго судіи надъ Судіею живыхъ и мертвыхъ, была жестокая расправа съ Самарянами, затѣявшими маленькое возмущеніе на религіозной подкладкѣ. Опираясь на народное повѣрье о священныхъ сосудахъ, скрытыхъ Моисеемъ въ горѣ Гаризимъ, одинъ лжепророкъ обѣщалъ открыть имъ эти святыни, приглашая на гору. Легковѣрная толпа со всѣхъ сторонъ потекла къ заповѣдной горѣ, угрожая спокойствію страны. Одного этого подозрѣнія было для Пилата достаточно, чтобы пустить въ ходъ самыя жестокія репрессивныя мѣры, погубившія массы жизней. Но не прошло даромъ это и для самого Пилата. По жалобѣ старѣйшинъ Самарянскихъ, Вителлій, тогдашній намѣстникъ Сиріи, отправилъ Пилата на судъ Кесаря въ Римъ, откуда онъ болѣе и не возвращался [1]).

Въ повѣствованіи о Пилатѣ помѣщается извѣстное замѣчательное „свидѣтельство“ нашего автора объ І. Христѣ, при положительномъ рѣшеніи подлинности заслуживающее по справедливости величайшаго благоговѣнія и всей той силы, которую ему приписываютъ. „Свидѣтельство“ это, какъ оно приводится у Гаверкампа, таково: *γίνεται δὲ κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον Ἰησοῦς, σοφὸς ἀνήρ, εἴ γε ἄνδρα αὐτὸν λέγειν χρή. Ἦν γὰρ παραδόξων ἔργων ποιητής, διδάσκαλος ἀνθρώπων τῶν ἡδονῇ τἀληθῆ δεχομένων καὶ πολλοὺς μὲν Ἰουδαίους πολλοὺς δὲ καὶ τοῦ Ἑλληνικοῦ ἐπηγάγετο. Ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν. Καὶ αὐτὸν ἐνδείξει τῶν πρώτων ἀνδρῶν παρ᾽ ἡμῖν σταυρῷ ἐπιτετιμηκότος Πιλάτου, οὐκ ἐπαύσαντο οἱ τὸ πρῶτον αὐτὸν ἀγαπήσαντες· ἐφάνη γὰρ αὐτοῖς τρίτην ἔχων ἡμέραν πάλιν ζῶν, τῶν θείων προφητῶν ταῦτά τε καὶ ἄλλα μυρία θαυμάσια περὶ αὐτοῦ εἰρηκότων. Εἰσέτι τε νῦν τῶν χρισταν̄ων ἀπὸ τοῦδε ὠνομασμένων οὐκ ἐπέλιπε τὸ φῦλον* [2]). Во всей Археологіи Іосифа едва ли можно указать еще мѣсто, которое бы въ такой же мѣрѣ истощило изобрѣтательность чело-

---

[1]) См. выше—Варъ.

[2]) *Ἀρχ.* XVIII, 3, 1; *περὶ ἁλ.* II, 9, 2—3=Евсевій, Hist. eccl. II, 6, 4. По Евсевію, Demonstr. evang. VIII, p 403 это событіе читалось въ недошедшихъ до насъ отрывкахъ его труда о гоненіяхъ Іудеевъ при Тиверіи и Калигулѣ (*αὐτὰ δὴ ταῦτα καὶ ὁ Φίλων συμμαρτυρεῖ, τὰς σημαίας φάσκων τὰς βασιλικὰς τὸν Πιλάτον νύκτωρ ἐν τῷ ἱερῷ ἀναθεῖναι*. См. II. Schür. 858 стр.

[3]) *Ἀρχ.* XVIII, 3, 2; *περὶ ἁλ.* II, 9, 4=Евсевій, Hist. eccl. II, 6, 6—7. Длину водопроводныхъ путей Іосифъ *Ἀρχ.* XVIII, 3, 2 измѣряетъ въ 200 стадій, а въ *περὶ ἁλ.* II, 9, 4—въ 400, или даже 300, какъ имѣлъ текстъ Евсевія (H. E. II, 6, 6). Судя по этимъ измѣреніямъ, во всякомъ случаѣ можно догадываться, что водопроводъ шелъ отъ т. наз. прудовъ Соломона, южнѣе Виѳлеема. Разница въ показаніяхъ разстоянія могла произойти отъ того, что въ древности вели отъ этихъ прудовъ два пути до Іерусалима, неодинаковаго направленія, а потому и длины. См. I. Schür. 410, прим. 135.

[1]) О дальнѣйшей судьбѣ Пилата Іосифъ не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній. Христіанскія легенды приписываютъ ему то самоубійство, то казнь отъ Нерона, или, какъ въ другихъ апокрифахъ, отъ Тиверія, вообще насильственную кончину. См. I Schür. 412, прим. 139.

[2]) Въ это же время жилъ Іисусъ, мудрый мужъ, если только можно назвать его мужемъ: ибо онъ былъ творецъ удивительныхъ дѣлъ, учитель людей, принимающихъ радостно истину. И многихъ Іудеевъ со многими Еллинами увлекъ Онъ за Собою. Это былъ Христосъ. И какъ Его, по доносу нашихъ первыхъ мужей, Пилатъ осудилъ на крестъ, послѣдователи Его не успокоились: ибо Онъ явилъ имъ Себя на третій день снова живымъ, ибо и пророки божественные это и тысячи другихъ чудесъ о Немъ предсказывали. Еще и донынѣ общество христіанъ, наименованное отъ Него, не прекратилось.

вѣческаго остроумія, пытавшагося установить точный судъ по поводу этого свидѣтельства, представляющаго ни болѣе ни менѣе, какъ полное отрицаніе Іосифомъ самого себя.

Исторія вопроса о правахъ на существованіе этого свидѣтельства восходитъ ко временамъ Евсевія, который впервые далъ ему то мѣсто, какое оно дѣйствительно имѣетъ право занимать, если только имѣетъ права и на подлинность [1]). Починъ Евсевія имѣлъ непререкаемую силу авторитета для всѣхъ послѣдующихъ писателей до XVI в., согласно повторявшихъ его голосъ и безнаказанно употреблявшихъ Іосифа въ свидѣтели за истину повѣствованія Евангелія [2]). Только съ XVI в. возвысила свой голосъ здравая критика, подвергшая подлинность этого мѣста сомнѣнію и породившая горячіе споры pro и contra. Первымъ застрѣльщикомъ въ этой грандіозной борьбѣ, которую нельзя счесть вполнѣ оконченной даже до настоящаго времени, былъ Hubertus Gifanius, какъ видно изъ его полемическаго посланія Sebastianus Lepusculus ad Severinum Ertzbergium ad. Basileae 24 Febr. 1559 [3]), и уже ближайшіе его послѣдователи — Lucas Osiander [4]), Altdorfer Professor Seb. Shellius, David Blondel и Tanaquil Faber довели свои оспариванія до самоувѣреннаго убѣжденія, что „на будущее время не остается никакого мѣста сомнѣнію, кромѣ развѣ тѣхъ, которымъ опредѣлено вѣчно сомнѣваться“ (ut nullus in posterum dubitandi locus relinquatur, nisi forte iis quibus perpetuo dubitare decretum sit.) [5]). Этимъ, однако, дѣло далеко не закончилось. Жаркіе литературные споры о подлинности свидѣтельства, и въ особыхъ цѣлыхъ сочиненіяхъ, и въ попутныхъ изысканіяхъ большихъ трудовъ, простерлись до того, что, по замѣчанію уже I. A. Bosius'a [6]), число обсуждающихъ этотъ вопросъ изслѣдованій далеко превзошло число самыхъ словъ, заключающихся въ спорномъ свидѣтельствѣ. 18-е столѣтіе подбавило не мало новыхъ изслѣдованій по данному вопросу, изъ коихъ важнѣйшими были: Daubuz'a отъ начала, и Ress'a, Knittel'a и Less'a отъ конца столѣтія [7]). Въ истекшемъ XIX столѣтіи обогатившаяся множествомъ новыхъ солидныхъ трудовъ литература вопроса составила изъ изслѣдователей послѣдняго три лагеря, каждый изъ коихъ насчитываетъ въ себѣ не мало громкихъ и небезавторитетныхъ именъ. Партія *защитниковъ подлинности* Іосифова свидѣтельства, въ числѣ послѣдователей которой выступаютъ Bretschneider [8]), Böhmert [9]) ,Schödel [10]), Mayaud [11]), Langen [12]), Danko [13]), Mensinga [14]) Bole [15]), Kneller [16]) и др.—уравновѣшивается оппозиціонною

[1]) См. hist. eccl. I 11, demonstr. evgl. III, 5.

[2]) Срв. Veterum testimonia de Josepho въ 1 т. изд. Гаверкампа.

[3]) Въ Melch. Goldasti centuria epistolarum philologicarum № 61.

[4]) epitome historiae eccles. cent. I lib., 2 cap. 7. (Tub. 1592).

[5]) См. собраніе этихъ изслѣдованій у Chr. Arnold'a въ epist. XXX philol. et hist de Flav. Josephi testimonio. Nürnb. 1661, и у Haverkamp, Thl. II, appendix pg. 233 и д

[6]) Въ exercit. hist. crit. Jen. 1673, 4 (повторено въ I. B. Ottii, Spicilegium sive excerpta ex Fl. Josepho ad N. T. illustr. ed. Haverkamp. 1741).

[7]) См. собраніе и описаніе ихъ у Fabricius, Bibliotheca Graeca, ed. Harless, t. V init. и De veritate religionis christ. 138 и д.

[8—16]) См. у Schürer'a названія трудовъ.

партіею *отрицавшихъ совершенно* эту подлинность, какъ: Eichstaedt [1]), Lewitz, [2]) Reuss [3]), Gerlach [4]), Keim [5]), Höhne [6]), D'Avis [7]), Loman [8]) Wandel [9]), Niese [10]) и др. Та и другая партія входятъ важнѣйшими общими своими положеніями въ третью, носящую *примирительный* характеръ. Эту послѣднюю партію составили наиболѣе солидныя ученыя силы въ лицѣ Gieseler'a [11]), Hase [12]), Ewald [13]), Paret [14]), Heinichen [15]), Wieseler [16]), Volkmar [17]), Ranke [18]), Scholten [19]), Mensinga [20]), Müller [21]) Gutschmid [22]), Asmussen [23]), Reinach'-a [24]) и др., согласовавшіеся въ своихъ доказательствахъ съ противниками подлинности свидѣтельства, и лишь въ результатѣ уклонявшіеся отъ нихъ тѣмъ, что признавали за неподлинное въ данномъ мѣстѣ не всё, а лишь отдѣльныя мѣста, допуская *интерполяцію*, т. е. болѣе или менѣе значительную передѣлку неизвѣстной нынѣ формы дѣйствительнаго упоминанія Іосифа въ данномъ мѣстѣ о Христѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ общее то, что въ настоящемъ своемъ видѣ свидѣтельство Іосифа обрекается на совершенное игнорированіе, или какъ продуктъ чистаго *подлога* съ недостойными христіанской самодовлѣющей истины цѣлями, или просто какъ *неосторожность и нерадивость* переписчика, внесшаго въ текстъ частную полевую замѣтку какого либо христіанскаго обладателя рукописи, взамѣнъ прежняго *поношенія* Христа, а то—по мнѣнію противниковъ всего—вмѣсто и совершеннаго *умолчанія* Іосифомъ о Христѣ.

Какъ защитники подлинности Іосифовскаго свидѣтельства, такъ и противники ея аргументируютъ свою мысль одинаково сильными и однородно сходными общими основаніями, мотивирующими въ одномъ случаѣ отверженіе, и въ другомъ—защиту. Первое и главное изъ такихъ основаній касается *внѣшней достовѣрности* свидѣтельства, при чемъ защитники послѣдняго ссылаются на согласіе всѣхъ кодексовъ съ Евсевіемъ, въ то время какъ противники парализуютъ доказательную силу этого аргумента ссылкою на молчаніе церковныхъ отцевъ отъ Евсевія и на противорѣчивыя мнѣнія объ этомъ свидѣтельствѣ Іосифа. Обращая вниманіе на *стиль* свидѣтельства, одни (защитники) находятъ прекраснымъ соотвѣтствіе его съ остальнымъ текстомъ, чисто Флавіевской выразительности; другіе—наоборотъ—отмѣчаютъ въ немъ какую-то неожиданную тяжеловѣсность, свойственную не столько „греческому Ливію“, сколько безстрастному слогу Св. Писанія. Со стороны *связи*, одни испытываютъ безъ даннаго мѣста ничѣмъ незаполнимую чувствительную пустоту; другіе находятъ, что связь нарушается скорѣе при вставкѣ этого мѣста, нежели безъ него [25]). Въ то, далѣе, время, какъ *содержаніе* мѣста, при облегченіи связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, кажется для однихъ наилучшею защитою, другіе видятъ прямо въ содержаніи сильнѣйшее препятствіе для признанія подлинности. Столь же обоюдуострымъ оружіемъ является попытка оправдать естественность и доказательную силу свидѣтельства о Христѣ свидѣтельствами Іосифа *объ Іоаннѣ Крестителѣ и Іаковѣ*, братѣ „глаголемаго Христа“, каковая попытка теряетъ свою силу или при полномъ отрицаніи *подлинности* такъ же и этихъ мѣстъ, или при отрицаніи той *связи*, какую думали видѣть

[1—24]) у Schürer'a см. названія сочиненій.

[25]) δὲ.... δὲ.

между тѣмъ свидѣтельствомъ и этими новыми, имѣющими доказательную цѣнность лишь для самихъ себя. Наконецъ, въ противовѣсъ той ссылкѣ, что количество христіанъ было слишкомъ велико, чтобы допустить неестественное полное умолчаніе историка объ этомъ обществѣ, выставляется не менѣе выразительное свидѣтельство Фотія о не менѣе странномъ и удивительномъ событіи, что такъ же другой современный іудейскій историкъ Іустъ не обмолвился ни единымъ словомъ о Тиверіи и его дѣлахъ.

При столь мѣткой обосновкѣ и остроумной защитѣ общихъ положеній у защитниковъ и противниковъ подлинности свидѣтельства — трудно опредѣлить, въ какую сторону должно предпочтительно склоняться наше чутье, въ особенности въ виду крайняго разнорѣчія самыхъ воззрѣній на подлинный *смыслъ* свидѣтельства у его защитниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ хотѣлъ сказать этимъ свидѣтельствомъ Іосифъ, еслибы онъ — предположимъ — дѣйствительно сказалъ имъ что-то? Одни видятъ въ этомъ свидѣтельствѣ сознательно говорящій въ пользу Христа смыслъ; другіе читаютъ въ немъ простой пересказъ евангельско-христіанскихъ воззрѣній уклоняющимся отъ ближайшаго изслѣдованія, незаинтересованнымъ, хладнокровнымъ историкомъ-повѣствователемъ; иные изобличаютъ двусмысліе или коварную хитрость разсказчика; по мнѣнію третьихъ, Іосифъ исповѣдуетъ здѣсь свои христіанскія убѣжденія, по крайней мѣрѣ какъ полухристіанинъ, остановившійся лишь на половинѣ дороги, а то и какъ убѣжденный полный христіанинъ, и даже — умершій по обращеніи въ санѣ *епископа Іерусалимскаго* [1])!!! Иные находятъ возможнымъ оставлять Іосифа въ числѣ ревностнѣйшихъ Іудеевъ, у котораго истина, однако, противъ воли пробивается изъ-подъ пера и увлекаетъ его въ свои свидѣтели; другіе считаютъ его поступокъ лестію, которую онъ, какъ лицемѣрный іудейскій царедворецъ, написалъ въ угоду своему мнимо-христіанскому патрону въ Римѣ, или изъ боязни оскорбить его совершеннымъ о Христѣ умолчаніемъ. Еще иные представляютъ Іосифа ожесточеннымъ врагомъ Христа, который стараніемъ сгладить злобу Іудеевъ къ приверженцамъ Мессіи предохраняетъ Іудеевъ отъ преслѣдованій Римлянъ, не переставая быть вмѣстѣ главнымъ зачинщикомъ нѣкотораго гоненія, переносимаго христіанами. Въ преувеличеніи значенія разбираемаго мѣста для христіанскаго дѣла—одинъ охотнѣе готовъ потерять всего Іосифа, чѣмъ это единственное мѣсто; другой видитъ въ немъ перлъ между доказательствами за истину христіанской религіи; третій досадуетъ на христіанскую критику, заподозривающую подлинность этого мѣста, и боится въ этомъ „знаменіи времени“ опасной вражды вообще къ христіанской религіи; наконецъ, четвертый допускаетъ изъ приведеннаго мѣста совершенно неожиданное употребленіе, доказывая имъ *естественное рожденіе Іисуса Назарянина* [2])!

Трудно представить болѣе противорѣчивыя характеристики одного и того же предмета, болѣе различныя и обильныя воззрѣнія на смыслъ одного и

[1]) Whiston, прим. въ „der Ausgabe des Josephus. Lond. 1737.

[2]) „historisch beurkundet durch Josephus“.... читаемъ у Greise въ 1823 г. Neustadt a. O. 1830. Gerlach, 4 стр.

того же мѣста [1]). И уже одно это, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не мало располагаетъ въ пользу того, что свидѣтельство Іосифа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ нынѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать подлиннымъ, и можно только считаться съ вопросомъ, что̀ было на мѣстѣ его ранѣе—совершенное ли молчаніе о Христѣ Іосифа, или какое-нибудь неблагопріятное о Немъ свидѣтельство, интерполяція котораго и дала нынѣшнее свидѣтельство, приписываемое самому Іосифу. Къ сожалѣнію, и этотъ послѣдній вопросъ должно отнести къ разряду безнадежно неразрѣшимыхъ, и долгъ нашъ привести только тѣ основанія, по которымъ является *болѣе безопаснымъ* признаніе неподлинности Іосифовскаго свидѣтельства въ настоящемъ его видѣ, и объясненіе его появленія въ такомъ видѣ путемъ христіанской интерполяціи.

Внѣшняя достовѣрность свидѣтельства, по странной случайности, обладаетъ съ перваго взгляда почти неприступною для нападенія позиціею: спорное мѣсто находится во *всѣхъ* рукописяхъ Археологіи, сколько ихъ доселѣ извѣстно, какъ видно изъ замѣчаній въ изд. Hudson'a (1720), Haverkamp'a (1726), Pt. Lambeck'a (Bibliotheca Vindobonensis, t. VIII), изъ новѣйшихъ—Dindorf'a (1845) и Im. Becker'a (1855) и др. Послѣднее изданіе заключаетъ это мѣсто въ скобки, хотя безъ подтвержденія этого рукописями. Замѣчаніе Burmann'a въ misc. annotatt. in auct. vet. et recent. (1733) vol. II, t. 1, что просмотрѣнные имъ отрывки рукописей X и XI стол. въ библ. Марка Zu Venedig не знаютъ этого свидѣтельства, не совсѣмъ точно, такъ какъ тотъ же Burmann констатируетъ фактъ, что древнѣйшій кодексъ „Іудейской войны“ восполняетъ этотъ пробѣлъ, имѣя на послѣдней страницѣ несомнѣнно сдѣланную однимъ и тѣмъ же переписчикомъ (тѣ же чернила и тотъ же почеркъ) приписку съ такимъ знаменательнымъ оглавленіемъ: *ἐκ τοῦ ὀκτωκαιδεκάτου λόγου τῆς Ἰωσήφου ἀρχαιολογίας περὶ τοῦ Χριστοῦ μαρτυρίαι*, послѣ чего слѣдуетъ обычное свидѣтельство (ср. Graeca D. Marci Bibliothec. Codd. mss. ed. Ven. 1740 съ поясненіемъ Zanetti и Bugiovanni s. 183. Единственное полное въ Маркіанскомъ рукописномъ отрывкѣ Археологіи (№ 380) отъ XV ст. свидѣтельство—въ обычномъ мѣстѣ, какъ видно изъ Haverkamp'a. Правда, нѣкоторые собиратели манускриптовъ Іосифа высказывали мысль о сомнительности и подозрительности мѣста, но обыкновенно безъ указаній—почему? (Tob. Major въ письмѣ къ Seb. Snell'ю о рукописи найденной въ Cambridge, срв. Arnold, XXX epist. и пр.; противъ Th. Reinesius тамъ же; Baronius и Huetius, срв. Fabricius, bibl. Graec. lib. IV, c. 6.). Наконецъ, попытки нѣкоторыхъ ученыхъ—отыскать еврейскую рукопись Іосифа и въ нихъ найти основанія для сомнѣній въ подлинности разбираемаго мѣста—признаны въ концѣ концовъ тщетными, Dr. Steinschneider. Vol. II, pg. 1545, 46... Съ другой стороны, мѣсто это почти *не имѣетъ варіантовъ*, за исключеніемъ ничтожныхъ уклоненій въ словорасположеніи и выраженіяхъ, не касающихся существенно смысла [2]); даже сводъ этого свидѣтельства, по цитатамъ изъ Ев-

[1]) Ср. Oberthür, a. a. O. s. 18 и д.

[2]) Срав. lect. var: codd. mscr. въ Haverkamp. изд.

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

севія, Исидора, Григорія Нисскаго, Евѳимія Зигабена, Suidas'a и Cedrenus'a [1]) и др. даетъ въ общей сложности варіантовъ такое ничтожное различіе отъ первоисточнаго (Haverkamp.) начертанія свидѣтельства, что безъ всякаго ущерба для дѣла всѣмъ имъ можетъ быть предпочтено одно общепринятое чтеніе этого свидѣтельства, имѣющееся въ упомянутомъ авторитетномъ изд. Haverkamp'a.

Недостаточно прочная связь и нѣкоторая едва уловимая фальшь свидѣтельства, наряду съ неопредѣленностію его локализаціи,—первое, что̀ ослабляетъ значительно неприступность позиціи свидѣтельства со стороны внѣшней его достовѣрности. Извѣстенъ случай (констатированный Burmann'омъ), когда свидѣтельство это скромно снисходитъ со своего мѣста до простой приписки къ „Войнѣ Іудейской“ [2]), хотя и не уступаетъ еще своихъ притязаній на почтенное мѣсто въ XVIII кн. Археологіи *(ἐκ τοῦ ὀκτωκαιδεκάτου λόγου τῆς Ἰωσήφου Ἀρχαιολογίας*, и т. д.). Не менѣе характерный случай можно привести здѣсь еще изъ рѣдкаго латинскаго изданія Іосифа (Augsb. 1470), помѣщающаго это свидѣтельство не въ 3-ей, а въ 8 главѣ XVIII книги; а также изъ манускрипта, бывшаго подъ руками Александра Petavius'a, гдѣ это мѣсто пріютилось въ *περὶ ἀλ.* II, 9, 3 [3]). Еще болѣе проигрываетъ свидѣтельство Іосифа, со стороны внѣшней достовѣрности, въ виду того обстоятельства, что рукописи Археологіи, дошедшія до насъ, не восходятъ далѣе XI в. [4]), большинство же ихъ относятся даже къ XIV и XV в. Между тѣмъ, есть достаточныя основанія полагать, что еще въ IX в. была рукопись, отнюдь не имѣвшая этого мѣста. Это видно изъ Фотіевыхъ († 891 г.) выписокъ изъ 279 христіанскихъ, іудейскихъ и языческихъ сочиненій въ его *μυριοβίβλιον*, гдѣ при длинныхъ и краткихъ выпискахъ изъ Іосифа (cod. 33, 47, 48, 76, 238), однако, онъ не помѣщаетъ даннаго мѣста. Это тѣмъ болѣе важно, что Фотій *не незналъ* о существованіи спорнаго варіанта, и если бы читалъ его въ своей рукописи и вѣрилъ въ его законность, не преминулъ бы защитить и оправдать со свойственною ему компетентностію и энергіею. Между тѣмъ, въ cod. 48 онъ прямо

[1]) Въ I кн. приведены у Haverk. въ diss. sur le passage de Josèphe au faveur de Jesus—Christ par C. D. E. L. l. S. G. (Bibliothece ancienne et moderne par Jean le Clerc t. VIII, pg. 137—288) см. Gerlach, 94 стр.

[2]) См. ниже.

[3]) Весьма странно, что въ послѣднемъ манускриптѣ это свидѣтельство приводится въ связи съ другимъ завѣдомо псевдо-Флавіевскимъ мѣстомъ (о Бож. судѣ изъ соч. *περὶ τῆς τοῦ παντὸς αἰτίας*—отъ словъ *πάντες γὰρ δίκαιοι* до *παραμένει*, у Haverk. II, 25 146) и хотя Схоліастъ, критической правоспособности котораго можно вѣрить, зачеркиваетъ послѣднее мѣсто, отмѣчая на полѣ: *ἰστέον ὅτι τὸ τιθέτον ὠφέλισται δίκαιως παρ' ἡμῶν, ἐπὶ μηδὲ ἐν ἑτέροις ἀντιγράφοις τοῦτο ἔβρομεν* и т. д.,—однако, не дѣлаетъ того же по отношенію къ предъидущему свидѣтельству, на основаніи подлежавшихъ его оцѣнкѣ рукописей. Возможно, какъ догадывается Gerlach, что эти послѣднія рукописи имѣли наше свидѣтельство въ этомъ именно мѣстѣ, откуда потомъ оно могло перейти и въ XVIII кн. Археологіи, одинъ изъ раннѣйшихъ примѣровъ чего могъ подать Евсевій.

[4]) Такова древнѣйшая Bibl. Paris, № 1419 Парижскаго каталога отъ XI ст.

говоритъ, что имѣлъ писаніе Іосифа *περὶ τῆς τοῦ παντὸς αἰτίας*, а также *читанное и прибавленное περὶ τοῦ Χριστοῦ*..... однако, относительно этого послѣдняго прибавленія онъ позволяетъ себѣ „усумниться“, чтобы „Іудей-Іосифъ *могъ* такъ писать“ и склоненъ считать это дѣломъ римскаго пресвитера Каія, или—по другимъ—Іустина или Иринея. Это сомнѣніе ученѣйшаго восточнаго архипастыря даетъ право намъ къ заключеніе, что его рукопись Археологіи не имѣла названнаго мѣста, какъ видно ясно и изъ его замѣчанія въ cod. 33, гдѣ Фотій, порицая Іуста Тиверіадскаго, извѣстнаго современника Іосифа [1]), за его важные пропуски, выражается такимъ образомъ: „какъ природный Іудей, онъ (т. е. Іустъ) въ общую погрѣшность своихъ единовѣрцевъ впалъ *(ὡς τὰ Ἰουδαίων νοσῶν)* о Христѣ и Его чудотвореніяхъ, не дѣлая никакого важнаго упоминанія *(οὐδενὸς ὅλως μνήμην ἐποιήσατο)* [2]). Въ лицѣ Фотія мы имѣемъ, такимъ образомъ, *древнѣйшаго противника подлинности* Іосифовскаго свидѣтельства, притомъ безъ всякой уступки, вродѣ той, какая предлагается не столь безусловными противниками въ гипотезѣ интерполяціи: по Фотію—на мѣстѣ нынѣшняго „свидѣтельства“ Іосифа не было ничего, кромѣ tabula rasa (правильнѣе же сказать, обычное разстояніе между 2 строками).

Болѣе тщательныя изслѣдованія показали, что въ раннѣйшее время до Фотія прибавка спорнаго мѣста выступаетъ все болѣе и болѣе, какъ случайная рѣдкость: полагаютъ, что лишь со времени Евсевія, и именно по его иниціативѣ [3]), эта прибавка получила впервые права гражданства, въ виду того, что до Евсевія ни одной рукописи Іосифа и ни одного точнаго приведенія этого мѣста не имѣется [4]). Какъ бы то ни было, молчаніе церковныхъ писателей до Евсевія сильно колеблетъ подлинность свидѣтельства, въ виду особенно ясныхъ словъ объ Іосифѣ, напримѣръ, Оригена въ comm. ad. Matth. pg. 223, ed. Huet. *καὶ τὸ θαυμαστὸν ἐστὶν, ὅτι τὸν Ἰησοῦν ἡμῶν οὐ καταδεξάμενος εἶναι Χριστόν*, и c. Cels. lib. I, pg. 35, ed. Spencer: *ὁ δ' αὐτὸς καίτοι γε ἀπιστῶν τῷ Ἰησοῦ ὡς Χριστῷ*—выраженія совершенно непонятныя при предположеніи, что авторъ читалъ оспариваемое нами мѣсто Іосифа о Христѣ.

Но главныя основанія противъ подлинности свидѣтельства заключаются въ его *внутренней несостоятельности*, въ противорѣчіи его всему, что̀ мы знаемъ объ Іосифѣ и его трудѣ. На эту сторону мы и должны обратить особенное вниманіе при оцѣнкѣ такъ называемаго свидѣтельства о Христѣ. Нѣтъ надобности, при этомъ, разбирать, т. ск., по костямъ все свидѣтельство Іосифа, какъ пытались сдѣлать нѣкоторые возстановители первоначальнаго образа чте-

[1]) Срав. его *βίος* §§ 9, 17, 37, 65, 74 и д.

[2]) Срав. Stud. und Kritik. 1853, I, 59 и д.

[3]) T. Faber. epist. у Haverk. II, s. 268 и д. и въ новое время Heinichen — excurs. I s. 349 и д. Наоборотъ, срав. Uallesii annotatt. ad Euseb. VI, 21 и Schödel a. a. O 17—21. Snellius, epist. у Hav. II, s. 242, констатируетъ внесеніе до Оригена; вѣроятно то только, что вставка явилась во время между Оригеномъ и Евсевіемъ.

[4]) Fabricii, bibl. graec., lib. IV, c. 6: Ante Eusebium locum illum Macarius allegavit (cubiculi imperatorii praefectus), siquidem genuinus sit hujus ad Diocletianum sermo, qu refertur in actis sanctarum, Maji. t. V, pg. 149.

нія, безъ всякихъ основъ для того въ рукописяхъ. Достаточно обратить вниманіе на одинъ только смыслъ, *духъ* свидѣтельства и сопоставить его лицемъ къ лицу съ собственнымъ судомъ Іосифа, на основаніи его собственныхъ воззрѣній на этотъ предметъ.

Центръ тяжести всего свидѣтельства представляютъ слова: *ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν*,—передать точнѣе которыя—непредубѣжденно разсуждая—можно не иначе какъ, что *Іисусъ былъ Мессія*. Попытки сгладить очевидную несвойственность этой фразы для Іосифа въ усвоеніи ему намѣренія сказать только, подобно XX, 9, 1 *Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ*, что „*οὗτος ἦν ὁ λεγόμενος Χριστός*“ [1]),—не только не поправляютъ дѣла, но усиливаютъ недоумѣніе относительно того, почему же Іосифъ, въ другомъ случаѣ считавшій нужнымъ подобную оговорку *λεγόμενος*, не даетъ ей мѣста тамъ, гдѣ она по его мысли должна бы была быть всего нужнѣе. Не совсѣмъ удовлетворяетъ и то объясненіе [2]), что Іосифъ выражается здѣсь приспособительно къ пониманію Грековъ, которые, не зная догматическаго знаменованія слова *Χριστός*, знали однако *Христа*, какъ собственное *имя* Основателя секты Христіанъ, на ряду съ именемъ *Іисусъ*:—не удовлетворяетъ въ виду того, что Мессіанскія ожиданія Іудеевъ вовсе не были неизвѣстны въ Римскомъ царствѣ, и именно извѣстно было самое имя Христосъ, какъ имя *званія* Ожидаемаго вмѣстѣ съ самыми ожиданіями. Уже LXX, въ Дан. 9, 25, могли достаточно посредствовать это ознакомленіе греко-римскаго читающаго міра съ тѣмъ убѣжденіемъ, что *Χριστός*, какъ точное переложеніе имени משיח, Помазанный, далеко не простое имя, и когда это имя въ писаніи Іудея отличается даже нарочито опредѣленнымъ членомъ *ὁ Χριστός*, абсолютно, безъ всякаго ограничительнаго поясненія,—ясное дѣло, что ни Іудеи, ни Греки не могли понимать этого выраженія иначе, какъ что *ὁ Χριστός*=Помазанникъ, Мессія, не говоря уже о томъ, что и самъ писавшій такъ не могъ не подозрѣвать столь неосторожнаго уклоненія въ сторону признанія Іисуса Обѣтованнымъ Христомъ-Помазанникомъ, надеждою Израиля, что̀ не предполагается самими сторонниками разбираемой гипотезы. Наконецъ, что слово *Χριστός*, употребленное Іосифомъ, отнюдь не употреблено имъ въ качествѣ простого имени Іисуса, не оставляютъ никакого сомнѣнія—какъ предшествующее *(εἴγε ἄνδρα αὐτὸν λέγειν χρή)*, такъ и дальнѣйшія выраженія Іосифа, что этотъ Христосъ осуществилъ все написанное о Немъ, и именно какъ о Мессіи, пророками: *ἐφάνη αὐτοῖς τρίτην ἔχων ἡμέραν πάλιν ζῶν τῶν θείων προφητῶν ταῦτά τε καὶ ἄλλα μυρία θαυμάσια περὶ αὐτοῦ εἰρηκότων* [3]).

Итакъ, по мысли приведеннаго мѣста, Іисусъ былъ Обѣтованный Мессія-Христосъ. Спрашивается, что значило это на языкѣ Іосифа и къ чему обязывало его? Какія данныя представляетъ его Археологія для обрисованія званія

[1]) Bretschneider, s. cap. theol. jud. dogm. Daubuz, a. a. O. s. 225; Vernet, traité de la vérite de la rel. chrét.

[2]) Срав. Udthusen, monum. antiqu. hist. evgl. ed. II, pg. 21.

[3]) Сюда же должно отнести явно выдающія христіанскаго интерполятора мѣста: *ἦν παραδόξων ἔργων ποιητὴς; διδάσκαλος ἀνθρώπων τῶν ἡδονῇ τἀληθῆ δεχομένων* и т. п.

Мессіи болѣе подробными чертами, и въ какомъ отношеніи эти данныя стоятъ къ нашему свидѣтельству, выдѣляющемуся изъ всѣхъ трудовъ Іосифа своими обстоятельно-опредѣленными чертами? Отвѣтъ на эти вопросы идетъ положительно вразрѣзъ всякому признанію подлинности разсматриваемаго свидѣтельства, и дѣло скажетъ само за себя, когда мы представимъ его такъ, какъ оно есть.

Какъ ни старается Іосифъ маскировать свои Мессіанскія убѣжденія, какъ ни игнорируетъ ими при всякомъ случаѣ, чуткому изслѣдователю все же остается возможность уловить важнѣйшіе оттѣнки этихъ убѣжденій, по которымъ—хотя бы съ немалымъ трудомъ и рискомъ „a là Кювье“ можно возстановить характеръ самыхъ убѣжденій въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ положеніяхъ. Спеціальный изслѣдователь Мессіанскихъ воззрѣній Іосифа—Gerlach, послѣ усиленно-кропотливыхъ экскурсій въ область всего, имѣющаго связь съ этими воззрѣніями, выноситъ то простое убѣжденіе, что Мессіанскія воззрѣнія Іосифа не могли быть иными, какъ тѣ самыя, которыя въ то время вообще раздѣлялись всѣмъ Израилемъ. Ожидавшійся Іосифомъ Мессія—есть *свѣтскій* Царь, имѣющій быть посланъ отъ Бога, чтобы освободить Іудеевъ отъ нхъ свирѣпыхъ притѣснителей, отмстить разрушеніе города и храма, ниспровергнуть Римское владычество и на развалинахъ его воздвигнуть всѣ предѣлы земли обнимающее Мессіанское царство. Это „Святое-Святыхъ“ души Іосифа, разумѣется, тщательно сокрыто отъ глазъ Рима, но слѣды его для хорошо вооруженнаго глаза разглядываются ясно. Таковы прежде всего нѣсколько глухихъ обмолвокъ Іосифа въ его Археологіи, въ коихъ проглядываютъ неясныя указанія на сильно распространенныя ко времени Іосифа [1]) „ожиданія“ Мессіи. Gfrörer [2]) находитъ эти указанія уже въ простой отсылкѣ Іосифа [3]) „удостовѣриться“ въ вдохновенности пророка Исаіи по „его удивительнымъ предсказаніямъ, о справедливости которыхъ можетъ судить потомство по самымъ ихъ событіямъ“,— разумѣя здѣсь именно Мессіанскія предсказанія Исаіи. Болѣе основательно открываетъ подобныя указанія Gerlach въ исторіи царствованія Ирода, особенно въ обстоятельствахъ перестройки имъ храма Іерусалимскаго. (*Ἀρχ.* XV, 11, 1). Испрашивая въ особой рѣчи къ народу его соизволеніе на перестройку храма, Иродъ между прочимъ говоритъ: „этотъ храмъ построили въ честь Всесильнаго Бога наши отцы по возвращеніи изъ Вавилона; но ему недостаетъ цѣлыхъ 60 локтей въ вышину, чтобы сравняться съ древнимъ Соломоновымъ храмомъ..., а такъ какъ я теперь по милости Божіей правлю благополучно, наслаждаясь полнымъ миромъ, имѣя достаточно денегъ и большіе доходы, а, главнымъ образомъ, такъ какъ къ намъ расположены и дружелюбны Римляне, эти властители всего міра *(πάντων κρατοῦντες)*, то я попытаюсь исправить ошибку прежнихъ временъ, и т. д“... Gerlach небез-

[1]) Мы не будемъ приводить здѣсь весьма ясныхъ указаній всеобщаго ожиданія Мессіи въ то время изъ Евангелія. Для насъ важно найти слѣды этихъ ожиданій у самого Іосифа.

[2]) Jahr. des Heils, I, s. 242.

[3]) *Ἀρχ. X*, 2, 2 кон.

основательно видитъ въ этихъ словахъ умышленно проведенную Иродомъ параллель къ Агг. II, 7 и д. [1]) То, что предсказано пророкомъ здѣсь [2]) и чего народъ могъ ожидать и какъ будто прямо тогда ожидалъ, все это царь представляетъ какъ *осуществляющееся* въ его предпріятіи. Въ самомъ дѣлѣ, эта тенденція сквозитъ уже въ параллели пророческому выраженію *τὰ ἐκλεκτὰ πάντων τῶν ἐθνῶν* соотвѣтствующаго у Ирода *πάντων κρατοῦντες*—Римляне. Обѣтованіе въ пророческой рѣчи *δώσω εἰρήνην* не позволяетъ, по мысли Ирода, ждать лучшаго времени для своего примѣненія, какъ правленіе его, Ирода, который для обладавшихъ всѣмъ міромъ Римлянъ былъ другомъ. Превосходство 2-го храма предъ первымъ, обѣщанное пророкомъ, Иродъ хотѣлъ показать достаточно осуществляющимся въ его усиліяхъ „превзойти“ въ украшеніи этого храма всѣхъ своихъ „предковъ“ (§ 3, *ἐδόκει ἐπικεκοσμῆσθαι τὸν ναόν*). Спрашивается, послѣ всего этого, не ясно ли, что предпріятіе Ирода было много хуже, чѣмъ только погоня за славою, за похвалою и признательностію народа, за умиротвореніемъ недовольныхъ его языческо-строительною горячкою умовъ, какъ представляетъ дѣло Іосифъ? Не ясно ли, что хитрый политикъ Иродъ всѣмъ этимъ прежде всего посягалъ на завѣтнѣйшія чаянія своего народа, думалъ отвлечь его отъ ожиданій обѣтованнаго будущаго, кощунственно подставлялъ себя и свои заслуги подо все то, что въ особенности не мирило его съ народомъ, какъ узурпатора престола Великаго Царя отъ сѣмени Давидова? Съ другой стороны, яснѣе становится и то знаменательное сопротивленіе народа Иродову предпріятію, каковое сопротивленіе Іосифъ такъ искусно маскируетъ простою боязнію, что Иродъ, заведя такое важное дѣло, окажется „неспособнымъ“ докончить оное [3]). Такое ложное освѣщеніе факта, какъ то невольно внушающее подозрѣнія своею неудовлетворительностію, вполнѣ въ интересахъ Іосифа, замявшаго въ этой темной фразѣ, безъ сомнѣнія, громкое дѣло съ совсѣмъ другимъ оттѣнкомъ, вездѣ такъ старательно стушевываемымъ у Іосифа. Оттѣнокъ этотъ—внѣ всякаго сомнѣнія—живыя надежды народа на близкое осуществленіе своихъ завѣтныхъ чаяній, интенсивно возраставшихъ въ той мѣрѣ, въ какой старался устранять и подавлять ихъ [4]) царь-узурпаторъ, и, очевидно, начавшихъ быть особенно безпокойными для Ирода (срв. Мѳ. 2. 3 и д.). Что все это далеко не плодъ нашей фантазіи, достаточно припомнить знаменательныя свидѣтельства Епифанія и Тертулліана, констатирующихъ въ послѣдующее время появленіе людей, которые дѣйствительно *самого Ирода и сочли за Мессію* [5]).

[1]) Срав. Hengstenberg., Christol. III, s. 237.

[2]) Срв. слова пророка по LXX, Агг. II, 7 и д.: *καὶ ἥξει τὰ ἐκλεκτὰ πάντων τῶν ἐθνῶν καὶ πλήσω τὸν οἶκον τοῦτον δόξης.... μεγάλη ἔσται ἡ δόξα τοῦ οἴκου τούτου ἡ ἐσχάτη ὑπὲρ τὴν πρώτην... καὶ ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ δώσω εἰρήνην* и т. д.

[3]) См. выше, стр. 335.

[4]) Срав. Calvinus замѣчаніе: conatus est diabolus larvam ipsis objïcere, ut desinerent sperare in Christum.

[5]) Herodiani diem natalem Herodis observabant, ut etiam Sabbatha, quodie lucernas accensas et violis coronatas in fenestris ponunt (b. H. Grotius, de verit. relig. christ., ed J. Clericus, Amst. 1709. pag. 247, not 4).

Другой случай, еще ближе подтверждающій общенародныя живыя ожиданія Мессіи во времена уже Ирода, подтверждающій—если не допускать невозможнаго факта, что Іосифъ до такой степени могъ измѣнить себѣ—и ожиданія самого Іосифа, поскольку также ожиданія вообще людей съ подобными его *фарисейскими* воззрѣніями, — слѣдуетъ указать въ *Ἀρχ.* XVII, 2, 4. Мы читаемъ здѣсь, какъ оштрафованные Иродомъ фарисеи пророчески обѣщаютъ супругѣ Фероры, за покрытіе ихъ штрафа, свою благодарность, *ὡς Ἡρώδῃ μὲν καταπαύσεως ἀρχῆς ὑπὸ θεοῦ ἐφηφισμένης αὐτῷ τε καὶ γένει τῷ ἀπ' αὐτοῦ, τῆς τε βασιλείας εἴς τε ἐκείνην περιηξούσης καὶ Φερώραν παῖδάς τε οἱ εἶεν αὐτοῖς*. Если игнорировать въ этомъ пророчествѣ умышленно подпущенную благодѣтельницѣ (съ ея супругомъ) лесть, то зерномъ событія остается мысль объ устраненіи Иродіанскаго владычества и переходъ его къ „другому“ лицу. Изъ знаменательной характеристики этого имѣющаго, по пророчеству фарисеевъ, возстать Царя на мѣсто Ирода (*ἐπικατασταθησομένου*) открывается съ очевидностію, что это „другое“ лицо, къ которому были обращены мысли фарисеевъ, должно быть *болѣе, чѣмъ простой* человѣкъ. Онъ будетъ имѣть „сверхъестественную“ власть, одно изъ проявленій коей фарисеи, примѣнительно къ данному случаю, указываютъ въ томъ, что онъ возвратитъ евнуху Вагою (оказавшему неизвѣстную услугу фарисеямъ и казненному послѣ этого пророчества Иродомъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми фарисеями и приближенными изъ своей свиты) способность къ дѣторожденію и отличитъ его наименованіемъ отца и благотворителя (*παρέξοντος αὐτῷ γάμου τε ἴσχυν καὶ παιδώσεως τέκνων γνησίων*). Haverkamp вполнѣ основательно видитъ въ этомъ мѣстѣ намекъ на Мессіанское мѣсто Исаіи, 56, 3—5, [1]) и, въ такомъ случаѣ, не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что Имѣющій заступить мѣсто Ирода и основать Свое собственное (земное) царство, по общимъ ожиданіямъ, долженъ быть никто иной, какъ обладающій Божественною силою Обѣтованный Царь-Мессія.

Итакъ, при всѣхъ своихъ искусныхъ замаскировкахъ, запутанностяхъ, недомолвкахъ и завѣдомо ложныхъ освѣщеніяхъ, Іосифъ не могъ скрыть для мало мальски пристальнаго взора „искорки“ столь привлекающаго насъ свѣта—назовемъ такъ несомнѣнно напряженную во времена Ирода надежду всего народа на близкое пришествіе Обѣтованнаго Избавителя,—надежду, проглядывающую въ столь многихъ объективныхъ строкахъ Евангелія, не говоря уже о дальнѣйшей исторіи борьбы съ всемогущимъ Римомъ, безразсудной и едва возможной безъ той же надежды, какъ даетъ понять намъ и самъ Іосифъ (Іоан. 4, 25 и др.; срв. особенно Дѣян. 26, 7).

Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ фарисейскихъ воззрѣній [2]), Іосифъ,

[1]) LXX ст. 3: *μὴ λεγέτω ὁ εὐνοῦχος ὅτι ξύλον ἐγώ εἰμι ξηρόν.* ст. 5: *ὄνομα αἰώνιον δώσω αὐτοῖς καὶ οὐκ ἐκλείψει.*

[2]) Нѣкоторые, въ томъ числѣ и Герлахъ, находятъ возможнымъ, на основаніи характера воззрѣній и духа сочиненій Іосифа, ставить вопреки ясному свидѣтельству самого его вопросъ, былъ ли онъ фарисей или ессей, и разрѣшать этотъ вопросъ въ смыслѣ второмъ (*ессей*, 12 стр. и д.) Предпочитая его собственное свидѣтельство

какъ мы сказали, не могъ измѣнить себѣ, по крайней мѣрѣ, въ переживаніи прошлаго, до такой степени, чтобы не раздѣлять общихъ народныхъ и фарисейскихъ ожиданій. Да, онъ такъ же *ждалъ* Утѣхи Израилевой, и мы сказали, *какой* именно. Теперь мы хотимъ склонить рѣчь нашу къ тому только, что эти ожиданія, черты его, его духъ, наконецъ, и его представленія о законѣ Моисеевомъ и вообще объ еврействѣ—находятся въ діаметральномъ противорѣчіи тому, что̀ хотятъ сказать слова разбираемаго свидѣтельства Іосифа *ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν*. Онъ ждалъ въ Мессіи—сильнаго свѣтскаго Царя, и теперь—объявляетъ его въ уничиженномъ Іисусѣ?? Онъ ждалъ въ Мессіи—Освободителя Израиля отъ его враговъ, и теперь—видитъ Его въ Распятомъ врагами на Крестѣ?—Правда, на примѣрѣ Апостоловъ, мы видимъ, что вѣрѣ и исповѣданію ихъ не помѣшало въ первое время зараженіе тѣми же общими народными предразсудками въ идеѣ Мессіи. Но того же по отношенію къ Іосифу не позволяетъ допустить онъ самъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ тщательно избѣгалъ вездѣ и во всемъ малѣйшихъ отдаленнѣйшихъ намековъ на это опасное для него Имя, и теперь ли предлагаетъ открытую апостольски-безбоязненную проповѣдь о Его пришествіи?! И остановился ли бы онъ въ такомъ случаѣ на полдорогѣ, ограничившись вскользь брошенною замѣткою объ этомъ затронувшемъ его сердце событіи? Могъ ли онъ закрыть свое сердце для разносившейся во всѣ концы вселенной проповѣди о неслыханномъ ученіи и дѣлахъ Іисуса? Могъ ли умолчать о Его удивительныхъ предсказаніяхъ гибели Іерусалима и храма, къ описанію которыхъ вскорѣ затѣмъ приступаетъ, не давая ни малѣйшаго указанія на то, что это, превосходящее всѣ другія, несчастіе его народа стоитъ въ связи съ умерщвленіемъ его вдохновеннаго Предсказателя? Какъ бы ни быть малотребовательными по отношенію къ Іосифу,—нельзя, однако, къ нему, какъ къ историку и столь обстоятельному описателю послѣднихъ судебъ Іудейства, не предъявлять болѣе серьезныхъ требованій въ столь тѣсно связанномъ съ этими судьбами случаѣ, если бъ мы не знали обстоятельствъ, заставлявшихъ его обо всемъ, касавшемся Іисуса, упорно замалчивать.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы имѣть право объяснить происхожденіе спорнаго свидѣтельства въ настоящемъ его видѣ *помимо* Іосифа, которому его безъ глубокихъ основаній рѣшаются приписывать. Спрашивается теперь только, съ чѣмъ же имѣемъ мы здѣсь дѣло, съ чистымъ ли *подлогомъ* какого либо, м. б. мнившаго оказать этимъ добрую услугу христіанской истинѣ,

---

личнымъ соображеніямъ, мы находимъ путь къ соглашенію и съ указанной гипотезой. Несомнѣнно, Іосифъ, побывавшій и изучившій всѣ толки, не могъ быть чистымъ послѣдователемъ какого бы то ни было одного изъ нихъ. Для такой богатой воспріимчивой натуры, какою мы знаемъ Іосифа, несомнѣнно эта побывка во всѣхъ сектахъ сдѣлала то, что и должна была сдѣлать—отразиться такъ или иначе—трояко—и на его воззрѣніяхъ, иногда незамѣтно для него самого, особенно когда онъ не имѣлъ особенныхъ побужденій намѣренно оттѣнять свои истинныя убѣжденія и религіозное пониманіе, или яснѣе—принадлежность къ той или иной сектѣ. Вотъ почему наряду съ строго фарисейскими убѣжденіями мы находимъ у него чисто ессейскія соображенія о Богѣ (судьбѣ) и т. п.

читателя Іосифова, или мы имѣемъ здѣсь дѣло съ интерполяціей, *передѣлкой другого* Іосифовскаго свидѣтельства, вызванной его нескромностію, несоотвѣтствіемъ христіанскимъ убѣжденіямъ въ этомъ единственномъ почти случаѣ, за исключеніемъ котораго Іосифъ во всемъ остальномъ являлся столь поучительнымъ и для христіанина писателемъ? Находя по самому существу дѣла совершенно неразрѣшимыми эти вопросы и уважая мудрое правило—выбирать изъ нѣсколькихъ золъ меньшее, мы должны бы попытаться уяснить, что именно въ особенности надлежитъ приписать въ данномъ свидѣтельствѣ перу интерполятора, и почему.

Однако, всѣ придумываемыя изслѣдователями поправки къ свидѣтельству, съ цѣлью сгладить явно не—Іосифовскія фразы, обречены заранѣе на неудачу. Собственно говоря, мы можемъ лишь увѣрять себя, что такъ-то и такъ-то *не могъ* писать Іосифъ, но *какъ* же онъ именно *могъ* и дѣйствительно написалъ, если только еще написалъ, это всегда будетъ представлять обширное поле для произвола и всевозможныхъ натяжекъ, навязываемыхъ Іосифу силою. Остается въ уясненіе дѣла попытаться рѣшить одинъ неизлишній вопросъ, кто могъ быть виновникомъ подлога (или интерполяціи), и какъ этотъ подлогъ могъ быть учиненъ и укорениться?

Мы сказали уже, что мѣсто это впервые приведено у Евсевія. Но это значитъ не менѣе, какъ то, что до Евсевія это мѣсто въ такомъ видѣ едва ли и читалось въ текстѣ рукописей Іосифа. При всемъ интересѣ столь важнаго мѣста для христіанской апологетики, апологеты не утилизируютъ этого мѣста, которое, вѣроятно, долгое время ютилось просто на полѣ обращавшейся среди христіанскихъ читателей рукописи, какъ объективная замѣтка ad se, что на время, изъ котораго Іосифъ *Ἀρχ.* XVIII, 3 сообщалъ другія происшествія, падаетъ жизнь и дѣла Іисуса, и только впослѣдствіи, можетъ быть, безъ всякой мысли о подлогѣ, по простому недосмотру переписчика, эта замѣтка попала въ самый текстъ. Возможность того, что первоначально свидѣтельство было лишь на полѣ, подтверждается уже его различнымъ мѣстоположеніемъ; съ другой стороны, намъ кажется это именно однимъ изъ сильныхъ доводовъ противъ подлинности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы свидѣтельство въ Іосифовой рукописи было въ текстѣ, какъ могъ рѣшиться переписчикъ впервые перенести его на поле?—почему ему могло это вздуматься?—не въ силу простой же случайности, тѣмъ болѣе не по какимъ либо критическимъ побужденіямъ. которыя менѣе всего могли внушать перенесеніе подобнаго рода полевыхъ замѣтокъ въ текстъ, а не наоборотъ? Это послѣднее объясненіе появленія свидѣтельства болѣе правдоподобно, чѣмъ намѣренное искаженіе, или намѣренный подлогъ съ какою бы то ни было цѣлью. Какъ ни сильно желаніе имѣть столь важнаго союзника, какъ Іосифъ, самодовлѣющая христіанская истина болѣе проигрываетъ отъ такихъ средствъ для своей защиты, чѣмъ выигрываетъ. И если могъ недостаточно понимать это самъ виновникъ намѣреннаго подлога, то едва ли простительно не возвыситься до болѣе лучшаго пониманія тѣмъ, которые боятся усумниться въ подлинности этого свидѣтельства только ради того, что оно такъ заманчиво-вызывающе по своей,—однако, сомнитель-

ной—древности, ясности, важности и авторитетности. По нашему крайнему разумѣнію, даже и абсолютное, въ общей идеѣ Археологіи столь странное, непонятно-тенденціозное умолчаніе Іосифа о гремѣвшей въ его время по всѣмъ концамъ вселенной проповѣди Распятаго [1])—гораздо болѣе доказываетъ своею знаменательною удивительностію ея истину, заставившую замолчать всѣ недоброжелательные ей рты съ того самаго времени, какъ эта Истина не могла быть запечатана „сребренниками довольными“, данными единственнымъ свидѣтелямъ Ея возсіянія изъ-за печатей гроба! Говоримъ это для подтвержденія неудивительности и того, что на мѣстѣ нынѣшняго свидѣтельства Іосифа могло быть ранѣе совершенное *умолчаніе* и, такъ сказать, *нежеланіе* говорить о такомъ предметѣ, самая снисходительная рѣчь о которомъ, помимо своей непріятности чувству гордаго Рима и, значитъ, чувству Іосифа, скорѣе могла сослужить службу для его апологіи, чѣмъ поддержать тлетворный огонь злословія, въ духѣ характерныхъ извращеній личности и исторіи Христа Талмудомъ (Sanhedrin, 43 a, 103, 1 и др.; Лютостанскій, „Талмудъ и Евреи“, ч. I, стр. 203) и разнаго рода раввинистическими о Немъ бреднями.

Прежде чѣмъ—или для того, чтобы еще болѣе—покончить съ вопросомъ о подлинности Іосифовскаго свидѣтельства о непризнанномъ имъ Мессіи, мы кстати остановимся еще на обсужденіи двухъ мѣстъ Іосифа, которыя кажутся стоящими въ тѣснѣйшей связи съ только что разобраннымъ, и на этомъ основаніи нерѣдко употребляются въ качествѣ доводовъ *за* подлинность перваго. Это—мѣста объ Іоаннѣ Крестителѣ и Іаковѣ, братѣ Господнемъ, на подлинность которыхъ въ настоящемъ ихъ видѣ за рѣдкими исключеніями никто не дерзалъ набросить тѣнь сомнѣнія.

Первое изъ указанныхъ мѣстъ *(объ Іоаннѣ Крестителѣ)* мы уже имѣли случай обсуждать выше, и говорили о несомнѣнности подлинности, смыслѣ и значеніи этого мѣста (368—370 стр.). Здѣсь намъ остается лишь воспользоваться, сообразно нашимъ намѣреніямъ, констатированнымъ тамъ способомъ представленія Іосифа, описывающаго личность и миссію (ученіе и крещеніе) Крестителя внѣ всякой связи со Христомъ, той тѣсной глубоко-знаменательной очевидной изъ Евангелія связи, по которой этотъ Пророкъ являлся „Предтечею“ Мессіи, уготовителемъ сердецъ народа къ пришествію Его, такъ что „Іоаннъ-Предтеча“ Христа нераздѣлимъ отъ „Іоанна-Крестителя“. Исходя изъ этой Евангельской точки зрѣнія на миссію Крестителя и не вникая въ иную точку зрѣнія на Крестителя у Іосифа, многіе съ прямымъ нарушеніемъ всякаго права заключаютъ, что разъ Іосифъ имѣлъ столь доброе мнѣніе „de praecursore Christi“, то само собою долженъ былъ имѣть и выразить подобное же доброе мнѣніе и о Самомъ Христѣ. Находя достаточно опровергающими эту предвзятую аргументацію высказанныя нами ранѣе соображенія о столь строго выдержанномъ у Іосифа нейтралитетѣ личности Крестителя, мы напомнимъ къ большему подтвержденію этой мысли, что нейтралитетный по отношенію къ Христу образъ мыслей о Крестителѣ вовсе не есть что либо новое, тенденціозно на-

[1]) Простертой и до дома Кесаря.

вязываемое Іосифу. По свидѣтельству Оригена, не только Іосифъ, но и вообще „Іудеи мыслили Іоанна внѣ связи съ Іисусомъ *(οὐδὲ συνάπτουσι τὸν Ἰωάννην οἱ Ἰουδαῖοι τῷ Ἰησοῦ* [1]). Что въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, можно показать и на примѣрахъ самого Евангелія. Въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ Евангелистовъ (какъ вмѣстѣ и у Іосифа) мы читаемъ о чрезвычайномъ уваженіи, въ какомъ былъ у всего народа Іоаннъ. Это уваженіе, по Мѳ. 14, 5, долгое время одно было сильно заставлять Ирода опускать предъ намѣченною жертвою кровожадныя руки. Это уваженіе, по Мѳ. 21, 16 (ср. Марк. 11, 32; Лук. 20, 6), обезоруживаетъ всѣ завистническіе подкопы подъ авторитетъ Іоанна, котораго *всѣ* почитали за пророка (у Луки: *весь народъ былъ убѣжденъ... πᾶς λαὸς πεπεισμένος ἐστί* [2]). Съ другой стороны, Самъ Спаситель, несомнѣнно опираясь на это же общее уваженіе народа къ Іоанну, такъ часто отсылаетъ его къ свидѣтельствамъ о Себѣ Крестителя. Но въ такомъ случаѣ о чемъ же говоритъ тотъ безспорный фактъ, что, не смотря на столь сильное уваженіе ко Крестителю, на столь, слѣдовательно, благопріятную почву для вліянія на народъ въ пользу Мессіи, на столь, наконецъ, рѣшительную нарочитую опору Спасителя на свидѣтельства уважаемаго всѣмъ народомъ Пророка,—не смотря на все это, народъ остается такъ неподатливъ на Іоанновы свидѣтельства о Христѣ. Отдѣльныя мѣста, какъ напримѣръ, у Іоан. 10, 41 и др. под. подтвержденія того, что „многіе“ по свидѣтельству Крестителя вѣрили въ Іисуса, не измѣняютъ общаго положенія дѣла [3]), и, во всякомъ случаѣ, то характерное явленіе, что народъ *самого Іоанна* готовъ былъ считать за Мессію, и что по смерти Іоанна были *ἐπιστάμενοι μόνον τὸ βάπτισμα Ἰωάννου* (Дѣян. 18, 25; 19, 3), краснорѣчиво говоритъ за наше положеніе, что думать и писать хорошо о Крестителѣ еще далеко отъ того, чтобы *такъ же* думать и писать о Христѣ, въ отношеніи къ Которому далеко не всякій видѣлъ въ Крестителѣ Его Предтечу.

Да наконецъ—хотя бы Іудеи и поставляли миссію Іоанна въ связь съ грядущимъ Мессіею, это все такъ еще далеко отъ того, чтобы эта связь пріурочивалась ими именно къ Іисусу; идея политически могущественнаго Мессіи такъ мало мирилась съ осуществлявшеюся въ Іисусѣ идеею Мессіи Уничиженнаго, что при самомъ торжественномъ, послѣднемъ ея завершеніи довѣреннѣйшіе „други“ [4]) этого Мессіи не задумались любопытствовать: „*Господи, аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево* (Дѣян. 1, 6)?“

Что касается, затѣмъ, другого мѣста *(объ Іаковѣ, братѣ Господнемъ)*, будто бы необходимо подтверждающаго невозможность для Іосифа совершенно уклониться отъ упоминаній о Христѣ—съ одной стороны, и возможность именно настоящаго свидѣтельства о Христѣ для Іосифа, съ другой,—то доказательная

[1]) lib c. Cels. I, pg. 38, ed. Spencer.

[2]) Срв. у Іосифа; *τὸ ἐπὶ τοσόνδε..... πράξοντες*, и д.

[3]) Срв. Іоан. 5, 35;—Мѳ, 9, 14; 11, 2 и д.; Марк. 2, 18; 6, 29; Лук. 5, 33; 7, 18 и д.; Іоан. 3, 25.

[4]) Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его; васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ (Іоан. 15, 15).

сила этого, безспорно, важнаго мѣста, собственно говоря. значительно преувеличивается [1]). Самая подлинность этого мѣста далеко не принадлежитъ къ числу неоспоримыхъ, хотя бы въ такой мѣрѣ, какъ указанное ранѣе мѣсто о Крестителѣ. Clericus [2]), Lardner [3]), изъ новѣйшихъ Creuzer [4]) болѣе или менѣе основательно заподозриваютъ его подлинность. Главное изъ основаній для такого подозрѣнія Clericus видитъ въ значительно отличныхъ отъ нынѣшняго чтенія цитатахъ этого мѣста у Оригена [5]), отъ котораго потомъ въ большой зависимости это мѣсто находимъ у Евсевія [6]) и Іеронима [7]). Оригенъ говоритъ именно, что Іосифъ, когда хотѣлъ представить основаніе великихъ несчастій народа, разсуждалъ такимъ образомъ: *κατὰ μῆνιν θεοῦ ταῦτα αὐτοῖς ἀπηντηκέναι διὰ τὰ εἰς Ἰάκωβον, τὸν ἀδελφὸν Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ, ὑπ' αὐτῶν τετολμημένα*, и присовокупляетъ: *καὶ τὸ θαυμαστόν ἐστιν ὅτι τὸν Ἰησοῦν ἡμῶν οὐ καταδεξάμενος εἶναι Χριστόν, οὐδὲν ἧττον Ἰακώβῳ δικαιοσύνην ἐμαρτύρησε τοσαύτην· λέγει δὲ ὅτι καὶ ὁ λαὸς ταῦτα ἐνόμιζε διὰ τὸν Ἰάκωβον πεπονθέναι* Сопоставляя эту цитату съ единственнымъ объ Іаковѣ мѣстомъ у Іосифа, не находимъ этой мысли Оригена. Предположеніе Spencer'a [8]), что упомянутое Оригеномъ мѣсто утрачено по небрежности переписчика—не привлекаетъ своею произвольностію. Правдоподобнѣе было бы допустить здѣсь простую ошибку Оригена [9]), происшедшую отъ несовсѣмъ правильной параллелизаціи даннаго мѣста съ XX, 8, 5, гдѣ Іосифъ описываетъ совершенное въ храмѣ кровопролитіе, ради котораго, по его мысли, Богъ ускорилъ гибель города и храма. Возможно, что Оригенъ въ числѣ жертвъ означеннаго кровопролитія мыслилъ и Іакова, описаніе смерти котораго дается въ 9 гл. 2 §, или просто перемѣшалъ два отдѣльныхъ событія. Такъ или иначе, только—пока остается мѣсто для трудно устранимыхъ сомнѣній въ подлинности свидѣтельства объ Іаковѣ, хотя бы при отсутствіи строго опредѣленныхъ данныхъ и для признанія его

[1]) Мѣсто это находится въ *Ἀρχ.* XX, 9, 1.

[2]) ars crit. III, sect. I cap. 15, § 12 срв. dess. hist. eccl. pg. 415.

[3]) Suppl. vol. III, cap. 16, sect. 5.

[4]) Stud. u. Krit. 1853, I, s. 60.

[5]) Com. ad Matth. къ 13, 55. и c. Cels. I, *ὁ δ' αὐτὸς .... ζητῶν τὴν αἰτίαν τῆς τῶν Ἱεροσολύμων πτώσεως καὶ τῆς τοῦ ναοῦ καθαιρέσεως.... φησὶ ταῦτα συμβεβηκέναι τοῖς Ἰουδαίοις κατ' ἐκδίκησιν Ἰακώβου τοῦ δικαίου, ὃς ἦν ἀδελφὸς Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ, ἐπειδήπερ δικαιότατον αὐτὸν ὄντα ἀπέκτειναν.* pg. 35, ed. Spencer. и c. Cels. II, 13, кон. *Τίτος καθεῖλε τὴν Ἱερουσαλήμ. ὡς μὲν Ἰώσηπος γράφει, διὰ Ἰάκωβον τὸν δίκαιον, τὸν ἀδελφὸν Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ.*

[6]) hist. eccl. II, 23, 20 dem. evgl. III, 23.

[7]) de viris illustr. 2 и 13, ap. Jovinian. I, 39.

[8]) annot. in. Orig. pg. 30.

[9]) Кромѣ Оригена, гибель Іерусалима ставится въ тѣсную связь съ казнію Іакова также у Гегезиппа, въ переложеніи Евсевія (Hist. eccl. II, 23, 11—18). Сказавъ о сверженіи Іакова съ крыла церковнаго, потомъ побіеніи камнями и, наконецъ, послѣднемъ ударѣ валькомъ (*γναφεὺς*), повѣствователь замѣчаетъ: *Καί εὐθὺς Οὐεσπασιανὸς πολιορκεῖ αὐτούς.* Гегезиппу подражаютъ затѣмъ: Климент. Алекс. у Евсевія же H. E. II, 1, 4 и Епифаній, haer. 78, 14, и самъ Евсевій, III, 11, 1. *μετὰ τὸν Ἰακώβου μαρτυρίαν καὶ τὴν αὐτίκα γενομένην ἅλωσιν τῆς Ἱερουσαλήμ.*

неподлинности, постановка этого свидѣтельства въ связь съ свидѣтельствомъ о Христѣ по крайней мѣрѣ наполовину лишена своей доказательной силы.—Весьма ослабляетъ эту доказательность (какъ въ предшествующемъ мѣстѣ о Крестителѣ) возможность для Іосифа совершенно—нейтралитетнаго по отношенію къ христіанству упоминанія объ исторіи упомянутаго праведника. Для такого упоминанія для Іосифа достаточно было примѣрной ревности Іакова въ соблюденіи закона Моисеева *(τὰ περὶ τοὺς νόμους ἀκριβεῖς)*, каковую Іосифъ не пропускаетъ нигдѣ обращать въ похвалу Іудеевъ, а самое посольство къ Альбину съ жалобой на Анана могло быть мотивировано Іосифомъ просто допущеннымъ нарушеніемъ первосвященническихъ правъ Ананомъ безъ всякаго интереса къ явившейся жертвою этого нарушенія личности.

Не мало подрываетъ предполагаемую связь между обоими свидѣтельствами о Христѣ и Іаковѣ также простое ихъ сопоставленіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ первое свидѣтельство позволяетъ себѣ объявлять безъ всякаго колебанія *ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν* (nomen dignitatis), въ послѣднемъ мѣстѣ этотъ *ὁ Χριστὸς* является лишь *λεγόμενος* (cognomen) [1]). Эта послѣдняя характерная оговорка скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что и прежнее упоминаніе объ Іисусѣ могло быть далеко не въ духѣ настоящаго свидѣтельства (одинъ изъ доводовъ въ пользу его интерполяціи) или—безопаснѣе предположить—и совсѣмъ не было никакого упоминанія, какъ отмѣтилъ еще Фотій этотъ всеобщій обычай іудейскихъ писаній ничего не упоминать о Христѣ.

Такимъ образомъ, обычно повторяемое при защитѣ подлинности настоящаго свидѣтельства о Христѣ—обоснованіе Bosius'a: tam bene de istis, praecursore altero, altero fratre Christi, qui senserit...., eum utique de Christo quoque ipso honorifice sensisse (тотъ, кто такъ хорошо думалъ о тѣхъ, которые были—одинъ предтечею, другой—братомъ Христа, не могъ иначе думать о Христѣ, какъ съ тѣмъ же почтеніемъ)—это обоснованіе покоится на шаткой почвѣ. И намъ остается только примкнуть къ вѣскому слову Оригена, по которому *Ἰώσηπος ἀπιστῶν τῷ Ἰησοῦ, ὡς Χριστῷ* и распространить на Іосифа не менѣе вѣское сужденіе Фотія, замѣтившаго объ Іустѣ Тиверіадскомъ: *ὡς δὲ τὰ Ἰουδαίων νοσῶν Ἰουδαῖός τε καὶ αὐτὸς ὑπάρχων τὸ γένος τῆς Χριστοῦ παρουσίας καὶ τῶν περὶ αὐτὸν τελεσθέντων καὶ τῶν ὑπ' αὐτοῦ τερατουργηθέντων οὐδενὸς ὅλως μνήμην ἐποιήσατο.*

[1]) *ἀδελφὸς Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ.*

ГЛАВА VIII.

АРХЕОЛОГІЯ—продолженіе ЕВАНГЕЛІЯ.

§ 40. Послѣ Пилата.

6—7. Послѣ Пилата прокураторомъ надъ Іудеею былъ сдѣланъ Marcellus, о которомъ почти извѣстно одно только имя (36—37). Настоящимъ вершителемъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ по управленію Іудеею, вплоть до передачи ея Ироду Агриппѣ, Іосифъ выставляетъ Сирійскаго намѣстника Вителлія, дружбѣ съ которымъ Марцеллъ былъ обязанъ самымъ своимъ назначеніемъ. Прибытіе въ Іерусалимъ, около праздника Пасхи 36 г. [1]), Вителлія, вообще весьма симпатичнаго начальника, ознаменовалось, между прочимъ, сложеніемъ пошлинъ съ продаваемыхъ Іерусалимлянами плодовъ, и предоставленіемъ Іудейскимъ священникамъ самимъ хранить первосвященническія одежды,—право, насильственно отнятое у нихъ нѣкогда Иродомъ, присвоенное его преемникомъ Архелаемъ, и удержанное послѣ его смерти въ вѣдѣніи Римлянъ [2]). Въ будущемъ 37 году, Вителлій показалъ новый случай своей разумной снисходительности и уваженія къ Іудеямъ, подобно указанному выше (стр. 371). Въ то время, какъ Вителлій умедлилъ въ Іерусалимѣ, пришла къ нему вѣсть о кончинѣ „друга человѣчества“ Тиверія и вступленіи на престолъ Калигулы (37—41 г.). Іудеи прежде всего подверглись присягѣ новому императору, за котораго также были принесены обычныя жертвы [3]). Первые 2 года правленія Калигулы прошли спокойно для Іудеевъ [4]), но затѣмъ для нихъ наступило время тяжкаго гнета и неуря-

[1]) XVIII. 4, 3. Годъ событія выясняется частію изъ того, что Вителлій прибылъ въ Сирію лѣтомъ или осенью 35 г. (Tacit. Annal. VI, 32), частію изъ того, что второе его прибытіе въ Іерусалимъ было незадолго до смерти Тиверія († 16 Марта 37 г.), какъ видно изъ Іосифа (*Ἀρχ.* XVIII, 5, 3). Срв. Keim, Gesch. Jesu. III, 485—487; Sevin, Chronologie des Lebens Jesu (2 aufl. 1874, s. 75—80).

[2]) *Ἀρχ.* XVIII, 4, 3; XV, 11, 4.

[3]) Philo, legat. ad Cajum, § 32 (opp. ed. Mangey, II, 580: *Γαΐω παραλάβοντι τὴν ἡγεμονίαν πρῶτοι τῶν κατὰ Συρίαν ἁπάντων ἡμεῖς συνήσθημεν. Οὐιτελλίου τοτε ... ἐν τῇ πόλει διατρίβοντος, ᾧ τὰ περὶ τούτων ἐκομίσθη γράμματα.... πρῶτον το ἡμέτερον ἱερὸν ἐδέξατο τὰς ὑπὲρ τῆς ἀρχῆς Γαίου θυσίας.* срв. *Ἀρχ.* XVIII, 5, 3. Формула присяги см. Schürer, I, 329 прим. 94.

[4]) *Ἀρχ.* XVIII, 7, 2 кон.

дицъ. Причиною такой перемѣны послужила особенная строгость Калигулы въ распространеніи „культа Кесаря“. Зазнавшись въ своихъ мнимо-божественныхъ достоинствахъ до полнаго забвенія человѣческихъ немощей и происхожденія, этотъ маніакъ божественности видѣлъ въ строжайшемъ соблюденіи своего культа наиболѣе обязательную форму почтенія къ своему „бож.“ достоинству и во всякомъ ограниченіи этой обязательности усматривалъ доказательство преступно-недостаточнаго признанія своей персоны. Какъ и слѣдовало ожидать, несчастнѣе всего послѣдствія этого самодурства Калигулы должны были вынести Іудеи. Въ Александріи, съ ея іудофобскимъ населеніемъ, протестанты подверглись особенно сильному стѣсненію (подробности его читаемъ у Филона, in Flacc. § 5—6—8 и далѣе, и Legat. ad Cajum, § 19—20, и др.), которое было столько же въ интересахъ населенія, мнившаго гоненіемъ Іудеевъ обезпечить для себя благоволеніе Кесаря, сколько и въ интересахъ Сирійскаго намѣстника Флакка, прошлое котораго (дружба съ Тиверіемъ 32—37) нѣсколько компрометировалось въ глазахъ Калигулы и также толкало его къ тому, чтобы ревностною борьбою за интересы императора въ дѣлѣ Іудеевъ возстановить свой поколебленный престижъ. См. Philo, in Flacc. § 3, init. ed. Mangey, II, 518 (ср. № 1—2) и дал.

Краткое упоминаніе Іосифа объ этомъ не представляетъ почти ничего для его исправленія. Упоминаемое Іосифомъ посольство Александрійскихъ Іудеевъ къ императору (во главѣ съ Филономъ), потерпѣвшее неудачу отъ контр-посольства, снаряженнаго остальными Александрійцами, во главѣ съ Апіономъ, относится уже къ 40 г. [1]), и представляетъ прямой результатъ раздѣленія Александріи на 2 кроваво-враждовавшіе лагеря. Оба посольства состояли—по Іосифу (*Ἀρχ.* XVIII, 8, 1)—каждое изъ 3 лицъ, по Филону (Leg. ad. Cajum. § 46)—іудейское состояло изъ 5. Отдѣльныя обстоятельства исторіи этихъ посольствъ, по фрагментарнымъ замѣткамъ о нихъ Филона въ трудѣ о Калигулѣ вносятъ нѣсколько подробностей въ судьбы этого процесса Іудеевъ. Александрійское посольство нашло себѣ сильную поддержку въ лицѣ нѣкоего Helikon'a, котораго потомъ (замѣтивъ его вліяніе на Калигулу) старались и Іудеи привлечь на свою сторону,—однако, тщетно. Потерпѣвъ эту неудачу, Іудеи рѣшились обратиться съ письменнымъ ходатайствомъ къ Кесарю съ изъявленіемъ ему своихъ (насколько то позволяютъ ихъ законы) вѣрноподданническихъ чувствъ, и послѣ долгихъ мытарствъ депутатамъ Іудейскимъ посчастливилось, наконецъ, выслушать въ личной аудіенціи только слѣдующую снисходительно-презрительную резолюцію Римскаго владыки: „они болѣе безумные, нежели злонамѣренные люди, когда не хотятъ вѣрить въ его божество“ [2]).

Одновременно съ преслѣдованіемъ Іудеевъ въ Александріи при Калигулѣ,

[1]) Flacc въ 38 г. былъ вызванъ въ Римъ и умеръ въ ссылкѣ. См Schür., I, 418, прим. 155. и 420 стр. прим. 161.

[2]) Philo, legat. ad Cajum. § 44—46, M. II, 597—600. Положеніе дѣлъ оставалось безъ перемѣны вѣроятно до самой смерти Калигулы, когда Клавдій, новый Кесарь, первымъ долгомъ своимъ издалъ эдиктъ, утверждавшій Іудеевъ во всѣхъ ихъ прежнихъ правахъ и привиллегіяхъ до полной свободы богослуженія включительно.

тогоже несчастія не избѣгли они въ собственномъ отечествѣ Палестинѣ. Дѣло здѣсь началось тѣмъ, что Іудейскіе обитатели приморскаго филистимскаго города Іамніи [1]) не потерпѣли алтаря, воздвигнутаго на зло іудеямъ языческимъ населеніемъ во имя Кесаря,—и разрушили оный. Извѣщенный объ этомъ прокураторомъ города, Геренніемъ Капитономъ [2]), Кесарь пришелъ въ страшное раздраженіе и тотчасъ отдалъ приказъ, въ отмщеніе этой выходки Іудеевъ, поставить свое изображеніе въ самомъ храмѣ Іерусалимскомъ. Для подавленія предъусмотрѣннаго сопротивленія Іудеевъ, Петроній, Сирійскій намѣстникъ, только что смѣнившій Вителлія, получилъ полномочіе передвинуть въ Палестину половину Сирійской арміи [3]), и съ помощію этихъ войскъ во что бы то ни стало осуществить императорскую волю. Скрѣпя сердце, Петроній взялъ на себя это опасное непріятное полномочіе (зимою 39—40) [4]) и, прежде принятія рѣшительныхъ мѣръ, собравъ къ себѣ старѣйшинъ Іудейскихъ, пытался мѣрами убѣжденія устранить препятствія со стороны Іудеевъ, но, конечно, напрасно. Лишь только разнеслись слухи о намѣреніяхъ Петронія въ народѣ, несмѣтныя толпы послѣдняго устремились въ Птолемаиду, гдѣ онъ зимовалъ въ ожиданіи весны для открытія военныхъ дѣйствій, и здѣсь устроили ему захватывающе-трогательную сцену. Старики, мужья, мальчики, старухи, жены, дѣвочки въ 6 отдѣльныхъ отрядахъ приходили къ нему съ слезными воплями и такъ разжалобили его, что онъ рѣшился по крайней мѣрѣ отсрочивать возможно долѣе свое жестокое порученіе [5]). Всетаки въ особомъ отношеніи къ Кесарю, онъ извѣстилъ его о необходимости отсрочки, частію вызываемой будто бы затяжкою работъ по изготовленію статуи, частію въ виду предстоявшей жатвы, отвлеченіе отъ которой грозило большимъ раззореніемъ странѣ. Какъ ни резонны были оправданія уклончивости Петронія, онъ не обманулся въ ожиданіи гнѣва Кесаря. Достаточно было для послѣдняго, что его воля встрѣчаетъ какія-то препятствія, и это было уже слишкомъ. Едва сдерживая гнѣвъ свой на медлительнаго намѣстника, онъ [6]) настаиваетъ на скорѣйшемъ осуществленіи своей воли и дѣлаетъ все болѣе и болѣе невозможнымъ дальнѣйшія отсрочки. Не покидая, между тѣмъ, надежды примирить Іудеевъ съ неизбѣжностію печальной для нихъ развязки, Петроній до полученія Кесарева отвѣта нарочито ѣздилъ въ Тиверіаду зондировать настроеніе страны, и здѣсь, послѣ новыхъ трагическихъ

[1]) По *Ἀρχ.* XVIII, 6, 3 это была частная собственность Кесаря.

[2]) *Ἀρχ.* XVIII, 6, 3—*ὁ τῆς Ἰαμνείας ἐπίτροπος*, по Филону *φόρων ἐκλογεὺς τῶν τῆς Ἰουδαίας*, послѣднее вмѣсто *τῆο Ἰαμνείαο*, какъ справедливо догадывается Schürer.

[3]) По Іос. *Ἀρχ.* XVIII, 8, 2—2 легіона; по *περὶ ἁλ.* II, 10, 1—три; первое вѣрнѣе, такъ какъ всего въ Сиріи стояло 4 легіона, половина которыхъ, двинутая, по Филону § 31, какъ разъ и будетъ 2.

[4]) Срв. *Ἀρχ.* XVIII, 8. 2 съ предшеств. и послѣд.

[5]) Просить объ отмѣнѣ его или доказывать его полную неосуществимость, онъ никакъ не осмѣливался, ибо зналъ, что подобная процедура не въ характерѣ Калигулы, и не предвѣщала ему самому ничего хорошаго.

[6]) Philo, § 33—34. M. II, 582—584. Нельзя отождествлять этотъ отвѣтъ съ упоминаемымъ въ *Ἀρχ.* XVIII, 8, 2, имѣвшимъ мѣсто ранѣе.

манифестацій [1]), окончательно убѣдился въ слабости своихъ нервовъ для такого кроваваго дѣла, какое обѣщало ему исполненіе нелѣпой затѣи Кесаря. Послѣ этого, Петроній увелъ войска въ Антіохію [2]) и отправилъ письмо къ Кесарю, на свой рискъ и страхъ увѣщевая въ необходимости отступиться отъ его намѣренія, ради собственныхъ же интересовъ и человѣколюбія [3]).

Прежде прибытія этого письма по его назначенію, пріѣхавшій въ Римъ царь Агриппа I [4]) успѣлъ повидимому нѣсколько повернуть дѣло въ пользу Іудеевъ. Воспользовавшись дружественною близостію къ Калигулѣ и запутавъ его въ сѣтяхъ своего гостепріимства (пирушки), [5]) Агриппа улучилъ минуту убѣдить кесаря отмѣнить свое приказаніе, „подобнаго которому не издавалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ“ [6]). Петронію былъ тотчасъ же посланъ приказъ—оставить храмъ Іерусалимскій въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ его этотъ приказъ застанетъ, что̀ означало, впрочемъ, оставить въ немъ также и статую, еслибы она уже оказалась поставленною, и прямо, кажется, даже расчитывало на это послѣднее. По крайней мѣрѣ, не менѣе не годилась въ уступку Агриппѣ подобная же оговорка въ концѣ указа, что никто не долженъ препятствовать сооруженіямъ алтарей и храмовъ кесарю внѣ Іерусалима. Къ счастію для іудеевъ, только благодаря тому, что никто и не думалъ воспользоваться этимъ правомъ на нелѣпыя сооруженія, не возникло изъ сего новыхъ опасностей странѣ. Наконецъ, что Калигула и не думалъ въ сущности уступать даже и Агриппѣ, видно по Филону, свидѣтельствующему, что [7]) послѣдствія нелѣпаго самообоготворенія Калигулы на этомъ не кончились. Онъ изготовилъ въ самомъ Римѣ новую статую взамѣнъ неудавшейся Сидонской, и имѣлъ намѣреніе, во время своего путешествія въ Александрію, самолично присутствовать при выгрузкѣ этой статуи въ одной изъ пристаней Палестины, чтобы потомъ молчкомъ водрузить её въ Іерусалимѣ. Къ счастію, смерть Калигулы помѣшала на этотъ разъ его новому безумію (24 Янв. 41 г.).

Быть можетъ, впрочемъ, умягченный винными парами на пирушкахъ Агриппы, Калигула склоненъ былъ пойти на незначительныя уступки въ пользу Іудеевъ хотя бы для видимости. Но и это все испортилъ подоспѣвшій въ несчастливую минуту отвѣтъ Петронія. Прекословіе чиновника, осмѣлившагося выступать со своими желаніями и совѣтами, вновь привело въ такое бѣшенство деспота, что онъ тотчасъ же послалъ Петронію смертный приговоръ. Предупредившая полученіе этого приговора вѣсть о смерти Калигулы была, по этому, желаннымъ событіемъ и для Петронія [8]). О выполненіи надъ

[1]) Поддержанныхъ также Аристовуломъ, братомъ Агриппы царя и другими вліятельными лицами.

[2]) *περὶ ἁλ.* II, 10, 5.

[3]) *Ἀρχ.* XVIII, 8, 3—6. *περὶ ἁλ.* II, 10, 3—5.

[4]) Выбылъ изъ Палестины 40 г. весной.

[5]) *Ἀρχ.* XVIII, 8, 7—8.

[6]) Philo, § 36—41.

[7]) Phil. § 42—43. M. II, 594—595. Suet. Calig. c. 49.

[8]) *Ἀρχ.* XVIII, 8, 8—9; *περὶ ἁλ.* II, 10, 5. Срв. Іуд. пред. у Derenbourg'a p. 207 и д. См. Schür. I, 424, 174 прим. о хронологическихъ трудностяхъ показаній Филона.

нимъ смертнаго приговора теперь такъ же мало могло быть рѣчи, какъ и о постановкѣ кесаревой статуи въ святилищѣ Іеговы.

Преемникомъ Калигулы былъ Клавдій, возведенный на тронъ своими солдатами. Въ признательность Агриппѣ, съ изумительно жидовскою изворотливостію не мало способствовавшему — воцаренію новаго императора, своего пріятеля, послѣдній утвердилъ его во всѣхъ владѣніяхъ, подаренныхъ ему Калигулою, и сверхъ того подарилъ ему также и Іудею съ Самаріей, объединивъ, такимъ образомъ, еще разъ всю монархію Старшаго Ирода въ рукахъ его потомка [1]). Этотъ новый подарокъ Рима Іудеѣ подразнилъ ее всего 3 года (41—44), по истеченіи которыхъ прежній порядокъ вещей водворился въ странѣ со всею своею мрачною безотрадностію.

§ 41. Иродъ Агриппа I, царь Іудеи, Самаріи и Галилеи (41—44).

Ἀρχ. XVIII, 6; XIX, 5—9; *περὶ ἁλ.* II, 9—11. Дѣян. XII, Равв. пред. у Derenb. 205—219.

Прежде выпавшаго на его долю счастія, судьба Ирода Агриппы [2]) была полна превратностей. Оставшись трехлѣтнимъ ребенкомъ (род. 10 г. до Хр. ум. 44 по Хр. *Ἀρχ.* XIX, 8, 2) послѣ казненнаго Иродомъ отца (Аристовула) всецѣло на попеченіи матери (Вероники, дочери Саломіи и Костовара—*Ἀρχ.* XVIII, 5, 4), Агриппа шести лѣтъ (незадолго до смерти дѣда Ирода) отправился съ нею въ Римъ, гдѣ и воспитывался вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ Тиверія, Друзомъ, при дворѣ. Вліяніе Римскаго общества сказалось отрицательными чертами на характерѣ мальчика, развивъ страсть къ роскоши и расточительности, быстро доведшимъ его, послѣ смерти матери, къ безъисходной нуждѣ. Потеря со смертію Друза († 23 по Хр.) поддержки при дворѣ вынудила его оставить Римъ и вернуться въ Палестину [3]), гдѣ онъ избралъ своимъ мѣстожительствомъ Малаеу, крѣпость въ Идумеѣ. Послѣ римской роскоши, жизнь здѣсь до такой степени являлась невыносимою для Агриппы, что доводила его даже до мысли о самоубійствѣ. Лучшій исходъ изъ затрудненія придумала супруга его, Кипра, обратившись съ слезною просьбою о помощи къ своей золовкѣ Иродіадѣ (сестрѣ Агриппы), уже сожительствовавшей съ Антипою. Послѣдній, выручая своего сородича, назначилъ ему пособіе, и далъ мѣсто въ званіи „агоранома“ (торговаго старосты) въ главномъ городѣ Тиверіадѣ. Послѣ одной крупной размолвки обоихъ Иродіанъ на пирушкѣ въ Тирѣ, Агриппа оставилъ свою должность и удалился къ римскому намѣстнику

[1]) *Ἀρχ.* XVIII, 5, 1; *περὶ ἁλ.* II, 11. 5.

[2]) Дѣян. 12 называетъ его неточно Иродомъ. У Іосифа и на монетахъ стоитъ „Агриппа“.

[3]) По Wieseler'у въ 29 или 30 г., во всякомъ же случаѣ уже послѣ брака Иродіады съ Антипой.

Флакку, въ Антіохію [1]). Неужившись и здѣсь, онъ вскорѣ ѣдетъ отсюда вновь попытать счастія въ Римъ, добравшись куда (весною 36 г.) [2]) послѣ многихъ денежныхъ приключеній, успѣлъ втереться въ службу при дворѣ, но вскорѣ же за подозрительныя отношенія съ Каіемъ попалъ въ узы и томился въ темницѣ до самой смерти Кесаря (1/2 года до 16 Марта 37). Съ вступленіемъ на престолъ Калигулы, дружившаго съ Агриппою, счастіе стало улыбаться царственному авантюристу. Въ возмѣщеніе непріятностей темничнаго заключенія онъ получилъ, съ предложенія Кесаря и согласія Сената, тогдашнія тетрархіи Филиппа и Лизанія вмѣстѣ съ царскимъ титуломъ и почетными правами претора, пожалованными ему отъ сената, [3]) и вмѣсто желѣзной цѣпи, недавно сковывавшей его, получилъ въ подарокъ лично отъ Кесаря такого же вѣса золотую. Черезъ 1/2 года Агриппа (38 г.) оставилъ Римъ, чтобы приступить къ упорядоченію своего царства [4]), которое вскорѣ же (около 40 г.) расширилось присоединеніемъ и тетрархіи Ирода Антипы. Но уже осенью того же 40 года мы видимъ его опять въ Римѣ небезъуспѣшно вліявшимъ на Калигулу, въ извѣстномъ дѣлѣ со статуей и игравшимъ не малую роль при воцареніи, послѣ гибели Каія (24 янв. 41 г.) новаго императора Клавдія. Исполненный признательности Агриппѣ за нравственную поддержку [5]) въ трудныхъ обстоятельствахъ воцаренія, Клавдій включилъ въ его царскія владѣнія Іудею съ Самаріей, пожаловалъ ему консульское достоинство и, увѣковѣчивъ все это по Римскому обычаю на мѣдныхъ доскахъ [6]), поставленныхъ въ Капитоліи, позволилъ выклянчить у себя не мало другихъ милостей.

Итакъ, послѣ 35 лѣтняго (6—41) существованія Іудеи на положеніи Римской провинціи, она, вмѣстѣ съ другими частями Иродовой монархіи, возвратила себѣ на время относительно самобытное политическое управленіе, въ качествѣ царства [7]), просуществовавъ въ этомъ новомъ видѣ около 4 лѣтъ. При самомъ вступленіи своемъ на престолъ Старшаго Ирода, новый царь Іудейскій [8]) подавалъ большія надежды на прочность и благополучіе своего правленія. Онъ старался показать себя государемъ прежде всего набожнымъ, строгимъ ревнителемъ законовъ своего народа и заботливымъ отцомъ своихъ подданныхъ. Золотую цѣпь свою, подаренную ему Калигулою, онъ посвятилъ храму Іерусалимскому въ память и въ знакъ превратности судебъ чело-

[1]) *Ἀρχ.* XVIII, 6, 2.

[2]) *Ἀρχ.* XVIII, 5, 3.

[3]) Срв. Philo, in. Flacc. § 6. M. II, 523. *Βασιλέα καὶ φίλον Καίσαρος καὶ ὑπὸ τῆς Ρωμαίων βουλῆς τετιμημένον στρατηγικαῖς τιμαῖς.*

[4]) *Ἀρχ.* XVIII, 6, 11, Фил. in. Fl. § 5 M. II, 521.

[5]) *Ἀρχ.* XIX, 1—4 *περὶ ἁλ.* II, 11.

[6]) *Ἀρχ.* XIX, 5, 1; *περὶ ἁλ.* II, 11, 5. Dio Cass. LX, 8.

[7]) На правахъ, конечно, союзничества (*συμμαχία*) съ Римскимъ сенатомъ и народомъ (*σύγκλητος καὶ δῆμος Ῥωμαίων*). Предоставленіе свободы самоуправленія на этихъ правахъ вообще было въ духѣ Клавдія, по свид. Suet. Claud. 25: cum regibus foedus in foro icit porca caesa ac vetere fetialium praefatione adhibita.

[8]) Интересныя свидѣтельства о его титулѣ сохранены для насъ открытыми въ Аѳинахъ надписями. По этимъ надписямъ, мы узнаемъ прежде всего, что онъ вклю-

ческихъ и своего освобожденія отъ несчастія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принесъ Богу множество жертвъ благодарности, съ соблюденіемъ „всѣхъ предписаній закона", устраивалъ различныя религіозныя торжества (остриженія Назореямъ власовъ), съ высоты престола подавалъ примѣръ благочестиваго образа жизни и т. п. Характерною чертою правленія Агриппы было также преобладаніе партіи фарисейской, для которой теперь вернулась золотая эпоха Александры. Іосифъ [2]) согласно съ Талмудомъ [3]) отмѣчаетъ это обстоятельство, восхваляя истинно-израильскія доблести и благочестіе Агриппы.

Ревность Агриппы за соблюденіе Іудейства не ограничивалась предѣлами его собственнаго царства. Извѣстенъ случай, какъ онъ, напр., вступился за Іудеевъ [4]) Финикійскаго города Доры, молодежь котораго дерзнула подъ видомъ благоговѣнія къ особѣ Кесаря поставить его изображеніе въ мѣстной Іудейской синагогѣ. Доведенный Агриппою до свѣдѣнія Петронія, Сирійскаго намѣстника, этотъ инцидентъ повелъ къ тому, что на будущее время подобныя оскорбленія Іудеевъ не только запрещались, но и угрожались строжайшими наказаніями. О томъ же ревностномъ отношеніи къ Іудейству свидѣтельствуетъ фактъ, что Агриппа въ числѣ условій, на какихъ его дочь Друзилла обручалась Епифанію, царевичу Коммагенскому, ставитъ принятіе женихомъ обрѣзанія, и когда женихъ отказывается, онъ отдаетъ невѣсту другому (Азизу, царю Емесскому) на тѣхъ же условіяхъ. Все это весьма привлекало къ царю любовь и расположеніе народа, особенно краснорѣчиво выразившіяся на праздникѣ Кущей 41 г. Читая по древнему обычаю предъ народомъ книги Второзаконія, и дойдя до мѣста XVII, 14—15, гдѣ Богъ повелѣваетъ народу выбирать себѣ царя „изъ среды братьевъ своихъ", избѣгая „иноземцевъ", Агриппа вдругъ залился слезами въ сознаніи своего неудовлетворенія этой Божественной заповѣди. Тогда весь народъ единодушно закричалъ: „будь безпечаленъ, Агриппа! Ты—нашъ братъ! Ты—нашъ братъ!" [1])

Не одно тщательное уваженіе къ фарисейскимъ постановленіямъ и воззрѣніямъ (фарисейско-національная политика) способствовало этой популярности Іудейскаго царя. Онъ заслуживалъ ея также своимъ необычайнымъ благодушіемъ [2]), мягкостію и безграничною щедростію [3]), въ дѣлахъ внутренняго управленія. Благополучію послѣдняго не мало способствовала также и разумная внѣшняя политика Агриппы, направлявшаяся къ незамѣтному и возможному ослабленію зависимыхъ отношеній къ Риму. Двѣ робкія попытки въ этомъ именно духѣ представляютъ его заботы объ укрѣпленіи Іерусалима новыми массивными стѣнами, „непреодолимыми всякою человѣческою силою" и попытки къ тѣсному сближенію съ 5 другими римскими вассальными по отношенію къ Риму князьями (Антіохъ Коммагенскій, Самписигерамъ Емесскій, Котисъ Мало-Арменійскій, Полемонъ Понтійскій и Иродъ Халкидскій). Оба предпріятія обратили на себя вниманіе проницательнаго Сирійскаго намѣстника Марса и разрушены имъ прежде, чѣмъ могли подавать надежды на какіе-либо плоды: особымъ приказомъ изъ Рима, по доносу Марса, работы по возобновленію стѣнъ немедленно пріостановились [4]), а дружба съ другими союзными царями потеряла всякую опасность немедленнымъ ихъ разобщеніемъ и удаленіемъ каждаго въ свои владѣнія [5]).

Благодушіе и благочестіе Агриппы безпрепятственно совмѣщались въ немъ съ другими неприглядными чертами характера, бывшими, съ одной стороны, въ немъ какимъ-то роковымъ наслѣдіемъ Идумейской фамиліи, съ другой — вызывавшимся его абсолютизмомъ въ іудейской политикѣ. То и другое повлекло неизбѣжно къ тому, что̀ заставляло Дѣписателя выставить въ такомъ неблагопріятномъ свѣтѣ этого расхваленнаго Іосифомъ царя. Нѣтъ никакой нужды примирять эти повидимому различныя характеристики одного и того же лица у двухъ историковъ: оба по своему правы, разсматривая личность Агриппы съ двухъ различныхъ сторонъ, и не отступая при томъ другъ отъ друга въ общемъ. Въ самомъ дѣлѣ, очевидная изъ Іосифа крайность Іудейской политики Ирода совершенно объясняетъ то, что

чается въ gens Julia.] Corp. inscr. Graec. n. 361=Corp. Inscr. Atticar. III, 1 № 556 называетъ его дочь Веренику Ἰουλία Βερενείκη βασιλίσσα μεγάλη, Ἰουλίου Ἀγρίππα, βασιλέως θυγατήρ. Слѣды этого у Іосифа (Ἀρχ. XIX, 9, 1 и κατὰ Ἀπ. I, 9 и др. памятники (Le Bas et Waddington, Inscriptions, t. III, n. 2112, и Hermes IV. 1870 s. 190 Wood, Discoveries at Ephesus Inscriptions from the Great Theatre, p. 50, n. 5. Schür. l. 468, 42 пр.). Титулъ царя βασιλεὺς μέγας φιλόκαισαρ εὐσεβὴς καὶ φιλορώμαιος найденъ Waddington'омъ близъ Kanawât, на западномъ склонѣ Haurân'a, (см. Le Bas et Waddington, Inscriptions Grecques et Latines t. III, n. 2365), при чемъ части этого титула φιλόκαισαρ и φιλορώμαιος, по многимъ другимъ открытымъ надписямъ, позволяютъ заключать о частомъ примѣненіи ихъ къ союзнымъ царямъ того времени. См. напр. Index къ Corp. inscr. Graec. p. 165.

[1]) Ἀρχ. XIX, 6, 1. срв. Mischna Middoth III, 8 (Derenb. p. 209).

[2]) Ἀρχ. XIX, 7 3: Ἡδεῖα γοῦν αὐτῷ δίαιτα καὶ συνεχὴς ἐν τοῖς Ἱεροσολύμοις ἦν, καὶ τὰ πάτρια καθαρῶς ἐτήρει. Διὰ πάσης, γοῦν αὐτὸν ἦγεν ἁγνείας οὐδὲ ἡμέρα τις παρῴδευεν αὐτῷ χηρεύουσα θυσίας.

[3]) Mischna Bikkurim, III, 4 приводитъ случай, какъ въ день освященія начатковъ плодовъ взялъ каждый, и самъ царь Агриппа, свой коробъ на плечи и понесъ до самыхъ преддверій храма, срв. Mischna Bikkurim, III, 1—9 (также Филонъ, de festo cophini, изд. Richter V, 48—50). По обыкновенію раввинскихъ преданій, въ приведенномъ событіи не отличено, при какомъ Агриппѣ, I или II, оно имѣло мѣсто, но можно догадываться, что это былъ Агриппа I.

[1]) Sota VII, 8. Этотъ голосъ народа не былъ простою лестію, но согласовался и со строго-фарисейскими воззрѣніями, въ силу которыхъ потомство Идумеянина, обращавшагося въ іудейство, уже въ третьемъ поколѣніи считалось за совершенныхъ Израильтянъ (Втор. 23, 8—9). Нѣкоторые изслѣдователи (Hitzig. II, 571, Brann. и др.) относятъ это событіе къ Агриппѣ II, сыну I-го, но большинство находятъ болѣе естественнымъ все это относить къ Агриппѣ I-му въ виду его положительнаго и ясно выступающаго фарисейскаго содружества.

[2]) Исторія съ Силой Ἀρχ. XIX, 7, 1; 6, 3, и съ Симономъ фарисеемъ Ἀρχ. XIX, 7, 4, подтверждаетъ не мало эту черту характера Агриппы.

[3]) Ἀρχ. XIX, 7, 3: Πρᾴως ὁ τρόπος Ἀγρίππα, καὶ πρὸς πάντας τὸ εὐεργετικὸν ὅμοιον.

[4]) Ἀρχ. XIX, 7, 2: περὶ ἄλ. II, 11, 6; V, 4, 2. срв. у Derenb. p. 218 и д. Замѣчательно, что Tacit. Hist. V, 12, объясняетъ первоначальное снисхожденіе къ построенію стѣнъ подкупомъ римскихъ чиновниковъ Агриппою: per avaritiam Claudianorum temporum empto jure muniendi struxere muros in pace tamquam ad bellum.

[5]) Ἀρχ. XIX, 8, 1.

онъ выступаетъ у Дѣописателя жестокимъ преслѣдователемъ юнаго христіанскаго общества, силясь сокрушить особенно его „столпы“ (мученич. кончина Іакова Зеведеева и заключеніе въ темницу Петра, лишь чудесно избавившагося отъ той же участи). Самъ Іосифъ, при всей своей лестной характеристикѣ Ирода, представляетъ данныя не только для подтвержденія естественности отношеній Ирода къ христіанскому движенію, но и для указанія аналогичныхъ послѣдствій его строго-Іудейской политики. Эти данныя показываютъ также, что Иродъ былъ врагъ не однихъ христіанъ; для языческихъ городовъ своей области онъ также оставилъ по себѣ самую дурную память, о чемъ свидѣтельствуетъ упоминаемая Іосифомъ [1]) дикая выходка Кесарійцевъ и Севастійцевъ, при первомъ извѣстіи о его смерти.

Любопытно, что самое его фарисейское благочестіе, представлявшее такой контрастъ со всею его предшествовавшею жизнію, было болѣе чѣмъ подозрительно въ своей искренности. Нѣтъ нужды ссылаться при этомъ только на психологическую трудность того, чтобы послѣ почти 50-лѣтней распущенности и на закатѣ дней своей жизни Иродъ могъ по внутреннему побужденію возложить на себя бездушное фарисейское иго. Мы имѣемъ фактическія доказательства въ самомъ Іосифѣ того, что набожность царя ограничивалась только предѣлами св. Земли. Внѣ этихъ предѣловъ Иродъ не уступалъ ни въ чемъ своему дѣду въ угожденіи требованіямъ языческо-греческой культуры. Беритъ особенно обязанъ былъ ему за поддержаніе своего языческаго блеска. Здѣсь щедротами его украсились и выстроились роскошные—театръ, амфитеатръ, бани и портики, процвѣтали игры и забавы всѣхъ родовъ, не исключая гладіаторства въ наиболѣе гнусной и безчеловѣчной его формѣ, о которой самъ Іосифъ почти готовъ отзываться съ одобреніемъ [2]). Говоритъ Іосифъ о процвѣтаніи подобныхъ же игръ и зрѣлищъ также въ Кесаріи [3]), гдѣ, между прочимъ, по его же свидѣтельству [4]), имѣлись и статуи дочерей Агриппы; даже монеты съ именемъ Агриппы [5]) менѣе воздержны на счетъ лицевыхъ изображеній, чѣмъ хотя бы его предшественниковъ, не рѣшавшихся нарушать эту уступку іудейскому воззрѣнію. Только въ самомъ Іерусалимѣ не позволялъ онъ никакихъ изображеній, за то во многихъ другихъ городахъ не рѣдкостью было встрѣтить статую его самого, или Кесаря. Все это въ совокупности даетъ понять, что самая наклонность къ фарисеизму [6]) была въ этомъ Иродіанинѣ

[1]) *Ἀρχ.* XIX, 9, 1. Подъ Севастійцами здѣсь разумѣется *Σεβαστηνοί*, т. е. Самарійскіе солдаты, стоявшіе гарнизономъ въ Кесаріи.

[2]) Одна изъ такихъ забавъ состояла въ томъ, что собранные изъ тюремъ преступники, составляя 2 огромныя роты по 700 человѣкъ, были заставлены дать на сценѣ картину настоящаго сраженія, удавшуюся какъ нельзя лучше: забавляя другихъ, эти несчастные и „сами получили чрезъ то казнь,“ погибли всѣ до единаго, и „ужасъ войны превратили въ мирныя увеселенія.“ (*Ἀρχ.* XIX 7, 5).

[3]) *Ἀρχ.* XIX, 8, 2.

[4]) XIX, 9, 1.

[5]) Хотя трудно еще сказать, принадлежатъ ли таковыя Агриппѣ I, или II. По крайней мѣрѣ есть данныя и за и противъ. См. Schürer I, 467 пр. 41.

[6]) 3 полныхъ года: *Ἀρχ.* XIX, 8, 2.

простымъ заигрываніемъ, входившимъ въ планы его политики, особенно нуждавшейся въ подобныхъ заигрываніяхъ въ виду столь легкой возможности, послѣ сдѣланнаго опыта, перейти во всякое время къ прокуратурѣ въ управленіи Іудеею, и что въ общемъ этотъ Иродъ былъ настоящій отголосокъ перваго Ирода, только развѣ „немного поуступчивѣе и разсудительнѣе“ [1]). Впрочемъ, и въ наклонности къ фарисеизму мало оригинальнаго было у Агриппы: извѣстно, что и тотъ первый Иродъ долженъ былъ допускать не мало прямыхъ уступокъ фарисейству; Агриппа выступаетъ только болѣе послѣдовательнымъ въ этомъ направленіи, не видя другихъ лучшихъ средствъ оградить миръ, во всецѣлой зависимости отъ коего былъ самъ онъ.

Не долго наслаждалась страна своимъ относительнымъ благополучіемъ при новомъ строѣ правленія [2]). Неожиданная смерть въ Кесаріи въ 44 г. [3]) прервала вмѣстѣ съ жизнію Агриппы и привиллегированное положеніе, возвращенное было Іудеѣ. Въ описаніи обстоятельствъ этой смерти Іосифъ имѣетъ параллель въ Дѣописателѣ (Дѣян. XII, 19—23), при чемъ, при сходствѣ обоихъ повѣствованій въ главныхъ пунктахъ, есть и нѣкоторыя между ними отличія. Общее то: мѣсто дѣйствія—Кесарія, пышное облаченіе царя, льстивыя хвалы, скоропостижная смерть. Въ частностяхъ отличія слѣдующія: по свидѣтельству Дѣописателя, въ то время, какъ пышно разодѣтый царь въ Кесаріи, сидя на трибунѣ (*βῆμα*), держалъ рѣчь къ посламъ Тира и Сидона (неизвѣстно чѣмъ его разгнѣвавшихъ), народъ привѣтствуетъ его рѣчь криками: „это Божій, а не человѣческій голосъ!“ Внезапно же поразилъ его Ангелъ Господень за то, что онъ не воздалъ славы Богу, и, будучи изъѣденъ червями, испустилъ духъ. По Іосифу, царь присутствовалъ въ Кесаріи на играхъ въ честь Кесаря [4]); его великолѣпныя, вытканныя изъ нитей чистаго серебра одежды блестѣли при этомъ на солнцѣ ослѣпительнымъ сіяніемъ; это и давало льстецамъ поводъ къ самымъ неумѣреннымъ похваламъ, въ которыхъ они называли его богомъ и ввѣряли себя его милости (*θεὸν προσαγορεύοντες*). Царю, повидимому, была по сердцу такая низкая лесть, что тотчасъ же и не замедлило навлечь на него гнѣвъ Божій: увидя надъ собою филина [5]), онъ впалъ въ суевѣрный страхъ и, вмѣстѣ, почувствовалъ такую жестокую рѣзь въ животѣ, что на рукахъ отнесенъ былъ немедленно во дворецъ, гдѣ послѣ 5-дневныхъ мученій и скончался. При трудности полнаго соглашенія обоихъ этихъ варіантовъ, въ виду того, что они вѣроятно сосредоточиваются около двухъ самостоятельныхъ мо-

[1]) Keim, Bibel Iex. III, 55.

[2]) 3 полныхъ года: *Ἀρχ.* XIX, 8, 2.

[3]) Вскорѣ послѣ Пасхи (Дѣян. 12, 3 и д.)

[4]) По мнѣнію Schürer'a, эти игры были не тѣ, которыя по установленію Ирода Старшаго повторялись каждые 4 года, какъ думаетъ Wieseler Chronol... 129—136, а особыя экстраординарныя, установленныя повсемѣстно *εἰς τὴν Καίσαρος τιμὴν ὑπὲρ τῆς ἐκείνου σωτηρίας* о здравіи Кесаря, благополучно возвратившагося изъ Британіи весной 44 г. въ Римъ (Dio Cass. LX, 23).

[5]) который (XVIII, 6, 7), по предсказанію одного Германца, бывъ однажды вѣстникомъ перемѣны его состоянія, долженъ былъ во второй разъ предвѣщать его смерть чрезъ 5 дней. См. о филинѣ, какъ птицѣ несчастій, у Plinius'a Hist. nat. X, 12, 34—35.

ментовъ, нѣтъ надобности ломать голову надъ тѣмъ, какой изъ этихъ моментовъ былъ ближе къ почувствованію болѣзни Агриппы; достаточно привести только въ оправданіе и поясненіе Луки, что и у него „внезапное пораженіе Ангеломъ“ не только не исключаетъ пятидневнаго теченія болѣзни Агриппы, а и предполагаетъ прямо послѣднее пояснительнымъ прибавленіемъ: „бывъ изъѣденъ червями, издше“.

Послѣ Агриппы, кромѣ 3 дочерей (Вереника, Маріамма и Друзилла), остался только одинъ 17-лѣтній сынъ того же имени. Опасаясь ввѣрить неопытному юношѣ царство его отца, Клавдій по совѣту своихъ вельможъ объявилъ опять всю Палестину Римскою провинціею, и, оставивъ юному наслѣднику (воспитывавшемуся, какъ всѣ Иродіане, въ Римѣ) приватное состояніе, послалъ для управленія Іудеею, подъ ближайшимъ надзоромъ Сирійскаго намѣстника [1]), прокуратора *Куспія Фада* [2]).

---

[1]) *Ἀρχ.* XIX, 9, 1—2; *περὶ ἁλ.* II, 11, 6. По мнѣнію Bormann'a (De Syriae provinciae Romanae partibus capita nonnulla, 1865, p. 3—5), въ зависимость отъ Сирійскаго намѣстника Іудея была поставлена собственно лишь съ 49 г., управляясь до этого времени (съ 44 г.) независимымъ отъ него прокураторомъ. Мнѣніе это основано на неточномъ выраженіи Тацита, Ann. XII, 23, Ituraei et Judaei defunctis regibus, Sohaemo atque Agrippa, provinciae Syriae additi, имѣющемъ суммаричное значеніе. Уже Кассій Лонгинъ, одновременно съ К. Фадомъ назначенный легатомъ Сирійскимъ, вмѣшивается въ отношенія Іудеи, что даетъ понять, что Іудейскій прокураторъ стоялъ въ зависимыхъ отношеніяхъ къ Сирійскому намѣстнику съ самыхъ первыхъ поръ.

[2]) Въ послѣдующее время своего пребыванія въ Римѣ Агриппа II своимъ вліяніемъ при дворѣ оказалъ немалую услугу Іудейству, когда поддержалъ его сторону, напримѣръ, въ спорѣ о первосвященническихъ одеждахъ (*Ἀρχ.* XX, 1, 2; XV, 11, 4) и въ столкновеніи изъ временъ прокуратора Кумана (*Ἀρχ.* XX, 6, 3; см. ниже), подвергшагося наказанію за свои злодѣянія преимущественно благодаря Агриппѣ. Придя въ совершенный возрастъ, Агриппа успѣваетъ добиться нѣкотораго реванша за отнятое отцовское наслѣдіе, получаетъ около 50 г. (срв. *περὶ ἁλ.* II, 14, 4) отъ Клавдія въ возмѣщеніе отеческаго наслѣдія маленькое царство Халкидское, послѣ смерти его дяди Ирода Халкидскаго, и вмѣстѣ также его право надзора за храмомъ и утвержденія первосвященниковъ (*Ἀρχ.* XX, 5, 2; *π. ἁ.* II, 12, 1; срв. *Ἀρχ.* XX, 9, 7: *ἐπεπίστευτο ὑπὸ Κλαυδίου Καίσαρος τὴν ἐπιμέλειαν τοῦ ἱεροῦ*· Въ 53 году (13-й Клавдія) владѣнія Агриппы были расширены пожалованіемъ ему тетрархіи Филипповой (Batanäa, Trachonitis, Gaulanitis) и Лизаніевой (Abila и также недалеко отъ него Helbon) и округа *Вара* (*ἐπαρχία Οὐάρου*, срв. *βίος* 11, *Ἀρχ.* XX, 7,1; *π. ἁ.* II, 12, 8); наконецъ, благоволеніемъ Нерона царство Агриппы было еще увеличено на счетъ значительныхъ отрѣзковъ Галилеи и Переи (города Тиверіада и Тарихея съ своими округами и городъ Юлія съ 14 окрестными деревнями *Ἀρχ.* XX, 8, 4. *π. ἁ.* II, 13, 2), что, такимъ образомъ, дѣлало „Марка Юлія Агриппу“ (*Μάρκος Ἰούλιος Ἀγρίππα*, на монетахъ и надписяхъ см. Schür. I, 490, 1 прим.) вполнѣ настоящимъ царемъ и наслѣдникомъ отца, подобно которому онъ также усвоилъ титулъ *βασιλεὺς μέγας φιλόκαισαρ εὐσεβὴς καὶ φιλορώμαιος* (Waddington n. 2365, срв. n. 2552). Оставалось только и этому потомку Ирода оправдать свое происхожденіе соотвѣтствующими чертами правленія. И онъ это сдѣлалъ не менѣе всякаго изъ своихъ сородичей. О его кровосмѣшеніи съ сестрою Вероникою (*Ἀρχ. XX*, 1, 3), оставшеюся вдовою послѣ Ирода Халкидскаго—(матерью *двухъ* дѣтей!) говорили даже римскія сатиры (Juvenal. Sat. VI, 156—160). О томъ же и о его безумной гордости (*μετὰ πολλῆς φαντασίας*) знаетъ кн. Дѣяній (25, 13, 23.).

Ἀρχ. XX кн.

II. ВТОРАЯ СЕДМЕРИЦА ПРОКУРАТОРОВЪ.

§ 42. **До войны (44—66).**

Ἀρχ. XX, 1 и 5—11; περὶ ἁλ. II, 11—14.

Стремительно и неуклонно покатилась политическая жизнь народа Божія къ концу, сразу какъ только угасъ на крестѣ Его обѣтованный, но имъ отвергнутый Царь. Духъ злобы и тьмы до крайности развилъ свое тлетворное броженіе, лишь только „Солнце Праведное“ перестало сіять для ослѣпленныхъ очей Израиля. Какъ электрическій токъ опредѣленнаго наименованія (положительный, отрицательный) моментально развиваетъ въ противовѣсъ себѣ противоположную энергію соотвѣтствующей интенсивности, такъ отчуждившійся отъ жизни Божіей народъ, разлагаясь на объединявшіяся дотолѣ въ немъ части, дробится на множество отдѣльныхъ токовъ (партій), изъ коихъ каждая, съ

Угодничество Риму подтверждаетъ Тацитъ (Ann. XIII, 7); памятникомъ его пристрастія къ эллинизму и римской цивилизаціи остались города Neroniada (бывшая Кесарія Филиппова) и Беритъ, въ которыхъ онъ поддерживалъ блескъ заведенный отцомъ. О его пренебреженіи къ іудейскимъ обычаямъ свидѣтельствуютъ монеты, носящія не только имена, но и портреты Нерона, Веспасіана, Тита и Домиціана; вообще его индифферентизмъ виденъ достаточно изъ Дѣян. 26, 28. Есть свидѣтельство и о его жестокости, Derenbourg, 252—254. Grätz. Monatschr. 1881, 483—493. Наконецъ, что касается его заслугъ собственно для Іудейства, то все это ограничивалось маловажными вещами (*π. ἁ.* V, 1, 5 *Ἀρχ. XX*, 9, 7), а иногда шло и прямо въ разрѣзъ съ Іудейскими обычаями, какъ напр. позволеніе пѣвцамъ левитамъ носить по примѣру священниковъ льняную одежду — беззаконіе, которое Іосифъ готовъ считать также однимъ изъ основаній послѣдующихъ бѣдствій Іудеевъ (*Ἀρχ. XX*, 9, 6—срв. Grätz, Monatschr. 1886 стр. 97 и д.). По возбужденіи Іудейской войны, Агриппа нѣкоторое время, по вполнѣ понятной естественной жалости, старался мѣрами убѣжденія подѣйствовать и на волновавшійся народъ и на увлекавшихся обидчиковъ. Но это было уже и поздно, и сдѣлано неумѣло, а потому и тщетно. Въ виду этого Агриппа счелъ за лучшее оставаться на сторонѣ Рима, и помогалъ ему своими отрядами, за что, между прочимъ, народъ спалилъ его дворцы (*π. ἁ.* II, 17, 6). Послѣ этого Агриппа еще рѣшительнѣе началъ дѣйствовать въ союзѣ съ Римомъ, и до конца войны позорилъ свое имя помощію палачамъ Іерусалима и даже не постыдился праздновать вмѣстѣ съ ними гибель родственнаго народа блестящимъ пиромъ въ Кесаріи Фил. (*π. ἁ. VII*, 2, 1). За такую „вѣрность“ Риму онъ до конца жизни († 100 г. по свид. Іуста Тивер.—въ Photius Biblioth. cod. 33) оставался царемъ своихъ владѣній, не только нетронутыхъ, но еще и увеличенныхъ къ сѣверу. Послѣ же его смерти, такъ какъ онъ умеръ бездѣтнымъ, его царство, конечно, отошло къ провинціи Сирійской. Болѣе подробныя свѣдѣнія о всемъ этомъ попутно будутъ сообщаемы при изслѣдованіи Іосифовой исторіи войны.

силою и неудержимостію электричества, стремится найти себѣ жизнь въ уничтоженіи и поглощеніи другой, способствуя въ этомъ взаимоуничтоженію общему концу всего цѣлаго, подъ послѣднею блеснувшею молніею отъ грозы—Рима.

Двѣ силы—хотимъ мы сказать — выступили въ качествѣ исполнителя непреложныхъ предначертаній суда Божія Христоубійственному народу, и были, т. сказать, „ангеломъ его смерти". Одна изъ нихъ—всепоглощающія стремленія Рима, другая—всеуничтожающее и растлѣвающее отчужденіе отъ жизни Божіей, которая въ обѣтованіяхъ и чаяніяхъ Мессіи, пока таковыя имѣли для себя основаніе, была истинною живою „душею" Израиля, но которая фактически и юридически начала быть таковою „душею" лишь для новаго Израиля, получившаго съ принятіемъ Уничиженнаго Мессіи „область истиннымъ чадомъ Божіимъ быти", и перестала служить таковою душою для коснѣющаго въ своемъ ослѣпленіи до сихъ поръ Израиля ветхаго. Было бы дѣломъ далеко не празднаго увлеченія для историка изслѣдовать раздѣльно и насколько возможно самостоятельно оба эти фактора, принимавшіе равномѣрное участіе въ уничтоженіи чуть не самаго бытія Израиля, и бывшіе также въ числѣ мукъ рожденія, въ предопредѣленной неизбѣжности которыхъ появился новый христіанскій міръ. По крайней мѣрѣ, въ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ мы постараемся имѣть въ виду эту раздѣльность и самостоятельность, въ повѣствованіи нашего историка переплетающіяся нерѣдко до полнаго и неуловимаго сліянія.

Вся исторія 22-лѣтняго пребыванія Палестины и Іуден (послѣ Агриппы I, послѣдняго царя Іудейскаго) подъ правленіемъ второй седмерицы прокураторовъ—была какъ бы однимъ сплошнымъ систематическимъ подготовленіемъ и вызовомъ Іудеевъ къ послѣднему усилію высвободиться изъ-подъ удушительнаго гнета желѣзной Римской руки. Римскіе прокураторы за все это время точно по какому преднамѣренному взаимному соглашенію или наущенію будили въ народѣ самыя ненавистническія къ Риму чувства, и самые лучшіе, говоря относительно, изъ этихъ прокураторовъ обнаруживали крайнее непониманіе и нежеланіе или неумѣніе приспособиться къ той простой истинѣ, что такой народъ, какъ Іудейскій, болѣе всякаго другого нуждался въ сохраненіи своихъ индивидуальныхъ свойствъ прежде всякихъ другихъ уступокъ и благъ цивилизаціи. Что же касается „нелучшихъ" изъ числа прокураторовъ, то ихъ придирчиво—неумолимая строгость, вмѣсто мягкости и снисходительности въ самыхъ законныхъ случаяхъ, въ связи съ общимъ недостойнымъ ихъ поведеніемъ, была преступнѣйшею инціативою къ величайшему изъ бѣдствій, какимъ подвергались народы подъ пресловутою сѣнью гордаго Рима.

За весь 22-лѣтній (до войны) періодъ существованія второй Іудейско-Палестинской провинціи (какъ и первой) извѣстно 7 прокураторовъ, слѣдовавшихъ въ такомъ порядкѣ: 1) *Куспій Фадъ* (44—?), 2) *Тиверій Александръ* (до 48 г.), 3) *Вентидій Куманъ* (48—52), 4) *Феликсъ* (52—60), 5) *Порцій Фестъ* (60—62), 6) *Альбинъ* (62—64), и 7) *Гессій Флоръ* (64—66).

1. *Куспій Фадъ* былъ первымъ прокураторомъ, отправленнымъ въ Іудею Клавдіемъ послѣ Агриппы. О немъ, и еще о слѣдовавшемъ за нимъ Тиверіи Александрѣ, Іосифъ отмѣчаетъ, что они не трогали отеческихъ обычаевъ Іудейскаго народа и потому сохранили его миръ [1]). Однако, и по отношенію къ названнымъ прокураторамъ эта похвала должна имѣть лишь относительное значеніе. При самомъ вступленіи въ свою должность, Куспій Фадъ не преминулъ проявить характеръ задорный и самовластный. Въ гнѣвѣ на Перейскихъ Іудеевъ, дерзнувшихъ до его прибытія прибѣгнуть къ оружію при рѣшеніи одного пограничнаго спора съ городомъ Филадельфіею [2]), онъ строго расправляется съ 3 главнѣйшими вожаками конфликта, одного казнивъ, другихъ отправивъ въ ссылку. О его самовластіи и безцеремонности, задѣвавшихъ безъ всякой нужды самыя тонкія чувства народа, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, изъятіе снова во власть Рима уступленнаго Вителліемъ права на храненіе и выдачу первосвященническихъ облаченій, перенесенныхъ тогда опять въ башню Антонія. Къ счастію, Фадъ и прибывшій по этому же дѣлу въ Іерусалимъ Сирійскій намѣстникъ Кассій Лонгинъ были настолько благоразумны, что позволили особому Іудейскому посольству просить въ Римѣ о возвращеніи Іудеямъ отнятой привиллегіи, что, дѣйствительно, и было уважено Клавдіемъ, во вниманіе между прочимъ къ ходатайству юнаго Агриппы, вступившагося также въ это дѣло.

Ко времени К. Фада относится возстаніе Θевды, давшее случай къ большимъ кровопролитнымъ успѣхамъ прокуратора. Смутитель умовъ, лжепророкъ успѣлъ собрать большія массы народа кругомъ себя, обѣщая доказать имъ свою божественность чудеснымъ раздѣленіемъ, силою своего слова, Іордана, и съ переходомъ чрезъ него начать побѣдоносную борьбу противъ Рима. Конница, посланная Фадомъ, часть легковѣрныхъ перебила, другихъ захватила живьемъ, въ томъ числѣ самого Θевду, отсѣченная голова котораго потомъ была принесена въ Іерусалимъ въ качествѣ побѣднаго трофея и для большаго разочарованія увлекавшихся безразсуднымъ движеніемъ [3]).

2. Менѣе извѣстенъ преемникъ Фада *Тиверій Александръ* (до 48 г.), сынъ Александрійскаго алаварха [4]) Александра, племянникъ философа Филона, слѣд. принадлежавшій къ знатной Іудейской фамиліи [5]). Какъ ренегатъ, принесшій въ жертву обычаи и завѣты отцовъ ради поступленія въ Римскую службу, онъ по обычной психологіи ренегатства едва могъ оставаться хладнокровнымъ и снисходительнымъ по отношенію къ своимъ бывшимъ родичамъ [6]). Миромъ и

[1]) *περὶ αἱ.* II, 11, 6.

[2]) Schür. II, s. 105—107.

[3]) *Ἀρχ. XX*, 5, 1=Euseb. Hist. eccl. II, 11 и Дѣян. 5, 36. Въ послѣднемъ, Θевда упоминается въ рѣчи Гамаліила, при чемъ съ двоякаго рода недоумѣніемъ: во первыхъ, рѣчь эта относится ко времени *до* дѣйствительнаго выступленія Θевды; во вторыхъ, Θевда этотъ выступаетъ какъ будто *раньше* Іуды Галилеянина, возставшаго „во дни написанія"—„Θевда... *но семъ*... Іуда." Для примиренія этихъ неточностей многіе допускаютъ двухъ бунтовщиковъ съ именами Θевды. Срв. о семъ pro и contra: Sonntag, Zuschlag, Wieseler, Winer, Köhler, Schmidt.

[4]) О должности алаварха см. Schür. II, 540 и д.

[5]) *Ἀρχ.* XX, 5, 2; XVIII, 8, 1.

[6]) Особенную достовѣрность получаетъ это изъ дальнѣйшей судьбы Тиверія: послѣ участія въ войнѣ противъ Парѳянъ (Tacit. Ann. XV, 28) и его намѣстниче-

благоденствіемъ за время правленія такого прокуратора не могла наслаждаться Іудея уже потому, что это правленіе ознаменовалось для нея тяжкимъ голодомъ [1]), упоминаемымъ также въ книгѣ Дѣяній [2]). Есть основанія полагать, что не было мира и отъ политическихъ смутъ, какъ доказываетъ расправа Тиверія съ дѣтьми Іуды Галилеянина—Іаковомъ и Симономъ, распятыми на крестахъ, вѣроятно, за свои наклонности къ продолженію плановъ отца.

3. Но все это было ничто, въ сравненіи съ рѣшительнымъ обостреніемъ отношеній между обѣими сторонами—Римомъ и Іудеею—при послѣдующихъ прокураторахъ, начиная съ *Вентидія Кумана* (Вентидій, по Tacit. Ann. XII, 54, по Іосифу—только Куманъ (48—52 г.) [3]).

Какъ кажется, еще до непростительной выходки солдата, давшей поводъ къ мятежу, неспокойное настроеніе умовъ уже настолько обнаруживалось, что могло давать для Кумана основанія къ принятію чрезвычайныхъ мѣръ для успокоенія Іудейской столицы въ особенности въ виду наступавшаго праздника Пасхи. Возможно, что обычная стража, поставлявшаяся и при прежнихъ правителяхъ въ дни праздничныхъ стеченій народа у храмовыхъ переходовъ [4]), была на этотъ разъ усилена и, во всякомъ случаѣ, давала чувствовать себя народу не совсѣмъ легко и по-праздничному. Но если дикая выходка солдата, дерзнувшаго допустить умышленно-непристойное обнаженіе срамныхъ частей тѣла, на самомъ виду молитвенно настроеннаго народа, дѣйствительно, извиняла всякое вступленіе послѣдняго за столь дерзки-грубое оскорбленіе своего религіознаго чувства, то не было никакой и тѣни разумности въ поведеніи Кумана, который не попытался ничѣмъ достаточно удовлетворить возмущенный

ства въ Египтѣ (*п. а.* II, 15, 1; 18, 7; IV, 10, 6; Tacit. Hist. I, 11; II, 74. 79. Sueton. Vesp. 6), мы видимъ его въ числѣ сподвижниковъ Тита при осадѣ Іерусалима (*п. а.* V, 1, 6; VI, 4, 3).

[1]) *Ἀρχ.* XX, 5, 2; III, 15, 3; XX, 2, 6.—*ἐπὶ τούτοις δὴ καὶ τὸν μέγαν λιμὸν κατὰ τὴν Ἰουδαίαν συνέβη γενέσθαι.* Выраженіе *ἐπὶ τούτοις* (horum temporibus) показываетъ, что голодъ начался уже при предшественникахъ Тиверія, подтвержденіе чего даетъ какъ будто и книга Дѣяній, во время предшествующее смерти Агриппы (44 г.). Мѣстомъ, которое было охвачено голодовкой, Іосифъ называетъ вездѣ только Іудею: *τὴν Ἰουδαίαν, τὴν χώραν ἡμῶν, τὴν πόλιν*; а Дѣписатель—конечно, не столь точно—*ὅλην τὴν οἰκουμένην*—весь міръ. Замѣчательно, однако, что правленіе Клавдія весьма обиловало повсемѣстными неурожаями (assiduae sterilitates Suet. Claud. 18). Такъ, извѣстенъ 1) голодъ въ Римѣ, при началѣ его правленія (Dio Cass. LX, 11. Aurel. Victor Caes. 4); 2) голодъ въ Греціи въ 8—9 годъ Клавдія (Euseb. Chron. ed. Schoene II, 152 и д.); 3) второй голодъ въ Римѣ въ 11 годъ Клавдія (Tacit. Annal. XII, 43; по Euseb. Chron. въ 10 или 9 г.; за 10-й годъ также Орозій VII, 6, 17). Столь частыя обширныя по размѣрамъ бѣдствія могли заставлять дѣйствительно Дѣписателя Іудейскій голодъ обобщить въ всеобщій, безъ того, какъ думаетъ Schürer, чтобы допускать черезчуръ неисторическое обобщеніе (ungeschichtliche Generalisirung ist wie beim Census des Quirinius).

[2]) Дѣян. 11, 28—30.

[3]) Время выступленія его въ должности прокуратора приблизительно опредѣляется изъ одновременнаго упоминанія Іосифомъ смерти Ирода Халкидскаго, въ 8 г. Клавдія=48 г. по Хр. *Ἀρχ.* XX, 5, 2.

[4]) Срв. *περὶ ἁλ.* V, 5, 8; *Ἀρχ.* XX, 8, 11.

народъ, и ради одного грубаго негодяя, оставшагося повидимому безнаказаннымъ, допустилъ разгорѣться этому дѣлу въ цѣлую „Ходынку,“ стоившую 20,000 погибшихъ въ отчаянной давкѣ жизней [1]).

Не менѣе нелѣпая жестокость мнила себя справедливостію въ слѣдующемъ инцидентѣ, хотя бы и вызванномъ нарушеніемъ правъ Рима. Одинъ императорскій служитель, по имени Стефанъ, подвергся на большой дорогѣ близъ Іерусалима ограбленію неизвѣстными злоумышленниками. Этого было достаточно, чтобы всѣ селенія, имѣвшія несчастіе лежать близъ мѣста столь заурядnаго происшествія, подверглись самому неистовому разграбленію отъ посланныхъ Куманомъ солдатъ, при чемъ знатнѣйшіе обыватели разграбленныхъ мѣстностей заключены въ узы,—вопреки всякой справедливости. При этой расправѣ, по мѣркѣ римскаго права, съ неечастными ни въ чемъ неповинными селеніями, охранители общественной безопасности допустили себѣ новую гадкую выходку, могшую при недостаточно серьезномъ отношеніи къ ней Кумана взорвать поголовный фанатизмъ Іудеевъ. Дѣло въ томъ, что одному изъ солдатъ посчастливилось захватить во время грабежа свитокъ закона, который онъ тотчасъ и разорвалъ въ клочья на глазахъ всѣхъ, съ самою непристойною руганью. Къ счастію, или м. б. наоборотъ, не знаю,—страшное ожесточеніе Іудеевъ сохранило на сей разъ настолько благоразумія и присутствія духа, чтобы поставить это дѣло прежде всего на видъ самого Кумана, который, еслибы и здѣсь требовать отъ него строгой послѣдовательности своему „римскому“ праву, долженъ былъ бы, собственно говоря, разорвать подобно свитку закона не только ближайшаго виновника сего неслыханнаго злодѣянія, но и всѣхъ, имѣвшихъ несчастіе быть вмѣстѣ съ нимъ исполнителями одного и того же порученія, и который, однако, ограничился въ данномъ случаѣ казнію лишь одного виновника, да и то болѣе по опасеніямъ народнаго возмущенія, и послѣ уже совѣтовъ своихъ пріятелей. Что касается Іудеевъ, фактъ величайшаго надруганія надъ священнѣйшими чувствами которыхъ чрезъ вынужденное наказаніе „одного изъ многихъ“ отнюдь не терялъ своей возмутительности и оскорбительности,—то они, наоборотъ, остались и здѣсь вѣрны своему крайнему терпѣнію и благоразумію, и, не добиваясь дальнѣйшихъ удовлетвореній за свое оскорбленіе, мирно разошлись по своимъ домамъ [2]).

Вскорѣ, однако, не замедлила разыграться новая кровавая сцена, кончившаяся низложеніемъ и самого Кумана. Сцена эта отлична отъ тѣхъ первыхъ тѣмъ, что она разыгралась на почвѣ собственнаго разложенія народа Іудейскаго, каковое мы, по справедливости, отмѣчали заслуживающимъ особеннаго и самостоятельнаго вниманія въ исторіи гибели Іудейства. Дѣло пошло съ того, что Галилейскіе Іудеи, ходившіе на Іерусалимскія празднества обыкновенно чрезъ Самарію, подверглись нападенію искони враждебныхъ Самарянъ при одной Самарянской деревнѣ, при чемъ много Іудеевъ было побито. Когда жалоба Галилейскихъ старѣйшинъ подкупленному Самарянами Куману на столь

[1]) *Ἀρχ.* XX, 5, 3; *περὶ ἁλ.* II, 12, 1.

[2]) *Ἀρχ.* XX, 5, 4; *περὶ ἁλ.* II, 12, 2.

крайнее безчиніе осталась безъ послѣдствій, Іудеи прибѣгли къ помощи самосуда и сожгли нѣсколько Самарянскихъ селеній. Вслѣдъ за этимъ пожаромъ, возгорѣлась ожесточенная борьба взаимно задѣтыхъ сторонъ, въ особенности когда сторону зачинщиковъ принялъ Куманъ и, вооружая всѣхъ изобличая свой подкупъ, двинулъ цѣлое войско на Іудеевъ, учинивъ настоящую рѣзню между ними. Не удовлетворяясь этимъ, Самаряне отправили особое посольство къ Сирійскому намѣстнику Умміднію Квадрату съ жалобой на самочиніе Іудеевъ, одновременно съ чѣмъ и Іудейское посольство успѣло представить дѣло въ истинномъ свѣтѣ, обвиняя Самарянъ какъ зачинщиковъ мятежа и Кумана въ подкупѣ Самарянами. По строгомъ разслѣдованіи дѣла, Квадратъ повѣсилъ пойманныхъ Куманомъ главнѣйшихъ подстрекателей Іудеевъ въ стычкѣ съ Самарянами, а также обезглавилъ пятерыхъ Іудеевъ, уличенныхъ въ подстрекательствѣ къ мятежу противъ Рима, и предписалъ уполномоченнымъ обѣихъ враждебныхъ сторонъ и самого Кумана представить ихъ дѣло на судъ самого Кесаря. Благодаря поддержкѣ Агриппы, дѣло приняло благопріятный для Іудеевъ оборотъ: какъ недостаточно отстоявшіе *невиновность* Самарянъ въ поднятіи мятежа, Самарянскіе уполномоченные поплатились своими головами; Куманъ лишился должности и посланъ въ ссылку (*Ἀρχ.* XX, 6, 1—3; *περὶ ἁλ.* II, 12, 3—7). Сравнивая это повѣствованіе Іосифа съ Тацит. Annal. XII, 54, мы находимъ нѣсколько важныхъ отличій. Прежде всего, по нему Куманъ является прокураторомъ только Галилеи, въ то время какъ Самаріею и Іудеею управляетъ Феликсъ (Felix... jam pridem Judaeae impositus... aemulo ad deterrima Ventidio Cumano, cui pars provinciae habebatur, ita divisae, ut huic Galilaeorum natio, Felici Samaritae parerent.). Наравнѣ съ Куманомъ, участіе въ кровавомъ происшествіи принимаетъ и Феликсъ, хотя судится Квадратомъ лишь Куманъ, Феликсъ же въ качествѣ судьи участвуетъ въ произнесеніи приговора. При такомъ противорѣчіи между Тацитомъ и Іосифомъ, по которому Куманъ былъ прокураторомъ не Галилеи,а всей Палестины, и Феликсъ лишь его преемникомъ,—нельзя ничего сдѣлать для ихъ соглашенія. Остается поэтому предпочесть болѣе детальное повѣствованіе Іосифа не столь отчетливому представленію дѣла у Тацита, какъ дѣлаютъ большинство изслѣдователей.

4. На мѣсто Кумана, Клавдій, по ходатайству первосвященника Іонаѳана, бывшаго въ числѣ іудейскихъ вельможъ, отосланныхъ Квадратомъ въ Римъ [1]), отправилъ въ Іудею своего фаворита, *Феликса* (52—60) [2]). Это былъ одинъ изъ несносныйшихъ олицетворителей власти Рима [3]), обострившій антагонизмъ

[1]) *περὶ ἁλ.* II, 12, 6; срв. *Ἀρχ.* XX, 8, 5: *Αἰτησάμενος ἐκεῖνον παρὰ τοῦ Καίσαρος πεμφθῆναι εἰς Ἰουδαίας ἐπίτροπον.*

[2]) *Ἀρχ.* XX, 7, 1; *π. ἁ.* II, 12, 8; Suet. Claud. 28. Годъ назначенія Феликса выясняется изъ того, что непосредственно послѣ Іосифъ упоминаетъ о пожалованіи Агриппѣ II Batanе'йской и Trachonitis'кой тетрархій въ 12 годъ Клавдія=53 г. Съ другой стороны, Тацитъ (Annal. XII, 54) отложеніе Кумана помѣщаетъ въ событія 52 года.

[3]) Надо замѣтить, что самое назначеніе его, вольноотпущенника императорскаго дома, въ прокураторы съ военнымъ командованіемъ (Tacit. Hist. V, 9, Suet. Claud. 28) было неслыханною новостію, объясняющеюся лишь изъ особаго расположенія къ нему Клавдія.

между двумя націями до того состоянія, которое съ этого времени до конца войны не спускалось въ сферы спокойнаго, способнаго разсуждать, чувства, начавшаго проявляться не отдѣльными вспышками, а въ одномъ сплошномъ неумолкавшемъ мятежѣ. Сами римскіе писатели [1]) отмѣчаютъ его особенную жестокость и жадность, столь естественныя въ этомъ бывшемъ рабѣ, которому посчастливилось добиться почти царскихъ правъ, и даже царскаго родства путемъ брака на трехъ принцессахъ [2]), и всѣ безчестные поступки котораго обѣщали полную безнаказанность въ виду сильной протекціи при Римскомъ дворѣ [3]).

Изъ повѣствованія о состояніи Іудеевъ при этомъ прокураторѣ у Іосифа [4]) выступаетъ нѣсколько первоначальныхъ и въ общемъ ходѣ всей борьбы съ Римомъ важнѣйшихъ моментовъ, прямо обусловливавшихся недостойнымъ правленіемъ Феликса и въ великой войнѣ за свободу Іудеи игравшихъ самую дѣятельную роль.

Таково прежде всего крайнее усиленіе *зилотизма*,—партіи, фанатическая вражда которой къ Риму стала заражать, наконецъ, все болѣе и болѣе самыхъ миролюбивыхъ гражданъ. Мы должны здѣсь рѣшительно отказать Іосифу во всякомъ правѣ—характеризовать эту партію только какъ скопище разбойниковъ и развратителей народа, уже въ виду того, что ихъ „образъ дѣйствій“ далеко не походилъ на „разбои“ обыкновеннаго свойства, а что они преслѣдовали особыя политическія цѣли, и при этомъ—нарушающими миръ средствами, то въ этомъ ихъ образъ дѣйствій такъ же мало можно винить, какъ всякую законную самозащиту отъ нестерпимѣйшаго душегубства, которое только недоразумѣніе могло оправдывать усиліями сохранить миръ. Въ самыхъ этихъ усиліяхъ было нѣчто варварское, какъ, напр., показываетъ мѣра Феликса противъ одного изъ вождей зилотизма—Елеазара, котораго онъ коварно заманилъ къ себѣ, обѣщая полную безопасность, и затѣмъ въ узахъ отослалъ въ Римъ, распявъ несмѣтное множество его соумышленниковъ и наказывая всякаго, кого удавалось уличить въ симпатіяхъ имъ [5]).

Подавивъ движеніе зилотизма почти до послѣднихъ слѣдовъ, Феликсъ нажилъ этимъ только новую бѣду [6]). Открытый фанатизмъ зилотизма смѣнился

[1]) Тацитъ, Hist. V, 9: per omnem saevitiam ac libidinem jus regium, servili ingenio exercuit.

[2]) Suet. Claud. 28, называетъ его trium reginarum maritum. Изъ трехъ его супругъ—двѣ, извѣстно доподлинно, были царскаго рода—внучка Антонія и Клеопатры, чрезъ которую Феликсъ стоялъ въ родствѣ съ самимъ Клавдіемъ (Tacit. Hist. V, 9), и извѣстная Друзилла, юная іудейская царевна, дочь Агриппы I и сестра II-го, имѣвшая всего 14 лѣтъ при назначеніи Феликса (*Ἀρχ.* XIX, 9, 1.) и отдавшая ему руку (Дѣян. 24, 24=*Ἀρχ.* XX, 7, 2), вопреки запрещенію отеческихъ законовъ (бракъ съ язычникомъ) и не смотря на принадлежность уже другому (Азизу, царю Емесскому). Такъ какъ Азизъ умеръ въ первый годъ Нерона (*Ἀρχ.* XX, 8, 4), то бракъ съ Друзиллой относится къ 53 или 54 г. Клавдія.

[3]) Tacit. Ann. XII, 54: cuncta malefacta sibi impune ratus tanta potentia subnixo.

[4]) *Ἀρχ.* XX, 8, 5—6, особенно же *περὶ ἁλ.* II, 13, 2—6.

[5]) *περὶ ἁλ.* II, 13, 2; *Ἀρχ.* XX, 8, 5.

[6]) Tacit. Ann. XII, 54: intempestivis remediis delicta accendebat.

потаеннымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ терроризмомъ *сикаріевъ*, которые поставили своей задачей истребленіе по одиночкѣ или отдѣльными массами всѣхъ своихъ политическихъ противниковъ и Римофиловъ [1]). Вооруженные маленькими кинжалами (sicae, отсюда sicarii) и вмѣшиваясь въ толпы народа особенно въ дни большихъ стеченій послѣдняго, эти Іудейскіе „Большіе Кулаки“ безнаказанно успѣвали вырывать изъ среды живыхъ намѣченныя ими жертвы, и въ короткое время для каждаго сдѣлали опаснымъ самое пребываніе въ Іерусалимѣ. Въ числѣ первыхъ жертвъ кинжала сикаріевъ былъ, между прочимъ, первосвященникъ Іонаѳанъ, протекціи котораго Феликсъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ. Достойно замѣчанія, что такой несчастной участью Іонаѳанъ всецѣло обязанъ былъ самому̀ неблагодарному прокуратору, недостойное поведеніе котораго теперь сильно компрометировало первосвященника въ глазахъ народа, и заставляло его назойливо апеллировать къ совѣсти забывавшагося правителя. Послѣдній, однако, счелъ за лучшее устранить это непрошенное олицетвореніе совѣсти, и путемъ разныхъ коварныхъ подходовъ воспользовался для этого услугами сикаріевъ [2]),—тѣми услугами, въ которыхъ болѣе и прежде всякаго другого нуждался самъ. Наряду съ взрывами крайняго политическаго фанатизма, соразмѣрно росъ и вырывался подъемъ религіознаго броженія въ угнетаемомъ иноплеменниками народѣ, породившій религіозныхъ фанатиковъ, у „которыхъ руки были чище, но расположенія нечестивѣе“: чѣмъ болѣе крайнихъ предѣловъ достигали бѣдствія угнетаемаго народа, тѣмъ живѣе чувствовалась близость заступничества Іеговы, надежда на ускореніе каковаго была единственнымъ утѣшеніемъ посреди самыхъ тяжкихъ несчастій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что усиленно работавшее въ этомъ направленіи воображеніе доводило многихъ до психопатическихъ увлеченій, дѣйствовавшихъ на легковѣрныя массы обѣщаніями чудесныхъ знаменій, *(σημεῖα ἐλευθερίας)*, имѣвшихъ доказать близкое паденіе Римскаго ига и возвращеніе Іудеямъ свободы въ наступленіи новаго Божественнаго царства [3]). Какъ всякое сплоченіе на почвѣ религіознаго фанатизма, это движеніе отличалось наибольшею силою, заразительностію и безпокойствомъ, и понятно, почему Іосифъ видѣлъ и здѣсь тѣхъ же „злодѣевъ“, способствовавшихъ гибели города, а Феликсъ употребилъ противъ нихъ самыя рѣшительныя кровавыя мѣры. Къ этого рода увлеченіямъ принадлежало возстаніе нѣкоего Египетскаго Іудея, упоминаемаго также въ Дѣяніяхъ [4]), который, выдавъ себя за пророка, увлекъ въ пустыню огромныя массы послѣдователей (по Лукѣ 4,000, по Іосифу 30,000), съ вершины горы Елеонской обѣщалъ имъ, затѣмъ, однимъ своимъ словомъ ниспровергнуть Іерусалимскія стѣны, и безпрепятственно овладѣть городомъ и всею страною. Но еще прежде чѣмъ это чудо удивило

[1]) Объ этой партіи знаетъ также Дѣписатель, Дѣян. 21, 38. Во время войны они заявили себя наиболѣе отчаяннымъ сопротивленіемъ *π. ἀ.* II, 17, 6; IV, 7, 2; 9, 5; VII, 8, 1 и д. 10, 1; 11, 1. Срв. Sch. I, 481.

[2]) *περὶ ἀλ.* II, 13, 3; *Ἀρχ.* XX, 8, 5.

[3]) *περὶ ἀλ.* II, 13, 4; *Ἀρχ.* XX, 8, 6.

[4]) Дѣян. 21, 38.

міръ, Феликсъ предупредилъ его кровопролитнымъ столкновеніемъ, при которомъ всѣ послѣдователи лжепророка были разсѣяны, и въ значительной части перебиты, и самъ лжепророкъ постыдно скрылся съ поля битвы и исчезъ безслѣдно [1]). Настолько, однако, наэлектризована была толпа этимъ пришельцемъ, что никто не хотѣлъ вѣрить въ его окончательное „фіаско“, и долго не переставали надѣяться на его возвращеніе [2]), послѣ загадочнаго исчезновенія.

Отдѣльныя неудачи и кровавые подвиги Феликса только еще болѣе сплачивали различныя римофобскія партіи. Религіозный и политическій фанатизмъ *(οἱ γόητες καὶ λῃστρικοί)* объединился въ одной общей работѣ сильнѣйшаго возбужденія къ отпаденію отъ Рима и поголовной борьбѣ за свободу, при чемъ подстрекатели не останавливались даже предъ насильственными мѣрами, угрожая смертію и объявляя справедливыми всевозможныя насилія по отношенію къ тѣмъ, которые добровольное рабство способны продолжать терпѣть вмѣсто свободы. Это было уже равносильно формальному объявленію Іудеи на военномъ положеніи, не замедлили явиться и соотвѣтствующіе этому положенію симптомы, въ видѣ цѣлаго ряда убійствъ, грабежей и поджоговъ въ различныхъ мѣстахъ, обнаружившихъ неподатливость на рискованное предпріятіе. Размѣры движенія, однако, настолько были велики, что заставляли Іосифа сказать, что „вся Іудея переполнилась этого безумія“ [3]), казавшагося таковымъ, конечно, болѣе съ предвзятой точки зрѣнія Іосифа, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, какъ увидимъ ниже.

Здѣсь еще разъ мы имѣемъ благопріятный случай отмѣтить, какъ позади всѣхъ перечисленныхъ броженій неуклонно шла гибельная работа саморазложенія Іудейства, обусловливавшая его политическое и индивидуальное вырожденіе, результатомъ котораго только отчасти была столь несчастная война Іудейская. Какъ ни тенденціозенъ Іосифъ въ охарактеризованіи антиримскихъ движеній, обобщаемыхъ имъ въ одномъ понятіи „разбоя“, все же остается неизбѣжнымъ признать, что эти движенія носили въ своихъ проявленіяхъ не мало ненормальнаго даже для военнаго положенія страны. Не объединяясь сколько нибудь заслуженно въ понятіи „разбоя“, они съ неменьшими натяжками могутъ быть объединяемы и въ единодушномъ, планосообразномъ стремленіи къ сверженію чуждаго ига. Ничѣмъ не оправдывавшіяся жестокости по отношенію къ своимъ же единоплеменникамъ, безразборчивыя и безцѣльныя нарушенія хотя бы относительнаго спокойствія и порядка, недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ и т. п.,—все это было если и не положительнымъ безумiемъ, то и не совсѣмъ тактичностію, если и не безумiемъ въ принципѣ, одушевлявшей идеѣ, то и не достаточно осмысленно обставленнымъ предпріятіемъ. И во всякомъ случаѣ, какъ мало походила эта послѣдняя борьба за свободу на предшествующія, отличавшіяся далеко неменьшею серьезностію, какова, напри-

[1]) *Ἀρχ.* XX, 8, 7; *περὶ ἀλ.* II, 13, 7.

[2]) Дѣян. 21, 38; *περὶ ἀλ.* II, 13, 5; *Ἀρχ.* XX, 8. 6; Срв. также Euseb. Hist. Eccl. II, 21.

[3]) *Περὶ ἀλ.* II, 13, 6; *Ἀρχ.* XX, 8, 6.

мѣръ, Маккавейская. Стоитъ только мысленно сопоставить ту и другую, чтобы не затрудниться, какая изъ нихъ дѣлаетъ бо́льшую честь стойкости и жизненности народа.

Нижеслѣдующій фактъ, не безъ основательной печали сообщаемый Іосифомъ, подтверждаетъ значительно и, такъ сказать, дорисовываетъ картину духовнаго вырожденія народа, не менѣе всего другого обусловливавшаго политическую его гибель. Значеніе этого факта усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ имѣлъ мѣсто среди высшихъ представителей духовной силы Іудейства,—среди его первосвященниковъ и высшей Іудейской аристократіи. Между первосвященникомъ и ихъ меньшими собратьями въ послѣднее время царило крайнее недовольство и распущенность, доходившія до того, что слуги тѣхъ и другихъ, опираясь на толпы уличныхъ забіякъ и мятежниковъ, вступали въ драки, кончавшіяся зачастую убійствами, что было такъ возможно при безалаберномъ режимѣ Феликса въ Палестинѣ; верхомъ же развращенія и нравственнаго вырожденія было особенно то, что первосвященники не задумывались приставлять своихъ рабовъ къ жертвеннику, чтобы силою отнимать десятины, поступавшіе другимъ священникамъ, изъ-за чего эти послѣдніе—случалось—даже гибли голодною смертію [1]).

При всемъ этомъ, справедливость требуетъ замѣтить еще разъ, что насколько тлетворныя сѣмена разложенія не могли обѣщать успѣшныхъ результатовъ отъ всеобщаго хотя бы возстанія за свободу, настолько выходящій за границы всякой умѣренности и справедливости образъ дѣйствій послѣдующихъ прокураторовъ, въ числѣ коихъ особенно Феликса, дѣлалъ неизбѣжнымъ и естественнымъ это возстаніе, и прежде чѣмъ обвинять Іудеевъ вслѣдъ за Іосифомъ за этотъ единственно неизбѣжный исходъ, было бы цѣлесообразнѣе не скрыть всей наготы дѣяній римской прокуратуры, и въ ней, если не единственно, то преимущественно, искать объясненія всѣхъ послѣдующихъ судебъ злосчастнаго народа Іудейскаго.

Лѣтопись недостойныхъ дѣяній Феликса тонкимъ намекомъ запечатлѣна въ книгѣ Дѣяній, приписывающей Апостолу языковъ по адресу Феликса и Друзиллы знаменательную обличительно-наставительную рѣчь „о *правдѣ, воздержаніи и грядущемъ судѣ*“ (Дѣян. XXIV, 24 и д.). Во всемъ согласное съ духомъ повѣствованія Іосифа о Феликсѣ поведеніе этого прокуратора съ великимъ Апостоломъ дополняетъ характеристику Феликса любопытнымъ образчикомъ его продажности и взяточничества,—недостатокъ, очевидно, общій у него со всѣми его предшественниками и преемниками (Дѣян. 24, 26). Въ продолженіи цѣлыхъ 2-хъ лѣтъ онъ томитъ Павла въ узахъ, ожидая отъ него взятки, неподатливость на которую единственно только и была „виною“ Апостола, заслуживавшею столь несправедливаго продолжительнаго лишенія свободы,—столь драгоцѣнной свободы, которая за эти два года сдѣлала бы для насажденія вѣры Христовой много большее и лучшее, чѣмъ цѣлыя эпохи дальнѣйшаго времени.

[1]) *Ἀρχ.* XX, 8, 8. Еще разъ повторяетъ Іосифъ то же XX, 9, 2 изъ эпохи Альбина, предпослѣдняго прокуратора.

И передавая свои полномочія Фесту, своему преемнику, Феликсъ не лишаетъ однако себя, освобожденіемъ Апостола, всякой выгоды, и хочетъ по крайней мѣрѣ извлечь эту выгоду если не со стороны узника—взяткою, то хотя со стороны Іудеевъ, ради угодничества имъ, оставивъ и послѣ себя „Павла связана“ (Дѣян. 24, 27).

Эта прощальная „побаловка“ Іудеевъ тѣмъ болѣе казалась нелишнею, что ей только что предшествовало другое прощальное дѣяніе Феликса, кроваваго свойства въ самой резиденціи прокуратора—Кесаріи. Между іудейскими и сирійскими обитателями этого города возникъ споръ о преимуществахъ въ правахъ гражданства (*ἰσοπολιτεία*). Опираясь на фактъ реставраціи города Иродомъ—„Іудеемъ“, Іудеи хотѣли мнить себя первыми гражданами города. Ссылаясь же на предшествующую этой реставраціи исторіи города подъ именемъ Стратоновой башни, когда въ немъ не было вовсе Іудеевъ, Сирійцы отказывали послѣднимъ въ упомянутыхъ преимуществахъ, чѣмъ доводили ихъ, доходя и сами, до „бѣлаго каленія“. Въ одинъ изъ такихъ инцидентовъ, когда ежедневныя уличныя стычки стали походить на явную войну, Феликсъ врѣзался со своими воинами въ толпу *Іудеевъ*, часть ихъ избилъ, другую взялъ въ плѣнъ, и предалъ дома богатѣйшихъ изъ мятежниковъ солдатамъ на разграбленіе. И только послѣ того, какъ и эта совсѣмъ поспѣшная и излишне-жестокая мѣра не могла подавить совершенно самыя основы волненія, Феликсъ догадался предоставить спорящимъ сторонамъ чрезъ особыхъ представителей предложить свое дѣло на судъ Кесаря. (*Ἀρχ.* XX, 8, 7; *π. ἀ.* II, 13, 7).

Но прежде чѣмъ дѣло вернулось отъ окончательнаго суда Кесарева, Феликсъ получилъ отъ Нерона приглашеніе въ Римъ, куда и отбылъ около 60 года [1]). Слѣдомъ за нимъ направилась туда же депутація изъ знатнѣйшихъ Іудеевъ Кесаріи и принесла жалобы Кесарю на всѣ обиды нанесенныя Іудеямъ. Феликсъ выпутался изъ затрудненія благодаря заступничеству своего брата (*Παλλᾶς*), любимца Нерона; вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ подкупа [2]) сирійскіе вельможи выхлопотали у Нерона указъ, не только рѣшавшій Кесарійскую распрю въ пользу Сирійцевъ, уравненіе съ правами которыхъ Іудеи доселѣ не признавали, но и поставившій Іудеевъ ниже „Еллиновъ“ (Сирійцевъ), объявленныхъ главными господами города.

5. Отправленный Нерономъ на мѣсто Феликса *Порцій Фестъ* [3]) (60—62)

[1]) Точно это опредѣленіе года отбытія Феликса дано быть не можетъ. Новѣйшія изслѣдованія хронологіи жизни Ап. Павла заставляютъ сказать вмѣстѣ съ Wurm'омъ, о годѣ отбытія Феликса: самое раннее—58 г., самое позднее—61, вѣроятно же 60 г., см. Schür. I, 483, 38 прим. Несомнѣнно, ошибочно показаніе хроникъ Евсевія—армянской и Іеронимовой, полагающихъ смѣну Феликса—первая въ 54 г., вторая въ 56 г—въ виду того, что большая часть правленія Феликса, не только по Іосифу, но и у самого Евсевія, продолжается въ правленіе Нерона.

[2]) Подкупленнымъ былъ, по всѣмъ рукописямъ, Beryllus, *παιδαγωγὸς... του Νέρωνος, τάξιν τὴν ἐπὶ τῶν Ἑλληνικῶν ἐπιστολῶν πεπιστευμένος*, вмѣсто котораго изданія Hudson'а и Haverkamp'а ставятъ Burrus'а, извѣстнаго praefectus praetorio, безъ разумныхъ, однако, основаній, въ виду точной характеристики Іосифа, который зналъ и Бурра настолько, чтобы не смѣшивать его съ Beryll'омъ (*Ἀρχ. XX*, 8, 2).

[3]) *Ἀρχ. XX*, 8, 9; *περὶ ἀλ.* II, 14, 1.

по своей натурѣ былъ честный благонастроенный мужъ, и если правленіе его не было безупречно, то болѣе вслѣдствіе того, что политика его предшественника нанесла слишкомъ чувствительныя раны народу, которыя уже трудно было лѣчить палліативными мѣрами. Съ другой стороны, столь же мало отвѣчалъ за неблагополучіе Іудеевъ Фестъ и потому еще, что независимо отъ него Іудеи еще разъ были столь глубоко затронуты униженіемъ въ только что описанной тяжбѣ Кесарійской. Это униженіе Іосифъ вполнѣ резонно полагаетъ въ основаніе всѣхъ злоключеній послѣдующаго времени, вплоть до формальнаго объявленія великой Іудейской войны (66 г.) [1]).

Безчиніе сикаріевъ было однимъ изъ худшихъ наслѣдій перешедшихъ къ Фесту отъ Феликса. При немъ выступилъ въ роли пророка еще одинъ „фигляръ“ какъ называетъ его Іосифъ, который, однако, былъ способенъ увлечь за собою еще разъ легковѣрныя массы народа въ пустыню, гдѣ онъ обѣщалъ своимъ послѣдователямъ спасеніе и свободу отъ всякихъ золъ. Настигнутый Фестомъ, пророкъ погибъ со всѣми, ввѣрившимися его избавленію (*Ἀρχ.* XX, 8, 10).

Въ общемъ Іосифъ представляетъ весьма мало данныхъ для того, чтобы судить, насколько лучше или плохо жилось вообще Іудеямъ въ недолгое правленіе Феста. Исторія конфликта между священниками и Агриппою II, разыгравшаяся при Фестѣ, который сталъ на сторону Агриппы, можетъ быть толкуема и противъ, и за корректность поведенія прокуратора. Съ одной стороны, какъ будто нельзя одобрить того, что Фестъ поддерживаетъ Агриппу, забывавшаго, что священныя церемоніи храма не театральныя зрѣлища, которыми можно любоваться изъ спальни высокаго дворца [2]), и напрасно отказывавшаго Іудеямъ въ правѣ оградить свои святыни отъ нескромныхъ взоровъ преградою. Но съ другой, нельзя не признать, что Фестъ былъ и достаточно справедливъ, когда внимательно отнесся къ представленіямъ Іудейской депутаціи, прежде приведенія въ исполненіе своихъ требованій разрушить устроенную ими преграду, и позволилъ повергнуть имъ свое ходатайство на рѣшеніе самого Ке-

[1]) *Ἀρχ.* XX, 8, 9; *π. ἀ.* II, 14, 4. Изъ сопоставленія обоихъ повѣствованій Іосифа открываются слѣдующія въ нихъ неточности и неясности. Въ то время, какъ по Археологіи послы Кесарійскихъ Іудеевъ отправляются съ жалобой на Феликса уже по его отбытіи, по *π. ἀ.* это были повидимому не другіе послы, какъ тѣ, которые были отправлены самимъ Феликсомъ по Кесарійскому дѣлу отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Дѣло повидимому происходило такъ, какъ имѣетъ *π. ἀ.*, при чемъ жалоба на Феликса была не спеціальною цѣлью Іудейскаго посольства, а принесена была имъ въ виду послѣдовавшей смѣны Феликса. Несомнѣнно неточно и представленіе дѣла въ *π. ἀ.*, гдѣ полученіе постановленія Кесаря отодвигается повидимому слишкомъ далеко къ возбужденію войны (при Флорѣ 66 г.); это видно изъ того, что въ Римѣ былъ еще живъ Палласъ, защитникъ Феликса, а его, по Тациту, Annal. XIV, 65 уже съ 62 г. не было въ живыхъ.

[2]) Это былъ дворецъ Асмонеевъ, господствовавшій надъ позиціею храма, и служившій (*Ἀρχ.* XX, 8, 11, и *π. ἀ.* II, 16, 3; VI, 6, 2) обычною резиденціею Агриппы во время поѣздокъ въ Іерусалимъ. Агриппа надстроилъ его значительно въ высоту, чтобы панорама города давала болѣе пріятныхъ пейзажей.

саря. Трудно сказать, на что рѣшились бы Іудеи, проигравъ этотъ процессъ; къ счастію для нихъ, дѣло ихъ нашло себѣ сильнаго заступника въ лицѣ набожной императрицы Поппеи, по ходатайству которой Неронъ сталъ на ихъ сторону, заставивъ, такимъ образомъ, и Агриппу перестать обращать богослуженіе Іудеевъ въ зрѣлище, и Феста — удержавъ отъ напрасной ссоры съ Іудеями.

По прошествіи 2 лѣтъ сравнительно сноснаго для Іудеевъ правленія, Фестъ скончался, и весь позоръ окончательнаго втравленія Іудеевъ въ пагубную для нихъ войну падаетъ, такимъ образомъ, всецѣло на двухъ его преемниковъ, каковы были—*Альбинъ* и *Гессій Флоръ*.

6. Между кончиною Феста и пріѣздомъ *Альбина* прошелъ небольшой промежутокъ, ознаменовавшійся совершенною анархіею въ Іерусалимѣ. Этою анархіею воспользовался недостойный первосвященникъ Ананъ, сынъ извѣстнаго изъ Евангельской исторіи первосвященника того же имени (Ананъ, или Анна). Жестокій и дерзкій саддукей составилъ наскоро судилище, поставилъ предъ нимъ нѣкоторыхъ изъ своихъ враговъ и, обвинивъ ихъ въ нарушеніи закона, приговорилъ къ побіенію камнями. Въ числѣ жертвъ этого произвола былъ, какъ передается по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ текстѣ Іосифа, и Іаковъ, „*ὁ ἀδελφὸς Ἰησοῦ τοῦ λεγομένου Χριστοῦ*“ (см. 405—407 стр.). Ретивый первосвященникъ настолько беззаконно злоупотреблялъ отсутствіемъ предлежащей власти, что еще до прибытія новаго прокуратора Агриппа низложилъ его, послѣ 3-мѣсячнаго служенія, и возвелъ на его мѣсто Іисуса, „сына Дамніева“. (*Ἀρχ.* XX, 9, 1).

Вскорѣ послѣ этого не замедлилъ явиться и *Альбинъ* (62 — 64) [1]). Что это было за личность, достаточно уже краткой характеристики ея у Іосифа: „не было злодѣянія, котораго бы онъ оставилъ неизвѣданнымъ“ [2]). Въ своихъ подробностяхъ эта характеристика способна заставить дрогнуть не столь отзывчиво-слабое сердце. Наивысшимъ принципомъ его дѣятельности было — „брать деньги со всякаго, съ кого только есть что взять“. Кромѣ этого принципа, для него не было интереса ни въ чемъ другомъ, такъ что взятками откупались отъ него одинаково, какъ друзья Римлянъ (первосвящ. Ананія), такъ и ихъ противники (сикаріи). Взятки оправдывали самыя гнусныя преступленія, и, наоборотъ, въ темницахъ томились, какъ злодѣи, тѣ только, которые ничего ему не давали. Поборы съ народа достигли невыносимыхъ размѣровъ, прямыя насилія и грабежи стали обычнымъ явленіемъ.....

Успѣхамъ такой чудовищной безнравственности римскаго представителя, подготовлявшей всеобщее возстаніе за свободу, не уступала полная деморализація представителей Іудейства, обусловливавшая неуспѣхъ этого возстанія не менѣе, чѣмъ численное превосходство и большее совершенство въ воинскомъ искусствѣ—непріятеля. Разсказъ Іосифа изъ нравовъ за время Альбина даетъ

[1]) Время его выступленія опредѣляется изъ *π. ἀ.* VI, 5, 3—гдѣ Альбинъ выставляется прокураторомъ за 4 года до возбужденія войны и за 7½ лѣтъ до разрушенія храма.

[2]) *Περὶ ἁλ.* II, 14, 1.

достаточно матеріала для установленія этого факта. Пользуясь слабостію Альбина, богатѣйшіе изъ народа „покупали“ у него право на всевозможныя безнравственныя дѣянія: появилась какая-то „потребность“ мятежа, „недовольство“ общимъ спокойствіемъ, — злодѣйствовали просто потому, что въ противномъ случаѣ грозила неминуемая опасность самому сдѣлаться жертвою злодѣйствъ. Управы и суда искать было не у кого. Тотъ, кто поставленъ былъ блюстителемъ ихъ, самъ былъ между всѣми этими злодѣями какъ бы „начальникомъ злодѣевъ“, превосходя всѣхъ своими злодѣйствами. И замѣчательно, что высшіе слои народа развращеніемъ своимъ не только не уступали ни въ чемъ низшимъ, а пожалуй даже превосходили ихъ. Сикаріатство возросло и усилилось до небывалыхъ размѣровъ, благодаря открытію легчайшаго способа возвращать свободу попавшимъ въ темницы сикаріямъ. Стоило только захватить кого-нибудь изъ близкихъ ех-превосвященника Ананіи [1]), какъ послѣдній уже шелъ къ Альбину и десятками выкупалъ у него освобожденіе сикаріевъ [2]). Среди всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій зрѣла и „дерзость къ замышленію новыхъ порядковъ,“ какъ называетъ Іосифъ усиленіе антиримской партіи, оставшейся безъ всякаго преслѣдованія. Это было время полной анархіи въ Іерусалимѣ, или какъ еще выражается Schürer: „война всѣхъ противъ всѣхъ“ [3]). Къ добру и миру некому и нечѣмъ было побуждать, отъ безпутства и зла некому и нечѣмъ было удержать. У самаго жертвенника свирѣпствовали неистовства, насилія и злоба, чинимыя непотребнѣйшими негодяями — слугами ех-первосвящ. Ананіи, который не стыдился руками ихъ отнимать священническія десятины, побивая сопротивлявшихся и оставляя многихъ умирать съ голоду—XX, 9, 2; 8, 8. Изъ нѣсколькихъ упоминаній объ этомъ Ананіи у Іосифа получается путаница, въ которой трудно разобраться. То онъ характеризуется какъ саддукей въ высшей степени жестокаго и дерзкаго нрава (XX, 9, 1), то пользуется всеобщимъ почтеніемъ и уваженіемъ (9, 2), то это гнусный нахалъ, отличившійся безобразіями своими у жертвенника, отъ коихъ его собратья умирали голодною смертію (ib.), то, наконецъ, это знаменитѣйшій изъ первосвященниковъ, привлекавшій всѣхъ своею щедростію (9, 4). Та же путаница поражаетъ насъ въ его сужденіяхъ, касающихся Агриппы II. Съ одной стороны, читаемъ о безумной щедрости Агриппы на украшенія города Вирита (театръ, статуи, изображенія, учрежденія игръ и зрѣлищъ, и т. п.), возбуждавшей крайнюю ненависть его подданныхъ (халкидянъ?); съ другой—о „великой любви народа (Іудеевъ?) не только къ Агриппѣ, но и ради него ко всѣмъ его родственникамъ,“ хотя бы „достойнымъ проклятія за свою жестокость и алчный грабежъ беззащитныхъ гражданъ“ (XX, 9. 4).

Послѣ этого, можно только подивиться, какъ злоупотребляетъ этотъ

[1]) Не *Ἀνάνου*, но *Ἀνανίου*, срв. *т. ж.* II, 17, 2; 20, 4. Derenbourg, Histoire de la Palestine, p. 248, not. 1.

[2]) Такъ напр. было, когда сикаріи захватили главнаго надзирателя храма Елеазара (сына Ананіи) и, пославъ сказать объ этомъ Ананіи, требовали взамѣнъ его выкупа 10 своихъ товарищей. *Ἀρχ.* XX, 9, 3.

[3]) Schür. I, 489.

„любимецъ“ народа перешедшимъ къ нему отъ Ирода Халкидскаго правомъ (XX, 1, 3) возведенія первосвященниковъ. По его капризамъ, устранено непрерывно 5 первосвященниковъ. Къ довершенію всеобщей безалаберщины, у первосвященническаго мѣста въ одно время оказались два Іисуса (сынъ Дамнеовъ и сынъ Гамаліиловъ, возведенный Агриппою), изъ которыхъ каждый не хотѣлъ уступить своего мѣста другому, такъ что между соперниками и шайками ихъ сторонниковъ безпрерывно шли драки, брань и всевозможныя безобразія.

Вскорѣ, неизвѣстно почему, Альбинъ получилъ указъ о смѣнѣ его и приглашеніе явиться въ Римъ [1]). Оставляя Іудею, онъ до самыхъ послѣднихъ минутъ хотѣлъ быть вреднымъ ей и злымъ даже въ казавшихся добрыми предпріятіяхъ, ибо хотя дарованіе имъ „на прощанье“ свободы узникамъ казалось сдѣланнымъ въ угоду Іудеямъ, однако, съ другой стороны, оно имѣло также и недостойную злонамѣренность „подгадить“ своему преемнику, что Іосифъ даетъ понять замѣчаніемъ: „тюрьмы очистились отъ узниковъ, а страна наполнилась „разбойниками“ (*Ἀρχ.* XX. 9, 5).

7. Преемникъ Альбина, *Гессій Флоръ* [2]) (64—66) былъ „злодѣй,“ для охарактеризованія котораго Іосифъ не находитъ словъ, говоря, что по сравненію съ нимъ Альбинъ былъ еще „преизрядный (*δικαιότατος*) начальникъ и благодѣтель“. Въ то время, какъ Альбинъ по крайней мѣрѣ старался скрывать гнусность своихъ поступковъ, Флоръ даже бравировалъ ими. Систему грабежа онъ развилъ до такой степени, что разбойники, подъ условіемъ дѣлиться съ нимъ своею добычею, могли совершенно безнаказанно заниматься своимъ ремесломъ [3]). Насколько это, такъ сказать, оффиціальное признаніе злодѣйствъ стало невыносимо для страны, видно изъ того, что многіе Іудеи стали искать единственнаго спасенія въ бѣгствѣ въ другія страны, жизнь въ которыхъ при всѣхъ тягостяхъ и лишеніяхъ казалась имъ все же болѣе сносною. Нельзя не замѣтить здѣсь вообще, что слишкомъ нелестные и зачастую столь непріятно рѣжущіе слухъ отзывы Іосифа и характеристики Римскихъ прокураторовъ нѣтъ основаній заподозривать въ вѣрности дѣйствительности или какихъ либо излишнихъ преувеличеніяхъ. Хотя то дѣйствительно входило въ разсчеты Іосифа—по возможности выгородить свой народъ отъ отвѣтственности за жестокости и тяжесть возстанія, но онъ чаще пользовался для этого другимъ пріемомъ—стараясь представить возбужденіе и ужасы волненій Іудейства дѣломъ отдѣльныхъ недостойныхъ личностей въ средѣ Іудейства, которыхъ онъ не называетъ иначе какъ „разбойниками.“ Съ другой стороны, имѣя въ виду связи Іосифа съ Римомъ

[1]) О дальнѣйшей судьбѣ Альбина (Lucceius Albinus) узнаемъ изъ Тацита Hist. II, 58—59: онъ былъ прокураторомъ Мавританіи при Неронѣ, Гальбѣ и Отонѣ, и во время борьбы послѣдняго съ Вителліемъ кончилъ жизнь въ 69 г

[2]) Клазоменянинъ, пролѣзшій въ прокураторы благодаря близости своей жены Клеопатры съ Поппеей, супругой Нерона, Tacit. Hist. V, 10. Годы его правленія опредѣляются изъ *Ἀρχ.* XX, 11, 1, гдѣ говорится, что война возгорѣлась во 2-й годъ правленія.

[3]) *Ἀρχ.* XX, 11, 1; *т. ж.* II, 14, 2.

и благодѣянія послѣдняго ему оказанныя, за которыя онъ даже черезъ чуръ старался быть ему признательнымъ, можно судить, насколько дѣйствительно гадки были личности, свирѣпствовавшія въ Іудеѣ подъ именемъ прокураторовъ, если даже Іосифъ не находилъ возможнымъ ослаблять потрясающее впечатлѣніе отъ своей лѣтописи о беззаконныхъ дѣяніяхъ слугъ Рима!

Наконецъ, мѣра народнаго терпѣнія переполнилась..... Вѣками копившійся горючій матеріалъ достигъ чудовищныхъ размѣровъ, и достаточно было послѣдней ничтожной искры, чтобы зловѣщее зарево возстанія цѣлымъ пожаромъ охватило всю страну. Этому возстанію только радъ былъ Флоръ: онъ желалъ его отъ всего сердца, нарочно старался ускорить его всѣми мѣрами, такъ какъ въ немъ только одномъ его недостойное поведеніе могло стушеваться за большею отвѣтственностію возставшихъ. Исторія безсильна измыслить терминъ для наименованія подобнаго, мало сказать, преступленія; точно такъ же, какъ она безправна возложить хотя часть отвѣтственности за безпримѣрную въ ней войну на несчастный, до конца испившій чашу страданій, народъ. Не показатель его слабости или неправоты то, что онъ не вышелъ цѣлымъ изъ далеко неравной борьбы! Пусть гордый рабъ Римскаго орла—Титъ, въ упоеніи „счастіемъ“ неслыханнаго кровопролитія, съ дымящихся развалинъ св. города величается предъ сообщниками своего мірового преступленія: „вы побѣдили самый безпокойный народъ и подчинили богамъ Капитолія Божество Солима!“ Пусть въ утѣшеніе побѣжденныхъ не оставалось ничего, кромѣ похвалы ихъ удивительному героизму, голосомъ твердаго убѣжденія заставляющаго воскликнуть: „ни одинъ народъ не погибалъ столь достойнымъ образомъ, какъ народъ Іудейскій!“ Пусть къ истребленію этого народа сдѣлано все, что только лежало во власти человѣка!—Но—гдѣ теперь этотъ „побѣдитель“ Божества Салима? (Римъ)? Что осталось отъ всего его величія, славы, мощи? Не пережилъ ли его—опозоренный и задавленный имъ Израиль далеко-далеко, и не дороже ли намъ донынѣ, не достоудивительнѣе ли его позоръ и жизнь въ позорѣ—болѣе, нежели все кровію народовъ вспоенное величіе Римской исторіи!!

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

БИБЛІОТЕКА Учен. Моск. Дух. СЕМИНАРІИ.

ГЛАВА IX.

КОНЕЦЪ ИСТОРІИ НАРОДА БОЖІЯ.

περὶ ἁλώσεως, I—VII кн.

§ 43. Начало конца (66 г.).

Казалось, не было такого политическаго бѣдствія, которое бы сильно было подвигнуть цѣлый Іудейскій народъ къ возстанію, — не было такой политической несправедливости и преступленія, которымъ бы этотъ многострадальный народъ удовлетворился, какъ законнымъ поводомъ для поднятія оружія на своихъ притѣснителей. Нужно было, чтобы безпримѣрная въ исторіи человѣчества борьба за свободу началась по безпримѣрнымъ и поводамъ. Нужно было, чтобы народъ „не отъ міра того“ выждалъ и поводы для возстанія за свои истинныя права и преимущества не изъ ряда обыкновенныхъ. Нужно было, чтобы чувствительнѣйшія мѣста этого религіознѣйшаго изъ народовъ были задѣты и встревожены, чтобы „Святое Святыхъ“ самого его духа подверглось дерзки-оскорбительному прикосновенію, и..... только тогда всего, чего вполнѣ было достаточно для войны, являлось на лицо. Флоръ, для котораго война эта была желанною, этотъ Флоръ, который „мучился“ отъ ея замедленія [1]) и отъ безуспѣшности своихъ усилій вызвать ее, какъ будто не сразу понялъ, гдѣ лежитъ освобожденіе отъ его жалкихъ мученій, за то какъ только онъ это понялъ, съумѣлъ тотчасъ же довести бѣдствія Іудеевъ до того кульминаціоннаго пункта, который одинъ способенъ былъ вывести ихъ изъ предѣловъ терпѣнія и пассивнаго переживанія охватившихъ страну бѣдствій.

Описывая состояніе Рима и Іудеи при самомъ начатіи войны, Іосифъ представляетъ дѣло такъ, что *условія для войны* болѣе благопріятствовали Іудеямъ: въ то время, какъ они были и по силамъ и по богатству въ цвѣтущемъ состояніи, Римъ переживалъ безпокойное, смутное время: его тревожили и пограничные Галлы, и Кельты и другіе неспокойные элементы: „все было

[1]) *περὶ ἁλ.* II, XV, 3.

исполнено возмущеній по смерти Нерона, и многіе домогались царства, почитая это время на то удобнымъ, и даже воины радѣли о перемѣнахъ въ надеждѣ прибытка“ [1]). Такимъ образомъ, и Іудеи — по представленію Іосифа — начали войну въ преувеличенной надеждѣ на свое „цвѣтущее“ состояніе, и цѣлью ихъ предпріятія было не больше, не меньше, какъ отложеніе „всего Востока“, съ одной стороны, пользуясь затрудненіями въ Римѣ, съ другой— разсчитывая на помощь за-Евфратскихъ своихъ единоплеменниковъ [2]) и всѣхъ недовольныхъ владычествомъ Запада.

Что касается Рима, то Іосифъ могъ быть правъ, характеризуя его состояніе далекимъ отъ полнаго и могущественнаго покоя и не столь выгоднымъ для веденія столь серьезной войны. Но когда онъ почему-то закрываетъ глаза на всѣ описанныя имъ въ столь яркихъ краскахъ предшествующія бѣдствія, увѣренно навязываетъ какіе-то неестественные обширные планы Іудейскимъ возстанцамъ, то онъ грѣшитъ не только противъ исторіи, но и себя самого. Фальшь подобнаго утвержденія такъ очевидна послѣ уже сказаннаго, что не нуждается въ особыхъ подтвержденіяхъ еще здѣсь. Хорошо напомнить лишь знаменательную оговорку Іосифа, доказывающую крайнее неравенство противниковъ, дѣлающее совершенно безумнымъ предпріятіе Іудеевъ, если только вмѣстѣ съ Іосифомъ придавать ему одну политическую окраску. Таково его замѣчаніе (въ опроверженіе чрезмѣрныхъ хвалителей величія Рима), что побѣда „великихъ“ надъ „малыми“ вовсе не есть истинное величіе (=побѣдѣ 40,000 англичанъ надъ 3000 буровъ). Да, наконецъ, если возстаніе Іудеевъ имѣло своею цѣлію отложеніе всѣхъ восточныхъ странъ отъ римскаго орла, къ чему же тогда усилія Іосифа—слагать всю вину за бѣдствія отечества на отдѣльныхъ „тирановъ“ и ихъ „разбойничества“ [3])? Не служитъ ли это только еще къ бо́льшему позору защищаемыхъ Іосифомъ Римлянъ, что, ради недостойнаго кружка отдѣльныхъ безобразниковъ, они чинятъ столь варварскую расправу со всею страною, со всѣмъ народомъ, съ красою земли—Св. городомъ, съ его святынею и „чудомъ изъ чудесъ“—храмомъ!?...

Сама истина, такимъ образомъ, требуетъ установить за несомнѣнное, что возстаніе Іудейское было обще-національнымъ движеніемъ, добивавшимся не больше не меньше, какъ только законнаго для всякаго самобытнаго человѣческаго общества права на свободу политическую и духовную (*Ἀρχ.* XX, 6, 1 и мн. др.) [4]), что оно подготовлено всею предшествующею исторіею отношеній двухъ столь различныхъ по культурѣ и задачамъ народовъ [5]), и что, на-

[1]) *περὶ ἁλ.* I, 2.

[2]) ib.

[3]) *περὶ ἁλ.* I, 4.

[4]) Это, между прочимъ, и заставляетъ Іосифа какъ бы невольно выражаться бо́льшею частію о дѣйствующихъ лицахъ возстанія такъ: „народъ“, (*π. ἁ.* II, 14, 7; 17, 1; и масса др., „всѣ Іуден“ (II, 16, 3; и мн. под., особенно см. II, 18, 1, „разсвирѣпѣлъ весь народъ Іудейскій“).

[5]) Это, между прочимъ, заставляетъ, какъ бы по какому чутью, начать описаніе войны Іудейской *издалека*, съ самаго начала знакомства Іудеевъ съ Римлянами.

конецъ, оно носило не столько политическую, сколько религіозную окраску, какъ и началось не столько по политическимъ, сколько по религіознымъ поводамъ [1]).

Такихъ поводовъ было нѣсколько, хотя каждый изъ нихъ былъ достаточенъ самъ по себѣ для возбужденія войны, не смотря на то, что Іосифъ склоненъ представлять дѣло такимъ образомъ, что „въ сравненіи послѣдовавшихъ отъ войны великихъ несчастій начинать ее не было достаточной причины“ [2]), забывая, что проявленная народомъ энергія не только не теряетъ въ сущности своей удивительности и моральнаго значенія отъ подавленія ея превосходствомъ грубой матеріальной силы, а напротивъ даже выигрываетъ, и во всякомъ случаѣ исторія войны полна удивительнѣйшихъ и достойнѣйшихъ проявленій народнаго духа. Однимъ изъ первыхъ casus belli было возмутительнѣйшее стѣсненіе Кесарійскихъ Іудеевъ въ положеніи ихъ синагоги. Бокъ—о бокъ съ послѣдней лежали владѣнія нѣкоего Кесарійскаго Грека, за которыя Іуден неоднократно предлагали „бѣшеныя деньги“, лишь бы устранить крайне неудобное сосѣдство съ ихъ молитвеннымъ домомъ. Отказывая столь естественному и вполнѣ „сходному“ желанію Іудеевъ оградить мѣсто своихъ молитвъ

[1]) II, 14, 4—17, 2. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь нѣсколько своеобразныхъ обоснованій войны и ея бѣдствій у Іосифа, не чуждыхъ даже мистицизма, изобличающаго во всякомъ случаѣ болѣе глубокій смыслъ возстанія, чѣмъ случайный „разбой“ отдѣльныхъ элементовъ. Въ пяти нижеслѣдующихъ мѣстахъ Іосифъ обосновываетъ неизбѣжность войны всякій разъ по своему: 1) въ XX, 8, 5 онъ ссылается на злодѣйствіе сикаріевъ не только въ городѣ, но и въ самомъ храмѣ, какъ на „причину“, по которой „какъ думать надлежитъ, и Богъ, возгнушавшись столь крайнимъ ихъ нечестіемъ, отвративъ лице Свое отъ града и не почитая уже болѣе чистымъ храма Своего, навелъ на насъ Римлянъ, попаливъ градъ огнемъ, и предалъ насъ въ порабощеніе съ женами и дѣтьми, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мы, исправившись бѣдствіемъ, обратились къ здравымъ мыслямъ“.

2) Въ XX, 9, 1 Оригенъ читалъ подобную же мысль, пріурочивая сатисфакцію несчастій къ убіенію Іакова, всѣмъ народомъ чтимаго праведника.

3) Въ XX, 9, 6,—упомянувъ объ уравненіи пѣвцевъ левитовъ со священниками въ правѣ ношенія льняной одежды, даетъ понять, что война была возмездіемъ именно за это вопіющее нарушеніе отеческихъ уставовъ, достойное всякаго наказанія.

4) Въ XX, 9, 4—ведетъ бѣдствія „съ того наиболѣе времени“, какъ Костоваръ и Саулъ, набравъ по полчищу развращенныхъ людей, получили право безнаказанно обижать безпомощныхъ гражданъ.

Наконецъ, 5) въ XX, 8, 9—началомъ всѣхъ золъ и послѣдующихъ бѣдствій полагаетъ указъ Кесарійскій, лишившій Кесарійскихъ Іудеевъ правъ гражданства, послѣ чего будто бы Іудеи „дотолѣ не переставали поднимать смятеній, пока не возгорѣлась война“. Послѣ уже возбужденія этой войны, предъ самымъ финаломъ ея—разрушеніемъ города и храма, Іосифъ приводитъ еще нѣсколько подобныхъ, болѣе или менѣе случайнаго характера, обоснованій бѣдствій войны (VI, 3, 5 и д.). Не отрицая ихъ такого или иного значенія въ общемъ, мы должны, однако, всѣ ихъ подчинить одному существенно важному основанію, которое мы видимъ въ отверженіи Мессіи, этой души Израиля, безъ которой самая отчаянная борьба за свободу и убѣжденія являлась борьбой за фикцію.

[2]) *περὶ ἁλώσ.*, II, 14, 4.

неприкосновенностію, гордый Грекъ нарочно на зло сталъ громоздить возлѣ самой синагоги всевозможныя стройки (мастерскія и пр.), оставляя къ синагогѣ лишь крайне тѣсный и неудобный проходъ. Настроеніе Флора въ этомъ дѣлѣ было не въ пользу Іудеевъ. Подкупъ, къ которому они прибѣгли (8 талантовъ серебра), разрѣшился лишь тою шуткою, что Флоръ серебро взялъ и преспокойно уѣхалъ (изъ Кесаріи въ Севастію), оставя „мятежниковъ“ дѣлать что хотятъ, чѣмъ, по выраженію Іосифа, „какъ бы продалъ Іудеямъ позволеніе начинать войну“ [1]).

Этого было мало. Не далѣе, какъ „на слѣдующій день“ [2]) послѣ этой выходки и отъѣзда Флора, нанесенъ былъ религіозному чувству религіознѣйшаго изъ народовъ новый ударъ. У самаго входа синагоги, переполненной молящимися (по случаю „седьмаго“ дня), одинъ нарочно подосланный Кесарійцами негодяй расположился съ глинянымъ сосудомъ и надъ нимъ закалалъ птицъ, пародируя іудейскіе обряды при очищеніи прокаженныхъ, каковыми онъ въ этой насмѣшкѣ представлялъ какъ бы всѣхъ Іудеевъ. Дѣло тотчасъ же разрѣшилось уличною дракою, къ которой были подготовлены уже достаточно обѣ стороны. Вмѣшательство Юкунда, начальника конницы, не могло остановить перешедшихъ въ наступленіе зачинщиковъ. И Богъ знаетъ, каковы были бы всѣ послѣдствія этой стычки, если бы Іудеи, игравшіе болѣе оборонительную роль, не предпочли оставить Кесарію, уйдя съ книгами закона въ „Нарваты“ (60 стадій отъ Кесаріи). Къ довершенію несправедливости и униженія, депутація изъ 12 главнѣйшихъ Іудеевъ къ Флору съ донесеніемъ о происшедшемъ и просьбою о защитѣ, подверглась заключенію въ узы, и самое то, что Іудеи позволили вынести изъ Кесаріи книги закона, спасая ихъ отъ дерзкаго поруганія, вмѣнено было имъ въ вину, достойную упомянутаго наказанія.

Вслѣдъ за этимъ, послѣдовалъ новый вызовъ терпѣнію несчастныхъ Іудеевъ. Флоръ приказываетъ вынуть изъ священнаго казнохранилища 17 талантовъ, „якобы для Кесаревыхъ надобностей“. Негодованіе народа, послѣ безполезныхъ протестовъ, достигло своего апогея: пара отважныхъ головъ публично саркастировала жадность Флора, обходя съ корзинами улицы и вымаливая подаянія „на бѣднаго и убогаго Флора“. Наступленіе на Іерусалимъ съ большимъ отрядомъ солдатъ было отвѣтомъ на это приведеннаго въ неистовство прокуратора, который не только не внялъ обнаруженной при этомъ готовности Іудеевъ къ покорности и примиренію, но немедленно предалъ лучшія части города солдатамъ на „разграбленіе“, тысячами казнилъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ, не щадя ни пола (женъ), ни возраста (младенцевъ), ни положенія (имѣвшихъ чинъ „римскаго всадника“) [3]), такъ что цифра Іосифа—3600 избитыхъ въ одинъ день [4]) не представляетъ ничего невѣроятнаго [5]).

[1]) II, 14, 4.

[2]) II, 14, 5.

[3]) II, 14, 9.

[4]) *л. а.* II, 15, 2—16 день Артемизія = Ijjar, Май 66 г. срв. *περὶ ἀλ.* II, 14, 4; *Ἀρχ.* XX, 11, 1.

[5]) II, 14, 9. Насколько ужасна была вообще эта рѣзня, достаточно свидѣтельствуетъ фактъ, что даже сестра Агриппы—Вероника, находившаяся въ это время въ Іерусалимѣ для выполненія обѣтовъ назорейства, едва могла быть спасена своею стражею въ собственномъ дворцѣ, послѣ того какъ тщетно пыталась упросить Флора о прекращеніи неистовствъ.

Наглое издѣвательство Флора надъ готовымъ было и послѣ этого смириться народомъ было послѣднимъ толчкомъ къ поднятію знамени вооруженнаго бунта. На предложеніе Флора доказать готовность къ покорности и спокойному расположенію духа — встрѣчей шедшихъ изъ Кесаріи 2 когортъ солдатъ, народъ, послѣ убѣдительно-трогательныхъ увѣщаній первосвященниковъ, въ праздничныхъ одеждахъ встрѣтилъ солдатъ, издавъ обычные привѣтственно-дружескіе клики. Къ общему недовольству и смущенію, солдаты, заранѣе наученные Флоромъ, не отвѣтили на это привѣтствіе: тогда въ толпѣ послышались вымученныя рѣзкости по адресу Флора, и это было заранѣе условленнымъ сигналомъ для звѣрства солдатъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ и преслѣдуемые конницею, несчастные, тѣсня другъ друга, гибли массами, въ то время какъ извнутри города самъ Флоръ шелъ на нихъ со своею ротою. Впрочемъ, безсильные на открытой позиціи, Іудеи успѣли настолько затруднить движеніе солдатъ чрезъ тѣсныя, узкія, запруженныя народомъ улицы, что тѣ предпочли оставить борьбу и убрались въ дворцовыя казармы. Тѣмъ временемъ народъ, впервые оказавшій дѣятельное сопротивленіе римскому войску, поспѣшилъ разрушить переходы, соединявшіе храмъ съ башней Антонія, что дѣлало совершенно невозможнымъ проникновеніе туда Флора за сокровищами храма. Находя себя слабымъ для того, чтобы сломить сопротивленіе единодушно возставшихъ на защиту храма массъ, Флоръ, затаивъ новый планъ безповоротнаго вовлеченія Іудеевъ въ войну, ушелъ въ Кесарію, оставивъ въ Іерусалимѣ одну когорту и возложивъ отвѣтственность за спокойствіе народа на главъ города.

Сопротивленіе, оказанное Іудеями римскимъ войскамъ, дало Флору прекрасный поводъ обвинить Іудеевъ въ отложеніи отъ Рима, что онъ тотчасъ и сдѣлалъ въ доносѣ на нихъ Сирійскому намѣстнику Цестію. Послѣдній, послѣ своего пораженія въ стычкѣ съ Іудеями, самъ блестяще *опровергъ* эту клевету, донося Кесарю на Флора, какъ *единственнаго* виновника начатой войны (*περὶ ἀλ.* II, 20, 1). Одновременно съ доносомъ Флора, Цестій получилъ также и объяснительныя записки Іерусалимлянъ, поручивъ разслѣдовать ихъ дѣло особому уполномоченному (Неаполитану). На пути къ столицѣ, послѣдній встрѣтился въ Іамніи съ Агриппою, который былъ до сихъ поръ въ Александріи [1]) и, услышавъ о безпорядкахъ, спѣшилъ такъ же въ Іерусалимъ. Почтительно встрѣтившій обоихъ, народъ огласилъ ихъ горькими воплями наболѣвшаго сердца, объявляя преданность Риму, но жалуясь на уничтожающую всякое послушаніе Риму свирѣпость Флора и требуя немедленнаго разрѣшенія отправить депутацію къ самому Нерону. При этомъ вполнѣ разумномъ и законномъ требованіи народа, обнаружилъ всю мелочь своей человѣкоугодниче ской души жалкій царь Агриппа, который, избѣгая навлечь на себя ненависть Флора, не нашелъ въ себѣ мужества пожертвовать его дружбой въ пользу цѣлаго истер-

[1]) праздновалъ назначеніе въ намѣстники Тиверія Александра (*περὶ ἀλ.* II, 15, 1).

заннаго имъ народа, а нашелъ возможнымъ ограничиться лишь напыщенною увѣщательною къ народу рѣчью [1]).

Несомнѣнно прикрашенная самимъ Іосифомъ, рѣчь эта замѣчательна для насъ въ томъ отношеніи, что Іосифъ предусмотрительно тщательно постарался провести въ ней свои взгляды на успѣхи и значеніе Римскаго владычества, обосновывая эти взгляды отчасти на оффиціальныхъ документахъ того времени (срв. Friedlaender, De fonte quo Josephus B. I. II, 16, 4 usus sit. Regimonti index lectionum, 1873). Въ тѣхъ мѣстахъ этой рѣчи, гдѣ Агриппа берется доказывать своими доводами маловажность предлоговъ для войны и утѣшить народъ надеждою на благодѣянія Рима,—что ни слово, то возмутительнѣйшая ложь. „Разсмотрите—говоритъ онъ, между прочимъ, — сколь маловажна (!) къ возбужденію войны причина, а тѣмъ болѣе ваши на правителей улики *(и это говорится при еще дымящейся крови тысячъ невинныхъ жертвъ гнуснаго насилія прокуратора!)*. Вамъ надлежитъ властей почитать, а не раздражать (!) *(т. е. выходитъ, что народъ для властей, а не власти для блага народа)*, но когда малѣйшіе *(мы уже видѣли, каковы эти „малѣйшіе“ проступки)* проступки ставите имъ въ великія *(какими они, конечно, и были!)* преступленія, то противъ самихъ себя обличаете тѣхъ, кого обвинить стараетесь, и они васъ уже не тайно и со стыдомъ озлобляютъ, но явно раззоряютъ (? *Можетъ ли быть что-нибудь безстыднѣе столь циничной откровенности!)*. Ничто такъ не облегчаетъ ударовъ, какъ терпѣніе (!—продолжаетъ сладкой сиреной пѣть Іудеямъ Агриппа), и спокойствіе обидимыхъ приводитъ (?) обидящихъ въ стыдъ и сожалѣніе (!—*Да, подтвердимъ мы съ своей стороны, на основаніи всей исторіи прокураторовъ: это удивительное терпѣніе и спокойствіе, преодолѣвшее всякія возможныя границы, заслуживало бы сильнѣйшаго стыда и раскаянія обидчиковъ, но послѣдніе не обнаруживали этихъ чувствъ даже и въ слабѣйшей степени)*. Пусть такъ—плохо утѣшаетъ далѣе Агриппа,—что служители Римлянъ нестерпимо люты (!), но не всѣ Римляне (!) дѣлаютъ вамъ обиды, и не самъ Кесарь, противъ которыхъ вы поднимаете оружіе. Римляне и Кесарь не повелѣваютъ нарочно посылать къ вамъ непотребныхъ правителей, и не могутъ *(? однако, когда хотѣли, могли же!)* отъ запада на востокъ проникнуть..... Не всегда одинъ правителемъ останется; можетъ статься (!), имѣющіе заступить его мѣсто снисходительнѣе будутъ *(плохое утѣшеніе и несбыточная надежда!)*..... Что же касается свободы, поздно уже нынѣ (!!) желать ея, а надлежало прежде за ея сохраненіе мужественно подвизаться (!) [2])... Кто однажды будучи покоренъ, послѣ не станетъ повиноваться, тотъ рабъ непокорный, а не любитель свободы. Надлежало всѣ мѣры къ недопущенію Римлянъ употребить тогда, какъ въ первый разъ вступилъ Помпей въ Іудею (!).... Вы же, имѣя наслѣдственную къ повиновенію обязанность (!),.... сопротивляетесь цѣлой державѣ Римлянъ!“..... Далѣе, Агриппа приводитъ на память успѣхи римскаго оружія, смирившаго и свободолюбивыя Аѳины, и славный Лакедемонъ, и доблестную Македонію, и другіе надменные народы до безпредѣльной Галліи и отдаленной Британніи включительно (см. дальше), прибавляя: „вы только одни за безчестіе (!) ставите служить тѣмъ, которымъ всѣ подвластны (!)....., сила которыхъ непобѣдима всей вселенной (!)“. Верхъ наглости и безумія въ этой рѣчи представляютъ слова: (послѣ того, какъ показана безпомощность и изолированность народа въ возстаніи противъ Рима) „остается прибѣгнуть къ Божіей помощи? Но и она находится при Римлянахъ (!).... ибо нельзя безъ Бога основать такую державу [1])... Вы, принуждены будучи преступить то *(намекъ на то, что Іудеевъ погубитъ особенно свято соблюдаемый даже на войнѣ покой субботняго дня, уже погубившій ихъ разъ при Помпеѣ)*, за что болѣе надѣетесь на Божію помощь, отвратите отъ себя Бога“.... Въ заключеніе, Агриппа взываетъ къ состраданію Іудеевъ по отношенію къ своимъ землякамъ, разсѣяннымъ по всей монархіи Римской, которымъ въ случаѣ возстанія Іерусалима и Іудеи угрожаетъ опасность быть избитыми во всѣхъ городахъ Римскихъ въ отмщеніе (!), за что, по представленію его, „Римлянъ и простить можно, еслибъ они и въ самомъ дѣлѣ учинили сіе кровопролитіе. А тѣмъ болѣе, если не учинятъ, представьте, сколь злочестивое дѣло поднимать оружіе на столь милостивыхъ благодѣтелей (!)“. Такова эта нелѣпая, гнусно-льстивая рѣчь, которою, какъ говоритъ Агриппа, „свидѣтельствуясь въ томъ ихъ святыми и священными Ангелами и общимъ отечествомъ, онъ ничего спасительнаго сказать для нихъ не оставилъ!“

Не задаваясь въ разрѣшеніе тщетнаго вопроса, что̀ здѣсь можетъ быть отнесено на долю Агриппы, и что̀ на долю перловъ Іосифовскаго краснорѣчія, и находя лишь безспорнымъ отраженіе въ ней Іосифовскаго пониманія дѣла, не шедшаго въ разрѣзъ съ пониманіемъ Агриппы, мы отмѣтили нарочито слабѣйшія ея стороны въ особенности для показанія того, какъ беззастѣнчиво-превратно и тенденціозно представляетъ Іосифъ (или Агриппа, въ данномъ случаѣ безразлично) великое дѣло возстанія Іудеевъ. Для полноты и вмѣстѣ обнаруженія безстыднѣйшей наготы этого представленія остается сказать еще только, что и въ устахъ Агриппы нашла себѣ обычное примѣненіе лживая мысль Іосифа о томъ, что возстаніе было дѣломъ не всего народа, а лишь отдѣльныхъ злонамѣренныхъ личностей. „Ежели бы я видѣлъ,—такъ и начинаетъ свою рѣчь ораторъ,—что вы всѣ (!) устремились воевать съ Римлянами, ... не отважился бы подавать моихъ совѣтовъ. ....Но какъ *иныхъ* подстрекаетъ возрастъ, не испытавшій происходящихъ отъ войны злоключеній, *иныхъ* безразсудно воспріятая къ возвращенію свободы надежда, и *нѣкоторыхъ* желаніе обогащенія ..... и наживы; то—дабы и сами они, познавъ лучшее, раскаялись и отъ злаго наущенія немногихъ людей (!) не нажили себѣ бѣды, за должное себѣ почелъ собранію вашему представить то, что нахожу для васъ полезнымъ“.... и т. д.

[1]) на „Ксистос'ѣ“—открытый плацъ предъ дворцемъ Асмонеевъ, который занималъ Агриппа.

[2]) Мысль эту до буквальности сходно выражаетъ Іосифъ въ собственной рѣчи Іудеямъ, говоренной при осадѣ Іерусалима (X, 9, 3).

[1]) Параллель къ этому см. въ той же рѣчи Іосифа V, 9, 3.

Насколько болѣе или менѣе близко къ Іосифовскому изложенію была сказана эта пресловутая „слезная“ рѣчь, рѣшить невозможно, только едва ли она не должна была отличаться бо́льшею сдержанностію, чтобы произвести сколько нибудь умиротворяющее вліяніе на народъ. Послѣдній изъявилъ свою готовность продолжить покорность Кесарю, бросился тотчасъ же возобновлять разрушенные переходы храма, и мигомъ собралъ пріостановленную было Кесарю подать (40 талантовъ). Но едва только Агриппа заикнулся о повиновеніи и Флору, это, для пылавшихъ непримиримою ненавистію къ злодѣю и ставившихъ его немедленное удаленіе непремѣннымъ условіемъ мира—Іудеевъ, являлось столь оскорбительнымъ насиліемъ и наглостію, что они были положительно не въ силахъ удержаться, чтобы не осыпать царя ругательствами и даже каменьями, заставивъ его тотчасъ же удалиться въ свое царство [1]).

Этою рѣшительною мѣрою народа, такъ сказать, отрѣзывались всякіе пути къ отступленію отъ предпринятаго возстанія за свободу, и оффиціально начиналось дѣло самаго возстанія, тотчасъ же возбудившаго спѣшныя лихорадочныя работы и приготовленія къ отраженію имѣвшаго нагрянуть для „усмиренія непокорныхъ“ врага.

---

§ 44. Великая Іудейская война.

I. Усиленіе и организація возстанія.

Нѣтъ ничего досаднѣе для обозрѣвателя повѣствованія Іосифа о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ борьбы Іудеевъ, какъ наталкиваться, съ одной стороны, на каждомъ шагу на беззастѣнчиво-завѣдомую ложь Іосифа въ описаніи деталей, хода и смысла событій, но, съ другой—чувствовать, что почти нечѣмъ и уличить эту ложь, кромѣ какъ ссылкою на субъективную увѣренность, что дѣло могло обстоять какъ бы то ни было иначе, только не такъ.

Спѣша выиграть время до прибытія легіоновъ Рима, борцы за свободу поспѣшили упрочить за собою сильную неприступную крѣпость Масаду [2]), представлявшую издавна [3]) прочный оплотъ восточныхъ границъ Іудеи [4]),

[1]) II, 17, 1. Немного спустя, когда двинуты были на Іудеевъ первыя римскія силы Цестіемъ, и Агриппа, по выраженію Іосифа, замѣтилъ ихъ „небезопасность“, онъ „самоотверженно предложилъ еще разъ свои услуги для увѣщанія Іудеевъ“ послалъ къ нимъ для предварительныхъ переговоровъ двухъ пословъ. Но послѣднимъ не дали ни слова выговорить, и одного убили, а другой успѣлъ бѣжать. Конечно, Іосифъ, по обыкновенію своему, объясняетъ это дѣломъ отдѣльныхъ „мятежниковъ“, боявшихся, какъ бы „народъ“ дѣйствительно не склонился на увѣщаніе Агриппы и угрозы Римлянъ (*π. ἀ.* II, 19, 3).

[2]) У Strabo XVI, 2, 44 p. 764 *Μοασάδα*.

[3]) *π. ἀ.* VII, 8, 3; *Ἀρχ.* XIV, 11, 7; *π. ἀ.* I, 12, 1; *Ἀρχ.* XIV, 13, 8 и д.; 14. 6; 15, 1 и д. *π. ἀ.* I, 13, 7 и д.; 15, 1; 15, 3 и д.

[4]) Недалеко отъ Мертваго моря (Plinius, Hist. nat. V, 17, 73 срв. *π. ἀ.* IV, 7, 2 и *VII*, 8, 3), нынѣшнее Sebbeh, гдѣ и теперь еще можно видѣть слѣды осадныхъ работъ Римлянъ отъ 73 г. (Schür. I, 536, прим. 133).

вырѣзавъ при этомъ стоявшій здѣсь римскій гарнизонъ. Въ Іерусалимѣ открытое провозглашеніе свободы по иниціативѣ Елеазара, сына перв. Ананіи, выразилось также отмѣною ежедневныхъ жертвъ за Кесаря и прекращеніемъ вообще жертвоприношеній за не-іудеевъ. Мѣра эта вызвала было протестъ со стороны „знатнѣйшихъ Іудеевъ“, фарисеевъ и первосвященниковъ [1]), когда она заключала въ себѣ болѣе напрасныхъ доказательствъ ожесточенія противъ Рима, чѣмъ ревности о законѣ и отеческихъ обычаяхъ, которымъ не противно было въ принципѣ принесеніе жертвъ иноплеменниками и за иноплеменниковъ. Когда протестъ этотъ не былъ уваженъ, сторонники Рима рѣшились прибѣгнуть къ посредничеству Флора и Агриппы. Послѣдній выслалъ отрядъ изъ 3000 всадниковъ [2]), успѣвшій засѣсть въ такъ наз. верхнемъ городѣ съ Римофилами, въ то время какъ возстанцы удерживали за собою гору храма и т. н. нижній городъ. Семь дней послѣ этого обѣ партіи боролись и старались вытѣснить одна другую; наконецъ, царскія войска не устояли предъ численностію и мужествомъ возставшихъ (къ которымъ присоединились и сикаріи) и вынуждены были укрыться въ укрѣпленномъ дворцѣ Ирода, оставивъ верхній городъ, въ которомъ тотчасъ же запылали подожженные негодовавшимъ народомъ дворцы первосвященника Ананіи, Агриппы и Вероники и др. зданія; вскорѣ Іудеи взяли также приступомъ и гору съ башней Антонія, истребивъ ея защитниковъ, а потомъ осадили и дворецъ, въ которомъ скрылись войска Агриппы съ важнѣйшими противниками возстанія (перв. Ананія, Езекія—братъ его, и др.) и съ римлянами. Замѣчательно, что войска Агриппы, не видя для себя никакого спасенія, выпросили себѣ свободный пропускъ, чего не удалось осажденной вмѣстѣ съ ними Римской когортѣ, которая вся тотчасъ же была истреблена Іудеями [3]), при чемъ погибли также Ананія съ Езекіею—ясный показатель того, на что хотѣла направляться главнымъ образомъ энергія возстанія.

Одновременно съ тѣмъ, какъ знамя революціи торжествующе развѣвалось въ Іерусалимѣ, во многихъ другихъ городахъ, особенно на границахъ Пале-

[1]) Подъ всѣми ими, а особенно первыми, должно, очевидно, разумѣть не болѣе, какъ „приверженцевъ Иродіанскаго дома“. Они-то, безъ сомнѣнія, и были во всей войнѣ тѣмъ исключеніемъ, которое побуждало Іосифа говорить, что войну велъ „не весь“ народъ.

[2]) *ὑπὸ Ἀγρείππᾳ μὲν ἱππάρχῳ, στρατηγῷ δὲ τῷ Ἰακίμου Φιλίππῳ π. ἀ.* II, 17, 4 кон.). Этотъ Филиппъ, главнокомандующій отрядомъ Агриппы, внукъ Вавилонянина Замаріи (Zamaris), основателя Іудейской колоніи въ Batanäa (*Ἀρχ.* XVII, 2, 3) срв. *π. ἀ.* II, 20, 1; IV, 1, 10; *βίος*, 11, 3, 5, 36, 74;—упоминаемый въ одной изъ надписей у Waddington'a *Δομήδης [Δ] ἀρήιος ἔπαρχος βασιλέως μεγάλου Ἀγρίππα* очевидно тождественъ съ нашимъ *Ἀγρειος*. (Le Bas et Waddington, Inscriptions, t. III, № 2135).

[3]) По отношенію къ этой несчастной когортѣ допущено было не совсѣмъ похвальное вѣроломство побѣдителей. Эта когорта такъ же выпросила было свободный пропускъ подъ условіемъ положенія оружія и оставленія всего, что было съ ними. Едва только, однако, воины сложили мечи и щиты, какъ Іудеи напали на нихъ и коварно перебили всѣхъ, за исключеніемъ Метилія, начальника когорты (слабодушно умолившаго Іудеевъ пощадить его, готоваго на все, вплоть до „обрѣзанія“). Срв. Megillath Taanith § 14: 17 Елула удалились Римляне изъ Іудеи и Іерусалима“ (Derenbourg, p. 443, 445; Hitzig, II, 600).

стины, со смѣшаннымъ населеніемъ, Іудеи платились всѣми ужасами кровавой рѣзни за возстаніе сородичей. Съ одной стороны, это могло служить лишь къ бо́льшему успѣху и ожесточенію возстанія, заставляя гонимыхъ волей-неволей поднимать въ свою защиту оружіе и стягиваться въ опредѣленные центры возстанія; съ другой — было и гибельно для Іудеевъ, когда они, не успѣвая сплочиваться, падали массами отъ неистовствующаго меча мстителей. Особенно ужасна была по своимъ размѣрамъ и послѣдствіямъ Іудейская рѣзня въ Кесаріи, гдѣ языческое населеніе преобладало надъ іудейскимъ, и гдѣ почти „не осталось вовсе Іудеевъ“ [1]); изъ другихъ мѣстностей Іосифъ упоминаетъ о подобныхъ же свирѣпствахъ въ Скиѳополѣ (13000 убитыхъ Іудеевъ), Птолемаидѣ (2000), Аскалонѣ (1500), Тирѣ, и даже въ отдаленной Александріи (50,000). Каждый городъ, каждая область раздѣлялись на 2 лагеря, искавшіе своего спасенія въ погибели другого. Одни только Антіохійцы (по словамъ Іосифа), Сидоняне, Апамійцы и Герасиняне совершенно не тронули жившихъ у нихъ Іудеевъ, не видя съ ихъ стороны никакихъ активныхъ движеній къ возмущенію. Это показываетъ, кажется, едва ли не то, что и въ другихъ городахъ инціатива свирѣпствъ лежала отнюдь не на совѣсти Іудеевъ, и что послѣдніе поднимали оружіе только тамъ и тогда, гдѣ и когда ихъ на то вынуждали. И тѣ свирѣпства, которыя съ своей стороны они произвели въ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ и мѣстностяхъ, во всякомъ случаѣ были только законо́мѣрнымъ отвѣтомъ на подобную же жестокость въ отношеніи къ нимъ. Десятки городовъ и селъ (въ томъ числѣ—Филадельфія, Севонитида, Вераза, Пелла, Скиѳополь, Гадары, Иппонъ, Гавланитида, Кедиса Тирійская, Птолемаида, Гава, Кесарія, Севастія, Аскалонъ, Анѳидонъ, Газа и пр.) испытали на себѣ весь ужасъ ихъ мщенія, въ чаду котораго они не забывали и обезпеченія за собою наиболѣе выгодныхъ позицій, на случай предстоящей войны, какъ показываетъ занятіе ими сильной крѣпости — Махерунта, и уничтоженіе, вѣроятно, невыгодной для защиты крѣпости Кипра (выше Іерихона).

Вскорѣ, революціонеры испытали первое столкновеніе съ римскими легіонами и вспомогательными къ нимъ отрядами Агриппы, Антіоха, Архелая, Соема и нѣкоторыхъ союзныхъ городовъ, подъ начальствомъ самого Сирійскаго намѣстника Цестія Галла. Какъ ни старается Іосифъ смягчить позоръ этого столкновенія съ Іудеями, какъ ни старается представить въ маневрахъ Цестія обычное „отступленіе“ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, истина дѣла ярко проскальзываетъ даже между его строкъ, и—volens nolens — приходится констатировать, что первое столкновеніе Цестія съ Іудеями сопровождалось *полнымъ его пораженіемъ*, и его отступленіе послѣ этого пораженія было выполнено по всѣмъ правиламъ панически безпорядочнаго

[1]) Точныя цифры Іосифа вообще всегда нелишне принимать съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, какъ и въ данномъ случаѣ, когда онъ говоритъ, что въ Кесаріи за одинъ только часъ погибло болѣе 20,000 Іудеевъ. Это былъ, по его словамъ, тотъ самый „часъ и день“ (суббота), когда въ Іерусалимѣ революціонеры расправлялись съ римской когортой, такъ что Іосифъ склоненъ видѣть въ этомъ совпаденіи чуть не чудо мести Іудеямъ за Римлянъ („какъ бы по Божію Провидѣнію“).

бѣгства. Вотъ вкратцѣ обстоятельства этого столкновенія. Двинувшись изъ Антіохіи съ указанными огромными силами, Цестій „огнемъ и мечемъ“ прошелъ черезъ Птолемаиду, Кесарію (гдѣ соединился съ нимъ Галлъ, посланный для усмиренія Галилеи и возвратившійся послѣ того, какъ „не нашелъ мятежа“ тамъ), Антипатриду, Лидду (здѣсь онъ былъ въ дни Кущей, слѣд. Октябрь, Tischri), Веѳоронъ—къ Гаваону, въ 50 стадіяхъ отъ Іерусалима, и здѣсь сталъ лагеремъ. Въ Іерусалимѣ, по случаю праздника Кущей, не было недостатка въ отважныхъ и способныхъ къ войнѣ храбрецахъ, которые сразу же дали себя знать весьма удачной вылазкой съ тылу, въ то время, какъ густыя толпы Іудеевъ, нарушая по необходимости покой праздника, прорвали самый фронтъ римскихъ войскъ и нанесли ему большія потери [1]). Не взирая на это, Цестій рискнулъ подойти къ самому Іерусалиму, поставилъ свой лагерь на т. н. Скопосъ, въ 7 стадіяхъ отъ города, и отсюда сдѣлалъ нѣсколько безуспѣшныхъ приступовъ къ горѣ храма. Въ описаніи этихъ приступовъ у Іосифа и причинъ ихъ безуспѣшности выступаетъ на видъ—странная какая-то скрытность. По его представленію, когда Римляне, сдѣлавъ изъ своихъ щитовъ черепаху, безъ всякой для себя опасности подкапывали спокойно стѣны и готовы были зажечь ворота самаго храма, „мятежники“ въ ужасѣ и отчаяніи разбѣжались, такъ что если бы хотя „немного“ Римляне продолжили осаду, городъ былъ бы взятъ, отворенный для „благодѣтелей-Римлянъ“ освободившимся отъ терроризма „мятежниковъ“ народомъ. Но если такъ, то чего же и въ самомъ дѣлѣ зѣвалъ Цестій? Онъ, видите-ли, „не зналъ“ объ отчаяніи осажденныхъ и о *доброжелательствѣ* къ нему „народа“, и „сверхъ чаянія“ отступилъ отъ города, не получивъ никакого урона, по которому бы можно было въ надеждѣ отчаяваться. А если справиться съ судьбами Божіими, то „конечно, Богъ для сихъ злодѣевъ и святыми (то-есть тѣми, кто готовъ былъ отворить ворота-то врагу!) возгнушавшись, не допустилъ въ сей день войны окончить“.

Какъ бы то ни было, только Цестій не только прекратилъ свои приступы, но и пошелъ прочь отъ города, по тѣмъ же непонятнымъ обстоятельствамъ, какъ и при неудачахъ приступовъ. Эти „непонятныя“ обстоятельства не замедлили дать понять себя тотчасъ же, какъ Цестій началъ свое отступленіе: *слѣдуя* по пятамъ за отступавшими, безпокоя ихъ на каждомъ шагу неожиданными летучими нападеніями, осыпая стрѣлами и камнями съ мало доступныхъ возвышенностей по обѣ стороны пути отступленія, выростая неожиданно густыми, какъ саранча, массами и съ фронта, и съ тылу, и съ боковъ отступавшихъ, Іудеи достигли того, что несчастные войска Римлянъ, безсильные оказать всякое сопротивленіе непроницаемымъ массамъ налегавшихъ отовсюду враговъ—впали въ полное изнеможеніе [2]). Тогда Цестій велѣлъ бросить весь

[1]) II, 19, 2.

[2]) Болѣе того, позоръ ихъ не скрылъ самъ Іосифъ, говоря, что отъ недоумѣнія они обратились къ плачу и рыданію, какъ объятые совершеннымъ отчаяніемъ (II, 19, 8).

свой обозъ, съ машинами и стѣнобитными приспособленіями [1]), и пользуясь темною ночью—(Ноября, Marcheschwan), съ трудомъ „бѣжалъ“ съ остатками войска отъ неминуемой гибели, преслѣдуемый до самой Антипатриды и потерявъ до 6000 человѣкъ.

Торжествуя эту побѣду, значительно поднявшую духъ побѣдителей [2]), послѣдніе не закрывали глазъ отъ грядущихъ затрудненій и опасностей. Возстаніе нуждалось прежде всего въ правильной надежной организаціи и объединеніи, и это было сдѣлано тотчасъ посредствомъ избранія нѣсколькихъ внушавшихъ наиболѣе довѣрія военачальниковъ, на которыхъ и возложена была отвѣтственная роль защищать отдѣльные участки возставшей страны. Въ высшей степени характерно, что—въ отличіе отъ повѣствованія Іосифа о позднѣйшихъ періодахъ войны — мы видимъ въ рядахъ борцовъ за свободу лицъ даже высшихъ сословій города—первосвященниковъ, видныхъ фарисеевъ и т. п., и, наконецъ, его самого—принимающихъ дѣятельнѣйшее участіе въ организаціи возстанія. Руководящая исполнительная роль возстанія сосредоточивалась въ τὸ κοινὸν τῶν Ἱεροσολυμιτῶν (*βίος*, 12, 13, 38, 49, 52, 60, 65, 70), по отношенію къ которому τὸ συνέδριον τῶν Ἱεροσολυμιτῶν (*βίος*, 12) былъ, такъ сказать, исполнительнымъ комитетомъ. Каждая изъ 11 топархій, на которыя была раздѣлена Іудея, получила особаго главнокомандующаго. Оборона столицы возложена была на Іосифа, сына Горіона, и первосвященника (*π. ἀ.* II, 20, 3) Анана. Въ Идумею отправленъ Іисусъ, сынъ Сапфіи, и Елеазаръ, сынъ Ананіи, оба изъ первосвященническаго рода. „Злодѣевъ“ и „разбойниковъ“ Галилеи взялся отстаивать (или какъ онъ ухитряется сказать—„успокоить Галилею!“) (*βίος*, 14) нашъ Іосифъ, теряющій съ этихъ особенно поръ всякую застѣнчивость въ охарактеризованіи своей роли и въ стараніяхъ выгородить себя въ глазахъ Рима.

Не подлежитъ сомнѣнію то, что на юнаго вождя организаторами возстанія возложена была одна изъ самыхъ труднѣйшихъ и отвѣтственнѣйшихъ задачъ. Здѣсь, въ Галилеѣ предстояло оказать самое первое сопротивленіе Римлянамъ, отъ котораго въ значительной степени зависѣла вся послѣдующая компанія; справедливость требуетъ замѣтить, что, не смотря на столь непосильную, повидимому, задачу, какъ превращеніе мирнаго населенія Галилеи въ войско, способное побрататься съ закаленными въ бояхъ римскими легіонами,—молодой, хитрый и образованный раввинъ обнаружилъ въ выполненіи ея достаточно администраторскихъ и организаторскихъ способностей. Прежде всего, для удобнѣйшаго и авторитетнѣйшаго управленія порученною ему областію, онъ привлекъ къ участію въ этомъ управленіи лучшія силы ея, образовавъ изъ нихъ, по образцу Іерусалимскаго, свой мѣстный комитетъ изъ 70 лицъ, рѣшавшій наиболѣе трудныя дѣла, въ то время какъ особые меньшіе комитеты изъ 7 лицъ въ каждомъ городѣ вѣдали дѣла менѣе важныя и удоборазрѣшимыя безъ обращенія въ центральный комитетъ. Іосифъ не говоритъ, какую собственно роль играли эти учрежденія въ дѣлѣ приспособленія страны къ сопротивленію Римлянамъ, но нельзя не видѣть, однако, что это молчаніе скрываетъ многое, и мы не погрѣшимъ, если припишемъ этимъ Галилейскимъ комитетамъ ту же исполнительную въ дѣлѣ возстанія роль, какую имѣлъ и ихъ прототипъ—комитетъ Іерусалимскій. Одною изъ первыхъ и важныхъ „мятежническихъ“ демонстрацій Іосифа должно было быть разрушеніе Тиверіадскаго дворца съ его законопреступными фигурами звѣрей; странно, однако, что и это дѣло вполнѣ почтенной ревности за законъ предупреждается идумейскими революціонерами [1]), и какъ бы случайно снимаетъ съ Іосифа всякую отвѣтственность. Главная забота Іосифа состояла, затѣмъ, въ томъ, чтобы укрѣпить и приспособить къ защитѣ всѣ болѣе или менѣе важные стратегическіе пункты, какъ-то: Галилейскіе города—Іотапату, Тарихею, Тиверіаду, Сепфорисъ, Гисхалу, гору Θаворъ, также Гамалу Гавланитидскую, и др. [2]), и организовать войско. То и другое сдѣлано было, по сознанію самого организатора, такъ, что не оставляло желать ничего лучшаго. Въ самое короткое время не менѣе чѣмъ 100,000 выдрессированнаго „по Римски“ войска [3]), ни въ чемъ не уступавшаго своему образцу, готово было противостать „побѣдителямъ вселенной“.

Насколько Іосифъ въ данномъ случаѣ нескроменъ въ преувеличеніи своихъ заслугъ, опредѣлить точно трудно. Едва ли, однако, будетъ слишкомъ много риска вездѣ при его разсказѣ держать въ умѣ такъ невольно навязывающееся во многихъ его мѣстахъ: „не любо не слушай, а врать не мѣшай!“ Особенно это надо сказать о его подвигахъ въ дѣлѣ „успокоенія Галилеи“ отъ нѣкоторыхъ непріязненныхъ къ нему лицъ, выступившихъ въ самомъ началѣ противъ его образа дѣйствій сильной оппозиціей. Уже одинъ голый фактъ появленія такой оппозиціи въ такое время, когда общая опасность должна была объединять всѣхъ, бросаетъ тѣнь на нашего Іосифа и дѣлаетъ его тщеславіе до приторности противнымъ, и его „мѣры“ къ успокоенію „мятежа“ въ „мятежѣ“ до безчеловѣчія террористичными и подозрительными.

Душою оппозиціи Іосифу былъ Іоаннъ Гисхалянинъ, „дерзкій, сумасбродный партизанъ“ (!?), который въ своей пылкой ненависти къ Риму и въ борьбѣ съ нимъ „превзошелъ всякія крайности“. „Недовольный“ назначеніемъ и дѣятельностію Іосифа и мѣтя самого себя на его мѣсто, онъ составилъ планъ „извести“ „тиранна“ и, поступая самъ не лучше всякаго „тиранна“ („едва терпимый собственными подчиненными“), „всячески противоборствовалъ“ Іосифу и клеветалъ на него, перетолковывая его спокойное приготовленіе къ войнѣ „измѣною“ и „тайнымъ“ соглашеніемъ съ Римомъ, и возмущая населеніе Га-

1) Послѣднія сослужили потомъ большую службу Іудеямъ.

2) Такъ надо понимать мысль Іосифа: „преслѣдователи“ Цестія (не хочетъ даже сказать—„побѣдители“!), возвратясь въ Іерусалимъ, къ себѣ присоединили державшихъ еще сторону Римлянъ, отчасти силою, а отчасти ласканіями (II, 20, 3) τοὺς μὲν βίᾳ τοὺς δὲ πειθοῖ. Были и такіе, которые предпочли оставить городъ, не столько м. б. по боязни неудачъ, сколько по дружбѣ съ Римомъ.

1) *Βίος*, 12.

2) *Περὶ ἁλ.* II, 20, 6; *βίος* 37. Изъ этихъ мѣстностей Сепфорисъ ограничился потомъ лавирующимъ участіемъ въ борьбѣ; Тарихея, Тиверіада и Гамала хотя принадлежали къ области царя Агриппы, но стояли за революцію.

3) *Περὶ ἁλ.* II, 20, 6—8.

лилеи недовѣріемъ и непослушаніемъ ему [1]). Сколько горькой правды помогаетъ обнаруживать въ этомъ намъ самъ Іосифъ всею своею послѣдующею жизнію! Но здѣсь видимъ, что эту правду видѣли его современники далеко ранѣе его рѣшительныхъ дѣйствій въ пользу Рима. Онъ зналъ послѣдній слишкомъ хорошо, чтобы вѣрить въ окончательный успѣхъ возстанія. Не заставляло ли его одно это влагать въ дѣло ему ввѣренное только „половину сердца"—настроеніе, которое, даже безъ свойственныхъ ему неосторожностей, должно было чувствоваться инстинктивно клокотавшими въ пламени бунта сердцами и вносить непріятный, ничѣмъ неизгладимый диссонансъ въ общее одушевленіе. Одно случайное обстоятельство до крайности усилило подозрительное отношеніе къ Іосифу и помогло послѣднему немало обнажить вообще мелочь и ненадежность своей натуры. Совершенно естественно и согласно съ военнымъ положеніемъ страны, одинъ пограничный стражъ настигъ придворнаго Агриппы царя, союзника Римлянъ, и отнялъ у него не мало цѣннаго багажа, препроводивъ послѣдній на благоусмотрѣніе высшаго начальства въ Тарихею. Къ удивленію всѣхъ, „высшее начальство" (это былъ Іосифъ), сдѣлавъ внушительный „выговоръ" за насиліе „царскому слугѣ", заявляетъ о своемъ намѣреніи—возвратить добычу царю (что не исключаетъ очевидно и иного, болѣе естественнаго и удобнаго употребленія изъ этой добычи). Узнавъ объ этомъ, народъ, едва ли даже нуждаясь въ подуськиваніяхъ Іоанна Гисхалы, возбуждаетъ цѣлое смятеніе, цѣлью котораго ставится не менѣе, какъ „сжечь" Іосифа (для чего уже несенъ былъ и огонь). То, что дѣлаетъ Іосифъ для спасенія своей жизни и о чемъ вспоминаетъ не безъ тщеславнаго самодовольства—и смѣшно до крайности, и плутовато до глупости, и низко до отвратительной подлости. Онъ выбѣгаетъ предъ лице народа въ раздранной одеждѣ, съ посыпанной пепломъ головою, съ обращенными на спину руками и съ навязаннымъ мечемъ на шеѣ, показывая въ этомъ комедіанствѣ готовность на полное признаніе и мольбу о пощадѣ [2]). Признаніе дополнило мѣру самаго гнуснаго лицемѣрія и низости Іосифа. Вопреки объявленному ранѣе намѣренію возвратить добычу царю, онъ, подкупая толпу мнимою свѣжестію разоблачаемой тайны, выдумываетъ совершенно другое употребленіе захваченныхъ денегъ, заинтересовывающее непосредственно готовыхъ растерзать его Тарихеянъ: онъ, видите ли, собственно намѣренъ былъ на удержанныя деньги оградить Тарихею такъ нужными ей стѣнами, а что не объявлялъ прямо этого намѣренія ранѣе, такъ просто для того, чтобы не соблазнять Тиверіаду и другіе сосѣдніе города притязаніями на эту экстраординарную добычу. Кромѣ всѣхъ другихъ низостей, эта хитрость удачно разсчитана была между прочимъ на то, чтобы задѣть стоявшихъ въ толпѣ Тиверіадцевъ и отвлечь вниманіе судей отъ подсудимаго на соперничество и вражду между собою. Едва ли не только при этомъ благопріятномъ условіи и могло удасться это недостойное паясничество Іосифа, околпачившее цѣлую толпу народа, ставшаго тотчасъ

[1]) *Περὶ ἁλ.* II, 21, 1—2, *βίος* 13.
[2]) *περὶ ἁλ.* II, 21, 3—5. *Βίος* 26—30.

же на защиту своего „благодѣтеля". А этотъ „благодѣтель", спѣша воспользоваться благопріятнымъ поворотомъ въ его пользу, сейчасъ же изъ подсудимаго преображается въ судію и бьетъ въ самую совѣсть подавшагося народа громкими укорами за его безразсудность. Но этого мало. 2000 болѣе проницательныхъ и неподдававшихся околпаченію головъ пошли таки на расправу съ Іосифомъ, но съ этою изолированною кучкою враговъ расправиться было ему уже гораздо легче. Стоило только для „лучшаго разслѣдованія дѣла" пригласить къ себѣ главнѣйшихъ вожаковъ этой толпы и, исполосовавъ ихъ „до обнаженія внутренностей", выпустить въ оробѣвшую отъ такой безбоязненно-властной расправы толпу! Намъ не важно въ данномъ случаѣ пытаться разслѣдовать, такъ ли дѣйствительно было дѣло, и какъ оно именно было: достаточно виденъ „секретъ" успѣшной дѣятельности Іосифа въ Галилеѣ уже и изъ этихъ его собственныхъ разоблаченій; остальное все дѣлается яснымъ само собою.....

Болѣе хлопотъ доставляла Іосифу тайная противъ него пропаганда, хотя, конечно, опять совершенно нельзя довѣряться ему въ разсказѣ чуть не о чудесныхъ избавленіяхъ [1]) отъ грозившихъ ему опасностей и о легкой расправѣ его со своими врагами [2]). Широкіе размѣры этой пропаганды и цѣлый рядъ заговоровъ противъ него уже даютъ понять, что не напрасно—прежде чѣмъ подготовить Галилею къ войнѣ съ Римлянами, ему надлежало „успокоить" ее отъ войны съ самимъ собою [3]). Мы не будемъ приводить здѣсь новыхъ примѣровъ хитрости и жестокости Іосифа, съ какими онъ обыкновенно расправлялся со своими врагами, какія естественны только въ человѣкѣ съ слишкомъ шаткими—репутаціею и положеніемъ, съ слишкомъ „нечистою" совѣстію,—не будемъ усиливаться выводить истину изъ этого лабиринта его панегириковъ по собственному адресу. Констатируемъ еще только фактъ, что Галилейскіе „подвиги" Іосифа доведены были до свѣдѣнія Іерусалимскаго комитета, и послѣдній уже сдѣлалъ было распоряженіе „отставить" Іосифа, хотя бы силою (для чего было послано цѣлое войско въ 2500 человѣкъ при 4 видныхъ начальникахъ). Въ высшей степени интересно бы знать дѣйствительную, освобожденную отъ всего подозрительнаго, „суть" этого дѣла, но такъ какъ кромѣ неяснаго и ненадежнаго разсказа объ этомъ самого Іосифа, мы ничего не имѣемъ, то остается, поэтому, лишь удовлетвориться самыми общими результатами предварительной Галилейской дѣятельности Іосифа, каковыми были: кромѣ сформированія войска и заботъ по укрѣпленію и управленію страны (положительная сторона)—подавленіе недовольства его дѣятельностію, привлеченіе подъ знамя мятежа отлагавшихся [4]) или неохотно становившихся и сопротивлявшихся городовъ [5]) (отрицательная сторона).

[1]) Такова *π. ἁ.* II, 21. 6; особенно *Βίος* 16—18, 42 и мн. др.
[2]) II, 21, 7; 8; 9; 10.
[3]) *περὶ ἁλ.* II, 22, 1.
[4]) *περὶ ἁλ.* II, 21, 7. *Βίος* 38—64.
[5]) Немало хлопотъ подобнаго рода причинила Іосифу Тиверіада съ смѣшаннымъ, частію римскимъ, частію антиримскимъ населеніемъ (*Βίος* 9), и въ силу этого коле-

Такъ или иначе, въ передовой открытой наступленію врага части возставшей страны все было готово къ борьбѣ. Съ неменьшимъ успѣхомъ должно было организоваться возстаніе и въ другихъ участкахъ, хотя все, что удостоилъ Іосифъ сказать по этому поводу, почти ограничивалось лишь свысока и вскользь брошенною замѣткою, что „всякъ по своему усердію и благоразумію исправлялъ дѣло ему порученное“ (II, 20, 5). Противопоставительный характеръ перехода отъ этой фразы къ разсказу о собственной дѣятельности („прочіе такъ, а Іосифъ.... прежде всего старался“ и т. д.), обнаруживаетъ во всякомъ случаѣ крайнее самообольщеніе нашего автора, выставляющаго свою дѣятельность выходящею изъ ряда обыкновенныхъ. Послѣ всего, что мы знаемъ объ этой дѣятельности, мы должны разумѣется скептически отнестись къ его противопоставленію и признать его дѣятельность въ дѣлѣ организаціи возстанія въ Галилеѣ—если и не безполезною, то во всякомъ случаѣ принесшею ничуть не болѣе добрыхъ плодовъ, чѣмъ сколько могъ бы сдѣлать на его мѣстѣ всякій другой. А если имѣть при этомъ въ виду, что значительная часть времени за періодъ пребыванія Іосифа въ Галилеѣ ушла на поддержаніе [1]) своего авторитета, постоянно колеблемаго подозрѣніями на счетъ надежности и правоспособности Іосифа, то кажется, что какой-нибудь Іоаннъ Гисхалянинъ, съ его пылкою ненавистію къ Риму, съ его прямотой, отвагой и подвижностію, былъ бы гораздо болѣе Іосифа въ состояніи объединить страну въ рѣшимости постоять за свою свободу.

Мы должны, затѣмъ, съ признательностію воспользоваться благосклоннымъ упоминаніемъ Іосифа о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ Іерусалимомъ. Въ немъ кипѣла особенно живая и дѣятельная работа [2]): стѣны быстро починивались; готовились въ обиліи военныя орудія и запасы; происходило обученіе воинскому искусству. Какъ и понятно, подобная суматоха сопряжена была съ немалыми тревогами и затрудненіями, которыя, можетъ быть, и давали Іосифу основаніе сказать, что вообще „городъ былъ въ такомъ состояніи, что еще до нашествія Римлянъ казался погибающимъ“.

Въ такихъ-то приготовленіяхъ прошли осень и зима 66 г., а съ весною 67-го открылись и военныя дѣйствія свѣжими и спеціально мобилизованными для подавленія мятежа Римскими силами.

бавшимся то въ сторону Агриппы, то даже Іоанна Гисхалы, лишь бы только не Іосифа. Вообще о поведеніи этого города, въ отдѣльности, представленіе Іосифа страдаетъ крайними неясностями и тенденціозностію. Подчиненная хитростію и насиліемъ Іосифа (*л. 'а.* II, 21, 8—10. *Βίος*, 32—34), Тиверіада (*πρῶτοι τῆς βουλῆς*) впослѣдствіи еще разъ вступаетъ въ переговоры съ Агриппою, прося его о помощи (*Βίος* 68—69; вообще см. Sch. II, 129 и д.).

[1]) Собственно только II, 20, 5—8 г. прямо и положительно говорятъ о приготовленіяхъ къ войнѣ съ Римомъ. Все остальное, что̀ передаетъ Іосифъ изъ своей Галилейской дѣятельности, не имѣетъ прямого отношенія къ этимъ приготовленіямъ.

[2]) II, 22, 1.

II. Война въ Галилеѣ (67 г.).

Оффиціальное донесеніе Цестія [1]) о возстаніи Іудеевъ и о своемъ полномъ пораженіи, дѣлавшемъ невозможнымъ усмиреніе имъ бунта, застало Нерона въ Ахаіи [2]). Положеніе дѣлъ не могло не внушать значительныхъ опасеній, въ виду того, что возстаніе Іудеи могло заразительно подѣйствовать на многіе другіе—подчиненные Риму народы Востока; вполнѣ понятно поэтому и правдоподобно смущеніе Нерона, съ какимъ онъ выслушалъ непріятную вѣсть. Выбирая наиболѣе способнаго и опытнаго человѣка, на котораго бы можно было смѣло возложить исполненіе нелегкой задачи подавленія Іудейскаго мятежа, Неронъ остановился [3]) на Веспасіанѣ, о славѣ оружія котораго знала даже отдаленнѣйшая Британнія. Проведя зиму въ приготовленіяхъ къ походу, Веспасіанъ отправилъ прежде всего своего сына Тита въ Александрію [4]) за 15-мъ легіономъ [5]), а затѣмъ и самъ, прибывъ въ Антіохію, сталъ стягивать сюда изъ сосѣднихъ странъ вспомогательныя войска. Лишь только время года стало позволять открытіе кампаніи, Веспасіанъ передвинулся съ этими войсками въ Птолемаиду, гдѣ соединился съ легіономъ Тита. Отсюда часть соединенныхъ силъ (6000) Веспасіанъ отправилъ на занятіе Сепфориса по просьбѣ его жителей [6]), что, такимъ образомъ, дало возможность Римлянамъ безъ борьбы овладѣть весьма важнымъ и прочнымъ пунктомъ, угрожавшимъ Галилеѣ. Остававшееся за симъ войско подъ начальствомъ Веспасіана, состоявшее изъ 3 полныхъ легіоновъ (5, 10, 15) [7]), 23 вспомогательныхъ когортъ, 6 от-

---

[1]) вскорѣ послѣ этого умершаго, Tacit. Hist. V, 10: fato aut taedio occidit, хотя зимою 66/67 еще имѣются указанія на его пребываніе въ провинціи, см. *Βίος* 8, 43, 65, 67, 71.

[2]) *л. а.* II, 20, 1; III, 1, 1.

[3]) Іосифъ не преминулъ здѣсь подпустить обычнаго ѳиміама своимъ Римскимъ друзьямъ, находя, что этотъ выборъ былъ сдѣланъ „не безъ опредѣленія Божія“.

[4]) срв. Mommsen. Röm. Gesch. V, 533 и Schür. I, 511, пр. 31.

[5]) По обычному тексту *л. а.* III, 1, 2—3—Титу поручается собственно привести какъ будто 2 легіона, *τό τε πέμπτον καὶ τὸ δέκατον*. Между тѣмъ, въ *л. а.* III, 4, 2 читаемъ, что эти легіоны были уже у его отца, когда онъ привелъ къ нему Египетскія силы, и что эти послѣднія составляли одинъ 15-й легіонъ (*καὶ ἐκεῖ* (въ Птолемаидѣ) *καταλαβὼν τὸν πατέρα, δυσὶ τοῖς ἅμα αὐτῷ τάγμασιν, ἦν δὲ τὰ ἐπισημότατα τὸ πέμπτον καὶ τὸ δέκατον, ζεύγνυσι καὶ τὸ ἀχθὲν ὑπ' αὐτοῦ πεντεκαιδέκατον*). Имѣя въ виду свидѣтельство Sueton. Tit. 4, по которому Титъ во время войны былъ начальникомъ одного легіона (legioni praepositus), мы должны признать болѣе правильнымъ послѣднее изъ указанныхъ мѣстъ Іосифа, въ первомъ же вмѣсто *τό τε πέμπτον καὶ τὸ δέκατον* читать *τὸ πεντεκαιδέκατον*. (Renier, Memoires de l' Académie des inscr. et belles-lettres, t. XXVI, 1 p. 298, not. 8).

[6]) *л. а.* III, 2, 4; *βίος* 71. Сепфорійцы еще до прибытія Веспасіана просили Римской помощи, защищаясь отъ принужденія къ мятежу со стороны Іудеевъ. Была ли она тогда или теперь только оказана, или усилена, не совсѣмъ ясно. Schür. II, 123.

[7]) Tacit. Hist. I, 10. „Флавій Веспасіанъ велъ войну въ Іудеѣ (его назначилъ Неронъ) съ 3 легіонами“.

рядовъ конницы, включая также вспомогательные отряды Агриппы, Соема Емесскаго и Малха Аравійскаго, достигало внушительной цифры 60,000 человѣкъ, тотчасъ же и разбившихъ свой лагерь на границѣ Галилеи [1]).

Войска Іосифа защитника Галилеи въ это время стояли лагеремъ близъ деревни Гарисъ (Гарисимъ) [2]), въ 20 стадіяхъ отъ Сепфориса, не замедливъ обнаружить свою воинскую несостоятельность при первой же вѣсти о близости Римлянъ: потерявъ присутствіе духа, они большими массами стали разбѣгаться, чему былъ, кажется, и не подражателемъ только, а и примѣромъ самъ „военачальникъ“ ихъ Іосифъ, „страха ради Римскаго“ быстро отретировавшійся въ Тиверіаду, не понюхавъ еще, такъ сказать, и „пороху“ и до отчаянія переполошивъ бѣдныхъ Тиверіадцевъ [3]). Этотъ милый маневръ Галилейскаго главнокомандующаго не преминули утилизировать со всѣми его благими послѣдствіями Римляне, для которыхъ вся Галилейская равнина предоставлялась, безъ выстрѣла, въ полное распоряженіе, и только „крѣпости“ Іосифа дѣлали для нихъ неизлишними нѣкоторые запасы военныхъ снарядовъ. Впрочемъ, насколько было серьезно это препятствіе для Римлянъ, можно судить уже по одному поведенію нашего „доблестнаго вождя“: въ совершенной растерянности и малодушіи онъ только помогаетъ Римлянамъ нагонять страхъ на всю Іудею и, не отчаиваясь пока лишь „въ упованіи получить себѣ прощеніе отъ Римлянъ“ [4]), спѣшитъ уже и другихъ „преклонить“ на лучшія намѣренія: пишетъ въ Іерусалимъ, не „угодно ли имъ будетъ помириться съ Римлянами“, прикрывая свою трусость благовидною, но навѣрняка невыполнимою просьбою—„прислать войско, могущее сражаться съ Римлянами“. Надо ли сомнѣваться послѣ этого, что та же жалкая трусость только и могла заставить его сразу же „закопаться“ съ глазъ долой [5]) отъ страшныхъ Римлянъ въ наиболѣе надежную крѣпость Іотапату (*запомнилъ даже и число=21 день м. Артемизія (=Ijjar, Май)* [6]), не испробовавъ даже и слабой попытки затруднить движеніе врага сопротивленіемъ съ другихъ позицій. Между тѣмъ, „побѣдители“ и „благодѣтели“ вселенной бодро и безпрепятственно подвигались впередъ, освѣщая *(какъ и слѣдовало ожидать отъ этихъ благодѣтелей)* свой путь заревомъ пожара и обильно уливая его кровію хотя бы и не сопротивлявшагося населенія [7]). Едва отыскавъ слѣды главнокомандующаго Іудейской оборонительной арміи посредствомъ какого-то шпіона (еслибъ дѣло кончилось плохо для Іосифа, конечно, онъ не вспомнилъ бы добромъ за эту услугу; но *теперь* это—„благоразумнѣйшій изъ непріятелей“ (т. е. Римлянамъ—III, 7, 3), и услуга его

[1]) *л. д.* III, 4, 2.

[2]) *Bios.* 71.

[3]) *περὶ α'λ.* III, 6, 2—3.

[4]) *περὶ α'λ.* III, 7, 2.

[5]) Изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что силы Іосифа при взятіи Іотапаты не уступали численностію силамъ Римлянъ (III, 7, 35). Тѣмъ болѣе, значитъ, позорно его малодушіе и отступленіе.

[6]) Хотя это не совсѣмъ мирится съ III, 7, 33; 8, 9—по которымъ осада длилась 47 дней и съ III, 7, 36, гдѣ говорится, что она кончилась 1-го Панема.

[7]) „Не щадили возраста“ и т. д. III, 7, 1.

Риму—„дѣло Провидѣнія“), Веспасіанъ великодушно соглашается подарить инціативу борьбы нерѣшительному Іудейскому генералу и, не брезгуя его слабостію и растерянностію, подвигается къ Іотапатѣ, снисходительно уступая честь задѣть себя. До какой степени „не по себѣ“ (было этому „доблестному“ генералу, ясно изъ его откровеннаго признанія: онъ перетрусился со своими сподвижниками до того, что „ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился даже и показаться изъ-за стѣнъ крѣпости, когда къ ней подступили враги“ [1]). Нечего и говорить, что подвиги обороны при такомъ главнокомандующемъ въ лучшемъ случаѣ не могли идти далѣе пассивнаго подчиненія „необходимости“—отсиживаться въ крѣпости, природныя и искусственныя укрѣпленія которой, такъ счастливо восполнявшія другъ друга [2]), дѣлали бы эту крѣпость въ рукахъ болѣе опытнаго и отважнаго предводителя „могилою“ Римлянъ, а не Іудеевъ, по милости Іосифа!.....

Такъ какъ прочность и неприступность Іотапатскихъ укрѣпленій, даже и при не столь счастливой благопріятности (см. ранѣе) другихъ условій, исключала возможность взятія этой крѣпости съ первыхъ же приступовъ, то Веспасіанъ рѣшилъ повести правильную осаду, при чемъ искусству и опытности осаждавшихъ не безъ успѣха противостояло „необходимостію“ внушенное мужество осажденныхъ и—если не положительные военные таланты [3]), то, по крайней мѣрѣ, чудовищная хитрость и жидовски изворотливая (до смѣшного) изобрѣтательность ихъ предводителя [4]). Но все это не могло надолго отсрочить судьбу города, тѣмъ болѣе, когда тотъ самый, кому эта судьба была ввѣрена, „первый“ сталъ помышлять о „бѣгствѣ“ [5]), едва уступая „трогательнѣйшимъ“ [6]) мольбамъ горожанъ. У насъ не хватаетъ смѣлости объявить за рѣшительное, что, показавъ этой (послѣ столькихъ „ломаній“—положительно насильной) уступкой свою готовность биться до конца за городъ, Іосифъ (—нисколько не удивительно) предпринялъ втихомолку обезпечить цѣлость своей шкуры въ виду неизбѣжности его паденія, и что тотъ „переметчикъ“, благодаря которому Веспасіанъ былъ извѣщенъ о лучшемъ моментѣ для рѣшительнаго приступа [7]), исполнилъ свою позорную роль не безъ поощренія Іосифа; но, по крайней мѣрѣ, не будетъ излишней смѣлостію объявить это за

[1]) III, 7, 4.

[2]) III, 7, 7.

[3]) Они также заявили себя не съ особенно похвальной стороны вылазками, стоившими не малыхъ непроизводительныхъ затратъ убитыми и ранеными (III, 7: 5, 6).

[4]) III, 7; 10, 13, 14, 20, 28, 29.

[5]) III, 7, 15—16.

[6]) „Юноши, старцы и жены съ младенцами,—говоритъ Іосифъ,—обливаясь слезами, повергались къ ногамъ его (т. е. Іосифа) и, держа его въ своихъ объятіяхъ, съ рыданіемъ умоляли остаться раздѣлить ихъ общую судьбину“..... (III, 7, 16). Если бы даже и пересолилъ здѣсь Іосифъ въ выраженіяхъ ему такой преданности населенія (надо сознаться—неудивительной въ такое время), то это только краснорѣчивѣе говоритъ за то, какою дорогою цѣною онъ давалъ покупать свои—собственно говоря — недорогія услуги, свое самоотверженіе и медлительность въ продажѣ своего дѣла Римлянамъ.

[7]) III, 7, 33.

„возможное“ уже во вниманіе къ тому, что Іосифъ ни единымъ упрекомъ не спохватился оклеймить эту позорную испортившую все его дѣло роль, говоря объ этомъ такъ хладнокровно, какъ о самомъ заурядномъ явленіи. Какъ бы то ни было, воспользовавшись указаніями переметчика, Римляне въ глухое раннее утро прокрались въ безпечно спавшій (?) городъ и безшумно перевели въ него свои легіоны, долго не замѣчаемые, благодаря нависшей „темной тучѣ“, пока, наконецъ, не засверкалъ ихъ убійственный мечъ, не щадившій никого въ этотъ злополучный день. Но, что же Іосифъ? Онъ, конечно, былъ въ числѣ тѣхъ несчастныхъ почти 40,000 [1]), которыхъ безмятежный сонъ въ эту ночь былъ послѣднимъ? Или [2]) онъ исчислялся въ толпѣ тѣхъ 1200 плѣнныхъ, которымъ судьба готовила въ этомъ состояніи болѣе продолжительныя страданія?? Нѣтъ, и нѣтъ! Онъ, „полагаясь на Божіе покровительство“ [3]), прошелъ невредимо „чрезъ непріятелей“ и какъ-то „случайно“ попалъ въ глубокую, хорошо замаскированную совнѣ цистерну, въ которую подобная же „случайность“ уже привела 40 „знатныхъ“ горожанъ, да и не съ признаками поспѣшности и случайности, а даже съ „запасами“ на нѣсколько дней, что, очевидно, изобличаетъ заранѣе обдуманный планъ—въ теченіи нѣсколькихъ ночей найти путь къ дальнѣйшему побѣгу. Это, однако, не удалось Іосифу, не смотря на всѣ его старанія [4]), а вскорѣ и его мѣстопребываніе стало извѣстно Римлянамъ отъ одной женщины, которая скрывалась такъ же въ этой цистернѣ и, отыскивая подобно Іосифу пути для побѣга, попала въ руки стражей Римскихъ. Посланные Веспасіаномъ тотчасъ же „тысяченачальники“ (двое сразу) начинаютъ убѣждать „мужа храбраго“ выйти изъ ямы, что сначала плохо дѣйствовало на Іосифа, заключавшаго о предстоявшей ему участи болѣе отъ своего „сопротивленія Риму“, нежели отъ „кротости, имъ свойственной“ (!). Наконецъ, третьему военачальнику, давнему „знакомому“ (!) Іосифа и „другу“—Никанору, удается поколебать „мужа храбраго“ въ рѣшимости [5]) отсиживаться, (подѣйствовали особенно увѣренія Никанора, „сколь свойственно Римлянамъ поступать милостиво съ тѣми, коихъ однажды они завоевали“! Что можетъ быть безстыднѣе этого, послѣ только что описанныхъ свирѣпствъ?). Въ аккомпаниментѣ раздававшимся надъ нимъ угрозамъ солдатъ, онъ припоминаетъ свои „сны“, въ которыхъ за прошлую ночь Богъ предвозвѣстилъ ему не только „о грядущихъ на Іудею бѣдствіяхъ“, но даже и „о имѣющихъ послѣдовать съ Римскими императорами перемѣнахъ“ (!). Этого мало. Благодаря хорошему (!) знанію пророчествъ, находившихся въ свящ. книгахъ, знанію, свойственному ему какъ „священнику“ саномъ и родомъ, и, сопоставляя эти пророчества съ своими „сновидѣніями“, онъ вдругъ подъемлется на неизъяснимую высоту какого-то озаренія и „вдохновенія Богомъ“ (!), и изъ груди его исторгается

[1]) Нѣсколько меньше, ибо Іосифъ включаетъ въ это число погибшихъ ранѣе.
[2]) III, 7, 36.
[3]) III, 8, 1.
[4]) III, 8, 1.
[5]) Надо замѣтить, что эта рѣшимость стала колебаться также отъ огня, который Римляне бросали въ пещеру.

слѣдующій восторженный „перлъ“: „поелику все счастіе перешло уже къ Римлянамъ, и Тебѣ, о Боже, угодно явилось и самый Іудейскій народъ, созданный Тобою, повергнуть въ напасти и *избрать меня въ провозвѣстника будущихъ приключеній* (!), я отдаюсь безъ принужденія Римлянамъ и продолжать жизни не отрицаюсь, однако—свидѣтельствуясь Тобою (!), что не какъ *предатель отечества*, но какъ *служитель Твоихъ повелѣній* (!) *перехожу къ нимъ*“. Нѣтъ надобности изобличать эту галиматью Іосифа; довольно сказать, что „не такъ“ поняли его рѣшимость уже его несчастные сотоварищи. Какъ одинъ человѣкъ „они“ принялись воодушевлять своего „вождя“—„не посрамить отеческихъ законовъ“, „не отдаваться изъ любви къ жизни въ подлое рабство“ и т. п., и въ заключеніе эти достойные борцы „славы отечества“, приставивъ къ нему мечи, поставили ему слѣдующій ультиматумъ:.... „хотя счастіе Римлянъ привело тебя въ забвеніе самого себя, однако мы должны дѣлать то, чего требуетъ отъ насъ слава отечества нашего. *Если у тебя самого не хватаетъ на то духа, мы* подадимъ тебѣ и десницу и мечъ. Ты же, если добровольно умрешь, умрешь вождемъ Іудейскимъ. Если же заставишь прибѣгнуть къ насильственному умерщвленію, скончаешься предателемъ отечества!“ Мелкая душа Іосифа не вмѣстила, однако, глубины этихъ золотыхъ поистинѣ словъ. Онъ пускается на хитрости, обращается къ этому столь отличающему его свойству, или—говоря его собственными словами — „почитаетъ за необходимость оказать передъ ними „опытъ“ своего любомудрія“, опасаясь не столько „смерти“, сколько того, что „останется нарушителемъ Божіихъ повелѣній“, „ежели умретъ прежде, нежели возвѣститъ ему открытое“ (*какое ревностное отношеніе къ пророческимъ обязанностямъ!! какое беззастѣнчиво—кощунственное обоснованіе предпочитанія жизни, нельпое уже по одному тому, что сейчасъ же и опровергается предложеніемъ Іосифа ни смерть по жребію. Дѣлая такое предложеніе, развѣ не рисковалъ Іосифъ какъ и всѣ „умереть прежде чѣмъ возвѣстить ему открытое?“*)... „Опытъ“ Іосифовскаго „любомудрія“ излился въ длиннѣйшей рѣчи къ товарищамъ [1]), въ которой ораторъ слабо старается доказать, что обрекать себя на самовольную смерть тамъ, гдѣ есть надежда избѣжать ея, великое преступленіе противъ Бога и признакъ недостатка мужества, и что, слѣдовательно, теперь, когда „Римляне ни на сраженіе противъ насъ не выходятъ, ни нападаютъ на жизнь нашу (?), — благоразумнѣе всего воспользоваться ихъ обѣщаніями пощады“ (Іосифъ не доказалъ только, дано ли было такое обѣщаніе и другимъ его товарищамъ). Насколько мало это было убѣдительно, видно изъ того, что его слушатели сейчасъ же набросились на него съ мечами, и только какой-то непонятно властный магнетизмъ его взора и гипнотизмъ его окриковъ—остановилъ и опустилъ простертые на его убійство руки (!). Но, по циничному сознанію самого предателя, ему „не недоставало проворства на вымыслы“ въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ. Препоручивъ себя Божію покровительству и измѣняя сейчасъ же проведенной въ рѣчи мысли о преступности самоубійства, предлагаетъ по жребію всѣмъ погибнуть

[1]) Конечно, рѣчь эта въ дѣйствительности не была такою.

отъ руки другъ друга, предоставляя совѣсти послѣдняго—возложить самому на себя руки. Послѣ всего, что намъ передалъ Іосифъ объ общемъ настроеніи, отказываемся вѣрить, что Іосифъ именно этой только хитрости обязанъ спасеніемъ своей мелкой жизни, а не измыслилъ какую либо еще другую, болѣе гнусную, хотя бы, напр., подтасовкой жребіевъ. Впрочемъ, уже самое согласіе на эту жеребьевку не можетъ не казаться страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для товарищей Іосифа не существовало вопроса, сдаваться или умирать? На послѣднее они вовсе не смотрѣли, какъ на грѣховное самоубійство, и готовы были хоть сейчасъ вонзить въ себя мечи, въ полной увѣренности, что погибаютъ благороднѣйшею смертію борцовъ за свободу. Для нихъ былъ одинъ вопросъ—какъ удержать Іосифа отъ его безчестнаго намѣренія и заставить его умереть благородною смертію вождя Іудейскаго, а не плѣнника Риму? Если такъ, съ какой стати *имъ* было прибѣгать къ жребію и разрѣшать свой вопросъ съ конца, а не съ начала? Іосифъ говоритъ, что они охотно подклоняли свои выи подъ мечъ „*въ надеждѣ*, что такую же кончину получитъ немедленно и вождь ихъ; *повелику умирать вмѣстѣ съ Іосифомъ казалось всякому пріятнѣе самой жизни* (!?)“ Жалкая надежда! Слѣпотствующее довѣріе къ человѣку, лишенному вѣры! Наглое самохвальство, способное вызвать только горькую улыбку! Непонятная и едва ли „случайная“ случайность (приписываемая Іосифомъ или *счастію* или *Божію Провидѣнію!*), что Іосифъ, посредствомъ этого жеребьево-ловкаго устраненія препятствій къ своему предательству, остается въ концѣ концовъ одинъ съ человѣкомъ, котораго было такъ легко убѣдить къ тому же предательству!.....

Наиболѣе блестящаго примѣненія хитрость Іосифа достигла въ моментъ представленія его Веспасіану. Онъ принимаетъ на себя видъ вдохновеннаго провозвѣстника, предрекаетъ „владычество надъ землею, моремъ и всѣмъ родомъ человѣческимъ“ Веспасіану и его сыну Титу, и—вмѣсто все же небезпочетной казни на судѣ Нерона—обезпечиваетъ себѣ своего рода позорный почетъ въ лагерѣ Веспасіана. Трудно согласиться, что только одно это (предсказаніе) могло перемѣнить Веспасіана въ отношеніи къ Іосифу—до того, чтобы даже пользоваться его услугами въ дальнѣйшемъ веденіи войны. Нельзя отрицать самаго факта „пророчествованія Іосифа“, о чемъ находимъ указанія у Dio Cass. (LXVI, 1), Sueton. Vesp. c. 5, и Appian'a, 22 кн. его Римск. Исторіи [1]), и даже въ раввинскихъ преданіяхъ [2]). Можно и должно, однако, ограничить

[1]) По Zonaras Annal. XI, 16.

[2]) Въ послѣднихъ, впрочемъ, это пророчествованіе усвояется R. Jochanan'y ben Sakkai. Derenbourg, p. 282... Holwerda (Verslagen en Mededeelingen der koninkl. Akademie van Wetenschappen, Afdeeling Letterkunde, Tweede Reeks deel, II, 1872, p. 137 и д.) обращаетъ вниманіе, что подобныя предсказанія усвояются о Титѣ и Веспасіанѣ языческому жрецу. Такъ Sostratus, жрецъ Аѳродиты въ Пафѣ, на Кипрѣ, предсказываетъ вопрошавшему оракула Титу, на основаніи благихъ предзнаменованій, хорошее будущее (Tacit. Hist. II, 4: petito secreto futura aperit. Еще яснѣе Светон. Тит. c. 5.: adituque Paphiae Veneris oraculo, dum de navigatione consulit, etiam de imperii spe confirmatus est). Жрецъ Василидъ (Basilides) на Кармилѣ дѣлаетъ подобное же предсказаніе Веспасіану на основаніи жертвенныхъ предзнаменованій

его прежде всего тѣмъ, что въ моментъ произнесенія пророчество Іосифа могло представлять изъ себя пару общихъ фразъ, впослѣдствіи округленныхъ и развитыхъ въ формальное пророчество. Небезполезно, далѣе, спросить также, не было ли это „предсказаніе“ настолько естественнымъ, настолько подготовленнымъ событіями и ходомъ вещей, что уже тогда мало-мальски опытному проницателю, хотя бы и не прорицателю, давало возможность „прорицать“ неизбѣжное, не менѣе правдоподобно чѣмъ предсказаніе весной о наступленіи лѣта, или ночью о днѣ,—все равно какъ и подобное же другое „предсказаніе“ Іосифа о своемъ плѣнѣ и паденіи крѣпости [1]). Нѣтъ ничего, наконецъ, невозможнаго въ томъ, что „предсказаніе“ очень удачно было разсчитано на самолюбіе Веспасіана, и, въ связи съ какими нибудь другими завѣреніями предательства и готовности на всѣ услуги Риму [2]),—легко могло возъимѣть свое дѣйствіе. Такъ или иначе, фактъ гнуснаго предательства благополучно совершился, и надо было только придумать все, что̀ могло служить къ его оправданію...

Судьба остальныхъ борцовъ за свободу отечества кончилась самымъ плачевнымъ образомъ: все населеніе города погибло [3]), за исключеніемъ того лишь

(quidquid est, Vespasiane, quod paras, seu domum extruere seu prolatare agros sive ampliare servitia, datur tibi magna sedes, ingentes termini, multum hominum (Tacit. Hist. II, 78, срв. Sueton. Vesp. c. 5: apud Judaeam Carmeli dei oraculum consulentem ita confirmavere sortes, ut quidquid cogitaret volveretque animo quamlibet magnum, id esse proventurum pollicerentur.) Обычно, эти языческія предсказанія отождествляются съ Іосифовымъ. Свидѣтельство *Светонія:* (Becп. 5): „одинъ знатный Іудейскій плѣнникъ, именемъ Іосифъ, когда по приказу Веспасіанову посадили его въ темницу, съ великою твердостію увѣрялъ, что тотъ же, который его заключилъ, освободитъ его въ скорости, однако уже будучи императоромъ“. Еще *Тацитъ*, I, 10: „послѣ его (Веспасіана) возвышенія мы повѣрили, что по сокровенному закону судьбы какъ знаменіями, такъ и отвѣтами (оракуловъ) Веспасіану и его дѣтямъ была предназначена императорская власть“.

[1]) III, 8, 9; въ объясненіе возможности подобной „выдумки“ Іосифа достаточно припомнить его первыя попытки къ предательству, описываемыя имъ III, 7, 15 и д. Достоинъ замѣчанія образъ рѣчи Іосифа: „когда одинъ изъ пріятелей Веспасіана ..... выразилъ ему (вполнѣ основательное) удивленіе, почему Іосифъ не предвидѣлъ своей участи и участи Іотапатъ, и на этомъ основаніи заподозривалъ его предсказанія, то Іосифъ отвѣтствовалъ, что онъ предсказывалъ Іотапатянамъ“... и т. д. Эта попытка ополчиться за свое пророчество—совершенно ясно изобличаетъ, что оно имѣло въ виду какой-то интересъ,—очевидно шкурный.

[2]) По дальнѣйшей дѣятельности Іосифа въ качествѣ парламентера можно судить, что желаніе сохранить ему жизнь могло вызываться надеждами на это именно его посредничество. Независимо отъ того, эта непрерывная демонстрація „храбраго вождя“ въ качествѣ плѣнника при Римскомъ лагерѣ сама по себѣ могла казаться однимъ изъ сильныхъ средствъ для колебанія мужества возставшихъ и для склоненія ихъ на лучшія чувства, хотя на дѣлѣ и не оправдала такихъ надеждъ: одинъ видъ „предателя“ заставлялъ только сильнѣе ожесточаться и клеймить печатью презрѣнія не только плѣнника, но и плѣнителей.

[3]) „Не осталось человѣка, который бы извѣстилъ Іерусалимъ о несчастіи Іотапатъ“ (III, 9, 5). Это образчикъ „милостиваго отношенія Римлянъ къ побѣжденнымъ“. А вотъ образчикъ глупѣйшаго самохвальства нашего автора: „между прочимъ разглашено было, что во время разоренія Іотапатъ и Іосифъ лишился жизни,

количества, какое нужно было для рабскихъ услугъ; самый городъ со всѣми его укрѣпленіями и стѣнами былъ выжженъ и „сравненъ съ землею“. Самаго главнаго оплота Галилеи, такимъ образомъ, не стало. Безъ особенныхъ усилій были, затѣмъ, привлечены къ повиновенію города Тиверіада и Тарихея, отложившіеся отъ Агриппы, при чемъ въ послѣднемъ изъ названныхъ городовъ это было произведено со всѣмъ неистовствомъ Римскаго свирѣпства, такъ компрометирующаго этихъ „побѣдителей-благодѣтелей“ [1]). Оставалось завоевать остальные болѣе укрѣпленные Галилейскіе пункты, какъ-то—Гисхалу, гору Ѳаворъ (Итавиріонъ) и важную Гавланитидскую крѣпость Гамалу [2]). „Несравненно меньшая“ сравнительно съ Іотапатянами горсть храбрецовъ [3]), засѣвшая въ ея неприступныхъ, подобно Іотапатамъ, твердыняхъ, съ геройскимъ мужествомъ 7 мѣсяцевъ отбивала всѣ приступы непріятелей [4]), и завоеваніе ея (ускоренное лишь недостаткомъ провіанта) потребовало величайшаго напряженія непріятельскихъ силъ, едва не доведенныхъ до полнаго отчаянія, такъ что потребовалось личное участіе Веспасіана, чтобы поднять упавшій духъ солдатъ. Безпощадныя избіенія Гамалитянъ (не исключая ни женщинъ, ни младенцевъ: изъ всего населенія скрылись отъ гнѣва Римлянъ и спаслись только 2 женщины) нелишній разъ можно взять въ подтвержденіе того, насколько даже Іосифъ не могъ скрыть „оборотной стороны“ Римской доблести, которой было совершенно чуждо правило—уважать храбрость и щадить невинность. Менѣе сопротивленія Іудеи могли оказать на горѣ Ѳаворъ, и, будучи выбиты изъ этой позиціи обманомъ, ушли въ Іерусалимъ. Наконецъ, Гисхала была послѣднимъ и уже самымъ слабымъ опорнымъ пунктомъ возстанія въ Галилеѣ. Заклятымъ врагомъ Римлянъ здѣсь былъ извѣстный Іоаннъ Гисхалянинъ съ своею партіею—зилотовъ, конечно, съ точки зрѣнія Іосифа выступающій „предводителемъ разбойниковъ“, не болѣе. Для взятія Гисхалы Веспасіанъ отправилъ подъ предводительствомъ Тита 1000 человѣкъ конницы. О серьезномъ сопротивленіи Риму теперь нельзя было и ду-

что исполнило печалію *весь Іерусалимъ*. Каждый домъ и фамилія оплакивали своихъ, кого лишились, но о военачальникѣ плачъ былъ *всенародный*. Одни проливали слезы о гостяхъ, другіе о сродникахъ, иные о друзьяхъ, братьяхъ, о *Іосифѣ же всѣ*(!) и т. д.

[1]) Срв. особ. III, 10; 3, 5, 6, 9, 10. Не менѣе характерно, что часть побѣжденныхъ, взятыхъ въ плѣнъ, Веспасіанъ подарилъ Агриппѣ, какъ ихъ государю, а этотъ.... *продалъ* своихъ „подданныхъ“. (III, 10, 10).

[2]) Sueton. Tit. 4 ошибочно усвояетъ завоеваніе этой крѣпости не Веспасіану, а Титу. Послѣдній во время ея завоеванія былъ посланъ Веспасіаномъ преслѣдовать повстанцевъ (срв. *т. ж.* IV, 1, 5), ушедшихъ отъ меча Римлянъ на своихъ кораблях въ озеро. Въ этомъ преслѣдованіи Тита отличила въ своемъ родѣ „victoria navalis“, увѣковѣченная на монетахъ и тріумфированная на торжествахъ побѣды въ Римѣ (*т. ж.* VII, 5, 5).

[3]) *т. ж.* IV, 1, 2.

[4]) Іосифъ даетъ намъ здѣсь право заключить, что если бы соразмѣрное сопротивленіе и храбрость были оказаны Римлянамъ въ Іотапатѣ, то продолжительность осады пришлось бы измѣрять не 47 днями, а такъ же цѣлыми мѣсяцами или даже и годами.

мать. И городъ послѣ двухдневнаго колебанія отворилъ Титу ворота. Значеніе этой побѣды не мало умалилось тѣмъ, что Іоаннъ, защитникъ крѣпости, успѣлъ увести изъ города ночью большія партіи сподвижниковъ и съ ними ускользнулъ [1]) въ Іерусалимъ (понесши, впрочемъ, во время этого бѣгства немало потерь), гдѣ теперь стало централизоваться все возстаніе [2]).

Между тѣмъ близился конецъ 67-го года, и Веспасіанъ вынужденъ былъ прекратить военныя дѣйствія, устроивъ свои войска на зимнихъ квартирахъ (5 и 15 легіоны въ Кесаріи, 10 въ Скиѳополисѣ). Всячески на сѣверѣ Палестины мятежа болѣе не существовало, и Веспасіанъ могъ бы теперь двинуться прямо на центръ возстанія—Іерусалимъ; но по обстоятельствамъ, имѣющимъ быть указанными ниже, онъ промедлилъ съ этою рѣшимостію цѣлый годъ, и подъ стѣнами Іерусалима мы видимъ его лишь лѣтомъ 69 года.

III. Іерусалимская революція (67—68).

Прежде чѣмъ непріятельскія войска нанесли окончательный ударъ Іудейскому возстанію, послѣднее уязвило себя собственными смертельными ударами, породивъ въ самыхъ нѣдрахъ своихъ всѣ ужасы полной анархіи и революціонаго терроризма. Это была та отчаяннѣйшая, кроваво-братоубійственная война всѣхъ противъ всѣхъ, которая должна была произвести „мерзость запустѣнія“ въ народѣ Божіемъ (Мѳ. 24. 15). Это была, такъ сказать, послѣдняя стадія развитія того нравственнаго общественнаго разложенія, тлетворное дѣйствіе котораго мы отмѣчали ранѣе, объясняя его ослѣпленіемъ Израиля до убійства Мессіи. По характеру и размѣрамъ бѣдствій это было несчастіе, о какомъ можетъ дать понятіе не столь давняя французская революція.

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ этихъ несчастій Іерусалима или толчкомъ къ нимъ въ значительной степени были неудачи возстанія въ Галилеѣ. Фанатическая партія сторонниковъ войны не умедлила приписать эти неудачи—и не безъ основанія—недостаточной энергіи руководителей и организаторовъ мятежа и даже ихъ измѣнническимъ замысламъ. Упреки скоро породили явное неповиновеніе имъ и желаніе даже устранить ихъ со столь отвѣтственныхъ постовъ, какъ подозрительныхъ личностей. Эти послѣднія въ свою очередь добровольно не уступали своего положенія, и возстановляли поколебленный престижъ подъ шумокъ общаго раздора и анархіи, царившихъ въ Іерусалимѣ всю зиму 67—68 г.

[1]) Іосифъ склоненъ представлять этотъ маневръ Іоанна пародіей на честное отступленіе (*т. ж.* IV, 3, 1). Но во всякомъ случаѣ, то сочувствіе, съ какимъ встрѣтило его все множество народа и интересъ къ его сообщеніямъ, доказываетъ, что этотъ вождь имѣлъ значеніе большее, чѣмъ „предводитель разбойниковъ“, а его близость ко многимъ вліятельнѣйшимъ членамъ Іерусалимскаго комитета (IV, 3, 13) еще болѣе опровергаетъ эту клевету на него Іосифа.

[2]) Сюда, по словамъ Іосифа, „стекались всѣ, бѣжавшіе войны (IV, 2, 1).

Іоаннъ Гисхала, ушедшій изъ рукъ Тита въ Іерусалимъ изъ Гисхалы въ Ноябрѣ 67 г., стоялъ во главѣ названной фанатической партіи, усвоившей себѣ имя зилотовъ и состоявшей преимущественно изъ Іерусалимской молодежи, обычно отличающейся наибольшею пылкостію. Продолженіе борьбы за свободу до послѣдней капли крови было девизомъ этой отчаяннѣйшей партіи, не пренебрегавшей подъ условіемъ вѣрности своему девизу самыми завзятыми головорѣзами и дебоширами. Это послѣднее помогало пріобрѣсти и удерживать зилотамъ преобладающее значеніе надъ всей смятенной страной [1]). Однимъ изъ средствъ для поддержанія этого преобладанія и для достиженія своего девиза было устраненіе всѣхъ болѣе или менѣе подозрительныхъ своимъ тяготѣніемъ къ Риму личностей. Въ числѣ первыхъ жертвъ зилотизма за это время пали многіе изъ знатнѣйшихъ гражданъ города, каковы—Антипа, родственникъ Иродіанской фамиліи, завѣдывавшій общенародною казною, а также Левія и Софа—оба царской же крови [2]). Вообще предубѣжденные противъ аристократіи города, зилоты простерли это предубѣжденіе до того, что низложили самого первосвященника за попытку возбудить противъ нихъ народъ, и не задумались избрать посредствомъ жребія новаго, которымъ былъ Фанній, человѣкъ, по представленію Іосифа, совершенно недостойный этого званія [3]).

Послѣднее обстоятельство въ особенности послужило поводомъ къ обостренію отношеній, въ какихъ стояла къ зилотамъ болѣе умѣренная партія „людей порядка“, во главѣ которой стояли—Горіонъ сынъ Іосифа [4]), вліятельный фарисей Симонъ сынъ Гамаліила [5]), и оба ех-первосвященника—Ананъ сынъ Анана и Іисусъ сынъ Гамаліила, и которая имѣла не менѣе сильное вліяніе на остальной народъ. Горькія жалобы Анана въ собраніи послѣдняго на неслыханное нарушеніе законовъ священноначалія зилотами сильно наэлектризовали толпу противъ зилотизма и подвигнули ее на открытую расправу съ законопреступными безчинниками. Это въ свою очередь сильно ожесточило зилотовъ и повело къ новымъ не менѣе возмутительнымъ безчиніямъ: уступая своимъ противникамъ въ числѣ, они, послѣ многихъ кровавыхъ свирѣпствъ, не задумались самый храмъ обратить въ свою крѣпость: тѣснимые и здѣсь, они затворились даже во внутреннихъ частяхъ храма, и такъ какъ первосвященникъ не допускалъ неочищенному народу проникнуть въ эти части для вытѣсненія засѣвшихъ, то послѣдніе оказались въ осадѣ, бдительно сторожимые со всѣхъ сторонъ особыми стражами.

Тогда на помощь себѣ зилоты призвали Идумеевъ, распаливъ ихъ воинственное настроеніе сенсаціоннымъ доносомъ, что первосвященническая партія, все болѣе и болѣе обольщая народъ, обнаруживаетъ попытку вступить на путь мирныхъ переговоровъ съ Римлянами и желаніе сдать имъ престольный городъ.

[1]) *περὶ ἁλ.* IV, 3, 1—3.

[2]) *π. ἁ.* IV, 3, 4—5.

[3]) *π. ἁ.* IV, 3, 6—8. Срв. Derenbourg p. 269.

[4]) Schürer отождествляетъ его съ Іосифомъ сыномъ Горіона, II, 20, 3. Срв. также Derenbourg, p. 270.

[5]) *βίος*, 38, 39, 44, 60. Derenbourg, p. 270—272, 474 и д.

Этого было достаточно, чтобы Идумеи тотчасъ же появились у стѣнъ столицы. Нетактичность первосвященника, закрывшаго предъ ними ворота города и выступившаго къ нимъ съ столь же нетактичною рѣчью, только усилила подозрительность Идумеевъ и ихъ желаніе подать помощь зилотамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними взять въ руки защиту Іудейской столицы. Въ ближайшую грозную бурную ночь зилоты сдѣлали удачную вылазку изъ своей позиціи и отворили своимъ союзникамъ ворота города. Мстя за оскорбленіе и за подозрѣваемые измѣнническіе планы [1]), Идумеи исполнили весь городъ грабежа и убійства. Въ числѣ жертвъ (12000 человѣкъ) былъ и Ананъ съ Іисусомъ, которыхъ Іосифъ оплакиваетъ какъ лучшихъ изъ людей, о которыхъ по его словамъ „сама добродѣтель стенала съ рыданіемъ, что она даже до того побѣждена злобою!“ Безчинства закончились нарочито устроенной комедіей, пародировавшей формальный судъ 70-ти. Судьями были поставлены 70 „знатнѣйшихъ мужей изъ простолюдиновъ“; въ качествѣ подсудимаго поставили предъ этимъ судомъ Захарію, сына Варуха, обвиненнаго въ сношеніяхъ съ Римлянами. Судъ не нашелъ мужества разыграть эту комедію въ духѣ ея устроителей и въ полномъ своемъ составѣ предпочелъ спастись бѣгствомъ, а участь несчастнаго подсудимаго рѣшила пара отчаяннѣйшихъ зилотовъ, которые пронзили его мечами со словами: „а вотъ тебѣ и наше оправданіе!“ [2]).

При болѣе глубокомъ проникновеніи въ послѣднія судьбы Іудейства нельзя не видѣть, какъ постепенно ниспадаетъ Іудейство со всѣхъ пьедесталовъ своего отжившаго величія и очевидно осуществляется пророческое слово Спасителя о „мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ“. Замѣчательно особенно то, что во всей этой печальной эпопеѣ войны—не зилоты, не Ананъ, не Идумеи, не Римляне, а какой-то особый едва уловимый рокъ направляетъ общій ходъ событій къ одной развязкѣ, и простыя случайности, вторгаясь въ спокойное теченіе вещей, внезапно измѣняютъ это направленіе въ ту сторону, о какой до того и подозрѣвать было нельзя. За вспышкой кровопролитнаго неистовства Идумеевъ послѣдовала реакція, во время которой одному изъ болѣе умѣренныхъ зилотовъ удалось довести Идумеевъ до раскаянія въ допущенныхъ крайностяхъ и даже до охлажденія къ вовлекшимъ ихъ на это дѣло зилотамъ и отступленію отъ города [3]). Это отступленіе между тѣмъ только еще болѣе развязало руки избезчиннившимся зилотамъ, тѣмъ болѣе, что теперь уже въ го-

[1]) Въ своей рѣчи Ананъ (IV, 4, 3) повидимому самъ опровергаетъ подобнаго рода подозрѣнія; но Іосифъ потомъ ихъ и подтверждаетъ, характеризуя первосвященника такимъ образомъ: „миръ выше всего ставилъ, зная, что нельзя побѣдить Римлянъ, и предвидя, что Іудеи неминуемо отъ войны погибнутъ, ежели не заключатъ мира съ Римлянами. Коротко говоря, ежели бы Ананъ былъ живъ, безъ сомнѣнія миръ бы послѣдовалъ“... (IV, 5, 2). Срв. также IV, 5, 5, гдѣ мысль о предательствѣ называется „чистѣйшимъ вымысломъ“, и что „никто не ожидалъ приходу Римлянъ“.

[2]) *π. ἁ.* IV, 5, 4. Пророческое указаніе на этого именно Захарію находятъ въ словахъ Спасителя Мѳ. 23, 35; Лук. 11, 51, хотя, по мнѣнію другихъ, можно разумѣть здѣсь и болѣе раннія происшествія.

[3]) IV, 5, 5; 6, 1.

родѣ не было болѣе лицъ, способныхъ обуздать ихъ своеволіе. При такихъ обстоятельствахъ, глава партіи зилотовъ—Іоаннъ Гисхалянинъ сдѣлался всемогущимъ обладателемъ города [1]), присоединивъ къ двумъ прежнимъ величайшимъ бѣдствіямъ (война, мятежъ) третье—самовластіе, казавшееся столь большимъ зломъ по сравненію со всѣми другими, что „многіе по—словамъ Іосифа,—стали уходить къ иноплеменникамъ [2]) и, отчаявшись въ *спасеніи* у соотчичей, находили оное (?) у Римлянъ“ [3]). Надо полагать, что если не это „массовое“ обращеніе къ „спасенію“ у Римлянъ [4]), то во всякомъ случаѣ слухи о крайнихъ раздорахъ среди Іудеевъ были сильнымъ мотивомъ для выжидательнаго образа дѣйствій Веспасіана, который въ данномъ случаѣ даже шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ прочихъ Римскихъ вождей, находившихъ данный моментъ особенно благопріятнымъ для войны и настойчиво предлагавшихъ воспользоваться имъ для немедленнаго наступленія на взволнованную столицу. Веспасіанъ являлся болѣе правымъ, полагая, что безъ излишнихъ жертвъ съ своей стороны надо дать своему противнику истощить свои силы и потомъ уже идти къ нему съ рѣшительнымъ ударомъ. Такова причина, по которой онъ рѣшилъ предоставить пока главному центру возстанія свободное время для самоуничтоженія и занялся пока, такъ сказать, локализаціей мятежа, уничтожая его въ окрестныхъ съ Іерусалимомъ мѣстностяхъ, что было, дѣйствительно, цѣлесообразнѣе при тѣхъ условіяхъ, такъ какъ, хотя окольнымъ путемъ, но за то гораздо вѣрнѣе—вело къ полному искорененію мятежа. Между тѣмъ, положеніе страны съ каждымъ днемъ становилось хуже и хуже, дѣйствительно оправдывая разсчеты Веспасіана. Сикаріи, свившіе себѣ гнѣздо подъ самымъ Іерусалимомъ въ укрѣпленномъ замкѣ Масадѣ, заявляли себя болѣе, чѣмъ когда либо, наводя страхъ на всѣхъ своими грабежами и безразборчивыми убійствами (IV, 7, 2). Подражая имъ, то тамъ, то здѣсь группировались скопища любителей легкой наживы и подъ шумомъ всеобщаго возбужденія обдѣлывали безнаказанно свои темныя дѣла. „Не было, по справедливому замѣчанію Іосифа, страны въ Іудеи, которая бы не погибала съ главнымъ и превосходнѣйшимъ оной городомъ“.

Все предвѣщало конечную гибель. Такимъ образомъ, Іосифъ во многомъ правъ, проводя мысль, что благодаря раздорамъ Іудеи побѣждены болѣе ими, нежели оружіемъ непріятелей (IV, 6, 2), столько же какъ правъ въ словахъ, изреченныхъ чрезъ его перо самою истиною, что Богъ предводительствовалъ „лучше“ Веспасіана, предавая безъ труда Римлянамъ Іудеевъ, хотя, конечно, не по какому-либо пристрастному благорасположенію къ Веспасіану и Римлянамъ, какъ витійствуетъ нашъ историкъ, но вѣрнѣе—въ силу Своего Божественнаго Правосудія надъ Христоубійственнымъ и Пророкоубійственнымъ народомъ. Эта мысль объ оставленіи жестоковыйнаго Израиля милостію Божественнаго Правосудія и обреченіи его на духовную гибель такъ оправдываетъ себя въ захватывающихъ душу сценахъ Іудейскаго мятежа; сколько бы эти послѣднія ни были прикрашены, нельзя не согласиться съ Іосифомъ, что дѣло въ концѣ концовъ доходило до того, что въ „увлеченіи мятежа возставшіе попирали всѣ права человѣческія, ругались Божественнымъ законамъ, посмѣвались какъ ложновымышленнымъ баснямъ—предсказаніямъ пророковъ“ (IV, 6, 3).

Итакъ, Веспасіанъ тѣмъ временемъ не бездѣйствовалъ, и не сопротивленіемъ Іудеевъ объясняется его медлительность. Едва только наступило благопріятное время новаго 68 года (4 Dystros=Adar, Мартъ), какъ онъ уже повелъ свои зимовавшія въ Кесаріи войска къ центру Переи, Гадарамъ. Противодѣйствіе ревнителямъ возстанія сторонниковъ Римлянъ (не столько изъ желанія мира, какъ говоритъ Іосифъ, сколько изъ опасенія за цѣлость своихъ имѣній) здѣсь носило тайно-заговорный характеръ, такъ что появленіе Веспасіана у этого города, встрѣченное съ восторгомъ приглашавшими его Римофилами, было совершенною неожиданностію для революціонеровъ; при всемъ томъ, не смотря на то, что они были застигнуты врасплохъ, они предпочли покорность врагамъ бѣгству, при чемъ успѣли выразить свое негодованіе измѣнѣ казнію знатнѣйшаго Гадарянина Долеза. Поручивъ преслѣдованіе бѣглецовъ и окончательное очищеніе страны отъ мятежа Плакидѣ [1]), Веспасіанъ спокойно грѣлъ руки въ Кесаріи надъ огонькомъ Іудейскаго пожара, выжидая момента, когда горючаго матеріала оставалось такъ мало, что не обѣщалось большихъ хлопотъ для его затушенія. Тѣмъ временемъ, Плакида (со своею 3000 пѣхотою и 500 конницы) успѣшно водворялъ порядокъ порученнаго ему участка, такъ что къ зимѣ 68—69 года не оставалось вовсе почвы для мятежа во всей Переѣ вплоть до Махера [2]).

Неожиданное обстоятельство заставило Веспасіана поспѣшить съ окончаніемъ войны. То были слухи о броженіяхъ въ Галліи и тревожное настроеніе самого Рима. Въ виду этого, Веспасіанъ съ остальными войсками такъ же выступилъ изъ Кесаріи, усмирилъ Антипатриду, взялъ Лидду и Іамнію, оставилъ въ Еммаусѣ одинъ легіонъ, отсюда совершилъ походъ въ Идумею, задавъ страху которой—вернулся опять въ Еммаусъ; затѣмъ, пройдя къ сѣверу, чрезъ Самарію, до Неаполиса (Сихемъ), мимо Кореи, въ Іюнѣ (2 Daisios = Sivan) вступилъ въ Іерихонъ, гдѣ съ нимъ соединился Траянъ, только что усмирившій при—Іорданскія области. Всѣми этими передвиженіями съ достаточною быстротою сдѣлано было то, что почти вся страна была обезпечена отъ мятежа, и единственно серьезнымъ очагомъ его, теперь отвсюду изолированнымъ, оставался только Іерусалимъ, за необходимыми приготовленіями для осады котораго потребовалось еще разъ возвращеніе Веспасіана въ Кесарію. Во время этихъ приготовленій еще разъ была отсрочена участь св. города неожи-

[1]) IV, 6, 1.

[2]) Здѣсь можно видѣть намекъ на выселеніе христіанскаго общества изъ Іерусалима въ Пеллу (Перея), (Euseb. Hist. eccl. III, 5, 2—3. Epiph. haer. 29,7; de mensuris et ponderibus § 15). Выселеніе это послѣдовало *κατά τινα χρησμὸν τοῖς αὐτόθι δοκίμοις δι' ἀποκαλύψεως ἐκδοθέντα* и т. д.

[3]) IV, 7, 1.

[4]) Способному звучать только горькой ироніей—

[1]) IV, 7, 4—6.

[2]) IV, 7, 6.

даннымъ извѣстіемъ о смерти Нерона († 9 Іюня 68 г.). Это извѣстіе, грозившее недостаточною устойчивостію будущему всей имперіи, по необходимости остановило всѣ военныя приготовленія и заставляло выжидать дальнѣйшаго выясненія дѣлъ и особыхъ инструкцій отъ новаго Кесаря. Между тѣмъ, пока пришло извѣстіе о воцареніи преемника Нерона (Гальба) и Титъ уже отправился было въ Римъ для привѣтствія и за полученіемъ указанныхъ инструкцій, наступила зима (68—69) и распространилось извѣстіе о новой перемѣнѣ на престолѣ Кесарей (смерть Гальбы, 15 Янв. 69 г.), принесенное въ Кесарію Титомъ, дошедшимъ [1]) только до Коринѳа [2]). При такихъ обстоятельствахъ мысль о войнѣ, разумѣется, отошла на задній планъ. Это давало не мало времени Іудеямъ оправиться послѣ нанесенныхъ имъ пораженій. Но къ несчастію, за это время произошло только еще большее усиленіе междоусобій. Возсталъ—по крайностямъ свободолюбія и самовластія—другой „Іоаннъ“, въ лицѣ Симона Вар-Гіоры [3]), который, пользуясь покоемъ Веспасіановскаго оружія, разгуливалъ со своею шайкою въ южныхъ областяхъ Палестины (Идумея), грабя и опустошая страну и раздувая въ ней снова только что начинавшій улегаться мятежъ. Когда этотъ новый революціонеръ усилился настолько, что предъ нимъ сложилъ свое оружіе даже сильный Хевронъ, Веспасіанъ нашелъ себя вынужденнымъ обойти еще разъ Іудею и принять мѣры къ совершеннѣйшему ея умиротворенію. Послѣ цѣлаго года покоя, онъ предпринялъ (5 Daisios = Sivan, Іюнь) снова походъ, подчинилъ еще непосѣщенные округи—Гофнійскій (Gophna) и Акрабатинскій (Akrabata), занялъ города Веѳиль и Ефраимъ, оставивъ въ нихъ гарнизоны, и прошелъ мимо самаго Іерусалима, между тѣмъ какъ его трибунъ Цереалъ (Cerealis) обошелъ Идумею и разнесъ попытавшійся ему воспротивиться сильный Хевронъ. Когда, такимъ образомъ, вся Палестина была занята Римлянами, кромѣ Іерусалима и трехъ крѣпостей—Иродіонъ, Масада и Махеръ, и свобода Симона сильно была стѣснена, онъ возъимѣлъ виды на Іерусалимъ, въ которомъ подъ тираніей Іоанна царила страшная распущенность, доходившая до поразительныхъ неистовствъ и противоестественностей. Возвышеніе Симона при такихъ крайностяхъ подавало значительныя надежды на улучшеніе положенія дѣлъ, и по совѣту первосв. Матѳіи онъ былъ приглашенъ въ городъ (вошолъ въ м. Ксанѳикъ, Nisan=Апрѣль 69 г.). На первыхъ порахъ это повело къ тому лишь, что вмѣсто одного тиранна городъ сталъ имѣть двоихъ, изъ коихъ каждый видѣлъ въ гражданахъ своихъ враговъ (IV, 9, 11) и заботился только объ утвержденіи собственной власти. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, вскорѣ отъ зилотовъ отдѣлился еще третій тираннъ, Елеазаръ сынъ Симоновъ, и городъ сталъ терзаться сразу тремя партіями, не уступавшими одна другой ни въ силѣ, ни въ безчиніяхъ, и превратившими столицу въ три саморазрушающіяся

[1]) Подробнѣе о путешествіи Тита, см. Тац. Ист. II, 1—4.

[2]) „По нѣкоему Божію побужденію“ какъ догадывается Іосифъ (IV, 9, 2).

[3]) т. е. сынъ прозелита (*υἱὸς Γιώρα*). *Βαργιορᾶς*, Bargiora имѣютъ также Dio Cass LVYI, 7 и Tacit. Hist. V, 12, который впрочемъ ошибочно усвояетъ это прозвище Іоанну.

крѣпости. Симонъ засѣлъ со своими въ „верхнемъ“ городѣ и значительной части „нижняго“, Іоаннъ—на горѣ храма, Елеазаръ—во внутреннихъ дворахъ храма. Въ увлеченіи распрями мятежники были настолько безумны, что попустили сдѣлаться жертвою пламени хлѣбнымъ запасамъ, приготовленнымъ на время осады города, чѣмъ ускорили его гибель (V, 1, 1—5. Tacit. Hist. V, 1; равв. пред. Derenbourg.). Храмъ сдѣлался ареною кровавыхъ столкновеній между противниками; священные сосуды его были перекованы въ воинскія оружія; священная почва его пропиталась кровію, священныя твердыни дрожали отъ управляемыхъ Іудейскою рукою осадныхъ машинъ, и свистъ стрѣлъ и грохотъ метательныхъ снарядовъ огласили священное мѣсто—задолго прежде, чѣмъ все это сдѣлали Римляне. Ужасающее извращеніе порядка вещей! Трагичнѣйшая агонія, изобличающая полную вырожденность кончавшейся жизни!....

Новыя непредвидѣнности послужили къ тому, что рѣшительный ударъ еще разъ замедлилъ, и агонія смерти не побѣдила остатковъ жизни. Въ Римѣ вспыхнули свои междоусобія на почвѣ престоло-наслѣдія. Гальбу (7 м. 7 дн.) убилъ Отонъ; Отона (3 м. 2 дн.) довелъ до того же Вителлій; Вителлію (8 м. 10 дн.) предстояла та же участь отъ Веспасіана, что можно было вывести уже изъ его недовольства этимъ послѣднимъ избраніемъ и изъ большихъ симпатій къ нему востока имперіи, вскорѣ же и прозвозгласившаго императоромъ Веспасіана (1 Іюля 69 г.) [1]). Это послѣднее провозглашеніе было для имперіи наиболѣе удачнымъ, и покой ея послѣ устраненія Вителлія (20 Дек. 69 г.) теперь казался возстановленнымъ и хорошо упрòченнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и война Іудейская вступила въ новый и послѣдній свой фазисъ. Полномочіе кончать эту войну получилъ, конечно, Титъ, отборныя войска котораго [2]) какъ разъ къ празднику Пасхи 70 г. стали предъ стѣнами Св. Города [3]).

[1]) IV, 10, 2—6. Tacit. Hist. II, 79—81. Suet. Vesp. 6. Отмѣтимъ маленькое различіе въ свидѣтельствахъ: по Тациту и Свѣтонію, Веспасіана провозглашаютъ *первыми* египетскіе легіоны, по Іосифу—палестинскіе (по Тац. провозглашеніе въ Палестинѣ было „quintum Nonas Julias“, по Светон. V Idus Jul.).“—Іосифъ тотчасъ по провозглашеніи Веспасіана имп. получилъ отъ него свободу, при чемъ произошла цѣлая „церемонія“ освобожденія отъ узъ вѣстника „предсказаній божественныхъ“ и „служителя гласа Божія“. Узы его были при этомъ торжественно пересѣчены, „что обыкновенно дѣлалось для безвинно заключенныхъ“ и вмѣстѣ означало признаніе его быть „достойнымъ того, чтобы вѣрить предсказаніямъ его о будущемъ“ (!) IV, 10, 7.

[2]) Усиленныя сверхъ прежнихъ 5, 10 и 15-го еще 12-мъ легіономъ и большими вспомогательными отрядами союзныхъ царей *π. ἀ.* V, 1, 6; Tacit. Hist. V, 1. Тиверій Юлій Александръ, называемый у Іосифа *τῶν στρατευμάτων ἄρχων* (V, 16), *πάντων τῶν στρατευμάτων ἐπάρχων* (VI, 4, 3)—согласно, между прочимъ, съ древними надписями, Mommsen, corp. Inscr. Graec. t. III, p. 1178, n. 4536 f.=Hermes t. XIX, 1884 г. с. 644—по мнѣнію Schürer'a, присутствовалъ при войскѣ Тита въ качествѣ, такъ сказать, шефа генеральнаго штаба (Generalstabs-schef); подобнаго шефа съ званіемъ praefectus praetorio имѣли императорскія войска. См. Schürer. I, 524, пр. 85.

[3]) V, 3, 1; срв. V, 13, 7.

§ 45. Осада и паденіе Іерусалима (70 г.).

Появленіе Тита подъ стѣнами города было своего рода „ковшомъ“ воды, вплеснутымъ въ костеръ огня: личныя распри тотчасъ отошли на задній планъ, и силы города пошли на болѣе достойное употребленіе. При первой же вылазкѣ къ неосторожно разъѣзжавшему предъ городомъ Титу — въ цѣляхъ ознакомленія съ его мѣстоположеніемъ—Іудеи съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ врѣзались въ его небольшой тотчасъ дрогнувшій отрядъ (600 всадн.), что едва не взяли въ плѣнъ самого Тита, отрѣзаннаго отъ прочихъ. Вообще, Римляне на первыхъ порахъ возлагали слишкомъ много надеждъ на слабость междоусобствовавшихъ Іудеевъ и плохо вразумлялись печальными опытами напрасности такого легковѣрія. Такъ, вскорѣ же послѣ описанной небезудачной вылазки Іудеевъ послѣдовала другая, жертвою которой едва не сдѣлался цѣлый легіонъ (10-й), занимавшійся укрѣпленіемъ своего лагеря на Елеонской горѣ, и также самъ Титъ, двинувшійся на помощь къ растерявшемуся легіону [1]). Наступившая Пасха на время отвлекла вниманіе осажденныхъ отъ Римлянъ, что значительно помогло подвинуть впередъ ихъ осадныя работы [2]). Въ городѣ за это время такъ же произошла маленькая перемѣна къ лучшему, хотя не безъ новыхъ потерь для города. Вынужденные отворить храмъ народу для празднованія Пасхи, затворники партіи Елеазара были вытѣснены Іоанномъ Гисхалой, и въ городѣ стало меньше на одну враждебную партію, совершенно стушевавшуюся за другими двумя—Іоанна и Симона [3]). Не смотря на продолженіе вражды, осажденные не переставали отучать Римлянъ отъ излишней самонадѣянности и безпечности новыми опытами своего единодушія и мужества, когда дѣло доходило до борьбы съ внѣшнимъ общимъ врагомъ. Одинъ изъ ближайшихъ такихъ опытовъ послужилъ Римлянамъ особенно прекраснымъ урокомъ, познакомивъ ихъ съ особою *силою*, бывшею у Іудеевъ въ распоряженіи противъ своего врага; это— ихъ удивительная изобрѣтательность и хитрость. Часть Іудеевъ, показывая себя какъ бы выгнанною изъ города за протесты „друзьямъ мира“, въ суетливой растерянности начала бѣгать между Римскими аванпостами и затвореннымъ городомъ, въ то время какъ мнимые „друзья мира“ знаками и криками манили къ себѣ насторожившихся Римлянъ, обѣщая отворить имъ ворота. Уловка удалась какъ нельзя лучше: отряды Римлянъ двинулись къ городу; но едва только подошли къ его стѣнамъ ближе, какъ были осыпаны страшнымъ градомъ камней и стрѣлъ,

[1]) V, 2, 1—2; 2, 4—5.

[2]) Чтобы представить себѣ эти работы, необходимо имѣть понятіе о топографіи древняго города, даемое Іосифомъ въ V, 4, см. также Schürer, I, 525 и д. Во время этихъ работъ, между прочимъ, погибли прекрасные лѣса въ окрестностяхъ Іерусалима, на 90—100 стадій (4½ ч. пути) во всѣ стороны отъ него (V, 3, 2; V, 6, 8; V, 12, 4 VI, 1, 1; VI, 8, 1).

[3]) V, 3, 1; Tacit. Hist. V, 12 кон.

при чемъ и мнимые изгнанники, разсѣявшіеся при первомъ движеніи враговъ, оказались у нихъ въ тылу; въ результатѣ всего этого было страшное пораженіе и позорное бѣгство Римлянъ, весьма разгнѣвавшее Тита [1]).

Чѣмъ болѣе успѣвали Римляне въ осадныхъ работахъ, подвинувъ ихъ наконецъ на столько, что являлась возможность доставать стѣны города стѣнобитными машинами,— и чѣмъ лучше, слѣдовательно, городъ сталъ чувствовать свою опасность, тѣмъ сильнѣе возрастала энергія осажденныхъ, тѣмъ болѣе начинали они понимать, какъ дороги въ эти минуты общее единодушіе и пожертвованіе личными интересами. Откинувъ на время вражду, обѣ партіи смѣшались во имя общей работы и устроили цѣлый рядъ удачныхъ совмѣстныхъ вылазокъ, во время которыхъ имъ удалось сдѣлать жертвою пламени значительную часть стѣнобитныхъ сооруженій, и только личная храбрость и присутствіе Римскаго вождя помогли отстоять отъ полнаго уничтоженія плоды долгодневныхъ усиленныхъ работъ и прогнать Іудеевъ въ городъ. Трофеи Римлянъ выразились при этомъ—кромѣ убитыхъ однимъ Титомъ 12 человѣкъ [2])— въ плѣненіи одного Іудеянина, котораго „милостивые побѣдители“ сейчасъ же распяли въ виду города, обращая эту жестокость въ средство къ ослабленію упорства непокорныхъ.

Задавъ эту острастку [3]), Римляне принялись съ особенною энергіею громить стѣны и метать камни въ осажденный городъ. Черезъ 15 дней (7 Артемизія=Ijjar, Май) безпрерывнаго упорнаго труда имъ удалось пробить брешь въ первой изъ трехъ стѣнъ города, которая, затѣмъ, была тотчасъ же оставлена Іудеями во владѣніи Римлянъ, въ надеждѣ на двѣ другія [4]); спустя пять дней пала и вторая стѣна. Занимая отрядами войскъ ограждаемую ею часть города, Титъ сдѣлалъ еще разъ попытку подбить Іудеевъ на перемиріе; отвѣтомъ на это было объявленіе смерти всѣмъ, кто заикнется о сдачѣ, и отчаянный натискъ на Римлянъ, наступавшихъ на узкія улицы города. Когорты не выдержали этого натиска и съ большими потерями попрятались опять за проломанную брешь. Три дня послѣ этого Римляне возобновляли свои приступы и, столько же разъ отбиваемые Іудеями, лишь на 4-й день вытѣснили ихъ и изъ этой части города [5]). Дальнѣйшія заботы Тита состояли

[1]) По Іосифу, онъ прозрѣвалъ эту хитрость Іудеевъ и, не участвовавъ самъ въ этомъ эпизодѣ, готовъ былъ сильно наказать виновныхъ. Но ихъ оказалось такъ много, что онъ долженъ былъ подчиниться своему правилу: „казнь одного исполнять самымъ дѣломъ, а многихъ—только на словахъ!“ Гнѣвъ на Іудеевъ выразился пока въ угрозѣ показать имъ, что „у Римлянъ и побѣдить безъ повелѣнія предводителя безчестно (V, 3, 3—4)“.

Знаменательно, что всего за день до этого Іосифъ исполнялъ свою не ненизкую роль—увѣщателя осажденныхъ къ покорности Риму, повторяя это не разъ и потомъ, безъ всякаго успѣха и съ опасностію жизни. (Срв. V, 6, 2; V, 9, 3—4; V, 13, 3; VI, 2, 1—2; VI, 2, 3—4; VI, 7, 2.).

[2]) V, 6, 2—5. Sueton. Tit. 5: duodecim propugnatores totidem sagittarum confeci ictibus.

[3]) за которую потомъ Іудеи отмстили не менѣе удачно (V, 7, 4).

[4]) V, 7, 2.

[5]) V, 7, 3—4; 8, 1—2.

въ томъ, чтобы провести штурмовые валы подъ „верхнимъ“ городомъ и особенно башней Антонія, взятіе которой дѣлало неизбѣжнымъ паденіе города столько же, сколько съ другой стороны необладаніе ею и храмомъ дѣлало затруднительнымъ и владѣніе городомъ. Это была и сама по себѣ одна изъ труднѣйшихъ задачъ осады, значительно затруднявшаяся еще исключительнымъ мужествомъ защищавшихъ подлежавшіе блокадѣ пункты (Верхній городъ—Симонъ Вар-Гіора, Антоніс—Іоаннъ Гисхалянинъ, V, 9, 2; ср. 11, 4). Соразмѣрно трудностямъ этой задачи, ожидалось сильнѣйшее и кровопролитіе, предупреждая которое Титъ обратился еще разъ къ услугамъ Іосифа, чтобы склонить осажденныхъ къ сдачѣ [1]). Не смотря на начинавшій уже давать себя чувствовать недостатокъ провіанта, мужественные защитники города наотрѣзъ, однакоже, отказались отъ всякихъ компромиссовъ, и — сколько бы не усиливался нашъ историкъ пѣть диѳирамбы Римскому милосердію, приходится установить, что самъ Титъ въ значительной мѣрѣ своимъ далеко нетактичнымъ образомъ дѣйствій лишалъ себя всякаго права на другой, а не на такой отвѣтъ (не говоря уже о томъ, что отказъ Іудеевъ по существу своему заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, безграничнаго уваженія и удивленія мужеству и стойкости боровшагося до послѣдней капли крови за свою свободу народа). Ежедневно цѣлыми сотнями голодъ выгонялъ осажденныхъ изъ города, при чемъ попадавшіе въ руки этихъ „милостивыхъ побѣдителей“ были тотчасъ же звѣрски мучимы и распинаемы на крестахъ на глазахъ осажденныхъ, или—что еще хуже—съ изуродованными членами прогонялись обратно въ городъ [2]). Безчеловѣчно это было и потому, что практиковалось какъ средство къ устрашенію осажденныхъ и сломленію ихъ упорства, и потому, что было слишкомъ жестоко для добровольныхъ плѣнниковъ, и потому, наконецъ, что при многочисленности этихъ перебѣжчиковъ практиковалось во избѣжаніе слишкомъ хлопотливаго надзора и попеченія и спеціальной прикомандировки особой къ нимъ стражи.

Послѣ 17-дневныхъ усиленныхъ работъ (29 Артемизія=Ііјаг, Май) остававшіяся въ рукахъ Іудеевъ позиціи оказались за двойною чертою внушительнаго вида валовъ. Симонъ и Іоаннъ терпѣливо выжидали ихъ окончанія, чтобы однимъ усиліемъ сразу привести къ нулю эти грандіозныя работы. У башни

[1]) Сказанная по этому случаю рѣчь Іосифа къ Іудеямъ (V, 9, 3) во многомъ сходна съ рѣчью Агриппы (II, 16, 4), что доказываетъ, что въ основѣ той и другой лежатъ убѣжденія самого Іосифа. Въ числѣ новыхъ нелѣпѣйшихъ доводовъ въ пользу покорности Риму здѣсь находимъ и тотъ, что „и дикимъ звѣрямъ и людямъ предписанъ ненарушимый законъ, чтобы уступали сильнѣйшимъ, и чтобы тѣ побѣждали, у кого вся сила оружій (!)“—какъ видимъ: настоящее право кулака! Но возмутительнѣе всего попытка представить Бога всецѣло на сторонѣ Римлянъ и привлечь къ объясненію ихъ успѣховъ даже чудодѣйственную силу Божію (см. конецъ рѣчи).

[2]) V, 10, 2—5; 11, 1—2. Впослѣдствіи, когда на нѣкоторыхъ изъ перебѣжчиковъ было замѣчено, что они глотали предъ побѣгомъ золотыя деньги, сохраняя ихъ такимъ путемъ отъ ограбленія, несчастныхъ стали убивать всѣхъ до одного, отыскивая въ ихъ внутренностяхъ спрятанное золото (V, 13, 4—5)

Антонія планъ этотъ удалось выполнить Іоанну очень удачно тѣмъ, что незамѣтно для Римлянъ онъ провелъ подкопъ подъ чертою валовъ, поддерживая до времени ихъ легкими подпорками, а потомъ, подложивъ огонь, въ одинъ мигъ обратилъ все въ простыя развалины. Не менѣе удачно покончилъ съ сооруженіями Римлянъ у своего убѣжища Симонъ. Здѣсь дѣло разрѣшилось совсѣмъ просто. Горсть смѣльчаковъ изъ осажденныхъ прямо бросилась съ факелами къ пододвинутымъ машинамъ, и—прежде чѣмъ Римляне, ошеломленные столь отчаяннымъ безстрашіемъ, оправились отъ своей растерянности, огонь успѣшно сдѣлалъ свое дѣло, въ то время какъ Іудеи били и гнали Римлянъ вплоть до самыхъ укрѣпленій лагеря [1]).

Потерявъ надежды взять городъ обычными осадными приспособленіями, Титъ рѣшилъ добиться его паденія изморомъ, отрѣзавъ всякую возможность провоза въ городъ съѣстныхъ припасовъ, недостатокъ которыхъ уже давно сталъ бѣдственно ощущаться для осажденныхъ. Съ этою цѣлію весь городъ былъ обнесенъ сплошною стѣною [2]), которая въ 3 дня высокимъ поясомъ опоясала окружность въ 39 стадій и, снабженная 30 обширными, по 10 поприщъ, башнями для стражи, прекращала всякое сообщеніе города съ внѣшнимъ міромъ [3]). Бѣдствія голодовки съ принятіемъ этой чрезвычайной мѣры не замедлили тотчасъ же обнаружиться въ городѣ со всѣми ужасающими подробностями, и хотя бы только на половину было близко къ истинѣ то, что рисуетъ намъ многовѣщательное перо Іосифа, все таки положеніе города на столько должно было быть безотраднымъ [4]), что лишь Іосифъ и могъ дѣлать упрекъ Іоанну за употребленіе свящ. елея и свящ. вина для потребностей находившихся въ столь тяжкихъ обстоятельствахъ [5]). Съ другой стороны, когда нашъ историкъ восхваляетъ Римлянъ за ихъ соболѣзнованіе крайнимъ бѣдствіямъ осажденныхъ [6]) и слагаетъ всю вину за эти бѣдствія на послѣднихъ [7]), то вполнѣ законно представить въ противовѣсъ этому и въ укоризну Римлянъ ихъ злорадное поддразниваніе голодавшихъ обиліемъ показываемой пищи, не говоря уже о безчеловѣчнѣйшемъ обхожденіи ихъ съ предававшимися имъ перебѣжчиками.

[1]) V, 11, 4—6.

[2]) Подобный способъ покоренія городовъ примѣненъ былъ и въ другихъ случаяхъ, напр., Цезаремъ (Bell. Gall. VII, 69), а также при взятіи Масады (περὶ ἁλ. VII, 8, 2). Слѣды этихъ работъ можно замѣчать до настоящаго времени.

[3]) V, 12, 1—2, Ев. Луки, 19, 43.

[4]) V, 12, 3; 13, 7; VI, 3, 3, срв. Aboth derabbi Nathan, c. 6 y Derenb. p. 285. Ужасающій случай съ Маріей изъ Beth—Esôb, сварившей себѣ въ пищу собственное дитя (VI, 3, 4) имѣется также у Euseb. H. E. III, 6, Hieron. ad Ioel, 1, 9 и д., и мѣста въ Талмудѣ и Midrasch y Grätz, B. III, 4 Aufl. s. 574 (2 Aufl. s. 401). Надлежитъ отмѣтить здѣсь, что съѣденіе собственнаго дитяти принадлежитъ къ обычнымъ декораціямъ при изображеніи ужасовъ войны, такъ въ—угрозахъ: Лев. 26, 29; Втор. 28, 53; Іер. 19, 9, Іезек. 5, 10; а въ исторіи: 4 Цар. 6, 28—29, плачъ Іереміи 2, 20; 4, 10; Варух. 2, 3.

[5]) V, 13, 6.

[6]) V, 13, 7.

[7]) V, 12, 4.

Одновременно съ тѣмъ, какъ голодъ дѣлалъ свое ужасное дѣло,—на помощь ему, для ускоренія гибели города, Титъ снова велѣлъ рыть валы и бить стѣны новыми машинами, деревья для которыхъ пришлось свозить за 90 стадій (4½ ч.) отъ Іерусалима [1]). Въ 21 день новыя работы были готовы для открытія штурмовыхъ дѣйствій. Наступала минута, рѣшительная не менѣе для самихъ Римлянъ, чѣмъ для осажденныхъ, потому что, по сознанію Іосифа, и у Римлянъ, наконецъ, чувствовался недостатокъ въ припасахъ и крайній упадокъ духа. Отъ судьбы новыхъ машинъ зависѣла, так. обр., во многомъ судьба города: Іудеи не сомнѣвались, что онъ будетъ взятъ, если имъ не удастся ихъ сжечь; Римляне не сомнѣвались, что онъ никогда взятъ не будетъ, если имъ не удастся пустить ихъ въ дѣло. Новая вылазка Іоанна къ Римскимъ сооруженіямъ, охранявшимся усиленною стражею, не замедлила (1 Panemos=Tammus, Іюль), но отличалась отъ прежнихъ недостаткомъ энергіи и храбрости [2]) и не привела ни къ чему. Не порадовало на первыхъ порахъ особенною удачею и Римлянъ дѣйствіе ихъ новыхъ машинъ, которыя оказывались совершенно безсильными поколебать огромныя скалообразныя камни стѣны. Къ несчастію для Іудеевъ, для нихъ оказался предательскимъ тотъ самый подкопъ, которымъ они такъ блестяще воспользовались для разрушенія первыхъ попытокъ Римлянъ и который въ одну изъ ночей вдругъ далъ обвалы, увлекшіе съ собою часть стѣны. Прежде чѣмъ, однако, Римляне успѣли воспользоваться этимъ легкимъ устраненіемъ непреодолимаго препятствія, удивленному взору ихъ предстала за развалинами новая стѣна, выстроенная предусмотрительно Іоанномъ, и хотя менѣе крѣпкая, но съ большими опасностями для приступа. Эта опасность, впрочемъ, грозила собственно только тѣмъ немногимъ смѣльчакамъ, которые первыми осмѣлились бы взобраться на стѣну. На воодушевительный вызовъ Тита [3]), на этотъ подвигъ вызвался (3 Панема = Tammus, Іюль) сирійскій солдатъ Сабинъ и его 11 товарищей, изъ коихъ только 8 удалось оттащить смертельно ранеными; остальные и самъ Сабинъ поплатились жизнію. Два дня спустя (5 Panemos) двѣ дюжины другихъ смѣльчаковъ вызвались повторить опасную попытку, удавшуюся только потому, что для нея воспользовались глубокою ночью и преступнымъ сномъ стражей. Послѣ этого, Римлянамъ удалось проникнуть въ Антонію, тотчасъ оставленную Іудеями, которые особымъ подземнымъ ходомъ перешли къ храму, отразивъ всѣ попытки проникнуть туда же Римлянъ [4]).

Съ паденіемъ Антоніи, которая тотчасъ же занята была Римскими войсками [5]), положеніе Іудеевъ сдѣлалось еще болѣе безвыходнымъ и отчаяннымъ. Знаменательно, что—не смотря на военную сутолоку и крайнюю голодовку, только теперь (17 Panemos = Tammus, Іюль) прекращены были ежедневныя утреннія и вечернія жертвы, и при томъ не столько ради самого голода, сколько „по недостатку людей“ [1]). Это печальное обстоятельство было поводомъ для Іосифа еще разъ попытаться тронуть народъ на добровольную сдачу [2]), а для Тита, послѣ безуспѣшности Іосифовой попытки, поощреніемъ на ночной рѣшительный приступъ къ храмовой позиціи, отбитый, впрочемъ, на всѣхъ пунктахъ [3]).

Неизбѣжнымъ оказалось и здѣсь возведеніе предварительныхъ работъ для правильнаго штурма, что̀ было весьма затруднительно по недостатку строевого матеріала, котораго не оказывалось совершенно ближе 100 стадій (5 часовъ пути) отъ Іерусалима: настолько вся окрестность, изобиловавшая нѣкогда садами и рощами, представляла жалкое зрѣлище [4]). Не смотря на это, четыре вала скоро грозною стѣною стали предъ галлереями, окаймлявшими храмовую площадь. Но и это еще не устраняло послѣдняго препятствія къ побѣдѣ надъ Іудеями и не роняло ихъ отчаяннаго мужества: въ центрѣ храмовой площади оставался еще окруженный крѣпкими стѣнами внутренній дворъ, который и послѣ потери внѣшнихъ галлерей представлялъ надежное и способное для защиты убѣжище. Между тѣмъ, недешево обходилось Римлянамъ взятіе и внѣшнихъ галлерей, на которыя Титъ прежде всего долженъ былъ обратить свои силы. Особенно тяжкія потери несли Римляне отъ безпрестанныхъ вылазокъ и хитрости Іудеевъ. Одинъ изъ такихъ пріемовъ (27 Panemos) стоилъ жизни немалому числу Римлянъ, когда Іудеи заманили ихъ въ одну изъ галлерей (западную), наполненную горючими веществами и потомъ зажженную. Пламя съ такой быстротою охватило галлерею, что несчастные сгорѣли прежде, чѣмъ успѣли оставить ее; многіе гибли отъ отчаянныхъ прыжковъ обратно за галлерею или на площадь храма, гдѣ они массами гибли также и отъ меча Іудеевъ [5]).

---

[1]) V, 12, 4.

[2]) VI, 1, 1—3.

[3]) Рѣчь, влагаемая Іосифомъ въ уста Тита, по обычаю блещетъ риторическими несообразностями, доходящими до того, что Титъ даже забываетъ о своихъ языческихъ богахъ и говоритъ объ этомъ такъ, какъ могъ только Іосифъ. (VI, 1, 4).

[4]) VI, 1, 7—8.

[5]) Для чего она частію была разрушена VI, 2, 1.

[1]) VI, 2, 1. Mischna Taanith, IV, 6: בשבעה עשר בתמוז בטל התמיד.

[2]) Рѣчь Іосифа, которую онъ старается представить особенно трогательною (VI, 2, 1—2), по обычаю, была напраснымъ усиліемъ „замалевать бѣса“, направляясь вся къ восхваленію справедливости „Боговспомоществуемыхъ“ Римлянъ и обѣщанію меньшихъ несчастій въ случаѣ добровольной сдачи. Первое, конечно, являлось во очію всѣхъ не болѣе какъ горькою ироніей; второе совсѣмъ не шло къ людямъ, готовымъ на все за свою честь и свободу. Наконецъ, главное, что не переставало одушевлять Іудеевъ до послѣднихъ минутъ, высказано Іоанномъ: „никогда не должно страшиться разворенія, ибо Іерусалимъ—градъ Божій“. (VI, 2, 1). Предъ этою мыслію бѣгутъ всякіе ужасы и угрозы, и она-то именно придаетъ столь торжественно-трогательный характеръ отчаянному сопротивленію Іудеевъ, безъ этой мысли совершенно нелѣпому и невозможному.

[3]) VI, 2, 5—6.

[4]) VI, 2, 7.

[5]) VI, 3, 1—2. Іосифъ не забываетъ при этомъ подпустить ѳиміаму обаятельному Титу, который при этой катастрофѣ обнаруживалъ соболѣзнованіе несчастнымъ и рвался оказать имъ хоть какую нибудь помощь. Это видѣли сами погибавшіе, и „принимая его слова и соболѣзнованіе какъ какое великолѣпное погребеніе, умирали съ веселымъ духомъ“.

Когда валы были совершенно кончены (8 Лоя=Ab, Августъ) и тараны пододвинуты, закипѣла штурмовая работа. Результатовъ, впрочемъ, она давала слишкомъ мало: шесть дней и прежде тараны громили и подкапывали одну изъ стѣнъ безъ всякаго успѣха, почему Титъ приказалъ наконецъ прибѣгнуть къ помощи огня, подложивъ его въ воротахъ къ храму и, такимъ образомъ, открыть путь на внѣшнюю площадь [1]). Страшное пламя цѣлые сутки (день и ночь) пожирало обширные великолѣпные храмовые портики, и къ утру слѣдующаго дня этой преграды болѣе не существовало. Передъ тѣмъ, какъ сдѣлать послѣдній приступъ на внутренній дворъ храма, въ особомъ военномъ совѣтѣ, созванномъ Титомъ (9 Ab), постановлено было самый храмъ щадить [2]). Но это было во власти рока. Приступая къ описанію гибели чуднаго зданія, Іосифъ спѣшитъ объявить „началомъ и причиною несчастія самихъ Іудеевъ“. Изъ его разсказа, однако, виною Іудеевъ является только то, что они сдѣлали 2 вылазки на занимавшихся тушеніемъ галлерей солдатъ, да развѣ еще то, что во вторую изъ этихъ вылазокъ они не могли устоять, позволили гнаться за собою солдатамъ до самаго святилища [3]). Но, конечно, едва ли Іудеи виноваты въ томъ, что „въ сіе время одинъ воинъ, не ожидая ни отъ кого повелѣнія и не боясь такого дѣла, Божіимъ нѣкіимъ побужденіемъ схватилъ горящаго вещества и, приподнятъ будучи другимъ воиномъ, повергнулъ огонь чрезъ златую оконницу“ внутрь храма. Впрочемъ, если трудно повѣрить, что величайшее изъ несчастій, позорнѣйшее изъ дѣяній, пятнающихъ честь Рима, объяснялось столь легко, то самъ Іосифъ помогаетъ въ этомъ затрудненіи, когда говоритъ, что попытка *одного* обратилась сейчасъ же въ дѣло *многихъ*: „каждый поощрялъ ему предшествующаго, чтобы зажигалъ.... притворяясь, что не слышитъ Титовыхъ повелѣній“, а правильнѣе разсуждая—„одолѣваясь гнѣвомъ и ненавистію къ Іудеямъ и въ пылу жаркой схватки съ ними“. Напрасно старается при этомъ Іосифъ подчеркнуть энергичныя усилія Тита („да не будетъ покоя его костямъ!“—вотъ обычное дополненіе раввинистической литературы къ упоминанію одного имени Тита) остановить пожаръ; какъ-то плохо вяжется это съ тѣмъ, что, въ то время какъ пожаръ усиливался, онъ „вошелъ съ военачальниками во святилище“, спокойно обозрѣвая все бывшее

[1]) VI, 4, 1—2.

[2]) VI, 4, 3. Отличное представленіе о семъ имѣетъ Sulpicius Severus, Chron. II, 30, гдѣ читаемъ, что дѣйствительно нѣкоторые подавали эту мысль, но contra alii *et Titus* ipse evertendum in primis templum censebant, quo plenius Judaeorum et Christianorum religio tolleretur: quippe has religiones, licet contrarias sibi, isdem tamen ab auctoribus profectas; Christianos ex Judaeis extitisse: radice sublata stirpem facile perituram. То же самое, лишь съ иною мотивировкой, имѣемъ у Орозія, VII, 9, 5—6. См. Schür. I, 530, 115 пр. Еслибы разъяснить вопросъ, не слѣдовалъ ли Sulpicius въ выраженномъ мнѣніи Тациту столько же, какъ вообще онъ зависѣлъ отъ него (Bernays, Uber Chronik des Sulp. Sev.), это было бы большимъ подспорьемъ достовѣрности его въ противовѣсъ Іосифу. Къ несчастію, матеріалъ Тацита за данное время до насъ не сохранился. Во всякомъ случаѣ, должна быть доля правды въ томъ, что Іосифъ не даромъ старается освободить Тита отъ nota crudelitatis.

[3]) VI, 4, 4—5.

въ ономъ, и затѣмъ, когда „одинъ изъ воиновъ“—и именно„ вошедшихъ съ Титомъ... подложилъ огонь въ темнотѣ подъ самыя ворота“, и этотъ огонь тотчасъ же показался во внутренности, „тогда военачальники съ Кесаремъ пошли назадъ“, и „никто внѣ находящимся зажигать не препятствовалъ“. Все это вмѣсто Іосифовскаго вывода: „такимъ образомъ сожженъ храмъ противу воли Кесаря“,—вывода столь мало вытекающаго изъ предшествующаго, заставляетъ скорѣе сказать, что *храмъ былъ сожженъ если не прямо съ поощренія Кесаря*, то во всякомъ случаѣ по его не менѣе преступному *непротиводѣйствію зажигателямъ* [1]). Надо сказать болѣе: пусть Іосифъ заставляетъ своего человѣколюбиваго Тита глубоко сожалѣть о разрушеніи храма, объясняя послѣднее дѣломъ случая или воли Божіей. Но одинъ изъ тогдашнихъ поэтовъ, прославляя Тита, говорилъ, не опасаясь, что его слова не понравятся Титу: „почернѣвшій отъ пыли Іерусалимскаго боя, *онъ бросаетъ зажженную стрѣлу и истребляетъ все!*“ Не менѣе ясное свидѣтельство о томъ же находимъ у другого извѣстнаго писателя V в. Сульпиція Севера, прямо приписывающаго разрушеніе храма самому Титу; вѣроятно, такъ говорилъ и самъ Тацитъ, которому вообще слѣдовалъ Сульпицій и разсказъ котораго о концѣ Іудейской войны не дошелъ до насъ: „говорятъ, что Титъ созвалъ военный совѣтъ и спрашивалъ, должно ли разрушать такое зданіе, какъ храмъ. Нѣкоторые полагали, что не слѣдуетъ уничтожать посвященнаго Богу зданія, превосходящаго великолѣпіемъ всѣ другія человѣческія сооруженія, что сохраненіе храма будетъ свидѣтельствомъ кротости Римлянъ, а его разрушеніе опозоритъ ихъ неизгладимымъ пятномъ жестокости; но другіе, *и въ томъ числѣ самъ Титъ*, говорили, что *необходимѣе* всего разрушить *именно храмъ*, чтобы совершенно искоренить вѣру Іудеевъ и христіанъ, потому что эти два вида вѣры, хотя враждебны одинъ другому, имѣютъ одно и то же основаніе, что христіане произошли изъ Іудеевъ, и если истребить корень, то легко погибнетъ и стволъ дерева. По Божественному внушенію, этимъ воспламенились всѣ умы, и такимъ образомъ храмъ былъ разрушенъ“ (см. 2-е примѣчаніе къ предъидущей 472 страницѣ). Правда, Грецъ (Geschichte der Juden) силится подорвать значеніе этого свидѣтельства замѣчаніемъ, что христіанская община, очень малочисленная, едва ли была извѣстна Титу хотя бы только по имени. Но стоитъ только припомнить, сколько много говорено было о христіанахъ въ Римѣ при царѣ Неронѣ, чтобы потеряло всякую силу это замѣчаніе Grätz'a (Веберъ, Вс. Ист. 1892 г. IV, 242. 243).

Эта послѣдняя гибель храма, по замѣчанію Іосифа (VI, 4, 5—8), совершилась въ тотъ самый мѣсяцъ и день, въ который нѣкогда сожженъ онъ былъ и Вавилонянами (10 Лоя=Ab.) [2]). По свирѣпствамъ, сопровождавшимъ это сожженіе,

[1]) VI, 4, 6—7.

[2]) Раввинистическія преданія считаютъ днемъ гибели храма 9-е Ab (Mischna Taanith IV, 6) и именно—навечеріе его (b. Taanith 29a. Derenb. p. 291), т. е. по нашимъ понятіямъ 8-е число. Слѣдовательно, надо полагать, что разрушеніе здѣсь считается съ того момента, какъ Титъ подложилъ огонь къ воротамъ храмовой площади, какъ это и естественно. По раввинскимъ преданіямъ, день этотъ называется также „вече-

послѣднее было горше всѣхъ прежнихъ бѣдствій Іерусалима, такъ что не хотѣлъ да и не могъ скрыть этого самъ Іосифъ. Все, что подвертывалось подъ руку—дѣти, старцы, мірскіе, священники—все погибало отъ меча побѣдителей. Пламя, поддерживаемое варварами, свирѣпствовало такъ, что „казалось, пылалъ весь холмъ, на которомъ стоялъ храмъ [1])!“ Послѣднія напряженія защищавшихъ доходили до того, что „священники ломали спицы, покрывавшія карнизы храма, и бросали ими въ враговъ; въ нихъ же летѣли свинцовые осколки священническихъ сѣдалищъ, разламываемыхъ ими; наконецъ, защита увѣнчалась героически-трогательнымъ поступкомъ: *два знатнѣйшихъ представителя священническаго сословія* [2]) („вмѣсто того, чтобы—по примѣру малодушнаго Іосифа—спасти себя, перебѣжавъ къ Римлянамъ, или—что, по крайней мѣрѣ, не такъ бы кололо его больной глазъ!—съ прочими оставшись, ожидать одной участи“) *бросились въ огонь, и такъ сгорѣли вмѣстѣ съ храмомъ*, не хотя пережить его гибели и принося на его священномъ пламени послѣднюю жертву преданности и любви къ своей святынѣ. Ихъ примѣръ нашелъ себѣ многихъ и другихъ подражателей. Какой тяжкій укоръ Іосифу, и какъ онъ плохо старается стушевать его!

Не менѣе плохо и безъ всякой надобности онъ старается нѣсколько оправдать народъ въ вовсе непреступномъ упорствѣ, хотя и не обезвинить его вовсе, горько жалуясь на обольщавшихъ его лжепророковъ и лжетолкователей, дѣлавшихъ его глухимъ и слѣпымъ къ истиннымъ знаменіямъ и предреченіямъ, въ большомъ количествѣ предшествовавшимъ паденію города. По его словамъ, эти „прелестники“ были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ „мятежниковъ“, чтобы дѣйствовать на народъ. Нужно было удержать выселеніе изъ города?—сейчасъ является лжепророкъ и обнадеживаетъ народъ скорымъ избавленіемъ. И несчастные вѣрили, потому что въ несчастіи особенно вѣрится тому, чего хочется. И обманчивыя рѣчи этихъ обольстителей, выдававшихъ себя за посланниковъ Божіихъ, опредѣляли собою поведеніе жителей Іерусалима. Истинныхъ знаменій, предвозвѣщавшихъ погибель народа, никто не толковалъ, какъ слѣдуетъ, и никто даже имъ не вѣрилъ. Умъ отупѣлъ, глаза ослѣпли какъ будто нарочно, чтобы не понимать предвозвѣщеній свыше. Іосифъ приводитъ и нѣкоторыя изъ такихъ предвозвѣщеній. Въ продолженіе цѣлаго года надъ Іерусалимомъ виднѣлась комета въ видѣ меча. За годъ до возстанія Іудеевъ, когда народъ собрался въ храмѣ на праздникъ опрѣсноковъ, 1 Марта, въ 9 часу ночи (3 ч. утра) алтарь и храмъ освѣтились вдругъ сильнымъ свѣтомъ, свѣтившимъ въ продолженіи получаса. Невѣжды объяснили это, какъ счастливое предзнаменованіе, но книжники тогда же говорили, что быть бѣдамъ. Въ тотъ-же праздникъ телица, приведенная первосвященникомъ къ жертвеннику, отелилась ягненкомъ (!?). Восточныя мѣдныя

ромъ субботы“ (מוצאי שבת Derenb. p. 291), по Dio Cass. LXVI, 7 это было *ἐν αὐτῇ τῇ τοῦ Κρόνου ἡμέρᾳ*.

[1]) VI, 5, 1.

[2]) Меиръ, сынъ Белгинъ, и Іосифъ, сынъ Далеевъ.

ворота, отличавшіяся такою массивностію, что запирались не безъ труда 20-ю человѣками, однажды въ полночь вдругъ съ шумомъ распахнулись. Это хотѣли толковать какъ предзнаменованіе того, что Богъ открываетъ народу врата своихъ благодѣяній. Но ученые и книжники поняли это какъ знаменованіе опустошенія послѣ того, какъ врата храма отворятся для враговъ безъ всякихъ усилій. Въ тотъ же годъ, вскорѣ послѣ праздника опрѣсноковъ (14 Апр.—„я бы счелъ это басней, говоритъ Іосифъ, если бы самое событіе не было свѣжо въ памяти очевидцевъ“), послѣ заката солнца въ воздухѣ показался необыкновенный миражъ: разъѣзжающія колесницы, бѣгущія сквозь облака войска и осажденные города. Въ праздникъ Пятидесятницы священники, входившіе ночью въ храмъ предъ богослуженіемъ, слышали страшное смятеніе и шумъ, при чемъ хорошо различался голосъ какъ бы множества народа: „уйдемъ отсюда!“ Не менѣе удивительнымъ было предзнаменованіе нѣкоего простолюдина Іисуса, сына Ананова, который за 4 года до войны („когда народъ наслаждался миромъ—это во времена-то *Альбина?*—и изобиліемъ всего“) на праздникѣ Кущей вдругъ сталъ ходить по всему городу съ воплемъ: „Гласъ отъ Востока! Гласъ отъ Запада! Гласъ четырехъ вѣтровъ! Гласъ противъ Іерусалима и храма! Гласъ противъ мужей и женъ! Гласъ противъ всего народа!“ Немало наказаній претерпѣлъ этотъ юродивый за свои угрозы и, не смотря на самыя страшныя пытки и допросы Альбина, не переставалъ вопить одно: „горе, горе Іерусалиму!“ Семь съ половиною лѣтъ раздавался этотъ вопль, который смолкъ при появленіи Римскаго войска, какъ бы видя свое исполненіе. Но вотъ въ одинъ изъ дней осады, когда стѣны были усѣяны защитниками, этотъ вопль еще разъ зловѣще огласилъ Іерусалимскія стѣны: „Горе, горе городу! Горе храму! Горе народу!...“ „Горе и мнѣ!“—закончилъ свою печальную проповѣдь этотъ несчастный, котораго въ ту же минуту поразилъ пращный камень непріятелей, подтвердивъ его приговоръ надъ собою и увѣряя всѣхъ въ непреложности приговора его и надъ всѣмъ остальнымъ.

„Кто захотѣлъ бы поразмыслить объ этихъ событіяхъ, добавляетъ Іосифъ, имѣлъ бы достаточно данныхъ убѣдиться, что Іудеи были сами виновны въ своей погибели, стремясь въ своей слѣпотѣ добровольно въ разверзтую предъ ними пучину. Такъ напримѣръ, когда была разрушена башня Антонія, окружность храма сдѣлалась 4-угольною, а въ пророчествахъ было написано (?), что городъ и храмъ будутъ разрушены, какъ только окружность храма сдѣлается четырех-угольною. Особенно возбуждало Іудеевъ къ поддержанію войны „двусмысленное пророчество“ священныхъ книгъ о томъ, что *вышедшій изъ ихъ страны сдѣлается владыкою вселенной*. Они примѣняли это пророчество къ себѣ самимъ (являясь въ данномъ случаѣ не болѣе невѣжественными своихъ книжниковъ, такъ же толковавшихъ это пророчество). Между тѣмъ, по убѣжденію нашего Іосифа, это предреченіе именно указывало на царство Веспасіана, провозглашеннаго императоромъ дѣйствительно въ ихъ странѣ. И именно *за недовѣріе* этому-то предреченію, Іудеи наказаны гибелью народа и отечества“.

Если правъ Іосифъ отчасти, укоряя своихъ соотечественниковъ въ слѣпотѣ, то—о! въ какой гораздо отчаяннѣйшей слѣпотѣ закоснѣлъ онъ самъ! Мы не

знаемъ ничего въ священныхъ книгахъ о четвероугольной формѣ храма, какъ пророчествѣ и признакѣ наступленія гибели города и храма, которое онъ пріурочиваетъ къ разрушенію башни Антонія—этого чуждаго храму и даже враждебнаго ему зданія, вдававшагося угломъ въ дворъ храма и дѣйствительно нарушавшаго 4-угольную форму храмовой площади. Что касается, затѣмъ, другого пророчества о „Царѣ изъ Іудеи какъ Владыкѣ вселенной“, то только гнуснѣйшая лесть къ своему покровителю и ужаснѣйшая слѣпота могли заставить Іосифа примѣнить это, несомнѣнно, Мессіанское пророчество (Бытія XLIX, 10; Псал. II, 6—8) къ Веспасіану. Правда, только меньшинство изъ Іудеевъ, къ которому не принадлежалъ Іосифъ наравнѣ съ остальнымъ большинствомъ, постигли истинный смыслъ этого пророчества и уразумѣли самое его исполненіе, съ того времени какъ разрушеніе Іерусалима положило конецъ самостоятельной жизни Іудейскаго народа, и всѣ народы начали покоряться вышедшему изъ Іудеевъ Царю Христу Спасителю; но Іосифъ въ своей слѣпотѣ превзошелъ всякое большинство, одинъ дерзнувъ провозгласить сосредоточеніе священнѣйшихъ надеждъ народа Божія въ царѣ-язычникѣ, о которомъ даже сами язычники были далеко несовсѣмъ лестныхъ отзывовъ [1]).

Прослѣдимъ дальнѣйшія данныя Іосифа о судьбѣ Св. Города. Какъ только стало утихать пламя пожарища, римскіе легіоны, пресытившись убійствами и утучнившись добычею, водрузили на обгорѣлыхъ развалинахъ свои знамена и, принеся благодарственныя жертвы, въ громкихъ привѣтствіяхъ провозглашали Тита именемъ императора [2]). Между тѣмъ, остатки защитниковъ не теряли мужества къ отчаянному сопротивленію и—по крайней мѣрѣ, не хотѣли, не шли сдаваться. Нѣсколько священниковъ, перебравшись съ крыши храма на стѣну его, пять дней сидѣли здѣсь въ борьбѣ между жизнію и смертію. Поступокъ отсиживавшагося съ ними мальчика, который вымолилъ у римскихъ часовыхъ позволенія напиться воды и съ наполненнымъ ею кувшиномъ успѣлъ опять ускользнуть на стѣну, оправдываясь на упреки солдатъ, что не злоупотребилъ милостію, такъ какъ приходилъ лишь напиться, а не сдаваться,—приближаетъ къ нашему пониманію состояніе духа этихъ несчастныхъ, которые—еслибъ только это было въ силахъ человѣческихъ—готовы были—казалось—вѣчно сидѣть подлѣ своей поруганной святыни съ единственной отрадой жизни, что они „видятъ“ ее хотя бы въ развалинахъ. Наконецъ, измученные духомъ и тѣломъ, они стали склоняться къ мысли о сдачѣ. Несчастные, они понадѣялись на лучшую участь? Но конечно, они предпочли бы никогда не прибѣгать къ этой надеждѣ, предпочли бы умереть хотя бы самою ужасною добровольною смертію, еслибы только знали на свои просьбы о помилованіи безчеловѣчнѣйшій отвѣтъ Тита: „время милости прошло; то, ради чего я охотно бы васъ помиловалъ, погибло по вашей винѣ: справедливость требуетъ, чтобы и священники понесли ту же участь, до какой они довели и свой храмъ!“ Ихъ, конечно, умертвили.

[1]) Свѣтоній. Весп., особ. 20, 21, 22 и др. То же и о Титѣ, 7.

[2]) *περὶ ἁλ.* VI, 6, 1. Срв. Suet. Tit. 5, Dio Cass. LXVI, 7; Oros. VII, 9, 6 (По Свѣтонію, Титъ даже пришелъ къ подозрѣнію, что это означало его отложеніе отъ Веспасіана и призваніе къ самостоятельному обладанію Востокомъ).

Не мало героизма проявили Симонъ и Іоаннъ Гисхала. Раздираясь зрѣлищемъ объятаго пламенемъ святилища, они съ яростью умиравшихъ львовъ бросались со своими сподвижниками на трепетавшихъ въ алчномъ разыскиваніи добычи—Римлянъ. Живыя непроницаемыя стѣны послѣднихъ не могли выдержать напряженныхъ отчаяніемъ силъ и раздались, открывъ имъ путь отступленія въ верхній городъ, на гору Сіонъ. Здѣсь, около его еще нетронутыхъ грозно стоявшихъ укрѣпленій сплотились разъяренные сподвижники Симона и Іоанна, готовые отстаивать до послѣдней капли крови послѣдніе остатки своего отечества, порабощаемаго его смертельными врагами. Была минута, когда въ этой послѣдней отчаянной рѣшимости, повидимому, замѣтно было колебаніе: вожди Іудеевъ „потребовали переговоровъ съ Титомъ“. Надѣялся ли онъ, дѣйствительно, на большую сговорчивость Іудеевъ и на возможность спасти хотя остатокъ города [1]), только онъ далъ свое согласіе на переговоры, состоявшіеся на югозападномъ углу храма, гдѣ мостъ чрезъ долину Тиропеонъ соединялъ храмъ съ верхнимъ городомъ. Это была торжественная знаменательная минута. Римляне стояли по одну сторону долины, Іудеи по другую,—тѣ и другіе густою толпою. Тѣ съ едва сдерживаемымъ негодованіемъ, эти въ смиренной задумчивости и нерѣшительной покорности. Запретивъ своимъ всякое обнаруженіе гнѣва и враждебныхъ попытокъ, Титъ, черезъ переводчика, первый по праву побѣдителя возвысилъ голосъ. Вотъ главнѣйшія мысли его любопытной рѣчи въ передачѣ ея Іосифомъ, которыя въ интересахъ истины мы, гдѣ слѣдуетъ, должны снабдить неизлишними замѣчаніями:

„Ну, насытились ли вы несчастіями вашего отечества?! Безумцы! вы не взвѣсили нашей силы и собственной слабости. Своимъ глупымъ увлеченіемъ и своею слѣпою яростію вы погубили свой народъ, свой городъ и свой храмъ. Справедливо постигла васъ эта гибель: съ самаго того времени, какъ вы были побѣждены Помпеемъ, вы непрестанно находили поводы *(? а кто ихъ давалъ? Не Римъ ли?)* къ возмущеніямъ и покончили открытымъ бунтомъ и объявленіемъ войны Римлянамъ. И что васъ подбило къ войнѣ? Многочисленность? Но вѣдь предъ вами только ничтожнѣйшая часть Римскаго войска.... (*Конечно, не многочисленность, а нестерпимый гнетъ: при томъ—только Римлянамъ свойственно считать многочисленность и силу правомъ для поглощенія меньшинства и слабости. Іудеи бо́льшаго не желали, кромѣ свободы въ своихъ національныхъ особенностяхъ и на своей землѣ).* Понадѣялись вы на ваши физическія силы? Но вы знали, что и Германцы сдѣлались нашими рабами *(Пустое и безполезное внушеніе! Борьба за свободу сильна не*

[1]) Что касается „природнаго человѣколюбія“ Тита, которое по Іосифу такъ же побуждало его согласиться на переговоры, то Іосифъ сейчасъ же заставляетъ и заподозривать его, добавляя, что онъ *только по совѣту друзей* согласился на это, а друзья были способны на это—только съумѣвъ убѣдить Тита, что „разбойники приходятъ въ раскаяніе“. (VI, 6, 2).

физической силой, а своей идеей). Слишкомъ вѣрили вы въ прочность вашихъ стѣнъ? Но чего стоитъ какая бы то ни было стѣна въ сравненіи съ моремъ-океаномъ? А Британцы, огражденные океаномъ, покорились Римскому оружію *(Пустое самохвальство! Не хуже всякаго моря-океана Іерусалимскія стѣны не уступили бы никогда Римскому оружію, если бы, къ несчастію, междоусобія и недостатокъ единодушія въ самый разгаръ войны не ослабили силы Іудеевъ).* Разсчитывали вы на твердость и хитрость вашихъ вождей? Но вы очень хорошо знали, что и сами Карѳагеняне погибли подъ нашими ударами *(Да, но и при всемъ томъ едвали бы погибли Іудеи, если-бъ хоть немного среди ихъ вождей поменьше было Іосифовъ, и побольше свободы—Симоновъ и Іоанновъ).* Только одно *снисхожденіе* къ вамъ Римлянъ возстановило васъ противъ нихъ *(Эту нелѣпость о снисхожденіи не стоитъ и опровергать).* Сначала мы сохранили независимость вашей страны *(да она и не искала сама Римскаго рабства!),* дали вамъ царей изъ вашего же народа *(Иродовъ?),* мы оставили вамъ ваши законы *(еще бы!)* и *дозволили (скажите, какая милость?)* вамъ жить по этимъ законамъ не только въ *своей* странѣ, но и среди другихъ народовъ, какъ вамъ было угодно; еще больше—мы дали вамъ право требовать дань во имя вашего Бога и принимать дары *(Какъ въ самомъ дѣлѣ неблагодарны Іудеи къ Римлянамъ, когда имъ долженъ быть такъ благодаренъ Самъ ихъ Іегова!)*... И въ благодарность за всѣ эти благодѣянія вы воздали намъ однѣми непріятностями, вы, подобно ехиднамъ, изрыгали свой ядъ на вашихъ же благодѣтелей *(что̀ можетъ быть нелѣпѣе и смѣшнѣе этого?).* Пусть такъ, въ глупостяхъ Нерона былъ поводъ для васъ отнестись къ нему съ презрѣніемъ; но..... мой отецъ явился въ эту страну не наказывать васъ за ваше поведеніе.., а просто для того чтобы дать вамъ внушеніе и принести успокоеніе *(и для этого надо было собирать легіоны?);* если бы онъ имѣлъ намѣреніе уничтожить вашъ народъ, онъ бы разомъ истребилъ зло въ его корнѣ *(и однакожъ, не посмѣлъ!);* онъ бы, во первыхъ, уничтожилъ этотъ городъ *(если бы только его самого не уничтожили какъ Цестія!),* а вмѣсто этого онъ занялся усмиреніемъ Галилеи и окружающихъ областей, чтобы дать вамъ время одуматься *(а какъ же, однако, Іосифъ (IV, 6, 2—3) въ другомъ мѣстѣ намъ говорилъ, что это было сдѣлано съ цѣлью дать время Іудеямъ самимъ истощить свои силы въ междоусобіяхъ?).* Эту доброту съ его стороны *(вѣрнѣе—солдатскую разсчетливость!)* вы приняли за слабость, и его снисхожденіе *(нѣтъ, это былъ цѣлый жестокій замыселъ; чѣмъ раньше Веспасіанъ подступилъ бы къ стѣнамъ города, тѣмъ гибельнѣе было бы это для него самого и тѣмъ больше силъ сберегъ бы онъ въ Іудеяхъ для борьбы со врагомъ)* только подогрѣло вашу дерзость. Умеръ Неронъ; междоусобная война поставила имперію въ трудное положеніе. И вотъ въ этомъ то и есть ваше величайшее преступленіе, что вы воспользовались именно этими затруднительными обстоятельствами имперіи для того, чтобы еще болѣе увеличить ихъ своими дерзкими притязаніями *(какъ же послѣ этого назвать на языкѣ Римлянъ вышеупомянутый пріемъ Веспасіана, старавшагося поддерживать такія же затруднительныя обстоятельства въ Іудеѣ, чтобы потомъ воспользоваться ими? И ужели отстаиваніе неутерянныхъ вовсе правъ на свободу—дерзкое притязаніе?)....* Вы не постыдились продолжать свой бунтъ противъ признанныхъ императоровъ, когда они на опытѣ *(горькій опытъ!)* доказали себя самыми человѣколюбивѣйшими вождями (!)... То печальное повелѣніе, которое я пришолъ исполнить надъ вашимъ городомъ, отецъ мой далъ нé-хотя (?). Поэтому, я возрадовался, услышавъ, что народъ желаетъ мира *(когда?).* Еще до открытія военныхъ дѣйствій я просилъ васъ отказаться отъ войны *(на какихъ условіяхъ? на прежнихъ невыносимыхъ?)* Долго я щадилъ васъ въ битвахъ (?). Я не отвергалъ перебѣжчиковъ и *(распиналъ ихъ на крестахъ!)* вѣрно (?) держалъ данное имъ мною слово.... Противъ сердца употреблялъ я стѣнобиты противъ вашихъ стѣнъ, и всегда сдерживалъ моихъ солдатъ, жаждавшихъ вашей крови. Когда я добрался до вашего святилища, я снова забылъ военные законы: я умолялъ васъ пощадить ваше святое мѣсто и сохранить храмъ для васъ же самихъ.....; если уже вамъ хотѣлось войны, я предлагалъ вамъ избрать для битвы другое мѣсто. Но вы все презрѣли! Вы сами зажгли храмъ собственными руками (*мы уже знаемъ, что Іудейскимъ „Геростратомъ“ былъ самъ Титъ, и значитъ—Іосифъ здѣсь безсовѣстнѣйшимъ образомъ клевещетъ на своихъ соотечественниковъ, отстаивая честь Кесаря въ событіи, которое тотъ даже и неспособенъ былъ считать для себя позоромъ!*). И только теперь, злодѣи, (*что̀ должны были чувствовать бѣдные Іудеи при этой нетактичности Тита, на котораго имъ хотѣлось теперь надѣяться?*) вы, наконецъ, захотѣли вступить въ переговоры. Что̀ вы хотите теперь спасать? Какой милости вы достойны (*гдѣ̀ ужъ милости, хотя бы простого уваженія къ удивительнѣйшей храбрости!?*) послѣ разрушенія храма? Вы доведены до послѣдней крайности, а все еще стоите предо мною съ оружіемъ въ рукахъ; вы только притворяетесь умоляющими. Несчастные, чего вы ждете? Вѣдь вашъ народъ уничтоженъ; храмъ погибъ, городъ въ моихъ рукахъ, все имущество ваше въ моей власти (*слезы крокодила!*) Кладите оружіе, сдавайтесь, я сохраняю вамъ жизнь, какъ милостивый господинъ“ [1])!

Но—не того хотѣли до конца вѣрные себѣ храбрецы! Съ ядовитою бранью простираемая милостыня Тита въ видѣ жизни была для нихъ въ эти минуты оскорбительнѣе и несноснѣе самаго позорнаго наказанія и смерти, и—если бы они были готовы хотя на самый меньшій позоръ, быть можетъ приняли бы её. Но они не нашли въ себѣ силъ даже и для этого, они не могли сдаться, послѣ того какъ поклялись ни въ какомъ случаѣ не дѣлать этого, и требовали отъ великодушія Тита лишь одного — дозволить имъ съ своими женами и дѣтьми свободно перейти противоокопы и удалиться въ пустыню [2]) докоротать тамъ свою плачевную жизнь. Только не понимавшему этихъ удивительныхъ героевъ идеи Титу, да не хотѣвшему сознаться въ пониманіи ихъ

---

[1]) VI, 6, 2.
[2]) VI, 6, 3.

Іосифу—это классически-трогательное требованіе могло казаться нелѣпостію, компрометирующею честь побѣдителя. Во всякомъ случаѣ, Титъ съ негодованіемъ отвергъ ихъ просьбу, прозвучавшую для него прямою дерзостію, что эти люди, на дѣлѣ уже плѣнные, осмѣливаются предлагать ему условія, какъ бы побѣдители. Послѣдовалъ классически-жестокій отвѣтъ—отказаться въ такомъ случаѣ отъ всякой надежды на помилованіе и принять мѣры къ огражденію своей жизни, по отношенію къ которой Римляне желаютъ воспользоваться всѣми строгостями въ духѣ войны. Вслѣдъ затѣмъ, по вандальскому повелѣнію Тита,—Офла, архивъ, судилище, нижній городъ (до Силоама) отданы были въ добычу пламени. Вся добыча, однако, какую могли при этомъ получить Римляне, уже была въ рукахъ Іудеевъ, захватившихъ съ собою все, что поцѣннѣе, въ верхній городъ. Здѣсь, запертые и сплотившіеся Іудеи рѣшили стоять до послѣдней крайности, соблюдая клятву не сдаваться и отсрочивая свою участь до полнаго уничтоженія города и храма. Можно не видѣть ничего жестокаго въ томъ, что при такомъ настроеніи Іудеи были не въ силахъ сдержать свое презрѣніе къ нѣсколькимъ замѣшавшимся въ ихъ среду жизнелюбцамъ, обнаружившимъ попытку перебѣжать въ лагерь Рима, и смертельными ударами предупреждали таковыхъ въ позорномъ малодушіи [1]).

Для взятія верхняго города Титъ еще разъ долженъ былъ прибѣгнуть къ проведенію насыпей—этой весьма трудной и неудобной операціи въ особенности здѣсь, при крутизнѣ окружавшихъ со всѣхъ сторонъ эту часть города обрывовъ и при недостаткѣ строительнаго матеріала. Болѣе полумѣсяца (съ 20 Лоя=Ab, Августъ, до 7 Горпіея=Елулъ, Сент.) длились новыя работы, и въ результатѣ ихъ позиція Іудеевъ съ двухъ сторонъ грозными насыпями была сдѣлана доступною для уязвленія (у сѣверо-зап. угла верхняго города близь дворца Ирода, и у сѣверо-восточнаго—близь т. наз. Ксистосъ). Къ несчастію, Іудеи, изнуренные продолжительными бѣдствіями осады и много разочарованные въ своихъ надеждахъ, оказывались все менѣе и менѣе энергичными въ противодѣйствіи Римлянамъ, и послѣдніе съ меньшими, чѣмъ можно было ожидать отъ такой позиціи, усиліями стали вытѣснять изъ нея засѣвшихъ. Уступая невозможности противостоять долѣе врагу, Іудеи начинали искать спасенія, кто какъ могъ, и безпомощно опускали утомившіяся въ непосильной борьбѣ руки. Долѣе другихъ не склонялись предъ этою тяжкою необходимостью достойные вожди Іоаннъ и Симонъ, которые послѣ геройской, но неудачной попытки пробиться сквозь цѣпь Римлянъ, скрылись въ подземельяхъ Силоамскаго оврага [2]). Не успѣвшіе или недогадавшіеся сдѣлать

[1]) *п. а.* VI, 6, 3; 7, 2—3.

[2]) Оба они, впрочемъ, такъ же наконецъ положили оружіе и позволили съ собою дѣлать Римлянамъ что угодно. Замѣчательно, что Іоанну Гисхалѣ была оставлена жизнь. Если его поведеніе во время осады было дѣйствительно такъ ужасно, какъ его описываетъ Іосифъ, не иначе называя его какъ разбойникомъ, то такое снисхожденіе нельзя не назвать по меньшей мѣрѣ страннымъ. Симонъ сдался только уже въ Октябрѣ, выйдя изъ подземелья, въ которомъ онъ пробивалъ съ небольшою дружиною проходъ черезъ противоокопы. Страдая отъ недостатка пищи, онъ такъ же вышелъ къ Римлянамъ и скончалъ жизнь въ Римѣ отъ удушенія (*п. а.*. VII, 5, 6; Dio Cass. LXVI, 7.

этого безпомощно повергались на землю, заглушая горькими воплями о своей участи—крики неистовствовавшихъ и не щадившихъ никого и ничего Римлянъ. Впрочемъ, они и сами себя уже не хотѣли щадить послѣ того, какъ приходилось переживать гибель отечества. И есть особенная трогательность въ томъ безпримѣрномъ событіи, что до 11,000 согнанныхъ во „дворъ женщинъ“ плѣнниковъ добровольно уморили себя голодомъ, не принимая пищи изъ руки своихъ враговъ. До 97,000 плѣнниковъ продано въ рабство или погибло отъ руки гладіатора или отъ зубовъ дикихъ звѣрей, потѣшая зрителей. Наконецъ, до 1,100,000 погибло за время всей осады (возможность послѣдней цифры Іосифъ пытается подтвердить статистикой (число жертвъ 256500×20). Все же цифра кажется преувеличенной.

Такъ, послѣ 5-мѣсячной осады, Св. Городъ, наконецъ, палъ отъ меча Римлянъ и навсегда похоронилъ въ пеплѣ и развалинахъ величіе Израиля [1])!

Паденіе Іерусалима, дававшее Титу право на тріумфъ, не было, однако, окончательнымъ подавленіемъ возстанія Іудейскаго [2]). Шайки возстанцевъ занимали еще сильныя крѣпости—Ироділнъ, Махерунтъ и Масаду, взятіе которыхъ было поручено тогдашнему намѣстнику Сиріи и Палестины, Люцилію Бассу (Lucilius Bassus). Первая изъ нихъ пала безъ особеннаго сопротивленія; вторая держалась нѣсколько дольше и могла бы доставить слишкомъ много хлопотъ Римлянамъ, если бы не плѣненіе послѣдними одного отважнаго юноши—Елеазара, который своею участію—приговоръ къ распятію—возбудилъ

[1]) Весь городъ былъ сравненъ съ землею: только 3 башни Иродова дворца (Гиппикъ, Фасаилова и Маріаммова) и часть стѣнъ оставлены нетронутыми, первыя—какъ показатель необычайной прочности города, послѣднія—какъ защита для оставленнаго на пепелищѣ гарнизона.

Похвальною рѣчью, наградами отличившихся и жертвами и празднествами ознаменовалъ Титъ окончаніе этой трудной и стоившей столькихъ жертвъ осады.

[2]) Послѣдующіе два года (71—73) были полны печальныхъ отголосковъ Іудейскихъ бѣдствій. Покончивъ съ Іерусалимомъ, Титъ отправился прежде всего въ Кесарію, ведя съ собою тысячи плѣнниковъ. Потоками крови этихъ плѣнниковъ, въ борьбѣ со звѣрями и гладіаторами, отпраздновалъ онъ день рожденія своего брата (Домиціана) въ Кесаріи Филипповой (24 Окт. *п. а'.* VII, 2, 1), а въ Беритѣ еще съ большею „пышностію“, т. е. кровопролитіемъ—день рожденія отца (17 Ноября). Такія же празднества ознаменовывали его прибытіе въ каждый другой, болѣе или менѣе значительный городъ (Антіохія, Зевгма, Александрія). То, что происходило въ Римѣ при возвращеніи побѣдителя, превосходило все прежнее. Разсказъ Іосифа о тріумфѣ (71 г.) побѣдителямъ Іудеи отличается достаточною подробностію, хотя едва ли можно назвать хорошо удавшеюся его попытку соединить въ этомъ разсказѣ угодливость самолюбію Римскаго читателя съ утѣшеніемъ самолюбію Іудеевъ, побѣдъ надъ которыми всесвѣтные побѣдители придавали такое важное значеніе, *περὶ λ'.* VII, 5, 3—7. Dio Cass. LXVI, 7. Свѣтоній. Нѣкоторые трофеи Іудейской войны, несенные въ тріумфальномъ шествіи, донынѣ можно видѣть на полустертыхъ барельефахъ „Арки Тита“ (семисвѣщникъ и столъ съ хлѣбами предложенія), которую евреи избѣгаютъ доселѣ. Замѣтимъ здѣсь, что монеты Веспасіана, Тита и Домиціана имѣютъ надпись: *Ἰουδαίας ἑαλωκυίας*, Judaea devicta, Judaea capta.

такое сожалѣніе Іудеевъ, что они „для спасенія его сдали весь городъ"; наконецъ, третья—Масада, брать которую выпало на долю Флавія Сильвы (преемника умершаго Л. Басса), стояла упорнѣе всѣхъ, защищаемая сильнымъ отрядомъ зилотовъ, подъ предводительствомъ Елеазара сына Іаирова, потомка извѣстнаго Іуды Галилеянина, подобно своему предку не хотѣвшаго признавать надъ собою ничьей власти, кромѣ Іеговы. Расположенная на вершинѣ чрезвычайно высокой и обрывистой скалы, обнесенная несокрушимыми стѣнами—крѣпость эта перешла въ руки Римлянъ при совсѣмъ необычайныхъ условіяхъ: 43-саженный холмъ должны были насыпать Римляне, чтобы сравнять уровень скалы съ уровнемъ крѣпости и имѣть возможность подвести къ ея стѣнамъ свои стѣнобиты. Честь этого подвига, не смотря на всѣ его трудности, удалось стяжать Римлянамъ. Удалось.... послѣ долгихъ тщетныхъ ударовъ и пробить первую стѣну. За открывшимся проломомъ, однако, тотчасъ-же показалась другая, которая, состоя изъ двухъ рядовъ брусьевъ, наполненныхъ въ промежуткѣ землею, только уплотнялась и укрѣплялась еще болѣе отъ грузныхъ ударовъ тарана. Но когда и для этой преграды Римляне придумали гибель, подложивъ огонь, опоясавшій тотчасъ же огненнымъ кольцомъ всю крѣпость, защитники послѣдней прибѣгли къ геройски—трагическому средству спасти свою жизнь отъ меча и постыднаго рабства Римлянамъ. Собравъ около себя своихъ достойныхъ сподвижниковъ (около 1000 человѣкъ), Елеазаръ въ сильной рѣчи убѣдилъ ихъ погибнуть вмѣстѣ съ пылавшимъ городомъ „истинными Израильтянами", не знающими рабства „ни Римлянамъ и никому другому, кромѣ единаго Бога" [1]), и.... собственный мечъ Іудея тотчасъ же началъ свою работу, предупреждая вражескій мечъ Римлянъ. Послѣ трогательныхъ слезныхъ прощаній, отцы и мужья первые отвѣтили на нѣжныя объятія дорогихъ своихъ—дѣтей и женъ—ударами мечей, ни на минуту не дрогнувъ рукою, не разслабляясь сердцемъ. Затѣмъ, обнимая дорогіе сердцу трупы, несчастные одинъ за другимъ принимали смертельные удары меча избранныхъ 10 палачей. Когда, наконецъ, и изъ этихъ послѣднихъ остался только одинъ, среди груды труповъ и зажженныхъ зданій и сокровищъ, онъ твердою рукою вонзилъ и себѣ въ грудь мечъ, павъ на трупы своихъ товарищей. При гробовомъ молчаніи, вошли побѣдители въ никѣмъ не защищаемый городъ, и только 2 женщины и пятеро дѣтей, какъ-то успѣвшихъ скрыться въ подземельѣ, могли повѣдать имъ страшную судьбу героевъ, оспорившихъ у Римскаго меча послѣднюю честь—кончить безпримѣрную въ исторіи войну за независимость [2]).

Такъ погибъ народъ, взлелѣявшій Утѣху всего человѣчества! Погибъ не безславно, но такъ, что изъ глубины совѣсти всякій поистинѣ можетъ провозгласить: ***„ни одинъ народъ не погибалъ столь великимъ и достойнымъ образомъ, какъ народъ Іудейскій!"***....

---

[1]) Весьма важная мысль, указывающая на болѣе глубокія причины Іудейскаго возстанія, чѣмъ только недовольство Римскимъ владычествомъ.

[2]) VII, 8, 1—7; 9, 1—2. Это было уже въ 4-й годъ Веспасіана (VII, 7, 1) т. е. (срв. Tacit. Hist. II, 79) весной 73 г. срв. Ewald, VI, 811.

Вся территорія Іудейская, какъ собственность государственной казны, распродана была частнымъ собственникамъ. Населеніе ея, уцѣлѣвшее отъ ужасовъ войны, представляло одинъ нищій слабый пролетаріатъ; Іудейское начальство болѣе не существовало. Установленная ежегодная дань, платимая Іудеями въ пользу храма, пошла на нужды капища Юпитера Капитолійскаго. Къ истребленію народа Іудейскаго было, такимъ образомъ, сдѣлано все, что только лежало во власти человѣка. Единственнымъ объединительнымъ пунктомъ, остававшимся народу, былъ его законъ, вѣрный которому до сихъ поръ—этотъ народъ, разсѣянный по всему лицу земному, не хочетъ примириться съ несбыточностію своихъ религіозно-политическихъ надеждъ, и — олицетворяя современное пришествію Мессіи ослѣпленіе народа Божія, пребудетъ величественнымъ и достовѣрнѣйшимъ памятникомъ Христовой истины до того предопредѣленнаго „конца временъ", когда и этотъ „останокъ" сыновъ Израилевыхъ (Римл. 9, 27) олицетворитъ полноту спасенія, не ограничиваемую непокорствомъ немногихъ!.....